

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929206 4

БИБЛИОТЕКА 431

А. А.

ЗАЕШНИКОВА.

Шкафъ.....

Полка.....

№.....

(Cellar)
13E1

*907

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ διὰ τί αἰσχρὸν, τοὺς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γνῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὁρῶ
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγυμνοῖσι οὐχ ὁμοίαν κατασκοπέειν τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

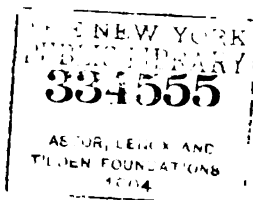
ТОМЪ ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ПЯТЫЙ.

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

оъ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 31 октября 1847.

Ценсоръ А. Никитенко.
Ценсоръ И. Срезневскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ПЯТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Спекуляторы. Романъ. <i>И. Бухомана</i> . Часть пятая и последняя.	1. ✓
Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. <i>А. Вельтмана</i> . Часть одиннадцатая.	87

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Записки Врача. Романъ. <i>Александръ Дюма</i> . Часть десятая.	1. ✓
Томъ — Часть десятая.	219.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Путешествіе и открытія лейтенанта <i>Л. Загоскина</i> въ Русской Америкѣ. Статья пятая.	1.
Тоже — Статья шестая и послѣдняя.	123.
✓ Жизнь и переписка <i>Давида Юма</i>	49.
Воспоминаніе о <i>Бородинскомъ монастырѣ. И.</i>	121.
Открытія господъ <i>Дэниеля, Спретта и Форбза</i> въ древней <i>Ликіи</i>	155.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О работѣ дѣтей и женщинъ на фабрикахъ. <i>Р. Н—на</i> . Статья первая.	1.
Тоже — Статья вторая и послѣдняя.	29.

V.

КРИТИКА.

Опытъ о народномъ богатствѣ и началахъ политической экономіи. Сочиненіе <i>Александра Бутовскаго</i> . Санктпетербурга, 1847. Три части. Статья первая.	1.
Тоже — Статья вторая.	25.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Октябрь, 1847. Новыя книги и брошюры.	1.
— — Разныя извѣстія.	21.
Ноябрь, 1847. Новыя книги и брошюры.	23.
— — Разныя извѣстія.	41.

VII.

С М Ъ С Ъ.

Н О Я Б Р Ъ.

Надгробный памятникъ римскаго булочника.	1.
Скиавоне, Тицианъ, Джорджоне. Дѣва, питающаяся розами.	3.
Корсика. Бандиты. Вендетта. Лукезцы. Земледѣліе и про- мышленность. Вочеры.	11.
Выставка невестъ въ Швеціи. Изъ отчета о путешествіи барона Проспера Сибюе на Скандинавскій Полуостровъ и Сѣверный-Мысъ.	24.
Возведеніе въ степень ученаго Мандарина.	27.
Торговля вдовами въ Парижѣ.	30.
Животно-магнетическій сеансъ у госпожи Александра Дюма.	30.
Ральфъ Вальдо Эммерсъ, американскій поэтъ и философъ.	36.
Французскій театръ въ Парижѣ.	70.
Музыкальныя новости.	74.
Новыя французскія книги	101.
Моды.	106.

Д Е К А Б Р Ъ.

Новая планета, Флора.	109
Планета Ирида.	109

Спутники и кольцо планеты Нептуна.	110.
Источники Нила Благо и Сиваго.	110.
Движеніе морскаго уровня.	111.
Внутренній огонь Земнаго Шара.	111.
Теорія образованія росы.	113.
Касениъ, или кофенна.	114.
Размноженіе корнеплодныхъ растений, посредствомъ кожницы плоды.	115.
Философія цвѣтовъ. Рѣчь господина Ламартина:	116.
Юліанъ Отступникъ.	124.
Эйрикъ, вестготскій священникъ. Романъ португальскаго пи- сателя Александра Эркуладо.	143.
Литературныя новости во Франціи. Виконтъ де Бражлонъ. Романъ Александра Дюма: <i>В. Дерикеръ</i> . Часть первая.	174.
Французскій театръ въ Парижѣ.	262.
Музыкальныя новости.	273.
Новыя французскія книги	326.
Новыя музыкальныя сочиненія	329.
Моды	334.

11

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

СПЕКУЛЯТОРЫ.

=

РОМАНЪ.

=

ЧАСТЬ ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Нозельскій спдѣлъ у себя.

На кругломъ столѣ въ его кабинетѣ лежала игра изломанныхъ, взятыхъ картъ, онъ сейчасъ только кончилъ играть съ сыномъ Ивана Ильича, Павломъ Ивановичемъ Луринимъ.

Передъ Нозельскимъ лежали деньги, и онъ съ нѣкотораго рода удовольствіемъ перекладывалъ ихъ въ своемъ бумажникѣ. Онъ такъ давно не выигрывалъ.

Но надобно сказать нѣсколько словъ о сынѣ Ивана Ильича.

Павлу Ивановичу Лурпу было теперь осьмнадцать лѣтъ. Отецъ любилъ его до безумія. Я уже говорилъ что Иванъ Ильичъ послѣ смерти жены своей былъ близокъ къ сумасшествію, и что когда

находили на него пароксизмы болѣзни его души, пароксизмы отчаянія, тогда сынъ для него былъ единственнымъ утѣшеніемъ, единственнымъ лекарствомъ противъ его бѣшеныхъ порывовъ. Луринъ въ сынѣ видѣлъ продолженіе жизни своей Олиньки, которую любилъ даже и послѣ ея смерти.

Любовь къ сыну напоминала Лурину мечь, и Луринъ клялся мстить....

Но отыскивая своего врага, онъ оставилъ сына на рукахъ гувернеровъ.

По прїѣздѣ въ Петербургъ Луринъ занялся спекуляціями.

Жизнь спекулятора ему нравилась, она отводила его мысли отъ мучительныхъ воспомнаній, отъ прошлаго, и занимала его, тѣмъ болѣе что не желая вмѣшиваться свою фамилію и дѣйствуя подъ чужимъ именемъ, Луринъ долженъ былъ умѣть скрываться, долженъ былъ безпрестанно соображать, разсчитывать, рисковать. Въ спекуляціяхъ, кромѣ обогащенія, Луринъ видѣлъ еще другую цѣль, цѣль которой онъ поклялся посвятить свою жизнь; эта цѣль — мечь оболстптелю его жены.

И спекуляціи поглотили себѣ весь умъ Луринна, всё его способности, всю его энергію, замѣняли ему ощущенія игры, но за то заставили развитіе сына предоставить самому себѣ, заставили не наблюдать за страстями, которыя Павелъ Ивановичъ Луринъ наследовалъ отъ своего отца.

Я сказалъ, что Иванъ Ильичъ любилъ своего сына до самозабвенія, потому ни въ чемъ не отказывалъ ему, и, слѣдовательно, самъ развивалъ его прїхоти.

Иванъ Ильичъ помнилъ, что онъ сталъ игрокомъ отъ нужды; хотѣлъ не допустить до этого своего сына и назначилъ, только что ему минуло шестнадцать лѣтъ, двадцать-тысячъ въ годъ на маленькіе расходы.

— Надобно дать волю молодому человѣку, думалъ Луринъ.

Но несмотря на любовь и на баловство сына, Иванъ Ильичъ не былъ слабымъ отцомъ, который бы не умѣлъ поставить сына своего въ зависимость отъ себя.

Павелъ Ивановичъ боялся своего отца инстинктивно, онъ будто чувствовалъ эту желѣзную волю, которая составляла главное выраженіе характера Ивана Ильича, и Павелъ Ильичъ, ни когда не встрѣчая отказа на свои просьбы, трепеталъ, когда ему нужно было что-нибудь у отца спросить.

Онъ дрожалъ передъ однимъ взглядомъ отца. Это-то противу-

положности въ воспитаніи образовали характеръ молодого Луринна.

Онъ былъ вѣтреный молодой человѣкъ, который страстно любилъ игру, лошадей, мотовство, и молодой Луринъ уже понималъ что такое хорошенькая женщина...

У Ивана Ильича иногда невольно вырывались замѣчанія о жизни, о людяхъ, о благородствѣ, замѣчанія которыя отвѣтствовали правиламъ холоднаго невѣрующаго. Павелъ Ивановичъ ловилъ эти замѣчанія отца, развивалъ ихъ, и сталъ мальчикомъ безъ всякихъ правилъ, безъ всякаго религіознаго убѣжденія.

Онъ любилъ мотать; аэристы на него рассчитывали съ двѣнадцати лѣтъ, Ноэльскій давно уже думалъ, какъ бы помочь воспитанію, и безъ того уже безразличному, чтобы выиграть у сына деньги, выигранныя и нажитыя его отцомъ.

Поощряя его страсти, Ноэльскій умѣлъ довести Павла Ивановича до откровенности съ нимъ. Павелъ Ивановичъ Луринъ рассказывалъ Ноэльскому о своихъ шалостяхъ и игралъ съ нимъ въ карты; Ноэльскій проигрывалъ ему, хоть бездѣлку, но проигрывалъ; этимъ поддерживалъ онъ у молодого Луринна расположеніе и къ игрѣ и къ шалостямъ. Луринъ, назначая содержаніе своему сыну, думалъ: надобно дать волю молодому человѣку. Онъ и не думалъ, что воля его сына направлена и постоянно направляется къ самымъ недостойнымъ цѣлямъ. Онъ зналъ, что нужда заставляетъ покуситься на многое, и впалъ въ другую крайность: сыну его было мало двадцати-тысячъ мелкихъ расходовъ, онъ сталъ дѣлать долги.

Ноэльскій только что воротился отъ Ивана Ильича, который обѣщалъ ему привезти карты для игры съ Батугиннымъ, въ которыя Ноэльскій непременно выиграетъ. Но теперь ему была крайность въ деньгахъ, даже нечего было давать на домашніе расходы.

Вошелъ молодой Луринъ.

— Не пора ли сколько-нибудь у него выиграть, подумалъ Ноэльскій, и выигралъ у него пять-сотъ рублей серебромъ, мѣсячные расходы Луринна.

Павлу Ивановичу тоже очень нужны были деньги. Онъ обѣщалъ отвезти ихъ одной женщинѣ, которая хотѣла споспѣшествовать ему въ питригѣ. Онъ по прежнимъ опытамъ думалъ что выиграетъ, сталъ играть съ Ноэльскимъ и проигралъ.

Въ полной досадѣ поѣхалъ Луринъ къ этой женщинѣ безъ денегъ.

Ноэльскій въ другой разъ пересчиталъ выигранныя пять-сотъ рублей серебромъ. Этого незначительный выигрышъ ласкалъ его почту, давалъ надежду на большее, казался ему хорошимъ началомъ игры, которая его поправитъ.

Ноэльскій думалъ: такъ когда вибудь я возьму у Луринна пять-сотъ-тысячъ. И онъ сталъ думать о картахъ, которыя обѣщаль Иванъ Ильичъ ему привезти.

— Удивительная, непонятная вещь, думаетъ Ноэльскій. На эти карты можно обыграть цѣлый свѣтъ. По-крайней-мѣрѣ все что играетъ. Просто непонятно. Какимъ образомъ? Только Иванъ Ильичъ знаетъ такіа удивительныя вещи, зато сынъ его.... Да и самъ Иванъ Ильичъ, не знаетъ опъ.... А если бы зналъ? не привезъ бы онъ мнѣ картъ.... А теперь я выиграю милліоны, я не буду довольствоваться двумя, развѣ двадцать.... Что я! надобно взять прежде пять-сотъ-тысячъ Батугина, а уже потомъ... да я не знаю секрета картъ, можетъ-быть Луринъ другихъ и не дастъ.... По этимъ я узнаю, что же вибудь да есть, нынче въ колдовство не вѣрятъ... а у Батугина? Конечно, я возьму.... И у меня будетъ пять-сотъ-тысячъ, тутъ я сниму откупъ....

— Пріѣдетъ ли онъ? спрашивалъ себя Ноэльскій: если ему извѣстно положеніе моихъ дѣлъ, то онъ не пріѣдетъ. Что ему у меня выигрывать! Надобно распустить слухъ, что пріѣхалъ изъ Москвы помѣщикъ, и проигралъ мнѣ тысячъ-пятьдесятъ серебромъ; или еще сперва не проигралъ, а только что у него есть эти пятьдесятъ-тысячъ, а послѣ что уже проигралъ, и именно мнѣ. Тогда Батугинъ будетъ играть охотнѣе и уѣдетъ безъ всего.... Да, надобно написать къ нему.

Ноэльскій написалъ приглашеніе къ Батугину и отослалъ.

— У него всегдашняя привычка возить съ собой всѣ свои ломбардные билеты, эти билеты перейдутъ ко мнѣ и у меня разомъ будетъ полмилліона. Ну, какой работой, какимъ трудомъ можно нажить въ одинъ день полмилліона, а тутъ пять тай и все наше....

Подъ залоги Дашеньки я сниму откупъ, потомъ сниму доставку матеріаловъ, возьму акціи шароходства, потомъ продовольствіе всей арміи возьму на себя, а послѣ, когда секретъ объявится, самъ устрою шароходы, подорву Гильмора, возьму монополию....

И Ноэльскій мечтая задремалъ.

Во снѣ ему представилась игра, золото, и кровь его волнова-

лась, лице судорожно двигалось, даже кожа на его черепѣ принимала участіе въ общемъ волненіи.

Ему показалось будто кто-то вошелъ, онъ проснулся, никого не было. Ноэльскій позвонилъ.

— Чтò, не приходилъ отъ Батугина? спросилъ Ноэльскій.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ человѣкъ.

Ноэльскій сталъ опять мечтать; онъ чувствовалъ что мечты его увлекаютъ за предѣлы возможнаго, что его предположеніе невозможно исполнить и съ двадцатью милліонами, и ему хотѣлось оторваться отъ мечтательныхъ предположеній, хотѣлось думать, но онъ не могъ, мечты сами лѣзли въ его голову. Ноэльскій, облокотясь на спинку креселъ, дремалъ.

Но зрачки его двигались, нижняя губа дрожала, руки тряслись. Онъ иногда говорилъ нѣсколько невнятныхъ словъ, иногда дѣлалъ движеніе и потомъ опять погружался въ полузабытчество. Сила мечты двигала его.

Ноэльскому принесли письмо.

«За особенное удовольствіе поставлю быть у васъ, Дмитрій Семеновичъ, только не скоро. У насъ устранивается въ Павловскѣ пивникъ, я хозяйничаю, и потому ѣду туда сегодня и, вѣроятно, прежде недѣли не освобожусь. Уговорите вашего пріѣзжаго, чтобы онъ до меня ни кому не проигрывался.

«Всегда готовъ служить и прочая.»

Письмо было отъ Батугина.

Ноэльскій всталъ, улыбнулся самодовольно. Я поправлюсь! поправлюсь! сказалъ онъ. И челюсти Ноэльскаго передвигались отъ полноты ощущеній.

— Надобно теперь достать какого-нибудь пріѣзжаго, сказалъ себѣ Ноэльскій, который будто бы мнѣ проиграется, надобно достать на игру денегъ, да ѣхать разсказать Лурину: теперь онъ, я думаю, уже дома.

Ноэльскій поѣхалъ къ Лурину: но Ивана Ильича еще не было. Въ залѣ Лурина дождалось нѣсколько господъ.

Они пріѣхали купить у Лурина акціи на шароходство.

Только что узнали, что Луринъ привялъ на себя открытіе Гильмора, какъ всѣ начали разсчитывать выгоды шароходовъ и всѣ бросились къ Лурину.

Луринъ не было. Они рѣшились ждать, скрывая другъ передъ другомъ дѣйствительную цѣль посѣщенія.

— Не за акціями ли? тихо спросилъ Ивана Павловича

Перханова Сорокинъ, который какъ-то умѣлъ пробраться въ приемную Лурина.

— Какое, братецъ, за акціями, отвѣчалъ Иванъ Павловичъ серьезно, просто семейное дѣло, Сарра Ивановна просила.... А ты братъ, зачѣмъ къ Лурину, ужъ ты не акцій ли просить....

— Нѣтъ, отвѣчалъ Сорокинъ, я въ акція не вѣрю, другое дѣло подрядъ....

— Зала-то, зала-то какова? продолжалъ Сорокинъ, одинъ паркетъ,—я знаю, поставлялъ,—не возьмутъ меньше пятнадцати цѣлковыхъ съ сажени.

Каждый новый посѣтитель пугалъ ихъ; они думали: вотъ еще участникъ....

Вошелъ Ноэльскій.

— И вы, Дмитрій Семеновичъ? спросили Перхановъ и Сорокинъ.

— Ивана Ильича нѣтъ? спросилъ Ноэльскій.

— Нѣтъ, вы видите, что мы ждемъ, отвѣчали оба.

Ноэльскій подумалъ: теперь нельзя говорить о картахъ, заѣду въ другой разъ, и поѣхалъ домой. Въ залу вошла Афросинья Алексѣевна.

— Нахалъ, невѣжа, говорила Афросинья Алексѣевна про швейцара, который не хотѣлъ пустить ее, ни какого уваженія къ дамамъ не имѣеть....

Покуда въ приемной залѣ Ивана Ильича разыгрывались эти сцены, Луринъ сидѣлъ у Анатолія.

— Полюбите Лохсель, говорилъ Луринъ.

— Полюбить Лохсель! Что за мысль и к чему?

— К чему! повторилъ Луринъ: чтобы она отдала вамъ тѣ залоги, которые теперь отдаетъ Ноэльскому.

— Почему жъ вы думаете, что она захочетъ быть моею любовницей, спросилъ Анатолій.

— Я въ свою очередь спрошу васъ, Анатолій Александровичъ, не смѣтаетъ ли вы надо мной? Неужели вы думаете, что я сказалъ бы вамъ о такомъ дѣлѣ, въ которомъ бы не былъ увѣренъ. Лохсель влюбилась въ васъ, когда подмѣнила вамъ колоду, и вамъ стоило только наблюдать по внимательнѣе, чтобы замѣтить ея любовь къ вамъ; стоитъ одну секунду быть къ ней нѣжнѣе и она бросится вамъ на шею; такія женщины какъ Лохсель долго не думаютъ.

— Но, Иванъ Ильичъ, отвѣчалъ Анатолій, положимъ, что такъ,

что мнѣ стоитъ только захотѣть чтобы Лохсель меня полюбила; но вы знаете мое положеніе?

— Знаю, что вы разорились, Анатолій Александровичъ, что нужно поправиться, и я желаю вамъ этого отъ всей души, говорилъ Луринъ.

— Хорошо Иванъ Ильичъ, отвѣчалъ Анатолій, это вы знаете. Но знаете ли, для чего я бросился въ омутъ торговли? Не уже ли вы думаете, изъ одного желанія богатства? О нѣтъ, повѣрьте, нѣтъ! Я влюбленъ, Иванъ Ильичъ, я женихъ, я истинно предаю своей невѣстѣ и любимъ ею страстно, до самозабвенія....

Луринъ нѣволью сморщился.

— И теперь, продолжалъ Анатолій, я буду измѣнять ей и обманывать, для чего? для денегъ!.... О нѣтъ, Иванъ Ильичъ, если бы вы знали меня, вы бы не предложили этого.

Луринъ выдержалъ себя во время этой тирады. Слово «любимъ ею до самозабвенія» укололо его, но и привдало ему энергію. Луринъ подумалъ: и меня она полюбитъ до самозабвенія, и сталъ говорить Анатолію тономъ искусителя.

— Прекрасно! благородно! Послушайте! Вы любите Евгенію Сергѣевну Салонскую?

— Да, я люблю Евгенію, вы ее знаете, и знаете, что ее трудно забыть, а измѣнить ей невозможно.

— Она очень хороша собой, холодно отвѣчалъ Луринъ, но не въ томъ дѣло. Вы воспитывались съ ней вмѣстѣ, такъ хорошо приняты въ домѣ, любимы такъ пламенно, до увлеченія, какъ говорите вы... Она съ дѣтства привыкла любить васъ... Отчего же вы на ней не женитесь?

— Я бѣденъ! Вы видите, Иванъ Ильичъ, что я бѣденъ. Думаете ли вы, что Евгенія могла бы жить въ этомъ подвалѣ?

— Трудно бы было, сказалъ Луринъ, оглядываясь. Однако ко всему можно привыкнуть, особенно когда любовь будетъ золотить существенность. Слѣдовательно Евгенія за вашей бѣдностію остановилась выходить за васъ! Какъ это сообразно съ нашей сѣверной расчетливой природой!... И точно, можно пренебрегать состояніемъ для любви гдѣ-нибудь, только не у васъ, гдѣ девять мѣсяцевъ въ году нужно покусать дрова чтобы отапливать замерзшее сердце. Но гдѣ же тутъ страсть до увлеченія, до самозабвенія?

— Нѣтъ, Иванъ Ильичъ, дѣло не за Евгеніей. Она милая, страстная, забыла о существенности. Но вы позабыли о Сергѣѣ Макаровичѣ, гордомъ прошлыми богатствами его предковъ.

— Изъ этого я вижу одно, Анатолій Александровичъ, сказалъ Луринъ, вижу, что вамъ нужны деньги. Вы влюблены, дѣвушка готова бѣжать съ вами на край свѣта, но вы, какъ благородный человѣкъ, отказываетесь разрушить счастье дѣвушки.... Ея отецъ хочетъ имѣть своимъ зятемъ Креза, а вы паннамете комнату въ подвалѣ....

— Чтò же мнѣ дѣлать! сказалъ Анатолій задумчиво: я употреблялъ всѣ средства чтобы нажить, п—нажилъ, но несчастье лишило меня и того, что мнѣ осталось послѣ отца....

— Чтò дѣлать! съ энергической провией сказалъ Луринъ: чтò дѣлать, всего лучше—ничего! Вздыхать, иногда посылать интересные записочки къ невѣстѣ, ходить къ ея окнамъ.... А потомъ, она выйдетъ за мужъ, не можетъ же она весь вѣкъ оставаться дѣвушкой, да и не должна! Она выйдетъ за мужъ, а вы еще болѣе завздыхаете, пожалуй, заплачете, потомъ поступите на службу помощникомъ столоначальника и кончите тѣмъ, что женитесь на другой. Эти примѣры часто бывають на свѣтѣ.

— Не говорите мнѣ этого, Иванъ Ильичъ, не отнимайте у меня мечты моей, моей единственной мечты, что Евгенія останется вѣрна мнѣ.

— Это будетъ еще лучше. Она будетъ старой дѣвой, а вы, хоть бухгалтеромъ, а черезъ двадцать лѣтъ вы оба будете разыгрывать пресмѣшную роль сѣдыхъ любовниковъ.... Но вы знаете, что Сергѣй Макаровичъ много долженъ, и онъ заставитъ Евгенію выйти за-мужъ чтобы заплатить свои долги. И вы будете смотрѣть, какъ ваша невѣста будетъ вѣнчаться съ другимъ; увидите, какъ ее въ присутствіи всѣхъ поцѣлууетъ другой. Чего добраго, пожалуй васъ еще упросать быть шаферомъ у Евгеніи, и вы станете держать вѣнецъ надъ ея головой....

— Это ужасно! сказалъ Анатолій, представляя въ умѣ своемъ свадьбу Евгеніи.

— А ваша матушка? продолжалъ Луринъ, неужели вы хотите заставить ее жить въ этомъ гробу, гдѣ мы теперь съ вами? Не должны ли вы ей доставить удобства? Не будете ли вы такъ жестоки, что заставите ее старуху приучать себя къ лишениямъ? Вы уморите ее! Невѣста будетъ за-мужемъ, а мать въ могилѣ. Кому же будетъ нужна ваша жизнь? Для кого, и для чего вы тогда будете жить, особенно жить въ бѣдности!

— Боже мой! сказалъ Анатолій, но измѣнить Евгенію въ ту минуту какъ она доказываетъ безпредѣльную силу любви своей ко мнѣ? Обмануть ее въ то время, когда она готова пожертво-

вать своимъ спокойствіемъ, довольствомъ, гордостью, изъ любви къ бѣдняку.... продать себя за деньги.... Нѣтъ я не въ силахъ этого сдѣлать....

— Къ чему же вы на все смотрите въ увеличительное стекло? Продать себя.... развѣ можно продать себя? Измѣнить, обмануть невѣсту. Вы ни сколько не измѣняете своей невѣстѣ, будете любить ее по прежнему. Обманывать тоже вы не будете, а только скроете маленькую шалость, волокитство.... Кто же, женись, не скрывалъ этого отъ своихъ женъ? Отчего жъ и вамъ не позволиться? Что за платоническая преданность? Чтò же касается до денегъ, то вы у Лохселя не возьмете ни копѣйки, а возьмете залогъ, да и тѣ, если не хотите, можете не держать. Представьте ихъ къ торгамъ, вамъ дадутъ отступное, и дѣло съ концемъ; вы свободны, съ деньгами, можете нажить, и вы опять женихъ Евгенія. А Лохсель еще не дурна.

Анатолій смотрѣлъ на письмо Евгенія, которое лежало на столѣ.

— Такъ, чтò ли? спросилъ Лурницъ: одна секунда вѣжности и вы приобрѣтете опять свою невѣсту и спасете отъ бѣдности мать свою....

Въ это время вошла Марія, посиѣвшая отъ холоду, усталая, измученная.... Она все время ходила по лиція, думая что Лурницъ скоро уйдетъ, но Лурницъ не уѣзжалъ. Марія не въ силахъ была вынести холоду и усталости и она вошла.

Лурницъ глазами указалъ на нее сыну.

— Неужели вы оставите ее въ этомъ положеніи? спросилъ онъ у Анатолія.

Анатолій взглянулъ на мать свою и отвѣчалъ:

— Я согласенъ! По-крайней-мѣрѣ она не умретъ съ голоду, думалъ Анатолія.

— Давно бы такъ, сказалъ Лурницъ, повѣжайте жъ къ Ноэльскому, говорите объ откупѣ. Тамъ увидите и Лохселя.

— Когда мнѣ ѣхать? спросилъ Анатолія.

— Да хоть сейчасъ.

— Сейчасъ мнѣ нельзя, мнѣ нужно быть....

Лурницъ понялъ что Анатолію нельзя было ѣхать, оттого что не было платя въ чемъ ѣхать.

— Повѣжайте когда хотите, только пожалуйста сегодня, говоритъ Лурницъ: вотъ вамъ пятьсотъ рублей на первый подъемъ, Когда выпросите довѣренность у Лохселя, привезите мнѣ ее по-

жизни, и привезите мнѣ вексель. Я вамъ дамъ тридцать тысячъ,, считая въ тоже число и эти пятьсотъ рублей. Такъ сегодня?

— Сейчасъ! отвѣчалъ Анатолій.

И когда Луринъ уѣхалъ, Анатолій послалъ кухарку за фраккомъ.

— Богъ милостивъ, матушка, авось опять поправимся, сказалъ Анатолій, цѣлуя руку у матери.

— Не люблю я авось, другъ мой.

Черезъ полчаса Анатолій, на порядочномъ извозчикѣ, подѣхалъ къ крыльцу Ноэльскаго.

Онъ засталъ одну Лохселя; Ноэльскій уѣхалъ къ Лурину.

Луринъ, возвратясь отъ Анатолія, нашелъ у себя желающихъ обогатиться чрезъ открытіе Гильмора.

Поздоровавшись съ Перхановымъ, Луринъ спросилъ у посѣтителей, чтѣ имъ угодно?

Посѣтителямъ каждому въ отдѣльности не хотѣлось говорить при всѣхъ.

Наконецъ кто-то началъ.

— Акціи, господа, всѣ розданы, акцій нѣтъ.... отвѣчалъ Луринъ, потомъ назначилъ пѣкоторымъ изъ нихъ время когда они должны были пріѣхать.

— Я васъ прошу, Иванъ Ильичъ, сказала Афросинья Алексѣевна — семейство....

— Нѣтъ, сударыня, холодно отвѣчалъ Луринъ.

Поклонъ Чернина остановилъ Лурина.

— Чтѣ? спросилъ Луринъ.

— Мое письмо.... говорилъ Чернинъ изгибаясь.

— Хорошо, хорошо, приходи завтра.

Чернинъ вышелъ съ гордостію.

— А! думалъ Сорокинъ, секретъ открылся, да удесатерить капиталъ куда не худо! и я, куда не шла тысяча, рискну.

— Иванъ Ильичъ, смѣю ижайше просить....

Луринъ взглянулъ на Сорокина, ничего не отвѣчалъ и ушелъ къ себѣ, оставивъ Сорокина въ согнутомъ положеніи.

Съ Луринимъ ушелъ и Перхановъ, котораго Луринъ увелъ съ собой.

— Чтѣ, Иванъ Павловичъ, спросилъ Луринъ, и вамъ акцій?

Иванъ Павловичъ съ чувствомъ пожалъ руку Лурину: — если хотите обязать меня.

— Всѣ, Иванъ Павловичъ, но вамъ по знакомству уступлю изъ своихъ.

Сорокинъ дождался у подъѣзду. Онъ угадывалъ, что Луринъ дастъ акцій Перханову.

Перхановъ вышелъ.

— Иванъ Павловичъ, говорилъ Сорокинъ, уступите мнѣ хоть двѣ акціи, вѣкъ слугой буду.

Перхановъ далъ ему двѣ акціи, каждая въ пятьсотъ рублей серебромъ.

Надобно было видѣть это общее стремленіе къ Лурину за акціями.

Гильмора почти носили на рукахъ.

— Просите Ивана Ильича, говорилъ Гильморъ. Мой здѣсь ни чего не можетъ сдѣлать, и всѣ ѣхали къ Лурину. И баринъ и чиновникъ, военный офицеръ и помѣщница, всѣ просили акцій.

Даже Михѣичъ не устоялъ противъ общаго стремленія.

— Что это, не за акціями ли? спрашивала Афросинья Алексѣевна, садясь въ кабриолетку.

— Грѣшны, какъ всѣ грѣшны, матушка Афросинья Алексѣевна, отвѣчалъ Михѣичъ, и подошелъ къ швейцару.

— Мое почтеніе, господинъ швейцаръ, сказалъ Михѣичъ.

Швейцаръ окнулъ съ головы до ногъ изорванный сюртукъ Михѣича, его плюсовую шляпу, смазные сапоги и сказалъ гордо:

— Пошелъ вонъ!

— Простите, господинъ швейцаръ, но мнѣ бы хотѣлось....

— Экая образина, говорятъ тебѣ, пошелъ отсюда!

— Виновать, что я васъ беспокою, а что, какъ бы мнѣ увидѣть вашего барина?

— Что-о!...

— Простите, обмолвился, камердинера, что у барина служить.

— Пошелъ къ тому подъѣзду, и въ ворота, да здѣсь не шатайся даромъ.

Михѣичъ отправился къ другому подъѣзду.

— А что, любезнѣйшій, какъ бы мнѣ увидѣть камердинера?

— Нашелъ любезнаго, сердито отвѣчалъ лакей, какого тебѣ камердинера нужно?

— Что у барина?

— Да у барина ихъ три.

— Да главнаго-то....

— Какого главнаго, дворецкаго что ли? Пошелъ, дворецкій за-
вять!

Михѣичъ походилъ невозможо, потомъ подошелъ къ дворнику.

— Просите лакеевъ, я не смѣю докладывать, отвѣчалъ дворникъ, взявъ двугривенный.

— Будьте ласковы, почтенный, сказаѣь Михѣичъ другому лакею, вызовите дворецкаго или камердинера, мнѣ очень нужно!

— Много, братъ, хочешь, чтобы дворецкой для тебя вышелъ, а камердинера дежурнаго что лк надо?

— Да хоть дежурнаго, отвѣчалъ Михѣичъ.

Лакей не шевелился.

— Не примите за дерзость, малую лепту, говорилъ Михѣичъ и хотѣлъ вынуть полтинникъ, во рука не послушалась его, и вынула цѣлковый.

Михѣичъ задрожалъ когда увидѣлъ что долженъ разстаться съ цѣлковымъ, долго держалъ въ рукѣ, однако отдалъ лакею.

— Спасибо, братъ, сказаѣь лакей, пойдешь, я тебя провожу. И Михѣичъ пошелъ за нимъ на дворъ.

Камердинеръ былъ очень не въ духѣ: его баринъ распекъ за то, что безъ него онъ пустилъ въ приемную постороннихъ.

Михѣичъ хотѣлъ-было и ему подслужиться цѣлковымъ, камердинеръ велѣлъ протолкать Михѣича.

Вошелъ Пигò.

— Чтò вамъ? спросилъ камердинеръ.

Пигò разшаркался какъ тавцмейстеръ, потомъ проговорилъ:

— Имѣю честь рекомендоваться, я французскій эмигрантъ Пигò.

— Чтò вамъ угодно?

— Я бы желалъ имѣть честь быть представленнымъ вашему господину.

Камердинеръ пристально посмотрѣлъ на Пигò.

— Барина нѣтъ дома, сказаѣь камердинеръ.

— Я васъ покорнѣйше прошу, милостивый государь, сказаѣь Пигò: занимаюсь теперь ремесломъ парикмахера....

— Намъ не нужно парикмахера, холодно отвѣтилъ камердинеръ.

— Ваша супруга.... сказаѣь Пигò.

— Такъ давно бы сказаѣь, что моя жена просила, сказаѣь камердинеръ совсѣмъ особеннымъ голосомъ, пройдите на задній дворъ, я тамъ живу, просите камердинера Петрова.

— Но вотъ о чемъ я осмѣливаюсь просить, сказаѣь Пигò отводя камердинера въ сторону и подавая ему ассигнацію. Мнѣ очень нужно видѣть вашего господина, по весьма важному дѣлу.

Камердинеръ долго вертѣлъ ассигнацію въ рукахъ, потомъ

положилъ въ карманъ и сказалъ:—Хорошо, я доложу, подождите. Войдите! сказалъ камердинеръ.

— Чтò вамъ угодно? спросилъ Луринъ:

— Компанія.....

— Больше у васъ нѣтъ дѣла ко мнѣ?

— Я осмѣливался покор....

— У меня акцій нѣтъ! сказалъ Луринъ отрывисто и ушелъ.

Михѣичъ стоялъ противъ воротъ и думалъ: «Рубля двадцати серебромъ будто и не бывало».

Пигò прошелъ мимо Михѣича, насвистывая веселый мотивъ будто получилъ все, чего желалъ.

— Экое счастье мноплеменнымъ, думалъ Михѣичъ.

— Дмитрій Семеновичъ Ноэльскій проситъ позволенія васъ видѣть, докладывалъ камердинеръ Лурину.

— Чтò еще?.... Проси!

Ноэльскій вошелъ.

— Чтò новаго? спросилъ Луринъ.

— Онъ будетъ, Иванъ Ильичъ, отвѣчалъ Ноэльскій. Могу ли я быть вполне увѣренъ.

— Я вамъ сказалъ, такъ и конечно! отвѣчалъ Луринъ: только зовите не равнѣ какъ недѣли черезъ двѣ, мнѣ нужно успѣть приготовить, да и дайте мнѣ знать. Теперь извините меня, мнѣ нѣкогда.

— Черезъ двѣ недѣли, думалъ Ноэльскій: я умру въ эти двѣ недѣли..... чѣмъ же я уплачусь; ну, умолю какъ-нибудь, двѣ недѣли! Займусь откупомъ.

Ноэльскій мучился ожиданіемъ.

Онъ не спалъ по ночамъ, почти не ѣлъ, все думалъ о томъ днѣ, когда онъ позоветъ Батугина, выиграетъ у него и — поправится.

— Ну, чтò если Луринъ не привезетъ? Если у него не выйдетъ?....

И Ноэльскій готовъ былъ каждую минуту ѣздить къ Лурину и спрашивать: точно ли Луринъ привезетъ обѣщанныя карты.

Однако онъ не ѣздилъ, онъ боялся, что Луринъ разсердится. Вся надежда Ноэльскаго была въ рукахъ Луринна и Ноэльскій терзался отъ сомнѣній, отъ надежды, отъ нетерпѣнія....

Человѣкъ подалъ ему письмо.

Ноэльскій съ лихорадочнымъ движеніемъ сталъ распечатывать. Губы его отвисли, будто у Ноэльскаго не было силы ихъ удер-

жать, глаза всегда тусклые будто сверкнули. Онъ подумалъ: «не отказъ ли Лурина; не отъ Батугина ли что-нибудь непріятное, что-нибудь разрушающее его надежды».

По-мѣрѣ-того какъ Ноэльскій читалъ письмо, онъ блѣднѣлъ, качался въ креслахъ, потомъ вдругъ вскрикнулъ:

— Дашеька меня оставила и я безъ залоговъ!...

И руки его опустились. Это извѣстіе поразило Ноэльскаго, надежда на откупъ лопнула.

Ноэльскому стало обидно, холодно, больно.... Осемь лѣтъ онъ дѣлилъ съ Лохсель удачу и неудачу, привыкъ къ ней, и она оставляетъ его въ ту минуту, какъ только стала нужна ему.

— Теперь одна надежда на выигрышъ, думалъ Ноэльскій: но я выиграю, у меня будутъ деньги,—главное, — а тогда она меня снова полюбитъ.... Я непременно выиграю, думалъ Ноэльскій; возьму акціи на шароходы, Лурина объщалъ мнѣ уступить и я буду богачемъ.... Раскается, госпожа Лохсель, что вы меня оставили.... А можетъ-быть и къ лучшему, вѣдь когда-нибудь надобно было такъ кончить.... Но теперь залог, залог! Но она по-крайней-мѣрѣ освободила меня, мнѣ сорокъ лѣтъ, пора и устроить себя.... а вотъ, говорятъ, Севрюгинъ за своей дочерью даетъ семь-сотъ или еще осемьсотъ тысячъ, вотъ и партія,—женюсь.... Сегодня же увижу Севрюгина, сегодня же скажу ему....

И Ноэльскій опять замечтался.

Прошло не болѣе недѣли.

Гильморъ съ деньгами уѣхалъ въ Лондонъ строить шароходъ, на которомъ черезъ мѣсяцъ долженъ былъ прилетѣть сюда и привезти разные контрабандные товары.

Анатолій ѣхалъ съ откупныхъ торговъ. У него въ бумажникѣ было ассигнаціями сто сорокъ тысячъ и довѣренность Лохсель, на залогъ ея семисотъ душъ крестьянъ. Анатолій заѣхалъ къ Сергѣю Макаровичу.

Евгенія не было дома.

Сергѣй Макаровичъ принялъ Анатолія очень ласково, но о свадьбѣ не было помину и Анатолій молчалъ, думалъ переговорить предварительно съ Евгеніей. Онъ видѣлъ, что безъ денегъ нельзя быть пріятнымъ зятемъ Сергѣю Макаровичу.

Анатолій вспомнилъ то время, когда со дня на день онъ ждалъ что будетъ милліонеромъ, вспомнилъ, что тогда Сергѣй Макаровичъ не былъ къ нему такъ изысканно пріятливъ; потомъ пришелъ ему на память мѣсяцъ нищеты.... Все это казалось ему сномъ. Отъ Сергѣя Макаровича онъ поѣхалъ домой.

Квартира у Анатолия была небольшая, но чистенькая, въ среднѣ города. Онъ держалъ одну лошадь, не дорогую, но крѣпкую, рыскающую, — значитъ, его положеніе было довольно не дурно, а осемь дней тому назадъ ему было почти нечего вѣсть.

Луринъ далъ ему тридцать тысячъ въ займы, Сорокинъ и Перхановъ тридцать двѣ тысячи серебромъ отступнаго, онъ поутроился, у него осталось сто сорокъ тысячъ; съ этими деньгами Анатолій долженъ начать свои обороты.

Не успѣлъ еще онъ войти въ кругъ своей дѣятельности, какъ всѣ извѣстные залогодатели предложили ему свои имѣнія. Кредитъ его поднялся до такой степени, на которой былъ до паденія.

Строгое и добросовѣстное поведеніе Анатолия во время конкурса и рѣдкій случай уплаты *всѣхъ* долговъ въ несостоятельную минуту, были самымъ лучшимъ обезпеченіемъ Анатолію, въ глазахъ его новыхъ кредиторовъ.

Анатолій нашелъ у себя Степана Ѳедоровича, съ которымъ читатели познакомились у Афросиньи Алексѣевны Поваловой. Степанъ Ѳедоровичъ отдалъ тогда въ залогъ брилліанты.

Степанъ Ѳедоровичъ и прежде зналъ Анатолія, по этому ничего не было удивительнаго, что онъ зашелъ навѣстить стараго знакомаго при его неожиданной переимѣнѣ обстоятельствъ.

— Ну, что, Анатолій Александровичъ, надумался ли вы?

— Дѣло выгодное, Степанъ Ѳедоровичъ, отвѣчалъ Анатолій: но я не знаю, почему-то мнѣ ужасно не хочется въ немъ участвовать. Я вамъ говорилъ, что я теперь поправился благодаря Ивану Ильичу Лурину, по этому мнѣ какъ-то совѣстно обманывать его сына.

— Полноте, Анатолій Александровичъ, да развѣ вы будете его обманывать. Вы даете ему подъ вексель деньги. Это не обманъ, а доброе дѣло, потому что одолжить ближняго всегда доброе дѣло; будете брать съ него проценты, по пятидесяти на сто. Но что дѣлается по обоюдному согласію, того нельзя назвать обманомъ. Обманывать его будемъ мы, то есть, и то не обманывать, а обманывать и разными средствами выманывать деньги, которыя вы ему дадите. И за это мы платимъ вамъ двадцать процентовъ съ того, что у него выиграемъ или выманимъ.... Да что это, Анатолій Александровичъ, я долженъ еще убѣждать васъ. Другой бы съ радости ко мнѣ на шею бросился, и не зналъ бы, какъ отблагодарить за это предложеніе. Я вамъ сказалъ первымъ, потому что вы говорили, будто старикъ Луринъ

ну должны тридцать тысячъ. Вамъ будетъ легко расплатиться съ нимъ векселями его сына. Кромѣ этого вамъ, какъ хорошо знакомому съ Луринимъ, легче можно будетъ узнавать, до какой степени можно вѣрять его сыну. Ну, да и молодому Лурину охотнѣе занимать у васъ, онъ васъ знаетъ. Подумайте хоть то, что если не вы, то другой.

— И точно, сказалъ Анатолій, если не я, то другой.

— Такъ вы согласны? спросилъ Степанъ Ѳедоровичъ.

Внутреннее чувство говорило Анатолію: не Луринъ ли съ самаго начала предостерегъ тебя отъ обмана; не Луринъ ли сказалъ Анатолію о векселяхъ Черемухина, не Луринъ ли поддерживалъ его во всѣхъ случаяхъ и, наконецъ, не Луринъ ли избавилъ его, почти отъ голодной смерти или нищенства? Однимъ словомъ, во всѣхъ случаяхъ жизни, Луринъ былъ почти благодѣтелемъ Анатолія.

Какое дѣло, изъ какихъ видовъ Луринъ оказывалъ ему свои благодѣнія? И сына этого человѣка, сына своего благодѣтеля, Анатолій собирается обманывать, и даётъ средства, чтобы и другіе его обманывали. Но страсть къ прибытку стала у Анатолія сильнѣе внутренняго чувства.... Онъ чувствовалъ, что поступаетъ безчестно, но не могъ удержаться; онъ думалъ, надо нажать; когда наживу, тогда буду человѣкомъ истинно честнымъ и благотворительнымъ....

Такъ всегда думаютъ! А посмотришь когда наживутъ они, захотятъ нажать больше: а благородство, совѣсть, честь.... гдѣ они? жажда богатства сильнѣй совѣсти....

Анатолій успокоилъ себя коммерческой фразой — не я, такъ другой, и отвѣчалъ Степану Ѳедоровичу:

— Согласенъ! расскажите мнѣ планы ваши.

— Извольте, отвѣчалъ Степанъ Ѳедоровичъ: въ такихъ дѣлахъ, между товарищами должна быть откровенность и я вамъ все расскажу.

Насъ человѣкъ такъ шесть, сидѣло у мадамъ Баръ.

Вы знаете мадамъ Баръ? Да кто же ея не знаетъ? Болтали всякой вздоръ, много пили, а еще болѣе платили за выпитое. Входитъ какой-то молодой человѣкъ. У меня есть инстинкътъ который показываетъ мнѣ, гдѣ можно пожитьяся. Такъ и тутъ, только молодой человѣкъ вошелъ, какъ я сказалъ себѣ:—Около него нужно похлопотать. Знаете, и хозяйка приняла его какъ-то иначе, и все, ну, какъ-будто у него на лбу было написано: свободенъ отъ постоа. Узнаю, кто такой, — Павелъ Ивановичъ Лу-

ринъ! Эге! подумалъ я, сынъ игрока! У игроковъ, извѣстное дѣло, дѣти всегда картъ въ руки взять не умѣютъ, эта перелетная пташка отъ васъ не уйдетъ. Онъ говоритъ, что проигралъ Ноэльскому, и что прямо отъ него безъ копѣйки, я свой бумажникъ къ его услугамъ, а въ бумажникѣ всего рублей сорокъ серебромъ было, ну, да была бы готовность. Такъ и познакомился съ нимъ; знаете, не навязывался, а будго вскользь замѣтилъ, что зайдите ко мнѣ, я угощу васъ тѣмъ и тѣмъ, покажу то и то. Онъ обещалъ зайти. Вы, Анатолий Александровичъ, давайте ему деньги для выкупа векселя, а мы будемъ эти деньги выигрывать и за это платимъ вамъ двадцать процентовъ со всего, что у него возьмемъ. Проценты же, что вы возьмете съ него, ваши; мы въ это дѣло не входимъ. Когда же накопятся у Павла Ивановича тысячь двѣсти долгу, тогда мы его и поприжмемъ по векселямъ. Тогда пусть признается и платитъ. Теперь считайте же, сколько вамъ выгоды!

Положимъ вы дадите ему пятьдесятъ тысячь. Онъ дастъ вамъ векселей на семьдесятъ пять, на три векселя, по двадцати-пяти тысячь каждый. Одинъ изъ нихъ вы можете спокойно продать Ивану Ильичу, скажете, что вы изъ доброжелательства купили, дескать не хотѣвъ видѣть въ рукахъ промышленниковъ вексель сына того, кому вы такъ много обязаны. Иванъ Ильичъ купитъ у васъ вексель, заплатитъ полные двадцать пять тысячь, да мы дадимъ десять тысячь вашу долю и вы получите за пятнадцать тысячь вексель въ пятьдесятъ тысячь. А за Луринимъ деньги не пропадутъ! Вы сами знаете состоянiе его батюшки.

— Я и не говорю ничего противъ этого, отвѣчалъ Анатолий, дѣло выгодное. Но мнѣ какъ-то совѣстно. Его отецъ такъ много для меня сдѣлалъ. Впрочемъ и то правда, не я такъ другой.

— Такъ идетъ?

— Идетъ! отвѣчалъ Анатолий.

— Поѣдемте же, я васъ сей часъ познакомлю съ Поваловой; она давно хочетъ съ вами познакомиться. Да и къ Лурину! Теперь же Ивана Ильича нѣтъ дома.

Они поѣхали. У Аѳросиньи Алексѣевны они условились обо всемъ, потомъ отправились къ Павлу Ивановичу Лурину.

Они его встрѣтили на Невскомъ. Поговорили Ту же секунду молодой Луринъ занялъ у Анатолия на вексель, съ хорошими процентами, десять тысячь.

Степанъ Фѣдоровичъ распрощался и поѣхалъ куда-то съ Лурин-

нымъ, шепнувъ Анатолю на ухо: завтра двѣ тысячи будутъ у васъ.

Анатолю хотѣлось прогуляться, онъ отправилъ лошадь и пошелъ пѣшкомъ. На встрѣчу ему шелъ Сергѣй Макаровичъ съ Евгеніей.

Евгенія опустила руку отца и подошла къ Анатолю...

— Милый Анатолий, шептала она, думала ли я что сегодня буду такъ счастлива, что увижу тебя. Пойдемъ со мной!

Сергѣй Макаровичъ недовольнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на дочь, но ему попался какой-то знакомый генералъ и остановилъ его. Сергѣй Макаровичъ долженъ былъ говорить съ его превосходительствомъ.

Анатолий и Евгенія были одни. Гуляющіе толпой проходили мимо нихъ, но они не видали ничего: весь міръ ихъ заключался въ нихъ самихъ.

— Анатолий! другъ мой, говорила Евгенія, ты былъ въ несчастіи, ты не повѣришь, какъ мнѣ тяжело было слышать это.

— Евгенія! твое участіе мнѣ такъ дорого, что я не умѣю тебѣ отвѣчать.

— И не отвѣчай, Анатолий, ты такъ умѣлъ перенести свое несчастіе и на дѣлѣ доказать, что ты цѣнишь свою Евгенію... Однимъ словомъ ты былъ такъ благороденъ, другъ мой, что слова останутся только звукомъ. Я готова была пренебрегать всѣмъ, чтобы только утѣшить моего брата и друга въ его потерю. Но ты былъ такъ великодушенъ, что не принялъ моего жертвы. О! еслибы я не любила тебя болѣе чѣмъ сколько можетъ любить мое бѣдное сердце, я бы тогда полюбила тебя за благородство твое, Анатолий.

— Что бы сказала ты, думалъ Анатолий, если бы ты узнала что изъ своего несчастнаго положенія я вырвался измѣной тебѣ, обманомъ Лохселя, и поправляюсь теперь, раззоря сына своего благодѣтеля.

Эти мысли сдавили дыханіе Анатоля; ему было грустно. Самъ себѣ онъ казался такимъ низкимъ, такимъ недостойнымъ удвлеченія и любви Евгеніи, что не могъ слушать похвалъ ея хладнокровно. Тоска, самая мучительная, самая несносная сушила его сердце.

— Да, Анатолий, говорила Евгенія, я очень цѣню это, и повѣрь, что живая не буду принадлежать другому. Мы подождемъ. Я увѣрена въ благородствѣ твоихъ правды, по этому я хочу, что

бы ты былъ у насъ чаще, какъ можно чаще. И сегодня будь, я хочу видѣть тебя.

Послѣднія слова Евгенія еще болѣе мучили Анатолия. Онъ чувствовалъ что они были неумышленная пародія на его настоящія занятія.

Анатолий пришелъ къ себѣ. На душѣ у него было тяжело, на сердцахъ грустно.

Испытывали ли вы это на себѣ, читатель мой, когда нибудь, хоть въ дѣтствѣ, когда ваше чувство было въ разладѣ съ совѣстью. Не правда ли, вы невольно грустили отъ чего-то, грудь вашу томилъ невѣдомое чувство, и вы всей силой своего ума старались оправдать вашъ поступокъ.

И Анатолий доказывалъ себѣ что онъ ни сколько не обязанъ Лурину, что Иванъ Ильичъ помогалъ ему изъ какихъ нибудь личныхъ видовъ. А наконецъ, хотя бы и обязанъ, то значить ли что онъ ему не благодаренъ, если даетъ его сыну деньги. Если бы Анатолий отказался, то далъ бы другой, за что же Анатолий потеряетъ?....

Но какъ ни хотѣлъ Анатолий оправдать себя, ему все было скучно и досадно на самого себя. Онъ пошелъ къ матери.

Вообрази себѣ, Анатолий, сказала Марія, когда онъ пришелъ, ты не повѣришь, что я скажу: тебѣ сватаютъ невѣсту.

— Невѣсту! матушка, спросилъ съ удивленіемъ Анатолий.

— Да, мой другъ! Вотъ Матрена Афонасьевна говоритъ....

— Я сказала только, перебила Матрена Афонасьевна, Анатолий Александровичъ очаровываетъ всѣхъ, куда ни покажется, что всѣ барышни безъ ума отъ него....

Анатолий тогда только замѣтилъ что у его матери сидитъ какое-то неопредѣленное существо, въ красномъ пуховомъ платкѣ, крѣпко накрахмаленномъ чепчикѣ и ситцевомъ платьѣ

— Это очень мило съ ихъ стороны, но кто же эта новая комета, очарованная моими прелестями? спросилъ Анатолий.

— Ты не угадываешь? спросила Марія.

— Да почему же мнѣ угадать!

— Дочь купца Севрюгина.

— Эта робкая дѣва, сказалъ Анатолий и сталъ барабанить по стеклу.

— Анатолий Александровичъ, зато за ней, самыхъ чистыхъ семь-сотъ-тысячъ приданаго.

— Ну еще и меньше, отвѣчалъ Анатолий и, ни слова не говоря, вышелъ изъ комнаты и поѣхалъ къ Сергѣю Макаровичу.

Возвращаясь, Анатолий заѣхалъ на почту, взялъ только что полученный англійскій журналъ, сталъ читать.

Ему бросилось въ глаза описаніе опытовъ Гильмора.

Опыты эти, по описанію обѣщали такіе блестящіе результаты, что Анатолий выходилъ изъ себя, вспоминая что открытіе Гильмора было у него въ рукахъ.

Анатолий поѣхалъ на биржу и поручилъ своему маклеру купить акцій шароходства на шестьдесятъ тысячъ серебромъ подъ его вексель, срокомъ на мѣсяць. Черезъ мѣсяць Гильморъ долженъ непременно прилетѣть на своемъ шароходѣ.

Маклеръ отвѣчалъ, что эти акціи ходятъ въ полуторной цѣнѣ, да ихъ и въ продажѣ нѣтъ.

Анатолий зналъ что при удачѣ предпріятіе дастъ на одинъ процентъ сто, потому поручилъ маклеру взять для него какъ только появятся, хоть за полуторную цѣну.

Къ вечеру маклеръ привезъ ему на сорокъ тысячъ акцій. Анатолий выдалъ вексель въ шестьдесятъ.

Акціи были отъ Луринна. Иванъ Ильичъ до отъѣзда еще Гильмора распродалъ тѣ акціи, которыя хотѣлъ распродать, и оставилъ только свои.

Теперь Иванъ Ильичъ получилъ частное извѣстіе изъ Лондона что опыты Гильмора не удалсь, что статья была ложная, и что Гильморъ скрылся.

Луринъ сей-часъ же, будто снисходя на просьбу Ноэльскаго, далъ ему акцій, а остальные поручилъ маклеру продать отъ имени своего повѣреннаго.

Акціи разобрали на подхватъ за полуторную цѣну. Анатолий успѣлъ купить и теперь тоже съ нетерпѣніемъ ждалъ Гильмора.

Въ это время купецъ Севрюгинъ говорилъ дочери, которая плакала, слушая рассказъ свахи о томъ, какъ отозвался о ней Анатолий.

— Не плачь, Мавруша, говорилъ отецъ, онъ снѣлъ подрядъ на плотничную работу, а лѣсъ-то у меня. Посмотримъ какъ справится. Видишь съ чѣмъ выѣхалъ,—еще меньше!... Больше дамъ! осемь-сотъ дамъ! Мавруша у меня одна, всё ей же достанется...

— Да, батюшка, говорила дѣвушка всхлипывая, онъ, говорятъ, подрядъ то снѣлъ на чужое имя, и съ чужими залогами.... И она снова залилась слезами....

— Не плачь, говорилъ отецъ, и свой подрядъ есть! Да что онъ, будто невидаль какая? Вотъ, говорятъ инѣ, Дмитрій Семе-

повячь Нозальскій,—это женихъ такъ женихъ!— Узнать бы только по вѣрѣ, какъ дѣла его.... Ну, да не бойся! маху не дадимъ!..

II.

У Сергѣя Макаровича обѣдало нѣсколько гостей. Между ними былъ Иванъ Ильичъ Луринъ и еще одинъ очень важный господинъ съ двумя звѣздами на груди, и вообще человѣкъ очень уважаемый.

Важный господинъ ни слова не говорилъ съ Евгеніей, старался не говорить и съ другими гостями. Онъ говорилъ только съ Луриннымъ, да съ Сергѣемъ Макаровичемъ, и то всё о предметахъ серьезныхъ, важнаго содержанія; на примѣръ о движеніи, только что основавшейся тогда партіи свободной торговли, о процесѣ, который тогда занималъ умы всей Европы, о новыхъ выборахъ во Франціи, — ну однимъ словомъ, я уже сказалъ, — всё о политическихъ предметахъ.

Въ этомъ разговорѣ выказывалась вся многосторонняя образованность Луринна, вся опытность человѣка, видѣвшаго всё своими глазами, знакомаго съ большею частію лицъ, которыя упоминаются въ разговорѣ какъ главныя дѣйствующія.

Луринъ говорилъ остро, умно, занимательно; приводилъ множество анекдотовъ и случаевъ бывающихъ на выборахъ, рассказывалъ о независимости мнѣнія депутатовъ и потомъ разбиралъ торговые интересы Англіи или кодексъ ея законовъ и постановленій.

Луринъ говорилъ и съ женщинами. Съ ними онъ былъ любезенъ, остеръ, какъ человѣкъ, который умѣетъ быть любезнымъ когда захочетъ. Съ Евгеніей онъ былъ то увлекателемъ, страстемъ, то холоденъ, какъ модный левъ. И вездѣ умѣлъ сохранить всё свое достоинство, всю разборчивость въ сужденіяхъ, которые обозначали его положительный умъ и оригинальный рѣзкій взглядъ.

Послѣ обѣда гости разъѣхались. Важный человѣкъ съ Сергѣемъ Макаровичемъ ушелъ въ кабинетъ, Луринъ остался съ Евгеніей.

Евгенія любила слушать Луринна. Она всегда находила столько любопытнаго, занимательнаго въ его рассказѣ, столько особенности въ его изложеніи, что увлекалась его рѣчью. Даже самая физиономія Ивана Ильича, его строгое, холодное лицо, просѣды его головы, сѣдые усы, производили впечатлѣніе на дѣвушину. Она думала,

такъ будетъ хорошъ и мой Анатолий, когда доживетъ до лѣтъ Луринна. И она вспоминала Анатолия? — Въ Луринѣ больше ума, больше опытности, — за то въ разсказѣ Анатолия больше выразительности, больше чувства.... Луринъ говоритъ холодно, не обращая ни какого вниманія, а Анатолий вотъ здѣсь непременно бы оборотился къ ней: тамъ взглянуть бы на неё....

Луринъ началъ говорить объ Анатолии, Евгения слушала съ жадностію. Луринъ хвалилъ умъ, способности Анатолия.... Евгения думала о благородствѣ образа его мыслей, о его энергіи, о любви его къ ней.... Луринъ продолжалъ говорить, съ какою ловкостію выпутался Анатолий изъ своего положенія.... Евгения вспомнила, какъ былъ благороденъ онъ въ минуты своего несчастья, какъ жертвовалъ всѣмъ чтобы заплатить долги, какъ благородно, возвышенно любилъ онъ Евгению.... Луринъ разсказывалъ какъ Анатолий искусно выманилъ залогов у Лохселя.... Евгения поблѣднѣла, ей пришло на мысль: не низко ли это?...

Потомъ Луринъ не сказалъ, а очень ловко намекнулъ о его связи съ бывшей любовницею Ноэльскаго....

Евгения сдѣла обезсиленная, блѣдная; её поразила мысль, что Анатолий измѣнилъ ей.

Послѣ Луринъ заговорилъ о другихъ предметахъ.

Переходъ былъ сдѣланъ ловко, умно, такъ, что во всемъ разговорѣ Луринна, нельзя было видѣть ничего болѣе желанія похвалить Анатолия, показать съ самой лучшей стороны умъ и способность Анатолия пользоваться обстоятельствами. И это было тѣмъ естественнѣе, что Луринъ постоянно такъ держалъ себя, что умѣлъ завѣрять и Сергѣя Макаровича и Евгению, будто онъ ни чего не знаетъ о сватовствѣ Анатолия къ Евгени.

— Я узнаю объ этомъ, думала Евгения, — непременно узнаю, — и если это правда, — какъ стану я его презирать!

Луринъ между тѣмъ распрощался и пошелъ къ Сергѣю Макаровичу.

Важный господинъ уже уѣхалъ. Сергѣй Макаровичъ думалъ, — нельзя ли занять денегъ у Луринна?

Луринъ вошелъ.

Сергѣй Макаровичъ началъ говорить о своихъ стѣпенныхъ положеніяхъ, Луринъ сталъ тоже говорить о стѣпенныхъ положеніяхъ Сергѣя Макаровича.

— Странно, думаетъ Сергѣй Макаровичъ, онъ самъ, кажется, заговариваетъ такъ, чтобы дать мнѣ въ займы. — Да, Иванъ Ильичъ, говорилъ онъ обращаясь къ Луринну, вотъ теперъ мнѣ нуж-

во двадцать тысячъ; разумѣется можно и безъ нихъ пробыть, но они нужны, а я, вы знаете, не привыкъ....

— Приятно всякому одолжить васъ, говорилъ Луринъ.

— Вы обязательны, Иванъ Ильичъ, какъ нельзя болѣе обязательны,—отвѣчалъ Сергѣй Макаровичъ, слѣдовательно, если бы я обратился къ вамъ....

— Ваша дочь, ваша Евгенія прекрасна,—перебилъ Сергѣя Макаровича Луринъ,—какъ увлекательно говоритъ она, что признаюсь,—если бы не мои дѣла....

Я не пересказываю здѣсь всего разговора, который кончился къ обоюдному удовольствію. Луринъ обѣщалъ въ среду привезти деньги и получить отъ Сергѣя Макаровича отвѣтъ.

— Почти завѣряю васъ, что удовлетворительный, говорилъ Сергѣй Макаровичъ провожая Луринна.

Ноэльскій между тѣмъ получалъ письмо слѣдующаго содержания.

«Ни какими средствами до сихъ поръ не могъ освободиться, чтобы имѣть удовольствіе сразиться съ вами, Дмитрій Семеновичъ. У насъ завязалась въ Павловскѣ борьба, съ однимъ тоже пріѣзжимъ, и каждый день; теперь конечно, я не въ проигрышѣ. Но мнѣ еще нужно обдѣлать кое-какіе дѣла, надѣюсь что отъ всего отдѣлаюсь ко вторнику, и въ среду буду весь вашъ
«Алексѣй Батугинъ.»

— Надобно увѣдомить Луринна и достать денегъ, сказалъ себѣ Ноэльскій.

И онъ опять извѣднулъ весь Петербургъ и ни гдѣ не могъ достать; заѣхалъ къ Луринну.

Луринъ показалъ ему совершенно готовую и запечатанную игру картъ, и сказалъ что привезетъ ихъ въ среду, но чтобы Ноэльскій далъ прежде знать, дѣйствительно ли Батугинъ будетъ. А на жалобы Ноэльскаго, что тотъ нигдѣ не можетъ достать денегъ, Луринъ промолчалъ и потомъ, будто между разговоромъ, сказалъ что онъ везетъ рѣшительно послѣднія деньги къ Сергѣю Макаровичу.

Послѣ этого Ноэльскій не рѣшился просить. Онъ думалъ: я и такъ Луринну долженъ двѣсти-тысячъ за акціи, онъ дастъ мнѣ средство поправиться, привозитъ карты, какъ же еще просить?..

А деньги необходимы.

Тутъ Ноэльскому пришло извѣстіе, что вексель, давно уже просроченный имъ, тотъ самый вексель, который давно мучилъ Ноэльскаго, подавъ ко взысканію.

А денегъ нѣтъ, что дѣлать?

Вотъ онъ выигрываетъ и заплатитъ по векселю, а тамъ, можетъ-быть, прійдетъ шароходъ и кончено, онъ поправится. Если же шароходъ не прійдетъ, онъ женится на Севрюгиной, возьметъ во-семь сотъ тысячъ приданаго,—вмѣстѣ съ выигрышемъ у него будетъ миллионъ триста тысячъ,—также можно поправиться. Но ж на выигрышъ, на вѣрный выигрышъ пужны деньги, а у него нѣтъ.... И Нозльскій рѣшился.

Онъ послалъ за однимъ извѣстнымъ ему человѣкомъ, который дастъ денегъ только не иначе какъ подъ вѣрный залогъ.

Докладываютъ, что этотъ человѣкъ пришелъ. Нозльскій задрожалъ внутренно. Какъ ни привыкъ онъ въ послѣднее время къ отказу, какъ не привыкъ терять все отъ самыхъ иногда пустыхъ причинъ, Нозльскій задрожалъ; онъ зналъ что это послѣднее средство.

— Позови сюда, сказалъ онъ своему лакею. Вошелъ человѣкъ маленькаго росту съ приплюснутымъ носомъ, чрезвычайно тонкими губами. Волосы его были съ просѣдью необыкновеннаго цвѣту, брови черные, густые. Онъ былъ одѣтъ въ старый плюсовый жупанъ, шея была повязана краснымъ бумажнымъ платкомъ, а сапоги толстые, подбитые гвоздями, загрязненные.

Это черное существо очень униженно поклонилось при входѣ въ кабинетъ Нозльскаго и, согнувшись, ждало съ особеннымъ подобоострастiemъ, покуда Дмитрію Семеновичу будетъ угодно начать говорить.

— А! здравствуй любезный, сказалъ Нозльскій стараясь говорить фамильярнѣе,—я радъ тебя видѣть.

— Черное существо согнулось еще болѣе, поклонилось еще униженнѣе.

— Вотъ что, любезный, мнѣ пужны деньги.... Маленькій человѣкъ вытянулся, и съ какой-то гордостію взглянулъ на Нозльскаго, потомъ улыбнулся.

Деньги были кумиръ маленькаго существа и онъ царемъ смотрѣлъ на человѣка, который проситъ ихъ у него.

— Разумѣется, я прошу у тебя подъ закладъ, но мнѣ нужно не менѣе какъ тысячь сорокъ—можешь ли ты мнѣ дать ихъ?

— И Нозльскій остановилъ свои глаза на фizioноміи чернаго человѣчка и думалъ:— ну что если онъ не дастъ?..

— Хоть сто! отвѣчалъ человѣкъ съ виду похожій на нищаго. Что вы дадите мнѣ въ закладъ?

— Всѣ, что ты видишь!— Я даю тебѣ, во первыхъ, мои экипа-

ли, лошадей съ кучерскимъ и фореиторскимъ платьемъ, всю мебель, ковры, люстры, зеркала, сервизы, — однимъ словомъ все. Вотъ списокъ вещей; въ покупкѣ тысячъ на полтора; переговоры съ дворецкимъ и посмотри вещи. Только слушай! Ты возмешь къ себѣ мебель и сервизы не прежде четверга утра, лошадей и экипажи можешь взять сей часъ. Мы заключимъ съ тобой условіе, какъ-будто я тебѣ продалъ мою мебель, и если я въ четвергъ утромъ незаплачу, то ты можешь взять у меня всё.

Волненіе прерывало слова Нозьскаго. Онъ зналъ, что этимъ средствомъ подписываетъ приговоръ себѣ. Но для Нозьскаго одно средство поправиться, — это выиграть, а послѣ придуть шароходы или женитьба и онъ уплатится.

Онъ выиграетъ непременно, только для выигрышу нужны деньги....

И теперь его волновала мысль: ну что если маленькій человекъ откажетъ? Кромѣ того онъ не могъ быть спокоенъ, разставаясь со всѣмъ, къ чему привыкъ, какъ къ необходимой принадлежности.

И Нозьскій дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, тусклые глаза его сверкали и онъ часто закрывалъ ихъ, будто пугаясь того, что передъ нимъ находится.

— Хорошо-съ! я посмотрю вещи. И маленькій человекъ ушелъ.

Нозьскій взялъ со стола какую-то книгу и думалъ объ одномъ, одна идея занимала его голову: — ну, что, если онъ не дастъ?

Маленькій человекъ воротился.

— Ну, что? спросилъ Нозьскій, не отрывая глазъ отъ печатной страницы, какъ будто онъ былъ такъ увлеченъ, что сорокъ тысячъ не стоили того, чтобы оторваться отъ книги.

А книга лежала передъ нимъ на оборотъ и Нозьскій этого не замѣчалъ.

— Ничего-съ, Дмитрій Семеновичъ! Я согласенъ дать вамъ сорокъ тысячъ, если вы помѣстите тутъ и столовое серебро.

Нозьскій будто нехотя положилъ книгу.

— Изволь! составь же актъ!

Черезъ нѣсколько минутъ Нозьскій подписалъ слѣдующую бумагу.

«Я нижеподписавшійся, Дмитрій Семеновъ, сынъ, Нозьскій, по случаю моего отъѣзда продалъ купцу третьей гильдіи N, своихъ лошадей, экипажи, мебель, столовые приборы, всё какъ значится здѣсь по вѣдомости, за сорокъ три тысячи ассигнаціями. Деньги

всѣ сполна получилъ, а вещи вышеозначенный купецъ долженъ взять въ среду утромъ.

«Если же по какому нибудь случаю мой отъездъ отложится на неопредѣленное время, и я пожелаю взять вещи съ уплатою ему денегъ назадъ, то я имѣю это право до четверга вечера.»

Бумагу скрѣпили подписью свидѣтелей и Ноэльскій получилъ сорокъ тысячъ.

— Одно дѣло сдѣлано, сказалъ онъ: надобно теперь пріѣзжаго.

Въ этотъ же день между спекуляторами разнесся слухъ, что Ноэльскій выигралъ у какого-то пріѣзжаго пятьдесятъ-тысячъ серебромъ. А на другой день, когда узнали что онъ продалъ свою мебель и лошадей, потому что уѣзжаетъ, всѣ кредиторы всполошились и потребовали уплаты по векселямъ.

Ноэльскій ѣздилъ умолять, чтобы ему отсрочили три дня. «Въ эти три дня, говорилъ Ноэльскій, я надѣюсь получить до осьмисотъ-тысячъ и надѣюсь уплатить».

Кредиторы дали отсрочку, но слѣдили за нимъ и Ноэльскій истощилъ силы свои, нато чтобы только на три дня сохранить къ себѣ довѣренность.

Наступила среда.

Сегодня долженъ пріѣхать Батугинъ къ Ноэльскому. Луринъ долженъ привести Ноэльскому карты, которыми онъ въ одинъ вечеръ выиграетъ себѣ состояніе.

«Ну, что если Батугинъ не пріѣдетъ? если Луринъ не привезетъ карты?» Эти мысли мучили Ноэльскаго и онъ какъ потерянный ходилъ изъ угла въ уголъ, не понимая самъ своихъ ощущеній.

«Я сейчасъ поѣду къ Лурину», говорилъ Ноэльскій. Но онъ какъ-будто боялся ѣхать, чтобы Луринъ не разсердился и не отказалъ ему въ картахъ. «Да вѣдь онъ самъ велѣлъ мнѣ дать знать».

И Ноэльскій стоялъ передъ подъѣздомъ Лурина.

Все какъ-то было странно: швейцаръ не стоялъ у входа и двери были заперты.

Ноэльскій позвонилъ тихо, нерѣшительно, какъ обыкновенно звонятъ просители у дверей вельможи.

Никто не откликнулся на звонокъ, двери не отворились.

Напрасно Ноэльскій прислушивался къ малѣйшему стуку, напрасно обмацывалъ себя, думалъ, что отъ нетерпѣнія ему кажется что онъ долго ждетъ.

Било семь часовъ.

«Можетъ быть Батугинъ уже прїѣхалъ», подумалъ Ноэльскій, и рѣшился еще позвонить.

Вышла сонная фигура швейцара и объявила, что Ивана Ильича нѣтъ дома.

— Когда будетъ? спросилъ Ноэльскій.

— Я почему знаю! отвѣчалъ швейцаръ.

— Отдай ему письмо и скажи, что я жду его сегодня къ себѣ.

— Да онъ можетъ сегодня и не воротится, отвѣчалъ швейцаръ.

Эти слова поразили Ноэльскаго.

«Какъ же! Луринъ общалъ, думалъ онъ. Неужели Луринъ хотѣлъ обмануть меня?...»

Совѣсть напомнила Ноэльскому, что онъ много не правъ передъ Луринимъ, что обманъ Лурина будетъ Ноэльскому справедливымъ возмездіемъ.... «Но онъ этого не знаетъ, проговорилъ про себя Ноэльскій: онъ не знаетъ, онъ вѣрно прїѣдетъ, привезетъ.... онъ всегда былъ ко мнѣ такъ доброжелателемъ.... Но что, если онъ узнаетъ, что я развращалъ его сына, обхитривалъ его?... Неужели онъ узналъ объ этомъ?... Да какъ онъ узналъ?... И непременно теперь я погибъ, если Луринъ узналъ....» И Ноэльскій тихими шагами пошелъ домой.

Луринъ былъ дома и сидѣлъ съ Анатоліемъ.

Они видѣли какъ Ноэльскій шелъ. Луринъ нарочно велѣлъ запереть двери и сказать, что его нѣтъ дома.

Анатолій привезъ Лурину вексель его сына. Луринъ благодарилъ его за это и купилъ вексель.

«Онъ добрый малый, думалъ Луринъ объ Анатоліѣ, забирая вексель сына своего въ бюро. Я и не хочу ему зла, Богъ видитъ, не хочу! Я желаю, чтобы онъ поправился, разбогатѣлъ, только чтобы Евгенія любила не его, а меня....»

— А Лохсель вы бросили? спросилъ Луринъ Анатолія.

— Какъ выжатый лимонъ! отвѣчалъ Анатолій. Я снялъ на ея имя и подъ залогъ ея имѣнія подрядъ: подрядъ пошелъ неудачно и я оставилъ ее распоряжаться какъ хочетъ, тѣмъ болѣе, что мужъ ея померъ и я забралъ деньги, которыя можно было въ подрядъ взять впередъ.

— И она, говорятъ, выходитъ за Сорокина!... Какъ теперь ваши дѣла? спросилъ Луринъ.

— Да ничего, Ивапъ Ильичъ, отвѣчалъ Анатолій. Недавно Чер-

иниъ втянулъ меня въ одно, по моему гадкое, но довольно выгодное дѣло.

— Какое? спросилъ Луринъ.

— Да попался простякъ: они ему продали имѣнiе, которое не стоитъ ничего, я былъ свидѣтелемъ: скверная исторiя, но что жъ дѣлать? Когда хочешь поправиться, нельзя быть слишкомъ разборчивымъ.... Я утѣшаю себя по-крайней-мѣрѣ тѣмъ, что въ этой исторiи я не имѣлъ ни какого участiя: я только молчалъ и оттого имѣлъ выгоду.

— Иначе ничего и не составите себѣ, Анатолий Александровичъ. А что тотъ бородачъ.... какъ его.... еще дочка-то рябая?...

— Севрюгинъ?

— Да, Севрюгинъ?

— Ухаживаю за косою дочкой, любезничаю, такъ, что изъ рукъ вонъ. И все ддятого, — думаю, Лохсель не выдержитъ подряда, — а какъ будутъ дѣйствовать насчетъ залоговъ, я и сниму. Лвсъ-то Севрюгина мнѣ и пригодится. Да кромѣ-того вотъ будутъ торги на постройку новаго моста, такъ тутъ Севрюгинъ очень и очень пригодится....

— Ну, и надѣетесь?

— Да, ничего! Одинъ плотничный подрядъ Севрюгинъ ужъ мнѣ помогъ спустить съ рукъ, и теперь у насъ съ нимъ дѣло въ самомъ разгарѣ. Отъ васъ поѣду къ нему.

— Дѣло! замѣтилъ Луринъ: вы не упускаете случаевъ.... Однако мнѣ пора къ Ноэльскому, а то онъ, пожалуй, умретъ отъ лихорадки. Возьмите деньги за вексель!

— Помните, Иванъ Ильичъ! я долженъ вамъ....

— Всѣ-равно, отвѣчалъ Луринъ: вы отдадите, а теперь вамъ нужны деньги, покуда не поправитесь совсѣмъ.

Анатолию совѣстно было брать деньги за вексель, который онъ получилъ почти обманомъ. Однако онъ взялъ и ушелъ.

Луринъ послалъ къ Ноэльскому, чтобы узнать, не прiѣхалъ ли Батугинъ.

Отъ Ноэльскаго приходили три раза, но швейцаръ все говорилъ холодно, что Ивана Ильича нѣтъ дома.

Луринъ смѣясь говорилъ себѣ: «Онъ рѣшительно болѣтъ».

И точно, Ноэльскiй былъ въ лихорадкѣ. Онъ ждалъ гостей, которыхъ звалъ, чтобы прикрыть свою игру съ Батугиннымъ, но никого не было.

Луринъ тоже не привозилъ обѣщанныя карты и Ноэльскiй

былъ въ отчаяніи. Онъ думалъ: «Занялъ, ославилъ себя и никого нѣтъ!»

Доложили , что отъ Батугина челоѣкъ присланъ.

— Онъ отказывается, сказалъ Нозльскій, отказывается!

И онъ почти не имѣлъ духу распечатать письмо.

Когда наконецъ онъ собрался съ силами , прочиталъ записку Батугина , лицо его на минуту прояснилось. Батугинъ пишетъ, что онъ не можетъ быть къ нему прежде перваго часу ночи. «Авось Луринъ прійдетъ и вспомнитъ свое обѣщаніе. А если не прійдетъ?...» И Нозльскій тысячу разъ сряду задавалъ себѣ этотъ вопросъ.

Гости начали пріѣзжать. При всемъ желаніи замаскировать себя , Нозльскій безпрестанно показывалъ удивительную разсѣянность , называлъ гостей другими именами , шелъ не туда , куда хотѣлъ , и многіе спрашивали: «Не боленъ ли онъ?»

Это участіе и распросы еще болѣе тревожили и мучили Нозльскаго.

Гости успѣли играть. Нозльскій ходилъ по комнатамъ и ждалъ....

Нѣкоторые изъ кредиторовъ съ ночи являлись узнать , не уѣхалъ ли Нозльскій , точно ли онъ завтра имъ все заплатитъ. Эти справки рѣшительно заставляли Нозльскаго теряться.

Долги , надежда , досада , оскорбленное самолюбіе , волновали Нозльскаго и наконецъ ожиданіе игры , въ которой онъ видѣлъ средство поправиться , все это соединилось на немъ и голова его была полна хаосомъ идей , въ которыхъ онъ не могъ себѣ дать отчета.

Вошелъ Батугинъ.

Приходъ Батугина совершенно сразилъ Нозльскаго.

Нозльскій долженъ сѣсть играть , а Луринъ нѣтъ.

— Видите , Дмитрій Семеновичъ , я сдержалъ свое слово: пріѣхалъ обѣиграть васъ , сказалъ Батугинъ.

— Очень благодаренъ , очень благодаренъ! отвѣчалъ Нозльскій: и именно меня , потому что помѣщикъ , о которомъ я писалъ вамъ , проигралъ мнѣ пятьдесятъ-тысячъ и уѣхалъ въ деревню.

— Мнѣ всё-равно съ кого ни выиграть , отвѣчалъ Батугинъ.

Столъ раскрытъ , карты поданы , а Луринъ все нѣтъ.

Нозльскій былъ виѣ себя , не зналъ , что дѣлать.

Неужели ему рисковать на счастье послѣдними сорока-тысячани , какія только могъ онъ достать?...

Ему пришло въ голову , не посадить ли Батугина за пресерасъ?

Нозльскій обрадовался этой мысли: покуда они играют въ преферансъ, можетъ-быть Луринъ и прїѣдетъ.

— Сначала въ преферансъ, сказалъ Нозльскій Батугину, а потомъ, когда лишніе разъѣдутся, мы и въ палочки на суровыя.

— Пожалуй, мнѣ всё равно, отвѣчалъ Батугинъ.

Нозльскій составилъ партію, сѣлъ самъ и при всякомъ стукѣ колесъ подбѣгалъ къ окну.

Карета Луринъ подѣхала къ крыльцу.

Нозльскій былъ ни живъ ни мертвъ.

Луринъ вошелъ въ гостиную, извинился передъ Нозльскимъ, что поздно.

— Меня задержали, говорилъ Луринъ, но я непременно хотѣлъ быть у васъ.

Нозльскій смотрѣлъ на него глазами, въ которыхъ видно было отчаяніе.

— Да, кстати, Дмитрій Семеновичъ, скажите, что это значить насчетъ Дарьи Алексѣевны Лохсель? Вы не живете уже съ ней?

Нозльскаго схватили за чувствительную струну, но онъ еще сохранилъ спокойствіе на столько, чтобы отвѣтить:

— Она теперь любитъ Анатоля: онъ помоложе.

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ Луринъ. Анатолий бросилъ ее, у нея мужъ умеръ и она выходитъ замужъ за Сорокина.

— Даша! за Сорокина! вскрикнулъ Нозльскій. Она промѣняла меня на Сорокина!...

И Нозльскій не въ силахъ былъ этого вынести: слезы были на его рѣсницахъ.

— Что жъ! для нея Сорокинъ прекрасная партія. У нея Анатолий заложилъ послѣднія семьсотъ душъ на невыгодный подрядъ, а у Сорокина два каменныхъ дома, есть и звонкіе... чловѣкъ оборотливый, наживетъ!...

Нозльскій молчалъ. Ему подали письмо. Лохсель сама увѣдомила его, что она выходитъ замужъ. Нозльскій отъ отчаянія. Ударъ былъ нанесенъ вѣрно.

Нозльскій стоялъ какъ потерянный.

Луринъ подошелъ къ нему и тихонько сказалъ:

— Дмитрій Семеновичъ, карты со мной.

Эти слова будто силой электричества пробудили Нозльскаго.

— А! карты! сказалъ онъ внѣ себя: да, карты! О! какъ же она раскается!... Иванъ Ильичъ, благодѣтель мой, отдайте!

Луринъ вывелъ его въ другую комнату, отдалъ карты и сказалъ:

— Не забудьте же ключъ!

— О, не забуду! Я только одно это и помню: къ нижней придать пять, вычестъ изъ тринадцати и потомъ — первую талію ничего, вторую одинъ, и такъ далѣе. Забуду ли я свое счастье!

— Ну, прощайте же, Дмитрій Семеновичъ, сказалъ Луринъ.

— Куда вы?

— Да я что-то нездоровъ, насилу пріѣхалъ! Прощайте! желаю вамъ счастливо окончить вечеръ.

И Луринъ уѣхалъ.

— Не пора ли на суровые? сказалъ Батугинъ Ноэльскому.

— Пожалуй!

Ноэльскій и Батугинъ сѣли играть.

III.

Луринъ поѣхалъ къ Сергѣю Макаровичу.

Евгенія плакала въ своей комнатѣ. Она успѣла увѣриться въ измѣнѣ Анатолія, его низкихъ поступкахъ, связъ съ Лохсель и потомъ узнала какъ Анатолій бросилъ Лохсель, когда подрядъ, святой на ея имя и съ залогомъ ея имѣнія, пошелъ невыгодно. Евгенія узнала, что Луринъ благодѣтельствовалъ Анатолію, а Анатолій, въ отплату за добро, согласился съ фальшивыми игроками, чтобы обманывать и обирать его сына, сына своего благодѣтеля.... Она узнала и о безчестной продажѣ при посредствѣ Анатолія и о томъ, что онъ теперь ухаживаетъ за Маврушей, дочерью Севрюгина, и для того только ухаживаетъ, чтобы отецъ ея далъ ему средство купить дешевле лѣсъ....

И это дѣлаетъ тотъ, кого она любила, кого почитала выше людей, кто былъ ея идеаломъ, постояннымъ предметомъ ея девичьей мечты.... тотъ, на чье благородство она такъ надѣялась, чью любовь къ себѣ она почитала святымъ чувствомъ, кого любила до самозабвенія....

И онъ измѣнилъ ей, продалъ себя ничтожной женщинѣ, обманулъ и эту женщину и наживалъ деньги низкими средствами, обирая сына своего благодѣтеля, обманывая неопытную и довѣрчивую дѣвушку....

Гдѣ же то благородство, которое она видѣла въ немъ? Гдѣ же та любовь его къ ней, которая, казалось, проникала все его существо?....

А Евгенія была такъ нѣжна, такъ довѣрлива къ нему, такъ увѣрена въ его чувствахъ, въ его правилахъ. Анатолій испровергъ

всю довѣренность къ себѣ, уничтожилъ неприкосновенность своей чести....

И грустна была Евгенія, она плакала отъ полноты своей любви, которая создавала въ ея мысляхъ Анатолія дорогнѣй, милѣй.

А что онъ?

Онъ, можетъ-быть, въ эту минуту дѣлаетъ новую низость, заѣрять въ своей любви Севрюгину, или обингрываетъ молодого Лурна.

Мысли эти заставляли Евгенію заливаться слезами. Онъ мучил ея чувство представленіемъ всей низости человѣка, который для денегъ готовъ на всѣ жертвы и не цѣнитъ ничего кромѣ денегъ....

«Чувства такого человѣка продажны, думала Евгенія: онъ не въ-силахъ понять ни пѣжности сердца, ни порывовъ увлеченія, ни могущества страсти.... Для него нѣтъ жертвы выше денежной и онъ никому не принесетъ этой жертвы, потому что для него деньги выше всего на свѣтѣ и кромѣ ихъ такой человѣкъ холоденъ ко всему....

Не былъ ли отвѣтъ Анатолія на страстное письмо Евгенин слѣдствіемъ этой холодности, а не благородства чувствъ и правилъ, какъ Евгенія приняла его. И самая любовь его къ Евгенин не была ли слѣдствіемъ его коммерческихъ соображеній? Что она подавлялась ими, это Евгенія видѣла.»

Вотъ какія мысли мучили Евгенію.

Страстная любовь ея къ Анатолію разбивалась доводами ея ума. Она разбирала его поступки. Умъ и сердце ея говорили, что они стоятъ презрѣннѣе, она должна презирать его, — но она его любила..... И Евгенія томилась, плакала, чтобы хоть въ слезахъ залить свою горестъ.

Передъ этимъ отецъ сказалъ ей о предложеніи Ивана Ильича.

Евгенин понимала, что не можетъ быть счастлива съ Иваномъ Ильичемъ. Ни его характеръ, ни его холодность, ни лѣта его не соответствовали ея наклонностямъ, ея характеру, ея пылкой душѣ.. И она твердо отказала отцу несмотря на его настойчивость. Она знала, что этимъ не кончится, что ей придется выдержать борьбу противъ желанія Сергѣя Макаровича, и для кого же будетъ эта борьба? Для человѣка, котораго она презираетъ.

Эти переговоры о сватовствѣ еще болѣе терзали до глубины души оскорбленную Евгению. Ее хотѣли выдать за того, кого

она не любить, и ей нельзя выйти за того, кого хотя она и любит, но не уважает; нельзя, и не теперь только, а никогда, потому что никогда она не будет его уважать.

Вошелъ Луринъ. Евгенія не успѣла скрыть своихъ слезъ.

Луринъ остановился, посмотрѣлъ на эту изящную головку, которая и въ слезахъ была прекрасна. Онъ вспомнилъ какъ плакала Олинъка, какъ тогда была хороша она.

Воспоминаніе о женѣ въ первый разъ не было для него мучительно. Онъ думалъ: она мнѣ замѣнитъ Олинъку, она лучше Олинъки....

— Евгенія! я отвергнуть вами, сказалъ Луринъ, смягчая свой голосъ и принимая на себя чрезвычайно нѣжное и покорное выраженіе.

Евгенія не отвѣчала, она старалась скрыть свои слезы.

— Мое предложеніе оскорбило васъ, продолжалъ Луринъ: простите меня, тысячу разъ прошу васъ, простите! Я отказываюсь отъ своего предложенія. Я не хочу, чтобы вы изъ-за меня плакали. Пускай я страдаю одинъ, а не вы: я не хочу сколько-нибудь быть причиной вашей горести.... Не плачьте, Евгенія Сергѣевна, простите меня, я не хотѣлъ оскорбить васъ.....

Это проговорилъ Луринъ съ выраженіемъ истинной любви, прямого чувства и выказывая всю глубину своей привязанности.

Потомъ онъ продолжалъ грустно:

— Я, Евгенія Сергѣевна, предложилъ вамъ свою руку, сердце, себя; разумѣется, болѣе я ничего не могъ предложить вамъ, и не думалъ что этимъ оскорблю васъ.....

— Я должна благодарить васъ, Иванъ Ильичъ, за честь... начала Евгенія.

— Не говорите этого, Евгенія, продолжалъ Луринъ: не убивайте меня холоднымъ, заученымъ комплиментомъ. Я вамъ не правлюсь, и кончево! Вы, вѣрно, не думаете, чтобы я захотѣлъ овладѣть вами противъ вашей воли...

Евгенія молчала. Она смотрѣла на Луринна и видѣла въ его глазахъ увлеченіе чувства, силу любви: она не узнавала Луринна, холоднаго Луринна.

Луринъ продолжалъ:

— Съ перваго разу, какъ только васъ увидѣлъ, я посвятилъ свою жизнь вамъ, нарочно ѣздилъ въ деревню, тамъ жилъ, и тѣмъ болѣе я васъ уважалъ, тѣмъ болѣе любилъ.... Я готовъ былъ тогда же, какъ мальчикъ, броситься къ вашимъ ногамъ, умолять васъ о любви, но я подумалъ: что такое я для васъ?

старикъ, почти отжившій уже.... Вы, разумѣется, думаете, что я не въ-состояніи ни оцѣнить, ни понять васъ, ни сочувствовать вашимъ пылкимъ стремленіямъ, что я женюсь только для себя, чтобы поставить на семейную ногу свой домъ и чтобы было кому за мной ухаживать.... Я подумалъ это, угадалъ возможность, что и вы будете такъ думать и отказался и отъ любви своей, и отъ надежды на счастье: я молчалъ.... Вы сами знаете, измѣнилъ ли я хоть однимъ словомъ, хоть однимъ тонкимъ намекомъ своему молчанію? Но смотря на васъ, я чувствовалъ весь пылъ молодости, всю силу любви, смотря на васъ, я снова становился молодъ. Я былъ болѣе моей тайной любовью къ вамъ и молчалъ. Я узналъ, понялъ всю прекрасную душу вашу, сочувствовалъ ей благороднымъ порывамъ и какъ юноша, какъ ребенокъ боялся высказаться передъ вами. Наконецъ рѣшился. Мнѣ пришло въ голову, что мое чувство должно вызвать и вашу привязанность, и я сказалъ вашему батюшкѣ; я не думалъ оскорбить васъ этимъ. Вашъ батюшка передалъ мнѣ самъ холодный отказъ: я просилъ позволенія говорить съ вами. Теперь прошу, Евгенія, скажите мнѣ искренно, безъ жеманства, думаете ли вы, что я самъ по себѣ не могу составить вашего счастья, не могу возбудить въ вашемъ сердцѣ сколько-нибудь къ себѣ привязанности или вы мнѣ отказываете по другимъ причинамъ.

— Иванъ Ильичъ, отвѣчала Евгенія: я васъ слишкомъ уважаю, чтобы рѣшилась говорить вамъ нето, что думаю; и я не взъ тѣхъ которые не смѣютъ или не хотятъ выразить своей мысли,—вы это знаете,—и потому я откровенно вамъ говорю, что я васъ очень, очень уважаю, а любить не могу.

— Благодарю васъ за искренность, Евгенія, отвѣчалъ Луринъ улыбаясь: будемъ по-крайней-мѣрѣ друзьями, позвольте вашу руку, вѣдь вы не сердитесь на меня. Не правда ли?

Луринъ поцѣловалъ ея руку.

— За что же мнѣ на васъ сердиться, Иванъ Ильичъ, говорила Евгенія: я благодарна вамъ и отказываю не по несоразмѣрности нашихъ лѣтъ, не потому, чтобы я не надѣялась быть счастливой съ вами, напротивъ, я увѣрена, что за вами я бы была счастлива, но....

— Вы любите кого-нибудь? спросилъ ее Луринъ: скажите мнѣ, вѣдь мы друзья, и я имѣю право на вашу откровенность. Можетъ-быть есть препятствія? Я такъ люблю васъ, что по мо-

имъ силамъ готовъ стараться отстранить ихъ. Я васъ люблю, и готовъ всѣмъ жертвовать для вашего счастья.

Луринъ вспомнилъ, что онъ тоже самое говорилъ когда-то Оливьекъ: и чѣмъ онъ дия нея пожертвовалъ? Ничѣмъ!

— Нѣтъ, Иванъ Ильичъ, я любила, но уже не люблю. Онъ не стоитъ любви моей и я не люблю...

И Евгенія залилась слезами.

— Вы не любите, Евгенія Сергѣевна? сказалъ Луринъ съ горькимъ сомнѣнiемъ.

— Нѣтъ, не люблю, не буду его женой! отвѣчала Евгенія твердо: но не выйду за другаго. Я общала ему не выходить замужъ ни за кого, кромѣ его, и мое обѣщанiе свято исполню. Развѣ онъ самъ женится....

— Онъ непременно женится, не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ, подумалъ Луринъ. Такъ или иначе, говорилъ онъ, вы мнѣ отказываете; я не хочу знать, кого вы любите: довольно того, что не меня. По-крайней-мѣрѣ не лишите же меня, Евгенія, вашей дружбы; повѣрьте, я не стану надобѣдать вамъ своею любовью.

— Да! будьте другомъ моимъ, Иванъ Ильичъ, отвѣчала Евгенія подавая Лурину руку, поддержите меня и передъ батюшкой. Луринъ опять страстно поцѣловалъ руку Евгенія.

— Это кончено, сказалъ онъ, до свиданiя! Помните же, что я вашъ другъ, прибавилъ Луринъ полусмѣливо, и вышелъ изъ комнаты.

«Онъ непременно женится», радостно сказалъ онъ, садясь въ карету.

Дѣло почти кончено, отъ дружбы не далеко и до любви; она будетъ любить меня, непременно будетъ. Надобно только скорѣе сбросить съ плечъ этотъ старый долгъ.... Къ Дмитрію Семеничу, сказалъ Луринъ человѣку.

— Въ Италіянскую! Пошелъ! закричалъ человѣкъ.

Но что дѣлаетъ Ноэльскій?

Вспомните ту минуту, когда вы, утомленные оргіей холостой пирушки, измученные усталостью и ощущенiями игры, не спавши ночь, часу въ осьмомъ утра, ждете утренняго чаю, который приказалъ готовить хозяинъ. Игра уже кончилась; фортуна продолженiю этой ночи успѣла уже наградить своихъ любимцевъ, въ число которыхъ не знаю попали ли и вы? Но уже теперь все кончено. Вина вы уже болѣе не хотите; шумъ веселящейся молодежи умолкъ, почти всѣ разошлись, остались одни только

самые отчаянные поклонники богини счастья, да и ты, потушить голову, сидят молча.

Взглянувъ на комнату съ открытыми и исписанными мѣломъ столами, на груду картъ, измятыхъ, изломанныхъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, вы невольно съ упрекомъ скажете себѣ: «Можно ли такимъ образомъ убивать жизнь свою?»

И ваше воображеніе невольно унесетъ васъ въ лучший міръ, въ міръ благоуханій, а не табачнаго дыма; въ міръ спокойнаго счастья, а не тревожныхъ волненій игры. Вамъ представится, если вы женаты, ваша хорошенькая супруга — одна. Напрасно мыслію зоветъ она васъ къ себѣ, вы забыли о ней въ это время и ея жаркія объятія охватываютъ только подушку.

Если вы холосты, вы вспомните о богинѣ вашего сердца, которой не далѣе какъ вчера, вы обѣщали жизнь свою посвятить ей счастью, а сегодня и не подумали о ней, въ шумѣ оргіи, въ веселыхъ возгласахъ за шампаецкимъ, и въ судорожномъ созерцаніи выпадающихъ картъ.

Для того ли Провидѣніе подарило вамъ этотъ вечеръ?

Если вы проиграли, вы думаете: Стоило Столькихъ трудовъ, столькихъ пожертвованій приобрѣтеніе денегъ, чтобы ихъ проиграть въ одинъ вечеръ. Если вы выиграли, вы спросите себя: Стоили ли деньги, приобрѣтенныя вами, этой ночи волненія, проведенной безъ сна, въ тревожномъ ожиданіи вашей карты, и того напряженнаго вниманія съ какимъ слѣдили вы за таліей. Стоили ли они нѣсколькихъ фунтовъ испорченной крови, нѣсколькихъ съдыхъ волосъ, которые прибавились на головѣ вашей?

Загляните въ кабинетъ Нозьскаго.

Передъ вами картина, которую я описывалъ.

Нѣсколько оставшихся игроковъ съ блѣдыми лицами, съ раскраснѣвшимися отъ бессонницы глазами, сидѣли и стояли около ломбернаго стола.

Они наблюдали игру съ тѣмъ неизобразимымъ участіемъ, которое принимаютъ въ игрѣ посторонніе для играющихъ.

Нѣкоторые раскинулись на кушеткахъ и хотѣли бы дремать, но неодолимое любопытство влекло глаза ихъ къ карточному столу, который стоялъ подлѣ отвореннаго окна.

Дневной свѣтъ давно уже дѣлалъ лишними нагорѣвшія лампы и свѣчи, но ихъ не гасили, потому что все вниманіе гостей устремлялось на карты и талію.

Сперва нѣкоторые стали держать пари, но вскорѣ перестали: имъ совѣстно было задерживать играющихъ своими расчетами.

Груды золота, кипы ассигнацій и банковыхъ билетовъ, показывали, какъ должна быть огромна игра, которая увлекала вниманіе всѣхъ; и державшіе пари увидѣли, что ихъ расчеты, относительно куша игры, были копѣчные игрушки.

Но взгляните на игроковъ.

Сухой какъ скелетъ, блѣдный будто мертвецъ, Батугинъ сидѣлъ съ таліей въ рукахъ и кидалъ карты себѣ и противнику. По наружному виду онъ былъ довольно холоденъ и только судорожное сжатіе колоды, которую онъ держалъ въ рукѣ, показывало его волненіе; говорилъ онъ чуть слышно и съ изысканной вѣжливостію.

Онъ не блѣднѣлъ, потому что всегда былъ такъ блѣденъ какъ только можно быть, но багровыя пятна, выступившія у него на щекахъ и подбородкѣ, показывали, что онъ не въ выигрышѣ.

Батугинъ за одинъ разъ выпилъ себѣ въ ротъ рюмку вина и сталъ тасовать....

Вы видѣли картину какого-то знаменитаго художника, «Смѣю шійся»?

Съ самой пустой и глупой мишой, человекъ хохочетъ: самъ не знаетъ причину своего смѣха и не думаетъ о причинѣ. Ему смѣшно, и онъ смѣется, съ неувловимымъ выраженіемъ лица, съ комическими движеніями и блескомъ глазъ, которые будто впились во что-то.

Посмотрите, передъ вами Нозльскій. Угловатыя формы его изхудалаго, обрюзглаго лица выказываются явственнѣе отъ его судорожнаго смѣху, который двигаетъ всѣ мускулы, даже кожу на его черепѣ; отъ чего волосы Нозльскаго будто встаютъ на головѣ, уши ходятъ. Глаза Нозльскаго устремленные на карты, которые держитъ Батугинъ, блестятъ. Губы отъ востойной усмѣшки, раскрыты и показываютъ два ряда черныхъ и кривыхъ зубовъ. Очки сползли на носъ.

— Это пятая талія, подумалъ Нозльскій, смотря на нижнюю карту. Прибавить пять, вычесть изъ тринадцати и прибавить четыре.

— Идетъ по пятьсотъ рублей серебромъ марка, сказалъ Нозльскій, заглушая смѣхомъ слова свои, а къ суровой сто десять тысячъ ассигнаціями на не. Надобно пользоваться счастіемъ. Угодно? спросилъ онъ Батугина, продолжая свою радостную усмѣшку.

Глазѣмъ Ноэльскаго представлялись всѣ эти билеты, которые лежали на столѣ; мечтался его взорванные векселя, и онъ думалъ уже о новыхъ подрядахъ, которые принесутъ ему груды золота.

— Вамъ угодно бить? спросилъ Ноэльскій у Батугина.

Батугинъ холодно нагнувъ голову въ знакъ согласія, и невольно сталъ тасовать крѣпче и больше.

Къ Ноэльскому подошелъ управляющій и сказалъ на ухо: пришли за мебелью и еще нѣкоторые, съ векселями.

— Сейчасъ, сказалъ Ноэльскій, и мгновенно его фигура окаменѣла. Ему пришла въ голову мысль: ну что, если Батугинъ забастуетъ? Еще четыре талии, только четыре, думалъ Ноэльскій, и я съ полумилліономъ.

— На одну сюртовую идутъ ваши сто десять тысячъ? спросилъ Батугинъ, казалось, спокойно, но голосъ его дрожалъ, глаза принимали желаніе угадать волю судьбы.

— Да, на одну сюртовую, отвѣчалъ Ноэльскій, и улыбка опять сверкнула на его губахъ, опять непритворный смѣхъ оживилъ его лицо. Онъ поставилъ валета червей.

Гости, будто тронутые силой электричества, подыались со своихъ мѣстъ, приковали свое вниманіе къ игрѣ и смотрѣли съ тревожнымъ ожиданіемъ на падающія карты. У кого въ рукахъ были бокалы шампанскаго, тѣ оставили бокалы свои поднесенными къ губамъ, и не въ силахъ были оторвать глазъ отъ картъ, которыя однимъ ударомъ давали или отнимали состояніе.

Ноэльскій улыбался. Онъ зналъ, что карта упадетъ на его столу, и мучился только отъ нетерпѣнія.

Ноэльскій говорилъ про себя, съ судорожнымъ трепетомъ: — Поскорѣй бы, поскорѣй бы!

Губы его, то шептали эти заветныя слова, то сжимались, то опять ширялись отъ его странной, комической улыбки.

Батугинъ кидалъ карту за картой, медленно, тихо, съ выдержкой послѣ каждой прокидки.

Лѣвая рука его сжимала карты. Неестественный сгибъ его пальцевъ, показывалъ, что чувствуетъ въ это время Батугинъ, и до какой степени владѣеть своимъ ощущеніями.

А Ноэльскій смѣялся своимъ потеряннымъ смѣхомъ....

— Вы пикѣте валета пикъ, сказалъ Батугинъ, отмѣтите марку пятьсотъ рублей серебромъ, и самъ въ то же время отмѣтилъ валета трефъ.

У Ноэльскаго двонлось въ глазахъ, онъ не видалъ другихъ картъ, онъ ждалъ валеа червей.

— Дмитрій Семёновичъ выигралъ! вдругъ вскрикнулъ всѣ, когда валеа червей легъ къ нему. Ноэльскій молча переминалъ билеты, которые пододвинулъ къ нему Батугинъ. Руки Батугина задрожали, когда онъ сталъ тасовать къ слѣдующей талиі.

Надобно здѣсь замѣтить, что Ноэльскій садясь играть, условился, что сдастъ всегда Батугинъ, потому что у Ноэльскаго болитъ рука.

Батугинъ тасовалъ, а Ноэльскій думалъ: теперь на счастье три талиі, и говорилъ вслухъ:

— Выждать, выждать, суровая только вдвое.

Батугинъ промѣталъ три талиі. Оставалась Ноэльскому послѣдняя шестая вѣрная талия: въ эту талию онъ долженъ взять послѣднія двѣсти шестьдесятъ тысячъ Батугина.

Позволить ли Батугинъ поставить двѣсти шестьдесятъ тысячъ на одну суровую. Этотъ вопросъ мучилъ Ноэльскаго.

Онъ думалъ:—Надобно подзадорить!...

И Ноэльскій, проводя черту подъ записанными кушамъ, сказалъ: я кончилъ.

Батугина эти слова ошеломили.

Ноэльскій считалъ выигрышъ съ наслажденіемъ, которое проявлялось въ каждомъ его движеніи.

— Я выигралъ у васъ двѣсти двадцать тысячъ, сказалъ Ноэльскій, сжимая банковые билеты въ рукѣ, и перебирая другой кучку золота.

Батугинъ всталъ; непонятная тоска овладѣла имъ, онъ готовъ бы былъ убить Ноэльскаго, чтобы отнять у него свое золото.

Ноэльскій съ самодовольной улыбкой смотрѣлъ на деньги, но его мучила жадность.—Неужели Батугинъ уйдетъ съ остальными билетами?

Батугину казалось, будто тѣ двѣсти двадцать тысячъ, которые онъ проигралъ, дороже, лучше, больше тѣхъ двухъ сотъ шестидесяти тысячъ, которые у него остались. Онъ до сихъ поръ какъ будто не вѣрилъ себѣ, что онъ проигралъ почти половину всего, что имѣлъ, и онъ сказалъ Ноэльскому, указывая на остальные билеты.

— Играйте! тутъ довольно еще осталось.

— Нѣтъ, я кончилъ, сказалъ Ноэльскій, и думалъ: пушно же взять на послѣднюю талию.... Смѣхъ Ноэльскаго прошелъ: онъ

вспомнилъ, что двумя стами тысячъ нельзя заплатить слишкомъ милліона долгу, и онъ не зналъ какъ бы заставить Батугина еще разъ вызвать на игру.

— Впрочемъ рискну. Много ли у васъ осталось? спросилъ Нозльскій у Батугина.

Батугинъ пересчиталъ.

— Двѣсти шестьдесятъ тысячъ, отвѣчалъ онъ. Вы у меня выиграли ровно двѣсти двадцать.

— Хотите, сказалъ Нозльскій, я поставлю все на одну, бейте суровую!

— Какъ! всѣ двѣсти двадцать тысячъ?

— Нѣтъ, всѣ двѣсти шестьдесятъ! и Нозльскій приложилъ свои сорокъ тысячъ.

— Этого слишкомъ много, отвѣчалъ Батугинъ.

— Я меньше не поставлю, сказалъ Нозльскій, опять улыбаясь отъ самодовольствія.

— Хотите сто-двадцать тысячъ? спросилъ Батугинъ.

— Нѣтъ, меньше двухъ-сотъ шестидесяти не поставлю.

— Какъ угодно!

Батугинъ сталъ собирать деньги. Нозльскій опять поблѣднѣлъ. Потомъ вдругъ Батугинъ вынулъ деньги изъ кармана, и сказалъ:

— Куда не шло! извольте! я бью!

Въ это самое время въ комнату вошелъ Луринъ, и сталъ такъ чтобы его не виднѣло Нозльскому.

Нозльскій засмѣялся въ отвѣтъ на слова Батугина, потомъ сказалъ: выберемъ карточку, поставимъ.... Много ли у васъ тамъ?

— Двѣсти шестьдесятъ тысячъ, отвѣчалъ Батугинъ.

— Двѣсти шестьдесятъ тысячъ. Вотъ двѣсти двадцать, а вотъ и сорокъ, идутъ всѣ....

И Нозльскій смѣялся.

Посторонніе говорили:

— Какъ рѣшительно, смѣло, вотъ игра!...

А Нозльскій думалъ: Всѣ! одна минута и всѣ!...

Батугинъ оперся на окно, и посмотрѣлъ на улицу.

Утренній туманъ застилалъ предметы; прохожихъ, никого не было.

— Одна карта и я нищій! думалъ Батугинъ. У меня нѣтъ ни чего, рѣшительно ничего, и не будетъ, потому что мнѣ нѣтъ средствъ поправиться.

Ноэльскій смѣлся и говорилъ:

— Да какъ же понтировать, господа? панъ либо пропалъ, идутъ двѣсти шестьдесятъ тысячъ!

Батугинъ еще разъ взглянулъ въ окно, и далъ слово себѣ, если проиграетъ, то бросится и разбить себѣ голову о камни мостовой.

Сдву ногу свою онъ поставилъ на канапе, которое стояло подлѣ окна, и думалъ про себя: опущу изъ рукъ карты, и брошусь, уиру, потому что не хочу быть нищимъ, — лучше умереть!

Багровыя пятна на его щекахъ окаймнились синимъ цвѣтомъ, волосы были мокры отъ поту, дыханіе тяжело.

Батугинъ сталъ тасовать карты. Руки его дрожали, пальцы не въ состояніи были держать колоду и нѣкоторыя карты падали на столъ и на полъ. Батугинъ поднималъ ихъ, и снова затасовывалъ.

Ноэльскій держалъ свою колоду понтерокъ и улыбался, смотря на билеты и деньги.... Но эта улыбка не была самодовольная улыбка выигрывающаго.... Ноэльскаго мучилъ страхъ и нетерпѣніе. Онъ находился между да и нѣтъ.

Батугинъ подаль Ноэльскому снять, употребляя всѣ усилія своей воли чтобы казаться хладнокровнымъ.

Рѣшимость умереть немного успокоила Батугина. Онъ взялъ карты, показалъ нижнюю Ноэльскому, началъ метать. Оба стояли. Батугинъ одной ногой стоялъ на канапе подлѣ окна, и иногда взглядывалъ на улицу, какъ бы стараясь измѣрить высоту паденія.

Ноэльскій поставилъ семерку пикъ.

Батугинъ металъ тихо, впивался глазами въ обратную сторону карты, какъ-будто хотѣлъ насквозь видѣть ея лицевую сторону.

Ноэльскій съ своей окаменѣлой улыбкой, неподвижными глазами, былъ тоже весь вниманіе. Онъ смотрѣлъ на талію, на Батугина съ лихорадочнымъ бѣшенемъ сердца, и жлы на его вискахъ надувались отъ неестественнаго вниманія.

Въ комнатѣ все смолкло. Всѣ удерживали свое дыханіе, наблюдая за таліей, которая рѣшить, кому будетъ принадлежать полмилліона.

Ноэльскому выпала осмерка пикъ.

Ноэльскій вздрогнулъ, онъ принялъ ее за семерку.

Батугинъ открылъ семерку у себя.

Всѣ зашумѣло.

Батугинъ пододвинулъ къ себѣ деньги, обтеръ потъ съ лица, и окпнулъ присутствующихъ радостной улыбкой.

Нозльскій стоялъ не шевелясь, будто припороженный къ своему мѣсту. Губы его тряслись и онъ какъ-то странно поводилъ глазами.

— Дмитрій Семеновичъ, сказалъ Луринъ съ саркастической улыбкой почти на ухо Нозльскому, послѣднюю талию вамъ надобно было ставить очкомъ больше той карты, которая выйдетъ, а позабылъ вамъ это сказать, а карты такъ приготовлены....

Нозльскій смотрѣлъ на Лурина безсмысленно, будто не понималъ, о чемъ онъ говоритъ.

Гости поздравляли Батугина съ выигрышемъ и потомъ разѣхались почти не обращая вниманія на Нозльскаго, который все стоялъ и смотрѣлъ на Лурина.

Онъ остался вдвоемъ.

— Я проигралъ! какъ же я проигралъ! говорилъ Нозльскій смотря на Лурина.

Луринъ засмѣялся.

— Очень вѣрю, что вы проиграли, сказалъ Луринъ, а вы надѣялись выиграть?

— Да какъ же это, Иванъ Ильичъ? продолжалъ Нозльскій, да отъ чего же я проигралъ?

Въ фигурѣ и голосѣ Нозльскаго замѣтно было физическое и нравственное истощеніе, слѣдствіе борьбы его чувствъ. Онъ говорилъ: «Я проигралъ», такъ, какъ-будто онъ не сознаетъ, что онъ дѣйствительно проигралъ.

— А вы были вполне увѣрены, что вы выиграете? началъ говорить Луринъ холодно, язвительнымъ голосомъ. Приятно слышать! Очень приятно слышать!... Такъ вы думаете, что я вамъ работникъ, который будетъ устроить ваше состояніе, когда вы его разстроиваете?

И лицо Лурина выражало всю полноту злобы, всю глубину ненависти, которую онъ долго таилъ.

Но вспомните, продолжалъ Луринъ, не обязанъ ли я еще благодарить васъ за сдѣланныя мнѣ одолженія: вы помните Оливьку?

Нозльскій молчалъ. Онъ будто вспоминалъ то, о чемъ говорилъ Луринъ.

— Если вы не помните, такъ я вамъ постараюсь напомнить, мнѣ-то нельзя же забыть ее, она послѣ была женой моей. Вы мнѣ проиграли почти все имѣніе, я помогъ вамъ поправиться и

просилъ васъ чтобы вы устроили положеніе бѣдной дѣвушки; деньги вамъ были доставлены и вамъ надобно было потрудиться только раздать ихъ по принадлежности. За ваши хлопоты вамъ было заплачено, я привезъ вамъ, вы помните, ровно сто тысячъ, не бездѣлка! Чтò же вы сдѣлали въ отплату, зато что я доставилъ вамъ эти сто тысячъ? Вы обольстили эту дѣвушку, обманули ее....

— Иванъ Ильичъ! хотѣлъ было говорить Нозльскій, но Луринъ его прервалъ.

— Да, я вамъ говорю, вы обольстили, обманули, испугали ее, и воспользовались неопытноію дѣвушки, моей невѣсты.... И вы могли послѣ того думать, что я вторично помогу устроить ваше состояніе? Вы думали, что я могу простить оскорбленіе, и такое оскорбленіе, какое вы мнѣ нанесли?

Голосъ Луринъ впродолженіи послѣднихъ словъ возвышался, Луринъ приходилъ въ экстазъ, потомъ, вдругъ опять понизивъ свой голосъ, началъ тихо и съ сарказмомъ:

— Послѣ вы были такъ добры, что явились ко мнѣ на свадьбу, были такъ обязательны, что пріѣхали поздравить меня.... Я бы могъ найти случай васъ вызвать, убить, но это не вознаградило бы меня: сегодня или завтра, всё-равно, а вѣдь когда-нибудь да умрете же вы.... Я мучился, захотѣлъ чтобы и вы мучились: согласитесь, что это справедливо? Я васъ спрашиваю: вы отняли у меня дѣвушку, которую я любилъ болѣе всего на свѣтѣ, и я отнял у васъ все; что вы любите и чѣмъ дорожили вы, — справедливо ли?

Нозльскій молчалъ. Онъ терзался, онъ вспоминалъ Оливьку, вспомнилъ и свадьбу Луринъ, и вотъ теперь передъ нимъ мститель за ту, которой и кости давно уже прахъ.

— Вы были обольстителемъ моей невѣсты, продолжалъ Луринъ, и вы же обратились ко мнѣ въ вашей крайности.... Но думаете ли вы, что вы обратились ко мнѣ сами собой? Пѣтъ! я вель себя такъ, что постоянно былъ къ вамъ ближе всѣхъ, и довелъ, что вы обратились именно ко мнѣ. И я выслушалъ исторію вашихъ страданій, извѣстную мнѣ исторію: но какъ мнѣ пріятно было слышать ее отъ васъ!

И Луринъ ядовито засмѣялся.

— Я за вами слѣжу осьмнадцать лѣтъ, продолжалъ Луринъ: въ осьмнадцать лѣтъ не скрылся отъ меня ни одинъ случай изъ вашей жизни. И вотъ ваша жизнь, я вамъ разскажу ее; вы увидите, умѣлъ ли я возвратитъ вамъ тѣ мученія, которые претер-

шѣлъ черезъ васъ. Вы счастливо служили, бригадный васъ любилъ въ особенности и, надобно сказать правду, у васъ есть способности; генералъ хотѣлъ взять васъ въ адъютанты; вы надѣялись далеко итти; вамъ велѣно было выйти въ отставку.

— Велѣно было, проговорилъ Ноэльскій глухо.

— Замѣтите, продолжалъ Луринъ, велѣно было въ такую минуту, когда вамъ всего труднѣе было оставить службу. Служба такъ много обѣщала впереди, а вы накупивъ проигрались и у васъ не было денегъ съ чѣмъ уѣхать....

— Ни гроша не было, опять сказалъ Ноэльскій, будто онъ сей часъ только вспомнилъ, что у него въ то время не было ни гроша.

— Вы думали итти по статской, продолжалъ Луринъ, хлопотали, у васъ есть связишки и, я уже сказалъ, есть способности, и вы нигдѣ не могли найти себѣ мѣста.

— Не могъ, нигдѣ не могъ, сказалъ Ноэльскій съ глубокимъ отчаяніемъ.

— Тутъ я выпустилъ васъ изъ виду, вы поѣхали путешествовать, я поѣхалъ за вами, но меня задержала въ Парижѣ болѣзнь сына.

— Такъ по-крайней-мѣрѣ знайте же, вскрикнулъ Ноэльскій лихорадочно, что я вашего сына обыгрывалъ, развращалъ....

Луринъ задрожалъ отъ злобы, но овладѣлъ собой.

— А! хорошо! сказалъ онъ. Слушайте же меня. Ни одно волокитство ваше не удавалось, я мучилъ васъ въ каждой мелочи, и однажды, вы этимъ мнѣ обязаны, вы вылетѣли въ окно.... Покуда я былъ въ Парижѣ, вы начали спекулировать и сошлись съ Лохселемъ. Какъ человѣкъ умный, выначали спекулировать чрезвычайно ловко. Вы у себя сдѣлали картежный домъ и контору всевозможныхъ мошенничествъ и оборотовъ и, что самое трудное, не потеряли вашей репутаціи. Въ короткое время вы сдѣлались богатымъ человѣкомъ. Я далъ слово разорить васъ.

Чернинъ вамъ заложилъ фальшивые брилліанты. Я ему далъ эти брилліанты! Полиовникъ, вы помните, противъ всякой вѣроятности взялъ отступное на томъ подрядѣ, на которомъ вы хотѣли похоронить его: я его увѣдомилъ. И на этомъ подрядѣ сѣли вы. Наловъ у васъ купилъ вексель Черемухина: я сказалъ ему о векселяхъ. Всѣ обороты ваши не удавались, подряды садилась на шею, покупка была въ убытокъ, предпріятія лопались, вамъ ни въ чемъ не было удачи, и все это я устроивалъ....

— Вы! сказалъ Ноэльскій.

— Да, я! отвѣчалъ Луринъ. Далѣе, вы сняли подрядъ въ Москвѣ: я рисковалъ миллионами, скупилъ весь матеріалъ и разрушилъ васъ.... Тутъ я могъ васъ уничтожить, вы тогда же были банкротъ, но я не хотѣлъ: мнѣ мало было, чтобы вы обанкрутились. Первое, — я до послѣдней поры не требовалъ по векселю, который случайно перешелъ ко мнѣ въ руки. И вы боялись этого векселя до послѣдней минуты. Этотъ вексель мучилъ васъ.... Вы составляли тысячи плановъ, чтобы поправиться; бросались всюду, занимали деньги, оборачивались ими, составляли игру. Но я разрушалъ планы ваши до мелочи, обороты дошались, а займы только запутывали васъ. Въ игрѣ, по-видному самой вѣрной, вы проигрывали. Я сохранялъ въ тайнѣ ваше разореніе, длитого чтобы и вы хранили тайну. Для этого вы были должны, какъ вы мнѣ и говорили, маскироваться даже передъ стѣнами, а это мучительно; а я болѣе ничего и не хотѣлъ, какъ только чтобы вы мучились. А между-тѣмъ я былъ, какъ вамъ казалось, хорошимъ знакомымъ, поддержкой вашей и человѣкомъ, вовсе не принимающимъ участіе, да и не понимающимъ спекуляцій. Вы даже и не подозрѣвали, что у меня въ оборотѣ миллионы. Я приводилъ васъ къ банкротству безпрестанно, но самъ же и поддерживалъ, чтобы долѣе мучить васъ. Но всякая моя поддержка васъ только запутывала. Вы помните, у васъ не было денегъ заплатить рабочимъ; помните, какъ вы бѣгали, покуда думаютъ, что вы спите: я велѣлъ Черяину дать вамъ денегъ. Тутъ вы составили искусный планъ, чтобы поправиться. Вы стали хлопотать о шароходствѣ, рассчитывая что успѣхъ такого предпріятія разомъ доставитъ вамъ состояніе. Но разумѣется, вы хорошо понимали, что нельзя надѣяться на невѣрное открытіе, и вы захотѣли снять откупъ съ залогамъ вашей любовницы: два предпріятія, чрезвычайно выгодныя при удачѣ, и оба они поддерживали бы и васъ и другъ друга. Но шароходство все перешло въ мои руки, а откупъ вамъ тоже не удалось снять, не удалось даже взять отступное: любовница вамъ измѣнила и передала залогъ другому. Это я устроилъ. Вы наконецъ рѣшились на послѣднее, захотѣли поправиться женитьбой и выбрали дочку Севрюгина; въ это время я вамъ, по дружбѣ, далъ и акцій шароходства. Вамъ только необходимо было достать гдѣ-нибудь денегъ сейчасъ, — и вы захотѣли выиграть. Выигрышемъ вы заплатили бы по старымъ векселямъ, заплатили бы за акціи, однимъ словомъ вы бы имѣли средство оборотиться. Подумайте, отдастъ ли за васъ теперь свою дочь Сев-

рѣшнѣ, когда черезъ недѣлю вы будете въ тюрьмѣ, а на вашей невѣстѣ, черезъ мѣсяцъ, не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ, женится Наловъ, который отбилъ у васъ и любовницу. Узнайте теперь, что акціи и вамъ дастъ тогда, когда получилъ извѣстіе, что открытіе неудалось в Гильморъ бѣжалъ. И вотъ теперь ваше положеніе. А я женось, на милѣй прекрасной дѣвушкѣ, которая заставила меня забыть Олиньку; я буду счастливъ.... У меня будутъ дѣти; они замѣнятъ мнѣ сына, котораго вы развращали.... А вы? Да, вы хотѣли выиграть; вотъ вамъ и карты; я сдержалъ свое слово, привезъ вамъ ихъ.

Ноэльскій въ продолженіе послѣдняго времени сидѣлъ, уставя бессмысленные глаза на Луррина. Онъ шепталъ что-то и качалъ головой, какъ-будто въ подтвержденіе словъ Луррина.

Потомъ онъ вскочилъ судорожно; руки его, поднятыя къ головѣ, тряслись, глаза бессмысленно ходили по комнатѣ.

— Да, да, карты! сказалъ Ноэльскій: вычестъ изъ тринадцати, прибавить пять, потомъ на первую ничего, а слѣдующую талію прибавить одну, потомъ еще одну.... О! на это можно обыграть цѣлый міръ.

Камердинеръ Ноэльскаго пришелъ къ нему и сказалъ что пришли изъ полиціи.

— Заплачу, всѣмъ заплачу! кричалъ Ноэльскій. Я выигралъ полмилліона, да что! я знаю: пять прибавить, вычестъ изъ тринадцати....

Камердинеръ съ изумленіемъ смотрѣлъ на своего барина.

— О! на эту штуку можно цѣлый міръ поддѣть, выиграть цѣлое государство.... а денегъ то, сколько денегъ-то будетъ....

— Къ вамъ камердинеръ, жестоко-холодно сказалъ Лурринъ, въ тюрьму зовутъ!

— Нѣтъ, не скажу, отвѣчалъ Ноэльскій отрывисто, ни кому не покажу! а то унесутъ! Да, правда, я и самъ еще не знаю, какъ сдѣлать, узнаю!

Въ это время подошелъ человѣкъ къ столу, сталъ вычищать мѣлъ, и взялъ карты, которыми Батугинъ металъ.

Ноэльскій быстро вырвалъ карты изъ рукъ.

— Что съ вами, Дмитрій Семеновичъ? сказалъ Церхановъ, входя въ комнату вмѣстѣ съ другими кредиторами.

— Тутъ цѣлое государство! глубокомысленно отвѣчалъ Ноэльскій. Но я узнаю! узнаю!... Съ этими словами Ноэльскій усялся къ столу и сталъ разсматривать карты съ чрезвычайною осто-рожностію.

— Что съ вами? спрашивали многіе.

— Молчите господа, тутъ цѣлое государство.... прибавить пять и вычестъ изъ тринадцати....

— Да онъ съ ума сошелъ! сказалъ Луринъ и вышелъ изъ комнаты.

— Дуракъ! говорилъ Луринъ входя къ себѣ, разсматриваетъ карты. Карты самыя невинныя, прямо изъ воспитательнаго дома. И такое дурацкое счастье, выигралъ пять талій; отъ того-то, можетъ, онъ и съ ума сошелъ....

Анатолій пріѣхалъ отъ Севрюгина къ Степану Федоровичу. Тамъ былъ устроенъ ужинъ.

Начинало свѣтать. Кругомъ стола сидѣло челоуѣкъ двѣнадцать мужчинъ и двѣ дамы. На столѣ грома пустыхъ и полныхъ бутылокъ, конфекты, корки хлѣба, апельсины, абрикосы, виноградъ и тарелки съ оставшимся кушаньемъ. Скатерть была залита виномъ.

Гости, иные отодвинувшись отъ стола курили трубки, другіе сосали погаснувшую сигару, третьи дремали, положивъ на столъ голову, четвертые спорили, сами не зная о чемъ, одинъ пѣлъ. Всѣ были пьяны.

Анатолій стоялъ сзади своего стула, передъ нимъ лежала разбитая бутылка отъ шампанскаго и до половины выпитый стаканъ.

Противъ Анатолія стоялъ молодой Луринъ.

— Анатолій Александровичъ! я у васъ прошу извиненія, говорилъ молодой Луринъ. Я сказалъ это нечаянно, у меня съ языка сорвалось.... Будьте добры, подождите хоть до завтра.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, отвѣчалъ Анатолій. Смѣшная вещь, оскорблять того, кто помогаетъ вамъ. Я не навязывался къ вамъ съ своими деньгами, вы сами просили ихъ, и теперь когда за вами накопилось такъ довольно, вы оскорбляете челоуѣка, у котораго занимали. Потрудитесь заплатить и мы съ вами не знакомы, иначе я подамъ ко взысканію. Векселя по востребованію: я и требую.

— Я заплачу, будьте увѣрены, что заплачу: вы знаете, что послѣ батюшки мнѣ останется кое что....

Можетъ-быть вашъ батюшка проживетъ до ста лѣтъ, а я буду ждать, сносить оскорбленія? Слуга покорный! Нѣтъ; Павелъ Ивановичъ, потрудитесь заплатить теперь! Просите у батюшки. Онъ не захочетъ, чтобы сына его посадили въ тюрьму. Да еще

и не въ тюрьму, а куда-нибудь подальше. Вексель-то, у меня, и онъ вмѣстѣ со всѣми представится.

— Не правда, не можетъ быть, сказалъ Луринъ: Афросинья Алексѣевна благороднѣе васъ, и она не отдастъ вамъ этого векселя: вы хотите нарочно испугать меня....

— Хотите ли вы, чтобы я показалъ вамъ его? спросилъ Анатолий.

— Покажите!

Анатолий вынулъ изъ бумажника одинъ изъ векселей и показалъ его молодому Лурину.

Точно кошка, когда она бросается на сидящаго воробья, Луринъ бросился къ векселю и хотѣлъ вырвать его изъ рукъ Анатолия.

Анатолий ожидалъ этого и потому увернулся.

— Это низко, это подло! кричалъ Луринъ. А вы ростовщикъ, болѣе ничего.

— Чтò?

— Да полно вамъ, господа, кричалъ Степанъ Федоровичъ. Ну что, Павелъ Ивановичъ, вѣдь Наловъ дѣло говоритъ: проси, братъ, у батюшки денегъ, проси!

— Ничего, отвѣчалъ Луринъ. Вы ростовщикъ.

— Вы думаете вывести меня изъ терѣвнїя?... Не хотите ли, чтобы я вызвалъ васъ на дуэль, и вы такимъ образомъ отдѣляетесь отъ уплаты? Можете ругаться, сколько угодно, я не вызову. Заплатите прежде, а тогда пожалуй и стрѣляться будемъ, говорилъ Анатолий улыбаясь.

— До завтрашняго дня, Анатолий Александровичъ, только до завтра! Ну, простите же меня, до завтра! Я сегодня все расскажу батюшкѣ и онъ завтра заплатитъ, говорилъ Луринъ опять умоляющимъ голосомъ.

— Нельзя! Если вамъ платить нечѣмъ, то вотъ только совсѣмъ разсвѣтетъ, я сей часъ ѣду....

— Подождите, Анатолий Александровичъ, я вамъ дамъ еще вексель вѣ....

— Не нужно, вы опять скажете что я ростовщикъ. Сейчасъ ѣду....

— Только до полдня, ради Бога, Анатолий Александровичъ, подождите только до полдня. Я сей часъ ѣду къ батюшкѣ....

— Ну, такъ и быть, холодно сказалъ Анатолий. Видите, какъ я добръ, рѣшаюсь ждать; только, если вы въ двѣнадцать часовъ не

будете у меня, и съ деньгами, то я сейчас ѣду требовать по векселямъ....

— Буду, непременно буду, сказалъ Луринъ, я скажу, будь что будетъ, скажу батюшкѣ, прощайте!

И Павелъ Ивановичъ убѣжалъ.

— Откуда рыси взялось, сказалъ кто-то изъ гостей. Ну, Анатолий Александровичъ, напугали же вы его!

— Худо, Наловъ, худо! Ну какъ можно ссориться съ друзьями, говорилъ Степанъ Федоровичъ пьяня: вѣдь мы съ тобой друзья, не правда ли? И я скажу, что худо!

— Чортъ съ нимъ, говорилъ Анатолий: всякой разъ еще рушается....

— Слушай-ко лучше что; теперь онъ пьянъ, какъ я и какъ ты, мы его заставимъ еще выпить....

— Что жъ изъ этого?

— А вотъ что: у него вѣдь есть свое имѣньице послѣ матери, славное.... говорятъ, одна суконная фабрика, тысячь двѣсти стоитъ.

— Это я знаю! Иванъ Ильичъ недавно почти всѣ станки изъ Англии выписалъ, отвѣчалъ Анатолий.

— Такъ вотъ что: мы его подпортить поможемъ, мнѣ двѣ, да на братію по тысячь отступнаго. Господа, согласны! кричалъ онъ обводя кругомъ глазами.

— Согласны! Да, согласны, отвѣчали гости: ты выдумалъ, тебѣ двѣ.

— Ну, братъ Анатолий, все дѣло за тобой, говорилъ Степанъ Федоровичъ.

— Какъ такъ? Какое дѣло? спросилъ Анатолий, и хотѣлъ было взять карафинъ съ водой, но рука его не послушалась и взяла шампанское.

Анатолий взялъ салфетку, обматъ ее шампанскимъ и накиннулъ себѣ на голову. Мысли его стали свѣжѣе отъ холоднаго шампанскаго.

— Какое же дѣло? спросилъ Анатолий.

— А вотъ какое: тринадцать тысячь памъ выдай, а имѣние у него и купи. Сейчас пошлемъ за нотариусомъ, онъ подпишетъ условіе, да положить по-больше на неустойку.

Анатолий подумалъ: вѣ-самомъ-дѣлѣ выгодно, Луринъ теперь уже совершенно-лѣтній, и платитъ-то его векселями....

На минуту совѣсть будто уколола Анатолия. Опять низость, подумалъ онъ: и какаѣ же низость! пьянаго заставить подписать

бумагу. Но Анатолий привыкъ уже успокоивать совесть свою разными представленіями. Не я, такъ другой, думалъ Анатолий. Чтѣ жъ дѣлать? Иначе ничего не добьешься.... За то вотъ какъ поправлюсь немножко, брошу всѣ низости, а состояніе свое употреблю на пользу, на добро.

— Я согласенъ, сказалъ Анатолий.

— Вотъ такъ-то лучше, чѣмъ сеориться, говорилъ Степанъ Федоровичъ: посылай-ка за шампанскимъ! Мы какъ-нибудь помиримъ....

Нозальскій въ это время сидѣлъ уже въ сумасшедшемъ доми и говорилъ. Пересмотрю еще разъ, узнаю; тутъ цѣлое государство. И снова принимался пересматривать свои карты.

III.

Было восемь часовъ утра.

Луринъ еще не ложился въ постель и ходилъ изъ угла въ уголъ по своей спальнѣ. Ночью онъ тоже не спалъ: его мучило любопытство, узнать чѣмъ кончится игра Нозальскаго, мучило признаніе Евгеніи въ томъ, что она любитъ. Луринъ узналъ, что она любитъ Анатолія....

Игра кончилась, Луринъ отомстилъ за себя. И теперь, думая о Евгеніи, онъ вспомнилъ Олинку, милую, прекрасную и невинную — даже въ минуту своего проступка.... И Луринъ невольно грустилъ, скучалъ....

Ему пришла на память та минута, когда капитанъ ходилъ и смотрѣлъ на часы, смотрѣлъ какъ стрѣлка подвигалась къ завітному десяту, ждалъ минуты, роковой минуты когда долженъ былъ умереть.

— Онъ теперь спокоенъ, думалъ Луринъ: его уже не мучитъ ни ревность, ни желаніе мести, ни жажда дѣятельности, ни любовь....

А Луринъ? Сколько послѣ того онъ перенесъ, сколько пере чувствовалъ? Сколько разъ, даже его энергія падала подъ ударами внутреннихъ сотрясеній? Сколько новыхъ мученій родили въ немъ его чувства, его страсти, послѣ того, какъ капитанъ сказалъ свое послѣднее: ни тонкости, ни ума, ни вліянія?....

Даже и теперь, когда Луринъ только-что отомстилъ своему врагу, изъ насмѣшки, изъ пустаго фанфаронства обманувшему дѣвушку, которую любилъ Луринъ болѣе жизни, которая послѣ была женой Лурина, даже и теперь, чувства его не покойны; онъ

желаетъ новыхъ ощущеній, онъ вновь проситъ любви, жаждетъ счастья.... А вмѣсто любви, вмѣсто счастья, его давитъ — тоска.

Луринъ ходилъ по своей спальнѣ.

Спальня эта была довольно большая комната, окна которой выходили въ садъ и были загорожены толстыми, мѣдными рѣшетками.

Постель стояла посреди комнаты. Подъ постели стоялъ столикъ съ множествомъ туалетныхъ бездѣлокъ, нѣсколькими ключами отъ разныхъ ящиковъ его бюро, двумя портфелями и парой пистолетовъ. Въ углу стояло, окованное мѣдью, съ несгораемыми ящиками бюро. Выходъ былъ сквозь стеклянные двери, завѣшенные занавѣской, и тоже съ мѣдными, крѣпкими рѣшетками у стеколъ. Стѣны комнаты были обиты штофомъ, на полу лежали ковры.

Луринъ говорилъ почти въ слухъ: — Дуракъ! думалъ что такъ я и привезу ему карты. И каково? Пять талій! Ну что, если бы онъ выигралъ и шестую? Еще бы года на три хлопотъ. Но это кончено! Пятнадцать лѣтъ я преслѣдовалъ его, три года мучилъ раззореніемъ. Послѣдній годъ онъ всякую минуту былъ на душевной пыткѣ, явился ко мнѣ за помощью. Я помогъ ему отправиться въ желтый домъ. Будетъ съ него! А что я? Женюсь на Евгеніи! Она сказала, развѣ онъ женится: онъ женится непременно, я заставляю жениться. И потомъ, всегда съ ней, буду утѣшать ее, буду говорить что она найдетъ человѣка, который будетъ также ее цѣнить, какъ я цѣню, но что больше моего будетъ имѣть счастья ей нравиться....

И меня полюбитъ эта чудная дѣвушка: я увлеку ея очаровательную головку.... Она мечтательна, благородна, не научилась еще раздѣлять мечту и дѣйствительность, комедію и жизнь. Она въ мужчинѣ хочетъ видѣть идеалъ силы, характера, благородства, и она меня полюбитъ, страстно полюбитъ, потому что я заключу въ себѣ все, чего желаетъ, ищетъ ея невинное, неопытное сердце; я буду идеаломъ ея.... Стоитъ только чѣмънибудь поразиť ея воображеніе. Можно, напримѣръ, вложить иголку въ сѣдло ея лошади, когда Евгенія вздумаетъ прокатиться верхомъ. Лошадь взбѣсится!.... И вотъ случай мнѣ быть спасителемъ Евгеніи.... Можно прогуливаясь съ нею увидѣть тонущаго!.... А за десять цѣлковыхъ много найдется охотниковъ тонуть, особенно изъ тѣхъ которые хорошо плаваютъ. Я тоже плаваю порядочно, брошусь, вытащу, и буду молчать, будто спасти человѣка для меня самое обыкновенное дѣло.... И я въ глазахъ ея буду образ-

цонъ великодушія, благородства.... Можно встать бросить золотой нищему, и моя щедрость, доброта, будутъ въ ея глазахъ не последнимъ достоинствомъ.... А тамъ ловко попаду въ цѣль, или убью на лету птичку: мечта прибавить къ этимъ подвигамъ свое, неуловимое, и я въ ея мысляхъ явлюсь рыцаремъ, автичнымъ героемъ.... Будетъ удивленіе, а тамъ и страсть.... И она полюбитъ меня, сѣдаго, стараго, будетъ жить со мной, для меня....

За Сергѣя Макаровича заплачу долги, пускай проматываетъ снова, а самъ съ женою и съ сыномъ уѣду въ Италію. У меня будутъ дѣти, дѣти будутъ мнѣ утѣшеніемъ, радостію, и буду я жить, спокойный въ будущемъ, безъ воспоминанія о прошедшемъ....

Луринъ подошелъ къ бюро, отперъ одинъ ящикъ, въ которомъ была вода, изъ воды вынулъ еще ящикъ и оттуда досталъ кнпу билетовъ на разные банки.

— Сколько заключено слезъ и горестей человѣка въ этой ничтожной пачкѣ лоскутковъ бумаги? Сколько поту и крови нужно пролить, чтобы захватить себѣ въ руки эти гравированные, листочки. Тутъ довольно будетъ и для меня, и для жены, и для сына, и для будущихъ дѣтей моихъ....

Луринъ взялъ исписанный кругомъ листъ, сѣлъ къ столу и сталъ повѣрять билеты.

— Шесть милліоновъ, сказалъ онъ. Местъ Ноэльскому устроила мое состояніе, да вотъ еще векселя Анатоля въ тридцать тысячъ; ну, Богъ съ нимъ, онъ мнѣ заплатилъ за этотъ вексель своей невѣстой, да вотъ еще его же, около двухъ сотъ пятидесяти тысячъ за акціи шароходства. Эти векселя мнѣ помогутъ заставить его жениться, впрочемъ это только въ случаѣ крайности. Вотъ еще векселя: этотъ отъ Ноэльскаго. Ну, онъ уже не годится.... И Луринъ сжегъ вексель. Это купца и это купца. Надобно эти продать завтра на биржѣ. Вотъ акціи разныхъ компаній, продать, конечно, болѣе не занимаюсь спекуляціями. Этотъ я сегодня получилъ. Луринъ прибавилъ еще ломбардный билетъ къ пачкѣ билетовъ и сжегъ надорванный вексель. Потомъ Луринъ открывалъ другіе ящики, въ которыхъ лежали свертки золота, ассигнацій, дорогихъ камней, выигранныхъ и купленныхъ имъ въ разное время.

Всего осемь милліоновъ съ брилліантами и другими драгоценностями, да имѣніе стоитъ около милліона, да домъ съ мебелью и всѣмъ, что въ домѣ, дадутъ тысячъ осемь сотъ, почти десять

миллионовъ. Можно не умереть съ-голоду.... И Луринъ вложилъ на мѣсто ящикъ и заперъ бюро.

Мой Павлуша исправится отъ своихъ шалостей. И такъ въ последнее время онъ, кажется, меньше мотааетъ. Онъ исправится и будетъ мнѣ другомъ, сыномъ, женится. У меня будутъ внучата. Лаская ихъ я забуду прошлую жизнь свою, забуду смерть Олиньки, которую, кажется, и теперь люблю.

А какая она была милая дѣвушка! Сколько было въ ней чувства, нѣжности, сколько блаженства сулили ей глаза, полныя искренности, благородства.... И Луринъ изъ одного портфёля вынулъ портретъ Олиньки. Долго онъ разсматривалъ этотъ портретъ и опять положилъ на мѣсто.... Какъ я былъ счастливъ, когда она была моя, моя.... Дмитрій Семеновичъ! За что ты отнял у меня мое счастье, за что оставилъ на сердцѣ только одно тяжелое воспоминаніе?

Я помню, какъ любила меня Олинька, какъ она просила за своего, за моего Павлушу... И въ этомъ я тебѣ обязанъ, Дмитрій Семеновичъ, черезъ тебя я не занимался имъ, и ты же его развращалъ. Если бы ты не обольстилъ Олиньки, она бы жила, воспитывала бы сама сына; шалостей и мотовства бы его не было и онъ былъ бы мнѣ истиннымъ утѣшеніемъ, истинной радостію....

Занавѣска тихо приподнялась, вошелъ сынъ Луринъ.

Глаза у Павла Ивановича были красны, лицо блѣдно: было видно, что онъ провелъ ночь въ оргіи.

— Сынъ! Чтѣ такъ рано, другъ мой? спросилъ Иванъ Ильичъ и сурово взглянулъ на сына, замѣтивъ въ его глазахъ слѣды безсонницы и пьянства.

— Какъ хочеть Наловъ, а я не могу, думалъ про себя молодой Луринъ. — Я видѣлъ, что ты проснулся, батюшка, и пришелъ....

— Да! да ты-то за чѣмъ такъ рано поднялся, или, лучше сказать, совсѣмъ не ложился?

— Я, батюшка, нынче рано встаю, отвѣчалъ молодой Луринъ.

— Стыдно, сударь, еще лгать. Я вамъ говорю, что вы не ложились. На чтѣ это походить? Вамъ только девятнадцать лѣтъ, шалости ваши выводятъ меня изъ терпѣнія.

— Батюшка, я пришелъ просить.... Не могу, ей-Богу, не могу, я боюсь взглянуть на отца.... думалъ молодой Луринъ.

— Не о деньгахъ-ли? вскрикнулъ Иванъ Ильичъ: ты вспоминаешь отца, когда тебѣ деньги нужны. На прошлой недѣлѣ ты

получилъ отъ меня двѣ тысячи. Кромѣ содержанія, двадцать четыре тысячи въ годъ, кажется довольно. А вы еще дайте векселя.... Я выкупилъ вамъ вексель, денегъ я вамъ не дамъ, извольте идти!....

— Онъ еще пожалуй лишитъ меня наслѣдства. Пойду къ Налову, постараюсь уговорить.... Съ этою мыслию молодой Луринъ вышелъ.

Иванъ Ильичъ заперъ за нимъ дверь спальни, вынулъ ключъ и волокнулъ его на столъ подлѣ кровати.

— Нѣтъ! Не этотъ сынъ утѣшеніе, отрада мнѣ за бурную жизнь мою....

И Луринъ молча ходилъ по комнатѣ, думалъ, вспоминалъ....

— Все это мнѣ онъ устроилъ, думалъ Луринъ о Ноэльскомъ, зато онъ въ сѣумасшедшемъ домѣ. Но имѣлъ ли я право мстить ему? Можетъ быть, его обманъ Олнйки, обманъ, который сегодня неволью приходитъ мнѣ въ голову и за который только сегодня я отплатилъ, можетъ-быть этотъ обманъ былъ наказаніемъ судьбы за Олнйку же? И я въ ней самой нашелъ наказаніе за все....

Не могу не вспомнить, какъ она была мила, наивна, вотъ здѣсь на этомъ мѣстѣ, на этой постелѣ, она мнѣ рассказывала исторію своего обмана, своего обольщенія, и какъ она хороша была тогда, сколько неувольной прелести заключалось въ исповѣди ея сердца, въ ея страданіи, въ ея страхѣ. И Ноэльскій заставилъ меня мучить ее бѣдную, цѣлый годъ, ужасный годъ....

Но зато онъ теперь смотритъ на карты и думаетъ отыскать въ нихъ философскій камень, думаетъ выиграть на нихъ Эльдorado. Бѣдный умъ человѣческій! Вотъ умный человѣкъ, ловкій промышленникъ, не могъ вынести пяти тайнъ. Правда, къ этимъ пяти тайнямъ онъ былъ приготовленъ пятнадцатью годами.... Но Богъ съ нимъ, мнѣ жаль моей Олнйки, которая такъ увлекла меня и была мнѣ наказаніемъ судьбы, наказаніемъ и за другихъ и за себя.... И неволью теперь, въ ту минуту когда я окончилъ мѣсть свою, когда чувствую, что другая любовь въ сердцѣ, неволью приходитъ мнѣ на мысль она, и будто я снова молодѣю, будто снова люблю и снова мучусь. Будто слышу голосъ капитана. «Такъ то ты устроилъ ея счастье, за чѣмъ же ты убилъ меня?....» И этотъ замогильный голосъ слышится мнѣ въ каждой моей мысли....

Провидѣніе наказало меня этими воспоминаніями, какъ наказало самой Олнйкой....

Луринъ поставилъ къ кровати свѣчку, положилъ сигары, всталъ книгу и легъ въ постель.

Книга была переплетенная рукопись тогда только начинавшаго поэта Лермонтова. Рукопись заключала въ себѣ драму «Маскерадь».

Луринъ открылъ книгу, взглянулъ и прочиталъ слова Арбемина.

«Богъ справедливъ! Бывало такъ меня чужія жены ждали, теперь я жду жены своей....»

Луринъ бросилъ книгу на столъ съ досадою; стихъ такъ удачно попалъ на его мысль.

Судьба! судьба! вскрикнулъ Луринъ: я выше судьбы, вся жизнь моя прошла въ борьбѣ съ судьбой, и никто не скажетъ чтобы я падалъ отъ ея ударовъ, чтобы повиновался ея опредѣленіямъ. И судьба, будто оскорбленная моею волей, отнимала у меня все счастье въ жизни, отравляла всѣ мои радости.... Оливка въ день свадьбы узнаетъ, что я убилъ ея возлюбленнаго.... Она умираетъ; я почти вылечился отъ любви къ ней силой своей воли, а она выздоровѣла, стала еще навѣще, еще прекраснѣе, и явилась мнѣ, будто нарочно чтобы наказать меня. Она меня любила, я женился, и что же? Она уже не то, что была.... Встрѣтилъ другую дѣвушку. Ну, что, если и она обманута Анатоліемъ? Ну, что жъ, теперь ужъ я не тотъ, что тогда былъ; кровь не кипитъ отъ страсти.... Но она не обманута, у ней есть твердость характера, твердость воли; она никогда не будетъ обманута.... Но все же она любить и надобно бороться противъ ея любви, надобно работать.... Отъ чего другому стоитъ только увидѣть, чтобы прямо получить безъ борьбы. А у меня все разрушается, все, что приготавливаю я со всѣми усиліями, все судьба откидываетъ. Теперь надѣюсь утѣшаться сыномъ, его развращаетъ Незальскій, и когда я отыскалъ ему, мечтаю о своемъ будущемъ покоѣствіи, сынъ приходитъ нарушить мечту мою просьбой денегъ. Все денегъ, денегъ... А не знаютъ того, что за свои деньги я заплатилъ кровавымъ потомъ, упреками совѣсти, всею жизнію.... И невольное воспоминаніе томить меня!...

Зачѣмъ я не могу забыть всего, что было? Зачѣмъ остается этотъ слѣдъ прошедшаго? Этотъ слѣдъ того, что погибло. За чѣмъ этотъ слѣдъ мучитъ своимъ представленіемъ, тревожитъ совѣсть, возражаетъ въ моемъ воображеніи то, что давно ушло, чего давно нѣтъ, и чего не хотѣлъ бы никогда вспомнить.... И моя воля не можетъ быть выше этой игры воображенія....

Я будто окруженъ видѣніями, которыя указываютъ мнѣ свои равы, сдѣланныя имъ мною.... Вотъ капитанъ будто говоритъ: за чѣмъ же ты убилъ меня? Вотъ это Саликовъ, а это тѣ, которыхъ я въ разное время обыгрывалъ и обманывалъ. А вотъ и Нозмскій съ картами въ рукахъ.... Это обманъ воображенія, болѣе ничего, я знаю это, и не могу побѣдить себя, я, котораго называютъ холоднымъ счастливцемъ.... О! какъ дорого стоитъ мнѣ это наружное счастье....

И Луринъ закрылъ глаза рукой, стараясь успокоить свое волненіе.

Усталость, дремота, начали преодолевать его и онъ засыпалъ, тревожимый картиннами своего воображенія.

Онъ видѣлъ Олиньку, въ саду, въ подвѣнечномъ платьѣ, въ минуту ея маніи, которая такъ увлекала Луринна, дѣлала Олиньку въ его глазахъ пеземнымъ дивнымъ видѣніемъ. Луринъ любитъ ея. Олинька говоритъ: вотъ вамъ моя рука. Луринъ хочетъ взять ея руку, рука ускользаетъ, дальше, дальше. Лурину Олинька кажется въ легкомъ, воздушномъ очертаніи.... формы ея сливаются въ его воображеніи и онъ видитъ только блестящую точку, вдругъ эта точка вспыхнула ярко.... Свѣча, которая стояла на столикѣ нагорѣла, все было тихо, двойные шторы малиноваго цвѣта пропускали въ комнату только слабый лучъ свѣта, Луринъ спалъ....

Павелъ Ивановичъ воротился домой совершенно опьянѣвшій. Онъ едва качался на ногахъ, то есть, по живописному выраженію простолюдиновъ писалъ мыслете, и едва сообразилъ толкнуть соннаго лакея.

Онъ жилъ въ заднемъ флигелѣ, выстроенномъ въ саду. Флигель соединялся съ главнымъ зданіемъ небольшой галлерей, въ которую вела дверь изъ комнаты, что подлѣ спальни Ивана Ильича.

— Да что такое? какую бумагу тамъ? я продалъ имѣніе... болталъ пьяный Луринъ: какое имѣніе? Назовъ подлецъ; у меня выманялъ. Я ему дамъ имѣніе!.... Запугалъ чѣмъ.... А ты что?.... кричалъ Луринъ на своего человѣка.

Еремкѣ во первый разъ приходилось видѣть своего барина пьянымъ и потому онъ ничего не отвѣчалъ и продолжалъ его раздѣвать.

— Я ему дамъ имѣніе! говорилъ Луринъ ложась въ постель: видишь какой гусь.... выдали мы.... имѣніе!... И языкъ Павла Ивановича заплетался.— Что! вдругъ вскрикнулъ онъ, ты думаешь, что и взялъ такъ?....

— А ты что, убить меня хочешь, а? кричалъ Луринъ на человѣка.

Человѣкъ ушелъ.

— Лови! лови! кричалъ ему вслѣдъ Луринъ, и въ одной рубашкѣ вскочилъ съ постели.

— Подлецъ! говорю, кричу!.... И Луринъ кричалъ.

— Испугать думалъ, не боюсь я! думалъ что я трусъ!...

— Убью!... что — о? — А! ты просишь прощенія! продолжалъ Луринъ обращаясь къ восковой куклѣ, которая преспокойно стояла въ углу, просишь прощенія? Дамъ я тебѣ прощеніе, будетъ тебѣ покупка, вотъ тебѣ!...

И Луринъ хотѣлъ ударить куклу по щекѣ, но промахнулся.

— Ты думалъ что я такъ пьянъ, что и себя не понию? А! что такъ и брошу все?.... Заставили подписать! чтожъ? захотѣлъ подписать такъ и подпишу, сто разъ подпишу, тысячу разъ.... Когда хочу!... А ты что? А! еще смѣешься.... Не подходи, убью! Слышишь убью!

— Вишь смотреть! продолжалъ Луринъ смотря на восковую куклу и вздрагивая: что смотришь, игрушку что ли нашелъ?

— Я тебѣ дамъ игрушку, вотъ тебѣ!

И Луринъ схватилъ со стѣны пистолеть и выстрѣлилъ въ куклу.

Вбѣжалъ человѣкъ и увидѣлъ что баринъ его стоитъ въ одной рубашкѣ съ босыми ногами, и стрѣляетъ; впрочемъ болѣе ничего какъ стрѣляетъ: молодой Луринъ, какъ и его батюшка любилъ стрѣлять.

— А! и ты хочешь того же, кричалъ Павелъ Пвановичъ, вотъ я тебя!.... И Луринъ бросился къ стѣнѣ за другимъ пистолетомъ, человѣкъ скрылся. Снимая пистолеть, онъ упалъ на постель, обезумленный пьянствомъ не могъ подняться и сей часъ же задулъ.

Человѣкъ заглянулъ въ щелочку дверь.

— Баринъ спитъ, думаетъ Еремка, проспять до вечера. Пойду-ка къ швейцару, да въ свои козырп, за нимъ же есть двѣ травнику.

А пакля пыжа попала за драпировку окна и тлѣла тамъ до тѣхъ поръ пока не загорѣлась драпировка.

Молодой Луринъ спалъ. И во снѣ онъ-то упрасивалъ Апатолія не подавать ко взысканію векселей, то ругалъ его и грозилъ убить!...

Драпировка вспыхнула.

Истоппики затопляли печи, половщяки натирали полъ, лакеи

обтирали мебель, чистили мѣдными вещц, выбивали пыль изъ ковровъ, но никто не входилъ въ половину гдѣ помещались спальня и господь.

Въ спальнѣ молодого Луринна загорѣлись окна, ковры, деревянная переборка и огонь по драпировкѣ галлерей быстро перешелъ въ главное зданіе и въ спальню Ивана Ильича.

Иванъ Ильичъ шепталъ во снѣ: — Оливька, не уходи!....

Вдругъ огонь блеснулъ передъ его глазами, огонь вылившійся изъ свѣтлой точки, въ которую во снѣ перелилось очертаніе его покойной жены.... Луринъ открылъ глаза: спальня горѣла.

Онъ быстро вскочилъ съ постели, толкнулъ дверь, но дверь не отворилась.

Что это значитъ? подумалъ Луринъ, и потомъ сказалъ себѣ: надобно быть спокойнѣе, я самъ заперъ дверь за сыномъ. И Луринъ подошелъ къ постели, взялъ со стола ключъ.

Въ его движеніи была замѣтна невольная торопливость, которая обыкновенно бываетъ въ минуты неожиданной опасности, но Луринъ владѣлъ собой.

— Главное—спокойствіе, думалъ онъ, мнѣ нечего бояться, бюро не сгоритъ, а если и сгоритъ, то въ трехъ книгахъ записаны номера билетовъ.

А это? Луринъ окипнулъ взглядомъ мебель, пусть горитъ! Однако жаль если сгоритъ мой кабинетъ.

И онъ не съ разу, но вложилъ ключъ.

— Меня волнуетъ ощущеніе, подумалъ онъ, но надобно быть покойнымъ.

И Луринъ сталъ отпирать.

Замокъ не отпирался.

Луринъ насилился, ключъ въ замкѣ повернулся, но дверь не отворилась. Луринъ еще разъ повернулъ ключъ, вынулъ, вложилъ снова и повернулъ: дверь все не отворилась.

Должно быть, заклиная двери, Луринъ неосторожно повернулъ ключемъ, и какъ говорятъ слесари, свернулъ ключъ.

Луринъ сталъ выходить изъ себя. Онъ быстро началъ оборачивать ключемъ, началъ вертѣть въ другую сторону, ключъ вертѣлся кругомъ и не задѣвалъ пружины.

Огонь быстро охватилъ шелковые обои комнаты; постель, драпировка, все давало ему богатую пищу.

Луринъ бросилъ ключъ, разбилъ стекла у двери, сталъ кри-

чать. Комната подлѣ спальни вся была въ огнѣ, и ничего не было.

Онъ дернулъ сонетку и слышалъ какъ перегорѣвшая проволока упала за стѣной. Луринъ пробовалъ было выломать дверь или сломать рѣшетку: дверь и рѣшетка не поддавались его усилиямъ. Луринъ бросился къ окнамъ, разбилъ стекла, ломалъ рѣшетки, но и здѣсь рѣшетки были крѣпки. Луринъ опять сталъ кричать.....

Окна выходили въ удивленную часть сада и ни кто не могъ услышать Лурина.

Онъ бросился тушить огонь, захватывая съ собой горящія вещи, огонь распространялся болѣе и болѣе.... Вѣтерокъ, проходя сквозь разбитыя стекла оконъ, раздувалъ огонь и пламя охватывало уже карнизы и капители, мебель загоралась.

Луринъ еще разъ бросился къ замку и опять ни чего не сдѣлалъ. Дымъ давилъ ему грудь, Луринъ закашлялся..

Съ большимъ противъ прежняго ожесточеніемъ онъ бросился на рѣшетки двери и оконъ, бросился тушить огонь, отпирать двери, стучалъ, кричалъ, все напрасно.... Луринъ оставовился.

— Больше нѣтъ средствъ, сказалъ Луринъ, я долженъ сгорѣть....

Эти слова будто придали Лурину новую силу. Глаза его засверкали бѣшенствомъ и онъ принялся непытывать всѣ возможные способы отворить или сломать дверь: дверь не поддавалась ни какинъ средствамъ.

— Милліонъ тому кто меня вытащитъ! кричалъ онъ. Но его ни кто не слыжалъ.

— Два милліона! все отдамъ безотчетно, не сознавая себя кричалъ Луринъ....

Ни кто не слыжалъ.

Между-тѣмъ люди замѣтили огонь.—Пожаръ! пожаръ! кричали они и каждый бросился къ себѣ спасать, кто что можетъ.

Пожарная команда съ стукомъ и грохотомъ летѣла по всѣмъ улицамъ.

— Больше нѣтъ средствъ, повторилъ Луринъ апатически.... Къ чему же мои богатства, мои милліоны?....

— Душно, говорилъ Луринъ, я умираю! Страшно умирать!... Никто не хватится, никто! ни оинъ.... и вся жизнь, продолжалъ онъ, вся жизнь, вся, ахъ хоть бы одинъ годъ, только бы одинъ...

— А Евгенія? сынъ! Кто вспомнитъ обо мнѣ?

На этотъ вопросъ Луринъ, ему отвѣтило внутреннее чувство.
— Никто! никто! глухо простоналъ Луринъ.

— Да и за что тебя вспомнить? Виродолженіи твоей жизни, виродолженіи пятидесяти лѣтъ, что, кому, ты сдѣлалъ добра? Поддержалъ ли когда-нибудь бѣдняка на краю гибели, и можетъ-быть на дорогѣ къ преступленію, на которую привела его бѣдность?... Утѣшилъ ли несчастнаго, котораго судьба, люди, или собственная слабость, довели до отчаянія?...

Снасъ ли отъ общаго эгоизма, теплотой своей души, юную, молодую душу, воспріимчивую къ впечатлѣніямъ?

Ободрилъ ли начинающій талантъ, или хоть, когда-нибудь, подалъ ли отъ чистаго сердца милостыню?

Или можетъ-быть Луринъ свой талантъ, свои способности, свое время принесъ на службу отечеству?

Или для друга онъ забылъ все? для родства, для сына, или для любви посвятилъ жизнь свою?

Пусть совѣсть отвѣтитъ ему на эти вопросы.

Пусть вспомнитъ Луринъ, что онъ дѣлалъ въ жизни.

Жизнь его не напомнитъ ли отвѣта дворника о своей собакѣ.

— Она умѣетъ что-нибудь? спросилъ прохожій дворника, который держалъ на сворѣ прекрасную лагавую собаку.

— Какъ же, она ѣсть умѣетъ, отвѣчалъ дворникъ.

А Луринъ? что онъ умѣлъ? не только ли ѣсть, или по-крайней-мѣрѣ поглощать?

Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ были для него, а самъ ни для кого не хотѣлъ быть ни чѣмъ.... Въ игрѣ онъ обманывалъ, въ жизни обманывалъ, и въ любви обманывалъ.... И жизнь его была болѣе ничего какъ обманъ.

Онъ любилъ Олянку. Любилъ, слова нѣтъ, что любилъ. Но чѣмъ же онъ пожертвовалъ для любви? Онъ всѣмъ готовъ былъ пожертвовать, пожертвовалъ бы жизнью своею, и не жертвовалъ ни чѣмъ! Онъ не умѣлъ даже простить ту, которую любилъ, и простить не проступокъ, а несчастіе.

Онъ любить Евгению; чѣмъ для нея онъ жертвуетъ? Опять ни чѣмъ! онъ разрушаетъ ея счастье.

Онъ любить сына. Для него чѣмъ пожертвовалъ Луринъ? посвятилъ ли себя воспитанію его, или хоть оставилъ ли когда-нибудь выгодную спекуляцію, чтобы заняться имъ? Нѣтъ! и сыну Луринъ ни чѣмъ не жертвовалъ.... И ни для кого, ни чѣмъ! Почему же онъ хочетъ, чтобы для него всѣмъ жертвовали люди?

А! вотъ гдѣ цѣль его жизни; вотъ гдѣ Луринъ жертвовалъ

временемъ, трудомъ, состояніемъ; это, мечь оболстителю жены его, мечь Нозьскому, оболстителю Олнйки.

Нѣтъ! мечь Нозьскому была во первыхъ выгодная спекуляція, а онъ не могъ уже жить безъ спекуляцій; во-вторыхъ игрушка празднаго ума.... И когда онъ думалъ, что его жизнь соединена съ мечью оболстителю, тогда онъ обманывалъ себя, и немудрено; онъ такъ привыкъ обманывать другихъ.

Кому же вспомнить о немъ? Кто съ душевной привязанностію сохранять его имя даже послѣ его смерти?

Тѣ ли, которыхъ обыгрывалъ онъ, тѣ ли которыхъ обманывалъ, тѣ ли, которыхъ развращалъ, и не только по своему желанію какъ Анатолиа, но просто, безотчетно, своею рѣчью, своимъ примѣромъ?.... Или жертвъ его страсти? Да вѣдь и для страсти онъ ни чѣмъ не жертвовалъ, развѣ чужими деньгами.

А природа дала ему все, дала ему и способности, и силу характера, и силу чувства, и воображеніе, и умъ чистый, практический, положительный умъ. Что же сдѣлалъ онъ изъ всего этого? Ничего! онъ только ѣлъ....

Чужое состояніе, чужая жизнь, чужая привязанность, чужое благородство, чужая любовь, чужое чувство, все было поглощено, все было съѣдено Луриннымъ.... И жизнь его была жизнь игрока и спекулянта....

Природа дала ему столько, что онъ могъ бы быть великимъ человѣкомъ.... На что бы ни обратилъ свою дѣятельность Луринъ, онъ бы вездѣ былъ великъ. Онъ былъ бы великій политикъ, великій администраторъ, великій полководецъ, великій художникъ, даже великій купецъ. Но онъ захотѣлъ, и сталъ великимъ шуллеромъ и только.

И посвятилъ жизнь свою Луринъ шуллерству и былъ вездѣ шуллеръ, во всемъ: и въ картахъ шуллеръ, въ спекуляціяхъ шуллеръ, въ домашней жизни шуллеръ, въ чувствахъ шуллеръ, и въ любви шуллеръ. Что же вся жизнь его? Одно шуллерство, одинъ обманъ, а вотъ и смерть.

Вотъ какія мысли мгновенно пробѣжали въ головѣ Лурина.

— Душно, жарко, жжетъ! кричалъ Луринъ, перебѣгая отъ дверей къ окнамъ, когда комната была вся объята пламенемъ.

— Я умру, Боже! умру! только бы одинъ день.... И какъ мучительно умру! говорилъ Луринъ.

Голова его начинала кружиться, онъ машинально пододвинулъ къ себѣ портретъ Олнйки и взглянулъ на подпись:

— Ни вашей тонкости, ни ума, ни вліянія....

Луринъ нахмурился: ему невольно пришелъ на мысль капитанъ.

— Онъ умеръ, подумалъ Луринъ, другой съума сошелъ, а вотъ и мнѣ наказаніе, я сгорю... Боже, помоги мнѣ!

И Луринъ хотѣлъ молиться, но молитва его была черства.

— Неужели я буду томиться смертію! вдругъ вскричалъ Луринъ эпергически, неужели я буду ждать, пока не загорится на мнѣ платье.... Въ это время онъ почувствовалъ что плечо его обожгло, халатъ горѣлъ.

Луринъ сбросилъ съ себя халатъ.

— Нѣтъ! сказалъ Луринъ, я умѣю умереть смертію храбрыхъ, смертію капитана и Луринъ схватилъ со стола пистолеть.

Раздался выстрѣлъ.

Часы пробили десять.

И жизни своей ни чѣмъ не пожертвовалъ Луринъ: онъ обманулъ смерть, онъ застрѣлился.

Пожарная команда въѣхала на дворъ.

Павелъ Ивановичъ выбѣжалъ изъ своей комнаты какъ былъ, раздѣтый; волосы на немъ были опалены.

Онъ увидѣлъ что уголь, въ которомъ помѣщалась спальня его отца, горитъ, и спросилъ съ безпокойствомъ: гдѣ батюшка?

Люди нѣсколько разъ пытались уже пробраться въ спальню барина, но комнаты передъ спальней Ивана Ильича были большею частию оклеены деревомъ, и пылали; пройти не было возможности.

Общее молчаніе было отвѣтомъ молодому Лурину.

— Батюшка сгорѣлъ, подумалъ онъ, и мгновенная тоска овладѣла имъ. Но ту же секунду Павелъ Ивановичъ представилъ себѣ, что это теперь все его, что онъ теперь со всѣми уплатится, пачнетъ жить.... И Павелъ Ивановичъ разогналъ свою тоску представленіемъ своей будущей жизни.

Черезъ полчаса пожарные заливали послѣдній огонь, люди обмывали тѣло покойнаго барина, а Павелъ Ивановичъ сводилъ счеты съ управляющимъ.

Управляющій сказалъ ему, что много драгоценныхъ камней и золота хранится въ несгораемомъ бюро его отца, и молодой Луринъ имѣлъ духу самъ разставить караульныхъ, около мѣста пожара, чтобы ничего не пропало.

Потомъ Павелъ Ивановичъ обратился опять къ счетамъ.

— Векселя эти, говорилъ молодой Луринъ управляющему, по-

казывая ему векселя Анатолія, представить ко изысканію, и вмѣстѣ увѣдомить Налова, что я требую по нимъ уплаты, но что впрочемъ согласенъ размѣняться векселями, если онъ уничтожить вчерашнюю сдѣлку.

— А много вы ему должны были? спросилъ управляющій.

— Я ему вчера продалъ свое имѣніе, за двѣсти-тысячъ, которые и получилъ вчера моими векселями. Осталось за мной тысячь-десять, пятнадцать не больше, да за батюшкой....

— Вашъ батюшка, Павелъ Ивановичъ, ничего не бралъ у Налова, сказалъ управляющій.

— Я знаю! онъ бралъ! отвѣчалъ съ досадою Павелъ Луринъ.

Управляющій недовѣрчиво качалъ головою.

— Если я говорю, что онъ бралъ, стало-быть бралъ, сказалъ Луринъ нетерпѣливо. Знайте, я не люблю противорѣчій! Всего двадцать или двадцать-пять-тысячъ за мной. Да за имѣніе двѣсти-тысячъ. А у меня его векселей на двѣсти-сорокъ-тысячъ, да проценты.... Но я дарю ему эти пятнадцать или двадцать-тысячъ и проценты со всей суммы, съ тѣмъ чтобы онъ возвратилъ мнѣ актъ о продажѣ имѣнія!.... Имѣніе стоитъ этихъ денегъ! Сей часъ же отправить къ Налову, слышишь!

— Сію секунду! отвѣчалъ управляющій. Какъ прикажете распорядиться похоронами?

— Я самъ распоряжусь! отвѣчалъ Луринъ: позвать гробовщика ко мнѣ!

Анатолій утомленный ночной оргіей въ это время еще спалъ. Разносчикъ принесъ газету.

Прослушавшись, Анатолій развернулъ газету и глаза его прямо упали на извѣстіе что опыты шароходства не удались, Гильморъ скрылся, стало-быть акціи Анатолія не стоятъ ни гроша....

Вошелъ повѣренный Луринъ, и объявилъ что векселя Анатолія представлены ко изысканію и что не угодно ли ему, въ избѣжаніе всякой переписки, размѣняться актами и векселями.

Повѣренный не упустилъ при этомъ прибавить, что при согласіи Анатолія на размѣнъ, Павелъ Ивановичъ Луринъ уступаетъ въ пользу Анатолія пятнадцать-тысячъ и законные проценты на всю должную Анатоліемъ сумму....

— Другой разъ, другой разъ, говорилъ Анатолій ломая руки отъ отчаянія. У меня опять ничего нѣтъ, я опять нищій!....

Грустное утро было у Евгеніи. Она думала о томъ, кого любила и кто сталъ недостойнымъ ни любви ея, ни уваженія....

Невольно разбирала она теперь поведеніе Анатолія, искала чув-

ства въ этихъ холодныхъ расчетахъ спекулятора и находила только одинъ спекуляціи.

Отчего же этотъ человѣкъ, съ благороднымъ взглядомъ на жизнь, съ стремленіемъ къ высокому, съ душой, способной сочувствовать всѣмъ порывамъ прекраснаго, этотъ человѣкъ упалъ до степени пустаго, презрѣннаго обманщика, фангяра чувствъ, забывающаго всякую другую цѣль въ жизни кромѣ наживы.

Отчего Анатолій сталъ такимъ?

Вотъ вопросы, которые занимали Евгенію.

Она не умѣла пояснить себѣ, почему она тоскуетъ, плачетъ, почему обижаетъ ее поведеніе Анатолія.... Она твердитъ: я его любила, а онъ, онъ дѣлаетъ низости....

Но вѣдь не одинъ онъ дѣлаетъ низости, дѣлаютъ и другіе; Евгенія слышитъ объ этомъ и презираетъ ихъ.

Но она не страдаетъ своимъ презрѣніемъ, не мучится отъ полноты этого чувства, а поведеніе Анатолія заставляетъ ее страдать, мучиться, плакать.... Почему же она страдаетъ?

Можетъ-быть ревность? Нѣтъ! она простила бы даже измѣну его, если бы эта измѣна была слѣдствіемъ порыва чувствъ, мгновенной забывчивости, но расчетъ, денежный расчетъ!.... Эти слова оскорбляли Евгенію.

Евгенія не понимала, что она, разбирая поступки Анатолія, находила въ нихъ столько эгоизма, столько холодности, коммерческихъ соображеній, что любовь его къ ней должна быть подавлена ими.

Поступки Анатолія гадки, низки, заключаютъ въ себѣ столько чернаго, а можетъ ли любовь, — не животная страсть, не половое стремленіе, а любовь благородная, чистая, — можетъ ли она совпадать съ низкимъ образомъ мыслей, съ черными, грязными продѣлками?.... Можетъ ли любовь быть тамъ, гдѣ все стремленіе человѣка, весь его умъ, всѣ его способности, всѣ его чувства соединились на одномъ словѣ — деньги?

Въ головкѣ Евгеніи на эти вопросы былъ отвѣтъ отрицательный.

И она безотчетно, не умомъ, а сердцемъ рѣшила, что не рокая себя, она не должна любить Анатолія, потому что не можетъ уважать, потому что любовь ея къ нему теперь будетъ насмѣшкой надъ душевной привязанностію, оскверненіемъ нравственности, упиженіемъ святаго чувства.

Эти мысли томилъ Евгенію и она выражала ихъ однимъ словомъ: — я его презираю.

А между тѣмъ она его любила.

Любовь ея къ Анатолію охватывала все ея существо, поглощала всё ея мысли, была цѣлью ея молодой, невинной жизни, предметомъ ея мечты, и она не могла утѣшиться одной слабой волей дѣвушки, однимъ словомъ ея презрѣнія. Любовь слишкомъ укоренилась въ ея сердца, слишкомъ слилась съ ея жизнью, чтобы Евгенія могла оторваться, потому что съ любовію у ней нѣтъ уваженія къ предмету ея любви.

Но и въ презрѣніи ея къ Анатолію была любовь.

Оттого она и страдаетъ этимъ презрѣніемъ, оттого тоскуетъ, мучится. Она твердитъ: я его презираю и вѣчно буду презирать... и плачетъ отъ своихъ словъ, отъ своихъ мыслей.

— Я напишу къ нему, думаетъ Евгенія, напишу, что я знаю всю его визость, всё его недостойныя поступки; пусть онъ увидитъ, пусть почувствуетъ, какъ я презираю его....

И Евгенія готова была писать, но потомъ думала: «Онъ еще продастъ мое письмо, для него нѣтъ ничего заветнаго, ему только была бы выгода.... Не продалъ ли онъ и то мое письмо? Можетъ быть ему заплатили чтобы обезславить меня.»

И лихорадочный бредъ свой Евгенія сопровождала слезами.

Иногда она энергически отирала свои слезы, старалась принять на себя спокойный видъ, старалась думать, что онъ не стоитъ ея слезъ, ся мыслей.... «Я молода, думала Евгенія, я встрѣчу человѣка который будетъ любить меня, и не промѣняетъ, не измѣнитъ мнѣ изъ за денегъ. Я не хочу о немъ думать, онъ не стоитъ того, презрѣнный, низкій!..»

Евгенія опять плакала. Ея энергія падала передъ могуществомъ прошлой любви, передъ воспоминаніемъ о прошлой мечтѣ своей.

Ей казалось, она не найдетъ лучше, прекраснѣе, умнѣе, благороднѣе Анатолія, — то есть того Анатолія какимъ былъ онъ, покуда не увлекся жадностію къ деньгамъ; не найдетъ ни въ комъ столько любви къ себѣ, не встрѣтитъ столько характера, не будетъ сочувствовать такой страсти, не отыщетъ ни въ комъ столько преданности.... Ей казалось такъ — и не мудрено: она давно слила свой идеалъ съ образомъ Анатолія.

И теперь она узнала, что это олицетвореніе ея идеала, этотъ человѣкъ заключающій въ себѣ всё добродѣтели ея душевныхъ желаній и заключавшій въ своемъ сердца всю мечту Евгеніи, этотъ человѣкъ — гадкій развратитель, неблагодарный обманщикъ и низкій спекулянтъ. — Гдѣ же мечта ея?

Евгенія рѣшилась побѣдить свою любовь.

Но гдѣ же силы для исполненія ея рѣшимости? Чѣмъ замѣнить она пустоту въ своемъ сердцѣ! Новой любовью! Но что же будетъ тогда она въ своихъ глазахъ? Не сдѣлаетъ ли она того же что и Анатолій, и ея новое чувство не будетъ ли оскорбленіемъ чувства любви?

Да развѣ и можно полюбить, только потому что захочешь полюбить?

— Я не могу забыть его, говорила себѣ Евгенія, но я скрою свою любовь; буду плакать, мучиться, но до этого ему дѣлать: мои слезы не будутъ стоить ему денегъ, а онъ дорожить только тѣмъ за что нужно платить.... Я покажу ему свое презрѣніе, продолжала она, пускай онъ будетъ богатъ, пускай ослѣпляетъ всѣхъ своимъ богатствомъ, своей роскошью, я ему скажу: — въ вашемъ богатствѣ низость, которой вы его важнили, и ваше богатство, ваши чувства, ваши поступки, и вы сами стоите презрѣнія....

А какъ Евгенія вѣрла его любви, непреложности его правилъ, достоинству его чести, истинѣ чувствъ! Что же случилось съ ея вѣрой? Не разбилась ли она о корыстолюбіе и эгоизмъ Анатолія?

Теплота души Евгенія не дала ей обвинять весь родъ человѣческой, зато что любимый ею упалъ низко въ ея глазахъ. Она винила только Анатолія, но невольно говорила себѣ: — Если онъ сталъ такимъ, что же другіе, у которыхъ нѣтъ ни столько чувства, ни столько ума?...

И Евгенія невольно охладѣвала ко всѣмъ и ко всему.

Отецъ приставалъ къ ней, чтобы она рѣшила свою судьбу, твердилъ ей о богатствѣ Луринна, какъ она будетъ съ нимъ жить, какъ одѣваться, какъ она уморить отъ зависти своихъ знакомыхъ дѣвушекъ.

— Зачѣмъ мнѣ роскошь, думала Евгенія, — я хотѣла бы быть богатой, но съ нимъ....

Отецъ предлагаетъ другихъ жениховъ и опять проситъ рѣшить.

— Чего мнѣ рѣшать, думала она: я не принадлежу себѣ, но никогда не буду принадлежать и ему....

Въ залѣ былъ слышенъ голосъ Анатолія. Евгенія старалась проглотить свои слезы, старалась принять спокойную и холодную физиономію.

Она хотѣла наказать Анатолия своей холодностію, потому показать всю ничтожность его и свое къ нему призрѣніе.

И Евгенія встала; грудь ея поднималась отъ неровнаго дыханія. Евгенія подавляла свои чувства, принимая холодный видъ и волюкокетливую улыбку.

Анатолий вошелъ.

Евгенія не успѣла скрыть послѣднюю слезинку свою, которая висѣла на рѣсницѣ, точно капля росы на лепесткѣ цвѣтка, но она съ истинно женскимъ чувствомъ умѣла замаскировать себя. Она казалось играла слезинкой, которая катилась по ея щекѣ.

Анатолий былъ взволнованъ, грустенъ: онъ молча взялъ руку Евгению, которую она тотчасъ отняла.

Анатолий ничего не замѣчалъ.

— Евгенія, другъ мой, началъ говорить Анатолий, я снова бѣденъ! Видно, Провидѣнію не угодно, чтобы я оборотами составилъ себя состояніе, чтобы я сказалъ тебѣ: Евгенія, я для тебя трудился, работалъ, и для тебя Богъ наградилъ труды мои! Я опять бѣденъ отъ несчастныхъ обстоятельствъ. Шароходство не удалось! Однако за всѣми разсчетами у меня останется тысячь-тридцать. Скажи мнѣ! Будешь ли ты довольна бѣдными процентами съ этихъ денегъ, и умѣреннымъ содержаніемъ чиновника? Я вступаю на службу и мы можемъ еще быть счастливы.

Евгенія безмолвно стояла передъ Анатолиемъ; она думала: къ чему же велъ всѣ низости,—ни себя, ни другихъ! Ей было жаль Анатолия. Если бы онъ явился къ ней богатый, блестящій,—она бы сей часъ громко сказала ему свои слова презрѣнія. Но онъ бѣденъ, въ нуждѣ.... Но все же онъ низокъ, все же онъ не стоить уваженія....

— Анатолий Александровичъ! сказала Евгенія сухо, у васъ не было ни какихъ процентовъ, ни какого содержанія....

— Евгенія! вскрикнулъ Анатолий, это «вы», эта сухость... Скажи мнѣ что это значитъ?

— Вы перебили меня, отвѣчала Евгенія разгорячась, не дослушали, а то бы я вамъ все сказала. Слушайте: у васъ не было ни какихъ процентовъ, ни какого содержанія, ни какой надежды, и я готова была вамъ всѣмъ жертвовать, готова была бѣжать съ вами на край свѣта, дѣлить и вашу бѣдность и лишенія, зарабатывать съ вами насущный кусокъ хлѣба. Вы были бѣдны, но вы были для меня все, замѣняли собою все въ мірѣ — и отца, и богатство, и мнѣніе общества. Мѣсяца два передъ этимъ, только два мѣсяца какъ я видѣла въ васъ моего супруга, мой иде

алъ, мою опору, — благородную опору, и я васъ любила, а теперь я васъ не уважаю, слѣдовательно не люблю.

Обезсиленная волненіемъ и неестественной энергіей, Евгенія опустилась на диванъ.

— Евгенія! вскричалъ Анатолій, пораженный, обезумленный: Евгенія! Тебя ли я слышу? И вотъ награда за мои пожертвованія, за мои мученія.... Я въ несчастіи, потерялъ все — и та, которую я съ малолѣтства привыкъ называть своей сестрой, своимъ другомъ, которую два раза готовился назвать супругой своей, та отвергаетъ меня.... Евгенія! Отъ тебя ли я слышалъ твои слова? Не мучь меня! Говори мнѣ!

Евгенія молчала, у нея только слезы выбивались изъ подъ рѣсницъ въ отвѣтъ на слова Анатолія. Она глотала свои слезы, давила ихъ....

— А! понимаю! сказалъ Анатолій съ проніей: можетъ быть счастливый соперникъ.. давно бы такъ! Такъ и сказать бы мнѣ откровенно! Къ чему же тонкости? Убивать, такъ убивать разомъ....

Евгению будто укололи слова Анатолія. Она живо встала съ дивана, слезы у нея мгновенно высохли и она, обиженная, огорченная, говорила съ упрескомъ.

— Вы должны меня знать на столько, Анатолій Александровичъ, чтобы не унижать себя, не говорить этого. Еще нѣтъ двухъ мѣсяцевъ, какъ я доказала вамъ, что я люблю васъ, какъ вы никогда не стоили... И о дѣвушкѣ, которую вы выбрали себѣ въ супруги, вы думаете, что черезъ два мѣсяца она можетъ забыть васъ для другого.... Какъ это достойно васъ... Нѣтъ, Анатолій Александровичъ, продолжала Евгенія грустно, не мой капризъ и не измѣна чувства заставляютъ меня отказывать вамъ.... Вы лучше вспомните ваше поведеніе въ продолженіи этихъ двухъ мѣсяцевъ. Вы сами называли мнѣ Ивана Пилича вашимъ благодѣтелемъ, а что вы сдѣлали съ сыномъ вашего благодѣтеля?

Анатолій хотѣлъ было отпираться, но Евгенія удержала его.

— Не унижайтесь, сказала она, я все знаю, и ваше заpiresтельство увеличитъ мое....

Анатолій увидѣлъ что надобно говорить откровенно и перебилъ Евгению. Луринъ самый низкій человѣкъ, сказалъ онъ: онъ игрокъ....

— Положимъ такъ! отвѣчала Евгенія, но развѣ это оправдываетъ васъ? Онъ вашъ благодѣтель, а вы на него клеветеете... И вамъ не совѣстно?

— Нѣтъ, Евгенія, я не клевету, а говорю то, что есть, и сознаюсь, я виноватъ передъ его сыномъ. Я не оправдываю своего поступка, и за него я слишкомъ наказанъ судьбой. Но вспомни, Евгенія, милая, безцѣнная Евгенія, что причиною моего поступка была моя любовь къ тебѣ.

— Простите мнѣ родственную откровенность, Анатолій Александровичъ, сказала Евгенія тономъ, который выражалъ всю горестъ, все оскорбленіе ея взволнованной души: вашъ поступокъ низокъ, а низость не оправдываютъ ни какія причины.... Хорошо! Положите, что любовь ваша ко мнѣ, нетерпѣливое желаніе овладѣть моею рукою заставили васъ рѣшиться и на низость. Боже мой, какъ грустно! Низость! Но станете ли вы увѣрять, что изъ любви ко мнѣ вы измѣнили любви своей, и въ то время, какъ вы писали отвѣтъ на мое письмо, въ которомъ я была готова жертвовать собою, чтобы утѣшить васъ, въ ту самую минуту вы обманывали меня, клянясь другою женщиною въ вѣрности, обманули и ту, когда вамъ это было выгодно, и начали обманывать третью дѣвушку, которая также какъ и я имѣла несчастіе полюбить васъ.... Такіе поступки, Анатолій Александровичъ, не извиняетъ любовь.... Если бы послѣ всего этого, продолжала Евгенія сквозь слезы, если бы и теперь я любила васъ, какъ прежде, больше всѣхъ на свѣтѣ, больше моей жизни, то послѣ вашихъ низкихъ поступковъ я согласилась бы лучше умереть чѣмъ выйти за васъ....

И рыданія заглушили слова Евгенин.

— И вы теперь приходите ко мнѣ, говорила Евгенія прерывая слова свои рыданіями, говорите что не смотря на всѣ средства, даже недостойныя средства, вы бѣдны! Хотите, чтобы я васъ утѣшала! я рада бы утѣшать васъ, — если бы я въ васъ видѣла.... моего брата, моего... Анатолія, благороднаго Анатолія.... Но теперь, когда вы продали.... вашу честь... ваше благородство... теперь мнѣ до васъ нѣтъ дѣла... я васъ през....

Рыданія опять заглушили слова Евгенин и она почти безъ чувствъ онустилась на диванъ.

— Евгенія, не убивай меня! говорилъ Анатолій умоляющимъ голосомъ.

Евгенія прислонилась къ подушкѣ дивана и горько плакала.

— Прости меня, продолжалъ Анатолій. Неужели ты отказываешь мнѣ, Евгенія? Милая Евгенія! я не хочу вѣрять, прости же меня, Евгенія!...

Евгенія плакала истерически и говорила не помня себя.

— А ты, что ты дѣлалъ?... унижался!... всѣхъ обманывалъ!... и меня продалъ! ступайте къ своей!...

— Евгенія, я умоляю тебя, говорилъ Анатолій становясь коленною на скамеечку передъ диваномъ и поцѣловавъ руку Евгениі.

Евгения опомнилась. Она вырвала свою руку изъ рукъ Анатолія, отерла слезы и отвѣчала рѣшительно:

— Да, Анатолій Александровичъ, отказываю! Отказываю, потому что не уважаю васъ!...

— Но я заглажу свой поступокъ, клянусь тебѣ!...

— Полноте, не клянитесь, отвѣчала Евгения: это не деньги, которыя можно пахать. Честь и благородство не покупаются. И ваши поступки будутъ вѣчнымъ пятномъ на вашей памяти. А я не могу принадлежать тому, кого не уважаю, кого не могу уважать!...

— Она мнѣ отказываетъ, говорилъ Анатолій. Евгения, неужели ты отказываешь?...

Евгения молчала. Глаза ея были опять полны слезъ.

— Евгения! твои слова убійственны, говорилъ Анатолій задумчиво: не мучь меня, не шути такъ! Всѣ мои проступки клоняты къ тому, чтобы обладать тобой. Прости же меня! Неужели ты меня разлюбила?

— Я и не думала мучить васъ, отвѣчала Евгения твердо: шутить подобными вещами я себѣ никогда не позволю!... Можетъ быть я еще и люблю васъ... и она глубоко вздохнула, слезы невольно катились по ея щекамъ. Но я никогда не буду вашей женой, сказала Евгения, будто вырывая эти слова изъ души своей. И она оперлась опять на подушку дивана.

— Она отказала, говорилъ Анатолій въ отчаяніи: что я буду дѣлать? Евгения? Ни какой надежды?

— Ни какой, едва проговорила Евгения: оставьте меня!

— Отказала, повторилъ глухо Анатолій и въ отчаяніи вышелъ изъ комнаты.

Евгения смотрѣла ему вслѣдъ, заплакала и проговорила про себя:

— Боже мой! Какъ я люблю его!...

Черезъ полчаса Анатолій снова вбѣжалъ къ Евгениі.

Она сперва бросилась было къ нему, потомъ остановилась и холодно ожидала, что онъ скажетъ.

— Евгения, кричалъ Анатолій съ радостной улыбкой: я боюсь, дядюшка мой умеръ, не оставивъ завѣщанія, и имѣніе его

достается мнѣ, слишкомъ тысяча душъ, да тысячь двѣсти денегъ. Порядочное состояніе! Мы можемъ уплатить долги твоего батюшки и жить, даже прекрасно, при моей службѣ и занятіяхъ. Я только сейчасъ получилъ извѣстіе. Теперь скажи, что ты согласишься быть моей женой.

Сергѣй Макаровичъ стоялъ въ дверяхъ. Онъ вошелъ вслѣдъ за Анатолиемъ, думая отворотить его предложеніе и стоялъ не шевелился, когда услышалъ, что тотъ говоритъ о своемъ богатствѣ.

Евгенія гордо взглянула на Анатолиа.

— Какъ вы унизили себя, Анатолий Александровичъ, отвѣчала Евгенія, выражая все свое презрѣніе. Неужели вы думали, что я переменяю то, что сказала, потому только, что вы стали богаты. Я сожалею не о потерѣ вашего состоянія, а о потерѣ вашей нравственности, вашего благородства....

Анатолий молчалъ. Онъ почувствовалъ всю справедливость упрека Евгеніи и не находилъ словъ.... Ему было грустно, тяжело....

— Но, Евгенія Сергѣевна, сказалъ вдругъ Анатолий, собирая послѣднюю силу: подумайте о себѣ! Вашъ батюшка старъ, ииѣніе разстроено.... Въ какомъ вы останетесь положеніи?...

— Я? Какъ вы заботитесь обо мнѣ, Анатолий Александровичъ! отвѣчала Евгенія съ гордой улыбкой. Я? я останусь дѣвушкой!

И она заплесала слезами.

Анатолий смотрѣлъ на нее съ энтузіазмомъ.

Евгенія хотѣла уйти, но Сергѣй Макаровичъ остановилъ ее.

— Умерь! сказалъ Сергѣй Макаровичъ: Иванъ Ильичъ умеръ! Дай Богъ ему царство небесное.

— Умеръ! сказала Евгенія перекрестившись и задумалась.

— Да, умеръ! отвѣчалъ Сергѣй Макаровичъ: мнѣ сейчасъ привесли билетъ отъ Павла Ивановича, отдать послѣдній долгъ его отцу. Анатолий Александровичъ, продолжалъ Сергѣй Макаровичъ, обращаясь къ Анатолию: Подойдите къ ней, она любитъ васъ....

— Нѣтъ, не беспокойтесь, отвѣчала Евгенія съ достоинствомъ: я не переменяю того, что вамъ сказала: я не люблю васъ, я васъ... не уважаю.

И она хотѣла уйти.

Анатолий стоялъ въ смущеніи.

— Постой, Евгенія, сказалъ Сергѣй Макаровичъ. А долги?

Евгенія остановилась и отвѣчала отцу съ благородствомъ:

— Батюшка, я не дѣлала долговъ и отдаю вамъ мое ииѣніе на уплату вашихъ....

И она не выдержала, залилась слезами и упала на руки своего отца.

X.

Анатолий пришел домой.

Слова Евгения его поразили. Они заставили его взглянуть на себя, поверить свое прошлое, поискать в сердце причин своих действий. Она меня презирает, думал Анатолий: она мне выказала всю силу своего презрѣнія, а я этого не понимал, я захотѣлъ купить ея любовь. Не стою ли ея презрѣнія?

И Анатолий вспоминалъ свою жизнь, разбирал свои поступки.

Онъ сказалъ: я буду спекуляторомъ. На это слово его вызвала любовь, пылкая, страстная любовь юности. И сталъ онъ спекуляторомъ, бросился въ тотъ омутъ, гдѣ столько погибло до него.

Но я не паду, думалъ Анатолий: меня не увлечетъ жадность, я не брошусь на деньги; я буду твердъ, не уроню себя, не нарушу чистоты моей совѣсти. Мне не нужно многого, я хочу нажать столько, чтобы можно было жениться на Евгении.... Кроме того, продолжалъ Анатолий: послѣ я долженъ нажать и для себя. Богатство дастъ мне силу, дастъ большую возможность располагать собою для другихъ.

Да, для другихъ. Вотъ была идея Анатолия, когда онъ получилъ отказъ отъ Сергѣя Макаровича. Онъ возвращался къ себѣ и думалъ:

Я наживу, и бѣдный не уйдетъ отъ меня безъ помощи, больной встрѣтитъ во мне участіе, несчастный утѣшеніе.... Я буду жить тогда, во-первыхъ, для Евгения, для любви ея, во-вторыхъ, для всѣхъ....

Такъ ли поступалъ Анатолий? Жилъ ли онъ только для Евгения, не преступилъ ли законной совѣсти? А если преступилъ, то только ли для любви своей?

Нѣтъ! отвѣчало внутреннее чувство Анатолию. Помнишь! ты жилъ, трудился для Евгения; твои поступки были согласны съ совѣстію, но тутъ тебѣ въ первый разъ представилось искушеніе — миллионъ. Салковъ давалъ тебѣ миллионъ! Припомни! Совѣсть говорила тебѣ: будь христіаниномъ, будь человекомъ, дай деньги Салкову, но не оставь его, пользуйся его крайностію.

Ты боялся своей совѣсти, боялся быть жидомъ въ глазахъ всѣхъ, а главное самого себя, но миллионъ тебя очаровывалъ... и твои чувства боролись.

Милліонъ соблазнилъ тебя, ты былъ подавленъ представленіемъ его значенія и ты палъ....

Однако свое паденіе ты хотѣлъ въ глазахъ своихъ прикрыть хоть фразой, ты говорилъ себѣ: я въ займы беру у Салникова, а въ займы брать не безчестно, да и я клялся посвятить Евгенію и совѣсть и честь.... И ты старался увѣрить себя, что дѣлаешь это для Евгенія.

Но такъ ли? Припомни, ты ждалъ этого милліона. Въ петербургѣ ходилъ по своему кабинету, жадно смотрѣлъ на часы, голова твоя горѣла; ты думалъ не о невѣстѣ своей, не о счастьи взаимной любви, ты думалъ о деньгахъ. Милліонъ тогда былъ для тебя дѣйствительно дороже и совѣсти и чести, былъ дороже и любви. Надежда тебя обманула: надѣясь все получить, ты все потерялъ. Въ тебѣ осталось еще на столько благородства, чтобы хотѣть остаться чистымъ, по-крайней мѣрѣ въ чужихъ глазахъ, и ты жертвовалъ всѣмъ чтобы расплатиться, такимъ образомъ сохранилъ хотя наружную, коммерческую честность. Но надолго ли достало твоей честности? Пріизжаетъ Луринъ, вызываетъ тебя на низость, и ты рѣшаешься.... Не скажешь ли ты и теперь, что ты для любви рѣшился?

Нѣтъ! Ты рѣшился просто для того, чтобы поправиться. Но прежде чѣмъ ты рѣшился, ты опять боролся самъ съ собою. Любовь твоя къ Евгенію оскорблялась измѣною, не допускала тебя унасть, но ты опять не выдержалъ, склонился на представленія, упалъ.

Луринъ тебѣ постоянно дѣлалъ добро, можетъ-быть изъ своихъ видовъ, но все же помогалъ, благодѣтельствовалъ тебѣ, ты самъ это говорилъ. Ты помнишь? Онъ тебѣ открылъ глаза на счетъ Ноэльскаго, онъ научилъ купить векселя Черемухина, когда ты былъ въ крайности, онъ далъ тридцать тысячъ. Ты все это помнилъ, и согласился обманывать, развращать его сына. Совѣсть сказала тебѣ: Не низко ли? Но ты не послушался своей совѣсти, ты отвѣчалъ: Не я, такъ другой, какъ-будто эти слова давали тебѣ право.

Чѣмъ же ты сталъ послѣ того?... Ростовщикомъ!

Назвали тебя ростовщикомъ, публично бросили въ лицо это имя, котораго ты стоилъ, и ты даже и не обидѣлся.

Потомъ ты снялъ подрядъ подъ залогъ имѣнія своей любовницы, захватилъ деньги какія могъ, и бросилъ любовницу.... какъ выжатый лимонъ, говорилъ ты; ты уже хвасталъ своею безпавственностію.

А между-тѣмъ твоя мечта была быть полезнымъ обществу, полезнымъ другимъ.

Ты сталъ говорить такъ: теперь я допускаю всё эти продѣлки для того чтобы пахать скорѣе, жениться на Евгеніи, все для нея! а потомъ брошу спекуляціи, куплю себѣ имѣніе, буду устроить его и окружу себя трудомъ, спокойствіемъ, добрыми дѣлами, — тѣмъ заглажу свои поступки и сдѣлаю пользу обществу.

Фраза, мой милый, только фраза! Обольщая Лохсель ты и не думалъ о Евгеніи. А если бы ты женился, то сталъ бы жить еще, спекулировать въ большомъ размѣрѣ, покуда не пришлось бы разсчитываться съ послѣдней спекуляціей — съ жизнью.

Ты говоришь, что ты бы не сталъ спекулировать, купилъ бы имѣніе.... Но ты смѣшишь! Развѣ это не та же спекуляція, только можетъ-быть болѣе спокойная?

А потомъ понадобилось бы купить домъ, дачу, прикупить земли, развести садъ, накупить бездѣлокъ.... А тамъ блескъ дома, балъ, глядишь доходы улетаютъ, вотъ тебѣ и филантропія!

Но продолжаемъ разсматривать чтò ты дѣлалъ! Ты былъ свидѣтелемъ въ фальшивой продажѣ, потомъ началъ ухаживать за Северюгиной изъ выгоды, и вотъ ложь изъ-за денегъ, притворство, фиглярство чувствъ.... Наконецъ, ты заставилъ пьянаго, почти сумасшедшаго Лурина подписать бумагу о продажѣ его имѣнія. Лучше бы ты просто укралъ....

— Если бы Евгения знала это, она не стала бы со мной говорить, подумалъ Анатолій.

И Анатолій почувствовалъ всю справедливость отказа Евгеніи. Упреки неопытной дѣвушки вызвали изъ глубины его души ту непонятную силу, которая какъ бы отдѣлила Анатолія отъ его прошлаго, поставила судьей самого себя.

Анатолій разсматривалъ себя такъ, какъ бы разсматривалъ посторонній, и онъ понималъ всю черноту своихъ поступковъ.

И чѣмъ болѣе разсматривалъ себя Анатолій, тѣмъ болѣе презиралъ.

И такъ вотъ результатъ жизни Анатолія.

Всѣ порядочные люди его презираютъ, невѣста презираетъ и самъ себя онъ презираетъ.

Только одна мать его съ любовію смотритъ на Анатолія, она думаетъ: можетъ, онъ и вшоватъ передъ Богомъ, пусть Богъ его судитъ, а мнѣ, старухѣ, материнское сердце велитъ любить....

Презираетъ, повторялъ Анатолій, вспоминая слова Евгеніи: она мнѣ вполне высказала свое презрѣніе, а я этого не понималъ,

я хотѣлъ купить ея любовь. Не стою ли я презрѣнія? Невольно, будто силой вдохновенія, оцѣнилъ Анатолій всю недостойную сторону себя, измѣрилъ всю глубину своего паденія и съ презрѣніемъ отворотился отъ всего прошлаго. Въ душѣ его сдѣлался переворотъ, онъ возненавидѣлъ богатства, къ которому до сихъ поръ стремился, возненавидѣлъ свою прошлую жизнь, которую презираетъ. Упреки Евгеніи возвратили Анатолія себѣ; они, представивъ низость его дѣла, возбуждая въ его душѣ святое чувство раскаянія.

Анатолій опять почувствовалъ въ груди своей тотъ огонь, то стремленіе къ прекрасному, которое нѣкогда его оживляло, почувствовалъ жажду дѣятельности, но другой дѣятельности болѣе полезной, болѣе благородной.... и онъ хотѣлъ чѣмъ-нибудь ознаменовать свое раскаяніе, искупить свое прошлое....

Она не будетъ стыдиться любви моей, сказалъ себѣ Анатолій и пошелъ къ матеря.

— Матушка, я получилъ письмо, что дядюшка скончался, сказалъ Анатолій.

Марія перекрестилась, сотворила молитву по усопшемъ, потомъ спросила у сына, кто его увѣдомилъ?

— Меня увѣдомили форменно, отвѣчалъ Анатолій: дядюшка не сдѣлалъ завѣщанія, и имѣніе его, за выдѣломъ женѣ законной седьмой части, достается мнѣ, и....

— Другъ мой! сказала Марія: ты послушаешься меня, у тебя теперь будетъ довольно, ты бросишь свои спекуляціи?

— Матушка, и вы?... вскрикнулъ Анатолій: я хотѣлъ вамъ объ этомъ говорить. Да, матушка! Я чувствую, что я не достоинъ ни васъ, ни Евгеніи, и я хотѣлъ просить вашего позволенія, искупить недостойныя, низкія дѣла мои....

Марія посмотрѣла на сына.

— Чтò съ тобой, мой другъ?... Потомъ помолчавъ, она прибавила:

— Да, другъ мой, я прошу тебя, брось твои спекуляціи! Твое спокойствіе для меня дороже всего, а ты теперь всегда взволнованъ, всегда грустенъ: то мучитъ тебя надежда на выгоду, то сомнѣніе въ раскѣ, то желаніе богатства.... А что, если къ этому присоединится и голосъ совѣсти!... А въ спекуляціяхъ всегда такъ, повѣрь мнѣ. Посмотри на себя, Анатолій, ты на себя теперь не похожъ, весь блѣдный, губы спія, а глаза раскраснѣлись отъ бессонницы. Брось твои спекуляціи!

— Матушка, матушка! говорилъ Анатолій въ волненіи, и вы?..

Я сталъ низко, презрѣвъ въ глазахъ всѣхъ, всё меня презирають, и Евгенія презираетъ, и самъ себя я презираю, и вы презираете меня, матушка?....

— Нѣтъ, мой другъ! отвѣчала Марія грустно: сердцу матери Богъ не далъ презрѣнія. Мать можетъ только любить сына.

— Но вы знаете ли, матушка, что дѣлалъ я?....

— Если и не знаю, мой другъ, то угадываю, ты.... я не хочу называть твоихъ поступковъ настоящимъ именемъ, чтобы не оскорбить тебя, но....

— Говорите матушка, говорите! Теперь я понялъ себя, упреки чистой невинной души указали мнѣ тотъ путь, по которому я прошелъ.... Если бы я работалъ, торговалъ, дѣлалъ что-нибудь такое, отъ чего бы была польза, и я бы нажился, и мое богатство было бы вознагражденіемъ за мой трудъ, а трудъ не можетъ-быть низкимъ. Но я не торговалъ, не работалъ, я спекулировалъ, то есть, искалъ случая гдѣ перекупить, кого обмануть, какъ попользоваться чужой крайностію, высосать послѣднее у бѣднаго, какъ богача сдѣлать нищимъ... я дѣлалъ низости! низости! говорите откровенно, матушка. Голосъ дѣвушки, которую я любилъ, которую и теперь люблю какъ только можетъ любить человѣкъ, голосъ этой дѣвушки разбудилъ во мнѣ совѣсть. Я окинулъ свою жизнь и увидѣлъ всю черноту поступковъ моихъ, всю глубину своего паденія.... и отдѣлился я отъ своего прошлаго, и самъ съ презрѣніемъ смотрю на то что я дѣлалъ....

— Молись, другъ мой, можетъ-быть, Богъ и простить тебя!

— Да, матушка, надобно молиться! Но надобно же и загладить свое поведеніе, усиленнымъ трудомъ вознаградить время, украденное мною у труда, и я рѣшился.... Вы благословите меня, матушка: я могъ бы здѣсь найти службу, работать и быть полезнымъ, но я здѣсь встрѣчу на каждомъ шагу, или упрекъ, или искушеніе; я чувствую что мнѣ нужно оторваться отсюда, чтобы пересоздать себя, и я рѣшился посвятить себя другой карьерѣ; я долженъ начать съ младшаго чина юнкера.... тѣмъ лучше! Я прошу вашего благословенія ѣхать на Кавказъ.

— Другъ мой! обо мнѣ ты и не подумалъ?..

— Думалъ, безцѣнная матушка, вы будете успокоены состояніемъ моего дядюшки, которымъ я воображалъ соблазнить Евгенію, купить ея любовь. Но я не зналъ ея возвышенной души, или лучше сказать зналъ, но самъ такъ упалъ, что не могъ постигнуть, не въ состояніи былъ оцѣнить.... Теперь

я понял себя, хладнокровно разбираю прошлую жизнь мою и вижу всю грязь, которая пристала ко мнѣ въ сферѣ спекуляцій... Ишііе дядушки дасть вамъ, матушка, средства жить. Остатокъ вы употребите на дѣла богоугодныя. Я не хочу вамъ назначать, на чтѣ вы употребите его: васъ научить ваше сердце. И ваши благодѣянія будутъ искупленіемъ за мои низкіе, корыстные виды, въ которыхъ я прозябалъ до сихъ поръ. А я новой жизнью, трудами, кровію, смою пятно съ моего имени. И когда вы безъ стыда будете въ состояніи прижать меня къ вашему сердцу, когда я безъ стыда буду смотрѣть прямо въ глаза Евгеніи, тогда я возвращусь къ вамъ.... Матушка, не удерживайте, благословите меня: можетъ-быть, мое внутреннее чувство — воля Божія, которая указываетъ мнѣ путь къ искупленію грѣховъ моихъ передъ людьми. Благословите меня!

И Анатолій упалъ передъ старухой на колѣна.

Марія грустно смотрѣла на сына, потомъ положила свои руки ему на голову и сказала:

— Можетъ-быть, воля Божія, пріѣзжай только, если будешь живъ, закрыть глаза мои, а я тебя благословляю....

И Марія, заливаясь слезами, крестила своего сына....

— Вотъ бумаги, матушка, сказалъ Анатолій, когда волненіе его чувствъ нѣсколько утихло. Я дѣлаю васъ полной владѣтельницей моего имѣнія. Матушка, если Евгенія будетъ въ нуждѣ, не обидьте ея, но за чтѣмъ же я говорю это, я знаю васъ.... Анатолій поцѣловалъ руку матери.

— Послѣ васъ, опять повторю, если Евгенія будетъ нуждаться, то ей; если же она будетъ богата, то все бѣднымъ. Вы распорядитесь такъ какъ научитъ васъ ваше доброе сердце....

— А ты?

— Матушка, за чтѣмъ много думать о себѣ, я и такъ слишкомъ много о себѣ думалъ.

— И ты ѣдешь? спросила Марія, не вѣря себѣ, что она разстается съ сыномъ.

— Матушка, вы меня уже благословили.

— И снова благословляю, другъ мой, сказала Марія и упала на грудь сына.

И у Анатолія на глазахъ были слезы.

— Вы видите, матушка, и я плачу: эти слезы — милость Божія....

— Будь надъ тобой и мое грѣшное благословеніе, говорила Марія.... Какъ, Анатолій, неужели ты ѣдешь?... И Марія крѣпко

прижалась къ груди сына, цѣловала его и плакала. Неужели ты ѣдешь, повторила она, будучи не въ состояніи дать отчета, не въ состояніи излить всю силу своей горести.

Черезъ недѣлю Анатолій уѣхалъ на Кавказъ.

Марія осталась одна, совершенно одна, и утѣшеніемъ ея сдѣлалась молитва за того кому была посвящена каждая мысль ея, молитва за Анатолія.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она получаетъ съ Кавказа письмо за черной печатью. Марія обмерла: сердце матери угадало, что тотъ, для кого живетъ она, болѣе не существуетъ.

Дрожащими руками Марія развернула письмо, оттуда вынула записка руки Анатолія.

Слезы заливали глаза Маріи, однако она прочитала.

« Простите меня, безцѣнная матушка, не отчаявайтесь: увидимся тамъ.... Евгений скажите, чтобы она не красѣла за любовь свою ко мнѣ: я заблуждался какъ человѣкъ, но я умеръ благороднымъ человѣкомъ, и этимъ я обязанъ ей и благодарю ее; скажите, что и въ послѣднія минуты жизни моей мысль о ней служить мнѣ и отрадой и успокоеніемъ. Не отчаявайтесь, безцѣнная матушка, благословите вашего до послѣдней минуты
« Анатолія. »

О смерти Анатолія писалъ къ Маріи его товарищъ по лицу, который теперь служитъ въ кавказскомъ дѣйствиющемъ корпусѣ. Вотъ его письмо;

« Судьба благословила новымъ торжествомъ наше оружіе: вчерашняго числа мы взяли и раззорили до основанія гнѣздо хищниковъ, замокъ Ахульго. Поздравляя васъ съ этимъ событіемъ, съ грустію долженъ васъ увѣдомить, что при этомъ случаѣ мы были опечалены смертію одного изъ нашихъ храбрыхъ сослуживцевъ.

« Я, по дружбѣ къ покойному, взялъ на себя трудъ увѣдомить его родныхъ, и глубокой горести вашей смѣю только привести утѣшеніемъ, что онъ умеръ какъ истинный христіанинъ, храбрый товарищъ и благородный человѣкъ.

« Ваше сердце угадало, что я говорю о вашемъ сынѣ.

« Вотъ подробности его смерти.

« Анатолій Александровичъ, при самомъ вступленіи своемъ на служебное поприще, обратилъ на себя вниманіе начальства своею исправностію и храброю, благородною отвагой. А мы, сослуживцы, полюбили его за его практическій, свѣтлый умъ и за его

« благородное, доброе сердце. Онъ готовъ былъ себя отдать для
« другихъ, раздѣлить съ нами послѣднее.... Можно сказать смѣ-
« ло, онъ забывалъ себя для товарищей.

« Его постоянная тихая грусть, еще болѣе приковывала къ не-
« му наши сердца: она увлекала насъ, привязывала къ нему.... но
« не смотря на грусть свою, будто тоску разбитого сердца, онъ
« всегда въ обществѣ товарищей былъ любезенъ, внимателенъ
« къ каждому, и мы, всѣ до одного, любили его какъ брата, какъ
« любимаго брата.

« Юнкерскій срокъ его службы еще не кончился, но онъ былъ
« представленъ въ офицеры, какъ отличный по своей исправности
« и храбрости.

« Товарищи съ нетерпѣніемъ ждали когда можно будетъ поздра-
« вить его.

« Подъ Ахульго Анатолій Александровичъ два раза былъ въ чи-
« слѣ охотниковъ, но черкеская пуля шадла его, будто берегла
« до той минуты когда мы должны были разстаться съ нимъ на-
« вѣки; онъ ни разу не былъ раненъ.

« Передъ разсвѣтомъ выкликали вновь охотниковъ. Анатолій
« вышелъ первымъ.

« Его хотѣли было уговорить остаться, но Анатолій просилъ
« рѣшительно. Его назначили.

« Велѣно было занимать засѣки.

« Анатолій бросился, по командѣ, впередъ, крикнувъ ура! и
« остался на мѣстѣ: пуля попала ему въ животъ.

« Когда его привнесли, онъ спросилъ священника, исповѣдался и
« причастился святыхъ таинъ; потомъ спросилъ у доктора долго ли
« онъ проживетъ?

« Докторъ молчалъ.

— « Не мучьте меня докторъ, скажите: я тогда распорядусь
« своимъ временемъ, сказалъ Анатолій.

« Докторъ объявилъ что если онъ не умретъ часа черезъ два,
« то онъ надѣется его вылечить.

— « Благодарю васъ, отвѣчалъ Анатолій, двухъ часовъ слишкомъ
« довольно. И сейчасъ же потребовалъ бумаги и написалъ къ
« вамъ записку, которую и имѣю честь при этомъ препроводить.

« Послѣ съ Анатоліемъ начался бредъ, однако скоро прошелъ, и
« онъ началъ говорить о васъ, о дѣвушкѣ, которую страстно лю-
« билъ до послѣдней минуты своей жизни. Онъ сожалѣлъ о своей
« смерти только потому, что этимъ огорчитъ васъ.... Но я увѣренъ,

« что мать Анатолія не придетъ въ отчаяніе, по волѣ Божіей, и
 « успокоить себя тѣмъ, что сытъ ея, какъ истинно Русскій, палъ
 « сражаясь за пользу и славу своей родины.... увѣренъ что вась
 « успокоить безъукоризненное поведеніе Анатолія и добросовѣст-
 « ное исполненіе его обязанностей. И вы въ религін найдете утѣ-
 « шеніе и опору перенести грустную потерю, которую всѣ мы
 « оплакиваемъ.»

Марія прочитала письмо. Предчувствіе давно говорило ей, что она не увидитъ сына, что она простилась съ нимъ на вѣки.... И у нея нѣтъ сына, осталось одно къ чему прибѣгнетъ она теперь, молитва.

Она помнила: Анатолій ей говорилъ, ваши богоугодныя дѣла будутъ служить искупленіемъ за мои корыстные виды.... И Марія посвятила жизнь свою и нашла себѣ утѣшеніе въ религін и благотворительности:

Евгенія прочитала письмо Анатолія, залилась слезами и сказала: — Боже, благодарю тебя, что ты не допустилъ въ низости погрязнуть его благородной душѣ....

Сергѣй Макаровичъ вошелъ къ дочери.

— Батюшка! Я согласна, сказала Евгенія.

И грустны, задумчивы были прекрасные глаза Евгеніи; въ нихъ видна была безпредѣльная преданность судьбѣ, сознаніе своего долга....

Теперь Евгенія замужемъ. Мужъ ея чрезвычайно серьезный и почтенный человѣкъ. На груди его блестятъ двѣ звѣзды, знаки его долгаго и полезнаго служенія отечеству.

Вы его видѣли у Сергѣя Макаровича: онъ говорилъ только о политическихъ предметахъ.

Онъ не молодъ, но въ немъ столько доброты, столько благородства, что Евгенія полюбитъ его, сознавая что она исполнитъ долгъ дочери и долгъ жещины. И въ своей супружеской любви, въ своей вѣжности матери къ будущимъ дѣтямъ она успокоится за обманъ страсти.

Вотъ все, что я могъ разсказать о спекуляціяхъ. Анатолій умеръ благороднымъ человѣкомъ: его спасла сила чувствъ, но другіе давно заняли его мѣсто; спекуляціи будто обаяли умъ всѣхъ.

И другіе думаютъ, что они выше искушенія; что они силой своей нравственности, силой своихъ правилъ, удержатся на краю пропасти, сохранять и нравственность свою и благородство.... Дай Богъ! говоримъ мы, и указываемъ на примѣры, въ которыхъ

тоже была развита и сила нравственности и совѣсть: они пали, покоряясь общему закону человѣческой слабости, пали потому что были людьми.

— А что же смѣть сказать про себя, что онъ выше человѣка?...

Въ каждомъ изъ нихъ была своя сторона прекраснаго: Луринъ, Ноэльскій, Анатолий, Лохсель, дѣйствительно въ своей жизни свою частичку добра, которую каждому вложила въ сердце природа и безъ которой человѣкъ не былъ бы человѣкомъ.

Какъ! скажете вы, Луринъ, Лохсель, Ноэльскій!...

Да! и Луринъ, и Лохсель, и Ноэльскій!...

Неужели вы не видите прекраснаго въ желѣзной волѣ Луринна, въ его характерѣ, который преодолеваетъ все препятствія и хотѣлъ преодолѣть самую судьбу. Неужели вы не видите, что тамъ, гдѣ не дѣйствуютъ личные страсти Луринна, онъ добръ, онъ благороденъ.... Неужели не чувствуете, что сквозь каждое его злодѣйство проявляется чувство человѣка, которое Луринъ преодолеваетъ силой своего убѣжденія. А его любовь?...

Луринъ изъ своего эгоизма создалъ себѣ правила, которыми сталъ руководствоваться, и старался заглушить въ себѣ все, что не подходило подъ уровень имъ же созданныхъ положеній.

Онъ забылъ что правила эти должны быть основаны на общей любви, на религиозномъ убѣжденіи, онъ хотѣлъ создать ихъ своимъ умомъ, и вы знаете исторію Луринна.

Лохсель! Ноэльскій! Разсмотрите ближе и ихъ жизнь, взгляните на пожертвованіе Лохселя въ пользу любимаго ею человѣка, посмотрите на старанія Ноэльскаго избавиться огласки въ безчестіи, и вы поймете ихъ стороны прекраснаго. Что же сдѣлалъ онъ изъ своихъ данныхъ имъ природой даровъ? не заглушилъ ли онъ ихъ силой эгоизма, силой порочной склонности?

Не судите строго, они были люди! Вотъ отвѣтъ на ихъ заблужденія, и самые заблужденія ихъ стѣять участія.

Но что стало съ ними? Куда судьба бросила тѣхъ, которыхъ пощадила она для жизни? Они все тѣ же, тѣ же. Лохсель за Сорокинымъ; Сорокинъ теперь уже купцемъ первой гильдіи и производитъ оборотъ въ большомъ размѣрѣ. Червинъ хлопочетъ, какъ бы карточное открытіе сдѣланное ему Луриннымъ для висту, примѣнить къ модной игрѣ вистъ-преферансъ.

Гильморъ старался опять устроить компанію шароходства, только не здѣсь, а гдѣ-то въ Америкѣ. А сынъ Луринна? Онъ купилъ

у Сибиряка право на разработку розсыпей и тоже пустился въ спекуляцію. То же что и было! Такъ же живутъ они, играютъ, спекулируютъ; и вѣчно они будутъ тѣ же, откуда новый необъяснимый случай не вытолкнетъ кого-нибудь изъ ихъ колен, не откростъ кому нибудь глаза, и не покажетъ что такое былъ онъ. А остальные будутъ продолжать свои спекуляціи.

II. СУХОМНИНЪ.

=

ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

=

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

=

I.

Нашему мнѣмому магнату, Дмитрицкому, очень хорошо было жить въ Москвѣ. Дѣйствительный магнатъ пользовался бы одной стороною жизни, а онъ обѣими: на право бралъ счастье, на лѣво — искусство. Дни и ночи нашего магната проходили какъ слѣдуетъ, въ полномъ разсѣяніи посреди большаго свѣта, по извѣстнымъ обрядамъ, клонящимся, по мнѣнію Ира, къ убійству золотата времени, а по мнѣнію Креза, къ убійству свинцоваго времени. Существенная страсть Дмитрицкаго удовлетворялась въ клубѣ какъ-нельзя больше; сердечное честолюбіе также: онъ былъ взысканъ блистательными свѣтскими гостиныхъ и осыпанъ почестями: воспѣваемыя поэтами звѣзды первой величины и звѣзды восьмой величины, производимыя астрономами на вакансію планетъ, только что не вѣшались къ нему на шею, какъ ордена. Казалось бы, чего еще желать самому взыскательному свѣтскому человѣку: только что раскрылъ ротъ какъ птенецъ — сладкій кусокъ готовъ; только что распахнулъ сердце, пылающее

какъ адъ — грѣшница готова; только что зѣвнулъ — явился кары и смѣхи; усталъ отъ пріятныхъ волненій души, надобно сладостное щекотанье чувствъ — бездонное лоно сна нѣжнѣ пуха, мягче воды.

Но всѣхъ этихъ удовольвеній мало. Не двигаясь съ мѣста, не возносясь отъ земли, можно еще жить безъ горя, но предаваться волнамъ и вѣтрамъ безъ горя нельзя: оно балластъ и для корабля и для аэростата; нѣтъ существеннаго — надо замѣнить воображаемымъ, чтобъ что-нибудь тяготѣло на душѣ.

Всякое существенное горе нашему магнату было ни почемъ. Онъ игралъ имъ какъ какой-нибудь *геркулесъ* пудовниками, взбрасывалъ какъ мячъ и подставлялъ шею. Устроивъ себѣ вполне беззаботную участь, надо же было имѣть хоть какую-нибудь заботу.

Есть люди, созданные для страстной любви другъ къ другу, на взаимное счастье. Въ противоположность имъ есть люди, рожденные для страстной ненависти одинъ къ другому; на взаимную бѣду. Вы помните, какъ страстно возненавидѣлъ Дмитрицкій Саломею. Эта страсть въ немъ не потухала.

— Дрянь! нарумянилась! не понимаетъ, что блѣдность идетъ ей къ лицу! повторялъ Дмитрицкій въ тотъ же вечеръ и послѣ того вечера, когда, являсь передъ Саломеей какъ привидѣнiе, ни съ того ни съ сего напомнилъ ей, что нельзя выходить не только отъ живаго молодаго мужа замужъ за старика, но и отъ живаго, дряхлаго и никуда негоднаго мужа замужъ за цвѣтущаго молодостью и силами.

Послѣ этого распоряженія судьбой Саломей, ни она сама, ни судьба ея не выходили изъ головы Дмитрицкаго. На другой день, задумавшись объ ней, онъ опоздалъ на званный обѣдъ къ москѣ Вагановскы.

— Желательно знать, что она теперь подѣлываетъ?... Понимай эта женщина сама себя, будь она съ сердцемъ, не становись выше глѣсу, чтобъ не упасть ниже травы.... я, ей-Богу, безъ памяти любилъ бы ее.... такъ бы любилъ.... ухъ! кости бы затрепалли!... Андрѣ! москѣ Андрѣ!

Андрѣ явился на зовъ какъ изъ-подъ земли. Магнатъ scomандовалъ ему немедленно отправиться въ домъ Туруцкаго, узнать о здоровьѣ мадамъ де-Мильвуа.

— Тамъ спросишь горячкую Julie, и отъ нея узнаешь. Маршъ!... Меня беспокоитъ это здоровье.... О, вторая природа!

ты скверная природа! На первую свою природу не могу пожаловаться: душа хоть куда, славная, рабочая душа! а эти чувства, просто ужась! Покуда успѣлъ подняться на два съ половиною аршина отъ земли, весь механизмъ маленькаго міра перепорчить: сперва потѣшались имъ папешка и мамешка; потомъ учителя, потомъ благодѣтели. Милый ты мой! на потѣху ли созданъ ты себѣ и другимъ? Земной шаръ на драку что ли брошенъ вамъ, господа? На, дескать, пыль! становись въ ряды, выбрай любую сторону: одна плетъ змѣемъ, другая звѣремъ; чьему міру быть — змѣнному или звѣрному. Одна сторона кричить: «Внимай!» другая кричитъ: «Молчи!» Одна не хочетъ внимать, другая молчать не хочетъ. Начинается бой. Съ одной стороны отдають землѣ, что отъ земли взято; съ другой отдають Богу душу!... Утомившись, ничья не взяла, вздохнули, а потомъ снова: «Внимай! молчи!» и снова свалка. И это люди!

Возвратившійся Андрѣ засталъ нашего магната въ бесѣдѣ съ самимъ собою.

— Мосье, сказалъ онъ, мадамъ де-Мильвуа, которая жила въ домѣ господина Туруцкаго, переѣхала на другую квартиру, но неизвестно куда.

— Переѣхала! крикнулъ Дмитрицкій: ты долженъ мнѣ отыскать ее, слышишь?

— Постараюсь, отвѣчалъ Андрѣ.

— Сейчасъ же! сію минуту! маршъ! въ галопъ!

Андрѣ нобѣжалъ исполнять приказаніе.

— Впрочемъ для чего это? что мнѣ въ ней? продолжалъ Дмитрицкій. Будь она по моему вкусу, я бы съѣлъ ее, право, съѣлъ бы!... а она... О, да я и теперь готовъ съѣсть ее! Она не дастъ мнѣ покою, мѣшаетъ мнѣ жить, мѣшаетъ любить.... Чѣмъ Амелія Костанская не чудо? мила, хороша, мягка какъ воскъ, таетъ передо мною.... да вѣтъ; чего-то вѣтъ, не по мнѣ, не по душѣ! сердце, раздѣненное на мелкую монету. Такихъ можно нанять за три французскихъ восклицанія: «Ah! je vous aime! je vous adore!...» Это не Саломея, передъ которой надо выйти изъ себя отъ любви, заклясть свою душу.... не Саломея — проклятый, сѣверный полюсъ! ледовитое море!... А Нильская?... эта еще милѣе.... ей ужасно какъ хочется любить и блаженствовать; но кажется, что она непонятной кѣмъ-нибудь талантъ любви. Ей нуженъ только слушатель жалобъ на невѣрность и непостоянство мужчинъ; дѣлитель тайнаго горя, запавшаго ей въ душу; человекъ, который не

держалъ бы извѣтъ задоу, по сочувствовалъ бы ея страданію... Да! это не Саломея, которая фыркаетъ—и рѣшено. Однако жъ, во всякомъ случаѣ побѣду къ Пильской.... Я самъ теперь что-то въ духѣ бранить жещицъ. Она будетъ бранить екверный полъ, а я буду бранить прекрасный полъ; но изъ утчивости вмѣсто *женщины*, буду говорить *мужчины*; это насъ сблизитъ съ ней; единство чувствъ и понятій удивительно какъ сблизаетъ людей. Я скажу ей: «Мужчины? о, Боже мой! посмотрите какъ они невоверканы, какъ въ нихъ мало чувства, какъ мало въ душѣ тишины, спокойствія, любви!... Скажите сами, видѣли ли вы въ нихъ эту покорность сердца, эту заботливость угождать, это попеченіе о домѣ, о хозяйствѣ, наконецъ о дѣтяхъ, если хотите.... Есть ли въ нихъ эта материнская любовь, и такъ далѣе.... прекрасно!»

Заключивъ этимъ восклицаніемъ свой мовологъ, Дмитрицкіи отправился къ Пильской. Ей доложили о пріѣздѣ магната Волобужа. Она вспыхнула, взглянула въ зеркало и вышла въ гостиную. Пильская была миленькое существо, уволенное самой судьбой отъ всѣхъ существенныхъ жещекныхъ обязанностей, но сохранявшее вполне истинныя достоинства женщавы. Ея нельзя было не любить; ее и любили всѣ, не только свободные сердцемъ, яд и не свободные, не говоря уже о закованныхъ въ кандалы, потому что она являлась всегда какъ будто образцовымъ созданіемъ женской природы.

Марія, но мы назовемъ ее по модѣ, Мѣри, — Мѣри была единственная дочь очень добрыхъ и благовоспитанныхъ родителей. Отецъ ея имѣлъ крошечное наследственное состояніе; служилъ, служилъ, выслужилъ множество чиновъ и орденовъ; но не умѣлъ сдѣлать службу ремесломъ для пріобрѣтенія достатку. Мѣри разцвѣла п, къ-несчастью, стала единственной надеждой родителей, поддерживать свое состояніе выгоднымъ замужствомъ дочери. Ее выдали замужъ за нижеслѣдующаго чиновника.

Въ настоящее время, неизвѣстно почему, поэты и вообще писатели, ужасно какъ много насочпили стиховъ и прозы о несчастныхъ чиновникахъ, и за примѣрную честность ихъ и благородство души помѣстили на открывшіяся вакансіи героевъ ромъ. Судя, однако же, и по оргпнальнымъ твореніямъ современной литературы и по формулярамъ, ца несчастныхъ чиновниковъ не стѣбитъ обращать п вниманія; вдохновеніе поэтовъ должно бы было обратиться на частливыхъ чиновниковъ ц, взирая на нихъ, воспѣтъ совершенствованіе благосостоявія этого разряда челоѣ-

чества; воснѣтъ, какъ быстро претворяется нанятая квартира въ райкъ дома въ собственный бель-этажъ, какъ въ пустомъ карнизѣ образуется канаталъ, какъ *бездольный прочомъ* плодять дѣла, какъ бездушное существо набростаетъ духу, безгласное — голосу, какъ тупая голова начиняетъ остриться, какъ самая прищорбная образина обращается въ *известное лицо*, какъ все *пошлое* забываетъ *прошлое*, какъ подчиненная воля преобразуется въ *свою волю*, и какъ: «Какъ прикажете-съ» переходить въ «Я приказываю!» «Слышу-съ» въ «Слышите?» Словомъ, какъ изъ существъ, предшествовавшихъ въ созданіи человѣку, выходятъ въ люди.

Въ формулярѣ *первыхъ временъ* Степанъ Ануфріевъ сынъ Нильской, значился канцеляристомъ. Изъ какого званія поступилъ онъ въ званіе чиновника, приводящее все званія къ общему знаменателю— это гдѣ не известно, тѣмъ болѣе, что Степанъ Ануфріевичъ тернѣтъ не могъ даже вспомнать, не только говорить о своихъ родителяхъ, о дѣтскомъ возрастѣ и юношествахъ: безъ сомнѣнія, какой-нибудь злой волшебникъ похитилъ его (еще въ младенчестве, посадивъ въ бочку, засмоливъ, бросилъ въ житейское море, и онъ плавалъ, плавалъ и приплылъ къ какому-то острову, называемому въ сказкахъ комитетомъ. Волны выбросили бочку на берегъ, дво выскочило и вотъ Степанъ Ануфріевичъ произошелъ на свѣтъ изъ дубоваго ящика, въ цвѣтѣ лѣтъ, во всей красотѣ. Одинъ благодѣтельный геній острова, по имени коллежскій секретарь, принялъ его, неизвѣстно по чьей просьбѣ, на свое поведеніе, доложилъ кому слѣдуетъ, что вотъ, дескать, на островѣ необходима лишній канцеляристъ, и потому не благоугодно ли будетъ помѣстить въ это званіе такого-то, праздношатающагося Степана Ануфріева сына Нильскаго. Хорошо, хорошо, братецъ, отвѣчалъ на это представленіе гласъ, исходящій изъ подобія Мемлонова сѣнника,—принять, братецъ; да умѣеть ли онъ чисто писать?—Какъ-же-съ, грамотѣ знаетъ, читать и писать умѣеть. То-то, братецъ, у меня главное, чтобы писалъ какъ печаталъ, чтобы на бумагу пріятно было взглянуть. Такимъ образомъ Степанъ Ануфріевичъ поступилъ въ канцеляристы. Во всѣхъ графахъ его формуляра написано было: *не имѣетъ*; родоваго и благопріобрѣтннаго, жены и дѣтей не имѣеть, словомъ ничего не имѣеть, кромѣ двадцати лѣтъ отъ роду. Въ графѣ о познаніяхъ стояло: грамотѣ знаетъ; въ графѣ о способностяхъ слѣдовало бы написать: *пль и ѣсть умѣеть*; въ графѣ о качествахъ

души отиѣтитъ: примѣрной честности: ни на какую черноту не способенъ, даже неспособенъ писать бумаги на черно.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ рѣшительно казалось бы ничего невозможно было вывести для будущности; но будь человекъ не человекъ, а такъ, Богъ его знаетъ, что такое, да будь у него только одна здоровая утроба—и этого довольно: онъ по инстинкту все перейметъ, все узнаетъ, что необходимо для его утробы. Степанъ Ануфріевичъ благородный ех offiсiо, былъ въ сущности благоутробнымъ.

Ближайшій начальникъ его Иванъ Федоровичъ, человекъ свободно мыслящій, не терпящій ни низостей, ни высотъ въ природѣ, проповѣдовавшій всѣмъ равнину, любилъ однакоже самъ лѣзть въ гору. Добравшись до вершины *стола*, онъ требовалъ, чтобъ все подвѣдомственное, стоя у подножія, смотрѣло ему въ глаза, молчало и слушало, что онъ говоритъ, угадывало, что ему нужно, бросалось со всѣхъ ногъ исполнять, и знало время когда онъ въ духѣ и когда не въ духѣ.

Никто не былъ такъ способенъ понимать, угадывать и предупреждать его потребности, какъ Степанъ Ануфріевичъ. Несмотря на это усердіе и даже постоянную чинку перьевъ для Ивана Федоровича, онъ никакъ не могъ заслужить начальничьяго вниманія, потому что все это было не что иное, какъ *наружныя услуги*, которыя не могли проникнуть во внутренность Ивана Федоровича. Иванъ Федоровичъ считалъ Степана Ануфріевича просто дрянью. Что было дѣлать Степану Ануфріевичу? Оставалось попасть въ несчастные чиновники, а потомъ въ повѣсть. Но вдругъ отношенія начальника къ подчиненному перемѣнились: вмѣсто обычнаго «дуракъ», сквозь зубы, Иванъ Федоровичъ величаетъ уже Степана Ануфріевича по имени и отчеству. Что, за чудеса? Ни кто не замѣтилъ какимъ образомъ и по какой причинѣ совершился этотъ переворотъ, и кому бы пришло въ голову что Степанъ Ануфріевичъ приворожилъ начальниче сердце проклятымъ зельемъ.

Однажды, отправляясь въ канцелярію, зашелъ онъ въ ряды, купилъ табакерчку, купилъ проклятаго зелья, положилъ въ карманъ, и сидитъ себѣ какъ будто ни въ чемъ не бывало, да переписываетъ бумаги.

Приходитъ Иванъ Федоровичъ въ добромъ расположеніи духа, сидитъ, пересматриваетъ подготовленныя бумаги, преспокойно отиѣчаетъ, видимо доволенъ усердіемъ своихъ подчиненныхъ;

но вдругъ приостановился, засунувъ руку въ карманъ, потомъ перенесъ въ другой, шарилъ, шарилъ, да какъ крикнетъ: пьфу! забылъ табакерку!.... Чортъ знаетъ, что это такое!

— Прикажете оставить эту бумагу до полученія свѣденія? спросилъ не въ-попадъ одинъ чиновникъ, подойдя къ нему съ какою-то бумагой.

— Какую бумагу? прикрикнувъ Иванъ Оедоровичъ: какъ оставить? Ну, гдѣ жъ оставить? Ну, что вы говорите!.... пьфу? асада! этотъ свинья Иванъ, никогда не напомнитъ, что я позабылъ табакерку!

— Не прикажете ли моего табачку? вызвался вдругъ Степанъ Ануфріевичъ, вынувъ изъ кармана табакерку и приподнимаясь съ мѣста.

— Поди ты съ своимъ табакомъ! Я думаю, чортъ знаетъ, что за табакъ!

— Костромской табакъ, самый лучший, зеленый.

— Э? неужели? покажи-ко....

И Иванъ Оедоровичъ сперва взглянулъ, потомъ взялъ щепотку, сперва попробовалъ, потомъ нюхнулъ.

— Въ самомъ дѣлѣ хорошъ табакъ.... славный табакъ!...

Понюхавъ табаку, Иванъ Оедоровичъ чихнулъ, Степанъ Ануфріевичъ поклонился, и дѣло пошло своимъ чередомъ; а между тѣмъ проклятое зелье взяло свое, подѣйствовало на мозгъ Ивана Оедоровича въ пользу Степана Ануфріевича.

На другой день Иванъ Оедоровичъ не забылъ своей табакерки, но чувствовалъ уже какое-то влеченіе къ Нильскому. Взглянувъ бѣгло въ списокъ чиновниковъ, какъ его зовутъ, онъ протянулъ къ нему руку и сказалъ:

— Дай-ко, Степанъ Абрамовичъ, своего табачку!

У Степана Ануфріевича заходила душа въ тѣлѣ; отъ радостнаго чувства, онъ вскопчилъ, бросилъ перо, перо брызнуло на подпisanную директоромъ бумагу, внезапный испугъ столкнулся съ внезапною радостью и душа замерла въ Степанѣ Ануфріевичѣ. Засунувъ руку въ карманъ, онъ окаменѣлъ и усталъ неподвижные глаза на Ивана Оедоровича, безмолвно, трепетно моргалъ, въ ожиданіи молніи и грома, которые разразятъ его на части.

— Что, или забылъ табакерку? спросилъ Иванъ Оедоровичъ, держа уже два пальца клешней, на готовѣ взять щепотъ табаку.

— Никакъ вѣтъ-съ.... капнулъ вежножко.... отвѣчалъ Степанъ Ануфріевичъ дрожащимъ голосомъ, вынимая табакерку.

— Эхъ братъ!.... Ну, да это ничего, можно подчистить, сказалъ Иванъ Федоровичъ, взглянувъ на кляксу и нюхая табакъ.

И вотъ первая заслуга Степана Ануфріевича по службѣ. Это значитъ подѣйствовать на утробу человѣческую.

Въ вознагражденіе подобныхъ заслугъ Иванъ Федоровичъ рекомендовалъ его директору, какъ надежнѣйшаго чиновника для исправленія должности заболѣвшаго смотрителя строительныхъ матеріаловъ.

Вступая въ должность смотрителя, онъ,—какъ водится и не за нимъ однимъ,—не за порядкомъ смотрѣлъ, потому что для этого нужно по-крайней-мѣрѣ быть человѣкомъ, а искалъ безпорядковъ, потому что для этого можно быть просто ищейкой собачьей. Старый смотритель былъ честный, добрый и знающій свое дѣло человѣкъ; исправлялъ свою должность не съ математическою точностію, по которой не текутъ и свѣтила небесныя, но какъ Богъ велѣлъ; по совѣсти, его не въ чемъ было упрекнуть; но по притязанію въ отступленіи отъ точности, можно было взвести на него горы. Этой-то точностію, которой нельзя отыскать въ самой природѣ вещей, и ссадилъ его Степанъ Ануфріевичъ и—какъ говорится «соколъ съ мѣста, а ворона на мѣсто»—былъ утвержденъ въ должности. Человѣку свойственно самоохраненіе. Напуганная притязаніями команда его, по какому-то инстинкту, во избѣжаніе *черниго глазу* Степана Ануфріевича, огородила себя отъ внезапности его пашествій, какъ стадо журавлей сторожевымъ журавлемъ. Только что Степанъ Ануфріевичъ бредется изъ за угла, махальный и подастъ голосъ: Степка идетъ! и все, какъ по командѣ: смпрно! припимаетъ видъ математической точности. А извѣстно, когда инстинктъ самоохраненія и опасенія притязаній заведетъ махальныхъ, все шито и крыто.

Но стоять ли долго толковать о Степанѣ Ануфріевичѣ и рассказывать какимъ образомъ онъ дослужился до значительнаго чину, какъ важилъ состояніе, и прочая, и прочая. Все это онъ сдѣлалъ по извѣстной формѣ, которая вѣдома всѣмъ, кто припимаетъ жизнь за торговую площадь, отношенія людей за торговые обороты, и петольку золотую и серебряную монету, но и отчеканенныя въ ходячую монету совѣсть, честь, правду и справедливость—за товаръ, который можно вымѣнять на всѣ удобства жизни. Достигнувъ до почетнаго званія,

Степанъ Ануфріевичъ озабочился жеманиться. Для этой вещи онъ также сдѣлалъ надлежащія соображенія. Изрядный чиникъ есть, порядочное состояніе есть, чего жъ недостаетъ? Надлежащаго почету въ свѣтѣ, связей, какъ говорится. Объ этомъ и подумалъ Степанъ Ануфріевичъ, и обратилъ особенное вниманіе на Мэри, которой мать была урожденная княжна, а отецъ въ некоторой зависимости отъ него по службѣ. Удвоивъ эту зависимость обязательнымъ предложеніемъ небольшой суммы денегъ въ займы, Степанъ Ануфріевичъ сдѣлалъ другое предложеніе.

Отецъ и мать Мэри подумали: «Такой чинъ... занимаетъ такое мѣсто.... имѣетъ состояніе.... кажется, такой хорошій человекъ.... отчего жъ не отдать?»

Но Мэри едва взглянула на него, и только-что не вскрикнула: Ахъ, какой отвратительный!

Покуда дѣвушка не была еще потребностію любить, она, какъ дитя, по инстинкту чувствуетъ, кто добръ, у кого свѣтлая душа, и кто чѣмъ-то страшенъ. Такъ и для Мэри Степанъ Ануфріевичъ казался чѣмъ-то страшнымъ, нечестнымъ, тошнымъ. Природу ея можно было назвать совершенствомъ безъ малѣйшей порчи; свѣтское образованіе украсило ее; но все это образованіе было подготовлено для счастливой жизни, для любви, для дружбы, для взаимности, для чувствъ отрадныхъ, для сферы свѣтлой, а не для горя, не для лишній, не для зависимости отъ жестокой, грубой, безпощадной воли и себялюбиваго невѣжества. Ее учили вѣрять, и этой же вѣрою воспользовались, чтобъ побѣдить въ ней отвращеніе къ жениху; ее же заманили къ замужеству противъ сердца всѣми приманками и соблазнами чувствъ. Во все время покуда она была невѣстой, ея воображеніе занимали роскошью нарядовъ, свободой покупать все на свой вкусъ, произволомъ дѣлать все по-своему, угожденіемъ всѣмъ малѣйшимъ ея желаніямъ. Женихъ ѣдетъ къ ней съ подарками, подруги ахаютъ передъ роскошными серьгами, браслетами, фермуарами. Мать ухаживаетъ; модники помпупто пріѣзжаютъ съ кордоками, прибираютъ на ней платья, чепцы, шляпки, накладки, мантіи; восхищаются ея таліей, ея головкой; дивятся, какъ къ ней все пристало, какъ все къ лицу, какъ все на ней *très distingué*. Отецъ также похаживаетъ около дочери, поглядываетъ, похваливаетъ, но есть въ немъ тайное чувство, которое отзывается что-то не весело на душѣ: жалъ сбыть такую хорошенькую дѣвочку за выходца изъ тѣмь кромѣшной! Да что дѣлать!

И мать часто посмотритъ на жениха, да вздохнетъ и скажетъ мужу:

— Mais au moins, mon ami, она пристроена; всё-таки богатый человекъ, имѣетъ средства жить прилично званію. Какъ досадно, что онъ не говоритъ по-французски! Какъ это много значить въ свѣтъ: онъ совсѣмъ бы другой человекъ былъ, совсѣмъ бы другой человекъ!

— Да! отвѣчалъ мужъ: конечно; ну, да что жъ за бѣда!

— Ахъ, нѣтъ, бѣда. Я воображаю, когда Маша прійдетъ съ нимъ съ визитомъ къ княгинѣ, я не знаю, о чемъ она будетъ съ нимъ говорить?

— Да, конечно; ну, да что жъ за особенная бѣда, отзывался отецъ Мэри, задумчиво похлопывая пальцами: по-крайней-мѣрѣ Маша хорошо пристроена; онъ дастъ мнѣ деньги на уплату долга въ опекунскій совѣтъ: всё-таки имѣнье уцѣлѣетъ и можно будетъ какъ-нибудь жить.

— Да! прибавляетъ задумавшись мать Мэри: можно будетъ выкупить и мои брилліанты.

Мэри выдана за-мужъ, пристроена, но надежды родителей ея не исполнились. Ни радости, ни выгоды. Когда отецъ напомнилъ превосходительному зятю своему о выкупѣ имѣнья изъ опекунскаго совѣта, Степанъ Ануфріевичъ отвѣчалъ, что онъ непременно это исполнить.

— Только вы потрудитесь сперва переписать имѣнье на мое имя, или хоть на имя Машеньки.

— Для чего же это? Не все ли равно, послѣ меня имѣнье достанется дочери.

— Э, нѣтъ, не всё-равно: во-первыхъ, долгъ чуть не превышаетъ стоимости имѣнья; такъ ужъ лучше я куплю имѣнье по вкусу, а во-вторыхъ....

— Во-вторыхъ, прервалъ отецъ Мэри, объ этомъ печего уже и говорить! Прощайте!

Тутъ только вонялъ онъ, что за человекъ Степанъ Ануфріевичъ и что за судьба ожидаетъ Мэри, которая слышала все и, безмолвная, блѣдная, вышла изъ другой комнаты проститься съ отцемъ.

Степанъ Ануфріевичъ, съ своей стороны, почтя себя въ правѣ негодовать на тестя и считать, что онъ поступилъ съ нимъ безчестно, пересталъ къ нему ѣздить въ домъ; съ знатной родней жевы онъ не могъ сойтись по причинамъ понятнымъ и очень

естественнымъ. Обманувшись самъ въ надеждахъ на связи, Степанъ Ануфріевичъ отстранилъ отъ дому своего всѣхъ родныхъ, всѣхъ знакомыхъ Мери.

Она осталась одна въ новомъ для нея свѣтѣ, какъ бѣлая среди черныхъ.

Какия-то полнотпажмыя чиновныя лица, сослуживцы Степана Ануфріевича, являлись въ домъ, то на обѣдъ, то на вечеръ, на пресеранскіе; знакомились съ нею, просили позволенія познакомиться женою; жены прѣзжали съ визитомъ и Мери должна была, по настоятельному требованію мужа, принимать всѣхъ и каждую; но ни какъ не могла угодить Степану Ануфріевичу, который понималъ приличіе въ подобострастіи предъ высшими и высокоуміи предъ низшими, и приходилъ въ изступленіе, смотря на жену свою, сохраняющую истинное достоинство женщины.

— Вы, сударыня, гордыня! твердилъ онъ ей: тайная совѣтница дѣлаетъ вамъ честь своимъ посѣщеніемъ, а вы.... обращенія не знаете съ! аттенція не имѣете-съ! Думаете, что такъ важна ваша родня, что все прочее дрянъ!.... А вы-то сами что-съ? Дочь надворнаго совѣтника и больше ничего-съ! Я вамъ доставилъ вѣсъ въ обществѣ не съ тѣмъ, чтобы вы парушали мои отношенія съ людьми-съ!.... Да-съ! Вы думаете, эмансипація будетъ у меня въ домѣ? Нѣтъ съ!.... Никогда-съ!

— Я васъ не понимаю, произнесла смиренно Марія.

— А я васъ понимаю-съ! Вы думаете, что всѣ равны-съ: и ея превосходительство Анна Григорьевна, которая васъ удостоиваетъ своимъ знакомствомъ, и какая-нибудь Варвара Павловна, которая обязана изъявлять супругѣ начальника своего мужа до стодолжное уваженіе.... срамъ, сударыня: съ женой моего секретаря бы за панибрата: прѣбѣжить Варвара Павловна, женщина безъ всякаго приличія, болтунья, дерзкая, та та-та, та-та-та, вы и сами виѣ себя, такъ и ходите за ней хвостомъ!.... А тутъ прѣдетъ какая-нибудь значительная особа, ни малѣйшей аттенціи!... А чуть Варвара Павловна—и угощенія, и разговоры, и Господи, Боже мой!.... Прійдетъ, князь безъ всякой пристойности головой: Здравствуйте, Степанъ Ануфріевичъ! а потомъ та-та-та, по-французски, и плюхъ за фортопьяны; начнетъ барабанить, орать во все горло.... Невѣжа! Я не для нея купилъ фортопьяны! Дерзость какая! Вдзугъ вздумала мнѣ выговаривать, что я не даю баловъ!.... Вчера прѣехалъ Авдѣй Васильевичъ, секретарь, а она не только что съ мѣста не встаетъ, да и покло-

виться не хочет: заняла, шлюха, первое мѣсто въ гостиной, да и сидитъ! Почтенный человѣкъ, весьма, долженъ былъ быть на стулѣ! Дрянъ! Я не для нея завелъ диваны!... Нѣтъ, ужъ она мнѣ надоѣла! Попробуй еще, та та-та, потитакать у меня!

Горьки были для Маріи эти нападки на Варвару Павловну, которая одна изъ всѣхъ знакомствъ и служебныхъ отношеній мужа пришлась и по образованію и по праву ей по сердцу. Она не утерпѣла, чтобъ не заступиться за нее.

— Что сдѣлала вамъ эта добрая, милая, полая достоинствъ женщина, сказала Марія.

— О! высокихъ достоинствъ! Секретарша! Это очень видно, что она высоко о себѣ думаетъ: кричать, какъ у себя дома: человѣкъ! подай мнѣ воды!... приказываетъ мнѣ людямъ! Для нея я держу людей!... Пусть кто-нибудь попробуетъ впередъ исполнять ея приказанія!... Приведеть цѣлую ватагу своихъ дѣвченочекъ, добро бы у насъ были дѣти, такъ для компаній; а то для чего? чтобъ ихъ здѣсь кормили, да лакомили!

Марія отвѣчала на эти слова глубокимъ вздохомъ, но и вздохъ не остался безъ упреку.

— Можете вздыхать по ней-съ! сказалъ злобно и значительно Степанъ Ануфріевичъ.

Черезъ нѣсколько дней, Варвара Павловна прибѣжала вся въ слезахъ, съ мольбой упросить Степана Ануфріевича пощадить ее мужа, не отрѣшать отъ должности, не лишать куска хлѣба.

Не нужно было спрашивать о причинѣ: Нильская поняла ее, поняла въ первый разъ и тяжкое чувство ненависти къ мужу за вопиющую несправедливость, которая только ей одной была извѣстна, и которую она обязана была таить отъ всѣхъ. Но долгъ велѣлъ ей чтить и любить этого человѣка.

Чтобъ любить во истину, говорятъ, надо любить всѣми способностями безсмертной души и тѣлеснаго тѣла; надо любить взаимно умомъ, сердцемъ и всѣми пятью чувствами. Только при этихъ условіяхъ все существо человѣка здравствуетъ и благоденствуетъ; каждый атомъ, составляющій его, счастливъ, каждый поръ, какъ уста вливается жаркимъ поцѣлуемъ въ сочувствующій ему. Это сочетаніе двухъ крайностей природы, это стихія духа, проникающая стихію матеріи и раждающая воистину жизнь, а не просто существованіе на бѣломъ свѣтѣ.

Но это тримурти любви, говорятъ, мечта. Мечта ли? Оно только распалось на три свои свойства—на союзъ по разуму, на со-

идти по сердцу и на снотъ по умоченію чувствъ. Для Нильской ни то, ни другое, ни третье не существовало. Что жъ было ей дѣлать? Надо было или прощануться міромъ, или разсѣяться въ мірѣ.

Соблазнами свѣта были ей не по душѣ, она не любила разсѣянности, ей нужна была спокойная, согласная семейная жизнь сою и безъ счастливой взаимности чувствъ, то-покрайней-мѣрѣ безъ притязаній. Но Нильская и дома ни хозяйка, ни гостя, какъ многіа. Распоряжаться ей не дозволяли, не обходились и прилично, на условіяхъ свѣтской утонченной вѣжливости, которая не иначе называется женоу, какъ мадамъ. Нильская не могла посвятить время по произволу никакому занятію. Займется ли она отъ скуки и тоски чтеніемъ, ей говорятъ: у васъ, сударыня, въ головѣ только одни романы!—Это не романъ, это историческая книга. — А! вы въ ученыя хотите понасть, въ академію-съ! — Займется ли шитьемъ по канѣ: — Что здѣсь фабрика что ли-съ, наставили своихъ пальцевъ! — Гдѣ жъ нибъ сѣсть шить? — Да это глупое дѣло-съ вышивать ваши ковры; тратить только деньги на шерсть-съ, по четырнадцати рублей фунтъ, да фунтовъ двадцать; а что выйдетъ? понона! Поверно васъ благодарю! У меня нѣтъ такого богатства, чтобъ платить нѣсколько сотъ за понону; а въ комнатѣ я не позволю разстилать такую дрянъ!

Чѣмъ же заняться Нильской?

Покуда горе таплось въ ней, она терпѣливо изнывала подъ тягостью его. Но едва свѣтъ узналъ о ея судьбѣ, всѣ родные и знакомые занялись разсѣяніемъ ея горя, вырвали се изъ этого ошѣмѣнія, вошли пасильно въ душу ея ошумъ, учили находить въ свѣтскомъ разсѣянн замѣну счастію.

Въ домѣ княгини, тетки своей, она встрѣчала извѣстнаго уже намъ Чарова. Молодъ, послѣдникъ богатаго состоянія, онъ только что вступилъ въ общество, со всѣми задатками паркетнаго честолюбія добиться до званія хищнаго звѣря гостиныхъ. Не смотря однакоже на желаніе быть львомъ, онъ скорѣе по складкѣ своей и приемамъ походилъ на кабана. Встрѣтивъ Нильскую, хорошенькую какъ газель, онъ тотчасъ же рѣшился зарѣзать ее. По неопытности своей, она не предвидѣла этого страшнаго намѣренія, но уклонялась отъ преслѣдованій, по простому чувству своего достоинства.

Чаровъ неспособенъ былъ затрогивать самолюбіе, волновать

думу. Нильская была вполне женщина: ей хотѣлось не покорять, а самой покоряться.

Между тѣмъ съ Чаровымъ былъ знакомъ по дружескимъ отношеніямъ отцовъ, лейтенантъ Рамирскій; очаровательный собой морякъ, страстная, но вмѣстѣ и глубокая душа, какихъ мало; уменъ, образованъ; чужакъ по движеніямъ сердца, онъ не понималъ волокитства; тѣмъ болѣе нравились ему женщины, тѣмъ благоговѣннѣе было въ немъ чувство къ ней, тѣмъ дальше становилась онъ отъ нея, какъ будто боясь открыть недостатки. Но сердце его еще не было затронуто любовью.

Однажды пришелъ онъ къ Чарову, закурилъ сигару и задумался. Чаровъ торопился ѣхать въ Павловское, но не на столько былъ коротокъ съ нимъ, чтобъ сказать безъ церемоній: ты, братъ, кури и думай себѣ о чемъ хочешь, а я поѣду. Онъ предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ.

— Пойдемте, но чтожь я буду тамъ дѣлать?

— Вотъ прекрасный вопросъ? разумѣется *дѣлать любовь*.

— Терпѣть не могу.

— Ну, а я могу терпѣть; потому что это очень хорошо, почтенно и благородно, питаетъ умъ и сердце, возвышаетъ духъ, и словомъ безнудное, самое лучшее дѣло.

— Ну, дѣлайте вы это дѣло, а я буду просто зрителемъ.

— Такъ ѣдете же скорѣе, а не то я оноздаю на службу, могу получить выговоръ; вы еще не знаете, что значить миленьскій, капризный начальникъ.

— А вы на дѣйствительной службѣ? спросилъ Рамирскій, улыбаясь: извините нескромный вопросъ.

— Хмъ! конечно, не сверхъ комплекта.

Пріѣхавъ въ Павловское, Рамирскій и Чаровъ пустились по теченію гуляющихъ вокругъ «пармонической бесѣдки». Взоры Чарова суетливо перебѣгали по встрѣчающимся лицамъ, но напрасно; вставной въ глазъ лорнетъ не помогать.

— Что за чорты! Пойдемте-ка въ галерею.

И тамъ нѣтъ какого-то.

— Пойдемте-ка къ подъѣзду.

И тамъ нѣтъ.

— Пойдемте-ка опять къ бесѣдкѣ.

— Это ужасная должность! сказалъ Рамирскій, уставшій ходить за бросающимся во все стороны Чаровымъ.

— А! вскричалъ наконецъ Чаровъ, встрѣтивъ двухъ дамъ,

недѣль которыхъ шагало какое-то о-фициальное, важно вздутое и пресекающее эзопское лицо.

Рамирскій взглянулъ на молоденькую даму, которая очень скромно, мановеніемъ головы, отвѣчала на поклонъ Чарова, окинувъ и его быстрымъ взоромъ.

— Ууродъ! Чортъ его примесь! проговорилъ Чаровъ съ досадою, *allons mon cher*, въ галерею пить чай.

— Я сейчасъ приѣду, сказалъ Рамирскій: мнѣ хочется послушать оркестръ Германа; я слѣду.

— Ну, я не «лармонъ», отвѣчалъ Чаровъ, уходя.

Рамирскій разъ обошелъ нѣсколько кругъ, нѣсколько разъ встрѣтилъ молоденькую даму, которая поразила его своей наружностью; ему казалось, что она явилась посреди людей изъ другаго лучшаго міра.

— Это должны быть отецъ и мать ея, думалъ Рамирскій, смотря на чиповное лицо и пожилую женщину: неужели Чаровъ женится на ней?

Стало смеркаться; незнакомка изчезла, и Рамирскій задумчиво вошелъ въ галерею, гдѣ Чаровъ бушевалъ уже въ кругу пріятелей.

— Кто эта дѣвушка, которую мы встрѣтили и которой вы кланялись? спросилъ Рамирскій.

— Какая дѣвушка? это не дѣвушка, отвѣчалъ Чаровъ, раскинувшись на диванѣ съ улыбкою самодовольствія.

— Не дѣвушка? проговорилъ Рамирскій, взглянувъ на Чарова и невольно содрогнувшись.

— Какая же дѣвушка! *дамэ еп fogme*. Вотъ эта тухлятина, что съ ней шелъ, ея мужъ.... ууродъ!... скаатина!...

Толпа молодежи захохотала. Подобныя нравственныя выходки Чарова тѣшили всѣхъ.

Рамирскій невольно припомянулъ отвратительную наружность, высказывающую явно нечистую душу о-фициальнаго лица, представилъ себѣ судьбу молоденькой незнакомки и ему стало страшно за нее.

— Правда, сказалъ онъ на слова Чарова, посягать на счастье жизни то же преступленіе, что посягать на самую жизнь. Поражать книжаломъ и напоять медленно дѣйствующимъ ядомъ то же—убійство.

— Ага!.... крикнулъ Чаровъ, что, правду я сказалъ?.... Повѣсть.

Во всю дорогу Чаровъ съ досады и нѣсколькихъ болазовъ шампанскаго заносился на словахъ, и какъ ни желалъ Рамирскій узнать его отношенія съ Нильской, не ни какъ не могъ навести смыслу изъ его аподегизъ.

— Не правда ли, что чудо? а?... Ууродъ, чортъ его носить!....

— Премиленькая женщина, задумчиво отвѣчалъ Рамирскій.

— Воплощенная, братецъ, добродѣтель!.... а во всемъ прочемъ, чудо братецъ, какъ бы тебѣ сказать.... цвѣтокъ, который посаженъ въ навозъ.... Воплощенная добродѣтель.... ничего съ ней не сдѣлаешь.... Это ужасно какъ бѣситъ каждаго порядочнаго человека.... Надо непременно пересадить ее.

— Тебѣ и пересадить, подумалъ Рамирскій, на бесплодную свою почву.

Какъ ни отстранцось въ немъ внезапное чувство отъ быстро мелькнувшей надежды и правъ на любовь, но онъ не могъ отказаться отъ предложенія Чарова познакомиться въ домѣ княгини, тѣтки Нильской.

Стоитъ только прикоснуться другъ къ другу двумя каплями воды и онъ сольются непременно.

Безъ всякой цѣли, безъ всякаго умыслу привалелъ къ себѣ душу Нильской, Рамирскій невольно вдавался въ желаніе сблизиться съ ней. Отношенія ея съ Чаровымъ, которыхъ онъ не понималъ, тревожили его.

— Я по крайней мѣрѣ отвлеку ее отъ соблазну, думалъ онъ съ чувствомъ ревности къ Чарову.

Быстрое сочувствіе Нильской показалось ему странно, подозрительно: для нея всѣ равны! подумалъ онъ.

Между-тѣмъ Степанъ Ануфріевичъ заболѣлъ и волею Божіею помер. Нильская свободна. Въ Рамирскомъ родилась мысль о благѣ владѣть этой женщиной, но вмѣстѣ съ этимъ усилилась ревность, какъ-будто по какому-то уже праву. Онъ не могъ забыть словъ Чарова передъ поѣздкой въ Павловское. Они его смущали.

— Ангелъ она или демонъ? Кто ее узнать въ этомъ обществѣ, въ этомъ хаосѣ добра и зла. Какъ испытать? думалъ онъ, и развилъ самъ въ себѣ чувство подозрѣнія до отчаянія, сталъ примѣчать, слѣдить, испытывать каждыи взоръ, каждое слово, каждое движеніе, но ничего не могъ понять. Видѣлъ всѣ призна-

ни любил; стало только сказать слово, но онъ боялся рѣшительныхъ объясненій.

Рамирскій не зналъ свѣтской женщины, раздраженной, нану-ганной чужими опытами коварства, которая боясь и сама быть жертвой доверчиваго своего сердца предерживается за кого-нибудь, чтобъ въ случаѣ, когда обманчивый, ложный другъ отня-метъ руку, не упасть со стыдомъ и убитымъ самолюбіемъ.

— Скажите мнѣ, Чаровъ, правду, сказалъ онъ мнимому сопер-нику своему.

— Что такое? спросилъ Чаровъ.

— Мнѣ необходимо знать ваши отношенія къ Нильской.

Чарову показался слишкомъ не свѣтскимъ подобный вопросъ. Онъ на столько уже занятъ былъ Нильской и по самолюбію утѣрился въ ея взаимности, что взглянулъ на Рамирскаго, какъ на жалкаго несчастнаго влюбленнаго, котораго даже по чувству человеколюбія должно разочаровать въ тщетныхъ надеждахъ.

— Мои отношенія съ Нильской? повторилъ онъ измѣнивъ къ на съ, довольно интересны.

— Вы можете быть увѣрены въ моей скромности.

— Я повиннаю, въ чемъ дѣло; вы хорошо сдѣлали: предосто-рожность въ-время не худо.

— Вы говорите по совѣсти?

— Хизь! Прочтите, сказалъ Чаровъ, вынувъ изъ шкатулки не-большую записку.

Рамирскій, содрогнувшись, развернулъ и прочелъ нѣсколько строчекъ написанныхъ по французски:

« Вы меня такъ обрадовали, что я цѣлую васъ тысячу разъ, не забудьте, что сегодня ввечеру, мы вмѣстѣ у общей нашей пріятельницы Варвары Павловны. Она васъ хочетъ лично бла-годарить. Вашъ другъ *М. Нильская.*»

Эти всѣ нѣжности были просты сами по себѣ и вызваны ра-достію, что Чаровъ, по просьбѣ Нильской, имѣлъ случай доста-вить мѣсто мужу Варвары Павловны. Но Рамирскій не могъ по-нять смыслу этой записки иначе какъ ревнивымъ чувствомъ. Онъ бросилъ ее на столъ и сказалъ: — Довольно, прощайте!

— Зачѣмъ же все это было? спрашивалъ онъ самъ себя, вы-ѣзжая черезъ нѣсколько дней изъ Петербурга: неужели для того, чтобъ нарушить во мнѣ навсегда вѣру въ женское сердце?...

Чтобъ потушить въ себѣ безнадежную страсть и обратитъ ско-

рше въ солъ грустную дѣйствительность, Рамирскій просилъ о переводѣ въ черноморскій флотъ, гдѣ прежде служилъ мичманомъ, а ведоръ, но вызову престарѣлаго отца, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣннѣ.

— Здѣсь, думалъ онъ, можетъ-быть возвратится здоровье моего сердца. Здѣсь, вдали отъ свѣта, отъ искусственной жизни, посреди самой природы и простоты нравовъ, вѣрно сохранится и чистота нравовъ.

Между-тѣмъ Нильская, которую уже лелѣло благотворное чувство первой любви, не понимаетъ отчего нѣтъ Рамирскаго донъ, другой, третій; чтѣ съ нимъ сдѣлалось?

Ожиданія сердца — мучительныя ожиданія. Оно все взбѣется, духъ возмущенъ, чувство на сторожѣ; мысли выбѣгаютъ на встрѣчу — и все нѣтъ и все нѣтъ, и, наконецъ, не будетъ, никогда не будетъ!

У старой нягнни, тѣтки Нильской, у которой она жила по смерти мужа, собрались на вечеръ обычные гости. Часъ съѣзду давно прошелъ; преферансъ — аристократическое занятіе отъ «нечего дѣлать» и отъ «нечего говорить», шелъ уже своимъ чередомъ. Нильской слѣдовало бы занимать всѣхъ *damess* и *messieurs*, въ которыхъ душа была еще не усидчива, чувства некали много выигрыша; но она жаловалась на головную боль, каждый пробѣгающій экипажъ по улицѣ сострясалъ ея нервы, малѣйшій стукъ у подъѣзду, топотъ и шорохъ шаговъ въ залѣ, приводилъ ее въ содроганіе; звонкій голосъ Чарова тревожилъ ее и какъ-будто мѣшалъ вслушиваться въ звонокъ, повѣщающій о пріѣздѣ гостя. Несмотря на это, ее обступила толпа дамъ, жужжащихъ своими *jolies paroles*, и кавалеровъ; гремлящихъ своими *grossières aimables*.

— Скажите пожалуйста, раздался рѣзкій голосъ нягнни, чтѣ сдѣлалось съ Рамирскимъ? Его съ недѣлю не видно. Монсиенъ Чаровъ, чтѣ сдѣлалось съ вашимъ пріелемъ?

— Съ какимъ, нягнни? отозвался Чаровъ.

— Съ Рамирскимъ.

— Право, не знаю.

— Съ Рамирскимъ? Онъ третьяго дня уѣхалъ изъ Петербурга, онъ переведенъ въ черноморскій флотъ, сказалъ басомъ одна бариня, сидѣвшій за другимъ столомъ: я его знаю, уѣхалъ третьяго дня.

— Неужели? Рамирскій уѣхалъ? вскрикнула одна изъ дамъ.

Marie, entendez-vous? Рашерскій ухала!... Ахъ, Боже мой, ей трудно!...

— Marie, Marie! дайте поскорѣ воды.

Всѣ бросились къ Нильской; она была уже безъ памяти.

— Ее надо расшумрывать; выйдите, пожалуйста.

Кавалеры вышли изъ маленькой гостиной; дамы остались помогать ей.

Всѣ спрашиваютъ другъ у друга шепотомъ: что сдѣлалось съ ней?

— Она жаловалась на голову....

— Она нѣсколько дней уже чувствуетъ себя нездоровой.

— Этого я не замѣчала.

— Хмъ! Это можно было предсказать.

— О, какъ вы замѣчательны! но къ несчастію, замѣчательны въ отношеніи того, что не касается до васъ.

— Что дѣлать! мало самолюбія.

— Идѣйте его больше..

— Вслушайте. И прочая, и прочая, и прочая.

Черезъ нѣсколько дней Нильская ухала въ Москву. Обманутое чувство невыносимо для свѣтской женщины: въ ней кромѣ любви отражаетъ самолюбіе; въ ней двойное страданіе, разрушены два кумира, два вѣрованія: въ божественность любви и въ личную свою божественность. Любовь просить у сердца слезъ и скорби, а гордость требуетъ отъ разсудка презрѣнія и забвенія, возстановляетъ личный кумиръ ея на поклоненіе кому угодно.

Но Нильская не заразилась на столько самолюбіемъ, чтобы вырвать изъ себя сердце, стать на немъ какъ на подножій, божествомъ, для котораго нѣтъ уже ближняго, равнаго и дружнаго. Она изстрадалась, покуда душа не потребовала какого-нибудь приближенія сердцу.

И въ Москвѣ Чаровъ явился передъ ней первый, съ обычной настойчивостью свѣтскихъ звѣрей добиваться победы. Нильская приняла это за постоянство чувствъ. Она видѣла всю суетность и всю пустоту Чарова, но добрая природа проглядывала въ немъ. Въ Нильской родилось желаніе взять его подъ опеку, возстановить эту природу, а пустоту наполнить собою.

Но мнимая, принужденная любовь превращается въ ненависть, когда что-нибудь затронетъ ея святыню. Едва только Чаровъ въ полномъ самодовольствіи, похвалился передъ ней въ своихъ

правахъ на нее, воображилъ себя выше Рамирскаго въ ея сердцѣ и рассказалъ, какъ умно спасъ опрометчиваго моряка отъ тщетныхъ покушеній на поворенное уже сердце, въ Нильской хлынула кровь къ сердцу и смыла нарисованную на немъ любовь къ Чарову. Но въ ней была справедливость, она обвиняла въ востеряницѣ благъ себя.

— Если бъ я не подала поводу этому человѣку, котораго не люблю, надѣяться на мою любовь, онъ бы не сталъ преградой между мной и Рамирскимъ!

И вотъ Нильская независима, свободна, но грустна. Сердце — живой челнокъ, должно быть «привязано» или управляться кормчимъ — любовью, чтобъ вѣтры не занесли его, волны не разбили.

Судьба Рамирскаго не лучше. Если встрѣтишь другаго себя, этого другаго себя не замѣнить ни чья чужая душа, хоть разряди ее во всё убранства цвѣтущей юности и красоты, хоть напятай благовоннѣйшими свойствами права и всезнаніемъ, хоть обставь горами золота и серебра, облей бриллиантовыми, яхонтовыми, изумрудными водопадами, обрызгай жемчужной пѣной....

Посмотримъ на судьбу Рамирскаго. Онъ также не чуждъ нашему повѣствованію. Послѣ претерпѣннаго кораблекрушенія сердце его также носилось на обломкѣ мачты по житейскому морю.

II.

Въ маленькой пріютной комнатѣ, отдѣланной и мебелированной причудливымъ современнымъ вкусомъ, для уединенія, для бесѣды съ самимъ собою, или съ кѣмъ-нибудь близкимъ сердцу, сидѣли безмолвно, какъ очарованныя, два существа. Они какъ будто забылись въ упоеніи; между-тѣмъ какъ подлѣ, за предѣлами этого маленькаго рая, въ гостиной, неумолкалъ то частый вѣсъ прееграуса, то хохотливые звонкіе голоса, то шепчущіе, какъ шорохъ листьевъ. Тутъ, за ломбернымъ столомъ сидѣли хозяйки дома, хозяйка и почтенный гость съ великолѣпной супругой; а близъ дивана то говорили вслухъ, то шушукали, двѣ дѣвушки: одна изъ нихъ со взоромъ, неотуманеннымъ еще никакой грустью сердца, была гостя.

— Надина, гдѣ же они? спросила она шевотомъ.

— Тамъ сидятъ...

— Какъ я буду рада, когда Сочечка выйдетъ замужъ!... Выходить за мужъ по любви пріятно.

— Но любви! проговорила про себя Надина съ злой усмѣшкой.

— Мнѣ хочется пройти мимо, взглянуть на нихъ.

— Ахъ, не ходи пожалуйста! Оставь ихъ!

— Онъ ужъ объявилъ свое намѣреніе?

— Право, не знаю: это меня очень мало интересуетъ.

— Пойдемте ходить по комнатамъ.

Дѣвушки встали, и взявъ другъ друга подъ руку, отправились ходить по комнатамъ. Живою, задорной гостьѣ хотѣлось непременно заглянуть въ маленькую комнату; но хозяйка не доходя до двери, поворачивала на лѣво кругомъ, прознался съ досадою: — Ахъ, оставь ихъ пожалуйста!

Такимъ образомъ забытые всѣми два существа, казалось, были въ упоеніи чувствъ, которому невозможно было не позавидовать. Казалось, что ихъ долгое молчаніе было предвѣстникомъ рѣшительной минуты.

Софѣ вздохнула, грудь ея взволнована, взоръ поникъ, глаза закрылись, душѣ хотѣлось забыться на вѣкъ въ очарованіи мелькнувшей мысли, но глубокий вздохъ повторился и напомнилъ, что это мечта.

Еще глубже вздохнулъ задумавшійся подлѣ нея Рамирскій. Это былъ онъ. Не зная чѣмъ заглушить въ себѣ любовь, онъ рѣшился жениться и жениться скорѣй. Молодой человекъ, наследникъ тысячи душъ—кладъ для семейныхъ сосѣдей. Его ищутъ. Случайно или не случайно, но Рамирскій скоро познакомился съ однимъ изъ сосѣдей; пріѣхалъ по зову въ гости, взглянулъ на младшую дочь его, Софью, въ счастливую минуту, когда она была необыкновенно мила, одѣта къ лицу и сверхъ-того такъ очаровательно смутилась при неожиданномъ появленіи прекраснаго сосѣда, — и выборъ былъ сдѣланъ. Хорошенькая Софя, по смотря на черные, пылкіе глазки, была романическое, мечтательное, извѣженное мамею существо, — существо, любившее поэзію, вдохновеніе, очарованіе; восторгъ души; новые наряды, съ часами пуховые бисквиты, за обѣдомъ желѣ или бѣзѣ. Всѣ сердечныя жаюбы въ стихахъ она выписывала въ особую тетрадку и знала наизусть.

Старшая сестра ея, Надина, была существо совсѣмъ другого рода, безъ увлеченій, безъ радостнаго взору, безъ радушной улыбки. Обѣ онѣ были плоды одного дерева, но одна въ отца, другая въ мать; въ нихъ былъ одинъ и тотъ же не совсѣмъ

пріятный климатъ, но Софї выражала собой ясную погоду, а Надина пасмурную. Очень естественно, что первая болѣе правдась. Свѣтлый взоръ Софї, при какихъ-нибудь двухъ трехъ градусахъ сердечнаго теня, обмелъ и провалился отъ страданій Рамирскаго.

Сосѣдъ понялъ его намѣреніе, запоилъ завѣтнымъ виномъ; маленька двѣ невѣсты закормила всѣмъ чѣмъ Богъ послалъ. Но въ домѣ двѣ невѣсты; Рамирскій завидный женихъ: которую благоудно будетъ взять за себя? Обѣ рѣдятся на показъ, обѣ что-то задумчивы. Софї, увлеченная общими отзывами о богатствѣ и достоинствахъ Рамирскаго, забыла о поэзіи, и ни какъ не могла уступить сестрѣ въ желаніи обратить вниманіе на себя.

Самолюбіе дѣвушки торжествовало побѣду; за предпочтеніе оказанное ей передъ старшей сестрой, она платитъ готовностію отдать свою руку и сердце, а между-тѣмъ въ душѣ проявлялась какая-то грусть, воспоминаніе, и какъ-будто что-то говорило: «Ахъ, это не онъ!» Въ немъ нисколько нѣтъ поэзіи! И вотъ, какъ мы видѣли, Софї задумалась не во-время. Поздняя дума, какъ по мертвомъ память. Но судьба творитъ свое. Въ рѣшительную минуту, зараженный думою Софї, задумался и Рамирскій.

— Женитесь безъ любви! Что я дѣлаю!... Нѣтъ!... сказалъ онъ самъ себя.

Въ это время шаги прогуливающихся по комнатамъ послышались близъ самой двери; Софї очулась и сказала:

— Пойдите въ залу.

— Ахъ, да! Вы еще не показали мнѣ своего альбома.

— Зачѣмъ вамъ.... въ другой разъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, теперь; теперь я въ-особенномъ расположеніи духа читать стихи, сказалъ, вздохнувъ, Рамирскій.

— Вы ихъ терпѣть не можете.

— Нѣтъ, право; что-то вдругъ захотѣлось чего-нибудь поэтическаго.

— Смѣйтесь.

— Пожалуйста!

— Я сказала, что въ другой разъ.

— А мнѣ хочется непременно теперь.

— Это странно!

— Ничего страннаго; я не встану съ мѣста, покуда не принесете альбома, рѣшительно сказалъ Рамирскій.

— Какіе вы скучные! произнесла Софї, стараясь подавить въ себя досаду.

— Скучаетъ, такъ скучаетъ, каковъ есть, отвѣчалъ довольно сурово Рамирскій, вставая съ мѣста и выходя въ залу.

— Ну, я пойду принесу.

— Не безпокойтесь!

— Тутъ нѣтъ никакого безпокойства! отвѣчала Софї и идѣ- хотя пошла за альбомомъ. Она бы никогда не подумала показывать его жениху своему, если бѣ однажды, въ разговорѣ объ альбомахъ, сестра ея не воскликнула съ искуснымъ простодушіемъ: А вы видѣли альбомъ Софї? Посмотрите, какой альбомъ, прелесть!

— О чемъ вы задумались? спросила Надива, проходя мимо Рамирскаго, который сѣлъ на диванъ подлѣ столика, скрестилъ руки на груди, и смотрѣлъ въ потолокъ.

— Я задумался? Нисколько! отвѣчалъ онъ.

— Ну, такъ мнѣ показалось.

— Благодарю васъ по-крайней-мѣрѣ за участіе, сказалъ Рамирскій, преслѣдуя взорами Надиву. Какъ она сегодня мила! подумалъ онъ: сколько въ ея наружности достоинства и степенности...! Она лучше сестры.

— Вотъ вамъ мой альбомъ! сказала Софї, бросила его на столикъ передъ Рамирскимъ и пошла ходить съ сестрой и гостьей по залѣ.

Рамирскій, какъ-будто еще не кончивъ думы, долго смотрѣлъ на бархатный переплетъ лежащаго передъ нимъ альбома, но наконецъ взялъ его, и сталъ, почти безъ всякаго вниманія, перевертывать листы, исписанные пошлыми стихами и изрисованные неопытной кистью. Вдругъ вниманіе его остановилось на заглавіи: «Море». Это слово напомнило ему извѣстную его юность и любимую стихію. Онъ читалъ.

«Какъ же мнѣ описать вамъ море? Можетъ-быть и лучше, что вы его не знаете. Поймите море чувствъ въ душѣ женщины, и смотрите на него: то нѣжное, то страстное, то коварно тихое, то бурно-прекрасное, нестошное въ любви и дарахъ, необузданное въ гнѣвѣ, нескончаемое въ обольщеніяхъ, невообразимое въ разнообразіи, всегда одно, но какъ будто не то же, всегда невагладное, увлекающее.

«Въ тихій жаркій полдень, когда нѣтъ ни малѣйшаго колебанія въ воздухѣ, когда нѣтъ ни одного облачка въ лазурномъ эфирѣ,

оно смотритъ ва васъ такими небесно-голубыми иѣжными очами что вы бы хотѣли утонуть въ его взорѣ!...

«Но въ бурную осеннюю ночь, когда разыграютъ волны въ глубинѣ сердца, когда среди мрака горятъ ошѣ фосфорическимъ свѣтомъ, когда при блескѣ молніи черная влага клокочетъ, бушуетъ, дробится, о! тогда каждый валъ его—могила, каждый стовъ—голось смерти.»

«Минуетъ гроза, прояснится свѣтлое утро, сгоняя съ неба послѣднія тучи и, во срѣтеніе золотымъ лучамъ, которые иѣшаясь въ атмосферѣ съ синевою воздуха, отражаются въ водѣ чуднымъ цвѣтомъ яри,—море облекается въ великолѣпную мантию, а свѣжій вѣтерокъ, волнуя его поверхность, убираетъ каждую струю серебряную бахрамою блестящихъ брызговъ.... Подобное зрѣлище, кажется, можетъ только присниться! Взоръ слѣдитъ за каждою рождающеюся волною, которая копится, извивается, дробится, чтобъ дать жизнь другимъ безчисленнымъ волнамъ. И это стройное движеніе, эта чудная гармонія, этотъ священный языкъ природы проникаетъ васъ неописаннымъ восторгомъ!

«Настаетъ вечеръ. Жаркій закатъ утопающаго въ морѣ солнца сквозь лазурное небо кажется фіолетовымъ; пламенѣя огненною красотою зари, онъ отражается въ водѣ великолѣпнымъ аметистомъ. Рѣзвыя струйки, какъ будто оправленные топкими ободочками золота, волнуясь отливомъ обьяри, сочетаются непзъяснимою красотою съ окрестными берегами и цвѣтущими деревьями, какъ-будто столпившимися вокругъ поговорить сладкимъ шепотомъ листьевъ съ гармоническими перекатами волнъ. Какое сердце не сочувствуетъ этой прелести?

«Но какъ мнѣ описать вамъ море? Объ немъ можно напоминать только тому, кто привыкъ его любить.

— Это душа писала, а не перо! сказалъ Рамирскій.

«Вспомните этого дивнаго великана, подъ связими крыльями тучъ, покрытаго стальной броней въ алмазныхъ искрахъ. Что за строгая, величественная красота!

«Или море изумрудное, испещренное легкой эмалью бѣлой пѣны....

«Или въ солнечный день, какъ-будто покрытое золотой ризой Бога....

«Или въ тихую лунную почъ, когда въ него страстно смотритъ полный мѣсяць, когда, едва касаясь береговъ, робкая незамѣтная волна чуть дышетъ....

«А въ пасмурную осень, когда воды и воздухъ принимаютъ неопредѣленный цвѣтъ, проникающій сердце грустной думой — приходитъ на память мысль вдохновеннаго Данта, видѣвшаго въ туманной дали витаніе тоскующихъ, тѣней, отрѣшенныхъ отъ земли и не принятыхъ небомъ....»

— Что вы тамъ читаете съ такимъ восторгомъ? спросила Софя.

— Это такъ написано, съ такой любовью, что мнѣ кажется, собственныя мои чувства вылиты на этотъ голубой листокъ! проговорилъ Рамирскій, не обращая вниманія на вопросъ Софя.

— Что такое? спросила снова Софя, съ чувствомъ нѣсколько возмущеннымъ его восторгомъ.

И она подошла къ столу и повторила вопросъ:

— Чѣмъ вы такъ восхищаетесь?

— «Моремъ!» отвѣчалъ отрывисто Рамирскій.

— Ахъ, не правда ли, прекрасно? Это писала одна дама, сказала Надина.

— Есть чѣмъ восхищаться! Что жъ тутъ такого особеннаго?

— Море и сочувствіе тому, кто его написалъ — и больше ничего, отвѣчалъ Рамирскій.

— Гдѣ жъ мнѣ сочувствовать! произнесла съ оскорбленнымъ чувствомъ Софя. Если бъ вы видѣли ту, которая писала это, вы вѣрно забыли бы все отъ восторгу и сочувствія.

— Безъ сомнѣнія, проговорилъ Рамирскій колко. Во всякомъ случаѣ, надо было тонуть и въ морѣ и въ глубинахъ души своей, чтобы такъ написать!

— Очень жаль, что не могу представить вамъ сочинительницу! сказала съ язвительной усмѣшкой и рѣзкимъ голосомъ Софя, отходя отъ стола.

— Скажите, пожалуйста, кто она такая? спросилъ Рамирскій, не обращая вниманія на колкость замѣчанія.

— Не хотите ли вы искать ее? спросила вмѣсто отвѣта Софя.

— Непремѣнно!

— Желая благополучнаго пути и сожалѣю, что не могу дать вамъ ея адреса!

Эти слова потрясли до основанія Рамирскаго. Прикусивъ губу, онъ переброекъ нѣсколько листовъ, взглянулъ на одни стишки и началъ читать вслухъ:

«Я не люблю своей свободы,
Своей сердечной пустоты!
Я не люблю красоту природы.
Что жъ я люблю? Поймешь ли ты,
Что я люблю?»

«Люблю блестящія взоры,
Живые, полные огня,
Когда они, какъ метеоры,
Вдругъ съ неба кануть на меня.
Люблю, люблю....»

«Тебя, — любовь.... ты приголубишь
Мои надежды, мнѣ легко,
Когда мнѣ молвать на ушко:
Мой милый другъ, меня ты любишь?
Люблю, люблю!...»

— Это очень, очень мило написано! Съ какимъ чувствомъ! Жаль, что также безъ подписи.... Позвольте узнать: это также писала какая-нибудь дама?

— Нѣтъ, не дама; это писалъ одинъ очаровательный молодой человекъ! отвѣчала Софя рѣзко.

— Чудный акростихъ: «Я люблю тебя — ты меня любишь», — какъ трудно было отыскать ключъ къ нему! Безподобный акростихъ!

— Вы смѣетесь надъ моимъ альбомомъ! вспыхливо вскринула Софя и, подбѣжавъ, вырвала альбомъ изъ рукъ Рамирскаго и скрылась.

Рамирскій затаился глубокимъ вздохомъ и пыхнулъ какъ добрый Турокъ, затаившись табакомъ.

Въ это время преферансъ кончился, гости стали собираться домой. Дѣвушки побѣжали надѣть шляпки въ комнату Софя, а между тѣмъ Надина подошла къ Рамирскому.

— Какой акростихъ нашли вы въ альбомѣ Софя? Вѣрно: «Я люблю тебя, — ты меня любишь?» Хмъ! это написалъ ей одинъ поэтъ въ Москвѣ, съ которымъ она познакомилась на водахъ.

— Предательница! подумалъ Рамирскій. А не знаете ли, кто написалъ «Море?»

— Nadine! раздался голосъ матери.

— Сейчасъ! отвѣчала она. Куда жъ вы?

— Пора.

— Что жъ вы это убъжаете, не простась съ Софѣй?

— Я ужъ простась съ нею! произнесъ довольно значительно Рамирскій.

III.

Въ тотъ же вечеръ, возвратясь въ свое помѣстье, которое лежало въ четырехъ верстахъ отъ имѣнія отца Софѣй, Рамирскій приказалъ, чтобъ къ утру все было уложено въ дорогу. Въ тревожномъ состояніи духа проходилъ онъ почти до разсвѣта по комнатамъ; съжегъ съ сотню лучшихъ гаванскихъ сигаръ, — всѣ до одной скверно курятся; тяжкія думы перепортили ихъ: одна вдругъ высохла дотога, что разсыпалась въ рукахъ и прогорѣла съ боку; другая вдругъ отсырѣла, разбухла и, вмѣсто дыму, коптилась угаромъ. Рамирскій швырнулъ послѣднюю на полъ, бросился на диванъ, потеръ лобъ, но совѣ не ведетъ дружбы съ безпокойной душою.

— Море, море! ты меня образумило! вскричалъ наконецъ, какъ будто надумавшись вдоволь, Рамирскій. Сковать себя съ первой встрѣчной дѣвушкой; длатого только, что вздумалось жениться!... Не сказать самому себѣ: «Возьми ее, да будетъ ли она твоя?... Сядь съ ней въ одинъ корабль, да повутна ли ея душа съ твоею?... Нѣтъ, прощай Софѣй! прощайте маленькія сѣмена капризовъ, вепышекъ, досадъ, ссоръ, равнодушія, холодности и всѣхъ протѣивныхъ вѣтровъ, буръ и, хуже всего, затишья посреди пучины!...»

Ночь проведена тревожно; наступило утро; дворецкій пришелъ съ пошлымъ вопросомъ:

— Не прикажете ли взять чего нибудь съѣстнаго на дорогу?

— Куда жъ я ѣду? спросилъ самъ себя Рамирскій. Въ Москву? Что я буду тамъ дѣлать? Развѣ вскакъ отъ скуки сочинительщичу «Моря?...»

— Такъ какъ же изволите приказать? повторилъ дворецкій.

— Ничего не нужно! крикнулъ Рамирскій.

И черезъ часъ онъ уже былъ на дорогѣ къ Москвѣ съ грустнымъ чувствомъ, что не несетя по синему, бурному морю-на всѣхъ нарусахъ, что пѣнистыя волны не обдають его и не прохлаждаютъ томщаго его душу жара.

Прѣвхазъ передъ сумерками въ гостиницу Лондонъ, Рамирскій послалъ человека завать номеръ; но долго дожидаясь его съ вестернѣемъ, выскочилъ изъ колески и пошелъ самъ.

Посланный слуга, съ-роду не бывавшій въ Москвѣ, вошелъ въ стѣи и не видя никого, пробрался на лѣстницу и отворилъ двери.

— Кого тебѣ нужно? спросилъ его, выходя навстрѣчу, какой-то *динеръ* съ отвислой губой, въ широкой курткѣ.

Человѣкъ, никогда не видавшій Нѣмцевъ, сказалъ бы что это Нѣмецъ.

— Гдѣ тутъ квартера Федора Павловича Рамирскаго?

— Какой Павловичъ? Нѣтъ тутъ Павловичъ! Ступай, ступай! Ты видишь, господня баринъ идетъ.

Изъ номера вышелъ какой-то баринъ. Покрой, чистота, лоскъ, блескъ, близна одежды его, журнальная обстановка, взглядъ, движенія, все являло въ немъ челоуѣка рафинированнаго, пмѣющаго вѣсъ, передъ которымъ отступаетъ челядь.

— Да вѣдь тутъ же должна быть квартера.... началъ было слуга Рамирскаго.

— Чтò такое? спросилъ баринъ.

— Да вотъ, сударь, не знаю у кого спросить, гдѣ тутъ квартера Федора Павловича Рамирскаго?

— Федора Павловича? Рамирскаго? Гдѣ опъ?

— Они, вотъ тамъ, у подъѣзду....

— Служилъ во флотъ?

— Такъ точно, во флотъ....

— Иванъ! раздался голосъ Рамирскаго на лѣстницѣ.

— Вотъ они самп.... Чего изволите?

— Гдѣ жъ ты пропалъ?

— Рамирскій! Одея! вскричалъ баринъ, бросаясь навстрѣчу къ Рамирскому: узналъ?

— Извините, ей-Богу, не узнаю.

— Меня не узналъ? Дмитрицкаго?...

— Господи, да кто жъ узнаеть!

И они бросились другъ къ другу въ объятія.

Въ военной службѣ знакомства сводять очень легко. «Славный-малой, лихой-малой» составляеть лучшіе титулы и рекомендаціи. О прочихъ титулахъ и достоинствахъ мало заботы, о родѣ и племенѣ и помину нѣтъ. На вопросы: «Кто опъ такой? Честный челоуѣкъ? Не пьеть? Не гуляетъ?» отвѣчаютъ: «А кто жъ его знаетъ!», или вѣрѣе: «А чортъ его знаетъ! мнѣ за него не замужъ выходить.» Такимъ же образомъ, безъ дальнихъ допросовъ, познакомился и сдружился въ Николаевѣ мичманъ Рамир-

скій съ корнетомъ Дмитричкинъ.. Разбитная, отчаянная голова, Дмитричкій правился всѣмъ, кто его зналъ. Живой, огненный, прямой, бьетъ вездѣ на проломъ какъ таранъ, съ страстными позывами все знать, все видѣть, онъ повравился Рамирскому — какъ крайность. А крайности сходятся.

— Какъ тебя узнать: совѣтъ другое лицо, въ парикъ! сказалъ Рамирскій, взглянувъ на Дмитричкаго.

— Ну, попалъ! Вотъ обрадовался-то.... такую радость падо цѣвнть... Алонъ, топ срег, въ комнату, здѣсь сквозной вѣтеръ, кому-вибудь падуеть въ уши.

И Дмитричкій потащилъ Рамирскаго въ умерь.

— Послушай, Одея, сказалъ онъ, заперѣвъ двери, я долженъ тебѣ сказать съ оника, что я отъ радости видѣть тебя проговорилъ, проболтался.

— Въ чемъ? спросилъ съ удивленіемъ Рамирскій.

— А въ томъ, что я ужъ не Дмитричкій.

Рамирскій посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Корнетъ Дмитричкій умеръ, о чемъ уже отдано и въ приказъ, а я душа Дмитричкаго, переселившаяся въ венгерскаго магната, и потому, вперед спрашиваю, угодно тебѣ зваться съ душой Дмитричкаго въ ея метаморфозѣ, я радъ; а если нѣтъ, такъ скажи просто: извините, я ошибся, я принялъ васъ за одного стараго моего друга.

— Я, право, ничего изъ этого не понимаю, сказалъ Рамирскій.

— Я и самъ существенно не понимаю, какъ это все сдѣлалось: просто метампсихозъ! Я самъ не вѣрилъ переселенію душъ, а теперь по неволѣ вѣрю, хоть моя душа и переходила въ животныхъ и насѣкомыхъ. Но вотъ послѣ исключенія изъ списковъ, ходить по мытарствамъ, жить на бѣломъ свѣтѣ сверхъ штату.. ей Богу, что дѣлать!... скитаюсь, какъ мертвецъ, покуда не уложатъ въ могилу и не забьютъ колъ въ спину...

Заложивъ руки въ карманы пальто, Дмитричкій ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ человекъ пропикнутый горемъ, но переносащій съ твердостію свои несчастія. Рамирскій смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, слушалъ, пожималъ плечами и молчалъ.

— Ты видишь теперь во мнѣ венгерскаго магната Волобужа, продолжалъ Дмитричкій, и отъ того разумѣется не узналъ меня. Еслбъ во всѣхъ метаморфозахъ, случившихся со мной, участвовала моя собственная воля, хоть на столько сколько у Юпитера для его любовныхъ похажденій, ты бы могъ подумать что и у

Дмитрицкаго низкая душа, но я тебѣ даю честное слово, что все это совершается просто какимъ-то чудомъ: судьба завяжетъ мнѣ глаза, хлопнетъ жезломъ разъ, два, три! Ну, говорить, теперь ты Матеушъ, слуга, холопъ и больше ничего: Матеушъ, такъ Матеушъ! и принужу за исполненіе данного мнѣ назначенія, безъ ропоту, съ полнымъ усердіемъ. Только что войду въ характеръ роли—ейнъ, цвей, дрей—ты графъ! Нечего дѣлать, графъ, такъ графъ. Я и отъ этого не отказываюсь. Не успѣю совершить какой-нибудь подвигъ, достойный графскаго сана — attände! Ты Прохоръ Васильчъ, купеческій сынъ! Пожалуй, для разнообразія буду купеческимъ сыномъ. Такимъ образомъ судьба вела меня черезъ разныя званія и состоянія и привела на степень венгерскаго магната. Можешь спросить у всей знати здѣшней, у какого хочешь Венгерца: унижаю ли я званіе магната? Конечно, можно меня упрекнуть въ незнаніи венгерскаго языка, но судя по здѣшнимъ магнатамъ, каждый магнатъ не нуждается въ отечественномъ языкѣ. Отечественный языкъ нуженъ только простому народу....

— Дмитрицкій, сказалъ Рампрскій, ты такой же чудакъ и мистификаторъ, какъ былъ за десять лѣтъ!

— Помилуй, душа моя, какая тутъ мистификація: я тебѣ говорю серьезно.

— Ну, полно, пожалуйста! Я очень радъ, что встрѣтилъ тебя здѣсь; но мнѣ надо подумать о томъ, чтобъ гдѣ-нибудь остановиться: здѣсь всѣ номера заняты.

— Не хлопочи, я занимаю три номера. Одинъ изъ нихъ твой.

— Благодаренъ.

— Гей! Юганъ!

— Gleich! отозвался Юганъ.

— Вещи этого господина внести въ пятый номеръ! Hast du verstanden?

— О, ja! gleich! сказалъ Юганъ, но замѣтивъ брошенное на стулъ пальто, взялъ было его, чтобъ положить какъ слѣдуетъ.

Но магнатъ крикнулъ! Маршъ: — и онъ отправился отдувъ губы и пробормотавъ: — Alles muss in Ordnung sein.

— Давно ты вышелъ въ отставку? спросилъ Рампрскій.

— И не думалъ выходить, отвѣчалъ Дмитрицкій, хоть справлся въ герольдіи.

— Да какимъ же образомъ ты здѣсь, въ партикулярномъ платьѣ?

— Да такъ, ввесли меня въ списокъ умершихъ, и живутъ себя спокойно. Это меня, разумѣется, забѣсило, да что жъ дѣлать! Какимъ образомъ умершему являться живымъ? Невозможно, покойники не ходятъ; въ старину утвердили бы къ землѣ коломъ, а теперь отдадутъ подъ судъ.

— Ты шутишь или не шутишь?

— Что за шутка! Вотъ видишь: отправился я изъ полка ротматеремъ въ Подольскую губернію. Оставилъ пьянцу хохла дельника у одного знакомаго пана въ деревнѣ, а самъ разъѣзжаю себя изъ мѣста въ мѣсто. Къ несчастію шайка мошенниковъ напала на меня и просто зарѣзала самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Что было дѣлать? Я написалъ пану, что вотъ такъ и такъ, зарѣзали, не вспрыснетъ ли онъ меня живой и мертвой водой? А между тѣмъ пьяный мой хохолъ пришелъ къ пану и говорить: что жъ я, пане, буду дѣлать! грошей у меня нѣтъ и пана нѣтъ. А что жъ тебѣ дѣлать! сказалъ ему панъ: панъ твой пишетъ ко мнѣ, что его зарѣзали. Ой-ли, крикнулъ хохолъ, коли самъ пишетъ, такъ стало-быть это вѣрно? А какъ же! Хмъ! сказалъ хохолъ, покачалъ головой, да и пошелъ въ полкъ, доносить, что меня зарѣзали....

— Славная сказка!....

— Ей, ей, не сказка, слушай дальше, продолжалъ Дмитрицкій: изъ полка вмѣсто меня прислали другаго офицера; команда стояла въ Бердичевѣ; обо мнѣ слуховъ нѣтъ; убѣдился, что я дѣйствительно не существую уже на свѣтѣ и вычеркнули изъ списковъ живыхъ. Северная вещь; мнѣ слѣдовало бы послѣ этого въ самомъ дѣлѣ лишиться жизни, но я подумалъ: это еще хуже; предаться лучше судьбѣ, что хочетъ, то пусть со мной и дѣлаетъ. И сдѣлала она изъ меня магната венгерскаго, слѣдующимъ образомъ....

И Дмитрицкій подробно и откровенно разсказалъ Рамирскому все свои приключенія.

— Ты задумался, сказалъ онъ, кончивъ разсказъ: сдѣлай милость, Федя, будь другъ, не церемонься, не знай меня и кончено.

— Нѣтъ, я тебя знаю и буду знать, отвѣчалъ Рамирскій: но для всѣхъ и каждого буду знать тебя какъ магната Волобуза, съ которымъ я сегодня имѣлъ удовольствіе познакомиться.

— Bravo! обойми меня, неизмѣнная, славная душа! Ты, братъ,

человѣкъ, Одея, ей Богу, человѣкъ! Еслибъ въ моей волѣ, я бы тебѣ непременно далъ земное счастье.

— Мнѣ его ужъ никто не можетъ дать! сказалъ, вздохнувъ, Рамирскій.

— Почему?

— Я тебѣ расскажу современемъ и свое горе.

— Ну, отдохни съ дороги, а я долженъ вѣхать сегодня на литературный вечеръ; здѣсь теперь въ большой модѣ литературные вечера. Это преславная вещь.

— А ты какимъ образомъ попалъ въ литераторы?

— Ну, пѣтъ, вдругъ не попадешь въ это званіе; я еще не литераторъ, но ужъ смотрю въ литераторы. Всѣ здѣшніе извѣстности, узнавъ, что я родомъ Славянинъ, въ восторгѣ отъ меня, таскаютъ по всѣмъ литературнымъ вечерамъ, просятъ пѣтъ: *не зозуленька въ лѣсу куковала*, и кричатъ: какое сходство съ русской пѣснью: *не кукушечка въ лѣсу куковала*. Я имъ обѣщаю собрать пѣсни моей родины. Какъ только соберу, тотчасъ же и литераторъ.

— Любопытно побывать на этихъ вечерахъ.

— Зачѣмъ же дѣло стало? поѣдемъ завтра на великолѣпный литературный вечеръ къ Звѣздову.

— И онъ литераторъ?

— А ты его знаешь?

— Какъ же, онъ служилъ въ Петербургѣ.

— Такъ и прекрасно: я сегодня увижу его у мадамъ Resoeuil и скажу, что я познакомился съ тобою, и что завтра ты къ нему будешь на вечеръ. Тамъ вся московская поэзія и проза, славянофилы, скандинавофилы, франкофилы и простофилы.

— Въ самомъ дѣлѣ поѣду. Можетъ быть, я тамъ встрѣчу и одну сочинительницу, которая меня интересуетъ.

— Не одну, а тыму встрѣтишь. Ну, прощай.

— Чудакъ, подумалъ Рамирскій: какой славный мальиі и какъ погибъ безвозвратно!

IV.

На другой день Рамирскій долго ждалъ пробужденія Дмитрицаго, который по обычаю магнатовъ началомъ дня считалъ не восходъ солнца, не любилъ утренняго ребяческаго его свѣта, но считалъ день, какъ слѣдуетъ, съ перваго часу. Не дождавшись

этого часу, Рамирокій уѣхалъ прежде всего посѣтить неизбѣжный опекунскій совѣтъ, потомъ въ некоторыхъ дальнихъ родныхъ и давнихъ знакомыхъ и между прочимъ заѣхалъ къ четвертаго класса Звѣздову, который очень внимательно его принялъ, изъявилъ удовольствіе, что онъ посвятилъ себя литературѣ, и пригласилъ на свой литературный вечеръ.

— Я занимаюсь литературой?... подумалъ съ удивленіемъ Рамирокій: ахъ, чудакъ, этотъ Дмитричій! онъ безъ шутокъ и мистификацій не можетъ шагу сдѣлать! Посвятилъ меня въ литераторы!

— Жаль, что мнѣ сейчасъ надо ѣхать по дѣлу, сказалъ Звѣздовъ: а то я бы прочелъ вамъ на досугѣ стансы къ Москвѣ, которые я сію минуту только написалъ.... Но, еще, я думаю можно будетъ.... Это собственно десять словъ къ Москвѣ.... Сейчасъ привнесу....

— О, Господи! попалъ на муку, подумалъ Рамирокій.

Къ счастью его, вошелъ какой-то господинъ съ огромною тетрадю въ рукахъ, всматриваясь прищуренными глазами сквозь очки на окружающіе предметы.

— Ваше превосходительство.... Ахъ, извините, сказалъ онъ, замѣтивъ свою ошибку; сѣлъ, положилъ тетрадь свою на столъ и началъ протирать платкомъ и искусственные и настоящіе свои глаза.

— Вотъ, это собственно десять словъ, раздался еще въ дверяхъ голосъ хозяина.

— Ахъ, ваше превосходительство! проговорилъ пришедшій господинъ, вскочивъ съ мѣста и схвативъ свою тетрадь.

— А! проговорилъ хозяинъ съ неудовольствіемъ. Вотъ это....

— По вашему желанію прослушать, я привезъ, ваше превосходительство, перервалъ его господинъ въ очкахъ, развертывая свою тетрадь: я сперва прочту вступленіе.... Переводъ такого писателя, какъ Гёте, требуетъ поясненій, продолжалъ онъ, обратясь къ Рамирскому.

— Я прошу у васъ извиненій, началъ было хозяинъ съ досадою, желая отдѣлаться отъ предлагаемаго чтенія.

— А какъ же вы полагаете, ваше превосходительство, перервалъ его порывистый господинъ въ очкахъ: неужели вы думаете, что не должно объяснять читателямъ духъ писателя?... Нѣтъ, должно, должно: это ключъ къ смыслу его сочиненій, притомъ же каждый можетъ понимать иначе. ..

Рамирскій, не ожидая дальнѣйшаго развитія рѣчи, всталъ.

— Куда жъ вы?... крикнулъ испуганный хозяинъ, что его оставляютъ одного на жертву прищуривающемуся господину въ очахъ.

— Если позволите, я буду ввечеру.

— Какая досада, что не удалось мнѣ прочесть вамъ.... Вотъ, какъ видите, всякой день приходять ко мнѣ на судъ съ своими кропаньями, тихо сказалъ въ залѣ Звѣздовъ, провожая Рамирскаго. И такъ до вечера.

Возвратившись въ гостиницу, Рамирскій не засталъ уже дома Дмитрицкаго. Онъ возвратился часу въ осьмомъ.

— А! дома! Не забылъ, что сегодня ѣдемъ на литературный вечеръ; да теперь еще рано: часовъ въ десять, даже въ одиннадцать.

— Помилуй, къ чему ты сказалъ Звѣздову, будто я сочинитель?

— Чтò жъ такое? Развѣ это компрометируетъ тебя?

— Хмъ! Нисколько не компрометируетъ, да длячего жъ это?

— Какъ длячего? Длятого, чтобъ на тебя смотрѣли, какъ на литератора. Литераторы теперь въ ходу. Ты думаешь, что въ салонахъ трудно быть ученымъ, поэтомъ, писателемъ, критикомъ? Пустяки! Ты послушай, какъ я заговорю объ индѣйской и еврейской поэзии. Приѣхать въ салонъ не то, [что приѣхать къ Солову и смотрѣть дуракомъ да удивляться греческой] премудрости: салонъ — страна малознающихъ, плохознающихъ и ничего не знающихъ, но желающихъ казаться всезнающими. Взаимное надуваніе, взаимная снисходительность, вотъ и все, [и кивить съ дубинкой. Напримѣръ я въ глаза не видалъ Европы, но имѣю же объ ней понятіе и довольно. Спрашиваютъ меня, вы вѣрно были въ Неаполь? Я отвѣчаю съ живымъ восторгомъ воспоминанія: въ Неаполь? Ахъ, это очарованіе! Море, Везувій, извергающій пламя! Этого рассказать нельзя! И нечего рассказывать, довольно, восхищеніе возбуждено, чего же еще больше?... Однако жъ пора собираться; одѣвайся, топ шеръ; впрочемъ «запоздать» ничего не значить, неприлично «заранить».

Къ десяти часамъ туалетъ былъ конченъ и они отправились къ Звѣздову. У подъѣзду швейцаръ звякнулъ въ колокольчикъ. Они вошли. Зала была озарена стѣнными свѣтилами, но еще пустынна, ломберные столы, какъ жертвенники, на которыхъ

убивалось время, стояли уже на готовѣ, но всюду въ домѣ еще тишина, отъ которой можно вздрогнуть.

— Не рано ли?... спросилъ Рамирскій, никого еще нѣтъ.

— Нѣтъ, въ гостиной есть уже хоть безжизненные, но живые люди, *vouez-vous?*

На диванѣ и подлѣ него на креслахъ сидѣло нѣсколько дамъ, какъ на сеансахъ: каждая приняла положеніе выгодное для портрета. Съ одной изъ нихъ, какъ съ почетнымъ членомъ засѣданія, разговаривала хозяйка; но такъ чинно, тихо и безмолвно, что казалось онѣ смотрять другъ другу въ глаза, за споромъ, кто первый моргнетъ.

Около стѣнъ, на креслахъ, сидѣло нѣсколько мужчинъ, какъ пришпиленные какія-то насѣкомыя въ коллекціи натуральной исторіи. Всѣ были въ бѣлыхъ и желтыхъ перчаткахъ, всѣ держали обѣими руками свою шляпу, чтобъ не выпала изъ рукъ отъ задумчивости, и всѣ до одного, безъ сомнѣнія, были, какъ говорится, свои, или что-то въ родѣ такихъ, которымъ дѣлають особенную честь приглашеніемъ. Можно было принять ихъ и за подчиненныхъ въ гостяхъ у строгаго начальника. Можно было принять ихъ даже за нанятыхъ, чтобъ наполнять пустоту около стѣнъ. Хозяйка какъ будто остерегался дать имъ какое-нибудь значеніе своимъ вниманіемъ. Онъ сидѣлъ подлѣ столпа съ лампой и просматривалъ газету. Замѣтивъ вошедшихъ гостей, онъ всталъ довольно важно, взявъ Рамирскаго за руку и, обратясь къ женѣ, проговорилъ: *ma femme!* Потомъ занялся разговоромъ съ магнатомъ.

Хозяйка взглянула на представленное ей новое лицо, безъ особеннаго значенія въ свѣтѣ, качнула головкой въ знакъ пріивѣтствія, вытянула эластическія губки въ знакъ удовольствія, и снова пріидя въ нормальное положеніе, обратилась къ дамѣ сидящей на диванѣ.

Рамирскій, не зная, что съ собой дѣлать, опустился на кресла и замѣтилъ, что подлѣ него сидитъ очень хорошенькое существо, въ задумчивомъ расположеніи духа. Матовое блѣдное личико, черненькіе глазки, заинтересовали его.

Въ старину, сидѣть подлѣ незнакомой дамы и почтительно не нарушать взаимнаго молчанія, хоть въ продолженіи дѣлаго вѣка сосѣдства бокъ съ бокомъ, считалось приличіемъ, умомъ, образованностію и даже долгомъ. Теперь и времена и нравы переѣнились, теперь за молчаніе назовутъ истуканомъ.

Чтобъ избѣжать этого названія, Рамирскій обратился къ со-
сѣдкѣ съ мнѣніемъ, что жизнь въ Москвѣ должна быть очень
пріятна.

— Напротивъ, очень скучна, монотонна, томительна! Какія
здѣсь удовольствія? Ни какихъ! Театръ не стоитъ вниманія, въ
собраніе никто не ѣздитъ, балы — толкотня и больше ничего....
Москва опустѣла! отвѣчало многорѣчиво задумчивое существо,
какъ-будто въ отпущеніе за долгое непривычное молчаніе.

— Если бъ Москва былъ приморскій городъ, началъ Рамир-
скій съ цѣлю проэкзаменовать незнакомку въ отношеніи къ свѣдѣ-
ніямъ о морѣ.

— Ахъ, Боже мой! да чтò жъ такое море? чтò бы оно при-
дало Москвѣ кромѣ сырости. Я и Петербурга за это не люблю,
что онъ на берегу моря.

— Конечно, моя милая!.... подумалъ Рамирскій, не дослушавъ
рѣчи и вставъ съ креселъ, очень довольный, что долженъ былъ
уступить мѣсто пріѣхавшимъ дамамъ.

— Вы составите партію въ преферансъ? сказалъ хозяинъ, под-
ходя къ нему.

— Извините, не играю, отвѣчалъ Рамирскій.

Хозяинъ отошелъ отъ него, какъ отъ бесполезнаго человѣка.

Между тѣмъ гостиная вдругъ наполнилась потокомъ гостей.

У Звѣздова смѣсь подъ названіемъ литературный вечеръ со-
ставлялась довольно сложная, по рецепту отношеній свѣтскихъ,
служебныхъ, родственныхъ, обязательныхъ и наконецъ литера-
турныхъ. Нѣкогда онъ пописывалъ стихи, но вступивъ на служ-
бу и женившись, оставилъ было эту глупость, игралъ по вече-
рамъ въ карты и былъ спокоенъ, счастливъ; *игорный* его вечера
были очень умны, собиравсь все люди одного направленія и
одного вѣрованія, что карты спасительная вещь отъ тревожен-
ной міра сего. Но едва демонъ славолубія посягнулъ на душу
Звѣздова, едва вошли въ моду литературные вечера, онъ тотчасъ
же присѣлъ, написалъ стихи, и назначилъ у себя день для ли-
турныхъ вечеровъ. Для этого надо было знакомиться съ писа-
телями, поэтами, учеными, словомъ, съ людьми не свѣтскими, и
выставить ихъ на показъ свѣтскимъ людямъ. Для производителей
необходимы были потребители. Но если ужъ принять и въ
одеждѣ тѣла и въ одеждѣ духа иностранный покрой, то хоть
подиши надъ своей мастерской: «Федуловъ изъ иностранцевъ»,
каждый подражатель-потребитель не пойдетъ къ подражательно-
производителю. Это просто и понятно.

Рамирскій отретировался къ сторонѣ и всматривался на почетныхъ, пожилыхъ, важныхъ, осанистыхъ и декорированныхъ особъ, за которыми ухаживалъ хозяинъ. Всѣ они, не обращая вниманія на отстой дамъ съ одной стороны, и на отстой художавыхъ, блѣдныхъ, пошлыхъ и юныхъ лицъ съ другой стороны, усаживались за ломберные столы и такимъ образомъ составляли что-то въ родѣ гнѣзда въ укусѣѣ.

— Чтò ты такъ смущенно задумался, mon cher, спросилъ Рамирскаго мимоходомъ Дмитрицкій: не думаешь ли ты, что здѣсь наптеонъ русскихъ литераторовъ и что за этимъ почетнымъ ломбернымъ столомъ сѣли для совѣщаній тѣни Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и Державина? Не бойся, mon cher, это не они. Не хочешь ли составить партію.

— Нѣтъ, благодарю, я не играю.

— И я никакъ не могу играть для шрепровожденія времени. Если тебѣ скучно, такъ не хочешь ли потосковать немножко съ дамами: посмотри, какая тоска возьметъ тебя съ ними. Пойдемъ.

— Ахъ, поди!

— Я пойду, мнѣ хочется пить чаю; хозяйка сама наливаетъ, по глоточку, и подчууетъ французскими надуваньями; но я, какъ иностранецъ, полюбившій русской чай, не буду съ ней перемоняться какъ русскіе, и выпью весь самоваръ, посмотри!

Дмитрицкій въ самомъ дѣлѣ подсѣлъ къ хозяйкѣ и сказалъ:

— *Voions, madame!* Мнѣ ужасно какъ нравится этотъ напитокъ; угостите меня по русски.

Хозяйкѣ пріятель былъ вызовъ магната, и она наливала ему чашку за чашкой. Смотрѣть, какъ венгерскій магнатъ пьетъ чай по-русски составило на добрый часъ занятія для всѣхъ дамъ. Между тѣмъ Рамирскій послѣ вѣсколькихъ словъ, обращенныхъ къ стоящему подлѣ него молодому человѣку поэтической наружности, спросилъ: позвольте узнать, кто здѣсь изъ замѣчательныхъ поэтовъ? Я недавно въ Москвѣ и совершенно никого не знаю.

— Здѣсь? Я вамъ скажу, кто здѣсь и чтò здѣсь, отвѣчалъ молодой человѣкъ: я сейчасъ только объ этомъ думалъ.

Здѣсь суета безмысленной толпы,

Здѣсь не поэты, а рабы,

Здѣсь много глупыхъ, много чванныхъ,

Здѣсь много призванныхъ, да нѣтъ избранныхъ!

— По крайней мѣрѣ въ вѣкъ я опму уже поэта.

— Покорно благодарю, отвѣчалъ поэтъ съ улыбкой, помрушивая усахъ не для кого и для чего быть пертомъ: никто и ничто не одушевляетъ.

Рамирскій посмотрѣлъ внимательво на молодого человѣка, зардеяннаго уже разочарованіемъ. Онъ былъ не дуракъ собою, въ глазахъ было много огня и вмѣстѣ простодушія.

— Какъ для кого писать? Для прекраснаго пола; и что жъ лучше одушевляетъ поэта, какъ не красота?

— Но не бездушная красота.

— Напримеръ, вотъ эта, херсонская дама, продолжалъ Рамирскій: смѣливо можно почерпнуть изъ нея вдохновеній для поэзіи.

— Вотъ эта? Хмъ! она не дура собою, но глупа: я просто былъ отъ нея въ отчаяніи: написалъ ей акростихъ:

Я не люблю своей свободы,
Своей сердечной пустоты....

— Извините, кажется вы писали этотъ акростихъ для Софій Луговской, сказалъ Рамирскій, посмотрѣвъ съ удивленіемъ на тюрца знакомаго ему акростиха.

— Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ, я и забылъ.

Я не люблю красоту природы,
Что жъ я люблю? поймешь ли ты,
Что я люблю?

— Безподобно! противъ такихъ стрѣлъ поэзіи пельзя устоять: я это тотчасъ почувствовалъ; знаете ли что Софій безъ памяти отъ васъ?

— Неужели? Однакожъ эти стансы слабо вылились, продолжалъ поэтъ, пришедшій въ восторгъ отъ собственныхъ стиховъ и необращавшій вниманія на предметы, внушающіе ихъ, какъ на ненужныя орудія, какъ на подмостки, которые отбрасываютъ послѣ совершенія поэтическаго зданія: я вамъ прочитаю, написанные въ альбомъ одной черноокой, чернобровой:

Черноокая, чернобровая,
Моя душечка, жизньъ сердечная!
Не пльняйть меня вѣтвь лавровая,
Дай колечко мнѣ подвѣчное!

— Помилуйте, у васъ цѣлый гаремъ очаровательныхъ существъ,

которыя вы предлагаете не только вѣчную любовь въ стихахъ, но даже и руку.

— Хмъ! произнесъ поэтъ съ самодовольствіемъ, и хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ послышался быстрый однозвучный потокъ словъ. Большая часть гостей двинулась въ другую комнату, гдѣ подлѣ стола сидѣлъ уже какой-то смрепный повѣствователь и читалъ свое произведеніе. Отъ душевнаго волненія онъ былъ блѣденъ; отъ невольнаго движенія руки, густые, длинныя волосы его стали копромъ, глаза стремительно мчались по строчкамъ, какъ вагонъ по рельсамъ, слова сливались въ гулъ ноѣзда, предметы описанія неслись мимо, какъ окрестности желѣзной дороги, въ глазахъ несущагося по ней путешественника.

Какъ-будто пригнанные на поденную работу, безъ присмотра, слушатели сидѣли задумавшись, зѣвали п.п. попарно перешептывались.

Поэтъ не давалъ и Рамирскому слушать: какъ-будто надумавшись, что сказать на слова Рамирскаго, онъ прошепталъ ему: поэтъ долженъ любить всѣхъ, и всѣ должны любить поэта. Поэтъ свободенъ!.... и началъ декламировать въ полголоса:

Свободенъ я, но нѣтъ мгновеній.
 Всюлѣ свободныхъ для меня,
 Я жрецъ богини вдохновеній,
 Я стражъ священнаго огня!

— Но это жестоко: насчетъ спокойствія несчастныхъ сердець скопить томъ стихотвореній, сказалъ тихо Рамирскій.

— Поэтъ, какъ пчела, собираетъ медъ со всѣхъ цвѣтовъ, сказалъ поэтъ равнодушно, не затрогиваясь упреками.

— Бѣдная Софя Луговская! Какъ она должна страдать! Вы соблазнили ея чувства.

— Я соблазнилъ?

Нѣтъ, никогда съ притворнымъ чувствомъ
 Ни въ чьи глаза я не смотрѣлъ,
 И средствомъ низкихъ душъ—искусствомъ
 Ни чьей душой не овладѣлъ!

— Это все прекрасно, но вы погубили ее своими стихами. Она изнываетъ.

— А я? Я спокоенъ? Когда она уѣзжала, я написалъ....

— Bravo, bravo! прекрасно! крикнули нѣсколько голосовъ, какъ-будто съ пресонокъ, когда повѣствователь, запыхавшись,

достигъ наконецъ до размаху пера, которымъ заключалась повесть, въ видѣ закорючки.

— Я написалъ, продолжалъ поэтъ:

Прощай! съ тобой я все утрачу,
И благо дней и миръ ночей.
О какъ я плачу, плачу, плачу!
Какая грусть въ душѣ моей!

— Я однакожъ недоволенъ этими стихами. А! вотъ, послушайте романсъ, который я написалъ Нильской, на заданный сюжетъ: «Любила я, онъ не любилъ».

Сердце Рампрскаго замерло.

— Нильской? спросилъ онъ.

— Не успѣлъ еще поэтъ отвѣчать, какъ хозяинъ подошелъ къ Рампрскому съ какимъ-то пожилымъ человѣкомъ. Иванъ Карповичъ жаждетъ познакомиться съ вами, сказалъ онъ ему и, довольный, что шилъ съ своихъ рукъ неотвязчиваго говоруна, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставилъ новому гостю собесѣдника, безъ дальнѣйшихъ церемоній пошелъ занимать болѣе значительныхъ гостей своихъ.

— Очень пріятно, что имѣю удовольствіе познакомиться съ вами, проговорилъ торопливо реченный Иванъ Карповичъ съ какимъ-то нетерпящимъ отлагательства побужденіемъ окончить теченіе своей рѣчи, которую онъ началъ пзливать передъ хозяиномъ дома: изволите ли видѣть, вы вѣрно согласитесь съ моимъ мнѣніемъ, что на русскую литературу надо смотрѣть особенными глазами, потому что, надо вамъ сказать, это не то, что литература западныхъ народовъ,—положимъ французская:—совсѣмъ не то: другія начала, другое развитіе, другія средства, другія побужденія, другой духъ.... наприѣръ:

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь человѣкъ....

Возьмемъ что-нибудь во французскомъ... наприѣръ сатпра Vauquelin de la Fresnaye:

Connais tu ce fâcheux qui contre la fortune
Aboie impudemment, comme un chien à la lune...

Изволите ли видѣть какая разнища? Здѣсь Богъ, тамъ судьба, фортуна.... ясно? То же положеніе, по здѣсь обращеніе къ Богу, тамъ къ судьбѣ; оно кажется ничего, а на повѣрку совсѣмъ не

ничего: тутъ только ровоть, тамъ наступленію. Забудьте: *adieu comme un chien à la lune...* Извольте конять.... Не правда ли? Различіе ужасно. Въслѣдствіе чего же оно родилось? Въслѣдствіе чего Французъ развязанъ, свободенъ, летучъ въ движеніяхъ и въ рѣчахъ? Въслѣдствіе того, что онъ не привязанъ ни къ прошедшему, ни къ будущему.... а! понимаете?

И съ этимъ словомъ ораторъ уставилъ палецъ къверху и посмотрѣвъ значительно въ глаза Рамирскому, повторилъ: ни къ прошедшему, ни къ будущему! Словомъ.... въслѣдствіе религіознаго *étancipation!*

Произнеся торжественно эти слова, какъ тайну великаго открытія, онъ поднялъ еще выше указательный палецъ, и молча не сводилъ выпученныхъ глазъ съ Рамирскаго, какъ-будто давая ему время прійти въ себя отъ удивленія.

Рамирскій дѣйствительно былъ пораженъ потокомъ словъ навязааннаго на него Ивана Карповича и не зналъ, какъ отдѣлаться отъ бѣды. Глаза его слѣдили за поэтомъ. Къ-счастью, какая-то звѣзда, ходившая по комнатѣ, какъ-будто съ подставной подбородой, вдругъ подошла и спросила:

— О чемъ разсуждаете, Иванъ Карповичъ?

— А вотъ, извольте ли видѣть, началъ Иванъ Карповичъ, обращаясь то къ звѣздѣ, то къ толстой особѣ, которая также подставила внимательное ухо и которой необходимо было привязаться къ кому-нибудь, чтобъ не казаться ничтожнымъ человѣкомъ до партіи въ преферансъ: извольте ли видѣть....

Рамирскій, не теряя времени, отступилъ шагъ другой отъ оратора; далѣе, далѣе; отъискалъ въ толпѣ поэта, хотѣлъ у него что-то спросить, но поэтъ декламировалъ какому-то внимательному слушателю цѣлую поэму наизусть.

— Мучитель! думалъ Рамирскій, выжидая съ нетерпѣніемъ конца поэмы.

— Пойдемъ къ дамамъ, *mon cher*, шепнулъ ему Дмитріцкій: спросимъ у нихъ, кто превосходитъе пишетъ: Сю или Западъ? Это будетъ забавнѣе.

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ Рамирскій.

— О, да тебя можно кормить стихами! сказалъ Дмитріцкій. Поэтъ былъ въ восторгѣ, что пашелся добровольный слушатель. Онъ вышелъ пзъ себя и началъ громко декламировать.

— Чтò это такое? раздалось со всѣхъ сторонъ.

И все двинулось съ мѣста и обступило его.

— А, вотъ это дѣло другое! сказалъ Дмитріцкій: на человѣка

который брезуется, любопытно смотреть, и я не прочь есть дру- гихъ.

Разгоряченный поэтъ, наконецъ какой-то ронотъ на людей сти- хами :

«Въ который день васъ создалъ Богъ?

Вы человекъ или зверь?»

оклинулъ яркимиъ взоромъ всѣхъ слушателей и сталъ стирать потъ съ лица своего.

— Bravo! вскричалъ Дмитрицкій.

— Это глупый сюрпризъ! проговорила тихо хозяйка, пожимая плечами.

— Charmant! повторилъ Дмитрицкій: посмотри, mon cher, какъ всѣ допрашиваютъ другъ друга взорами: «Въ который день васъ создалъ Богъ?...» Однако же, не довольно ли на первый разъ, не пора ли? Я думаю еще пробѣхать отсюда въ англійскій клубъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣчалъ Рамирскій, подходя къ юному поэту, котораго еще допрашивали нѣкоторые, что онъ читалъ.

Но къ нему не было доступу. Онъ снова началъ декламиро- вать стихи.

— О, Боже мой! о чемъ я хлопочу. Поѣдемъ! сказалъ нако- нецъ Рамирскій.

— Тебя, кажется, свелъ съ ума этотъ пинтъ своими стихами.

— Ахъ, да, они мнѣ напомнили....

— Что такое?

— Не спрашивай теперь, — грустно!

— Ну, передъ тобой; будемъ говорить о постороннихъ ве- щяхъ. Каковъ литературный вечеръ? Мы, впрочемъ, рано уѣха- ли. Тамъ одинъ заслуженный поэтъ, какъ мнѣ сказала хозяйка, будетъ читать стихотвореніе подъ заглавіемъ «Горы» или «Горе», она еще сама навѣрно не знаетъ. По обычаю, всѣхъ потребите- лей литературы, засадятъ за пресерансъ, а производители сами себя слушаютъ и, по системѣ взаимнаго восхваленія и должнаго приличія, вслухъ кричатъ: «Какой даръ!» а про себя: «Господи! что за бездарность!» Такимъ образомъ ты видишь образчики производителей и потребителей литературныхъ: у однихъ даръ даромъ, а другіе пользуются даромъ.... Ты, однако же, все мол- чивъ, mon cher, не слушаешь моихъ острогъ. Слышь?

— Ахъ, вѣтъ!

— Полно, не отрекайся. Грусть, mon cher, то же свидѣ- ніе, въ которомъ, какъ ни одѣвайся, все голъ. Ну, до свиданія!

— Да завтра? сказалъ Рамирскій, выходя нѣтъ: кареты.

— Ужь, конечно, я ворочусь назадъ.

Войдя въ переднюю номера, Рамирскій замѣтилъ стоящаго у дверей отставнаго офицера жалкой наружности.

— Чтѣ вамъ угодно?

— Вы извольте приказатъ явиться къ себѣ! робко отвѣчалъ офицеръ.

— Я?... Я не имѣю чести знать васъ.

— Такъ я ошибел-сь...

— Впрочемъ, здѣсь стоитъ также господинъ Волобужь.

— Такъ точно-сь, они вѣрно и приказали.

— Но онъ возвратится назадъ. Вы пожаловали бы завтра поутру.

— Очень хорошо-сь! сказалъ офицеръ, кланяясь.

Но вдругъ на лестницѣ раздався звучный шептъ: «Да, да, да!» Магнатъ обыкновенно, проходя крыльца, сѣни, переднія, подавалъ о себѣ голосъ какой-нибудь италянсконъ зрѣей.

— А! это вы, сказалъ онъ, замѣтивъ офицера: очень радъ! Что жъ вы ждете меня въ передней? Я вѣдь не такой большой господинъ, у котораго для людей, имѣющихъ въ немъ нужду, нѣтъ другаго мѣста кромѣ какъ у порога. Милости просимъ! Такъ вамъ нужна помощь? У васъ жена, дѣти?

— Жена, дѣти-сь....

— Жена и дѣти? скажите пожалуйста!... Здравствуйте, mon cher! Я раздумалъ ѣхать въ клубъ. Забылъ взять денеги, а это худой знакъ.... Куда жъ вы?

— Можеть-быть, я беспокою? сказалъ офицеръ.

— Э, несколько. Такъ у васъ жена и дѣти? Кажется, трое дѣтей?

— Трое-сь.

— Да, нѣтъ, у васъ четверо.

— Виновать, такъ точно-сь!

— И жена на снось?

— Такъ точно-сь.

— А велики дѣти?

— Старшей дѣвочкѣ, такъ, ужъ лѣтъ шесть-сь.

— Вы на службѣ женились?

— Нѣтъ, ужъ вышелши-сь.

— Да вы, кажется, и въ отставкѣ-то недавно?...

— Не такъ давно-сь, другой годъ.

— Другой годъ! а! И женаты слѣдовательно также другой

годъ. Стало-быть на первый же случай Богъ вамъ далъ троини, да и не то чтобъ грудныхъ младенцевъ, а ужъ такъ на возрастъ... лѣтъ по пяти, не правда ли?

— Какъ-съ? проговорилъ офицеръ, смущенъ.

— Да ужъ такъ, не иначе! Повѣрьте мнѣ, что такъ! Вотъ, топ егер, какъ бѣдныхъ людей преслѣдуетъ судьба: богатымъ совсѣмъ не дастъ дѣтей; а тутъ человѣку, который не знаетъ какъ самъ себя прокормить, вдругъ залпомъ троихъ подросточковъ.... Э—эхъ, Федоръ Петровичъ, стыдно! Вотъ ужъ этого-то не ожидалъ отъ васъ!

Офицеръ поблѣднѣлъ, задрожалъ какъ листъ, приподнялся со стула какъ уличенный въ преступленіи.

— Стыдно, господинъ Яликовъ, промышлять такимъ образомъ!

— Не погубите-съ! проговорилъ Яликовъ, готовый упасть на колѣни.

— Полноте, что вы это! Какъ ты думаешь, топ егер: у человѣка было огромное состояніе, была жена, — образованная дама высшаго тона, — все съ рукъ спустилъ! И вотъ теперь въ какомъ положеніи!

— Кто, я съ рукъ спустилъ? проговорилъ жалобнымъ голосомъ офицеръ: неправду вамъ сказали-съ, ей-ей неправду! Вотъ вамъ Христось, что я ни душой ни тѣломъ не виноватъ!

— Гдѣ жъ ваше состояніе? гдѣ жена? а?... Да отвѣчайте же!

— Не могу-съ!... Горько-съ!... Богъ съ ней! проговорилъ офицеръ, зарыдавъ и закрывъ лицо шляпой.

Сначала Рамирскій смотрѣлъ съ презрѣніемъ на офицера, котораго обманъ Дмитричій вывелъ на чистую воду, но когда онъ горько зарыдалъ, сожалѣніе глубоко проникло въ душу Рамирскаго.

— Если бъ ты зналъ, топ егер, жену его, — вотъ истинный ангелъ! Не правда ли, Федоръ Петровичъ? сказалъ Дмитричій.

— Да-съ, ангелъ, точно ангелъ! отвѣчалъ офицеръ, отирая глаза.

— Я думаю, вамъ ужасно какъ жаль Саломеи Петровны?

— Какъ же-съ.... жаль!...

— Нельзя и не жалѣть. Представь себѣ, топ егер, роскошнѣйшую женщину, красавицу, блестящаго воспитанія, полную чувствъ, музыкантшу, пѣвицу; ну, просто, очарованіе.... вышедшую по любви замужъ.... вотъ за нихъ. Великолѣпный домъ на

лучшей кофѣ, прислуга, экипажи, ну, словомъ, все — роскошь! Не правда ли, Федоръ Петровичъ?

— Дѣйствительно такъ-съ! отвѣчалъ Яликовъ, вслушиваясь съ грустію въ описаніе своего прошедшаго счастія.

— Не понимаю, какимъ же образомъ все это рушилось? спросилъ Рамирскій.

— Да поди, спрашивай виноватаго; пожалуй, обвинять и зайца, который перебѣжалъ черезъ дорогу Федору Петровичу, а если посудить глубже, такъ вся бѣда-то, какъ говорится, въ колыбели выкачена, на материнскихъ рукахъ вынянчена, родительскіи попеченіемъ взлелѣяна, добрыми людьми откормлена. Отчего, наприимѣръ, я Волобужъ, иностранецъ, а не Русской, не какой-нибудь Дмитрицкій? Я бы и былъ Дмитрицкій, если бѣ дома не научили меня играть роль смирнаго мальчика, тогда какъ я былъ шалуни; если бѣ въ пансіонѣ не научили меня играть роль отчаяннаго и лихаго малаго, тогда какъ я былъ трусъ. Такимъ образомъ разыгрывая чужія роли, можно забыть о своей собственной; подъ вѣчной маской сотрется собственное лицо, родной отецъ не узнаетъ роднаго сына. Понятно? Кто, наприимѣръ, поручится, что и я не виноватъ, что Федоръ Петровичъ, также по привычкѣ играть роли, вздумалъ разыграть передъ вами отца семейства, удрученнаго бѣдностью; кто поручится, что бѣдная супруга его, Саломея Петровна, не разыгрываетъ теперь роли Француженки и не завѣдываетъ какимъ-нибудь Чаровымъ.

— Да ужъ если правду говорить, такъ она и въ дѣвушкахъ была еще Француженкой! сказалъ Яликовъ: я это тотчасъ замѣтилъ, да каналья сваха надула.

Рамирскій съ грустнымъ удивленіемъ слушалъ слова Дмитрицкаго; имя Чарова его поразило, но онъ неволью усмѣхнулся на замѣчаніе Яликова. Дмитрицкій не былъ смѣшливъ и пресерьёзно сказалъ:

— Безъ-сомнѣнія, должно быть такъ, Федоръ Петровичъ.

— Да ужъ душа никогда не обманетъ, прибавилъ Яликовъ.

— Конечно, особенно ваша. Знаете что, Федоръ Петровичъ, вѣдь Саломея Петровна здѣсь....

— Гдѣ-съ? съ испугомъ спросилъ Яликовъ.

— Въ Москвѣ.

— У родителей-съ?

— Пѣтъ, отъ роли дочери она отвыкла. Хотите, я васъ съ нею сведу?

— Нѣтъ ужъ.... Богъ съ ней!.... Куда ужъ мнѣ.... Если бѣ хоть отдала мнѣ ломбардный билетъ.... Если бѣ вы изволили сдѣлать милость попросить ее, сказалъ Яликовъ, привставая съ мѣста и кланяясь.

— Вотъ задумали о ломбардномъ билетѣ! Вы, мужчина, не умѣли беречь денегъ, гдѣ жъ уберечь ихъ слабому нѣжному существу! Ее самое, дѣло другое, можете получить: я объ этомъ озабочусь.

— Нѣтъ ужъ, покорно благодарю! проговорилъ Яликовъ, снова вставая, я безпокоить не хочу Саломей Петровны.... Если бѣ какое-нибудь мѣстечко открылось.... потому что за квартиру вотъ, плачу цѣлковый въ мѣсяцъ; пища также—ужъ все проѣшь въ день гривенничекъ.

— Съ женой-то на снось и съ четырьмя дѣтьми? Послушайте! Мало!

— Это ужъ я такъ.... проговорился, сказалъ Яликовъ, стыдливо потупивъ глаза, потому что на той же квартирѣ живетъ одна очень хорошая женщина съ дѣтьми.... такъ она пригласила меня въ компанью, столъ держатъ вмѣстѣ.

— А! это дѣло другое; теперь понимаю: вы говорили: *жена съ дѣтьми*, я думалъ, что ваша собственная; но-выходитъ, что не ваша, а просто жена съ дѣтьми, вмѣстѣ съ которой вы держите столъ, вмѣстѣ приходы и расходы, такъ?

— Такъ точно-съ; я не умѣлъ объяснить хорошо сначала.

— То-то и бѣда: надо всегда хорошо объяснять все сначала, а не то люди подумаютъ, Богъ знаетъ, что.... Такъ вамъ нужно только теплое мѣстечко? Гдѣ жъ бы намъ найти его?

— Хотите ко мнѣ въ управляющіе, сказалъ Рамирскій: вы будете имѣть все готовое и пять-сотъ рублей жалованья. Все ваше дѣло будетъ состоять въ сборѣ и пересылкѣ ко мнѣ оброка.

— Ну, вотъ, хотите? прибавилъ Дмитрицкій.

— Какъ не хотѣть-съ, я бы очень желалъ.

— Ну, такъ дѣло и кончено. Завтра вы явитесь къ Федору Павловичу, а теперь можете отправиться домой. Вы гдѣ живете?

— Въ Зарядьѣ.

— Охо-хо! Такъ вы не разсердитесь, если я вамъ предложу вмѣсто пары гнѣдыхъ, чтобъ доѣхать до квартиры, пару си-

нихъ? Пожалуйста, не церемоньтесь, Федоръ Петровичъ, что за церемоніи между пріятелями.

Яликъ въ восторгѣ поклонился чуть-чуть не до земли.

— Приходите завтра ко мнѣ, часовъ въ девять утра, мы поговоримъ, сказалъ Рамирскій.

— Непремѣнно съ!

— Яликъ еще разъ поклонился и вышелъ.

— Доброе дѣло сдѣлалъ, mon cher, ей Богу доброе! сказалъ Дмитріичій, но выходѣ просителя: еслибъ ты зналъ, что это за карась и что за шука жена его.... Да ты, я думаю, догадался, что это за лицо?

— Право, нѣтъ.

— Ну, ты разбѣянь или спать хочешь.

Воображеніе Рамирскаго въ самомъ дѣлѣ было слишкомъ занято собственнымъ дѣломъ и потому онъ мало интересовался чужими.

— О какомъ Чаровѣ упоминалъ ты? спросилъ онъ.

— Тутъ есть одинъ Чаровъ, пустая голова, но богатое животное. А что?

— Такъ; я зналъ одного Чарова въ Петербургѣ.

— Овъ-овъ-овъ-овъ! Это я вѣрно знаю.

— Овъ женатъ?

— Кто, овъ? Да какой ууродъ, какъ онъ самъ говоритъ, пойдеть за него?

Смутное чувство затронуло Рамирскаго.

— Овъ богать и этого довольно, сказалъ онъ, вздохнувъ.

— Богать? Пустяки. У женщины есть тактъ и самолюбіе; умѣій бѣдникъ ничего, глупый богачъ также ничего. Но ни то, ни сѣ, ни ума, ни глушости—нельзя, mon cher: я говорю тебѣ, что у женщины есть тактъ: надо же любовь замѣнить хоть правомъ бросать деньги и свободой порхать на всѣ четыре стороны, а это животное не дастъ ни денегъ, ни воли. Я только разъ видѣлъ его и понялъ. Развѣ, вотъ, теперь, нашла коса на камень.... на Саломею.... Она, можетъ-статься, распорядится нитъ, какъ слѣдуетъ. Саломея Петровна! Ахъ, Саломея Петровна! Да нѣтъ, извини, аттанде: онъ поставитъ нитъ и тебя на карту!.... Ты не повѣришь, mon cher, что за страсть у меня къ этой женщинѣ. Она меня терпѣть не можетъ, а я не могу никому уступить ее—ни кому!.... Послушай, ты коротко знакомъ съ Чаровымъ?

— Да, я былъ знакомъ, но не желаю продолжать знакомства.

— Нѣтъ, для меня, среди меня съ нимъ, завтра же въ англійскомъ клубѣ.... Мнѣ хочется видѣть Саломею.

— Избавь, пожалуйста!... Не могу! Не хочу!

— Ну, ты только позови его къ себѣ, а ужъ я сойду съ нимъ самъ.

Рамирскій подумалъ. Любопытство узнать отъ Чарова о Нильской подстрекнуло его, и онъ рѣшился исполнить просьбу Амрицкаго.

А. ВЕДЪТМАНЪ

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ПУТЕШЕСТВІЕ

И ОТКРЫТІЯ ЛЕЙТЕНАНТА Л. ЗАГОСКИНА ВЪ РУССКОЙ АМЕРИКѢ.

=

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

=

Походъ къ низовью рѣки Иннока. Общее обозрѣніе орошаемаго ею края. Возвращеніе и пребываніе въ Иког-мють.

Три съ половиною недѣли мы питались одними налимами, по малой величинѣ которыхъ не могли лакомиться лучшимъ кускомъ этой рыбы, печенью. Наконецъ, въ исходѣ декабря, погода смягчилась, небо заволокло, пошелъ снѣгъ и стрѣлецъ мой, отправясь, 27, въ тундру, возвратился на утро съ оленемъ. Того же числа изъ Иког мюта привезенъ пузырь бѣлужьяго жиру. Праздники проводили сытно, слѣдственно весело. Вечеръ, 30 декабря, мы провели у туземцевъ на вечеринкѣ; подъ новый годъ угощали ихъ у себя; охотники до салныхъ свѣчъ, напрасно пытались войти во вкусъ восковыхъ, рѣшили, что это сало негодно для пищи: въ промежуткахъ между различныхъ туземныхъ плясокъ и русскаго казачка, я потѣшалъ публку зажигаю въ снѣгу камфору, давая нюхать мокрый табакъ, нашатырный спиртъ и прочее. Въ заключеніе къ общему удовольствію и удивленію спущено было

нѣсколько ракетъ. 10 января стрѣлецъ убилъ еще трехъ оленей и въ ту же ночь, при внезапномъ наступленіи мороза, едва не погибъ на открытой тундрѣ. 16, воротилась команда экспедиціи. 24, туземцы, разсматривая висѣвшій на воздухѣ термометръ, разбили его и тѣмъ лишили меня средствъ производить термометрическія наблюденія. У насъ было достаточно свѣжей провизіи, но команда редута начала чувствовать недостатокъ: ходъ наливновъ съ начала января прекратился; появленія снговъ слѣдовало дожидаться полтора мѣсяца: до нихъ мы посылали дважды своего стрѣльца; въ первый разъ безъ успѣха; во второй добыли еще одного оленя. Шкуры были тогда же разобраны туземцами по два бобра за каждую. Подговоренный проводникъ, отвезя свою семью на лѣтники, явился 6 февраля и 9 мы изготовили пять нартъ къ походу на рѣку Инвока *. Грузы на каждой нартѣ состояло по пяти пудовъ.

10 февраля. Облачно, временное просіяніе солнца, временскъ мелкій снѣгъ; тихо.

Въ 8 часовъ утра мы оставили редутъ и по довольно убитому ѣзженному слѣду, еще до заката солнца, достигли подъема, отъ котораго пролегаетъ перевосъ къ Иттегѣ; по пути останавливались для обѣда на одиночкѣ Кухлюхтакпакъ, въ которую перебрался три семьи изъ селенія Кыыгым-пайма. Съ жителями помянились обычными подарками. Не смотря на морокъ, ночевали подъ открытымъ небомъ.

11 февраля. Облачно; N тихій, довольно морозно; въ ночь мелкій снѣгъ.

Въ этотъ день мы прошли по убитой вѣтромъ тундрѣ около пятнадцати миль по направленію къ NW 8° праваго компаса. Перевосъ пролегаетъ свачала горнымъ потокомъ Тачаталатна, потомъ рѣдкимъ чапыжникомъ и небольшими чистыми прогалинами. Мы ночевали на вершинѣ перевала; подъемъ на него не чувствителенъ; съ него горизонтъ ограничивается къ сѣверу прибрежными горами праваго берега Кывхпака, находящимися при селеніи Анилухтакпакъ; къ югу хребтомъ Кыхмулитъ, отдѣляющимъ бассейнъ Кускоквинма отъ водъ Нушагакскихъ. Собственно перевалъ на разстояніи двухъ миль, пролегаетъ чрезъ узкую долину, заключенную между отроговъ купы Ташатулитъ и невы-

* Въ своемъ мѣстѣ мы показали, что отдѣльныя части этой рѣки называются различно двумя разноплеменными народами; въ описаніи похода мы употребляемъ то, которымъ называютъ низовье этой рѣки проживающіе на ней туземцы.

окой горной цѣпью праваго берега Кусковкина. Стрѣлецъ, простудившійся 10 прошлаго мѣсяца, почувствовалъ ломоту и судороги въ лѣвой ногѣ: я отиѣнилъ его отъ нарты и совѣтовалъ воротиться, однако этотъ усердный и дѣльный человекъ, не желая отстать отъ экспедиціи и надѣясь, что авось пройдетъ, отказался отъ моего предложенія.

12 февраля. До полудня морокъ, потомъ ясно, тихо.

Морокъ, то есть, обманчивый снѣгъ, слово употребляемое въ простонародіи, отчетливо выражаетъ называемое имъ явленіе: если свозъ морокъ проглядываетъ чистая лазурь неба и солнечные лучи по временамъ прорѣзываютъ мглу, окружающую это свѣтло, то снѣговые кристаллы падаютъ особеннаго вида крупными звѣздочками и въ слѣдъ за тѣмъ небо внезапно очищается, не представляя ни одного облачка. Морокъ можно назвать зимнею росой.

Отъ вершины перевала до перехода чрезъ рѣку Уалликъ, при которой мы расположились для ночлега, полагаемъ близь 16 миль. Все это пространство состоитъ изъ низкой тундры усѣянной озерами, по берегамъ которыхъ растутъ небольшіе таловые кустарники; со всѣмъ тѣмъ страна богата: въ однихъ озерахъ изобильно водится рыба имагнатъ и спутницы ея, выдры и выхухоль; въ другихъ бобры строятъ свои бораборы. Цѣпь горъ протягивающаяся въ сѣверу отъ купы Ташатултъ до лѣваго берега Иттегѣ, видна съ пути въ 25 и 30 миляхъ; отдѣльныя ея группы туземцы называютъ Чуажутъ, Тагасушку и Нантлинде. Уалликъ беретъ свое начало со склоновъ двухъ первыхъ хребтовъ.

Проводникъ нашъ, Тышаецъ племени Югъ-ельмутъ, не довольно хорошо владѣетъ языкомъ народа Канъ-юлтъ, разговорнымъ между нами, и потому не рѣдко мы не можемъ получить отъ него удовлетворительныхъ отвѣтовъ, въ особенности при переводѣ названій.

13 февраля. Малооблачно; N умѣренный; довольно морозно. Для отдыха собакъ дивали. По меридиональной высотѣ солнца опредѣлена широта мѣста 61°, 56', 47".

14 февраля. Облачно, просіяніе солнца, N тихій.

Перейдя Уалликъ, мы попали на едва примѣтный вѣженный слѣдъ, которымъ и шли во весь день по главному направленію къ сѣверу. Тундра этихъ мѣстъ довольно лѣсиста и перерѣзана небольшими рѣчками, изъ которыхъ главнѣйшая Куликъ, шта-

ны», одна изъ притоковъ Уалликъ. Пройденное разстояніе полагаемъ въ четырнадцать миль.

Предъ обѣдомъ сблизилъ было со слѣда, разбрелся его искать. толмачъ Курочкинъ возвратился къ нартамъ съ живой лисицей: онъ нашелъ ее спящею и ошеломилъ хворостиной. Проводникъ говорить, что это «Аситукъ», — худо или худая примѣта. Мы сняли шкуру; лисица выходная.

15 февраля. До полудня малооблачно; N утренний; по полудни NO утренний, облачно, временемъ порокъ.

Въ обѣду, мы пришли на одиночку одного туземца изъ селенія Анилухтакнакъ. У проводника отъ неправильныхъ лапокъ распухли ноги у щиколотокъ, и онъ упросилъ насъ остановиться для отдыха. Одиночка эта называется Каувакъ и расположена на берегу небольшой рѣчки Наумгыкъ, впадающей въ одинъ изъ притоковъ Уаллика. Радужный туземецъ очистилъ одну сторону своей уютной хижины, и сознаемъ, что это былъ первый зимникъ по чистотѣ, изъ всѣхъ, въ которыхъ намъ удавалось останавливаться въ теченіи двухъ лѣтъ, проведенныхъ при обзорѣніи всего края. Въ этотъ день пройдено съ небольшимъ шесть миль по главному направленію къ NO 15°.

16 февраля. Пасмурно, довольно морозно, мелкій снѣгъ; W тихій.

Ласковый туземецъ, провожая насъ по своей усадьбѣ, указалъ ближайшее направленіе къ выходу на рѣку Иттегè, такъ, что мы выгадали цѣлый день. Иттегè на мѣстѣ выхода до двѣнадцати сажень ширины; лѣвый ея берегъ нагорный, правый луговой.

Несмотря что мы довольно измучились переходомъ двѣнадцати миль по взятому напрямки румбу чрезъ лѣса и довольно крутые холмы, усилившаяся болѣзнь стрѣльца рѣшила насъ добраться до селенія туземцевъ. Посады его на карту, въ семь часовъ вечера мы пришли на жило Инсельностланде или Катыхкат-миуть, къ туземцу, съ которымъ мы познакомились осенью, при объявленіи главныхъ помпокъ въ Икалгивиг-миуть. Пройденное нами разстояніе по рѣкѣ считаемъ по главному направленію къ сѣверу пять миль.

Кантельнукъ, «безчашпый», пмя нашего знакома, одинъ изъ важнѣйшихъ торговцевъ съ редутомъ Колмакова, въ сообщеніяхъ съ Русскими, занялъ нѣкоторые наши обычаи. Въ чистомъ обширномъ его жилищѣ мы нашли скамейки и стулья, а самого въ полномъ европейскомъ нарядѣ, то есть, въ рубахѣ, въ нижнемъ платьѣ и картузѣ: доказательство, что туземцы въ домашнемъ

быту начинаютъ понимать удобство нашей одежды. Мужчины и женщины одарили насъ, смотря по своему достатку, различными запасами, а нѣкоторые и пушными промыслами. Вечеромъ всѣ плясали по квихнакски. Въ кажимѣ мы нашли особое украшеніе — люстру, весьма замысловато сдѣланную изъ таловыхъ обручей; въ ней горѣло шесть жирниковъ.

Жило Инсельностленде состоитъ изъ двухъ зимниковъ, въ которыхъ проживаетъ тридцать-три души, обоого пола.

17 февраля. Облачно, по утру маловѣтріе NO; по полудни S умеренный.

Кантельнукъ вызвался сопутствовать намъ до крайняго жила во Иттегѣ, и потому этотъ день оставались для его сборовъ; семья его приняла большого на свое повеченіе.

18 февраля. Облачно, довольно морозно, S умеренный.

Съ половины осьмага утра, мы двинулись въ путь и весь день шли безъ лапокъ ѣзженнымъ слѣдомъ туземцевъ. Главное направленіе пути къ жилу Хунгитетактенъ пролегаетъ на NO 18°, по лѣвому берегу Иттегѣ, мѣстами чрезъ некрупный еловый лѣсъ, мѣстами чрезъ небольшія озерки. Не доходя мнѣи полторы до этого жила, намъ попался туземецъ, ѣхавшій было за кормомъ на лѣтникъ; узнавъ въ насъ Русскихъ, онъ оставилъ собакъ, карту, жену и бросился опретью назадъ и уже предъ своимъ селеніемъ встрѣтилъ насъ вторично, въ званіи посла и въ сопровожденіи двухъ стариковъ одѣтыхъ въ новыя собольи парки. Всѣ они поднесли намъ таловыя вѣтви, какъ знакъ мира. Давъ обѣщаніе остановиться у нихъ на возвратномъ пути, мы съ закатомъ достигли многочислѣннѣйшаго въ этомъ краѣ селенія Ильтеплейденъ или Упагун-Чагелюг-мюгъ, пройдя въ день вѣрныхъ двадцать миль. Селеніе Ильтеплейденъ состоитъ изъ шести зимниковъ, въ которыхъ должно считать болѣе ста душъ обоого пола, но большую часть молодежи мы не захватили: наступила пора собольнаго промысла и они ушли въ близлежащія горы.

Старикъ лѣтъ за семьдесятъ, дядя нашего проводника, принялъ карты подъ свое сохраненіе, подарилъ намъ двухъ бобровъ и четырехъ огромныхъ осепныхъ палимовъ; другіе нанесли въ подарокъ кроликовъ, куропатокъ, тетерокъ, весьма вкусной сиговой иволы, толкуши и прочаго. Приходъ нашъ на каждое жило составлялъ праздникъ, но въ этомъ приѣмѣ и въ слѣдующихъ главное спасибо Кантельнуку: онъ толковалъ туземцамъ, не выдавшимъ Русскихъ, какъ слѣдуетъ принимать гостей, то есть дать намъ вре-

ня убрать нарты, накормить пастъ, не тревожить просьбами купить то или другое, до-тѣхъ-поръ пока мы къ тому не расположимся; не подходитъ къ нашимъ собакамъ, изъ которыхъ нѣкоторые кусались, и прочее. Мы съ своей стороны, узнавъ туземные обычаи, старались по возможности имъ слѣдовать: все, что было намъ нужно, требовали представляя на лицо товары для обмѣна; ложились спать по ихъ обыкновенію головою къ срединѣ кажима, не смотря на то, что въ ночное время случилось мужьямъ шагать черезъ наши головы; не прорубали ледъ топорами, не выѣли ни какихъ сношеній съ женщинами и безъ приглашенія не ходили въ зимники. Возвратя за сдѣланные подарки по соразмѣрности, мы оставляли для стараго и малаго табакерку и кисеть * и такимъ обращеніемъ вездѣ находили помощь при сборахъ на слѣдующее утро. Туземца подарками вы не удовлетворите: онъ будетъ просить все болѣе и болѣе, это естественно; но табакерку табаку, предложенную открыто всѣмъ въ кажимѣ, они считаютъ какъ бы общеою; и мы во все время нашихъ походовъ ни разу не замѣтили, чтобъ который либо туземецъ воспользовался табакомъ болѣе того, сколько ему было потребно на одинъ разъ, въ свое время.

19 феврал. Поутру крѣпкій морозъ, малооблачно, N тихій; съ полудня SWO тихій, облачно, мелкій снѣгъ, W умѣренный.

Человѣкъ двадцать дѣтей, старухъ и пришедшихъ въ ночь промышленниковъ провожало насъ до слѣдующаго селенія Тлегожитно, отстоящаго отъ Ильтенлейденъ напрямки черезъ лѣсъ и порядочное озерко, не болѣе какъ на три съ половиною миль. При Тлегожитно впадаетъ въ Иттегѣ протокъ одного имени съ селеніемъ, отдѣлившейся отъ вершины Ццеяка. По обычаю, туземцы просили насъ остановиться ночевать, имѣя въ томъ и свои выгоды,—во-первыхъ вдоволь наглядѣться на голубоглазыхъ, послушать разсказовъ нашего толмача; во-вторыхъ попользоваться табакомъ и другими мелочами. Мы обмѣнялись подарками и, взявъ частнаго проводника для провода прямымъ путемъ къ слѣдующему селенію, пошли далѣе. Бѣженнаго слѣда не было. Снѣгъ, перемерзнувъ, разсыпался какъ песокъ. Мы слѣдовало опредѣлить астрономически, хотя одно мѣсто по Иттегѣ, съ которымъ можно было бы согласовать весь обзоръ здѣшняго края. Дѣлать продолжительныя наблюденія въ селеніяхъ было безпокойно отъ

* Всѣ вообще туземцы Квихпака и Кусковина курятъ табакъ смѣшавъ его съ тополевою корой, или березовымъ и таловымъ деревомъ.

любозытныхъ, по этому, выбравъ мѣсто на правомъ берегу Иттегѣ, въ крупной еловой рошѣ, мы расположили свой станъ еще довольно за-свѣтло, въ четырехъ миляхъ отъ Тлегожитво.

20 февраля. Пасмурно, до полудня WNW крѣпкій; довольно морозно; къ вечеру выспѣло; по просѣну опредѣлена широта мѣста $62^{\circ} 47' 00''$; долгота по разстоянію луны отъ Аллебарана $159^{\circ} 09' 42''$, западная отъ Гренича.

21 февраля. Ясно, морозно N утренній.

Отъ опредѣленнаго нами пункта до жила Хулигичагатъ, перелѣсками и частой тундрой, десять миль по главному направленію къ NW. 10, мы шли то рѣкою, то по правому ея берегу. Въ семи миляхъ не доходя Хулигичагата находится на лѣвомъ берегу Иттегѣ небольшое селеніе Тожгельёде; лѣтники этого селенія расположены противъ одного изъ устьевъ протока, выпавшаго изъ Квихпака въ Иттегѣ и называемаго туземцами Ццеяка. По пути мы встрѣтили пять вартъ жителей селенія Ильтенлейденъ, возвращавшихся съ приморья; они сказывали намъ, что сдали свои пушные промысла на жилѣ Квиххтагукъ, за лавтаки и оленьи шкуры; посѣщали и редуть Святаго Михаила, но тамъ не могли достать необходимыхъ для нихъ предметовъ.

Жило Хулигичагатъ расположено въ топольникахъ, на лѣвомъ берегу Иттегѣ и состоитъ изъ пяти зимниковъ; жителей обоого пола не свыше семидесяти душъ: со многими изъ нихъ мы видѣлись прошлой осенью въ селеніи Важичагатъ. Двѣ семьи Улукаг-миуть, собирающія здѣсь долги, увѣдомили насъ о благополучномъ состояніи нашего заселенія въ Нулато. Жиломъ Хулигичагатъ кончаются заселенія Ттынайцевъ племени Инкилковъ-Югъ-ельнуть. Несмотря на то что большая часть жителей только передъ нами воротились съ приморья, вечеромъ сдѣлана была игрушка, на которой они плясали и пѣли свои народныя пѣсни.

22 февраля. Ясно, до полудня N свѣжій; морозно; послѣ N крѣпкій.

Въ полдень, опредѣлявъ широту мѣста селенія въ $62^{\circ} 54' 10''$ и взявъ другаго частнаго проводника, — Кантельнукъ остался на жилѣ, — мы отправились вверхъ по рѣкѣ, но не прошли болѣе трехъ миль, какъ по свѣжести вѣтру принуждены были укрыться въ лѣсу праваго берега; перемерзшій, сухой снѣгъ такъ сильно несло низомъ, что въ пяти шагахъ не видно было человѣка. Въ полу-миль выше Хулигичагата находится верхнее устье Квихпака-го протока Ццеяка.

23 февраля. Ясно, до полудня NNO умирный; довольно морозно; ка-
слъ NNO снѣгій.

Мы собирались въ путь, какъ подошли къ намъ двое молоде-
дыхъ Улукаг-иуотъ, отправленные на ближайшее селеніе для
сбору пушныхъ промысловъ. Мы пошли вмѣстѣ, но и въ этотъ
день не великъ былъ нашъ переходъ: всего осемь миль по глав-
ному направленію къ NW 45°. Инвока протекаетъ большими из-
гибами по долинѣ, отъ семи до десяти миль шириною. Прибреж-
ныя горы, окружающія эту долину, тянутся въ горизонтъ не вы-
сокой однообразной цѣпью, поросшею мелкимъ еловымъ лѣсомъ;
по долинѣ строевая ель попадаетъ только кучами, на неболь-
шихъ бугоркахъ, составляющихъ какъ бы островки среди низ-
менной тундры; тальники и ольховникъ окаймляютъ берега рѣ-
ки; ширина ея отъ ста до полутора саженъ; возвышенность бе-
реговъ до пятнадцати футъ; наносовъ не видно, но со словъ ту-
земцевъ это потому, что по берегамъ всей средней части рѣки
Инвока большихъ лѣсовъ не растетъ.

24 февраля. Мало облачно, довольно морозно, N крѣпкій, по горизонту
мгла.

Оставались на мѣстѣ.

Туземецъ зная, что куда ни прійдетъ, вездѣ будетъ накормленъ,
не возить съ собою много пищи, — двѣ, три юколы и только. Ес-
ли же, какъ въ настоящемъ случаѣ, бываетъ застигнуть непого-
дой, то спитъ безъ пробуду. Во время нашихъ походовъ мы дѣ-
лались своими запасами съ попутчиками, не различалъ въ пищѣ
себя отъ проводниковъ, и, конечно, по этому всюду встрѣчали
и готовность къ услугамъ и ласковый пріемъ остальныхъ жи-
телей.

25 февраля. Ясно, N умирный.

Къ ночи мы пришли на жло Тталты или Тотасхольдевъ
первое селеніе племени Тлегонъ-Хотана или Инкалх-люатовъ,
то есть дальнихъ Инкалитовъ. Пройденное нами разстояніе сего-
дня считаемъ въ десять миль по направленію къ NO 66°. Жило
находится на правомъ берегу рѣки и состоитъ изъ трехъ зим-
никовъ. Намъ встрѣтили одиѣ женщины. Послѣ восторженной
ихъ радости и обмѣну подарковъ, двое изъ нихъ ушли въ горы
правой стороны, за мужьями, промышлавшими оленей, предоста-
вя намъ полное хозяйство въ кажимѣ. Почти двухъ-часоваго тру-
да стоило намъ очистить отъ сору и снѣгу этотъ караванъ-са-
рай. Племя Тлегонъ-Хотана, проводя жизнь болѣе кочевую ве-

вели охладу, но слѣдуетъ обычаю приморскихъ народовъ, проводить время или париться въ каминахъ и потому ставить ихъ только для приходящихъ торговцевъ. Ввечеру, несмотря на отсутствіе мужей, женщины не отказались посѣтить насъ; старухи мы помли чаепъ, другихъ подчивали сахаромъ и табакомъ.

26 февраля. Ясно, N тихій.

Дневали.

По меридіональной высотѣ солнца широта мѣста опредѣлена въ 62° 00' 33". Въ сумеркахъ подъ пѣснями и въ національномъ своемъ нарядѣ, возвратились изъ горъ двѣнадцать человекъ мужчинъ. Въ 1839 году, они оказали большую услугу креолу Колмакову, увѣдомленіемъ его объ истребленіи нашего заселенія въ Иког-миутъ и указаніемъ ближайшаго пути для перехода на Кускоквима. Пользы Россійско-Американской Компаніи требовали поощрить такое расположеніе туземцевъ, и мы по неимѣнію другихъ вещей, исключая табаку, отдали съ себя главнѣйшимъ старикамъ послѣднія рубахи *. Сдѣлавъ большой переходъ, все мужчины казались утомленными и потому были отпущены нами безъ дальнѣйшихъ распросовъ.

27 февраля. Ясно, N свѣжій; оставались на мѣстѣ.

Намѣреваясь осмотрѣть весною верховье Кускоквима, намъ до вступленія распутицы слѣдовало бы еще разъ побывать въ Иког-миутъ, за нѣкоторыми оставшимися запасами и особенно за лавтаками для байдарокъ; по этому селеніе Тталиты мы положили предѣломъ обзора страны, орашаемой рѣкою Иннока.

Журнала поѣздки Колмакова по этой рѣкѣ не находится въ Ново-Архангельскѣ и мы были бы совершенно лишены всехъ свѣдѣній о ея верховыхъ частяхъ, если бь случайно не сохранилась составленная имъ карта, правда безъ всякихъ соображеній съ масштабомъ или какими либо правилами; по подробностью надписанныхъ на пей частностей, какъ-то: изгибовъ рѣки, направленія хребтовъ, положенія лѣсовъ, утесовъ, селеній и прочая, достаточно знакомящая съ посѣщенною имъ странюю.

На приложенной нами картѣ мы положили рѣку Иннока ** со-

* Нижнія оления парки надѣваемые обыкновенно шерстью къ телу, не дозволяли намъ въ походахъ носить бѣлье, и потому по одной рубахѣ у каждаго изъ насъ было только для случаевъ, когда приводилось почевать въ туземныхъ селеніяхъ.

** Рѣку Иннока Колмаковъ называлъ на своей картѣ Легономъ, то есть, Тлѣгомъ; это было причиною, что мы только здѣсь на мѣстѣ узнали, что

образно чертежу Колмакова, исправляя главное ея направление склоненіемъ компаса. Здѣсь, согласивъ замѣтки, сдѣланныя имъ на своей картѣ, съ показаніемъ туземцевъ и своимъ собственнымъ обзоромъ мѣсть въ верховьяхъ Кивхпака и Кускоквима, съ довольною увѣренностью въ вѣрности данныхъ, помѣщаемъ нѣкоторые топографическія и статистическія о ней свѣдѣнія.

Рѣка Инвока протекаетъ по обширной тундристой равнинѣ, находящейся между двумя горными цѣплями, раздѣляющими бассейны Кивхпака и Кускоквима. Главный ея истокъ составляетъ рѣка Тлѣгопъ, которая образуется изъ нѣсколькихъ горныхъ потоковъ, стекающихъ со склоновъ хребта, прилегающаго къ правому берегу Кускоквима. Слѣдуя по почлегамъ Колмакова, мы видимъ, что онъ до вершины Тлѣгона шелъ два дня по рѣкѣ Точотно, два дня по рѣкѣ Почотно и, наконецъ, три дня по переносу, который онъ полагаетъ въ тридцать-шесть верстъ *. Переносъ по невысокимъ отлогимъ и безлѣснымъ холмамъ Колмаковымъ означенъ весьма удобнымъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ отрядъ съѣлъ въ байдарки, Тлѣгопъ показанъ двадцати сажень ширины, протекающій по каменистому ложу въ узкой горной долині. Четверо сутокъ плыль Колмаковъ этой рѣкою съ весьма быстрымъ теченіемъ по главному направленію къ NN 35°, до перваго туземнаго селенія, называемаго Тлѣгопъ. Рѣка подъ жиломъ протекаетъ къ западу, шприною въ руслѣ до семидесяти-пяти сажень; берега ея низменны, опушены на небольшое разстояніе внутрь материка таловымъ и ольховымъ кустарникомъ; островершинныхъ горъ въ горизонтѣ не видно; здѣсь по тундрѣ состоитъ наиболѣе изъ тонкой лѣствины и словаго чапыжника. Нѣсколько ниже этого селенія соединяется съ Тлѣгономъ протекающая отъ сѣвера рѣка Ттачегпо, съ вершины которой туземцы переходятъ на рѣчку онъ осмотрѣлъ отъ вершины почти до устья ту рѣку, которая колоніальному начальству извѣстна была уже съ 1838 году подъ названіемъ Чагелюка. По нецѣпью толмача селенія туземцевъ у него означены общимъ именемъ Калчагъ или правильнѣе Голцагъ, «Бродячіе», — прозваніе придаваемое Келайцамъ всѣмъ соплеменникамъ, проживающимъ во внутренней материка.

* Мы считаемъ этотъ переносъ короче, потому что съ товарами, припасами и пятью байдарками, которыя Колмаковъ имѣлъ при себѣ, невозможно перенестись за одинъ разъ. Полагая всего одинъ оборотъ, команда его въ день должна была дѣлать тридцать-шесть верстъ, то есть, отвести на двѣнадцать верстъ первыя поклажи, воротиться и взять остальной грузъ.

Юкутибъ, а изъ нея выплываютъ на Юв-а или Квихпакъ *. По соединеніи Тлѣгона и Ттачегно рѣка получаетъ отъ племени, проживающаго въ ея верховьѣ, названіе Шильтопотибъ, а отъ низовыхъ жителей Инвока; главное ея направленіе уклоняется къ юго-западу до совпаденія съ выпавшимъ изъ Квихпака протокомъ Цдеака. Отсюда, какъ уже извѣстно читателямъ, рѣка еще разъ мѣняетъ названіе и называется у одного племени Иттегѣ, у другого Чагелюкъ.

Отъ селенія Тлѣгонъ до Ттаиты, «Быстраго теченія», по берегамъ рѣки находятся еще три небольшія жила называемыя Тлегокохкакать, Тлекъ-этъ и Кхольдикать. Окрестная тундра вообще малолѣсна и усѣяна многими озерами. Изъ главныхъ

* При слѣдованіи нашемъ къ верховью Квихпака мы проходили тѣ мѣста, на которыя выходятъ племена Тлѣгонъ-Хотана, но не имѣя порядочнаго толмача, не могли добиться подробностей. Переноса и названія ерешносной рѣчки, которой устье, по всѣмъ вѣроятностямъ, должно находиться въ протокѣ Нотлягелята, между пунктами обсервацій 16 и 18 июня. Если бъ экспедиція начала свои изслѣдованія отъ юга, то есть, редута Колмакова, то результаты были бы удовлетворительнѣе. На Кускоквинѣ къ намъ присмотрѣлись туземцы и изъ нихъ мы могли бы имѣть довольно хорошаго и, главное, приверженнаго толмача, для переговоровъ съ верховыми жителями, между-тѣмъ какъ начавъ обзоръ изъ Нулато, мало того, что въ походахъ намъ приводилось вести себя крайне осторожно съ подозрительными торговцами, на мѣстѣ самаго назначенія, мы принуждены были терпѣть многое по совершенному незнанію мѣстности и туземныхъ способовъ къ пропитанію. Начавъ свои дѣйствія съ Кускоквина, отъ опытнаго управляющаго редутомъ мы многое свѣдали бы заранѣе, привыкли бы исподволь къ избранному роду жизни, познакомились бы съ постройкой и тѣлой на байдаркахъ и тѣмъ не только набѣгли бы всѣхъ трудностей, перенесенныхъ нами при плаваніи на-байдарѣ къ верховью Квихпака, но, вѣроятно, осмотрѣли бы эту рѣку на большое протяженіе. Привыкнувъ къ климату, познакомясь съ обычаями туземцевъ, вторую зиму мы ходили бы, можно сказать, прогуливаясь. Воля, страсть къ путешествіямъ, твердость характера при обзорѣ странъ неизвѣстныхъ, еще не все значать для успѣха. Потребна опытность. Какая польза для науки, если бъ намъ довелось пролежать гдѣ-нибудь нѣсколько сутокъ подъ снѣгомъ, съѣсть своихъ собакъ, подошвы и прочее, безъ успѣха въ главномъ дѣлѣ, то есть, обзорѣ или описи опредѣленнаго пункта. Такіе случаи какъ бы они не выражали героизмъ путешественника, право, довольно обыкновенны между туземцами и охотниками всѣхъ странъ и всего чаще происходятъ если не отъ оплошности, то навѣрное отъ неосмотрительности.

небольшых рѣкъ, впадающихъ на этомъ протяженіи въ Иннока, замѣчательнѣе другихъ рѣка Ялчикатна или Тачайчагатъ. Посредствомъ ея и рѣчки Точотно племя Тлѣгонъ-Хотана имѣетъ сообщеніе съ проживающими въ верховьяхъ Кукоккима. Колмаковъ опредѣляетъ этотъ переносъ въ шестидесять-пять верстъ протяженія и отзывается объ немъ, какъ о весьма гористомъ и трудномъ для переходу въ лѣтнее время. Въ тѣснинахъ или ущельяхъ онъ шелъ по сѣѣгу, въ первой половинѣ іюля.

Страна, орошаемая рѣкою Иннока и ея притоками, за исключеніемъ низовыхъ мѣстъ, обитаемыхъ племенемъ Инкалитовъ Югъельнугъ, богата бобрами и выдрами; въ ея тундрахъ многочисленные табуны оленей и американскіе лоси находятъ себѣ обильное пропитаніе; лисицы, рыси и росомахи водятся повсюду, преимущественно близъ береговъ рѣки; кролики, тетерки, куропатки, можно сказать, наполняютъ лѣса. Мы платили за одного кролика, или за пару тетерокъ и куропатокъ, до одному большому листу табаку. До тѣхъ мѣстъ, до которыхъ мы доходили, рѣка также весьма изобильна рыбой. Колмаковъ въ свою поѣздку, приобрѣлъ мѣною отъ жителей болѣе ошенисть бобровыхъ шкуръ. Въ настоящее время невозможно опредѣлить съ точностью промысловъ, поступающихъ съ этой рѣки къ нашимъ селеніямъ, потому что частью Улукаг моты, частью сами туземцы передаютъ ихъ къ приморью для промѣна на Колымскомъ рынкѣ, какъ о томъ намъ сказано въ обзорѣ приморской торговли.

28 февраля. Ясно, N утренний; кривій утренникъ.

Съ устья Ялчикатна, находящагося въ милѣ къ верху отъ селенія Тталиты, Колмаковъ означилъ на своей картѣ румбы нѣкоторыхъ примѣтныхъ пунктовъ. Мы желали удостовѣриться въ вѣрности его пеленговъ и поутру, въ сопровожденіи всего народонаселенія, пришли къ тому мѣсту: опредѣленія его достаточно правильны и съ переводомъ на правый компасъ — слѣдующія: Видимыя горы праваго берега Квихпака прямо на W въ 30 миляхъ; оконечность высокостей праваго берега рѣки Иннока на NN 8° въ 25 миляхъ; группа горъ, содержащихъ въ себѣ истоки Ялчикатна и Точотно, на NO 70° въ 30 миляхъ.

Отсюда мы разстались съ добросердечными туземцами и ночевали на прежнемъ своему стану 23 и 24 чиселъ.

29 февраля. Ясно, довольно морозно, N утренний.

Безъ всякихъ особенныхъ случаевъ мы прошли мимо Хулигчагатъ и ночевали отъ него въ полуторѣ мили.

1 марта. Ясно, тихо, довольно крѣпкій утренникъ. Ночевали на жилѣ Тлѣгожитно.

2 марта. Ясно, тихо.

На жилѣ Ильтенлейндъ мы узнали, что стрѣлецъ нашъ, повравясь въ здоровьи, на дѣлхъ перешелъ въ близлежащія горы, для промысла олешей вмѣстѣ съ туземцами. Это обстоятельство принудило насъ остановиться и послать за нимъ парту. Вечеромъ мы всё соединились, однако надежда на олешье мясо не сбылась.

3 марта. Ясно, N умѣренный.

При слѣдованіи впередъ, мы дали слово туземцамъ тѣхъ селеній, по которымъ проходили ночевать при возвратѣ; такъ нынѣ прійдя на жили Хунштетахтенъ до полудня, вынуждены были исполнить свое слово и остатокъ дня провести въ бездѣйствіи. Подарки, пѣсни, пляски шли обычнымъ своимъ чередомъ.

По меридиональной высотѣ солнца шпрота мѣста селенія опредѣлена, въ 62° 32' 12".

4 марта. Ясно, тихо.

Къ ночлегу перешли въ селеніе Инсельностленде къ Кантельнуку.

5 марта. Ясно, довольно морозно, NO умѣренный.

Намѣреваясь съ этого селенія перейти прямо въ Икогмиотъ мы разсчитались съ проводникомъ, взятымъ съ Кускоквина, давъ ему свидѣтельство въ добромъ поведеніи и усердіи къ Русскимъ; однако и отсюда не пришлось намъ итти однимъ. Къ весеннему времени для чавычнхъ сѣтей и олешнхъ петель туземцы имѣли надобность въ лавтакахъ и, зная, что этимъ товаромъ редутъ Колмакова бѣденъ, расположились итти съ нами. Сборы ихъ держали насъ на мѣстѣ.

Кантельнукъ предлагалъ мнѣ мальчика лѣтъ семи, сироту, весьма бойкаго; конечно онъ могъ бы получить достаточное образованіе въ новоархангельской школѣ, быть хорошимъ работникомъ у Русскихъ, по никогда полезнымъ для своего края. Образцовыми школами для туземцевъ, по нашему мнѣнію, должны быть каждое наше заселеніе въ этой странѣ, въ которыхъ туземецъ видѣлъ бы пользу разведенія овощей, пользу порядочной опрятной жизни, пользу нѣкоторыхъ ремеслъ, какъ-то: дѣланія кирпича, кладки печей, плотничанья и прочая. Притомъ мы опасались, чтобъ туземцы не раскаялись и впоследствии, сожалѣя о ребенкѣ, не причинили бы какихъ непріятностей въ нашихъ заселеніяхъ. Въ 1800 году, іеромонаху Ювешалію, Аглемиоты и Кускоквинцы

также сначала безусловно отдали многих своих дѣтей, но послѣ, подстрекаемая матерями, самого его убили.

6 марта. Облачно, S утрешний, крѣпкій морозъ; въ ночь N утрешний; морокъ.

Частыя сообщенія туземцевъ, населяющихъ берега Иттегё съ соплеменниками своими, проживающими въ селеніяхъ Авангъ и Авилухтакпакъ представляютъ возможность, въ переходахъ на эти жила, пользоваться въ зимнее время хорошимъ убитымъ слѣдомъ; такимъ путемъ, избѣгая частыхъ изгибовъ рѣки мы перешли къ ночлегу въ Авилухтакпакъ, отъ селенія Инсельностленде, по прямому направленію къ SW 30°, островъ или вѣрнѣе нѣсколько острововъ, образуемыхъ рѣками Иттегё, Квихпакомъ и ея притоками. Внутренность этихъ острововъ состоитъ изъ низменной тундры, усаженной озерами: морды и заколы, оставленные съ осени, доказываютъ, что въ нихъ водится рыба имагнать.

7 марта. Ясно, NW утрешний.

Двоимъ туземцамъ Авилухтакпака приглянулись мои парки. Кончая зимній походъ, мы однако не могли съ ними разстаться до прихода въ Иког-миуть, и вотъ туземцы слѣдуютъ за нами. Двѣ свои парки изъ оленьихъ маточныхъ шкуръ я отдалъ имъ за десять бобровъ перваго сорта. Конечно мнѣ самому покупка этихъ шкуръ и шитье въ михайловскомъ редутѣ обошлись рублей въ тринадцать серебромъ, а бобръ по таксѣ идетъ въ сорока трехъ съ половиною копѣйкахъ, но это частности; тѣ же пать шкуръ могутъ быть куплены у Малеиг-миуть за желѣзный котелъ въ шесть и семь фунтовъ вѣсомъ, то есть за осемдесятъ копѣекъ серебромъ или за половину росомахи, за шестдесятъ копѣекъ. Въ общности торговыхъ операций съ туземцами не должно имѣть чего либо завѣтнаго, такъ и у Англичанъ, и тотъ изъ управляющихъ нашими артелями или редутами приобрѣтаетъ болѣе промысловъ и вѣсу между туземцами, кто и свои вещи до послѣднихъ торбасовъ съ ногъ отдаетъ нуждающимся. Должны ли быть вознагражденія за такіе поступки, не о томъ слово.

Почевали на одиночкѣ Такчлягмиуть.

8 марта. Облачно NO тихій, до полудня морокъ.

Нашъ караванъ еще увеличился братомъ Заплатки. Семейства Кавтельнука и Заплатки, богатѣйшія въ этомъ краѣ, стараются имѣть къ весеннему времени сколько возможно болѣе большихъ и среднихъ маклячьихъ лавтаковъ: это самый выгодуѣйшій товаръ съ сношеніяхъ съ верховыми племенами, потому что каждому

туземцу необходимъ рюкзакъ сѣтъ для ловли чайчи и шула три или четыре сетель для промысла оленей и лосей. Въ пукѣ считается двадцать сетель.

Ночевали на правомъ берегу Квишпака на половинѣ разстояніи между Пай-мютомъ и Икалгвиг-мютомъ.

9 марта. Ясно, тихо.

Въ трехъ миляхъ отъ нашего ночлега, на прибрежныхъ горахъ мы замѣтили два табуна оленей. Втеченіи мѣсяца марта облегчились. Тотчасъ одну изъ нихъ совѣтъ опорожнили, и стрѣлецъ съ однимъ человѣкомъ команды посланы были для посылки. Съ остальными мартами мы ночевали въ Икалгвиг-мютѣ.

10 марта. Ясно, утро тихо, съ десяти часовъ до заката N вѣтрившій. На горахъ ягла отъ завѣсаемаго снѣгу.

Отправивъ еще одного человѣка въ помощь стрѣльцамъ и наказавъ, чтобъ въ случаѣ неуспѣха, чрезъ двое сутокъ всё возвратились въ Икаг-мютъ, мы къ полудню прибыли къ нашей артели и нашли все благополучно.

Провода цѣлый мѣсяцъ на открытомъ воздухѣ, имѣя ежедневно предъ глазами необозримыя снѣговыя равнины, облитыя свѣтомъ яркаго мартовскаго солнца, и вдругъ вступивъ въ сырую, дымящую землянку, исключая меня, люди экспедиціи поодиночкѣ всё переслѣпли. Банка съ свинцовой водой разбилась въ Нулато и страждущіе, чтобъ унять воспаленіе, должны были до выздоровленія сидѣть дня по три въ темныхъ углахъ холодныхъ туземныхъ лѣтниковъ.

Для пришедшихъ съ нами торговцевъ съ верхнихъ селеній у управляющаго артелью не случилось въ наличности лавтаковъ, исключая тѣхъ, которыя были закуплены для нашихъ байдарокъ; со всѣмъ тѣмъ въ скоромъ времени онъ надѣялся получить достаточную партію отъ Агуль-мютъ. Задержаніе или не исполненіе надеждъ торговца вездѣ много значитъ. Мы рѣшились дожидаться подвоза.

Къ вечеру, 12 марта, возвратились стрѣльцы безъ успѣха. Кантельшуку, встрѣтившемуся съ ними, приглянулась собственная кружка одного изъ команды и тотъ отдалъ ее за два бобра, не ожидая за то ни какого вознагражденія.

Благодатный Квишпакъ обезпечилъ продовольствіе команды артели на всю весну, но какъ я располагалъ взять съ собою на Кукоквинъ только половину своихъ людей, тѣхъ, которые навывки ѣздить на байдаркахъ, то долженъ былъ озаботиться при-

обрѣтениемъ продовольствія для оставленныхъ. Управляющій артелью и это принялъ на себя, обѣщая только въ случаѣ необходимости выпускать экспедиціонные товары.

Сиги, нельма, маскуны, многи разнообразили нашу столъ, но какъ Русскому человѣку не встрѣтять розговѣнья кускомъ скоромнымъ? Тетерки и косачи съ первымъ снѣгомъ скрылись въ лѣса, куропатки съ первой вербой отлетѣли съ береговъ Кенхпака въ тундру; за то олени начали показываться на близлежащихъ горахъ. Предъ праздникомъ мы посылали двѣ партіи на кусковимскую сторону. Нашему стрѣльцу удалось убить оленя и потомъ ослабить. Не такъ былъ счастливъ стрѣлецъ артели: тотъ трое сутокъ просидѣлъ предъ оленями и молодой туземецъ, ему сопутствовавшій, рвался и плакалъ съ досады, что ему не доврѣли винтовки.

23 марта, приходилъ изъ редута Колмакова одинъ изъ сыновей управляющаго, которому я обѣщалъ сдать къ производству редута нѣкоторые плотничные инструменты и матеріалы, болѣе не нужные экспедиціи.

Свѣтлый праздникъ, 25 марта, мы встрѣтили общей молитвой и въ тотъ же день былъ я озабоченъ внезапной болѣзнію толмача экспедиціи. На слѣдующій день у него оказались всѣ признаки горячки. Я слыхалъ, что въ горячкахъ пускаютъ кровь, былъ и ланцетъ. Одинъ изъ команды артели Якутъ Бурцовъ занималъ когда-то мѣсто фельдшера и оспопрививателя на своей родинѣ и могъ исполнить это дѣло, но ни онъ ни я не рѣшались; вмѣсто того Якутъ предложилъ свой способъ леченія, который по своей невинности былъ мною дозволенъ. Вотъ, что дѣлалъ Бурцовъ: выкроивъ изъ бумаги мѣрку, подобную употребляемымъ портнымъ, онъ смѣрилъ окружность головы больнаго, замѣтилъ углемъ середины лба, ушей и затылка, потомъ, прикинувъ мѣтки, рѣшилъ, что одна сторона головы толмача раздалась противу другой. Я разумѣется смѣялся, относилъ къ невѣрности замѣтокъ и тогда же приступилъ къ опытамъ, по самымъ точнымъ линейнымъ измѣреніямъ, сначала надъ головами здоровыми, потомъ и надъ больными. Результаты подтверждали справедливость замѣчанія Якута: когда складывали мѣрку по замѣткамъ лба и затылка, то мѣтки ушей головы больнаго не соответствовали одна другой и обратно. Не угодно ли господамъ медпкамъ испытать и рѣшить почему это такъ бываетъ. Дѣлалъ ли что особенное Якутъ надъ мѣркой, которую онъ отъ насъ спряталъ, или подѣйствовала мушка поставленная больному на затылокъ, только на

пятой день бредъ прекратился и онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе; со всѣмъ тѣмъ не могъ быть употребленъ къ походу.

Это обстоятельство заставило меня обратиться съ просьбою къ управляющему Иког-миутской артелью, объ уступкѣ на время поѣздки по Кускоквиму проживающаго у него въ услуженіи молодого туземца. Тотъ согласился. Имѣя отъ собственнаго пайка экономію сухарей, мы пріяли новаго толмача на полное содержаніе, то есть на все то, чѣмъ сами довольствовались, и на Оумной недѣлѣ располагали оставить Иког-миуть, какъ вовсе неожиданно вечеромъ, 1 апрѣля, получили чрезъ редуть Колмакова бумаги главнаго правителя колоній. Эта инструкція дѣйствій экспедиціи на Кускоквимѣ, отправленная изъ Новоархангельска въ Кадьякъ 10 августа прошлаго года, въ началѣ ноября была привезена въ Александровскій редуть; тамъ пролежавъ на мѣстѣ почти три мѣсяца вмѣстѣ съ товарами для кускоквимскаго заселенія, перенесена въ январѣ въ пушагокскую одиночку, и наконецъ оттуда доставлена въ редуть Колмакова, 25 марта, транспортомъ, отвозившимъ пушные промысла. Предположивъ до полученія этой инструкціи осмотрѣть, сколько позволяютъ средства и обстоятельства, верховье Кускоквима и лѣтніе пути между этою рѣкою и Квихпакомъ, мы видѣли невозможность поспѣть въ Александровскій редуть ко времени прихода туда судна, и потому рѣшились воротиться въ Новоархангельскъ чрезъ редуть Святаго Михаила, окончивъ дѣйствія экспедиціи обзоромъ низовья Квихпака и неосмотрѣнной еще части южнаго берега Нортонова Залива.

Управляющій редутомъ Колмакова между прочимъ увѣдомлялъ насъ, что у него четверо служителей лежатъ больные горячкою; что сума экспедиціоннаго табаку, переслапная изъ Иког-миута издержана для нуждъ редута, и что командѣ его предстоитъ совершенная голодовка. Въ табакѣ мы не нуждались; признаки горячки замѣтили и между туземцами и въ своей командѣ; на счетъ пропитанія увѣрены были, что было бы во что поедать вулю — сыты будемъ, и какъ время наступило, то 3 апрѣля нагрузили нарты, нанявъ одного туземца для сгона обратно въ Икогмиуть лишнихъ собакъ.

Въ Иког-миуть оставлены были мой деньщикъ, которому поручался подъ особій надсмотръ всѣ запасы и журналы экспедиціи; Петровъ и большой Курочкинъ. Изъ взятыхъ на Кускоквимѣ, по предварительному условію съ тамошнимъ управляющимъ, Дми-

тріевъ долженъ былъ на время нашей поѣздки оставаться въ рудѣ въ родѣ коменданта, вмѣсто двухъ работниковъ Аглемютъ, поступавшихъ къ экспедиціи гребцами.

Но прежде представленія нашихъ дѣйствій на Кускоквимѣ, здѣсь прилагаемъ различныя этнографическія замѣтки о тѣхъ племенахъ чистой американской крови или краснокожихъ, съ которыми мы имѣли сношенія во время нашихъ обзоровъ рѣкъ Юнна-ка, Квихпака, Иивока, Кускоквима и ихъ притоковъ.

Матеріалы этнографическіе и статистическіе относительно краснокожаго племени Ттынайцевъ.

При началѣ дѣйствій экспедиціи, по выходѣ нашемъ съ приморья на Квихпакъ, мы вступили въ сношенія съ туземцами, отличными по языку, виду и нравамъ отъ народа Кангюлтъ или единопзычныхъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ туземцевъ мы проживали, съ другими видѣлись только короткое время, однако достаточное, чтобъ убѣдиться въ единоплеменности ихъ между собою. Основаніемъ къ такому убѣжденію намъ служили сродство нарѣчій, всегда отличаемое слухомъ, сходство чертъ внѣшняго вида, одинаковость образа жизни и предметовъ, въ домашнемъ быту употребляемыхъ.

Въ матеріалахъ о поморцахъ мы сказали, что всѣ разноплеменники, смежныя съ народомъ Кангюлтъ, прозываются отъ послѣднихъ, смотря по разности нарѣчій, Инкиликами, Инкалтами, Югъ-ельнутъ, и что другія дальнѣйшія или внутреннѣйшія племена, населяющія материкъ нашихъ колоній, извѣстны у нихъ подъ именами Инкалхлюатовъ, Голцапъ, Тутна и прочая. Между тѣмъ всѣ видѣнные наши племена этихъ прозвищъ, называютъ себя вообще «Ттынаи», то есть челоуѣками, или «Ттынаицы-хотана», людьми единоплеменниками», а въ частности по именамъ рѣкъ, берега которыхъ они занимаютъ, какъ-то Югъа-хотана, обитающіе по рѣкѣ Югъа-Квихпаку; Юнна-ка-Хотана, проживающіе по Юнна-ка и такъ далѣе. Только нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, находясь въ ближайшихъ, непосредственныхъ и родственныхъ сношеніяхъ съ туземцами народа Кангюлтъ, сверхъ мѣстныхъ прозвищъ приняли названія отъ селеній ими занимаемыхъ, какъ-то: Улукаг-мюты, Аввиг-мюты и другія.

Туземцы Куковой рѣки, прозванной Русскими Кевайскимъ Заливомъ, принадлежатъ къ семейству одного и того же народа

Ттыван *. Давыдовымъ приложенъ словарь ихъ языка, и хотя кажется во многомъ несправенъ, однако довольно ясно указываетъ на тождественность корня нарѣчія Кенайцевъ со словами посѣщенныхъ нами племенъ.

Повторю и здѣсь, что мы не имѣли ни времени, ни достаточныхъ способовъ для составленія болѣе подробныхъ и систематическихъ словарей; мы записывали только то, что приходило въ голову послѣ утомительнаго перехода, или что бросалось въ глаза. Отъ тѣхъ, съ которыми приводилось жить долѣе, и собраніе словъ значительнѣе, и это случилось именно при началѣ путешествія, когда я не понималъ ни одного слова изъ всѣхъ американскихъ языковъ, но впоследствии обживаясь въ Михайловскомъ редутѣ и Нулато, когда началъ нѣсколько *слышать*, то есть понимать языкъ племени Чнаг-мють, а потому Иккиликъ-Улук-мють, то объясняясь кой какъ на смѣшанныхъ языкахъ, уже не усердно занимался записываніемъ словъ другихъ племенъ, тѣмъ болѣе что на наши вопросы о какомъ-либо предметѣ, проводники и туземцы отвѣчали на языкѣ народа Канг-юльтъ.

Чтобъ не отнимать у народа имени, собственно подъ которымъ онъ себя разумѣетъ, общности его племенъ мы оставляемъ наименованіе *Ттынай свъ* или Ттынайцевъ; къ отличіямъ же, показывающимъ разнополкѣнность, присоединяемъ тѣ эпитеты, которые приданы отъ сосѣдняго имъ народа, Канг-юльтъ. Въ этомъ случаѣ племена Ттынайцевъ, посѣщенныхъ нами на мѣстахъ ихъ жительства, суть слѣдующія:

1. Иккилки Юннака-Хотана, проживающіе по низовью рѣки Юнна-ка. Родичи этого племени занимаютъ Нулато.

* Въ прошедшемъ столѣтіи, когда наши проходивцы мало по малу занимали острова и наконецъ обсекали материкъ Америки, названія туземцевъ сообщались ученому свѣту черезъ людей безграмотныхъ или малосвѣдущихъ; такъ отъ нихъ достались намъ названія племенъ чисто выдуманныя или въ созвучіяхъ принаровленные къ русскому складу, именно: *Сверноуцы, Мюдноуцы, Алеуты, Колоши, Кадьякцы, Кенайцы*. Словопроизводство послѣдняго явственно происходитъ отъ туземнаго названія Ттыни или Ттынай. Кина-ють, какъ звали жителей Кадьяка Ттынайцевъ, въ буквальномъ переводѣ значить «зовутся людьми» отъ глагола *Кина*, звать, и *Юкъ*, человекъ. Алеуты увалашкинскаго отдѣла при святомъ крещеніи привали прозвища или фамиліи своихъ крестныхъ отцевъ, напротивъ Кадьякцы при крещеніи удержали для прозвищъ свои языческія имена; такъ *Кинлаинъ* переводится словомъ *Звановъ*.

2. Инкилики Юнгъ-Хотана, занимающіе берега Юнгъ или Квихпака отъ устья рѣки Юнпака къ верховью.

3. Собственно Инкилики. Подъ этимъ названіемъ разумѣются приморцами Ттынайцы Улукаг-мюты, Такалкаса и всѣ туземцы Квихпака, которыхъ крайнее поселеніе къ югу—селеніе Ттутаго, а къ сѣверу—паралель Нулато.

4. Инкалнты Югъ-ельвуть, занимаютъ по Квихпаку селенія Важчагатъ, Анвигъ, Макки, Андухтакнакъ и всѣ низовье рѣки Иннока, извѣстное подъ названіемъ Иттегѣ. Часть этого же племени, выселясь на Кускоквимъ въ селеніе Квыгимъ-Панайг-мютъ, заняло все протяженіе этой рѣки къ верху до впаденія въ нее рѣки Холитнѣ или Хулитнакъ; впрочемъ, эти выселенцы стали намъ извѣстны отъ Аглег-мютовъ подъ особеннымъ названіемъ Тутна, Тутновцевъ материковыхъ.

5. Иннока-хотана или Инкаляхлюаты. Племя проживающее въ верховьѣ рѣки Иннока и по ея притокамъ. Это же племя зоветъ себя по рѣкѣ Тлѣгонъ, Тлѣгов-хотана, вѣроятно тѣмъ намекая на первоначальное мѣсто своего поселенія.

6. Собственно Ттынайцы или, по русскому выговору, Кенайцы проживаютъ въ вершинѣ рѣки Тхальхукъ или Манташтано. Родовое имъ названіе усвоено, потому что креоль Луквинъ, настоящій управляющій редута Колмакова, при обзорѣ своемъ въ 1832 году Тхальхука, встрѣтилъ жителей, которыхъ языкъ и обыкновенія нашель одинаковыми съ туземцами, заселяющими берега Кенайскаго Залива.

7. Голпанъ-Инкалх-люаты, занимаютъ верховье рѣки Кускоквима и ея притоковъ. Впрочемъ, подъ этимъ названіемъ разумѣются прибрежными жителями всѣ внутреннія племена; видѣныя же нами прозываютъ себя по тѣмъ рѣкамъ, которыя составляютъ какъ-бы ихъ родовыя наслѣдія.

Всѣ эти племена отличаются между собою болѣе или менѣе нарѣчійми. Впрочемъ, толмачъ кенайскаго языка, содержимый въ редутѣ Колмакова, довольно легко объясняется, какъ съ верховыми туземцами Кускоквима, такъ и съ Инкалтами Югъ-ельвуть.

Ттынайцы вообще принадлежатъ къ собственно американскому семейству краснокожихъ, по рѣзкія отличія во внѣшнемъ видѣ замѣтны въ тѣхъ, которые вошли въ родственныя связи съ племенами народа Канг-юлитъ. Ттынайцы—средняго роста, сухаго сложения, станомъ стройны, лицо имѣютъ продолговатое, лобъ средній, крутой, часто львиный, носъ широкій прямой, гор-

батый; глаза черные и темно-карие, большіе, но всегда влажные; взгляд быстрый, у дальнѣйшихъ племенъ мрачный, блуждающій; губы полныя, сжатые; зубы бѣлые, ровные какъ бисеръ; волосы гладкіе, черные темно-каштановые, довольно мягкіе; многіе мужчины по тѣлу мохнаты и съ довольно густыми короткими усами и бородою; руки и ступни ногъ среднія,кры малыя; всё вообще въ движеніяхъ живы, развязны, духомъ веселы; страстно любятъ пляску и пѣсни, которыя впрочемъ входятъ у нихъ въ религіозное чествованіе.

Собственно Ичкилики и Инкалиты Югельнутъ, занимаясь наиболѣе переторжкой, съ одной стороны со своими одноплеменниками, съ другой съ сосѣдними племенами народа Канг-юльтъ, приняли отъ послѣднихъ образъ жизни, одежду, обычай и вѣрованія; такъ они изъ среды своей имѣютъ Тунгаконъ, которыхъ признаетъ и племя Юннака-Хотана; называются именами словаря приморскихъ жителей, однако съ ними отправляютъ поминки по своимъ родственникамъ, прокалываютъ подъ оконечностями нижней губы отверстія, и вставляютъ въ нихъ корольки и другія украшенія, стригутъ и брѣютъ на головѣ волосы, парятся въ кажимахъ; на вечеринкахъ вмѣстѣ съ своими народными плясками пляшутъ и по приморски, однако безъ личинъ и исключая тѣхъ, которые, какъ въ селеніи Кыгышъ-Пайма, совсѣмъ смѣшались съ приморскимъ племенемъ. Остальныя видѣнныя нами племена Ттынайцевъ чѣмъ глубже въ материкъ, тѣмъ явственнѣе проявляютъ типъ своей народности, то есть, элементовъ дикаго состоянія.

Прическа ихъ головы слѣдующая: мужчины и женщины отбравъ рядъ по срединѣ, передніе волосы вмѣстѣ съ задними собираютъ въ пукъ, который обвивается бисеромъ, пуклями или простымъ ремнемъ; во избѣжаніе траты времени на такой затѣливый туалетъ, волосы смачиваются густо разведеннымъ на урнѣ болусомъ или кровавикомъ, и сверхъ того посыпаются орлинымъ или ястребнымъ пухомъ; къ вѣщей красотѣ своего головнаго убора щеголи и удалые промышленники втыкаютъ въ вершину косы по нѣскольکو перьевъ или цѣлые хвосты орловъ, филиновъ и другихъ хищныхъ птицъ. Такая прическа отчасти замѣняетъ шапку, которыхъ Ттынайцы въ лѣтнее время ни когда не носятъ и оставляется на неопредѣленное время, то есть, мѣсяца на три, до купанья или какаго либо другаго обстоятельства.

Ттынайцы вмѣсто отверстій подъ нижней губою прокалыва-

ютъ носовой храмъ, и продѣваютъ въ него двѣ соединенныя палочки, до четырехъ дюймовъ длины, составленныя изъ трехъ паръ, болѣе или менѣе крупныхъ цуклей. При всѣхъ торжественныхъ или особенныхъ случаяхъ, какъ-то: при свиданіяхъ съ сосѣдами и при сѣздѣ для объѣда съ другими племенами, при отправленіи или возвращеніи съ промысловъ, мужчины красятъ лице сплошь болусомъ, углемъ, и другими минеральными землями. Верховыя племена Квихпака и Кускокима, цѣня высоко металлическій цвѣтъ графита, выводятъ изъ тоненькія черточки подъ глазами, по лбу, щекамъ и бородѣ. Женщины только въ періодическомъ очищеніи красятъ лицо углемъ.

Инкилики Улукаг-мюты, Такаликса и Югъ-ельпутъ для лѣта шьютъ легкія парки изъ оленьихъ выпоротковъ, выхухоли и еврашекъ; напротивъ племя Юннака-Хотана и прочія, лѣтнюю одежду имѣютъ изъ оленьихъ или лосиныхъ ровдуговъ, которую нерѣдко надѣваютъ и зимою сверхъ зимнихъ парокъ. Платье это покроемъ сходно съ длинной рубахой, подходящей подъ горло и оканчивающейся спереди и сзади клиньями. У женщинъ окопечности клинъевъ доходятъ до половины икоръ, у мужчинъ до колѣнъ. Ровдужные штаны Ттынайцы шьютъ почти въ обтяжку вмѣстѣ съ чулками, которыя отвѣчаютъ и за сапоги. Пристрастные по природѣ къ нарядамъ и яркимъ цвѣтамъ, всѣ дальныя племена выдумали украшать свою простую одежду шитьемъ изъ иглъ дикобраза, оленьихъ волосъ, узорами изъ визаваго бисера, цуклой, привѣсками мѣдныхъ обрѣзковъ, колокольчиковъ и прочая. Въ случаяхъ такого украшенія, бордюръ до двухъ дюймовъ ширины, визавій или шитый арабескамъ, прикрѣпляется спереди по груди, захватывая нѣсколько и плечныя лопатки; къ нему для пышности наряда пришиваются дюймовъ четырехъ длины ровдужью бахрому, на каждую нить которой надѣваютъ какія то растительныя зерна добываемыя въ озерахъ. Подолъ рубахи равномерно обшивается такою же бахромою. Однѣ фигуры, шитыя дикобразовыми иглами арабесковъ, красятся въ красный или бурый цвѣтъ; другія остаются бѣлыми. При другихъ украшеніяхъ, бисеромъ закрываютъ всѣ швы рубахи, а по штанамъ нашиваютъ его нитками рядовъ въ пять или болѣе, въ родѣ лампасовъ: различными узорами украшаются также и передки обуви, но это еще не полный нарядъ исправнаго промышленника. Полагая все свое богатство въ бисеръ и цукляхъ, Ттынаецъ фуатовъ десять этихъ драгоценностей вѣшаетъ на себя черезъ одно плечо и свл-

зываетъ въ видѣ шарфа; такимъ образомъ на богатѣ, считая обивку косы и всё украшенія на платъѣ и оружіѣ, бываетъ бисеру и цуколь бобровъ на полтора ста или слишкомъ на тысячу рублей серебромъ.

Относительно зимнихъ жилищъ замѣтятъ, что племена Ттынайцевъ вошедшія въ тѣсныя сношенія съ которыми либо изъ приморскихъ племенъ, приняли отъ нихъ и формы построекъ. Такъ Ипкилики, Улукаг-мюты и Такааякса строятъ свои зимники и кажимы по образу чисто приморскаго племени Чваг-мютъ, то есть, тѣсныя и съ низкими парами. Племя Югъ-ельнута, состоя въ родственныхъ связяхъ съ Квихпакъ и Кускоквиг-мютами, ставятъ свои жилища на ладъ этихъ племенъ. Ттынайцы Юннака-Хотапа и Тлѣгоиъ-Хотана въ своихъ зимникахъ вовсе наръ не имѣютъ, и по наклонности къ бродячей жизни, общей всѣмъ звѣроловнымъ народамъ, съ первыхъ чиселъ марта оставляютъ ихъ на произволъ погоды и хищныхъ звѣрей, переселяясь съ семьями сначала въ горы на промысла оленей и еврашекъ, потомъ въ лѣтники, которые также ставятся на скорую руку изъ хворосту и древесной коры и вообще состоятъ изъ низкихъ съ плоскими крышами шалашей, не укрывающихъ отъ дождя и едва защищающихъ отъ солнца.

Ттынайцы, какъ искусные промышленники, все, что относится къ части звѣроловства или рыбной ловлѣ, готовятъ, можно сказать, въ совершенствѣ своего рода; луки ихъ, стрѣлы, лапки, въ ростъ чловѣка длины, переплетенныя оленьими жилами, уютныя нарты, лодочки, все отличается легкостью, удобностью, здравымъ обдумьемъ, смысломъ и чистотою отдѣлки; зато въ домашнихъ ремеслахъ и рукодѣліяхъ, они далеко отстали отъ своихъ сосѣдей: шьютъ вообще плохо, домашнюю деревянную посуду замѣняютъ свернутою изъ бересты. Впрочемъ у всѣхъ Ттынайскихъ племенъ мы нашли въ употребленіи, болѣе нежели у племенъ приморскихъ, посуды мѣдной и желѣзной, состоящей въ котлахъ, кубкахъ и кружкахъ; нѣкоторые имѣютъ даже чайники и луженныя ложки. Конечно, это происходитъ частью отъ того, что занимаясь преимущественно звѣроловствомъ, они имѣютъ болѣе средствъ къ удовлетворенію своихъ прихотей и надобностей, но частью и потому что *набравшись* драгоценныхъ для себя вещей, бисеру и цуклей, они безъ соображенія къ чему пригодна взятая имъ вещь, берутъ въ добавокъ за привезенныя промысла все, что имъ предложить, или на что глаза разбѣгутся. Смотря по разности предметовъ, содержимыхъ въ нашихъ заселеніяхъ,

туземцы приучаются и къ ихъ употребленію. Съ начала учрежденія временнаго заселенія въ Нулато выпускали оттуда бисера бѣлаго и краснаго цвѣту, небольшіе такъ называемые енисейскіе топоры, листоваго желѣза котлы, мѣдныя, въ осмыну вмѣстительностію кружки, въ бумажныхъ футлярахъ зеркала, зарукавныя кольца, гнутыя изъ толстой желѣзной проволоки и выбиваемыя изъ мѣди, якутскія пальмы, и Ттынайцы того края привыкли къ этимъ вещамъ; напротивъ, со стороны Александровскаго редута при заселеніи на Кускоквинѣ введены въ употребленіе между тамошними племенами, бисера черной и бѣлой, топорики алеутскіе, мѣдная и чугунная посуда, байковыя одѣяла, суконныя колошешскіе вѣщи и частью европейское платье. Въ нашей системѣ торговаго обмѣна съ туземцами материка, доселѣ обращено было только вниманіе на приобрѣтеніе большаго количества пушныхъ промысловъ и пѣсколко на улучшеніе быта самихъ туземцевъ введеніемъ между ними различныхъ полезныхъ для нихъ предметовъ. Управляющіе редутами или артелями, принужденны были стараться сбывать то, что къ нимъ присылалось залежала въ метрополиі колоній или въ главныхъ ея отдѣлахъ, и часто сами не понимая началъ правильной торговли, основанной на пользѣ общей, требовали различныхъ, вовсе излишнихъ для туземцевъ товаровъ или даже безъ означенія количества вѣсу и названій, просили просто «товаровъ для дикарей».

По роду своей жизни Ттынайцы воинственнѣе смежныхъ съ ними племенъ народа Канг-юльтъ, а между своими соплеменниками отличается дерзостью племя собственно Инкилковъ. Они не покидаютъ никогда своего оружія, даже при домашнихъ отлучкахъ въ лѣсъ или къ осмотру мордъ носятъ съ собою копья, то есть пальмы насаженныя на древки четырехъ футъ длины. Грабсжъ или насиліе при завладѣніи чужимъ добромъ, считается ни во что, разумѣется, падъ посторонними племенами или чуждыми поколѣніями. Поводомъ къ всегдашнему вооруженію Ттынайцевъ не мало служатъ и разъединенность одного и того же племени: верховые проживая большою частію отдѣльными семьями, опасаются и звѣря и своего сосѣда. Подчиненности у нихъ вовсе не замѣтно; отцы — старшины своихъ семей, но не рѣдко между Инкалятами Югъ-ельпутъ братья живутъ во ста мѣляхъ другъ отъ друга. Убійства, какъ и у приморцевъ, платятся смертію убійцы или выкупомъ. Въ походъ нашъ къ Зунду Котцебу, у племени Юнака Хотана, мы видѣли одного туземца, который убилъ человека изъ своего племени: лицо его и руки были окрашены углемъ,

на шеѣ, на рукахъ у плечъ и кистей и на ногахъ надѣты были очищенные отъ коры таловые обручи, въ родѣ браслетъ и ожерелья; въ этомъ нарядѣ, онъ повиненъ былъ проходить годъ и оставался неприкосновеннымъ; въ противномъ случаѣ рисковалъ быть убитымъ отъ каждаго собрата.

Система ихъ войны также основана на печальномъ нападеніи и потому храбрость или отвагу дикаря ни какъ не должно ставить въ параллель съ истиннымъ значеніемъ храбрости, заключающейся въ презрѣніи смерти, въ пользу родины, отечества, Царя.

Оружіе Ттынайцевъ состоитъ изъ простаго выгнутаго изъ березы или еловой крени лука, стрѣлы съ асидными, обсидіановыми или желѣзными копьцами, всажеными въ костяныя палочевидки, одного или пары пожей, пальмы или якутской работы копья, — послѣднія получаютъ отъ Чукчей, — оленьяго рога или сбитаго изъ пальмы головолома; впрочемъ томагавки употребляются только верховыми племенами. У Гольцанъ верховья Кукоквыма и Ттынайцевъ, проживающихъ по Тхальхуку съ недавняго времени завелъсь и ружья.

Лодочки ихъ строятся изъ бересты, но совершенно иной конструкціи отъ якутскихъ вѣтокъ. Вѣтки совершенно плоскодонны, довольно широки, наборъ имѣютъ сплошной, рѣшетины частыя и спав берестяной обшивки сжаты на нихъ съ обѣихъ сторонъ тонкими драночками и потомъ уже залиты пекомъ; напротивъ, Ттынайская лодка наборъ имѣетъ весьма рѣдкій, такъ что при длинѣ осьмнадцати футъ ставится всего семь шпантоутинь или лучковъ, а продольныхъ рѣшетинъ кладется всего по двѣ на сторонѣ; ширина ихъ одномѣстныхъ лодочекъ не превышаетъ двухъ футъ; швы обшивки замазываются еловой сѣрой, слегка для большей тягучести прокипяченной въ водѣ. Такая лодочка вѣсомъ двадцать пять фунтовъ, и для непривычнаго вальце алеутской байдарки.

Ттынайцы имѣютъ собакъ особой породы отъ чукотской, поджарыхъ, небольшого росту, не выше полутора фута, съ тонкими ногами, стоячими ушами, острой мордочкой и гладкой бѣловатой сѣрой шерстью. При случаѣ припрягаютъ ихъ къ нарточкѣ, но болѣе употребляютъ при охотѣ за оленями, лосями, дикобразами и прочими.

Верхнія племена Ттынайцевъ жиру морскихъ животныхъ не употребляютъ, замѣняя его для толкушъ оленьимъ, медвѣжьимъ и лосинымъ саломъ. Молодые люди не ѣдятъ гадаръ, указывая что ноги этой птицы такого устройства, что препятствуютъ ско-

рому бѣгу; не имѣютъ общественныхъ кажимовъ; не парятся въ баняхъ; не отправляютъ ни какихъ особыхъ празднествъ, признавая одного Высшаго Духа; умершихъ своихъ жгутъ и пепель собранъ въ небольшой сколоченый ящикъ или согнутый изъ бересты кузовокъ, отвозятъ непременно на то мѣсто, которое назначено умирающимъ. Жгутъ тѣла тогда только, когда трупъ начнетъ разлагаться, и потому въ зимнее время, если въ какой семьѣ случится покойникъ, то такого везутъ къ избранному мѣсту иногда мѣсяца три, употребляя его себѣ на пути вмѣсто изголовья. Въ честь или память умершаго, близкіе родственники остригаютъ себѣ часть переднихъ волосъ, до сороковаго дня омываются чрезъ каждые пять дней, и столько же времени не ѣдятъ ничего сыраго. Кузовокъ или ящикъ съ пепломъ красятъ красной краской, вѣшаютъ на четыре невысокіе столба, прѣдъ которыми втыкаютъ въ землю лучшее оружіе покойника; равномерно вѣшаютъ его домашнюю утварь, бисера и прочее. Не слышно, чтобъ кто изъ живыхъ этимъ добромъ воспользовался.

Пляски и пѣсни Ттынайцевъ какъ бы входятъ въ сущность ихъ религіозныхъ вѣрованій: безъ плясокъ они не начинаютъ ни какого дѣла. На многихъ селеніяхъ насъ встрѣчали пляскою и на вопросы наши «для чего это дѣлается?» отвѣтомъ было, что это мольба главному Духу, который защититъ ихъ отъ Русскихъ. Всѣ племена этого народа доселѣ полагаютъ, что она сирѣдствовавшая въ здѣшнемъ краѣ въ 1838 и 1839 годахъ, была напущена Русскими. Подъѣзжая къ какому-либо селенію, Ттынайцы; выстроившись въ рядъ, поютъ свою пѣсню, потомъ дружно выдернувъ свои лодочки на берегъ, становятся въ одинъ или два ряда, смотря по числу людей, и пляшутъ. Намъ случилось замѣтить въ Нулато, что нѣсколько молодыхъ людей, желая поскорѣе продать свои промыслы, пренебрегли этимъ обыкновеніемъ, и одинъ старикъ долго имъ выговаривалъ и принудилъ выполнить этотъ обрядъ.

Каждая пѣсня Ттынайцевъ поется на особый напѣвъ; мѣра плясовыхъ подходитъ близко къ такту скорого марша. Ни одинъ толмачъ не былъ въ состояніи познать насъ съ содержаніемъ которой-либо ихъ пѣснв. Запѣвалъ у нихъ нѣтъ и всѣ пѣсни поются хоромъ тѣми же плясунами. По отзыву нѣкоторыхъ Ттынайцевъ сѣверныхъ племенъ, они сами не понимаютъ пѣсней перешагнутыхъ ими отъ низовыхъ своихъ соплеменниковъ, и усваиваютъ только напѣвы. Пляска ихъ однообразна, но какъ всякое движеніе, не опредѣленное условными выраженіями, не можетъ

быть объяснена словами. Во время пляски Ттынайцы съ мѣста не сходятъ, гнутся, перегибаются, корчатся, такъ, что иные чушани достаютъ землю. Непомовѣрная быстрота ихъ воинственныхъ, угрожающихъ тѣлодвиженій, какое-то изступленіе, овладѣвающее постепенно всѣми до того, что у нѣкоторыхъ глаза какъ бы выпрыгиваютъ изъ своихъ орбитъ, ротъ кривится, все лице вряпнаетъ особенное зѣрское выраженіе, заставляя насъ не разъ въ первую зиму держать свои пистолеты на второмъ изводѣ; впоследствии мы свыклись и даже двое изъ команды заучили и самую пляску и напѣвы нѣкоторыхъ пѣсенъ. Ттынайцы пляшутъ съ ножами въ обѣихъ рукахъ, а за немѣнѣемъ ихъ съ лучинами или перьями, и никогда не раздѣваются.

Замѣчать особенности домашняго быта туземцевъ въ внутреннихъ странахъ Америки, изучать ихъ повѣрья возможно только при довольно продолжительномъ проживаніи съ ними въ зиманкахъ, въ то время когда и морозы и вьюги, не позволяя имъ заняться обычной жизнью для спусканія себѣ пропитанія въ горахъ, заставляютъ довольствоваться тѣмъ, что каждымъ запасено въ лѣтнее и осеннее время. Не зная языка и не имѣя надежныхъ толмачей, мы не вдавались въ распросы объ отвлеченныхъ предметахъ, но здѣсь въ заключеніе можно прибавить, что всѣ племена Ттынайцевъ склонны къ принятію христіанской религіи. Изъ Голцанъ верховья Кусковима мы нашли нѣкоторыхъ крещеныхъ еще въ 1838 году; цѣлое племя Улукаг-мють, для принятія этого крещенія, добровольно явилось въ Михайловскій редутъ, въ 1844 году. Душъ до пятидесяти Инкалитовъ-Югъельнутъ, крещенныя въ редутѣ Колмакова, совсѣмъ отстали отъ прежнихъ своихъ обыкновеній.

Переходъ и пребываніе въ редутъ Колмакова. Очеркъ состоянія этого заселенія.

4 апрѣля. Утро облачно, просіяніе солнца; тихо по полудни, пасмурно, SW тихій.

Въ восемь часовъ утра мы отправились ближайшимъ переносомъ къ рѣкѣ Кусковиму при четырехъ партахъ и осьми собакахъ. Главное направленіе переноса къ мѣсту выхода на рѣку у селенія Кхальнаг-мють, по пеленгамъ прибрежныхъ горъ изъ Иконмюта, сѣвъ SO 65° праваго компаса.

Отъ подъема на лѣвый берегъ Квхипака мы шли миль семь хорошимъ строевымъ лѣсомъ, однако чѣмъ глубже подавались въ

материкъ, тѣмъ ель и береза стаповились мельче, ольховникъ и тальникъ кривѣе, такъ, что отъ заимки нашего проводника, при рѣчкѣ Тальгиксюакъ, только шли на три въ тундру ростеть лѣсъ; далѣе низменная, болотная равнина, устьяная многими небольшими озерами. Въ этотъ день мы прошли около двѣнадцати миль, переходя на пути черезъ рѣчки Амьлькинохъ, Клякъ и Тумъягакъ. Какъ по ихъ берегамъ такъ и по Тальгиксюаку разбросано множество заимокъ туземцевъ Иког мюта, въ которыхъ они прокармливаются во время весенней и осенней распутицы.

5 апрѣля. Пасмурно; утро тихо; съ полудня N тихій, морокъ.

Отъ мѣста нашего ночлега, при рѣчкѣ Тальгиксюакъ, мы шли около трехъ миль, небольшими перелѣсками и невысокими холмами (до осьми сажень высоты), поросшими рѣдкимъ еловымъ лѣсомъ и составляющими перевалъ отъ рѣки Квихака, потомъ шли семь озерами и низменной тундрой, по которой мѣстами обнажился черноstopъ; мягкая погода, разрыхляя снѣгъ, не давала ходу собакамъ. Ночевали при рѣчкѣ Какыглѣтъ, впадающей въ Квинчагакъ, въ низкой, сложенной изъ хвороста бараборки, безъ огня и вари, потому что никому не пришло въ голову взять нѣсколько полѣньевъ. Рѣчка Какыглѣтъ не болѣе полуторы сажени ширины, но достаточно глубокая для байдаръ, свданныхъ въ грузу болѣе двухъ футъ. Поставя кое-какъ оставленную близъ заимки морду, на утро мы вынули до двухъ сотъ штукъ рыбки имагватъ или чангягъ-голюха, архангельгородцевъ и черепоконныхъ насѣкомыхъ, называемыхъ Квихаг-мютами «ммыльнуть», а въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ извѣстныхъ въ простонародіи подъ именемъ «водяныхъ таракановъ». Ммылуутъ, жаренныя на палкѣ, довольно вкусны: мясо ихъ бѣлое; имагватъ вареная безвкусна, мороженая для непривычнаго приторно-сладка.

6 апрѣля. Пасмурно; до полудня N тихій, послѣ NNO умиротрпный, снѣгъ.

Рѣчка Квинчагакъ, вытекалая изъ озеръ и болотъ, находящихся между селеніями Икалгвиг-мютъ и Ухаг-мютъ, по словамъ туземцевъ вливается въ море; въ такомъ случаѣ устье ея должно предполагать въ поверхностно осмотрѣнномъ прибрежьи Берингова моря, между мысами Авинова и графа Румянцева. Раздѣлъ воды Квинчагака, съ принадлежащими къ бассейну Кускоквима, незамѣтенъ. Обнаженная тундра простирается еще миль на семь отъ мѣста нашего ночлега, но берегъ Кускоквима на двѣ мили въ материкѣ окаймленъ довольно крупнымъ еловымъ лѣсомъ.

Въ селеніи Кхалькаг-мютъ насъ упрощивали почевать, но мы

отказались и за это жестоко были наказаны, потому что не прошли двухъ миль вверхъ по рѣкѣ, какъ застигнуты были слякотью. Ночь провели въ лѣсу подъ брезентомъ. Главное направленіе Кукоквина до купы Ташатулитъ—чисто къ востоку праваго компаса.

7 апрѣля. До полудня пасмурно, NO тихій, оттепель; по полудни ONO; ночью первый дождь.

Проходя по мѣстамъ, въ которыхъ туземцы признали въ некоторомъ образомъ наше вліяніе допущеніемъ избранія изъ среды своей старшинъ и, не ожидая на настоящемъ мѣстѣ отъ ихъ посѣщеній, я отбѣнилъ караулъ. Но привыкнувъ пробуждаться нѣсколько разъ въ ночь для удостовѣренія въ бдительности часовыхъ, я проснулся когда едва начиналъ брезжить свѣтъ; слышу шорохъ и людской говоръ, приподнялся и, саженьяхъ въ десяти отъ тлѣвшагося огня, двое туземцевъ покашливали, давая тѣмъ о себѣ знать: то были два заказчика * съ пройденнаго нами селенія; вчера они были въ отлучкѣ и пришли съ подарками. Замѣчаемъ этотъ случай какъ выраженіе привѣтливости и добросердечности туземцевъ, при хорошемъ съ ними обращеніи управляющихъ нашими заселеніями. На мѣстѣ, до нашего обзора, весьма неопредѣленномъ для колоніальнаго начальства, одинъ человекъ, — говоримъ о С. Лукинѣ, — успѣлъ многихъ дикарей и просвѣтитъ свѣтомъ христіанства и ввести между ними такой порядокъ; всякое измѣненіе котораго не приведетъ къ лучшему; вспомнимъ, что этотъ человекъ — креоль, безъ всякаго научнаго воспитанія. Не достоинъ ли онъ полнаго уваженія?...

Отдаривъ, чѣмъ могли, добрыхъ людей, близъ семи часовъ утра мы отправились и едва на закатѣ дотащились до селенія Ухагмютъ, пройдя въ двѣнадцать часовъ не болѣе тринадцати миль. Селеніе находится на правомъ берегу и состоитъ изъ четырехъ жилищъ и кажима, въ которомъ мы и остановились. Большая часть жителей находилась на оленьемъ и бобровомъ промыслѣ, по рѣкѣ Аніану и ея притокамъ; оставшіеся старики и женщины

* Тотъ же заказчикъ, титулы усвоенныя въ колоніяхъ для означенія почетныхъ лицъ между Алеутами и туземцами материка. Какъ послѣднихъ еще трудно приучить къ подчиненности одному старшинѣ, то придаютъ ему помощниковъ-заказчиковъ изъ почетныхъ стариковъ. Они уведомляютъ управляющаго о всѣхъ случаяхъ или необыкновенныхъ происшествіяхъ на ихъ селеніяхъ, и помогаютъ ему при случаѣ найма временныхъ работниковъ и проводниковъ.

ны приготовлялись къ ловлѣ еврашекъ на близъ-лежащихъ горахъ хребта Кыхтултъ. Еврашекъ ловятъ и собакамъ и петлямъ; петли, чтобъ не крутились, дѣлаются изъ гусиныхъ перьевъ и настораживаются надъ норами.

Передъ вечеромъ впервые видѣли пролетѣвшихъ утокъ.

8 апрѣля. До полудня пасмурно; послѣ облачно. временно просіяніе солнца, оттепель.

Отъ Ухаг-мюта до Тулукагнаг-мюта не болѣе девяти миль, изъ которыхъ каждая стоила намъ часоваго хода. Кускоквинмъ, на протяженіи между послѣднимъ селеніемъ и Кхалькаг-мютомъ, весьма извилистъ, разбитъ многочисленными островками и въ чистыхъ плесахъ не шире ста-пятидесяти или двухъ-сотъ сажень. По правому берегу непрерывною цѣпью тянется рядъ холмовъ, высотой отъ трехъ-сотъ до пятисотъ футовъ. Лѣвый берегъ луговой, лѣсистый до самаго хребта Кыхтултъ, отдѣляющаго воды Кускоквинма отъ водъ, вливающихся въ Бристольскій Заливъ.

Жителей никого не было; свигри и подорожники безбоязненно стадами садились на крыши бараборъ; мы добыли нѣсколько экземпляровъ для чучель и для вочлега приютились въ одномъ углу кажима, еще не затопленного водою.

9 апрѣля. Мало облачно; утро N тихій; полдень S тихій; вечеръ W тихій.

Въ ночь нѣсколько простывало и мы, рѣшившись этимъ воспользоваться, съ половины третьяго по полуночи до осьми часовъ утра перешли близъ десяти миль къ устью небольшой рѣчки и, не зная имени ея, назвали «Безымянною.» Она составляетъ изъ многихъ горныхъ потоковъ, протекающихъ въ логахъ прибрежныхъ холмовъ лѣваго берега. Проживая въ редутѣ Колмакова и часто посѣщая тундру, мы замѣтили, что не взирая на постоянную промышленность, въ вершинахъ ея притоковъ водятся бобры и выдры. По меридіальной высотѣ солнца широта ея устья опредѣлена въ $61^{\circ} 34' 12''$. До трехъ часовъ за полдень жаръ былъ нестерпимъ, показались подсеивныя наѣкомыя, запорхали бабочки. Быть холодной веснѣ! рѣшили натураллисты промышленные; и точно — примѣты ихъ сбылись впоследствии.

10 апрѣля. Облачно, просіяніе солнца; утро NO тихій; полдень SW тихій.

Съ двухъ часовъ по полуночи, при двухъ-градусномъ морозѣ,

ны поднялись въ путь. Отъ одиночки Кухлюхтакпакъ почти до редуцкихъ заповорѣв брели выступившею на ледъ водою; это послѣдняя неприятность настоящаго похода. Въ семь часовъ утра радушный управляющій угощалъ насъ домашнимъ чаемъ изъ цѣтовъ багульника и кипрея.

Послѣ обзору Васильевымъ Кускоквима, въ 1830 году, главный правитель колоній Ф. П. фонъ-Врангель, приказалъ управляющему Александровскимъ редутомъ избрать мѣсто для основанія на этой рѣкѣ заселенія, которое, въ 1832, и учреждено при впаденіи въ нее рѣчки Хулитнакъ, то есть поставлена изба и поселены въ ней одинъ креоль и три человѣка новокрещенныхъ Аглег мютъ. Для производства торговли съ туземцами, заселяющими низовье Кускоквима, мѣсто на Хулитнѣ оказалось отдаленнымъ и потому артель наша, съ 1834 года, на зимнее время переселялась въ селеніе Кыгым-пайнаг-мютъ и вскорѣ поставила тамъ другую избу; такимъ образомъ до самой смерти Колмакова, заселенія нашего на Кускоквимѣ нельзя считать постояннымъ, но это то самое и способствовало распространенію нашего вліянія надъ туземцами и приращенію промысловъ въ оскудѣвшемъ Александровскомъ округѣ.

По смерти Колмакова, въ 1840 году, Александровскій редутъ съ своимъ округомъ причислены къ кадьякскому отдѣлу. Въ 1841 году, кускоквимская одиночка названа редутомъ Колмакова; кажется, перемѣна имени не могла имѣть ни какого вліянія на торговлю; на дѣлѣ вышло не такъ: при понятіи о редутѣ потребовалось возведеніе стѣпъ или ограды; присылка русскихъ плотниковъ; для нихъ особый подвозъ провіанту; бесполезное увеличеніе числа команды для безполезнаго содержанія часовыхъ; въ плату туземцамъ за вспомогательныя работы потребовались особые выпуски товаровъ, и прочая. Это была ошибка со стороны управляющаго кадьякской конторой; теперь она устранена и потому нисколько не занимательна. Мы согласны съ мнѣніемъ всѣхъ нашихъ управляющихъ заселеніями въ этомъ краѣ, что въ оградахъ безъ содержанія часовыхъ, — на что нѣтъ ни какой возможности, по числу и составу команды, — несравненно опаснѣе нежели при строеніи поставленномъ прямо на открытомъ мѣстѣ; ограду и поджечь легче и, къ вѣшней ея сторонѣ, зимою наносить такіе сугробы снѣгу, что даетъ легкій способъ проникнуть внутрь редута. Конечно, мы имѣемъ фактъ истребленія нашего

заселенія въ Иког-мють, въ 1839 году, но и при этомъ происшествіи кусковкинскіе разбойники не рѣшились на открытое нападеніе, а пришли подъ видомъ расторжки съ пушными промыслами; притомъ главною причиною убійства людей были самонадѣянность старосты и нелады его съ командой. Тѣ же самыя убійцы того же лѣта посѣтили и Луккина, но предупредомленный заранѣе при первой дерзости одного выскочки, онъ выбросилъ его въ окно; остальные тотчасъ удалились. Безъ предусмотрительности, твердаго и рѣшительнаго характера ни какія стѣны не спасутъ.

Редуть Колмакова находится, по моимъ наблюденіямъ, въ широтѣ 61° 34' 02" и долготѣ 158° 37' 11" западной отъ Гринвича, на лѣвомъ ровномъ берегу Кусковкина, возвышеннаго въ немень отъ горизонта воды слишкомъ на двадцать-четыре фута. Въ 1843 году, одному изъ обстроивавшихъ редуть русскихъ плотниковъ вздумалось попробовать, каково бобровое мясо въ окорокахъ: опаливъ бобра, онъ не счелъ за вужное гасить огонь; погода стояла сухая, вѣтерокъ разнесъ искры, лѣсъ занялся и въ три дня ближайшія окрестности редута превратились въ пепелище. Далѣе къ востоку и югу, по направленію горной цѣпи, протягивающейся отъ хребта Кыхтултъ къ берегамъ Улукака, страна состоитъ изъ холмистой тундры, — пастбища несмѣтнаго числа оленей, а къ западу до самой рѣки Аніакъ разстилается лѣсистая равнина, усѣянная многими небольшими рыбными озерами.

По правому берегу Кусковкина, противъ мѣстности редута, находится устье бобровой рѣки Кыгыгымъ и нѣсколько выше ея, расположено при невысокомъ ярѣ туземное селеніе Кыгыгым-Пайнаг-мють, то есть, селеніе при устьи рѣчки, состоящее изъ шести зимниковъ и двухъ кажимовъ, со ста-шестьюдесятью душами жителей обою пола. Большая половина изъ нихъ принадлежитъ въ Ттынайскому племени Югъельвуть. Какъ въ тѣхъ такъ и въ другихъ считается до пятидесяти человекъ христіанъ. Купа горъ выше тысячи футь, называемая туземцами Чугупахтугвикъ, находится отъ редута по румбу NO 18° праваго компаса, приближенно въ пятнадцать миль.

Земля при редутѣ Колмакова, состоитъ изъ песчано-илловато-глинистыхъ наносовъ, покрытыхъ слоемъ въ футь толщиной растительной почвы; по берегамъ земля вообще оттаеиваетъ, въ тундрѣ не могли удостовѣриться, огромное количество прекраснаго пахучаго сѣна можно заготовлять для продовольствія рогатого скота, но по множеству дикихъ оленей это составило бы

въ здѣшнемъ краѣ излишнюю роскошь; напротивъ овощи, особенно картофель, одни могутъ устроить ежегодную голодовку команды. Судя по продолжительности лѣта съ вѣроятностью предполагаемъ, что здѣсь родился бы гималайскій ячмень и рожь, но малолюдство и образъ жизни туземцевъ врядъ-ли когда побудятъ обратиться къ земледѣльству.

Народонаселеніе редута, къ 1 мая 1844, состояло изъ сорока-двухъ душъ, изъ которыхъ пятнадцать человѣкъ взрослыхъ работниковъ, остальные—женщины и дѣти, отъ одного года до десяти лѣтъ. Продовольствіе семи человѣкъ креоловъ въ некоторомъ образомъ обезпечено соразмѣрнымъ жалованьемъ и пайкомъ муки; работники изъ Аглег-миутъ, удержаны безлюдьемъ и пережившіеся на Кускоквимкахъ, довольствуются мѣстными произведеніями и получаютъ плату различными товарами на два съ половиною рубля серебромъ въ мѣсяць.

Кускоквимъ, хотя не столько богатъ рыбою какъ Квихпакъ, однако легко бы могъ продовольствовать команду и содержимыхъ для развѣзда собакъ, если бъ рабочимъ доставало времени на своевременныя запасенія. Ходъ рыбы бываетъ слѣдующимъ порядкомъ: съ первыхъ чиселъ декабря появляются налимы, особый отъ квихпакскихъ видъ, отъ одного до полутора фута величиною и въ теченіи января при осмотрѣ морды черезъ двѣ ночи, попадаетъ ихъ отъ трехъ-сотъ-пятидесяти до пятисотъ и болѣе штукъ; затѣмъ до появленія сига въ слѣдуютъ недѣли двѣ перемезки. Сиги морскіе и горбоносые, муксуны, сырки ловятся въ достаточномъ количествѣ до половины марта, то есть до подъема запоровъ водою.

Со вскрытіемъ рѣки и прохода льда, ставятся морды на мелкій родъ сига; около половины іюня, показывается сперва чавыча, а въ слѣдъ за нею красная и хайко. Нельму средней величины ловятъ сѣтями сначала весны до рѣкостава. Неводъ, употребляемый въ редутѣ, вязанный изъ морскаго толстаго прядеа, вовсе не годится для рѣчнаго рыболовства. Всѣ сорта рыбъ лососинной породы ловятся яловыми и потому вкусомъ несравненно ниже промышляемыхъ по Квихпаку.

Жиръ морскихъ животныхъ, безъ котораго ежедневное употребленіе сушеной и свѣжей рыбы не здорово, покупается отъ туземцевъ низовья Кускоквима, или парочно привозится съ Квихпака. Плохое состояніе огнестрѣльнаго оружія не дозволяетъ пользоваться командѣ редута мясною пищею въ такомъ количе-

ствѣ, какого можно ожидать отъ изобилія окрестныхъ мѣсть оленями.

Редутъ Колмакова въ настоящемъ своемъ составѣ, позволивъ товаровъ, получаемыхъ для расторжекъ съ туземцами, выпускаетъ ихъ на плату за временныя услуги при перевозкѣ этихъ товаровъ изъ Александровскаго редута, и на покупку для провожатыхъ и собственной команды различныхъ провизій. Сообщение съ Александровскимъ редутомъ, смотря по времени года, совершается двояко: байдарками и нартами.

Зимой, съ половины февраля транспортъ съ пушными промыслами, состоящій изъ десяти или пятнадцати нартъ, при тридцати человѣкахъ туземныхъ временныхъ работниковъ, или провожатыхъ, и такомъ же числѣ собакъ, отправляется изъ редута Колмакова вверхъ по рѣкѣ Улукакъ, съ вершины которой черезъ довольно широкую тѣснину выходитъ на рѣчку Квильхакъ, впадающую въ Хулитнакъ при Колмаковомъ городищѣ. Туземцы это урочище называютъ Ухвигчагваг-миуть. На этотъ переходъ употребляется отъ семи до четырнадцати дней. Тутъ транспортъ днюетъ и пополняетъ свои запасы, заготовленными въ лѣтнее время, по предварительному заказу. Отъ городища рѣкою Хулитнакъ и на прямки чрезъ тундру, пять дней хорошаго хода до устья рѣки Тумаглихтули, по ней и чрезъ невысокій перевалъ полтора и два дня до вершины рѣки Агъягатъ, и отъ трехъ до пяти дней рѣкою Тагъягвахтули, до такъ называемой Нушагакской одиночки, находящейся на рѣкѣ Ильгакъ.

Нушагакекая одиночка состоитъ изъ одной избы, въ которой проживаютъ временно двое караульныхъ изъ Русскихъ или Аглет-миуть, для охраненія привозныхъ промысловъ изъ редута Колмакова и товаровъ изъ Александровскаго. Весь этотъ путь, открытій Лукинымъ, представляетъ много трудностей относительно продовольствія, но онъ единственный по способности и близости.

Лѣтомъ изъ редута Колмакова, два различныя сообщенія, при подъемѣ и возвратѣ. Въ первомъ случаѣ, двѣ или три трех-лючныхъ байдарки и десять или пятнадцать однолючныхъ, поднимаются противъ теченія по рѣкамъ Кускоквиму, Хулитнаку и ея главному притоку Анятаку. Съ вершины послѣдней рѣки грузъ и байдарки переносятъ, на расстояніи семи миль, чрезъ холмистую, сухую тундру въ рѣчку Уксуохчуллькъ, притокъ Чичитнака; отсюда по теченію спускаются въ Чичитнакъ, изъ нея въ Ильгакъ и рѣкою Нушагакъ доходятъ до Александровскаго редута; на

Ильгакъ спрять плоть, а неплоты туземцы отпущаются. Принавъ товары и припасы, шлютъ байдару и въ ней поднимаются до жунагакской одиночки; тутъ складываютъ целовину груза и возвращаются на Кускоквину, переносясь съ Читлвана въ рѣчку Чиньюхтагули, притокъ Алимтака.

Неудобства обонхъ сообщеній открылись только со смертью Колмакова, когда раздѣлилось производство, выгоды и торговля операций обонхъ редутовъ.

Какъ центръ торговыхъ сношеній племень верховыхъ съ низовыми, редутъ Колмакова весьма важенъ по своему мѣстоположенію. Въ настоящее время управляющій редутомъ имѣетъ непосредственныя, дружескія сношенія съ туземцами перыхъ пяти селеній къ устью Кускоквина; на послѣднемъ изъ нихъ, Угашкѣ, содержитъ временную одиночку для расторженъ съ низовыми жителями, но самъ посѣщать тотъ край не рѣшается, по многлюдству и буйству нѣкоторыхъ туземцевъ; торгуется съ проживающими по берегамъ Иттегѣ; съ другой стороны ежегодно посѣщаетъ верховье Кускоквина и ведетъ выгодный обмѣнъ съ тамошними племенами и Тынайцами рѣки Тхальхука.

До 1841, въ Колмаковой одиночкѣ скупалось болѣе двухъ-тысячъ бобровъ. Но когда, въ 1842, по невѣдѣнію, съ канни племенами это заселеніе ведетъ свои торговля операция, дамы быяи Кенайцамъ способы къ переходу чрезъ горы на вершину Кускоквина, то сборы пушныхъ шхвъ въ редутѣ уменьшились до тысячи-двухъ-сотъ шкуръ. Извѣстно, что Кенайцы обижаютъ малочисленныя дальнія племена и не рѣдко, задерживаемыя на возвратѣ непогодами, пытаются бобровыми шкурами, ошаривая съ нихъ шерсть, и потому, разсматривая вообще наши сношенія съ материковыми племенами, намъ кажется полезнѣе было бы оставить дѣла по прежнему, опредѣливъ по естественнымъ границамъ предѣлы дѣйствій для каждаго округа.

Въ заключеніе повторимъ, что процвѣтаніе или упадокъ нашей торговли въ здѣшнемъ край, весьма много зависятъ отъ смилденности и благорасположенія управляющаго заселеніемъ. Туземецъ весьма цѣнитъ ласковое обращеніе: ему иногда встрѣчается надобность въ такихъ вещахъ, за которыя вдругъ заплатитъ онъ не въ состояніи, вѣрить въ долгъ не дозволяется. Но если управляющій такимъ-бы порядкомъ повелъ свои дѣла, то сборъ промысловъ не покроетъ расходовъ; равноѣрно не велика была бы прибыль, если бы онъ держалъ себя бариномъ, какъ на ширяръ въ Михайловскомъ редутѣ, не пускалъ бы къ себѣ въ

комнату и прочее. Лукниъ живетъ и жилъ, что называется, настежь; мы часто видали въ его каморкѣ по десятку туземцевъ, которые цѣлые дни помалчиваютъ между собою въ ожиданіи хозяина работающаго гдѣ нибудь въ лѣсу или у заповоръ. Если случатся у него гости въ обѣденную пору, то кусокъ ююлы и чайникъ *колоніальнаго* чаю дѣлится съ присутствующими; знаа тонко ихъ обычаи, онъ никогда не спрашиваетъ, кто и зачѣмъ пришелъ. Мы сказали, что туземцы стараются сколько возможно скрывать другъ отъ друга, то, чѣмъ который либо изъ нихъ занимается дѣлать въ кажимъ; съ начала зны и до половинны января, такіа дѣлежкн случаются почти ежедневно, и потому Лукниъ столько же доступенъ ночью какъ и днемъ: приходій стучится подъ окно и бываетъ выпускаемъ безъ опасенія. По трудности перевозки, масса Европейскихъ товаровъ, поступающихъ въ расторжку, не значительна и главѣйшіе обороты производятся на туземныя произведенія, какъ то: оленьи шкуры, петли, лавтаки и жиръ.

Общими чертами невозможно вполне передать жизнь, которую мы вели въ нашихъ заселеніяхъ въ Нулато, Иког-миутъ и редутъ Колмакова. Не смотря на то, что мы проживали на мѣстѣ, рѣдкій день не предвидѣлось намъ замѣчать чего либо особеннаго въ туземныхъ правахъ, обычаяхъ, въ образѣ ихъ жизни, домашнемъ быту и прочее, или, осматривая окрестныя мѣста, трудится для снискиванія себѣ пропитанія. Такимъ образомъ проживая на мѣстѣ, мы на мѣстѣ не сидѣли. Для нѣкотораго ознакомленія читателей съ этой жизнью, мы рѣшаемся помѣстить дневникъ весенняго нашего пребыванія на Кускоквинѣ, тѣмъ болѣе, что въ такой формѣ удобнѣе пополнить то, что выпущено въ общемъ очеркѣ состоянія редута.

11 апрѣля. Облачно, слявіе солнца, NO тихій.

Комната, данная намъ на проживанье, только по осени отстроена и назначается для холостыхъ работняковъ. По плохатости глины, изъ которой сбита печь, и по сырости стѣнъ, зимою такъ было угарно, что въ жестокіе морозы мы клали на полъ, на мелкій щебень кучу до красна каленыхъ камней; окна затянутыа кишками и обмерзавшіа черезъ ночь на дюймъ, едва пропускали свѣтъ. Нынѣ стѣны обсохли, илъ выгорѣлъ, нерпичьи кишки замѣнены стеклами; свѣтло, чисто и тепло; однако соображаясь съ климатомъ, выгоднѣе было бы присылать въ здѣшнія мѣста вмѣ-

сто стеколь слюду; въ тому и туземцы обращаться со стеклами не привыкли. Въ лѣтнее время управляющій вынимаетъ изъ казармы рамы, замѣняя ихъ щитами обтянутыми миткалемъ.

Изъ четырехъ человекъ большихъ мы нашли двухъ поправляющихся, и двухъ при смерти. Болѣзнь у всѣхъ одна — простудная горячка. Здѣшніе туземцы, какъ Алеуты и Креолы, слабогрудны; въ двадцать лѣтъ рѣдкій не кашляетъ кровью. Сѣверо-восточные сухіе вѣтры, дующіе съ материка, вообще для нихъ вредны. Нѣкоторыхъ работниковъ я не узналъ, такъ исхудали отъ недостатку пищи въ продолжительномъ походѣ въ Нушагакскую одиночку; впрочемъ и въ редутѣ въ пынѣшнее время не откормиться: на каждаго человека приходится въ сутки по полъ-юколы, около полу-фунта, и чрезъ день варя свѣжей рыбы; но и запоры скоро сломаютъ и небольшого запаса юколы едва достанетъ до перваго мая.

Для нашего пропитанія предстояло одно средство, стрѣльба оленей; на это я рассчитывалъ еще зимою, и потому нарочно взялъ собственную впитовку: у компанейской сбилось огниво и сдѣлался разстрѣлъ; безъ шуста нечего и думать о поправкѣ, а мы по неопытности не запаслись имъ изъ Ново-Архангельска.

На завтрашній день я промыслилъ себѣ пищу: убилъ селезня на вскрывшихся по рѣчкѣ Кыгымъ быстринѣхъ. Мой подвигъ рѣшилъ всѣхъ приниматься за ружья; ихъ тройной комплектъ въ редутѣ, но не наберется пяти, которые спускали бы курки безъ обѣчки; пересылать для починки въ Ново-Архангельскъ нѣтъ возможности: едва набираются байдарки для перевозу пушных промысловъ.

12 апрѣля. Облачно, просіяніе солнца; до полудня NNO утрѣнный; послѣ тихій.

Съ утра охотники отправлены въ горы; для прислуги остался у меня Касякъ. Этотъ смышленный мальчикъ у своего названнаго отца Глазунова научился довольно порядочно оцѣпировывать птицъ. Въ выжженпомъ лѣсу только дятель долбитъ полуобгорѣвшіе стволы.

Селеніе Кыгымъ-Пайма пусто: жители разѣхались по лѣтникамъ и на промысла; управляющій снялъ у нихъ пять заповорь. — Нынѣ при осмотрѣ трехъ оказалось, что ихъ подняло водою; изъ остальныхъ вынуто осемьдесятъ штукъ сиговъ и чнтагноя.

Труднымъ больнымъ я даю сухарей, но одинъ отозвался, что ему тяжело, и будто отъ хлѣба. Онъ женатъ около году на мо-

людей туземкѣ, и та приноситъ ему потихоньку разней дряни. Дважды въ день посылается мнѣ отъ меня чай, но жажда дожить и за одинъ приемъ они выпиваютъ почти по осминѣ брусничнаго соку. Здѣсь ни-кого не удержишь, что этотъ сокъ безъ шѣры и здоровому вреденъ. Отвѣчаютъ: «Это привычное наше лекарство». Женитый жалуется на отъсненіе въ груди въ большое мѣсто ему накалываютъ концомъ обточенного гвоздя; такое кровососаніе въ употребленіи по всему здѣшнему краю.

13 апрѣля. Облачно, NO умѣренный, временно просіявіе солнца по утру; небольшой дождь, ночью мокрый свѣтъ.

Исправивъ кое какъ двѣ свои собственныя винтовки, управляющій послалъ младшаго сына съ работникомъ въ горы за оленями. Послѣ полудня умеръ женитый Аглег-миутъ; предъ нимъ оставалась недопитая чашка брусничнаго отвару. Видя, что такимъ порядкомъ отправится на тотъ свѣтъ и другой больной, я принялъ его въ полное свое вѣденіе и перенесъ въ свою комнату. Въ горячкахъ голодомъ не умираютъ и строжайшая діета мнѣ казалась надежнѣйшимъ, да и по неволѣ единственнымъ средствомъ, для возбужденія силъ природы: мы сами постоянно могли располагать въ сутки только фунтомъ сухарей.

14 апрѣля. Пасмурно, слякоть, маловѣтріе отъ всѣхъ четвертей компаса.

Воды выступило фута на два сверхъ льда, но его еще не подняло. Только голодъ вынуждаетъ бродить по распустившемуся снѣгу, но за трудъ нынѣ я былъ вознагражденъ, сверхъ пары дятловъ, еще тетеркой, которую удалось убить въ окрестномъ лѣсу праваго берега.

15 апрѣля. Облачно, временно просіявіе солнца. Тихо. Въ пять часовъ утра — 3°.

Послѣ того какъ разбили у меня здѣсь термометръ, послѣдній въ кругломъ стеклянномъ футлярѣ, я не рискую оставлять безъ себя на воздухѣ; притомъ, провождая дни большею частью въ лѣсу, не имѣю и времени къ постоянному наблюденію температуры. Намъ кажется, что въ редутѣ Колмакова, сравнительно съ Нулатовскимъ заселеніемъ, днями десятью теплѣе.

Покойника похоронили по христіанскому обычаю, однако жена выполняетъ и свои обряды: сидитъ веряженная и раскрашенная въ углу кажима, задомъ къ дверямъ, не подходитъ и не глядитъ на рѣку.

16 апрѣля. Облачно; временно просіявіе солнца; NO умѣренный.

Ледъ подтаяло, всѣ запоры сломало, по рѣкѣ всадѣ сухо. Вечеру, видѣли впервые стаю гусей; на тундрѣ они показались еще 13. Редуть стоять не на перелетѣ.

17 апрѣля. Пасмурно, временно мелкій снѣгъ, до полдень NNO сѣвнѣй; ветеру SSW въ послѣднихъ дождевыхъ шквалахъ.

Къ вечеру обрадовалъ насъ одинъ изъ возвратившихся охотниковъ: ему в Тунгусу посчастливилось убить двухъ оленей и изловить трехъ кѣдвезетъ; самка убѣжала. Странно какъ она рѣшилась оставить дѣтей. По тундрѣ снѣгъ сошелъ почти совсѣмъ. Собака выбилась изъ силъ и нарта съ грузомъ завязла въ одномъ разлившемся ручейкѣ, милахъ въ трехъ отъ редута. Охотникъ пришелъ за помощью: кто откажется отъ добраго куска мяса!

18 апрѣля. Утро пасмурно, мелкій снѣгъ, W тихій; съ полдень малооблачно, NNO тихій.

Изъ пяти пудовъ тридцати-пяти фунтовъ привезенной оленины отдано на команду редута два пуда двѣнадцать фунтовъ. Такъ намъ привелось помогать тѣмъ, отъ которыхъ предназначалось получать помощь; слава Богу, но безъ надежнаго оружія, мы не рѣшились бы на обзоръ Кускоквима.

19 апрѣля. Утренникъ—2. 25. до полдень облачно, N умѣренный; послѣ пасмурно, SO умѣренный, снѣгъ.

Одного изъ охотниковъ я оставилъ при себѣ для стрѣльня гусей, другаго съ Касякомъ отправилъ въ горы; съ ними управляющій послалъ втораго своего сына, а самъ съ семьей и женщинами отправился на двѣ ночи къ лѣтнику Чуквакъ, добывать лѣсъ для мордъ и байдарокъ и рыть корень лягать. вмѣсто свѣжей рыбы, переставшей ловиться съ шестнадцатаго числа, варятъ лавтаки и порошнѣ изъ подъ жиру пузыри. Нѣкоторые добываютъ, кто тетерку, кто утку, счастливые гуся, по это все отдается дѣтямъ.

Вотъ четыре мѣста нашихъ заселеній на сѣверѣ, въ которыхъ природа падѣлена всѣми дарами для довольства человѣка; и во всѣхъ этихъ мѣстахъ, мы нашли большую скудость въ продовольствѣи содержимыхъ командъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, бесполезный, даже вредный торговымъ оборотамъ компаній выпускъ товаровъ на покупку жизненныхъ потребностей. Виновны ли въ томъ управляющіе? развѣ нѣкоторымъ образомъ управляющій Михайловскимъ редутомъ: остальные не имѣютъ средствъ заpastись главнѣйшимъ продовольствіемъ, юколой; не имѣютъ достаточнаго числа людей для лову рыбы во время ея хода обы-

кнovenными туземными способами, ни порядочныхъ неводовъ чтобъ вознаграждать недостатокъ. Здѣсь въ редутъ Колмакова три—четыре человѣка остающихся лѣтомъ работниками, во время хода красной рыбы, не спятъ ночи, промышленяя тридцати-саженнымъ неводомъ къ морскаго прядева * (когда слѣдуетъ неводъ рѣчной, и не менѣе семидесяти саженъ), но въ лучший годъ болѣе семи тысячъ на юколу, трехъ-сотъ на посолку, и до трехъ-сотъ кнелой рыбы занести не могутъ. Считаю, что собакъ нужно въ половину противу человѣка и разложивъ представленное нами количество на шестьдесятъ порцій, видно сколько собственные запасы редута недостаточны.

Надобно замѣтить, что здѣсь женщины туземки много способствуютъ собственными запасеніями: онѣ ловятъ рыбу сѣтями, собираютъ ягоды,—правда, со всякимъ соромъ,—роютъ различныя коренья, квасятъ борщъ (*Heracleum*), дягильникъ (*Angelica*); напротивъ Креолка въ Михайловскомъ редутѣ или Ново-Архангельскѣ, почитаетъ для себя низкимъ всякія хозяйственныя заботы, будучи твердо увѣрена, что въ лицѣ своего мужа и она должна прокармливаться на счетъ компаніи. Намъ удавалось задавать пѣ-которымъ въ послѣдніе годы выпущеннымъ замужъ, изъ Ново-архангельскаго воспитательнаго дому, вопросы въ родѣ слѣдующихъ: сколько на пудъ обыкновенно употребляемой въ колоніяхъ пшеничной муки выходитъ припеку, или на стирку извѣстнаго числа бѣлья сколько потребно мыла? Отвѣты были одинаковы: Незнаемъ-съ, хлѣбъ мы получаемъ готовый отъ хлѣбопека, мыла даютъ, сколько выйдеть, и прочая. Этимъ молодымъ женщинамъ было каждой подѣ двадцать лѣтъ. Всѣ онѣ ловко вальсвруютъ, граціозно пляшутъ французскія кадрили, всѣ прекрасно вяжутъ шарфы, косыночки, шапочки, всѣ читаютъ «Мертвыя души» Гоголя.... **

* Въ колоніи прядева для рѣчныхъ неводовъ не выписывается, потому что для ловли въ морѣ требуется толстое, а въ заселеніяхъ материка несѣдущіе управляющіе рады тому, что присылаютъ.

** Женская воспитательная школа основана въ 1837 году, подѣ покровительствомъ супруги бывшаго главнымъ правителемъ колоній Ивана Антоновича Купріянова, съ цѣлью доставить возрастающему поколѣнію креоловъ добронравныхъ и трудолюбивыхъ хозяекъ. Съ оставленіемъ господиномъ Купріяновымъ колоній, въ 1840 году, въ теченіи послѣдующихъ пяти лѣтъ школа дѣвочекъ получила разширеніе, но по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Ново-Архангельска, за 1846 годъ, вторично преобразована по первоначально принятому плану. Въ настоящее время, каждая воспитанница учится шить

20 апрѣля. До полудня облачно, временно свѣтъ, временно просіяніе солнца N тихій; послѣ NW утрѣнный, малооблачно.

Туземцы Кыгыш-Пайма при своемъ разъѣздѣ, оставили на жи-
лѣ одну старуху при смерти. Управляющій перевезъ ее къ себѣ
и ухаживалъ по возможности. Нынѣ старуха умерла, пропала по
сдѣшнему выраженію. Ея родственники за похороны, по обычаю
своему, обязаны принести подарки, смотря по достатку или сте-
пени любви къ умершей. Мы были свидѣтелями исполненія та-
кого обыкновенія: года два назадъ, умеръ проживавшій въ редутѣ
туземецъ Афанасій, крещеный миссіонеромъ Ювеналіемъ, въ 1803
году. Онъ былъ похороненъ по-христіянке; прошлою зимою
одинъ изъ родственниковъ умершаго, проживающій на Иттегѣ, уз-
навъ о его смерти, привезъ управляющему двѣ парки: выхухолью
и ворочью, толкуши и три бобра. Такимъ образомъ при всеоб-
щемъ почитаніи туземцами покойниковъ, самая выгодная про-
фессія въ этомъ краѣ должность могильщика.

21 апрѣля. Облачно, временно просіяніе солнца; утро тихо; полдень ONO
утрѣнный; ночью ONO свѣжій.

Управляющій привезъ три нарты лѣсу и пуда два кореньевъ
лягать. Эти корни отрываются по скатамъ береговъ, покры-
тыхъ болѣе толстымъ слоемъ растительной земли; главный стволъ
корня до дюйма въ діаметръ, цвѣтомъ бѣловато-желтый; изъ об-
ращенного въ муку, съ небольшою примѣсью пшеничной, пекутъ
сладковатые лепешки. Стебли и листья этого растенія, собранные
мною, потерялись гдѣ-то при перевѣздахъ, и потому болѣе ничего
не могу сказать опредѣлительнаго. Туземцы употребляютъ эти
коренья вареныя и сырыя.

22 апрѣля. По утру пасмурно, NO свѣжій, до 7 часовъ — 0,75. Въ полдень
облачно, NNO свѣжій, временно просіяніе солнца; вечеръ тихъ, малооблачно.

Я добылъ двухъ тетерокъ; находящійся при мнѣ служитель —
гусь и утку. На рѣкѣ забереги сажени полторы ширины; по сре-
днѣ ледъ во многихъ мѣстахъ повертѣло, но все кого нужда
пропитанія, кого охота, манитъ на противный берегъ къ птицѣ.
Гуси и журавли летятъ огромными стаями и летятъ высоко.
Примѣта къ хорошей погодѣ. Однако мы ею въ теченіи всего ап-
рѣля не пользовались: исключая девятаго числа, ртуть не подни-

и выдѣлывать птичьи шкуры, кишечные камни, плести изъ травы и ко-
реньевъ различную домашнюю утварь, рогожки и прочее, что весьма по-
лезно женщинамъ, которой предстоитъ раздѣлять труды своего мужа на ро-
днѣ.

малась выше 6° по Реомюру. Вечеру рѣчка Кыгыгъ разлилась и отняла всякую возможность добывать саднавшихъ по ней гусей и утокъ.

Послѣ полудня двое туземцевъ селенія Тулукагнаг-мюгъ промышляющіе оленей и бобровъ, по притокамъ Аниака, принесли нѣсколько бобровыхъ шкуръ за табакъ и просили отъ имени тоёна здѣшняго жила въ долгъ большой желѣзный котелъ; требуемой величины котелъ случился, но безъ дна. Управляющій принялся за молотокъ, наковальной служить ему обухъ тупицы, и на утро туземцы отпущены.

23 апрѣля. По утру пасмурно, тихо, до 7 часовъ утраивка — 0,75; съ полдень WNW умѣренный, облачно, просіяніе солнца.

Мой большой началъ вставать съ постели; я прибавилъ ему порціи мяса.

Къ вечеру младшій сынъ управляющаго привезъ одного оленя. Онъ говоритъ, что у насъ убито три и изготовлены вѣшала для сушки мяса, но главный стрѣлецъ, Тунгусъ, ушибленъ оленемъ и на нѣсколько дней не въ состояніи продолжать поимку.

24 апрѣля. Облачно, временно просіяніе солнца, SW умѣренный.

Со свѣтомъ, въ сопровожденіи четырехъ человекъ работниковъ, я пошелъ въ горы къ стрѣльцамъ: слѣдовало посмотреть, сколько возможно оставить мяса для сушки и сколько взять для команды редута, порядочно истощенной продолжительнымъ произвольнымъ постомъ. Отъ редута мы шли мѣли двѣ съ половиною горѣлымъ лѣсомъ и небольшимъ озеромъ по главному направленію къ югу, потомъ продолжали путь по холмистой тундрѣ. Куропатки за частую выскакивали съ явцъ изъ подъ нашихъ ногъ, но стрѣбой можно было испугать оленей. Становье нашихъ охотниковъ разбито мѣляхъ въ двѣнадцать отъ редута, но какъ олень въ этихъ мѣстахъ персежился, то на дняхъ стрѣльцы отправятся далѣе по направленію къ хребту Кыхтулитъ. Слишкомъ три пуда мяса повѣшено было на вѣшала. Тунгуса нашли поправляющагося: послѣднему быку онъ на просто сломилъ шею руками. Дѣло это записываю его словами: «Я скралъ табунъ изъ пяти оленей, мясо самки знаете мягче, да и шкура дороже; выстрѣлилъ по ближней, свалилась; смотрѣть съ голкомъ лѣ, нѣкогда; сталъ было заряжать снова, какъ вдругъ одинъ быкъ бросился прямо на меня. Извѣстно, что осенью, когда они ходятъ, это случается, а этотъ какой-то полоумный. Дѣлать было не чего, не убѣжишь; бросилъ винтовку, пригнулся да и обнялъ его, когда ужъ хотѣлъ было поднять меня на рога; понесъ олень по чистому бугру —

вотъ вы прошли соо въ веретѣ отсюда, я держусь какъ вомкъ, бросить опасно, затопчетъ. Вотъ онъ мыкалъ, мыкалъ, умаялся, налъ на переднія ноги. Я вижу и думаю себѣ, зарѣжу я оленя, потянуся одной рукой къ голенищу за ножомъ, досталъ, да на бѣду ножъ завернуть въ тряпицѣ вмѣстѣ съ огнивомъ; сталъ развязывать зубами, а олень опять на ноги и опять по бугру, кружилъ, кружилъ, наконецъ выбился же изъ силъ, захрапѣлъ и повалился на бокъ. Что бѣ самому не наткнуться, ножъ я бросилъ въ ту пору какъ онъ поднялся впервые; попробовалъ, придержалъ колѣномъ, да шею и на сторону. Послѣ едва дотащился до стану, спасибо, товарищи подошли навстрѣчу.

Однако удалому Тунгусу такъ пришибло память, что онъ забылъ сказать, чтобъ другіе охотники осмотрѣли мѣсто ратоборства. Мы, проходя мимо, случайно нашли только одну ногу убитой матки, прочее успѣла растаскать росомаха.

Не описываю своего похода по тундрѣ. Лапки мы оставили подъявшись на холмы: рытвины, ямки, оленьи тропы, все это переполнено водою; неприятно, когда вода залетаетъ за торбоса, того неприятнѣе, когда пробьются подошвы; обѣ эти бѣды какъ со всякимъ другимъ, случились и со мною; но яркій огонь, чай, свѣжій мозгъ, кусокъ отборнаго мяса, подсиѣвшая брусника, скоро заставили забыть мелочь неудовольствій прогулки.

25 апрѣля. Пасмурно, SSW свѣжій, временно снѣгъ.

Тяжелыя ноши и сборъ по пути ягодъ были причиною, что я опоздалъ къ заводкѣ хронометра. Командѣ редута дано на двѣ вари мяса.

26 апрѣля Облачно, SSW свѣжій, шквалами съ дождемъ и снѣговой крупой.

У большого примѣтнаго жару нѣтъ, но ему чудятся различныя призраки; те хотять его рѣзать, те тащатъ въ рѣку, ѣсть просятъ поминутно. Вида признаки бѣлой горячки, я усугубилъ надзоръ и уменьшалъ порцію. Въ казармѣ полагаютъ, что я умрю его голодомъ: молчу.

27 апрѣля. Пасмурно, SSW свѣжій съ снѣговыми шквалами.

Охотники редутской команды привесли еще одного оленя и тѣмъ закончили весенніе поски. Плохое состояніе оружія и неопытность молодыхъ людей причиною ихъ не'большой удачи. Мой Тунгусъ говоритъ, что они слишкомъ горячи; олень плохо видитъ, за то чутокъ; опытный охотникъ замѣчаетъ за его дѣйствіями и, принимая въ расчетъ вѣтеръ и мѣстность, рѣдко

ошибается въ направленіи, какое беретъ табувъ послѣ вераго выстрѣла.

28 апрѣля. До полдень пасмурно, SW тихій, сѣтъ; послѣ облачно, SW утрѣнный, временно просіяніе солнца, временъ сѣтъ.

При заводкѣ хронометра лопнула цѣпочка. На переходѣ на-шемъ изъ Ново-Архангельска, таже бѣда случилась съ судовымъ, и поврежденіе было исправлено преосвященнымъ Инокентіемъ, оставившимъ память священническаго своего служенія въ Ситхѣ постройкою часовъ въ куполѣ тамошней церкви. Я приглядѣлся къ дѣлу и съ малолѣтства привыкнувъ точить разныя мелочи, имѣлъ всегда при себѣ нѣсколько небольшихъ инструментовъ. Они мнѣ пригодились при настоящемъ случаѣ. Напоминаю со-братіямъ по службѣ, что многое то пригодится въ жизни къ дѣ-лу, что какъ бы забавою служило намъ въ дѣтствѣ.

Шмакову находившемуся при мнѣ для прислуги, почастили-лось убить оленя, и всего въ верстахъ двухъ отъ редута, такъ что слышенъ былъ гулъ отъ стрѣлявшихъ по пролетной птицѣ. Редутской командѣ дано сверхъ потроховъ два пуда десять фун-товъ мяса.

29 апрѣля. До полдень SW утрѣнный; послѣ SW свѣжій, облачно, вре-менъ просіяніе солнца.

Зазеленѣла дикая рожь или аржанецъ, *clunys arenarius*.

30 апрѣля. До сема часовъ утра — 0.5. Облачно, SSW утрѣнный, вре-менно мелкій сѣтъ.

Командѣ редута дано на варю оленьи. Большой пришелъ въ себя и ему вторично прибавлена порція. Изъ пяти или шести бобровъ, стрѣлянныхъ въ окрестностяхъ редута, добытъ всего одинъ, прочіе утонули или скрылись. Конечно, одна нужда про-питанія заставляетъ извинять такое напрасное истребленіе этого дорогаго животнаго.

1 мая. Пасмурно, NO утрѣнный; вечеромъ мелкій сѣтъ.

Въ пятомъ часу по полуночи пошевѣлилась рѣка.

2 мая. Пасмурно, ONO утрѣнный, временъ мелкій дождь.

Припадки больнаго возобновились; порція уменьшена.

3 мая. До полдень облачно, NO утрѣнный; послѣ пасмурно, ONO утрѣнный съ сильными порывами.

Около полудня при + 9° по Реомюру, тронулся ледъ, но чрезъ два часа ходу остановился отъ запоровъ внизу и сверху. Предъ

редутемъ часто. Управляющій говоритъ, что противу редута Ку-скоквина обыкновенно вскрывается между 25 числомъ апрѣля и 6 числомъ мая. Нѣтъ сравненія между Квихпакомъ и Кускоквиномъ: Квихпакъ едва ли не первая рѣка всего западнаго берега Америки, какъ по величинѣ, такъ и по удобности сообщенія; если считать розсыпь, остановившую насъ, за порогъ, каковымъ она и должна представиться при скатѣ воды къ осеннему времени, то развѣ мели низовья и бары на устьѣ, будутъ преградами для плаванія судовъ большого углубленія.

Стрѣлецъ убилъ еще одного оленя. Полтора пуда нынѣ принесеннаго мяса все отдано командѣ редута, которой пришлось питаться обносками подошвъ и лысцами, убитыми зимою. Жалко смотрѣть не только на людей, но и на собакъ, давно уже невѣдомо чѣмъ пропитывающихся.

4 мая. Утро пасмурно, ONO свѣжій; съ полдень SO свѣжій, облачно и просіяніе солнца; ввечеру тихо.

Въ сутки прибыло воды до пяти футь, но когда, въ семь часовъ вечера, запоры прорвало и понесло ледъ безостановочно, то и вода спала. Ввечеру впервые услышали крикъ лягушекъ.

5 мая. До полдень тихо, облачно и просіяніе солнца; послѣ NO умѣренный.

6 мая. Облачно, утро тихо; полдень NNO свѣжій; вечеръ NNW умѣренный.

7 мая. Облачно, просіяніе солнца, NO умѣренный.

Ледъ несло такъ, что временемъ открывалось сообщеніе между редутами и селеніемъ Кыгым-Пайма. Туземка Надежда пришла къ управляющему съ предложеніемъ взять для продовольствія команды яму кислой рыбы, которую отецъ оставилъ ей, отправясь на промыселъ. Не умѣю выразить радости старика и всѣхъ служащихъ. Все, что можно, было пріѣдено; до постановки запоровъ надлежало ожидать по крайности дней осемь. Вскорѣ привезено было пятьдесятъ штукъ двугодовалаго кислаго хайка: рыба хорошо сохранилась, потеряла свой острый запахъ и окрѣпнувъ отъ времени, показала мнѣ вкусѣе, нежели однолѣтняя.

8 мая. Облачно, временемъ просіяніе солнца, NO умѣренный.

Въ теченіи четырехъ сутокъ, то есть съ вечера 4 по вечеръ нынѣшняго числа, пронесло весь ледъ Кускоквима. Зазелѣли тальники, на ольхѣ лопнула почка.

9 мая. Облачно, NO умѣренный; по утру мелкій дождь.

Съ жила Кытыгъ-Пайма привезено сто-семьдесятъ штукъ тисской рыбы; съ лѣтника Канль-кучакъ, находящагося въ мѣлахъ сѣни къ верху отъ редута, до двухъ-сотъ юколы; голодошка кончилась. На спросъ мой у управляющаго, почему онъ заранѣе не попытался понесать юколы у туземцевъ, онъ простодушно отвѣчалъ:— «И, ваше благородіе, поголодовать намъ въ привычку, а возьми я въ ту пору какъ хозяева жила на лѣтникахъ, привелось бы заплатить въ три-дорога; не бѣда бы и заплатить, да возьми нынѣ, возьми завтра, дикари-то обливаться и перестануть ѣздить на промысла; при чемъ же мы жить будемъ? спасибо не скажутъ.»

10 мая. Облачно, NNO утрѣнный, временемъ просіяніе солнца, временемъ дождь.

Вскрытіе рѣки обезпечивало продовольствіе живущихъ въ редутъ; приближалось время похода; двѣ байдарки для экспедиціи окончены постройкой, оставалось примѣрять да приладить. Я наи́брывался послать въ горы къ стрѣльцамъ съ приказаніемъ прекратить поиски, какъ ввечеру явился Тунгусъ съ увѣдомленіемъ, что верстахъ въ двадцати далѣе перваго станова я сложено еще пять олевоу. Управляющій редутомъ помогаетъ своимъ людьми для перенесенія всего этого добра.

Большой началъ видимо поправляться.

11 мая. Облачно и сіяніе солнца, NNO тихій. Ночью небольшой дождь.

Послѣ полудня вовсе неожиданно прибылъ изъ Александровскаго редута креоль Матрозовъ съ четырьмя работниками, солью, бисеромъ и сіучьими лавтаками. Онъ былъ отправленъ изъ Нушагака, 30 марта, на нартахъ, но застѣнутый на пути вскрытіемъ Хулитнака, отдалъ компанейскихъ собакъ на сохраненіе промышленяющимъ бобровъ туземцамъ, сшилъ кое-какъ байдару и спускался за льдомъ. Матрозовъ смысленъ, удалъ, сопутствовалъ П. Колмакову при обзорѣ вершины рѣки Иннока; жалко, не грамотенъ, зато мастеръ на баламайтѣ: съ его пріѣздомъ всѣ запрыгали. Надобно сознаться, что всѣ креолы, проживающіе въ отдѣлахъ, далеко превосходятъ въ житейской опытности своихъ собратій, вырастающихъ въ главномъ заселеніи нашихъ колоній; оно и естественно: креоль изъ отдѣловъ съ измала пріучается къ труду и при врожденной смѣтливости и бойкости становится и лхкимъ промышленникомъ и находчивымъ при встрѣчающихся за частую невзгодахъ.

12 мая. Утро NO утрѣнный; полдень NO свѣжій, облачно, просіяніе солнца; вечеръ тихо.

Командѣ редута давно близъ трехъ пудовъ свиного мяса; въ походѣ приготовлено одинъ пудъ сухаго и девятнадцать реберъ.

13 мая. Утро NO тихій; полдень NO свѣжій, облачно, просіяніе солнца; вечеръ тихо.

14 мая. Утро тихо; полдень W тихій, облачно, сіяніе солнца, вечеръ тихо.

Празднуя день Святой Троицы, молились Богу. По русскому обычаю, разставили березки. Братковременные гости съѣвера, веснянки щебетали, во хороводовъ водить было не кому. Не вѣрю, чтобъ человѣкъ былъ вполне космополитомъ: всегда остаются въ немъ чувства или впечатлѣнія, которыя въ дни, подобную нынѣшнему, такъ сильны, что навѣваютъ невыразимую тоску, какое-то особенное стѣсненіе сердца. Нужно только пробудить это чувство, хотя какимъ-нибудь маловажнымъ обстоятельствомъ. Не правда ли, госнода путешественника?

15 апрѣля. До полдень мало облачно, тихо; послѣ облачно, NNO умѣренный; вечеръ тихо.

Лѣсъ и хламъ по проходѣ льда продолжаетъ нести безостановочно, но гораздо въ меньшемъ количествѣ, нежели по Квихпаку; не видно также, чтобъ несло очень крупныя деревья. Изъ этого можно заключать, что верховье Кускоквима не изобильно лѣсомъ. Коренной воды прибывало до трехъ футъ. Управляющій говорить, что въ нынѣшнюю весну она скатилась постепенно еще до вскрытія рѣки; впрочемъ прошлой зимой и свѣга были не глубоки.

16 мая. Утро облачно, сіяніе солнца, тихо; полдень N умѣренный, времени просіяніе солнца; вечеръ тихо.

Тестъ Лукина, туземецъ Дмитрій, старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, промышляя сѣтями нельму, верстахъ въ пяти выше редута, увидѣлъ на плавежѣ оленя. Онъ не имѣлъ оружія, да по дрялости и не былъ бы въ состояніи владѣть имъ. Чтò жъ? старикъ нашелся: не допуская оленя до береговъ, онъ сплавилъ его къ редуту, изъ котораго и получилъ помощь. Все мясо отдало имъ на команду.

Изъ двухъ заповровъ, поставленныхъ по утру, вынуто вечеромъ пятьдесятъ-четыре штуки мелкихъ сигаговъ: этотъ видъ идетъ тотчасъ по вскрытіи рѣки и запасается туземцами въ довольно большомъ количествѣ.

17 мая. Облачно и сіяніе солнца; утро тихо; полдень SSW свѣжій, вечеръ SSW тихій.

Временное подкрѣпленіе прибывшими съ Матрозовымъ людьми дало возможность управляющему послать нынѣ за товарами въ нушагакскую одиночку двѣ трехъ-лучныя байдарки, а какъ за этой посылкой при редутѣ осталась всего одна байдарка, то она рѣшается впервые ѣхать для расторжекъ съ верховыми племенами Кускоквима на небольшой четырехъ-весельной байдарѣ.

Двое работниковъ редутской команды, причисленные гребцами къ экспедиціи, поступили отъ насъ на полное продовольствіе, изъ экономіи сухарей и прочая.

Изъ заповровъ вынута сто-тридцать двѣ штуки сиговъ.

18 мая. Малооблачно, SW тихій.

Изготовились къ походу. Грузъ экспедиціонныхъ байдарокъ состоялъ слѣдующій: 3 пуда 36 фунтовъ сухарей по числу шести человекъ; 3 фунта чаю; 12 фунтовъ варенаго изъ песку сахару; 20 сушеныхъ оленьихъ реберъ; 1 пудъ сухаго мяса; 30 фунтовъ чемоданъ съ астрономическими инструментами; 20 фунтовъ табаку; 2 дробовника; одна винтовка; 3 пистолета, 15 фунтовъ дробя; 7½ фунтовъ картечи, 10 фунтовъ пороху; палатка, кубикъ, чайникъ, 22 фунта разныхъ бисеровъ и другихъ товаровъ, и фунтовъ по 10 у каждого перемѣнной одежды.

Находящемуся при экспедиціи служителю *Θ. Дмитріеву* переданъ надзоръ за редутомъ, на время отсутствія управляющаго.

ЖИЗНЬ и ПЕРЕПИСКА
ДАВИДА ЮМА*.

=

Подъ этимъ заглавіемъ господинъ Джонъ Гилль Бёртонъ издалъ драгоценное и занимательное прибавленіе къ английской біографической литературѣ, книгу, составленную большею частию по документамъ, завѣщаннымъ Эдинбургскому Королевскому Обществу племянникомъ Давида Юма. Книга эта бросаетъ ясный и безпристрастный свѣтъ на большія и меньшія свѣтила шотландской философіи и французской энциклопедіи прошлаго столѣтія, обращающіяся въ системѣ, которой Давидъ Юмъ служитъ солнцемъ и центромъ. Авторъ приводитъ насъ въ близкое соприкосновеніе съ толпою знаменитыхъ людей, которые, своими талантами и гениемъ, ознаменовали эпоху, отличавшуюся необыкновеннымъ избыткомъ и развитіемъ челоуѣческаго разума, однимъ словомъ, коротко знакомятъ читателя, въ числѣ прочихъ, съ Робертсономъ, Блэромъ, Адамомъ Смитомъ, Хёчесономъ, Ридомъ, Кеймзомъ, Гиббономъ, Франклиномъ, Даламберомъ, Тюрго, Монтескьё, Дидро, Гельвеціемъ, Вольтеромъ и Жанъ-Жакомъ Руссо. Онъ показываетъ намъ этихъ людей и на шумномъ поприщѣ ихъ публичной жизни, и въ не столь дѣятельномъ, но, для насъ, едва ли не столько же привлекательномъ домашнемъ быту ихъ, въ свободные и непритворные часы, посвященные досугу и отдохновенію. Изъ кабинета философа, изъ канцеляріи посла, изъ королевскаго дворца мы переходимъ въ Покеръ-Клубъ, котораго члены собирались пить клэретъ въ Форчюнъ-тавернѣ, извѣстномъ трак-

* Life and Correspondence of David Hume. From the Papers bequeathed by his nephew to the Royal Society of Edinburgh, and other original sources. By *John Hill Burton*, Advocate. 2 vol. in-8. Edinburgh, 1846.

тиръ въ Эдинбургѣ, или проводили время въ блестящихъ гостиныхъ Парижа, гдѣ посреди веселой болтовни и литературныхъ сплетней выработывался стихъ, которымъ было предназначено произвести страшный переворотъ, потрясшій Европу до самаго сердца.

Въ изложеніи обстоятельствъ жизни философа, онъ соблюдаетъ то согласное распредѣленіе частей, которое столь необходимо для единства и совершенства цѣлаго, и, по мѣрѣ возможности, даетъ событіямъ развернуться изъ самыхъ писемъ, соединяя ихъ между собою и пополняя, гдѣ нужно, собственнымъ разсказомъ и замѣчаніями. Господиновъ Бёртонъ не подражаетъ тѣмъ біографамъ, которые, радуясь, что поймали великаго человѣка, показываютъ его какъ рѣдкаго звѣря, и такъ же благоразумно остерегается искушенія вступить въ область метафизическихъ розысканій. Такимъ образомъ онъ написалъ весьма занимательную популярную книгу о предметѣ совѣмъ не популярномъ, потому что главное достоинство философіи Юма состоитъ въ ея отношеніяхъ къ успѣхамъ метафизическихъ изслѣдованій.

Давидъ Юмъ родился въ Эдинбургѣ, въ 1711 году, и умеръ тамъ же, въ 1776 году. Стоитъ нѣсколько остановиться, чтобы вспомнить, въ какомъ положеніи находилась Шотландія въ эти два періода.

Шотландія необыкновенно поздно начала заниматься науками. Въ 1711 году наступила для нея новая эра. Ея исторія, до соединенія двухъ коронъ, есть не что иное какъ лѣтопись, въ которой мы встрѣчаемъ одни только мятежныя возстанія да подвиги свирѣпой отваги. Единственный ученый ея, до того времени заслужившій какую нибудь извѣстность, былъ Бюкэннонъ, хотя она уже славилась нѣсколькими истинными поэтами, — Дугласомъ (Gawin Douglas), Дунбаромъ и Давидомъ Лиддзеемъ. Самъ Юмъ, когда окончательно отвергъ подлинность «Поэмъ Оссіана», руководствовался слѣдующимъ доводомъ: «Человѣку съ здравымъ разсудкомъ невозможно повѣрить, чтобы онъ могъ сохранять въ вѣстныхъ преданіяхъ, въ теченіи пятидесяти поколѣвій, у грубѣйшаго, бѣднѣйшаго и безпокойнѣйшаго, можетъ быть, изъ всѣхъ европейскихъ народовъ.»

Столѣтіе, которое протекло отъ соединенія двухъ коронъ до соединенія королевствъ, принесло съ собою только измѣненіе или умноженіе несчастій. Тогда въ Шотландіи не было мѣста для людей ученыхъ или человѣколюбивыхъ. Провинціальное правленіе Стуртовъ показалось Лейтону столь же востерпимымъ,

сколько Бёрнету, и Лейтонъ наконецъ, въ отчаяніи, отказался отъ своего епископства и удалился въ Англію, объявивъ, что не можетъ рѣшиться содѣйствовать введенію, помощію такихъ средствъ, даже самой вѣры христіанской, а еще того менѣе особенной формы церковнаго управленія.

Андрей Флетчеръ, для достиженія лучшаго порядка вещей, наудача необходимыми, обратилъ сперва шотландскій народъ въ крѣпостное состояніе. Въмѣсто этого административнаго опыта, политическія нужды, къ счастью, надѣлалъ Шотландію соединеніемъ обонхъ королевствъ. Объ общественныхъ выгодахъ, которыя въ послѣдствіи простекли изъ этого событія, никто тогда и не думалъ; но, сдѣлавшись составною частію британскаго государства, Шотландія, какъ-будто вдругъ, обваражила свои способности и силу и поняла, что *perseveridum ingenium Scotorum* (древній характеръ, приписываемый Шотландцамъ) послужить ей къ достиженію той же степени въ наукахъ мирныхъ, какую она некогда занимала въ военныхъ. Не смотря на два возстанія и на желанія нѣкоторыхъ политическихъ теоретиковъ, добиться для нея отдѣльнаго парламента, Шотландія все продолжала идти впередъ и, въ теченіи слѣдующаго столѣтія, не только далеко превзошла Ирландію, но изъ всѣхъ великихъ стижій современной образованности извлекла для себя пользы не менѣе самой Англіи. Будучи ребенкомъ, самъ Юмъ видѣлъ, можетъ-быть, какъ первый, выстроенный на Клайдѣ, корабль гласговскихъ купцовъ ставилъ паруса, отправляясь въ первый разъ въ плаваніе на Атлантическій Океанъ. Но, до его смерти, Глазговъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ торговыхъ городовъ государства, а въ столицѣ, въ Эдинбургѣ, основывалась вторая столица, куда Юмъ приглашалъ своихъ пріятелей навѣщать его «въ нашемъ новомъ городѣ» (*in our New Town*), смѣло вызывая ихъ сравнить этотъ новый городъ со всѣми извѣстными городами въ свѣтѣ. Улучшенное хлѣбопашество, быстро распространявшаяся торговля и учрежденіе хорошихъ приходскихъ школъ превращали крѣпостное народонаселеніе Андрея Флетчера въ полезныхъ гражданъ. Подъ руководствомъ такихъ людей какъ лордъ Кеймъ и Освальдъ (оба короткіе пріятели Юма), лучшіе умы Шотландіи надзирали за успѣхами и ускоряли развитіе земледѣлія и торговли, между тѣмъ какъ литературный кругъ, котораго центромъ былъ Юмъ, давалъ право періоду, украшенному такими людьми, называться золотымъ вѣкомъ Шотландіи.

3 Нельзя было ожидать, чтобы все соотвѣтствовало этому огром-

нимъ успѣхамъ. И дѣйствительно, кажется, тонъ и обращеніе средняго общества уже не отличались прежнею вѣжливостію, крайней-мѣрѣ говорятъ, будто бы маршалъ Кейтъ (Keith), при возвращеніи своемъ въ Шотландію, замѣтилъ что то въ родѣ этого. Но вѣжливость, на недостатокъ которой онъ жаловался, была чужеземная, привозная, точно такъ какъ и ученость Бюкэннона, и потому-то не пустила глубокаго корня. Образованность, которая тогда заступила мѣсто этой поверхностной вѣжливости, вкоренилась, потому что была туземная. Подобные перевороты въ общественномъ духѣ и быту рѣдко бываютъ замѣчены, покуда не достигнутъ совершеннаго развитія. Ожидаль ли кто-нибудь тогда видѣть поля и сады Англии подъ присмотромъ и въ распоряженіи шотландскихъ хлѣбопашцевъ и садовниковъ? И Англійскіе студенты удивлялись, вѣроятно, не мѣнѣе, когда имъ стали указывать на метафизиковъ, на историковъ и на политико-экономовъ, родившихся и воспитанныхъ въ Шотландіи, какъ на людей, отъ которыхъ они могли узнать законы, управляющіе мыслию, политикой и народными богатствами. Живое воображеніе Томсона и юморъ Смоллета уже оживляли вѣскольکو скуку царствованій двухъ первыхъ Георговъ; по древніе предразсудки уничтожались медленно даже и тогда, когда глаза цѣлой Европы устремились на Юма, Робертсона и Адама Смита и когда самъ Гиббонъ торжественно призналъ блескъ этихъ великихъ свѣтилъ. Джонсонъ остался твердъ въ томъ мнѣніи, въ которомъ былъ воспитанъ, и до самой своей кончины твердилъ, будто бы Шотландія, кромѣ Бюкэннона, не произвела ни одного гениальнаго человѣка. Въ свое время явились Шотландскіе романы и привлекли къ себѣ все вниманіе публики, но и тогда авторъ «Чувствительнаго Человѣка» (The Man of Feeling, извѣстный романъ Мэккензія) не рѣшался безпокоить великую британскую публику свѣденіями объ авторѣ «Дугласа» (Хомъ, John Home) и о современныхъ ему литераторахъ. Наконецъ, однакожъ, кому-то удалось убѣдить его, что литература его отечества начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе въ Англии, и Мэккензи, хотя съ боязнію, отважился, въ 1822 году, на изданіе составленной имъ біографіи Джона Хома.

Шотландцевъ между-тѣмъ нельзя было обвинять въ невниманіи къ достоинствамъ своихъ соотечественниковъ. Въ числѣ современниковъ и одноземцевъ Давида Юма были многіе, которыхъ имена нынѣ затмилась, по не отъ недостатку въ біографіяхъ. Мы имѣемъ жизнеописанія Хѣссона, Личмэна, Освальда, обоихъ Хо-

мовъ, Бэрла и Беатти, а также Рида, Робертсона, и Адама Смита. Три послѣднія біографіи были благодарственные памятники, воздвигнутые Дюгальдомъ Стуртомъ въ честь учителей своихъ. По справедливости, онъ бы долженъ былъ дополнить ихъ литературную исторію жизнеописаніемъ Юма, потому что Юмъ былъ старше Робертсона и Смита десятию или двѣнадцатью годами, а какъ авторъ еще того почтеннѣе. Хотя и нельзя сказать, чтобъ онъ былъ ихъ наставникомъ въ исторіи и политической экономіи, однако нельзя назвать его только предшественникомъ. Правда Юмъ былъ однимъ годомъ моложе Рида, но мы знаемъ изъ устъ самаго Рида, что онъ впервые научился оспаривать начала Юмова ученія и сравнивать свои выводы съ выводами Юма, посѣщая, какъ ученикъ, метафизическія лекціи этого философа. «Исслѣдованіе о человѣческомъ разумѣ» было слѣдствіемъ «Разсужденія о человѣкѣ».

Важнѣйшая часть бумагъ, изъ которыхъ господинъ Бёртонъ составилъ свою книгу, заключается въ письмахъ, которыхъ сохраниено около пяти сотъ или больше. Нельзя постановить общимъ правиломъ, чтобы письма всякаго человѣка могли давать точное понятіе о его разговорномъ слогѣ; Юмовы письма, однакожъ, носятъ на себѣ отпечатокъ той постоянной веселости, тѣхъ искреннихъ изліяній добродушія и доброжелательства, которыя, какъ свидѣтельствуемъ Адамъ Смитъ, придавали его бесѣдѣ неизъяснимую прелесть.

Давидъ Юмъ былъ младшій сынъ шотландскаго дворянина, владѣвшаго небольшою помѣстьемъ Найнселльсъ, у англійской границы, въ Беррикширѣ. Послѣ смерти отца, котораго онъ лишился, будучи еще ребенкомъ, родня его состояла изъ матери, сестры и старшаго брата, о которомъ рассказываютъ, что онъ былъ ревностнымъ сельскимъ хозяиномъ и однимъ изъ первыхъ вводителевъ улучшеннаго земледѣлія въ Шотландіи. Самъ Юмъ оставилъ намъ признательное свидѣтельство о добродѣтеляхъ своей матери. Съ того времени, когда скончался мужъ ея, будучи еще въ цвѣтѣ молодости и красоты, она посвятила себя исключительно воспитанію и образованію своихъ дѣтей. Рассказываютъ о горькихъ слезахъ, которыя Юмъ пролилъ, — а философъ не часто плакалъ, — когда, возвратившись изъ Італіи, онъ, въ Лондонѣ, получилъ извѣстіе о ея смерти.

Ни одинъ изъ членовъ этого небольшого семейства не могъ, кажется, имѣть большаго вліянія на умственное развитіе смѣлаго мальчика, и начальный курсъ ученія, пройденный имъ, по соб-

ственнымъ его словамъ, съ успѣхомъ, казался бы, по нынѣшнимъ понятіямъ, чрезвычайно неполнымъ. Мы находимъ его имя въ росписной книгѣ эднбургскаго университета, за 1723 годъ: онъ тогда посѣщалъ лекціи греческаго языка. Объ умственныхъ его привычкахъ и наклонностяхъ въ этотъ періодъ жизни и въ теченіи слѣдующихъ десяти лѣтъ мы не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣденій, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ помѣстилъ въ письмѣ къ доктору Чіиу, пользовавшему его въ 1734 году. Изъ его словъ, высказанныхъ въ минуту страданія и унынія, видно, что онъ рано предоставленъ былъ самому себѣ и во всемъ, что касается до его воспитанія, дѣйствовалъ совершенно произвольно. «Наше университетское воспитаніе въ Шотландіи, говоритъ онъ, ограничивается изученіемъ языковъ и кончается обыкновенно на четырнадцать или пятнадцать-лѣтнемъ возрастѣ. По окончаніи курса читалъ я все, что мнѣ ни попадало въ руки, не отдавая одному какому нибудь роду чтенія преимущества предъ другимъ. Людямъ, знакомымъ съ твореніями философовъ и критиковъ, извѣстно, что они, кромѣ безконечныхъ споровъ, почти ничего въ себѣ не содержатъ, и что въ этихъ двухъ наукахъ нѣтъ еще ничего положительнаго. Разсматривая ихъ, я чувствовалъ, что во мнѣ порождается какая-то смѣлость духа, побуждающая меня искать истины новыми путями. Послѣ долгихъ размышленій, наконецъ, когда мнѣ было около осьмнадцати лѣтъ отъ роду, вдругъ предо мною раскрылось новое поле мысли. Я пришелъ въ совершенный восторгъ и съ горячіюстію, свойственною молодымъ людямъ, бросивъ всѣ прочія занятія и удовольствія, вполне предался своимъ изысканіямъ. Закововѣденіе, изученію котораго я предназначалъ себя, стало въ моихъ глазахъ наукою скучною и противною и я рѣшился было посвятить свою жизнь философскимъ изслѣдованіямъ. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ этого, я былъ совершенно счастливъ, но наконецъ, все мое усердіе какъ бы мгновенно исчезло.»

Юмъ вообразилъ, что это произошло отъ лѣнны, и сталъ читать съ усиленнымъ вниманіемъ, но тутъ прибавилось еще обстоятельство, которое увеличло его безпокойство: онъ было предпринялъ не только усовершенствовать свой умъ и разумокъ, но и исправить свой характеръ и приобрести твердую волю. Уныніе его ежедневно увеличивалось и онъ старался развлекать себя размышленіями о суетности міра и человѣческой славы. Ему сказали, что онъ страдаетъ болѣзнию, свойственною ученымъ!

Плохое утѣшеніе для честолюбиваго философа — собравши такой запасъ матеріаловъ, найти себя лишеннымъ способности приводить ихъ въ порядокъ и выражать словами! «Я сталъ отчаяваться, говоритъ онъ, считая себя не въ состояніи изложить мою мнѣнія съ такимъ краснорѣчіемъ, которое бы могло привлечь къ нимъ вниманіе свѣта, и мнѣ казалось лучше вѣкъ свой прожить въ неизвѣстности, чѣмъ представить ихъ искаженными и несовершенными». Вотъ какъ разсуждалъ и поступалъ Юмъ до двадцати-трехъ-лѣтняго возраста.

Можно ли вообразить болѣе совершенную картину мечтательнаго юноши, предоставленнаго своему собственному дурному управленію? Родственники его, со стороны какъ отца, такъ и матери, занимались въ послѣднее время законовѣденіемъ. Хотя могло быть и справедливо, что онъ также мало былъ способенъ къ судебнымъ преніямъ, какъ къ принятію участія въ разбойничьихъ наѣздахъ его праотцовъ на границу Англіи, однако все же, для семнадцати-лѣтняго юноши, бросать свои занятія, потому только, что чтеніе первыхъ немногихъ страницъ Боеція и Вивія показалось ему скучнымъ, значило поступить какъ своеправному ребенку и употребить во зло свою несчастную независимость.

За своеправіе свое онъ чуть-было не заплатился дорого. Уединенная жизнь его, безпрестанное напряженіе умственныхъ способностей и чрезмѣрное чтеніе ввергли его въ болѣзненное состояніе, противъ котораго онъ тщетно боролся три или четыре года. Перемѣна мѣстности сдѣлалась необходимою для возстановленія разстроенаго здоровья и ему представился случай соединить эту потребность съ вещественными выгодами: онъ опредѣлился свидѣльцемъ къ значительному бристолюскому торговцу!

Онъ прибылъ въ Бристоль больной и упавшій духомъ и если бы тогда его хозяинъ могъ заглянуть къ нему въ сердце, то увидѣлъ бы, что Юмъ чувствовалъ къ торговымъ дѣламъ не мѣтѣ отвращенія чѣмъ къ правовѣденію. Онъ самъ говоритъ, что отправился въ Бристоль въ полной рѣшимости «до послѣдняго вздоху своего не отказываться отъ своихъ ученыхъ занятій, но готовый на время отложить ихъ, съ тѣмъ, чтобы, при удобномъ случаѣ, приняться снова». Если спѣсивый студентъ и брался когда нибудь за литературу счетной книги, то ужъ вѣрно не на долго, потому что она казалась ему еще скучнѣе судебной литературы. Онъ занимался ею много-много нѣсколько мѣсяцевъ, но все же довольно долго, для того чтобы осталось пре-

даніе о томъ , какъ великій историкъ , стоя за прилавкомъ брестольскаго торговца , примѣрляя какому-то счастливцу пару перчатокъ ! Тѣ , которые читали его исторію , вспомнить , можетъ-быть , его описаніе вѣзда въ Бристоль квакера Нейлера ! Трудно постичь , какъ могъ Юмъ въ важное историческое сочиненіе помѣстить такую неприличную выходку , но прочитавъ его письма , вполне понимаемъ то злостное удовольствіе , которое онъ находилъ , метя за оскорбленія , навесенныя ему въ молодости ; въ особенности если примемъ въ разсужденіе ожесточеніе , съ какимъ онъ , при каждомъ исправленіи своей исторіи Англій , изыскивалъ случая наказать «подлыхъ виговъ» , которые пренебрегали его исторію Стуртовъ .

Но мы отклонились отъ нашего разсказу . До окончанія года , Юмъ вырвался изъ неволи и отправился во Францію , взявъ съ собою «необработанные матеріалы» своей новой философіи . Тамъ пробылъ онъ три года , которые провелъ преимущественно въ Ла-Флешѣ . Рѣшившись наконецъ избрать себѣ для ремесла литературу , онъ не хотѣлъ показываться между своими старыми знакомцами , не сдѣлавъ ничего , чѣмъ бы могъ оправдать свой выборъ . Когда , въ 1737 году , онъ возвратился въ Лондонъ , чтобы издать свое «Разсужденіе о Человѣкѣ» , онъ говорилъ Генриху Хому , что сильно желаетъ съѣздить въ Шотландію , чтобы повидаться съ пріятелями и посовѣтоваться съ ними насчетъ своихъ философскихъ изысканій . «Но , прибавлялъ онъ , не могу «преодолѣть той неловкости , которую чувствую при мысли о томъ , какъ , въ моихъ лѣтахъ , явлюсь я между вами , не создавъ себѣ еще ни какой будущности . Растолкуйте мнѣ , отчего мы , философы , не умѣемъ съ такою же искренностію презирать свѣтъ , съ какою онъ презираетъ насъ ?» Говорить о философіи въ такомъ тонѣ , при этомъ случаѣ , значило прозносить ея имя всуе , и Юмъ вскорѣ убѣдился , что свѣтъ былъ правъ и что ему , въ его незрѣломъ еще возрастѣ , не слѣдовало бы оставлять отцовскаго дому , для того чтобы отправиться на сраженіе съ мельницами . Судя по выраженіямъ , какія онъ употребилъ впоследствии , когда уговаривалъ Гильберта Стурта «не сворачивать съ прямого пути» , можно бы подозрѣвать , что онъ послѣ перешелъ къ противоположной крайности .

Ему теперь предстояло ужасное разочарованіе . Чтобы понять , съ какой мечтательной высоты онъ долженъ былъ упасть , надо припомнить себѣ , какъ долго онъ жилъ одинъ посреди своихъ восторженныхъ мыслей и какъ надмѣнно парилъ его надежды .

О философии онъ много размышлялъ, будучи еще шестнадцатилѣтнимъ юношей. Въ письмѣ къ одному изъ товарищей дѣтства, онъ тогда говорилъ: «я могъ бы бесѣдовать съ тобою объ этомъ предметѣ по цѣлымъ суткамъ.» Осмнадцатилѣтъ уже онъ имѣлъ на философію свой собственный взглядъ, который до наступленія двадцати-трехлѣтняго возраста его, достигъ значительнаго развитія. Въ эту раннюю пору онъ рѣшился уже избрать родъ человѣческой главными предметомъ для изученія, и источникомъ всѣхъ истинъ, какъ нравственныхъ, такъ и критическихъ. «Я, — говоритъ онъ, считаю непреложною истиною, что большая часть философовъ, жившихъ до нашего времени, бывали вовлечены въ заблужденіе собственнымъ величіемъ своего генія, и что, для того чтобы съ успѣхомъ заниматься философскими изысканіями, стоить только отбросить всѣ предубѣжденія въ пользу нашихъ собственныхъ и чужихъ мнѣній. Вотъ, по-крайней-мѣрѣ, на чемъ я основывалъ мои разсужденія, которыя у меня расплодился до того, что я въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ написалъ ими множество дестей бумаги.»

Его пребываніе въ Ла-Флешѣ, исполненномъ воспоминаніями о славѣ Декарта, а можетъ-быть еще и сходство его возраста и предположеній съ возрастомъ и предположеніями французскаго философа, послужило вѣроятно къ ободренію Юма въ его предпріятіи. Но Декартъ отложилъ приложеніе своихъ методъ до болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, между-тѣмъ какъ Юмъ, движимый востерпнѣемъ, самонадѣянностію, а можетъ-быть и нуждою, издалъ свои мнѣнія, къ несчастію, очертя голову. Ошибка важная, въ которой онъ раскаявался до конца жизни.

Нѣтъ самоувѣренности подобной той, какою бываетъ исполненъ молодой неопытный писатель. Изъ отвлеченнаго быта своего въ Ла-Флешѣ, Юмъ очутился въ дѣйствительной жизни и явился къ Джону Нуну, книгопродавцу въ Чипсайдѣ, его будущему издателю. По прибытіи въ Лондонъ, онъ пишетъ къ своему пріятелю Михаилу Рамзею, что «ничего поваго не предприметь, пока не будетъ въ состояніи судить объ успѣхѣ своего главнаго предпріятія и не узнаеть, какое мѣсто займетъ въ свѣтѣ». Но, по-мѣрѣ-того какъ время изданія приближалось, спокойствіе стало оставлять его при мысли о важности и близости событія. «Разсужденіе о челоѣкѣ» вышло въ свѣтъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1739 года. Свѣтъ, однако жъ, продолжалъ вращаться по прежнему и не обращалъ ни какого вниманія на «Разсужденіе». Юмъ послалъ экземпляръ епископу Бѣтлеру, по соображенію

было такого рода, что ни какому епископу, даже Бётлеру или Бёркляю нельзя было явно одобрить его. Страшная и неестественная тишина Лондона, кажется, пугала Юма и онъ считалъ за лучшее ожидать конца вдали отъ столицы, утѣшая себя между тѣмъ мыслию, что если успѣхъ его философскихъ открытій останется на долгое время сомнительнымъ, то самое величїе этихъ открытій можетъ быть прїяною медленнаго рѣшенія общества насчетъ ихъ достоинствъ. Онъ писалъ къ Генриху Хому: «Мои мнѣнія по этому предмету отъ общепринятыхъ такъ различны, что, если бы онѣ утвердились въ свѣтѣ, то произвели бы почти совершенный переворотъ въ философїи, а вамъ извѣстно, что подобнаго роду перевороты совершаются не безъ труда.» Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этого онъ узналъ, что наследникъ всѣхъ этихъ надеждъ произведенъ былъ на свѣтъ мертворожденнымъ, не пуспустившимъ даже крику! Онъ принялъ это оскорбительное извѣстїе съ твердостью, которой впоследствии не оказывалъ при непрїятностяхъ гораздо менѣе значительныхъ, смиренно сознавая, что любовь къ открытїямъ, по его мнѣнїю новымъ, увлекла его за предѣлы благоразумїя. Тутъ онъ отправился жить къ матеря, въ Найнвелльзъ, и сталъ направлять умъ свой къ другимъ предметамъ, отдавъ свои неудачно-высказанныя пѣсни на справедливый судъ потомства.

Молодость прошла и нашъ ученый попалъ въ число неизвѣстныхъ писателей, но онъ не считалъ себя побѣжденнымъ и никакъ не рѣшался оставаться въ ихъ толпѣ. Преобразователь философїи продолжалъ вѣровать въ свои возмутительныя правила и, слѣдовательно, нельзя было ожидать, чтобы онъ отказался отъ увѣренности въ собственныхъ способностяхъ, въ угожденіе невѣжеству или равнодушію какого бы то ни было общества.

Теперь мы приступимъ ко второму двадцатилѣтїю Юмовой жизни, проведенному въ почти неусыпныхъ авторскихъ трудахъ. Умѣривъ свои первоначальныя честолюбивыя надежды, онъ посвятилъ первую половину остальной литературной жизни на усовершенствованіе и передѣлку своего «Разсужденїя» и на изслѣдованіе нѣкоторыхъ любопытныхъ вопросовъ, касающихся общественнаго быта и политикѣ, а вторую половину провелъ въ занятїяхъ по части исторїи Англїи.

Въ 1738 году, послѣ своей неудачи, Юмъ возвратился въ Найнвелльзъ. Ему было тогда двадцать семь лѣтъ отъ роду. Тамъ онъ принялся за новыя литературныя работы, съ цѣлію разнообразить свои ученые занятїя и снова испытать вкусъ публики. Пер-

вымъ плодомъ этого опыта былъ небольшой томъ изданный въ Эдинбургѣ, въ 1741 году, содержащій въ себѣ разнаго роду нравственныхъ и политическихъ статьи, которыя были такъ хорошо приняты, что въ слѣдующемъ году онъ напечаталъ второй томъ и второе изданіе перваго. Въ 1743 году вышло третье изданіе этого творенія. Юмъ услышалъ, что епископъ Бётлеръ хлопоталъ всюду объ успѣхѣхъ его сочиненій и расхвалилъ первый томъ при первомъ его появленіи въ свѣтъ. Авторъ «Проповѣдей о человѣкѣ» вѣроятно, радъ былъ воспользоваться случаемъ, подавшимъ ему возможность поощрить автора «Разсужденія», потому что не будучи пророкомъ, нельзя было предвидѣть бгестящей участи, которая предстояла этому первому томику. Впослѣдствіи Юмъ выкинулъ изъ этого сочиненія восемь начальныхъ статей, между которыми, въ-особенности находилась одна о любви и о брачномъ состояніи, написанная нѣсколько вольно, въ духѣ Аддисона. Вѣроятно, разговоръ его вообще мало походилъ на эту статью: иначе онъ не могъ бы хвалиться, что всегда любилъ общество скромныхъ женщинъ и всегда въ немъ бывалъ благосклонно принятъ. Эти два тома, пополненные и передѣланные, составили въ-послѣдствіи первую часть очаровательной книги, извѣстной подъ заглавіемъ: «Опыты нравственные, литературные и политическіе», изданіемъ которой Юмъ приобрѣлъ славу полную, торжественную, соотвѣтствующую даже его чрезмѣрнымъ надеждамъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти статьи могутъ служить образцамъ этого роду сочиненій. Адамъ Смитъ читалъ свои первыя лекціи въ 1748 году, по «Разсужденіе о богатствѣ народовъ» вышло въ свѣтъ только въ 1776, такъ, что Юмъ только-что успѣлъ прочитать это сочиненіе, отъ котораго онъ пришелъ въ восторгъ, во время послѣдней своей болѣзни*. Ни какое прежде существовавшее сочиненіе не могло подарить автора «Богатства народовъ»

* Въ слѣдующемъ предсмертномъ сознаніи, занимательно чигать, съ какою радушіемъ Юмъ приглашаетъ Смита посѣтить его, «чтобы поспорить о нѣкоторыхъ его мнѣніяхъ». Тогда онъ сказалъ слова, которыя сдѣлались замѣчательными, вслѣдствіе позднѣйшихъ споровъ объ этомъ же предметѣ: «Я не могу полагать, чтобы цѣна найма фермы могла составлять часть цѣны продуктовъ, которую считаю послѣдствіемъ количества произведенныхъ продуктовъ и требованія на нихъ. Жаль, что это предположенное свиданіе не состоялось: Юмъ, кажется, хотѣлъ еще изложить свое мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ Смита, о достоинствахъ французскихъ политико-экономовъ».

столькими полезными мыслями, касательно его предмета, сколько онъ находилъ въ «Политическихъ разговорахъ», но Адамъ Смитъ считалъ систему французскихъ экономовъ ближе всѣхъ подходящею къ истинѣ и даже говорилъ Дюгелду Стурту, что если бы Кеней (Quesnay) былъ тогда живъ, онъ бы ему посвятилъ «Богатство народовъ». Юмъ конечно не сдѣлалъ бы этого, потому что въ письмѣ къ аббату Мореллѣ (1769) онъ вызываетъ его разгромить экономовъ, «раздавить ихъ и обратить въ прахъ». Это, говоритъ онъ, «собраніе людей самыхъ безтолковыхъ, самыхъ надмѣнныхъ, какіе только существовали на свѣтѣ съ того времени какъ уничтожена Сорбонна».

«Разговоры» были тотчасъ переведены на французскій языкъ. Переводчикъ пишетъ къ нему, что ихъ читали на расхватъ, какъ романъ, и что со времени изданія «Esprit des Lois» ни какое сочиненіе не производило такого впечатлѣнія. Къ этому же періоду его жизни надо отнести сочиненіе «Разговоровъ о естественной религіи». Они были напечатаны послѣ смерти автора, но онъ еще въ 1751 году показывалъ ихъ сэру Гильберту Эллиоту. Книгъ подобнаго содержанія нынче никто почти не читаетъ и потому скажемъ объ этомъ произведеніи, что по глубокомыслию, которое въ немъ видно, оно несколько не уступаетъ прочимъ его твореніямъ, а какъ сочиненіе стоитъ чуть ли не выше ихъ всѣхъ. Юмъ былъ авторъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Немногія страницы, которымъ онъ далъ заглавіе: «Моя собственная жизнь», — не что иное почти какъ списокъ его сочиненій и отчетъ о томъ, какія впечатлѣнія производилъ на него пріемъ ихъ въ свѣтѣ. Эта десяти или двѣнадцати лѣтняя «жизнь» составляетъ эру въ исторіи больше чѣмъ одной науки.

Между-тѣмъ какъ Юмъ обрабатывалъ свои планы и старался представить ихъ публикѣ въ наилучшемъ видѣ, самъ онъ терпѣлъ нужду во всѣхъ тѣхъ удобствахъ жизни, которыя столько необходимы чловѣку, занятому литературой. Юношеская мечта его о будущей литературной славѣ мало-по-малу осуществлялась, воздушный замокъ по немногу воздвигался, но дѣла философа оставались въ томъ же отчаянномъ положеніи и даже при самой расчетливой бережливости онъ долженъ былъ переносить всѣ униженія, съ которыми сопряжена завистность, и терзаться печальными мыслями о неблагонадежной будущности.

Усилія, которыя Юмъ дѣлалъ въ этотъ періодъ жизни, чтобы достигъ чего-нибудь, на что бы можно было положиться, походили почти на усилія утопающаго. Часто, глядя на то какъ лордъ

Кейпъ, лордъ Хейлзъ и лордъ Монбоддо, согласивъ свои литературныя занятія съ судопроизводными дѣлами, достигали богатства и почестей, онъ долженъ былъ горько раскаяваться, что исключительно положился на одну литературу, пагубной посохъ, съ которымъ такъ рѣдко дойдешь до конца пути. Часто, когда онъ всѣми силами добивался профессорства въ Эдинбургѣ или въ Глазговѣ, или когда предлагалъ свои услуги, въ качествѣ гувернера, *согласнаго и на отъѣздъ*, первому попавшему лейрду (laird — небольшой помѣщикъ въ Шотландіи), который рѣшился бы поручить ему надзоръ за своимъ сыномъ, онъ долженъ былъ, конечно, чувствовать, что въ отчаяніи своемъ требовалъ такихъ должностей, на занятіе которыхъ уже самъ лишилъ себя права. Съ самаго начала Хѣчесонъ предупреждалъ его о неосторожности нѣкоторыхъ выраженій въ «Разсужденіи» и онъ согласился, но неохотно, исправить многія изъ нихъ, говоря, что при теперешнемъ состояніи общества, онъ не полагалъ, чтобы доброе имя человѣка могло завистью отъ его философскихъ умозрѣній. Впослѣдствіи опытность убѣдила его, что общество находилось не совсѣмъ въ томъ состояніи, въ какомъ онъ полагалъ пайти его, и между-тѣмъ онъ только вредилъ себѣ самому и своимъ друзьямъ, вызывая ихъ на помощь въ безнадежной борьбѣ.

Въ 1745 году, при эдинбургскомъ университетѣ случилось вакантное профессорство нравственной философіи и пріятели Юма стали хлопотать объ опредѣленіи его на это мѣсто. Между-тѣмъ на него со всѣхъ сторонъ сыпались обвиненія въ скептицизмѣ, вмѣстѣ съ разными другими неприятными ванменованіями. (Хѣчесонъ даже отказался поддерживать его). Вдругъ кандидатъ скрылся неизвѣстно куда и наконецъ узнали, что онъ опредѣлился компаньономъ къ лорду Аннэндалю, литературному сумасброду, жившему тогда въ окрестностяхъ Сентъ-Албэнза! Слѣдственная коммиссія, наряженная впослѣдствіи, нашла, что лордъ Аннэндаль былъ лишень разсудка и во все то время, которое провелъ съ нимъ Юмъ. Втеченіи цѣлаго года Юмъ испивалъ чашу уничиженія до самаго дна. Недостатокъ, вынудившій его къ принятію на себя подобной должности, заставлялъ его сносить всякаго роду оскорбленія. Онъ сдѣлался мраченъ и нелюдимъ и оплакивалъ свою участь какъ самую печальную, какой когда либо подвергался человѣкъ.» Но Юмъ всё-таки продолжалъ сносить эту долю и оставилъ домъ Аннэндаля только тогда, когда тотъ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ приказалъ ему убраться вонъ! Какое уничиженіе для Юма! Когда, спустя двадцать лѣтъ послѣ

этого, Бёркъ (Burke) съ такимъ негодованіемъ возражалъ противъ дерзостей, которыя ему осмѣлился сказать Гампльтонъ, называя ихъ выраженіями, которыми можно было бы выбратьъ развѣ только негодая слугу, онъ, вѣроятно, не зналъ всѣхъ оскорбленій, какія претерпѣлъ Юмъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ этого событія Юмъ чуть-было не опредѣлился въ военную службу. Ему было уже тридцать пять лѣтъ. Надо же полагать, что онъ былъ въ послѣдней крайности, когда въ эти лѣта могли ему предложить начать карьеру съ чина прапорщика и когда онъ нашелся только отвѣтить, что ему, въ его лѣта, неприлично вступить въ службу, если ему не дадутъ, роты. Новый его покровитель, генералъ Спиклеръ, отправлялся тогда въ экспедицію, назначенную противъ Канады; но вмѣсто того англійскія войска сдѣлали извѣстный смѣшной и бесполезный десантъ на берегъ Бретани и, вслѣдствіе измѣненія цѣли экспедиціи, Юму, вмѣсто военного чина, дали должность сперва секретаря, а потомъ судьи-адвоката. Мы уже упоминали объ отвращеніи, какое Юмъ питалъ къ чтенію Бозція и Вивія; другими словами, къ изученію первыхъ началъ законовѣденія, которымъ онъ никогда и не думалъ заниматься. Но генералу Спиклеру какое было до этого дѣло? Вѣдь для его каррикатурной экспедиціи лучшаго судьи-адвоката и не нужно было. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія экспедиціи, Юмъ снова сопровождалъ Спиклера, въ качествѣ секретаря военной миссіи, къ австрійскому и піемонтскому дворамъ. Тогда-то лордъ Чарльмонтъ встрѣтилъ его въ Туринѣ и отзывался объ немъ какъ о самой смѣшной фигурѣ, когда либо являвшейся къ иностранному двору представителемъ англійскаго народа.

Отсутствіе Юма изъ отечества, продолжавшееся въ этихъ двухъ случаяхъ отъ двухъ до трехъ лѣтъ, было причиною довольно значительной остановки въ его ученыхъ занятіяхъ, но отъ этой остановки произошло больше пользы чѣмъ вреда, потому что будущій историкъ, — и можетъ быть онъ рассчитывалъ на это, — нѣсколько приглядѣлся къ воинскому и къ придворному быту и, къ-тому же, приобрѣлъ много друзей и небольшое состояніе. Пріятель его улыбался, когда, по возвращеніи своемъ, онъ сталъ говорить объ этомъ состояніи. «Я теперь владѣю почти тысячею фунтовъ! Пусть смѣются богачи.» Но изъ всѣхъ познаній Юма не было ни одного, которое бы онъ такъ основательно изучалъ и которое бы вообще такъ было достойно изученія, какъ познаніе цѣнности денегъ, — чего можно и чего нельзя достигнуть

посредствомъ золота! Прощедъ, такъ сказать, огонь и воды, для Юма владѣть тысячею фунтовъ значило, въ полномъ смыслѣ слова, *быть независимымъ*. Эта тысяча фунтовъ оказалась также драгоценнымъ кладомъ и для публики, потому что для успѣху историческихъ занятій Юма, которыя онъ съ самаго начала откладывалъ до зрѣлыхъ лѣтъ, требовалось только нѣсколько досугу и спокойствія, для достиженія которыхъ необходимо быть независимымъ.

Юмъ вскорѣ позналъ всю пользу своихъ новыхъ средствъ. Возвратясь изъ-за границы, онъ имѣлъ несчастіе не застать матери своей въ живыхъ. Онъ остался, однако жъ, жить у брата почти два года и прожилъ бы, можетъ-быть, у него еще долѣе, но братъ женился и философу пришлось избрать новое жилище. Весьма естественно было ему переселиться въ Эдинбургъ, откуда онъ уже и не выѣзжалъ. Появленіе въ Найнвелльзѣ новой хозяйки, вѣроятно, сильнѣе всего убѣдило его въ томъ, что единственное поприще для литератора — столпца. Едва-ли онъ могъ бы окончить даже первую главу своей исторіи, не почувствовавъ нужды въ большемъ числѣ книгъ, нежели то, какое бы онъ могъ найти въ помѣщичьемъ домѣ, въ деревнѣ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ того какъ Юмъ поселился въ Эдинбургѣ, факультетъ адвокатовъ избралъ его въ свои библиотекари. Жалованье, которое онъ здѣсь получалъ, составило немаловажную прибавку къ его скромному доходу, но вскорѣ, вслѣдствіе какого-то воображаемаго оскорбленія, будто бы напечатаннаго ему попечителями факультета, онъ отказался отъ жалованья въ пользу слѣпаго поэта Блэкюка, съ тою цѣлью, чтобы прекратить ложныя толки о причинахъ, побудившихъ его оставаться библиотечаремъ. Онъ теперь имѣлъ въ своемъ полномъ распоряженіи тридцать-тысячъ томовъ, сохранившихъ въ себѣ обильный запасъ матеріаловъ для составленія исторіи дома Стуртовъ, за которую онъ и принялся немедленно. Пріятно читать простой и, можно даже сказать, трогательный отчетъ, который онъ отдаетъ своему пріятелю Рамзею объ этихъ измѣненіяхъ въ его обстоятельствахъ и о чувствѣ спокойствія, внушенномъ ему его скромною независимостью: «Я могъ бы, подобно многимъ, жаловаться на судьбу, но я чувствую всю безразсудность такого ропота при теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ. Я располагаю пятьюдесятью фунтами годового доходу, большимъ запасомъ бѣлья и хорошаго платья, да къ-тому же у меня въ запасѣ есть сотня фунтовъ стерлинговъ; живу порядочно, бережливо, въ полной

независимости и наслаждаюсь здоровьемъ, веселымъ расположеніемъ духа и неусыпнымъ усердіемъ къ занятіямъ. При такихъ обстоятельствахъ я долженъ считать себя счастливецемъ, баловнемъ судьбы и не только не желалъ бы измѣнить своего положенія, но врядъ ли согласился бы принять самыя выгодныя предложенія. Подумавъ хорошенько, я рѣшаюсь переселиться въ Эдинбургъ, вмѣстѣ съ сестрою; она имѣетъ тридцать фунтовъ годоваго доходу и также бережлива, также любитъ порядокъ какъ и я (1751).

Скромныя ожиданія Юма сбылись и по прошествіи двухъ лѣтъ мы его находимъ всё-еще довольнымъ своимъ новымъ положеніемъ. Шутливое письмо его къ доктору Клеффеу представляетъ намъ такую картину домашняго счастья, лучше которой не могъ бы изобразить самъ Куперъ. Въ этомъ письмѣ онъ, съ прежнимъ своимъ дѣтскимъ юморомъ, преувеличиваетъ свое счастье, говоря съ притворною важною о всѣхъ подробностяхъ своей домашней жизни: «Торжественно и съ самодовольствіемъ извѣщаю васъ, что наконецъ, достигнувъ сорока-лѣтняго возраста, вступилъ я, къ чести учености и моей собственной буди сказано, въ почтенное сословіе домохозяевъ! Около семи мѣсяцевъ тому назадъ завелся я домкомъ и семействомъ, состоявшемъ сначала изъ главы, то есть меня, и двухъ подчиненныхъ мнѣ чиновъ: служанки и кошки. Недавно ко мнѣ переселилась сестра. При бережливости нахожу, что могу жить опратно, тепло, свѣтло, не нуждаясь ни въ чемъ, и быть еще довольнымъ своимъ положеніемъ. Чего же мнѣ еще желать? Независимости? Я въ полной мѣрѣ наслаждаюсь ею. Почету? и въ немъ нѣтъ недостатку. Жены? жена не необходимость для счастья. Книгъ? — онѣ *дѣйствительно* необходимы и у меня ихъ болѣе чѣмъ нужно. Короче сказать, мнѣ рѣшительно ничего не остается желать и, не будучи большимъ философомъ, я могу себя считать вполне счастливымъ (1753).» Въ свое время, однако жъ, онъ прівыкъ ко всему этому *комфарту* и ждалъ послѣдняго своего перехода отъ безбѣднаго состоянія къ роскоши, готовясь разыгрывать роль гостепріимнаго отставнаго *дипломата*-богача. Онъ описываетъ себя, свои обѣды и свои политическія неудовольствія въ томъ самомъ духѣ, въ какомъ описывалъ ихъ Свифтъ. Правда, еще должно пройти шестнадцать лѣтъ, пока его эдинбургскіе гости начнутъ пользоваться новою ученостью, вывезенною имъ изъ Париза, но все же кстаті будетъ здѣсь показать нашимъ читателямъ и эту картину, составляющую какъ бы дружку къ

той, которую мы описывали выше. Къ-тому же, она изображает такое состояніе, которое иные назвали бы, можетъ-быть, земнымъ раемъ счастливаго писателя: «Я всё-еще живу на своей старой квартирѣ въ Сентъ-Джеймизъ-Кортъ, да и долженъ буду въ ней прожить еще съ годъ. Квартира веселая и даже красивая, но слишкомъ мала, ддятого чтобы я могъ въ ней показать пріятелямъ важные успѣхи, сдѣланные мною въ званіи повареннаго искусства, которому намѣреваюсь посвятить остальные годы моей жизни! Теперь передо мною, на столѣ, лежитъ собственною моею рукою списанный рецептъ для приготовленія супу à la Reine. Ни за чьимъ столомъ не найдете лучшей говядины съ капустою, — никое кушанье, — или лучшей молодой баранины, или старого клерету. Я умѣю также варить супъ изъ бараньей головы такой вкусный, что мистеръ Кейтъ, поѣвъ его у меня, цѣлыхъ осемь дней не могъ забыть о немъ, а дюкъ де-Ниверноа готовъ вступить въ ученіе къ моей кухаркѣ, чтобы только узнать какъ варятся этотъ супъ! Я уже послалъ Давиду Монкрифу вызовъ на состязаніе со мною въ поваренномъ искусствѣ и вы увидите, что онъ черезъ годъ примется писать исторію (предметъ, отъ котораго я отказался), потому что послѣ такого вызова онъ не осмѣлится и подумать давать обѣды. Немного бы я извлекъ пользы изъ моего пребыванія въ Парижѣ, если бы не былъ въ состояніи восторжествовать надъ такимъ провинціаломъ какъ онъ. Всѣ мои пріятели одобряютъ мои честолюбивые замыслы, которые, они полагаютъ, сдѣлаютъ мое имя бессмертнымъ. Не могу нарадоваться ежедневнымъ, — что я говорю, — ежедневнымъ успѣхамъ сумасбродства, глупости и злодѣйства въ Англіи. Остается мнѣ только желать, чтобы всѣ эти прекрасныя качества достигли своего апогея и представили бы мнѣ случай изукрасить мою исторію этого зловреднаго народа рассказомъ о какомъ-нибудь новомъ, гибельномъ для него переворотѣ! Плохой поваръ тотъ, кто изъ такого собранія рѣдкихъ сладобѣевъ не сдумаетъ состряпать вкуснаго блюда. Какъ видите, въ моихъ разсужденіяхъ и намекахъ, я употребляю термины, свойственные какъ пивъшнему такъ и прежнему моему ремеслу» (1769).

Юмъ рано сталъ писателемъ и рано пересталъ писать. Въ 1752 году онъ имѣлъ въ виду работать еще втеченіи слѣдующихъ десяти лѣтъ, а тамъ до конца жизни — на покой. Промежутокъ времени, считая отъ сорока- до пятидесяти-лѣтняго возрасту,

можно считать, сколько касается до развитія умственныхъ способностей, чуть ли не лучшимъ періодомъ нашей жизни: и это то десятилѣтіе Юмъ посвятилъ составленію своей исторіи. Направленіе его ума и прежнія ученыя занятія дѣлали его, во многихъ важныхъ отношеніяхъ, вполне способнымъ къ принятію на себя подобнаго труда, и потому мы должны радоваться, что онъ не избралъ себѣ другаго предмета для послѣднихъ своихъ литературныхъ трудовъ, а еще меньше можемъ мы согласиться съ господиномъ Бертономъ, сожалѣющимъ, что Юмъ, вмѣсто исторіи Англіи, не написалъ какую-нибудь другую исторію, древнюю, напримеръ. Какая была бы польза европейскимъ читателямъ, если бы Юмъ предупредилъ Митфорда и оставилъ бы имъ исторію Греціи? Въ одномъ отношеніи онъ, конечно, не помѣшалъ бы ни Митфорду, ни писавшимъ послѣ Митфорда, потому что, любя лаконизмъ, «подобно древнимъ», онъ полагалъ, — и выразился такъ, говоря объ этомъ предметѣ съ Робертсономъ, — что всю исторію Греціи, до Флиппа Мекдонскаго можно бы сжать въ одинъ томъ въ четвертую долю листа. Не трудно видѣть всѣ недостатки Юмовой исторіи. Его чрезмѣрная приверженность къ теоріямъ, политическіе предрасудки, невѣріе въ благотельныя слѣдствія, произведенныя на Европу свѣтомъ христіанской вѣры, несчастное невѣжество по части древностей среднихъ вѣковъ и совершенное незнаніе англійскаго права, заставляютъ насъ, во многихъ случаяхъ, смотрѣть на его авторитетъ, какъ на весьма сомнительный. Мы сомнѣваемся также, пыталъ ли Юмъ то строгое уваженіе къ истинѣ, въ которомъ состоятъ единственная безопасность для историка, между-тѣмъ какъ случайныя причины, увеличившія его дурныя наклонности, видны сами по себѣ въ перепискѣ, о которой теперь идетъ рѣчь.

Но, прежде чѣмъ приступимъ къ разбору недостатковъ его исторіи, поразскажемъ о томъ, какъ онъ принимался за этотъ великій трудъ. Въ числѣ всѣхъ удовольствій, встрѣтившихъ его по пріѣздѣ въ Эдинбургъ, не послѣднимъ было то смѣлое расположеніе духа, въ которомъ онъ вступилъ на поприще своихъ историческихъ занятій. Не за долго передъ тѣмъ Смитъ давалъ ему добрые совѣты, въ чемъ онъ впоследствии сознался. Отвѣтъ Юма заключается въ слѣдующемъ письмѣ, первомъ, по порядку, изъ сохранившихся его писемъ къ Смигу: «Признаюсь, что я, когда-то, былъ одного-мнѣнія съ вами и, подобно вамъ, считалъ царствованіе Генриха-Седьмаго лучшимъ періодомъ, съ какого можно пачать писать исторію Англіи. Прошу васъ, однакожь,

замѣтить, что перемѣна, происшедшая тогда въ состояніи общества, была почти нечувствительна и что она достигла своего полнаго развитія гораздо позже. Нижняя палата' начала пріобрѣтать свое теперешнее значеніе не раньше какъ въ царствованіе Іакова, когда стала возникать борьба между властью и народомъ. Тогда только наше правительство стало являть искры того духа, который отличаетъ его теперь, и партіи, которыя тогда родились и произвели на общественныя дѣла вліяніе, еще и по нынѣ чувствительное, составляютъ въ исторіи нашего отечества эпоху, самую любопытную, занимательную и, можно сказать, самую поучительную. Событія, предшествовавшія этому періоду, можно будетъ изложить вкратцѣ, помѣстивъ этотъ обзоръ въ приличное ему мѣсто, черезъ что разсказъ пріобрѣтетъ больше ясности и точности. Признаюсь, предметъ имѣетъ для меня особенную прелесть и я приступаю къ нему съ любовью. Не бойтесь, чтобы у меня не хватило терпѣнія окончить трудъ (1752).»

Жаль, что онъ не оставался въ этомъ духѣ! Но Юмъ писалъ, не по любви къ литературѣ, а потому, что его мучила жажда литературной славы. Первый томъ «Исторіи Стуртовъ» былъ принятъ неблагоклонно и это обстоятельство, кажется, отняло у него ту охоту, которую онъ сперва чувствовалъ къ исполненію предпріяятаго труда, и оставило въ немъ одно злобное желаніе мстить своимъ противникамъ, предлагая ложь вмѣсто истины, софизмы вмѣсто доказательствъ. По его собственному мнѣнію, первый томъ «Исторіи Стуртовъ» далеко превосходилъ второй и онъ относилъ причины этого неравенства къ тому чувству отвращенія, съ которымъ онъ, послѣ долгаго промежутка времени, снова принялся за этотъ предметъ. Неудачу «Разсужденія» онъ приписывалъ самому себѣ, но въ настоящемъ случаѣ ни какъ не согласился признать себя виновникомъ неудачи и слагалъ всю вину на общество. И хотя у него ни сколько не уменьшилась увѣренность въ своихъ силахъ, однако онъ утратилъ и охоту и, какъ ему казалась, возможность угождать вкусу своихъ читателей.

Онъ воротилъ прежнее пріятное расположеніе духа только тогда, когда приступилъ къ разсказу о царствованіи дома Тюдоровъ. Это онъ описывалъ со всюю горячностію челоуѣка, защищающаго дѣло, за успѣхъ котораго поручился добрымъ своимъ именемъ. Во всей его перепискѣ находимъ только одно замѣчаніе о первомъ періодѣ «Исторіи Англіи», да и то состоитъ всего въ двухъ

строчкахъ, въ которыхъ онъ жалуется на непомерный трудъ и на розысканія, употребленныя имъ на эту часть сочиненія, прибавляя довольно холодно, что онъ ихъ не жалѣетъ, потому что не имѣетъ покуда другаго занятія, лучшаго или пріятнѣйшаго. Это сознаніе, что онъ работалъ только отъ скуки и бездѣля, не служитъ ли яснымъ доказательствомъ, что честолюбія въ немъ уже не было? Но Юмъ работалъ не даромъ и мы въ правѣ сомнѣваться, не побуждали ли его заниматься, можетъ-быть, не столько ненависть къ праздной жизни, сколько тѣ двѣ-тысячи-осемь-сотъ фунтовъ стерлинговъ, которые онъ получилъ впередъ за свою исторію отъ Миллера. Если вспомнимъ, какъ ограничены были его средства и надежды на будущее, то увидимъ, что у него не было другаго пути, по которому бы онъ могъ такъ вѣрно достигнуть независимости въ денежномъ отношеніи. Но и самая важность этой цѣли не препятствовала ему скучать надъ работою. Это чувство въ немъ поддерживали двѣ причины: во-первыхъ, онъ не могъ не сознаться внутренно, что не владѣетъ необходимыми свѣденіями для составленія исторіи Англо-Саксонцевъ и дома Плавтаджнетовъ и не чувствовалъ ни какаго влеченія къ своему предмету; во-вторыхъ, получалъ деньги за свой трудъ впередъ. Если бы мы составляли списокъ удовольствій Юма, то, конечно, не включили бы въ ихъ чело сочиненія исторіи. Онъ брался въ разные времена за литературныя предпріятія всякаго роду, и если бы мы стали разыскивать, въ какомъ изъ нихъ онъ находилъ больше удовольствія, то, вѣроятно, оказалось бы, — и не принимая въ разсужденіе удовлетворенное самолюбіе, — что онъ всего охотнѣе занимался метафизическими умозрѣніями, къ которымъ его умъ имѣлъ врожденную склонность.

Будучи молодымъ человѣкомъ, Юмъ имѣлъ обыкновеніе проводить зиму въ Единбургѣ, въ гостяхъ у пріятелей. Теперь было другое дѣло: онъ пріѣхалъ туда въ зрѣломъ возрастѣ и основалъ тамъ свое жилище. Онъ не привезъ съ собою ни жены, ни любовницы, а свою исторію, и хотя, какъ мы уже видѣли, она впоследствии перестала занимать его по прежнему, однако все же она требовала отъ него того же самаго неусыпнаго вниманія, съ какимъ онъ занимался ею сначала, и тѣмъ, слѣдовательно, избавила его отъ опасности быть зависимымъ отъ общества, — опасности, отъ которой такъ рѣдко спасаются холостяки. Но, между тѣмъ какъ трудолюбивыя привычки Юма дѣлали его независимымъ отъ людей, онъ не переставалъ цѣнить прелестей

общественной жизни, самъ веселился и увеселялъ всѣхъ въ различныхъ кругахъ, гдѣ бывалъ принимаемъ, и появленіемъ своимъ радовалъ друзей, какъ радуется блескъ солнца послѣ непогоды. Къ тому же онъ владѣлъ неопытнымъ, завиднымъ талантомъ, — умѣнемъ приобрести доброе расположеніе каждаго. Въ одномъ только случаѣ, именно, когда былъ въ Англіи, онъ не воспользовался этою счастливою способностію и довольно замѣчательно, что въ числѣ его друзей, не встрѣчаемъ ни одного Англичанина! Замѣчательнѣйшіе изъ его пріятелей и товарищей были Мюръ (Mure of Caldwell), Освальдъ (Oswald of Duniker), и Генрихъ Хомъ, впоследствии лордъ Кеймъ. Освальдъ, значительный гласговскій купецъ, пахотился, кажется, какъ практическій, дѣловой человѣкъ и какъ теоретическій политико экономъ, въ такихъ же отношеніяхъ къ Юму и къ Смиту, въ какихъ былъ Гурней (Gournay) къ Кэпэ (Quesnay) и къ Тюрго. Съ сэромъ Гильбертомъ Эллиотомъ и съ Адамомъ Смитомъ познакомился Юмъ гораздо позже. Не за долго предъ тѣмъ какъ Юмъ перѣхалъ на жительство въ Единбургъ, Смитъ, читавшій до того, времени лекціи при Единбургскомъ университетѣ, получилъ профессорство при гласговскомъ университетѣ. До этого, они, вѣроятно, не часто встрѣчались, но, хотя Смитъ было тогда всего двадцать-осемь лѣтъ и, слѣдовательно, онъ былъ десятью годами моложе Юма, однако старшій философъ совѣтовался съ младшимъ и выслушивалъ его мнѣнія съ почтеніемъ, не меньшимъ того какое оказывалъ Хэчесону за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ.

Въ безславной экспедиціи къ берегу Франціи, въ 1746, о которой мы уже говорили, Юму удалось приобрести дружбу двухъ человѣкъ, совершенно другаго разбору, — одинъ изъ нихъ былъ полковникъ Эдмонстомъ, другой — докторъ Клеффенъ. Съ этими господами онъ сошелся такъ хорошо, что они остались его друзьями до послѣдняго дня его жизни. Съ Клеффеномъ его сблизил трудности кампаніи, въ которой они оба участвовали какъ гражданскіе чиновники, — одинъ какъ докторъ, другой въ качествѣ судьи-адвоката. Надо полагать, что врачъ зналъ медицину лучше тѣмъ адвокатъ законы. Всѣ друзья Юма, упомянутые нами досихъ-поръ, были міряне. Но, по прибытіи его въ Единбургъ, онъ попалъ въ другой кругъ общества. Впоследствии, когда общій голосъ оуждалъ первыя части его «Исторіи СтUARTовъ», Херрингъ, первая тогда духовная особа въ Англіи, и Стопъ, первая въ Ирландіи, каждый съ своей стороны, посылали ему сказать, чтобъ онъ не упадалъ духомъ. Эти одобренія онъ, гдѣ то, съ

улыбкою называетъ « двумя рѣдкими исключеніями » и, въ то время онѣ должны были казаться ему тѣмъ болѣе странными, что въ томъ кругѣ, въ которомъ онъ обращался, всѣ члены, имѣвшіе хоть сколько-нибудь значенія, были духовнаго званія.

Въ томъ гордомъ, но простомъ разсказѣ, который Юмъ называлъ своимъ надгробнымъ словомъ надъ самимъ собою, онъ хвалится тѣмъ, что въ теченія всей жизни не подавалъ друзьямъ справедливаго поводу защищать его доброе имя. Сильнѣйшимъ доказательствомъ истины этого утвержденія служатъ послѣднія дружескія связи, которыя Юмъ заключилъ. Притомъ, еслибы можно было сказать что-нибудь противъ добраго имени Юма, то Джардайпъ (Jardine), Блейръ и Робертсонъ не отважились бы вступить за него такъ горячо: да и тутъ, можно сказать, они поступили довольно смѣло, хотя единственнымъ поводомъ къ обвиненію Юма были его сочиненія, и мы сомнѣваемся, сталъ бы ли кто нынче поступать такъ смѣло въ подобномъ случаѣ. Съ самаго начала недоброжелательные глаза стерегли движенія Юма и, не пробывъ еще трехъ лѣтъ бібліотекаремъ факультета адвокатовъ, онъ вдругъ лишился права выписывать книги. Виновниками этой оскорбительной мѣры были лордъ Монбоддо и лордъ Хейльзъ, обвинявшіе его въ томъ, будто бы онъ осквернилъ катологъ ихъ бібліотеки помѣщеніемъ въ него названій трехъ непростойныхъ французскихъ романовъ. Юмъ подвергался еще многимъ оскорбленіямъ и нападкамъ и въ числѣ его преслѣдователей особенно отличались нѣкоторые изъ членовъ общаго духовнаго собранія. Дѣйствія враговъ его, однакожь, къ счастью, ограничились бранью и личностями. Хорошо дѣлалъ Юмъ, что презиралъ своихъ преслѣдователей, но онъ сдѣлалъ бы еще лучше, еслибы выражалъ свое презрѣніе съ болшею справедливостію и умѣренностію. Мы ни какъ не хотимъ вѣрить, чтобы онъ дѣйствительно питалъ къ нимъ тѣ чувства ненависти, которыя высказалъ такъ неумѣренно, цѣлые годы спустя, когда первая мысль его послѣ смерти Джардейна была о торжествѣ « злодѣевъ противной партіи ». Въ число этихъ « злодѣевъ » онъ включалъ и Эбенизера Эрскайна, написавшаго надгробное слово Робертсону, которое дѣлаетъ честь и писавшему и историку. Это слово, или проповѣдь, замѣтнмъ мимоходомъ, какъ произведеніе пера современника и соперника, служить неоспоримымъ доказательствомъ, что Робертсонъ былъ истинный христіанинъ, и мы въ немъ не находимъ ничего сообразнаго съ новѣйшими спетнями о его невѣріи.

Публичные нападки за мнѣнія не очень тревожили Юма, но въ частной жизни, надо полагать, онъ бы охотно избѣгалъ, если бы могъ, всѣхъ споровъ по этому предмету. Въ обращеніи и въ разговорахъ онъ былъ до крайности свободенъ; скептицизмъ, между тѣмъ, такъ въ немъ преобладалъ, что онъ никогда не могъ быть увѣреннымъ, что, въ теченіи слѣдующихъ двадцати четырехъ часовъ, не оскорбитъ, неумышленно, лучшаго своего пріятеля, или самъ не будетъ имъ оскорбленъ. А Юмъ былъ слишкомъ добръ, чтобы, нанеши обиду пріятелю, не горевать о томъ. Съ другой стороны, многіе изъ его самыхъ короткихъ знакомцевъ были люди духовнаго званія, и они часто должны были чувствовать себя въ неловкомъ положеніи съ нимъ: боясь, во-первыхъ, огорчить его своею недовѣрчивостію или несогласіемъ съ его мнѣніями; во-вторыхъ, подвергнуть себя клеветѣ, зато что выслушивали его хитрые вопросы, или участвовали въ его нескромной болтовнѣ. И дѣйствительно, когда его самые короткіе пріятели,—люди, съ которыми онъ видался каждый день,—основали *Edinburgh Review*, въ 1754 году, Юмъ, стоявшій, какъ писатель, несравненно выше ихъ всѣхъ, былъ тщательно исключенъ изъ числа сотрудниковъ. Для объясненія этого, нѣкоторые полагаютъ что Юмъ, по дѣтской простотѣ своей, могъ бы измѣнить ихъ тайнѣ, или что онъ былъ слишкомъ мягкосердъ для исполненія суровыхъ обязанностей критика. Но, кажется, нѣтъ надобности дѣлать такіе обходы для отысканія настоящей причины: издатели «*Review*» просто не хотѣли подвергнуть свое брэнное предпріятіе лишней опасности, которую бы на него навлекло соучастіе Юма,—вотъ и все. Легко можно себя представить, что, даже въ частной жизни, они находились иногда вынужденными принимать оборонительныя мѣры, еще, можетъ-быть, дѣйствительнѣйшія. Къ счастью, сохранилось одно письмо отъ Юма къ Блейру, которое можетъ показать, въ одно и тоже время, съ какою горячностію Юмъ отвергалъ всѣ увѣщанія насчетъ его мнѣній, и какъ ложны были толки, будто Блейръ раздѣлялъ, или даже терпѣлъ эти мнѣнія. Мы уже упоминали о потерѣ переписки Юма съ Робертсономъ, потерѣ, почитаемой нѣкоторыми обстоятельствомъ подозрительнымъ. Но нѣтъ рѣшительно ни какой причины полагать, чтобы сношенія Юма съ Робертсономъ, или съ кѣмъ-нибудь изъ другихъ современныхъ эдинбургскихъ духовныхъ особъ, имѣли не тотъ же самый характеръ, какъ сношенія его съ Блейромъ. Одно изъ писемъ Юма, наполненное болтовнею о Руссо, оканчивается слова-

ца: « не показывайте этого непосвященнымъ. » Всякому поминно, что однихъ этихъ словъ достаточно было для порожденія клеветы. Но письмо, о которомъ мы говоримъ теперь, носитъ на себѣ явный отпечатокъ искренности. Оно было писано изъ Парижа. Блейръ послалъ-было къ Юму возраженіе доктора Кэмбелля на его « Разсужденіе о чудесахъ ». Первая часть Юмова письма состоятъ въ разборѣ сочиненія Кэмбелля, но выговоръ, которымъ оно оканчивается, можетъ убѣдить всякаго, что хотя дружба Блейра къ Юму имѣла основаніемъ не надежду на обращеніе послѣдняго къ истинѣ, однакожъ если Юмъ не обращался, то въ этомъ не былъ виноватъ Блейръ. « Сказавъ такъ много о вашемъ пріятелѣ, человекѣ, конечно, весьма умномъ, хотя и черезъ чуръ ревностномъ для философа, позвольте мнѣ сказать слова два о васъ самихъ. Когда мнѣ случалось имѣть удовольствіе встрѣчать васъ въ обществѣ и разговоръ касался литературы, или не выходилъ изъ предѣловъ обыкновенныхъ разсужденій, я всегда разставался съ вами пріобрѣтя новыя свѣденія и въ пріятномъ расположеніи духа. Когда же, напротивъ, вы направляли разговоръ къ предметамъ, касающимся до вашего званія, то,—хоть я и увѣренъ что ваши памѣренія были самыя дружескія,—признаюсь, я находилъ уже не то удовольствіе въ вашемъ обществѣ: я скучалъ, а вы сердились. По этому, когда счастливая судьба приведетъ меня встрѣчаться съ вами впередъ, я желалъ бы избѣгать разговора о подобныхъ предметахъ, тѣмъ болѣе, что я уже давно пересталъ заниматься такими изысканіями и нахожусь теперь не въ той порѣ жизни, въ которой еще можно извлекать пользу изъ поставленій даже и такого способнаго наставника. Обыкновенная дружба охладѣла бы непременно послѣ подобнаго письма, но, къ чести Блейра будь сказано, онъ согласился на Юмовы условія, любилъ его отъ всего сердца во время жизни его, а послѣ кончины Юма, мужественно защищалъ память усопшаго.

Кругъ общества, къ которому принадлежалъ Юмъ, имѣлъ для него слишкомъ много прелестей, чтобы онъ могъ рѣшиться отказать отъ него, покуда оставался въ Эдинбургѣ. Правда, онъ имѣлъ доступъ къ двумъ публичнымъ собраніямъ. Въ 1754 году основалось философское общество, имѣвшее цѣлю философскія пренія. Юмъ и Смитъ, оба присутствовали при засѣданіяхъ этого общества, но ни тотъ ни другой никогда тамъ не открывали рта. Второе собраніе процвѣтало подъ извѣстнымъ наименованіемъ Покеръ-Клуба. При этомъ Юмъ исправлялъ мело-драмати-

ческую должность помощника-убийцы. Должность же главного-убийцы, занималъ нѣкто Андрей Кросбъ. Валтеръ Скоттъ, въ своемъ романѣ Гай-Мэниерингъ, представлялъ этого Кросбъ подъ именемъ Плейделля. Это былъ извѣстный въ свое время адвокатъ, отличавшійся, какъ и его помощникъ, необыкновеннымъ добродушіемъ. Даже и тогда, когда находился подъ вліяніемъ лести парижскихъ красавицъ и остряковъ, Юмъ съ удовольствіемъ припоминалъ веселую непринужденность, съ которою проводилъ время въ Покеръ Клубѣ. Казалось бы, для человѣка, который могъ столько лѣтъ сряду прожить, не скучая, въ уединенномъ Найнвеллзѣ, общественная жизнь не могла быть необходимостію, но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Юмъ имѣлъ возможность жить въ свѣтѣ, мы съ сожалѣніемъ замѣчаемъ въ немъ какую-то скрытую самолюбивую чувствительность, заставлявшую его быть до крайности разборчивымъ въ избраніи своихъ собесѣдниковъ: онъ какъ будто всюду искалъ, чтобы свѣтъ призналъ его литературное достоинство. Этимъ болѣзненнымъ чувствомъ объясняется его горячая привязанность къ парижской жизни и ненависть къ Лондону. И это еще понятно. Но трудно понять, слабость его, обижаться невниманіемъ къ нему эдинбургской аристократіи. Казалось бы, воспоминаніе о годѣ проведенномъ имъ у лорда Аннэндэля, могло бы вооружить его противъ такого несчастія. Но нѣтъ сомнѣнія, что онъ принималъ къ сердцу, и принималъ горячо, пренебреженіе, оказанное ему дворянствомъ. Мы видимъ, что при удобномъ случаѣ онъ не давалъ спуску не только обидѣвшимъ его, но и всѣмъ членамъ аристократіи вообще. Такой случай представился ему въ Парижѣ. Одинъ изъ его соотечественниковъ явился къ нему съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Блейра и, не зная ничего о тайномъ горѣ Юма, не мало удивился, вѣроятно, странному приему у философа. Вотъ отвѣтъ на это письмо: «Вы знаете, какъ высоко я цѣню ваши рекомендаціи, но, если не ошибаюсь, я встрѣчалъ полковника А... довольно часто въ Эдинбургѣ. Немножко поздно онъ пожелалъ имѣть честь быть со мною знакомымъ. Я же могу только посовѣтовать ему, посматрѣвъ Парижъ, отправиться въ какой-нибудь провинціальный городъ, гдѣ бы люди не такъ были разборчивы на новыя знакомства, какъ здѣсь, и не такъ бы тонко наблюдали за обращеніемъ пріѣзжихъ.... Я полагаю, въ Парижъ пріѣдетъ не такъ-то много лицъ, которыя бы имѣли право ожидать отъ меня услуги, въ благодарность за вниманіе ихъ ко мнѣ.» Въ тоиѣ

письма, писаннаго раньше этого, къ Адаму Смиту, изъ Фонтенбле, видно еще болѣе злости: « Вы, вѣроятно, думаете, что я « отъ этого въ высшей степени счастливъ. Ни чуть не бывало: « во мнѣ не произошло ни какой перемѣны. Неужели я могу за- « быть, что тѣ, которые теперь встрѣчаютъ меня съ рукопле- « сканіями въ Парижѣ, принадлежать къ той самой породѣ, ко- « торая, въ Эдинбургѣ, не удостоивала меня даже самой незначи- « тельной вѣжливости.»

Юму предстояло теперь новое огорченіе, особенно чувствительное для человѣка съ его кроткимъ и благороднымъ нравомъ. Авторы, а иногда и издатели ихъ сочиненій, обыкновенно вла- дѣютъ искусствомъ предсказывать, или, по-крайней-мѣрѣ, объяснять причины неудачъ. Въ 1750 году, Миллеръ откладывалъ печатать новое изданіе «Опытовъ» (Essays) Юма, по новоду тогдашнихъ землетрясеній! Самъ же Юмъ любилъ объяснять неохоту, съ которою Англичане отдавали ему, какъ онъ говорилъ, справедливость, тѣмъ, что онъ былъ Шотландецъ. Въ этомъ его не могли разувѣрять ни популярность Смоллета, ни прочная и заслуженная слава Робертсона *. Когда публика вдругъ раскупила одиннадцать тысячъ экземпляровъ исторіи Смоллета, Юмъ говорилъ: «Тѣмъ хуже: это доказываетъ недостатокъ вкусу у публики.» Успѣхъ Робертсона онъ приписывалъ другой причинѣ, именно, желанію публики узавѣтъ его, Юма. Въ 1759 году, онъ писалъ изъ Лондона, къ Смиту: « Робертсонова книга, (Исторія « Шотландіи) имѣетъ большія достоинства, но успѣху ея явно « способствуетъ общая несправедливость ко мнѣ.» Этотъ вздохъ написанъ былъ не въ шутку, не смотря на шутливый тонъ. Спустя четыре года, Робертсона назначили историографомъ Шотландіи (1764). До тѣхъ-поръ, Юмъ гордился своею дружбою съ нимъ, во-первыхъ, по уваженію, которое онъ пыталъ къ Робертсону; во-вторыхъ, потому что эта дружба ему казалась упрекомъ общему ихъ врагу. Но при этомъ неожиданномъ назначеніи онъ не могъ удержаться, чтобы не выказать своей зависти. Докторъ Карлэйль, передавая общественные толки того времени, говоритъ (1763) что, «Добрый Давидъ Хомъ (Юмъ), котораго « сердце радуется обыкновенно счастію своихъ друзей, былъ, « конечно, немного оскорбленъ честью, сдѣланною его пріятелю « Робертсону. Счастливое событіе облегчило его горе.» Это событіе было приглашеніе отъ лорда Хертфорда (Hertford), сопро-

* Смоллетъ и Робертсонъ были Шотландцы.

ждать его въ Парижъ, куда лордъ отправлялся посланникомъ. Довольно вѣроятно, что Хертфордъ внушилъ эту мысль Джонъ Хомъ, жившій тогда у него. Но кто бы ни былъ внушителемъ этой мысли, дѣло во всякомъ случаѣ сдѣлано доброе. Нѣтъ зрѣвшая грустиѣ разрушившейся старинной дружбы, а дружба Юма съ Робертсономъ не должна бы была такъ погаснуть, разлучая людей, которыхъ имена останутся навсегда неразлучными въ памяти потомства.

Юмъ началъ писать свою исторію въ Эдинбургѣ, въ 1752 году. Въ 1762, когда онъ привелъ этотъ трудъ къ окончанію, онъ находился все еще въ Эдинбургѣ. Судя по тѣмъ его чувствамъ, о которыхъ мы говорили, это продолжительное пребываніе въ столицѣ его отечества было скорѣе слѣдствіемъ необходимости, чѣмъ собственной его охоты. Втеченіи этого промежутка времени, онъ неоднократно желалъ переселиться и, еслибы его средства позволили, удалился бы отъ тѣхъ золь, которыя угнетали его въ Эдинбургѣ, отважился бы даже попытаться счастья въ Лондонѣ. Въ 1754, онъ писалъ къ доктору Клефену: «Докажите мнѣ, что можно, при умѣренной жизни, прожить въ Лондонѣ «ста-двадцатью фунтами въ годъ, и я переселюсь къ вамъ. Бейль «говоритъ, что литераторы должны жить въ столицахъ.» Спустя три года послѣ этого, въ 1757, въ тотъ самый годъ, въ который отказался отъ должности бібліотекаря, онъ завелъ съ Клефеномъ переписку о томъ же самомъ предметѣ, прося сыскать ему комнату «у скромнаго, порядочнаго семейства, которое бы «рѣшилось принять въ свой кругъ скромнаго, порядочнаго, добродѣтельнаго, бережливаго, тихаго человѣка, добраго нрава и «съ дурною-репутаціею! Я приѣду въ Лондонъ къ будущему лѣту, чтобы окончить Исторію дома Тюдоровъ, и вѣроятно пробуду тамъ до конца моей жизни. Тогда буду въ состояніи проживать сто-пятьдесятъ фунтовъ въ годъ, — именно ту сумму, о «которой вы мнѣ говорили, какъ о наименьшемъ предѣлѣ. Но «вы для меня уже не должны разсчитывать на вѣроятности, какъ «вы ихъ тогда называли, потому что я рѣшительно не намѣренъ «болѣе писать. Стану читать и поправлять, болтать и лѣниться «до конца жизни.» Въ 1759 году, онъ еще яснѣе выражается на счетъ непріятнаго своего положенія въ Эдинбургѣ. Но, съ другой стороны, надо было принять въ разсчетъ, что жизнь въ Шотландіи лучше соображалась съ его средствами, а также, что въ Шотландіи жили лучшіе его друзья. Къ тому же, онъ былъ тяжелъ на подъемъ и боялся переѣзны квартиры пуще пожару;

наконецъ, онъ все еще не рѣшался, куда бы ему переселиться, и это послѣднее препятствіе чуть ли не перевѣшивало всё прочія.

Лондонъ, впрочемъ, врядъ ли бы ему понравился, тѣмъ болѣе, что этотъ городъ былъ ему извѣстенъ одними непріятными воспоминаніями. Онъ впервые ознакомился съ Лондономъ, когда, больной и печальный, отправлялся въ ненавистный Бристоль. Въ то время онъ, вѣроятно, питалъ сильное народное отвращеніе ко всему англійскому. Во всякомъ случаѣ, онъ встрѣтилъ тамъ ненависть ко всему шотландскому. При второмъ своемъ посѣщеніи, Юмъ, прибывъ тогда изъ Франціи юношею, — полу-шотландцемъ, полу-французомъ, — чтобы хлопотать объ изданіи своего несчастнаго метафизическаго разсужденія, не нашелъ, кажется, слишкомъ ласковаго приему, а годъ рабства, проведеннаго имъ у Аппендэля въ Хэртфордширѣ, оставилъ въ душѣ его впечатлѣнія, о которыхъ онъ и вспоминать не могъ безъ содроганія.

Можно полагать, что онъ не бывалъ въ Англій послѣ этого, до 1758 года, когда пріѣхалъ въ Лондонъ для исполненія намѣренія, о которомъ упомянулъ въ письмѣ къ Клефферу. Онъ нанялъ квартиру въ улицѣ Лайль-Стритъ, гдѣ прожилъ, не до конца жизни, какъ обѣщалъ, а около году. Впродолженіи этого времени онъ не посѣщалъ ни какого общества. Въ числѣ значительныхъ лицъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ, встрѣчается имя мистера Бёрка, или Бурка (Mr. Burke, or Bourke), Ирландца, написавшаго весьма дѣльное «разсужденіе о высотѣ» (а Treatise on the Sublime). Это пробное переселеніе въ Лондонъ не увѣчалось, какъ видно, желаннымъ успѣхомъ: встрѣтивъ неудачу, Юмъ заключилъ, что въ Лондонѣ не существовало хорошаго общества, потому, вѣрно, что онъ въ него не попалъ. Въ Парижѣ, онъ могъ бы легко впасть въ ту же самую ошибку, потому что, по его собственному мнѣнію, тамошнее образованное общество было еще разборчивѣе лондонскаго, и никто не помнилъ, чтобы кто нибудь изъ Британцевъ въ немъ бывалъ принимаемъ за-просто; хотя, впослѣдствіи, по какому-то странному кавризу моды, было сдѣлано отступленіе отъ этого правила въ пользу его, Юма. Весьма естественно, что при такихъ обстоятельствахъ, нельзя было ожидать отъ Юма безпристрастнаго отзыва объ этихъ двухъ столицахъ. «Между Лондономъ и Парижемъ, говоритъ онъ, существуетъ замѣчательная разниа, о которой я предупреждалъ Гельвеція, когда онъ недавно отправлялся въ Англію, и которую онъ, какъ сказывалъ

«миѣ по возвращеніи своемъ, вполне востигъ. Если кто, живя въ Лондонѣ, имѣеть несчастіе заниматься литературою, хотя бы даже и съ успѣхомъ, то онъ какъ-будто теряетъ право быть принятымъ въ порядочное общество и не находятъ людей, съ кѣмъ бы могъ проводить время. Къ тому же, люди, съ которыми тамъ стѣнитъ знаться, холодны и нелюдимы, или находятся подъ вліяніемъ духа партій, такъ, что человѣкъ, не принимающій участія въ государственныхъ дѣлахъ, не имѣеть въ ихъ глазахъ ни какого значенія, а если къ тому же, онъ не богатъ, то имъ пренебрегаютъ совершенно. Оттого Англичане погружаются болѣе и болѣе въ грубѣйшее невіжество. Здѣсь же въ Парижѣ литературный вкусъ не въ упадкѣ и не въ пренебреженіи, какъ у варваровъ на берегахъ Темзы (1764).»

По возвращеніи своемъ изъ Парижа, Юмъ прожилъ въ Лондонѣ цѣлыхъ два года (1756 — 1758), служа подъ начальствомъ генерала Конвея (Conway), въ качествѣ младшаго статсъ-секретаря, и тутъ, казалось бы, онъ могъ имѣть множество случаевъ убѣдиться въ ложности своего заключенія о лондонскомъ обществѣ, если бы онъ того желалъ. Но онъ какъ-будто избѣгалъ этихъ случаевъ. Онъ даже отклонилъ предложеніе, сдѣланное ему Блейромъ, свести его съ докторомъ Перси (Percy), съ такою же почти невѣжливостью, съ какою отдѣлался отъ шотландскаго полковника, который явился къ нему въ Парижѣ. «Весьма обязанъ вамъ за предложенное миѣ знакомство съ мистеръ Перси, которыми, впрочемъ, миѣ невозможно воспользоваться, потому что литераторамъ здѣсь негдѣ встрѣчаться. И такъ, лучше не давайте ему рекомендательнаго письма ко миѣ: вы тѣмъ избавите насъ обоихъ отъ лишнихъ хлопотъ». Несмотря на это Юмъ и Перси впоследствии сошлись. Ихъ сблизило одно чувство, общее обоимъ, именно, ненависть къ Джонсону. Скажемъ мимоходомъ, что отговорка Юма была самая неосновательная, потому что именно тогда въ Лондонѣ было множество мѣстъ, гдѣ люди съ одинаковыми наклонностями и занятіями могли встрѣчаться. Шотландцы даже имѣли свой собственный клубъ, составленный почти исключительно изъ пріятелей Юма. Между прочими Гаррикъ былъ членомъ этого клуба, собиравшагося въ домѣ умной сестры знаменитаго доктора Дугласа, епископа Салисбургскаго. При первомъ взглядѣ, можетъ показаться еще страннѣе, что Юмъ отзывался такъ о Лондонѣ въ 1767 году, когда собранія въ домѣ госпожи Монтэгю были въ полномъ своемъ блескѣ, да притомъ еще не миновало трехлѣтія существованія клу-

ба литераторовъ, основаннаго Джонсономъ. Надо полагать, что Юмъ, достигнувъ даже зенита своей славы, остался вовсе чуждъ этихъ знаменитыхъ собраній, тѣмъ болѣе, что обожатели Джонсона врядъ ли рѣшились бы водиться съ Юмомъ и ужъ конечно не стали бы поклоняться ему. Ненстовые порывы бѣшенства, которымъ Джонсонъ иногда предавался, сдѣлали бы каждую встрѣчу его съ Юмомъ въ частномъ домѣ довольно опасною для обоихъ. Разъ Перси чуть чуть не проговорился, что повезъ Юма на обѣдъ, къ духовникамъ короля въ Севтъ-Джемзъ. Хорошо что его успѣли предупредить, нето, Богъ знаетъ, что бы вышло: Джонсонъ вышелъ бы изъ себя, а можетъ-быть съ нимъ бы случился нервическій припадокъ. И нѣкоторые изъ пріятелей Адама Смита, желавшіе ознакомить его съ своимъ клубомъ, должны были воспользоваться случайнымъ отсутствіемъ Джонсона, чтобы ввести Смита туда украдкою.

То странное вліяніе, которое Джонсонъ присвоилъ себѣ въ литературномъ мірѣ и которое Бозвелль (Boswell) обезсмертилъ въ своемъ жизнеописаніи этого знаменитаго чудака, не могло бы не помѣшать успѣхамъ Юма или даже Смита, въ томъ кругу, гдѣ бы мы ожидали ихъ встрѣтить. Въ этомъ цѣтѣ ни какого сомнѣнія. Но предстонтъ еще вопросъ: имѣли ли бы они успѣхъ и безъ того въ томъ кругу? Не показалось ли бы обращеніе Смита черезъ чуръ уже дидактическимъ и не развязнымъ? Да и шутивый тонъ Юмова разговора, которымъ такъ восхищались его короткіе пріятели, понравился ли бы новымъ знакомцамъ? Гаррикъ, вѣрно, не даромъ принималъ тонъ критика, когда осѣдомлялся о разговорныхъ способностяхъ Смита: «А что, спросилъ онъ, вѣлаго десятка пріятель?» Увѣряютъ, будто бы Смитъ говорилъ Ренольдзу, что онъ никогда не виѣшивался въ разговоръ о предметахъ ему знакомыхъ, боясь чтобы впоследствии ему бы не пришлось писать о нихъ! Между тѣмъ, какъ Горацій Валполь, который считалъ себя оскорбленнымъ, если кто, въ его присутствіи, позволялъ себѣ сравнивать Грея (Gray) съ Юмомъ, увѣрялъ, будто бы несвязность и темнота выражений Юма заставляютъ его сомнѣваться, въ состояніи ли Юмъ понять какой-нибудь предметъ, о которомъ еще не писалъ. Изумленные новизною своего положенія, а быть-можетъ и стыдась своего шотландскаго выговору и нарѣчія, Юмъ и Смитъ являлись въ Лондонѣ не тѣми людьми, какими они бывали въ Единбургѣ. Многіе Шотландцы предъидущаго поколѣнія писали уже прекраснымъ англійскимъ языкомъ и потому непонятно, отчего и

на какомъ основаніи тогда полагали, будто Юму и его современникамъ было очень трудно писать по-англійски и будто-бы они оказали своимъ успѣхомъ чрезвычайную услугу соотечественникамъ. Но писать—одно дѣло, а бесѣдовать—другое. Поколѣвіе, о которомъ мы говоримъ, могло писать правильно и краснорѣчиво, а всё-таки не отличаться краснорѣчіемъ въ обыкновенной бесѣдѣ на англійскомъ языкѣ, въ лондонскомъ обществѣ. Мы не знаемъ, такъ ли было съ Юмомъ или нѣтъ, но то достоверно, что онъ имѣлъ другую, важнѣйшую причину не находить удовольствія въ бесѣдѣ съ «варварами, жившими на берегахъ Темзы». Эта причина состояла въ нерасположеніи, которое онъ, кажется, тщательно лелѣялъ въ своей груди.

По временамъ, Юмъ съ страстнымъ желаніемъ обращалъ взоры на Францію. Прелестный климатъ, дешёвая существованія жизни, непринужденный топъ и веселость французскаго общества, все располагало его любить тамошнее житье-бытье. Въ минуты, когда онъ бывалъ болѣе обыкновеннаго недоволенъ своимъ отечествомъ, онъ старался разсѣвать свою скуку мыслию о переселеніи туда. Въ 1756 году, онъ писалъ по этому предмету къ доктору Клефену письмо слѣдующаго содержанія:

«Ваши жалобы на подагру и на старость, любезный докторъ, крайне меня огорчаютъ. Увы! вы приближаетесь къ концу вашего земнаго странствованія, и я за вами. Я однакожь пользуюсь до-сихъ-поръ совершеннымъ здоровьемъ, несмотря на мой трудолюбивый сядячій образъ жизни. Ставлюсь только черезъ чуръ толстымъ. Когда мы съ вами увидимся? Богъ знаетъ. Я живу здѣсь (въ Эдинбургѣ) довольно спокойно: меня не терзаютъ ни честолюбіе, ни надежды, ни желаніе сблизиться съ знатными этого міра. Живу бережливо, небольшимъ состояніемъ, котораго не намѣрепъ расточать на пустыя удовольствія. При такихъ обстоятельствахъ не могу надѣяться побывать въ Лондонѣ. Если бы я перемѣнилъ мѣсто жительства, то ужъ переселился бы въ какой-нибудь провинціальный городъ Франціи, чтобы дожить остатокъ моихъ дней подъ теплымъ небомъ, въ пріятной странѣ, среди веселаго народа. Съ моимъ доходомъ я бы могъ жить тамъ въ изобиліи и мнѣ пріятно быть въ состояніи сказать вамъ, любезный докторъ, что капиталъ мой простирается теперь до тысящи-шестисотъ фунтовъ стерлинговъ, что, во пяти процентовъ составитъ мнѣ тысячу-осемьсотъ ливровъ ежегоднаго дохода, или два капитанскихъ жалованья, по окладу французской арміи.»

Лучшіе пріатели Юма не могли бы желать видѣть его въ расположеніи духа лучшемъ того, которое обнаруживается въ этомъ письмѣ. Эта воображаемая картина заграничной жизни нравится намъ ни чуть не меньше прежнихъ двухъ настоящихъ, представлявшихъ его — первая, въ тихомъ уединеніи провинціального быта когда онъ въ Ла-Флешѣ обрабатывалъ свои юношескія мысли; вторая — въ полномъ блескѣ торжества, принимающаго поздравленія французскаго дворянства и двора.

Предочтеніе, которое Юмъ оказывалъ иностранцамъ передъ Англичанами, нисколько не можетъ оскорблять послѣднихъ, тѣмъ больше, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, его нерасположеніе къ нимъ имѣло свой зародышъ въ извѣстной древней національной ненависти. Неблагопріятныя обстоятельства усилили впоследствии эту наклонность и она, наконецъ, обратилась въ неприязнь, подобно тому чувству ненависти, которое Джонсонъ питалъ къ Шотландіи.

Въ обыкновенномъ состояніи духа Юмъ былъ чрезвычайно тихъ и разсудителенъ. Здравый умъ его обиталъ въ здоровомъ тѣлѣ. О Джонсонѣ можно сказать совершенно противное. Казалось бы, съ перваго взгляду, что первому невозможно быть несчастнымъ, а послѣднему счастливымъ. Но вглядываясь ближе въ домашнюю жизнь Юма, удостовѣряемся, что онъ былъ одержимъ одною нравственною болѣзнію (необузданною страстью къ литературной славѣ), которая его мучила едва ли менѣе того, сколько мучила Джонсона его несносная брюзгливость и крутой нравъ. Юму было уже сорокъ лѣтъ, когда онъ выпустилъ въ свѣтъ первую часть своей «Исторіи Стуратовъ», которою, какъ онъ воображалъ, съ самаго дня ея появленія весь міръ пренебрегалъ и надъ которою всѣ ругались. Много было писано книгъ о бѣдствіяхъ, которыми подвержены авторы, и о свойственныхъ имъ болѣзняхъ, нравственныхъ и физическихъ. Въ этихъ книгахъ изложена бездна случаевъ, гораздо болѣе достойныхъ состраданія, но врядъ ли встрѣтится одинъ, произведшій, по-крайней-мѣрѣ на время, столь гибельное дѣйствіе на пациента, какъ тотъ, о которомъ мы говоримъ. Сперва умъ у Юма дотога разстроился, что онъ чуть-было не отказался отъ всѣхъ друзей, чуть не отрекся отъ отечества. Два письма, писанныя имъ къ Мюру (Mure of Caldwell), оскорбительны для авторовъ вообще, но могутъ послужить полезнымъ наставленіемъ для ихъ пріателей. Въ 1754 году, Юмъ просилъ Мюра сказать ему свое искреннее мнѣніе о первой части «Исторіи Стуратовъ»: «Вы знаете, какъ имѣе чуждо авторское самолюбіе.» Мюръ, — а Мюру можно было бы знать его лучше, — принялъ эти слова

за чистую монету и высказалъ свое мнѣніе довольно свободно. Что жъ вышло? Юмъ не могъ простить ему этого до самаго 1757 года, когда Мюръ въ письмѣ къ нему отозвался съ похвалою о второй части: только тогда Юмъ рѣшился возобновить съ нимъ дружбу, «оправданную долготѣнимъ знакомствомъ.» Не доказываетъ ли это, какъ мало можно положиться на дружбу, когда двѣ-три неприятныя истины, высказанныя въ письмѣ, могли быть достаточною причиною къ прекращенію дружескихъ сношеній между такими людьми втеченіи дѣлыхъ трехъ лѣтъ?

Понятно, что авторы могутъ быть шекотливы даже и до такой степени съ своими друзьями, но въ Юмѣ мы видимъ первый примѣръ, чтобы писатель подумалъ отречься отъ отечества изъ-за того только, что соотечественники не хотятъ читать его книги, или не соглашаются утвердить его въ званіи національнаго историографа, имъ же самимъ себѣ присвоенномъ, и мы бы не повѣрили этому, если бы онъ самъ не сознался въ своей слабости. Но передъ нами теперь лежитъ это сознание, — сознание предсмертное, сдѣланное, въ добавокъ, черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ того какъ случились событія, о которыхъ идетъ рѣчь: «Признаюсь, что я въ то время впалъ въ совершенное уныніе и, если бы не возгорѣлась война между Англіею и Франціею, я бы непременно переселился въ какой-нибудь провинціальный городъ послѣдняго государства и, отрекшись отъ имени, болѣе не возвращался бы въ отечество!» Буря миновала, но слѣды, оставленныя ею, не изгладились. Каждое изданіе его исторій казалось ему только новымъ доказательствомъ воцѣлющей несправедливости, и скуднымъ удовольствіемъ за прежнія его страданія. Своимъ безпрестаннымъ ропотомъ онъ вывелъ наконецъ изъ терпѣнія и самого издателя. Миллеръ не могъ удержаться, чтобы не выразить своего удивленія, когда, несмотря на то, что книгопродавцы, изумленные быстрою распродажею исторій, готовы были согласиться на самыя выгодныя для Юма условія, съ тѣмъ, чтобы онъ написалъ продолженіе, онъ, — человекъ такой достойный и разсудительный, — всё-еще оставался недоволенъ.

Когда Юмъ находился въ Парижѣ, при посланникѣ, лордѣ Хертфордѣ, другъ его, сэръ Гильбертъ Эллиотъ, привезъ туда своихъ сыновей и оставилъ ихъ тамъ въ учебномъ заведеніи, поручивъ Юму надзоръ за ними. Все, замѣченное Эллиотомъ во время пребыванія въ этой столицѣ, такъ убѣдило его въ опасности искушеній, которымъ Юмъ былъ подверженъ, что, имѣвъ случай

писать къ нему о своихъ дѣтяхъ, онъ заключилъ письмо нѣ-
 сколькоими помезными соображеніями, касающимися до Юна лично:
 « Позвольте мнѣ также сказать и вамъ, по дружбѣ, что вы стои-
 « те на краю пропасти. Благоразумнѣе хотѣть, кто старается осво-
 « бодить свой умъ отъ мелочныхъ предрассудковъ, но любовь къ
 « отечеству не есть предрассудокъ. Любите Французовъ, сколько
 « вамъ угодно: между ними найдется, конечно, много людей, до-
 « стойныхъ любви и уваженія, но, умоляю васъ, не переставай-
 « те быть Англичаниномъ. » Отвѣтъ Юна доказываетъ, что эти
 дружескія увѣщанія были не излишними. « Не понимаю, говорить
 « онъ, възъ чего вы заключили, что я стою на краю пропасти. Я
 « вамъ предакажу послѣдствія моего теперешняго положенія.
 « Какъ скоро кончится посольство лорда Хёртфорда, — а оно, по
 « всѣмъ вѣроятіямъ, не будетъ продолжительнаго, — то какой-ни-
 « будь фаворитъ, котораго я никогда въ глаза не видалъ и кото-
 « раго, слѣдовательно, не могъ оскорбить, нанесетъ бѣдника безъ
 « шкворителя, похлопочетъ о лишеніи его пенсіона, обещаннаго
 « по жнзнь, королемъ и министрами, чтобы склонить его принять
 « на себя настоящую его обязанность. Это заставитъ меня поки-
 « нуть Парижъ, что, признаюсь, до крайности спорно бы мнѣ.
 « Я переселюсь въ Тулузу, или въ Монтобанъ, или въ какой-ни-
 « будь другой провинціальный городъ южной Франціи, гдѣ про-
 «веду остатокъ моихъ дней въ довольствѣ, подъ прелестнымъ
 « небомъ и въ прекрасномъ обществѣ. Посудите же вы сама, въ
 « такомъ случаѣ, могло ли бы что вибудъ вибудитъ мнѣ предво-
 « честь житье въ Англіи такому раю? Во всей Европѣ, отъ Пе-
 « тербурга до Лиссабона, и отъ Бергена до Непмала, врядъ ли
 « сыщется хоть одинъ человѣкъ изъ числа тѣхъ, которымъ из-
 « вѣство мое вня, кто бы не былъ выгоднаго мнѣнія о моей
 « нравственности и о моихъ способностяхъ. Съ другой стороны,
 « нѣтъ, я думаю, ни одного Англичанина, который бы не обра-
 « довался, услышавъ, что я сломилъ себѣ шею, — иной за то,
 « что я не вигъ; иной, потому что я скептикъ; всѣ, за то что
 « я Шотландецъ. Возможно ли, чтобы вы могли хладнокровно убѣ-
 « ждать меня не переставать быть Англичаниномъ? Да развѣ мы съ
 « вами Англичане? Не обращаютъ ли они въ смѣхъ наши притя-
 « занія на согражданство съ ними? Не ненавидятъ ли они насъ,
 « зато что мы превзошли ихъ по всѣмъ отраслямъ наукъ? Я
 « всемірный гражданинъ, но если бы я призвалъ какую-нибудь
 « страну своимъ отечествомъ, то ужъ конечно ту, въ которой жи-
 « ву теперь и съ которою ничто меня уже не разлучитъ, — раз-

«азъ откроется война и заставитъ искать временнаго убѣжища въ Швейцаріи или въ Италіи.»

Мало по малу, и самъ того не замѣчая, Юмъ сталъ питать непреодолимое презрѣніе къ литературному вкусу и къ правамъ и обычаямъ тѣхъ, кого считалъ своею публикою: «Что касается до добраго расположенія или до уваженія къ моей особѣ тѣхъ болѣеановъ, которые, находясь въ рабскомъ повиновеніи у персваго книгопродавца, лорда, епископа, или партіи, захотѣвшей или управлять, называютъ еще себя публикою, то я себѣ и въ усь не дую (1757).» Онъ оказывалъ сильную неохоту сближаться съ своими поносителями. «Меня пугаетъ одна мысль о томъ, чтобы мнѣ могло приттисъ поселиться въ Лондонѣ, между беззаконными варварами, которые станутъ меня ненавидѣть, зато что я Шотландецъ и къ тому же не вигъ, и будутъ презирать, зато что я литераторъ.» Когда, по выходѣ въ свѣтъ перваго тома Гиббоновой «Исторіи Римской Имперіи» онъ писалъ къ нему, чтобы благодарить его за это сочиненіе, его ненависть и презрѣніе къ современному поколѣнію въ Англіи достигли уже высшей степени. Это его и заставило, въ поздравительномъ письмѣ къ автору, употребить слѣдующія выраженія: «Ваши соотечественники, втеченіи почти цѣлаго столѣтія, находившею подъ вліяніемъ варварскаго и негнѣпаго духа партіи и до того пренебрегли литературою, что я ни какъ бы не ожидалъ отъ кого-нибудь изъ нихъ такого драгоценнаго произведенія.»....«Горько и подумать, въ какомъ жалкомъ упадкѣ находится литература между этими народами, въ наше время», говоритъ онъ въ письмѣ чуть ли не послѣднемъ, писанномъ въ тотъ же самый день къ Смиту (1776).

Къ-несчастью, ненависть Юма къ политическому характеру ангійскаго народа шла рядомъ съ его презрѣніемъ къ ихъ литературѣ. Тогдашнія возмущенія, причиненныя мѣрами, принятыми противъ извѣстнаго Уилке (Wilkes), пугали его: «Наше правительство, говоритъ онъ Эллиоту, просто стало химерою; оно слишкомъ свободно для такихъ грубыхъ звѣрей, каковы Англичане, люди, — скажу проще животныхъ, — свирные, избалованные цѣлымъ столѣтіемъ необузданной вольности.» (1770.) Въ томъ же самомъ году, онъ упрекалъ Смита будто бы шути (но какая ѣдка была эта шутка!), зато что тотъ продолжалъ заниматься своимъ сочиненіемъ о «Богатствѣ Народовъ». Мо- жетъ ли быть, чтобы вы еще хотѣли издать книгу, исполненную здраваго смысла и учености, для этихъ злыхъ, распутныхъ,

« сумасшедшихъ людей?... У нихъ глаза тогда только раскроют-
 ся, когда они себя наживутъ страшную, кровополитную рево-
 люцію. По мнѣ, это было бы имъ по дѣломъ и, если бы та-
 кое происшествіе могло пасть на нихъ однихъ, то я бы ска-
 залъ: пусть себя погибаютъ! » Но Юмъ, во всю свою жизнь,
 былъ въ душѣ робкимъ политикомъ. Изученіе Исторіи не распо-
 ложило его много довѣрять людямъ или обществу: онъ не по-
 стигалъ, чтобы просвѣщеніе могло облегчить бремя народнаго
 долга, или укротить, со временемъ, необузданность волновавшей-
 ся черни. Въ 1746 году, времена были такія бѣдственныя, бу-
 дущность являлась въ столь мрачныхъ краскахъ, что онъ не
 хотѣлъ и поздравить Освальда, когда того избрали въ члены пар-
 ламента. Онъ говоритъ ему, что онъ не очень бы горевалъ, если
 бы тогда избранный парламентъ былъ послѣднимъ парламентомъ
 въ Англіи. Онъ продолжалъ такъ, годъ за годомъ, все пророча
 гибель и разрушеніе, но чувствовалъ между тѣмъ слишкомъ ма-
 ло любви къ отечеству, для того чтобы мысль о предстоящемъ
 упадкѣ Англіи могла его печалить въ послѣднія минуты его
 жизни. Судя по мнѣнію Юма, высказанному имъ, въ самые по-
 слѣдніе годы своей жизни Джону Хому, когда они вмѣстѣ ѣхали
 въ Батъ, въ Англіи тогда ощущался такой недостатокъ въ лю-
 дяхъ способныхъ и гениальныхъ, какъ по гражданской, такъ и
 по военной части; англійскій народъ такъ видимо портился, что
 настоящее состояніе государства нельзя было изобразить словомъ
 «упадокъ», а приходилось употреблять какое-нибудь другое, силь-
 нѣйшее выраженіе. Если Юмъ говорилъ основательно, то госу-
 дарству угрожала неотвратимая гибель. Въ этихъ отрывкахъ вид-
 но расположеніе духа не слишкомъ завидное и мы вполне со-
 глашаемся въ справедливости вопроса господина Бѣртона, можно
 ли было бы, въ какой-нибудь періодъ жизни, довѣрить Юму со-
 ставленіе Исторіи Англіи, исторіи, представляющей страстямъ пи-
 сателя такое обширное поле?

Не должно думать, чтобы выводъ подобныя заключенія, Юмъ
 поступалъ несообразно своему характеру. Это доказывается то-
 номъ всего написаннаго имъ объ обществѣ, о правленіи или о
 литературѣ. Природа не одарила его способностью чувствовать
 и оцѣнять красоты произведеній великихъ умовъ Англіи, между-
 тѣмъ какъ онъ вполне постигалъ и безъ милосердія обнаружи-
 валъ ихъ недостатки. Такъ, напримѣръ, неровности и промахи,
 которыя иногда попадались ему въ твореніяхъ Бэкона и Шек-
 спира, поражали Юма несравненно болѣе самаго величія ихъ ге-

ни. Въ его глазахъ Бэконъ былъ не что иное какъ «весьма достойный авторъ и философъ»; стиль его твореній казался Юму жесткимъ и педантскимъ, а остроуміе—натянутымъ и неестественнымъ. Шекспира онъ называлъ безобразнымъ, уродливымъ гигантомъ. Въ то самое время, когда вся Европа гремѣла славою Чэтэма (Chatham), Юмъ объ немъ отзывался, какъ о парадоксѣ, какъ о человѣкѣ не то чтобы сумасшедшемъ или, лучше сказать, сумасшедшемъ, но не болѣе обыкновеннаго; какъ объ «извергѣ», который чувствуя себя сильнымъ своимъ необыкновеннымъ безстыдствомъ и шарлатанствомъ, лукавствомъ и дерзостію, собирается теперь гремѣть противъ нарушенія билля правъ (the Bill of Rights), — теперь, когда графство Миддельсекское лишено права избирать своихъ представителей! Зная, какого мнѣнія Юмъ былъ о современной политикѣ и о современныхъ государственныхъ людяхъ, нельзя удивляться тому, что въ его глазахъ конституція Англіи казалась промахомъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ составныхъ элементовъ народности, безъ сомнѣнія, заключается въ народной вѣрѣ. Жаль, что мы не знаемъ ничего достовѣрнаго о томъ, какъ думалъ Юмъ о своихъ современникахъ, въ отношеніи къ этому важному предмету, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ни какой возможности согласить между собою тѣ противоположныя показанія, которыя онъ намъ оставилъ о состояніи религіознаго чувства въ Великобританіи. Въ своихъ «Опытахъ о народномъ характерѣ» онъ замѣчаетъ, что «за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ, Англія была погружена въ самое грубое суевѣріе; въ прошломъ столѣтіи тамъ свирѣпствовали самый бѣшеный фанатизмъ; теперь же, Англичане показываютъ въ отношеніи къ дѣламъ вѣры такое совершенное равнодушіе, какого еще не показывалъ ни одинъ другой народъ въ мірѣ». Это показаніе, первоначально напечатанное въ 1748 году, существуетъ и въ предсмертномъ изданіи «Опытовъ», 1776 года. Но въ письмѣ къ Гиббону, написанномъ въ то самое время, когда печаталось это послѣднее изданіе, онъ замѣчаетъ, что «къ другимъ явленіямъ, грозящимъ Англіи скорымъ упадкомъ, можно причислить еще всюду вкоренившійся духъ суевѣрія, предвѣщающій упадокъ философіи и вкусу». Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что въ промежутокъ времени отъ 1744 до 1776 года въ народномъ духѣ произошла рѣшительная перемѣна, — перемѣна такая точно, какую представляетъ ее Юмъ. Но съ другой стороны, религіозное чувство въ Англіи не бывало ни въ какое время въ такомъ упадкѣ, чтобы появленіе сочиненій противныхъ вѣрѣ мо-

тѣхъ быть принижемо иначе какъ съ сильными общимъ негодованіемъ. Англійское общество ни въ какое время не поставило бы на одну доску осторожное вольнодумство Миддльтона и дерзкій скептицизмъ Юма. Юмъ хорошо понималъ народность Англичанъ и, въ своей исторіи, говоря о той чрезмѣрной похвалѣ, которую Англичане расточаютъ своимъ великимъ писателямъ, онъ спокойно замѣчаетъ, что «это можно приписать господствующему у нихъ духу народности, составляющему для нихъ важный источникъ счастья». Не странно ли, послѣ этого, видѣть, что, при всякомъ удобномъ случаѣ, Юмъ изыскиваетъ средства, какъ бы глубже, больше уязвить эту-то самую народность, это-то самое счастье; что, когда его злобное намѣреніе увѣнчается желаннымъ успѣхомъ и уязвленные покажутъ, что чувствуютъ оскорбленіе, онъ же всюду кричитъ, что его самого оскорбили!

Но негодованіе и ненависть, которыя Юмъ питалъ къ Англіи, должны были еще принять направленіе болѣе положительное и сосредоточиться наконецъ въ исключительное гоненіе на одну политическую партію. И теперь еще можемъ ясно отличать всѣ степени, которыя его умъ проходилъ, прежде чѣмъ достигъ того состоянія, на которомъ онъ остановился. Онъ потому достигъ вполнѣ своей цѣли и враждебныя его чувства потому получили удовлетвореніе полное, далеко превосходившее всѣ его надежды, что его «Исторія Англіи» — единственная, которую всѣ читали съ удовольствіемъ. Онъ достигъ того, чего тщетно жаждали Картъ (Carte) и Брэдъ (Brady), и обращеніе умовъ къ торизму и къ торнетскимъ теоріямъ, которое, не такъ еще давно, стало-было распространяться между Англичанами, можетъ быть приписано обольстительному вліянію Юмова сочиненія. Нынче, однакожь, завѣса спала съ глазъ людей и можно надѣяться, что опасность миновала. Остается, конечно, желать, чтобы кто-нибудь издалъ систематическое опроверженіе Юмовой исторіи, и удивительно, что никому до сихъ-поръ не приходило на мысль подарить публику новымъ изданіемъ этого творенія, съ комментаріемъ. Противоядіе между тѣмъ уже существуетъ. Историческіе обманъ, или обольщенія, существуютъ теперь только для тѣхъ, которые сами добровольно впадаютъ въ нихъ, потому что, съ тѣхъ-поръ какъ появилась Хэллэма (Hallam's) «Исторія англійской конституціи», всякому, кто прочиталъ исторію Юма, стоитъ только обратиться къ тому драгоценному сочиненію, чтобы узнать истину по этому важному предмету.

Можно было ожидать, что некоторые изъ тѣхъ странностей Юмова характера, о которыхъ мы уже упоминали въ нашемъ разсказѣ, окажутъ особенное вліяніе на него, какъ на историческаго писателя. Въ его время, онъ говоритъ, господствующее мнѣніе объ англійской исторіи было то же, какое существовало во время революціи (время Іакова-Перваго), то же, какого держались министры, управлявшіе государствомъ при новой династіи. Но съ этимъ мнѣніемъ онъ, по свойству его характера, не соглашался. За нѣскольکو лѣтъ передъ тѣмъ, онъ называлъ себя ингомъ, но самъ сознавался, что былъ ингомъ весьма умѣреннымъ. Онъ только тогда измѣнялъ своему врожденному ладнокровію и спокойствію духа, когда погружался въ метафизическія умозрѣнія, или когда дѣло шло о его литературной славѣ. Подобно многимъ изъ знаменитѣйшихъ скептиковъ, ему предшествовавшихъ,—Монтэню, Байю (Bayle), Хоббзу, онъ не былъ приверженцемъ ни политической свободы, ни политическаго вольнодумства, и въ то время когда, какъ ему казалось, общественное мнѣніе принимало направленіе выгодное для его исторіи, онъ сталъ смотрѣть на вѣсъ, который пріобрѣталъ въ литературномъ мірѣ, какъ на торжественное вознагражденіе за то самоотверженіе, какое всегда показывалъ, держась середины въ политическихъ вопросахъ и поддерживая должное уваженіе къ нравительственной власти и къ установленнымъ законамъ. Жажда литературной славы часто заставляла его разбирать спорные вопросы, при чемъ онъ иногда держался слабѣйшей стороны. Когда онъ сообщалъ Бёрку и Блейру тайну, на которой основывался успѣхъ сочиненій знаменитаго Руссо, онъ бы могъ въ то же время прибавить, что онъ и самъ давно уже замѣтилъ, что въ тѣ дни вниманіе общества устремлялось преимущественно на такія творенія, которыя содержали въ себѣ нѣскольکو странностей. Для такого ловкаго и тонкаго писателя, каковъ былъ Юмъ, подобная теорія должна была имѣть особенную прелесть. Желаніе показаться страннымъ — признакъ характера, любящаго противорѣчія, и хотя Юма удивляло и даже огорчало сопротивленіе, которое онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу, однако духъ его, независимый и жаждущій нововведеній, утѣшался даже мыслью, что онъ заслужилъ ненависть тогдашнихъ популярныхъ политиковъ и государственныхъ людей, — Чэтэма, Грейвилла и Бедфордъ.

Но не смотря на направленіе, которое воѣ эти Юмовы наклонности, нравственныя и умственныя, приняли впоследствии,

весьма можетъ быть, что въ началѣ онъ и самъ не предвидѣлъ ихъ будущаго вліянія, въ особенности, если сравнивалъ себя съ пристрастными историческими писателями, ему предшествовавшими. Въ область англійской исторіи онъ вступилъ какъ бы въ имѣніе, ни кѣмъ не управляемое, или, еще того хуже, дурно управляемое до его пришествія толпою литературныхъ поселенцевъ, безвкусныхъ и лживыхъ. Съ одной стороны находились имена: Фильмера и Брэде, Экарда, Карта и Сэмюэла (Salmon), вѣстѣ съ именемъ благороднаго Клэрендона; съ другой: Рэппина, Олджиксона, Ральфа и нѣмъ подобныхъ, — республиканское витійство Сиднея, и ослабляющая ревность и честное легковѣріе Бёрнста. Между этими крайностями можно было бы написать не одну, а двѣ, трѣ, исторіи, да еще такіа, которыми даже самые ревностные искатели истины были бы довольны. Юмъ явился сначала передъ обществомъ, какъ нейтральная держава, какъ олицетвореніе отвлеченной правдивости, въ присутствіи котораго, казалось бы, враждовавшіе положили бы оружіе, чтобы отдать ихъ спорныя требованія на его справедливый и безпристрастный судъ. Въ доказательство того, что по окончаніи исторіи первыхъ двухъ Стуртовъ, ему казалось, будто бы онъ вполнѣ сохранилъ обѣщанный нейтралитетъ, можно бы привести здѣсь отрывки по крайней-мѣрѣ изъ двадцати писемъ. Друзья его, всѣ, какъ виги такъ и тори, которые удостоились чести видѣть у него корректурныя листы, поддерживали его въ этомъ заблужденіи. Но, послѣ изданія этого сочиненія, даже друзья его разочаровались. Первый томъ возбудилъ общее негодованіе всѣхъ партій: такъ, по крайней-мѣрѣ, думалъ онъ самъ, въ первомъ порывѣ досады. Въ дневникѣ, который онъ сталъ держать за нѣсколько времени до смерти, онъ замѣчаетъ, что единственная причина, которой бы онъ могъ приписать народный ропотъ противъ него, была та что онъ позволилъ себѣ уронить благородную слезу состраданія о горькой участи Карла-Перваго и Стратфорда.

Разбирая многія причины, возбудившія общее неудовольствіе его соотечественниковъ противъ его сочиненій, Юмъ долгое время не хотѣлъ согласиться въ томъ, что главнѣйшею между ними былъ его скептицизмъ. Онъ сознавался однакожъ, что, въ этомъ отношеніи, онъ, въ первомъ своемъ томѣ исторіи Стуртовъ, сдѣлалъ нѣсколько непростительныхъ промаховъ, и хотя онъ думалъ, что эти то промахи одни подали жаждущимъ его врагамъ поводъ къ поднятію гоненія противъ него, однако въ частныхъ своихъ письмахъ сознавался, что сказанное имъ въ этомъ со-

тисеи о религии, можно было бы значительно смягчить. Вследствие этого, онъ помѣстивъ оправдательное предисловіе въ началѣ втораго тома. Въ этомъ томѣ онъ не такъ часто касался религии, не имѣя, говорилъ онъ, къ тому поводу. Онъ хвалился крѣпостъ, будто бы, въ той и другой части, онъ руководствовался «тою же самою безпредѣльною свободою» въ отношеніи къ политическимъ вопросамъ, которая возбудила противъ него такое сильное негодованіе прежде. Онъ жалѣлъ только, что обѣ части не вышли вмѣстѣ, потому что, какъ первая была написана нѣсколько въ духѣ торизма, а вторая носила на себѣ отпечатокъ англизма, то ни та, ни другая партія не имѣла бы, въ такомъ случаѣ, ни малѣйшаго повода обвинять его въ пристрастіи.

Послѣ изданія второй части, общественное мнѣніе приняло направленіе болѣе выгодное для автора. Юмъ этого ожидалъ, но это измѣненіе оказывалось такъ медленно, что почти оскорбляло его. Могъ ли онъ, однакожъ, ожидать большаго? Его мнѣніе, касательно двухъ-трехъ отдѣльныхъ фактовъ (касательно характера Маріи Стюартъ, напримѣръ), давало ему право, — онъ по-крайней-мѣрѣ, такъ полагалъ, — не ставить себя на ряду съ ревностными приверженцами дома Стюартовъ. Но тонъ и характеръ его исторіи вообще были таковы, что даже самые горячіе якобинцы остались при довольны. Лордъ Балкаррасъ (Balcarra), участвовавшій въ возстаніи 1715 года, осыпалъ его поздравленіями, и нѣтъ ни какого сомнѣнія, что, когда извѣстный граверъ Стрейнджъ (Strange), ревностный приверженецъ Стюартовъ, отказавшійся награвировать портреты ганOVERскаго дома, подарилъ Юму въ послѣдствіи полное собраніе своихъ гравюръ, то и Стрейнджъ былъ движимъ подобными же чувствами. До какой степени Юмъ былъ увѣренъ въ своемъ безпристрастіи, остается и навсегда останется неразрѣшенною загадкою, но то достоверно, что онъ весьма недолго занимался исторіей дома Тюдоровъ, когда вполнѣ предался своимъ природнымъ наклонностямъ. Онъ здѣсь, можно сказать, предпринималъ защищеніе слѣдующаго тезиса: «оправдать поступки Стюартовъ, примѣромъ Тюдоровъ». Онъ болѣе и болѣе разгорячался, по мѣрѣ того какъ углублялся въ свой предметъ, и, наконецъ, принявъ дѣло къ сердцу, точно такъ какъ иной изъ насъ принялъ бы къ сердцу личную ссору. Дописавъ уже до временъ реформаціи въ Англіи, онъ не нашелъ ничего лучше сказать объ ней Эллиоту, какъ только то, что изъ этого періода онъ извлечетъ матеріалы для гладенькаго, любопытнаго разсказа. Окончивъ исторію Тюдоровъ, онъ

торжественно говорилъ Робертсону: «Вы увидите, сколько неспроста и вѣсу эта исторія Тюдоровъ придастъ исторіи дома Стюартовъ. Было бы гораздо благоразумнѣе начать съ исторіи «Тюдоровъ. Я къ стати не хочу, скажу однакожъ, что теперь навсегда заставилъ молчать тѣхъ бездѣльниковъ, вигговъ, которые такъ вошли на меня». Хвостовство его было неумѣстно. Виги все-таки вопить не переставали. Царствованіе Елизаветы было имъ столь же ненавистно, сколько царствованіе Карла, и потому они оуждали и средства и заключенія, которыя Юмъ изъ нихъ выводилъ. Юмъ принималъ сопротивленіе вигговъ горячо къ еердцу, — такъ горячо, что ему было трудно скрывать свои чувства предъ обществомъ. Предъ друзьями онъ уже и не думалъ скрываться: это доказывается его письмами. Съ этихъ поръ онъ не могъ не чувствовать, какъ далеко простиралось его пристрастіе и какъ мало онъ былъ въ состояніи сопротивляться этому чувству.

Въ такомъ состояніи духа находился Юмъ, когда онъ заключилъ съ Миллеромъ условія объ окончаніи своей исторіи. Начавъ ее съ дома Стюартовъ и совершивъ обратный путь къ Тюдорамъ, ему теперь оставалось окончить свою исторію на томъ мѣстѣ, съ котораго бы слѣдовало начать ее. Словомъ, ему предстояло положить основаніе подъ оконченное строеніе, и надо признаться, что, для приспособленія этого основанія къ построенному уже зданію, потребны были все искусство, вся честность стронителя. Юмъ самъ признавался, что эта работа утомляла его. Несмотря, однакожъ, на его безпрестанныя жалобы, будто бы сочиняетъ медленно и бываетъ самъ недоволенъ сочиненнымъ, онъ довелъ этотъ трудъ къ окончанію съ удивительною скоростію.

Юмъ, въ письмѣ къ Адаму Смиту, говорилъ правду о причинѣ, которая побудила его начать свою исторію съ дома Стюартовъ. Онъ полагалъ, что новѣйшая политика только съ того именно времени становится занимательною. Онъ только въ послѣдствіи сталъ относить къ этому періоду начало тѣхъ лживыхъ показаній, которыя, подъ защитою духа партій, вкрались въ исторію Англіи. Но съ той минуты какъ эта мысль овладѣла его умомъ, онъ сталъ неутомимо подбирать факты для поддержанія своей системы. Этого мало: факты, не подходящіе подъ этотъ разборъ, онъ уже тщательно исключалъ изъ своего разсказа, словомъ, съ того времени онъ совершенно предался пеме-

нствъ. Слѣдствіемъ этого было то, что его живыя показанія являются гораздо болѣе явными и ощутительными въ описаніяхъ царствованій Генриховъ и Эдуардовъ, чѣмъ въ повѣствованіяхъ его о временахъ Карловъ и Якововъ. Добрая слава его завистля теперь, въ литературномъ отношеніи, отъ поддержанія его гипотезы. Иначе бы вопросъ чисто историческій, о томъ, велика ли была степень свободы, которою пользовался англійскій народъ подъ древнимъ правленіемъ, не могъ вынудить и обыкновеннаго писателя измѣнить своему природному характеру и жертвовать такимъ образомъ истиннои, а еще менѣе того такого человѣка, каковъ былъ Юмъ, который гордился своею философіею и искренностію и который не былъ притомъ ни антикваріемъ, ни постромъ. Казалось бы, впрочемъ, что можно было бы поручить цѣлому даже собранію антикваріевъ сдѣлать сравненіе между царствованіями Елизаветы и Карла Перваго, не подвергая ихъ хладнокровію ни малѣйшей опасности, и что всякому, жившему въ теченіи того столѣтія, было бы горя мало, царствовалъ ли Вильгельмъ Завоеватель по праву завоеванія, или по праву болѣе законному. Однакожъ для тѣхъ, которые читаютъ Юмову исторію, этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ, потому, собственно, что Юмъ придаетъ ему такое важное значеніе. Когда, въ 1759 году, Юмъ въ первый разъ исправлялъ свою исторію Стuarтовъ, онъ остался увѣреннымъ, что, на будущее время, его рассказъ о томъ именно періодѣ уже не можетъ болѣе быть предметомъ споровъ. Онъ не только убѣдился въ этомъ, онъ думалъ, что успѣхомъ своимъ въ этомъ дѣлѣ онъ до того вооружилъ противъ себя вигговъ, что они никогда ему не простятъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ приписывалъ этой причинѣ медлительность дѣйствій Гренвилля, по дѣлу объ утвержденіи его, Юма, секретаремъ посольства: «Правда, я утверждалъ, и, что въ глазахъ вигговъ еще хуже, доказалъ, что правила, которыми руководствовалась королева Елизавета, относительно своей власти, ни мало не уступали, по своей неограниченности, тѣмъ правиламъ, по которымъ дѣйствовали Стuarты. Я знаю, что это предложеніе, котораго истина нынѣ дознана и признана всюду, совершенно противно всѣмъ правиламъ виггизма. Знаю также, что Гренвилль, какъ ревностный вигъ, не такъ - то меня жалуетъ за мои доказательства, но, сознаюсь, я никакъ не полагалъ, чтобы онъ вздумалъ доводить ссору со мною до такой крайности».

Было бы совершенно бесполезно вступать въ длинное разсужденіе по этому вопросу, тѣмъ болѣе, что нынче еще существуютъ

однѣ важный авторитетъ, котораго будетъ достаточно для удовлетворительнаго рѣшенія спору, по-крайней-мѣрѣ въ глазахъ безпристрастныхъ. Самъ Карлъ-Первый передъ своимъ парламентомъ, созваннымъ для торжественнаго утверженія условій примиренія, дѣлалъ сравненіе между правленіемъ Елизаветы и своимъ собственнымъ. Кларендонъ упоминаетъ объ этомъ въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ своей исторіи, которыя долженъ былъ впоследствии выкинуть и которыя были впервые напечатаны въ 1826 году: «При открытіи парламента (3 дня ноября, 1640 года) король передъ обѣими палатами парламента держалъ рѣчь, въ которой говорилъ, что отдаетъ всё свои дѣла на ихъ распоряженіе и что готовъ руководствоваться ихъ совѣтами, для того чтобы заключить условія съ Шотландцами и чтобы искоренить тѣ злоупотребленія, которыми народъ его былъ отягощенъ. Онъ былъ готовъ содѣйствовать къ отстраненію всѣхъ злоупотребленій, до государственнаго ли правленія онъ бы относился, или до церковнаго, и ему желательно бы было привести дѣла въ тотъ самый добрый порядокъ, въ какомъ они находились во время царствованія королевы Елизаветы, царствованія, о которомъ англійскій народъ вспоминалъ съ величайшимъ уваженіемъ. Сказавъ это, король вышелъ». Возможно ли было бы выразить словами сознаніе, болѣе прямое и полное, въ томъ, что правленіе Стуртовъ не имѣло ничего общаго съ правленіемъ Тюдоровъ, и что переменна эта казалась народу тягостною? Неужели, еслибы Юмъ присутствовалъ при этомъ событіи, онъ отважился бы сказать королю и парламенту, такъ, какъ онъ сказалъ своимъ современникамъ, спустя сто лѣтъ послѣ этого происшествія, что переменны, подобной той, о которой такъ ясно было говорено въ королевской рѣчи, никогда не происходило и что они, слѣдовательно, находятся подъ вліяніемъ ложныхъ понятій? При томъ торжественномъ случаѣ присутствовали, вѣроятно, многіе люди, знавшіе оба правленія по собственному опыту и знакомые съ духомъ и правилами обоихъ періодовъ. Еслибы это событіе случилось только шестью годами раньше, то при немъ могъ бы еще присутствовать Елизаветинъ генералъ прокуроръ Сэръ Эдуардъ Кокъ (Coke). Странная гипотеза знаменитаго историка конечно удивила бы членовъ Долгаго Парламента, но еще болѣе того удивились бы они нѣкоторымъ изъ тѣхъ фактовъ, какими онъ старался поддерживать эту гипотезу.

Передъ каждымъ новымъ изданіемъ Юмъ тщательно исправлялъ свое сочиненіе. Онъ исключалъ всё лишніе разсужденія,

могущія замедлить ходъ разсказа, и особенно старался объ издѣстствѣ слога. Но болѣе всего онъ пекся объ уничтоженіи всѣхъ признаковъ вигизма, предразсудками котораго, какъ онъ, — вѣроятно провнически, — говорилъ, онъ былъ нѣсколько зараженъ, когда начиналъ это твореніе. «Какъ я началъ мою исторію съ этихъ двухъ царствованій (Якова-Перваго и Карла-Перваго), то теперь нахожу, что они болѣе прочихъ посятъ на себѣ отпечатокъ вигизма и что я не на шутку заслужилъ себѣ имя пристрастнаго писателя, а хвасталъ своимъ безпристрастіемъ безъ всякаго основанія (1763).» Немного спустя онъ понялъ самъ, что заблуждается, но пришла охота и онъ не могъ удержаться. Факты были уже всѣ, кажется, исправлены. Оставалось только исправить нѣсколько ошибочныхъ мнѣній. «Опять просматриваю послѣднее изданіе моей исторіи, чтобы исправить ее окончательно. Я уже смягчилъ, или вовсе выключилъ множество вкрапившихся въ нее, недостойныхъ, возмутительныхъ выходовъ, въ духѣ вигизма. Дай Богъ, чтобы не вовлекло меня въ противоположную крайность то негодованіе, которое я чувствую къ нынѣшнему сумасбродному состоянію общества, поддерживаемому ложью, клеветою, обманомъ и всѣми тѣми низкими хитростями, которыми руководствуются народныя любимицы. Чувствую, однако жъ, что первыя изданія были пренсполнены тѣхъ глухихъ англійскихъ предразсудковъ, которыми ни какой другой народъ, ни какой вѣкъ не бывалъ зараженъ (1770).»

Къ несчастію, личныя отношенія Юма къ вигамъ слишкомъ хорошо соотвѣтствовали тѣмъ чувствамъ, которыя онъ питалъ къ нимъ въ общественномъ смыслѣ. Занятый безпрестанно своими нимыми оскорбленіями, онъ вообразилъ, наконецъ, по примѣру Руссо, будто бы противъ него составилъ какой-то заговоръ. Читая разсказъ, въ которомъ Хомъ, вздвигнувшись съ нимъ въ Батъ, во время послѣдней болѣзни его, передаетъ намъ пріятную болтовню, которою Юмъ услаждалъ путь ихъ, невольно жалѣешь, когда встрѣчаешь признанія, подобныя слѣдующему: «Поговоривъ о томъ какъ его принимали во Франціи, Юмъ обратилъ разговоръ на мысль, занимавшую его довольно часто, — будто бы бывшіе министрами при первомъ появленіи его исторіи, люди, называвшіе себя вигами, стоворились лишить его, какъ автора, добраго имени, боясь, чтобы черезъ него истина не стала распространяться въ Англии. Между примѣрами, приводимыми имъ для доказательства своего утвержденія, былъ слѣдующій, до того времени мнѣ неизвѣстный: герцогъ Бедфордширскій (который

«впоследствии очень полюбил Юма), убежденный предсталою — «одни пѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, выговъ, запретилъ своему сыну, лорду Тавистоку (Tavistock), читать Юмову «Исторію Англіи.» Известно, что лордъ Четемъ сдѣлалъ то же съ лордомъ Камельсфордъ. Но, предполагая даже, что лордъ Четемъ и герцогъ Бедфордъ были оба руководимы въ этомъ дѣлѣ однимъ и тѣми же политическими причинами и не были движимы ни какими другими побужденіями, возможно ли сомнѣваться въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ они поступали какъ частныя лица, — какъ отцы, или какъ опекуны, — а отнюдь не какъ вѣги, или какъ государственные люди, сговорившіеся обезславить автора, зато что онъ говорилъ правду?

Юмъ окончилъ свою исторію въ 1762 году. Втеченіи тѣхъ двухъ-трехъ лѣтъ, которыя онъ провѣлъ въ гражданской службѣ, онъ долженъ былъ заниматься дѣлами, болѣе или менѣе важными. Вдругъ онъ разсердился на Руссо и издалъ весьма неумѣстный отчетъ о своей ссорѣ съ нимъ. За исключеніемъ этихъ занятій, онъ болѣе, кажется, уже не принимался за перо, — развѣ для того, чтобы исправлять прежнія сочиненія или написать какое-нибудь письмо. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ говоритъ, что втеченіи послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ ему хотѣ бы разъ случилось встать по-утру въ тѣхъ же самыхъ мысляхъ о переселеніи, въ какихъ онъ ложился вечеромъ. Онъ бы могъ оказать то же самое, употребляя только слово «годы» вмѣсто «мѣсяцевъ», о той верѣшности, въ какой находился, когда дѣло шло объ окончаніи его исторіи. Когда онъ отправлялся въ Парижъ, чтобы состоять тамъ при посольствѣ, онъ оправдывался передъ своимъ издателемъ тѣмъ, что дипломатическій санъ его можетъ быть ему полезенъ какъ историкъ, и обѣщавъ тщательно собирать всѣ историческіе матеріалы, которые попадутъ ему подъ руку. Все, что онъ сдѣлалъ, однакожъ, къ исполненію этого обѣщанія, ограничилось тѣмъ, что онъ слегка пробѣжалъ собственноручныя записки короля Іакова-Второго, хранившіяся въ шотландской коллегіи, въ Парижѣ, и извлекъ изъ нихъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ. Когда онъ открылъ ихъ, ему показалось сперва, что онъ нашелъ кладъ. Подлинныя документы теперь утрачены, но, судя по тому, какъ онъ говоритъ въ своихъ письмахъ, и по ничтожности той пользы, которую онъ извлекъ изъ нихъ при исправленіи своей исторіи, ясно, чѣ въ нихъ потеряна только рѣдкость, не имѣвшая ни какого существеннаго достоинства. То, что онъ говоритъ о нихъ, важно, виро-

челъ, въ-особенности, какъ выраженіе мнѣнія Юма. «Все от-
крытое мною въ запискахъ короля Іакова, *осидительствуемъ*
противъ него и противъ его брата, а ужъ кажется, въ этомъ
«смыслѣ, лучшаго свидѣтеля и желать нельзя. Къ-тому, же я
«его считаю человѣкомъ правдивымъ и подтвердилъ бы ему безу-
«словно, если бы онъ рассказывалъ о происшествіяхъ, въ ко-
«торыхъ былъ самъ дѣйствующимъ лицомъ.... Отецъ Гордонъ,
«который находится при шотландской коллегіи, въ Парижѣ,
«и который знаетъ наизусть записки короля Іакова, недавно про-
«читалъ снова мое описаніе времени республики и царствованія
«обоихъ братьевъ и отиѣтилъ всѣ тѣ мѣста, которыя не во всемъ
«согласаются съ записками. Отиѣтокъ оказалось удивительно ма-
«ло, что мнѣ довольно пріятно.» Когда всѣ исчисленныя имъ
препятствія къ продолженію его исторіи были наконецъ отстра-
нены и когда со всѣхъ сторонъ стали предлагать ему всякіе до-
кументы, какъ частные такъ и государственные, онъ вдругъ со-
всѣмъ отказался отъ своего предпріятія. Старая англійская по-
говорка о поэткахъ, — что ихъ должно кормить, а не откармли-
вать,—оказалась справедливою и въ-отношеніи къ Юму. Онъ вла-
дѣлъ теперь слишкомъ значительнымъ доходомъ. Къ-тому же, онъ
былъ убѣжденъ, что если прежнія его сочиненія не доставляли ему
того мѣста въ литературномъ мірѣ, которое, по его мнѣнію, онъ
достоинъ былъ занять, то, что бы онъ ни написалъ теперь, онъ
болѣе уже не достигнетъ цѣли своего честолюбія. Но надо при-
нять еще въ разсужденіе скрытое вліяніе другой причины. *Ob-
scurit non intellecta Senectus!* По свидѣтельству доктора Блекка
(Black), здоровье Юма стало ослабѣвать за нѣсколько лѣтъ еще
до его смерти, хотя онъ долго самъ того не примѣчалъ. Эти толь-
ко обстоятельства могутъ послужить къ оправданію его. Во вся-
комъ другомъ случаѣ ему было бы непростительно пренебрегать
исполненіемъ того условія, на основаніи котораго, въ 1768 го-
ду, онъ удостоился прибавочнаго пенсіона отъ короля.

Слѣдующія письма ясно показываютъ, въ чемъ состояло это
условіе. «Генералъ Коввей отказался отъ своей должности и мнѣ
«оставалось только послѣдовать его примѣру. Лордъ Хѣртфордъ
«сказалъ мнѣ тогда, что онъ, съ братомъ своимъ, просилъ короля
«и министровъ опредѣлить мнѣ прибавочный пенсіонъ, въ на-
«граду за мои труды. На это всѣ изъявили согласіе, сопряжен-
«ное однакожь, со стороны короля, съ тѣмъ условіемъ, чтобы я
«дѣлательно принялся за окончаніе моей исторіи. Я, въ отвѣтъ на
«это, сказалъ лорду Хѣртфорду, что не полагалъ себя въ правѣ

«ожидать ни какихъ милостей, ни отъ правительства, ни отъ его семейства, и что, для меня, скромнаго литератора и бережливаго хозяина, было весьма достаточно того доходу, которымъ я уже пользовался.» (Письмо Юма къ madame de Boufflers, апрѣль 1768 года.) «Чувствую, какъ умножаются узы привязывающія меня къ этой странѣ. Король удостоилъ меня значительной прибавки къ прежнему моему пенсіону, изъяснивъ въ то же время желаніе, чтобы я занялся окончаніемъ моей исторіи». (Письмо къ маркизъ де-Барбантанъ, май 1768.)

Этотъ случай въ жизни Юма имѣетъ довольно странное сходство съ другимъ, подобнымъ, въ жизни Робертсона, и немножко мудрено, что Робертсону это не приходило на умъ, когда онъ сибялся надъ простотою книгопродавца, заплатившаго Юму деньги впередъ за его исторію. Переговоры, происходившіе между Робертсономъ и лордомъ Кэткартомъ (Cathcart), въ 1761 году, даютъ основательный поводъ думать, что, когда покровители Робертсона, въ 1763 году, возстановили, въ его пользу, должность исторіографа Шотландіи, они такъ же ожидали отъ него, чтобы онъ написалъ исторію Великобританіи. Съ одной стороны ясно изложены желанія короля имѣть исторію Англіи изъ-подъ его пера и обѣщаніе лорда Бюта (Bute), что вознагражденіе будетъ соответствовать обширности труда, а съ другой, увѣренія Робертсона, будто бы «онъ вовсе не желалъ пользоваться ни какими милостями, «покуда не примется за трудъ, за исполненіе котораго онъ ему были обѣщаны.» Тотчасъ по появленіи въ свѣтъ Исторіи Шотландіи, лордъ Честерфильдъ предложилъ ему исходатайствовать, въ верхней палатѣ, чтобы правительство оказало исторіку какое нибудь поощреніе, могущее побудить его приняться за исторію Англіи. Въ то время, однако жъ, Робертсонъ однимъ и тѣмъ же отвѣтомъ, отдѣльвался отъ просьбъ друзей, отъ предложеній книгопродавцевъ и отъ увѣреній въ покровительствѣ, которое правительство готово было ему оказать. Вотъ въ чемъ заключался этотъ отвѣтъ: «Юмъ,—съ которымъ, несмотря на противоположность нашихъ мнѣній въ отношеніи къ дѣламъ вѣры и къ политикѣ, я живу въ большой дружбѣ,—былъ въ то время занятъ этимъ же самымъ предметомъ. Ни какія побужденія, ни надежда на существенныя выгоды, ни желаніе славы, не могли бы меня склонить къ тому, чтобы стать его соперникомъ, и я твердо рѣшился не полагать преградъ успѣхамъ его сочиненія». Черезъ два года послѣ этого обстоятельства дѣла были уже не тѣ, по-крайней-мѣрѣ такъ думалъ Робертсонъ. Юмова исторія

успѣла бы не только явиться предъ свѣтомъ, но и заняла бы свое должное мѣсто въ литературномъ мірѣ гораздо прежде тѣмъ Робертсонъ могъ бы издать свое твореніе. «Къ тому же, прибавляетъ онъ, Юмъ и я, мы смотримъ на этотъ предметъ съ точки зрѣнія столь различныхъ между собою, что, — какъ и случилось при изданіи нашихъ послѣднихъ книгъ, — оба наши сочиненія могутъ занять свои мѣста, имѣть своихъ приверженцевъ и свои особенныя достоинства, не вредя одно другому».

Весьма вѣроятно, что Робертсонъ, по дальнѣйшемъ разсмотрѣніи вопроса, убѣдился въ невозможности, при разительномъ несходствѣ его и Юмовыхъ мнѣній, пройти снова путемъ, пройденнымъ уже послѣднимъ, не нарушивъ, хотя бы только по видимому, своихъ дружественныхъ отношеній къ нему. Какъ бы то ни было, по Робертсонъ никогда не принимался за свою исторію; и хотя, спустя года два послѣ смерти Юма, онъ сталъ поговаривать о желаніи продолжать трудъ своего пріятеля, однако желаніе оказалось мимолетнымъ. Причины этой нерѣшимости Робертсона состояли, кажется, въ недостаткѣ матеріаловъ и въ боязни оскорбить современниковъ своими историческими откровеніями, — причины, служившія, во всякое время, важнѣйшимъ препятствіемъ къ составленію исторіи новѣйшихъ временъ. Предложенія, сдѣланныя Робертсону, о составленіи исторіи Англіи, были извѣстны всему свѣту, такъ, что Юмъ не могъ не знать о нихъ, тѣмъ болѣе, что они не могли быть пріятными для него. Если бы Робертсонъ, при жизни Юма, и написалъ эту исторію, то добродушіе Юма, конечно, подавило бы въ немъ всякое чувство соперничества и онъ поступилъ бы съ такимъ же великодушіемъ при разборѣ «Исторіи Англіи», написанной Робертсономъ, съ какимъ, на самомъ дѣлѣ, поступилъ въ отношеніи къ «Исторіи Англіи» Генри (Henry). Критическое сравненіе видовъ и методъ, которыми руководствовались Юмъ и Робертсонъ, по такому величественному предмету, какова «Исторія Англіи», было бы въ наше время неоправданнымъ сокровищемъ. Что нѣтъ такого сравненія, въ томъ не виноваты ни Лордъ Бьютъ, ни король Георгъ Третій. Также не виноваты они въ томъ, что Англичане не имѣютъ ни одной порядочной исторіи своего отечества, написанной въ духѣ виггизма, или въ томъ, что Юмову исторію продолжалъ Смоллетъ. Литераторамъ остается только быть признательными за то благородное безпристрастіе, съ которымъ

поступалъ Георгъ-Третій, опредѣляя пенсію и Юму, и Бэстти и Джонсону, и Жанъ Жаку Руссо.

Должность, которую Юмъ исправлялъ подъ начальствомъ лорда Хёртфорда, лишила насъ, вѣроятно, двухъ или трехъ дополнительныхъ томовъ къ его несравненной исторіи. Эту потерю нельзя ни чѣмъ вполнѣ замѣнить, хотя бы, даже, и нашелся теперь историческій писатель, который бы владѣлъ даромъ придавать повѣствованію ту же сжатую ясность, ту же трогательность, или представлять намъ такіе же ясныя картины общества, какими очаровываетъ насъ Юмъ; или, наконецъ, который, развивая предъ нами слѣдствія изъ историческихъ причинъ, являлъ бы ту же самую зоркую наблюдательность и знаніе человѣческаго сердца, какую замѣчаемъ на каждой страницѣ Юмовой исторіи. Почитателей Юма, между-тѣмъ, должна утѣшить, за эту потерю, та мысль, что пребываніемъ его при лордѣ Хёртфордѣ онъ заслужилъ себѣ освобожденіе отъ литературныхъ трудовъ и что, пресыщенный учеными занятіями, онъ былъ, вѣроятно, счастливѣе въ своемъ новомъ положеніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ то время, Юмъ былъ радъ удалиться изъ Единбурга. И хотя знакомцы лорда Хёртфорда подшучивали между собою надъ забавнымъ помощникомъ, присоединеннымъ къ нему шотландскимъ властямъ, по внушенію, можетъ-быть, госпожи де-Буфлеръ, бывшей въ Англій въ 1763 году, однако доброе расположеніе къ Юму вельможи, столь извѣстнаго своею набожностію и своими личными достоинствами, какъ лордъ Хёртфордъ, положило конецъ всѣмъ возраженіямъ. Это расположеніе произвело въ положеніи Юма переворотъ такой счастливый, что Эллиотъ сравнивалъ его съ перерожденіемъ. Юмъ теперь чувствовалъ, что можетъ впередъ смѣло обращаться къ своимъ пріателямъ съ иритязаніями на ихъ услуги: «съ-этихъ-поръ никто не можетъ отказать покровительствовать мнѣ, подъ тѣмъ предлогомъ что я Шотландецъ или денеть». Онъ зналъ, говорилъ онъ, изъ достовѣрныхъ источниковъ, что онъ пользовался милостивымъ расположеніемъ даже самого благовѣрнаго короля, Георга Третьяго. Слава о его учености, его скептицизмѣ и его добродушіи опередила его въ Парижъ. Госпожа де Буфлеръ, любимица принца де Ковти и тогдашняя царица парижскаго общества, была до того очарована его сочиненіями, что завела съ нимъ письменное знакомство. Невозможно выразить словами то торжество,

которое ожидало его въ Парижѣ. Сказать, что онъ былъ въ «модѣ» какъ говоритъ Горацій Вальполь, значило бы подвергнуть себя обвиненію въ зависти, потому что этимъ выраженіемъ нельзя передать малѣйшаго понятія о томъ, какъ приняло его парижское общество. Его прїѣздъ произвелъ бѣснованіе,—la rage, une manie, une fureur.

Предъ своимъ отправленіемъ, Юмъ сталъ было беспокоиться, что ему уже поздно вступать на новое поприще, которое, можетъ быть, не соотвѣтствуетъ, ни лѣтамъ, ни характеру его. И дѣйствительно, при первомъ своемъ визитѣ въ Фонтенбло, онъ смѣшался и совершенно сталъ въ тупикъ. Всѣ рѣшительно, начиная съ королевской фамиліи, казалось, старались на-перерывъ доказать ему, что считаютъ его однимъ изъ величайшихъ гевіевъ въ мірѣ. Онъ самъ былъ увѣренъ, что никогда, ни въ какое трехнедѣліе его царствованія, Людовикъ-Четырнадцатый не вытерпѣлъ столько лести, и онъ увѣрялъ Фергюсона (Ferguson), что, два, три раза на день, жалѣеть о своихъ покойныхъ креслахъ и о своемъ уединенномъ уголкѣ въ Сентъ-Джеймзизъ-Кортъ. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, однакожъ, онъ освоился съ этою лестью и убѣдился, глядя на то почтеніе, которое всюду оказывали ему и Руссо, что ни какой народъ въ мірѣ не можетъ сравниться съ Французами въ любви къ гевіальнымъ людямъ. Дофинъ (правовѣріе, или лучше сказать невѣріе котораго остается до сихъ-поръ вопросомъ неразрѣшеннымъ) представилъ Юма, согласно обычаямъ тогдашняго времени, своимъ тремъ дѣтямъ. Этимъ малюткамъ предстояла безпокойная будущность: то были, впоследствии, Людовикъ-Шестнадцатый, Людовикъ-Осминадцатый, и Карлъ-Десятый. Но врядъ ли они когда были дѣйствующими лицами въ сценѣ болѣе комической. Маленькихъ прищевъ, которымъ было тогда девять, осемь и шесть лѣтъ отъ роду, заставили говорить Давиду Юму рѣчи, заученныя предварительно, въ похвалу его философіи и его исторіи. Самый меньшой, бѣдняжка, пробормоталъ только нѣсколько несвязныхъ словъ: онъ дорогою позабылъ свое похвальное слово.

По милости дамъ, Юмъ разыгрывалъ главныя роли въ сценахъ столько же странныхъ. Судя по тому, какъ онъ оборвалъ госпожу Мэллетъ, когда та вздумала-было дохвастать предъ нимъ своимъ деизмомъ «We deists should know one another», и зная, изъ сознанія его передъ докторомъ Грегори, что онъ считалъ

скептицизмъ добродѣтельно слишкомъ суровою для женщины, можно бы намъ было заключить, что Юмъ не очень жаловалъ женщинъ денстою, но парижскія его пріятельницы не хотѣли и слышать о такомъ салическомъ законѣ. Итъ за шестнадцать до этого времени, лордъ Чарльмонтъ познакомился съ нимъ въ Туринѣ и сохранилъ живое воспоминаніе о его странномъ шотландскомъ выговорѣ и забавномъ французскомъ языкѣ, о глупомъ выраженіи его лица и неуклюжемъ, тучномъ складѣ его тѣла и о томъ, что, въ мундирѣ, онъ былъ точь въ точь борова въ латахъ. Теперь же, лорду Чарльмонту посчастливилось застать его въ Парижѣ. Тамъ онъ встрѣчалъ его безпрестанно въ будоарахъ у дамъ, между тѣмъ какъ въ оперѣ его широкое глупое лицо обыкновенно выставлялось на показъ между двумя миленькими личками, *entre deux jolis minois*. Нигдѣ не случалось намъ встрѣчать такой забавной картины, какъ та, въ которой госпожа Д'Эннэ рисуетъ намъ Юма, — развѣ только въ одномъ изъ старыхъ *Fabliaux*, гдѣ представленъ влюбленный Аристотель, ползающій на четверенькахъ и посящій на спивъ свою любовницу. Въ одной изъ живыхъ картинъ, которые были тогда въ большой модѣ, Юму назначена была роль султана, который, силою своихъ убѣдительныхъ рѣчей, склоняетъ двухъ несчастныхъ пѣвицъ полюбить его. Его посадили на софу, между двухъ изъ первыхъ красавицъ въ Парижѣ, и что же? Онъ все продолжалъ глядѣть имъ въ глаза и колотить себя по колѣнямъ и по брюху, приговаривая, «*Eh bien! Mesdemoiselles! Eh bien! vous voilà donc; eh bien! vous voilà, vous voilà ici?*». Эта глупая сцена продолжалась цѣлые четверть часа. Наконецъ соскучившись, дамы спровадили любезнаго философа въ толпу. Женскій полъ однакожъ постоянно мужинъ, и женщинамъ все еще казался балъ не баломъ, ужинъ не ужиномъ, когда тамъ не было Юма. «Онѣ вѣруютъ въ Юма» пишетъ Гораций Вальполь, и «больше ни во что въ мірѣ не вѣруютъ, да вѣдь по неволѣ, по тому что, какъ онѣ ни хлопочь, во имъ не понять ни одного слова того чуднаго языка, на которомъ онъ здѣсь говоритъ.» Въ числѣ знаменитѣйшихъ домовъ, гдѣ, въ то время, собирались остряки и ученые, были враждующіе дома госпожи Дю-Дессанъ и госпожи Жоффренъ. Первый изъ нихъ былъ недоступенъ Юму, по причинѣ дружбы его съ Даламберомъ; второй, по отношеніямъ его къ госпожѣ де-Буфлеръ. Мы не сомнѣваемся ни въ достоинствахъ госпожи де-Буфлеръ, ни въ искренности того

расположенія, которое Юмъ ей оказывалъ, но припомнивъ сказанное о ней Горациемъ Вальполемъ, не можемъ не удивляться сентиментальному тону Юмовыхъ писемъ къ ней,—тону, который, человѣку въ его лѣта и съ его характеромъ, едва ли было простиительно принять. Онъ былъ съ нею знакомъ не больше года, когда сталъ ее увѣрять, что въ числѣ другихъ неоцѣненныхъ услугъ, которыя она ему оказывала, «она спасла его отъ совершеннаго равнодушія ко всему мірскому». Еслибы онъ могъ располагать своею участію, говоритъ онъ, онъ бы поселился близь тѣхъ мѣстъ, гдѣ обитаетъ она, чтобы постоянно наслаждаться ея дружбою: Оставивъ Парижъ, онъ жалуется на страданія разлуки, на тѣ безпрестанные позывы, которые чувствуетъ къ ея обществу; прибавляя, что онъ привыкъ думать о ней, какъ о другѣ, съ которымъ ему нельзя долго быть разлученнымъ. Нѣсколько позже, онъ пишетъ къ ней въ надеждѣ на скорое свиданіе: «Хотѣлось бы и мнѣ сопутствовать вамъ въ Ліонъ. Какъ бы я былъ счастливъ, еслибы оттуда мы могли направить вашъ полетъ въ Италію, а оттуда, если бы вы на то были согласны, въ Грецію! Тамъ мы бы могли поселиться на какомъ-нибудь изъ греческихъ острововъ и дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ питались Гомеръ или Сафо, или Анакреонъ; во только въ спокойствіи и въ большемъ богатствѣ?» Больше богатство было бы, конечно, благоразумнымъ и даже необходимымъ условіемъ, для того чтобы мечты шестидесяти-лѣтняго холостяка могли осуществиться.

Но иѣжный полъ во Франціи уже не воровалъ обществомъ по прежнему. Уступивъ философамъ часть своего владычества, женщины утратили много своего вѣсу. То, чему были свидѣтелями Гораций Вальполъ и Давидъ Юмъ бывшіе въ Парижѣ въ одно и тоже время, можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ въ томъ, что тогда уже замѣтна была въ состояніи общества разительная перемѣна и что готовилась дальнѣйшая перемѣна, еще болѣе разительная. Вальполъ былъ человѣкъ свѣтскій и остроумный, скорѣе Французъ чѣмъ Англичанинъ. Но онъ былъ Французъ времени мадамъ де-Севинь и Людовика-Четырнадцатаго. Юмъ же былъ застѣчивый ученый затворникъ, Французъ только по своимъ литературнымъ и общественнымъ склонностямъ, между тѣмъ какъ по языку онъ былъ такой плохой Французъ, что его съ трудомъ понимали. Въ глазахъ Парижа, однакожъ, всѣ его недостатки вознаграждались тѣмъ

что онъ былъ le grand et gros philosophe Ecossais, имя котораго, года за два, за три предъ тѣмъ, парижскіе цензора вымарали изъ рукописи Гельвеція. Вальполя терпѣли въ гостиницѣхъ на томъ же основаніи, на какомъ терпѣли бы всякую другую красивую мебель временъ Людовика-Четырнадцатаго. Но Юма развозили всюду и поклонялись ему, какъ идолу. Понятія, которыя каждый изъ нихъ составлялъ себѣ о вкусѣ и пріятности французскаго общества, должны были, естественнымъ образомъ, принять свое направленіе отъ того приѣма, который каждый изъ нихъ встрѣтилъ. «Юмъ, замѣчаетъ Вальполь, чистосердечно удивляется тону парижскаго общества, потому, собственно, что «ему не извѣстнъ ни какой другой тонъ». Изъ всѣхъ тогдашнихъ нарушеній старинныхъ правилъ хорошаго общества то, которое болѣе радовало Юма, и въ то же время окорбляло Вальполя, состояло въ томъ, что литераторы были всюду теперь принимаемы. Разговоръ носилъ на себѣ слишкомъ литературный отпечатокъ, для того чтобы могъ нравиться Вальполю. Тонъ ему казался чрезъ чуръ угрюмымъ и педантскимъ и одушевлялся однимъ только сиорами. Недоставало только присутствія Джорджа Гренвилля и лорда Литтльтона (предполагая что послѣдній снова обратился бы въ скептицизмъ) чтобы сдѣлать французское общество скучнѣйшимъ въ мірѣ. Но его мнѣнію всего хуже въ Французахъ былъ ихъ вкусъ, потому что они предпочитали Ричардсона и Юма всѣмъ прочимъ англійскимъ писателямъ.

Въ своихъ показаніяхъ объ этомъ знаменитомъ обществѣ Вальполь и Юмъ согласны въ одномъ только пунктѣ. Они оба свидѣтельствуютъ о томъ вольнодумствѣ, которое въ немъ господствовало. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ этомъ кругу, Юмъ написалъ весьма любопытное письмо къ своимъ пріятелямъ изъ духовнаго званія въ Единбургѣ, письмо, въ которомъ онъ подробно распространяется насчетъ «пренебреженія, въ какомъ находится религія у всѣхъ сословіи французскихъ, какъ «у мужчинъ, такъ и у женщинъ». Нельзя никакъ сообразить это показаніе съ тѣмъ, которое находимъ въ другомъ письмѣ его, гдѣ перечисляя литераторовъ, встрѣченныхъ имъ въ Парижѣ, онъ говоритъ Блейру, «что ему, и Джардайллу, и Робертсону, «было бы, конечно, пріятно узнать, что между ними не было «ни одного денета», если бы мы не знали что этихъ словъ не слѣдуетъ принимать за чистую монету.

Мнѣніе лорда Честерфильда о парижскомъ обществѣ соглашалось, въ одномъ отношеніи, съ мнѣніемъ Юма. Честерфильдъ также говорилъ, что оно лучше лондонскаго общества, хотя и допускалъ, впрочемъ, что старинный тонъ былъ лучше тогдашняго. Но, съ другой стороны, онъ соглашался съ Вальполемъ въ отношеніи гораздо важнѣйшемъ. Свѣтскіе люди того поколѣнія были несравненно дальновиднѣе теоретика-политика. Въ наставленіяхъ, данныхъ лордомъ Честерфильдомъ своему сыну, лѣтъ за десять или за двѣнадцать передъ тѣмъ, находимъ слѣдующее предостереженіе: « Во Франціи теперь существуютъ и ежедневно усилваются всѣ тѣ признаки, которые, въ исторіи народовъ, предшествуютъ великимъ переменамъ и переворотамъ. » (1753). Конечно, онъ немного повредилъ своему предсказанію, предположивъ, что остальная Европа будетъ тѣмъ спокойнѣе. Рассказывая по парижскимъ гостиницамъ, по прежнему великолѣпнымъ, но уже не шумнымъ, Вальполь замѣчаетъ, что « этихъ добрыхъ людямъ вѣкогда и посидѣться: всѣ, какъ мужчины такъ и женщины, прилежно заняты дѣломъ разрушенія. » И Юмъ при этомъ присутствовалъ и, самъ того не примѣчая, принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ роковому перевороту. Ни въ одномъ изъ его писемъ не встрѣчается ни одного такого выраженія, изъ котораго можно было бы заключить, что онъ видѣлъ предстоявшее. Лѣтъ черезъ десять, правда, онъ сталъ было немного беспокоиться, но безпокойство его было мимолетное, недальновидное. По его мнѣнію, французскій король погубилъ свое правленіе, тѣмъ, что снова созвалъ парламентъ, и во всей Франціи, говорилъ онъ, существовалъ только одинъ человекъ, именно Бриэнцъ, который бы могъ теперь спасти государство отъ угрожающей гибели! Юмъ, кажется, взиралъ на паденіе Франціи, какъ бы на хроническое разслабленіе силъ этого государства, между тѣмъ, какъ бѣдственное положеніе Англіи, — ея государственный долгъ, духъ партій, вліяніе народа на избраніе членовъ парламента, — возбуждало въ немъ негодованіе и безпокойство. Онъ отзывается объ Англіи, какъ о такой странѣ, въ которой жить становится опасно, между тѣмъ, какъ состояніе Франціи, даже въ 1789 году, не возбудило бы, вѣроятно, въ немъ ни малѣйшаго безпокойства. Другая важная задача, занимавшая политиковъ того времени, состояла въ разрѣшеніи вопроса о томъ: чѣмъ должетъ кончиться споръ между Англіею и ея американскими колоніями? Въ этомъ случаѣ, дагоды Юма подходили бли-

же къ истинѣ, чѣмъ предположенія Робертсона, потому что онѣ были основаны на началахъ болѣе основательныхъ. Юмъ не предполагалъ въ лордѣ Нортѣ (North) достаточныхъ способностей для приведенія въ дѣйствіе тѣхъ обширныхъ мѣръ, которыя тогда оказывались потребными, или въ Гейджѣ, меридивомъ трусѣ, достаточныхъ овѣдѣній въ военскомъ дѣлѣ, для того, чтобы онѣ могъ, дѣйствіями, своими въ полѣ, исправить промахи, сдѣланные англійскими министрами. Къ тому же, Юмъ не одобрялъ системы отдаленныхъ колоній и былъ того мнѣнія, что «лучшій изъ всѣхъ образовъ правленія — республиканскій, потому именно, что въ республиканскомъ правленіи гораздо меньше свободы.»

Понятія, которыя Юмъ составлялъ себѣ объ отдѣльныхъ лицахъ, бывали иногда чрезвычайно ошибочны. Мы уже говорили о томъ мнѣніи, которое онъ изъяснилъ относительно способностей Бриэнна, какъ государственнаго чловѣка. Не меньше того любопытна чрезмѣрная похвала, расточаемая имъ Жанъ Жаку Руссо, — до самого того дня, въ который они поссорились. Въ декабрѣ 1765 года, онъ говоритъ Блейру, что Руссо во многихъ отношеніяхъ похожъ на Сократа, но что впрочемъ, это сравненіе клонится въ пользу его пріятеля. Въ октябрѣ же слѣдующаго года, онъ пишетъ къ Смитту: «Нравъ у Руссо самый прихотливый, жеманный, злобный, тщеславный и безпокойный, съ нѣкоторою примѣсью сумасшествія. Изъ этихъ, преобладающихъ качествъ, дополненныхъ неблагодарностію, жестокосердіемъ и лживостію, состоитъ весь его характеръ.» Ошибочныя сужденія о характерахъ людей иногда влекутъ за собою пагубныя послѣдствія. Франція дорогою цѣною искупила то ошибочное мнѣніе о Бриэннѣ, которое столь многіе раздѣляли съ Юмомъ, потому что мѣры, принимаемыя Бриэнномъ, столько же содѣйствовали къ ускоренію революціи 1790 года, сколько самыя грубые промахи, сдѣланные неспособнѣйшими изъ министровъ теоретиковъ, ему послѣдовавшихъ. Врядъ ли когда либо прежде приходило въ голову двумъ людямъ, столь несогласнымъ по характерамъ своимъ, какъ были Юмъ и Руссо, заключить между собою дружественную связь. Между ними не было ни малѣйшаго сходства, развѣ только въ томъ, что они оба считали себя мучениками за странность своихъ мнѣній. Юмъ одинъ заплатился за этотъ безразсудный союзъ. Его сильно огорчалъ соблазвъ, произведен-

ный въ европейскомъ мѣрѣ разрывомъ между двумя людьми, столь извѣстными своею философїей и взаимною дружбой, и ему было досадно явиться предъ обществомъ въ качествѣ дѣйствующаго лица въ первомъ и единственномъ спорѣ, литературномъ ли, или личномъ, въ которомъ онъ когда либо участвовалъ публично. Въ этомъ бою онъ былъ до того уязвленъ, что, впоследствии, считалъ свою связь съ Руссо однимъ изъ несчастнѣйшихъ обстоятельствъ своей жизни.

Послѣ двухъ-лѣтняго пребыванія въ Парижѣ, лордъ Хёртфордъ былъ назначенъ вице-королемъ въ Ирландію. Дѣла посольства оставались нѣсколько мѣсяцовъ на рукахъ Юма, которому пришлось окончить начатыя лордомъ Хёртфордомъ переговоры по двумъ тремъ довольно важнымъ вопросамъ. Эти вопросы относились до Дюнккерхена и до Канады. Окончивъ порученныя ему дѣла выгоднымъ образомъ для своего отечества, Юмъ возвратился въ Лондонъ, чтобы отдать отчетъ въ своемъ управленіи посольствомъ, поблагодарить короля за всѣ его милости и добить знаменитаго Руссо, который (какъ хвастаетъ Юмъ) отказался отъ приглашеній многихъ европейскихъ царствующихъ особъ, для того собственно, чтобы отдаться подъ его, Юмова, покровительство. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, передъ нимъ послылись мечты объ ирландскомъ секретарствѣ, подъ начальствомъ лорда Хёртфорда. Говоря объ этомъ предметѣ съ Блейромъ, онъ спрашиваетъ: «А что жъ думаетъ докторъ (Робертсонъ) о широкимъ полѣ, которое открывается моему честолюбію? Увы! если бы это поле было еще пространивѣе, мое честолюбіе не стало бы на немъ подвизаться. Строгая наставница, философія, вооружается противъ такой мысли, между тѣмъ какъ лѣньность моя, въ испугѣ, готова выброститься изъ окна. Клапайтеся отъ меня Фёргессону и Ажардайну, и Джону Адмзу, и всѣмъ членамъ Покера, и скажите всѣмъ православнымъ, что Давидъ Юмъ проситъ ихъ молиться за него въ этомъ случаѣ.» Юмъ въ сердцѣ былъ непримиримый врагъ Дублина, какъ мѣста жительства. Переселиться туда, значило бы, по его мнѣнію, промѣнять свѣтъ на тьму. Должность также не имѣла для него большихъ прелестей. Однако жъ онъ согласился бы вступитъ въ должность секретаря, вопреки всѣмъ внушеніямъ его добраго генія, и лордъ Хёртфордъ непремѣнно опредѣлилъ бы его на это мѣсто, если бы не робость лорда Рокцингэма, бывшаго тогда министромъ, и

если бы не свѣтъ, какъ выражался лордъ Хёртфордъ, «того хотѣлъ». Что лордъ Хёртфордъ самъ этого желалъ, въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнія, если судить по слѣдующему письму Юма: «Однажды, прошедшею весною, лордъ Хёртфордъ вошелъ ко мнѣ въ комнату и сталъ говорить мнѣ, что онъ слышалъ, будто бы многія лица постарались всѣми возможными убѣжденіями и ласками склонить меня, чтобы я остался во Франціи, но онъ надѣялся, что я не рѣшусь его поклянуть. Онъ теперь любитъ меня столько, сколько прежде уважалъ, и желаетъ чтобы мы прошли остатки нашихъ дней подъ одною кровлею. Онъ нѣсколько разъ хотѣлъ было поговорить со мною объ этомъ предметѣ, но, прибавилъ онъ, я человѣкъ не словохотный, и потому до сихъ поръ все откладывалъ; теперь же мнѣ легче, когда я открылся предъ вами въ моихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ.» Несмотря на все это, лордъ Хёртфордъ нашелся вынужденнымъ сказать Юму, чтобы тотъ пересталъ думать объ ирландскомъ секретарствѣ. «Онъ былъ не властенъ исполнить свои намѣренія въ пользу человѣка, способности котораго были ему столь хорошо извѣстны.» Потому, онъ говорилъ, его увѣряли, что избирая въ секретари Юма, при особенной неаппетитности, которая въ то время господствовала въ Англіи противъ шотландскаго народа, онъ повредитъ доброй славѣ своей администраціи. Онъ желалъ, однако жъ, чтобы сношенія ихъ остались тѣми же. Онъ имѣлъ то же желаніе быть ему полезнымъ, какъ и прежде, и просилъ, вмѣсто благодарности за какую-нибудь услугу, которую ему удастся оказать ему, чтобы Юмъ проводилъ съ нимъ все свое досужное время, а онъ всегда сочтетъ величайшимъ счастіемъ видѣть его у себя, въ Дублинѣ ли, или въ какомъ бы то ни было городѣ въ свѣтѣ, «вопреки всѣмъ возможнымъ предразсудкамъ и глупостямъ людей.»

Юмъ остался доволенъ этимъ объясненіемъ лорда Хёртфорда, да и не могъ плаче. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, верхняя палата призвала въ свое присутствіе какого-то типографщика, обвиненнаго въ томъ, будто бы напечаталъ одно Вильксеново письмо, въ которомъ содержался разныя непристойныя выходки противъ Шотландцевъ, состоявшихъ при миссіи лорда Хёртфорда, а въ особенности противъ Юма. И то вѣроятно, что скептицизмъ Юма послужилъ благовиднымъ предлогомъ къ исключенію его изъ числа кандидатовъ на одну изъ самыхъ важныхъ

должностей ирландскаго правленія, но если такъ, то предлогъ былъ самый причудливый. Одного того обстоятельства, что Юмъ былъ Шотландецъ, было бы достаточно, чтобы заставить главу всякой англійской администраціи отречься отъ него. Въ такой же точно необходимости нашелся, около того времени, глава общества весьма различнаго разбора отъ того, которымъ управлялъ лордъ Хэртфордъ. Гаррикъ, тогдашній режиссеръ дрюриленскаго театра, до того страшился вліянія господствовавшаго тогда противъ Шотландцевъ предразсудка, что, въ 1769 году, желая поставить на сцену одну изъ трагедій Джона Хома, онъ перемѣнилъ названіе ея: «Ривайна» (Rivine), героиня одной изъ Оссиановыхъ поэмъ, на «Роковое Открытіе» (The Fatal Discovery), и «чтобы еще дѣйствительнѣе скрыть шотландское происхожденіе пьесы, упростилъ какого-то молодого Англичанина, оксфордскаго студента, присутствовать при репетиціяхъ и выдать себя за автора!» И самъ Юмъ говоритъ, что трагедія тѣмъ только спаслась отъ паденія, что имя настоящаго автора не было извѣстно публикѣ. Факты, подобныя этому, не могли увеличить его дружескаго расположенія къ англійскому народу. Но что касается до секретарства въ Ирландіи, то ему, съ самаго начала, нельзя было не понять, что онъ былъ столько же способенъ къ тому, чтобы занимать первое мѣсто при преніяхъ ирландскаго парламента, сколько къ тому, чтобы быть главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при попойкахъ ирландскаго дворянства.

Онъ, слѣдовательно, скоро утѣшился, тѣмъ болѣе что за потерю политическаго значенія ирландскаго секретарства его вознаградили выгодною болѣе существенною, пожаловавъ ему пожизненную пенсію четыреста фунтовъ стерлинговъ. Нѣтъ ни какого повода полагать, чтобы онъ впоследствии когда-нибудь жалѣлъ о томъ, что не поѣхалъ въ Ирландію, а если онъ и жалѣлъ, то уже, вѣрно, потому только, что отсутствіемъ, въ то время, изъ отечества избѣгнулъ бы неспособныхъ и смѣшныхъ пріключеній съ Руссо. Между-тѣмъ, онъ отъ всего сердца смѣется надъ вѣжливостію Бозвеля, сопровождавшаго ключницу Жанъ Жака, надмаозель Ле-Вассеръ, въ Лондонъ. Бозвель, помнитъся, когда то говорилъ Юму, что ему, Бозвелю, не такъ-то прилично водиться съ Юмомъ! Желательно было бы знать, извѣстно ли было Джонсону, ворчавшему на Бозвеля, зато что тотъ, будучи за границу, свелъ знакомство съ Вильксомъ и съ Руссо, на

накія штуки пускался его пріятель въ этомъ послѣднемъ случаѣ, чтобы только сблизиться съ знаменитостью. Но Юмъ напрасно подымалъ Бозвеля на смѣхъ. Онъ самъ находился въ положеніи, ни чуть не менѣе смѣшномъ, а ужъ, конечно, болѣе опасномъ, когда разыгрывалъ роль покровителя господству знаменитой ключницы. Онъ, вѣроятно, иногда удивлялся странности его судьбы, связавшей его съ литераторами сумасшедшими, въ первомъ случаѣ съ лордомъ Эппендлемъ, въ послѣднемъ, съ Руссо.

По необходимости или, или по политическимъ соображеніямъ, Георгъ Третій началъ свое правленіе кратковременными парламентами. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія Георга на престолъ, лордъ Рокингемъ подалъ въ отставку и его пріятелю вослѣдовали оба Бёрка. Генералъ Конвей, однакожъ, къ крайнему негодованію его партіи, остался статсъ-секретаремъ и бывшего своего помощника, Вилліама Бёрка, замѣнилъ тотчасъ Юмомъ, котораго способности были ему уже давно извѣстны. Онъ зналъ Юма не только по отзыву о немъ своего брата, лорда Хёртфорда, но еще и по собственному опыту, изъ оффиціальной переписки, которую онъ нѣкогда велъ. Судя потому, что Юмъ говоритъ Блейру о своей должностной жизни, кажется, она была не слишкомъ трудна, но только нѣсколько однообразна. « Образъ жизни, который я веду здѣсь, весьма однообразенъ, « по отнюдь не непріятенъ. Все утро, отъ десяти часовъ до « трехъ, провожу въ домѣ секретаря, куда пріѣзжаютъ безпре- « ставно курьеры и привозятъ мнѣ извѣстія о всѣхъ тайнахъ « государства, скажу лучше, Европы, Азіи, Африки и Америки. « Дѣла не слишкомъ много, и я часто имѣю довольно досужна- « го времени, чтобы почитать или написать частное письмо, или « чтобы побесѣдовать съ пріятелемъ, если онъ меня посѣтитъ, « а послѣ обѣда распоряжаю своимъ временемъ, какъ мнѣ за- « благоразсудится. Если къ этому прибавить, что тотъ, подъ не- « посредственнымъ начальствомъ котораго служу, человекъ са- « мый разсудительный, добродушный и благовоспитанный въ « свѣтѣ, то вы, конечно, подумаете, что мнѣ не на что жало- « ваться. Я, впрочемъ, и не думаю жаловаться. Скажу только, « что не стану горевать, когда прекратятся мои обязанности, « потому что мнѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, эта должность ни къ « чему не поведетъ и потому еще, что я считаю верховъ благо-

получил, — хочу сказать довольства, — читать и ретозѣив-
чать, лѣниться и дремать, или, коли хотите — мечтать». Въ
концѣ этого письма помѣщены двѣ, три строчки къ сэру Гиль-
берту Эллиоту, въ которыхъ Юмъ говоритъ ему, что онъ «по-
прежнему остался блудолизомъ (a parasite), то есть, обѣдаетъ
за столами всѣхъ знатныхъ людей, оставшихся еще въ Лон-
донѣ». При такихъ обстоятельствахъ слухи, которые распро-
странялись каждый мѣсяць, каждую недѣлю, почти даже каж-
дый день, о томъ, будто начальникъ его подаетъ въ отставку,
не могли нарушить его спокойствія. Съ небольшимъ чрезъ годъ
слухи оправдались и Юмъ принялъ это извѣстіе съ похвальнымъ
хладнокровіемъ. Втеченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ онъ устроилъ
свой доходъ и владѣлъ теперь тысячею двумястами фунтовъ въ
годъ, съ которыми онъ, въ 1768 году, поселился въ Эдинбургъ,
считая этотъ городъ мѣстомъ жительства, приличнѣйшимъ чѣмъ
даже самый Лондонъ, для человека съ учеными привычками и
независимымъ духомъ, и вообще хорошимъ мѣстомъ для него
въ послѣдніе годы жизни.

Въ продолженіи всей своей жизни, Юмъ былъ привязанъ къ
Шотландіи болѣе, вѣроятно, чѣмъ ему самому казалось. Во вся-
комъ случаѣ, Эдинбургъ былъ столпцемъ его роднаго края. Не-
было ни одного другаго мѣста, гдѣ бы его присутствіе могло
считаться такою честью; ни одного, гдѣ бы его бесѣда прине-
сла бы столько удовольствія; ни одного, гдѣ бы, во время бо-
лезни или старости, онъ былъ окруженъ столькими пріятными,
дружескими лицами. Къ тому же, теперь на его улицѣ былъ
праздникъ. Толпа дворянчиковъ, пренебреженіе которыхъ онъ
прежде такъ жестоко принималъ къ сердцу, теперь сама ста-
нетъ искать знакомства его, любимца принцессы и министровъ.
Его политическія правила также начинали имѣть своихъ при-
верженцевъ. Если бы его тогда спросили съ какой стороны мо-
жетъ подняться на него гроза, то, вѣроятно, оказалось бы, что
онъ меньше всего ожидалъ быть обезпеченнымъ по поводу сво-
ихъ старыхъ метафизическихъ мнѣній. Такъ, однакожъ, случи-
лось. Предметы, покинутые имъ за двадцать лѣтъ до этого вре-
мени, были теперь вытаснены изъ забвенія и послужили пово-
домъ къ гоненію на него, еще болѣе извѣстному и сильному
чѣмъ прежде. Біэтти издалъ свой «Опытъ объ Истинѣ» въ 1770
году. Знаменитѣйшіе изъ прежнихъ противниковъ Юма, Кэм-

белль и Рейдъ, наиримѣрь, обращались къ нему всегда съ величайшимъ уваженіемъ, даже и тогда, когда всего менѣе соглашались съ его мнѣніями. Ему, слѣдовательно, не могло не показаться страшнымъ, въ его преклонныхъ лѣтахъ и послѣ заграничныхъ торжествъ, стать снова предметомъ нападеній. II Юмъ сталъ жаловаться, что съ нимъ не такъ поступали, какъ бы слѣдовало поступать съ порядочнымъ челоѣкомъ. Не смотря на свое невѣжливое обращеніе, Бѣтти пашель въ Эдинбургъ горячихъ покровителей въ лицахъ доктора Джона Грегори и неблагодарнаго Блэкюка. Онъ, однакожь, имѣлъ достаточно благоразумія, чтобы понять, что при многочисленности пріятелей, которыхъ Юмъ имѣлъ въ Эдинбургъ, было бы ему безразсудно покидать Эбердинъ, для того, чтобы поселиться посреди ихъ, хотя ему въ то время было даже сдѣлано предложеніе занять тамъ профессорскую катедру. Но въ Лондонѣ было немного такихъ людей, которые бы рѣшились вступиться за Юма. «Опытъ объ Истинѣ» встрѣтилъ тамъ пріемъ еще радушіе Эдинбургскаго. Тамошнее общество приняло это твореніе какъ давно ожидаемаго мстителя за права оскорбленнаго христіанства. Джонсонъ и госпожа Монтэгю, уже переставшіе быть друзьями, единогласно отдали честь сочинителю. Его наградили пенсіономъ изъ государственной казны и Ренольдзъ подарилъ ему его же портретъ. Въ этой картинѣ Ренольдзъ ввелъ изображеніе ангела, поражающаго три чудовищныя аллегорическія фигуры, изъ которыхъ двѣ, какъ полагали, представляли собою Вольтера и Юма. Сэръ Вилліамъ Форбзъ, въ первой части своей біографіи Бѣтти, говоритъ, что онъ имѣеть поводъ не вѣрять, чтобы Ренольдзъ имѣлъ подобную мысль. Во второй части, однакожь, онъ напечаталъ письмо отъ самаго Ренольдза къ Бѣтти, которое ясно доказываетъ, что Юмъ, по крайней мѣрѣ, не безъ причины изъяснялъ свои подозрѣнія. «Кто-то увѣрилъ Юма, будто бы « я ввелъ его въ мою картину не слишкомъ выгоднымъ « образомъ для него: въ картинѣ, дѣйствительно, есть изоб- « раженіе фигуры, закрывающей лице руками. Пусть себѣ, « пожалуй, называютъ эту фигуру Юмомъ, или другимъ какимъ « именемъ, коли хотятъ; правда, спина довольно похожа « на его спину. Что же касается до Вольтера, то я, точно, хо- « тѣлъ изобразить его». Задорный Джонсонъ утверждалъ, что для автора было выгодно быть предметомъ нападеній. Оно привлекало къ нему вниманіе толпы. Всѣ прежніе противники Юма,

говорила онь, содѣйствовали своими нападеніями только къ его славѣ. Теперь было иное дѣло, потому собственно, что «Опытъ объ Истпнѣ» слишкомъ полное опроверженіе Юмовыхъ мнѣній. Джонсонъ думалъ, что въ молодости своей самъ имѣлъ влеченіе къ метафизикѣ. Это очень сомнительно. Онъ обращалъ гораздо больше вниманія на способъ изложенія «Опыта», чѣмъ на самый предметъ, который излагалъ. Показывать протывнику уваженіе, значило, по мнѣнію Джонсона, отдавать ему преимущество, на которое онъ не имѣлъ ни какого права, — значило плошать въ бою. Къ тому же, если Юмъ былъ дѣйствительно такой великій человекъ, какъ онъ самъ себя считалъ, то нападать на него было тоже, что въ стѣну горохъ кидать.

Неблагоприятнымъ обстоятельствомъ для Юма было то, что сперва Варбѣртонъ, потомъ уже Джонсонъ, были такъ долго законодателями лондонскаго литературнаго круга. Джонсонъ никогда не могъ хладнокровно слышать даже пня Юма. Но если онъ могъ обвинять Юма въ скептицизмѣ, то Юмъ, кажется, имѣлъ не менѣе основательное право возражать противъ приговора, произнесеннаго Джонсономъ надъ его сочиненіями, которыя, даже, можетъ быть, Джонсонъ читалъ съ тою только цѣлію, чтобы изъ нихъ извлечь матеріялы для критики. Какъ непрочно мірская слава! Литературная же непрочнѣе, можетъ быть, всякой другой. Кто можетъ взяться предсказать которое изъ сѣмянъ, брошенныхъ въ поле, произведетъ плодъ? Могъ ли бы Джонсонъ, напримеръ, предвидѣть, въ какомъ отношеніи будутъ содержаться читатели самыхъ знаменитѣйшихъ изъ его произведеній къ читателямъ сочиненій Юма, въ нынѣшнемъ 1847 году! И каково бы ему поправился судъ, произнесенный свѣтомъ, надъ слогомъ сочиненій каждаго изъ нихъ? Тяжелый, звучный, латинскій слогъ его «Рэмблера» длинные, звучные періоды, которыми, ему казалося, онъ обогатилъ англійскій языкъ — теперь погребены подъ бременемъ своего многословія, между тѣмъ, какъ неподражаемая прелесть слога иногда не грамматическаго и съ примѣсю иностранныхъ выраженій, но всегда яснаго, живаго и привлекательнаго твореній Шотландца, образовавшаго себя во Франціи, и по нынѣ плѣняетъ самыхъ причудливыхъ пурристовъ. О Джонсонѣ говорили, будто бы онъ въ книгахъ зналъ толку болѣе чѣмъ знали вообще его современники: если такъ, то онъ, вѣроятно, питалъ

къ мнѣніямъ Вольтера и Юма слишкомъ сильную ненависть, чтобы позаботиться даже узнать, въ которыхъ годахъ были напечатаны сочиненія каждого изъ нихъ. Иначе онъ не сказалъ бы что Юмъ—отголосокъ Вольтера и что, если бы послѣдній не написалъ ни какихъ историческихъ сочиненій до Юма, то и Юму никогда бы не пришло на мысль заниматься исторіею. Юмъ началъ свою исторію въ 1752 году и издалъ первую часть въ 1754 году. Вольтера «Вѣкъ Людовика, Четырнадцатаго» напечатанъ только въ 1752 году, а первое украденное, искаженное изданіе его «Опыта о Правахъ» въ 1754. Еслибы Джонсонъ сказалъ, что лучъ историческаго свѣта, пробившійся съ такимъ блескомъ въ Шотландію, около половины прошлаго столѣтія, былъ слѣдствіемъ сочиненій Монтескье, то онъ былъ бы ближе къ истинѣ чѣмъ въ настоящемъ случаѣ. Когда случалось, что мнѣнія его съ Юмовыми соглашались, то Джонсонъ или не соглашался съ Юмомъ, относительно приложенія этихъ мнѣній къ практикѣ, какъ, напримѣръ, онъ сдѣлалъ къ вопросу о томъ: должно ли подчинять правила нравственности общественной пользѣ? или же онъ не признавалъ достоинства этихъ мнѣній. Такъ поступилъ онъ, напримѣръ, относительно политическихъ правилъ Юма, говоря, будтобы тотъ нечаянно сталъ торіемъ. Желательно было бы знать, какимъ нечаянностямъ онъ приписывалъ обращеніе Юма въ торизмъ? Неужели скептицизму? Но Джонсона ненависть къ скептицизму простиралась до того, что онъ охотно присудилъ бы скептиковъ не только на несчастную жизнь, но даже отказалъ бы имъ въ спокойной кончинѣ. Его досадовало то спокойствіе духа, которое приписывали Юму, и онъ, безъ всякаго сомнѣнія, радовался бы, если бы могъ приговорить его на каторжную работу вмѣстѣ съ Руссо. Что Юмъ не страшился мысли о вѣчномъ уничтоженіи, то было, по мнѣнію Джонсона, притворство, ложь, суета! Для его же разстроеннаго воображенія мысль о смерти была столь ужасна, что онъ ни въ комъ не могъ предполагать равнодушія къ ней. Онъ, кажется, не вѣрилъ, или не понималъ, чтобы кто-нибудь при смерти могъ сохранить спокойствіе духа. Торжественность послѣднихъ минутъ жизни членовъ семейства Весли, была для него столько же непостижима, сколько шуточный тонъ предсмертныхъ словъ Юма.

Не бывъ коротко знакомымъ съ человѣкомъ, трудно опредѣлить въ какомъ состояніи духа онъ находился въ извѣстные періоды

жизни. Иной, котораго всё считаютъ душою общества, часто поверяется дедой гдѣтъ или плакать, между-тѣмъ какъ другіе, которые столько же мало заботятся объ обществѣ, сколько оно заботится объ нихъ, зааютъ скуку во одному только имени и считаютъ верхомъ блаженства проводить время въ кругу своихъ дѣтей, или въ уединеніи, съ книгами. Объ иныхъ людяхъ, опять, нельзя судить по ихъ письмамъ. Они имѣютъ глупую привычку выражаться обо всемъ картинно. Перениска такихъ людей всегда представляетъ ихъ намъ въ искаженномъ видѣ. Трудно опредѣлить въ какой степени это можетъ относиться къ Юму. Но то безспорно, что когда онъ былъ въ зенитѣ своего счастья и славы, то въ письмахъ свою внутреннюю жизнь — ту жизнь, которою человѣкъ живетъ не для свѣта, а для себя — описывалъ довольно непривлекательными красками. Въ письмѣ къ барону Мюрю, изъ Парижа, гдѣ его безпрестанно окружали великіе ученые и дамы, и гдѣ онъ велъ жизнь самую разблуженную, онъ выражаетъ свои чувства съ удивительнымъ равнодушіемъ: «Этотъ родъ жизни довольно мнѣ по вкусу; занятія мнѣ пріятны и я готовъ былъ на всякую церемію. Какъ бы то ни было, но время мое проходило прежде не медленнѣе вытѣшннго и всё предметы вообще кажутся мнѣ столь однообразными, что, право, боюсь впасть въ совершенный стоицизмъ и въ равнодушіе ко всему.» Между прочими предметами, къ которымъ онъ чувствовалъ такое равнодушіе, онъ упоминаетъ и объ ожидаемомъ секретарствѣ. Что, если бы Мюръ и Элюэтъ могли сравнить это письмо съ тѣмъ, которое онъ написалъ къ послѣднику, въ это же самое время? Нельзя было бы ожидать чтобы, спустя два года, въ письмѣ, написанномъ къ госпожѣ де-Буфлеръ, онъ отозвался съ лучшей сторовы о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Лондонѣ: «Вообще, а въ-особенности теперь, лучшее общество погружено въ бездну политическихъ споровъ; литераторовъ здѣсь мало, да и тѣ не очень любезны; общество же здѣшнихъ женщинъ самое скучное. Какъ часто вдыхаю я по вашей шлюй, любезной бесѣдѣ. Воображеніе рисуетъ мнѣ васъ въ самыхъ очаровательныхъ краскахъ. Припоминаю ваше добродушіе, вашу спокойный нравъ, и вѣрить не хочу, что я могъ когда-нибудь подвергнуться вашему гдѣву.» Картина, въ которой онъ представляетъ той же дамѣ себя и своихъ первыхъ эдинбургскихъ друзей, въ 1772 году, еще менѣе ласка: «Я наконецъ со-

«абсолютно оторкся отъ свѣта и принялъ наизвѣстно и навсегда болѣе не являться предъ нимъ, ни въ какомъ случаѣ. Но всеудовольствіи, а пресыщеніе побудило меня принять такое наизвѣстіе. Да и можетъ ли человѣкъ въ мои лѣта поступать иначе? Нахожу, къ счастью, что прежняя моя охота къ чтенію неалѣ долгатаго перерыву, снова во мнѣ пробудилась еще въ сильнѣйшей степени, но постараюсь всѣми силами предохранить себя отъ искушенія писать. Хотя весьма важныя лица поощряютъ меня продолжать мою исторію, однако я рѣшился никогда болѣе не подвергать себя хулѣ такихъ пристрастныхъ причудливыхъ читателей, какими изобилуетъ это государство. Есть здѣсь люди, которыхъ бесѣда довольно сносна. Въ ихъ обществѣ и съ книгами провожу мое время. Не скажу, чтобы я очень счастъ. Къ тому же, я недавно сталъ заниматься строеніемъ. Мнѣ теперь только одного хочется: поспѣть, помыслить и потовъ умереть спокойно.» Онъ такъ и сдѣлалъ: онъ скончался спокойно, 25 августа 1776 года.

До сихъ поръ люди судили о Юмѣ только какъ о писателѣ и о мыслителѣ. Личнымъ характеромъ его, однакожъ, можно было бы объяснить многія изъ свойствъ его ума, и изданіе его переписки подало теперь свѣту возможность заключить свое собственное, независимое мнѣніе о нихъ. О Юмѣ было справедливо говорено, что по различному духу нѣкоторыхъ изъ его сочиненій можно бы подумать, что въ немъ были не одинъ, а два ума. Можно бы сказать то же самое и о его характерѣ. «Онъ одинъ, кажется, говоритъ Макнотъ, сравнивая его съ Бѣркомъ и Смитомъ и Монтескьё, былъ одаренъ тою мысленною перемѣнчивостію, тою способностію сосредоточивать всѣ силы своего ума, для разсмотрѣнія отвлеченностей умозрительной философіи, или расширять ихъ для занятій по важнымъ и многосложнымъ государственными дѣламъ.» Очевидно, что, въ его время, пріятеля его думали о немъ какъ о весьма ученомъ человѣкѣ, и намъ извѣстно, что онъ читалъ необыкновенно много. Въ одномъ письмѣ, написанномъ, когда онъ трудился надъ опытомъ «о Народонаселеніи древнихъ народовъ», онъ проситъ пріятеля одолжить ему географію Страбона, нужную ему для нѣкоторыхъ соображеній, говоря между прочимъ, что, собирая матеріалы для составленія этого одного опыта, онъ прочиталъ почти всѣхъ классическихъ авторовъ, греческихъ и латинскихъ. Познанія Юма, однакожъ, слу-

жизни ему для пользы, а не для украшенія. Онъ говорилъ плохо по французски: была посредственною личностю; греческій же языкъ лишь; до собственному его сужденію, зналъ еще хуже латинскаго.

Юмъ повезъ съ собою въ Парижъ всего четыре книги: Вергилія, Горація, Тацита и Тасса. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ писемъ къ Хэчесону онъ называетъ Горація однимъ изъ лучшихъ правоучителей древности. Видно, Юмъ и впоследствии не совсѣмъ постигъ истинный характеръ римскаго поэта, если онъ могъ думать, что Горацій не рѣшился бы на пятидесяти-лѣтнемъ возрастѣ промѣнять свое уединеніе на суету честолюбія или придворной жизни.

Мы уже довольно говорили объ историческихъ твореніяхъ Юма. Метафизическія и нравственныя его сочиненія были превосходно разобраны, первая Дюгальдомъ Стуртономъ, послѣднія Мэннингемъ, въ ихъ предварительныхъ рассужденіяхъ къ *Encyclopaedia Britannica*. Всеобщій скептицизмъ трудно приложить къ практикѣ. Скептическія умозрѣнія могутъ «на время занять ученыя и метафизическій міръ», а тамъ все должно войти въ прежній порядокъ: всѣ предметы удерживаютъ свое первобытное относительное значеніе и самъ скептикъ снова начинаетъ взирать на жизнь и на ся дѣйствительности съ той же точки зрѣнія, почти какъ и прочіе люди. Такъ отзывался Юмъ о себѣ, о своихъ мнѣніяхъ и чувствахъ, по кончинѣ матерн. Скептическія умствованія также бываютъ двухъ родовъ. Относятся ли онѣ къ таинственнымъ связямъ причинъ съ явленіями или къ болѣе ошутительнымъ случаямъ внѣшняго міра или самаго бытія, но онѣ могутъ заключаться или въ отрицаніи возможности вообще доказывать то или другое предположеніе, или просто въ отрицаніи справедливости какого-нибудь особеннаго роду доказательствъ. Скептики обоихъ этихъ родовъ существовали, вѣроятно, во всѣхъ вѣкахъ. Изъ тѣхъ, которые озаменовали себя въ промедшемъ вѣкѣ, назовемъ только Фумѣ, корреспондента Лейбница, Артура Колльера и епископа Бёрклэ. Колльеръ утверждалъ, будто бы онъ доказалъ невозможность существованія внѣшняго міра. Даже Тюрго полагалъ, что тотъ, который ни въ какой періодъ своей жизни не сомнѣвался въ точности существованія вещества, не могъ имѣть наклонностей къ метафизикѣ. Декартъ, кажется, нехотя допускалъ существованіе внѣшняго міра, на томъ только основаніи, что въ лю-

дикъ вообще является непреодолимая невозможность изречь это существованіе. О Юмѣ до сихъ поръ господствовало то мнѣніе, будто онъ принадлежалъ къ высшему разряду мыслителей и въ замѣчаніи (F) къ его опыту, извѣстному подъ названіемъ: «Скептика», онъ защищаетъ это крайнее ученіе противъ послѣдствій, которыя ему приписываютъ. Но, судя по одному изъ его послѣднихъ писемъ, должно заключить, что онъ послѣ перешель въ низшій разрядъ и уже сталъ опровергателемъ только способа доказательствъ, а не возможности доказательства. То, что онъ говоритъ о своихъ уметованіяхъ, относительно причинъ и явленій, можно было бы распространить и на его идеализмъ, въ особенности если къ допускаемому Декартомъ присоединимъ правило Лейбница, что «существованіе ощутительныхъ предметовъ заключалось только въ связи явленій, которая должна происходить въ извѣстномъ отношеніи. Этими-то отличаются ощутительные предметы отъ сновидѣній.» Письмо, о которомъ идетъ рѣчь, относится къ тому измѣненію, которое произошло во мнѣніяхъ Юма въ послѣдніе годы его жизни и о которомъ Дюгальдъ Стурартъ упоминаетъ въ своемъ предварительномъ Разсужденіи. Оно заключается въ отвѣтъ неизвѣстному корреспонденту и выражаетъ досаду на то, что его не поняли: «Позвольте сказать вамъ, что мнѣ никогда и въ голову не приходило утверждать, *будто бы явленіе могло произойти безъ причины.* Я говорилъ только, что наша увѣренность въ ложности подобнаго предложенія отнюдь не бываетъ слѣдствіемъ убѣжденія, а происходитъ совершенно отъ другой причины. Что Кесарь существовалъ, что есть гдѣ-то островъ Сицилія,—предложенія, говорю я, на вѣрность которыхъ мы не имѣемъ ни какихъ убѣдительныхъ доказательствъ. Неужели изъ этихъ моихъ словъ вы станете заключать, будто я отрицаю истину тѣхъ предложеній? Есть много различныхъ родовъ истинъ и въкоторыя изъ нихъ бываютъ столь же удовлетворительны для ума, хотя можетъ быть не столь правильны, какъ самыя убѣдительныя доказательства. Признаюсь, когда умному человѣку случится не понять меня, мнѣ бываетъ досадо, но не на него, а на самого себя, зато, что подалъ поводъ къ недоумѣнію, выразивъ мое мнѣніе темъ, что подалъ поводъ къ недоумѣнію, выразивъ мое мнѣніе темъ, но или непонятно.» Свѣтъ, конечно, его не понялъ. И въ этомъ недоумѣніи состоитъ причина, почему втеченіи почти цѣлаго столѣтія метафизическія школы Европы занимались почти исключительно то защищеніемъ, то опроверженіемъ его мнѣній.

Но, замѣтивъ въ спореніяхъ имя Юма, тамъ и Цицерона, бывающаго не всегда одинаково легко понять настоящую мысль автора. Въ «Разговорѣхъ о естественной религіи», онъ представляетъ намъ скептика, какъ-бы пробующаго свои собственные силы. Поэтому-то въ Фидонѣ онъ изобразилъ человѣка, въ душѣ убѣжденнаго въ истинѣ естественной вѣры: «Признаюсь, говорить о томъ, что я разсуждаю о естественной религіи съ такою осторожностію, какъ о другихъ вопросахъ, во-первыхъ, оттого, что я увѣренъ, что не могу повредить въ этомъ отношеніи ни какому здравомыслящему человѣку; во-вторыхъ, оттого, что я убѣжденъ въ томъ, что всякій кто считаетъ меня здравомыслящимъ человѣкомъ, пойметъ искренность моихъ намѣреній.» При этихъ мнѣніяхъ, которыя Юмъ приписываетъ своему скептику, Монтескье и Франклинъ пожаловались бы (и по справедливости) только на то, что доводы его не довольно понятны и ясны для обыкновенныхъ читателей.

Способности Юма являлись на поприщѣ литературной критики не съ такимъ блескомъ какъ въ прочихъ его сочиненіяхъ. Въ критическихъ его твореніяхъ вообще замѣтна какая-то бѣдность, какое-то отсутствіе симпатическаго чувства къ гениальнѣйшаго разряда. Это надо приписать его врожденной холодности. Зато онъ переставалъ быть критикомъ какъ-скоро дѣло касалось его народности или чувствъ дружескаго расположенія, или благороднаго участія къ неизвѣстному достоинству. Бёртонъ весьма справедливо замѣчаетъ о Юмѣ, что ни одинъ Шотландецъ не написалъ въ его время порядочной книги, которой бы Юмъ не похвалилъ.

«Вилькія онъ называлъ Гомеромъ своего отечества, Блэклока Пивдаромъ, а Хома Шекспиromъ. О тѣхъ же, которые были его соперниками по тѣмъ отраслямъ литературы, которыми онъ занимался, объ Адамѣ Смитѣ, Робертсонѣ, Фергюсонѣ и Генри, онъ отзывался съ такою же чистосердечною, благородною похвалою. Онъ побуждалъ ихъ писать, онъ возбуждалъ въ нихъ духъ литературнаго честолюбія, онъ отыскивалъ имъ издателей и по появленіи ихъ сочиненій всюду разглашалъ славу авторовъ.» «Eripioniad» Вилькія была, по его мнѣнію, вторая эпическая по достоинству поэма на англійскомъ языкѣ. Хомова трагедія «Дугласъ» — первая трагедія. Онъ долгое время не хотѣлъ вѣрить подложности поэмъ Оссіана, не оттого чтобы онъ удивлялся гению Макферсона, историческія способности котораго, ска-

жонг многоходовомъ, Юмъ считалъ самыми ничтожными. Тутъ дѣло касалось его народной гордости, для которой помысливъ эпитетической поэмѣ на древнемъ шотландскомъ нарѣчїи было чрезвычайно лестно, а позже ему не хотѣлось обнаруживать легкомыслія Блэра, въ которомъ поэтическія наклонности переселили въ этомъ случаѣ духъ археологическаго розысканія. Любопытство замигать степеня, пройденныя Юмомъ, прежде чѣмъ онъ волею убѣдился въ ошибкѣ, — начиная съ перваго письма, писаннаго въ 1760 году, когда онъ слѣпо вѣрилъ подлинности *Ossiana*, до писемъ 1763 года, гдѣ онъ уже изъясняетъ свои сомнѣнія и оканчивая тою язвительною статью о подлинности поэмъ *Ossiana*, оставшемуся въ рукописи послѣ его смерти.

Казалось бы, взгляда на жизнь Юма, который заключается въ двухъ томахъ, изданныхъ господиномъ Бертономъ, достаточно для того, чтобы всякій, прочитавъ ихъ, могъ вывести свое независимое заключеніе о характерѣ Юма. Въ настоящемъ случаѣ, однако жъ, признаемся, мы находимся въ недоумѣніи — заключеніе, которое мы бы вывели о характерѣ Юма, вовсе, кажется, не соответствовало бы тому характеру, какой Юмъ самъ приписываетъ себѣ, или тому, какой ему приписывали всѣ современники. Если отстранить ихъ свидѣтельство и судить по однимъ признаніямъ въ перепискѣ, то по неволѣ пришлось бы сознаться, что мы въ Юмѣ напрасно ищемъ философа, взвращающаго на человѣческую жизнь спокойно: мы не находимъ того спокойствія духа, того отсутствія мелочности, того постоянства въ дружбѣ, той мужественной увѣренности въ расположеніи друзей, — какихъ ожидали найти въ немъ. На охлажденіе къ нему въ некоторыхъ изъ лучшихъ и давнишнихъ его прїятелей онъ смотритъ спокойными глазами. Однажды, за столомъ, онъ оскорбилъ Освальда нескромною шуткою насчетъ его брата епископа. Подумаютъ, вѣрно, что Юмъ послѣ этого сдѣлалъ какое нибудь усиліе, чтобы сблизиться съ своимъ разгнѣваннымъ прїятеlemъ. Ни чуть не бывало: онъ преравнодушно перенесъ разрывъ этой дружбы. Впослѣдствїи, онъ пишетъ о старомъ своемъ прїятели, лордѣ Кеймзѣ, въ холодномъ и насмѣшливомъ тонѣ. Мы уже видѣли, за какую бездѣлицу, — слѣдовало бы сказать, за какой дружескій поступокъ, — онъ былъ готовъ носориться съ Мюромъ. Между этими письмами есть одно, содержащее въ себѣ пристрастную выходку противъ лорда Элибенка, подпавшаго подъ его гнѣвъ, зато что былъ не одного съ нимъ мнѣнія насчетъ

характера королевы Марин Тюдоръ! Двѣ послѣднія ссоры, однако жъ, были непродолжительны и пріятно видѣть, что лордъ Замбонъ былъ въ числѣ тѣхъ, которыхъ Юмъ пригласилъ отбывать съ нимъ, по возвращеніи своемъ изъ Бата, передъ тѣмъ какъ садеть въ Харонову лодку.

Юмъ самъ говорить, что почерпнулъ свои понятія о добродѣтели скорѣе изъ Цицероновыхъ «De officiis» чѣмъ изъ «Всѣхъ обязанностей человѣка». Однако жъ въ пользу Юма говорятъ и несомнѣнное свидѣтельство Адама Смита, и дружба его съ Робертсономъ и Блейромъ и со многими изъ самыхъ извѣстныхъ духовныхъ особъ благочестиваго города, — дружба, которую было бы во всякомъ случаѣ трудно сохранять невредимою втеченіи многихъ лѣтъ и которая была бы вовсе невозможна, если бы доброе нма и поведеніе Юма не оставались безукоризненны. Этого мало, мы имѣемъ передъ глазами безусловныя признанія многихъ, если не непріязненныхъ, то по крайней-мѣрѣ не приверженныхъ къ Юму лицъ, — лорда Литтлтона, друга, и сэра Вилліама Форбза, біографа знаменитаго Битти; Бозвелля, клеветы суроваго Джонсона, по повелѣнію котораго Бозвелль уважалъ людей или презиралъ ихъ. Лордъ Литтлтонъ именно говоритъ о честности и о чистосердечіи Юма и о кротости его обращенія. Форбзъ и Бозвелль, по собственному опыту, свидѣтельствуютъ о его необыкновенной кротости о его милосердіи къ немущимъ. Съ другой стороны, мы уже имѣли поводъ упоминать о нѣкоторыхъ его качествахъ, вредящихъ ему въ его званіи историка. Нѣкоторыя изъ этихъ качествъ были нравственные недостатки, или подходили близко къ нравственнымъ недостаткамъ.

Въкъ свой Юмъ прожилъ, вообще говоря, кажется, довольно счастливо. Но жизнь его была слишкомъ отвлеченна, слишкомъ чужда всѣхъ тѣхъ связей и домашнихъ радостей, которыя такъ необходимы для ума и сердца. Онъ суровою рукою перерывалъ нить многихъ привязанностей и откинулъ необходимость многихъ обязанностей. Поступая такимъ образомъ, онъ долженъ былъ въ то же время обезсилить свое собственное вѣрованіе во многія изъ простѣйшихъ добродѣтелей домашняго быта. Между-тѣмъ какъ онъ сознавалъ въ себѣ склонность подозрѣвать искренность привязанностей его друзей, онъ не позаботился окружить себя семействомъ, въ кругу котораго могъ бы найти любовь, по подлежащую подозрѣнію, участіе никогда не ослабѣвающее.

Надобно признаться, что характеръ Юма не имѣетъ того величія, котораго бы можно было желать ему. Онъ былъ бы счастливѣйшимъ, да и лучшимъ человѣкомъ, если бы не доходилъ въ своемъ скептицизмѣ до крайности. Жаль также, что онъ былъ такъ страстно привязанъ къ литературной славѣ, хотя, въ одномъ смыслѣ, она его не обманула, потому что предчувствіе будущей знаменитости услаждало его послѣднія минуты. Какое, однако жъ, странное заблужденіе! Какъ не воскликнуть: «Суета суетъ!» когда философъ, ожидающій разрушенія съ равнодушіемъ, можетъ еще на смертномъ одрѣ заботиться о своей посмертной славѣ и занимается тѣмъ, что станутъ люди говорить о его «Опытахъ» и «Исторіяхъ», когда онъ самъ будетъ въ могилѣ спать вѣчнымъ непробуднымъ сномъ!

ВОСПОМИНАНІЕ О БОРОДИНСКОМЪ МОНАСТЫРЬ.

На Бородинскомъ полѣ вѣрные сыны Россіи совершили долгъ свой: твердо и мужественно противостояли врагу многочисленному, водившему полководцемъ гениальнымъ, усылали поле трупами иноплеменинцовъ и трупами своими. Обширное поле сдѣлалось обширнымъ кладбищемъ.

Теперь на Бородинскомъ полѣ вѣрные дщери Россіи совершаютъ свой долгъ: надъ прахомъ жертвъ любви къ отечеству они принесли себя въ жертву Богу, приносятъ непрестанную жертву молитвъ о себѣ и о павшихъ на сраженіи сыновъ Россіи.

Поэтъ! Ты правъ; твой глазъ постигъ характеръ этого поля: ты нарекъ его «поле-море». Прочитавъ названіе новое, я не понималъ его; но когда пришлось мнѣ взглянуть съ высоты на Бородинское поле, — я тотчасъ увидѣлъ, что это — поле-море. Оно обширно, какъ море; оно все въ переливающихся отлогихъ холмахъ, какъ волнахъ. Были на немъ и другія волны: несмѣтные полки воиновъ. Ученая эти волны; утекли десятки годовъ, послѣ битвы знаменитой; стоятъ удивленно на полѣ смиренная обитель инокинь, какъ приставъ на морѣ.

Лились здѣсь слезы о павшихъ подъ остріемъ меча; лились здѣсь еще о сраженныхъ преждевременно тѣлесною смертію. Лились слезы въ удивленіи; удивленіе и слезы очистили око ума. Видно предъ нимъ — неожиданное, незнакомое доселѣ зрѣлище умственной грѣхомъ душа! Тогда печаль земная соединилась съ печалью духовною.

Маргарита прежде всѣхъ пришла на кладбище войска Русскаго, чтобы плакать надъ могилою храбраго супруга; принесла туда и прахъ сына, угасшаго не на Бородинскомъ полѣ, чтобы плакать надъ двумя могилами вмѣстѣ. Она дала себѣ обѣтъ печали пожизненной, надѣла на себя черныя одежды съ тѣмъ, чтобы не снимать ихъ никогда. «Буду плакать надъ гробами повышла она, доколѣ смерть не отретъ слезъ моихъ, доколѣ гробъ не приметъ и моего тѣла.»

Богъ близокъ къ скорбящимъ; близокъ къ нимъ свѣтъ Его; близко утѣшеніе Его. Маргариту озарило небесное просвѣщеніе: она произноситъ обѣтъ иночества, облачается въ таинственный образъ, принимаетъ новое имя и уже Марія плачетъ у гроба Иисусова. Камень земной скорби отвалился отъ сердца: взорамъ души предстали радостные Ангелы, приносятъ вроткое утѣшеніе въ ры. По праву, Марія, ты держишь въ рукахъ твоихъ жезлъ настоятельства на полѣ Бородинскомъ. Ты приобрѣла это поле мечемъ твоимъ: слезами. Возми имя и небо.

Постепенно на обширное кладбище, къ знамени иноческому Маріи, стекались дщери земли Русской; постепенно обитель стражей могильныхъ обращалась въ обитель молчавишниковъ и служителей Бога. На самомъ редутѣ новаго фланга, гдѣ обда кипѣла всего ужаснѣе, гдѣ въ знойный день битвы образовалась грязь отъ смѣшаннаго крови съ землею, гдѣ выросли горы труновъ, — нынѣ Святая Церковь. Въ ней ежедневно приносится безкровная жертва о упокоеніи пролившіхъ кровь свою. Дѣды, умершія міру, воспѣваютъ надгробную пѣснь надъ антинами умершихъ за Россію.

И часто изможденные бдѣніемъ и постомъ старицы видятъ въ тонкомъ свѣтѣ на жесткихъ своихъ ложахъ: полки воиновъ вѣдѣть за полками возникаютъ неизвѣстно откуда, идутъ стройно въ удивленную обитель, входятъ въ храмъ, проходятъ во святѣй алтарь, потомъ скрываются неизвѣстно куда. Робкія инокини рѣшились приступить къ явившимся съ вопросомъ: «кто они?» — «Мы тѣ, отвѣтъ былъ воинскій, за которыхъ вы молитесь; приходимъ раздѣлять съ вами молитвы.»

Бородинское поле, поле-море, поле великодушнаго подвига, убійства страшнаго, — тихое безмолвное кладбище, оглашаемое лишь звономъ монастырскаго колокола, сзывающаго инокинь ежедневно въ извѣстные часы на молитвословіе, и голосами поселенъ, обрабатывающихъ землю, пресыщенную кровью! Какъ пристань тутъ — обитель; какъ полки — посты хлѣбные; вѣсто киверовъ — колоса.

Благочестивыя дщери Россіи! Да поможетъ вамъ Богъ совершить мужественно невидимый подвигъ самоотверженія! Огъ поможъ братьямъ вашимъ неустранимо, храбро встать, встать грудью русскою, противъ гордаго сукозетата; Огъ да поможетъ и вамъ: Огъ — всесильный Богъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ И ОТКРЫТІЯ ЛЕЙТЕНАНТА Л. ЗАГОСКИНА ВЪ РУССКОЙ АМЕРИКѢ.

==
СТАТЬЯ ШЕСТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.
==

Походъ къ верховью Кускоквилма. Обзоръ мѣтлего сообщенія между редутомъ Колмакова и Иког-мютомъ.

19 мая. Ясно, маловѣтріе SW.

Помолясь Богу, въ половинѣ осьмага часу утра, мы отправились вверхъ по Кускоквилму. Караванъ нашъ составляли двѣ трехъ-лучныя байдарки экспедиціи, одна съ управляющимъ редутомъ и небольшая байдара съ толмачемъ кенайскаго языка и товарами для расторжекъ съ верховыми племенами.

Хронометръ впереди средняго времени въ редутѣ Колмакова, на 0 ч. 10' 16" 57. Средній суточный уходъ — 7' 56'

Опредѣленія мѣстъ по Кускоквилму до впаденія въ него Хультвака, произведенныя мною, вовсе не согласуются съ описью этой рѣки штурманомъ Васильевымъ. Въ колоніяхъ его журнала не находится, но получивъ его въ Санктпетербургѣ, мы нашли, что онъ до того былъ озабоченъ непризнанными поступками туземцевъ, что со втораго дня выѣзда своего на эту рѣку, ни-

Т. LXXXV. — Отд. III.

гдѣ не означалъ даже ея главнаго направленія; притомъ въ этотъ походъ Васильевъ не имѣлъ съ собою хронометра, и во все время своего сплава по Кускоквину сопровождается былъ дождливою погодою. Должно сознаться, что невозможно избѣгнуть погрѣшностей при опредѣленіи протяженія плесовъ или колѣтъ, потому что по неравномѣрности теченія и хода байдарокъ лгтъ не удобенъ, а заключать пройденныя разстоянія по часамъ можно только приближительно. Замѣчаемыя нами румбы и протяженія мы согласовали съ ежедневными обсерваціями *.

Въ первый разъ въ жизни сѣлъ я въ байдарку на дальній путь; Не сужу о другихъ конструкціяхъ, но въ построенныхъ нынѣ для экспедицій, такъ называемыхъ грузовыхъ, я—какъ дома. Ручной пелькомпасъ предо мною утвержденъ на невысокой стойкѣ; записная книжка удобно укладывается между шпангоутомъ и обшивкой; ружье для налетной птицы подъ руками; ранецъ съ огнестрѣльными снарядами и дневной провизіей подъ бокомъ; сидяшь покойно облокотясь о задокъ люка. На востокъ сидятъ на диванахъ поджвъ ноги; безъ привычки, невыносимо такъ просидѣть отъ двѣнадцати до пятнадцати часовъ въ сутки, но я привыкъ, служа когда-то въ мусульманскихъ нашихъ провинціяхъ. Ко всему этому—природа въ юномъ, оживленномъ своемъ видѣ, и ни одного комара, ни одной мошки.

Обойдя на греблѣ небольшой островокъ, находящійся вблизи редута, мы перевалили къ правому берегу и пошли на палочкахъ, то есть гребцы сиди на мѣстахъ и имѣя въ обѣихъ рукахъ небольшіе тонкіе шестипи фута по четыре длины, упираются въ каменистое дно рѣки, и такимъ образомъ сообщаютъ ходъ байдаркамъ. Эта работа довольно трудная, но всѣ туземцы предпочитаютъ греблѣ этотъ способъ подыматься противъ теченія. Весла у нихъ однолопастныя. Быстриною ихъ сбиваетъ помянуто то въ ту, то въ другую сторону; перекидываніе весла утомительно, между-тѣмъ какъ шестиками передній сѣдокъ направляетъ байдарку по желанной глубинѣ и прямому направленію.

* Подробныя означенія колѣтъ этой извилистой рѣки мы представили, по принадлежности, въ особомъ журналѣ. Здѣсь означены только главныя направленія.

** Байдарки, употребляемыя въ редутѣ Колмакова, формою подходятъ къ кадыкскимъ, но нѣсколько ихъ вероче, да того чтобы удобнѣе было справиться при быстринахъ изъ-за мысовъ, н.м. въ узкихъ извилинахъ рѣк.

Къ обѣденной порѣ мы достигли лѣтниковъ Канль-Кучакъ, пройдя по главному направленію къ $SO^{\circ} 70$ праваго компаса * съ небольшимъ семь миль; но за исключеніемъ двухъ женщинъ, другихъ жителей не застали: еще не спустились съ бобрового и оленьяго промысловъ по рѣчкѣ Улукакъ, устье которой отъ лѣтниковъ Канль-Кучакъ находится въ милѣ къ юго-востоку. Полуденная высота солнца показала шпроту мѣста въ $61^{\circ} 32', 03''$. Въ трехъ миляхъ отъ редута, мы прошли также въ настоящее время пустую одиночку Кыбгахтукъ, «лѣсная», а послѣ обѣды въ двухъ миляхъ къ верху отъ Улукака небольшое жило Икхитун ** . Къ нему на короткое время мы приставали, и управляющій, вуждаясь въ ююкѣ для своей команды, взялъ потребное. Въ этотъ походъ онъ никогда не беретъ провизій изъ редута, а собираетъ долги, нарочно къ этому времени оставляемые. Отъ устья Улукака до почлега мы прошли около семи миль. Байдара идетъ то греблюю, то бичевою и мы ее ожидаемъ. По пути убили двухъ гусей.

Прибрежныя горы сѣверной или правой стороны, съ обнаженными вершинами отъ одиночки Кыбгахтукъ отклоняются въ материкъ по румбу къ $NO 45^{\circ}$. Купа горъ Чагувахчуг-викъ съ мѣста почлега, на $NW\frac{1}{2}W$, въ двѣнадцать или пятнадцать миль. Горы лѣваго берега отъ редута до устья Улукака, состоятъ изъ невысокихъ отлогихъ холмовъ, поросшихъ оленьимъ мохомъ, но отъ Улукака, вышиною до пяти сотъ футовъ, тянутся непрерывною цѣпью въ параллель берега, образуя мѣстами прирые мысы. Ширина рѣки въ берегахъ не превышаетъ трехъ сотъ сажень; небольшіе островки, разбѣянные въ изгибахъ колѣвъ, покрыты тальниками; образованіе ихъ чисто лапосное.

20 мал. Ясно, тихо.

Въ этотъ походъ, мы держали по ночамъ часовыхъ, только въ такихъ случаяхъ, когда приводилось ночевать у туземцевъ, и то ради того чтобъ не утащили чего-нибудь собакъ. Подымались обыкновенно съ пяти часовъ и въ шестомъ были уже на пути. Въ половинѣ десятаго останавливались для астрономическихъ

* Склоненіе компаса въ редутѣ Колмакова 25° восточное.

** Всѣ селенія, проѣжаемыя нами до Хулитнака, суть хутора жителей Кыгмы-Пайнаг-иютъ. Названіе жила я оставляю тѣмъ изъ нихъ, которыя при лѣтнихъ бараборахъ имѣютъ небольшіе значки и казны.

лосой медвѣжьей. Обсервационный пунктъ этого селенія находится въ широтѣ $61^{\circ} 48' 45''$, и долготѣ по хронометру $157^{\circ} 23' 51''$.

Къ верху отъ жила Тлягенадѣенъ, горы, окаймляющія рѣку, тянутся обнаженными холмами, милахъ въ трехъ отъ берега; изъ нихъ замѣчательна котловина на своей вершинѣ отдѣльная футъ до шести-сотъ сойка Биклыкъ, «Горѣлая». Всѣ эти мѣста представляютъ изобильныя пастбища для оленей и лосей. Кускоквинъ на мѣстѣ нашего ночлега, въ осьми милахъ отъ обсервационнаго пункта къ SO 85° , до полумили ширины, но разбитъ тремя островами.

23 мая Ясно, до полудня маловѣтріе NO; послѣ W тайн.

До впаденія Хулитнака въ Кускоквинъ, мы прошли не болѣе пяти съ половиною миль по главному направленію къ SO 58° . Здѣсь, не смотря на раннюю пору, остановились для обсерваций, по которымъ опредѣлено устье Холитно въ широтѣ $61^{\circ} 41' 55''$ и долготѣ по хронометру $157^{\circ} 01' 01''$; склоненіе компаса 26° восточное. Не разбирая невѣрности описи штурмана Васильева, мы должны замѣтить, что опредѣленія наши разнятся отъ его по широтѣ къ югу на $28' 05''$, долготѣ на $1^{\circ} 06' 32''$, и что самый румбъ главнаго направленія Кускоквина показанный Васильевымъ въ первый день выхода его на эту рѣку, разивуется на 62° съ истиннымъ направленіемъ рѣки, то есть, отъ устья Хулитнака имъ показанъ на SW—N $\frac{3}{4}$ W; а слѣдуетъ на NW—W $\frac{3}{4}$ W; Хулитнакъ, или по нарѣчію племенъ Ттынайцевъ Холитно, соединилась съ Ттыкини по румбу отъ O—S къ W—N; на устьи шириною до двухъ-сотъ сажень. Лѣвый ея берегъ нагорный, драги и утесаи отъ двухъ-сотъ до четырехъ-сотъ футовъ высоты; но далѣе къ югу простирается хребетъ островершинныхъ горъ слѣшкомъ въ тысячу футъ высоты; въ его разлогахъ мѣстами видѣнъ былъ слѣгъ.

Ттычаннанка, какъ называютъ верховую часть Кускоквина проживающее по ней племя Ттынайцевъ-Голцанъ, при соединеніи съ рѣкою Холитно шириною до мили, но довольно значительнымъ низменнымъ островомъ раздѣлена на два рукава. Мы вошли въ нее восточнымъ рукавомъ, и до ночлега противу бобровой рѣчки Пигвагвикъ, прошли по главному направленію къ NO 59° около 7 миль. Почти на половинѣ этого разстоянія, находится въ лѣвомъ берегу обширный разливъ или затонъ, по

колониальному выраженію *булунокъ*, называемый Тахваль-Кына-каты:

Веснующія близъ устья Холитно туземцы, ловятъ въ немъ множество захожихъ шукъ, макуновъ и горбопосыхъ синговъ: мы шимоздомъ добыли стрѣлкой семнадцать шукъ.

Съ проходомъ Хулитнака мы замѣтили, что воды скатилось несравненно болѣе: отъ мысовъ выдвигались обширные каменистыя косы; въ впахахъ мѣстахъ выказались отмѣлые середки; самое теченіе рѣки слабѣе. Мы шли наиболѣе подъ правымъ берегомъ протоками, ширвою отъ сорока до пятнадцати сажень; на выходѣ изъ одного перетаскивались; впрочемъ, по словамъ управляющаго, большая часть изъ нихъ обсыхаютъ или вовсе дѣлаются неспособными къ проѣзду.

Лѣвая сторона рѣки Ттычанапика можетъ назваться луговою или тундрвною, потому что лѣса окаймляютъ рѣку не шире двухъ миль отъ берега; далѣе—тундра, устьяная озерами. Горная цѣпь праваго берега не выше пятисотъ футовъ тянется лѣсъ, стыми холмами параллельно рѣкѣ въ разстояніи пяти и семи миль. Отроги ея подходятъ къ берегу на мысахъ или ярами до двухъ-сотъ футовъ, или песчаными утесами не выше семидесяти пяти футовъ выготы. Несмѣтная стая ласточекъ находятъ себѣ приютъ въ этихъ утесахъ. Рѣчка Ингваг-викъ на устьѣ до сорока сажень ширины, изобиловала въ прежніе годы бобрами. Вершину ея управляющій опредѣляетъ въ тридцати миляхъ на сѣверо западѣ.

Въ сторонѣ Хулитнака, мы видѣли огромныя столбы дыму и зарево, но какъ грозы не было, то управляющій заключилъ, что вѣроятно кто-либо изъ туземцевъ промышляющихъ бобровъ по Агалтнаку, зажегъ лѣсъ. Это предположеніе впоследствии оправдано: одинъ туземецъ, желая добыть медвѣженка взобравшагося на ель, поджегъ ее и выжегъ изобильнѣйшіе притоны бобровъ водъ Холитны.

24 мая. Ясно, утро NW умирный, полдень NNO свѣжій, въ ночь тихо.

Отъ рѣки Ингваг-викъ до мѣста обсерваціи, въ широтѣ $61^{\circ} 47' 50''$ и долготѣ $156^{\circ} 47' 08''$, мы прошли около девяти миль по главному направленію къ $NO 52^{\circ}$; нижнее устье рѣки Тхальхукъ или Манташтано съ опредѣленнаго нами пункта находится къ юго-востоку въ полумилѣ; отъ него среднее устье той же рѣки въ одной съ четвертью милѣ къ сѣверу и, наконецъ, верхнее въ двухъ-стахъ саженьяхъ отъ послѣдняго; значительнѣйшее изъ

трехъ, нижнее, до двухъ-сотъ сажень ширины. Тхальхукъ при впадѣніи своемъ въ Кускоквинъ, протекаетъ отъ востока, но по словамъ управляющаго редутомъ вершину имѣетъ на сѣверо-востокѣ. Лукинъ поднимался по немъ до туземныхъ жилищъ, находящихся миляхъ въ сорока-пяти отъ устья, при первыхъ порогахъ, но туземцы говорятъ, что эта рѣка вытекаетъ изъ озера, находящагося среди горнаго хребта, известнаго подъ названіемъ Чигмитъ; вѣсколько ближайшихъ пиковъ этой цѣпи мы видѣли миляхъ въ пятидесяти съ яра, прилегающаго къ берегу при мѣстѣ обсерваціи. Хребетъ Чигмитъ отдѣляетъ воды кускоквинскаго бассейна отъ вливающихся въ Кенайскій Заливъ и, вѣроятно, составляетъ поперечную вѣтвь или отроги настоящихъ Каменихъ Горъ, видѣнныхъ Сиромъ Мекензи въ его плаваніи къ Ледовитому Морю. Названіе рѣки Тхальхукъ стало намъ известно съ бѣдственнаго по ней похода Глазунова; однако справедливость требуетъ добавить, что еще за годъ до Глазунова, настоящій управляющій редутомъ Колмакова посѣщалъ туземцевъ этой рѣки въ тѣхъ мѣстахъ, до которыхъ Глазуновъ и не доходилъ. Ттынайцы рѣки Тхальхукъ, принадлежа къ племени занимающему берега Кенайскаго Залива, составляютъ почти исключительно классъ торговцевъ. Они посѣщаютъ редутъ Николаевскій, одиночку Слангинъ и редутъ Колмакова, съ которыми сообщеніе почитаютъ легчайшимъ. Въ Кенайскій Заливъ манятъ ихъ продаваемые тамъ пороховъ и ружья.

Противъ средняго устья Тхальхука справа впадаетъ въ Кускоквинъ бобровая рѣчка Памьюхтули; отъ нея средній румбъ нашего пути до мѣста ночлега къ NO 70° около осьми миль.

25 мая. Ясно, до полудня тихо, послѣ S тихій,

Съ утра до полудня мы прошли близъ десяти миль, по главному направленію къ NO 75°. Ттычанпанка бѣльшею частью до трехъсотъ сажень, но прорѣзана узкими, длинными островками на два и на три протока; главнѣйшій, которымъ мы шли, прилегаетъ къ правому берегу. Пунктъ опредѣленный обсерваціей въ широтѣ 61° 51' 38" и долготѣ по хронометру 156° 10' 28", находится въ милѣ къ югу отъ рѣчки Чагванахтули, «Быстрой» или Хочалитно. Рѣка эта впадаетъ въ Ттычананника по RR отъ SO10½O къ NWtW½ W, но по словамъ управляющаго, который весною 1838 промышлялъ по ней бобровъ, вершину имѣетъ на сѣверо-востокѣ въ горахъ Чигмитъ. Онъ отзывался также, что во Хочалитно есть вѣсколько пороговъ. Шумъ воды, перелива-

ющаго черезъ баръ, обставленный наршами, мы слышали въ полумилѣ не доходя до ея устья.

Почти въ двухъ миляхъ отъ Хотчалитно, къ сѣверу, находится устье другой столь же небольшой бобрами рѣки, называемой Куэмоанг-мютанн Тальгиксюакъ, а Голцанами Тальготно. Жители Кыгыш-Пайва, только въ сопровожденіи управляющаго редутомъ рѣшаются промыслять бобровъ по этимъ двумъ рѣкамъ, принадлежащимъ къ землѣ, занимаемой верховными племенами. На устьѣ Тальготно мы видѣли нѣсколько шаламѣй послѣднихъ, въ которыхъ проживали при весеннемъ промыслѣ. Тальготно не быстра, имѣетъ свѣтлую воду, на устьѣ до сорока саженъ ширины, впадаетъ въ Ттычанванна отъ ONO къ WSW. Спускаясь обратно внизъ къ редуту, мы по ней поднимались или на четыре и видѣли огромнѣйшія строенія бобровъ, расположенныя въ булунахъ или затокахъ. Бить бобра лѣтомъ, когда ширина его не имѣетъ настоящей цѣнности, значило бы переводить по напрасу у звѣря, а въ провизіи мы не имѣли надобности.

Устья обѣихъ рѣчекъ раздѣляетъ футъ тридцати плоская возвышенность, составляющая оконечность отроговъ хребта Чагмивъ. Горнокаменное сложеніе ея прибережныхъ яровъ рѣзко обозначаетъ краснопесчанниковую формацію. Достоинно замѣчанія, что только на этомъ небольшомъ пространствѣ, между рѣчками Хотчалитно и Тальготно, мы нашли берега заваленные свѣгомъ; и такова творящая сила растительности на сѣверѣ: деревья были одѣты всею роскошью весенней зелени, а на корняхъ ихъ лежалъ саванъ глубокой зимы.

Рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобъ мы не видали медвѣдей. Нынче съ полчася смотрѣли на одного, какъ забавно и съ какими осторожностями онъ скрадывалъ журавля. Въ свою очередь леной журавль, не имѣя силъ къ значительному перелету, перескакивая съ мѣста на мѣсто какъ бы дразнилъ медвѣдя. Никитинъ, выстрѣливъ въ медвѣдя, прервалъ ихъ маневры; раненный бросился въ лѣсъ, слѣдить не было времени. Также нѣтъ дня, чтобъ мы не встрѣчали по нѣскольку бобровъ; слѣдами же ихъ вытоптаны воѣ измѣненные мѣста при устьяхъ многихъ небольшихъ горныхъ потоковъ.

Отъ Тальготно до мѣста ночлега по главному направленію къ сѣверу, мы прошли до семи миль.

24 мая. До полудня тихо, послѣ NNW свѣжій, вверху ясно, по горизонту жгла.

Въ этотъ день намъ недалеко удастся подняться, всего лишь на осемь по главному направленію къ сѣверу. До полудня задержала просушка байдары; подъ вечеръ встрѣча мести чашивъ туземцевъ племени Голцанъ, проживающихъ въ окрестностяхъ рѣчекъ Чалюндъ и Точотнѣ. За милою мы услышали гармоническій напѣвъ ихъ походной пѣсни и, съѣхавшись, тотчасъ приступили къ разговору. Они нарочно спустились къ устью Холитнѣ, для уведомленія управляющаго, что самые вершинные жители не будутъ въ нынѣшній годъ къ сборному мѣсту, потому что всѣ свои промысла еще по зимѣ запродали Кевайскому Гоелу Кислану, посыланному со стороны Николаевского редута. Одинъ изъ туземцевъ имѣлъ старый тульской работы карабинъ, перекушенный у тхальхувскихъ Ттывайцевъ.

Приученные къ нашимъ надѣлѣмъ, туземцы бросились было на колошиекія накидки *, но по немнѣжно недостаточнаго количества бобровъ принуждены были набираться другихъ товаровъ; только одинъ не вытерпѣлъ, далъ пятнадцать бобровъ за накидку чернаго суица, съ красными крестами и оторочкой. Разобрали съ охотой одѣяльныя рубахи, переданныя за невадобностью отъ экспедиціи. Каждый прикрылъ голову фуражкой сняго сукна съ краснымъ околышемъ, запасся на годъ табакомъ, бисеромъ, огнивомъ, малячьими ремнями для ловли олсвей, и чрезъ часъ промыселъ въ числѣ ста-шестидесяти-четырёхъ [бобровъ, четырехъ выдръ, двухъ оленей и двухъ шкуръ черныхъ медвѣдей, перешелъ къ управляющему. Беззаботые дѣти сѣвера нарядились и заплясали.

Вспомнимъ, что бобровая шкура въ глазахъ туземца не имѣетъ никакой цѣны: бобра онъ бьетъ для мяса, а шкуру только въ крайности употребляетъ на чулки или ремни для олсвѣхъ петель. Вспомнимъ, что десять лѣтъ тому назадъ мы нашли у нихъ каменные топоры, костяныя иглы; трудящихся въ холодныхъ бобровыхъ паркахъ, надъ разведеніемъ огня посредствомъ двухъ деревянныхъ палочекъ, безъ всякой удобной домашней посуды, и теперь не будемъ строго судить, что ненужное для себя они часто мѣняютъ на ничтожное въ нашихъ глазахъ. Туземецъ сѣвера какъ дитя требуетъ воспитанія: образова-

* Накидкой называютъ въ колоніяхъ кусокъ сукна въ два съ половиною аршина длины, обшитый различными узорами. Колоши — жители Архипелага короля Георга, принца Валлійскаго, королевы Шарлотты и другихъ, надеваютъ ихъ прямо на плечи, безъ всякаго другаго одѣянія.

никого зависить отъ насъ. Въ настоящее время для благоденствія на землѣ ему нужны: ружье и десять грядъ картофеля. Все это довольно легко вывощить.

Нѣтъ сомнѣнiя, что ружье туземцу материка принесетъ великия выгоды,—не говоримъ этого о приморскомъ племени: съ ружьемъ онъ получитъ необходимѣйшiя средства къ своему существованiю — мясо для пищи и шкуру для одежды. Нельзя полагать, чтобы туземецъ сталъ ружьемъ промышлять бобровъ: вѣрно на невѣрное, никто не притѣняетъ. Равномѣрно напрасно предположенiе, чтобы ружья они употребляли ко взаимному истребленiю. Нѣтъ, съ ружьемъ требуется стать лицомъ къ лицу съ врагомъ, а это не въ характерѣ народа. Мы видимъ воинственное племя Колошъ, которымъ и мы и Англичане и Американцы съ перваго своего ознакомленiя стали продавать ружья, Чтѣ же? Въ частныхъ ссорахъ между собою употребляютъ они ихъ? Никогда. Ближайшее средство къ отмщенiю—кнжалъ или копье: эти оружiя надежныѣ; между ними развѣ только какой-нибудь анкау—старшина, въ пьяномъ видѣ или изъ хвастовства застрѣлитъ своего раба. Намъ также извѣстно, что во всѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ основываются заселенiя Компанiи на материкѣ, междоусобныя вражды туземцевъ потухаютъ сами собою, или прекращаются посредствомъ Русскихъ. Не полезно ли для края вооружить въ настоящее время туземцевъ? Да, если переобразовать все управленiе материка, ввести единство дѣйствiй во всѣхъ заселенiяхъ сѣвера, дать каждому опредѣленный округъ. Въ противномъ случаѣ оно будетъ вредно: бобры истребятся, олени отойдутъ въ глубь материка, какъ это и замѣчается въ округахъ Александровскаго и Николаевскаго редутовъ.

27 мая. Ясно, NW ужьрецинѣ.

Разговоры съ туземцами и гуси задерживали насъ, такъ, что до полудня мы подвинулись не болѣе какъ на пять миль. Обсервацин показали намъ широту въ 62° 14' 11" и долготу по хронометру 156° 16' 28". Послѣ полудня, до ночлега, мы прошли девять съ половиною миль по главному направленiю къ NO 48°.

Отъ Тальготнѣ къ верху всѣ косы по рѣкѣ Ттычанпапка песчано-пловатые; ширина рѣки въ берегахъ дѣтъ семидесяти до пятидесяти сажень, теченiе слабое, вода изжелта-бѣловатая. Цѣпь невысокихъ холмовъ праваго берега тянется почти не прерываясь, то лѣсистыми ярами, то песчаными утесами, футъ на осемьдесятъ высоты. При мѣстѣ вышѣшняго нашего ночлега холмы

лѣвой стороны также подходят близко къ берегу; въ неширокихъ падахъ или спускахъ къ рѣкѣ замѣтны деревья, за которыя туземцы привязываютъ пятаи на лосей и оленей; по лѣдамъ слѣдовъ лисьихъ, росомахьихъ и медвѣжьихъ множество.

28 мая. Ясно, по горизонту мгла, утро S умѣренный, съ полудня до вечера S свѣжій, въ ночь тихо.

До полудня сушили бѣдери и въ память нашего проѣзду поставили крестъ. Къ ночлегу, при устьи рѣчки Чаллоно, прошли до десяти миль, по главному направленію къ NO 40°. Рѣчка Чаллоно на устьѣ шириною до тридцати сажень, теченіе нѣтъ слабое, воду свѣтлую, протекаетъ отъ сѣверо-востока, весьма изобильна бобрами.

29 мая. Малооблачно, NNO тихій.

Не доѣзжая миль до сборнаго пункта расторжекъ управляющаго редутомъ Колмакова съ верховыми племенами Кускоквинна, встрѣтили старика, произведеннаго въ тоѣпы здѣшнихъ мѣстъ отъ О. Колмакова и по представленію его пожалованнаго медалью съ надписью: «Союзныя Россія». Размѣнявшись русскими привѣтствіями, старикъ насъ оставилъ, по вторично встрѣтивъ близъ своего жилища пальбою изъ двухъ ружей. Мы отвѣчали. Извѣщая, что рыбы ловится такъ мало, — едва достаетъ на собственное пропитаніе, — туземцы подарили мнѣ пятнадцать бобровъ; остальные, — до двухъ десятковъ, — откупили управляющій. По согласію съ нимъ, я подарилъ старика пол-фунта пороху за салютъ: за фунтъ они платятъ Кенайцамъ, проживающимъ по Тхальхуку по пяти бобровъ перваго сорта.

Лѣтники эти прозываемые Хунавиппиде, находятся по обсерваціямъ въ широтѣ 62° 38' 36" и долготѣ по хронометру 155° 47' 02", на правомъ берегу Тычанпанника, въ милѣ ниже островершинной отдѣльной сопки *Винисали*, прилегающей вилотъ къ лѣвому берегу. Жителей обоюга пола девять душъ въ двухъ семействахъ. Змшники ихъ находятся въ верховьѣ небольшой рѣки, вытекающей изъ отроговъ хребта Чигмитъ.

Ширина рѣки Тычанпанника противъ лѣтниковъ не превышаетъ шестидесяти сажень; тундра праваго берега усѣяна небольшими озерами; по невысокимъ буграмъ разбѣяна листовень до осьми дюймовъ въ діаметрѣ: это самая толстая, какую намъ удалось видѣть во всей осмотрѣнной нами сторонѣ.

30 мая. Малооблачно, WNW утренній.

Всѣмъ нѣсколько лунныхъ разстояній, по которымъ лѣтчики Хуваннанде опредѣлялись въ долготѣ $155^{\circ} 19' 50''$, и протѣсь съ управляющимъ, которому слѣдовало обратиться къ реду, мы при одномъ туземцѣ проводникѣ и толмачѣ ненайскаго языка отправились далѣе. Отъ Хуваннанде къ верху Ттычанника не шире пятидесяти саженъ и весьма извилиста: туземцы для сокращенія пути во многихъ мѣстахъ переносятъ свои лодочки чрезъ узкіе перешейки. Берега рѣки вообще ровные, до пятнадцати футъ, малолѣсные, наивсвой почвы и только на устьи рѣки Кичотнѣ, при которой мы почевали, находятся peculiarные утесы футъ въ пятьдесятъ высоты. Кичотнѣ на устьѣ до тридцати саженъ ширины, теченіе имѣетъ слабое, но свѣтлая ея вода служитъ ручательствомъ за каменистое русло въ вершинѣ. Исключая Кичотнѣ мы проѣхали еще милоу трехъ небольшихъ рѣчекъ и булунокъ изобилующихъ бѣлою рыбой и бобрами. Пройденное разстояніе по главному направленію къ NO 42° считаемъ въ двѣнадцать миль, но какъ мы слѣдовали всѣми извилинами рѣки, то истинное будетъ близъ двадцати.

31 мая. Съ нынѣшняго дня показался жестокий комарь. Малооблачно; WNW тихій.

Отъ Кичотнѣ до устья Точотнѣ, по прямому направленію къ сѣверу, не болѣе десяти миль, но при слѣдованіи рѣкою должно считать болѣе пятнадцати; это разстояніе мы шли большею частью на греблѣ, потому что пловатое дно рѣки не позволяло съ успѣхомъ идти на палочкахъ. Ттычанника при впаденіи въ нее Точотнѣ не шире 40 саженъ. Пославъ проводника за туземцами, проживающими по Точотнѣ, я сопутствовалъ ему на пять миль, Точотнѣ составляется изъ нѣсколькихъ горныхъ ручьевъ, стекающихъ съ восточнаго склона горъ, съ западной стороны которыхъ вытекаетъ рѣчка Тачайчагатъ. Мы говорили о трудности переноса между вершинами этихъ двухъ рѣчекъ. Точотнѣ на устьи тиха, но къ верховью имѣетъ пороги; со мной былъ гребцомъ одинъ изъ Аглегмюте, сопутствовавшихъ, въ 1839, П. Колмакову. Четыре отдѣльныя группы горъ, протягивающіяся отъ востока къ западу, означаютъ направленіе Точотнѣ; иглообразныя разорванныя ихъ вершины позволяютъ заключать объ ихъ вулканическомъ образованіи.

1 июня. До полудня малооблачно, тихо; послѣ облачно, временемъ проясненіе солнца, маловѣтріе NW.

Въ полдень по меридіональной высотѣ солнца опредѣлено устье

рѣки Точотнѣ въ широтѣ 62° 57' 31" и долготѣ по хронометру 155° 06' 18"; принявъ за истинную долготу лѣтчиковъ Хунань-линде, саредѣленную по расстояніямъ.

Вчера убили морскаго турпана, нынѣ по утру стрѣлами по урлу. Впрочемъ, они залетали съ озера Шямы.

Въ исходѣ пятаго по-полудни возвратился проводникъ и съ нимъ трое мужчинъ и двѣ женщины съ дѣтьми. Съ двумя мужчинами мы познакомились при расторгкѣ, 26 мая. После обыкновенныхъ обоюдныхъ подарковъ они сообщили намъ слѣдующія свѣденія относительно верховья Кусоквина.

По ихъ словамъ Ттычаннанка образуется изъ многихъ небольшихъ потоковъ, но главнѣйшій ея верховый притокъ есть рѣчка Тогтыгчагно, выпавшая со стороны Кенайскаго Залива. Вотъ имена значительнѣйшихъ промежуточныхъ рѣчекъ между ею и Точотнѣ, начиная отъ этой послѣдней къ верху: 1) Злагызатно, — истокъ ея означаютъ изъ одного озера съ рѣкою Тхальхукъ; 2) Тохчагно; 3) Точинаго; 4) Чаташчагатъ; 5) Хотчехинко и 6) Тогтыгчагно. Всѣ эти рѣки бобровыя и исключая Чаташчагатъ протекаютъ, со стороны Кенайскаго залива, или отъ юго-востока.

Рѣкою Тогтыгчагно зимнимъ путемъ Кенайцы выходятъ къ верховымъ жителямъ Ттыганнанка, которые съ своей стороны для переторжекъ съ ними собираются на мѣсто называемое Иццыно, находящееся близъ устья Тогтыгчагно. Большихъ селеній у тамошнихъ туземцевъ нѣтъ, а проживаютъ отдѣльными семьями въ вершинахъ другихъ рѣчекъ, пропитываясь добычей оленей, лосей и бобровъ. Расстояніе отъ устья Точотнѣ до Иццыно, видѣнные нами туземцы означали семью днями пути, или на мѣру равное съ пройденнымъ нами отъ Хулитнака до сего мѣста. Лѣсовъ, по ихъ словамъ въ вершинѣ Ттычаннанка, мало; при устьи Точотнѣ, мы не замѣтили напосовъ, и черта возвышенія воды въ водополь не превышаетъ пяти футовъ. О селеніи Титлогитъ, по словамъ Кенайцевъ, будто-бы находящемся въ вершинѣ Кусоквина, мы не слышали; впрочемъ, можетъ статься, какъ это и въ обыкновеніи у всѣхъ здѣшнихъ племенъ, что мѣсто Иццыно Кенайцы на своемъ нарѣчій называютъ Титлогитъ.

Я вообще опасался помѣщать тѣ свѣденія о неизвѣстныхъ намъ мѣстахъ, которыя не могъ провѣрить личнымъ наблюденіемъ, согласнымъ показаніемъ нѣсколькихъ туземцевъ, и толковостію перевода толмачей. Здѣсь, имѣя хорошаго переводчика креола Стенадова, родившагося въ Кенайскомъ Заливѣ, шакожу

обязанностью упомянуть, что должно существовать большое озеро или средиземное море между паралелями 63° и 65 широты и 154 и 145 долготы. Согласно свидѣтельства туземцевъ, видѣнныхъ нами на Квиакъ, по рѣкѣ Иннокъ и протекающихъ по Точотид, утверждаютъ наше предположеніе. Сообщеній оъ нимъ должно искать по Квиакъ по посредствѣ рѣчки Ногтойа.

Заманчиво было достигнуть верховья Кукоквима: мы привыкли и къ жидк., усвоились и съ холодомъ и съ голодомъ и съ комарами. Но для этого я долженъ былъ задержать команду редута недѣлю на двѣ; управляющимъ нашихъ заселеній особой статьей предписано было, ни сколько не разстраивать своихъ операцій для экспедицій. Наступало время отправления промысловъ въ Александровскій редутъ; правда, съ большою удобностью можно было-бы ихъ сплавить въ Михайловскій, но бѣдному-ли управляющему безъ разрѣшеній взвѣсить колю. Съ грустью принуждены мы были обратиться назадъ.

Двое сутокъ мы употребили на сплавъ въ устью Хулитнака, и 5 іюня въ десять часовъ вечера возвратились благополучно въ редутъ Колмакова. Здѣсь были обрадованы совершеннымъ выдвореніемъ большого и встрѣчею съ Кантельникомъ и нѣсколькими нашими знакомцами, проживающими по Иттегѣ. Они продали до ста штукъ бобровъ и привезли-было на промѣтъ до трехъ сотъ соболей, но надобныхъ имъ товаровъ, какъ то: оленьихъ, выхухольныхъ и еврашечьихъ шкуръ и парокъ въ редутѣ не случилось. Во время нашего отсутствія запасено слишкомъ пять тысячъ сиговой юкеры: до насъ, управляющій находясь весну въ развѣдѣ, не имѣлъ челоуѣка, которому бы могъ поручить надзоръ за отнимъ дѣломъ. Морская рыба еще не показывалась.

6 іюня при повѣркѣ хронометра оказалось, что въ теченіи девятнадцати сутокъ со дня его послѣдней повѣрки передъ походомъ, онъ ушелъ на 53 секунды времени, сверхъ суточного средняго ухода, опредѣленнаго до нашего отправленія къ верховью Кукоквима, такъ, что, введя поправки, долгота вычисленная по разстояніямъ луны отъ солнца на лѣтникѣ Хунавлин-ке оказывается вѣрною, а долготы всѣхъ прочихъ мѣстъ, какъ то и показано на нашей картѣ, выйдутъ слѣдующія: на мѣстѣ обсервацій 20 мая 157° 55' 42", 21 — 157° 47' 10", 22 — 157° 14' 36", 23 — 156° 49' 28", 24 — 156° 33' 16", 25 — 155° 54' 18", 27 — 155° 55' 40" и 1 іюня 155° 06' 18" западная отъ Гривича.

8 июня. Облачно, SW утренняя.

Осознавъ все то, что было по силамъ при обзорѣнн Кукоквима, намъ оставалось только проститься съ управляющимъ и пожелать, чтобы производство его редута было перечисленно къ Михайловскому отдѣлу, какъ ближайшему и удобнѣйшему по сообщеніямъ. Мы обѣщали стараться объ улучшеніи содержанія команды, потому что были увѣрены, что свидѣнія собранныя нами о состояніи здѣшняго края дадутъ на то легчайшіе способы, и потому выѣтъ съ утра на трехъ байдаркахъ оставили редутъ Колмакова. Ночевали въ Кхалькагмиутѣ. Заказчикъ этого селенія далъ намъ своего сына для указанія байдарочнаго пути въ Икогмиутъ. Здѣсь со вчерашняго числа показалась чавыча, и по обычаю ни какой стукъ или шумъ близъ рѣки не должны возмущать рыбы во все время ея хода. Для насъ сдѣлано было исключеніе, но Кхалькагмиуты еще строго придерживаются этого суевѣрія, и всѣ свои работы производятъ въ лѣсу.

По пути мы встрѣтили нарочно посланнаго къ намъ изъ Икогмиута. Староста той артели писалъ, что пять дней онъ не имѣетъ средствъ къ пропитанію; вмѣстѣ съ тѣмъ, другимъ письмомъ онъ просилъ управляющаго редутомъ Колмакова о присылкѣ замощенно сумы табаку для расторжекъ съ туземцами во время спуска къ Михайловскому редуту. Полагая, что по просьбѣ исполнится, мы не воротились, но впоследствии калялись, потому что, отправясь изъ Икогмиута не дождавшись отвѣта, тѣмъ пропустили вѣрныхъ полтораэта бобровъ.

9 июня. Облачно, съ полдень SSW утренняя; съ 6 часовъ по полудню до 9 часовъ вечера ливень.

Въ шестомъ часу мы были на пути. Войдя въ рѣчку Мадалхтули, въ полумиле ниже Кхалькагмиута, мы шли ею по главному направленію къ сѣверо-востоку около трехъ миль, потомъ перенеслись волокомъ на разстояніи двадцати-пяти сажень въ небольшое озерко, изъ котораго также волокомъ на протяженіи двухъ-сотъ сажень перешли въ другое, а изъ этого небольшимъ переносомъ — въ рѣчку Квинчагакъ. Мы выше упоминали, что эта рѣка дзливается въ море; по ней пройдя по главному направленію къ SW 40°, около четырехъ миль, вошли черезъ устье, въ притокъ ея Какыглѣтъ, которымъ колесили близъ двадцати миль, по всѣмъ румбамъ компаса, но по главному направленію къ сѣверо-западу. Съ востока этой рѣчки изъ озера Кукакликъ, небольшимъ узкимъ протокомъ вошли въ озеро Куликъ,

которое переѣхавъ, въ десять часовъ вечера, остановились на ночлегъ измученные и вранчонные до костей.

По словамъ проводника, Маналахтуан вытекаетъ изъ небольшого озера, находящагося на меридианѣ селенія Ухаг-миотъ. Теченіе ее слабое, вода густая, желтаго цвѣта, весьма непригодно отъзывающаяся рыбою имегнатъ; ширина не болѣе четырехъ сажень; берега низкіе, до трехъ футъ, поросшіе тальниками. Истокъ Коннчагака, сказываютъ, изъ озера Кудлики. По ея притокамъ промышляютъ выдръ, выхухолей и бобровъ; въ вершинѣ она весьма извилиста, не шире трехъ и четырехъ сажень, но глубока: мы не доставали дна; воду имѣетъ чистую, но въ рѣкѣ отбѣляется чернымъ цвѣтомъ. Рѣка Какыглѣмъ не шире трехъ сажень, также достаточно глубока; по ней раскидано до десяти заимокъ жителей Кхалькаг-миота. Озеро Кукакликъ протяженіемъ отъ востока къ западу до шести, отъ сѣвера къ югу отъ трехъ до четырехъ миль. Озеро Кудлики отъ востока къ западу миль пятьнадцать; отъ сѣвера къ югу миль пять или шесть.

Большую половину года вся эта страна бываетъ достоиніемъ воды: въ различныхъ ея измѣненіяхъ; только съ половиною лѣта, воды эти, скатываясь, открываютъ обширную низменную равнину, усѣянную небольшими озерками; на нихъ ни кѣмъ не тревожимый, гордо плаваетъ кратковременный гость сѣвера — лебедь. Берега пройденныхъ нами рѣчекъ и озеръ возвышеніе внутренняго материка и состоятъ изъ вѣтвистаго глинстаго и нестачаго пла.

10 іюня. Облачно, SW утрѣнный; ввечеру тихо.

Съ мѣста ночлега, волокомъ двухъ-сотъ сажень протяженія, мы перешли къ небольшому озерку, изъ него въ другое, а изъ этого вышли на главный перевалъ, состоящій изъ уваловъ суглинка, сажени въ три высоты, поросшихъ крупнымъ еловымъ лѣсомъ. Широкая битая тропа, сажень въ триста протяженія, привела насъ къ рѣкѣ Тальгиксюакъ, разливающейся въ Квихпакъ, миль въ пять ниже Иког-миота. Тальгиксюакъ вытекаетъ изъ озера. Ширина его въ водополь отъ тридцати до пятидесяти сажени, осенью въ половину уже. Въ немъ въ изобиліи ловятъ выдръ, захожихъ сига, максуновъ и рыбу имегнатъ. На устьи находится зимняя одиночка Чивикъ; по рѣкѣ болѣе десяти заимокъ жителей Иког-миота и Икалигвпг-миота. Тальгиксюакомъ мы плыли цѣлый день къ юго-западу и западу, но не доходя миль двухъ

до устья перешли въ протокъ Квхкнака называемый Квхкнаг-гуакъ «Малый Квхкнакъ» дельта самаго широкая, которая по главному направленію къ NW 10° выбралась на следующую рѣку, въ полутарѣ имѣя ниже нашего селенія. Въ Инок-мюгъ мы прибыли съ закатомъ солнца. По берегамъ Талыгинскаго растутъ хорошіе словый дѣсь.

Толмача нашего нашли совершенно здоровымъ; бабдару—готовую для сплава въ рудуъ Святаго Михаила.

Общій очеркъ состоянія инокмюгской артели. Обзорніе низовья Квхкнака. Сплавъ въ рудуъ Святаго Михаила. Заключение.

Времени управленія колоніями Ф. П. фонъ-Врангеля и преннущественно И. А. Куряинова, весь этотъ край обязанъ первоначальному развѣдкю. Такъ, въ зиму 1835, Глазуновъ былъ посланъ для обследованія низовья Квхкнака и избранія удобнаго мѣста къ основанію нашего заселенія. Онъ вышелъ на Квхкнакъ, чрезъ анивскій перешеекъ и оттуда обратясь къ устью, осмотрѣлъ послѣдовательно все туземныя селенія. Принятый ласково въ Инок-мюгъ и видя у жителей множество бобровъ, Глазуновъ убѣждалъ къ учрежденію здѣсь, въ 1836, нашего заселенія, несмотря на то, что основаніе его опредѣлено было на устьѣ Анвика. Сборъ промысловъ въ слѣдующіи три зимы оправдывалъ избраніе мѣста, но вырѣзка нашей команды низовыми Кукок-виццами, весною 1839, приостановила успѣхъ. При вторичномъ занятіи этого мѣста Дерябнымъ, осенью 1840, въ теченіи зимы собрано было всего пять-сотъ бобровъ и выдровыхъ шкуръ: невинные но недодѣрчивые туземцы опасались отщепенія. Въ зиму, на 1842 годъ, Глазуновъ, присланный въ старосты этой артели, по весьма равнему рѣкоставу, 23 сентября, не дойдя до одиночки, выпустилъ туземцамъ въ такомъ несоразмѣрномъ количествѣ разныхъ товаровъ, за рыбу для содержанія команды и за другія разныя работы при одиночкѣ, что не могъ собрать болѣе трехъ-сотъ-шестидесяти бобровъ и шестидесяти-семи выдръ. Въ зиму на 1843 собрано имъ четыреста-девяноста-пять бобровъ и сто-тринадцать выдръ. Наконецъ ознакомившись съ ходомъ мѣстной торговли и приобрѣтя пріязнь и довѣренность туземцевъ, въ прошедшую зиму, 1844, Глазуновъ собралъ осемьсотъ-семьдесятъ-пять бобровыхъ и сто-тридцать-два выдровыхъ шкуръ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что сборъ бобровъ перешелъ бы за

тысячу, если бы при сплавахъ внизъ у насъ были оленьи шкуры, жиры, особенно табакъ.

Мы не можемъ сказать, чтобы торговля операціи Инок-мютской артели и редута Колмакова вредили другъ другу: главнѣйшія снотенія Инок-мюта производятся съ Агуль-мютами и низовыми туземцами Квихпака; однако не должно умолчать, что и съ товары иннок-мютской артели, присылаемые ежегодно изъ Ново-архангельска или выдѣлываемые въ Михайловскомъ редутѣ, болѣе въ ходу между туземцами, потому что свѣжи, добротны и изящны; напротивъ товары на Кускоквинѣ пересылаются чрезъ третью руку, слѣдственно болѣею частью залежалые. Намъ, къ удивленію, привелось видѣть на работникахъ редута тюменскихъ мерлушечьи шапки, въ родѣ зипунныхъ кучерскихъ, завезенныя въ колонію съ уничтоженія конторы въ Камчаткѣ, въ 1817 году.

Заселеніе наше въ Инок-мюта, по наблюденіямъ моимъ, находится въ широтѣ $62^{\circ} 42' 11''$, и долготѣ $161^{\circ} 13' 56''$ западной отъ Гринвича; склоненіе компаса 27° восточное. Строепія ошанин расположены на увалѣ сажень пятнадцать высоты въ полу-тараста саженьхъ отъ праваго берега, и окружены еловымъ и березовымъ лѣсомъ. Почва окружающихъ холмовъ состоитъ изъ суглинка, покрытаго дюймовъ на пять растительною землею. Таблицы метеорологическихъ наблюденій, веденныя нами осенью 1843, находятся въ приложеніяхъ. Селеніе находится внизу на песчано-глинистой низменности, впрочемъ ни когда не затопляемой въ половодіе. Селеніе отъ сѣвера защищено подходящими прямо къ рѣкѣ утесомъ, котораго горнокаменное сложеніе есть такой же маздреватый базальтъ и лава какъ и прибрежья Нортонова Залива отъ острова Святаго Михаила до туземнаго селенія Квихтагукъ. Группа горъ этой породы, за тысячу футовъ высоты, прилежитъ правому берегу Квихпака на протяженіи къ низу до селенія Такит-мюта, образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обширные утесы и уклоняя теченіе рѣки отъ Инок-мюта до Инуаг-мюта почти на двадцать миль къ югу и юго-западу. Посѣщая нѣсколько разъ окрестности Инок-мюта, мы замѣтили, что горная прибрежная цѣпь окаймляетъ берега рѣки не болѣе какъ на тридцать миль внутрь материка, за которою до горъ приморскихъ разстилается обнаженная отъ лѣсовъ волнистая тундра. Случая положеніе нѣсть приморья, состоящихъ изъ базальта, съ тѣми, которыя находятся по правому берегу Квихпака, мы видимъ, что эта порода протянулась чисто по меридіану, какъ бы вы-

выступивши какииъ-нибудь особымъ переворотомъ. Къ сторонѣ Квихпака нѣсколько довольно значительныхъ рѣчекъ истекають изъ этихъ горъ; всѣ онѣ изобильны бобрами и выдрами, промысловъ которыхъ занимаются только низовые жители. Медвѣди въ этихъ мѣстахъ весьма многочисленъ. Нерѣдко онъ нападаетъ на туземцевъ, гоняся за ними влпавъ. На нашихъ людей, вешновавшихъ въ Иког-мюотъ, медвѣди нападали дважды, и только греблею противу теченія удалось отъ нихъ избавиться.

Подъ Иког-мюотомъ Квихпакъ шириною до двухъ-сотъ-пятидесяти саженъ; по осенью почти посреди рѣки оказывается песчаная длинная отмель. Изъ шести лѣтнихъ наблюденій замѣчено, что ледъ вскрывается между 1 и 10 числами мая; однако сѣдующая за его проходомъ коренная вода не позволяетъ туземцамъ ставить запоромъ прежде первыхъ чиселъ юня. Теченіе лѣтомъ до трехъ миль въ часъ, предъ заморозами до двухъ. Первая морская рыба по вскрытіи рѣки показывается, чавыча, между 10 и 15 числами юня, за нею красная перка. Ловъ вообще какъ морской такъ и бѣлой рыбы изобилень: зимою осматривая морды чрезъ ночь, достаютъ изъ каждой отъ трехъ-сотъ до четырехъ-сотъ штукъ морскихъ и горбоносыхъ сигаовъ весьма пріятнаго вкусу; въ это же время ловятся макуны, сырки, налимы, щуки и прочее. Нельма попадаетъ и въ морды и промышляется въ изобиліи особо сѣтами; о многахъ мы упоминали. Окрестная тундра обилхъ береговъ снабжаетъ туземцевъ знатными запасами брусники; морожки и голубики собирается сравнительно менше, нежели въ Нулато; малиной и княженикой лакомятся только въ свое время дѣти. Нѣкоторые запасаютъ ягоды шиповника. Калину, рябину и смородину туземцы вовсе не употребляютъ, равно какъ и грибы различныхъ сортовъ.

Очеркъ нашъ Иког-мюота заключитъ тѣмъ, что съ причисленіемъ кускоквинскаго заселенія къ отдѣлу редута Святаго Михаила, понадобится для временной складки груза основать одиночку на устьѣ Тальгиксюака, а какъ эта одиночка ни въ какомъ случаѣ не должна оставаться въ бездѣйствіи въ сношеніяхъ съ туземцами, то иког-мюотскую выгодище перевести нѣсколько ниже къ устью Квихпака, и преобразовавъ въ постоянное заселеніе имѣть главнымъ пунктомъ при закупкѣ жировъ и оленьихъ шкуръ отъ приморскихъ жителей Паштоля и Квихлюака. Черезъ разъѣзды этой артели мы войдемъ въ прамыя сношенія со всѣми туземцами рукавовъ Квихпака, и такимъ порядкомъ со временемъ

ознакомился съ рѣкою для насъ неизвѣстнаго, но не быданаго, какъ то видно изъ оборотовъ Иког-мютской артели.

13 июня. Облачно; времененъ просіяніе солнца. Утро тихо; въ полдень до вечера SSW утѣренный; въ ночь S тихій; мелкій дождь.

Въ девять часовъ утра, простившись съ проживавшими въ селеніи туземцами, въ сопровожденіи команды Иког-мютской артели, мы отправились внизъ по Квихпаку къ редуту Святаго Михаила. Въ полдень на лѣтникахъ Квихкать, принадлежащихъ туземцамъ Иког-мюта и Нухлюаг-мюта опредѣлили обсерваціей широту мѣста, въ 61° 37' 13". Рѣка въ этомъ мѣстѣ разбита на три протока, такъ, что жила Нухлюаг-мюта за островами не видно; въ половодіе фарватеръ лежитъ протокомъ къ правому берегу, но когда осенью вода скатывается, то наши суда, слѣдующія въ Нулато и Иког-мюта, проходятъ мимо селенія. Въ двухъ миляхъ ниже лѣтниковъ Квихкать, при утесахъ правого берега, на весьма живописномъ мѣстѣ расположено жило Икуаг-мюта. Въ немъ считается до полутора ста душъ обоого пола, но въ настоящее время туземцы его проживаютъ большею частію по лѣтникамъ или по особымъ занямкамъ, на мѣстахъ болѣе привольныхъ для рыболовства. Изъ числа значительнѣйшихъ дальѣ внизу мы прошли лѣтники: Чуквагмюта, «Щучій», и Ингыгаг-мюта, «Горній», находящійся также на правомъ берегу. Отъ одиночки Чпиг-мюта, отстоящей отъ Иког-мюта въ пяти миляхъ къ югу, до лѣтниковъ Ингыгаг-мюта, мы шли по главному направленію къ SW 40°, миль около двѣнадцати, но отъ этого мѣста рѣка принимаетъ направленіе къ NW 30°, до селенія Такчиг-мюта, не доходя котораго за милю мы почевали на низменномъ берегу. Нѣсколько горныхъ, не большихъ, но изобилующихъ бобрами потоковъ, сливаются въ Квихпакъ съ группы горъ Ингыгытъ; оба берега рѣки опушены хорошимъ еловымъ и березовымъ лѣсомъ.

Вчера вечеромъ поймана въ Иког-мюта первая чавыча. Слѣдуя своимъ обычаямъ, всѣ находившіеся въ селеніи туземцы осмотрѣли ее въ кажнѣ, и вареную раздѣлили между собою. Нынѣ, спускаясь, мы замѣтили довольно этой рыбы у низовыхъ жителей. Староста артели удѣлилъ намъ нѣсколько изъ оставшейся у него соли. Для посолки мы купили семь чавычъ, по штукѣ на брата, платя за каждую по три листа табаку; обыкновенный вѣсъ этой рыбы на низовѣ Квихпака—отъ двадцати-пяти до сорока фунтовъ. Яловая въ верховьи не тянула болѣе полупуда.

14 июля. Утро пасмурно, WSW умиротворенный; послѣ полудня облачно, SW свѣжій.

Соединившись съ командой Иког-мютской артели, которая не имѣя палатки, при наступившей вчера дождливой погодѣ, принуждена была укрываться въ зимникахъ селенія Такчаг-мюгъ, мы пустились далѣе; однако бесѣды съ попадавшимися туземцами и противный вѣтеръ не дозволяли намъ проплыть болѣе двадцати-пяти миль.

Квихпакъ отъ Такчаг-мюга миль на шесть дѣлаетъ уклонъ къ югу, по полноводіемъ промываетъ нѣсколько протоковъ въ правомъ берегу; однимъ изъ нихъ мы воспользовались и вошли вторично въ главное русло рѣки миляхъ въ трехъ, не доходя туземнаго селенія Анкачаг-мюгъ, прозваннаго Русскими за прежніе дерзкіе поступки жителей «разбойничьимъ». Это селеніе находится на низменномъ мѣстѣ, при устьѣ бобровой рѣчки Анкачакъ, имѣющей вершину въ окрестныхъ горахъ Иког-мюга; по ней промышленяютъ въ значительномъ количествѣ бобровъ; жителей считаемъ за сто-двадцать душъ; со многими изъ нихъ мы видѣлись весною въ Иког-мюгѣ.

Отъ Анкачаг-мюга до лѣтниковъ селенія Каныг-мюгъ, по прямому направлевію къ западу не болѣе двѣнадцати миль, но рѣка протекаетъ небольшою огибью, склоняясь въ сѣверо-западную четверть. Миляхъ въ двухъ не доходя до Каныг-мюга, расположеннаго по уступамъ прилежащихъ къ рѣкѣ яровъ, находится устье значительной бобровой рѣчки Чвильнукъ, «Свѣтлая». Зимники Каныг-мюга видѣются въ милѣ ниже лѣтниковъ, при отдѣленіи отъ Квихпака небольшого протока въ рукавъ Кижуюкъ.

Внизъ отъ Такчаг-мюга, горная цѣпь правой стороны является отлогими холмами футовъ на чѣтыреста высоты, миляхъ въ пяти и осьми отъ берега, и только невысокими ярами подходитъ къ рѣкѣ при лѣтникахъ Каныгмюгъ. Еловый лѣсъ по вершинамъ холмовъ праваго берега переходитъ въ чапыжники; по лѣвой же сторонѣ замѣняется тальникомъ и мѣстами тополевыми купами. Горнокаменное сложеніе прилегающихъ къ рѣкѣ яровъ при лѣтникахъ Каныг-мюгъ составляютъ песчано-глинистыя породы, однако по лайдямъ въ Вапукахъ и Галькахъ попадаются довольно крупныя куски сплошнаго кварца, яшмы и обломки мелкозернистаго песчаника.

Отъ Анкачаг-мюга ширина рѣки становится замѣчательнѣе: въ нѣкоторыхъ плесахъ до полуторы мили; но удобныхъ бичевниковъ вовсе нѣтъ.

15 июля. Пасмурно, до полудня NS умѣренный, послѣ тихо. Въ ночь ясно.

Отъ Кандыг-мюта, въ которомъ мы почевали, до отдѣленія отъ Квицпака перваго рукава, особо изливающагося въ Берингово Море и называемаго Кижуюнокъ, не болѣе четырехъ миль, прямо къ западу. Отъ него до рѣчки Ныгыклинкъ шесть миль, по главному направленію къ NW 45°. На ея устьѣ находится зимняя одиночка одной семьи туземцевъ, но еще видны признаки и огрѣннаго жила, раззореннаго лѣтъ тридцать тому назадъ Маг-мютами. Ныгыклинкъ — изобильная бобрами и рыбою, на устьѣ до семидесяти саженъ ширины, вершиною своею близко подходитъ къ вершинѣ рѣчки Пихмилталикъ, впадающей въ Нортоновъ Заливъ, между мысомъ Азачагыакъ, «Мелей капитана Кука», и островомъ Святаго Михаила. Переносомъ существующимъ между этими двумя рѣками, воспользовался при проходѣ изъ Иког-мюта, зимой 1837 года, служитель компаніи Назаровъ, и отзываясь, что онъ весьма удобенъ. На устьѣ, прибрежные яры съ праваго берега «футовъ тридцати высоты состоятъ изъ суглинка, поросшаго малинникомъ. Почва кажется весьма способною къ разведенію большихъ огородовъ; пещавая каменистая лаида мила на три къ низу завалена строевымъ сплавнымъ лѣсомъ, дающею верховыхъ странъ Квицпака. По способности къ прокормленію и удобству сношеній, какъ съ приморьемъ, такъ и со всеми рукавами Квицпака, это мѣсто мы считаемъ лучшимъ для основанія постояннаго заселенія.

Въ двухъ миляхъ ниже устья Ныгыклинкъ, находится другая туземная одиночка Кавлюнаг-мютъ; на милю ниже ея, прибрежныя горы праваго берега Квицпака заворачиваютъ къ сѣверу и непрерывной цѣпью невысокихъ холмовъ тянутся къ приморью. Въ трехъ миляхъ отъ Кавлюнаг-мюта Квицпакъ отдѣляетъ отъ себя второй рукавъ называемый Киппакъ, «Узкій». При самомъ отдѣленіи этого рукава, подошвой своей прилежитъ къ Квицпаку коническая сопка до двухъ тысячъ футовъ высоты, называемая туземцами Ингыгукъ, «Каменистая», или Маг-мютскою, по племени, которое занимаетъ пространство между Кижуюнкомъ и Киппаккомъ. Въ обсыпяхъ и въ выемнахъ или бороздахъ, находящихся по склонамъ этой горы, туземцы собираютъ довольно крупныя окаменѣвшіе куски фосфорнокислаго желѣза, которые употребляютъ для краски въ голубой цвѣтъ. Всѣ полученные мною образцы, не смотря на достаточную твердость, явствен-

но показывают слоеватость, что служит несомнѣннымъ признакомъ ихъ органическаго происхожденія. Другая, отлогая сопка «утовъ» четырехъ сотъ высоты, называемая туземцами Иничуакъ, находится на мысѣ образовавшемся отдѣленіемъ Квишка отъ настоящей рѣки. Мы ночевали, пройдя отъ горъ миль около осьми, на приямѣ, ровному берегу, окаймленномъ небольшими таловыми кустарничками.

На всѣхъ селеніяхъ, мимо которыхъ мы проходили, туземцы предлагали намъ во множествѣ различные пушные мѣха, прося взаимно табаку. Староста артели отправился изъ Икогмиота всего съ двумя «футами» для покупки провизіи. Мы отдали въ его распоряженіе послѣдніе пятнадцать «футовъ», оставшіеся отъ потребностей экспедиціи, но это была капля въ морѣ; другихъ товаровъ ни у него, ни у насъ ни какихъ не было.

16 июля. До 5 часовъ утра туманъ, потомъ до полудня ясно, но умирный; послѣ облачно; вечеромъ тихо.

Сегодня мы надѣялись на полную обсервацію, но въ полдень успѣли только опредѣлить свое мѣсто по широтѣ въ $62^{\circ} 35' 33''$; къ высотамъ для вычисленій долготы заволокло небо. Сухарей оставалось у насъ на три дня; другихъ провизій, исключая чаю, ни какихъ; соленой или свѣжей рыбой безъ юколы долго питаться не здорово. Въ надеждѣ еще разъ посѣтить Квишакъ и осмотрѣть главное его устье, въ то время, когда судно приходящее къ редуту отправляется для расторжекъ въ Беринговъ Пролівъ, мы рѣшились поторопиться и потому нынѣ шли отъ пяти часовъ утра до одиннадцати вечера; вѣтеръ помогалъ намъ.

Отъ Квишка, почти прямымъ плесомъ, ширвою отъ трехъ до пяти миль, Квишакъ протекаетъ по главному направленію къ NW 42° около пятидесяти миль, до послѣдняго протока въ сѣверо-восточную четверть, которымъ обыкновенно суда наши выходятъ къ приморскому селенію, находящемуся при устьѣ рѣчки Паштоликъ. Этотъ протокъ туземцы называютъ Апхунъ. Отъ послѣднихъ горъ до устьевъ Квишка вся страна видимо образовалась насчетъ наносовъ; въ правомъ берегу, котораго мы держались явственно замѣтны валластованія песчано и глинисто-пловатыхъ почвъ, осаждаемыхъ рѣкою. Берегъ этотъ вообще нѣсколькими «футами» возвышеніе прилежащаго материка, состоящаго изъ мокрой тундры, только на болѣе сухихъ мѣстахъ поросшей мелкимъ кривымъ тальникомъ;

въ его обыпахъ, мѣстами замѣтны еще не согнившія навозныя деревья и вѣсти ископаемыхъ животныхъ. Среднее возвышеніе праваго берега отъ двѣнадцати до пятнадцати футовъ; лѣвый вообще отлогъ. Бичевниковъ, по вязкости почвы, ни на которой сторонѣ не имѣется.

Въ милѣ къ низу отъ обсервованнаго нами пункта, находится по рѣкѣ довольно возвышенный лѣсистый островокъ, по словамъ старосты Иког-мютской артели, болѣе и болѣе смываемый въ половодіе; далѣе въ четырехъ миляхъ къ низу третій рукавъ, отдѣленный Квихпакомъ и прозываемый Квих-люакъ, «Кривой, навишестый»; противъ него нѣсколько ближе къ правому берегу лежитъ низменный, песчаный островокъ называемый Русскимъ «Янчинымъ»; и онъ на памяти старожиловъ редута смытъ до половины. Въ осьми миляхъ отъ Квихлюака, при небольшой рѣчкѣ находится земная одиночка туземцевъ приморья изъ селенія Цаштоль, называемая Ныввагукъ, «Озерная», а отъ нея въ семи миляхъ входъ въ протокъ Апхунъ. Квихпакъ при его отдѣленіи протекаетъ въ горизонтъ, по румбу къ NW 25°; Апхуномъ до удобнаго мѣста для ночлега, то есть, до клочка сухаго берега, мы прошли милъ пять по главному направленію къ NO 50°, полагая склоненіе компаса 30° восточное; протокъ этотъ довольно извилистъ, средняя его ширина сорокъ сажень, во мѣстахъ попадаются отмели или середки.

Приливъ и отливъ дѣйствуетъ на всемъ протяженіи Апхуна; по Квихпаку замѣтевъ до одиночки Ныввагукъ, а при большихъ нагонахъ сѣверо-западными вѣтрами, солодокость воды ощущается у первыхъ пригорныхъ селеній; до этихъ же мѣстъ доходятъ изъ различныхъ рукавовъ Квихпака бѣлуги и нерпы.

Мы шли рѣкою въ большую воду, и ни гдѣ менѣе двѣнадцати футовъ не встрѣчали, но къ августу по скатѣ воды, суда наши поднимающіеся съ товарами для Нулато и Иког-мюта на всемъ протяженіи Квихпака отъ устья Апхуна до селенія Такчигмютъ, встрѣчаютъ обширныя косы и отмѣли, принуждающія плти на веслахъ главнымъ фарватеромъ.

17 Іюня. Облачно, OSO тихій; съ вечера бусъ и дождь.

Въ часъ по полудни мы стояли на взморьи въ полумилѣ восточнѣе устья рѣки Паштоликъ. До принятія мною начальства надъ экспедиціею, Россійско-Американская Компанія не отправляла отрядовъ на такое продолжительное время. Обзоръ и опись штурманомъ Васильевымъ Кускоквима, озеръ Нушагакскихъ

окрестностей Александровскаго редута произведены въ два гѣта; зимы онъ отдыхалъ на Кадьякѣ въ кругу своего семейства; кромѣ трехъ человекъ Русскихъ и шести кадьякскихъ Алеутовъ съ ними находилось десять человекъ крещеныхъ Аглег-мютовъ, въ ручательство вѣрности которыхъ отъ нихъ семей взяты были заложники. Экспедиція Кашеварова была собственно прибрежная и байдарочная, продолжалась пятьдесятъ четыре дня и при двадцати человекѣхъ команды изъ отважнѣйшихъ Креоловъ и Алеутовъ, онъ былъ или при случаѣ могъ быть сильнѣе всякаго сконнища сѣверныхъ дикарей. Съ нами было пять пудовъ табаку, пудъ краснаго бисеру, тысяча цуклей, еще нѣсколько другихъ мелочныхъ товаровъ и иногда пять, иногда шесть человекъ команды. Неприятельскихъ столкновений съ туземцами осматрѣннаго нами края мы не имѣли, стараясь предупреждать всякій поводъ къ неприятности, гдѣ лаской, гдѣ строгостью и всегда неусыпной бдительностію. Чтѣ и какъ сдѣлано, на лицо предъ читателемъ. Отдавая полную признательность усердію и ревности нашихъ спутниковъ, кого должны благодарить за сохраненіе всѣхъ насъ въ теченіи почти двухъ-годичнаго странствія? Господа Бога. И здѣсь съ первымъ шагомъ на берегъ моря, которое долженствовало перевести насъ въ океанъ міра образованнаго, мы благодарили Его общей теплой молитвою; мы считали себя дома; окружавшіе насъ туземцы были новые наши братья о Христѣ.

Апхунъ къ сторонѣ моря имѣетъ два устья; одно почти прямо на сѣверъ, другое къ SO 80°. Приморская низменная, потопляемая приливами дельта, простирается отъ раздѣленія рукавовъ. Протяженіе Апхуна по главному направленію къ NO 50° около двадцати миль. Въ семи миляхъ не доходя восточнаго его устья, на правомъ берегу футъ двадцати высоты, находится зинная одиночка Паштольцевъ, называемая Аингиаг-мютовъ; вблизи ея на томъ же берегу, замѣтно поросшее травою, полуразрушенное земляное укрѣпленіе, въ которомъ, по рассказамъ Паштольцевъ, укрывались ихъ дѣды отъ нападенія Маг-мютовъ. Форма укрѣпленія круглая, до двадцати сажень въ поперечникѣ, высота вала мѣстами до пяти футовъ, толщина около четырехъ; земля на насыпи была брата изъ нутра, со всего огражденнаго пространства.

18 Іюня. Пасмурно, S утренній.

Команда Иког-мютской артели отправилась ночью на приливѣ къ редуту Святаго Михаила. Мнѣ слѣдовало ознакомиться съ

дѣйствіями и ходомъ торговли здѣшнихъ туземцевъ. Состояніе ея изложено при общемъ обзорѣ приморья. Говорятъ, что въ селеніи Паштолиг-мюль до оспы считалось до 250 душъ, нынче на половину; большая изъ нихъ часть христіане. Образа, писаницы на бумагѣ, розданные новокрещенымъ, развѣшаны въ зимникахъ и кажинахъ; свидѣтельства о крещеніи тщательно сохраняются въ особо сдѣланныхъ деревянныхъ ящикахъ, но многіе изъ этихъ христіанъ не помнятъ еще своихъ именъ и прибѣгаютъ для того къ каждому Русскому.

Между рѣчками Паштолигъ и Паштольгъ, почва прибрежья состоитъ изъ глинисто-пловатыхъ наносовъ, но при отливахъ обозначается пластъ или подстилка, котораго горнокаменное сложеніе сицеватосѣрый базальтовый туфъ, не столь однако воздреватый какъ при Михайловскомъ речуѣ. Берегъ около двѣнадцати футовъ высоты, нѣсколько возвышенъ надъ окрестной тундрой, покрытой многочисленными озерами; въ протоки приливами нагоняется соленая вода; среднее ея возвышеніе, считая отъ малой при устьѣ Паштолига, замѣчено нами около шести футовъ, но видны признаки, что въ осеннія воды, она подымается вровень съ берегомъ; отъ него на разстояніи пяти миль внутрь, растущихъ лѣсовъ, исключая невысокаго тальника, никакихъ нѣтъ; наносовъ мало и тѣ усердно собираются туземцами. Хребтъ невысокихъ холмовъ, футовъ до четырехъ-сотъ высоты, подходитъ къ приморью мысомъ Азагагыгъ, отстоящимъ отъ Паштолига къ NO 58° милямъ въ семнадцать, но берегъ лежитъ небольшою огибью или открытъ бухтой.

19 іюня. Пасмурно, утро OSO утренний, по полудни, OSO свѣжій, жаль.

Пользовавшись мѣстамъ попутнымъ вѣтромъ, до наступленія дождливой погоды, мы обошли мысъ Азагагыгъ и остановились на лѣтникахъ туземцевъ Пихмихталика, расположенныхъ на довольно высокомъ яру, отъ мыса въ полумилѣ къ востоку. Мысъ Азагагыгъ, до трехъ-сотъ футовъ высоты, къ сторонѣ приморья состоитъ изъ песчаныхъ породъ. На довольно широкой приглубой лайдѣ, прилегающей къ его подошвѣ, мы собрали въ валунахъ нѣсколько порядочныхъ оселковъ; попадаются также зерна яшмы и кварца; наносаго лѣсу много. Промышляющіе рыбу туземцы всѣ христіане: зимники ихъ находятся при устьѣ рѣчки Пихмихталика, изобильной бобрами. Приморскіе холмы, богатыя пещею для оленей, но обнаженные отъ всякаго лѣсу, тянутся на-

ляхъ въ пяти отъ берега; впрочемъ, по словамъ туземцевъ, тѣмъ глубже въ материкъ, тѣмъ болѣе въ падахъ и по берегамъ многочисленныхъ горныхъ рѣчекъ встрѣчается растительность. По рѣкѣ Пихмихталикъ, миляхъ въ трехъ отъ ея устья, начинается ростъ тальникъ и ольховникъ, а въ вершинѣ находится некрупный еловый лѣсъ.

Съ мыса Азачагьякъ главная высота острова Стюартъ NO 15° въ двадцати миляхъ, средняя острова Святаго Михаила NO 48° въ двадцати трехъ миляхъ, антретнаго разстоянія.

Судамъ находящимся въ грузу болѣе двухъ съ половиной футовъ, надлежитъ, для прихода отъ Паштоллка до мыса Азачагьякъ, выбирать полную воду, и ни въ какомъ случаѣ, не удалаться далѣе полумили отъ берега: прибрежнымъ теченіемъ прорыло какъ бы не широкій каналъ и встрѣчаются мелки и подводные камни.

20 июня. До полудня пасмурно, ОКО тихій вѣтреннѣ буез и дождь; во сь 3 часа по полудни подулъ тихій SW, стало высушивать.

Мы отправились. Не умѣю выразить тѣхъ чувствъ, которыя подстрекали всѣхъ насъ къ скорѣйшему прїѣзду въ редутъ. Мы шли на веслахъ всю ночь и въ семь часовъ утра, 21 июня, кончили дѣйствія экспедиціи. Мы находились въ отсутствіи годъ, шесть мѣсяцевъ и шестнадцать дней и прошли впродолженіи этого времени пѣшкомъ и на кожаныхъ лодкахъ около пяти-тысячъ верстѣ.

Берегъ отъ мыса Азачагьякъ, до западнаго устья каналовъ, отдѣляющихъ островъ Святаго Михаила отъ материка, протягивается миля на четырнадцать по главному румбу къ NO 40°. Каналъ или рукавъ, которымъ ходятъ наши гребныя суда, довольно извилистъ и прилегаеть однимъ своимъ берегомъ къ острову Святаго Михаила; ширипа его, независимо отъ прибыли воды, отъ тридцати до семидесяти сажень. Между имъ и такъ пазываемой Широкой Канавой, которая протекаетъ подъ матерымъ берегомъ, существуетъ нѣсколько неширокихъ побочныхъ протоковъ; берега вообще глинисто-пловаты и до-двѣнадцати футовъ высоты. Восточное устье капаловъ, образующе на выходѣ заливъ Тебенъкова, вначалѣ до полуторы мили ширины, на малой водѣ весьма мелко и сверхъ того въ полумилѣ отъ редута съуживается небольшимъ каменнымъ островкомъ. Между имъ и берегомъ острова Святаго Михаила на полной водѣ до сорока сажень ширины. Этимъ протокомъ въ тихую погоду гребныя суда проходятъ удобно;

да отливъ должно слѣдовать главнымъ фарватеромъ, придерживаясь материка берега, но тамъ встрѣчаются подводные камни.

Ледъ отъ редута отнесло 1 июня, то есть мѣсяцемъ ранее нежели въ 1842 году.

Продовольствіе команды редута было также скудно, какъ и два года тому назадъ. Приходъ судна, 25 июня, и на немъ прибытіе священника и новаго управляющаго отняли у насъ всякую возможность осмотрѣть устье Квикнака на байдаркахъ; на байдарѣ это невозможно, слѣдственно бесполезно. Мы нуждались только въ хлѣбѣ; стрѣльбіе нашими охотниками оленей разлило довольствіе и между всей командой. 5 августа мы оставили редутъ и на бригѣ «Охотскъ» 26 сентября, прибыли въ Новоархангельскъ.

Въ особомъ журналѣ я представилъ все что казалось мнѣ полезнымъ для введенія просвѣщенія между туземцами и улучшенія и распространенія торговли Россійско-Американской Компаніи въ странѣ мною осмотрѣнной. Здѣсь для полноты прилагаю статистическую таблицу народонаселенія, краткій сравнительный словарь, показывающій единоплеменность народа Канг-юльтъ съ Намоллами и Кадьякцами, краткій словарь двухъ племенъ народа Ттывайцевъ, списки собранныхъ нами предметовъ по разнымъ частямъ естественной исторіи, выводы вычисленій астрономически опредѣленныхъ нами пунктовъ, и выписку, изъ которой видно, какіе матеріалы служили намъ при составленіи приложенной карты всего материка руссійскихъ владѣній въ Америкѣ, за исключеніемъ той небольшой полосы, которая отъ горы Святаго Пайя тянется въ десяти миляхъ, или сорока верстахъ, отъ пригорья Великаго Океана до крайняго пункта нашихъ владѣній, опредѣленнаго, въ 1825 году, конвенціей съ Великобританіей въ широтѣ 54° 40' сѣверной широты.

Протекло слишкомъ два года съ-тѣхъ поръ, какъ мы оставили съ веръ нашихъ владѣній въ Америкѣ. Описаніе нашихъ странствій перешло уже въ достояніе матеріаловъ исторіи колоній, потому что попечительныя распоряженія главнаго правленія и колоніальнаго начальства измѣнили совершенно или стараются измѣнить ходъ прежнихъ дѣлъ; но для вѣдшихъ пользъ и Россійско-Американской компаніи, и науки, и наконецъ людей проживающихъ доселѣ въ глубокомъ мракѣ невѣжества и язычества, нельзя не пожелать,

чтобы снять былъ таинственный покровъ съ остальныхъ пятисотъ тысячъ квадратныхъ верстъ, находящихся въ вѣдѣніи Романовъ.

Мѣста, въ которыхъ собраны экспедиціею различныя горнокаменныя породы.

Порфиръ, собираемый туземцами Нортонова Залива, отъ утесовъ мыса Дѣнбичъ, въ 1842.

Главные горнокаменныя породы острова Святаго Михаила и прибрежья материка южной части Нортонова Залива.

Ноздреватая лава, раскиданная во множествѣ по берегамъ тѣхъ же мѣстъ.

Лигнитъ, находящійся по прибрежью западной части Нортонова Залива.

Колчеданъ желѣзный, привозимый въ редутъ Святаго Михаила Малейг-мютами, съ вершины Нортонова Залива, 1842.

Зубъ ископаемаго слона добытъ изъ обваловъ праваго берега низоваго рѣки Квихпакъ, 1842.

Янтаръ, собираемый туземцами на устьяхъ рѣкъ Квихпана и Кусокиина, полученный въ 1842 и 1844.

Два серпентинные топора, употреблявшіеся туземцами рѣки Квихпакъ, до введенія желѣза, 1842 и 1844.

Главные горнокаменныя породы мыса Азачагьякъ.

Фосфорокислое желѣзо, добываемое туземцами Квихпана съ горы Иттигукъ или Магге-мютской, 1844.

Черный камень, привозимый на Квихпакъ изъ Ангула, въ 1844.

Лемноская земля или боліусъ, получасяя на Квихпакъ отъ туда же, 1844.

Утесы при берегахъ Квихпакъ, мѣлахъ въ пяти выше жила Июгмютъ, 1843.

Кровавикъ, получаемый туземцами изъ утесовъ праваго берега Квихпакъ, между жилами Анвикъ и Макаслагъ, 1843.

Глины и главные горнокаменныя породы праваго берега Квихпакъ отъ жила Анилухтакпакъ до Макаслагъ.

Главные горнокаменныя породы праваго берега Квихпакъ отъ рѣчки Крестовой до жила Ттутаго.

Главные горнокаменныя породы праваго берега Квихпакъ отъ жила Ттутаго до Хуликакатъ.

Тальковый сланецъ и магнитный, находимый по правому берегу Квихпака въ окрестностяхъ Нулато и до устья рѣки Юнга-ка.

Горшечная глина, получаемая туземцами изъ утеса Унвильгача, близъ устья рѣки Юнга-ка. Подобная привозится изъ Агула для потребностей низовыхъ жителей Квихпака.

Халцедонъ, привозимый туземцами съ верховья рѣки Нулато.

Главные породы кругляковъ и валуновъ, на косахъ и розсыпяхъ рѣки Квихпакъ отъ песчаныхъ утесовъ Банкатаньего къ верху.

Главные горюкаменные породы праваго берега Квихпака при утесѣ Хамынчхатецъ.

Главные горюкаменные породы въ осьми миляхъ ниже устья рѣки Молекожитно.

Порфиръ, составляющій утесы лѣваго берега Квихпака, противъ устья Молекожитно.

Главные горюкаменные породы ближайшихъ горъ праваго берега Квихпака на мѣстѣ, отъ котораго обратились назадъ, 1 июля 1843 года, въ широтѣ $64^{\circ} 56' 01''$, долготѣ $154^{\circ} 18' 45''$ западной отъ Гринвича.

Главная горюкаменная порода подошвы купы Ташатулвагъ на правомъ берегу рѣки Кускоквимъ, близъ редута Колмакова, 1844.

Главная горная порода холмовъ лѣваго берега Кускоквимъ при редутѣ Колмакова, 1844.

Цимолитъ и красная охра, привозимая въ редутъ Колмакова съ низовья рѣки Кускоквимъ, 1844.

Пемза, привозимая въ редутъ Колмакова оттуда же.

Матеріалы, служившіе къ составленію карты.

Весь берегъ Ледовитаго Моря отъ 140° западной долготы отъ Гринвича до мыса Возврата положенъ съ оригинальной карты капитана Франклина, 1825 — 1826.

Отъ мыса Возврата до мыса Барро — съ оригинальной карты господъ Дида и Симпсона, 1837 года.

Отъ мыса Барро до острова Азіакъ — съ оригинальной карты капитана Бича, 1827 года.

Отъ острова Азіакъ до мыса Дерби — съ описи капитана Хромченко, 1822 года.

Отъ мыса Дерби до устья рѣки Уналакликъ — съ описи капитана Кука.

Отъ рѣки Уналакитъ до сѣвернаго устья рѣки Квикпагъ по собственной описи.

Отъ мыса графа Румянцова до глубины Бристольскаго Залива— съ оригинальныхъ картъ морехода Устюгова 1819 и капитана Хромченко, 1822 года.

Часть западнаго берега Аляксы — съ карты адмирала Литке, 1828 года.

Восточный берегъ Аляксы до границы или меридіана горы Святаго Иліи — съ карты вновь составленной въ гидрографическомъ департаментѣ морскаго министерства.

Озера Нушагакскія и другія, лежащія въ окрестностяхъ Александровскаго редута, рѣка Нушагакъ и главный ея притокъ Ильгакъ, положены по обсервованнымъ пунктамъ описи штурмана Васильева.

Рѣка Хулитнакъ подвинута по долготѣ къ западу по моему опредѣленію ея устья и сообразно съ критическимъ разборомъ журнала Васильева. Направленіе рѣки Инпока и ея притоковъ исправленное склоненіемъ компаса, положено съ карты Петра Колмакова. Вѣршины Тхальхукъ, Чагванахтули и Тальгиксюакъ означены по свидѣніямъ полученнымъ отъ управляющаго редутомъ Колмакова С. Лукина; по его же указанію и съ карты П. Колмакова означены пути сообщеній съ Александровскимъ редутомъ, и исправлены наименованія нѣкоторыхъ притоковъ рѣки Хулитнакъ.

=

(Принадлежащія къ этому путешествію карты, словари, метеорологическія и другія таблицы приложены въ концѣ книжки.)

=

ТАБЛИЦА

Ртутный т

В

Широта 63° 28

Число отар. ст.	Осень часов.	Двадцать часов.	Четыре часа.	Двадцать часов.	Состояние неба ночью и разные случаи.
10					
11					
12			12	6.5	
13	12	13.5	14.5	10.5	
14	13.5	15.75	13	9.25	
15	12.5	13	13	10	
16	10	11.75	11	9.75	
17	11.5	12	11.75	8.5	
18	9	11.25	10.5	7	
19	8	12	11.75	8	
20	11.75	13.5	10	6.25	
21	9.25	13.5	12	6	
22	13.5	14.75	13.75	6	свѣтлость *
23	9.5	14.75	11	7	тожь
24	11.75	14.75	11.75	7.8	тожь
25	12	15.75	14.75	5	туманъ
26	9	14.25	10	7	
27	9	12.5	11.25	10	по горизонту мгла,
28	11.25	14	13	10	запахъ горѣ. лѣсовъ
29	9	9.5	8.25	7.5	
30	8.25	9	10	8	
31	8.75	11	10.75	6	
	10.5	12.97	12.31	8.63	

Среднее + 11.5

1	11.5	14.5	14.5	6	свѣтлость *
2			3 а		тожь
3					тожь
4					
5		отсутствіемъ			ночью дождь
6					ночью иней
7					
8			в е		
9					дождь
10					
11	про изво дил и сь.				1

Отъ рѣки Унала
собственной описанья термометръ Геснера, работы Милъза. Рубмы вѣтры

Отъ мыса граа
съ оригинальныхъ
Хромченко, 1822 г

Часть западнаго
1828 года.

Восточный берет
Святого Илин — с
скимъ департаментъ

Озера Нушагако
сандровскаго реду
гаякъ, положены в
Васильева.

Рѣка Хултнакъ
опредѣленію ея ус
журнала Васильева
исправленное скло
Колмакова. Вѣрши
означены по свидѣ
томъ Колмакова С
П. Колмакова озна
дуютъ, и исправл
Хултнакъ.

В Р Е Д У Т Ъ С В Я Т А Г О М И Х

49" сѣверная, долгота 161° 45' 20" зап

І Ю Л Ь , 1 8 4 2.

	В ѣ т е р ь		
	У т р о .	П о л д н ь .	В е ч е р .
	NW тихій	WNW умѣренный	SW тих
	NW сѣвнй	NW сѣвнй	NW сѣвн
	NW сѣвнй	NW сѣвнй	NW умѣр
	NO умѣренный	NO умѣренный	ONO умѣр
	SSO тихій	S тихій	OSO тих
	ONO умѣренный	OSO умѣренный	O умѣр
	ONO сѣвнй	O крѣвнй	O тих
	ONO тихій	ONO умѣренный	ONO умѣр
	NO умѣренный	SO сѣвнй	SSO сѣвн
	S тихій	S тихій	S тих
	SO тихій	SO тихій	ONO тих
	NKO тихій	NO тихій	OSO тих
	NO маловѣтренный	N тихій	N тих
	N умѣренный	N умѣренный	N тих
	N умѣренный	N умѣренный	N тих
	NNO умѣренный	NNO умѣренный	W тих
	SW тих	N умѣренный	W умѣр
	S тихій	NO умѣренный	NO умѣр
	ONO сѣвнй	ONO сѣвнй	O умѣр
	ONO умѣренный	SO сѣвнй	ONO умѣр
	ONO сѣвнй	ONO умѣренный	ONO крѣ
	NO умѣренный	NO тихій	тихо

(Принадлежащія къ э
и другія

тихо
W умѣренный
тихо
W умѣренный
W умѣренный
N умѣренный
тихо
тихо
тихо
тихо
S тихій

А В Г У С Т Ъ .

тихо
W умѣр
W тихій
тихо
NW умѣренный
N умѣренный
тихо
тихо
W умѣренный
тихо
SW тихій
тихо
тихо
W умѣр
WNW сѣв
SW умѣр
тихо

Ъ НАБЛЮДЕНІИ.

ювь означены по компасу.

И Х А И Л А.

0'' западная отъ Гринвича.

р ъ.	Ясно облачно, пасмурно.	Туманъ, градъ, дождь.	Состояніе неба ночью и разные случаи.
им	ясно		
кій	тожь		
пный	тожь		
пный	мало облачно		
пій	облачно, вр. вр. солнца	временемъ дождь	
пый	тожь	тожь	
я	облачно	тожь	
пный	тожь	тожь	
пій	тожь	тожь	
я	облачно, прос. солнца		
кій	тожь	тожь	
кій	тожь		свѣтлость *
пій	тожь		тожь
пій	мало облачно		тожь
пій	тожь		туманъ
пный	облачно	туманъ	
пный	облачно, прос. солнца		(по горизонту мгла, запахъ горѣл. лѣсовъ
пный	мало облачно		
пный	пасмурно	дождь	
пный	тожь	тожь	
пный	облачно, прос. солнца	временемъ дождь	
	облачно, прос. солнца		свѣтлость *
	ясно		тожь
пный	мало облачно	по утру туманъ	тожь
	облачно		
пій	тожь		ночью дождь
пий	тожь		
	облачно, прос. солнца		ночью мгла
	тожь		
пий	пасмурно	временемъ дождь	
пный	облачно, прос. солнца		дождь
	тожь		

ВЪ ПРДУТ

Числа отар. ст.	Осень, ча совъ.	Двадцать часовъ.	Четыре часа.	Двадцать часовъ.	В
					У т р о.
12	6.75	6.75	6.75	5	я сѣвнйй
13	7.5	8.5	8	7.5	SSO утѣреннйй
14	9	11	10.5	5	я вѣснйй
15	6.75	6.75	5.75	5	SSW утѣреннйй
16	6	9	6.75	5	WSW утѣреннйй
17	5.25	10.5	10	5.75	в тахйй
18	9	8.5	8	6.5	NO утѣреннйй
19	6.75	8	8	6	O утѣреннйй
20	6.5	7.5	7	5	SO тахйй
21	5	11	10.25	4.5	NNW тахйй
22	4.75	8.25	7.5	4	O тахйй
23	7.75	9.5	8	3.5	WNW тахйй
24	7.25	8.75	8	6	SSO утѣреннйй
25	6.25	9.5	8.5	6	SSO сѣвнйй
26	7	8.25	6.5	3	тахйй
27	3.75	7.5	5.25	3	SSW вѣснйй
28	3.5	8.25	6.5	5	NO сѣвнйй
29	5	8.5	8	6.25	NO вѣснйй
30	6.75	8.75	8.5	6.75	NO утѣреннйй
31	8.5	14.75	11.5	7.5	NO тахйй
	6.66	9.24	8.24	5.35	

Среднее + 7.37

1	7	11	9.75	7	NO тахйй
2	9	9.8	8.75	6.25	N тахйй
3	9.25	10.25	8.5	6	тахйй
4	11	12	8.75	3	N утѣреннйй
5	3	7.75	4.5	2.75	SW утѣреннйй
6	5.5	10.25	7.25	5	тахйй
7	4.5	11.75	6.25	-1.5	NNO сѣвнйй
8	2.75	10.25	5.5	-1	тахйй
9	2	10.5	7	+2.5	тахйй
10	6	8.75	6.5	4.25	ONO тахйй
11	7.5	11	7	5	NO утѣреннйй
12	7.5	10	7	5.5	O тахйй
13	5.5	9	7	5	NNO сѣвнйй
14	6	13	7.25	-1	N утѣреннйй
15	6	14	8	+2.5	NO маловѣтрййе
16	6	12	8	-0.5	томъ
17	4.5	10	7	+4.5	NO утѣреннйй
18	4	9	6.5	3	NO сѣвнйй

РЕДУ

В	Осемь ча- совъ.	ачно, па- но.	Туманъ, градъ, дождь.	Состояніе неба ночью и разные случаи.
У т р о .				
С свѣжій	3	но	дождь	свѣтлость) — *
умѣренный	2	чно	просвѣтъ * тожь
крѣпкій	1.75	ос. солнца	
умѣренный	3.25	чно	временемъ дождь	
умѣренный	4	ос. солнца	врем. свѣтлость *
С тихій	5	чно	
умѣренный	4	къ	
умѣренный	3.75	рем. туманъ	
О тихій	4.25	къ	
SW тихій	3	къ	свѣтъ
О тихій	1	чно	временемъ свѣтъ	
NW тихій	-1	къ	тожь	
умѣренный	4.70			
О свѣжій				
тихо				
К крѣпкій				
О свѣжій				
К крѣпкій				
умѣренный	- 0.5	чно	временемъ свѣтъ	
Ю тихій	- 2	ос. солнца	свѣтлость) — *
	- 4.25	чно	временемъ свѣтъ	просвѣтъ) — *
	- 3	ос. солнца	свѣтлость) — *
	- 1.75	блочно	тожь
	- 6	ос. солнца	просвѣтъ) — *
	- 2.25	чно	
	- 1.5	къ	временемъ бусъ	
	- 3	блочно	просвѣтъ) — *
тихий	- 1.75	чно	свѣтъ мятель	
тихий	- 3	къ	временемъ свѣтъ	
тихо	- 1.5	къ	свѣтлость) — *
умѣренный	- 4	чно	съ полудня пурга	дождь
умѣренный	+ 1.25	къ	временемъ дождь	
тихо	1.5	чно	бусъ	
свѣжій	- 0.5	но	свѣтлость) — *
тихо	- 1	къ	тожь
	- 2.25	къ	
тихий	- 3	чно	свѣтлость *
умѣренный	- 7.25	блочно	просвѣтъ *
тихий	- 9	къ	тожь
свѣжій	- 8	ос. солнца	временемъ свѣтъ	вр. прос. *, вр. свѣтъ
умѣренный	- 9.75	къ	до полдень свѣтъ	
ловѣтріе	- 6.75	чно	временемъ свѣтъ	просвѣтъ *
жъ	- 9	къ пурга,	потомъ ясно	свѣтлость *
умѣренный	- 14	но.		тожь

ИХАИЛА.

р ѣ.	Ясно, облачно, пасмурно.	Туманъ, градъ, дождь.	Состояніе неба ночью и разные случаи.
инымъ	ясно	свѣтлость * тожъ
хій	тожъ	
іі	облачно, прос. солнца		
іи	облачно	снѣгъ, дождь, крупа	снѣгъ и дождь
кїи	тожъ	до востанъ дождь	
хїи	мало облачно	свѣтлость) — * тожъ
шїи	облачно	
кїи	пасмурно	временемъ дождь	
іи	облачно	бурь. снѣгъ
шнїи	мало облачно	просвѣтъ) — * свѣтлость) — * просвѣтъ)
ѣтрїе	облачно	тожъ
ѣ	тожъ	тожъ
ѣ	облачно, прос. солнца	тожъ
кїи	облачно	тожъ
снїи	тожъ	
снїи	мало облачно	свѣтлость) — * тожъ
шкїи	облачно, прос. солнца	
кїи	мало облачно	
шнїи	облачно, прос. солнца	
кїи	тожъ	
шкїи	облачно	мелкїи снѣгъ
шкїи	облачно, прос. солнца	
снїи	облачно	временемъ снѣгъ	
ѣтрїе	тожъ	снѣгъ	свѣтлость * тожъ
іи	ясно	тожъ
шнїи	мало облачно	тожъ
снїи	тожъ	
кїи	облачно	временемъ снѣгъ	
іи	тожъ	снѣгъ	просвѣтъ * тожъ
кїи	тожъ	свѣтлость) — * тожъ
шкїи	мало облачно	тожъ
снїи	тожъ	тожъ
шкїи	тожъ	тожъ
шкїи	пасмурно	снѣгъ	тожъ

Число стр. ст.	Осень за- софт.	ачно, па- рно.	Туманъ, градъ, дождь.	Состояніе неба но- ч и разные случаи
1	-22.25	но	свѣтлость) — *
2	-23.25	къ	тожь
3	-22	къ	тожь
4	-20	блочно	тожь
6	-17.5	но	тожь
6	-21.5	къ	тожь
7	-16.75	блочно	кругъ вонр.) , ар си
8	-14	урно	до полденъ матель	
9	- 0.5	къ	пурга	врем. проблескъ *
10	- 1.5	мно		
11	- 5	къ	свѣтлость)
12	-20	блочно	
13	-22	къ	тожь
14	-22.5	къ	тожь
15	-22.5	но	
16	-24.75	мно	снѣгъ
17	- 5.5	къ	снѣгъ матель	врем. проблескъ)
18	- 4	къ	снѣгъ	тожь
19	-20	но	снѣгъ
20	-10	урно		
21	- 2.5	къ	съ полденъ пурга	
22	-18	блочно	пурга
23	-13.5	урно	снѣгъ
24	- 9.5	къ	морозъ	
25	-10.5	мно	
26	-21	урно	свѣтлость) — *
27	-23	но	тожь
28	-24.5	къ	тожь
29	-30	къ	тожь
30	-22.5	къ	
31	-14	мно	морозъ	
	-16 47			

КЪ НУЛАТО.

18" западная отъ Гринвича.

в р. з.	Ясно, облачно, пасмурно.	Туманъ, градъ, дождь.	Состояніе неба ночью и разные случаи.
хо	пасмурно	морозъ	
хо	ясно	свѣтлость * томъ
хо	томъ	
хо	облачно	морозъ	
тихій	томъ	томъ	
хо	облачно, прос. солнца	свѣтлость * томъ
хо	облачно	временемъ свѣтъ	
хо	ясно	свѣтлость) — * томъ
вхій	томъ	
гхій	мало облачно	сѣвер. сіяніе столбана до 65° высоты отъ О.НО къ NW
тихій	ясно	
жъ	томъ	томъ
жъ	томъ	томъ
жъ	томъ	томъ
жъ	томъ	томъ
вхій	томъ	томъ
тихій	ясно	свѣтлость) — * томъ
вхій	томъ	томъ
жъ	томъ	томъ
жъ	томъ	томъ
жъ	мало облачно	томъ
тихій	ясно	томъ
вренный	облачно, прос. солнца	свѣтъ
гхій	облачно	свѣтъ	
вренный	томъ	томъ	
гхій	томъ	томъ	
порывани	томъ	временемъ свѣтъ	
вхій	томъ	томъ	врем. свѣтлость * томъ
гхій	томъ	до полдень свѣтъ	
вренный	мало облачно	свѣтлость * томъ
вршній	ясно	
гхій	мало облачно	
вхо	пасмурно	временемъ свѣтъ	врем. свѣтлость * томъ
вренный	сіян солнца и облачно	
гхій	ясно	свѣтлость) — * томъ
гхо	мало облачно	

Т.О.

Число стар. ст.	Осень ча- совъ.	Вѣчно, па- но.	Туманъ, градъ, дождь.	Состояніе неба ночью и разные случаи.
21	- 7.25	рно		
22	- 3.5	ь	вр. свѣтлость) - *
23	- 7.5	лачно	съвдоі сѣв. сія.; спол.
24	- 3.5	и облачно	до 8 час. утра туманъ	желкій свѣтъ
25	- 3	рно		
26	- 3	ь	желкій свѣтъ	
27	- 15	лачно		
28	- 15	и облачно		
	- 11.59			

1	- 10	рно	свѣтъ	
2	- 12	лачно	свѣтлость) - *
3	- 22.5	о	томъ
4	- 20	ь	томъ
5	- 5	рно	пурга	
6	- 0.5	ь	мокрый свѣтъ	
7	+ 2.75	ь		
8	1	ь	мокрый свѣтъ	
9	- 3	лачно	до полдень туманъ	
10	- 5	ос. солнца	свѣтлость *
11	+ 7	рно	мокрый свѣтъ
12	± 0	ь	мокрый свѣтъ	
13	+ 1.5	ь	томъ	временемъ проблескъ
14	- 4	ос солнца		
15	- 0.5	урно		
16	+ 2.75	пр солнца	мокрый свѣтъ	
17	2.5	рно	томъ	
18	- 4	ь	временемъ свѣтъ	
19	- 2.75	блочно	свѣтлость *
20	± 0.	ь	свѣтлость) - *
21	- 2	ь	томъ
22	- 6.25	рно	временемъ свѣтъ	
23	- 1	лачно	свѣтлость) - *
24	- 3	ь	томъ
25	- 5	ос. солнца	сѣв. сія. до зенита столб.
26	- 8	о	свѣтлость) - *
27	- 7	н. солнца	томъ

В НУЛАТО.

	Ясно, облачно, пасмурно.	Туманъ, градъ, дождь.	Состояніе неба ночью и ранние случаи.
иный	ясно	временемъ свѣтъ	свѣтлость) — *
иный	тожъ	тожъ	тожъ
	мало облачно	тожъ	тожъ
	сіяя, солнца и облачно	тожъ	тожъ
хій	пасмурно	временемъ свѣтъ	свѣтлость) — *
	мало облачно	тожъ
	тожъ	тожъ
	тожъ	тожъ
иий	тожъ		
	пасмурно	временемъ свѣтъ	
иный	тожъ	тожъ	
	облачно, прос. солнца		
ий	мало облачно		
	облачно, прос. солнца	свѣтлость *
	пасмурно	мокрый свѣтъ	
хій	пасмурно и пр. солнца	временемъ мокрый	свѣтъ
	пасмурно	мокр свѣтъ и вр дождь	
ий	облачно		
хій	мало облачно		
ий	облачно, прос. солнца		
	ясно	свѣтлость *
хій	тожъ	тожъ
	тожъ	тожъ
вѣтріе	тожъ	свѣтлость) — *
ий	мало облачно	тожъ
хій	тожъ	тожъ
	ясно	тожъ
ий	тожъ	тожъ
	тожъ	тожъ
вѣтріе	пасмурно	морозъ	свѣтъ
	пасмурно и пр. солнца		
	мало облачно		
вѣтріе	тожъ		
хій	тожъ		

АГО.

Число свр. ст.	Облачно, ясно	Туманъ, градъ, дождь.	Состояніе неба ночью и разные случаи.
1	прос. солнца		
2	тумъ	по утро дождь	
3	тумъ	тумъ	
4	и сія. солнца	до полд. мел. си. и дождь	
6	и пр. солнца	тумъ	
6	тумъ	нер бол. дожд. при шивал.	
7	мурно	дождь	
8	и пр. солнца	дождь
9	облачно		
10	тумъ		
11	прос. солнца	дождь
12	мурно	дождь	
13	прос. солнца		
14	тумъ		
15	тумъ		
16	тумъ		
17	мурно	дождь	
18	и пр. солнца	крен. бусъ и дождь	
19	сія. солнца	въ ночь первая роса
20	облачно		
21	тумъ		
22	ясно		
23	облачно		
24	тумъ		
25	ясно		
26	прос. солнца		
27	тумъ	по полуд. 4 часа, громъ	и дождь не на долго
28	тумъ		
29	облачно		
30	ясно		
31	тумъ		
1	ясно и облачно		
2	тумъ	послѣ полдень дождь	
3	тумъ		

НУЛАТО.

Ясно, облачно, пасмурно.	Туманъ, градъ, дождь	Состояніе неба ночью и ранне случаи.
мало облачно тожь тожь тожь облачно, прес. солнца	по утр. со швед. дождь	

я отъ Гринвича.

Число стар. ст.	Облачно, пасмурно.	Туманъ, градъ, дождь.	Состояніе неба ночью и разные случаи.
1	облачно	свѣтлость *
2	блочно	
3	прос. солнца	
4	пр. пр. солнца	
5	блочно	временемъ дождь	
6	тожь	
7	облачно	врем. свѣтлость *
8	тожь	
9	пр пр. солнца	временемъ дождь	свѣтъ и круна
10	тожь	тожь	сѣвер. сіан. отблкомъ
11	сіан солнца	свѣтлость *
12	облачно	тожь
13	прос. солнца	врем. мелкій дождь	
14	смурно	дождь	
16	блочно	тожь	
16	смурно	тожь	
17	блочно	
18	облачно	свѣтлость) — *
19	прос. солнца	
20	блочно	по утру туманъ	
21	тожь	
22	прос. солнца	вругъ около луны
23	облачно	свѣтлость) — *
24	исно	тожь
25	облачно	тожь
26	пр. пр. солнца	временемъ свѣтъ	тожь
27	прос. солнца	свѣтъ
28	блочно	временемъ свѣтъ	
29	смурно	врем. бусъ и дождь	
30	блочно	врем. дождь и свѣтъ	
1	смурно	врем. бусъ и свѣтъ	вр. свѣтлость) — *
2	пр. пр. солнца	тожь
3	прос. солнца	
	облачно	

Е Л И.

Ясно, облачно, пасмурно.	Туманъ, градъ, дождь.	Состояніе неба ночью и разные случаи.
пасмурно	дождь	дождь
тожь	временемъ дождь
облачно, врес. солнца	времъ свѣтлость *
тожь	
пасмурно	дождь	
тожь	тожь	
облачно /	вр. свѣта. * вр. дождь
тожь	сѣвер. сѣв. отъ и къ О:
тожь	дождь	опекохъ
пасмурно	до похденъ туманъ	
тожь	дождь	
тожь	туманъ и дождь	
облачно	временемъ дождь	свѣтлость) — *
тожь	вругъ около луны
тожь	дождь
облачно, врес. солнца	свѣтлость) — *
тожь	вругъ около луны
тожь	туманъ и великій свѣтъ
пасмурно	морозъ	
облачно		
облачно, вр. пр. солнца	по утру дождь	
пр. солнца и облачно	съ полд. бусъ в дождь	
тожь	вр. свѣтлость) — *
тожь	тожь
тожь	тожь
облачно, сѣв. солнца	свѣтлость) — *
облачно	вр. свѣтлость) — *
тожь	свѣтлость) — *
тожь	тожь
ясно	тожь
облачно, вр. пр. солнца	свѣтъ
тожь	морозъ	врем. свѣтлость *
облачно	тожь	
пасмурно	тожь	
тожь	свѣтъ	
надъ облачно	по горизонту и глм.	

Число стар. ст.	облачно, пасмурно.	Туманъ, градъ, дождь.	Состояніе неба ночью и разные случаи.
11	пр. пр. солнца	свѣтлость *
12	пасмурно	пурга	
13	облачно	буря
14	пасмурно	туманъ временемъ буря	
15	тожь	до полдня свѣтъ	
16	ясно	свѣтлость) — *
17	по облачно	тожь
18	пасмурно	временемъ морозъ	
19	ясно	свѣтлость) — *
20	по облачно		
21	пасмурно	свѣтъ и метель	
22	облачно	временемъ свѣтъ	

3 А.

падная отъ Гринвича.

Ясно, облачно, пасмурно.	Туманъ, градъ, дождь.	Состояніе неба ночью и равные случаи.
ясно	свѣтлость *
тожь	тожь
ясно, уши около солнца	тожь
тожь	тожь
тожь	тожь
тожь	тожь
тожь	тожь
тожь	тожь
мало облачно	тожь
ясно	морозъ отъ мороза	тожь
мало облачно	тожь	тожь
облачно, вр. пр. солнца	съ вечера свѣтъ
пасмурно	свѣтъ	
	тожь	
ясно	свѣтлость) — *
тожь	тожь
облачно	тожь
ясно, три побочный	солнца	тожь
тожь	тожь
мало облачно	тожь
тожь	по горизонту мгла	
облачно, вр. пр. солнца		
облачно	свѣтъ	
облачно, вр. пр. солнца		
пасмурно	временемъ свѣтъ	
тожь	пурга	
тожь	временемъ свѣтъ	
облачно	до полдень свѣтъ	
пасмурно	свѣтъ	буть
пасмурно	свѣтъ	дождь
тожь	свѣтъ и дождь
пасмурно	пурга	свѣтлость *
мало облачно	тожь

Числа стар. ст.	облачно, пасмурно.	Туманъ, градъ, дождь.	Состояніе неба ночью и равные случаи.
5	до облачно	свѣтлость * свѣтъ
6	облачно	свѣтъ
7	пасмурно	врем. мелкій свѣтъ	
8	облачно	до полдень свѣтъ	свѣт. сіяніе отблескъ
9	ясно	свѣтлость) — *
10	тожъ	тожъ
11	тожъ	тожъ
12	тожъ	тожъ
13	тожъ	тожъ
14	тожъ	тожъ
15	до облачно	тожъ
16	пасмурно	свѣтъ	пурга
17	тожъ	тожъ	
18	вр. вр. солнца		
19	облачно		
20	пасмурно	свѣтъ	
21	тожъ	временемъ свѣтъ	свѣтлость) — *
22	тожъ	тожъ	
23	облачно	оттепель
24	пасмурно	буря, мокрый свѣтъ	оттепель

КРАТКІЙ СЛОВАРЬ

ДВУХЪ ПЛЕМЕНЪ НАРОДА ТТЫНАЙ.

Русскія.	Собственно Инкальковъ.	Инкальтовъ-Югъельмутъ.
Волоса	Тлюхъ.	
Носъ	Тынаиццхъ.	
Глаза	Тыннавога.	
Зубы	Тывалёдлѣ.	
Усы	Тывалётъ.	
Рѣсницы	Тынаёзо.	
Уши	Тынацга.	
Языкъ	Тылатюля.	
Воздрн	Тынаиыкэтлѣхъ.	
Лобъ	Тынаката.	
Щеки	Тынанатя.	
Ногти	Тынаелёкуна.	
Брови	Тылатлѣкыкуа.	
Борода	Тыиыйяда.	
Рука	Тынакона.	
Пальцы	Тыналё.	
Большой палецъ руки .	Тынакхытль.	
Нога	Тынакха.	
Большой палецъ ноги .	Тынаналъкуа.	
Мужской дѣтород. удъ .	Тынагожа.	
Женскій дѣтород. удъ .	Аспыда.	
Мужчина	Шакшая	Шакшайя.
Женщина	Цольтанъ	Нукольтахъ.
Отецъ	Такала	Воттоо.
Мать	Накала	Вонъ.
Сестра	Стача	Вытъгаза.
Дитя	Шакхайозъ.
Мужъ	Соотъ	Суутъ.
Жена	Моотъ	Воотъ.
Братъ	Сыкытля	Эга.
Сынъ	Хопноохотоля	Сійя.
Дѣвка	Тынакахлѣнъ.	
Старикъ	Танальта.	

Русскія.	Собственно Инваликовъ.	Инваликовъ-Югъельвугъ.
Старуха	Иногультеяъ.	
Молодой	Кхила.	
Человѣкъ	Тывайъ	Тынинъ.
Народъ, люди	Тынаицы-хотана.	
Солнце	Нооя	Ноой.
Луна	Тольтоля.	
Большая медвѣдѣца		Ехцыъ.
Сѣверное сіяніе		Екхой.
Югъ	Ютацы, Товвицины	Иттоцеяъ.
Сѣверъ	Ювицы, Тоццицины	Тыцицины.
Востокъ	Югупы	Тоцциязъ.
Западъ	Юлицы	
Огонь	Такуна	Кхунъ.
Вода	Ту	Те.
Хочу пить	Ту кхатъ	Те кхатъ.
Хочу ѣсть	Китли кхатъ.	
Много воды	Ту нцохъ.	
Большой	Миксехъ	Нцохъ.
Малой	Ммакуца	Ныста.
Очень мало		Ныстлезо.
Нѣтъ, не нѣтъ	Мы кхала	Мы кхала.
Стой	Нтохъ	Нтохъ.
Спать	Ммыляга.	
Плясать	Кацали.	
Дай сюда	Ннта	Нта.
Принеси		Воховго.
Поди прочь	Кхальты кожы.	
Продай	Кентыльхотыны.	
Не знаю	А шу	А шу.
Знаю	Ммынага	
Куда идешь		Тасъ этель.
Поди сюда	Натуга оин	Унтаха.
Свѣтъ	Натага	Натага.
Дождь	Альхонъ.	
Громъ	Ныльтына.	
Вѣтеръ	Хатыцихъ	Хатыцихъ.
Эхо	Квантовка.	
Желѣзо	Кажжага (отъ слова «Касякъ» — Русской).	Кажжага.
Мѣдъ красная	Татлякажа.	
Мѣдъ желтая	Лтълюга.	
Ножъ	Чавыкъ	Чавыкъ.
Холодно	Наглюнь	Наглюнь.
Жарко	Шанъ.	

Русскія.	Собственно Индейскыя.	Инвалитовъ-Югъелькутъ.
Зачѣкъ	Кингунъ.	
Бѣлый	Кольхйту	Угашканъ.
Красный	Мыкытынакажа	Бытыкыиатъ.
Зеленый	Нцукаталца	Тоххой.
Синій	Цыгжа	
Баканый		Цехъ.
Перчатка	Мантака	
Торбаса	Кагылътакъ	
Штаны	Катшихъ	
Подошвы торбасовъ	Кха	
Нарта	Тликъ	Хотль.
Рыбій мѣшокъ	Нокотля	
Лапки ходовыя	Оххъ	Уй.
Нитки оленьихъ жилъ	Тляхъ	
Рыболовная сѣть	Тамытъ	
Удъ	Тацъоя	
Рыболовная морда	Таана	Таана.
Береза	Кххейхъ	Ке.
Ель	Цума	Цума.
Ольха	Кхашъ	
Шиповникъ	Хошшъ	Хошшъ.
Тальникъ	Тагатъ	
Рябина	Тақанша	
Морошка	Кхотль	
Малина	Нытакай-тыкина	
Коваръ	Кхлейхъ	Ццыял.
Муравей	Нольтыхълтль	
Стрекоза	Тольтаина	
Кобылка (насък.)	Катачулька	Катачулька.
Лягушка	Ноггойя	Ноггойя.
Мохъ	Тлѣтъ	
Гусь	Тацынна	
Утка	Нынталя	
Журавль	Тальтуля	
Тетерка	Тольтоя	
Рячикъ, косачъ	Тональтлица	
Куропатка	Тальмока	Куальтахъл.
Дятель	Кикиталля	
Долбитъ	Кикитали	
Макалькъ, тюлевъ	Когго	
Лось	Ттаника	Ттаника.
Волкъ	Цукугуна	Некогонъ.
Оленья шкура	Ганноя	
Недоросль оленій	Таакъ	

Русскія.	Собственно Инваликовъ.	Инваликовъ-Югъдльнугъ.
Выпоротокъ оленій . . .	Коккол.	
Росомаха	Нычшталь	Ныльчеза.
Медвѣдь рышій	Тлягужа	Чогозе.
Медвѣдь черный	Ныльи.
Еврашка	Хантакажа.	
Выдра	Мыляжопа	Тэгетавъ.
Выхухоль	Мыкынала.	
Норка	Такужа.	
Лисица	Чугльхуя.
Соболь	Коцогей	Кыцоган.
Бобръ	Ноя	Нуя.
Я убилъ бобра	Си нуя аслать.
Барабора, змиивкъ	Кунно.	
лѣтвнкъ	Яхъ.
Кружка	Тагатъ.	
Островъ	Ну	Ну.
Озеро	Мынхатъ	Мынхатъ.
Большое озеро	Мынхатохъ	Мынхатохъ.
Умба	Тлягашъ	Тлѣльхуна.
Юкола	Тхиль, нудяга.	
Хайко	Нуляга.	
Чавыча	Кххальхъ.	
Харюсъ	Тхольмил.	
Сигъ	Цохъ	Халывага.
Нельма	Нытляга	Семъ.
Наливъ	Кызыхъ.
Щука	Кульхоя.	д
Максунъ	Тталля.	
Одинъ	Кислека.	ж
Два	Интека.	
Три	Тока.	о
Четыре	Тенки.	
Пять	Кичитнала.	о
Шесть	Тованкельке.	
Семь	Товантека.	а
Осень	Нынгантенке.	
Девять	Инокжналь-толякмылкаля.	ч
Десять	Инокжналя.	
Одиннадцать	Инокжналь-кельке.	н
Дѣнадцать	Инокжналь-интека.	
Пятнадцать	Тывакакальи.	о
Двадцать	Кельконтуге.	
Сорокъ	Интельчуге.	о

ВАРЪЧІЙ НАМОЛОВАЪ И КАДЪЖКЦЕВЪ СЪ НАРЪЧІЯМИ ТУЗЕМЦЕВЪ, ПРО-
ЖИВАЮЩИХЪ ПО БЕРЕГАМЪ БЕРИНГОВА МОРЯ.

Русскія.	Чагачитъ.	К а р о д а	К в и л и г и	К у с о в о г - м и т о г .	К а д ѣ ж	Т у с е н ц е в ѣ	о с т р о в ѣ	Н а м о л о в ѣ	и л и	С л а д ѣ ж к ѣ
Богъ, Творецъ міра	Нуваляохта	Хви, Хууі	Хува	Хува	Хува	Хува	Хува	Хува (у какъ ораци. w)		
Человѣкъ	Юкъ	Нулка	Нулка	Нулка	Нулка	Нулка	Нулка	Нулка		
Народъ, люди	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Мужчина	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Женщина	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Мужъ	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Жена	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Отецъ	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Мать	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Сынъ	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Дочь	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Братъ	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Сестра	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Дѣвка	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Мальчикъ	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Дѣтя	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Дѣля	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Тетка	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Дѣдъ	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Бабка	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		
Родной	Югты	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти	Атти		

* Выбрано изъ словарей приложенныхъ къ путешествіямъ Билинга и Ливанскаго.
 ** Выбрано изъ словаря Рубька, приложеннаго къ путешествію Билинга.

Гость	Алямык	Наскокъ	Наскокъ
Вауки	Тунхикъ	Хиникъ	Хиникъ
Старикъ	Акуловекъ	Кеккъ, кивага	Хынга
Старуха	Агавалловекъ	Пачигукъ, падзофакка	Хынгакъ
Голова	Ушкукъ	Нигелекъ, шиваша	Инкъ
Лицо	Кхынакъ	Каблютъ	Хаблютъ
Носъ	Кивакъ	Кигетъ, кумугасна	Кавгастъ
Ноздря	Пачехукъ	Чудюкъ, чюдокъ	Чуэтухикъ
Глазъ	Икъ, множ. Итъ	Каукъ, татка	Кивакъ
Брови	Кажлютъ	Нуэтъ	Нуэтъ
Ръспицы	Камгыятъ	Утлугикъ	Утлугикъ
Уши	Чудятъ	Хашыкъ, кавокъ	Кавлакъ
Лобъ	Жаукъ	Игнакъ	Яакъ
Усы	Кухлит-юнгать	Кхлюкъ	Чулауа
Волосы	Нуятъ	Худетъ	Вуттима
Щеки	Улювакъ	Улюо, улау	Улюо
Ротъ	Каныкъ	Тувуцого	Уйика
Горло	Игмауэвъ	Уяккъ	Уяккъ
Губы	Клюкъ	Уявуть	Уяккъ
Зубы	Кхудатъ	Кутыкъ	Татлика
Языкъ	Улюо	Талыкъ, множ. Талликъ	Татлика
Затылокъ	Тувучу	Шваатъ	Айганка
Борода	Унатъ	Чутъ	Ситумка
Шея	Уявуть	Каттатъ	Чавина
Щечи	Кутыкъ	Аншакъ	Аншакъ
Рука	Талыкъ, множ. Талликъ	Кукъ	Кукъ
Пальцы	Шваатъ		
Ногти	Чутъ		
Грудь	Каттатъ		
Брюхо	Аншакъ		
Спина	Кукъ		

Игога	Игтагъ, инож. Игтагнъ.	Иугъ, юога	Иухма.
Кольво	Тимска	Чешкукъ	Чаркула.
Задница	Тыкъ	Тынкъ.
Мужск. дѣтород. уль.	Учукъ	Учукъ.
Женск. дѣтород. уль.	Учыокъ
Моча	Тыкукъ	Тыкувъ.
Калъ	Мыку	Мыкутъ.
Кровь	Аукъ	Аукъ	Аукъ	Аука.
Молоко	Мукъ	Мукутъ	Мукъ	Итукъ.
Мясо	Кмыкъ	Кмыкъ	Кмында.
Кожа	Анкъ	Анкъ	Анкъ.
Тѣло	Кайга	Кмынгъ.
Душа	Анхынга	Ангогвокъ.
Свадьба	Нудихнахтукъ	Тутлехишо.
Блавецъ	Нудихнутукъ
Баова	Умыгакъ	Умыгакъ	Умыгачу.
Живень	Увуххтукъ
Живой	Унугвакъ
Смерть	Туку	Туку	Туку	Туку.
Уларать	Тукукутахтукъ	Тукукутахтукъ	Тукуко.
Мертвый	Тукумкъ	Тукумкъ
Я	Хъуи, хви	Хвы	Вы.
Ты	Тльбытъ	Тльбытъ, аспытъ	Авулукуъ.
Онг, она	Тххлннъ	Ува	Ува	Тына.
Онг, онъ	Тлйда	Угутъ	Асйда, угутъ	Тавкъ.
Мы	Хуавкутѣ	Хуавкула, фавкула	Вавкуте.
Вы	Тльбытъя	Ломдыя	Аулиця.
Мой, моя	Хуавчыка, хвока
Твой, твоа	Льштыпкъ	Льштыпкъ
Ихъ	Ильмейтпкъ
Чей, чья	Кя	Кя

Солнце	Алчхта	Аххта	Чйнгугукъ, Малракъ .	Мачакъ.
Луна	Цгалукъ	Игалукъ, Тангыкъ . .	Игалукъ	Ирельюкъ.
Небо	Кылдыкъ	Кылдыкъ	Кылдыкъ	Кыдыкъ.
Воздухъ	Тла	Уоууоуагъякъ .		
Земля	Нуна	Нуна	Нуна	Нуна.
Вода	Ттадагъ	Мамкъ	Тангакъ	Эмакъ.
Огонь	Кымыъ	Кымыъ	Какъ	Эмакъ.
Звѣзды	Ахлатъ	Миттатъ	Мйттакъ	Ирельюкытакъ.
Сѣверное сѣдле	Кулузатъ	Кыюгыатъ .		
Млечный путь	Тангухуагълатъ .			
Орлокъ	Чшакуахълатъ .			
Цады	Балуагъ	Кавыагъ .		
Большая медвѣдица	Тунтоокъ	Тунтоокъ .		
Море	Имакъ	Имакъ	Имакъ	Имакъ.
Была	Кайдыкхукъ	Кайдыкхукъ	Кайдыкхукъ	Кыгхукъ.
Течение	Чагвакъ	Чагвакъ .		
Шталь	Куныкъ	Куныкъ .		
Рѣка	Квыкъ, кумыкъ	Квыкъ, кумыкъ	Кыйыкъ, куйкъ .	
Берега	Чнагъ	Чна, агавыкъ	Кудытъ .	
Устье	Пай	Пай .		
Вершина рѣки	Канкъ	Канакъ, кытай .		
Озеро	Навакъ	Навахатъ	Навуаукъ	Убѣскова.
Островъ	Икыткъ	Икыткъ	Кытагокъ	Илауъ.
Маясъ	Исокъ .		
Сухое шесто	Каныгымыкъ .		
Болото, мокрая тулара	Магыкъ	Магыкъ .		
Гора	Ингытъ	Ингытъ	Пяатъ	Ингрытъ.
Яма	Лагакъ	Лагакъ	Лагакъ	Ласулъ.
Утесистые горы	Чыглатъ .		
Каменистые горы	Чыгытъ .		
Утесъ	Пяатъ	Кыюгытъ, мплатъ .		

Песокъ	Тубакъ	Тхальюнкъ, катуякъ	Катуя	Катуякъ
Глина	Кынгукъ	Магалъ	Кынгу	Ухакъ
Лель	Чыку	Чыкутъ		
Облако	Талыгукъ	Талыгукъ	Анслукъ	Кейлакъ
Туманъ	Тайтукъ	Анслю	Тейдукъ	Тетукъ
Вѣтеръ	Ануклѣкъ	Анбука	Амакъ	Анома
Дождь	Исвигукъ	Цяляхтукъ, чсаялюкъ	Кйндокъ	Инатлахта
Свѣтъ	Анню	Каныхтукъ, каныхчакъ	Аннесу, анню	Анвигу
Грѣль	Грѣль	Кахутатъ	Анвигоатнакъ	Чыкутауралтъ
Громъ	Калыхтукъ	Кахлюкъ, каликъ	Калюхтукъ	Катлахта
Молнія	Кынгукъ	Кыхпалыгукъ, кынвакъ		Катлахта
Буря	Анутавакъ	Анутавакъ	Анлап-пичгейдукъ	
Дерево	Акутъ	Кабутакъ	Куногакъ	Уехчакъ
Трава	Угтылтъ	Чангытъ	Абуеттъ, бунтъ	Эуукъ
Мохъ	Уггтъ	Кунагытмытъ	Оотъ	
Мѣдь	Калыкъ, кавуякъ	Кавуякъ	Кауя	Кашомакъ
Желѣзо	Чавыкъ	Чавыкъ	Чавыкъ	Чавыкакъ
Соль	Тагзукъ	Тагзукъ		Тлаго
Янтарь	Аумакъ	Аумакъ		
Цинюлятъ	Угальмакъ	Угальмакъ		
Болюсъ	Кивагокъ	Кивагокъ		
Свѣлая глина (фосфоро- кислое желѣзо).		Виток-лгвухкатъ		
Сѣверъ, полночь	Ныгыля-тунгы	Игыкъ	Везыкъ	Виггакъ
Югъ, полдень	Кыгушъ-тунгы	Уакакъ		Кукатта
Западъ, закатъ	Мачанъ-агульалхтла	Игыл-уалыкъ	Тхлавскъ	Ачимедталту
Востокъ	Мачанъ-ыгтылыатла	Увалыкъ	Унгалыкъ	Мачанвахту
Голъ	Альагны	Кэкъ, уксюхтумавъ	Чулыкъ	Аншиган
Новолуніе	Наукъ			
День	Ыхныкъ	Ташкайбѣкъ, игныкъ	Гынакъ, агавокъ	Агтынакъ
Ночь	Унукъ	Улухтукъ	Унукъ, улукъ	Умашулова

Утро	Ууакъ	Улеакъ, уооакъ	Какуа.
Вечеръ	Ататаку	Акуахтукъ	Итэвакагагагъ.
Свѣтъ, заря	Ынгыгъ		
Вчера	Акуваакъ	Акхуакъ	Иншлѣбакъ.
Сегодня	Ыгныхпакъ	Гыгпакъ	Ваши.
Завтра	Унауку	Унаку	Унѣокъ.
Весна	Угнаккакъ	Убгахтукъ	Анхотога.
Лѣто	Кѣсекъ	Кехтукъ	Когы.
Осень	Укюсебъ	Укюбтукъ	Укюи.
Зима	Укюокъ	Укшогакъ	Укюи.
Морозъ	Нынгляхтукъ	Ныгыла	Нынгляхтукъ.
Холодно	Куехтана	Пацвахтукъ	Ныглыхтукъ.
Тепло	Макахтукъ	Укнахтукъ	Мацахтукъ.
Жарко	Кыхчухту	Мавахтукъ	
Хорошо	Авахтукъ	Ажахтукъ	Маченка.
Хуао	Асптукъ	Аспѣдукъ	
Умно	Узонхтукъ	Узудтукъ	Уюохтукъ.
Глуно	Усехунтукъ	Нагдлуакъ	Уавгатахта.
Толстый	Кыгыдукъ	Ахукъ, чануан	Нукутукъ.
Широкій	Игутукъ	Кынтутъ, аявахтуан	Нукутукъ.
Короткій	Ныкельнукъ		
Узкій	Игуктукъ	Ныюкальнукъ	
Долгій	Татхлв	
Свѣжій	Нутакапакъ	Нутакапакъ	
Кислый	Агынакъ	Агынакъ	
Сладкій	Ныквнукъ	Ныквнукъ	
Горькій	Ныкыильнукъ	Ныкыильнукъ	
Высокій	Канахтукъ	Канахтуан	Канхтуан
Низкій	Кавакхиукъ	Юкныльвагакъ	Кыгкокъ, ачахыльвокъ
Много	Анхлхтукъ	Анлхтукъ	Экхитхтукъ.
Мало	Икхлхтукъ	Икхлхтукъ	Мѣшккъ

Сурро	Истагивакъ	Легитивакъ		
Добрый	Атахуалукъ			
Злой	Кумыхтахукъ			
Старый	Акалатъ	Аккалатъ	Канхилакъ	Эпиначи .
Молодой	Юнгакъ	Юнгакъ	Сувхакъ, суггангъ	Атчикъ .
Здоровъ	Юхлягукъ	Юхлягукъ	Чичаокъ	
Болезнь	Анхухукъ	Анхухукъ	Кнолахукъ	
Черный	Тунганъ	Тунгальгаты	Тунгугали	Таниху .
Бѣлый	Бцуглакъ	Катыгьясвакъ	Катхукъ	Киччуатукъ .
Зеленый	Цувахукъ			
Желтый	Кавяхтцукъ			
Сивій	Тихухукъ		Кейакъ	
Красный	Кавыхтцукъ	Кавыхтцукъ	Кауихтукъ	Кавухтукъ .
Дрова	Ккутъ	Ккутъ		
Кора	Казукъ			Аинггалъ .
Ель	Ныкбагтусвакъ	Ныкбагтусвакъ	Анкагалитъ	
Береза	Ыгльнутъ	Ыгльнутъ	Калдоулакъ	
Ольха	Укуыхаты	Чуквагваты	Окфыкъ	
Тополь		Авгнутъ	Чигу	
Тальникъ	Чагаты	Чагаты		
Петрушка, (раст.)	Чахататъ	Чахататъ		
Макарша	Итгаты	Итгаты		
Кутагорникъ	Кунпаты			
Польва	Чахлютъ	Чахлютъ		
Ягода	Нангаты	Нангаты	Кіулетъ, ныхътъ	Акивляхатъ .
Брусника	Катлантъ	Тумаглантъ		
Шикша	Поунгаты	Тангакхонитъ		
Моршка	Агабантъ	Агабантъ	Агабантъ	
Голубика	Чугаты	Чугаты		
Квиженика	Пуяхахаты	Пуяхахаты	Пуягонитъ	
Воронья ягода	Кагулатъ	Кагулатъ		
Тростя	Тумытъ	Тумытъ		

Медвѣдь черныи	Унубальгьякъ	Унубальгьякъ	Унубальгьякъ
Медвѣдь рыжій	Ттакуакъ	Ттакуакъ	Пагунакъ
Волкъ	Кыглюакъ	Кыглюакъ	Кагани
Бобръ	Палюхта	Палюхта	Кейдувакъ
Выдра	Пехучухъ, чвагивль нута	Пехучухъ, чвагивль нута	Ааку
Рысь	Тхтулингъ	Тхтулингъ	
Росомаха	Кавчакъ	Кавчакъ	
Олень	Тувтукъ	Тувтукъ	Тувау
Соболь	Кахчунтуатъ	Кахчунтуатъ	
Заяцъ	Каукхлнть	Каукхлнть	
Броумъ	Макаухатъ	Макаухатъ	Укаирезъ
Собака	Кинухта	Кинухта	Шюхта
Мышь	Ахундннакъ, авльнатъ	Ахундннакъ, авльнатъ	Кыкыкъ
Тарбаганъ	Кальганухтули	Кальганухтули	Абсалнгара
Выхоль	Лгвакъ	Лгвакъ	
Евращка	Канакакъ	Канакакъ	Кавгакъ
Горностай	Нагульхакъ	Нагульхакъ	
Норка	Амагмютакъ	Амагмютакъ	
Лисица красная	Кагулять	Кагулять	Кавьякъ
Лисица сиводушка	Тивхтукъ	Тивхтукъ	Кавалгуракъ
Лисица чернубрая	Тунильгытъ	Тунильгытъ	
Лисица бѣлая (полярн.)	Ульынгтъ	Ульынгтъ	
Лисица шенокъ	Шягакъ	Шягакъ	
Боброяя струя	Алюкитхакъ	Алюкитхакъ	
Червь	Пагалютъ	Пагалютъ	Каблоотъ
Муха	Авнайгатъ, чуудатъ	Авнайгатъ, чуудатъ	Чуакъ
Комаръ	Игтугьякъ, микугьякъ	Игтугьякъ, микугьякъ	
Гѣзало	Уклютъ	Уклютъ	Улгулутъ
Ящю	Мавинтъ	Мавинтъ	Мавникъ, мавинтъ
Птица	Тыпметъ	Тыпметъ	Тыпмякъ
			Гачаганъ

Журавль	Гиватули.			
Истребъ	Иссвигитъ, ваптакъ.			
Флиантъ	Умуныкъ, изълхтули.			
Орель бѣлоголовый	Нытыгавякъ	Кумгымъ	Улухлюкъ.	
Утка	Тыпмыкъ	Сакодйгакъ	Люмали.	
Воронъ	Тулукаюнтъ	Калыгакъ	Мятахлюкъ.	
Соя	Кимъ, кылькагякъ.			
Куликъ	Тцѣтахатъ.			
Чайка	Кукисвигъ	Кукшвакъ.		
Куропатка	Алкахсигитъ.			
Гага	Мххгатъ.			
Битъ	Ахвыкъ	Ахвыкъ	Агукъ, агмыкъ	Абукъ.
Бѣлуга	Тицуакъ	Тицуакъ.		
Тюлень большой	Маклякъ	Маклякъ.		
Тюлень, нерпа	Излюгвакъ	Излюгвакъ	Изынгитъ.	
Моржъ	Альвыкъ	Альвыкъ.		
Кызуць	Канкйял	Канкйял.		
Хайка, кета	Кунхлигъ	Кунхлякъ.		
Кр. рыба, нерка	Ныкытъ	Ныкытъ.		
Горбуша	Тыхтымъ	Амекту.		
Голецъ	Анлюгатъ	Анлюгатъ.		
Чавыча	Тяхлягвакъ	Тяхлягвакъ.		
Налимъ	Мавыгнакъ	Мавыгнакъ.		
Нельма	Чынгатъ	Чынгатъ.		
Корюшка	Ихльвагисень	Кнукачатъ.		
Сигъ	Тупукъ	Тупукъ.		
Максунъ	Каухтутъ	Каухтутъ.		
Сыржи	Имахопигатъ	Имахопигатъ.		
Шука	Чуквакъ	Чуквакъ.		
Вахля (навага)	Икахантъ	Икахантъ.		
Быкъ рыба	Палаку	Палаку.		

Зубатка	Качпглюкъ	Масюкъ	Чажутъ, аймажутъ.
Игра	Масюкъ	Тгныкъ	
Журъ	Игныкъ		
Оленьи пестли	Тапхатъ		
Сало	Аныгнакъ	Аныгнакъ.	
Рыбья сеть	Кугья	Кугья.	
Морда	Талюкспагъ	Талюкспагъ.	
Рыболов. запоръ	Талюякъ	Талюякъ.	
Цузырь	Имагвнякъ	Имагвнякъ.	
Моржовый клыкъ	Тулюкъ	Тулюкъ.	
Слоновая кость	Кхяппингагъ-ынгыкъ	Кхяппингагъ-ынгыкъ.	
Слоновый клыкъ	Кхяппингагъ чагуныкъ	Кхяппингагъ чагуныкъ.	
Мореходное судно	Тунакъ	Тунакъ.	
Байдара	Апгякъ	Апгякъ	Халкъ.
Байдарка	Каякъ	Пухтэкъ, каякъ	Каякъ
Щлотъ	Авьякъ	Авьякъ	Каякъ-цакъ
Лавтакъ	Амахкъакъ	Амахкъакъ.	Халкъ.
Весло	Ангаутти	Ангаутти	Чажюгъ.
Лукъ	Кытхултъ	Узюловытъ	Кытхултъ, кытхымакъ
Копье	Паннагъ	Паннагъ	Пана
Стрѣла	Хутъ	Ихутъ, пухчагакъ	Хутъ.
Топоръ	Калъхабакъ	Калъхабакъ	Аиенгъ (исболь. топор.)
Ножъ	Чавыкъ	Чавыкъ ульвакъ	Чынгилыкъ
Нарта	Камлютъ	Икавчакъ	Исебля.
Лашки, лыжи	Тавглюкъ	Тавглюкъ.	
Важытъ	Кажжыякъ	Кажжыякъ.	
Зинныкъ	Акумгавакъ	Акумгавакъ.	
Лѣтяякъ	Ыпа	Ыпа.	
Горшокъ	Ганнь	Ганнь	
Запахъ	Цигпакъ	Цигпакъ.	
	Ковалы	Ковалы, лалюкъ	

Лепелъ	Агакъ	Агакъ	
Место для огня, очагъ	Кыгчагъ	Кыгчагъ	
Угодъ	Хумавитъ	Хумавитъ	
Сѣни	Литухый		
Дымъ	Пуюкъ	Пуюкъ	Пуюкъ
Парка	Атрукъ	Атрукъ	Атрукъ
Штаны	Кхулликъ		
Торбаса	Камгукъ, камизякъ		Камгукъ
Чуленъ	Алыхтыкъ		
Рукава	Аликъ		
Воротникъ	Ныгали		
Шапка	Начакъ	Начакъ	Кели
Поясъ	Касукъ	Касукъ	Китлэрукъ
Спальная парка	Кавасукъ		
Кипечная камлеса	Имагнитакъ		Кавалюкъ
Серьги	Аклатыкъ		Акхлентокъ
Нитки въ жиль	Ивалюгъ		
Иголка	Минкутъ	Минкутъ, чкукъ	Минкукъ, умнакъ
Пеколка		Кипляюныкъ	
Бубень	Чаукъ		
Бисеръ	Пьюкутенъ	Пьюкушенъ, тыхлентъ	
Цукла раковины		Ныньовагъютъ	
Другъ	Шията		Тенига
Непрятель	Юкынгытага		Танагалытага
Вонь	Агусытъ		
Война	Агсухтутъ		Агсухтутъ
Миръ	Илаххлютъ		
Храбрый	Тувгакъ		Чакфымакъ
Трусъ	Алактакъ		Мамукълюкъ
Воръ	Тыглымакъ		Тыглымахтукъ
Красть	Тыглымакъ		Туглымагал

4

Да	Кита	Кита	И
Нѣтъ, не вѣю	Пилукъ	Пилукъ, чагайтокъ	Индукъ
Нѣтъ (нар. отриц.)	Канга	Канга	Индукъ
Теперь	Нуттанъ	Нуттанъ	Хвесехшакъ
Прежде	Чулялякъ	Чулялякъ	Ишоухъ
Послѣ	Атаку	Атаку	Атаку
Близко	Кавтукъ	Кавтукъ	Кавтукъ
Далеко	Яксихтукъ	Яксихтукъ	Яксихтукъ
Здѣсь	Мавни	Мавни	Этукъ
Тамъ	Игани	Игани	Аваий
Какъ	Чайтукъ, кай	Чайтукъ, кай	Каю
Гдѣ	Ивани	Ивани	Найма
Когда	Каку	Каку	Каску
Кто	Кана	Кана	Кана
Что	Каю	Каю	Чай
Зачѣмъ	Чаятъ	Чаятъ	Чай
Куда	Натмыкъ	Натмыкъ	Натмыкъ
Пей	Мыка	Мыка	Тага
Ѣшь	Ныга	Ныга	Ныга
Что такое	Кеза	Кеза	Кеза
Еще	Чали	Чали	Чали
Туда	Явмытъ	Явмытъ	Явмытъ
Тутъ	Хвана	Хвана	Хвана
Сюда	Укавытъ	Укавытъ	Укавытъ
Приведи	Тайду	Тайду	Тайдо
Привеси	Тескъ	Тескъ	Тайско
Вынеси	Абусю	Абусю	Абусю
Положи	Атата	Атата	Атата
Не тронь	Чаганъ пелю	Чаганъ пелю	Чаганъ пелю
Дай	Чалхана	Чалхана	Толу
Восьми	Тухю	Тухю	Тухю

Башу	Уадышъ, укумыкъ.
Этотъ	Уахавна.
Хочу	Пьюхтуа.
Во жочу	Пьюахтуа.
Отлай	Тунню.
Можно	Шинаксянакъ.
Нельзя	Шинакныгаторкъ.
Брось	Игазью.
Сядьсь	Аккуин
Дарю	Акгулю лютевь
Подарокъ	Агоинъ
Купи	Пикажэзю.
Продай	Пяктыага
Какъ зовуть	Кябузю
Ступай со мной	Кябузахчи
Убью	Аай къадышъ
Дождать	Иттыкъ лютевь
Я буду дожидать	Тукузю.
Никого нѣтъ	Утангя
Речь	Атангъ кыргачыкъ
Разорать	Утаганхта камгивъ.
Грести	Юхтайтукъ
Ничего нѣтъ	Альху
Довольно	Альхага
Стыдно	Анугага
Ладно, такъ	Пыхъ - пакъ
Олухъ	Таватсвъ
Слышать	Таватаи.
Слыишь-ли	Казнулохта.
Разговоръ	А! кика!
Сердиль	Нквинъ
	Нитукъ
	Нитусенка
	Кавуджакъ
	Чаухэвхтукъ
	Ыкныгукъ
	Юохо.
	Агачаку.
	Наматхунъ.
	Гыю.
	Хтагуюкъ.

Хочу ѣсть	Нызыохта	Нызыохта
Хочу пить	Мыксюхт	Мыксюхт
Хочу гулять	Атагхугхугьюговь	Атагхугхугьюговь
Корнить	Ныхкугльсень	Аду Неголи
Паргься	Мыкчхату	Мыкчхату
Спать	Кавахтукъ	Кавахтукъ Хабуль
Нюхать	Нагесчукп	Чангагу
Брать	Тухью	Тху Тигулакъ
Плвать	Кчигью	Кчигью
Бить	Акадуху	Илашагу Хыталгакъ
Кашлатъ	Кузгу	Кузгу
Покежи	Назовбагнн	Назовбагнн
Прялжннй	Муналн	Чжунтутенъ
Лъивнай	Кшадакъ	Ксайдига Ксатахтукъ
Работа	Чавылтинъ	Пыкны Кубуселухтукъ Чанако
Мука	Кыжнкъ	Кыжнкъ
Печаль, горестъ	Кынгнахту	Умвешушукъ Чувахтахти
Радостъ	Куваю	Авгланьюга Нуикначукъ Мулгу
Я радуюсь	Хьюй Кужавалхту	Хьюй Кужавалхту
Любовь	Кунакага	Кунакага Агастакъ
Я люблю	Хьюй Кулукага	Хьюй Кулукага
Ты любишь	Тальбитъ Кымакъ	Тальбитъ Кымакъ
Она, она любить	Гхлинъ Кыма	Гхлинъ Кыма
Смѣяться	Ингьялхту	Ингьялхту Мьялхукъ Мьялху
Я смѣюсь	Хьюй Гылялхту	Хьюй Гылялхту
Поддѣлываться	Куюгнн	Куюгнн
Разсказывать	Ньюванъ	Ньюванъ
Говорить	Кавангъ	Кавангъ Кавангъ Нейхукъ Капахтакъ
Я говорю	Кавхтва	Кавхтва
Ты говоришь	Кавхтутенъ	Кавхтутенъ
Она говоритъ	Кавхтукъ	Кавхтукъ

тѣ пришелъ	уломить талоюшину.		
Онъ пришелъ	Кина тайга, тхлнитъ		
	таокъ.		
Крикъ	Каяганъ	Каяганъ	Дуйгудукъ
Кричать	Каяга	Каяга	Агухукъ
Пѣть	Атту	Атту	Атухукъ
Пѣнѣ	Аадунукъ	Аадунукъ	
Пѣсня	Ивагукъ	Ивагукъ	
Пня	Атха	Атха	Атха
Шумъ	Нагуннакъ	Нагуннакъ	Кеагукъ
Плакать	Кайга	Кайга	Кейга
Святать	Кугуля	Кугуля	Гумлахукъ
Ложать	Иналюкъ	Иналюкъ	Инахукъ
Еставать	Туппа	Туппа	
Плясать	Наясакъ	Наясакъ	Талехинкъ
Бѣжать	Ауакуа	Ауакуа	Аксель
Плясать по мужскому	Пуат-дьякъ		Путтра
Плясать по женскому	Агулчи		Ахвсть
Появляю	Лючигви	Лючигви	
Не появляю	Лючигватуа	Лючигватуа	
Лгать	Илксенъ	Илксенъ	
Правда	Начхивакъ	Начхивакъ	
Не правда, ложь	Пичукъ гыйтукъ	Пичукъ гыйтукъ	Икломъ
Шананъ	Тунгаликъ	Тунгакъ, туннакъ	Тованокъ, калъагалюкъ
Духъ повласт. шаману	Ихчингакъ	
Одинъ	Аттоучекъ	Аттоучекъ	Атажликъ
Два	Малгукъ	Малгукъ	Малгукъ
Три	Пивагукъ	Пивагукъ	Пиваго
Четыре	Чтаманъ	Чтаманъ	Станокъ
Пять	Талманъ	Талманъ	Талгалест, талпиниъ
Шесть	Ахумалгинъ	Ахумалгинъ	Аройаюкъ
			Атачавалганитъ

Семь	Мальгунгань	Мальхунгань	Мальгунгасейла
Осень	Ильгунгань	Ильгунгань	Ишкунь
Десять	Кульгунань	Кульгунань	Сталма
Двадцать	Кулея	Кулея	Куле
Одиннадцать	Аткалукъ	Аткалукъ	Атлана
Тринадцать	Мальгунгань	Мальгунгань	Мальгунгань
Четырнадцать	Пингюнакъ	Пингюнакъ	Пингюнакъ
Пятнадцать	Чтанамыкъ	Чтанамыкъ	Станамыкъ
Шестнадцать	Акинякъ	Акинякъ	Талшанукъ
Двадцать	Юйнакъ	Юйнакъ	Кульмукъ, свинукъ
Тридцать	Юйнакъ кульмыкъ или- гукъ	Юйнакъ кульмыкъ или- гукъ	Свинук-кульмук-азлюкъ
Сорокъ	Мальгукъ - юйнакъ	Мальгукъ - юйнакъ	Свинук-маллокъ
Сто	Талшан-юйнакъ	Талшан-юйнакъ	Свинук-талшанъ

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

астрономически опредѣленныхъ пунктовъ *.

Число.	Какихъ мѣстъ.	Широты N	Долготы западныхъ отъ Гринича *.
ВЪ ЗАЛИВѢ НОРТОНЪ.			
1	Редутъ Св. Михаила	63° 28' 45"	161° 45' 20" *
2	Тузевско селеніе Кивхтагума	63 29 02	161 11 19 Δ
3	Устья рѣки Уналакликъ	63 53 34	160 30 16 *
ПО РѢКѢ ДВѢХ-ПАКЪ.			
4	На правомъ берегу ¹⁹ / ₂₈ іюня 1844.	62 35 33	162 28 00 счисленн.
5	Лѣвѣмъ селеніа Кивхкатъ	61 37 13	161 28 30 d.
6	Селенія Икот-иютъ	61 47 14	161 13 56 *
7	Селеніе Анналухтан-пакъ	62 13 33	162 49 38 Δ
8	На правомъ берегу ²¹ / ₂₃ августа 1843.	63 16 30	159 28 30 Δ
9	Селеніе Хоголтлинде	64 19 41	
10	Селенія Нулато	64 42 11	157 58 18 *
11	Селенія Уныльгачтхохъ	64 53 23	157 33 04 Δ
12	Селенія Токхакатъ	64 53 03	157 20 00 Δ
13	На лѣвомъ берегу ¹¹ / ₂₀ іюня 1843.	64 47 27	157 02 53 Δ
14	На лѣвомъ берегу ¹⁹ / ₂₇ іюня 1843.	64 42 44	156 53 00 счисленн.
15	На правомъ берегу ¹⁸ / ₂₈ іюня 1845.	64 39 22	156 27 00 Δ
16	d. ¹⁸ / ₃₀ іюня 1843.	64 42 01	155 49 50
17	d. ¹⁹ / ₃₁ іюня 1843.	64 45 56	155 26 46
18	d. ²¹ / ₈ іюля 1843.	64 53 51	154 43 47
19	d. ² / ₁₃ іюля 1843.	64 56 07	154 18 45
ПО РѢКѢ ЮННА-КА.			
20	На лѣвомъ берегу ² / ₁₆ марта 1843.	65 05 10	157 22 00 счисленн.
21	Селенія Кахляхлякакатъ!	65 15 00	157 37 00 d.
22	Селенія Цохлахтепъ	65 23 33	157 37 00 d.
23	На переносъ къ Котцебу-Зунду	65 35 46	158 35 00 d.
24	На правомъ берегу рѣчки Уайлики, на переносъ съ Кусковима на р. Иннока	61 56 47	159 22 30 d.
ПО НИЗОВЬЮ РѢКИ ИННОКА.			
25	Селенія Хунгатетахтепъ	62 32 12	159 25 00. d.
26	На правомъ берегу ²⁰ / ₃ ^{срр.} _{март.} 1844.	62 47 00	159 09 42 *

* Подробныя вычисленія представлени въ гидрографическое депо Морского Министрства.

** Звѣздочка * означаетъ долготы опредѣлениы по разстояніямъ луны отъ солнца и звѣздъ; знакъ Δ долготы опредѣлениы по хронометру.

Число.	Какимъ мѣстѣ.	Широты N	Долготы западныя отъ Гринвича.
27	Селенія Хулигичагатъ	62 54 10	159 10 00 ств.дли.
28	Селенія Тгалаты	63 00 33	158 34 30 д.
ПО РѢКѢ КУСКОВИЛІУ.			
29	На лѣвомъ берегу $\frac{2}{31}$ апрѣля 1844.	61 34 12	158 56 00 д.
30	Редута Колнакова	61 34 02	158 37 11 *
31	На правомъ берегу $\frac{19}{31}$ мая 1844. .	61 32 04	158 25 00 ств.дли.
32	д. $\frac{20}{1}$ $\frac{\text{мая}}{\text{юня}}$ 1844. .	61 41 33	157 55 42 Δ
33	Лѣтниковъ Квяхчакъ-шакъ	61 51 35	157 47 10 Δ
34	Селенія Тхлягенадбень	61 48 45	157 14 36 Δ
35	Устья р. Хулитнакъ	61 41 55	156 49 28 Δ
36	Близъ устья р. Тхальхукъ	61 47 50	156 33 16 Δ
37	Близъ устья р. Чагванактули	61 51 38	155 54 18 Δ
38	На правомъ берегу $\frac{27}{8}$ $\frac{\text{мая}}{\text{юня}}$ 1844. .	62 14 11	155 55 40 Δ
39	Лѣтниковъ Хумашиланде	62 38 36	155 19 50 *
40	Устья р. Точотно	62 57 31	155 06 18 Δ

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

нароdoнаселенія сѣверо-западной части Америки, въ мѣстахъ посѣщенныхъ экспедиціею въ 1842—1843 и 1844 годахъ.

Мѣста и селенія.	Число землѣногъ.	Общее народонаселеніе.			Число взрослыхъ мужчинъ.
		Хрстіанск.	Язычн.ногъ.	Итого.	
Въ заливѣ Нортонъ, народа Канг-юлетъ племени Чнагъ-миотъ.					
Селенія Уналаканикъ на устьи	2	5	8	13	6
Близъ р. Ныгвыльбукъ	1	1	4	5	3
Селенія Кикхтагукъ	3	25	3	28	8
— Тачикъ	3	19	"	19	5
— Атхвнкъ	4	47	10	57	16
— Пихмихталикъ	4	38	7	45	14
— Паштоликъ	7	66	50	116	32
Итого племени Чнагъ-миотъ	"	"	"	283	84
По рѣкѣ Квихпакъ, народа Канг-юлетъ племени Квихпагъ-миотъ.					
Селенія Кавлюнагъ-миотъ	1	"	11	11	3
— Ныгыклингъ-миотъ	1	"	13	13	4
— Каныгъ-миотъ	4	"	45	45	11
— Анкачагъ-миотъ	6	2	120	122	32
— Такчагъ-миотъ	3	"	40	40	12
— Икуагъ-миотъ	6	"	130	130	35
— Нухлюагъ-миотъ	4	"	60	60	17
— Иногъ-миотъ	5	2	90	92	22
— Икалингъ-миотъ	3	"	45	45	14
— Паймиотъ	5	1	122	123	35
Итого племени Квихпагъ-миотъ	"	"	"	681	175
Народа Канг-юлетъ племени Кускоквигъ-миотъ.					
Селенія Кхалькагъ-миотъ	5	6	114	120	35
— Ухагъ-миотъ	4	4	57	61	20
— Тулукарнагъ-миотъ	5	12	78	90	25
— Кыгымпайнагъ-миотъ	4	18	71	89	28
Итого племени Кускоквигъ-миотъ	"	"	"	360	108

Мѣста и селенія.	Число землечковъ.	Общее народонаселеніе.			Число взрослыхъ мужчинъ.
		Христианъ.	Иныхъ вероисповѣданій.	Итого.	
Народа Тывацъ племяни Юнъа-хотана.					
Съ рѣчки Ногтойя	"	"	10	10	3
— Минхотлатно	"	"	46	46	9
Племяни Юнна-ка-хотана.					
Лѣтничковъ при р. Нотагалта	"	"	37	37	8
Селенія Талалъ-ка-каты	3	"	27	27	7
— Ташонгонъ	2	"	30	30	5
— Токхакаты	1	"	6	6	3
— Нокхакаты	3	"	50	50	11
— Кахляхлякаты	2	"	26	26	7
— Цовагогяхтенъ	1	"	11	11	4
— Цогляхтенъ	1	"	7	7	2
— Хотылькаты	4	"	65	65	19
— Умыльгачтохъ	2	"	17	17	2
— Вудато	1	"	13	13	2
Итого племяни Юннака-хотана	"	"	"	289	70
Племяни собственно Инкиликовъ.					
Селеній Кунхоголюкъ	2	11	"	11	5
— Улунакъ	4	29	6	35	10
— Тутаго	2	"	32	32	8
— Какоггохакаты	1	"	9	9	3
— Хутулькаты	2	"	16	16	4
— Кххальтагъ	1	"	9	9	3
— Хоголтиндо	4	"	60	60	17
Такаяка	7	"	81	81	27
Селеніе Хуликакаты	1	"	11	11	3
Итого племяни Инкиликовъ	"	"	"	264	80
Племяни Тлэгон-хотана.					
Туземцевъ верховья Иннока видѣнныхъ въ плаваніи по Квицпаку въ 1843 г.	"	"	44	44	33
Селенія Тталты	3	"	45	45	14
Итого племяни Тлэгон-хотана	"	"	"	99	47

Мѣста и селенія.	Число землечоувъ.	Общее народонаселеніе.		Число взрослыхъ мужчинъ.	
		Христианъ.	Иныхъ инковъ.		
Племяни Инкалитовъ-югъельбутъ.					
Селенія Инсельвостленде	2	»	33	33	8
Хунигитатехтенъ	3	»	37	37	11
Ильтеблейденъ	6	»	100	100	30
Тлегомвтно	3	»	45	45	14
Хулигичагаты	5	»	70	70	25
Квыгыппаннагиотъ	3	11	60	71	25
Важичагаты	5	»	30	80	18
Анвигъ	5	»	120	120	37
Маки	3	»	44	44	9
Анлухтакпакъ	8	»	170	170	48
Итого племяни Инкалитовъ-югъельбутъ	»	»	»	707	225
Племяни Голцанъ.					
Лѣтняковъ Хунавлинде,	»	»	9	9	4
На рѣкѣ Точотво	»	»	9	9	4
Итого племяни Голцанъ	»	»	»	18	8
Общій итогъ народа Канг-юлитъ				1324	
Ттыван				1433	
Итого вообще				2757	

* Штурманъ Васильевъ, при описи рѣкъ Нушагана и Кускоквина въ 1829 и 1830 годахъ, означилъ племя Аглег-миотъ въ 60 семействахъ, въ числѣ 500, Кітайг-миотъ въ числѣ 400, и Кускоквинцевъ въ 7000 душахъ обоюго пола. Оба первые племена, обращенныя въ христіанство, и извѣстныя въ настоящее время, по метрическимъ спискамъ, составляютъ не болѣе 406 душъ обоюго пола; Кускоквинцевъ, проживающихъ отъ селенія Кхальког-миотъ до устья, за исключеніемъ 360 душъ, выдѣльныхъ нами на четырехъ первыхъ селеніяхъ, возможно-ли считать въ числѣ 6640? Чего не вѣдалъ, не знаю, но судя по тѣмъ мѣстамъ, которыя мы посѣтили и разсматривая образъ жизни туземцевъ этого края, сомнѣваюсь, чтобъ такое народонаселеніе скучилось на пространствѣ менѣе ста миль: мѣста по низовью Квицпака, болѣе приболныя, остаются незаселенными. Гг. первоописатели весьма погрѣшаютъ, увеличивая число туземцевъ, потому что при трудности повѣрки ихъ данныхъ, потомство принуждено вѣрять имъ на слово, и вполнѣдствіи причины уменьшенія народонаселенія относить къ повѣтріямъ или замѣненію народнаго быта. Памятники свидѣтельствуютъ, что оспа свирѣпствовавшая по всему западному берегу Сѣверной Америки, вырвала въ многочисленнѣйшихъ селеніяхъ этого края, не болѣе пятой доли жителей; нѣкоторыя селенія были вовсе обойдены повѣтріемъ.

П Т И Ц Ы,

собранныя экспедиціею въ 1842, 1843 и 1844 годахъ, по берегамъ
рѣкъ Квихпака и Кускоквима.

Русскія собственно родовыя.	Латинскія.	Квихпаг-игогъ.	Собственно Инди- анскыя.
Ястребъ	<i>Falco pulcherrimus</i> .	Иссигитъ	„
„	<i>Noctua Tengmalmi</i> (Lin.).	Умупыкъ	„
Воробъ	<i>Corvus corax</i> . . .	Тулукагвагъ . . .	„
Соя канадская .	<i>Garrulus canadensis</i> (Forst.)	Кимъ	Кидыкака.
Сорокопутъ . .	<i>Lanius borealis</i> (Vici- cilliot).	Нылчагаюка . . .	„
Зимородокъ . .	<i>Alcedo Alcyon</i> . . .	„	„
Дятель	<i>Picus Tridactylus</i> , <i>Picus arcticus</i> (Swainson).	Пухтуюли	Кикитляли.
„	<i>Picus minor</i> . . .	d.	d.
Водяной воробей	<i>Cinclus americanus</i> (Swains.).	„	Цутаннлѣтъ.
Скореецъ	<i>Sturnus</i> Sp. . . .	Кухкагалпгвакъ .	Цыгольцека.
Дроздъ	<i>Turdus naevius</i> (Lath.)(Orph me- ru loid Swains.)	Чокшолнкъ . . .	Тальтляжа.
„	<i>Turdus migratorius</i>	Игват-кыльвать .	„
„	<i>Turdus minor</i> . . .	„	Кужакъ.
Каменка	<i>Saxicula</i> Sp. . . .	Читпаюли	„
„	<i>Anthus aquaticus</i> .	Чтакуа, Чтахва .	„
Сивница	<i>Parus atricapillus</i> (L.).	Чикшпнкъ	„
Варакушка . . .	<i>Sylvicola coronata</i> (Swains.).	Тчокакъ	Тлячокланта.
„	<i>Sylvia Wilsonie</i> , <i>Muscicapa pu- silla</i> Wilson (Au- dubcr).	Чунакчвагакъ . .	Кхогоннта.
„	<i>Sylvia</i> sp.	„	„
Лапландскій воро- бей	<i>Fringilla Laponica</i>	„	„

Русскія собственно родовыя.	Латинскія.	Кэчикяг-мягъ.	Собственно Инки- лягоръ.
Чечетка	<i>Fringilla Linaria minor</i> (Kay).	Агнавуглум-мык- хва.	Кылятокыя.
»	<i>Emberiza nivalis</i> .	»	»
»	<i>Emberiza hyemalis</i> (Forst).	»	»
	<i>Emberiza chrisof.</i>	Уквичагагъ	»
	<i>Emberiza hyperbo- rea.</i>	Лягаюли	»
	<i>Emberiza leucoph- gus</i> (Forst).	Нкиччагаюли . .	Кыльничохтана.
Клестъ	<i>Loxia leucoptera</i> .	Чанугнали	»
Шуръ	<i>Corythus enuclea- tor.</i>	»	Кхаюта.
Тетерка	<i>Tetrao canadensis</i> (Dar).	»	Тольтоя.
d.	<i>Titrao umbellus</i> (L.)	»	Тональлица.
Зускъ	<i>Charadrius pluvialis</i>	»	»
d.	<i>Charadrius hiatou- la.</i>	»	»
Бѣлобрюшка . .	<i>Strepsalis interpres.</i>	»	»

Насѣкомыя и растенія препровожденныя въ Россійско-Императорскую Академію Наукъ, еще не разобраны.

=

ОТКРЫТІЯ

вспомодъ Даниеля, Спретта и Форбза

ВЪ ДРЕВНЕЙ ЛИКІИ.

=

Древніе народы воскресаютъ одинъ за другимъ изъ сломанныхъ памятниковъ. Терпѣніе антикваріевъ почти ежегодно открываетъ лопатою въ землѣ какой-нибудь знаменитый народъ, съ его нравами, обычаями, законами и порою даже съ его исторіей. Считите, сколько забытыхъ народовъ, о которыхъ мы не имѣли ни какого понятія, воскресло такимъ образомъ въ послѣднюю четверть столѣтія. Египтяне, мексиканскіе Толтоки, Этруски, Ассирійцы, Даріевы и Кеерковы Персы. Странно, что Ликія, нынѣшняя Караманія, земля, столь доступная, столь близкая къ центранъ образованности, возбуждающая такое множество классическихъ воспоминаній, могла такъ долго оставаться въ забвеніи. Но наконецъ вотъ и она выходитъ изъ могилы. Между-тѣмъ какъ смѣлый и неутонченный лейтенантъ Загоскинъ отыскалъ въ дѣлѣхъ русско-американскаго владѣнія зеленый и цвѣтущій рай сѣверный, цѣлое независимое государство, равное пространствомъ Ев-

роейской Россіи, лейтенантъ Спреттъ съ товарищами довершалъ открытіе вѣкогда цвѣтущей, богатой и пышной Ликіи, считавшейся раемъ Малой Азіи, которая считается сама раемъ азіатскаго Востока. Ликія уже не тайна. Памятники ея искусства поступили въ кругъ наблюденія. О любопытныхъ открытіяхъ господъ Спретта, Форбза и Даниеля въ этой области древняго міра мы имѣли случай сообщить въ свое время вѣкоторое свидѣніе русскому читающему свѣту. Нынче желаемъ мы изложить ихъ подробнѣе, съ присовокупленіемъ и того, что открыли другіе ученые путешественники. Замѣтимъ однакожь, что до сихъ-поръ одни только Англичане посѣщали Ликію, Миліаду и Кивиратъ какъ изслѣдователи.

Геродотъ, уроженецъ сосѣдней области, Каріи, говоритъ, что Сарпедонъ, изгнанный братомъ изъ Крита, поселился въ Миліадъ, съ своими Критянами, которыми онъ управлялъ впоследствии подъ названіемъ Термиланъ. Ликъ, будучи изгнанъ изъ Аоніи, братомъ своимъ Эгеемъ, присоединился къ Термиланамъ: тѣ приняли потомъ его имя, и назвались Ликійцами. Послѣ уничтоженія лидійскаго царя, Креза, Киръ обратилъ оружіе на Ликійцевъ: Гарпагъ, одинъ изъ его полководцевъ, легко побѣдилъ Карію. Ликійцы и Кавійцы защищались, кажется, съ необыкновеннымъ мужествомъ, но и тѣ были, наконецъ, покорены. Ликія стала провинціею имперіи Персовъ, и подъ ея владычествомъ находилась до Александра Великаго, который, предпринявъ походъ въ эту землю, присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ. Въ послѣдствіи она подпала власти Римлянъ; отъ нихъ перешла сперва къ Туркамъ Чернобараннымъ; потомъ составляла царство знаменитаго Караманъ-Оглу, оставившаго ей названіе Караманіи; наконецъ сдѣлалась добычею Турковъ Оттоманскихъ.

Нѣтъ, можетъ-быть, другой страны, которая бы, въ добавокъ къ любопытнымъ чертамъ, напечатлѣннымъ рукою природы, представляла такое множество любопытныхъ воспоминаній о народахъ, здѣсь владычествовавшихъ. Горы ея являютъ картину самую величественную, а въ мѣстахъ, вѣкогда занятыхъ прежними городами, встрѣчаются не только остатки греческихъ и римскихъ древностей, но и памятники тѣхъ владѣтелей, которые имъ предшествовали. Тутъ же попадаются часто развалины древнихъ христіанскихъ церквей, изъ которыхъ многія, какъ напримѣръ великолѣпная соборная церковь на кассебарской равнинѣ, находятся еще и до нынѣ въ отличной сохранности и

свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ прочимъ о высокой и долговременной образованности этой земли, покрытой теперь саваномъ невѣжества и варварства.

До 1811 года, Ликія была terra incognita. Правда, докторъ Клеркъ посѣтилъ Телмиъ и полковникъ Ликъ нашелъ мѣстность Антифелла, осмотрѣлъ Телмиъ и нѣкоторыя развалины въ Какавѣ, но неблагоприятныя обстоятельства помѣшали тому и другому продолжать изысканія. Въ 1811 году, капитанъ Бофортъ, гидрографъ англійскаго адмиралтейства, началъ свои ученые поиски, слѣдствіемъ которыхъ было изданіе «Караманія», книги вышедшей въ 1818 году. Бофортъ опредѣлялъ мѣстности Патары, Миръ, Антифелла, Олимпя и Фазелиса, также Химеры, и другихъ менѣе важныхъ городовъ. Около того же времени, Кокерель посѣтилъ Ликію и осмотрѣлъ Миры, Лимиры, Аперлы, и одинъ изъ городовъ называемыхъ Суапае: онъ также открылъ первую изъ такъ называемыхъ «ликійскихъ надписей». Въ 1838 и 1840, путешествовалъ тамъ сэръ Чарльзъ Феллоузъ. Его изслѣдованія повели къ открытію самыхъ важныхъ точекъ, именно Ксанеа, Тлоса, Пивары, Кадіанды, Ариканды и Сидимы. Онъ доказалъ мѣстоположеніе Кидна и нашелъ еще шесть другихъ древнихъ городищъ, которымъ назначилъ названія Калинды, Массикита, Фелла, Гагъ, Подалія и Трабалы. Въ 1840 и 1841 годахъ, господа Госкинсъ и Гарви, не знавшіе еще объ этомъ, обзрѣли ксанескую долину, посѣтили Кадіанду и Дедалу и открыли Кавиъ, столицу Перевъ. Въ 1841, господа Госкинсъ и Форбзъ совершили поѣздку внутрь страны, открыли и опредѣлили мѣстность двухъ кивиратскихъ городовъ, Эноанды и Балбуры, и нашли еще два города, одинъ, вѣроятно, древній Массикитъ, а другой, можетъ-быть, Подалія. Отчетъ объ этихъ путешествіяхъ, съ картою части Карія и Ликія, напечатаны были въ «Журналѣ королевскаго географическаго общества» за 1843 годъ.

Въ началѣ Января 1842, англійское военное судно «Бикенъ», посланное подъ командою капитана Гревза для описанія ликійскаго берега, имѣло порученіе вывезти замѣчательные остатки древности, открытые въ Ксанеѣ. При экспедиціи находились лейтенантъ Спреттъ, въ качествѣ помощника гидрографа, и знаменитый эднбургскій профессоръ Форбзъ, въ должности естествоиспытателя. Въ Смирнѣ къ нимъ присоединился господинъ Дэниель, любитель, желавшій познакомиться съ мѣстами и древностями Ликія. Господинъ Дэниель принялъ на себя часть архео-

логическую, лейтенантъ Спреттъ географин, а профессоръ Форбъ изысканія по естественной исторіи. Всѣ трое искусные рисовальщики, а профессоръ Форбъ, въ добавокъ къ своей геологической славѣ, еще и отличный знатокъ классической литературы. Въ прошломъ году они издали въ Лондонѣ общій отчетъ о своихъ трудахъ и успѣхахъ.

Прежде всего изъ залива Макря, сдѣлано ими нѣсколько поѣздокъ въ окрестности горы Крага и кеанеской долины. Занимательное описаніе этихъ поѣздокъ предшествуетъ описанію путешествія во внутренность страны. Командиръ «Бикена», капитанъ Гревъ, сопровождалъ ученый караванъ, когда онъ посѣщалъ мѣстоположеніе древней Пинары, «великолѣпнѣйшаго изъ всѣхъ разрушенныхъ городовъ ликійскихъ.»

«Разказы объ этомъ чудномъ городѣ господина Госкниса, который отзывался объ немъ какъ о великолѣпнѣйшемъ городѣ во всей кеанеской долинѣ, говорятъ изслѣдователи, сильно подстрекнули наше любопытство, и оно еще усилилось при взглядѣ на эскизъ, набросанный имъ наскоро; но дѣйствительность далеко превзошла и разказъ и картину. Въ разстояніи четверти часа пути отъ деревни, передъ нами вдругъ открылся великолѣпный видъ древняго города, расположеннаго въ скалистомъ оврагѣ на горѣ Крагѣ. Огромная скалистая башня, лицевая сторона которой составляетъ отвѣсную пропасть, усыпанную тысячами могилъ, высѣченныхъ въ скалѣ, увѣчанную обрушившимися укрѣпленіями, воздымалась изъ глубокаго оврага, на днѣ котораго, пересѣченномъ хребтами, носящими на своихъ вершинахъ главнѣйшія зданія, пестрѣлись развалины и гробницы. Надъ этою картиною висѣли мрачныя, крутыя горы, и придавали ей видъ неизъяснимаго величія. Поглядѣвъ съ удивленіемъ на это чудное зрѣлище, мы спустились въ лабиринтъ развалинъ и осмотрѣли ихъ наскоро, съ тою цѣлю, чтобы ознакомиться нѣсколько съ мѣстностью, располагая, при будущихъ посѣщеніяхъ, осмотрѣть ее съ большею подробностію. Мы осмотрѣли, въпервыхъ, прекраснѣйшій театръ, вырытый въ спускѣ лѣсстаго холма, насупротивъ города. Ликійскіе театры всегда расположены такъ, чтобы отъ нихъ былъ видѣнъ величественный видъ, или обширное пространство моря, когда они находятся близъ берега. Но изъ всѣхъ видѣнныхъ нами, ни одинъ не можетъ сравниться съ пинарскимъ, по великолѣпному своему мѣстоположенію. Противъ театра на-

ходятся развалины зданія, гораздо новѣйшей архитектуры, съ іоническими колоннами, между которыми есть и двойныя. Близъ этого зданія расположены нѣсколько прекраснѣйшихъ гробницъ, со сводчатыми крышами и лікійскими надписями. Выше, мы нашли нижній акрополь, состоящій изъ длиннаго ряда зданій, по большей части циклопской архитектуры. Между ними примѣчательны небольшой театръ и порталъ, гигантскихъ разнѣровъ, разбитый, вѣроятно, землетрясеніемъ. Отсюда мы поднялись къ подошвѣ скалы, на которой находится верхній акрополь, увидѣвъ, на пути, замѣчательную группу гробницъ, расположенныхъ въ квадратѣ, вокругъ огромнаго саркофага, вершина котораго сдѣлана на подобіе пьедестала. Внутренность этого саркофага, величайшаго изъ всѣхъ видѣнныхъ нами въ Лікіи, замѣчательна тѣмъ, что стороны ея окружены выступающимъ краемъ или полкою. На гробницахъ, окружающихъ его, мы не замѣтили надписей, но онѣ всѣ покрыты особеннаго роду украшеніями, и цементъ, которымъ покрыты стѣнки ихъ, разчерченъ такъ, что представляетъ видъ правильной каменной стѣны. Камень, изъ котораго построены всѣ зданія въ Пинарѣ, твердъ и проченъ, но, состоя изъ разнородныхъ частицъ, неудобно принимаетъ надпись; вотъ почему, вѣроятно, древніе обитатели имѣли обычай покрывать свои построенія тонкимъ слоемъ цементу, на которомъ, впоследствии, вырѣзывали буквы. Мы взошли на эту скалу единственнымъ существующимъ проходомъ, по крутой и трудной тропинкѣ, выдолбленной въ самомъ камнѣ, и, на ея плоской, но косвенной, вершинѣ нашли развалины многихъ укрѣпленій и цистернъ, не самой древней архитектуры однакожъ. Всѣ доступныя мѣста края скалы крѣпко защищены стѣнами. На высшей части вершины стоятъ отдѣльное укрѣпленіе или замокъ, снабженный водоѣмами, и окруженный ровомъ. Видъ съ этого мѣста самый величественный: смотришь вверхъ на мрачныя ущелія Аптикара, или прямо, на плодородныя ксанскія равнины и на снѣжныя вершины Массикита. Гробницы, которыми усеяна отвѣсная сторона этой огромнѣйшей скалы, состоятъ изъ продолговатыхъ отверстій, иногда съ полукруглымъ верхомъ. Онѣ расположены, по большей части, неправильно, но составляютъ иногда перпендикулярные ряды. У входовъ въ нихъ не замѣтно никакихъ слѣдовъ дверей. Должно полагать что онѣ были выдолблены работниками, вившими съ вершины. Теперь онѣ недоступны для человѣка, и въ нихъ избрали свое жилище орлы.

« Спускаясь съ горы, мимо квадратной группы гробницъ, мы пришли къ развалинамъ древней церкви, очевидно принадлежавшей къ первымъ временамъ христіанства. Она расположена въ глубокомъ, темномъ и узкомъ ущелии, окруженномъ отвѣсными скалами нижняго акрополя, и наполненномъ олеандрами. Въ этомъ мрачномъ оврагѣ мы увидѣли множество прекраснѣйшихъ гробницъ, высѣченныхъ въ скалѣ, и сохранившихся до нынѣ безъ малѣйшаго поврежденія. Онѣ вытесаны въ подражаніе деревяннымъ строеніямъ, и украшены лкійскими надписями, написанными на камнѣ красками, или вырѣзанными. На лицевой сторонѣ этого же скалистаго хребта, обращенной къ долинѣ, находятся высѣченныя гробницы, еще прекраснѣйшія, в болшихъ размѣровъ. Нѣкоторыя семейства Уруковъ основали въ нихъ свои зимнія жилища. Между ними есть и храмы-гробницы, съ рѣзными фронтонами; на одномъ изъ нихъ изображены стѣны и зданія какого то деревянаго города, которыя господинъ Феллозъ срисовалъ.»

Въ Британскомъ Музеумѣ выставлены слѣпки изъ этихъ изваяній, составляющихъ часть собранія, привезеннаго изъ Лкіи въ 1843 и 1844 годахъ. Описаніе остатковъ города царя Пандара даетъ довольно точное понятіе о характерѣ древнихъ лкійскихъ городовъ, которые всѣ разительно сходны между собою, хотя не всѣ они одинаково обширны. При нихъ почти всегда находится театръ, и, по большей части, они богаты высѣченными гробницами, саркофагами, развалинами храмовъ, стѣнъ, и другихъ зданій; часто, впрочемъ, встрѣчается недостатокъ въ послѣднихъ надписяхъ.

Въ Британскомъ Музеумѣ видѣли мы также мраморы города Ксанфа.

• Мѣстоположеніе этого города прекрасно, но оно не такъ поразительно. Гора, на которой расположенъ городъ, лежитъ среди равнины, болотистой и покрытой паносною почвою. Быстрый потокъ Ксанъ стремится вдоль подошвы крутыхъ пропастей нижняго акрополя; позади акрополя расположены театръ и другіе памятники, между которыми особенно замѣательны четверугольная гробница, въ видѣ столба, украшавшаяся въ то время барельефною исторіей дочерей царя Пандара. Теперь этотъ мраморъ находится въ Британскомъ Музеумѣ. На другой гробницѣ вырѣзана самая длинная лкійская надпись, доселѣ открытая; надъ нею возвышается еще утесъ, нѣкогда верхній акрополь, и котораго вершина почти вся занята развалинами христіанскаго

монастыря. На югозападной отлогости есть нѣсколько замѣчательныхъ саркофаговъ и гробницъ, въ томъ числѣ гробница Падры, срисованная въ заглавной картинкѣ перваго путешествія Феллоза. Въ нѣкоторомъ возвышеніи надъ равниною, на плоскихъ скалахъ, стояла группа храмовъ, украшенныхъ фризамъ и статуями, перенесенными также въ Британскій Музеумъ.

•Во время нашего пребыванія въ Ксанѣ, рассказываетъ сэръ Чарльзъ Феллозъ, мы каждый день отрывали эти остатки древняго искусства. Эти разысканія имѣли для насъ высокую степень занимательности и, въ восторгѣ, при открытіи ихъ, мы восхищались ими, болѣе можетъ-быть чѣмъ бы слѣдовало, судя по существенному достоинству изваяній. По мѣрѣ того какъ работающіе извлекали мраморные остатки изъ земли, мы сметали съ нихъ соръ и глазамъ нашимъ представлялись, или образъ какой-нибудь прекрасной амазонки, или раненаго воина, или восточнаго царя, или изображеніе осажденнаго замка, подавая поводъ ко многимъ пріятнымъ разсужденіямъ объ искусствѣ ваятеля, или о томъ, къ какому періоду исторіи древняго Ксанеа относятся событія изображенныя на нихъ, разсужденія, о которыхъ всѣ, принявшіе въ нихъ участіе, будутъ вспоминать какъ о пріятнѣйшихъ въ своей жизни. Часто, бывало, по окончаніи дневнаго труда, когда настанетъ ночь, усядемся вокругъ пылающаго огня, въ уютной турецкой избѣ, служившей нашей партіи главной квартирою, и вдругъ, путеводимые Феллозомъ, кинемся вонъ изъ избы, каждый съ факеломъ въ рукѣ, чтобы бросить еще полночный взглядъ восхищенія на какое-нибудь смѣлое изображеніе сраженія, или на обезглавленную статую Венеры, плодъ нашихъ утреннихъ трудовъ.

•На конической скалѣ, въ дембрейской долинѣ, мы нашли множество воспоминаній о разныхъ народахъ, обитавшихъ здѣсь въ различныя времена.

•Когда мы достигли вершины, передъ нами открылось великолѣпное зрѣлище, простиравшееся по ту сторону узкаго ущелія, лежащаго напротивъ скалы. Вершина окружена стѣнами, постройки среднихъ вѣковъ. Стѣны эти прерываются осьмиугольными башнями, выстроенными, какъ и самыя стѣны, изъ небольшихъ камней, связанныхъ между собою такъ искусно цементомъ, что вся постройка осталась, по-сию-пору, почти невредимою и представляетъ глазамъ гладкую поверхность, которая ввела въ заблужденіе сэра Чарльза Феллоза, посмо-

требовано на нее снизу, потому что она называлась этотъ памятникъ греческимъ. Внутри крепости находятся нѣсколько колодезевъ и частой стѣнъ, то эллинической, то циклопической постройки, доказывающіе, что и въ тѣ времена эта мѣстность была сильно защищена. Главная часть города, которому это зданіе служило, кажется, акрополемъ, была расположена внизу, на пространствѣ земли, лежащей между двумя рѣками. Мы спустились внизъ, чтобы осмотрѣть нѣкоторыя развалины, примѣченныя нами съ вершины скалы: оказалось, что и онѣ принадлежали къ двумъ разнымъ вѣкамъ. Тутъ были высѣченныя гробницы и мраморныя обломки греческіе, но остатковъ, относящихся къ среднимъ вѣкамъ и состоящихъ изъ основаній разрушенныхъ стѣнъ, было еще больше, тутъ нашли мы также большую христіанскую соборную церковь, древней византійской архитектуры, одну изъ самыхъ замѣчательныхъ, живописныхъ и наилучше сохранившихся развалинъ во всей Ликіи. Это прекраснѣйшее зданіе не было замѣчено сэромъ Чарльзомъ Феллозомъ, хотя онъ и проходилъ мимо его, въ разстояніи не больше ста или полтора саженъ. Это — великолѣпное сооруженіе, и оно возбудило въ насъ, живое любопытство. Оно, сравнительно съ другими развалинами, было мало завалено соромъ и кустарниками, такъ, что мы безъ труда помѣстились подъ высокимъ куполомъ въ серединѣ церкви, и осмотрѣли внутренность зданія, гдѣ единственный звукъ, прерывавшій торжественную минуту, которая царствовала въ этой величественной развалинѣ, былъ крикъ испуганной нами галки, вылетѣвшей чрезъ большое отверстіе въ сводчатой крышѣ. Восточный конецъ церкви устроенъ въ видѣ полукруга, съ большими окнами, между которыми находятся высокіе каменные столбы, стоящіе безъ связи, потому что арки, нѣкогда соединявшія ихъ, обрушились. Большая часть этого собора, однаковъ, остается до-сихъ-поръ не поврежденною и любо было смотрѣть съ какимъ упорствомъ камень и цементъ, изъ которыхъ онъ выстроенъ, сопротивляются опустошеніямъ времени. Благодаря прочности матеріаловъ, этотъ почтенный остатокъ времени первобытнаго христіанства сохранится, вѣроятно, въ цѣлости въ теченіи еще многихъ столѣтій. При вступленіи нашемъ въ Ликію, мы жаждали открытій остатковъ первыхъ временъ исторіи этой страны. Ликійскія гробницы, ликійскіе памятники, ликійскіе города, были главнѣйшими предметами нашихъ розысканій; но здѣсь, наша археологическая жажда приид-

за новое направление, и торжественное величіе старой, одинокой христіанской церкви, повелительно возвышающейся надъ храмомъ язычника и надъ мусульманскою мечетью, возбудило въ насъ чувство тихаго, чистаго восторгу, хотя она принадлежала, сравнительно говоря, къ новѣйшему вѣку, и архитектура ея относилась ко временамъ варварства.»

Святой Апостолъ Павелъ, на пути въ Римъ, пересѣлъ въ Мирѣ, на другой корабль. Вѣроятно онъ, проѣздомъ, проповѣдывалъ здѣсь ученіе Спасителя, потому что Мира была, уже въ первыя столѣтія христіанства, столицей ликійскаго епископства. Можно полагать, что развалины, о которыхъ сказано, суть остатки соборной церкви, построенной здѣсь для безопасности и уединенія. Надписей не найдено, несмотря на самые тщательные поиски.

Большая часть гробницъ въ Мирѣ имѣетъ красивый видъ, свойственный вообще ликійскимъ гробницамъ. Онѣ украшены фронтонами, съ плоскими закраинами, съ рѣзною работою снизу, изображающею съ удивительною точностію деревянныя стропила. Это — самое любопытное и живописное собраніе сѣченыхъ гробницъ во всей Ликии; оно превосходитъ даже знаменитый мѣгалополисскій некрополь въ Петрѣ, въ Сирійской Пустынѣ. Греки и Римляне сочиняли себѣ нерѣдко очень забавныя надгробныя надписи, но едва-ли кто изъ нихъ придумалъ для своего посмертнаго памятника что-нибудь оригинальнѣе слѣдующей эпитафіи одного изъ здѣшнихъ ликійскихъ Грековъ: «Мускъ любить Филісту Дмитріевну.» Изъ этихъ сѣченыхъ гробницъ вступаютъ прямо въ амфитеатръ, который лежитъ по-ниже, но соединяется съ ними. Странное соединеніе — комедія и могила! Амфитеатръ весьма обширенъ, имѣетъ въ діаметрѣ триста-шестьдесятъ футовъ; уступы для *мъстъ* почти всѣ сохранились, но арена засѣяна пшеницею. Бѣлая часть авансены стоитъ до-сихъ поръ; обѣ стороны ея были украшены шлифованными гравитными колоннами, съ коринтскими капиталами изъ бѣлаго мрамору.

Далѣе отъ Гагъ до Адалии, пройдя вершину горнаго хребта, разделяющаго египетскую долину отъ восточнаго края Ликии, примѣчены всего только двѣ изсѣченныя гробницы. Рѣдкость и, наконецъ, совершенное отсутствіе подобныхъ сооружений по мѣрѣ приближенія къ солимекой области, — гдѣ ликійское племя жило преимущественно, — можетъ служить доказательствомъ, что они устроены Персами завоевателями, которыхъ любимыя мѣста

жительства были богатыя долины приморской Ликии, именно тамъ, гдѣ мы видимъ эти намётники.

О величии древняго Фазелиса свидѣлствуютъ остатки двухъ искусственныхъ гаваней, театра и множества обширныхъ зданій. Здѣсь уже нѣтъ ни какихъ слѣдовъ гробницъ и надписей, подобныхъ встрѣчаемымъ въ Ликии. Фазелисъ и область, лежащая за нимъ, чрезвычайно замѣчательны по связи съ исторіею Александра-Великаго и съ движеніемъ войскъ его черезъ Малую Азію. По словамъ Арріана, Александръ, овладѣвъ Ксанбомъ и тридцатью другими ликійскими городами, направилъ зимній походъ на провинцію Миліаду, принадлежавшую собственно къ Фригии Великой, но присоединенную къ Ликии по повелѣнію Дарія. Сюда пришли послы Фазелистовъ, предлагавшихъ Александру вступить съ ними въ дружбу и союзъ, и поднесли золотой вѣнецъ. Города Нижней Ликии также прислали пословъ съ предложеніями дружбы. Александръ потребовалъ безусловной сдачи всѣхъ этихъ городовъ своимъ довѣреннымъ лицамъ. Никто не смѣлъ сопротивляться. Царь македонскій перешелъ въ провинцію Фазелисъ, которую и покорилъ, овладѣвъ крѣпостцю, построенною Пизидами, дѣлавшими изъ нея частые набѣги на сосѣдную страну.

Знаніе мѣстности даетъ теперь возможность слѣдить за направленіемъ, по которому войска Александра продолжали путь отъ Ксанба. Этотъ путь, очевидно, пролегалъ по возвышенной равнинѣ алмапейской, черезъ аркандскую долину до лямирской. Александръ нашелся принужденнымъ избрать эту гористую, окольную дорогу, по той причинѣ, что проходы изъ Миліады на памфилскую равнину находились въ рукахъ непокорныхъ Термислянъ. Какъ теперь не видно ничего похожаго на развалины крѣпостцы, близъ Фазелиса, то и нельзя сказать ничего о мѣстности укрѣпленія, взятаго Александромъ. Въ двадцать-седьмой главѣ Арріанъ продолжаетъ описаніе похода отъ Фазелиса до памфилской равнины. Войска шли двумя отрядами; одинъ, предводительствуемый царемъ, подвигался берегомъ, *по морю*, какъ говоритъ Плутархъ, тѣснинами, которыя звали «Лѣстинцами» (весьма приличное названіе), до берега позади горы Климакса. Берегъ тутъ усеянъ до самой воды несмѣтнымъ множествомъ утесовъ, черезъ которые было бы весьма трудно пройти, но можно было легко обойти ихъ въ бродъ, по отмели. Второй отрядъ дѣлалъ еще болѣе кругу, по горамъ, чтобы избѣгнуть опасности и трудностей

Климакса. По Арриану, Фракіицы служили путеводаителями. Это показаніе было источникомъ множества недоумѣній для новѣйшихъ писателей, потому что казалось страннымъ, какъ могли избрать путеводаителями Фракіицевъ далеко отъ ихъ роднаго края, въ странѣ имъ вовсе неизвѣстной. Но это скоро объяснится. Дорога въ этомъ направленіи черезъ горы существуетъ и теперь около Саракаджика. Она приводитъ васъ къ величественному горному ущелію, со всѣхъ сторонъ окруженному утесами вышнюю слишкомъ въ двѣ-тысячи футовъ, нависшими надъ русломъ потока. Пройдя довольно значительное разстояніе, вы достигаете вершины прохода, поднятой надъ поверхностью моря на четырестысячи-пятьсотъ футовъ. Отъ этого мѣста пачинается спускъ, по разнымъ направленіямъ, въ три разныя долины. По одной изъ нихъ вѣтся путь къ адалійской долинѣ. Александровы войска достигли Памфили именно по этой дорогѣ. Тутъ есть развалины города, въ мѣстѣ, которое нынче зовутъ Саракаджикъ. Отсутствіе надписей не позволяетъ съ перваго взгляду рѣшить, относятся ли остатки эти къ древней Марморѣ, или къ Аполоніи. Однако жъ буквы *ΑΙΙ*, найденныя въ одной истертой надписи, представляютъ, навѣрное, сокращенное названіе города *ΑΙΙΟΛΟΝΙΑ*. Аполонія была фракійское поселеніе. Такимъ образомъ путеводаителями, изъ Фракіицевъ, были просто жители Аполоніи. Мармора не могла здѣсь находиться. Жители Марморя были враги Александру. Впослѣдствіи онъ долженъ былъ осаждать ихъ городъ. Они не пропустили бы отряда его свободно черезъ такую опасную тѣснину, и войска не нашли бы ихъ, если бы Мармора лежала здѣсь.

Близъ Чандира есть развалины большой крѣпости, неправильной постройки. Тутъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ древней архитектуры. Мѣстоположеніе этого замка прекрасно и видъ съ него великолѣпнѣйшій на большое пространство памфилской равнины, до самыхъ пизидскихъ горъ. При взглядѣ на ущеліе и на входъ въ него, разрѣшаются всѣ наши сомнѣнія о тождествѣ этой дороги съ тою, по которой совершился походъ войскъ македонскаго завоевателя.

На противоположной оконечности равнины опять видѣются развалины, и господинъ Дэвиль доказываетъ, что это и есть Мармора, безъ всякаго спору и сомнѣнія.

Адалія — самый обширный и важнѣйшій изъ всѣхъ городовъ

на южномъ берегу Малой Азии, съ народонаселеніемъ въ тринадцать тысячъ душъ, въ которомъ считается до трехъ тысячъ Гракковъ. Судя по многочисленнымъ остаткамъ древности можно съ полнымъ правомъ Ликомъ признать *Адалию* представительницею *Атталей*, города, основаннаго Атталіемъ Филадельфомъ, хотя капитанъ Бесфордъ и докторъ Кремеръ принимаютъ ее за древнюю Ольбію. Атталія была встарину, какъ теперь Адалія, главнымъ приморскимъ городомъ Малой Азии; древнее епископство атталейское существуетъ и по нынѣ въ Адалии; да и самое сходство названій говоритъ въ пользу этого мнѣнія. Ольбіи слѣдовало искать въ другомъ мѣстѣ, на ликійской сторонѣ.

Вдвухъ берегомъ къ Адалии, мы замѣтили было слѣды развалинъ близъ рѣки Арабъ-Су. Къ этимъ-то развалинамъ мы теперь направили путь; но вмѣсто того чтобъ опять слѣдовать морскимъ берегомъ, мы поѣхали къ западу черезъ каменную равнину. Въ разстояніи около трехъ съ половиною миль отъ Адалии, мы вдругъ замѣтили, что лошади наши ступаютъ по основанію широкой каменной стѣны. Слѣдуя по направленію этой стѣны, къ сѣверу, мы доѣхали до ея оконечности, у края утеса, нависшаго надъ узкимъ ущельемъ, глубиною въ семьдесятъ или восемьдесятъ футовъ, вдоль котораго протекала рѣка Арабъ-Су. Южная оконечность стѣны граничилась, такимъ же образомъ, у края пропасти, составляющей южный предѣлъ равнины. Стѣна отдѣляла, слѣдовательно, отъ этой плоской возвышенности, небольшое пространство, или мысъ, съ тремя отвѣсными сторонами, на которой, въ случаѣ нужды, легко было бы устроить весьма сильную укрѣпленную позицію. Вся стѣна имѣла въ длину не болѣе шести сотъ футовъ; основаніе же было ширины необыкновенной, — въ четырнадцать футовъ, — и выстроено, безъ цемента, изъ огромныхъ четырехугольныхъ обтесанныхъ камней. У южной оконечности мы нашли слѣды входа, или воротъ, и замѣтили также глубокія рытвины, пробитыя колесами телегъ или колесницъ на голой скалѣ, состоящей изъ травертинскаго туфа.

На площади, обмежеванной этими природными и искусственною стѣнами, не много находится остатковъ древности. По соседству есть однако же нѣсколько древнихъ изсѣченныхъ гробницъ. Всѣ указанія даютъ справедливую причину заключить, что тутъ-то стояла вѣкогда Ольбія, *весьма сильная крѣпость*, о которой упоминаютъ Страбонъ, Плицій и Птоломей: по ихъ словамъ, Ольбія

находилась впереди Атталон, у самой намеченной границы. Со всѣмъ тѣмъ, тутъ еще не достаетъ рѣки Катарақты, которая низвергалась съ страшнымъ шумомъ съ высокой скалы, между Ольбією и Атталією. Находится нѣсколько рѣчекъ, но все незначительныя. Но вотъ какъ стараются устранить это затрудненіе:

Вода въ этихъ рѣчкахъ до того пресыщена известковыми частицами, что она негодна для употребленія въ пищу. По близости нѣкоторыхъ мельницъ видны большія массы сталактитовъ и окаменѣостей. Широкая и высокая равнина, къ востоку отъ города, оканчивается отвѣсными утесами, идущими вдоль берега: эти утесы имѣютъ вообще болѣе ста футовъ въ вышину, и сильно наклонены надъ моремъ, не оттого чтобы подошвы ихъ были подмыты, а оттого что вершины высовываются впередъ языками, состоя изъ параллельныхъ слоевъ, выдающихся одинъ надъ другимъ, верхній надъ нижнимъ, какъ-будто-бы черезъ нихъ безпрестанно лилась вода и оставляла за собою осадки. Вѣрно, эти осадки стѣснили ложе рѣки, которая, въ этомъ мѣстѣ низвергалась величественнымъ водопадомъ, и заставили ее раздѣлиться на разныя мелкіе потоки.

Объясненіе нѣсколько мудреное. Но «Караманія» находитъ ихъ удивительно интересными въ геологическомъ отношеніи:

Весьма удовлетворительное объясненіе, которое далъ капитанъ Бюфортъ насчетъ пропажи древняго водопада рѣки Катарақты, можетъ-быть приложено и къ теперешнему ложу этой рѣки. Воды ея, да и воды всѣхъ рѣкъ въ этой части Памонліи, насыщены известковыми частицами, заносщими безпрестанно дно, отчего оны и должны измѣнять свои направленія, такъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ, черезъ два или три столѣтія, теченіе ихъ пойдетъ по путямъ, столько же различнымъ отъ нынѣшнихъ, сколько нынѣшнія ложа различны отъ древнихъ. Направленіе рѣки Катарақты замѣтно измѣнилось даже съ тѣхъ-поръ какъ капитанъ Бюфортъ былъ здѣсь.

Адалія — весьма важный пунктъ для путешественника, отправляющагося на изслѣдованія въ южную часть Малой Азіи. Переводъ изъ Родоса, куда каждыя двѣ недѣли заходятъ пароходы на пути изъ Смирны въ Сирію, совершается удобно. Вы имѣете по одной сторонѣ Ликию, по другой Киликию и Памонлію; вы окружены превосходными развалинами, вы наслаждаетесь до востор-

гу. И большая часть этих развалинъ, особенно въ Киликии, еще ничѣмъ не осмотрѣна. Какое антикварное сердце не забьется при этомъ извѣстiи? Кто увидитъ на мѣстѣ, когда столько гробницъ простираютъ къ вамъ свои объятiя?

Чувствуя особенное желанiе обозрѣть границы Ликии и восточный край этой страны, гдѣ лежали Термиссъ, Кивиры и другiе важные города, вѣроятно, еще никѣмъ не посѣщенные, господа Спреттъ, Форбъ и Дэниель рѣшились оставить неизслѣдованными развалины въ окрестностяхъ Адалии и воротиться къ Салимскимъ Горамъ. Генералъ Koehler, какъ рассказываетъ полковникъ Ликъ, отправившись въ 1800 году, отъ Адалии къ сѣверу, къ Шугуту, пришелъ къ ущелию, у котораго онъ увидѣлъ обширныя развалины укрѣпленнаго города, принимаемаго новѣйшими писателями за Термиссъ. Но эти развалины находятся у входу въ ущелие, между-тѣмъ какъ Аррианъ, въ подробномъ описанiи древняго Термисса, говоритъ именно, что, «Термисцы обитаютъ въ городѣ, расположенномъ на горѣ до того высокой, крутой, и утесистой, что городъ почти недоступенъ.» Надлежало, слѣдовательно, отыскивать мѣсто болѣе соответствующее этому описанiю. Путешественники направили путь свой отъ Адалии къ сѣверо-западу, по пашинской дорогѣ, къ гюльлюкскому проходу, гдѣ, какъ ихъ увѣряли, есть чудесныя развалины. Они остановились верстахъ въ пяти отъ проходу, въ большомъ четырехугольномъ зданiи, которое проводникъ ихъ называлъ *Эски ханъ*, древнею корчмою. Оно выстроено изъ тесанаго известняка; на каждомъ камнѣ видны еще надписи каменщиковъ. Зданiе окружено развалинами, между которыми болѣе всего замѣчательны водопроводы, сооруженныя изъ крѣпкихъ стѣнъ въ полторы сажени вышиною и пересѣкавшiе городъ по всѣмъ направленiямъ. Надпись *ΠΟΤΑΜΟΣ ΛΑΓΟΝΩΝ*, рѣка Лагонцевъ, то есть, искусственная рѣка, водопроводъ,—найденная на пьедесталѣ у оконечности одного изъ такихъ сооружений, удостовѣрила, что это развалины города Лагона, хотя донныѣ полагали его въ другомъ мѣстѣ.

Оставивъ Лагонъ, путешественники поѣхали къ Гюльлюку, самому сѣверному изъ двухъ проходовъ, ведущихъ изъ Солннiйскихъ Горъ на адалийскую равнину. Дорога идетъ по дну изсакашаго потока до подошвы горъ и входу въ ущелие, гдѣ любопытство опять сильно возбуждается съ лѣвой стороны видомъ древняго укрѣпленiя, вѣщающаго возвышенностью, съ правой—прекрасною греческой башней.

«Должна становилась уже и уже. Очевидно, мы входили въ важный проходъ; мѣстами видѣлись слѣды укрѣпленій; вдругъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ ущелія, предъ нами открылся рядъ превосходно выстроенныхъ греческихъ стѣнъ, совершенно уцѣлѣвшихъ; онѣ загораживаютъ ущеліе и были укрѣплены башнями. Единственный проходъ — узкая тропинка въ серединѣ. Укрѣпленія, о которыхъ упоминаетъ Аррианъ, ущеліе, которымъ проходили войска Александровы, были предъ нами, и на каждомъ поворотѣ мы ожидали увидѣть стѣны Термисса. Проводникъ указалъ на вершину горы, возвышавшейся надъ нами; по его свѣдѣніямъ, тамъ должны были находиться *хараве*, развалины. Пройдя съ милою за ворота укрѣпленія, мы достигли *хана*, постоялаго двора, состоящаго изъ трехъ каменныхъ зданій, съ кофейнымъ домомъ, содержимымъ турецкими солдатами. Одинъ изъ этихъ храбрыхъ воиновъ обрадовалъ насъ несказанно подтвержденіемъ словъ проводника о развалинахъ, существующихъ на сосѣдней горѣ:

Мы стали взбираться на гору. Черезъ нѣсколько времени пришли мы къ древней дорогѣ, между двумя высокими утесами. Слѣдуя по ней съ большимъ затрудненіемъ, по причинѣ деревь и густаго кустарника, увидѣли мы два древніе караульные дома, въ совершенной почти сохранности. Пройдя еще около мили, наконецъ вошли, въ чащѣ лѣсу, нѣсколько саркофаговъ; близъ одного изъ нихъ, на огромной скалѣ, были вырѣзаны большими буквами, слова: *ΠΛΑΤΟΝΙΚΟΣ ΦΙΛΟΣΟΦΟΣ*.

Перелѣзши черезъ низенькую стѣну, мы выбрались изъ чащи и вступили на открытую площадь, между двумя большими скалами. На этой площади, окруженной пропастями, есть множество древнихъ остатковъ: гробницы, саркофаги, развалины огромныхъ зданій, и одного, котораго часть дверей и рядъ ступеней, ведущихъ къ дверямъ, сохранился въ цѣлости. Земля усеяна обломками большихъ желобчатыхъ колоннъ. Желая сначала узнать пространство города, мы поспѣшили къ высшему краю площади. Тутъ долина гораздо уже, и загорожена крѣпкою стѣною, сохранившеюся въ совершенствѣ. За стѣною — развалины, величественнаго виду; насъ поразило въ особенности одно обширное зданіе, имѣющее видъ царскаго дворца, съ многочисленными дверями и окнами; оно уцѣлѣло почти до самой крыши; оно выстроено, подобно прочимъ зданіямъ, изъ прямоугольныхъ каменныхъ

глибь, безъ цемента. Передъ нами, какъ казалось, на вершинѣ горы, возвышалась третья стѣна; мы полагали найти тутъ акрополь, вышгородъ, цитадель. До-сихъ-поръ еще не попадалось документовъ, изъ которыхъ можно было бы вывести заключеніе о названіи города, но, подойдя къ третьей стѣнѣ, открыли пьедесталъ съ надписью, удостоверяющей, что это — дѣйствительно Термиссъ. У этой третьей стѣны, мы удивились, что мы еще видѣли только одно предмѣстье города и что самъ городъ Термиссъ — впереди, на вершинѣ горы, согласно съ Арриановымъ описаніемъ. Городъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ, окруженъ естественною стѣною изъ утесовъ, вышиною до четырехъ-сотъ футовъ; на западной сторонѣ мѣсто оканчивается страшною пропастью ущелія, ведущаго въ памфальскую долину.

«Переступивъ черезъ третью стѣну, вниманіе наше было привлечено къ двумъ длиннымъ параллельнымъ рядамъ пьедесталовъ, поставленныхъ плотно одинъ подлѣ другаго. Эта аллея заключается съ обохъ концовъ публичными зданіями, повидимому храмами. Пьедесталы почти всё съ надписями, болынею частію хорошо сохранившимися. Одна изъ нихъ гласитъ: *ΤΕΡΜΙΣΣΕΩΝΤΩΣ ΜΕΙΣΟΝΩΝ ΠΟΛΙΣ*, *Городъ Велико-термиссонцевъ.*

«Самая многолюдная часть города находилась, кажется, за аллеею къ западу, потому что руины, которыя находятся тамъ, имѣютъ всё видъ жилыхъ домовъ. Къ югу и къ востоку, мѣсто покрыто публичными зданіями; всё они — прочной постройки, и окружаютъ обширную площадь, которая, судя по надписи, служила агорою, вѣчевой площадью. Посреди находятся одинокая скала, футовъ въ пятнадцать вышиною; на вершинѣ ея стоитъ саркофагъ, безъ всякихъ украшеній; пониже саркофага, у верхней ступени лѣстницы, изсѣченной въ скалѣ, сдѣлано, въ скалѣ же, углубленіе со скамьею (алтарь?). Есть также ниши для обѣдныхъ досокъ. Агора подрыта обширными водоемами, которыхъ своды поддерживаются прочными столбами и арками. Въ средніе вѣка, кажется, эта площадь была окружена стѣнами и келіями монастыря, одного изъ весьма немногихъ памятниковъ христіанства, находящихся на этой горѣ. Въ Термиссѣ нѣкогда было епископство. Вокругъ агоры расположены главнѣйшія публичныя зданія, изъ которыхъ лучше всѣхъ сохранилось большое квадратное строеніе о двухъ окнахъ, продѣланныхъ на довольно значительномъ разстояніи отъ земли, и украшенное дорическими пи-

лестрами. Позади этого строенія, составляющаго самый замѣчательный предметъ между здѣшними развалинами, есть другое такое же, но вѣскольکو меньше, а тамъ — еще третье, впереди котораго стоятъ два пьедестала, съ надписями: одна въ честь Платону, бывшему, какъ кажется, въ большомъ уваженіи у Термиссовцевъ; другая, въ честь музамъ. Это зданіе было, вѣроятно, училище. На одной сторонѣ агоры, влѣво отъ большого квадратнаго зданія, лежатъ развалины дорическаго храма, посвященнаго Солнцу. Тутъ есть обломки паросскаго мрамора. Стоило бы разрыть эти груды: вѣрно, открылось бы множество драгоценныхъ памятниковъ древняго искусства.»

Театръ здѣшній находится въ отличной сохранности. Многія изъ развалинъ и изсѣченныхъ гробницъ принадлежатъ времени римскаго владычества. Надписей тѣмъ: чтобы списать ихъ, потребовалось бы вѣскольکو ведѣн.

На пути отъ Термисса, чрезъ Миліаду и Кивирать, по той дорогѣ, которою шли римскія войска предводительствуемая Манліемъ, путешественники провели три дня въ Степезѣ, деревнѣ, лежащей въ трехъ-тысячахъ пяти-стахъ футахъ надъ уровнемъ моря. Они посвятили одинъ день на разсмотрѣніе слѣдовъ какого-то древняго города, лежащаго по близости деревни. Не было никакихъ надписей, изъ которыхъ бы они могли узнать названіе. Но, судя по описанію похода Манлія у Ливія, это должно быть — Мандрополь. Мѣстоположеніе согласуется съ описаніемъ. *Мандрополисъ* значитъ *овце-городъ*. Мы отсюда не желаемъ пускаться вмѣстѣ съ учеными путешественниками въ корисловныя догадки о причинѣ такого названія или въ доказательства совершеннаго приличія его.

Открытое подальше большое озеро или болото, можно, кажется, принять за озеро Каралисъ, или Каралитисъ, на берегахъ котораго войска Манлія стояли лагеремъ, слѣдуя въ Мандрополь. Обширное пространство воды заросло все камышемъ и видомъ вовсе не походить на горныя озера: оттого, вѣроятно, Ливій и называетъ его *palus*.

Недалеко отъ Хорзума поселяне указали намъ на одну мѣстность, всторонѣ отъ деревни, гдѣ есть развалины большаго города, который оказался Кивирою. Въ нижней Ликіи, избилующей лѣсомъ, рѣзба на камнѣ дѣлалась въ подражаніе дереву; между тѣмъ какъ въ Кивирѣ, мало-азійской Тулѣ, остатки рѣзбы по-

ходятъ рисункомъ на желѣзные издѣлія. Желѣзная руда попадаетъ всюду въ окрестностяхъ кивиратской равнины, и Страбонъ говоритъ, что Кивираты были превосходные рѣзчики по желѣзу.

Эпоанда и Бальбуры уже извѣстны были по открытіямъ господина Госкина, а Кивираты найдены теперь. Но въ древности на этой равнинѣ красовались четыре города, кивиратское *тетрагородье*, tetrapolis; не доставало еще города Вувона или Бубона, и въ Япаджикѣ, у подошвы крутой ковчешской возвышенности, верстахъ въ двухъ къ югу отъ деревни, множество тесанныхъ камней и разбитыхъ саркофаговъ указали на древнее городище. На скатѣ возвышенности отысканы въ одной надписи слова: *ΒΟΥΒΑΝΕΩΝ Η ΒΟΥΛΗ ΚΑΙ Ο ΛΗΜΟΣ*.... *Сенатъ и народъ бубонскій*.... Названіе Бубона дважды упомянуто въ этой надписи, чрезвычайно интересной по своему содержанію: «*Сенатъ и народъ бубонскій, принималъ въ должное соображеніе отличную услугу, оказанную отечеству высокочестною гражданкою Фансою Иракливною великимъ приумноженіемъ числа бубонскаго юношества, приказалъ: означенной высокочестной Фансѣ соорудить на публичной площади торжественный монументъ въ вѣчную и незабвенную память рѣдкой ея плодovitости, съ водруженіемъ мраморной статуи ея и съ прописаніемъ подлежащаго опредѣленія.*» Видно, веселый былъ народъ и любилъ фарсы — потому что такой надписи нельзя приписывать серьезнаго значенія. Развалины города не очень обширны и, въ архитектурномъ отношеніи, не представляютъ большой занимательности.

Въ Бальбурѣ есть два театра: одинъ расположенъ на южной сторонѣ акропольской горы и повелѣваетъ прекраснымъ зрѣлищемъ; въ діаметрѣ онъ — сто два фута; въ немъ шестнадцать рядовъ мѣсть, прерванныхъ въ серединѣ большою массою скалы, оставленной въ первобытной грубости. При первомъ взглядѣ, кажется, будто этотъ театръ не былъ окончательно достроенъ, но, по ближайшемъ разсмотрѣніи, вы видите, что оконечности рядовъ мѣсть плотно и гладко прилажены къ неровностямъ скалы, которой центръ выдолбленъ какъ-бы для помѣщенія губернаторскихъ креселъ или трона. Это единственное въ своемъ родѣ устройство представляетъ видъ чрезвычайно живописный. Впередн театра, на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно бываетъ аванцена, устроена площадка на одной плоскости съ ареною; передъ отдѣляется высокою стѣною изъ многоугольныхъ камней съ под-

порами; являетъ прекраснѣйшій образецъ этого роду каменной работы, и къ тому жъ превосходно сохранился. Второй театръ не менѣ замѣчательнъ; онъ лежитъ въ ущелии, напротивъ горы, у южнаго берега рѣки. Единственная строенная часть его — сводчатая арена, во сто-пятьдесятъ футовъ въ діаметръ. Углубленіе въ скатъ горы служитъ ей амфитеатромъ. Скала вытесана такъ, что представляетъ рядъ грубыхъ скамей или мѣстъ для зрителей.

Въ Эноандѣ до-сихъ поръ не замѣчено театра, но и тамъ театръ есть; остатки его скрыты въ ущелии, на скатѣ горы, дотога поросшей лѣсомъ, что можно пройти вѣсколько разъ мимо этой руины и не замѣтить ея.

И такъ мы теперь знаемъ, видимъ, попираемъ ученою стопой —

Cragon, et Limyren, Xanthique undas.

Но Ликія — не Ликія, покуда не отыскана Химера. Химера была извѣстна всему древнему свѣту. Никто не сомнѣвался въ ея существованіи. Многіе видали ее собственными глазами.

Chimæra jugo mediis in partibus ignem,
Pectus et ora leæ, caudam serpentis habebat.

Огонь извергался изъ спины ея, въ видѣ гривы. Пасть и грудь были какъ у львицы, а хвостъ — змѣиный. Куда дѣвалась она? Нѣтъ ли хоть обломковъ скелета этого интереснаго чудовища?... Какъ не быть! Антикварское терпѣніе все откроетъ. Химера найдена. Въ горахъ крагскихъ, не вдалекѣ отъ деревни Деликташа, на одномъ скатѣ капитанъ Бофортъ нашелъ январъ, вѣчный огонь. Это и есть Химера древнихъ писателей. Огонь горитъ ярко и пламя представляетъ довольно значительный объемъ. Январъ этотъ находится въ Сизимѣ. Кромѣ главнаго пламени, въ углу развалинъ, видны еще небольшіе огневые языки, выходящіеся изъ трещинъ въ сторонахъ углубленія, похожаго на кратеръ. Если ударить въ землю топоромъ или камнемъ, то почва издаетъ эхо, показывающее пустоту подъ камнемъ, какъ въ Сольфатарѣ, близъ Неаполя. Чудовища вы не видите — да и нельзя видать его: оно ужасно и не выходитъ изъ этого подземелья; но оно — тамъ дѣйствительно; вы видите пламя! это его грива! Одни только жрецы, послѣ надлежащихъ очищеній и долгихъ молитвъ, могли безнаказанно спускаться въ таинственную нещеру, созерцать страшлище и укрощать его лютость яства-

ми, изготовляемыми по рецепту, сообщенному богам. Янаръ не что иное какъ струя горячаго газа, пробивающагося сквозь трещины, между слоемъ серпентина и скали. Подобныя огненныя струи находятся во многихъ мѣстахъ въ Аппенинскихъ Горахъ. Серпентинъ, которымъ окружено пламя, имѣетъ видъ, фута на два, обожженный и пепеловатый; но все остальное, по сосѣдству янара—точно какъ было во время Сенеки: «*Læta itaque regio est et herbida, nil flammis adurentibus.*»

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

О РАБОТѢ ДѢТЕЙ И ЖЕНЩИНЪ НА ФАБРИКАХЪ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Чудныя изобрѣтенія механики, примѣненной къ искусствамъ, ознаменовавшія осьмнадцатое столѣтіе, доставили человѣку возможность располагать силами неорганической природы на пользу общественной жизни: подчинивъ ихъ своей власти, онъ приобрѣлъ себѣ неутомимаго помощника въ самыхъ трудныхъ работахъ, требующихъ величайшаго напряженія силы. Участь работника облегчилась и въ то же время увеличились способы къ развитію мануфактурнаго производства. Но если, съ одной стороны, работникъ выигралъ тѣмъ, что трудъ его сталъ не такъ утомителенъ, то съ другой стороны, онъ потерпѣлъ вскорѣ отъ чрезмернаго продолженія работы.

Могучіе механизмы, посредствомъ которыхъ развивается и передается двигательная сила для разнообразнѣйшихъ работъ, вмѣщаютъ въ себѣ значительный капиталъ, произведеніе котораго, то есть денежный процентъ, возрастаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ продолжительнѣе и сильнѣе ихъ дѣйствіе. Слѣдователь-

но, интересъ фабриканта требуетъ сокращать до крайней возможности время отдыха: выгодѣйшая степень совершенства, въ этомъ отношеніи, была бы достигнута, если бы возможно было непрерывать машинную работу. Чтò же препятствуетъ достиженію этой цѣли, для усугубленія государственнаго и частнаго богатства? Человѣческая природа и опредѣленные ею границы для употребленія человѣческихъ силъ.

Всякія машины, даже тѣ изъ нихъ, которыя, кажется, всего лучше могли бы дѣйствовать сами собою, непрерывно требуютъ пособія человѣка, для приведенія ихъ въ движеніе, для поддержанія ихъ дѣйствія, для доставленія имъ матеріалу, который, они передвигаютъ, перерабатываютъ, и наконецъ, для принятія мѣръ противъ случайностей, могущихъ испортить, измѣнить или остановить дѣйствіе механическаго двигателя. Для присмотру за нимъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, можно поставить женщину вмѣсто мужчины, юношу вмѣсто взрослога человѣка, малолѣтняго вмѣсто юноши, но всегда необходимо имѣть, при машинѣ, существо съ душою и чувствами, существо, которое можетъ видѣть, соображать и исправлять дѣйствіе механизма.

Такимъ образомъ, выгоды производителя требуютъ во-первыхъ употреблять, для надзора за неодушевленными двигателями, способныхъ работниковъ, которые, по малолѣтству и слабости ихъ, обходятся не такъ дорого и послушнѣе выносятъ обремененіе ихъ работою; во-вторыхъ, замѣщать меньшую трату человѣческой силы продолжительнѣйшимъ занятіемъ работниковъ, оставляя имъ какъ можно мевѣ времени для отдыха. Духъ коммерческой расчетливости, направленный на этотъ путь, увлекъ фабрикантовъ до того, что они стали требовать отъ работниковъ крайняго напряженія труда, который истощаетъ ихъ продолжительностію работы, а не степенью усилій, на нее употребляемыхъ. Между-тѣмъ, какъ рабочее время на фабрикахъ чрезмѣрно увеличивалось, тотъ же духъ расчетливости, почитающій людей вещами, сталъ довершать преобразование мануфактурныхъ производствъ, стремясь замѣнить силу взрослога человѣка неодушевленными двигателями, а ловкость и проворство его тѣми же качествами женщины, юноши и даже дитяти, чтобы сдѣлать экономію на работной платѣ. Фабрики, открывъ свои мастерскія для работниковъ обоюго пола и трехъ возрастовъ, употребили въ свою пользу совмѣстничество ихъ въ приисканіи занятія, а механическіе двигатели болѣе и болѣе увлекали ихъ къ продолжительнѣйшей работѣ, къ работѣ днемъ и ночью, чтобы достигнуть какъ

можно ближе до безостановочнаго движенія, до непрерывнаго пребыванія въ дѣйствиі.

Но когда ежедневное рабочее время было доведено уже до такой степени, что дальѣйшее продолженіе его не могло не имѣть вредныхъ послѣдствій для здоровья взрослыхъ людей въ полномъ развитіи ихъ силъ, тогда крайняя мѣра этой работы для юношей и въ особенности для дѣтей уже выходила изъ границъ, опредѣленныхъ природою.

Въ Англіи, врачи и духовенство первые возвысили голосъ противъ этого угнѣтенія, которому подверглась слабая и незащитная часть человѣческаго рода. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что многіе изъ фабрикантовъ, по совѣсти и человѣколюбію, собогъзнуя о бѣдственной участи работниковъ, желали, чтобы для всѣхъ фабрикъ былъ установленъ благоразумный размѣръ рабочаго времени, на тотъ конецъ, чтобы фабриканты, умѣреннѣйшіе въ своихъ требованіяхъ, не сдѣлались жертвами своей умѣренности, при упорномъ совмѣстствѣ между производителями.

Одушевляемый этими чувствами, одинъ изъ богатѣйшихъ англійскихъ фабрикантовъ, Робертъ Пиль (отецъ знаменитаго министра) представилъ нижнему парламенту, въ 1802 году, проектъ закона о фабричныхъ работникахъ. Этотъ проектъ, безпрепятственно утвержденный парламентомъ, имѣлъ цѣлю (какъ показываетъ самое заглавіе парламентскаго акта) *, сохраненіе нравственности и здоровья молодыхъ людей, употребляемыхъ на машинодѣйствующихъ фабрикахъ.

Этимъ парламентскимъ актомъ воспрещено требовать отъ малолѣтныхъ мастеровыхъ ночной работы послѣ девяти часовъ вечера и до шести часовъ утра; въ остальную часть сутокъ, воспрещено заставлять работать учениковъ болѣе двѣнадцати часовъ, изъ которыхъ должно быть еще удѣляемо, всякій рабочій день, достаточное время на первоначальное обученіе; сверхъ того, законъ предписывалъ назначать особый часъ, въ каждое воскресенье, для преподаванія Закона Божія.

Исполненіе этихъ человѣколюбивыхъ мѣръ встрѣтило, однако, величайшія затрудненія даже въ той странѣ, гдѣ уваженіе къ законамъ есть не только самоотверженіе, но можетъ-быть подоблено преданности къ святынѣ.

* An act for the preservation of the health and morals of apprentices and others, employed in cotton and woolen mills, and cotton and woolen factories. 42-е Georg. III, cap. LXXIII.

Промышленная Англія приступила къ соблюденію новаго устава о работникахъ, изыскивая всё способы, чтобы уклониться отъ строгаго исполненія его правилъ.

Въ каждомъ округѣ, надзоръ за прядильными, употребляющими малолѣтнихъ работниковъ, былъ возложенъ на мирнаго судью съ пасторомъ. Но значительнѣйшіе прядильные фабриканты, имѣя тогда фабрики въ селеніяхъ, тамъ, гдѣ находятся текучія воды, сдѣлались, по своему влиянію и богатству, бѣльшую частью мирными судьями, и этимъ званіемъ своимъ охраняли свои заведенія отъ надзору. Не прежде какъ по прошествіи тридцати лѣтъ, отвращено это первое злоупотребленіе.

Для вѣрнѣйшаго обезпеченія своихъ выгодъ, англійскіе фабриканты воспользовались толкованіемъ закона, сообразнымъ ихъ видамъ.

Въ началѣ вынѣшняго столѣтія, когда былъ введенъ уставъ о фабричныхъ работникахъ, на прядильныхъ фабрикахъ употребляли въ работу дѣтей и юношей, которые, по общему правилу о ремесленномъ обученіи, поступали въ эти заведенія на семь лѣтъ.

Въ новомъ уставѣ (1802 года), молодые работники названы учениками (*apprentices*), а не просто юношами или дѣтьми.

Фабриканты, на этомъ основаніи, перестали заключать контракты на приѣмъ этихъ работниковъ для обученія, на семь лѣтъ; вмѣсто того, они начали нанимать ихъ на короткіе сроки, сперва погодно, потомъ помѣсячно, потомъ понедѣльно. Пока работники были нанимаемы на долгій срокъ, фабриканты находили свою выгоду въ томъ, чтобы не истощать ихъ въ первые годы, для извлеченія отъ нихъ большей пользы напоследокъ, не обезсилывать ихъ сразу, изъ опасенія, чтобы они не заболѣли, потому что тогда понадобилось бы лечить и кормить ихъ, не давая имъ работы. Это соображеніе противодѣйствовало интересамъ, побуждавшимъ усиловать работу до крайности.

Но лишь только англійскіе фабриканты придумали обращаться къ приходскимъ смотрителямъ (*overseers*), для приобрѣтенія дѣтей бѣднаго класса, чтобы освободить отъ нихъ городское призрѣніе, съ-тѣхъ-поръ ничто не могло болѣе положить преграду чрезмѣрной работѣ, возложенной хозяевами на дѣтей, удаленныхъ отъ отцовъ и матерей, отъ родственниковъ и ближнихъ, которые бы наблюдали и заботились о ихъ благосостояніи.

Другой переворотъ въ промышленности еще увеличилъ число жертвъ ненасытной корысти.

Паровая машина, въ своемъ усовершенствованномъ видѣ, при-

обруталась болѣе и болѣе перевѣсу надъ вододѣйствующими двигателями. Количество и сила послѣднихъ были ограничены; для паровыхъ машинъ нѣтъ предѣла въ этомъ отношеніи: ихъ можно заводить во всѣхъ мѣстахъ, благопріятныхъ для торговли и производительности.

Выгоднѣйшимъ средоточіемъ для заведеній съ паровыми машинами признаны города и мало по малу народонаселеніе ихъ сдѣлалось огромнымъ. Оно непрерывно доставляло на фабрики множество дѣтей, заступавшихъ мѣсто тѣхъ, которыя изнемогали или становились неспособными къ работѣ. Такимъ образомъ, зло распространялось и усиливалось.

Въ замѣчательномъ сочиненіи Леона Фоше (Faucher) объ Англіи, которое есть плодъ мѣстныхъ наблюдений его въ послѣдніе годы, можно найти вѣрное изображеніе пагубныхъ послѣдствій отъ фабричныхъ работъ, доведенныхъ до крайняго напряженія въ главныхъ мануфактурныхъ городахъ этого государства.

Весьма естественно, что англійское законодательство изыскивало средства къ отвращенію этихъ чрезмѣрныхъ бѣдствій, но всѣ усилія его уничтожились отъ препятствій, встрѣчавшихся на каждомъ шагу.

Лишь только какая-нибудь физическая или нравственная сила распространяетъ свое господство, всегда являются вслѣдъ за нею софисты, которые вспомоцествуютъ торжествующей власти не только строгостью, но и лестью своихъ разсужденій. Такимъ образомъ возникла «промышленная логика», которая, подъ видомъ экономіи, стала оправдывать, превозносить это господство механическихъ силъ надъ одушевленными, это неограниченное порабощеніе работника въ пользу машинъ: пужно видѣть борьбу этой логики съ закономъ.

Уставъ 1802 года, принятый такъ сказать нечаянно, прежде нежели успѣли предусмотрѣть его цѣль и отразить его софизмами, этотъ уставъ, упоминавшій только объ ученикахъ, распространялся на небольшое число дѣтей, въ одномъ разрядѣ мануфактуръ, не имѣвшемъ тогда, по числу ихъ, пятой доли того значенія, какое онъ имѣетъ въ нынѣшнее время. Уставъ 1802 года произвелъ такое слабое впечатлѣніе, что въ исторіи парламентскихъ преній не находимъ ни одного слова, которое напоминало бы о представленіи проекта этого закона и о возбужденныхъ имъ разсужденіяхъ. Но дѣло приняло другой видъ въ борьбѣ, начавшейся послѣ общаго мира, когда возгорѣлась про-

вышленная война между европейскими государствами, съ возста-новленіемъ ихъ торговыхъ сношеній.

Винювникъ устава 1802 года, видя съ прискорбіемъ, что лукавство и корысть противодѣйствуютъ исполненію этого закона, что злоупотребленія непрерывно возраждаются и становятся еще пагубнѣе, Робертъ Пиль (отецъ министра) возобновилъ свои усилія: уже въ 1815 году онъ представилъ нижнему парламенту новый проэктъ закона о распространеніи на всѣхъ малолѣтнихъ работниковъ силы прежняго закона, относившагося только къ тѣмъ изъ нихъ, которые поступали на фабрики для обученія.

Несмотря на очевидную справедливость такого предложенія, парламентъ призналъ нужнымъ собрать подробнѣйшія свѣдѣнія по этому предмету и для того учредилъ особую комиссію. Парламентскія засѣданія 1815, 1816 и 1817 годовъ прошли во время этихъ предварительныхъ изслѣдованій.

Въ 1818 году, парламентъ ревностнѣе принялся за проэктъ закона о малолѣтнихъ рабочихъ, состоявшій въ томъ, чтобы отъ мастеровыхъ моложе шестнадцати лѣтъ не требовать работы болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки, включая въ это число время на отдыхъ и на обученіе ихъ.

Одинъ человекъ, именно Уилберфорсъ, освѣтилъ этотъ вопросъ своимъ свѣтлымъ взглядомъ, который, однако, проникнулъ въ умы и овладѣлъ ихъ убѣжденіями не прежде, какъ пятьнадцать лѣтъ спустя. Онъ не одобрялъ предложенной классификаціи работниковъ и не соглашался подчинить одинаковому числу рабочихъ часовъ цѣлый классъ мастеровыхъ, опредѣленный закономъ, гдѣ всѣ работники отъ девяти до шестнадцати лѣтъ безъ различія назывались дѣтьми. Онъ находилъ, что несправедливо и жестоко было бы требовать отъ девятилѣтнихъ дѣтей такой продолжительной работы, какая возлагается на дѣтей отъ четырнадцати до шестнадцати лѣтъ. Поэтому онъ предлагалъ установить два срока рабочихъ часовъ для двухъ различныхъ классовъ, помѣстивъ въ одинъ классъ дѣтей отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ, а въ другой отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ.

Наконецъ, послѣ приготовительныхъ изысканій, продолжавшихся три года, начались, въ 1818 году, парламентскія пренія объ этомъ вопросѣ.

Софизмъ явился въ полномъ вооруженіи, готовый вступить въ борьбу. Поклонники денежнаго интересу стали защищать именовъ свободы покупку, наемъ и порабощеніе людей всякаго возраста, для механическихъ двигателей; промышленная арифметика, своимъ

суровымъ языкомъ и ради своей неутомимой теоріи, стала требовать неограниченной свободы тамъ, гдѣ ежедневно торгуютъ трудомъ, здоровьемъ, жизнью женщинъ, юношей и дѣтей. Свобода! Она не существуетъ въ Англии для того, кто продаетъ свой трудъ. Въ страгѣ, гдѣ народонаселеніе возрасло отъ осьми до шестнадцати милліоновъ менѣе чѣмъ въ полвѣка, гдѣ земледѣльцы даже не находятъ занятія для всѣхъ своихъ дѣтей, обрабатывая землю наименьшимъ числомъ рукъ, между-тѣмъ какъ остальной рабочей народъ, для прокормленія себя, устремляется къ фабрикамъ, которыя болѣе и болѣе, съ возрастающимъ успѣхомъ, замѣняютъ человѣческія силы механизмомъ и машинами, въ такой странѣ, число людей, предлагающихъ свой трудъ, всегда превышаетъ дѣйствительную потребность въ нихъ. Тамъ предписываетъ условія тотъ, кто нанимаетъ работника; послѣдній подчиняется имъ и неволенъ отказаться; если для него самого нѣтъ тѣни свободы, въ этомъ отношеніи, то еще менѣе пользуются ею тѣ, которые отдаются въ наймы, сынъ, дочь, жена работника, подвластные отцу, опекуну или мужу; малолѣтнихъ дѣтей и женщинъ отдаютъ въ работу, не спрашивая ихъ согласія, когда дѣло идетъ объ ихъ участи. Вотъ до какой степени употреблялось во имя свободы, для поддержанія промышленныхъ интересовъ.

Во время этихъ парламентскихъ преній, тысячи рабочихъ, отцевъ семействъ, обращались къ нижнему парламенту съ покорными, убѣдительными просьбами: они умоляли именемъ дѣтей своихъ, предохранить ихъ отъ чрезмѣрной работы, уменьшенія которой, въ справедливомъ размѣрѣ, они не въ состояніи требовать отъ фабрикантовъ. Этотъ плачь, эти прошенія, были краснорѣчивѣйшимъ опроверженіемъ той мнимой свободы, которая была для нихъ провозглашаема, но на дѣлѣ оказывалась несбыточною.

Злополучные просители ходатайствовали не за однихъ своихъ дѣтей. Новѣйшая промышленность, заставляя машины дѣйствовать со всевозможною быстротою, для соразмѣрнаго умноженія своего производства и своихъ выгодъ, требуетъ отъ работниковъ высшей степени силы и проворства. Лишь только человѣкъ перейдетъ за возмужалый возрастъ, лишь только движенія его сдѣлаются вялыми, онъ признается неспособнымъ; находятъ, что онъ старѣетъ въ сорокъ лѣтъ и почтаютъ его старикомъ въ сорокъ пять *. Въ случаѣ сокращенія работъ на мануфактурахъ,

* Въ 1839 году, по отчетамъ о манчестерскихъ и стокпортскихъ фабри-

при слабыхъ заказахъ, работники, дожившіе отъ сорока до сорока-пяти лѣтъ, увольняются. Когда мануфактурное производство вновь оживится, изгнанный мастеровой является на фабрику, чтобы снова приняться за работу, но ему отказываютъ, считая его уже негоднымъ. Вотъ другой поводъ, заставляющій работниковъ ходатайствовать объ опредѣленіи закономъ рабочихъ часовъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы онъ былъ сносите для дѣтства и продолжительнѣе для зрѣлаго возраста.

Личный интересъ тотчасъ возсталъ противъ этихъ домогательствъ. Въ парламентѣ провозглашаютъ, что просьбы о томъ поступили отъ людей, принадлежащихъ къ низшему слою тѣхъ классовъ народа, которые обязаны трудиться. Увѣряютъ, что эти праздноты не хотятъ работать, какъ слѣдуетъ, въ потѣ лица. Утверждаютъ, что они ослѣплены безразсудною надеждою, въ предположеніи, что когда работа будетъ сокращена и облегчена для молодыхъ мастеровыхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшены будутъ рабочіе часы и для нихъ самихъ, и что притомъ рабочая плата не убавится. Врачей, пасторовъ, почетныхъ лицъ всякаго званія, своимъ засвидѣтельствомъ подкрѣплявшихъ домогательства отцовъ семействъ, почитали за людей тщеславныхъ, легкомысленныхъ, снисходительныхъ, и потому ихъ мнѣнія казались не заслуживающими ни малѣйшаго вниманія.

Все это повторялось съ неизмѣнною увѣренностью до тѣхъ поръ, пока эти отрицательные доводы не были опровергнуты въ нижнемъ парламентѣ строгимъ краснорѣчіемъ Роберта Пилля, защищавшимъ проэктъ, представленный его отцомъ, и дока не возвысилъ свой голосъ, въ верхнемъ парламентѣ, епископъ Честерскій, въ епархіи котораго находятся девять десятыхъ изъ числа мануфактуръ, подчиненныхъ дѣйствию закона, который требовалъ измѣненія. Отзывъ этой духовной особы не могъ быть перетолкованъ, подобно словамъ простыхъ работниковъ, принятымъ съ насмѣшкою и презрѣніемъ. «По долгу моего духовнаго званія, сказалъ онъ, я былъ обязанъ лично посѣтить многочисленныя мануфактуры въ моей епархіи, гдѣ здоровье и нравственность такого множества слабыхъ существъ, по словамъ однихъ ни сколько не терпятъ, а по увѣренію другихъ много терпятъ отъ работы, которая, будучи продолжаема чрезмѣрно, притупляетъ

какъ, изъ двадцати-двухъ тысячъ девяноста-четырехъ работниковъ на прядильняхъ было только сто-сорокъ-три достигшихъ сорока-пяти лѣтъ; приходится мевѣ семи человекъ на тысячу.

ихъ понятія и истощаетъ ихъ силы. Я исполнилъ свой долгъ; я видѣлъ все своими глазами и утверждаю, что работа доведена до такой крайности, что она не только имѣетъ опасныя послѣдствія для силъ и способностей юныхъ существъ, взнуряемыхъ ею, но угрожаетъ даже ихъ жизни.»

Верхній парламентъ, увлеченный такимъ сильнымъ и уважительнымъ отзывомъ, привялъ проектъ, уже одобренный нижнею палатою, и спустя нѣсколько дней по утвержденіи его королевскою властью, онъ сдѣлался парламентскимъ актомъ 1819 года, распространившимъ покровительство закона, безъ изыятія, на всѣхъ дѣтей, употребляемыхъ въ работу на фабрикахъ, до которыхъ онъ относится.

Но эта побѣда, купленная послѣ борьбы и проволочекъ, длившихся четыре года, достигла своей цѣли въ самомъ ограниченномъ видѣ. Желаніе, высказанное великодушнымъ Уилберфорсомъ (Wilberforce) не исполнилось. Законъ охранялъ, своимъ покровительствомъ, нѣжный дѣтскій возрастъ, въ такой же мѣрѣ, какъ и юношей, близкихъ къ зрѣлымъ лѣтамъ. Парламентъ опредѣлилъ на работу двѣнадцать часовъ въ сутки, во всю недѣлю; такое рабочее время называлось для дѣтей отъ девяти до шестнадцати лѣтъ. Этотъ ужасный размѣръ, кажется, могъ удовлетворить корыстолюбію самыхъ взыскательныхъ фабрикантовъ. На дѣлѣ вышло не такъ.

Была рѣчь о недостаткахъ и недовѣрчивости безвозмезднаго надзору, но жалованья инспекторамъ не назначено; не принято ни какихъ мѣръ на тотъ конецъ, чтобы надзоръ производился бдительно и съ пользою; инспекторамъ даже не обезпечено право безпрепятственно посѣщать мануфактуры.

Этимъ пропусками въ законѣ радостно воспользовались его враги; срокъ, опредѣленный для работы, былъ болѣе и болѣе нарушаемъ, и злоупотребленія дошли до такой степени, что опять понадобилось прибѣгнуть къ законодательной власти.

Господинъ Хобхузъ (Hobhouse), съ 1825 года возсталъ противъ чрезмѣрной работы, снова требуемой англійскими фабрикантами; онъ объявилъ, въ нижнемъ парламентѣ, что попечительныя законовенія 1802 и 1819 годовъ нарушаются постыднымъ образомъ.

Робертъ Пилъ (отецъ), удрученный лѣтами и довольный уже тѣмъ, что самъ былъ виновникомъ двухъ первыхъ уставовъ, не домогался объ изданіи еще новаго закона. Сынъ его, ревностно содѣйствовавшій принятію втораго устава 1819 года, занимая въ

последствіи должностъ статсъ-секретаря, объявилъ, что онъ воспротивится дальнѣйшему уменьшенію рабочихъ часовъ, определенныхъ для малолѣтнихъ работниковъ на мануфактурахъ. Единственное удовлетвореніе, которое онъ предложилъ, состояло въ изъявленной имъ готовности сдѣлать распоряженіе, чтобы лица, надзирающія за мануфактурами, были допускаемы къ осмотру ихъ, въ случаѣ надобности.

Постановленіемъ, изданнымъ въ 1825 году, субботняя работа была уменьшена на три часа для работниковъ не старѣе шестнадцати лѣтъ. Съ тѣхъ-поръ, среднее рабочее время ихъ составило не менѣе одиннадцати съ половиною часовъ въ сутки.

Въ 1832 году, господинъ Садлеръ явился сильнымъ подвижникомъ въ защиту дѣтей, употребляемыхъ на мануфактурахъ. Но въ то же время, какъ побѣда склонялась въ пользу этихъ чело-вѣколюбивыхъ усилій, парламентъ былъ распущенъ: мужъ добра, съ неутомимою ревностью боровшійся за реформу, которою дорожили всѣ друзья чело-вѣчества, господинъ Садлеръ не былъ вновь избранъ въ число членовъ парламента.

Призваніе, которое возложилъ на себя плебей, было принято патрициемъ: лордъ Эшлей (Ashley) овладѣлъ ареною, гдѣ онъ четырнадцать лѣтъ сряду сталъ подвизаться съ неутомимымъ постоянствомъ, обнаруживая во всѣхъ случаяхъ высокій талантъ и благородство своей души.

По окончаніи, происходившаго подъ его предсѣдательствомъ, изслѣдованія, которое можно считать образцовымъ, онъ предложилъ знаменитый проектъ закона 1833 года, который и былъ принятъ парламентомъ по его настоянію.

Главная и отличительная черта этого устава есть исполненіе мысли, высказанной Уильберфорсомъ еще въ 1818 году, именно раздѣленіе работы на два класса по степенямъ малолѣтнаго возраста.

Подъ названіемъ «молодыхъ людей» (young persons) законъ разумѣтъ работниковъ отъ осьмнадцати до тринадцати лѣтъ и запрещаетъ требовать отъ нихъ работы болѣе шестидесяти-девяти часовъ въ недѣлю: среднимъ числомъ одиннадцать съ половиною часовъ въ сутки.

Подъ названіемъ «дѣтей» (children) разумѣются всѣ дѣти моложе тринадцати лѣтъ и воспрещается заставлятъ ихъ работать болѣе осьми часовъ въ сутки.

Другое существенное нововведеніе, почти неслыханное въ исторіи англійской администраціи, состояло въ учрежденіи инспекто-

ровъ для надзору за работами на мануфактурахъ, съ жалованьемъ отъ казны и съ правами, присвоенными лицамъ, находящимся въ государственной службѣ.

Для достиженія этой цѣли нужно было противоборствовать чувствамъ высокой гордости, связаннымъ съ коренными идеями о личномъ достоинствѣ. Богатѣйшій фабрикантъ не могъ быть болѣе царемъ въ своемъ домѣ, какъ самый бѣдный поселянинъ! Чиновнику отъ правительства дано право войти въ домъ англійскаго фабриканта именемъ закона, для изслѣдованія господствуетъ ли тамъ законъ о работѣ, а не произволъ хозяина!

Но продолжавшіяся тридцать лѣтъ постыдныя для человѣчества злоупотребленія съ крайними притѣсненіями для дѣтскаго возрасту и очевидныя доказательства безпечности, слабости и недостатку надзора со стороны мирныхъ судей, возмутили парламентъ противъ безнаказанности, которой не было конца. Она вынудила напослѣдокъ прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, принятія которой всего менѣе можно было ожидать отъ нижней палаты, всегда ревностно защищающей права народной свободы.

Для надзору за мануфактурами опредѣлены четыре главныхъ инспектора съ помощниками. Имъ предоставлена значительная власть и положено содержаніе, какое въ Англіи назначается должностнымъ лицамъ, которыя, подъ бременемъ высокой нравственной отвѣтственности, находятся въ борьбѣ съ интересами богатства. Жалованье, назначенное этимъ инспекторамъ, свидѣтельствуеетъ о мудрой щедрости законодательнаго собранія.

Правительство оправдало довѣріе парламента превосходнымъ выборомъ лицъ, на которыхъ возложены эти обязанности. Главные инспекторы — люди, достойные уваженія по своимъ способностямъ и характеру. Повременныя донесенія ихъ представляются парламенту и публикуются безъ всякихъ перемѣнъ или пропусковъ, сообразныхъ съ какими-нибудь видами.

Со времени учрежденія званія инспекторовъ, министерство и законодательная власть пріобрѣли точныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи мануфактуръ, о времени и родѣ занятій, требуемыхъ отъ работниковъ и о вліяніи законовъ, охраняющихъ юношескій и дѣтскій возрастъ.

Донесенія инспекторовъ вскорѣ обнаружили необходимость объяснить и опредѣлить съ болѣею точностью правила, изложенныя въ уставѣ 1833 года, увеличить пени за нарушеніе ихъ, усилить средства, права и власть инспекторовъ. Новый уставъ, вступившій въ дѣйствіе съ 1 января 1840 года, распространенъ на всѣ

заведенія, въ которыхъ обрабатываются хлопчатая бумага, шерсть, волосъ, пенька, ленъ и шелкъ, или выдѣлываются какія-нибудь издѣлія изъ пряжи, сработанной изъ этихъ матеріаловъ.

Этимъ уставомъ запрещено употреблять въ работу дѣтей моложе девяти лѣтъ и постановлено занимать работою малолѣтнихъ, моложе тринадцати лѣтъ, не болѣе сорока-осьми часовъ въ недѣлю, или осьми часовъ въ сутки, а юношей отъ тринадцати до осемнадцати лѣтъ—не болѣе шестидесяти-девяти часовъ въ недѣлю, или двѣнадцати часовъ въ сутки. Употребленіе въ ночную работу, какъ малолѣтнихъ такъ и юношей, воспрещено; изъятіе изъ этого правила допущено только для вознагражденія утраченнаго времени на вододѣйствующихъ фабрикахъ при недостаткѣ или излишествѣ воды: въ такомъ случаѣ дозволяется прибавлять одинъ часъ къ дневной работѣ втеченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ, послѣ остановки фабрики, за бездѣйствіемъ машинъ. Определено не занимать дѣтей и юношей ни какою работою болѣе пяти часовъ сряду, безъ промежутку, по-крайней-мѣрѣ получаса для принятія пищи, такъ, чтобы они впродолженіи дня имѣли свободнаго времени не менѣе полутора часа. Сверхъ-того, они должны быть освобождены отъ работы на цѣлый день въ праздникъ Рождества Христова и въ Страстную Пятницу и на полдня въ другіе осемь праздниковъ въ году. Дѣтямъ, работающимъ на фабрикахъ, вмѣнено въ непремѣнную обязанность посѣщать какую-нибудь школу и на это определено не менѣе двухъ часовъ въ каждый изъ пяти рабочихъ дней.

Для точнѣйшаго наблюденія за исполненіемъ этого устава назначено, сверхъ прежнихъ четырехъ, не менѣе двадцати инспекторовъ.

Рабочее время, определенное для дѣтей моложе тринадцати лѣтъ, оказалось слишкомъ тягостнымъ, при возложенной на нихъ обязанности посѣщать школы. Дѣтя, послѣ осьми-часовой работы, отправляясь въ школу, утомленные трудомъ и безъ малѣйшаго отдыха, не могутъ учиться съ достаточнымъ прилежаніемъ. Министерство, признавая необходимымъ оставить безъ измѣненія число рабочихъ часовъ, определенное для молодыхъ работниковъ (отъ тринадцати до осемнадцати лѣтъ), предложило парламенту уменьшить рабочее время для малолѣтнихъ на полтора часа въ сутки. Этотъ вопросъ возбудилъ жаркія пренія въ нижнемъ парламентѣ и министерство было побѣждено два раза большинствомъ голосовъ, требовавшихъ, чтобы число рабочихъ часовъ для молодыхъ работниковъ было сокращено до десяти въ сутки. Мини-

стерство предложило собрать голоса въ третій разъ, объявивъ, что отъ результата прешій будетъ зависѣть, должно ли оно сохранить власть или отъ нея отказаться. Сэръ Робертъ Пилъ, тогдашній первый министръ, произнесъ при этомъ случаѣ пламенную рѣчь, которую хладнокровно заключилъ слѣдующими словами:

«Есть случаи, когда долгъ министерства повелѣваетъ ему отказать отъ власти, чтобы не служить орудіемъ въ исполненіи такихъ рѣшеній, которыя происходятъ отъ извѣстныхъ условій, принятыхъ партіями по взаимному соглашенію. Теперь такой случай представился. Не знаю, какой будетъ результатъ вашихъ мнѣній въ нынѣшній вечеръ. Знаю только, что если результатъ ихъ не будетъ соответствовать моимъ видамъ, я возвращусь въ полномъ удовольствіи къ частной жизни, съ чистою и непоколебимою совѣстью, желая успѣху вашему закону, но всегда готовъ идти своимъ путемъ по самой трудной стезѣ, куда влечетъ меня долгъ; всегда готовъ отвергнуть уступки, безсомнѣнія удобныя народу, но которыя я признаю вредными, защищая государственный интересъ, хотя бы это стоило мнѣ утраты благосклонности общественнаго мнѣнія.»

Побѣда осталась на сторонѣ министерства.

Отстаивая съ такою твердостью существующія правила о рабочемъ времени для взрослыхъ работниковъ, министерство было совершенно другаго мнѣнія о работѣ, свойственной нѣжному возрасту. Вотъ отзывъ, данный статсъ-секретаремъ, въ засѣданіи 28 февраля 1843 года, по поводу представленнаго имъ закона о первоначальномъ обученіи рабочаго класса:

«Я убѣжденъ въ томъ, что если посылать въ школу дѣтей нѣжнаго возраста (моложе тринадцати лѣтъ), работающихъ въ сутки осемь часовъ на фабрикѣ и уже ослабѣвшихъ отъ усталости, не давая имъ ни какого отдыха, то невозможно надѣяться, чтобы они могли извлечь много пользы отъ какой угодно системы обученія, даже отъ самой превосходной, какая была бы для нихъ придумана. Поэтому я предлагаю парламенту постановить, что дѣти отъ осьми до тринадцати лѣтъ обязаны работать на мануфактурахъ не болѣе шести съ половиною часовъ въ сутки. Если они работаютъ вечеромъ, то не должны работать утромъ, а если работаютъ утромъ, то не должны работать вечеромъ. Такимъ образомъ всякій день, прежде или послѣ полудня, дѣти могутъ проводить въ школѣ по крайней мѣрѣ три часа. Я имѣю достаточный поводъ думать, я увѣренъ, что фабриканты, искренно желающіе содѣйствовать видамъ законода-

«тебя для усовершенствованія юношества въ своемъ отечествѣ, «принять съ радостью всякую мѣру, необходимую для достиженія столь важной цѣли. Когда мы успѣемъ въ томъ, что на воспитаніе дѣтей можно будетъ удѣлять три часа въ сутки, тогда «тотчасъ рождается вопросъ: какими способами мы доставимъ «нимъ воспитаніе не хуже вывѣшняго?...»

Сэръ Джонъ Грегемъ изложилъ за тѣмъ планъ народнаго воспитанія, начертанный правительствомъ.

Къ чести англійскаго парламента должно замѣтить, что въ нижней палатѣ не нашлось ни одного оратора, который сталъ бы противоборствовать этимъ великодушнымъ чувствамъ и оспаривать мысль объ уменьшеніи рабочаго времени, опредѣленнаго для дѣтей. Зато планъ первоначальнаго обученія встрѣтилъ сильную оппозицію. Сэръ Робертъ Пиль, самый могучій министръ, послѣ Четемовъ и Питтовъ, долженъ былъ оставить этотъ проектъ. Но предложенныя имъ мѣры, въ пользу малолѣтнихъ работниковъ, сохранились въ силѣ, и уставомъ отъ 15 марта 1844 года, рабочее время для дѣтей моложе тринадцати лѣтъ было уменьшено до шести съ половиною часовъ въ сутки.

Официальные донесенія главныхъ инспекторовъ надъ мануфактурами показываютъ, какое благопріятное дѣйствіе произвелъ новый уставъ, охраняющій малолѣтнихъ работниковъ.

Постановленіе, изданное въ 1844 году, дало законную силу обычаю, польза котораго уже была дознана просвѣщенѣйшими фабрикантами. Вотъ, что писалъ по этому предмету, еще въ 1839 году, господинъ Горнеръ, инспекторъ главнаго мануфактурнаго округа въ Англии, представляя министерству отчетъ объ осмотрѣ фабрикъ, находящихся въ томъ округѣ:

«Я нахожу, пишетъ господинъ Горнеръ, что производство работъ дѣтми моложе тринадцати лѣтъ, въ продолженіи осьми часовъ и замѣщеніе ихъ взрослыми на остальные четыре часа суточной работы, или тамъ, гдѣ число дѣтей достаточно, двумя смѣнами, полагая на каждую по шести часовъ, повсюду приводится въ исполненіе. Представляемая этимъ способомъ выгоды столь значительны какъ для фабрикантовъ, такъ и для дѣтей, что я, при всякомъ удобномъ случаѣ, стараюсь о повсемѣстномъ введеніи его, находя въ быстромъ распространеніи новаго порядка неоспоримое доказательство приносимой имъ пользы. Производимыя дѣтми работы обыкновенно распредѣляются слѣдующимъ образомъ: первая или утренняя ихъ смѣна приходитъ на работу въ то время, когда машины приводятся въ движеніе, и остается

до полудня; потомъ, возвратясь домой, дѣти скидаютъ рабочую одежду, моются, обѣдаютъ и отправляются въ школу, гдѣ остаются три часа и, наконецъ, пока еще на дворѣ свѣтло, занимаются играми на чистомъ воздухѣ или пользуются отдыхомъ, а зимою отдыхаютъ въ залахъ фабрики и могутъ рано ложиться спать. Вторая смѣна, не имѣя надобности вставать рано, ходитъ въ школу до полудня и, отобѣдавъ, надѣваетъ рабочее платье, отправляется на фабрику, гдѣ и остается до прекращенія вечерней работы. Для фабричныхъ дѣтей переиѣна одежды весьма важное дѣло, потому что отъ этого зависитъ приемъ дѣтати въ худшее или лучшее учебное заведеніе. Содержатели лучшихъ училищъ обыкновенно отказываются принимать фабричныхъ дѣтей только потому, что другія дѣти не хотятъ быть вмѣстѣ съ ними, видя ихъ одежду выпачканною масломъ и красками. Для фабриканта такое распредѣленіе рабочихъ рукъ представляетъ ту выгоду, что взрослые работники никогда не остаются безъ младшихъ помощниковъ; притомъ окачивая въ обѣденный часъ первую половину дневной работы, онъ не имѣетъ нужды занимать дѣтей работою въ незаконное время, какъ бывало прежде (когда трое дѣтей должны были произвести втеченіи осьми часовъ такую же работу, какую выполняли два взрослые работника въ двѣнадцать часовъ), когда прекращая свои занятія на время отдыха или пищи, онѣ оставляли взрослыхъ безъ пособія часто имъ необходимаго. Единственная невыгода этого способа для дѣтей, или болѣе для родителей ихъ, заключается въ томъ, что при сокращеніи работы, вмѣсто двухъ третей на половину, уменьшается въ соразимѣрности и задѣльная плата. Зато съ другой стороны этотъ способъ доставляетъ занятіе и пропитаніе большому числу дѣтей.

Эти подробности могутъ показаться ничтожными, но причины, заставившія меня обратить вниманіе на нихъ, ведутъ, во-первыхъ, къ тому, что при заведеніи новаго порядка намъ удобнѣе будетъ наблюдать за исполненіемъ устава и изыскивать средства къ облегченію трудовъ и участи дѣтей; во вторыхъ, какъ донесенія инспекторовъ публикуются, то новый способъ распредѣленія рабочаго времени, сдѣлавшись извѣстнымъ всѣмъ фабрикантамъ, разрѣшитъ затрудненія тѣхъ изъ нихъ, которые до-сихъ-поръ не рѣшались употреблять дѣтей въ работу, предполагая въ томъ различныя неудобства, какъ въ фабричномъ производствѣ, такъ и отъ опасенія подвергаться штрафамъ за несоблюденіе устава приказчиками и мастерами. Я, съ своей сторо-

ны, стараюсь сколько возможно отклонить подобныя затрудненія, имея въ виду, что для дѣтей бѣднаго класса нѣтъ лучшаго убѣжища какъ благоустроенная фабрика, гдѣ требуется отъ нихъ умеренная работа и регулярное посѣщеніе школы.»

Употребленіе дѣтей въ работу на мануфактурахъ не только не уменьшилось, но еще увеличилось съ тѣхъ-поръ, какъ выѣсто установленной работы по осьми часова въ сутки, начали, еще до изданія устава 1844 года, сокращать рабочее время до шести съ половиною часова. Это подтверждается слѣдующею вѣдомостью, составленною господиномъ Горнеромъ о прядильныхъ фабрикахъ, въ порученномъ ему округѣ :

	Въ концѣ 1842 года.	Въ концѣ 1843 года.
Общее число фабрикъ	1,522	1,596
Число фабрикъ, употребляющихъ дѣтей моложе тринадцати лѣтъ	725	760

Число употребляемыхъ дѣтей моложе тринадцати лѣтъ :

Мальчиковъ	4,387	4,767	} Итого 7.042	7,524
Дѣвочекъ	2,655	2,757		

Изъ этого исчисленія видно, какъ несправедливо утверждали, что фабриканты отказались употреблять дѣтей моложе тринадцати лѣтъ, съ уменьшеніемъ для нихъ рабочаго времени въ половину или въ двѣ трети противъ срока, положеннаго для молодыхъ и взрослыхъ работниковъ.

«По моему мнѣнію, присовокупляетъ господинъ Горнеръ, желательнo, чтобы на фабрикахъ были употребляемы предпочтительно молодые люди, а не дѣти, то есть, если нужно взять на фабрику одного изъ двухъ молодыхъ работниковъ, изъ которыхъ одинъ старѣе, другой моложе тринадцати лѣтъ, то лучше взять того, который старѣе. Впрочемъ, для дѣтей рабочаго класса представляется столько пользы, въ такомъ случаѣ, когда они поступивъ на хорошо устроенную фабрику, работаютъ тамъ короткое время (short-time) и ходятъ въ школу, что я постоянно употреблялъ все усилія къ отклоненію предполагаемыхъ или дѣйствительныхъ затрудненій, стараюсь содѣйствовать допущенію на фабрики дѣтей моложе тринадцати лѣтъ. Съ давняго времени испытывъ пользу для ихъ родителей и ближнихъ отъ введенія двойной смѣны работниковъ, съ назначеніемъ для каждой полдня работы, я стараюсь ознакомить съ удобствами подобной системы и призваю себя счастливымъ, когда вижу успѣхъ моихъ попеченій. Въ

концѣ 1839 года, въ моемъ округѣ считалось только шестдесятъ-девять фабрикъ, на которыхъ дѣти были заняты полсуточною работою. Число такихъ фабрикъ непрерывно увеличивалось и теперь (въ 1843 году) простирается до ста-семидесяти-осьми заведеній, на которыхъ работаютъ 2,488 дѣтей, моложе тринадцати лѣтъ. Прежняя система, опредѣлявшая для работы дѣтей двѣ трети времени, положеннаго для взрослыхъ, оставляется болѣе и болѣе, потому что не представляетъ достаточныхъ удобствъ на практикѣ и, какъ выше показано, предпочтеніе отдается новой системѣ.»

Отъ уменьшенія работы для дѣтей до половины дневнаго времени и отъ назначенія для женскаго пола рабочихъ часовъ не свыше того числа, какое опредѣлено для молодыхъ работниковъ, уже съ 1844 года оказались въ Англии благотворныя послѣдствія. Это могутъ засвидѣтельствовать единогласные отзывы главныхъ инспекторовъ мануфактурныхъ округовъ. Приведемъ здѣсь донесеніе одного изъ нихъ, господина Саундерса, основанное на замѣчаніяхъ одного изъ главнѣйшихъ фабрикантовъ:

«Уставъ 1844 года, по сознанію самихъ фабрикантовъ, даетъ возможность болѣе уравнивать производство, требуемое оживленіемъ торговли, увеличивая время для содержанія мануфактуръ въ полномъ ихъ дѣйствіи, либо доставляя полное занятіе всѣмъ фабрикантамъ, вмѣсто огромныхъ заказовъ, поступавшихъ прежде къ немногимъ фабрикантамъ. Такое преимущественное стеченіе заказовъ въ руки нѣсколькихъ прядильныхъ фабрикантовъ, потребовало бы, какъ случалось въ прежнее время, чрезмѣрной работы, которою понадобилось бы занимать работниковъ многіе часы днемъ и ночью. На фабрикѣ, гдѣ эти замѣчанія были сообщены господину Саундерсу, плата производимая мастерами, за работу по одиннадцати съ половиною часовъ въ сутки, опредѣленныхъ уставомъ 1844 года, осталась для женщинъ и молодыхъ работниковъ такая же, какую они получали, работая по четырнадцати и пятнадцати часовъ въ сутки. Отъ того, мастера, не будучи утомлены и измучены работою, теперь довольны и веселы; они наслаждаются благополучно тѣмъ временемъ, которое имъ предоставлено, какъ ии коротокъ срокъ, для него опредѣленный.»

Тотъ же фабрикантъ указалъ господину Саундерсу на выгоды, сопряженныя съ уменьшеніемъ работы для малолѣтнихъ отъ двухъ третей до половины урочнаго времени, назначеннаго для

взрослых работников. Онъ утверждалъ, что, съ немногими исключениями, всѣ хозяева и рабочіе совершенно убѣждены въ годахъ, происходящихъ для нихъ отъ такого сокращенія рабочаго времени, и что они «съ глубокимъ огорченіемъ» приняли бы всякую переѣну въ этомъ порядкѣ, клонящуюся къ продолженію рабочихъ часовъ, опредѣленныхъ для дѣтей.

Для изученія вопроса объ урочномъ времени, необходимомъ для правильнаго производства мануфактурныхъ работъ, нельзя не принять въ соображеніе тѣхъ послѣдствій, какія на опытѣ известны въ Англіи, въ отношеніи къ болѣе или менѣе продолжительной работѣ на фабрикахъ, обрабатывающихъ волоконные матеріалы.

Болѣе тридцати лѣтъ тому, одинъ изъ богатыхъ фабрикантовъ въ Шотландіи, господинъ Оуэнъ (Owen), не обращая вниманія на то, что соперники его, наперерывъ другъ передъ другомъ, увеличивали рабочее время въ своихъ заведеніяхъ, вдругъ ограничилъ одинадцатью съ половиною часами въ сутки дневную работу на своей фабрикѣ. Онъ не убавилъ задѣльной платы въ соразмѣрности; онъ водворилъ между своими работниками добротпорядочность и довольство; онъ ввелъ первоначальное обученіе для дѣтей и, наконецъ, при всѣхъ этихъ великодушныхъ жертвованіяхъ, своимъ рѣдкимъ умомъ онъ довелъ свою фабрику до цвѣтушаго состоянія и умножилъ свое богатство.

Отецъ Сэра Роберта Пилля, въ представленномъ имъ второмъ проектѣ закона о рабочемъ времени для дѣтей, принималъ крайнею мѣрою ихъ работы число рабочихъ часовъ, опредѣленное этимъ искуснымъ фабрикантомъ для взрослыхъ людей. Въ парламентской исторіи сохранилось трогательное прошеніе работниковъ господина Оуэна, которые, приводя въ примѣръ свое благосостояніе и успѣхи своего хозяина, домогались, чтобы на прядильныхъ фабрикахъ во всемъ государствѣ былъ введенъ такой же благодѣтельный порядокъ. Отвѣтомъ на ихъ прошеніе послужилъ уставъ 1819 года, опредѣлившій, въ видѣ снисхожденія, двѣнадцать часовъ работы даже для девятилѣтнихъ дѣтей.

Этотъ примѣръ, однако, не остался въ забвеніи: двадцать лѣтъ спустя, лордъ Эшли въ воскресилъ мысль о сокращеніи работы и непрерывно представлялъ о томъ парламенту. Последнее предложеніе его по этому предмету принято парламентомъ въ нынѣшнемъ году: новый законъ постановляетъ, что со дня вступленія въ силу, урочное время для работы женщинъ, дѣвочекъ, и молодыхъ людей отъ осемнадцати до тринадцати лѣтъ пола

гается въ первый годъ не болѣе десяти съ половиною часовъ, а во второй годъ десять часовъ въ сутки (съ вычетомъ изъ работы двухъ часовъ по субботнымъ днямъ).

Весьма немногіе изъ богатыхъ фабрикантовъ испытывали производить работы, полагая, среднимъ числомъ, десять съ половиною часовъ въ сутки (одинадцать часовъ въ первые пять дней и осемь часовъ въ шестой день недѣли). Люди, искусные въ политико-экономической арифметикѣ предсказывали, что эти опыты поведутъ къ разоренію. Они вычисляли, что одинъ часъ уменьшенной работы принесетъ убытку тринадцать процентовъ, а на двухъ часахъ потери будетъ двадцать пять процентовъ, тогда какъ фабриканты, безъ сомнѣнія, никогда не приобрѣтали такихъ барышей, даже въ Англии.

Въ отношеніи къ опытамъ этого рода, приведемъ здѣсь откровенное допесеніе господина Горнера, одного изъ главныхъ инспекторовъ англійскихъ мануфактуръ.

«Господинъ Робертъ Гарднеръ имѣетъ въ Престонѣ большую мануфактуру, на которой производится пряденіе и тканье хлопчатой бумаги съ помощью паровой машины въ осемьдесятъ силъ и съ шестью ста-шестьюдесятью-осмью работниками. Рабочее время на этой мануфактурѣ, съ двадцатаго апрѣля 1844 года, уменьшено отъ двѣнадцати до одинадцати часовъ въ сутки. По собственному показанію фабриканта, производство его несколько не уменьшилось, при тѣхъ же расходахъ, съ оставленіемъ прежней задѣльной платы работникамъ.»

Опытъ продолжался двѣнадцать мѣсяцевъ предъ тѣмъ временемъ, какъ господинъ Горперъ вознамѣрился подробно изслѣдовать это нововведеніе. Онъ прибылъ на мануфактуру въ тотъ самый день, когда работники праздновали успѣхъ этого опыта.

«Я приступилъ къ изслѣдованію, говорятъ онъ, съ желаніемъ очевидно показать счастливый результатъ его, но съ опасеніемъ и мыслью, что открою тутъ какую-нибудь ошибку, еще незамѣченную.»

«Если сравнительное испытаніе имѣетъ какую-нибудь цѣну, то надлежало доказать, говорятъ онъ, что не произошло ни какой перемѣны ни въ скорости дѣйствія механизмовъ, ни въ силѣ двигателей, ни въ качествѣ матеріаловъ и окончательныхъ произведеній. Я разсуждалъ, что, хотя искусный фабрикантъ можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ извлечь наибольшую выгоду изъ скорости движенія, однако невозможно допустить, чтобы высшая степенъ его могла доставить, въ теченіи одинадцати часовъ, та-

кое же количество произведений, какое получается при работѣ, продолжающейся двѣнадцать часовъ. Я предполагалъ, что, при механизмѣ, доведенномъ до высшей степени скорости, мастерской можетъ употребить всѣ свои усилія для данной ему работы, но не будетъ въ состояніи выработать постоянно въ одиннадцать часовъ столько, сколько можно сработать въ двѣнадцать. Отъ того, я заключалъ, что всякое сокращеніе рабочихъ часовъ должно сопровождаться неизбежнымъ уменьшеніемъ производства на всякой благоустроенной мануфактурѣ.»

Господину Горнеру были представлены фабричныя вѣдомости, для удостовѣренія его въ томъ, что годичный доходъ мануфактуры нисколько не былъ сопряженъ съ пониженіемъ работной платы. При старой и новой системѣ, средняя плата въ недѣлю составляла .

По прядильному отдѣленію :

за работу по 12 часовъ	38 $\frac{2}{24}$	шп.
— — 11 —	38 $\frac{3}{24}$	—

По ткацкому отдѣленію :

за работу по 12 часовъ	10 $\frac{1}{24}$	—
— — 11 —	10 $\frac{3}{24}$	—

Что касается до скорости, то въ прядильномъ производствѣ она была увеличена только на два процента, а въ ткацкомъ осталась прежняя.

«И такъ, продолжаетъ господинъ Горнеръ, факты противорѣчили моей предначертанной теоріи, которой не отвергали сами владѣльцы мануфактуры. Я спросилъ ихъ, какъ объясняютъ они себѣ такіе результаты. Объясненіе ихъ открыло мнѣ, что я упустилъ изъ виду важную причину, а именно: «умноженіе производства отъ бдительности и вниманія самихъ работниковъ.» При моихъ разспросахъ, фабриканты подтвердили этотъ фактъ: мастера въ ихъ, при меньшемъ числѣ рабочихъ часовъ, трудясь гораздо прилежитѣе, являясь на работу въ опредѣленный срокъ и стараясь не потерять ни минуты времени, которое тратится по пустому въ теченіи обыкновеннаго дня, успѣваютъ въ одиннадцать часовъ сработать столько, сколько сработывали они прежде въ двѣнадцать.

«Ко мнѣ приходили, присовокупляетъ господинъ Горнеръ, шестнадцать человекъ прядильщиковъ и ткачей, работающихъ на этой мануфактурѣ. Они подтвердили показанія своихъ хозяевъ; они объяснили мнѣ какія выгоды и удовольствія проистекаютъ для нихъ отъ того, что работа оканчивается всякій вечеръ часомъ

равнѣ. Между прочимъ, они указали на слѣдующій фактъ: въ то время, когда работа продолжалась двѣнадцать часовъ, въ вечернюю школу ходили только двадцать семь работниковъ, а съ тѣхъ поръ какъ работа производится одиннадцать часовъ, въ этой школѣ обучаются, вмѣсто двадцати семи, девяносто-осемь человекъ.»

Кто хочетъ получить понятіе о бѣдствіяхъ, навлекаемыхъ семействамъ излишнею работою женщинъ, тотъ долженъ обратиться къ фактамъ, на которые указалъ лордъ Эшлей, въ достопамятной рѣчи, произнесенной имъ пятнадцатаго марта 1844 года, въ нижнемъ парламентѣ.

Изъ показаній его видно, что англійскіе фабриканты, желая вознаграждать себя за уменьшеніе работы для дѣтей, стали увеличивать рабочее время для взрослыхъ. Такое умноженіе работы имѣло пагубныя послѣдствія для физическаго и нравственнаго состоянія женскаго пола.

Мы уже замѣтили выше, что рабочая плата женщинамъ меньше и поэтому фабрикантъ предпочитаетъ ихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ послушнѣе другихъ работниковъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ мануфактурныхъ производствъ возрастаетъ несоразмѣрность числа женщинъ въ сравненіи съ числомъ мужчинъ, употребляемыхъ для фабричныхъ работъ.

На мануфактурахъ, обрабатывающихъ хлопчатую бумагу, шерсть, шелкъ и ленъ, считалось работницъ: въ 1836 году—196,383 человекъ, а въ 1839—242,295 человекъ. Число ихъ въ четыре года увеличилось почти на четвертую долю. На сто работниковъ приходилось работницъ на прядильныхъ фабрикахъ:

Хлопчатобумажныхъ .	56¼
Шерстяныхъ	69½
Шелковыхъ и льняныхъ	70½

Не только на прядильныхъ фабрикахъ, число дѣвочекъ и женщинъ, употребляемыхъ въ работу, превосходить число мужчинъ, но съ тѣхъ-поръ какъ вмѣсто ручныхъ ткацкихъ станковъ заведены механическіе, работа производится съ помощію паровой силы и на большихъ мануфактурахъ дѣвочки и женщины заступаютъ мѣсто ткачей.

Лордъ Эшлей выставляетъ на видъ это предпочтительное употребленіе женщинъ въ работу, особенно замужнихъ и матерей, снискивающихъ пропитаніе для дѣтей своихъ; онѣ внимательны и смиренны, гораздо послушнѣе дѣвицъ и принуждены напрягать все свои способности и силы для того, чтобы заработать необходимое къ поддержанію жизни своихъ малютокъ.

Изъ официальныхъ отчетовъ инспекторовъ мануфактуръ, мы видимъ, что женщины и дѣвочки, едва достигшіе осемнадцати лѣтъ, должны работать съ шести часовъ утра до десяти часовъ вечера, прерывая шестнадцать часовъ работы только на полтора часа для принятія пищи и для отдыха на нѣсколько минутъ. Это бываетъ при дневной работѣ. Лишь только съ оживленіемъ торговли усиливается мануфактурное производство, фабриканты заставляютъ ихъ работать ночью. Одинъ изъ главныхъ инспекторовъ, господинъ Саундерсъ, приводитъ въ примѣръ, что женщины работаютъ нѣсколько недѣль по осемнадцати часовъ въ сутки, не имѣя въ промежуткахъ даже двухъ часовъ свободныхъ для обѣда и отдыха; не считая также времени на дорогу изъ дому и обратно съ фабрики и надѣваніе рубища, которое служитъ имъ одеждою. Много ли остается для слабаго сна, до той минуты, когда съ расвѣтомъ слѣдующаго дня, должно возобновиться вѣчное мученіе этихъ невинныхъ Давандъ!

Включая даже время, опредѣленное для сна, матери семейства едва бываютъ пять часовъ въ сутки подъ домашнимъ кровомъ, гдѣ ихъ дѣти должны бы пользоваться ихъ нѣжными попеченіями. Матери принуждены отдавать своихъ дѣтей на руки за извѣстную плату, старухамъ, которыя забираютъ ихъ въ свои перепелы: здѣсь корыстолюбивое варварство заступаетъ мѣсто челоувѣколюбія, одушевляющаго дѣтскіе пріюты. Эти наемщицы облегчаютъ себѣ надзоръ за порученными имъ дѣтьми, усыпляя ихъ въ колыбеляхъ напнткомъ, въ который кладутъ опиумъ.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ одинъ опытный англійскій врачъ отзывается объ этомъ варварскомъ обычаѣ: «Послѣдствія чрезмѣрной работы женщинъ на мануфактурахъ становятся болѣе ощутительными послѣ разрѣшенія отъ бремени; дѣти рождаются ростомъ менѣе обыкновеннаго, бываютъ блѣдны и покрыты морщинами. Если смѣшать двадцать дѣтей, рожденныхъ отъ фабричныхъ работниковъ съ такимъ числомъ дѣтей отъ здоровыхъ родителей, то я различу ихъ единственно съ виду. Мать, работающая на фабрикѣ, ввѣряетъ дѣтей посторонней женщинѣ. Опіумъ дается имъ различнымъ образомъ. Количество этого пагубнаго снадобья, употребляемое дѣтьми, превосходитъ всякое вѣроятіе, многіе изъ нихъ приучены къ тому до такой степени, что едва могутъ существовать безъ этого напитка; огромное число дѣтей умираетъ отъ водяной болѣзни въ головѣ. Молоко этихъ матерей скоро портится и нельзя кормить имъ ребенка; оттого рождается въ нихъ расстройство физическое, которое

обыкновенно лечатъ водкою. Замужнія работницы очень часто выкидываютъ; у нихъ обнаруживаются всѣ болѣзни, возникающія отъ худаго обращенія съ беременностью. Отъ продолжительнаго дурнаго положенія членовъ тѣла происходитъ вытягиваніе опасное въ-особенности для беременныхъ женщинъ. На ногахъ образуются раны отъ вытянутыхъ жилъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ лопаются и производятъ кровотеченіе, всегда опасное и часто гибельное».

Удивительно ли теперь, что, по отчетамъ о смертности въ Англіи, оказываются страшные результаты?

Англійское правительство издаетъ на казенный счетъ годовыя вѣдомости, по графствамъ и городамъ, о числѣ умершихъ съ раздѣленіемъ ихъ по возрастамъ. Изъ этихъ вѣдомостей видно, что въ Манчестерѣ, самомъ обширномъ, богатомъ и многолюдномъ изъ всѣхъ мануфактурныхъ городовъ, четвертая доля умершихъ состоитъ изъ дѣтей, которымъ меньше полутора года, а половину составляютъ дѣти моложе десяти лѣтъ.

Таковы ужасныя послѣдствія, въ отношеніи къ смертности рабочаго класса, отъ чрезмѣрной работы на мануфактурахъ. Не менѣе важно изслѣдовать и вліяніе ея на нравственность этого класса.

Разсмотрите со вниманіемъ какія послѣдствія происходятъ для домашняго хозяйства отъ пребыванія женщинъ въ непрерывной работѣ на фабрикахъ, и не пренебрегайте ничтожными подробностями: онѣ входятъ въ жизнь народа. Лордъ Эшлей, на котораго мы такъ часто ссылаемся, говоритъ, что изъ тринадцати женщинъ, работающихъ на одной бумагопрядильнѣ, нашлась только одна, умѣвшая шить рубаху своему мужу, и только четыре умѣли ее починить. Проводя время отъ разсвѣта до ночи внѣ дома, за фабричною работою, замужнія женщины сознаются, что не имѣютъ ни какого понятія о трудахъ домашней жизни, а дѣвочки говорятъ, что вовсе не успѣютъ исполнять дѣло простой домашней служанки. Замужнія женщины дома бываютъ грязны, не поворотливы, не умѣютъ ни шить, ни присматривать за дѣтьми, не знаютъ хозяйства, не разумѣютъ вести расходъ и тратить деньги безразсуднымъ образомъ.

Другое отличительное и прискорбное слѣдствіе чрезмѣрной работы женщинъ есть неотвратимая привязанность къ крѣпкимъ напиткамъ. Утомленіе трудомъ, въ фабричной атмосферѣ, возбуждаетъ въ нихъ нестерпимую жажду; они не могутъ ѣсть, но пьютъ. Это подтверждалъ еще недавно одинъ изъ манчестер-

снихъ меровъ: записывая осемь субботъ сряду * число женщинъ, ходящихъ въ кабакъ (gin house), онъ нашелъ, что изъ ста носителей было шестьдесятъ женщинъ. Вотъ первая черта изъ вѣшней жизни.

Укажемъ теперь на самое худшее послѣдствіе въ домашнемъ быту: взрослые люди рѣже и рѣже находятъ себѣ работу на фабрикахъ, обрабатывающихъ волоконные матеріалы, и оттого почти все бремя трудовъ для содержанія семейства падаетъ на жену и дѣтей работниковъ, тогда какъ мужъ сидитъ дома, занимается хозяйствомъ, или безъ дѣла шатается по улицамъ.

Одинъ полъ заступилъ мѣсто другаго! Женщины, обратившись, такъ-сказать, въ мужчинъ для своего семейства, ведутъ жизнь какъ они. Для вѣшнихъ удовольствій, они имѣютъ свои клубы, куда сходятся, чтобы пить, курить, пѣть и участвовать въ самой отвратительной бесѣдѣ. Власть отца и мужа исчезаетъ изъ подъ домашняго крова, гдѣ онъ не пользуется болѣе уваженіемъ.

Вотъ къ чему можетъ привести мануфактурное совмѣстничество, доведенное до крайности для того, чтобы стяжать перевѣсъ въ сбытѣ своихъ издѣлій на всѣхъ иностранныхъ рынкахъ и надъ всѣми націями. Этотъ перевѣсъ купленъ слишкомъ дорогою цѣною.

Парламентъ, глубоко тронутый этими возмутительными фактами, четыре раза постановлялъ о сокращеніи женской работы, не останавливаясь на мысли, что оттого можетъ пострадать превосходство англійской промышленности, покупаемое слезами и жизнью собственныхъ дѣтей. Съ 1844 года, законъ воспретилъ требовать отъ женщинъ и дѣвочекъ всякаго возраста болѣе двѣнадцати часовъ работы въ сутки. Нынче, средняя мѣра работы, определенной для женщинъ, дѣвочекъ и мальчиковъ отъ осемнадцати до тринадцати лѣтъ составляетъ одиннадцать съ половиною часовъ, но когда вступитъ въ силу новый законъ, о которомъ говорено выше, тогда рабочее время сократится на первый годъ до десяти съ половиною часовъ, а на слѣдующій до десяти часовъ въ сутки.

Первоначальное обученіе дѣтей, работающихъ на мануфактурахъ, сдѣлалось также предметомъ живѣйшей заботливости правительства и парламента.

Новѣйшая промышленность обязана своимъ рожденіемъ и успѣхами мудрому сочетанію наукъ съ искусствами. Нынѣ, вычисле-

* Въ этотъ день выдается работная плата за недѣлю.

вія теоріи и законы природы, искусно объясненные, служатъ руководствомъ къ усовершенствованію движущихъ силъ и механизмовъ. Это — торжество просвѣщенія, прижиеннаго къ нуждамъ матеріальныхъ интересовъ. Способы фабричнаго производства, по мѣрѣ своего усовершенствованія, требуютъ болѣе высшихъ познаній въ употребленіи силъ, строжайшей точности въ исполненіи работъ и болѣе сложныхъ соображеній въ расчетахъ. Динамика, геометрія и наука чиселъ сродняются болѣе и болѣе съ мануфактурными производствами, которымъ вспомошествоють подобнымъ же образомъ естественныя науки и плодотворныя открытія, совершаемыя въ ихъ области.

Въ этомъ отношеніи, успѣхи промышленности имѣють тѣснѣйшую связь съ общими успѣхами человеческого ума, составляютъ часть его могущества и славы; они производятъ величайшія перемѣны и, повременамъ, рѣшительные перевороты въ судьбѣ народовъ, въ отношеніи къ ихъ силѣ и благосостоянію.

Но спускаясь съ высоты, на которую возведена промышленность, не останавливаясь на соображеніяхъ и изобрѣтеніяхъ, даруемыхъ ей немногими высокими умами, и нисходя къ простымъ поденщикамъ, которые помогаютъ дѣйствию механизмовъ на мануфактурахъ, мы къ удивленію видимъ, что успѣхъ состоитъ здѣсь только въ томъ, чтобы, какъ можно болѣе, отклонять, въ работѣ, умственные соображенія работника. Такимъ образомъ, понятно, отъ чего рабочій классъ, содѣйствующій выдѣлкѣ произведеній, которыя изумляютъ насъ своимъ совершенствомъ, можетъ закоснѣть въ глубокомъ невѣжествѣ.

Это доказывается печальнымъ опытомъ. Повѣрятъ ли, что въ обширныхъ центрахъ мануфактурнаго производства, гдѣ народъ, искуснѣйшій въ промышленности, совершилъ величайшія чудеса, изъ сотни мужчинъ по меньшей мѣрѣ тридцать восемь, а изъ сотни женщинъ по меньшей мѣрѣ шестьдесятъ-семь не умѣютъ написать своего имени и означаютъ его, въ книгахъ о бракѣ, двумя чертами въ видѣ креста? Изъ тридцати-трехъ остальныхъ женщинъ, исключая самыхъ зажиточныхъ, весьма не многія кое-какъ знаютъ буквы своего имени. Изъ класса простыхъ фабричныхъ работниковъ, въ главномъ центрѣ англійскихъ фабрикъ, самая малѣйшая часть умѣетъ написать нѣсколько буквъ.

И можетъ ли быть иначе при мануфактурной системѣ, въ которой раздѣленіе работъ, доведенное до крайности, предоставляетъ наибольшему числу рабочихъ, только автоматическое по-

втореніе одного и того же движенія, одного и того же вниманія, по какой-нибудь одной части фабрикаціи, и требуетъ только, чтобы они упражнялись въ повтореніи этого простаго движенія тѣла и чувствъ, не смѣемъ сказать ума, съ возрастающею быстротою, которая изгоняетъ всякое соображеніе, всякое развитіе и проявленіе умственныхъ силъ? Вотъ усовершенствованный типъ того, къ чему приводитъ высшая степень успѣху въ раздѣленіи работъ.

Положимъ наконецъ, что фабриканты, для умноженія своихъ выгодъ, будутъ требовать, чтобы мужчины, женщины и дѣти съ юнаго возраста, работали ежедневно такъ долго и даже еще долѣе того, сколько ихъ силы позволяютъ. Въ такомъ случаѣ понятно, что работники не будутъ имѣть даже самаго первоначальнаго образованія: у нихъ нѣтъ къ тому ни охоты, ни времени, ни возможности.

Всего нужнѣе доставить дѣтямъ достаточный досугъ, для того чтобы они могли учиться. Англія сдѣлала первый шагъ къ этой цѣли въ 1833 году.

Англійское правительство не поколебалось въ своей рѣшимости, бывъ вынуждено по двумъ тысячамъ тяжобъ подвергнуть фабрикантовъ взысканію, чтобы принудить ихъ ограничиться рабочимъ временемъ, которое опредѣлилъ законъ. Фабриканты не хотѣли довольствоваться работою по осьми часовъ въ сутки, назначенною для дѣтей отъ осьми до тринадцати лѣтъ; законодатель, по внимательномъ изслѣдованіи ихъ настоящихъ выгодъ, сократилъ дневную работу для дѣтей до шести съ половиною часовъ. Упрямые фабриканты грозили, что не будутъ употреблять дѣтей въ работу на своихъ заведеніяхъ; собственная выгода не позволила имъ выполнить эту угрозу. Нынче, у этихъ фабрикантовъ, тысячи дѣтей заняты работою половину дня и проводятъ въ школѣ остальное время.

Въ силу устава 1833 года о фабричныхъ рабочихъ, первоначальное обученіе дѣтей сдѣлалось обязательнымъ условіемъ. Въ этомъ законѣ постановлено:

Статья 20. По прошествіи шести мѣсяцевъ со дня обнародованія устава, всякое дитя (отъ 8 до 13 лѣтъ), работающее на фабрикѣ сорокъ осемь часовъ въ теченіи шести рабочихъ дней недѣли, обязано ходить въ школу, избранную родителями или опекунами, а за неимѣніемъ ихъ, инспекторомъ мануфактуръ.

Статья 21. По минованіи того же шести-мѣсячнаго срока, воспрещается фабрикантамъ употреблять для работы дитя, которое

не предъявить на фабрику, въ понедѣльникъ каждой недѣли, свидѣтельство, въ томъ, что оно находилось въ школѣ не менѣе двухъ часовъ ежедневно въ теченіи шести дней предыдущей недѣли, если не препятствовала тому болѣзнь.

Въ послѣдствіи, уставомъ 1844 года, постановлены новыя предосторожности съ цѣлью обезпечить точное исполненіе предыдущихъ мѣръ.

Уставъ 1833 года требовалъ, чтобы дѣти проводили въ школѣ два часа ежедневно. По уставу 1844 года, онѣ должны находиться въ школѣ всякой день по три часа *, въ промежуткѣ времени * Этотъ срокъ уменьшается на полчаса только съ 1 ноября по 1 марта. ни между осмью часами утра и шестью часами вечера, съ тою цѣлью, чтобы совершенно отвратить занятіе ихъ работою свыше опредѣленнаго закономъ сроку.

Для подкрѣпленія силы этихъ правилъ, уставомъ 1844 года постановлено, что въ случаѣ занятія молодыхъ работниковъ на фабрикѣ долѣе положеннаго времени, или употребленія ихъ въ работу безъ встребованія еженедѣльныхъ свидѣтельствъ о посѣщеніи школы, фабрикантъ подвергается взысканію пени до тридцати одного съ четвертью рублей серебромъ за cadaго дитяти и отецъ дитяти можетъ быть приговоренъ къ пени до шести съ четвертью рублей серебромъ.

Замѣчательно, съ какою предусмотрительною заботливостью опредѣлены въ томъ же уставѣ 1844 года (ст. 26 и 27) правила для повѣрки работы и рабочаго времени дѣтей; какъ предписано инспекторамъ разыскивать о механическихъ производствахъ, опасныхъ для здоровья и жизни дѣтей (ст. 43), и выбирать посредниковъ для изслѣдованія тѣхъ производствъ, которыя требуютъ принятія особыхъ мѣръ осторожности.

По статьѣ 49, всякій фабрикантъ, не устроившій предохранительной ограды или крыши у нѣкоторыхъ опасныхъ частей машины, исчисленныхъ въ уставѣ, подвергается взысканію пени отъ тридцати-одного съ четвертью до ста-двадцати-пяти рублей серебромъ, а за другія части машины, объявленныя опасными, по предувѣдомленію инспектора, фабрикантъ, въ томъ же случаѣ, подлежитъ пени, которая не должна быть менѣе шести десяти-двухъ съ повинною рублей серебромъ и можетъ быть увеличена до шести-сотъ-двадцати-пяти рублей серебромъ. Эта пеня взыскивается въ пользу семействъ, дѣти которыхъ пострадали отъ ушиба или раны, приключившихся вслѣдствіе небреженія со стороны фабриканта (ст. 60).

Англійскій законъ, во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, предвидѣть случаи повторенія вины со стороны нарушителей закона и присуждаетъ ихъ къ болѣе тяжкому штрафу (ст. 65). Кто составитъ фальшивое свидѣтельство или фабричные списки тому, подобныя, тотъ наказывается тюремнымъ заключеніемъ. Срокъ тюремнаго содержанія въ исправительномъ домѣ можетъ простираться до шести мѣсяцевъ.

Наконецъ, извѣдавъ на опытѣ, съ 1802 по 1833 годъ, безнаказанность въ нарушеніи уставовъ о фабричныхъ рабочихъ, законодатель воспрещаетъ (ст. 71) производить судъ, по дѣламъ о виновныхъ въ нарушеніи уставовъ 1833 и 1844 годовъ, мирному суду, или бургомистру, который владѣетъ мануфактурою или находится въ близкомъ родствѣ съ обвиненнымъ фабрикантомъ.

Указавъ на важнѣйшія мѣры, принятыя англійскимъ правительствомъ для защиты фабричныхъ работниковъ противъ притѣсненій фабрикантовъ, приведемъ здѣсь, въ доказательство успѣшнаго дѣйствія этихъ мѣръ, слѣдующій отрывокъ господина Горнера:

Нынѣ, я могу засвидѣтельствовать, говоритъ онъ въ своемъ ноябрьскомъ донесеніи 1845 года, какъ по моему личному осмотру четырехъ-сотъ мануфактуръ, такъ и по донесеніямъ четырехъ моихъ помощниковъ, что законъ о мануфактурахъ, въ общемъ его объемѣ, исполняется хорошо, относительно часовъ, опредѣленныхъ для работы и для посѣщенія школы. Теперь можно утвердительно сказать, что почти двѣнадцатилѣтній опытъ рѣшилъ весьма важную задачу. Этотъ опытъ доказалъ, что съ благоразумнымъ надзоромъ можно, дѣйствіемъ закона, пресѣчь физическія и нравственныя бѣдствія, особенно дѣтей и молодыхъ женщинъ, порождаемыя неограниченнымъ стремленіемъ къ любостыжанію. Этотъ опытъ доказалъ, что можно достигнуть такой цѣли безъ малѣйшаго вреда для торговли.

Г. Н—Ъ.

О РАБОТѢ ДѢТЕЙ И ЖЕНЩИНЪ НА ФАБРИКАХЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Во Франціи, участь дѣтей употребляемыхъ на фабрикахъ, долго оставалась безъ всякихъ попеченій со стороны правительства и закона. Первый голосъ былъ поданъ однимъ изъ тѣхъ добродѣтельныхъ мужей, которые переносятъ науку въ общественную жизнь, на пользу человѣчества: мы говоримъ о докторѣ Виллермѣ, членѣ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, авторѣ извѣстнаго сочиненія о рабочемъ классѣ. Въ послѣдствіи, мюльгаузенское общество промышленности обратило на этотъ предметъ вниманіе законодательной власти. Палаты потребовали, чтобы правительство приняло дѣятельныя мѣры къ огражденію дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, отъ чрезмѣрныхъ трудовъ, истощающихъ ихъ силы. Министерство обязалось представить проектъ закона о фабричныхъ работникахъ. Въ январѣ 1840 года, министръ торговли, предлагая на разсмотрѣніе палаты перовъ уставъ о дѣтяхъ, работающихъ на фабрикахъ, изложилъ свои объясненія въ слѣдующей рѣчи:

«Во время послѣдняго собранія палаты перовъ, правительство обязалось разсмотрѣть вопросъ о работѣ дѣтей на фабрикахъ. Это должно было въ этомъ случаѣ согласовать право свободы

фабричныхъ производствъ съ необходимою предохранить юное поколѣніе отъ чрезмѣрной работы, которая, истощая физическія силы, препятствуетъ надлежащему развитію ихъ и угрожаетъ вреднымъ вліяніемъ на нравственность и умственные способности дѣтей, лишая ихъ необходимаго досуга, который они могли бы употребить съ пользою для своего образованія.

«Не смотря на то, что положеніе дѣтей на фабрикахъ во Франціи представлено въ преувеличенно-дурномъ видѣ и что, быть можетъ, мы слишкомъ поторопились взять себѣ въ примѣръ Англію, гдѣ система обширѣйшей фабричной промышленности дѣйствительно повлекла за собою важные безпорядки и разстройство въ фабричномъ классѣ, требовавшіе немедленно сильныхъ мѣръ къ отвращенію дальнѣйшаго ихъ развитія, несмотря на все это правительство считаетъ долгомъ предупредить, въ такомъ важномъ дѣлѣ, даже возможность злоупотребленій и возбужденныя ими опасенія. Оно, впрочемъ, крайне поражено, видя что эти опасенія раздѣляются людьми, которые преимущественно въ состояніи представить ясныя и неопровержимыя доказательства, а именно, альзаскими фабрикантами: по-видимому, они первые должны бы домогаться права свободы употреблять дѣтей на своихъ прядильняхъ, и могли бы, изъ видовъ корысти, скрывать самыя злоупотребленія.

«Поступившія съ другихъ сторонъ многія жалобы возбуждали заботливость законодательной палаты, которая и поручила ихъ попеченію правительства.

«Между-тѣмъ, уже были истребованы разные по этому предмету свидѣнія отъ префектовъ, изъ палатъ коммерческихъ (*chambres de commerce*), совѣщательныхъ (*chambres consultatives*) и отъ совѣта экспертовъ (*conseil de prud'hommes*). Сущность ихъ отзывовъ была напечатана и потомъ представлява тремъ совѣтамъ, мануфактурному, коммерческому и земледѣльческому, въ засѣданія 1837 и 1838 годовъ.

«Здѣсь обнаружилось единственное рвеніе и участіе ко благу дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, но средства, предложенныя къ достиженію цѣли, были очень разнообразны. Впрочемъ, результатомъ всѣхъ этихъ совѣщаній было убѣжденіе въ томъ, что на французскихъ фабрикахъ употребленіе дѣтей въ работу распространено гораздо менѣе нежели въ Англіи, и при томъ здѣсь нѣтъ и слѣдовъ худаго обхожденія съ ними, слѣдовательно нѣтъ и поводовъ къ жалобамъ на участь фабричныхъ работниковъ дѣтскаго возраста.

«Значительное разногласіе въ мнѣніяхъ происходитъ оттого что не всѣ промышленныя заведенія въ одинаковой мѣрѣ нуждаются въ работѣ дѣтей и не всякая работа требуетъ одинаковой траты силъ; притомъ физическія силы въ дѣтяхъ бываютъ развиты въ различной степени, смотря по климату и температурѣ той страны, гдѣ они родились, на сѣверѣ или на югѣ.

«Первое встрѣченное совѣтами затрудненіе состояло въ опредѣленіи, къ какимъ фабричнымъ производствамъ примѣнить предложенныя по этому предмету постановленія. Вниманіе наше останавливается прежде всего на бумагопрядильной фабрикаціи. Прядильщикъ долженъ имѣть непременно помощника для связыванія разрывающихся нитей; незначительная вышина прядильнаго станка и самая работа помощника представляетъ удобства и возможность употреблять въ этой фабрикаціи дѣтей, которыя соотвѣтствуютъ, своимъ ростомъ и гибкостью членовъ, работамъ этого рода.

«Отсюда видно, что не меньшая плата за работу побуждаетъ прядильныхъ фабрикантовъ употреблять дѣтей, вмѣсто взрослыхъ работниковъ, какъ предполагаютъ люди, не знающіе дѣла. Нельзя предложить фабриканту, чтобы онъ замѣнилъ двухъ дѣтей однимъ взрослымъ работникомъ, который ту же работу исполнял бы въ одинаковое время и притомъ еще лучше ихъ. Малолѣтныя работники имѣютъ въ этомъ отношеніи особое, свойственное имъ, достоинство; затрудненіе состоитъ въ томъ, что невозможно ограничить ихъ работу, не помѣшавъ въ то же время главному прядильщику, который не можетъ обойтись безъ помощника.

«Но не только бумагопрядильныя заведенія представляютъ эти неудобства: дѣти работаютъ и на другихъ фабрикахъ.

«Рождается вопросъ, должны ли подвергнуться одинаковымъ ограниченіямъ фабрики, на которыхъ прядется шерсть, бумага, шелкъ и ленъ, дѣйствующія парами или водою? Коммерческій совѣтъ не упомянулъ, въ своемъ мнѣніи, о движущей силѣ, употребивъ выраженіе «промышленныя заведенія для пряденія тканей шерсти, бумаги, шелку и льна». Но потомъ мануфактурный совѣтъ вошелъ въ разсмотрѣніе всѣхъ отраслей промышленности, въ полномъ ея объемѣ. Онъ нарочно упомянулъ о домашнихъ печахъ, о горныхъ заводахъ разнаго рода, и объявилъ, что предлагаемыя мѣры должны быть распространены не только на фабрики, но на всѣ вообще промышленныя заведенія. Въ протоколѣ сказано, что правило должно быть примѣнено безъ различія, по»

тому что въ противномъ случаѣ, уменьшеніе работы для однихъ обратилось бы въ отягощеніе для другихъ.

«Весьма различны были мнѣнія о томъ въ какомъ возрастѣ дѣти могутъ поступать въ мастерскія, и какое число рабочихъ часовъ пужво опредѣлить для нихъ.

«Такое же разногласіе оказалось въ отвѣтахъ на циркулярныя предписанія министерства. Въ мануфактурномъ совѣтѣ возникли пренія о томъ, слѣдуетъ ли назначать семилѣтній или осмилѣтній возрастъ для поступленія дѣтей въ работу; при чемъ настоятельно требовали постановить различіе между странами, лежащими на сѣверѣ и на югѣ; наконецъ, большинствомъ голосовъ былъ избранъ семилѣтній возрастъ. Для дѣтей отъ семи до десяти лѣтъ назначено осемь рабочихъ часовъ, для дѣтей отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ десять часовъ и отъ тринадцати до шестнадцати лѣтъ, тринадцать часовъ. Коммерческій совѣтъ призналъ возможнымъ допускать дѣтей къ работамъ, не моложе десяти лѣтъ и положилъ, что до пятнадцатилѣтняго возраста, они должны работать не болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки. Мнѣнія о ночной работѣ были такъ же различны въ опредѣленіи возраста и числа рабочихъ часовъ.

«Земледѣльческій совѣтъ, не входя въ подробности, изъявилъ согласіе на предполагаемыя мѣры и распоряженія. Онъ основывалъ свой отзывъ на общихъ побудительныхъ причинахъ, оправдываемыхъ необходимостью пещись о нравственности, образованіи и здоровьи промышленнаго класса. Вотъ сущность всѣхъ разсужденій по предложенному вопросу.

«Очевидно, что всякое стѣсненіе въ выборѣ работниковъ, всякое ограниченіе числа рабочихъ часовъ имѣло бы слѣдствіемъ возвышеніе цѣнъ на издѣлія; по этому осторожность требовала при введеніи этихъ мѣръ по одной какой-либо отрасли промышленности, не освобождать отъ нихъ и другія, и на этомъ основаніи положено всѣ промышленныя заведенія подчинить новому закону.

«Но вельзя тутъ не сдѣлать вопроса: развѣ вездѣ существуютъ злоупотребленія, требующія ограниченія? Во всѣхъ ли промышленныхъ заведеніяхъ благосостояніе дѣтей подвергается такому же вредному вліянію, какъ при нѣкоторыхъ работахъ на бумагопрядильныхъ фабрикахъ? Неужели возрастъ дѣтей и число рабочихъ часовъ будутъ опредѣлены для разныхъ металлическихъ заведеній? Тогда они могутъ, во всякомъ возрастѣ, поступать

туда, въ званиі учениковъ, для исправленія самыхъ утомительныхъ работъ, и исполнять ихъ, безъ всякой отвѣтственности за то со стороны фабрикавта или хозяина заведенія, не смотря на то, что возрастъ и число рабочихъ часовъ будутъ опредѣлены уставомъ.

Многіе члены совѣтовъ предлагали эти вопросы на разсужденіе. Они спрашивали также, какъ далеко будетъ простираться власть начальства, если дѣти, работая при своемъ отцѣ, а тѣмъ болѣе въ мастерской своихъ родителей, будутъ подчинены исполненію закона. По этому поводу надлежало бы постановить, что законъ распространяется на большія фабричныя заведенія (*les grands centres d'industrie*) не касаясь домашнихъ мастерскихъ (*ateliers de familles*), но въ такомъ случаѣ встрѣчается затрудненіе, какимъ образомъ выразить въ законѣ подобное различіе и какъ опредѣлить его границы.

Коммерческій совѣтъ допускаетъ десятилѣтнихъ дѣтей къ работѣ, съ условіемъ, чтобы они умѣли читать и писать, или по крайней мѣрѣ предъявили бы свидѣтельства, что они втеченіи одного году находились въ школѣ. Совѣтъ считаетъ также необходимымъ постановить, чтобы дѣти, поступившіе въ работу, имѣли возможность продолжать обученіе, и для того они должны работать не болѣе восьми часовъ въ сутки. Но не должно ли, въ этомъ случаѣ, опасаться, чтобы законъ, не допускающій на фабрики дѣтей безграмотныхъ, не поощрилъ вмѣстѣ съ тѣмъ добровольное невѣжество, и если дѣти, уже поступившія въ какое либо промышленное заведеніе, будутъ имѣть право отлучаться подъ предлогомъ посѣщенія школы, то не приучитъ ли ихъ это скорѣе къ праздности, нежели къ занятіямъ, нужнымъ для дальнѣйшаго ихъ обученія.

«Вообще должно сказать, что въ отношеніи къ предполагаемымъ мѣрамъ, изъявлено неудовольствіе весьма многими лицами, которыя разсматривали это дѣло во всехъ подробностяхъ. Они опасались завладѣть правами родителей, обязанныхъ заботиться о воспитаніи и объ участи дѣтей. Они предлагали, и съ добрымъ намѣреніемъ, вопросъ: долженъ ли законъ противиться волѣ родительской?»

Нѣтъ сомнѣнія, что законъ долженъ поставить преграду злоупотребленіямъ, происходящимъ отъ корыстолюбія родителей, но въ этомъ отношеніи должно поступать съ большою осторожностью и дѣйствовать только въ такомъ случаѣ, когда посту-

шюкъ дѣйствительно заслуживаетъ порціанія и когда есть надежное средство къ исправленію зла. Если зло только мѣстное, частное, то и власть, данная закономъ, должна быть употреблена съ разборчивостью и только въ необходимой степени строгости. Отъ того, значительное число голосовъ одобряетъ только мѣстные и частныя постановленія; закономъ должны быть только признаны главные начала ихъ, и тогда оставалось бы утвердить и допустить ихъ примѣненіе, что, впрочемъ, можно бы предоставить благоусмотрѣнію правительства.

Эта послѣдняя мѣра одна оказалась удобною и съ нею согласуется предлагаемый проектъ закона.

Основаніемъ его служить подчпненіе дѣтей попечительному надзору.

Но этотъ надзоръ будетъ соотвѣтствовать мѣстнымъ обстоятельствамъ, смотря по роду фабричныхъ производствъ.

Общія постановленія могутъ быть также начертаны, но съ полнымъ знаніемъ дѣла и когда будетъ дозволено, какія именно распоряженія могутъ быть общими.

Цѣль предлагаемаго закона состоитъ въ заботливости о сохраненіи дѣтей, ихъ здоровья и благосостоянія, сколько это можетъ зависѣть отъ посредничества правительства, съ тѣмъ чтобы оно не вмѣшивалось въ права родительской власти и довольствовалось соблюденіемъ того, чего требуетъ надлежащая заботливость о духовномъ, нравственномъ и умственномъ образованіи.

Проектъ закона, внесеннаго министерствомъ въ палату перовъ, предоставлялъ правительству постановить мѣры, какія оно признаетъ нужными, чтобы оградить работниковъ моложе шестнадцати лѣтъ отъ вредной для нихъ работы. Палата перовъ не согласилась принять систему этого проекта, находя, что законодатель не можетъ отказаться отъ права опредѣлять для работы непреложныя границы, какія могутъ и должны быть установлены между неограниченными интересами промышленности и высшими интересами человѣчества.

Законъ, переработанный, на такомъ основаніи, въ палатѣ перовъ, былъ принятъ палатою депутатовъ со всѣми новыми его началами.

Законодательное собраніе желало, еще въ 1840 году, ввести во Франціи тѣ мѣры, которыя опыты заставилъ принять и оправдалъ на дѣлѣ втеченіи тридцати - осьми лѣтъ, тамъ, гдѣ

развитіе большихъ мануфактуръ имѣло огромное вліяніе на общественныя отношенія.

Новый законъ ограждалъ молодыхъ работниковъ отъ излишней работы, требуемой машинами, не только, какъ въ Англіи, на фабрикахъ, обрабатывающихъ хлопчатую бумагу, шерсть, шелкъ и ленъ, не только въ тѣхъ заведеніяхъ, которыя, какъ постановлено парламентскимъ актомъ 1802 года, имѣютъ не менѣе двадцати работниковъ, но безъ различія: 1) на мануфактурахъ, заводахъ и мастерскихъ, снабженныхъ механическою сплюю или огнедѣйствующихъ, и 2) на всякой фабрикѣ, занимающей болѣе двадцати работниковъ.

Такимъ образомъ, съ изданія закона 1841 года, кругъ заведеній, въ которыхъ молодые работники ограждены отъ излишней работы, сдѣлался гораздо обширнѣе, нежели въ Англіи. Этотъ уставъ не давалъ поводу жаловаться, что фабрикаціи извѣстнаго рода подчинены правиламъ, не распространеннымъ на мануфактуры другихъ родовъ, которые имѣютъ столько же или еще болѣе рабочихъ, и сопряжены съ такими же или еще большими опасностями и злоупотребленіями, какъ это видимъ до-сихъ-поръ еще въ Великобританіи, при нынѣшнемъ законѣ о фабричныхъ работникахъ.

Въ отношеніи къ лѣтамъ молодыхъ работниковъ, для которыхъ установлено покровительство закона, крайнимъ предѣломъ положенъ шестнадцати-лѣтній возрастъ, тогда какъ въ Англіи, еще въ 1833 году, оно распространено на работниковъ до осмнадцати лѣтъ. Законодательное состояніе во Франціи приняло, однако, прекрасную мысль Уильберфорса, какъ выше замѣчено, вошедшую въ англійскій законъ 1833 года. Оно постановило два разряда работниковъ, распредѣливъ ихъ соразмѣрно неравенству силъ, юнаго и дѣтскаго возрастовъ.

Дневная работа для дѣтей отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ назначена не болѣе двѣнадцати часовъ, а для дѣтей отъ двѣнадцати до осьми лѣтъ не болѣе осьми часовъ. Это правило въ отношеніи къ возрастамъ и даже къ рабочему времени гораздо строже во Франціи нежели въ Англіи. По французскому уставу, отъ молодого работника требуется семьдесятъ два часа работы въ недѣлю, а по англійскому только шестьдесятъ девять; въ Англіи двѣнадцати-часовой работы можно требовать только съ тринадцати-лѣтняго возраста, а во Франціи съ двѣнадцати-лѣтняго.

На англійскихъ фабрикахъ, до 1844 года, доускались къ ра-

ботъ по осьми часовъ въ день только дѣти, достигшіе по крайней мѣрѣ девяти лѣтъ, а на французскихъ фабрикахъ опредѣлено такое же рабочее время для осьми-лѣтнихъ дѣтей. У Англичанъ рѣшительно воспрещено употреблять молодыхъ работниковъ въ ночную работу, а во Франціи это допущено для вознагражденія фабрики за потерю времени, въ случаѣ необходимыхъ починковъ и остановки механическаго двигателя.

Всѣ эти различія показываютъ, что уставъ, изданный во Франціи, въ 1841 году, ограждалъ дѣтей отъ излишней работы гораздо менѣе, нежели существовавшіе тогда въ Англіи постановленія въ пользу молодыхъ работниковъ. Впрочемъ, законодательное собраніе во Франціи, признавая необходимымъ опредѣлить только общія основанія и крайніе размѣры для рабочаго времени и возрасту работниковъ, предоставило исполнительной власти постепенно вводить облегченія, которыя, по опыту, окажутся полезными и возможными. Оно предоставило правительственнымъ распоряженіямъ: 1) распространить дѣйствіе новаго закона на другія мануфактуры, заводы и мастерскія, сверхъ поименованныхъ въ этомъ уставѣ; 2) назначить для приему дѣтей въ работу лѣта выше установленныхъ, уменьшить положенный срокъ дневной работы и даже воспретить дѣтямъ заниматься въ такихъ производствахъ, гдѣ работа можетъ превышать силы и вредить здоровью ихъ; 3) опредѣлить, на какихъ фабрикахъ, по причинѣ опасности или нездоровья работы, не должно употреблять дѣтей моложе шестнадцати лѣтъ; 4) охранять соблюденіе доброй нравственности и благочинія въ мастерскихъ, заводахъ и мануфактурахъ; 5) обезпечить первоначальное обученіе дѣтей; 6) отвратить дурное обращеніе съ дѣтьми и чрезмѣрныя наказанія ихъ и озаботиться объ охраненіи жизни и здоровья дѣтей.

Въ іюль 1845 года, министръ торговли представилъ королю первое донесеніе о принятыхъ мѣрахъ къ исполненію этого закона и о послѣдствіяхъ дѣйствія его, по собраннымъ въ министерствѣ свѣдѣніямъ. Сообщаемъ существенное содержаніе этого донесенія:

«По смыслу § 1 статьи 2-й, дѣти не могутъ быть принимаемы на фабрику моложе осьми лѣтъ. Изъ свѣдѣній, собранныхъ во внутренномъ миѣ департаментѣ, оказалось, что, при обнародованіи новаго закона, находились въ разныхъ мѣстахъ, на нѣкоторыхъ извѣстнаго рода фабрикахъ, дѣти отъ шести до осьми лѣтняго возраста. Эти малолѣтніе работники были ли-

тесны дѣтскаго и развлеченія, необходимыхъ въ такомъ иѣжномъ возрастѣ для развитія тѣлесныхъ и умственныхъ способностей. Теперь, въ этомъ отношеніи, сдѣлано совершенное преобразованіе: въ одномъ промышленномъ заведеніи не принимаются и не находятся дѣти моложе опредѣленнаго закономъ возрасту.

Число рабочихъ часовъ, опредѣленное тою же статьею, не должно превышать осьми часовъ въ сутки, съ промежутками на отдыхъ, для дѣтей отъ осьми до двѣнадцати лѣтъ, и не болѣе двѣнадцати часовъ для дѣтей отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ. Въ отношеніи къ рабочему времени для дѣтей старѣе двѣнадцати лѣтъ, законъ былъ почти вездѣ исполняемъ, какъ видно изъ послѣднихъ донесеній, но полученныя о томъ свѣдѣнія въ отношеніи къ дѣтямъ отъ осьми до двѣнадцати лѣтъ не такъ удовлетворительны.

Чтобы не выходить изъ опредѣленнаго закономъ числа рабочихъ часовъ, нѣкоторые фабриканты ввели работу по сѣннамъ и эта мѣра оказалась совершенно соотвѣтственною потребностямъ ихъ фабрикъ, такъ, что можно надѣяться на дальнѣйшее распространеніе этой системы. Неусыпная настойчивость поведетъ къ полному исполненію второй статьи устава.

Повсемѣстно исполняется постановленіе, запрещающее ночную работу, исключая, когда мастеровой долженъ работать ночью за прогульные дни, или при крайне важныхъ починкахъ или же вообще въ особенныхъ, по какому-либо производству, встрѣчающихся случаяхъ, означенныхъ въ третьей статьѣ устава, также въ дни воскресные и праздничные. Весьма рѣдко встрѣчается отступленіе отъ второй статьи, запрещающей ночную работу дѣтямъ моложе тринадцати лѣтъ, и для того, чтобы совершенно прекратить нарушеніе этого правила, даны, кому слѣдуетъ, самыя точныя инструкціи. Нѣкоторые владельцы фабричныхъ заведеній домогались о дозволеніи имъ воспользоваться изъятіемъ для ночныхъ работъ, допущеннымъ въ послѣднемъ параграфѣ третьей статьи, въ пользу огнедѣйствующихъ заведеній, которыхъ ходъ не можетъ быть прерванъ втеченіи сутокъ. Имъ разрѣшено употреблять въ ночную работу дѣтей старѣе тринадцати лѣтъ, но съ условіемъ, чтобы это частное исключеніе не выходило изъ границъ, опредѣленныхъ закономъ, и не превратилось бы въ злоупотребленіе.

Высокая нравственная мысль о посѣщеніи школъ, вложенная въ пятую статью устава, повсюду встрѣтила сочувствіе. Къ со-

жалѣнію, не во всѣхъ приходахъ имѣются школы; тамъ, гдѣ онѣ устроены, число ихъ недостаточно; весьма часто дѣти работаютъ не въ тѣхъ приходахъ, къ которымъ принадлежать и по тому не могутъ быть допускаемы въ школы другихъ приходовъ. Впрочемъ, уже нынѣ число дѣтей, пользующихся первоначальнымъ обученіемъ, гораздо значительнѣе, нежели два года тому. Устроены и открыты вечернія школы, увеличенъ составъ существовавшихъ, получены добровольныя пожертвованія отъ мануфактуристовъ и заведены школы на фабрикахъ. Учрежденіе фабричныхъ школъ насчетъ самихъ фабрикантовъ распространяется съ удивительнымъ успѣхомъ и быстротою.

«Книжки, которые на основаніи шестой статьи, должны имѣть каждый ученикъ, болѣе и болѣе разбираются». Циркуляромъ, отъ перваго октября 1841 года, опредѣленъ выпускъ этихъ книжекъ. Въ частныхъ инструкціяхъ объяснено комиссіямъ, имѣющимъ надзоръ за фабриками, что эти книжки и подробный списокъ работниковъ, о которомъ упоминается въ той же статьѣ, служатъ средствами къ сохраненію порядка и къ удостовѣренію въ исполненіи предписаній. Особенные списки о фабричныхъ рабочихъ распространялись не въ такой степени. Многіе фабриканты ихъ не вели и потому сдѣлано имъ рѣшительное подтвержденіе; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ положено взыскаііе съ нихъ, и я полагаю, что исполненіе по этимъ приговорамъ будетъ имѣть успѣшнѣйшее вліяніе на фабрикантовъ, у которыхъ еще не заведены упомянутые списки.

«Статьи 11 и 12, которыми предоставлено инспекторамъ право дѣлать словесные приговоры, приведены въ дѣйствіе во многихъ департаментахъ, съ примѣрнымъ успѣхомъ; открытыя ущербныя изслѣдованы и съ виновныхъ сдѣлано взыскаііе; судебныя рѣшенія назначали, смотря по обстоятельствамъ, наказанія, опредѣленные закономъ.»

Въ заключеніе, министръ донесъ королю, что по собраніи необходимыхъ свидѣній, онъ не замедлитъ представить въ государственныи совѣтъ постановленія, которыя должны будутъ слу-

* Въ этой статьѣ постановлено, что неры должны выдавать родителямъ дѣтей, поступающихъ на фабрики, книжки съ означеніемъ имени, дѣтъ, мѣста рожденія и пребыванія малолѣтнаго работника и сколько времени онъ обучался, а фабриканты должны откѣчать въ этихъ книжкахъ время поступления и увольненія его.

жить дополненіемъ къ закону о дѣтяхъ, работающихъ на фабрикахъ. Между тѣмъ, какъ министерство до сихъ поръ еще не привело въ исполненіе статей закона, которыми предоставлено правительству оградить дальнѣйшими попечительными мѣрами участь фабричныхъ работниковъ, потребность въ принятіи дѣйствительнѣйшихъ мѣръ противъ злоупотребленій, укоренившихся на фабрикахъ и въ мастерскихъ, становится болѣе и болѣе ошутительною. Многія доказательства тому находимъ въ сочиненіи извѣстнаго писателя Леона Фоме «О малолѣтнихъ рабочихъ въ Парижѣ».

Исполненіе закона, ограничивающаго работу дѣтей на фабрикахъ въ обширныхъ мастерскихъ, говоритъ господинъ Фоме: необходимо должно встрѣтить во Франціи большія затрудненія, и, кажется, что эти препятствія нигдѣ не могутъ быть такъ велики и упорны, какъ въ самомъ Парижѣ. Въ городахъ, извѣстныхъ по какимъ-нибудь отдѣльнымъ вѣтвямъ промышленности, какъ-то въ Руанѣ, Лионѣ, Седанѣ, Мюльгаузенѣ или Реймсѣ, исполненіе этого устава не такъ затруднительно. Напротивъ того, въ Парижѣ, оно становится гораздо сложнѣе отъ разнообразія промышленныхъ заведеній. Законъ не долженъ упустить изъ виду ни какихъ заведеній, чтобы не сдѣлать несправедливости при исключеніи нѣкоторыхъ производствъ изъ общихъ правилъ. Но какъ законодательная, такъ и исполнительная власть должна обратить вниманіе на особенныя условія каждой особой отрасли промышленности: для нѣкоторыхъ фабричныхъ производствъ можно допустить ограниченія, которыя въ другихъ не могутъ быть терпимы; въ нѣкоторыхъ случаяхъ осьми-часовая работа утомляетъ болѣе, нежели въ другихъ двѣнадцати-часовая. Къ безконечному разнообразію фабричныхъ и ремесленныхъ работъ въ Парижѣ присоединяется еще раздробленіе самыхъ производствъ. Число мастерскихъ увеличивается и подраздѣляется на разныя отдѣльныя вѣтви; это до крайности затрудняетъ всякую повѣрку. Тамъ, гдѣ промышленность совокупляетъ въ одно мѣсто большое число работниковъ, надзоръ значительно облегчается дисциплиною, необходимою въ рабочихъ артеляхъ. Всякій механическій движитель служитъ сильнымъ средствомъ къ поддержанію порядка; уравнивая дѣйствіе машины, онъ незамѣтнымъ образомъ обнаруживаетъ свое вліяніе на работниковъ, которые при ней находятся. Но что можетъ сдѣлать какое-нибудь постановленіе о надзорѣ, гдѣ слѣдуетъ, за тысячью мелкихъ мастерскихъ, которыя

наполняют собою въ многочислѣннѣйшихъ частяхъ города всѣ этажи, отъ темныхъ подваловъ до чердаковъ, гдѣ вся мастерская иногда состоитъ изъ двухъ или трехъ подмастерьевъ и такого же числа учениковъ, которые по временамъ бываютъ вовсе безъ работы и безъ хлѣба, либо обременены заказами и тогда работаютъ день и ночь, безъ отдыха?

«Многотрудная обязанность попечительства надъ бѣдными дѣтьми рабочаго класса, сопряженная съ надзоромъ за фабриками, составляетъ во Франціи почетную должность, безъ всякаго вознагражденія или какихъ-либо денежныхъ выгодъ. Число инспекторовъ довольно велико; въ севскомъ департаментѣ ихъ считается пятьдесятъ два, изъ которыхъ тридцать два назначены для одного Парижа, остальные двадцать для окрестности. Каждый изъ этихъ чиновниковъ обязанъ ежемѣсячно посѣщать назначенныя ему фабрики, но много ли такихъ, которые исполняютъ эту обязанность въ точности, и сколько, напротивъ, такихъ, которые вовсе не видали и не знаютъ заведеній, подчиненныхъ ихъ надзору!

«Для дѣйствительнаго исполненія этого закона, необходимо было первоначально исчислить всѣ фабрики и ремесленныя заведенія, подлежащія надзору правительства, тогда какъ, кажется, ни какихъ подобныхъ предварительныхъ распоряженій сдѣлано не было. Правительство положило въ основу свѣдѣній, собранныхъ наскоро полицейскими чиновниками; оттого происходитъ неточность въ спискахъ, сообщенныхъ инспекторамъ. Тѣ изъ нихъ, которые желали бы исполнить свою обязанность по совѣсти, должны были сами собирать точнѣйшія свѣдѣнія о числѣ мастерскихъ, гдѣ болѣе или менѣе двадцати подмастерьевъ или работниковъ. Преодоливъ первое затрудненіе и приступая къ дѣлу, надлежало опредѣлить, какимъ образомъ принимать постановленія закона, смотря по различному свойству каждаго производства. Законодательная власть предоставила въ этомъ отношеніи полную свободу исполнительной власти, которая, впрочемъ, ограничилась только тѣмъ, что разрѣшила инспекторамъ соображаться съ частными случаями, не составивъ надлежащихъ правилъ для руководства.

«Какая же польза можетъ-быть отъ надзора, предоставленнаго совершенному произволу частныхъ лицъ? Правительство, оставивъ это важное дѣло безъ всякаго съ своей стороны содѣйствія, ободряетъ, нѣкоторымъ образомъ, сопротивленіе тѣхъ, которые подлежатъ закону. Чего можно ожидать отъ чиновниковъ, кото-

рые не получают ни какого вознагражденія, не имѣютъ надлежащаго руководства и встрѣчаютъ, при исполненіи своей обязанности, безпрерывныя препятствія?

«Я вознамѣрился изслѣдовать, продолжаетъ господинъ Фомѣ, имѣло ли усѣхъ это учрежденіе въ самой столицѣ. Мнѣ указали, какъ образецъ хорошаго надзору, одинъ изъ парижскихъ кварталовъ, и я рѣшился посѣтить фабрики и главныя ремесленныя заведенія этой части города.

«Въ составъ ея входятъ самое бѣдное предмѣстье, наиболѣе населенное ремесленниками; тамъ считается отъ сорока до пятидесяти тысячъ жителей и въ числѣ ихъ отъ шести до семи тысячъ нищихъ. Работники живутъ въ узкихъ, грязныхъ переулкахъ, по капалу, или въ хижинахъ, позади главныхъ улицъ кварталовъ Святаго Антонія, Шаронны, Монтрейля и Шаравтона. Фабрики и машинныя заведенія, для которыхъ требуются большія помѣщенія, нагромождены одинъ за другимъ, на скатахъ холмовъ, прилегающихъ къ этой сторонѣ Париза. Такова исторія всѣхъ фабричныхъ городовъ: для помѣщенія машинъ употребляются лучшія мѣста и расточается роскошь, а работники гнѣздятся въ какихъ-нибудь грязныхъ закоулкахъ, куда не проникаютъ ни воздухъ, ни солнце. Въ этомъ предмѣстьѣ, гдѣ городскія мѣста, въ соразмѣрности, имѣютъ весьма незначительную цѣнность, рабочій классъ также худо помѣщенъ, какъ и въ самомъ центрѣ столицы. Естественно, что число развратныхъ домовъ и кабаковъ въ этихъ мѣстахъ не менѣе велико.

«Ремесленныя заведенія, по своей раздробительности, большею частью занимая разныя помѣщенія, не подвергаются вліянію закона относительно повѣрки работъ, производимыхъ дѣтми. Число фабрикъ, подлежащихъ надзору въ упомянутой части города, простирается отъ тридцати до сорока, на которыхъ бываетъ отъ двухъ-тысячъ до двухъ-тысячъ осьми сотъ работниковъ и въ этомъ числѣ отъ трехъ-сотъ пятидесяти до шести-сотъ дѣтей отъ осьми до шестнадцати лѣтъ. На этихъ фабрикахъ приготавливаются: цвѣтная бумага, бронзовыя издѣлія, шали и обои. Такъ какъ, на основаніи закона, надзору подлежатъ только тѣ фабрики и ремесленныя заведенія, въ которыхъ число рабочихъ болѣе двадцати, а это число, смотря по времени года, измѣняется, то нѣкоторыя заведенія въ зимнее время подвергаются надзору, а въ лѣтнее освобождены отъ него; слѣдовательно, малолѣтныя работники находятся, въ теченіи одной половины года, подъ защитою

закона, а въ другую предоставлены произволу своихъ хозяевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, обученіе ихъ грамотѣ то выѣняется въ обязанность, то предоставляется на ихъ волю; число рабочихъ часовъ то сокращается сообразно съ уставомъ, то переходитъ за опредѣленныя границы. Такимъ образомъ, правительственный надзоръ зависитъ совершенно отъ случая.

«Главное затрудненіе къ исполненію этого закона заключается въ томъ, что фабрикантъ, на котораго возложена отвѣтственность за рабочее время и за обученіе малолѣтнихъ работниковъ, не находится въ прямыхъ отношеніяхъ къ дѣтямъ: они зависятъ не отъ хозяина фабрики, а отъ подмастерья или работника, которымъ помогаютъ и которые одинъ ихъ знаютъ и выбираютъ. Задѣльная плата, получаемая дѣтьми, составляетъ часть платы, выдаваемой работнику, который отъ себя удовлетворяетъ своего малолѣтнаго помощника, смотря по приносимой имъ пользѣ; работникъ принимаетъ и отпускаетъ его безъ вѣдома хозяина. Фабриканту остается только полицейскій надзоръ въ его заведеніи; а каковъ бываетъ иногда этотъ надзоръ! До изданія закона, отъ двадцать-втораго марта 1841 года, фабриканты не знали даже имени дѣтей, работающихъ на ихъ фабрикахъ. Фабричныя заведенія въ Парижѣ были въ родѣ трактировъ, гдѣ всякій желающій могъ найти приютъ. Нынче каждый хозяинъ фабрики или мастерской долженъ по-крайней-мѣрѣ знать людей, у него работающихъ, но и это исполняется съ крайнею небрежностью; весьма часто проходитъ цѣлая недѣля, пока работникъ объявитъ фабриканту имя нанятаго имъ малолѣтнаго помощника; потомъ оно вносится въ списокъ; но обыкновенно выжидаютъ посѣщенія инспектора, и за тѣмъ, требуется утвержденная префектурою рабочая книжка, для удостовѣренія, ходилъ ли этотъ работникъ въ школу, или имѣетъ ли свидѣтельство въ томъ, что обучался грамотѣ.

«Я очень хорошо знаю, что фабрикантамъ гораздо удобнѣе и выгоднѣе предоставлять работникамъ попеченіе о своихъ молодыхъ ученикахъ. Не безызвѣстно мнѣ также, что этотъ обычай существуетъ не только въ Парижѣ, или вообще во Франціи, но, кажется, и въ другихъ странахъ. Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи этого обстоятельства, очевидно, какъ подобный порядокъ неправиленъ и неудобенъ. Присмотръ за малолѣтнимъ поручается работнику, часто наименѣе къ тому способному, и молодой его помощникъ подвергается или самому рабочему со-

стоянню, или, что столько же вредно, пользуется совершенною независимостью. Нѣтъ, по моему мнѣнію, ничего легче какъ отбить этотъ обычай: стоитъ только вмѣнать фабриканту въ обязанность имѣть дѣло прямо съ родителями дѣтей, работающихъ въ его заведеніи, предоставить работникамъ или подмастерьямъ условиться съ хозяиномъ насчетъ выбора нужныхъ имъ помощниковъ. Фабрикантъ устраиваетъ номѣщеніе, закупаетъ потребныя машины, станки, инструменты и прочія орудія, запасается матеріалами; почему же ему не позаботиться также и о молодыхъ рабочихъ, какъ необходимыхъ помощникахъ для прочихъ мастеровыхъ или даже для машинъ? Безъ этого преобразования нельзя установить лучшаго порядка и привести въ дѣйствіе законъ.

«Запрещеніе хозяевамъ фабрикъ и ремесленныхъ заведеній употреблять въ работу дѣтей отъ осьми до двѣнадцати лѣтъ болѣе осьми часовъ въ сутки имѣло цѣлью сберечь здоровье дѣтей и доставить имъ средства къ первоначальному обученію, но ни та, ни другая цѣль закона не приводятся въ исполненіе. На большихъ фабрикахъ дѣти этихъ лѣтъ вовсе не принимаются, такъ, что тѣ годы, когда можно учиться, они вынуждены проводить въ мелкихъ заведеніяхъ, изъятыхъ отъ дѣйствія закона, въ мастерскихъ, гдѣ рабочее время не опредѣлено и гдѣ вовсе не заботятся объ ученіи. Дѣти, работающія въ этихъ заведеніяхъ, малы ростомъ, блѣдны, слабы; умственные способности ихъ развиваются также трудно, какъ и тѣлесныя силы; въ четырнадцать и пятнадцать лѣтъ они походятъ на дѣтей не старѣе девяти и десяти лѣтъ; иногда они не имѣютъ ни какого понятія о Богѣ, никогда не слыхали ничего о своихъ обязанностяхъ и тюремное заключеніе бываетъ часто первымъ средствомъ для обузданія ихъ безнравственности.

«Законъ о малолѣтнихъ рабочихъ, не распространенный на малыя ремесленные заведенія, имѣетъ ограниченное вліяніе во Франціи, гдѣ гораздо болѣе фабрикацій, раздробленныхъ на отдѣльныя производства въ мелкихъ мастерскихъ, нежели большихъ фабричныхъ заведеній. Какъ ни тягостенъ трудъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, однако по крайней мѣрѣ они имѣютъ возможность добывать себѣ хотя скудный кусокъ хлѣба. Молодой фабричный работникъ подвергается дисциплинѣ, которая не зависитъ отъ произвола, и во всякомъ случаѣ лучше подчиниться какому-нибудь правиламъ, даже самымъ тяжкимъ, но съ тѣмъ,

чтобы пользоваться свободою, — по окончаніи дневной работы, съ получеиіемъ платы за известное число рабочихъ часовъ. Большая часть дѣтей, желающихъ заработать что-нибудь для себя, всегда находятъ приближеніе на чердакахъ въ мелкихъ мастерскихъ, въ сараяхъ или въ шатрахъ ремесленниковъ или въ лавкахъ мелкихъ торговцевъ. Но на какихъ условіяхъ принимаются они этими людьми? Ученикъ принадлежитъ тѣломъ и душою своему хозяину; онъ принимается въ чужую семью не для наученія его мастерству, но употребляется въ самую черную, тяжкую, домашнюю работу и трудится нѣсколько лѣтъ безъ всякой платы.

Прежде существовалъ обычай заключать условія съ мастерами на все время выучки: отецъ передавалъ мастеру свои права и попеченія о малолѣтнемъ, а хозяинъ принималъ на себя нѣкоторыя обязанности въ его пользу. Нынѣ эти договоры, потерявшіе весь нравственный характеръ, имѣютъ видъ купли и продажи и, къ довершенію зла, хозяева мастерскихъ, вмѣсто полученія платы за обученіе, сами платятъ родителямъ за ихъ дѣтей. Это вознагражденіе — плата за невольника; въ Парижѣ эти сдѣлки производятся тайно, а въ Лондонѣ — публично: тамъ существуетъ даже рынокъ, куда приводятъ дѣтей на подобную продажу, какъ въ нынѣшнихъ мѣстахъ лошадей на конную или другихъ животныхъ на площади и базары.

«Конечно, не всеъ хозяева обходятся съ своими учениками какъ съ невольниками; безъ сомнѣнія найдутся ремесленники, фабриканты, торговцы, которые дѣйствительно заботятся о внутреннихъ имъ дѣтяхъ съ родительскою любовію, но вообще эти дѣти, во всехъ отношеніяхъ, остаются въ пренебреженіи; изъ нихъ извлекаютъ всевозможную пользу, не думая дать имъ какоо-нибудь образованіе; имъ не даютъ даже ни какого понятія о религіи, не учатъ ни писать ни читать, не научаютъ даже мастерству. Никто не заботится сдѣлать изъ нихъ хорошихъ людей и мастеровъ или работниковъ. Но пусть бы, взаимѣя этого нравственнаго порабощенія, хотя по-крайней-мѣрѣ ихъ физическія потребности были удовлетворяемы! Ученики получаютъ обыкновенно самую худую пищу, и то въ недостаточномъ количествѣ; нѣкоторые, втеченіи цѣлаго года, должны питаться однимъ картофелемъ; ночлеги ихъ бываютъ или на нарахъ, въ спортномъ воздухѣ, или въ темныхъ и сырыхъ чуланахъ; платье этихъ несчастныхъ никогда не соотвѣтствуетъ времени года, но

защищать ихъ ни отъ зноя, ни отъ стужи. Сверхъ того, они должны почитать себя счастливыми, если, въ довершенно ужаснаго положенія, не страдаютъ ежедневно отъ побоевъ, которыми хозяинъ надѣляетъ ихъ щедро и большою частью безъ всякой причины.

Для дѣтей, занимающихся на фабрикахъ, работа, самая тяжелая, имѣетъ еще нѣкоторыя границы; но для учениковъ, составляющихъ одно цѣлое съ прочими работниками въ мастерскихъ, работа не прекращается даже при совершенномъ истощеніи силъ. Особенно въ Парижѣ, гдѣ способы къ пропитанію такъ трудны, а корыстолюбіе такъ велико, что мастера не щадятъ самихъ себя, конечно, тѣмъ менѣе можно ожидать заботы о молодыхъ работникахъ: съ пяти часовъ утра они должны безпрерывно работать до поздней ночи; если, наконецъ, силы этихъ несчастныхъ совершенно истощатся до окончанія работы, то мастеръ возбуждаетъ ихъ палочными ударами.

«Законъ долженъ положить конецъ этимъ беспорядкамъ. Если уже приняты мѣры для ограниченія работы дѣтей на фабрикахъ и для доставленія имъ средствъ къ первоначальному обученію, то необходимо также обратить вниманіе на положеніе этихъ несчастныхъ въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ и мастерскихъ. Во Франціи составляются общества для прекращенія невольничества въ колоніяхъ, но неужели останутся въ забвеніи дѣти, которыя со дня ихъ рожденія осуждены на существованіе, заглушающее въ нихъ самый зародышъ силъ физическихъ и нравственныхъ. Можно ли притомъ удивляться, если преступленія и нищета увеличиваются въ такой сильной степени, и къ чему служатъ успѣхи богатства и просвѣщенія въ одной части народонаселенія, когда другая, какъ наприѣръ въ Парижѣ, оканчиваетъ свою жизнь въ тюрьмахъ или въ больницахъ?»

Прошло шесть лѣтъ со времени изданія закона о фабричныхъ рабочихъ, предоставлявшаго правительству право принять соотвѣтственные обстоятельствамъ мѣры къ ограниченію работы дѣтей на фабрикахъ и къ распространенію этихъ мѣръ, если окажется нужнымъ, на тѣ фабрики, заводы и мастерскія, которыя еще не были подчинены уставу. Правительство не воспользовалось этимъ правомъ, не прибѣгло къ предварительнымъ испытаніямъ въ той степени, какъ это было разрѣшено закономъ, и не позаботилось убѣдиться, постепеннымъ опытомъ, въ пользу

и необходимости переизъять, которая оно предположимо лишь ввести въ законную силу.

Проектъ закона о фабричныхъ работникахъ, представленный министромъ началъ переть въ нынѣшнемъ году, предлагаетъ подчинить всѣ мануфактуры, заводы и ремесленные заведенія одинакимъ правиламъ относительно дѣтей и юношей въ работу. Вслѣдствіе шести лѣтъ правительство не признавало необходимымъ воспретить работу дѣтямъ отъ осьми до десяти лѣтъ, даже въ самыхъ тяжкихъ или опасныхъ производствахъ, а нынѣ оно предполагаетъ, безъ всякаго изъятія, запретить употребленіе дѣтей этого возраста въ работу. Законъ 1841 года ограничивалъ осемью часами рабочее время для дѣтей отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ; новый проектъ закона предлагаетъ назначить для нихъ двѣнадцать часовъ работы. Такимъ образомъ самые молодые работники лишились бы особеннаго покровительства, которое и въ Англіи было признано для нихъ необходимымъ еще въ 1833 году.

Министръ торговли подкрѣпилъ свое предложеніе отзывомъ мануфактурнаго совѣта, который, однако, въ 1840 году, былъ совершенно противнаго мнѣнія. Въ то время мануфактурный совѣтъ полагалъ необходимымъ назначить для дневной работы дѣтей осемь часовъ, не только съ тѣмъ, чтобы работа была соразмѣрна ихъ возрасту и силамъ, но и для того, въ-особенности, чтобы они могли посѣщать школы. Съ-тѣхъ-поръ, повидному, многіе фабриканты стали думать иначе и успѣли, наконецъ, въ послѣднемъ собраніи мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ склонить ихъ къ противному мнѣнію, основанному на мнимои невозможности уменьшить до осьми часовъ рабочее время, опредѣленное для дѣтей. Вотъ подлинныя слова одного искуснаго фабриканта, изложенныя въ его докладѣ, который одобренъ коммерческимъ совѣтомъ :

«Говоря о невозможности, мы не разумѣемъ невозможность матеріальную, рѣшительную; конечно, всякій фабрикантъ можетъ умножить число своихъ рабочихъ или уменьшить свое производство; прибавить сваридовъ и мастеровскихъ, то есть, увеличить недвижимый капиталъ; онъ можетъ также сократить число рабочихъ часовъ, допустить выдѣлку худшій въ неизменномъ количествѣ и низшаго качества, при одинаковыхъ или даже большихъ расходахъ; однимъ словомъ, онъ можетъ во-всей опрелочности исполнить законъ, *подвергалъ себя разоренію, но въ-дѣлѣ*

«слухавъ осуществится ли желанное соглашеніе между трудомъ съ «правами челоѣчества.»

Не нужно много словъ , чтобы доказать ошибочность такого разсужденія.

Если вмѣсто двухъ дѣтей, работающихъ двѣнадцать часовъ въ сутки за двумя станками , употребить въ ту же работу троихъ, занимая ихъ по осьми часовъ , то рабочее время по прежнему будетъ равняться двадцати-четыремъ часамъ , по-прежнему двое дѣтей будутъ работать въ одно и то же время, за одинаковымъ числомъ станковъ. И такъ , для перехода отъ одной системы къ другой, нѣтъ надобности прибавлять снрядовъ, увеличивать мастерскія ; производство ни сколько не уменьшится и выработка издѣлій не сдѣлается хуже. Слѣдовательно, мануфактурный и коммерческій совѣты, безъ всякаго основанія отступивъ отъ мнѣній , высказанныхъ ими въ 1840 году , находятъ теперь , шесть лѣтъ спустя , что «права труда приносятся въ жертву правамъ челоѣчества!» Несправедливо и смѣшно предполагать, что французскія фабрики разбьются, если рабочее время для дѣтей будетъ уменьшено до осьми часовъ въ сутки.

Разорилась ли англійская фабрикація отъ принятія этой мѣры съ 1833 года? Выиграла ли Франція передъ своею соперницею, оттого , что не осмѣлилась ввести у себя такую же систему? Посмотримъ, какіе успѣхи совершила хлопчатобумажная фабрикація втеченіи десяти лѣтъ.

Хлопчатой бумаги обра-
щено на внутреннее
потребленіе :

	Въ Англїи.	Во Франціи.
Въ 1833 году	8,322,250	2,225,613 пуд.
Въ 1843 году	16,478,350	3,749,991 —

Бумажной пражы от-
пущено :

Въ 1843 году	3,976,312	4,938 —
--------------	-----------	---------

Бумажныхъ тканей от-
пущено :

Въ 1833 году	1,038,052	144,345 —
Въ 1843 году	2,160,621	227,508 —

Потребленіе хлопчатой бумаги увеличилось въ Англїи на 8,156,100 пудовъ, во Франціи на 1,524,378 пудовъ. Слѣдовательно, въ это десятилѣтіе англійскія фабрики, употребляя дѣтей въ работу по осьми часовъ въ сутки , не уменьшили , а увеличили свое произ-

водство. Между тѣмъ, какъ рабочее время для дѣтей сокращено въ Англіи отъ двѣнадцати до осьми часовъ, выработка пряжи и тканей бумажныхъ усиливается тамъ до такой степени, что одно приращеніе расхода хлопчатой бумаги, съ 1833 по 1843 годы, превосходитъ слишкомъ вдвое все количество этого матеріала, употребленнаго во Франціи въ 1843 году, хотя втеченіи этихъ десяти лѣтъ рабочее время для дѣтей составляло на французскихъ фабрикахъ не менѣе двѣнадцати часовъ въ сутки.

Вывозъ бумажныхъ тканей изъ Франціи увеличился на 83,163 пуда, а изъ Англіи на 1,122,569 пудовъ, то есть, въ двѣнадцать съ половиною разъ болѣе. Уменьшеніе работы дѣтей, употребляемыхъ на мануфактурахъ, отъ двѣнадцати до осьми часовъ въ сутки, не воспрепятствовало чрезвычайному умноженію вывоза английскихъ бумажныхъ издѣлій. Съ 1844 года, Англія сократила дневную работу для дѣтей до шести съ половиною часовъ, и ея фабрики не только отъ того не пострадали, но продолжаютъ увеличивать сбытъ своихъ издѣлій по цѣнамъ, которыя не выше, а гораздо ниже прежнихъ.

Результаты, до которыхъ Англія достигла многолѣтнимъ опытомъ, могутъ достаточно убѣдить въ неосновательности мнѣній изъясняемыхъ французскими фабрикантами, объ употребленіи дѣтей въ работу. Комиссія палаты перовъ, занимавшаяся разсмотрѣніемъ проекта закона о малолѣтнихъ рабочихъ, пригласила къ себѣ многихъ фабрикантовъ, для необходимыхъ объясненій по этому вопросу. Они, почти всѣ домогаясь опредѣленія двѣнадцати-часовой работы для малолѣтнихъ, изъявили желаніе, чтобы новый законъ воспретилъ работать на фабрикахъ дѣтямъ отъ осьми до десяти лѣтъ. Съ перваго взгляду, такое домогательство кажется страннымъ. По какому поводу фабриканты, за недостаткомъ молодыхъ работниковъ, хотятъ исключить, изъ своихъ мастерскихъ, дѣтей отъ осьми до десяти лѣтъ, то есть болѣе половины нынѣшняго числа малолѣтнихъ рабочихъ, съ тѣмъ, однако, чтобы для дѣтей отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ, срокъ дневной работы былъ увеличенъ одною третью. Это объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ: число дѣтей отъ осьми до двѣнадцати лѣтъ гораздо болѣе, нежели отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ; однако фабриканты не употребляютъ и половинынаго числа этихъ малолѣтнихъ, сравнительно съ числомъ взрослыхъ; слѣдовательно, ограничиваясь употребленіемъ въ работу дѣтей отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ, фабриканты могутъ

легко найти потребное имъ число работниковъ этого возраста, и если на дневную работу будетъ опредѣлено двѣнадцать часовъ, вмѣсто осьми, то очевидно, такая прибавка рабочаго времени обратится въ чистый барышъ для фабрикъ.

Коммиссія палаты перовъ, по зрѣломъ разсмотрѣннн всѣхъ доводовъ и возраженій и основываясь на указаніяхъ опыта, единогласно положила оставить въ силѣ срокъ дневной работы, опредѣленный закономъ 1841 года, то есть, для дѣтей отъ осьми до двѣнадцати лѣтъ по осьми часовъ въ сутки и отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ не болѣе двѣнадцати часовъ, и распространила правило о двѣнадцати-часовой работѣ на дѣвочекъ и женщинъ, безъ различія ихъ возраста.

Въ докладѣ коммисіи, представленномъ палатѣ перовъ, объяснены причины, побудившія ограничить рабочее время для дѣтей срокомъ, который все еще превышаетъ дневную работу, положенную для нихъ въ Англіи. Мнѣніе коммисіи основывается на слѣдующихъ уваженіяхъ:

«Во Франціи, говоритъ баронъ Дюпенъ, пряденіе и ткачество хлопчатой бумаги и льна, еще не доведены до такой степени совершенства и особенно до такой экономіи какъ въ Англіи, не смотря на всѣ усилія и способности нашихъ фабрикантовъ. Наши соперники принялись за эту фабрикацію двадцать пять лѣтъ прежде насъ и сохранили за собою первенство передъ нашими фабрикантами. Они успѣли, прежде насъ, накопить огромные капиталы, и пользуясь ими, болѣе и болѣе увеличиваютъ ихъ массу. Для сбыта своихъ издѣлій они имѣютъ предоставленный имъ исключительно истокъ—англійскія колоніи, въ которыхъ считается сто-милліоновъ потребителей. При такомъ огромномъ сбытѣ, они могутъ производить фабрикацію въ обширѣйшемъ размѣрѣ, слѣдовательно выработка издѣлій можетъ обходиться имъ гораздо дешевле, нежели въ другихъ странахъ. По этому неблаго-разумно было бы, съ перваго разу, приступить къ крайностямъ, могущимъ усугубить слишкомъ разительныя невыгоды нашего положенія.»

Коммиссія опредѣлила распространить дѣйствіе закона о малолѣтнихъ работникахъ на всѣ мануфактуры, заводы и мастерскія, въ которыхъ работаютъ не менѣе десяти человекъ всякаго возраста и пола или пять человекъ дѣтей, юношей или женщинъ. Для надзору за точнымъ исполненіемъ закона положено назначить особыхъ инспекторовъ съ помощниками. Сверхъ-того, ком-

министр постановила, что въ первый годъ по обнародованіи этого закона, долженъ быть издавъ уставъ, который опредѣлитъ для дѣтей время работы на фабрикахъ и время обученія въ школахъ. Для преподаванія закона Божія назначаются воскресные классы. Втеченіи трехъ дней въ недѣлю, дѣти отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ должны работать не болѣе одиннадцати часовъ въ сутки, съ тѣмъ, чтобы одинъ часъ былъ непременно употреблемъ на первоначальное обученіе.

Измѣненный въ этомъ видѣ министерской проектъ закона представленъ комиссіею палатъ перовъ въ іюнѣ нынѣшняго года и еще долженъ поступить въ палату депутатовъ. Между тѣмъ, въ настоящее время, остается въ силѣ законъ о фабричныхъ рабочихъ, изданный въ 1841 году.

Въ Пруссіи, первое постановленіе о малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ, издано въ 1839 году. Главнѣйшія правила, существующія нынѣ относительно этихъ работниковъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Прежде достиженія девяти-лѣтняго возрасту никто не долженъ быть допускаемъ къ постоянной работѣ на фабрикѣ или заводѣ. Кто не обучался постоянно въ школѣ втеченіи трехъ лѣтъ или не представитъ отъ училищнаго начальства свидѣтельство, что можетъ свободно читать и умѣетъ нѣсколько писать на природномъ языкѣ, тотъ не долженъ быть принимаемъ на фабрику или заводъ равнѣ шестнадцати-лѣтняго возрасту. Исключеніе изъ этого правила допускается только въ такомъ случаѣ, когда хозяинъ доставитъ своимъ малолѣтнимъ рабочимъ возможность обучаться грамотѣ, открывъ для нихъ школу при своемъ заведеніи.

2) Молодые люди, недостигшіе шестнадцати-лѣтняго возрасту, не должны работать на фабрикахъ или заводахъ болѣе десяти часовъ въ сутки, съ отдыхомъ на четверть часа до обѣда и послѣ обѣда. При каждомъ отдыхѣ малолѣтние работники должны быть выпускаемы на свѣжій воздухъ.

Занятія не должны начинаться рапѣе пяти часовъ утра и оканчиваться позже десяти часовъ вечера. Работа въ воскресенье и праздничные дни совсѣмъ запрещается.

3) Мѣстное полицейское начальство можетъ разрѣшить прибавку рабочихъ часовъ на время, если по какому-нибудь несчастному случаю остановилось обыкновенное производство на фабрикѣ, и за тѣмъ необходимо будетъ усилить ея дѣйствія. Число

рабочихъ часовъ можетъ быть увеличено только одинъ часомъ въ сутки, и то не болѣе, какъ втеченіи четырехъ недѣль.

4) Хозяева фабрикъ или заводовъ, имѣющіе у себя малолѣтнихъ работниковъ, обязаны вести подробный списокъ имъ, съ означеніемъ ихъ имени и возраста, мѣста жительства родителей и времени поступленія дѣтей на фабрику. Эти списки должны наводиться въ мастерской, для предьявленія полиціи и училищному начальству, по востребованію.

5) За каждаго малолѣтняго работника, занимавшагося на фабрикѣ или заводѣ, вопреки предписаннымъ правиламъ, взыскивается съ хозяина штрафъ отъ одного до пяти талеровъ. Если хозяинъ не завелъ у себя списка малолѣтнихъ работниковъ или пересталъ вести его, то въ первый разъ подвергается штрафу отъ одного до пяти талеровъ, а при второмъ неисполненіи правила штрафъ увеличивается отъ пяти до пятидесяти талеровъ.

Въ Австріи запрещено употреблять въ постоянную работу на фабрикахъ или заводахъ дѣтей обоего пола моложе двѣнадцати лѣтъ. Исключенія изъ этого правила допускаются, съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы дѣтя имѣло отъ роду девять лѣтъ и, до поступленія на фабрику или заводъ, обучалось три года въ школѣ; 2) чтобы дѣти, не вышедшія изъ школьнаго возраста, имѣли возможность продолжать дальнѣйшее обученіе въ законѣ Божіемъ и другихъ предметахъ.

Число рабочихъ часовъ въ сутки опредѣлено: для дѣтей отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ, десять часовъ; отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ, двѣнадцать часовъ. Втеченіи этого времени, долженъ быть промежутокъ для отдыха по-крайней-мѣрѣ однаго часа.

До шестнадцати-лѣтняго возрасту, дѣти не должны быть допускаемы къ ночной работѣ, то есть отъ девяти часовъ вечера до пяти часовъ утра.

Фабрикантамъ ввѣнено въ обязанность вести подробные списки о малолѣтнихъ работниковъ, не достигшихъ шестнадцати лѣтъ.

За отступленіе отъ постановленныхъ правилъ въ отношеніи къ дѣтямъ, работающимъ на фабрикахъ или заводахъ, хозяева, сестра пообстоятельствамъ, подвергаются штрафу отъ двухъ до ста гульденовъ; при повторительномъ же нарушеніи этихъ правилъ, взысканій лишается право принимать въ свое заведеніе малолѣтнихъ работниковъ втеченіи двѣнадцати лѣтъ.

Въ Баваріи, запрещено употреблять дѣтей моложе девяти лѣтъ для постоянной работы на фабрикахъ или заводахъ. Дѣти старѣе этого возраста могутъ быть принимаемы только на основаніи предьявленнаго въ присутствіиномъ мѣстѣ медицинскаго свидѣтельства о тѣлесной ихъ способности къ порученной имъ работѣ, и о безвредности этой работы для ихъ здоровья. Сверхъ-того, должно быть представлено свидѣтельство мѣстнаго учебнаго начальства въ томъ, что малолѣтній работникъ уже приобрѣлъ въ школѣ познанія, предписанныя для девятилѣтняго возраста.

Дѣти отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ должны работать не болѣе десяти часовъ въ сутки и начинать работу не ранѣе шести часовъ утра, а оканчивать не позже шести часовъ вечера. Для отдыха должно давать въ обѣденное время цѣлый часъ, а утромъ и послѣ обѣда полчаса, дозволяя имъ притомъ имѣть движеніе на свѣжемъ воздухѣ.

Дозволяется дѣтямъ въ продолженіи рабочаго времени ходить на два часа въ публичныя школы или обучаться по два часа въ день въ особой частной или фабричной школѣ. Въ обонхъ случаяхъ, дѣти обязаны ежегодно подвергаться публичному испытанію въ школахъ.

Въ Россіи, съ развитіемъ мануфактурной промышленности, въ новѣйшее время, правительство не замедлило обратить вниманіе на положеніе малолѣтнихъ работниковъ, но узаконенія по этой части не такъ подробны и многосложны, какъ въ иностранныхъ земляхъ, гдѣ гораздо болѣе распространилось умотребленіе дѣтей въ работу на фабрикахъ. Первое и единственное постановленіе о малолѣтнихъ работникахъ издано въ Россіи въ 1845 году. По представленію министра финансовъ, Высочайше повелѣно: «Обязать подписками хозяевъ фабрикъ, на которыхъ производятся работы по ночамъ, чтобы они малолѣтнихъ рабочихъ, двѣнадцати лѣтъ и моложе, не назначали въ сѣмю съ полуночи до шести часовъ утра, и наблюденіе за симъ предоставить мѣстному начальству.» Для дневной работы нѣтъ опредѣленнаго закономъ числа рабочихъ часовъ и не постановлено ни какихъ правилъ о первоначальномъ обученіи малолѣтнихъ работниковъ.

Замѣчательно, что въ послѣднемъ отношеніи, не только не замѣтно у насъ противодѣйствія со стороны фабрикантовъ, какъ въ Англіи и во Франціи, но они сами ревностно содѣйствуютъ благотвѣтельнымъ положеніямъ правительства о нравственномъ улучшеніи быта рабочихъ. Образованіе техническихъ рисоваль-

школъ, необходимыхъ для успѣховъ искусствъ и ремеслъ, и полезное для всѣхъ отраслей мануфактурной промышленности пространство между рабочимъ классомъ практическихъ способовъ черченія, счетоводства и чистописанія, составляетъ предметъ особенной заботливости правительства. Въ Москвѣ находятся двѣ казенныя рисовальныя школы, изъ которыхъ первая, по времени учрежденія, была основана (въ 1824 году) графомъ С. Г. Строгановымъ, который содержалъ ее на своемъ иждивеніи девятнадцать лѣтъ. Сверхъ-того, при гимназій и уѣздномъ училищѣ, въ Москвѣ учреждены воскресныя рисовальныя классы. Въ этихъ казенныхъ заведеніяхъ пользуются ученіемъ около тысячи человѣкъ разнаго званія и обоего пола, взрослыхъ и малолѣтнихъ работниковъ. Похвальному примѣру мануфактуръ совѣтниковъ К. и Т. Прохоровыхъ, уже давно извѣстныхъ благотворительнымъ учрежденіемъ частныхъ школъ при ихъ заведеніяхъ, послѣдовали въ новѣйшее время многіе другіе фабриканты. Нынѣ въ Москвѣ и ся губерніи заведено при фабрикахъ болѣе двадцати воскресныхъ школъ, въ которыхъ обучаются до 2,500 дѣтей обоего пола. Преподаваніе въ этихъ школахъ ограничивается закономъ Божіимъ, чтеніемъ, письмомъ и арифметикою, а въ нѣкоторыхъ малолѣтныя обучаются также техническому рисованію. Въ селѣ Ивановѣ (шуйскаго уѣзда, владимірской губерніи), важнымъ центръ фабрикаціи бумажныхъ издѣлій, заведена недавно школа при фабрикѣ купца Бабурина; его примѣръ, вѣроятно, подѣйствуетъ и на другихъ тамошнихъ фабрикантовъ.

Заклучимъ нашу статью слѣдующимъ замѣчаніемъ господина Самойлова, издавашаго «Атласъ промышленности московской губерніи» (стр. 17):

«Радостно видѣть, говорятъ онъ въ этой книгѣ, что попеченіе правительства нашего объ усугубленіи въ Москвѣ техническихъ средствъ для фабрикъ и ремеслъ и объ улучшеніи быта фабричныхъ, находитъ столь похвальное сочувствіе у самихъ мануфактуристовъ. Многіе изъ нихъ уже проникнуты убѣжденіемъ въ необходимости постепеннаго устраненія разврата, пороковъ и нищеты отъ будущаго поколѣнія фабричныхъ и мастеровыхъ, бдительнымъ со стороны хозяевъ надзоромъ за подвластными имъ нынѣ малолѣтними рабочими, которыми они готовятъ прочную будущность удѣленіемъ незначительной суммы на образованіе, соответственное ихъ предназначенію. Изъ числа 8,800 нищихъ, поступившихъ въ 1841 го-

« ду въ вѣдѣніе московскаго комитета для разбора и призрѣнія
« просящихъ милостыни, было 6,159 уроженцевъ города Москвы
« и московской губерніи и въ этомъ послѣднемъ числѣ 1,998 мѣ-
« щанъ московскихъ. Эти цифры доказываютъ ясно, какой, отъ
« распространенія въ Москвѣ частныхъ фабричныхъ школъ, мож-
« но ожидать, современемъ, пользы для бѣдныхъ жителей москов-
« ской губерніи вообще и для московскаго мѣщанскаго сословія
« въ особености. Въ фабричныхъ школахъ братьевъ Прохоро-
« выхъ, съ давнихъ временъ получаютъ образованіе мѣщанскія
« дѣти, изъ которыхъ многіе занимаютъ пунѣ мѣста конторщи-
« ковъ и приказчиковъ на разныхъ фабрикахъ и заводахъ, не го-
« воря о тѣхъ, которые, посвятивъ себя въ этихъ заведеніяхъ
« исключительно фабричному дѣлу, начинаютъ составлять корень
« фабричнаго сословія, необходимаго для центра русской фабрич-
« ной промышленности.»

Г. И—Ъ.

V.

К Р И Т И К А.

=

ОПЫТЪ О НАРОДНОМЪ БОГАТСТВѢ И НАЧАЛАХЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Сочиненіе Александра Бутовскаго.* Санктпетербургъ, 1847. Трѣ части.

—
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.
—

Въ числѣ полезныхъ книгъ теоретическихъ или умозрительныхъ, самыя полезныя конечно тѣ, которыя невольно заставляютъ читателя мыслить, разсуждать и, преслѣдуя истину, которая безпрестанно ускользаетъ изъ рукъ сквозь пальцы, спорить до слезъ съ авторомъ. Обширное и прекрасное твореніе господина Бутовскаго, такъ краснорѣчиво написанное, такъ искусно составленное, въ высшей степени обладаетъ этимъ завиднымъ даромъ: на всякой страницѣ такъ и хочется поспорить съ авторомъ—то есть, искать у него просвѣщенія для своего темнаго разума. Виною этому не сбивчивость его мыслей или его рѣчи: напротивъ—

господинъ Бутовскій мыслить ясно, излагаетъ мысли свои пріятнымъ и красивымъ слогомъ, даже слишкомъ красивымъ для политической экономіи; къ счастью, смыслъ его положеній почти никогда не подлежитъ сомнѣнію. Источникъ этой неодолимой охоты къ преніямъ заключается просто въ томъ, что почти всѣ положенія политической экономіи, по существу своему, дониндѣ болѣе или менѣе спорны. Во всякомъ умозрѣніи, — а въ умозрѣніи объ искусствѣ накапливать богатства и того болѣе, — убѣжденіе зависитъ отъ точки, съ которой вы смотрите. Съ другой стороны, не всякой можетъ хорошо видѣть въ ту трубку, которую умозрительный писатель приспособилъ къ глазамъ своимъ. Еще болѣе затрудненій къ согласію возникаетъ въ такомъ случаѣ, когда писатель самъ часто мѣняетъ зрительныя трубки и, при обзорѣ предметовъ, переходитъ на разныя точки зрѣнія, избирая себѣ виды по вкусу, какъ это бываетъ съ эклектическими писателями, которые, не подчиняясь ни одной изъ существующихъ теорій, берутъ изъ каждой только то, что имъ кажется самымъ убѣдительнымъ, и явъ кусковъ равноцвѣтныхъ идей составляютъ одно мозаичное цѣлое, одну благовидную систему. Господинъ Бутовскій, именно, писатель эклектическій по своей части, по части философій народнаго богатства, иначе называемой «политической экономіей». Званіе это можетъ съ честью быть принято всякимъ талантомъ. Cousin — писатель эклектическій по части философій духа: в комъ не было бы лестно быть Кузеномъ въ своей наукѣ! Следовательно, не въ томъ беда, что нашъ авторъ составляетъ теорію изъ многихъ теорій; горе — то, что все это доселѣ одни только теоріи, умозрѣнія, гаданія болѣе или менѣе правдоподобныя. Никто лучше его не чувствуетъ этой слабой стороны любимой имъ науки; онъ знаетъ, что до сихъ поръ нѣтъ опытной политической экономіи и, пока статистика народовъ не будетъ доведена до желаемаго совершенства, даже быть не можетъ, и потому, вмѣсто *о ытноі* политической экономіи, онъ пишетъ только *Опытъ* о началахъ политической экономіи, да еще о народномъ богатствѣ, — что, впрочемъ, одно и то же, — вы-

бирая свои взгляды, разсужденія и выводы преимущественно изъ французскихъ источниковъ,—что, разумѣется, совершенно позволительно, не только по богатству и разнообразію, но и по вразумительности этихъ источниковъ. Большая заслуга автора уже въ томъ, что, предпринимая три тома свода разнородныхъ умозрѣній политико-экономическихъ, авторъ не вздумалъ наполнить ихъ съ начала до конца тѣмъ баснословными высокопарностями и невѣроятными терминами, которыми ученики нѣмецкой политико-экономической школы неустрашимо наводняютъ нашу литературу, къ удрученію русскаго толку и горю русскаго языка. Нѣтъ такой благодарности, которой бы господинъ Бутовскій, въ настоящихъ обстоятельствахъ, не былъ достоинъ со стороны своихъ читателей за снисхожденіе говорить съ ними просто и понятно. Вотъ уже явная выгода отъ французскихъ его учителей. Но есть и другія; и одна изъ важнѣйшихъ — примѣчательная ясность методы. Примѣненія общихъ выводовъ, часто къ Россіи, любопытныя и, какъ кажется, весьма удачныя, принадлежать, разумѣется, одному господину Бутовскому, который для этого собралъ все, что представляли ему источники отечественныя.

Мысль наша была бы совсѣмъ ложно понята, если бы, на томъ основаніи, что мы, почитаемое господиномъ Бутовскимъ и другими за истины политической экономіи и даже за законы природы, называемъ просто умозрѣніями, онъ или кто-либо заключилъ, будто мы отвергаемъ важность этихъ умозрѣній или сомнѣваемся въ ихъ пользѣ. Увлеченіе теоретика можетъ прибѣгать къ такимъ терминамъ, которые хладнокровіе безстрастнаго наблюдателя находятъ слишкомъ положительными и старается замѣнить другими, болѣе осторожными и болѣе примѣчательными; но не въ наше время, и особенно не въ 1847 году, отрицать благопріятное вліаніе некоторыхъ изъ этихъ умозрѣній, называемыхъ мыщю логическими, хоть и недоказанными самими, на разсвѣтленіе прѣдѣльныхъ предразсудковъ и на дробное

званіе дѣлъ общественныхъ. Правда, предразсудки эти по-
сѣяны были нѣкогда ею же, политической экономіей; нѣкогда
точно такъ же выдавала она ихъ за выводы совершенно
логическіе, за истины и законы природы, какъ теперь вы-
даетъ діаметрально имъ противное; но, какъ бы то ни бы-
ло, могущество ея слова неоспоримо. Вотъ уже отчасти нис-
провергла она *запретительную* или, если угодно, *охранительную систему*, которую во дни оны сама же процовѣды-
вала съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ, и на которой, въ
угоду ея умозрѣніемъ, основались мало-по-малу государ-
ственныя дѣла всей Европы и Америки; ниспровергла, — и
уже вырыла огромную могилу своему любимому дѣтищу, —
и нѣтъ сомнѣній, что въ непродолжительномъ времени схо-
ронить его торжественно. Хладнокровіе въ правѣ предло-
жить вопросъ: *свободная торговля* не такое же ли нынче
заблужденіе логики, отуманенной умозрѣніемъ, какимъ была
прежде *охранительная система*?... Вспомнивъ прошедшее,
скептицизмъ весьма позволителенъ. По роду человѣческому
суждено всегда увлекаться лстивыми признаками истины,
блуждающими около колодца, на днѣ котораго она вѣчно
спрятана. Однако жъ — нѣтъ! теперь-то мы, кажется, по-
шли на настоящей толкъ въ дѣль — прежняя логика поли-
тической экономіи вралъ — нынѣшняя разсуждаетъ дѣльно;
нельзя не убѣдиться очевидностью ея доводовъ, особенно
когда очевидность эта изложена такъ обстоятельно и ясно,
какъ у нашего автора. Господинъ Бутовскій — *free trader*
перваго разряда, рѣшительный послѣдователь ученія свобо-
ды торговли и всеобщей безтаможенности. Онъ увѣренъ,
что это — единственное средство возстановить на землѣ рай,
въ которомъ, какъ извѣстно, таможи не было. Признаться,
мы раздѣляемъ съ нимъ это усладительное вѣрованіе или
умозрѣніе. Но не въ томъ дѣло, Послушаемъ его. Онъ гово-
ритъ такъ хорошо!

« Самымъ существеннымъ поощреніемъ въ развитію мануфак-
туръ еще считаются нынѣ мѣры, запрещающія или затрудняю-
щія привозъ иностранныхъ издѣлій въ государство, мѣры, обез-

печивающія издѣліямъ туземнымъ монополію отечественнаго рынка. Нѣкоторыя соображенія, по необходимости, должны быть здѣсь представлены, касательно происхожденія, свойства и послѣдствій этихъ мѣръ, образующихъ такъ называемую систему *охранительную* или *запретительную*, нынѣ господствующую въ большей части государствъ европейскаго происхожденія и преимущественно направленную на водвореніе промысловъ мануфактурныхъ.

« Многочисленные доводы, приводимые въ защиту или въ оправданіе охранительной системы могутъ быть, кажется, выражены въ четырехъ предложеніяхъ: 1) запрещаая, или затрудняя, ввозъ въ государство иностранныхъ издѣлій, она даетъ запѣтіе отечественнымъ производительнымъ силамъ и, въ особенности, *народному труду*; 2) побуждая народъ заниматься промышленнымъ мануфактурными, она содѣйствуетъ къ его обогащенію и образованію; 3) приучая націю довольствоваться собственными произведеніями, она избавляетъ ее отъ иностранной зависимости и наконецъ 4) предохраняетъ туземныя предпріятія отъ гибельныхъ послѣдствій иностраннаго соперничества. Всѣ эти доводы, сколько ни кажутся благовидными, не могутъ устоять противъ простаго анализа фактовъ.

« Иностранная промышленность, доставляя намъ свои издѣлія мануфактурныя и другія, въ которыхъ мы нуждаемся, отнюдь не уступаетъ членъ чли безмездно: она требуетъ въ замѣвъ какихъ либо изъ нашихъ собственныхъ произведеній, и по этому, не только не лишаетъ занятій нашъ трудъ и другія народныя производительныя силы, но предлагаетъ, напротивъ, пищу многимъ отечественнымъ промысламъ внутренней торговли и тѣмъ промысламъ мануфактурнымъ и земледѣльческимъ, которые занимаются изготовленіемъ отвозныхъ статей. Запрещаая, или затрудняя привозъ этихъ издѣлій, напротивъ, система льно стѣсняетъ производство отечественное, лишая его сбытовъ, а иногда, и первообразныхъ матеріаловъ.

« Правда, подобныя запрещенія или затрудненія, клонятся къ водворенію въ государствѣ промысловъ, какіе безъ того тамъ не утвердились бы. Уменьшая искусственно предложеніе какихъ либо издѣлій мануфактурныхъ, на которыя существуетъ запросъ въ націи, онѣ увеличиваютъ ихъ цѣнность; позволяютъ образо-

заться предпріятіямъ для ихъ производства, или обезпечиваютъ подобнымъ предпріятіямъ барыши, которыхъ онѣ не могли бы осуществить, еслибъ не затрудненъ былъ ввозъ такихъ же иностранныхъ издѣлій. Этимъ система, безъ сомнѣнія, сильно содѣйствуетъ обогащенію нѣкоторыхъ производителей, но, какъ мы уже не разъ замѣчали, они обогащаются на счетъ другихъ, на счетъ всей націи, которая бѣднѣетъ въ соразмѣрности съ относительною дороговизною туземныхъ издѣлій. Если за издѣліе, которое, при свободной доставкѣ иностранныхъ продуктовъ, стоило бы потребителю одного рубля, при господствѣ запрещеній онъ принужденъ платить отечественнымъ фабрикантамъ два рубля, то весьма ясно, что въ отношеніи къ этому издѣлію онъ стащивается вдвое бѣднѣе.

« Мысль, что нѣкоторые промыслы, въ-особенности мануфактурные, болѣе другихъ благопріятствуютъ успѣхамъ образованности, ни чѣмъ не подтверждается. Всѣ промыслы нуждаются въ образованности, и всѣ, по мѣрѣ средствъ доставляемыхъ ими производителямъ, способствуютъ къ ея распространенію. Ничто же препятствуетъ царю достигнуть высокой степени просвѣщенія, занимаясь почти исключительно торговыми или земледѣльческими промыслами: съ одной стороны Финкія, Кароагенъ, Венеція, съ другой Китай служатъ тому примѣрами. Напротивъ, какого бы рода ни были тѣ промыслы, которыхъ успѣхи основаны не на свободномъ примѣненіи силъ человеческихъ, но на запрещеніи, на удаленіи соперничества, они дѣйствуютъ неблагоприятно на образованіе общественное; пріучаютъ производителей рассчитывать на пособія искусственныя и, при какомъ-либо случайномъ лишеніи этихъ пособій, обнаруживаютъ всю свою слабость. Запретительныя постановленія можно уподобить костылямъ, которыми вооружаются мануфактурные промыслы въ младенчествѣ, и съ которыми, однажды свыкнувшись, они съ трудомъ расстаются. Внутреннее соперничество рано или поздно можетъ уравнивать цѣнность и стоимость ихъ издѣлій на отечественныхъ рынкахъ, но никогда не придастъ имъ довольно силъ, чтобы выдержать соперничество иностранное, если они возникли и развились единственно благодаря тарифамъ и вопреки мѣстнымъ обстоятельствамъ. Лучшимъ примѣромъ тому служить Франція, гдѣ, при господствѣ самой строгой запретительной системы, развились многіе промыслы мануфактурные и достигли крайняго предѣла внутренней дешевизны, вслѣдствіе внутрення-

го соперничества, но не могут нигдѣ на вѣншихъ рынкахъ состязаться съ подобными же произведеніями другихъ государствъ, въ которыхъ обстоятельства болѣе благопріятствуютъ успѣхамъ тѣхъ же самыхъ промысловъ.

« Эти невыгоды, говорятъ, вознаграждаются обезпеченіемъ націи независимости отъ иностраннаго производства: благодаря охранительной системѣ, она можетъ всегда довольствоваться собственными произведеніями. Нельзя принять это возраженіе во всей его полнотѣ, не впадъ въ самое нелѣпое заключеніе. Чтобъ довольствоваться своимъ производствомъ, жители сѣвера должны бы на всегда отказаться отъ произведеній юга, и обратно; каждая нація должна бы развиваться изъ собственныхъ элементовъ, не заимствуя у другихъ ни орудій, ни первообразныхъ матеріаловъ, ни познаній; вѣншая торговля и всякаго рода взаимныя сношенія между народами, должны бы прекратиться; народы, рѣшительно отказаться отъ выгодъ раздѣленія занятій, которыми пользуются въ такой мѣрѣ недѣлимые. Система не простираетъ такъ далеко своихъ притязаній; но странному противорѣчію, приписывая особенную важность вѣншей торговлѣ, противъ которой явно направлена, она разумѣетъ независимость относительно только нѣкоторыхъ издѣлій мануфактурныхъ, и допускаетъ привозъ всѣхъ произведеній иностранныхъ, которыя не могутъ быть соглашены съ отечественнымъ климатомъ. Но, еще разъ повторяемъ, зависимость существуетъ лишь тамъ, гдѣ, съ одной стороны, есть даровая уступка, съ другой, необходимость въ этой уступкѣ. Ничего подобнаго не видимъ въ приобрѣтеніи мѣною издѣлій иностранныхъ. Если мы нуждаемся въ этихъ издѣліяхъ, то Англичане или Французы, намъ ихъ доставляющіе, не мѣне нуждаются въ нашихъ произведеніяхъ. Безъ этого они не рѣшились бы къ намъ везти свои продукты: зависимость, если это можно назвать зависимостью, здѣсь обоюдная.

« Приобрѣтеніе мѣною разныхъ чужеземныхъ продуктовъ часто называютъ данью, платимую иностранцамъ. Что есть тутъ похожаго на дань? Развѣ мы платимъ подать купцу, когда покупаемъ товаръ предлагаемый намъ въ его лавкѣ? Уплачивая иностранцу товарами или монетою, развѣ въ замѣтъ не получаемъ съ него издѣлій равноцѣнныхъ?

« Но, покупая товары иностранные, государство бѣднѣетъ мо-

нетою? — Монета есть такой же товаръ, какъ и всё другіе: если у насъ въ немъ избытокъ, и если въ обмѣнъ за него иностранцы намъ предлагаютъ другіе товары, въ которыхъ у насъ недостатокъ, то мѣна для насъ выгодна. Но замѣтимъ еще, что сдѣлки по отвозной торговлѣ рѣдко разрѣшаются вывозомъ монеты: дажѣ объяснится что вывозъ монеты, въ большей части случаевъ, отнюдь не столь выгоденъ, какъ вывозъ другихъ произведеній, всего чаще иностранецъ, продавшій свой товаръ на деньги, спѣшитъ купить другіе товары.

« Но, въ случаѣ войны, когда торговля сношенія прерваны, откуда мы станемъ получать произведенія, привозимыя къ намъ иностранцами въ мирное время? — Война есть бѣдствіе народное; послѣдствія ея ощущаются во всѣхъ отрасляхъ промышленности; она уменьшаетъ производство, ограничиваетъ насильственно потребление. Успѣха народовъ должны клониться къ предупрежденію войнъ, и они всего легче того достигаютъ, оживляя взаимныя сношенія, порождая въ большинствѣ націй интересы къ соблюденію мира. Запретительная система дѣйствуетъ въ сторону совершенно противоположную: она сохраняетъ вражду, зависть и ненависть между народами посреди мира; сильно препятствуя водворенію торговыхъ сношеній, не даетъ укрѣпиться узамъ взаимнаго интереса; при ея господствѣ, успѣхи однихъ становятся страшлищемъ для другихъ; умножая причины и точки столкновенія между общественными интересами разныхъ государствъ, она вызываетъ, подготавливаетъ тѣ горестныя событія, тѣ бранн, которыя разлучаютъ народы и вооружаютъ ихъ другъ противъ друга огнемъ и мечемъ.

« Къ счастью война всегда останется положеніемъ аномальнымъ и, вопреки упорству самихъ враждующихъ, должна прекратиться ихъ взаимнымъ истощеніемъ. Имѣя въ виду положеніе временное и случайное, государство не можетъ совращать въ искусственные и невыгодные пути свое производство постоянное.

« Ктому же, война рѣдко ведется со всѣми иностранными державами въ одно время. Еще остается средство добывать продукты изъ другихъ странъ нейтральныхъ и, почему не сознаться, личная корысть, въ ея недолимомъ стремленіи извлекъ наиболѣе выгодъ изъ средствъ, которыми располагаетъ, частію ослабляетъ вліяніе войны, такъ точно, какъ въ мирное время она

парализируетъ иногда постановленія, которыми хотятъ предохранить націю отъ привоза иностранныхъ издѣлій.

« Когда всё правильныя торговыя сношенія прерваны, контрабанда, на зло пушкамъ и крейсерамъ, не страшась ни стуку оружія, ни разоренія, ни плѣва, ни даже позорной смерти, угрожающей смѣльчакамъ, продолжаетъ свои тайные промыслы, и еще дѣятельнѣе нежели среди мира. Она-то поддерживаетъ сбыты, безъ которыхъ иные промыслы совершенно упали бы въ одномъ государствѣ и, въ то-же время, удовлетворяя потребностямъ другаго, частію предохраняетъ его отъ разорительнаго производства. Когда громъ войны умолкаетъ; когда арміи распускаются, или возвращаются на свои обыкновенныя квартиры; когда военные кордоны снимаются, остаются же одаѣ оцѣпленія таможенныя, контрабанда продолжаетъ свои дѣйствія. Ея путемъ иностранныя товары запрещенные тарифомъ, или обложенные слишкомъ высокими пошлинами, безпрестанно проникаютъ на внутренніе рынки. Ни какія постановленія, ни какія наказанія, ни какіе досмотры не могутъ вполнѣ прекратить эти нарушенія. Высокая премія, которую контрабандистъ надѣется получить за товаръ, тайно провезенный, ободряетъ его противъ всевозможныхъ опасностей. Ктому-же, онъ вездѣ находитъ содѣйствія со стороны населенности, которой доставляетъ товары, хотя по цѣнѣ дорогой сравнительно съ иностранными, но дешевле и качествомъ лучше туземныхъ.

« Еще одинъ доводъ, на который опираются защитники охранительной системы, извлекается ими изъ неравенства положенія мануфактурныхъ промысловъ въ различныхъ государствахъ. Какъ, говорятъ они, существовать мануфактурамъ, если допустить привозъ подобныхъ же издѣлій изъ другихъ мѣстъ, гдѣ, вслѣдствіе раздѣленія занятій и употребленія машинъ, производство значительно облегчено; гдѣ добываніе сыраго матеріала, топлива, припасовъ обходится дешевле; гдѣ производство менѣе обременено налогами? Та часть возраженія, которая основана на сравнительной дешевизнѣ производства, сыраго матеріала и топлива, обращается противъ самихъ возражателей. Она доказываетъ бесполезность и невыгоду запретительныхъ мѣръ. Безъ нихъ туземные производители не рѣшились бы посвящать свой трудъ и свои капиталы на предпріятія явно невыгодныя, не соединяющія тѣхъ условій успѣха, которыми отличаются подоб-

ныя же у иностранцевъ. Безъ нихъ, къ новымъ производствамъ приступали бы только по мѣрѣ осуществленія этихъ благопріятныхъ условій, если онѣ могутъ, по свойству своему, осуществиться въ націи, и приступали бы тогда, когда разность въ стоимости иностранныхъ и туземныхъ издѣлій, вслѣдствіе издержекъ доставки первыхъ, сдѣлалась бы достаточною для обезпеченія прибыли предпринимателямъ, изготовляющимъ послѣднія. Подобныхъ результатовъ, конечно, нельзя ожидать для множества произведеній, зависящихъ отъ совершенно мѣстныхъ обстоятельствъ. Никогда въ Европѣ, на примѣръ, нельзя будетъ производить экономически кофе, чай, ваниль и многіе другіе продукты странъ тропическихъ. Но они возможны и безпрестанно осуществляются для многихъ мануфактурныхъ издѣлій. Дозволеніе провозить беспошлинно машины въ Россію не помѣшаетъ утвердиться у насъ машиностроительнымъ заведеніямъ; многія уже возникли, другія возникаютъ; а право, широко предоставленное всѣмъ путешественникамъ, провозить сколько имъ угодно готового бѣлья, платья, обуви, отнюдь не препятствуетъ размноженію портныхъ, швей и сапожниковъ въ нашихъ столицахъ и городахъ.

«Скажемъ еще болѣе: промыслы, которые развиваются опираясь на естественныя, а не на искусственныя обстоятельства, имѣютъ благопріятствующія, отлпчаются силою и могуществомъ, которыхъ не видимъ въ промыслахъ, развитыхъ подъ прикрытіемъ таможеннаго тарифа. Эти скороспѣлки живутъ посреди опасеній и недуговъ; они безпрестанно нуждаются въ врачеваніи пошлинами, запрещеніями; малѣйшее удаленіе этихъ лекарствъ, столь дорого стоющихъ націи, приводитъ ихъ въ содроганіе: малѣйшая перемѣна въ иностранныхъ способахъ производства ставитъ ихъ на край гибели.....

«Кромѣ близости сбыта, отечественное производство можетъ рассчитывать на разныя другія преимущества, какими не пользуются иностранцы; и каждое изъ этихъ преимуществъ помогаетъ его развитію, поддерживаетъ его существованіе всѣхъ возможныхъ пошлинъ. Къ этимъ преимуществамъ причислимъ: то дешевизну руководѣлія, то знаніе моды, предпочтеній народныхъ, то разныя мѣстныя удобства. Въ Москвѣ, подлѣ большихъ шелковыхъ фабрикъ, которыя, подъ щитомъ высокихъ пошлинъ, подражаютъ Лионскимъ издѣліямъ, существуетъ множество мелкихъ заведе-

вій, изготовляющихъ изъ шемахи издѣлія простые, дешевыя и грубыя, но годныя для нашихъ поселеній. Ихъ производство можетъ быть оцѣнено въ нѣсколько милліоновъ рублей. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что это производство не опасается ни какого соперничества иностраннаго.

«Что же касается до уравненія налоговъ, то, безъ сомнѣнія, если какое либо произведеніе туземное само, или въ первообразномъ матеріалѣ, обременено податью, справедливость требуетъ распространить эту подать, въ видѣ пошлины, и на подобное произведеніе иностранное. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, всякая новая таможенная пошлина есть только новый налогъ, отъ котораго равно терпятъ и потребители и производители, *кромя однако отечественныхъ производителей тѣхъ издѣлій, на какія она падаетъ.*»

Позвольте поспорить. Отечественный производитель терпѣть тутъ ровно столько же какъ и потребитель. Обложеніе же иностраннаго издѣлія пошлиною съ цѣлью поощрить производство такого же издѣлія въ своей землѣ, конечно, допускается съ цѣлью доставить пользу отечественнымъ спекулянтамъ. Но авторъ, при всемъ своемъ усердіи къ свободной торговлѣ, не примѣчаетъ того, что туземный спекулянтъ, учреждая фабрику подъ покровительствомъ тарифной пошлины, удаляющей иностранное издѣліе отъ соперничества съ его издѣліемъ, ничего не выигрываетъ, какъ бы онъ ни возвышалъ цѣну на свое произведеніе, потому что, между тѣмъ, какъ онъ производитъ одно издѣліе, ему нужны, и для фабрики, и для себя, и для дому, тысяча другихъ издѣлій; а эти другія издѣлія состоятъ подъ защитой тойже системы и продаются дорого; онъ переплачиваетъ за каждый предметъ, покупаемый для потребленія, и, окончательно, лишается всего барыша.

«Не должно терять изъ виду, продолжаетъ авторъ, что налогъ этотъ (охранительная таможенная пошлина) отнюдь не обращается въ пользу государственной казны,—которая вообще тѣмъ меньше получаетъ отъ таможенныхъ сборовъ, чѣмъ выше узаконенная пошлина,—но служитъ или основаніемъ чрезмѣрныхъ бары-

шей, осуществляемыхъ производителемъ обложеннаго привозною пошлиною товара, или для покрытія издержекъ дорогаго искусственнаго производства. Вообще косвенные налоги, падающіе на потребленіе, способствуютъ дороговизнѣ производства и, въ особенности, задѣльной платы: но, изъ подобныхъ налоговъ, таможенныя пошлины и запрещенія болѣе всѣхъ другихъ клонятся къ этому результату. Смѣшно-же требовать сохраненія ихъ, или усиленія, ссылаясь на необходимость удешевить производство: гораздо правильнѣе стремиться къ противоположному.

«Система не довольствуется затрудненіемъ ввоза иностранныхъ издѣлій: она поощряетъ *преміями* вывозъ за границу издѣлій отечественныхъ. Иногда эти преміи суть не что иное какъ возвращеніе (*drawback*) пошлины, уплаченной за сырой матеріалъ, но часто онѣ предлагаются купцу за вывозъ опредѣленнаго количества какого-либо товара туземнаго производства. Благодаря этимъ преміямъ, купецъ можетъ понизить цѣну своихъ товаровъ сравнительно съ цѣною товаровъ иностранныхъ на тѣхъ рынкахъ, гдѣ они встрѣчаются. Между-тѣмъ, вывозъ отечественныхъ произведеній увеличиваетъ ихъ цѣнность на внутреннемъ рынкѣ, тѣмъ болѣе, что привозъ подобныхъ запрещается, и *въ этомъ увеличеніи находятъ еще новое поощреніе фабриканты*. Безспорно, они поощряются, но гдѣ же тутъ содѣйствіе богатству народному? Развѣ этимъ не вовлекаютъ капиталовъ въ предпріятія торговыя невыгодныя? О нихъ никто и не думалъ бы, если бы не приманка премій, которыя уплачиваются на счетъ всего государства, и которыя клонятся единственно къ умноженію дороговизны разныхъ предметовъ потребленія.»

Если преміи клонятся единственно къ умноженію дороговизны разныхъ предметовъ потребленія, то какое тутъ можетъ поощреніе, какую и чью выгоду и ходитъ себѣ фабрикантъ? Развѣ въ то же время онъ не потребитель? Нельзя же представлять себѣ фабриканта существомъ умозрительнымъ, отвлеченностью, которое только производитъ, а само ничего не потребляетъ—живетъ чистымъ эвропомъ—не требуетъ ни какой вещицы посторонней, ни на себя, ни на свой домъ, ни на свое производство. Согласитесь: если онъ, положимъ, производитъ ситцы на своей фабрикѣ, нужны же ему по-крайней-мѣрѣ два хорошихъ

замка, одинъ чтобы на ночь запереть фабрику, другой, чтобы запереть свой сундукъ, паживаемые отъ этой двойной выгоды. Если же онъ долженъ за эти два замка отдать четыре рубля серебромъ, цѣну десяти аршинъ его ситцу или двухъ четвертей хлѣба, тогда какъ при другихъ обстоятельствахъ оня стоили бы только полтора рубля и онъ могъ бы, за цѣну двухъ четвертей хлѣба, купить себѣ два отличные замка и двадцать аршинъ ситцу на придачу, десять для своей сожительницы, и десять на продажу въ лавкѣ съ маленькимъ барышомъ, мы не видимъ, какъ онъ тутъ *найдетъ себѣ* хоть малѣйшую выгоду. Это, напротивъ, весьма невыгодное употребленіе и своего труда и своего капитала. Тотъ же самый нерасчетливый процессъ приобрѣтенія повторяется при каждой вещи, которой онъ коснется. Искусственная дороговизна всего убиваетъ тѣхъ же, кто произвелъ ее для себя или, пожалуй, для того чтобы обогатиться искусствомъ и капиталомъ для будущихъ подвиговъ на поприщѣ народной промышленности.

«Всего страннѣе, разсуждаетъ авторъ далѣе, притязаніе системы на распространеніе ви́ншей торговли, тогда какъ она закрываетъ ей пути. Сбытъ можно предположить лишь тамъ, гдѣ есть предметы для обмѣна: запрещая привозъ множества произведеній, таможенные тарифы всегда стѣсняютъ, а во многихъ случаяхъ рѣшительно уничтожаютъ торговлю между различными государствами.

«Запрещая, или облагая пошлинами вывозъ сырыхъ матеріаловъ, система имѣетъ также въ виду поощреніе фабрикъ; этою мѣрою она рѣшительно приноситъ имъ въ жертву развитіе промысловъ земледѣльческихъ, доставляющихъ сырые матеріалы; съ одной стороны она лишаетъ ихъ сбыта, съ другой, искусственно понижаетъ цѣнность ихъ продуктовъ на внутреннихъ рынкахъ, и принужденно ограничиваетъ ихъ производство. Но всего болѣе бросается въ глаза противорѣчіе системы, когда она распространяетъ свои предохранительныя пошлины на тѣ же самые продукты земледѣльческіе, которые служатъ сырыми матеріалами для мануфактуръ, и которыхъ изобиліе, а слѣдовательно и дешевизна, желаетъ обезпечить затрудненіями вывоза. Въ этомъ случаѣ

она обеспечиваетъ особенныя выгоды земледѣльцамъ, но причиняетъ явный ущербъ мануфактурстамъ, усиливая дороговизну первообразныхъ матеріаловъ.»

Вопросъ о свободной торговлѣ такъ занимателенъ и такъ важенъ, въ настоящее время, когда Англія, какъ утверждаютъ, при первомъ опытѣ ея разорила и свою торговлю и торговлю тѣхъ государствъ, которыя пустились въ дѣла съ нею, что прежде всякаго разсужденія объ этомъ предметѣ шужно передать читателю совокупность идей нашего автора, какъ представителя системы free-trade говъ. Разумѣется, что онъ не болѣе жалуется запретительную систему въ пользу колоній, какъ и охранительную въ пользу внутренней промышленности, потому что, собственно, это—одно и то же. *Завистливая политика Западныхъ державъ Европы*, говоритъ онъ въ другой части своего прекраснаго сочиненія, *пугаясь мнимой зависимости отъ иностранцевъ*, придумала разныя средства къ избѣжанію ея. Почему эта политика *завистлива*, когда она только *пугалась*; почему авторъ нападаетъ на однѣ западныя державы, когда всѣ вообще, западныя и восточныя, южныя и сѣверныя, равно *пугались* донныи зависимости отъ иностранцевъ, опасаясь въ случаѣ войны погибнуть безъ своихъ доморощенныхъ издѣлій, и когда объ этотъ аргументъ, какъ о грозный утѣсь, всегда разбивались самыя смѣлыя соображенія экономистовъ? все это было бы необъяснимо, если бы сначала еще мы не замѣтили, что авторъ пишетъ слогомъ иногда слишкомъ красивымъ для политической экономіи. Эта *завистливая политика воспользовались открытіемъ и покореніемъ странъ между т. о. пиками* для учрежденія тамъ поселеній и водворенія знаменитой колоніальной системы, достойной сестры системы охранительной, говоритъ авторъ. Однако жъ Канада, Новая-Англія, Луизиана, Флорида, Мексика, Мысъ Доброй Надежды и двадцать другихъ этого рода владѣній лежатъ не между тропиками?... Но лучше не придерживаться словъ автора, потому что стремленіе къ слогу и пристрастіе къ звучнымъ словамъ слишкомъ часто увлекаютъ его въ

неточность выражений, которая только подает повод къ безпрестаннымъ спорамъ. Коротко сказать, въ духъ этой системы, метрополія: отечество, обязывается защищать свою колонію отъ вѣншихъ враговъ, какъ часть родной земли, и потреблять ея продукты предпочтительно передъ посторонними, на томъ же основаніи, а колонія должна, съ своей стороны, покупать только произведенія отечества, изъ чего въ отечествѣ необходимо происходитъ искусственная дороговизна колоніальныхъ товаровъ, а въ колоніи дороговизна отечественныхъ произведеній. Колонія сверхъ-того лишается выгодъ отъ переработки нѣкоторыхъ своихъ продуктовъ, если въ отечествѣ случайно кто-либо вздумалъ заниматься такимъ же производствомъ, и, наоборотъ, отечество принуждено приносить въ жертву колоніямъ свои домашніе промыслы, какъ скоро они встрѣчаются съ коренными промыслами колоніальными. Такъ Франція еще недавно убла у себя пошлиннымъ налогомъ свеклосахарную промышленность, чтобы не разорять и не раздражать своей бесполезной колоніи. Положеніе для обѣихъ сторонъ нестерпимо: обѣ выиграли бы чрезвычайно много, пріобрѣтая все себѣ нужное у другихъ народовъ на правилахъ свободной торговли. Такъ къ чему же удерживать за собой колоніальный рынокъ? Разумѣется, не за чѣмъ! Поскорѣе разрѣшить ее на вольную покупку и продажу и освободиться отъ ея несноснаго ига. Однако жъ Франція, не смотря на успѣхи политико-экономическаго разума въ Парижѣ, не осмѣлилась сдѣлать этого, потому что сказанному разуму еще и до-сихъ-поръ кажется, будто Англія свои купеческіе флоты, основаніе флотовъ военныхъ, создала и усовершенствовала подъ покровительствомъ законовъ колоніальной системы, которые перевозку товаровъ между колоніей и отечествомъ предоставляютъ однимъ только отечественнымъ кораблямъ. Для этой же цели Франція и другія государства, увлеченныя разглагольствіями французскихъ экономистовъ и желающихъ также завладѣть у себя купеческіе флоты, по старинному примѣру Англіи сбавляютъ нѣсколько процентовъ съ таможенной це-

шланы на всѣ товары, колоніальныя и посторонніе, какъ скоро они привозятся на отечественныхъ судахъ. Мѣры по-наружности—очень благовидныя и благонамѣренныя; однако жъ до-сихъ-поръ нигдѣ не основали они купеческаго флота и даже не возвысили ни одного изъ существующихъ. Почему? Авторъ, который такъ искусно и такъ краснорѣчиво излагаетъ невѣрность соображеній охранительной системы по дѣлу созданія пошлинами внутренней мануфактурной промышленности, вдругъ остановился передъ вопросомъ о возможности создать мореплавательный промыселъ охранительными мѣрами—потому, видно, что не нашелъ отвѣта на него въ французскихъ источникахъ — и вмѣсто доказательства, къ великому удивленію читателя, ограничивается простымъ восклицаніемъ: «Но *купеческое мореплаваніе не легко учредить!*...» Такая причина неудачи не совсѣмъ ясна. Рациональное разсужденіе не можетъ удовольствоваться ею. Не трудно было однако жъ отыскать настоящія заблужденія охранительной системы и по этой знаменитой статьѣ. Для созданія купеческаго флота нужны два условія —страсть народа къ морю, происходящая отъ географическаго мѣстоположенія страны и которой ни какъ нельзя привить въ другомъ мѣстѣ, — и изобиліе капиталовъ. При этихъ двухъ условіяхъ, у новѣйшихъ Грековъ, до ихъ революціи, вдругъ возникъ-было, безъ колоній и безъ охранительныхъ преимуществъ, прекраснѣйшій купеческій флотъ въ мірѣ, послѣ англійскаго. Капиталы исчезли, и флотъ разрушился. Венеція, Генуя и Голландія обладали многочисленными торговыми флотами прежде чѣмъ вздумали основывать населенія, и пылче еще, потерявъ славу и независимость, но сохранивъ страсть къ морю и подобающее обиліе капиталовъ, Генуэзцы могутъ похвастаться въ Средиземномъ Морѣ и большимъ числомъ и лучшимъ устройствомъ торговыхъ судовъ чѣмъ южные Французы, которыхъ отчасти затмѣваютъ тамъ даже Шведы и Датчане, болѣе богатые любовью къ Нептуну чѣмъ дарами Плутуса. Создать купеческій флотъ искусственными мѣрами, не только *не легко*, а

даже рѣшительно не возможно. При исключительной перевозкѣ товаровъ на отечественныхъ судахъ между метрополіей и колоніями, когда въ народѣ нѣтъ природной страсти къ морю и нѣтъ избытія капиталовъ, владельцы этихъ судовъ становятся монополистами и только увеличиваютъ дороговизну предметовъ непоумѣрностью требуемаго фрахта. Ихъ личная польза — не умножать числа кораблей. При сбавкѣ пошлины въ пользу товаровъ, привозимыхъ на туземныхъ корабляхъ, этой великодушною уступкою казны пользуется купецъ, хозяинъ отправляемаго груза, а не хозяинъ судна; капиталъ морскаго сословія ни чѣмъ не увеличивается въ этомъ случаѣ; вся прибыль остается въ рукахъ сухопутнаго спекулянта, и къ числу судовъ не прибавляется ни одного лишняго. Разобравъ дѣло логически, трудно даже понять, какъ могли и могутъ многіе весьма умные люди увлекаться такою несбыточною мечтою и ожидать торговыхъ флотовъ отъ тарифныхъ распоряженій. Но сила благовиднаго софизма велика. Заблужденіе пущено было въ ходъ краснорѣчивыми политико-экономистами, и ихъ преемники не могутъ донинѣ выпутаться изъ лжи праотцевъ — повторяютъ ихъ слова безъ убѣжденія — или, отвергая, не знаютъ что и сказать въ опроверженіе.

Надо воротиться къ природѣ, къ естественному порядку дѣлъ, отъ котораго отвлекли насъ умствованія прежнихъ нашихъ учителей.

«Предоставивъ свободному теченію международную мѣну, государство обезпечиваетъ себя, съ одной стороны, дешовизну всякаго рода произведеній, которыхъ не можетъ производить у себя въ благоприятныхъ условіяхъ; съ другой, постоянный запросъ на собственные продукты, и сильное поощреніе къ ихъ производству. Если нѣсть зависимости въ этомъ отношеніи, то, подобно существующей въ мѣнѣ между двумя частными лицами, она всегда обоюдна. Если государство, предъявляющее запросъ на продукты другаго государства, нуждается въ нихъ, то послѣднее должно нуждаться въ продуктахъ перваго: иначе обмѣнъ между ними не можетъ состояться.

Напротивъ, заграждая входъ въ свои предѣлы иностраннымъ произведеніямъ, государство насильственно уменьшаетъ предложеніе подобныхъ произведеній на рынкѣ общественномъ; цѣна ихъ подымается, скоро достигаетъ предѣла издержекъ, поmissію которыхъ онѣ могутъ быть произведены въ государствѣ, и служатъ поводомъ къ образованію предпріятій, которыя безъ того бы не возникли. Вслѣдствіе соперничества между этими предпріятіями, правда, мѣновая цѣна произведеній, изготовляемыхъ подъ кровомъ запрещеній, можетъ придерживаться предѣла стоимости, но такъ-какъ послѣдняя, завися отъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя измѣнить, постоянно превышаетъ стоимость подобныхъ же произведеній иностранныхъ, то на рынкѣ государственномъ водворяется постоянная искусственная дороговизна. Множество продуктовъ становится недоступно или мало доступно многочисленнымъ сословіямъ; тѣ же сословія, для которыхъ не слишкомъ тягостна рыночная цѣна отечественныхъ продуктовъ, принуждены часто довольствоваться качествомъ самымъ неудовлетворительнымъ.

«Другое послѣдствіе исключенія съ отечественнаго рынка иностранныхъ произведеній оказывается въ замѣтномъ уменьшеніи запроса на множество туземныхъ продуктовъ, которыхъ рыночная цѣна понижается. Это пониженіе однако не вознаграждаетъ неудобствъ искусственной дороговизны. Оно можетъ быть только временнымъ, потому что мало-по-малу невыгодное производство оставляется; производительныя силы обращаются на вѣтви промышленности, пользующіяся покровительствомъ, привлекающія надеждой на прибыль, и весьма часто дороговизна оказывается даже въ тѣхъ промыслахъ, которые соединяютъ всѣ условія дешевизны.

«Для возбужденія искусственной дороговизны, нѣтъ надежности въ безусловномъ запрещеніи иностранныхъ товаровъ: довольно обложить ихъ пошлиной, достаточной для покрытія разности между издержками ихъ производства внутри государства, и въ странѣ, изъ которой они привозятся. Подъ кровомъ этой пошлины, искусственно возвышающей рыночную цѣну иностранныхъ товаровъ, не замедлитъ утвердиться дорогое производство подобныхъ же внутри государства.

«Но водвореніемъ искусственной дороговизны не всегда ограничиваются послѣдствія запретительныхъ мѣръ: онѣ часто служатъ источникомъ настоящей монополіи, которою пользуется меньшо-

гіе производители отечественные, въ ущербъ всему обществу. Огражденные отъ вѣшнаго соперничества запрещеніемъ или сильною предохранительной пошлиной, встрѣчая мало внутренняго соперничества между своими братьями, они безпрепятственно могутъ повышать цѣну на свои товары, включая въ нее болѣе или менѣе высокую монополярную премію. Подобныя монополіи принадлежать къ числу самыхъ несправедливыхъ.

«Несмотря на всѣ усилія запретительной системы, нельзя однако запереть совершенно отечественный рынокъ отъ продуктовъ иностранныхъ. Въ числѣ этихъ продуктовъ, многіе необходимы, и ни какія старанія и жертвованія не могутъ водворить ихъ производство подъ небомъ, ему не благопріятствующимъ. Для ихъ пріобрѣтенія, государство принуждено предлагать свои собственные и неизбѣжно въ народѣ, хотя и слѣдующемъ системѣ запретительной, часть производства совершается въ надеждѣ на международную мѣну, или, какъ обыкновенно выражаются, на иностранныя сбыты.

«Необходимость этихъ сбытовъ столь глубоко ощущается, что ихъ открытіе и обезпеченіе служатъ главной заботой европейскихъ правительствъ. И сколь трудны, сколь многосложны эти заботы, если подумаемъ, что дѣло идетъ съ одной стороны объ открытіи чужаго рынка своимъ продуктамъ, а съ другой, о закрытіи своего собственнаго большей части продуктовъ иностранныхъ!..... Необходимо прибѣгать къ разнымъ средствамъ: трактатамъ, союзамъ, наблюденію чужихъ тарифовъ и положенія запроса у другихъ народовъ.

«Но можно ли полагаться на трактаты, чужіе тарифы, и тѣмъ болѣе на положеніе запроса въ другихъ странахъ, когда всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большая часть государствъ, принимаютъ съ своей стороны мѣры, подобныя описаннымъ? Державы, не имѣющія колоній, затрудняютъ международную мѣну, — то въ видахъ развитія или поддержанія у себя разныхъ промысловъ, то для подщренія собственнаго мореплаванія.

«Безпрестанно обширные рынки то закрываются, то стѣсняются, то вдругъ опять открываются. Въ тарифахъ мѣтъ, и не можетъ быть постоянства: вездѣ они измѣняются, по произволу правительствъ, изъ видовъ интересовъ, въ настоящую минуту дѣйствующихъ. Трактаты большей частью заключаются на сроки, или на условіяхъ. Производитель, занятый своимъ дѣломъ, рѣдко можетъ предвидѣть ихъ прекращеніе или измѣненіе. Тамъ, гдѣ

ничто не угрожаетъ переѣной, ни въ тарифѣ, ни въ условіяхъ существующаго трактата, какъ положиться на запросъ? Онъ можетъ внезапно охладѣть, вслѣдствіе переѣны, послѣдовавшей то въ сношеніяхъ съ какимъ-либо третьимъ государствомъ, то въ промышляхъ, которымъ таможенныя постановленія обезпечиваютъ настоящую монополію внутренняго рынка. Этихъ переѣнъ, конечно, осторожность должна всегда ожидать, но никогда не можетъ предвидѣть.

«Такъ запретительная система, вовлекая производство народное въ пути искусственныя, водворяя на рынкѣ общественномъ искусственную дороговизну, въ то же время безпрестанно причиняетъ гибельныя беспорядки и волненія въ обращеніи богатствъ. Ей, безъ сомнѣнія, должно приписать большую часть кризисовъ, поражающихъ европейскую промышленность. Она-то, поперѣбно, загромождаетъ рынки, причиняетъ застой, вовлекаетъ въ разореніе многочисленныя предпріятія, лишаетъ труда множество рукъ, обрекаетъ на нищету и бѣдствія рабочее сословіе. Къ тѣмъ же плачевнымъ результатамъ ведетъ она другими путями, производя искусственную рѣдкость необходимѣйшихъ товаровъ на рынкахъ, подъ вліяніемъ которой слабый достатокъ бѣднаго, такъ сказать, испаряется въ его рукахъ, поглощаемый чрезмѣрной дороговизной. Какъ не открыть въ этихъ безпрестанныхъ насильственныхъ колебаніяхъ рыночной цѣны и сбытовъ главной, и часто единственной, причины пауперизма?

«Вездѣ это горестное явленіе представляется въ тѣсной связи съ таможенными переворотами. Въ 1841 году, сѣверо-американскіе Соединенные Штаты вдругъ повысили свои тарифы на разныя статьи: запросъ на шелковыя издѣлія города Ліона, преимущественно рассчитывавшаго на этотъ сбытъ, быстро упалъ; фабриканты, обремененные запасами, принуждены были прекратить работы; ткачи, сновальщики, наборщицы, рисовальщики и множество другихъ работниковъ, живущихъ шелкодѣліемъ, впали въ самую жестокую нищету. Подобный же кризисъ оказался еще въ большемъ размѣрѣ въ королевствѣ Великобританскомъ: тамъ толпы работниковъ вдругъ лишились занятій и всякихъ средствъ къ пропитанію; общество принуждено было кормить этихъ несчастныхъ, и въ этомъ году такса для бѣдныхъ значительно увеличилась. Учрежденіе германскаго таможеннаго союза (Zollverein) имѣло подобныя же послѣдствія для Англіи: она вдругъ лишилась ве-

маловажнаго сбыта, которымъ пользовалась до того въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи.

• Въ Россіи фабричная промышленность еще не такъ развита, и менѣе подвержена подобнымъ кризисамъ. Однако для нея весьма важно расположеніе китайскаго правительства, и нѣтъ сомнѣнія, что если, по какимъ-нибудь причинамъ, она лишилась бы кактисеннаго сбыта, довынѣ вѣрнаго, то въ Москвѣ, и другихъ фабричныхъ городахъ, оказалось бы самое гибельное загроможденіе рынковъ. Но въ нашей промышленности земледѣльческой эти кризисы поражаютъ наблюдателя почти періодически. Вслѣдствіе слабаго запроса на сырые продукты, рыночная цѣна на нихъ почти вездѣ стоитъ самая умѣренная. Она не можетъ подняться, потому что къ намъ не доступенъ привозъ продуктовъ иностранныхъ, отъ котораго могъ бы усилиться запросъ. Напротивъ, при малѣйшемъ урожаѣ, цѣна падаетъ еще ниже, до того, что перестаетъ, во многихъ случаяхъ, покрывать издержки производства. Тогда уменьшаются посѣвы; бросаютъ земли, къ воздѣлыванію которыхъ едва приступили; излишнее изобиліе продуктовъ становится для помѣщиковъ настоящимъ страшлищемъ. Посреди такихъ обстоятельствъ, если оказывается неурожай, то, при ослабленномъ воздѣлываніи, обнаруживается рѣдкость въ хлѣбѣ; продовольствіе дорожаетъ, обогащая немногихъ спекуляторовъ, и разоряя крестьянъ и помѣщиковъ. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что усиливается недостатокъ хорошихъ путей сообщенія, затрудняющимъ перевозку продуктовъ изъ мѣстъ, гдѣ они изобилуютъ, туда-гдѣ въ нихъ нуждаются. Оно усиливается также равнодушіемъ земледѣльческаго сословія, къ усвоенію улучшенныхъ сортовъ воздѣлыванія. Но умѣренію неудобствъ много способствовала бы правильная и постоянная торговля иностранная. Съ одной стороны, она предохраняла бы земледѣліе отъ сотрясеній, причиняемыхъ въ немъ безпрестаннымъ нарушеніемъ равновѣсія между стоимостью и рыночной цѣной продуктовъ; съ другой, переставъ искусственно возбуждать дороговизну фабричныхъ издѣлій, перестала бы завлекать помѣщиковъ въ мануфактурныя предпріятія, и это самое служило бы имъ побужденіемъ къ улучшенію землевоздѣлыванія.

До-сихъ-поръ все было превосходно, но фраза, отмѣченная курсивными литерами, заставляетъ насъ пріостановиться. Авторъ ожидаетъ, отъ *правильной и постоянной* (то есть, свободной) торговли съ иностранцами, охраны земледѣлія

отъ сотрясеній. Мы, напротивъ, ожидаемъ отъ нея самыхъ бурныхъ волненій въ земледѣліи. Это опасеніе мы постараемся изложить далѣе съ надлежащею подробностью. Теперь мы не хотимъ перебивать у автора прекрасно начатой рѣчи.

« Изложеніемъ послѣдствій стѣсненія международной мѣны можетъ, и кажется должна, ограничиться наука. Ея дѣль—объяснить законы экономическаго развитія народовъ; ея долгъ—коснуться аномальныхъ явленій, уклоняющихъ это развитіе отъ его путей естественныхъ. Но не ей предстоитъ примѣненіе этихъ законовъ къ дѣлу: переходъ къ порядку лучшему совершается мало по малу.

« Постепенность и медленность — вотъ необходимыя условія подобной реформы. Слишкомъ рѣзкое, слишкомъ безусловное преобразование таможенной системы должно неминуемо причинить много вреда, много замѣшательства. Значительныя производства, развитыя подъ кровомъ запретительныхъ или предохранительныхъ мѣръ въ каждомъ государствѣ, неминуемо лишатся сбытовъ; капиталы, на нихъ употребленные въ видѣ машинъ, мастерскихъ, искусства, навыка, утратятъ большую часть своей цѣнности; множество мастеровъ и рабочихъ останутся безъ хлѣба; рыночная цѣна однихъ произведеній упадетъ ниже стоимости; въ другихъ окажется сильная дороговизна; банкротство и нищета быстро раскинутся, какъ жестокая язва, по всему тѣлу политическому. Будущая польза не можетъ служить тому оправданіемъ. Одинъ только Богъ въ своей премудрости расточаетъ иногда бѣдствія человечеству изъ видовъ благихъ, но кто, между людьми, можетъ принять на себя подобную отвѣтственность? Все, чего можно требовать отъ предусмотрительности послѣднихъ, ограничивается заблаговременнымъ оставленіемъ ложной системы, вовлекающей государство въ затрудненія, которыя хотя и должны рано или поздно разрешиться неодолимою силой обстоятельствъ, по тѣмъ не менѣе много препятствуютъ успѣхамъ богатства и развитію благосостоянія.

« Въ Англіи недавно образовалась такъ называемая лига приверженцевъ свободной торговли (*league of free-traders*). Ея усилія сначала были направлены противъ знаменитыхъ *corn-law*, законовъ, запрещающихъ привозъ иностраннаго хлѣба и служащихъ основаніемъ богатства и могущества аристократическаго сословія землевладѣльцевъ. Нынѣ (1845) она придала болѣе об-

ширности своей цѣли и стремится къ уничтоженію всякой искусственной дороговизны, возбуждаемой на рынкѣ общественномъ для покровительства или поддержанія туземныхъ промысловъ. Въ составъ этой лиги вошли люди съ величайшими талантами: искусные экономисты, краснорѣчивые ораторы. Путемъ подписокъ, въ которыхъ участвуютъ большая часть мануфактуристовъ, негодіантовъ и работниковъ, она располагаетъ огромными суммами, и ея доходъ въ 1844 году простирался до 100,000 фунтовъ стерлинговъ. Эти средства употребляются на изданіе моожеества книгъ, брошюръ, журналовъ, писанныхъ слогомъ простымъ, вразумительнымъ, явно обращающихся къ убѣжденію массъ; на содержаніе во многихъ городахъ публичныхъ курсовъ политической экономіи; на поддержаніе кандидатовъ, представляемыхъ лигою для занятія вакантныхъ мѣстъ въ парламентѣ; на самыя дѣятельныя сношенія черезъ почту и па разѣзды главныхъ дѣйствователей. Благодаря этой искусной тактикѣ, и не смотря на усилія противнаго ей союза, составившагося изъ землевладѣльцевъ и приверженныхъ имъ фермеровъ, лига уже пользуется вліаніемъ несомнѣннымъ, и прочая.

Здѣсь мы остановимся. Авторъ не можетъ сказать намъ ничего любопытнаго ни объ исторіи ни объ ученіяхъ Лиги: онъ зналъ ее въ 1845 году, какъ кажется, только по французскимъ брошюрамъ. Веротимся къ важному вопросу, который возбудила надежда нашего экономиста на блаженное спокойствіе земледѣлія подъ крыломъ свободной торговли: до-сихъ-поръ мы только пополняли его разсужденія, но здѣсь готовы противорѣчить ему рѣшительно. Коренное свойство свободной торговли—безпрестанно колебать земледѣліе какъ первый предметъ спекуляторской жадности, какъ самую выгодную статью торговой предпріимчивости. И, наоборотъ, при владычествѣ свободной торговли, земледѣліе, хлѣбъ, будетъ всегда пользоваться опаснымъ преимуществомъ производить въ торговомъ мірѣ страшныя замѣшательства, такіе же кризисы, какого мы нынче свидѣтели въ Англіи и почти во всей Европѣ. Это неизбежно. То, что авторъ говоритъ, въ другомъ мѣстѣ, о производствѣ хлѣба и хлѣбныхъ запасахъ въ Россіи, заставляетъ насъ думать, что, вразсужденіи этого основнаго продукта, онъ еще раздѣ-

ляетъ сбивчивыя понятія и заблужденія прежнихъ французскихъ экономистовъ. Но такой обширный и многосложный предметъ, какъ производство хлѣба, хлѣбная торговля и настоящій торговый кризисъ, требуетъ для своего развитія гораздо болѣе мѣста нежели сколько намъ здѣсь остается въ пивъшнемъ мѣсяцѣ. Отложимъ разсужденіе до слѣдующей книжки, не скрывая заранѣе, что, по нашему мнѣнію, хлѣбная торговля, основаніе всеі торговли, неспособна къ полной свободѣ, что она не можетъ остаться, и не останется, безъ извѣстныхъ ограниченій со стороны законодательства, и что едва-ли не спасительсве, для блага всѣхъ и самаго хлѣба, чтобы эта статья составляла повсюду предметъ нѣкотораго роду монополіи.

=

ОПЫТЪ О НАРОДНОМЪ БОГАТСТВѢ И НАЧАЛАХЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Сочиненіе Александра Бутовскаго. Санктпетербургъ, 1847. Три части.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Мы должны говорить о вліяніи свободнаго отъ всѣхъ узъ торгу хлѣбомъ на земледѣліе и на торговлю вообще. Авторъ отъ системы вольной торговли ожидаетъ самыхъ благодатныхъ послѣдствій для спокойствія и успѣховъ земледѣлія; мы, напротивъ, полагаемъ, что самое важное и, можетъ-быть, единственное препятствіе къ достиженію тѣхъ благъ, которыя теорія предусматриваетъ въ вольной торговлѣ, есть именно хлѣбъ: не будь на свѣтъ хлѣба, вольная торговля несомнѣнно доставила бы народамъ тѣ огромныя золотыя яблоки, которыя нынѣшняя школа видитъ сквозь розовый туманъ умозрѣнія въ ея воллѣбныхъ садахъ; но хлѣбъ — помѣха всему. Хлѣбъ — такая статья, которая, въ практикѣ, должна непремѣнно производить страшныя торговыя потрясенія. Вопросъ этотъ касается невидимо всѣхъ основаній политической экономіи, — цѣны труда, свойства капиталовъ, сущности торговли, законовъ производительности и потребленія, законовъ продовольствія, законовъ народонаселенія, всего, что экономисты называютъ «сущностью» и «закономъ», забывая между-тѣмъ объяснить намъ «сущность» или «законы» торговыхъ кризисовъ, для которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, донынѣ не представили они ни какой разсудительной теоріи. А дѣло стоило бы труда! Они не соображаютъ ни источника ни свойства торговыхъ кризисовъ; эта великая статья еще не обращала на себя ихъ мудраго вниманія; оттого именно все и кажется имъ легко, просто и ясно въ практикѣ вольной торговли.

Авторъ думаетъ, что производительность хлѣба, въ земледѣльческихъ государствахъ, и именно въ Россіи, зависитъ отъ иностраннаго запросу; что когда за границей случится

голодъ и дозволить на время безпошлинный ввозъ хлѣба, цѣнность этого продукта вдругъ достигаетъ у насъ цѣнновѣрной высоты, и земледѣльцы, прельщенные выгодою, усиливаютъ производство зерна, употребляютъ на это болѣе земли, рукъ и капиталовъ; но какъ, въ другое время, при запретительной торговой системѣ запросы на хлѣбъ извнѣ слабы, то цѣна на него не можетъ подняться; при малѣйшемъ урожаѣ она упадаетъ еще ниже, до того что жатва уже не вознаграждаетъ труда; и тогда, будто-бы, земледѣльцы уменьшаютъ посѣвы; бросаютъ земли, едва воздѣланыя; излишекъ изобилія продуктовъ становится для нихъ настоящимъ страшилищемъ, и, случись у насъ неурожай, рѣдкость на хлѣбъ является грознымъ бѣдствіемъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно изнемогали подъ бременемъ излишковъ. Признаться, намъ неизвѣстно, чтобы такія колебанія въ производствѣ хлѣба происходили у насъ въ Россіи: умозрительно, по теоріи, они кажутся логическими и, въ Англій, въ самомъ дѣлѣ, число рукъ и количество земель, посвященныхъ производству хлѣба, измѣняется иногда по обстоятельствамъ; но на Руси этого не бываетъ и оно невозможно. Число рукъ, приписанныхъ къ землѣ и земледѣлію, у насъ постоянно; мануфактурная промышленность наша такъ ограничена, что она не можетъ привлекать къ себѣ примѣтной массы производителей хлѣба, и они по-необходимости остаются почти весь при земледѣліи; сколько земли обдѣлывали въ прошломъ году послѣ неурожая, столько же обработано и въ нынѣшнемъ несмотря на предъидущій урожай, потому что не извѣстно, каковы еще будутъ жатвы на слѣдующее лѣто. Да и кто же такъ неразсчетливъ, чтобы, прельстясь благами случайнаго голоду за-моремъ, полагалъ, что голодъ тамъ будетъ вѣчный, что теперѣ-то и пойдетъ на Нѣмцевъ семь египетскихъ голодныхъ годовъ сряду, и, на этомъ основаніи, увеличивалъ объемъ пашней, усиливалъ посѣвы? Волненія земледѣльца отъ запретительной системы — просто мечта пылкаго экономополитическаго воображенія, одинъ изъ тѣхъ преувеличенныхъ аргументовъ, которыми фанатизмъ вольно-торгующей теоріи обременяетъ свою противницу, и которые, какъ пре-

увеличенія, вовсе ничего не доказываютъ. Аргументъ родился изъ той старинной идеи умозрителей, будто можно, по-протъ изволу, при данномъ народонаселеніи, усилить или уменьшить производство хлѣба, и будто природа въ этомъ случаѣ совершенно повинуется волѣ и расчету человѣка; а это не справедливо. Въ Англіи, гдѣ изъ 10 человекъ народонаселенія уже только 4 занимались въ последнее время земледѣльемъ, и гдѣ, при запрещеніи ввозу иностраннаго хлѣба, въ самомъ дѣлѣ множество земель были оставлены владѣльцами безъ посѣву чтобы удержать свой хлѣбъ въ высокой цѣнѣ, въ одной лишь Англіи, и нигдѣ болѣе, съ помощію капиталовъ земледѣльческая спекуляція можетъ вдругъ употребить двухъ лишнихъ человекъ на хлѣбопашество и на слѣдующій годъ произвестъ сборъ съѣстныхъ продуктовъ цѣлою третью богаче послѣдняго сбора, при одинаковомъ урожаѣ. Но тамъ, гдѣ изъ 10 человекъ 8 хлопчутъ около земли, а 2 только занимаются всѣми прочими промышленостями, что за такое важное умноженіе хлѣбопроизводства получите вы, отклонивъ къ сельскому дѣлу изъ этихъ двухъ человекъ, какую-нибудь осьмушку, четверть или даже половину человека?

И дѣйствительно, между-тѣмъ какъ земледѣльцы другихъ странъ даже и не пошевелилось, нынче, послѣ разрѣшенія свободнаго привозу заграничнаго хлѣба, англійское земледѣлье, обладавая значительными капиталами и огромнымъ кредитомъ, мгновенно создало новыя поля и новыя посѣвы и соперничествомъ своимъ съ торговлею нанесло ей жестокую рану. Но что же вышло? *Страхъ* огромнаго мѣстнаго урожая, еще болѣе чѣмъ излишество привознаго хлѣба, былъ причиною внезапнаго и неимовернаго пониженія цѣнъ на выписанное извнѣ зерно и губельнаго замѣшательства въ торговлѣ. Откройте вольную хлѣботорговлю: противъ этой спекуляціи вы неизбежно вызовете на сцену двѣ другія, враждебныя ей спекуляціи, — усиліе землевладѣльцевъ не лишиться своихъ доходовъ и произвести какъ-можно болѣе своего хлѣба, чтобы оттолкнуть чужой, — и невинную хитрость главныхъ хлѣбопотребителей, которые прикинутся бездежными, чтобы довести вольную хлѣботорговлю до

крайности, лишить весь барышей и купить товаръ какъ можно дешево. Кто былъ меньшимъ лѣтомъ свидѣтелемъ необычайнаго движенія въ англійскомъ земледѣльческомъ мѣрѣ и надеждъ его, снѣло объявляемыхъ землевладельцами, которые отзывались, что новый законъ о хлѣбѣ теперь уже для нихъ не страшенъ, потому что они привали свои мѣры и станутъ производить земледѣльческихъ продуктовъ вдвое болѣе, тотъ легко отдастъ себѣ отчетъ въ жестокой неудачѣ коммерціи при первомъ опытѣ свободной хлѣботорговли. Сбудется или не сбудется угроза землевладельцевъ, а между-тѣмъ совокупное дѣйствіе ея и непомерности привозовъ выписнаго хлѣба, которой ни какими человѣческими средствами воспрепятствовать не возможно, развязавъ однажды руки спекуляціи, произвело то, что коммерціи пришлось съ убыткомъ продавать какъ-можно скорѣе выписной хлѣбъ, купленный дорогою цѣною, чтобы осенью не потерять на немъ еще болѣе, При видѣ первыхъ пониженій цѣнъ, чтобы довести до новыхъ еще болѣе значительныхъ пониженій, капиталы оптовыхъ покупателей тотчасъ попрятались; обнаружилась рѣдкость на деньги — рѣдкость искусственная, подлежащая, если угодно — но такъ же гибельная въ результатѣ какъ и настоящая — и торговые дома, обремененные огромными массами выписнаго хлѣба, увидѣли себя въ невозможности уплатить въ срѣдъ векселя своимъ, выданные по поводу выписки. Дѣшло до того, что иные, будучи не въ состояніи удовлетворить тотчасъ же издержки перевозу предоставляли, на Темзѣ, шкиперамъ судовъ весь грузъ привезеннаго хлѣба за одинъ только фрахтъ, и шкипера брать не хотѣли, грозилъ тѣмъ, что выброситъ хлѣбъ въ рѣку, требовали денегъ; а денегъ имъ откуда невозможно было выманить на биржу. И начались банкротства: вся коммерціа спуталась; потому что вся у аствовала въ выпискѣ заграничнаго хлѣба, или непосредственною спекуляціей, или состояніемъ въ вексельныхъ связяхъ съ выписчиками. Изъ этого видно уже совершенно явственно то, что съ свободною хлѣботорговлею сопряжено точно такое же неудобство внезапнаго загроможденія рынковъ излишнимъ хлѣбомъ и чрезмѣрнаго упадку

цѣнъ, какъ и съ богатымъ урожаемъ при запретительной системѣ, когда иностранный *запросъ* слабъ и не куда дѣлать того, чѣмъ подарила земля. Разница только въ томъ, что здѣсь бѣдствіе падаетъ на земледѣльцевъ, а тамъ на классъ коммерческій. Но развѣ это не все-равно? Развѣ, когда вы разорите торговлю, земледѣліе не почувствуетъ удара? Развѣ коммерція, въ хлѣботорговль, не должна ничего во все-ляхъ, условіяхъ и контрактамъ земледѣлію? Когда она банкротится, вы, хлѣбпроизводитель, находитесь также на краю банкротства, *rag ricochet*; или по-крайней-мѣрѣ вы тутъ ничего не выиграли: всѣ золотыя надежды ваши разсыпались какъ дымъ, при первомъ взрывѣ торговаго кризиса. Послѣ чего, вы можете и не пахать земли, если вы только падѣлись на *заграничный запросъ* и отъ него ожидаете приличныхъ цѣнъ на ваши зерновыя произведенія; потому что, продолжайся голодъ и на слѣдующій годъ, коммерція, проученная свѣжимъ урокомъ, не бросится уже въ хлѣбныя спекуляціи—запросу не будетъ—голодающей хотъ погибни!—пока урокъ не будетъ вполне забытъ; пока, лѣтъ черезъ десять, новое коммерческое поколѣніе, по случаю новаго голоду, не попадетъ въ ту же западню—въ западню *свободной хлѣботорговли*. Тогда спекуляція опрометчиво скличетъ со всего лица земли всѣ наличныя запасы хлѣба, загромоздитъ рынокъ, окруженный голодомъ, лопнетъ сама и, новымъ торговымъ кризисомъ, произведетъ новое потрясеніе во всѣхъ дѣлахъ сельской промышленности. Этотъ несчастный порядокъ дѣлъ будетъ повторяться періодически, до скончанія вѣка. И чѣмъ вы его устранили или исправите, не нарушая безусловныхъ правъ вольной торговли? Ничѣмъ. Таковъ законъ, природы, — который сильнѣе всего — не въ обиду будь сказано *законамъ* политической экономіи. Если мы не ошибаемся, то и въ наше время, на нашей памяти, за каждымъ голодомъ въ Англіи, то есть, за каждымъ открытіемъ свободной хлѣботорговли на земномъ шарѣ, непосредственно обнаруживался жестокой торговый кризисъ, какъ естественный и неизбѣжный результатъ хлѣбныхъ спекуляцій, безспорно самыхъ заманчивыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и

самых опасных, во всем кругу торговой предприимчивости.

Подумавъ немножко, экономо-политическое умозрѣніе, конечно, найдется—скажетъ: такъ пусть вольная торговля дѣйствуетъ съ надлежащею осторожностью; пусть не выписываетъ хлѣба болѣе чѣмъ нужно для утоленія голоду, не загромождаетъ рынковъ, не пересыщаетъ голодающихъ, и кризиса не будетъ; опытность, благоразуміе, уладятъ дѣло со временемъ, а законъ политической экономіи всё-таки святъ и неварушимъ. Очень кстати проповѣдывать благоразуміе — жадности, опытность — страсти! Хлѣба нельзя удобить ни какому другому товару. Сырые продукты и издѣлія другихъ родовъ, входящіе въ кругъ дѣйствія вѣншей торговли, производятся только въ данныхъ мѣстахъ; количество производства ихъ болѣе или менѣе извѣстно; въ сравненіи съ хлѣбомъ, всѣ они болѣе или менѣе — предметы роскоши, потому что отъ случайнаго недостатку въ нихъ никто не умретъ; заказы на нихъ дѣлаются благовременно и съ хладнокровнымъ расчетомъ; притомъ же каждая статья этихъ продуктовъ и издѣлій требуетъ спеціальныхъ познаній со стороны спекуляторовъ и только немногіе изъ нихъ могутъ производить обороты ея; въ случаѣ же неудачи, они одни пострадаютъ и паденіе ихъ не потрясетъ всего зданія коммерціи. Вина, фрукты, чай, кофе, сахаръ, скоть, лѣсъ, ленъ, пенька, шерсть, ткани, металлы и металлическія издѣлія — все это распределяется удобно само собою между различными классами оптовыхъ выписчиковъ, такъ, что одинъ другому, несмотря на необходимую тайну операций, рѣдко можетъ повредить загроможденіемъ рынка. Совсѣмъ не то бываетъ съ хлѣбомъ. Тутъ дѣло идетъ о жизни или смерти многихъ милліоновъ людей, и товаръ, замѣтьте, находится *повсюду*: нѣтъ ни одной заграничной земли, изъ которой нельзя было бы добыть для торговли какого-нибудь съестнаго зерна. Ктому жъ необходимость въ иностранномъ хлѣбѣ обнаруживается вдругъ, съ внезапностью паническаго страха. При первомъ извѣстіи о предстоящей возможности голоду, цѣны быстро возвышаются, не оттого чтобы уже ошущался дѣй-

ствительный недостатокъ въ немъ, но просто отъ испугу потребителей и отъ жадности тѣхъ, у кого еще есть запасы драгоценнаго зерна и которые скрываютъ ихъ въ надеждѣ еще наибольшее возвышеніе цѣны. Эти тайные запасы выйдутъ потихоньку наружу — по когда? — уже въ то время какъ нужно будетъ хозяевамъ ихъ соперничать въ жадности съ внешнею торговлей и спасаться подрывая другъ друга. Цѣны между-тѣмъ могутъ, какъ прошелшею весною въ Англии, подняться до баснословнаго итога 126 шиллинговъ за кварталъ (28 рублей серебромъ за четверть). Какъ не соблазниться возможностью ужаснаго обогащенія съ одного удара? Коммерческій человекъ знаетъ, что когда смерть предстанетъ передъ глаза потребителю, тотъ продастъ и платье и постель свою, чтобы заплатить ему за кусокъ хлѣба ту цѣну, какую самъ онъ назначить. Спекуляція кажется вѣрною. Стоитъ только опередить другихъ спекуляторовъ, заготовить запасъ въ глубочайшей тайнѣ и быстро — какъ можно быстрѣе — пока за границею не смѣкнутъ сущности дѣла и цѣвы еще низки — явиться первому на рынкѣ съ своимъ припознымъ хлѣбомъ. Эта счастливая мысль, по несчастію, овладѣваетъ въ одно и то же время воображеніемъ всѣхъ, у кого только есть наличный капиталъ, или кто можетъ создать его себѣ выпускомъ векселей. Вы считаете себя ловчье и умнѣе всѣхъ прочихъ, а между-тѣмъ всѣ прочіе, каждый про себя, такъ же тонокъ и уменъ какъ вы. Особенныхъ познаній тутъ не требуется: каждый смыслить толкъ въ хлѣбъ. Новыхъ связей заводить не нужно: хлѣбъ — продуктъ повсемѣстный; если у васъ, у коммерческаго человека, нѣтъ корреспондентовъ и кредиту въ Россіи, такъ есть въ Германіи или Сициліи, во Франціи или Египтѣ, въ Ломбардіи, Бельгіи, Америкѣ, Индіи или колоніяхъ Тихого Океана. Стоитъ лишь подкрѣпить заказъ половиною наличной суммы, потому что земледѣльцы требуютъ прежде всего чистогану: на остальную же половину можно выдать векселя, которые будутъ уплачены первою продажею выписаннаго блага. И что жъ? — спустя нѣсколько мѣсяцевъ свято хранимой тайны, вдругъ оказывается, что всѣ мы, умные люди — я — вы — нашъ

сосѣдъ — нашъ пріятель и нашъ врагъ — всѣ безъ изъятія, вызвали на площадь въ одно и то же время огромныя количества хлѣба со всѣхъ концовъ свѣта, вынули для этого изъ обороту извѣсти е количество звонкой монеты, чтобы отправить ее за границу, надавали бездну векселей и — что всего хуже — закупили хлѣбъ за-моремъ далеко не такъ выгодно какъ предварительно рассчитывали; потому что отъ непредвидимаго совокупнаго запросу цѣны тамъ вдругъ безразсудно возвысились.

Можно ли воспрепятствовать этому гибельному, но совершенно естественному, стеченію обстоятельствъ?

Никакъ нельзя. Торговля свободна; спекуляція ясна и легка; каждый, у кого есть деньги или кредитъ, непременно станетъ спекулировать на хлѣбъ, не сообщаясь съ прочими, и, конецъ концовъ, всѣ вмѣстѣ упадутъ въ одну бездну: притомъ же дѣло такъ горячо, происходитъ такъ быстро, что и сообразиться некогда. Между тѣмъ капиталисты, которымъ не удастся при самомъ началѣ засунуть горсть въ иностранный хлѣбъ, составятъ заговоръ противъ счастливецъ, оп ридившихъ ихъ выпиской. Они тотчасъ начнутъ кричать: — Золото вывозятъ за границу! вотъ вскорѣ и будетъ недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ! проценты возвысятся! торговля предстоитъ ужасный кризисъ! Имъ нужно такъ кричать, для того чтобы навести страхъ на публику и возвысить проценты. Экономисты скажутъ: но успѣхъ этой уловки основанъ на одномъ только невѣжествѣ публики; масса звонкой монеты, которую выплюютъ за границу, слишкомъ незначительна въ сравненіи съ остающеюся въ оборотъ, и этотъ убытокъ не можетъ помѣшать свободному теченію торговыхъ дѣлъ внутри; при всей необузданности послѣдней англійской спекуляціи, скупившей всѣ наличные запасы хлѣба на лицъ земли, за нихъ заплачено золотомъ только 7,000,000 фунтовъ стерлинговъ (42,500,000 рублей серебромъ): что значитъ эта бездѣльная сумма въ оборотъ народа, который однихъ податей платитъ своей казнѣ 1,250,000 рублей серебромъ, у котораго масса ходячей монеты достигаетъ колоссальнаго итога 3,000,000,000 рублей,

и чей текуцій оборотный капиталъ оцѣненъ непогрѣшимой наукою нашей въ 1,700,000,000, почти въ два билліона!... Не вѣрьте коварнымъ крикунамъ — не пугайтесь — освѣтите умъ свой факеломъ нашихъ несомнительныхъ истинъ, непреложныхъ законовъ, и стойте твердо: хитрецы будутъ принуждены довольствоваться прежними умѣренными процентами. Легко сказать — не пугайтесь лжи, не слушайте! — если угодно, хитрецы, примѣтивъ что хитрость ихъ открыта, замолкнуть, но денегъ всё-таки они вамъ не дадутъ дешево, когда наступитъ срокъ вашимъ векселямъ. Разсчитывал, что отъ спекуляціи на хлѣбъ, въ которой не удалось имъ принять участіе, вы вскорѣ получите неслыханные барыши, они захотятъ, да и имѣютъ право, разделить съ вами чрезмѣрную выгоду; разбогатѣвъ ужасно, вы, разумѣется, не станете скупиться; и, на основаніи этого, совершенно правильнаго и логическаго соображенія, они заранее возвысятъ проценты на свои капиталы. Волею или неволею вы повѣрите въ рѣдкость на деньги, когда, при наступленіи платежей, никто изъ нихъ не согласится ссудить васъ значительную сумму безъ большихъ процентовъ. А лишь только примѣтятъ они, что рынки загромождаются товаромъ, что цѣны падаютъ, — на примѣръ, отъ 126 шиллинговъ за кварталъ (тридцати-девяти рублей съ полтиною серебромъ за одиннадцать четвериковъ), какъ было въ апрѣль, до 39 и даже до 38 шиллинговъ (до пятнадцати рублей), какъ потомъ было въ августъ, — что спекуляція не удалась, что вы пошатнулись, что дѣла ваши и вашихъ соперниковъ запутываются, такъ и во все не дадутъ вамъ денегъ. Капиталы всё вдругъ попрячутся, каждый сидеть плотно на своей копѣйкѣ, в — кризисъ кризисомъ! Предсказанный заранее, или нѣтъ, всё-равно — онъ сбудется, непременно. Но дѣло въ томъ, что и нынѣшній кризисъ, и все извѣстные кризисы, были предвѣщаны благовременно, и что предвѣщанія этого рода всегда буквально сбываются. Отчего это? Да оттого что предвѣщательные крики всегда происходятъ изъ одного и того же источника, изъ сундука капиталистовъ, не участвующихъ въ модной спекуляціи, почитаемой за самую богатую, безцѣпную,

завидную. Значитъ; торговый кризисъ не что иное какъ *контраспекуляція*. Но эта контраспекуляція неизбежна, и, по несчастію, она всегда сопровождаетъ спекуляцію на хлѣбъ. Изчисляйте, подводите справки, доказывайте, сколько угодно, что денежное богатство государства почти ни сколько не уменьшилось въ этомъ случаѣ, что эта рѣдкость на деньги искусственна, подложна, проходящая, что торговый кризисъ не означаетъ ни какого важнаго ущерба въ народномъ капиталѣ, что это только переверотъ, денежная революція, мгновенная буря, во время которой состоянія и дѣла переходятъ изъ однихъ рукъ въ другія, но всё-таки по-прежнему остаются въ государствѣ. Между-тѣмъ это насильственное, внезапное перемѣщеніе дѣлъ и состояній въ коммерческомъ мірѣ останавливаетъ торговлю, разоряетъ мануфактурную промышленность, производитъ замѣшательство въ благосостояніи земледѣльцевъ; большіе торговые дома, съ существованіемъ которыхъ связаъ бытъ такого множества второстепенныхъ состояній, банкротятся, фабрики лопаются, иностранные хозяева хлѣбныхъ запасовъ, обманутые въ своихъ расчетахъ на условіа, заключенныя съ коммерціей, обременяются неожиданными долгами, кредитъ и взаимное довѣріе подорваны, все приходитъ въ хаосъ, все страдаетъ отъ безвѣстности, путаницы и застою. И ни какіе банки человѣческіе горю не помогутъ. Положимъ, что Англійскій Банкъ, нынче, уступая воплямъ отчаянія банкротящейся коммерціи, согласился бы на усиленіе выпуска своихъ билетовъ, чтобы устранить рѣдкость на деньги и поддержать колеблющіеся дома. Масса капиталовъ въ оборотъ этимъ отнюдь не умножится. Не банковыхъ билетовъ требуютъ попавшіе въ бездну, а золота; они припесутъ билеты обратно въ банкъ, чтобы промѣнять ихъ на звонкую монету, потому что имъ нужно заплатить ею по векселямъ и контрактамъ своимъ за границею, очистить долги, сдѣланные по поводу хлѣбной спекуляціи. Банкъ опорожнитъ свои погреба, лишится значительной части обезпеченнаго депозита въ драгоценныхъ металлахъ, составляющаго основаніе его кредита передъ публикой, и чѣмъ болѣе уменьшить онъ этотъ депозитъ въ пользу горюющей

коммерціи, тѣмъ шибче стануть сносить къ нему обратно собственные его билеты, сомнѣваясь въ прочности такого кредитнаго учрежденія; и банкъ допнетъ, не спася торговли.

Таковы неизбежныя слѣдствія вольной хлѣботорговли, которая, не забудьте, составляетъ основаніе всей системы вольной или свободной торговли. Они выведены изъ наблюденій, утверждены повторительными опытами, и совершенно согласны логически съ сущностью хлѣба какъ товару. Политическая экономія можетъ усмотрѣть изъ этого, что въ практикѣ, гдѣ рядомъ съ холоднымъ вычисленіемъ нужно допустить жаркую игру страстей; дѣло отнюдь не такъ просто, легко и удобно, какимъ оно представляется въ умозрѣніи, которое тоже не чуждо страсти: самолюбіе, тщеславное желаніе доставить торжество своимъ идеямъ, увлеченіе соперничества, и многое другое прочее, большею частью заслоняють отъ проникательности науки тѣ обстоятельства и подробности, безъ которыхъ ея наведенія—ложь, ея законы—сновидѣніе.

Выходитъ, что для блага вольной торговли нужно прежде всего заковать въ кандалы ея душу, ея основаніе, торговлю хлѣбомъ, которая въ состояніи поминутно все вывернуть вверхъ-дномъ и бѣдствія голода умножить еще бѣдствіями коммерческаго кризиса. Замѣчательно, что въ исторіи человечества нѣтъ ни одного извѣстнаго примѣру совершенно безирепятственной хлѣботорговли. Человѣкъ, какъ-бы по инстинкту, вездѣ ограничивалъ ее законами и стѣсненіями. Система вольной торговли — вовсе не открытіе повѣйшей науки: прежде чѣмъ политическая экономія объ ней подумала, Турки, народъ пехитрый, знали ее на-дѣль. Аравіяне, и большая часть мусульманскихъ народовъ, придерживались также системы вольной торговли, благодаря, не тонкости своихъ соображеній, а своему суевѣрію. Самый гениальный политическій экономистъ былъ, не мослѣ Се, главный руководитель господина Бутовскаго; самый незабвенный free-trader былъ не мистеръ Кобденъ, — но великій пророкъ Магометъ, который, однажды, разсердился на римскихъ таможенныхъ, объявилъ торжественно своему народу, что Аллахъ не позволяетъ брать пошлины съ привозныхъ товаровъ выше двухъ съ поло-

виною процентов, ad valorem, съ цѣны товару, объявленной самимъ его хозяиномъ и которой таможенныя не имѣютъ права ни разбирать, ни оспаривать. Пока Турки чистосердечно вѣровали въ Магомета, у нихъ не существовало другаго тарифа, и благо имъ было: торговля пользовалась полною свободой; контрабанды вовсе не знали, потому что никто и не подумалъ уклоняться отъ такой легкой, ничтожной пошлины; богатство оттоманскихъ городовъ и довольство деревенскихъ жителей, среди всѣхъ правительственныхъ неурядицъ и народныхъ смутъ, возбуждали удивленіе путешественниковъ. Завелось европейское образованіе. Турки надѣли палевые перчатки, и пошли тарифы, контрабанды, нищета. Однакожъ и въ Турціи, при фри-тредерской системѣ великаго пророка Магомета, торговля привознымъ хлѣбомъ была подчинена изъятію изъ общаго правила, по древнему примѣру Аравитянъ, которыхъ самъ Магометъ училъ политической экономіи. Она составляла монополию правительства, которое въ случаяхъ недостатку на рынкахъ въ туземномъ хлѣбѣ, продавало голодному народу изъ своихъ амбаровъ хлѣбъ иностранной цѣны и даже дешевле. И едвали это не самое умное, даромъ что бусурманское, средство рѣшить опасный вопросъ о торговлѣ жизнью и смертію народа, то есть, о припасеніи и продажѣ привознаго хлѣба вслѣдствіе мѣстныхъ неурожаевъ. Не говоря уже о нравственномъ приличіи не предоставлять страшнѣйшаго изъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій въ руки жаднымъ спекулянтамъ и безсовѣстнымъ барышникамъ, одно только правительство и можетъ довольно вѣрно определять убытокъ въ туземномъ хлѣбѣ посредствомъ неурожаю и то количество привозныхъ статей продовольствія, какое нужно выписать, чтобы удовлетворить вопіющую нужду безъ загроможденія рынковъ. Одно оно можетъ всегда имѣть въ готовности значительные запасы хлѣба, составляемые благовременно и исподволь, безъ необычнаго возвышенія цѣнъ за границей на новую гибель голодающимъ. Одно оно въ состояніи продавать его потомъ по своей покупной цѣнѣ или по мѣстной, обыкновенной, съ небольшою для себя выгодой, которая ни въ какомъ случаѣ

не ляжет на потребителей тяжелымъ гробовымъ камнемъ. Оно могло бы устроить это въ родъ хлѣбнаго банка, гдѣ драгоценный металлъ замѣнялся бы драгоценнымъ зерномъ. Такой порядокъ представлялъ бы еще ту важную выгоду, что имъ предупреждались бы горестныя послѣдствія вольной спекуляціи на иностранный хлѣбъ, тѣ ужасныя торговые кризисы, которые бывають еще ужаснѣе, когда они вспыхивають вслѣдъ за голодомъ, а иногда и въ самое время голоду. Въ Китаѣ правительство само содержитъ, на свой счетъ, запасныя хлѣбныя магазины. Примѣръ Китая презирать не должно единственно потому что, ни Адамъ Смитъ, ни Сѣ, ни Мальтусъ, не переведены на китайскій языкъ. Слово «Китай» значитъ — половина всего рода человѣческаго; и трехъ-тысячелѣтній опытъ цѣлой половины человѣчества, весьма смысленной и аккуратной, очень легко можетъ быть умѣе всѣхъ умозрѣній нашей молодой науки. Впрочемъ политическая экономія можетъ разсуждать съ китайскою практикою безъ униженія для своего ученаго достоинства. Что такое философія Конфуція, составляющая официальную религію Китая, если не самый древній очеркъ натуральной политической экономіи и государственнаго хозяйства?

Изъятіемъ иноотраднаго хлѣба изъ круга дѣйствій вольной торговли разрушается, мы боимся, все чудное зданіе ученія мистера Кобдена и господина Бутовскаго, которые на хлѣбъ, на свободной мѣнѣ его на издѣлія и трудъ, на дешевомъ пропитаніи рабочаго класса, основываютъ обитованный рай безтаможеннаго блаженства. Оно, впрочемъ, только *разрушается*, а не уничтожается: развалины могутъ еще пригодиться въ дѣло; изъ нихъ не трудно построить новый чертогъ, менѣе похожій на воздушныя замки. Матеріалы хороши; нужна только перестройка зданія; но она нужна необходимо. Въѣсть съ господиномъ Бутовскимъ мы сами, какъ извѣстно, принадлежимъ къ защитникамъ теоріи вольной торговли какъ величайшаго общественнаго блага, по это не мѣшаетъ намъ видѣть въ то же время ея безусловность, тѣ неудобства и препятствія, которыми окружено ея приложеніе, — потому что, увы! совершеннаго блаженства на землѣ быть

не можетъ. Можно даже опасаться, что когда дѣло пойдетъ на приложенія, то, среди множества встрѣчаемыхъ затрудненій, самые пылкіе энтузіасты теоріи вольной торговли непременно очутятся въ положеніи покойнаго графа Канкринъ, который въ «Коммерческой Газетѣ» выхвалялъ вольную торговлю, а въ практикѣ слѣдовалъ системѣ запретительной. По этому опасенію господинъ Бутовскій не долженъ — Боже упаси! — подозревать насъ въ перъспителности на пользу новой теоріи или, что еще хуже, въ предпочтеніи устарѣлой системы. Одно уже зрѣлище великаго горя Цоль-Ферейна достаточно, чтобы удостовѣрить насъ и каждаго въ несомнительной ошибочности расчетовъ старой школы. Цоль-Ферейнъ, германскій Таможенный Союзъ — учешій, обдуманнѣйшій, послѣдній опытъ примѣненія запретительной или охранительной методы къ благу народной промышленности, торговой и мануфактурной. И что же произвелъ онъ? Страданіе и вопль всей Германіи. Мануфактуры вовсе не улучшились, а только размножились. Рынки загромождены страшною массою издѣлій, большею частью посредственнаго качества. Нѣтъ потребителей, некуда дѣвать германскихъ произведеній. Бѣда дошла до того, что нѣкоторыя изъ самыхъ важныхъ статей германской мануфактурной дѣятельности угрожаютъ полнымъ паденіемъ: производство полотень, напимѣръ, отъ 11,000,000 рублей серебромъ уменьшилось до 4,000,000. Благосостояніе Германіи чрезвычайно много выиграло отъ уничтоженія внутреннихъ границъ, но вся промышленность мануфактурная терпитъ жестокой и безконечной кризисъ. Съ отчаянія, свѣтила системы придумали, какъ доску спасенія, учрежденіе льготныхъ пошлинь, *droits différentiels*, то есть, значительную сбавку съ установленной таможенной пошлины въ пользу сырыхъ матеріаловъ, привозимыхъ въ германскія гавани на германскихъ корабляхъ прямо изъ мѣстъ происхожденія; а происходятъ они большею частью изъ Америки. Падѣются такимъ образомъ доставать сырые матеріалы для германскихъ фабрикъ помимо Англій, изъ первыхъ рукъ, и д. шевле, заставить американскіе народы мѣнять эти матеріалы на германскія издѣлія, и создать отечественный торго-

вый флотъ. Вольный городъ Бременъ великодушно предлагаетъ себя въ прибыльную должность посредника между Германией и Америкой и главнаго депò для этой заморской торговли, обычная на этомъ основаніи вступить въ Таможенный Союзъ. Гамбургъ, другой вольный городъ, но во сто разъ богаче и важнѣе Бремена, рѣшительно отказывается отъ такой роли и отъ участія въ затѣѣ, объявляя ее не только несбыточною мечтою, но и мечтою опасною, при соперничествѣ могущественной англійской коммерціи. Ясно, что ожидаемая выгода не осуществляется: бременская гавань только пополнится англійскими судами подъ германскою вывѣскою, льготы поступать все въ карманъ сильныхъ и предприимчивыхъ торговыхъ домовъ и капиталистовъ Лондона и Ливерпуля, германскаго купеческаго флоту не будетъ, и если Великобританская коммерція, для большей вѣрности дѣла въ насильственномъ соперничествѣ, вздумаетъ захватить въ свои руки всю массу сырыхъ матеріаловъ Америки, — что для нея весьма легко, потому что и теперь уже три четверти этой массы у нея на откупъ, — то Германія будетъ принуждена платить за эти матеріалы еще дороже нынѣшняго и фабрики ея увидятъ себя въ совершенной зависимости отъ прихоти и милости соперниковъ. Прусское министерство финансовъ, въ замѣчаніяхъ своихъ на проектъ льготныхъ пошлинъ и непосредственныхъ коммерческихъ оборотовъ съ Америкой, совѣтуетъ скорѣе приблизиться къ системѣ вольной торговли чѣмъ брести еще дальне и глубже въ пропасть запрещеній. Не нужно даже большой тонкости соображенія, чтобы примѣтить, что система запретительно-охранительная не способна составить счастье мануфактурной промышленности, что, напротивъ, она же ее разоряетъ. Успѣхъ этой промышленности зависитъ отъ совершенства издѣлій, совершенство отъ соперничества фабрикантовъ, соперничество отъ размноженія фабрикъ и многочисленности рабочаго класса. Если теперь въ государствѣ, опоясавшись запретительными системами, станутъ каждое у себя размножать фабрики и рабочій классъ, усиливая всячески этого роду дѣятельность, то вскорѣ все они увидятъ себя въ состояніи такого же мануфактурнаго кризиса, какимъ нынче

страдаетъ Германія; всё будутъ загромождены собственными своими издѣльями. Ясно, что нужно раздѣлить трудъ, каждой странѣ обрабатывать только то, что Богъ и земля велѣтъ, и мѣняться плодами своего естественнаго промыслу. Желаніе разбогатѣть подобно Англіи преблагонамѣренно: но нельзя же всякой землѣ быть Англіей! Зачѣмъ, изъ зависти или народнаго тщеславія, принимать на себя роль брѣющей обезьяны? Да и съ какой стати создавать и размножать классъ людей самый тягостный и самый опасный для обществъ, классъ фабричныхъ работниковъ, съ которыми уже и самая Англія не знаетъ какъ сладить, несмотря на свое богатство? Кто собственно, если неэтотъ классъ причиною всѣхъ нынѣшнихъ бѣдствій ея отъ перваго опыту вольной хлѣботорговли? Не для Ирландцевъ же такъ долго и такъ усердно хлопотала Лига о допущеніи свободной спекуляціи на хлѣбъ; а единственно для этого класса, обременительнаго и безпокойнаго.

Взаимный международный обменъ естественныхъ произведеній (*кромя* хлѣба однако жъ) и естественныхъ издѣлій каждой страны безъ всякаго стѣсненія, вотъ настоящій предметъ и идеалъ вольной торговли. Хлѣбъ долженъ быть устраненъ изъ этого круга. По непреложной сущности своей, рано или поздно, послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ, страданій, бѣдствій, онъ съдѣлается и въ Европѣ, подобно тому какъ въ Китаѣ, статьею правительственной монополіи, какъ единственной власти, способной примѣнить его вѣрно и безошибочно къ народной нуждѣ безъ обиды голодному человечеству. До этого доведетъ чрезмѣрное увеличеніе европейскаго народонаселенія, черезъ два три столѣтія, можетъ-статься и раньше. Что же дѣлать между-тѣмъ? Ничего! Удивляться только мудрости нашей повѣйшей науки, которая всеобщее блаженство народовъ подъ сѣнью вольной торговли основываетъ на *народныхъ бѣдствіяхъ!* Вѣдь привозъ иностраннаго хлѣба означаетъ всегда крайнюю степень народнаго бѣдствія — голодъ! Можно ли на такой невѣрной и опасной почвѣ строить зданіе повсемѣстнаго благосостоянія?... не говоря уже о нравственности этой идеи. Замѣьте, что во

всѣхъ этихъ предположеніяхъ, умозрители постоянно имѣютъ въ виду одну только Англію: разсчитывая выгоды отъ мѣны хлѣба на издѣлія, они не расстаются съ привычною мыслью, что хлѣбъ нашъ купить всегда Англійя. былъ бы только хлѣбъ. Онъ тамъ ужасно дорогъ; классъ рабочій огроменъ; нужды большія; слѣдственно, Англичане предпочтутъ брать хлѣбъ скорѣе у насъ чѣмъ у своихъ земледѣльцовъ, а мы возьмемъ у нихъ за это прекрасныя англійскія издѣлія, и всѣ будутъ довольны, богаты, веселы. Однако жъ, разсуждать такимъ образомъ уму человеческому не подобаетъ. Истинны науки, если онѣ истинны, должны бы быть справедливы даже и въ такомъ случаѣ, когда бы Англійя и не было на свѣтѣ. Предположимъ, что Англійя вдругъ.... потонула. Какъ поведете вы то да вольную торговлю, основанную на хлѣбѣ? Всѣ прочія европейскія государства—такія же земледѣльческія какъ мы: въ обыкновенный годъ каждое изъ нихъ совершенно въ состояніи прокормиться своимъ собственнымъ хлѣбомъ, и еще продать его нѣсколько на-сторону. Но Англійя и тонуть не нужно: ей стѣдуетъ только приняться за лишній плугъ, брошенный безъ употребленія при владычествѣ закона, воспрещавшаго иностранному хлѣбу входить въ соперничество съ англійскимъ на домашнихъ рынкахъ, и она тоже, въ обыкновенный годъ, обойдется безъ помощи чужаго хлѣба. При этомъ законѣ, Великобританія вполне доказала, что можетъ прокормить себя. — Но по какимъ цѣнамъ! скажете вы.— Да по тѣмъ же цѣнамъ, въ обыкновенный годъ, по какимъ обоилась ей въ нынѣшній, необыкновенный, пшеница, выписанная изъ другихъ странъ, гдѣ она, при первомъ извѣстїи о нуждѣ и запросѣ, взлорозжала безчеловѣчно. Англійя никогда не купитъ, ни у насъ, ни у кого-либо, хлѣба очень дешево. И съ сѣмъ будемъ воспользоваться ея нуждою. Но даже и въ такомъ случаѣ, когда бы другіе народы согласились доставлять ей хлѣбъ гораздо сроднѣе этихъ цѣнъ, можно ли предполагать, что англійское земледѣліе, богатое, ученое, предпримчивое, вооруженное огромными капиталами, допустить до того, чтобы весь хлѣбъ привозилъ и извнѣ, а у него не покупали ни

одного бюшеля, по причинѣ дороговизны? Позволить ли оно зарѣзать себя такъ добродушно? Странный расчетъ! Да оно употребить болѣе рукъ, болѣе денегъ, болѣе земли, и прокормить вамъ все государство своимъ добромъ по вашимъ же цѣнамъ, по цѣнамъ иностраннаго хлѣба, и еще дешевле. Но ему нечего опасаться чрезвычайнаго пониженія цѣны на англійскихъ рынкахъ. Иностранный хлѣбъ всегда и вездѣ дорогъ. Торговля иностраннымъ хлѣбомъ — общественное бѣдствіе, а не выгода промышленности. Этотъ хлѣбъ дешевъ быть не можетъ. Надежда теоретиковъ Лиги и ихъ послѣдователей довести хлѣбъ въ Англію до цѣнъ, равныхъ тѣмъ, какія видятъ они въ другихъ странахъ, опирается на ту идею, что на землѣ лишняго хлѣба бездна и что стоить только пожать руку земледѣльческимъ государствамъ, и они засыплютъ Англію верхомъ своей пшеницей и рожью за безцѣнокъ; а идея эта совершенно ложна. Лишняго хлѣба у народовъ сея земли о ень мало! Теоретики Лиги съ изумленіемъ увидѣли это на опытѣ въ нынѣшнемъ году. Какое количество зерна, да и по какимъ цѣнамъ, вольная хлѣботорговля успѣла добыть, обшаривъ всю вселенную съ золотомъ въ рукахъ? Смѣшно сказать: этого количества недостаточно было бы на годичное продовольствіе трехъ милліоновъ человекъ! Не только иностранный хлѣбъ ужасно дорогъ, потому что его немного, но несомнѣнно еще и то, что его и не можетъ быть больше и что цѣны на него всегда будутъ очень высоки. Но мы касаемся здѣсь великой главы о производительныхъ силахъ природы, и такъ пазываемыхъ *законовъ народонаселенія*, которое, по положенію Мальтуса и господина Бутовскаго, должно соразмѣряться всегда съ *средствами земли къ продовольствію* — очевидно, положеніе это сочинено не для тѣхъ Китайцевъ, которые живутъ на водѣ, устроивъ себѣ домикъ и пашню на лодкѣ, а огородъ на крышѣ домика — вопросъ опять чрезвычайно сложный, чрезвычайно любопытный по страннымъ выводамъ изъ ложныхъ фактовъ, замѣчательный по отсталости взглядовъ современной политической экономіи отъ истинъ, доказанныхъ другими современными науками: отложимъ окончаніе этого пренія до слѣдующаго мѣсяца.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

ОКТАБРЬ.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

нѣкоторыя изъ духовныхъ стихотвореній Николая Михайловскаго. *СП.-бургъ, 1847, въ-8, стр. 33.*

Слава тебѣ Всевышнему! Наконецъ вотъ стихотворенія, въ которыхъ нѣтъ красотъ поэзіи современной. Нѣтъ ни цыганъ, ни вѣдьмъ, ни разбойниковъ, ни мертвецовъ, ни волкановъ страсти, ни бушеваній поэтическаго тщеславія, ни обоготвореній вѣги, ни восторговъ передъ очами и персями, ни молодыхъ кудрей, ни кудрей златыхъ; даже нѣтъ луны. Многіе изъ людей, опытныхъ въ новѣйшемъ поэтическомъ дѣлѣ, удивятся, въ умъ не возьмутъ, какъ можно сочинить осемь порядочныхъ стиховъ безъ всего этого. Между-тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что господинъ Михайловскій сочинилъ осемьсотъ, и что они отлично поэтическіе. Онъ обратился къ единственному источнику всякой поэзіи человѣческой, къ источнику, изъ котораго почерпали все великіе поэты древности, къ Вѣрѣ, и у нея искалъ вдохновеній. Не многіе изъ новѣйшихъ стихотворцевъ понимаютъ, что вся

поэзія древнихъ въ высшей степени религіозна: она была матеріальна, потому что и вѣра ихъ была матеріальна, но въ то, что древніе поэты воспѣвали, и они и ихъ читатели вѣрили тепло, душевно. Имена Венеры, Аполлона, Бахуса, ихъ могущество, ихъ дѣявія, ихъ таинственныя вліянія, возбуждали въ тѣхъ и другихъ набожныя, благговѣйныя, восторженныя чувствованія: для древнихъ это не были суевѣрія но догматы вѣры, священные и высокія истины. Поэзія ихъ была существенно языческая. Романтизмъ — въ страшномъ заблужденіи, полагая будто онъ обновилъ искусство и создалъ поэзію *христіанскую*, вызвавъ на сцену нѣкоторыя суевѣрія прошедшаго времени, сохраняющіяся въ нянюшкнныхъ сказкахъ, которымъ никто уже нынче не вѣритъ. Забывая Венеру вѣдмою, Аполлона вампиромъ, Бахуса вдовой Кликъ, превративъ восторженныя мечтанія древнихъ о чудесахъ Афродиты, любящей силы въ природѣ, силы страшной и сладкой, все произведшей въ формахъ вещества и красоты и все поддерживающей, — въ картины пошлаго сладострастія, побѣдителя классицизма добродушно увѣрили себя и другихъ, что это — поэзія новѣйшаго человѣка, современнаго христіанина, сообразная съ чувствами и понятіями времени. Нѣтъ, она заключается въ чувствахъ истиннаго христіанина, и свѣтло ея — пламенная, глубокая вѣра. Она — поэзія чистаго духа. Въ этой-то возвышенной сферѣ, только въ этой новѣйшей поэзіи найдетъ то подлинное прекрасное, котораго могущество въ стихѣ неоспоримо и дѣйствуетъ неволью на всѣ христіанскія сердца, трогаетъ души до глубины, воспаляетъ до восторженности. Въ ней-то господиць Михайловскій нашель слѣдующую картину жевскихъ богомольцевъ, передъ которой нельзя не остановиться съ истиннымъ умилениемъ:

«Измучень, печалень, сидитъ близъ дороги
 Съ малюткою сыномъ отецъ ;
 Не служатъ усталымъ избитыя ноги,
 А скоро ль дорогѣ конецъ ?
 Далекъ путь, далекъ; онъ отъ Сѣвера начать,
 И трудно его продолжать,
 Но Богу обѣтъ данъ; напрасно сынъ плачетъ, —
 Съ отцомъ онъ спасти долженъ мать.
 Въ тяжелой болѣзни, въ глубокомъ уныньи,
 Оставлена дома она ;
 Сосчитаны ближними дни ея жизни,

И ждетъ она смертнаго дня.
 Страшна имъ разлука... И пользуясь срокомъ,
 Спѣшитъ путникъ въ Кіевъ къ мощамъ;
 Ему въ сновидѣніи сказано Богомъ,
 Что ей исцѣленіе — тамъ.
 И съ вѣрою крѣпкой, съ святымъ упованіемъ,
 Идетъ онъ; дити на рукахъ;
 Давно онъ безъ денегъ, живетъ подаянемъ,
 Отъ голода часто въ слезахъ.
 Но бѣдный богатствомъ — богатъ нищетою.
 И даромъ другимъ надѣленъ:
 Смирненіемъ сердца, ума простотою,
 И вѣрой.... Предъ нимъ кто уметь!....»

Вотъ поэзія христіанская! Поэзія—какъ мелодія, должна прежде всего обращаться къ душѣ: а можетъ ли чтò-нибудь быть ближе къ ней, ближе къ убѣжденію и надеждѣ христіанина какъ чудная сила молитвы. Я не говорю, что *все* нынѣшнія стихотворенія должны имѣть предметомъ лица и дѣвія евангелическія, христіанскую нравственность и церковныя предавія окруженныя всеобщимъ благоговѣніемъ душъ вѣрующихъ, но *большая часть* по-крайней мѣрѣ; такъ, чтобы это составляло отличительный характеръ поэзіи; чтобы она была въ той же степени христіанско-религіозной поэзіей, сколько у древнихъ являлась она языческо-религіозной: тогда и остальные стихотворенія наши, изображающія вѣщественную природу и ея страсти, приобрѣли бы по-крайней-мѣрѣ цѣлу разнообразія, достоинство подробностей, рѣзко отдѣляющихся отъ главнаго сюжета, котораго нынче вовсе нѣтъ въ поэзіи. Чѣмъ она занимается? чего хочетъ отъ читателей? Ничѣмъ и ничего! Стихотворствуетъ лишь ради удовольствія творить болѣе или менѣе звучные стихи. Занимается только пустяками — косичкой, глазками, ножкой, бокаломъ, холмикомъ, вѣтеркомъ, мечтенкой, крестикомъ на могилѣ, призраккомъ въ лѣску, пѣсенкой, басенкой: будничная любовь, съ полнымъ ея причетомъ страстей, суевѣрія грубаго простомудна или цинизма, вотъ весь цыклъ ея сюжетовъ. А когда ей хочется явиться смѣльною, такъ она кушается въ крови, въ преступленіяхъ, въ ужасахъ, безъ всякой пользы для души, алтаря поэзіи, — просто, изъ удовольствія живописать мерзости. То ли она была у тѣхъ, которыми мы завидуемъ и стараемся будто-бы подражать? Гдѣ же тутъ достоинство? гдѣ величіе? гдѣ торжественность поэзіи?

Иногда, изрядка, приходятъ ей фантазія выразить какую нибудь идею, болѣе или менѣе парадоксальную и выдаваемую за философическую: но развѣ искусство можетъ заниматься такими идеями, входить въ споры съ совѣстью, разбирать вопросы? У древнихъ она была — языкомъ Боговъ; у насъ ей бы слѣдовало быть языкомъ всего божескаго и божественнаго, языкомъ святости и свято-сти. Поэзія у насъ рѣшительно нѣтъ — ни въ классицизмѣ, ни въ романтизмѣ; есть небольшое число релігіозныхъ поэмъ и стихотвореній, но они вовсе не придаютъ новѣйшему искусству ни-какой отличительной черты; это свѣтлая капля, упавшая съ неба въ грязное и безвкусное море. Вы полагаете, что у насъ есть трагедія? Какъ бы не такъ! Трагедія у древнихъ не занималась ни историческими событіями, ни уроками житейскаго правоченія: она была не что иное какъ популярное священнодѣйствіе, вечернее повтореніе, въ живомъ примѣрѣ, того что по-утру выражалось въ храмѣ Бахуса символами и пѣснопѣніями, съ тѣми хорами, и почти съ тѣми же обрядами, словомъ, назидательное изображеніе, въ лицахъ и дѣйствіи, какого-нибудь догмата вѣры, и, именно, великаго основнаго догмата язычниковъ, несодвигимой силы Судьбы (*Fatum*, *αἰωνὸς*, *Eimarmenē*), который неизбѣжно подчинены равно и люди и боги. Актеръ замѣнялъ здѣсь жреца. Алтарь стоялъ передъ нимъ, какъ передъ жрецомъ, на мѣсто конурки суфлера, чтобы напоминать и ему и зрителямъ релігіозную цѣль зрѣлища. Участвовать въ хорѣ, который отвѣчалъ декламирующему актеру, точно такъ же какъ поющему жрецу въ храмѣ, считалось уже заслугою передъ Олимпомъ. Понятно, что такая трагедія, при гениальности сочиненія, могла сильно и глубоко потрясать зрителей. Но что выражаютъ наши трагедіи, рассказывая въ стихахъ или прозѣ какой-нибудь случай изъ всеобщей исторіи? съ какой полезною для души цѣлью развиваютъ они передъ зрителемъ дикія страсти и забытыя преступленія, въ которыхъ нѣтъ ни какого ни релігіознаго ни даже нравственнаго урока для нихъ, и быть не можетъ? Мистеріи среднихъ вѣковъ гораздо ближе были къ настоящей трагедіи и къ достоинству поэзіи чѣмъ всѣ наши драматическія творенія въ этомъ родѣ, игрушки праздности, и не рѣдко дурныя, опасныя игрушки. А новѣйшая эпопея? Есть ли свѣтъ четыре или пять большихъ поэмъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ Священною Исторіей и христіанскою релігіей, но ни одна изъ нихъ далеко не потрясаетъ читателя въ той степени, въ какой *Иліада* потря-

сама миръ древній, несмотря на весь стихотворный гений сочинителей. Почему? Да потому что онъ — только исторія въ прекрасныхъ стихахъ, безъ религіознаго результата для души, тогда какъ Иліада — что она такое? — подобно древней трагедіи, изображеніе, въ знаменитомъ примѣрѣ, другой духовной истины въ языческихъ понятіяхъ, неумолимой мстительности боговъ и страшныхъ послѣдствій ихъ гнѣва за неуваженіе къ святины и къ ея представителямъ. За то Иліада, какъ великое наставленіе въ вѣрѣ и благочестіи, была почитаема наравнѣ съ священными книгами. Которая изъ новѣйшихъ эпоей пользуется у христіанъ хоть тѣмъ уваженіемъ, какое приобрѣла Оомы Компійскаго или чья бы она ни была, «О подражаніи Христу»? Поэзія наша — безъ достоинства, безъ величія, безъ настоящаго душевнаго интереса, безъ дѣйствія на самое всеобщее и самое глубокое чувство человѣчества, именно, чувство религіозное, и потому она утомительна, особенно въ большомъ размѣрѣ: всѣ предпочитаютъ ей прозу въ такомъ случаѣ. Она просто — произведеніе холоднаго искусства, руководимаго теоріями, и потому холодна сама. Чѣмъ же новѣйшее искусство замѣнило въ поэзи тотъ величественный, безковечный миръ религіозныхъ чувствованій и убѣжденій? Смѣшно сказать — любовною страстью! Это вынче — единственная пружина интересу въ поэтическихъ созданіяхъ, которыя оттого, въ общей массѣ, и ничтожны, и однообразны, и скучны. Попробуйте устранить любовь: никто и читать ихъ не захочетъ; вы уничтожите послѣднюю ихъ занимательность. Вездѣ и повсюду — любовь, или принадлежности любви, предметы сладострастной мечты и вѣги. Любовь оптомъ или любовь въ розницу, вотъ весь кругъ нашей поэтической промышленности. Наввно, но справедливо отозвался одинъ умный Турокъ, посолъ Блистательной Порты, долго жившій въ Берлинѣ и Вѣнѣ, въ отчетѣ своемъ объ образованности и искусствѣ Европейцевъ, представленномъ султану: «Что же касается до искусства невѣрныхъ навизывать жемчугъ (до поэзи), то хитрость ихъ по этой части совсѣмъ невелика; по милости Аллаха, они далеко отстали не только отъ Турковъ, но даже и отъ печистыхъ исовъ, Персіанъ; рабъ вашъ считаетъ долгомъ довести подпожію Золотаго Престола, что, сколько могъ онъ просвѣтитися и составить себѣ ясное понятіе о предметѣ посредствомъ самыхъ точныхъ переводовъ, всѣ ихъ стихотворныя сочиненія, какъ представляемыя на зрѣлищахъ, такъ и предназначенныя къ чтенію, принадлежатъ къ

« разряду исторій по ремеслу любовныхъ дѣлъ: Мудрецы ихъ увѣря-
 « ли меня—но вѣрно врани, а рабъ вашъ вѣрить этому не дерзаетъ
 « — будто-бы у нихъ найденъ теперь секретъ, не только ѣз-
 « дить безъ лошадей, но и стихотворствовать безъ стиховъ (по-
 « солъ видно говорить о знаменитой поэзіи въ прозѣ); подлому
 « рабу показывали толстыя книги, писанныя такими безстишны-
 « ми стихами; но по надлежащей справкѣ оказалось, что и тутъ
 « вся жемчуго-низательная (то есть, поэтическая) хитрость ихъ
 « состоитъ единственно въ томъ, какъ бы сладить любовное дѣ-
 « лишко и свести мужчину съ женщиной. Кто ловчѣе свелъ, тотъ
 « знаменитѣе поэтъ. Такъ у нихъ принято. Дѣла Аллаха уд-
 « вительны: однихъ выводитъ онъ на свѣтъ, другихъ оставляетъ
 « во мракѣ!»

Словомъ, нельзя не одобрить стремленія господина Михайлов-
 скаго, рѣшившагося искать силы и красоты для поэзіи въ
 силѣ и красотѣ религіознаго чувства. Чѣмъ скорѣе воротимся
 мы къ той точкѣ, изъ которой поэзія вышла первоначально,
 тѣмъ лучше намъ будетъ, и автору «Духовныхъ стихотвореній»
 будетъ тогда принадлежать слава перваго нутеводителя нашего
 въ область истинной, великой поэзіи. Покажемъ это въ примѣрѣ.
 Вотъ молитва въ стихахъ — простая молитва — въ ней нѣтъ ни
 одной мысли, ни одного выраженія, которыхъ бы вы не встрѣ-
 чали во всѣхъ христіанскихъ духовныхъ писаніяхъ: но сколько
 торжественности, сколько величія приобрѣтаютъ тѣ же самыя,
 обыкновенныя мысли и выраженія религіи, когда они облечены
 въ формы языка стихотворнаго.

«Ты, Господи, ведешь людей
 Къ добру различными путями:
 Иному истинныхъ друзей
 Ты въ жизни дашь проводниками,
 И ровно, бережно, они
 Его, врученнаго Тобою,
 Всегда, во всѣ земные дни,
 Ведутъ къ добру благой стезею....
 Другому Ты свой врестъ пошлешь,
 Святой крестъ труднаго терѣвня,
 Въ путь узкій, скорбный поведешь,
 Какъ Іова, Твоимъ велѣньемъ,
 Чтобъ могъ безрѣпотно итти

На тяжкій подвигъ испытанья,
 Душой и тѣломъ понести
 Всѣ муки горькаго страданья....
 И благъ, счастливъ его удѣлъ,
 Его, избраннаго Тобою!
 О Боже! кто бь не захотѣлъ
 Пожертвовать Тебѣ собою,
 Чтобы сіяющимъ лицомъ
 Прийти къ Тебѣ, желаній краю!
 Чтобы обѣщаннаго рая
 Достичь съ страдальческимъ вѣнцомъ!...
 Но я, какъ сынъ передъ Отцомъ,
 Колѣна, Боже, преклоню,
 И слезной, пламенной мольбой,
 Съ душой печальной и унылой,
 Молю Тебя, Творецъ, помилуй! —
 Наставь меня на разумъ Твой,
 Чтобы Твой промыселъ святой,
 Твое о людяхъ попеченье.
 Я — недостойное творенье. —
 Мовишь собратьямъ могъ открыть;
 Чтобы добро я могъ творить
 И на добро ихъ могъ наставить,
 И тѣмъ награду заслужить....
 О Господи! вонми моленью!
 Избавь отъ горя и мученья,
 И благодатію Твоей
 Мое спасеніе устрой!»

Древніе такъ именно сочиняли свои стихи; мысли, образы, выраженія, эпитеты, все это брали они изъ языка своей религіи: и какъ все это находимъ мы нынче поэтическимъ!

Какой нестерпаемый рудникъ сюжетовъ высочайшей поэтической красоты представляютъ воображенію Евангеліе, Священная Исторія, Церковная Исторія, дѣянія Апостоловъ и мучениковъ, чудеса святыхъ, даже религіозныя войны прошедшаго времени. Сколько тутъ разнообразія! сколько упражненія для искусства! сколько теплаго восторгу, утѣшенія и пользы для читателей. Только, повторяемъ, чтобы поэзія была полна и вполне уважена, она должна все это изображать въ видѣ великихъ религіозныхъ постановленій, а не въ видѣ историческихъ картинъ декораціи ради.

Возьмемъ теперь другой примѣръ изъ другой книги. Вотъ, если угодно, чувство религиозное, стихи звучные, блестящіе, по манерамъ и рѣчи романтической школы, условныя вымыслы и условный языкъ новѣйшаго стихотворства: и какъ это блѣдно, безсильно, мелко!

ВЕЧЕРЪ.

«Лѣтній вечеръ притамся:
Еле дышетъ вѣтерокъ.
Мѣсяцъ всплылъ. Засеребрился
Млечный вѣчности потокъ.

Небо убрано звѣздами,
Твердь алмазами горить.
Мысль, сроднившись съ небесами,
Въ даль незримою парить.

Въ этой роскоши небесной,
Тамъ, въ торжественной тиши,
Есть край радужный, чудесной,
Край понятный для души.

Передъ нимъ все такъ ничтожно
Окружающее насъ,
Что безъ горести не можно
Съ неба сvezть на землю глазъ.

Счастливы тотъ, къ кому слѣгла
Память прежнихъ, лучшихъ дней, —
Дума сердца просвѣтила,
И надежда вмѣстѣ съ ней!

Кто, въ восторженномъ мечтаньи,
Все земное позабылъ,
И свое существованье
Съ существомъ вселенной слылъ!»

или:

«Гордо соколъ парить надъ родною землей,
Въ безпредѣльной дали вышшины годубой.

И широко и могучь его крыльевъ размахъ,
Силою къ солнцу взлетѣлъ и повисъ въ небесахъ.

О, когда бы я могъ, такъ какъ онъ, горделивъ,
Разомъ даль всю обнять, долу взоръ устремивъ;

ЛИТЕРАТУРНИЙ ЛЕТОИСЛЕСЬ.

Добро бы гнѣшится стагъ, и въ шурѣ мѣсѣхъ.
Какъ въ родной сторонѣ, въ чужбѣ бы вѣсѣхъ....

Но прикованъ къ землѣ, сокрушенный сижу,
Соколиный полетъ только взоромъ слѣжу....

Дайте жъ крылья скорѣй! сердце рвется въ груди,
На просторъ, на просторъ! всѣ мечты вперед!

Дайте жъ крылья скорѣй! пусть къ раздолью взвѣюсь!
Отъ людей далеко — я съ людьми помирюсь.»

Мы хотимъ привести еще одно стихотвореніе изъ той же книги,
и вы скажете сами, какое впечатлѣніе оно въ васъ оставитъ:

«Темнорукою головной
На плечо мое склонись;
Раздѣли души волненье,
Страстнымъ взорамъ покорись.

Ты любви моей предайся,
Трепетъ трепетомъ пойми,
И, въ молчаніи понятномъ,
Крѣпче друга обними.

Ты сомнѣніемъ тревожнымъ
Грудь младую не волнуи;
Пусть душа съ душой сольется
Въ вдохновенный поцѣлуй.....»

И прочая, и прочая. Страницы эти взяты изъ книжки подъ
заглавіемъ:

Проблески. Стихотворенія князя Михайла Голицына. Москва,
1847, въ-8., стр. 50.

Авторъ «Проблесковъ» пишетъ то, что всѣ, послѣ Пушкина,
пишутъ пушкинскими стихами. Звучно — мило — но, къ сожалѣ-
нію, все это уже мы слышали тысячу одинъ разъ — а съ этимъ
лишнимъ разомъ, тысячу два. Для дальнѣйшихъ упражненій его
въ языкъ боговъ, мы примемъ смѣлость рекомендовать его
вниманію и соображенію то, что здѣсь сказано о существенно-
религиозномъ характерѣ поэзіи у древнихъ, образцовой поэзіи
всѣхъ вѣковъ, и о необходимости поскорѣе оставить бесплодную
поля новѣйшаго романтизма. Выпахался! На нихъ уже ничего
не родится. Если порой взойдетъ красивенькій цвѣтокъ, такъ и
тотъ погибаетъ въ пучинѣ красоты и блѣны.

Вразсужденіи мѣтѣнней поэзіи — мы находимъ хорошей только одну поэзію; поэзію нижеслѣдующую —

октавы. Е. Вердеревскаго. *СП.-бургъ, 1847, ст. 8. Дѣл книжки.*

Господинъ Вердеревскій пишетъ совершенно какъ Тассо и Аріосто — nell' ottava rima — октавами, строфами въ восемь стиховъ, изъ которыхъ шесть — съ римами попережъными, а два — съ послѣдовательными:

.....e l'aër cieco rimbomba
 Il rancio suon della tartarea tromba.

«Онъ долженъ былъ прожить еще полѣтка:
 Деревня укрѣпляетъ человека.»

Тотъ же разиѣръ, тѣ же гармонія, прелесть, наслажденіе. Но стихи господина Вердеревскаго обладаютъ еще тѣмъ безцѣннымъ преимуществомъ, что ихъ читать не нужно; довольно посмотреть. Зрѣлище, увѣряю васъ, великолѣпное. Все что ни скажетъ октавами, онъ тотчасъ же переводитъ это карандашомъ на вѣнзетки, и переводъ выходитъ лучше подлинника — заглядѣнье! — Вотъ торжество живописи надъ поэзіей! Какъ слабо, какъ тупо перо человѣческое, даже при пособіи октавъ, передъ твердымъ и острымъ карандашомъ! Нашему поэту всегда бы рисовать свои стихи. Рисункомъ онъ изъясняется прекрасно — гладко, вѣрно, остро, замысловато — и кто-то еще гравюруетъ ему отлично, такъ что твореніе его можно съ необыкновенною легкостью и скоростью прочесть въ вѣнзеткахъ, а октавы — сохранить впрокъ, какъ излишекъ смыслу. Въ первой вѣнзеткѣ, тарантасъ, съ четверкою почтовыхъ лошадей, останавливается передъ Московскою Заставой столичнаго города Санктпетербурга и выѣзшій изъ него толстый, небритый помѣщикъ, съ размахистою осанкой прежде-бывшаго гусара, извольтъ разсуждать съ солдатомъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, испытуемыхъ отъ двухъ колоссальныхъ мѣдныхъ быковъ, которыми украшенъ входъ въ бойни. Толстый помѣщикъ въ удивленіи: онъ не узнаетъ Петербурга; видно, быковъ этихъ еще не было, когда онъ, въ молодости, блистательный и богатый, служилъ и кутилъ въ столицѣ, прежде тѣмъ, разорившись, удалился въ деревню, потолстѣлъ, огрубѣлъ, размокъ въ наливкахъ. Выраженіе лица явственно показываетъ, что у него, при видѣ этихъ огромныхъ быковъ, вырывается изъ устъ какое-то очень забавное замѣчаніе: по рисовальному переводу октавъ это не подлежитъ сомнѣнію; въ по-

длинникъ, въ ситавахъ, онъ, просто, говоритъ пошлость; муза рисованія и муза гравированія на деревѣ совершенно затѣшили музу стихотворства по части остроумія. Изъ слѣдующихъ выводовъ видно, какую разгульную жизнь велъ нѣкогда въ этихъ стѣнахъ ново-пріѣзжій помѣщикъ; какъ, для поправленія своихъ обстоятельствъ, долженъ былъ потомъ прибѣгнуть къ содѣйствію губернской свахи; какъ она высватала за него жирную и бойкую деревенскую барышню, которая очень живописно принялась управлять мужемъ и имѣніемъ и снова обогатила бывшего гуляку; какъ патриархально, съ великимъ достаткомъ денегъ и съѣстныхъ принасовъ, отправился онъ спустя многіе годы изъ деревни въ Петербургъ, для свиданія съ родными; какъ происходило это свиданіе; какъ, понавъ въ кругъ прежнихъ товарищей, онъ одѣлся франтомъ и опять началъ пить, играть, волочиться, и какъ наконецъ, тайно пріѣхавшая жена поймала его въ маскарадѣ на горячей пэмвѣ, выбранныя — чуть не прѣбѣла — и торжественно увезла въ деревню. Все это рассказано въ впыеткахъ господина Вердеревскаго съ такими натуральными и забавными подробностями, что нельзя налюбоваться на представленіе. Если случай, самъ по себѣ, не отличается изобрѣтеніемъ, виновата въ томъ муза стихотворства, которая давно уже ничего не изобрѣтаетъ.

БАРОНЪ ФАНФАРОНЪ И МАРКИЗЪ ПЕТИМЕТРЪ. *Быль времени Петра Великаго. Сочиненіе Н. В. Кукольника. СПб.-бургъ, 1847, въ 12. Двѣ части, стр. 384 — 226.*

Романъ Нестора Васильевича? Какое пріятное явленіе, особенно въ нынѣшнее время, когда романы стали у насъ такъ рѣдки! Быль времени Петра Великаго въ рукахъ Н. В. Кукольника не можетъ не быть занимательна: онъ лично знаетъ всѣхъ замѣчательныхъ лицъ того времени, изучилъ ихъ тайную лѣтопись, подслушалъ ихъ языкъ, и все, что объ нихъ ни рассказываетъ, болѣе похоже на истину чѣмъ истина сама, потому что хорошо выдуманно. Кто такіе баронъ Фанфаронъ и маркизъ Петиметръ?

Въ 1721 году, на русской границѣ, въ Оршѣ, городѣ очень важномъ для романа, потому что, по преданіямъ тамошнихъ Жидовъ, подканцлеръ Шафировъ былъ ихъ землякъ, отступившійся отъ *жидовства*, съѣхались два русскихъ путешественника на обратномъ пути изъ чужихъ странъ.

« — Признаюсь, говорилъ одинъ: я не боярскаго роду, но изъ хорошей дворянской фамиліи Калистратыннихъ. Отецъ мой оста-

« была службу за разами въ шведскую войну; былъ, во-первыхъ
« командиръ; у него было большое имѣніе, которое за концы отсут-
« ствіемъ, вѣроятно, раззорили ураганомъ. Но я саваду порядкомъ,
« я признаюсь, для этого только оставилъ Парижъ, гдѣ я былъ
« такъ хорошо принятъ королею, регентомъ, а въ свободности
« жизни. Знаете ли вы, мой любезнѣйшій, что я маркизъ?

« — Какъ маркизъ?

« — А вотъ какъ! Я дѣлалъ мушкетерами одну дичесть; дюкъ ужас-
« но обидѣлся, что я пользуюсь ея милостями; пришелъ къ ней
« и говорить: какъ вамъ не стыдно, madame! Не нашли вы себѣ
« швейцарскаго адоратора; взяли русскаго дворянчика.... Та какъ
« взбѣсится! Да развѣ вы не знаете, что онъ при Петербург-
« скомъ дворѣ первый жантильомъ; что онъ маркизъ? — Маркизъ?
« А! это дѣло другое, сказалъ дюкъ, я этого не зналъ, простяте,
« madame la duchesse.... — И черезъ три дня въ цѣломъ Парижѣ
« я прослылъ маркизомъ Калистрати....

« Собесѣдникъ расхохотался.

« — Не правда ли, забавно! спросилъ маркизъ.

« — Очень! Потому что и я имѣю иностранное чинло. Фа-
« милія моя Бордоновъ-Колотай, старая, дворянская.

« — Какъ-же-съ, помню!...

« — Предки мои, при.... Олегъ еще, Царьградъ воевали....

« — Помню, помню....

« — Одинъ изъ дѣдовъ моихъ Казань взяли....

« — Именно.

« Баронъ пристально посмотрѣлъ на маркиза, полагая что мар-
« кизъ его дурачить, но видя на лицѣ его спокойную важность,
« подумалъ, что онъ заправду вѣрить его разсказу и продолжалъ....

« — Одна изъ нашего рода была за мужемъ за королемъ поль-
« скимъ....

« — Весьма быть могло.

« — Доложу вамъ, что я тому назадъ лѣтъ семь былъ отпра-
« вленъ кабинетъ-курьеромъ въ Италію, гдѣ я оставался до сего
« года.... По дорогѣ, на заставахъ, спрашиваютъ: кто ѣдетъ? от-
« вѣчаю: Бордоновъ-Колотай.... Баронъ Колотай! закричитъ сол-
« датъ, и вотъ семь лѣтъ, батюшка, какъ безпрекословно состою
« барономъ, и признательно сказать жаль съ такимъ пріятнымъ
« титуломъ разставаться....

« — А за чѣмъ?... Кто привуждаетъ?...

« — Развѣ вы думаете, что я могу сохранить мой титулъ и
« въ Россіи.

« — Всевепрепно! Я васъ научу, какъ это сдѣлать....

Они прѣѣхали въ Москву, гдѣ тогда, по случаю мира съ Швеціей, готовились праздники для приему государя. По вѣстиѣ домамъ шли бальныя платья и *манжары*. На улицахъ строили триумфальныя арки. Путешественники остановились въ *австеріи*, — тогдашнее названіе трактировъ.

— Надѣюсь, баронъ, на континуацію нашего альянса, сказалъ одинъ.

— Весьма радъ, маркизъ, и весьма признателенъ, и послѣдую вашей консиліи, отвѣчалъ другой.

И оба они были въ некоторое время извѣстны подъ этими титулами при дворѣ и въ обществѣ обѣихъ столицъ, которое удостоило ихъ званія *de jeunes gens à la mode*.

Однажды государь спросилъ подканцлера: — Есть ли у тебя свободный легационскъ-ратъ или камеръ-юнкеръ?

« — Только два камеръ-юнкера, Колотай и Калвстратъннъ.

« — А! эти, что зовутъ барономъ и маркизомъ?

« — Вашему Величеству все извѣстно; но это шутка

« — Глупая шутка, и я что-то плохо надѣюсь на способности людей, которые какъ вороны чужими перьями, такъ они пустыми, не надлежащими имъ титулами украшаются.... Миѣ иногда приходитъ на мысль кого несвойственной кличкой называть, но и на то есть резоны, а государственными титулами шутить не слѣдъ.»

Похожденія этихъ двухъ молодцовъ, несправедливыя дѣла Шафировъ, страданія дочери его Паденьки и судьба другой замѣательной молодой особы, Вареньки или Варвары Ковдратьевны, сестры маркиза, любимой молодымъ Пятеркинымъ, составляютъ содержаніе разсказу. Въ концѣ романа, въ двадцати верстахъ отъ Москвы, по сибирскому тракту, стоитъ погнувшійся на бокъ постоялый дворъ для всеобщаго съѣзду героевъ романа. Первый прѣѣзжаетъ сюда, въ сопровожденіи отряда драгунъ, Шафировъ съ Оменкой, однимъ изъ важнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ.

« — Это наша пока главная квартира сказалъ, Оменко. Ваше высокопревосходительство, неблагоугодно ли будетъ отдохнуть?..

« — Затѣмъ такой великолѣпный титулъ наторжнику! Я лпшешъ его по закону и по волѣ моего благодѣтеля. Я теперь благодарю за жизнь. Я буду имѣть время оплакать мою гордыню...

« — Вы задатки за ошибки и теперь очищены передъ лицомъ монарха и Россіи. Не время думать о прошедшемъ; теперь надо строить будущее...

« — Будущее выкопаетъ каждый мужикъ. Моя будущность — моя гила.

« — Нѣтъ, господишь баронъ! Въ самое время казни я получила инструкцію и теперь съ спокойною душою гляжу на будущее.

« — Что же тамъ въ твоей инструкціи написано?

« — Указано хранить въ тайнѣ. Съ площади я послала за некоторыми людьми и дивлюсь, что они до сихъ поръ не прибыли. Позвольте взглянуть на дорогу...

« — Вотъ кто то подъѣхалъ! Не твоими?

« Оменко выбѣжалъ и черезъ мгновеніе Паденька была уже въ объятіяхъ отца. Спусти нѣсколько минутъ наѣхало на постоялый дворъ много гостей: всѣ замужнія дочери Шафирова, сынъ его, потомъ докторъ Имке, Олыгышевъ и Патеркниъ.

« Имке отправился къ барону, а Олыгышевъ и Патеркниъ не смотря на морозъ, усѣлись у воротъ и долго бесѣдовали.

« — Ну, Олыгышевъ, сказалъ Оменко: спектакль кончился; не стало твоего начальника...

« — Э, онъ въ солдатахъ за негодностью не долго прослужить. Я только порадуюсь тому, что я за то что, какъ они говорятъ, писаревецъ, не могу служить въ Сенатъ; просись куда хочешь; въ какую хочешь провинцію...

« — Просись въ новгородскую!

« — А чѣмъ?

« — Ты только просись! Я тебѣ худаго не присовѣтую! А тамъ теперь воеводы нѣтъ; такъ пошлютъ и поклонятся. Ну, а ты, Илья Андренчъ, спасибо, что моей просьбѣ внималъ и со мной поведаться пріѣхалъ, потому что на Москвѣ я ты меня уже не увидишь. Я дамъ Шафирову въ пристава и повежу его въ ссылку....

« — Куда?

« — Секретъ! Хотѣлъ васъ всѣхъ моихъ друзей видѣть и съ вами проститься. Что твой Варенька?

« — Что спрашивать! плачетъ отъ стыда за бѣднаго брата. Не утѣшаютъ ее богатства Колотая, что Марѳа Колотайна ей насладала! Не глядитъ она на дорогія вещи, что прислалъ ей братъ Иванъ, котораго мы маркизомъ звали....

« — Онъ прислалъ? перебилъ Олыгышевъ: нѣтъ, это Венера
« Степановна. Какъ амура зашельмовали, такъ и она въ монастырь
« отъ людскаго глаза укрылась. А ты про Вареньку не забѣлъ;
« отойдетъ, оправится если ты ее не разлюбишь. А правду ска-
« зать, я въ чужой душѣ читать умѣю. Думаетъ бѣдная: что я
« теперь? окаянная, опозоренная; брата батоги били; сестра ка-
« торжаго; Ильюша ставеть....

« — О, убей меня громъ Господній, если даже мысль такая, въ
« головѣ моей шаталась! Не то, мой добрый воевода! А я боюсь,
« что она меня дичится.... О свадьбѣ слушать не хочетъ; чуть
« начну, въ слезы! Я ей говорю: Варенька, пора кончить; въ
« Новгородъ съ полкомъ уйдемъ. А она въ слезы!...

« — Ну, знаешь что? Ты ее теперь не приневоливай! Пусть
« выплачется; а все остальное я на себя беру.... Вотъ гости
« идутъ по дорогѣ. Да на дворѣ для нихъ нѣтъ мѣста. Что та-
« кое! Команда съ обозомъ! Кого это везуть!

« — Олыгышевъ! да это знакомцы! Это Петръ Ивановичъ въ
« телѣгѣ ѣдетъ, а вотъ въ другой баронъ съ маркизомъ! Гляди,
« гляди! Судьба и желѣзо ихъ въ одну чету сковали! Сидятъ
« бодро. Ужъ не уйти ли намъ, чтобы несчастію глазъ не колотъ
« нѣмыми попрекомъ....

« — Спрячемся за ворота, а на дворѣ драгуны не пустятъ.

« Между-тѣмъ обозъ съ командой, провожавшей преступниковъ
« до перваго острога, остановился противу самаго двора. Пре-
« ступники громко вздыхали и стонали отъ боли; только мар-
« кизъ съ барономъ тихо разговаривали; телѣга остановилась у
« воротъ и такъ близко, что разговоръ ихъ можно было слы-
« шать....

« — Ту-то и есть! говорилъ маркизъ. Носъ испортили, лобъ
« изуродовали, да ужъ зато по спинѣ не батоги, а бархатъ хо-
« дилъ. Хорошо, у кого есть Пульхерка! И ты миѣ, баронъ, за
« все должень сказать спасибо....

« — Спасибо за казнь, за каторгу! Теперь насъ большими
« чтутъ и менажируютъ; а на-работѣ мы какъ псы издохнемъ....

« — А все ты виноватъ, проклятый! тебя кошечья природа
« подмывала; пзъ за твоихъ бабъ все пошло вверхъ-ногами.

« — Извергъ, извергъ! твоя корысть всему причиной! Нена-
« сытная бочка! Кошай теперь серебро ошельмованными руками,
« да не смѣй крупники себѣ взять! Жидъ, ты прежде меня из-
« дохнешь....

« И: вадимцы, упреки, возрастан, обратились къ ужасною ссору,
 « уснаивую вѣщи возможными скаредными выраженіями, Дѣло
 « дошло до драки; цѣпи загремѣли; солдаты учинили судъ и рас-
 « праву по, своему, и обозъ тронулся въ путь.

« Оменко съ собесѣдниками вышли изъ засады.

« — Прости мнѣ, Господи, сказалъ онъ, снявъ шляпу: и уще-
 « дри силой покаянія. А! вотъ и мой обозъ!

« Въ это время подѣхала покойная дорожная колымага и двѣ
 « брѣчки; въ одной изъ послѣднихъ сидѣлъ камердинеръ Ша-и-
 « рова съ явней; въ другой сѣдлая дѣвушка и поварь. При эки-
 « пажахъ ѣхало шесть конныхъ драгунъ.

« — Что, любезный, спросилъ Оменко у камердинера: все ли
 « привезли?

« — Все, какъ указано....

« — А шкатулка барона гдѣ?

« — Въ колымагѣ подъ сидѣньемъ.

« — Ну, господа, простите пока! Илья, женись поскорѣй, а ты
 « не забудь про Новгородъ. Прощайте, поѣзжайте съ Богомъ до-
 « мой.... Вамъ нельзя тутъ оставаться. Да и посторонніе не мо-
 « гутъ быть барону пріятны.

« — А Имке?

« — Онъ поѣдетъ съ нами! Скажите Василевъ, что онъ про-
 « водитъ барона и тотчасъ воротится... И недѣли не пройдетъ....
 « Прощайте!...

« — Ваше высокопревосходительство, сказалъ Оменко входя
 « въ комнату съ камердинеромъ: не угодно ли одѣться и отпра-
 « виться въ дорогу....

« — Въ Сибирь!

« — Гораздо поближе! Не извольте себя считать какимъ-либо
 « ссыльнымъ; вы только подѣ моиъ надзоромъ, а впрочемъ со-
 « вершенно свободны.

« — Другъ мой, я тебя не понимаю! Неужели не въ Сибирь!...

« — Поѣзжайте, увидите!

« — И такъ я долженъ разстаться съ моими дѣтьми....

« — Боже сохрани! Они все могутъ ѣхать съ нами! Это ихъ
 « ни малѣйше не затруднитъ. Новгородъ отъ Питербурха не да-
 « леко.

« — Новгородъ!

« И Ша-и-ровъ, упавъ на колѣни, поднялъ глаза и руки къ
 « небу и долго молился....

« Уже ночью поѣздъ Шафiroва проѣхалъ черезъ Москву; Имке, проводивъ Шафiroва до Новгорода, воротился въ Москву покончить свои дѣла и переѣхать въ Новгородъ съ женою въ званіи медика при опальномъ подканцлерѣ, на казенное содержаніе. Туда же съ женою и Варенькой вскорѣ явился новый воевода, туда же воротился по весѣи полкъ Пятеркина. На свадьбѣ Ильи Андреевича съ Варварой Кондратьевной изъ большого кубка пилъ дорогое венгерское баронъ Шафiroвъ за здравіе новобрачныхъ, а Надежда Петровна весьма граціозно и весело выплясывала менуэтъ съ провинціальнымъ ассессоромъ.

« Жезломъ свадебнаго маршала искусно владѣлъ Оменко.

« — Что другихъ женить! сказалъ ему Олыгышевъ со всею воеводскою важностью: пора бы самому сѣсть на Ильюшино мѣсто.

« Оменко вздохнулъ; за него отвѣчалъ Имке:

« — Ворона Марѳа всѣмъ правду прокаркала.

« — А что такое? спросилъ съ живостію воевода.

« — Послѣ расскажу, теперъ не время.»

Чѣмъ и доказывается, что роману здѣсь не конецъ; что Несторъ Васильевичъ расскажетъ намъ еще одну изъ тѣхъ былей временъ Петра Великаго, которыя онъ такъ прекрасно рассказываетъ.

СЛОВАРЬ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ЛЮДЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ, составленный Бантышъ-Каменскимъ. *СП.-бургъ*, 1847, вѣ-8. Три части, стр. 570—630—680.

Биографическіе труды этого почтеннаго писателя извѣстны по многимъ его статьямъ читателямъ нашего журнала, которымъ они всегда доставляли удовольствіе. Первый опытъ отечественнаго биографическаго словаря былъ изданъ имъ дѣтъ десять тому назадъ. Втеченіи этого времени напечаталъ онъ еще два со-

бранія біографій, «Полководцы Петра Великаго», и «Русскіе генералиссимусы и фельдмаршалы». Всѣ эти матеріалы, достаточно вновь переработанные, умножены вынче значительнымъ количествомъ новыхъ жизнеописаній и составляютъ, по силамъ одного человѣка, довольно полный словарь біографическій. Почтенный авторъ, въ предисловіи, забываетъ на одно мгновеніе плутарховскую свою важность и, измѣняя хладнокровію историка, сердится на грабежъ, многократно учиненный трудамъ его сочинителями разныхъ иллюстрированныхъ и другихъ твореній съ громкими заглавіями; но таковой грабежъ не что иное какъ долгъ справедливости, почестъ отдаваемая всенародно достоинству этихъ трудовъ, самая лучшая похвала. Значить, книга богата, кладъ, сокровище, когда ее грабятъ во всѣхъ видахъ.

ИЗЪСЛѢДОВАНИЕ О ГРЕЧЕСКОМЪ ОГНѢ И О ВВЕДЕНІИ ПОРОХА ВЪ Европѣ. Сочиненіе Людовика Лаланда. Перевелъ съ французскаго полковникъ Силпчъ, профессоръ артиллеріи въ Императорской Военной Академіи. СП.-бургъ, 1847, въ 8., стр. 100.

Авторъ этого разсужденія, удостоеннаго золотой медали отъ парижской Академіи Написей, доказываетъ неоспоримо, что новѣйшіе Европейцы пороху не выдумали — порохъ искони въ-ковъ былъ извѣстенъ людямъ — съ тѣхъ поръ какъ они знаютъ селитру, сѣру и уголь, порохъ уже существовалъ у нихъ, потому что они не могли не смѣшивать этихъ трехъ веществъ въ разныхъ пропорціяхъ для различныхъ потребностей — только они тѣшились имъ какъ дѣти, дѣлая фейерверки и фокусы, и, долго, очень долго, не попадали на счастливую мысль употребить его полезнымъ образомъ: приколотить въ желѣзной трубкѣ кускомъ свинцу и стрѣлять въ своихъ ближнихъ — ддятого чтобы родъ человѣческій быстрѣе размножался — потому что хорошее ружье и вѣрная стрѣльба лучше всего берегаютъ жизнь: извѣстно, что со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, на войнахъ гибнетъ людей гораздо менѣе — и чѣмъ отличнѣе будутъ ружья, пушки и стрѣлки, тѣмъ примѣтнѣе станетъ уменьшаться истребленіе народу — такъ какъ этимъ воспрепятствуется вступленіе въ рукопашный бой: стоитъ только, въ самомъ началѣ сраженія, съ перваго залпу, ядрами и пулями потерѣбить ряды столько, чтобы некому было идти на штыки, пикп и сабли. Благодѣтельный порохъ былъ извѣстенъ древнимъ Грекамъ и Римлянамъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: до насъ дошли ихъ описанія такихъ потѣшныхъ огней, которыхъ безъ пороху никакъ произвести нельзя. У Китайцевъ порохъ былъ въ такомъ же упо-

требленіи за тысячу лѣтъ назадъ; Европейцы застали уже его въ Китаѣ, гдѣ онъ служилъ тоже къ однимъ только фейерверкамъ, и первые научили сыновъ Поднебеснаго Государства сожигать его съ истинною пользою; безъ нихъ Китайцы и до сихъ-поръ не выдумали бы даже и пистолета противъ воробьевъ. Шварцъ открылъ не составъ пороху, а то что *огнями*, ignes, то есть потѣшными огнями, или порохомъ можно истреблять враговъ — *hostes destruere* — *учинивъ прочь нигъ артиллерію* — то есть, *штукарскій огонь*, feu d'artifice, feu d'artillerie, что одно и то же: artillerie, отъ ars, arti, искусство, штука, artilla, штучка, фокусъ, штучка, значить фокусничество, штукачество, и именно, *огнештукачество*, Feuerwerk; слово это существовало гораздо прежде, еще въ средній вѣкъ, и самое примѣненіе его къ пушечной стрѣльбѣ показываетъ, что порохъ, какъ орудіе штукачества и фокусовъ извѣстенъ былъ такъ же давно въ Европѣ какъ и въ Китаѣ. Не надо однако жъ думать, чтобы и до Шварца не было между людьми Шварцевъ. Въ одно время, между византійскими Греками явился мужъ изобрѣтательный, который догадался, что штукарскими огнями можно, при небольшомъ искусствѣ, устроить выбрасывающіе цилиндръ и желѣзные горшки, сожигать вражьи обозы и города и взрывать корабли. Это былъ его секретъ, а потомъ секретъ его учениковъ, прославившійся въ средній вѣкъ подъ названіемъ *греческаго огня*, feu grec, feu grégois. Секретъ этотъ въ послѣдствіи погубъ, какъ погубило множество другихъ секретовъ древности, въ которой почти всѣ изобрѣтенія составляли тайны сословій, цѣховъ и сектъ. Но что греческій огонь былъ тотъ же *огонь штукарскій*, тотъ же пороховой огонь, это явственно изъ всѣхъ описаній его дѣйствій и свойствъ. Разумѣется, онъ не *плавилъ скалы*: это — преувеличеніе съ одной стороны шарлатанства владѣльцевъ секрета, греческихъ штукарей, а съ другой испугу и невѣжеству западныхъ очевидцевъ дѣйствій; онъ не *горитъ въ водѣ*, а только *на водѣ*, какъ горитъ и нынче въ фейерверкахъ; но всѣ прочія свойства его — чисто пороховыя, и довольно знати порядочно химію, чтобы получить несомнительное убѣжденіе, что такихъ свойствъ не можетъ явить ни какой другой составъ, кромѣ смѣси селитры, угля и сѣры — коротко сказать, простаго, обыкновеннаго пороху.

1. КУРСЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ. Сочиненіе Владиміра Петровскаго, профессора Ришельевскаго Лицея. Одесса, 1847, въ-8., стр. 230.

2. АРИМЕТИЧЕСКІЕ ЛИСТЫ. Собраніе арифметическихъ за-

дича, постепенно расположенныхъ отъ легкихъ до трудныхъ, составленное Петромъ Гурьевымъ. СПб. бурсъ, 1847, въ-8., стр. 226.

3. учитель англійскаго языка, указывающій произношеніе словъ и объясняющій грамматическія правила. Составилъ и издалъ Т. Самборскій. Кіевъ, 1847, въ-8., стр. 222.

Три полезныя приращенія русской учебной литературы. Господинъ Петровскій, при составленіи краткой «физической географіи», понятливо пользовался лучшими по этой части руководствами. Кіевскій «Учитель англійскаго языка» не только просвѣщаетъ разумъ правилами, но еще старается помочь памяти мнемоническими средствами методы господина Язвинскаго. «Арифметическіе листки», собственно — второе изданіе учебнаго пособия, весьма удобнаго въ практикѣ и получившаго въ послѣднее время благо-расположеніе какъ учителей такъ и учениковъ.

НОВЫЕ БРОШЮРЫ.

СОВѢТЫ О ХОЛЕРѢ. Наставленіе какъ вести себя во время эпидеміи и въ случаяхъ болѣзни. Сочиненіе доктора Федора Гинце, статскаго совѣтника, старшаго ординатора Градской Обуховской Больницы. СПб., 1847. — На вопросъ, будетъ ли холера въ Петербургѣ, ученый докторъ Гинце совѣтуетъ отвѣчать: будетъ! На вопросъ, заразителна ли она или нѣтъ, онъ совѣтуетъ ничего не отвѣчать — не извѣстно! Кто громче и блистательнѣе чумы пользовался постоянною славою заразительности? Нынче и у чумы отнимаютъ это преимущество! Все на свѣтѣ дымъ — слава и медицинскія истины.... По теоріи ученаго автора, во время холеры, всѣ безъ исключенія болѣны холерой, всѣ одинаково при смерти; только, у однихъ смерть сдѣлать внутри, и столица ея — въ желудкѣ, а у другихъ выходитъ она наружу. Штука теперь состоитъ въ томъ, чтобы не дать смерти ни поводу ни средствъ выльзти изъ васъ на Божій свѣтъ. Надо умерить смерть въ человѣкѣ — во-первыхъ голодомъ: не давать ей ни грибовъ, ни огурцовъ, вообще какихъ бы то ни было фруктовъ, на которые она очень падка; огородныхъ овощей — можно, только немного; — во-вторыхъ сильными ядамъ: ядъ самый сильнѣйшій въ этомъ случаѣ и котораго смерть ужасъ какъ боится — горькая водка и бисектъ; росбиѣ тожъ;

развареная говядина тожь; вообще, мясо, какъ четвероногое такъ и птичье или рыбье; также молочныя и мучныя блюда. Въмѣсто горькой водки, очень успѣшно можно морить смерть или холеру старымъ портвейномъ, хересомъ, мадерой и другими благородными винами. Но если все эти могущественныя средства не воспрепятствуютъ смерти умереть внутри васъ и она вдругъ вырвется изъ своей врачпой тюрьмы, то, лишь-только холера въ васъ обнаружится, ступайте немедленно въ русскую баню, вспотѣйте хорошенько, и растворите застывающую въ васъ кровь какимъ-нибудь теплымъ питьею съ камforoю, виннымъ спиртомъ или эфирнымъ масломъ. Этими средствами можно прогнать смерть въ нѣсколько часовъ — а буде неидеть, такъ дѣлать нечего — перекреститесь и умирайте: смерть, видно, сильнѣе васъ!

Такова сущность благонамѣреннаго и полезнаго наставленія, издавнаго докторомъ Гинце.

Слухъ носится, что гениальный хирургъ нашъ Н. И. Пироговъ, съ полнымъ успѣхомъ неоднократно прививалъ къ леченію холеры на Кавказѣ, эфирный паръ вводимый въ тѣло, по его методу, клистирнымъ путемъ. Успѣхъ совершенно повятенъ: эфирный паръ быстро согрѣваетъ тѣло, какъ баня, и растворяетъ кровь, подобно камфорѣ; онъ притомъ согрѣваетъ и изнутри — а это важно — и еще имѣетъ важное преимущество мгновенно унимать судороги и корчи. Вы пришли въ совершенную безчувственность — другими словами, вы временно умерли, минутъ на десять не болѣе — что увидя, холера уходитъ; съ мертвецомъ у ней нѣтъ дѣла: тогда вы преспокойно воскресаете и, проснувшись, смѣтаетесь отъ всей души, что такъ ловко обманули окаянную. Это всё-равно что коровья оспа: вы прививаете себѣ искусственную смерть на время, чтобы предохраниться отъ настоящей, убивающей навсегда. Такова теорія эфирнаго клистира.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Изъ числа книгъ, поступившихъ въ послѣднее время въ вѣдѣніе и распоряженіе публички и не рассмотрѣнныхъ въ этомъ журналѣ, самое важное мѣсто занимаютъ: «*Первые опыты военной статистики*», господина полковника Милютяна, профессора Императорской Военной Академіи; «*Путешествіе къ Семи Цер-*
Т. LXXXV. — Отд. VI.

квалъ, упоминаемъ въ *Апокалипсисъ*, господина Норова, и «Введеніе въ православное Богословіе», почтеннаго архимандрита Макарія, инспектора и профессора при здѣшней Духовной Академіи.

— По случаю двухъ послѣднихъ твореній, можно еще указать на нѣсколько новыхъ сочиненій, также духовнаго содержанія, но не столь значительнаго объема: 1. «*О Молитвѣ Господней*» господина бакалавра Евграфа Бенескриптова; 2. «*О священномъ стѣнчаніи и помазаніи царей на царство*», сочиненіе И. Катаева; 3. «*Записки о Покровскомъ и Святаго Василья Блаженнаго соборѣ въ столичномъ градѣ Москвѣ*», съ гравированными видами; 4. «*Lettres sur l'office divin de l'Eglise catholique orthodoxe d'Orient*», переводъ, для иностранцевъ, и для Русскихъ обоюга пола, не читающихъ ничего на отечественномъ языкѣ, известнаго сочиненія А. Н. Муравьева.

— Полезное намѣреніе господина Крайя, издать въ двѣнадцать томахъ и въ короткое время «*Справочный энциклопедическій словарь*», известно читателямъ. Чтобы удостовѣрить публику въ полнотѣ изготовленныхъ матеріаловъ, послѣ перваго тома и буквы А, онъ напечаталъ непосредственно томъ шестой, буквы И, І, К. Тщательности исполненія нельзя не отдать полной справедливости. Этому изданію, мы не сомнѣваемся, сужденъ большой успѣхъ въ русскомъ читающемъ мірѣ, такъ жадно ищущемъ средствъ расширить кругъ своихъ свѣдѣній, узнать, просвѣтиться.

=

НОВАЯ КНИЖКА.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

романы, повѣсти и рассказы Евгенія Гребенки. (СП.-бургъ, 1847, въ-12., стр. 130.)

Творенія господина Гребенки многочисленны, но разбросаны и не всемъ извѣстны. Онъ нашелъ, что пора позаботиться о наслажденіи публики, пора доставить намъ средство оцѣнить талантъ его въ полномъ объемѣ, однимъ словомъ — пора издать себя въ свѣтъ въ приличномъ видѣ. И вотъ первая часть «Романовъ, повѣстей и рассказовъ» господина Гребенки, начало обширнаго цикла картинъ русскаго быта, въ которыхъ, колоритъ если не венеціанской школы, зато много рѣзкой натуры и довольно трогательнаго интересу. Родъ этого пріятнаго писателя, какъ извѣстно, анекдотическій, но онъ умѣетъ ловко подмѣтнуть и обрисовать оригинальные характеры. Въ числѣ самыхъ замѣчательныхъ оригиналовъ являются въ этой первой части — степенной помещикъ херсонской губерніи и его зять. Она была прекрасна. Ей было осемнадцать лѣтъ. Господинъ Гребенка одинъ разъ только видѣлъ ее, но и до-сихъ-поръ забыть ея не можетъ. Она... (разумѣется, что рѣчь идетъ о дочери помещика)... коротко сказать, она была одно изъ тѣхъ сентиментальныхъ совершенствъ,

которыя поэтъ иногда видитъ на небесахъ, но которыя обыкновенно живутъ въ уѣздахъ и цвѣтутъ гдѣ нибудь въ пустынѣ, записывая дни рожденія телятъ и обожая все прекрасное, заглядываясь на луны, грустя подъ пѣсню соловья и плача надъ стихами Пушкина. Сказать еще короче: она была идеаль деревенской «дѣвы чудной». Онъ же ходилъ въ маленькихъ ботфортахъ, которыя каждый день смазывались гусинымъ жиромъ, въ нагольномъ тулупѣ и зеленомъ картузѣ, съ огромными серебряными часами въ черномъ плюсовомъ жилетѣ. Голова его была плотно выстрижена, по бокамъ торчала пара красныхъ ушей, надъ носомъ темнѣли щетинистыя брови, и подъ которыми свѣтились зеленые глаза; а подъ носомъ былъ ротъ, котораго нижняя губа была такъ устроена, что, казалось, онъ хочетъ свиснуть въ ключъ. Хвала кого нибудь, онъ съ особеннымъ, неподражаемымъ выраженіемъ говорилъ: *прекраснѣйшій* и *любезнѣйшій*; и въ это время поднималъ вверхъ брови и плечи. Онъ курилъ изъ длиннаго калинова чубука, въ который было вправлено утиное перышко, читалъ старыя газеты, слылъ великимъ хозяиномъ и любилъ, чтобъ все дѣлалось въ опредѣленное время. Обожалъ аккуратность. Любя также все прекрасное, онъ иногда игралъ на скрипкѣ.

Я забылъ сказать, что онъ былъ не кто иной какъ отецъ ея, самъ степной помѣщикъ лично, Василій Петровичъ.

Онъ, — Василій Петровичъ, — былъ нѣкогда женатъ на милой и образованной воспитанницѣ Смольнаго Монастыря, которая подарила его сю и умерла въ степи отъ скуки. Но духъ Смольнаго, духъ нѣжный и мечтательный, перешелъ въ нее, — въ дочь, — въ Анну Петровну. Онъ былъ ужасно огорченъ этой смертью, потому что она, — смерть жены, — случилась лѣтомъ, въ самую рабочую пору, и мѣшала аккуратной уборкѣ хлѣба.

Однажды, когда шелъ дождь, когда дулъ вѣтеръ, когда небо было сѣро, и степь желтая, капитанъ Здравъ, краса своего баталіона, человекъ въ цѣломъ полку извѣстивъ мастерствомъ своимъ откупоривать бутылки шампанскаго, прибылъ благополучно на зимнія квартиры въ деревню Василія Петровича, сейчасъ добылъ языка: есть ли у помѣщика дочь, хороша ли, богата ли, произвелъ прочіе допросные пункты устава кочующихъ жениховъ, и, черезъ три дня по приѣздѣ, вынивъ съ пріятелями стаю на три лимоннаго пушу, отправился знакомиться къ помѣщику, тщетно ожидая съ его стороны приглашенія.

Въ скучный осенній день, Василій Петровичъ, осмотрѣвъ работы, читалъ старыя «Московскія Вѣдомости»: погода была мерзкая, на дворѣ вечерѣло, и онъ едва могъ окончить статью о продававшейся у Николы на-Куричьихъ-Ножкахъ двумѣстной каретѣ; онъ взялъ скрипку, сталъ лицомъ къ окну и заигралъ журавля. Первое колѣно онъ только приѣвалъ, но когда дошло дѣло до втораго, на него слетѣлъ музыкальный восторгъ: лѣвою рукою онъ началъ выработывать *pizzicato*, а правую пристукивалъ въ тактъ смычкомъ по скрипичной доскѣ. Въ это время отворилась дверь, и вошелъ капитанъ Здравъ: на немъ былъ сюртукъ, большой галстухъ и въ рукахъ фуражка.

Капитанъ вѣжливо расшаркался. Василій Петровичъ смотрѣлъ въ окно; громкое *pizzicato* звучало въ комнатѣ, смычокъ усердно клевалъ скрипку въ разныхъ мѣстахъ, какъ-бы пробуя, гдѣ она звучнѣе. Капитанъ повѣсилъ на оленій рогъ фуражку, подбоченился и пустился выплясывать журавля, прикрикива: «Разъ, два, три, четыре! разъ, два, три, четыре!» Василій Петровичъ оборотился, посмотрѣлъ на танцующаго и заигралъ живѣе прежняго. Капитанъ танцевалъ. Василій Петровичъ переѣмнилъ журавля на *камаринскую*: еще быстрѣе стали движенія капитана: онъ леталъ изъ угла въ уголъ, какъ резинковый мячъ.

Наконецъ Василій Петровичъ бросилъ на столъ скрипку и кинулся обнимать капитана. «Съ-сей-поры вы, милостивый государь, для меня *любезнѣйшій* человѣкъ въ свѣтѣ. Перваго человѣка я вижу, который дѣлаетъ то, что нужно.... Я играю, вы танцуете. Я пересталъ и вы перестали. Такъ и должно. Я человѣкъ аккуратный и люблю аккуратность въ другихъ. Слава Богу, я нашелъ человѣка! Садитесь, пожалуйста.» Капитанъ шаркнулъ ногою, поправилъ галстухъ и, тяжело вздыхая, сѣлъ на стулъ.

«А я вотъ все читаю новости!» началъ хозяинъ: въ «типографіи» Василія Логина сочинили цѣлую книгу, Робъ-Рой. Вы не читали ее?—Ровно нѣтъ!—«И хорошо сдѣлали, ибо она весьма дорога стѣитъ.»

Разговоры продолжались весь вечеръ. Капитанъ обворожилъ Василія Петровича. Когда подали чай, Здравъ пилъ чай. Принесли французскую водку, онъ началъ пить пуншъ. Подали ужинъ, онъ сталъ кушать: А когда Василій Петровичъ сказалъ: «Я думаю, намъ пора спать», онъ взялъ фуражку, пристукнулъ каблуками и исчезъ. «Милостивый государь!» закричалъ хозяинъ. Капитанъ явился,

словно сивка-бурка въ сказкѣ. «Я вамъ хочу сообщить вѣчто важное; сдѣлайте одолженіе, садитесь. Вотъ изволите видѣть, у меня много и денегъ и степи и всякаго скота, только недостаетъ зятя; вы человекъ достойный: хотите ли жениться на моей дочери?»—Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ капитанъ. «Ну, такъ давайте вашу руку! А вѣта, поиди сюда, полно грустить да плакать: вотъ тебѣ женихъ.» Краска пробѣжала по лъцу дѣвушки. Она вошла шатаясь, и оперлась рукою о столикъ. «Не церемоньтесь, капитанъ», продолжалъ Василій Петровичъ: «что вы какъ пѣтухъ гребете погами землю? поцѣлуйте вашу невѣсту. Бѣдная дѣвушка не опомнилась, какъ Здравъ поцѣловалъ громче деревенскаго старосты, который любызаетъ свою бабу въ день воскресенія Христова.

Черезъ недѣлю два молодые прапорщика сожгли цѣлую четвертку жуковскаго табаку, толкуя о томъ, какую знатную жену *подцѣпилъ* себѣ Здравъ, а секретарь уѣзднаго суда сказалъ застѣдателю: «Я полагаю, что зять Василья Петровича будетъ лихой исправникъ.»—Въ тотъ день и прапорщики, и секретарь, и застѣдатель, возвратились со свадьбы капитана.

Года полтора спустя, господинъ Гребенка, пробѣжая херсонскою губерніей, завернулъ на ночлегъ къ Василью Петровичу. Онъ, какъ поэтъ, мечталъ увидѣть ее, дѣву чудную, милую Анну Васильевну. Вотъ онъ уже у воротъ. Въ своемъ ли умѣ Василій Петровичъ? подумалъ онъ: у него на дворѣ шумъ и ликование! «Звучный теноръ заводилъ отрывистую лагерную пѣсню; удалой хоръ подхватывалъ ее и вторилъ съ прищелкиваніемъ, съ присвистомъ! На крыльцѣ стоялъ колченогій человекъ, въ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, опустилъ руки въ карманы плюсовыхъ шараваръ, и заломивъ картузь на затылокъ. Передъ крыльцомъ на маленькомъ столикѣ кипѣлъ самоваръ; дюжакъ, красноногая дѣвка, приготовляла пуншъ; кругомъ десятка два мужиковъ и парней ревели разгульную пѣсню.

— Очень радъ гостямъ закричалъ поэту этотъ колченогій человекъ: милости просимъ!

— Я не имѣю удовольствія знать васъ.... Дома ли Василій Петровичъ?

— Я зять Василья Петровича, отставной капитанъ Здравъ. Прошу любить и жаловать.

— Очень радъ. Гдѣ же Василій Петровичъ?

— На Василья Петровича, любезнѣйшій, уже болѣе года получаютъ провіантъ на томъ свѣтѣ.

— Такъ онъ умеръ?

— Давно, братецъ; черезъ двѣ недѣли послѣ моей свадьбы. Эй, Сашка, пушшу! Прошу за упокой батюшки!

— А ваша супруга?

— Въ откомандировкѣ.... Эге! да вы не пьете пушшу? Пожалуйста, церемоніи въ сторону; мы люди военные. Фомка! что уснулъ? Ярославскую!

И хоръ грянулъ:

Изъ подъ дуба, изъ подъ вяза,
Изъ подъ вяза коренья,
Бѣжитъ зайка-горностайка.
Песеть въ рукахъ вязеницу,
Про душу красну-дѣвицу!

— Каково, братъ? кричалъ Здравъ: вѣдь это все хохлы! Вотъ какъ я ихъ повернулъ по своему! Въ любой полкъ пѣсенники!...

Господишъ Гребенка едва могъ отговориться отъ пѣсенъ и пушшу, сказавъ, что у него болитъ голова. Онъ однако жъ остался вочевать, съ намѣреніемъ дожидаться Анны Васильевны. Онъ признается, что,—грѣшный человекъ,—ему хотѣлось посмотреть, какъ выносить она подобныя продѣлки, какъ это милое твореніе могло привыкнуть къ тону своего мужа. Въ прочихъ намѣреніяхъ своихъ онъ не признается. Изъ дѣла видно только то, что за-полночь не давали ему спать ликованія хозяина: потомъ явились степные комары, а тамъ, — долга ли лѣтняя ночь? — начало разсвѣтать. Восточное небо загорѣлось эфирнымъ румянцемъ, въ воздухѣ разлились золото и лазурь, подъ самымъ окномъ запѣла малиновка. Смотри на эту картину, поэтъ въ душѣ своей простилъ заблужденіе Гебровъ. Онъ одѣлся и вышелъ въ садъ. Утро было тихое; роса крупными каплями жемчужилась на растеніяхъ; птички весело чирикали, отряхивая крылышки, и прыгая съ вѣтки на вѣтку. На Ингулѣ перекликались кулики. Гдѣ же она!... Для полноты очарованія не доставало только ея. Года два какъ онъ былъ здѣсь, въ это самое время, и въ такое же точно утро — и какъ съ-тѣхъ поръ переѣнился этотъ садъ! Дорожки покрылись травой, цвѣтникъ заросъ крапивой, даже любимые кусты розъ ея скошены вмѣстѣ съ травой, вѣроятно на кормъ лошадямъ. Онъ подошелъ къ знакомой бесѣдкѣ: кудрявыя черешни цвѣли по-прежнему, но — представьте себѣ его удивленіе — въ ихъ тѣни

молятся она!... Присматривается—въ полумракѣ блѣзеть ея платье; подкрадывается, бережно разводитъ руки вѣтви: въ это время первые лучи солнца, разогнавъ тѣнь, ярко освѣщаютъ передъ нимъ бѣлый деревянный крестъ: облитый розовымъ свѣтомъ, казалось, онъ пламенѣлъ вездѣшнимъ огнемъ; на немъ было написано крупными черными буквами; «Здѣсь покоится тѣло рабы Божіей Анны, бывшей супруги капитана Здрава....» Больше онъ не могъ читать.... и черезъ полчаса уѣхалъ.

Я право не понимаю, что поэтамъ за охота ходить въ садъ, разводить вѣтви и заглядывать за кусты! Развѣ не извѣстно, что всегда—всегда—увидать они тамъ могилу и бѣлый крестъ? Ужъ такова ихъ судьба!

«Да-съ, милостивый государь,» говорилъ господину Гребенкѣ маіоръ киргизскаго полка, когда тотъ разсказалъ ему свою встрѣчу съ капитаномъ: «да, сгубила женитьба лихаго человѣка! Не женись, Здравъ былъ бы теперь маіоромъ! Охъ! эти женщины!....»

Больше разсказывать я вамъ не смѣю, потому что, — чего добраго! — по разсѣянности, на двухъ трехъ страницахъ перескажу отъ слова до слова, пожалуй, весь томикъ—часть первую. Она такая капельная!

Въ этой первой части «Романовъ, повѣстей и разсказовъ» господинъ Гребенка помѣщены «Искатель мѣста» — «Вѣрное лекарство» — и «Какъ люди иногда женятся!»

путевыя замѣтки. Сочиненіе Т. Ч. (Одесса, 1847, въ 12 стр. 145.)

Сочиненіе дамы. И, увѣрю васъ, очень милое, даромъ что написано дамою, — то есть, я хочу сказать: даромъ что это сочиненіе написано особою прелестнаго дамскаго сословія, которому, что бы оно ни написало и не сдѣлало, всегда должно говорить — «ахъ, какъ это мило сдѣлано, или написано!» — и однако жъ, съ моей стороны, смѣю увѣрять, безъ лжи, безъ лести, по чистой совѣсти и крайнему моему разумѣнію, что оно — очень милое сочиненіе; дѣйствительно, очень милое. Я могу выражаться ясловко, но грубости, навѣрное, не скажу съ намѣреніемъ. Сочинительница не хороша собою и стара: ей сорокъ-шесть лѣтъ — волоса у нея сѣдые — лицо блѣдное — на лбу морщины: я не льщу; все это говорю я по чистой совѣсти; сегодня я въ ужасномъ ударѣ правдивости, и, безъ всякихъ затѣй, повторяю собственныя слова ея свято и ненарушимо; всякъ же слушаю

щій, съ своей стороны, знаетъ, что слова дамъ, особенно дамъ замаскированныхъ, и еще особеннѣе слова замаскированныхъ дамъ о самихъ себѣ, должно понимать, кажется, въ противоположную сторону. Эта старая, сѣдая, блѣдная, морщинистая ещепитательница путешествуетъ — гдѣ? — по Италіи? — это слишкомъ пошло! всѣ степенныя помѣщицы были въ Италіи — она *путешествуетъ по жизни*, по волшебной странѣ воспоминаній о прошедшемъ, гдѣ небо ковромъ разостлано на землѣ, воздухъ вылить изъ восторгу, звукъ изъ трепету сердца, лучи солнца изъ любви, гдѣ все вѣчно зелено, вѣчно усыпано цвѣтами, благоуханно, свѣтло, вѣжно, таинственно, непроницаемо — даже и тогда, когда написано и напечатано. Путешествія по такой странѣ — дѣло совсѣмъ другое! Сколько счастливыхъ мыслей, сколько тонкихъ наблюдений можно тамъ набрать для себя и для другихъ! И одно изъ самыхъ тонкихъ, самыхъ милыхъ наблюдений состоитъ въ нижеслѣдующемъ: если взять въ соображеніе одного человѣка, — разувѣется, мужчину — то какая удивительная, непостижимая разница между Lolo, monsieur Alexis, и Алексѣй-Петровичемъ, а между-тѣмъ онъ — всё одинъ же мужчина, только перешедшій черезъ три различные возраста, въ которые давалъ ему въ обществѣ эти три наименованія. Лёлё — ангелъ, мосьё Алексі — земное блаженство, Алексѣй Петровичъ — *homme*! Это совершенно подтверждается примѣрами изъ чудной страны воспоминаній, если путешествовать по ней со вниманіемъ, совѣтливо, съ пользою для ума и сердца, и замѣченное рассказать чистосердечно — сколько эти вещи рассказываются. Въ самомъ дѣлѣ, случилось такъ, что путешественница, будучи дѣвочкой, знала одного крошечнаго — но впрочемъ довольно порядочнаго, — ангела, котораго звали Лёлё: они играли вмѣстѣ, были неразлучны, въ танцевальномъ классѣ наслаждались всѣми прелестями дружбы херувимовъ на небѣ. Я не могу рассказать вамъ этой эпохи такъ прелестно, какъ рассказываетъ путешественница, и потому пропускаю ее. Потомъ путешественница, на пути жизни, встрѣтилась съ означеннымъ ангеломъ, когда изъ Лёлё сдѣлался было уже мосьё Алексі: Боже мой! куда дѣвалось все ангельское!... но зато сколько тутъ человѣческаго, мужскаго, упонительнаго!... какой огонь! какая страсть!... словомъ, если земное блаженство — не мосьё Алексі, такъ рѣшительно никто!

Если бы вы слышали его голосъ, тихій, внятный, полный страстнаго раздумья! Если бы вы видѣли въ эту минуту его чудное лицо!

Догоравшій лучъ обливалъ горячимъ свѣтомъ его пылающія щеки, его черные волосы, и миллионами искръ разсыпался въ его чудныхъ глазахъ: будто огненные брызги вспыхивали на этихъ рѣсницахъ, будто огненная полоса радуги ллалась изъ этихъ глазъ въ мою душу. Могущество, полнота, сила страсти озарили прелестное художественное лицо: ни одной недоконченной черты, ни одного недосказаннаго выраженія.

Я (не я, а путешественница по жизни; это говорить она: куда мнѣ говорить такъ страстно, такъ мило, такъ поэтически!) я не могла свести глазъ съ этого пламеннаго созданія, и жадный слухъ боялся потерять звуки молодого, чистаго голоса; я не понимала словъ и не слыхала ихъ; я только любовалась имъ (на него) и говорила себѣ: какъ онъ хорошъ! И когда, утомленный несвязными рѣчами, онъ нагнувъ прелестную голову съ покорною грустью, руки мои тихо, бережно приподняли ее; я нѣжно поцаловала его глаза, я страстно поцаловала его губы. А онъ... онъ же вскопчилъ, какъ герой романа, съ неистовымъ порывомъ; нѣтъ: голова унала совѣтъ на его грудь, и силы физическія исчезли, подавленные силою страстной души.

Черезъ минуту мы сидѣли рядомъ, рука моя лежала въ его рукѣ, и я безпрестанно повторяла: — Теперь ты знаешь, отчего я хочу твоего отъѣзду, не правда ли?

Онъ отвѣчалъ мнѣ страстнымъ пожатіемъ руки и благодарнымъ взглядомъ.

Боже мой, какая это была минута! Много лѣтъ проскользнуло съ тѣхъ-поръ, много чувствъ и мыслей заставляли биться это сердце и склоняли эту голову. И я состарѣлась, и волосы посѣдѣли, и нѣсколько морщинъ прорѣзались вдоль лба, рѣзче отдѣлились блѣдныя щеки: но отчего же эта минута пришла рѣзкой огнистой полосой чрезъ мои воспоминанія? отчего теперь, когда я пишу эти строки, щеки мои горять и грудь томительно тремещеть? Скажите отчего?

Блаженъ, кто хоть разъ, во всю безцвѣтную, многотрудную жизнь, испыталъ роскошь чувствъ, упоеніе страсти, блаженство любви; въ комъ кратковременность блаженства не позволила развиться чувствамъ болѣе грубымъ и порочнымъ. Блаженъ, блаженъ!... Но какъ назвать того, кто тихо, одиноко прошелъ незамѣтную жизнь, кто ложится въ тѣсный гробъ, не оставивъ въ своемъ прошедшемъ ни одного сердечнаго увлеченія, ни одного младенческаго вѣрованія; кто ничего не ждалъ и ни

къ чему не готовился; кто не жилъ, а переносилъ только жизнь; не ропталъ на горе, потому что не понималъ возможности радостей; кто оградилъ себя отъ страстей, но не могъ оградить отъ желаній; кто отталкивалъ даже возможность любви, и потому болѣзненнымъ сердцемъ привязался къ себѣ,—какъ назовемъ мы того?...

Страсть есть усмиренное чувство; чувства даются Богомъ: но направленіе чувствъ или страстей дается людьми, и въ волѣ человека—дать имъ направленіе благородное. Отсюда страсти благородныя и страсти низкія. Но живущій безъ страстей живетъ отрицательно, то есть, жизнь его можно назвать только — не смертию: въ немъ жизнь дышавья, но нѣтъ жизни духовной. Если вы любите и боитесь бросить на долю вась любящаго и любимаго вамъ нѣсколько минутъ чистаго блаженства, не останавливайтесь болѣе и дайте ему эту минуту. Да, вы свободны, вы можете! Но я... я не должна была любить Алексиса.

А между тѣмъ онъ сдѣлалъ подлѣ, онъ цѣловалъ мои руки, онъ говорилъ мнѣ о любви. Цѣлыхъ два часа мы могли еще провести такимъ образомъ, и мы провели ихъ: и въ эти два часа я сказала ему, какъ я любила Лёлю и какъ люблю Алексиса; какъ сильно и пылко это, и какъ нѣжно было то чувство. Онъ почти ревновалъ меня къ Лёлѣ, юноша почти завидовалъ ребенку. Признаюсь, въ этомъ моемъ разсказѣ былъ глубоко обдуманнѣйшій расчетъ любящаго сердца. Я рѣшилась разстаться съ Алексисомъ безъ его вѣдома; я могла отказаться отъ его любви, но гордость моя не въ состояніи была отречься отъ права на его воспоминанія. Я никогда не обманывалась клятвами въ ненарушимости чувства. Я знала, что Алексисъ еще не разъ будетъ любить, я была увѣрена, что онъ будетъ любимъ; но я хотѣла запечатлѣть его сердце воспоминаніемъ моей любви: я хотѣла, чтобы каждая новая любовь говорила ему о прошлой любви. Видите ли, я не была ревнива, потому что никогда не была мечтательной; но я была горда, потому что самосознаніе говорило мнѣ, что изъ моей души можно было выкроить, по крайней мѣрѣ, три десятка обыкновенныхъ женскихъ душъ. Я не заблуждалась; тогда мой духовный міръ не былъ тѣсень: было въ немъ мѣсто для всѣхъ страстей, для всѣхъ впечатлѣній. Теперь не то: у меня еще есть думы; но когда мысль бодрствуетъ, страсти спятъ.

Мы разстались. Черезъ два дня я уѣхала въ имѣніе мужа, не сказавъ ни слова Алексису. Онъ написалъ мнѣ страстное письмо.

но, я не отвѣчала; онъ хотѣлъ пріѣхать, я уѣхала къ большой теткѣ и вмѣстѣ съ ней отправилась въ Одессу къ морскимъ купавьямъ. Я написала изъ Одессы къ мужу.....

Ахъ, да! я.... (то есть, я нижеподписавшійся, а не путешественница) я и забыла сказать, что у нея уже былъ мужъ. Путешественница увѣряетъ, что она очень любила мужа, и я, безъ лесть, повторяю слова ея буквально. Къ счастью, онъ умеръ.

Можно ли себѣ представить, чтобы изъ этого чуднаго созданія, изъ этого земнаго блаженства, вышелъ когда-нибудь статскій совѣтникъ? Дѣю невѣроятное; однако жъ оно состоялось.

Мнѣ было тридцать лѣтъ (не мнѣ, а путешественницѣ по жизни). Я должна была поддерживать прѣжнія отношенія. Знакомства съ важными людьми, съ «тузами общества», дало мнѣ значеніе, доставило прекрасныя связи. Я бы могла даже сдѣлаться маленькимъ государственнымъ лицомъ, если бы не цѣнила выше всего свободу. Я была стройна, одѣвалась со вкусомъ. У меня было много поклонниковъ, пять партій и два пламенно-влюбленныхъ. Но какъ всѣ эти влюбленные были мнѣ смѣшны и жалки въ сравненіи съ Алексисомъ! Я была свободна, я могла думать о немъ, и предавалась этому наслажденію. Мнѣ не у кого было распрашивать, но я ждала, ждала его съ сердечнымъ замѣраніемъ. Онъ не знаетъ, что я свободна! думала я. Я жила въ своемъ мнѣніи уединенно, или бросалась въ шумную разсѣянность; чего бы я не дала, чтобы привязаться хоть къ кому-нибудь изъ толпы окружавшей меня! Пить, передо мной всегда стоялъ Алексисъ; изъ-за страстныхъ взоровъ ахъ смотрѣли на меня его некрометные глаза. Увижуль я его?...

Я была на балѣ у нашего губернатора. Платье мое было не готово, и я явилась поздно. Хозяинъ взялъ меня за руку и сказалъ, тихо обходя залу:

— Мой балъ шелъ скучно и вяло безъ васъ. Молодежь ждала лучей красоты, а мы старки — лучей прелестнаго женскаго ума. Вы наше общее солнце, ваше появленіе оживило всѣхъ насъ. Танцуйте и не щадите непокорныхъ!

Онъ еще разъ пожалъ, улыбаясь, мою руку и отошелъ; но я мало танцевала въ этотъ вечеръ, и ушла къ ковцу бала въ гостиную. Тамъ я застала нашего милаго хозяина, занятаго разговоромъ съ какою то молодою дамой. Лицо ея мнѣ было незнакомо, но прекрасно. Богатый, изысканный костюмъ, особенное вниманіе ея собесѣдника и замѣшательство, съ которымъ она, краснѣя,

ему отвѣчала, заставляя меня съ четверть часа слѣдить за говорящимъ. Губернаторъ скоро подошелъ ко мнѣ.

— Кто это?

— Жена одного важнаго человѣка, не столько по чину, какъ по связямъ. Впрочемъ, онъ статскій совѣтникъ, хотя еще молодъ; служилъ при посольствѣ, а теперь переходитъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Они здѣсь проездомъ, имѣніе ея въ этой губерніи. Люди премилые оба, особенно онъ: пойдеть далеко, если будетъ такъ продолжать: государственный человѣкъ!

Въ это время мы стояли у дверей игорной комнаты.

— Пойдите, продолжалъ онъ: будемъ наблюдать за игроками. Взгляните, какъ въ зеркалѣ отражается умная фізіономія моего гостя.

Я увидѣла въ зеркалѣ наклоненную слегка голову, опущенные глаза, полузакрытые черными рѣсницами, и черные волосы.

— Играю въ красныхъ, произнесъ внятный, спокойно-медленный голосъ.

Въ звукѣ этого голоса было что-то знакомое; я вглядываюсь, онъ тоже вглядывается на зеркало, и быстро оборачивается:

— Анна Федоровна, вы ли? Здоровы ли? я такъ радъ всегда васъ видѣть. Сколько лѣтъ, какъ не видался! Я хожу съ вальта.....

— Да вы, какъ вижу, знакомы съ Алексѣемъ Петровичемъ, сказалъ губернаторъ: очень радъ вашей встрѣчѣ.

Я была блѣдна, ноги подгибались; но я съ усміемъ улыбулась, и все прошло. Не стану повторять, о чемъ мы говорили: разговоръ былъ пустой, незначительный. Вниманіе Алексѣя Петровича почти исключительно было приковано къ словамъ его превосходительства. Я могла разсматривать его на свободѣ. Онъ былъ хорошъ, но блѣденъ, даже губы блѣдныя; въ глазахъ—заботливое выраженіе, какъ будто онъ что-то соображаетъ; возлѣ лба жидкіе волосы, чѣмъ были, да у бровей двѣ едва замѣныя морщинки: вотъ вся перемена. Но это не былъ Лёля; это не былъ Алексій: это просто.... Алексѣй Петровичъ! Глядя на него, я ни о чемъ не думала и ничего не вспоминала; только мнѣ было горько, очень горько. Онъ смѣялся свободно и шутилъ свободно. Расчитанно уменъ, расчитанно любезенъ, въ каждомъ словѣ его была пріятная лесть хозяину дома. Я слушала ихъ разговоръ безсознательно. Я видѣла, какъ просіяло лицо Алексѣя Петровича, когда они подъ руку шли смотреть танцу-

ющихъ; слышала его восторженные похвалы балу. Кромѣ чинолюбія, ничего не было въ этомъ сердцѣ. Въ эту минуту онъ былъ счастливъ, потому что всѣ ему кланялись, видя вниманіе къ нему его превосходительства.

Уѣзжая съ бала, я еще увидѣла его на лестницѣ. Онъ велъ подъ руку свою хорошенькую жену, и зѣвалъ, заворачиваясь въ шубу.

— Le bal a été charmant, сказала она.

— Quel monde! отвѣчалъ онъ съ насмѣшкой: кромѣ хозяйна, не на кого смотреть.

— Съ кѣмъ ты говорилъ, выходя?

— Отыскалъ какую-то допотопную знакомку; но если бы не она, такъ мнѣ не удалось бы встать изъ за картъ, чтобы поговорить съ губернаторомъ. Онъ человѣкъ нужный. Только ты вовсе не умѣешь быть любезной съ такими лицами.

Последнія слова были почти заглушены стукомъ подножки и дверецъ.

Съ тѣхъ поръ мы не встрѣчались. Въ душѣ моей нѣтъ оскорбленія, злобы, негодованія, презрѣнія или грусти. Все изгладилось, все ровное и смѣрно. Но если солнце горячо пригрѣетъ обновленную землю, если знойное дуновение весняго вѣтерка зашевелитъ листьями свреши, мнѣ отрадно и грустно; голова склоняется къ груди, и теплая слеза падаетъ на руку....

Не говорилъ ли я вамъ — я — нижеподписавшійся — что это прелесть? какой милый и умный рассказъ! сколько тонкости, чувства, колориту, даже слогу! Я, съ моей стороны, въ очарованіи. Но еще болѣе правится мнѣ второй рассказъ путешественницы по жизни, «Гувернантка», который вы непременно должны прочесть. Этотъ первый названъ: «Три варіаціи.»

И-это въ провинціи, въ Одессѣ, пишутъ такія прелестныя сочиненія?... Право, придется перевезти столицу въ провинцію. Впрочемъ, въ Одессѣ литература всегда сильно процвѣтала: тамъ даже есть издатель книгъ, господина Тотти — чего у насъ нѣтъ — у насъ, въ столицѣ — въ обѣихъ столицахъ. Въ теченіи нынѣшняго года, мы читали нѣсколько сочиненій, вышедшихъ въ свѣтъ изъ одесскихъ типографій, и всѣ они читались — чего тоже въ обѣихъ столицахъ не водится. Напримѣръ вотъ столичное твореніе:

ДВА СОЖИТЕЛЯ. *Счеркъ. Сочиненіе А. Ж. (Москва, 1847, съ-12., стр. 50.)*

«Титъ Емельянычъ! а Титъ Емельянычъ! Ты все спишь ии-

какъ? Проснись, братъ!... Экъ его рѣзобрало! (Стиль взявшей школы Гоголя). Цѣлыхъ пять часовъ спать, и проснуться не можетъ! говорилъ Лука Ѳомичъ, жалѣя, впрочемъ, заставить его проснуться какими-нибудь дѣйствительными мѣрами, окликнуть громче, потрясти *эдакъ* (чистый Гоголь!)... *эдакъ*... за руку, на-примѣръ, или за ногу, похватать за носъ, или пустить туда *гусара*, что, впрочемъ, употребляется только между дѣтьми, а наши два сожителя были взрослые.»

Наконецъ тотъ раскрылъ глаза.

«Эге-ге-ге! ты ужь проснулся! Ну, братъ, славную высыпку задалъ!» — А-а-а-а! говорилъ сожитель: осмой часъ!... Что бы тебѣ разбудить-то меня хоть въ шестомъ-то? — «Каналья ты эдакая! (ну, просто, *чортъ его побери!* Гоголь Гоголемъ!) каналья ты эдакая! разсуждалъ Лука Ѳомичъ, слѣдуя за слугой Прошкой: не берись лучше служить, когда тебѣ все некогда да некогда. А то, за каждымъ дѣломъ, бѣгай за нимъ да понукай. Самоваръ!... провалъ тебя возьми!» Входитъ женщина зрѣлыхъ лѣтъ, дородная, въ матерчатомъ салопѣ. — Кого вамъ-съ? — «Не здѣсь ли, батюшка, Лука Ѳомичъ..., охъ, какъ-бишь его?... виновата!... Чепчиковъ?» — Нѣтъ-съ; такого нѣтъ, а есть Щипчиковъ. — «Запаятовала, батюшка; точно Щипчиковъ.» — А что вамъ угодно? — «Да вотъ-съ, видите: Иванъ Самсонычъ прислалъ меня къ вамъ по дѣльцу, по собственному моему, посоветоваться. Наше дѣло бабье, *дурацкое*: гдѣ намъ понимать, что и какъ это по закону. Будьте отецъ родной: войдите въ мое положеніе!» — Что можно, готовъ помочь! Сядьте ка, да разскажите. — «Оно вотъ, батюшка, у меня какое дѣло-то вышло. Покойникъ мужъ мой, торговавши не мало времени *краснымъ* товаромъ всякимъ, вздумалъ эдакъ закупить бы себѣ суконца, шерстяныхъ матерій и прочаго, что въ етомъ родѣ торговли надобилось, для того, что оно какъ-то ужь не трафилось тѣмъ торговать. Деньжонками то мы напередъ не сблизь: онъ и закупилъ, такъ, въ долгъ, кое-что нужнаго, рублей тысячи на четыре, — дескать, товаръ-атъ старый продамъ, заплачу все апосля; анъ глядъ: товаръ-то оно и пришлось продать, да больно въ убытокъ, а торговля-то какъ-то плохо пошла. А тутъ, не тѣмъ будь помянуть, свекоръ покойникъ обманулъ мужа-то моего: хотѣлъ помому ему сдѣлать, тысячку-другую ему дать, товару ему взять дешевенькаго; а пришло время-то, онъ и на понятный дворъ, — самъ, говоритъ молъ, разстроился, долгъ пропалъ какой-то, да приказчикъ надулъ. Мужъ-атъ мой и застѣлъ, какъ

ракъ на мелн: ни туда, ни сюда; а кредиторы подступили, потерпѣть не хотятъ, да тюрьмой страшаютъ....»

Я не думаю, чтобы это столбчатое твореніе имѣло право занимать долге наше вниманіе, благоразумный читателю! Оно, очевидно, не принадлежитъ ни къ какой литературѣ. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ предстать передъ образованную русскую публику, оно бы должно велѣть перевести себя на языкъ и нравы этой публики — на приемы и на слогъ сколько-нибудь похожіе на искусство. Далеко намъ столбчатымъ до Одессы! Вотъ еще одно произведеніе столбчатого искусства:

УТРО У ИЛЬИ ИВАНОВИЧА, или *Вѣрныя средства избавиться отъ долговъ*. Сочиненіе Петра Хрушова. (Москва, 1847, въ-8., стр. 66.)

Разеужденіе въ видѣ разговорѣ между четырьмя собесѣдниками. Благонамѣреннаго тутъ много, но литературнаго очень мало, несмотря на проблескъ несомнительнаго дарованія въ обрисовкѣ характеровъ стараго капиталиста и знатнаго барина, который кутитъ въ столицѣ и ищетъ занять денегъ. Нельзя не сказать по совѣсти: авторъ — человекъ благовоспитанный, — «канальями» не бранится передъ читателемъ — «чертей» на помощь своему слогу поминутно не призываетъ — говорить какъ слѣдуетъ говорить въ храмѣ Изыскаго, на образованномъ русскомъ языкѣ. Что касается до сущности творенія, до предмета, до содержанія, то, сколько могъ я понять благонамѣренныя разеужденія господина Петра Хрушова, вѣрныхъ средствъ избавиться отъ долговъ есть два: 1) имѣть всегда въ ломбардѣ запасный капиталъ, которымъ бы можно было, покутивъ и надѣлавъ долговъ, удовлетворить вдругъ всѣхъ своихъ кредиторовъ; 2) молиться Богу: ктонибудь изъ родственниковъ вашихъ, о которыхъ вы и не думаете, умереть и неожиданно оставить вамъ въ наслѣдство семь сотъ тысячъ рублей, которыми вы и заплатите всѣ долги ваши. Таково правоученіе «Утра у Ильи Ивановича.»

Въ Одессѣ — я все возвращаюсь къ Одессѣ — не только очень много путешествуютъ по жизни и вывозятъ прелестныя «Путевыя замѣтки» изъ поэтической страны женскихъ воспоминаній, но и добываютъ прелюбопытныя вещи изъ мѣстныхъ библіотекъ и старинныхъ рукописей. Изъ драгоценной библіотекъ князя княгини Ивѣнника закавказскаго господина Мазуркѣвичъ вынесъ на свѣтъ настоящее сокровище, которое и издавъ онъ тамъ же, со всѣми учеными приемами, и съ типографскимъ благолѣпіемъ, подъ заглавіемъ:

ПСКОВСКАЯ ССУДНАЯ ГРАММАТА, составленная на вѣчь въ 1467 году и изданная по списку, хранящемуся въ библиотекѣ князя Михайла Семеновича Воронцова. (Одесса, 1847, въ-4., стр. 24.)

Этотъ важный юридическій и историческій памятникъ доселѣ былъ извѣстенъ только по упоминанію и выпискѣ строкъ въ двадцать у Карамзина. Нынче является опъ въ полномъ объемѣ. Любитель отечественной старины, съ помощію его, видитъ ясно все внутреннее устройство *господина Пскова*, его пошлину (*lex communis; us et coutumes*), его судопроизводство, его права и преимущества, управленіе, власть вѣча, и отношенія городскихъ властей къ князю, который и здѣсь, точно такъ же какъ и у *господина Новагорода*, значилъ буквально то же, что *графъ* въ вольномъ городѣ Гамбургѣ, *дуса, герцогъ*, воевода, князь, въ Генуѣ и Флоренціи, и *хорунжій, gonfaloniere*, въ Миланѣ, Болоньи и другихъ торговыхъ республикахъ. Италіи того времени, — иногда простой предводитель оборонительной дружины — въ другой разъ диктаторъ и властелинъ города и его области. Изданіе обогатено достаточнымъ словаремъ и превосходнымъ, снимкомъ первой страницы рукописи, которая начинается такъ: *Сія грамота выписана изъ великаго князя Александровой грамоты и изъ князя Костянтиновой грамоты и изъ всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ, по благословенію отецъ своихъ, поповъ всѣхъ пяти соборовъ, и священниковъ, и діаконовъ, и всего Божья священства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи съ лѣто 6905 (1397)*. Ученый издатель старается доказать, что это описка, что должно читать 7065 (1467), настоящій годъ составленія грамоты. Но господинъ Мазуркѣвичъ, кажется, не точно понимаетъ естественный смыслъ этого заглавія: слова *сія грамота выписана* не имѣютъ вовсе связи со словами *всѣмъ Псковомъ на вѣчи 1397 года*; они, напротивъ, относятся прямо къ словамъ *изъ всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ*; и вотъ прямой логическій смыслъ красныхъ строкъ титула: *сія грамота выписана* (изъ двухъ княжескихъ грамотъ и) *изъ всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ* (изъ всѣхъ дополненій къ псковскимъ народнымъ обычаямъ, имѣющимъ силу закона, приписанныхъ или составленныхъ, съ утвержденія духовенства) *всѣмъ Псковомъ на вѣчи 1397 года*. Заглавіе, следовательно, указываетъ только на три источника, изъ которыхъ выписанъ этотъ сводъ псковскихъ законовъ, на два пакта съ князьями, именно грамоту великаго князя Александра и грамоту князя Константина, и на протоколы псковскаго народнаго собра-

вѣи 1397 года: годъ *выписанія* свода изъ этихъ источниковъ или составленія того, что *выписчикъ* или *переписчикъ* называетъ *свою граммотой*, не показанъ въ титулѣ и неизвѣстенъ, но, какъ изъ всего видно, долженъ быть отнесенъ къ концу пятнадцатаго столѣтія, если не къ началу шестнадцатаго. Сводъ, подъ именемъ *граммоты*, могъ даже быть составленъ по стариннымъ юридическимъ актѣмъ и послѣ уничтоженія вѣча и независимости Пскова, для руководства судей царскихъ, замѣнившихъ собою *судъ княжій*, потому что мѣстное гражданское и уголовное законодательство не было отмѣнено съ прекращеніемъ *вольности* Пскова и его *господства*, то есть, *государства* — слово, которымъ означалось *jus dominicum*, право быть *господиномъ* (по вышнему *государемъ*) у себя, въ своихъ границахъ и предѣлахъ. Мы не говоримъ, чтобы этотъ сводъ положительно былъ *выписанъ* въ то уже время, когда вѣча не существовало и городъ не назывался болѣе *господиномъ* (по вышнему *государемъ*) Псковомъ, но, судя по точному смыслу заглавія, составленіе его можетъ безъ натяжки быть отнесено и къ весьма поздней эпохѣ. Если есть описка, такъ ова скорѣе должна быть въ цифрѣ 5, въ словахъ — *по благословенію поповъ всѣхъ 5 соборовъ* — и происходить изъ невѣжества *выписчика* или *переписчика*, не знавшаго съ точностью, въ которомъ году основанъ пятый соборъ, — если только тутъ не дѣйствовало желаніе придать болшую важность своду умышленною ошибкою, опираясь на предполагаемый авторитетъ всѣхъ существовавшихъ тогда соборовъ, всего духовенства. Послѣ заглавія, нѣтъ ни какого вступленія, удостоверяющаго, чтобы это дѣйствительно была *граммота*; текстъ начинается просто какъ въ обыкновенномъ сводѣ, даже какъ въ частномъ указателѣ законовъ: *Вотъ княжій судъ. Кто покрадуеть клятв за замкомъ, или сани подъ полатью, или возъ подъ титягой, или лодку подъ палубой или въ ямь, или кто скота покрадуеть, или стна сверху стога, за все то възыскивать суду княжю; а продажи (пени) истцу столько-то — князю столько-то — посаднику столько то — и такъ далѣе; а епископскому намѣстнику суда ихъ не пересуживать — а князю и посаднику крестъ цѣловать въ точномъ исполненіи законовъ — а на вѣчи суда имъ не судить, но у князя въ стняхъ — а взятки ни князю, ни посаднику не брать, и городскими доходами (кушани) не користоваться — и пристрастно, по мщенію или по любви, не дѣйствовать и невинныхъ не губить, а виновныхъ не жаловать, ни на суду, ни на вѣчи, и прочая, и прочая. Грам-*

мата занимает семнадцать страниц печати въ большую четвертку. Это—полное уложеніе, довольно обстоятельное въ подробностяхъ и совершенно достаточное по простотѣ тогдашнихъ дѣлъ и понятій,

И какъ мы теперь, непримѣтно, занялись предметами важными, государственными, то кстаті поговоримъ о прекрасной книгѣ, началѣ превосходнаго творенія, явившемся — къ всеобщему удивленію—ге въ Одессѣ, городѣ прекрасныхъ книгъ, а въ Петербургѣ:

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ВОЕННОЙ СТАТИСТИКИ. *Сочиненіе полковника Миллютина, профессора Императорской Военной Академіи. Книжка первая. (СП.-бургъ, 1847, въ-8., стр. 250).*

Военная статистика — названіе новое, и можетъ-быть не вообщепонятное. Это, собственно, статистика военныхъ силъ и военныхъ средствъ всеѣхъ государствъ; картина состава, числа и образованія войскъ его, числа, положенія и важности крѣпостей, состоянія и направленія дорогъ, стратегическаго значенія рѣкъ и горъ, обширности и совершенства военно учебныхъ пособій и разныхъ заведеній, еспособа набору войскъ, отношенія итога военнаго сословія къ народонаселенію, и такъ далѣе, словомъ, всего, что полководцу, командиру, инженеру и всякому образованному офицеру полезно и нужно знать о союзной или непріятельской странѣ на случай или въ случаѣ войны. Изложить какъ нельзя лучше цѣль, кругъ и пользу военной статистики, ученый полковникъ-профессоръ избралъ, для первой книжки — или, лучше сказать, перваго тома — своего творенія, статью самую трудную, предметъ самый многосложный и самый запутанный во всей наукѣ, политическую и военную систему Германскаго Союза, состоящаго изъ тридцати-осми независимыхъ государствъ, которые, распорядясь каждое у себя по своему разумѣнію, хотятъ однако жъ, въ случаѣ войны съ внѣшнимъ врагомъ, дѣйствовать совокупно, одною общей арміей, независимо отъ частныхъ своихъ армій и не въ ущербъ верховному праву каждаго не принимать участія въ войнѣ. Разобрать и представить чисто, свѣтло, отчетливо, этотъ хаосъ обязанностей, отношеній, выгодъ, разбросанныхъ средствъ — предпріятіе, требующее необыкновенной силы и ясности мысли, необыкновеннаго трудолюбія; и авторъ «Первыхъ опытовъ военной статистики» сумѣлъ исполнить его съ усиліемъ выше всякой похвалы. Вѣроятно, только немногіе изъ нашихъ читателей заглянутъ въ эту превосходную книгу, и мы

крайне сожалѣемъ, что не можемъ представить въ яныскіе лѣта общихъ ванъчаній, помѣщенныхъ въ концѣ ея, чтобы дать понятіе о прекрасномъ талантѣ автора и высокомъ литературномъ достоинствѣ этого труда: они заняли бы здѣсь слишкомъ много мѣста; читать же ихъ надобно въ полномъ объемѣ и въ связи съ предметомъ. Первая книжка «Первыя опыты» — восточной статистики, кромѣ многочисленныхъ и весьма подробныхъ таблицъ, обогащена двумя географическими картами Германскаго Союза, представляющими эту, какъ господниъ Милютинъ говоритъ, *юридическую державу въ политическомъ и въ статистическомъ видахъ*: онѣ много способствуютъ къ удовольствію и воученію читателя, увлекаемаго прекраснымъ изложаніемъ.

Послѣ этой книги, всю остальную литературу объязъ стоилицъ за ноябрь мѣсяць. великодушно отдаю вамъ даромъ, не читая: въ томъ числѣ получите — два разсужденія о чудесахъ сѣрнаго эонра, одно санктпетербургское, а другое московское (московскаго не берите: не поймете ничего!... я знаю, что уступаю); — цѣлый романъ Поль-де-Кока, въ четырехъ частяхъ, раздирательно переведенный въ Москвѣ; — одно руководство къ сочиненію писемъ и дѣловыхъ бумагъ; — нѣсколько книжонокъ по сельскому хозяйству; — и новую поваренную книгу на тысячу блюдъ; это твореніе, кажется, найдете вы самымъ дѣльнымъ изъ всѣхъ. Впрочемъ, вотъ подробный списокъ книгамъ, уступаемымъ даромъ, безъ чтенія:

1. ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ У ВОЛЬНЫХЪ во время хирургическихъ операций посредствомъ сѣрнаго эонра. Сочиненіе Г. Нарановича. (СП.-бургъ, 1847, въ-8., стр. 86).

3. ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ВЪ ОПЕРАЦИОННОЙ МЕДИЦИНѢ ПАРОВЪ СѢРНАГО ЭОНРА. *Объективно-субъективное сочиненіе* Г. Маклакова, (Москва, 1847, въ-8., стр. 120.)

3. ПРИКЛЮЧЕНІЕ РОЗЫ-МАРИН, или *Разнохарактерные родственники*. Сочиненіе Поль-де-Кока (Москва, 1847, въ-12., четыре части).

4. РУКОВОДСТВО КЪ СОЧИНЕНІЮ ПИСЕМЪ И ДѢЛОВЫХЪ БУМАГЪ, съ образцами, примѣрами и формами. Издаше Федора Наливкина. (Москва, 1847, въ-8., три части).

4. УПРАВЛЕТЕЛЬ РУССКАГО НИВНИА. Сочиненіе барона А. Бюде (СП.-бургъ, въ-16., стр. 120).

6. О ВИНОКУРЕНІИ ПО ПРИВЛЕГТИРОВАННОЙ МЕТОДЪ КОВЪИШАГО ИЗОБРЕТЕНІЯ. Сочиненіе А. Ершолова. (СП.-бургъ, 1847, въ-8., стр. 32, съ таблицами и рисунками).

7. *ОЗРЯЦ ОНОЕ ПАЛЫМЪ ФАДЫ ЕСЛЮКИТЬ ПОСТРОЕКЪ, ИЗДАНЫЕ КОРОЛЕВСКО-САКСОНСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА* (СП.-бургъ, 1847, въ листъ, стр. 15).

8. *ПОВАРЕННАЯ КНИГА, СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБЯ ТЫСЯКУ ТРИДЦАТЬ ДВАТЬ НАСТАВЛЕНІЙ ВЪ ПЯТНАДЦАТИ ОТДѢЛЕНІЯХЪ, СОСТАВЛЕННАЯ ОБЩЕСТВОМЪ ОПЫТНЫХЪ ХОЗЯЕКЪ.* (Москва, 1847, въ 12, стр. 540).

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

ОДЕССКІЕ ФАКТОРА. *Физиологическій очеркъ.* (Одесса, 1847). — Несмотря на искреннее удивленіе мое Одессѣ, я не смѣю думать, чтобы этотъ *физиологическій* очеркъ могъ быть признанъ драгоценнѣйшимъ цвѣткомъ вѣнка черноморскаго гевія. Но вы видите, какое чудное умственное движеніе происходитъ въ степи? какіе успѣхи дѣлаетъ русская литература въ Скниѳи?... Книга выходитъ за книгой.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ, *въ синхронистическомъ порядкѣ, составленная Александромъ Аникѣевымъ.* (СП.-бургъ, 1847). — Классное руководство для воспитаницъ Екатерининскаго Института, невинное какъ дѣвственное сердце и короткое какъ наслажденіе. Къ розовому творенію своему — оно, кромѣ шутокъ, розово — господинъ Аникѣевъ приложилъ синхронистическую таблицу, которая кажется мнѣ не совершенно синхронической. Авторъ, года три тому, отдѣлалъ древнюю исторію точно такимъ же образомъ.

РУКОВОДСТВО КЪ ВОЗВЕДЕНІЮ ГЛИНЯНЫХЪ И ЗЕМЛЯНЫХЪ СЕЛЬСКИХЪ ПОСТРОЕКЪ, (СП.-бургъ, 1847). — Наставленіе это по предмету, столь существенному для блага русскаго сельскаго хозяйства, издаю отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Къ изложенію способа приложень чертежъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— «Сборникъ газеты *Кавказъ*», издаваемой въ Тифлисѣ господиномъ Константиновымъ, за первое полугодье 1847 года, поступилъ въ здѣшнюю книготорговлю. Въ немъ заключается много любопытныхъ статей, и тѣмъ, которые не имѣютъ случая читать самую газету, онъ можетъ доставить очень хорошее чтеніе.

— Господинъ Максимовъ, главный архитекторъ департамента военныхъ поселеній, издалъ «Руководство къ устройству потолковъ и стропилъ». Сочиненіе это назначено исключительно для архитекторовъ, которые найдутъ въ немъ весьма подробныя вычисленія формъ, устойчивости и размѣровъ этихъ статей домостроительнаго искусства.

— «Музей современной иностранной литературы» продолжаетъ издаваться. Последніе выпуски носятъ нумера 7 и 8.

VII.

С М Ъ С Ь.

=

НАДГРОБНЫЙ ПАМЯТНИКЪ РИМСКАГО БУЛОЧНИКА. У насъ, у новыхъ людей, все печально, даже радость; у древнихъ, все было весело, даже смерть. Доказательство — ихъ саркофаги, ихъ надгробные памятники. Они избѣгали изображать на нихъ плачевныя сцены; представляли праздники, пиры, охоты, сборы винограда, Аполлона съ Музами, Вакха съ Вакханками, Венеру съ Амурами; словомъ всё предметы, могущіе повеселить зрѣніе и порадовать сердце. Когда символическая идея господствовала въ ихъ надгробныхъ памятникахъ, она не имѣла ничего ужаснаго и печальнаго; такъ надгробные памятники рабовъ строились на-намеръ голубиныхъ, и назывались columbaria; для каждаго покойника была своя ниша, куда ставили урну съ его прахомъ. Мертвые были не трупами, а голубями готовыми вспорхнуть. Августъ, Адрианъ, и прочіе, подѣлали изъ своихъ смертныхъ жилищъ дворцы, великолѣпные храмы, которые разукрасили статуями всѣхъ боговъ и всѣхъ богинь Олимпа. Плебей, простые мѣщане, подражали, по мѣрѣ способовъ, примѣру государей и вельможъ. Ихъ надгробные памятники представляютъ одни веселые образы и всегда строго согласуются съ ихъ званіемъ и достаткомъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Римѣ нашли надгробный памятникъ булочника, который имѣетъ форму кванши, а всѣ его принадлежноти представляютъ разные предметы, от-

Т. LXXXV. — Отд. VII.

носящіеся до ремесла покойника. Любопытный мавзолей оставался въ совершенной неизвестности до послѣднихъ годовъ. Онъ былъ заложенъ каменными работами, которыми въ 402 году императоръ Гонорій заблагоразсудилъ снабдить Клавіевы Ворота, гдѣ находился памятникъ. Но папское правительство рѣшило освободить прекрасныя ворота отъ неумѣстныхъ пристроекъ закрывавшихъ ихъ фасадъ, и работники, производившіе сломку, очень удивились когда внутри нескладныхъ стѣнъ увидѣли красивый памятникъ со скульптурами, сохранившійся замѣчательно хорошо. Начальство тотчасъ приняло мѣры обезпечить паходку отъ всякаго поврежденія, и какъ основа памятника была нѣсколькими футами ниже уровня почвы, то вокругъ выкопали ровъ и поставили заборъ.

Надгробный памятникъ булочника Эврисака сдѣланъ изъ того поздраватаго и желтоватаго камня, который служилъ матеріаломъ для большей части римскихъ зданій и который называется травертиномъ.

Основа памятника не представляетъ ничего особеннаго. Исходъ состоитъ изъ цилиндровъ, похожихъ на скалки для катанья тѣста. Середина украшена по четыремъ сторонамъ, тремя рядами иготей или формъ, расположенныхъ горизонтально и вдѣланныхъ въ стѣну. Нѣкогда въ нихъ лежали каменные отески въ видѣ хлѣбовъ, которые пеклись въ иготи. По четыремъ угламъ стоятъ обнаженные пластры, надъ которыми есть фризы; къ сожалѣнію, часть фриза потеряна. На фризѣ находятся барельефы довольно тщательной работы, представляющіе разныя операціи *ars pistoria*. Тутъ видны мулы, отвозящіе хлѣбъ на мельницу и привозящіе его обратно къ хлѣбнику смолотый; видѣтъ хлѣбникъ среди своихъ рабовъ, мѣсящій тѣсто, выдѣлывающій изъ него хлѣбы и сажающій ихъ въ печку; наконецъ, видѣтъ хлѣбникъ за своимъ прилавкомъ, какъ онъ взвѣшиваетъ товаръ и раздастъ покупателямъ.

На лентѣ, которая отдѣляетъ исходъ отъ верхней части, помѣщена надпись, очевидно сложенная самимъ почтеннымъ булочникомъ, судя по складу и орфографическимъ ошибкамъ: *EST POS MONUMENTUM MARCEI VIRGILEI EURYSACIS. PISTORIS. REDEMPTORIS. AFFR. VET.* (Это памятникъ Марка Виргилія Эврисака, хлѣбника, откупщика. Можно посмотреть.) Въ самомъ дѣлѣ, надпись была вовсе не нужна, чтобы показать званіе и ремесло погребеннаго подъ нею покойника; посмотрѣвши, съ перваго взгляду видишь, что памятникъ покрываетъ прахъ булочника; украшенія и ба-

рельефы фриза не оставили бы ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ стѣты, если бы и не было надписи.

На восточномъ фасадѣ памятника видѣвъ барельефъ представляющій хлѣбника Эврисака съ супругою подѣ корзинны. Въ корзинѣ заключался прахъ супруги. На ней слѣдующая надпись: *FUIT ALYDIA UXOR MINER FEMINA OPTUMA VEIXIT. QVOIUS CORPUS RELIQUIAE QUAE SUPERANT SUNT IN NOS PARARO.* (Была у меня жена, Аристія, женщина претличнѣйшая. Жила (лѣтъ) чьи бранныя остатки, какіе остались, и ходятся въ этой корзинѣ.) Эта сторона памятника всего больше потерпѣла; боковыхъ пиластръ, фриза и большей части иготей во-все нѣтъ.

Годъ постройки памятника неизвѣстенъ, но судя по работѣ, онъ вѣроятно принадлежитъ Августову времени.

Насупротивъ гробницы Эврисака есть небольшая стѣна, на которой налѣплены разные обломки карнизовъ и статуй, найденныхъ при сломкѣ Гоноріевыхъ укрѣпленій. Въ числѣ обломковъ находятся два или три каменныхъ хлѣба, о которыхъ мы говорили и которые лежали въ иготяхъ памятника Эврисака.

СКИАВОНЕ, ТИЦΙΑНЪ, ДЖОРДЖОНЕ. *Два, питающаяся розами.* Венеціанскіе мастера, замѣчаютъ одинъ путешествующій художникъ, подобно фламандскимъ, воспроизводили съ такой живой вѣрностью Божіе созданіе, что въ Антверпенѣ или въ Венеціи на каждомъ шагу думаешь встрѣчать картину или портретъ. Останавливаешься вѣ себя и восклицаешь: Чтѣ за краски! чтѣ за штрихъ! чтѣ за освѣщеніе! Сначала воображаешь, что любуешься созданіемъ живописца, Тиціана либо Веронеза, Рубенса либо Ванъ Дейка: выходитъ, чтѣ любовался Божьимъ созданіемъ.

Я еще не видалъ картинъ. На Джудеккѣ, возвращаясь изъ Санъ Джорджо Маджорс, въ довольно качкой гондолѣ, я встрѣтилъ хорошенькую дѣвушку, лѣтъ двадцати, съ неподобнымъ цвѣтомъ лица, въ роскошной порѣ юности. Здоровье также имѣетъ свою поззію. Я съ перваго взгляду узналъ Виоланту Тиціана. Повидавъ живой портретъ Виоланты, я увидѣлъ ея писавый портретъ; но развѣ она не столько жъ живая въ произведеніи Тиціана, съ своимъ пламеннымъ цвѣтомъ? Эта красавица видна почти во всѣхъ итальянскихъ галлерейхъ. Всегда ли она писана Тиціаномъ? Узнаешь въ пей руку мастера, но всего чаще онъ давалъ только послѣднюю отдѣлку, самую трудную, ту которая обличаетъ генія. Вотъ источникъ многочисленныхъ Виолантъ, приписываемыхъ Тиціану. «Его мастерская была непроницае-

Умъ святливецъ. Когда великій художникъ уходилъ до двора, онъ оставлялъ незапертою дверь мастерской, чтобы ученики могли украдкой копировать находившіяся тамъ картины. Черезъ нѣсколько времени онъ находилъ нѣкоторыя изъ этихъ копій въ продажѣ, покупалъ ихъ и отдѣливалъ; такъ что копіи вскоре становились оригиналами. Случалось даже, что онъ подписывалъ на нихъ свое имя.» После такого свидѣтельства достойнаго историка, можно сказать съ Теофиломъ Готье: «За исключеніемъ семнадцати королевскихъ или княжескихъ музеевъ, гдѣ генеалогія картинъ ведется съ-тѣхъ-поръ какъ они вышли изъ подъ кисти живописца, всѣ картины, приписываемыя великимъ итальянскимъ мастерамъ, только старинныя копія.» Однако жъ всѣ великіе итальянскіе живописцы были очень плодовиты, особливо Венеціанцы. Братья Беллини еще писали девяносто лѣтъ отъ роду; Монтонья, Пальма и Тициоретто бодро работали въ осемдесятъ лѣтъ. О Тицианѣ всѣмъ извѣстно, что онъ умеръ отъ чумы девятидесяти-девяти лѣтъ.

Что за яркая жизнь, преисполненная славы и гедія! До послѣдняго дня художникъ сохранялъ свою двадцати-лѣтнюю свѣжесть. Въ академіи изящныхъ искусствъ я видѣлъ его первую и его послѣднюю картину, которыя обѣ помѣщены въ одной залѣ какъ двѣ любопытныя страницы исторіи: повѣрять ли? самая смѣлая, самая живая, самая ясная картина, послѣдняя. По моему, она даже лучшая картина этого столѣтняго живописца. Тутъ повторилась исторія гедія Рембрандта, который началъ съ нѣбумудрія и терпѣнія, а кончилъ самыми неистовыми вольностями и дерзостями. Гомеръ писалъ «Одиссею» на закатѣ дней.

Къ слову о Рембрандтѣ, я видѣлъ въ Венеціи одну изъ его голландскихъ мадоннъ.

Рембрандтъ становится высокъ истинною, какъ другіе высоки паревіемъ и идеаломъ. Въ Венеціи есть одна Магдалина этого мастера, чудо выразительности и странное противорѣчіе всѣмъ Магдалинамъ итальянскихъ художниковъ. Это прекрасная и простая Голландка. Но развѣ для такой возвышенной поэмы нѣтъ образцовъ во всѣхъ странахъ? Если она не прекрасна по величію очертаній, то прекрасна по скорби и раскаянію, по жалуй скорби и раскаянію первой встрѣчной дѣвушки; по зачѣмъ же непременно дѣлать изъ Магдалины христіанскую Сафо, которая больше воспѣваетъ чѣмъ оплакиваетъ свои грѣхи? Въ Магдалинѣ Рембрандта видно, что прежде чѣмъ возвела очи къ небу, она любила людей на землѣ; видно, что она плакивала

отъ радости, прежде нежели предана тѣ слезы, которыя оцри-
стализировала гений. Она не обнажена подобно своимъ сестрамъ,
представлена не по поясъ и прямо съ лица, одѣтая Голландскою,
она показываетъ тудную ручку, какія писывалъ Рембрандъ.
Она еще живетъ человѣческою жизнію по-сердцу всё страсти,
которыя волновали ее на морѣ опасностей, едва уснули въ ея груди.

Тревоги идеальныхъ помысловъ не искажали фигуру Тиціана.
Онъ довольствовался быть истиннымъ и свѣтлымъ. Проживая
въ Венеціи во всѣхъ неистовыхъ радостяхъ наслажденія, онъ
имѣлъ музою вакханку и топилъ свою поэзію въ роскошныхъ
волосахъ любовницы, разсыпавшихся золотымъ дождемъ по свѣ-
гу плечь. Можетъ-быть, Тиціану не доставало прикосновенія зла-
го духа, обманутой любви, тайной борьбы съ бѣдствіемъ, вели-
кой горести сердца: онъ прожилъ благополучно девяносто-девять
лѣтъ, въ почтеніи у всѣхъ, даже у королей и императоровъ.
Францискъ-Первый поднималъ ему кисть и Карлъ-Пятый жало-
валъ самую громкую дворянскую грамоту: «Внявъ совѣту нашихъ
возлюбленныхъ князей, графовъ, бароновъ и иныхъ сановниковъ
священной имперіи, полномочіемъ нашей цезарской власти, жа-
луемъ тебя графомъ священныхъ латеранскихъ палатъ, нашего
двора и нашей императорской консисторіи, даруемъ тебѣ граф-
скій титулъ сею грамотою, возводимъ въ оное высокое достоин-
ство и включаемъ въ число прочихъ палатныхъ графовъ. Тебя
и дѣтей твоихъ съ ихъ наслѣдниками на вѣчныя времена, обя-
вляемъ столь благородными сколь можно быть таковыми въ са-
момъ высшемъ человѣческомъ званіи, какъ бы вы родились отъ
благороднаго племени, происходили отъ четырехъ предковъ съ
отцовой и матерней стороны. Жалуемъ тебѣ мечъ, шпоры, ман-
тію и золотый поясъ.»

Но послѣдній часъ этой ясной и безбурной долгой жизни былъ
самой мрачной драмой, какая совершалась когда либо надъ чело-
вѣкомъ.

У Тиціана были двое сыновей и дочь: Помпоніо, Гораціо и
Лавинія. Помпоніо былъ священникомъ, Гораціо живописцемъ,
Лавинія красавицею. Чума разразилась надъ Венеціею, Гораціо
сѣдлался одной изъ первыхъ жертвъ. Тиціанъ пожелалъ самъ
ходить за сыномъ, за любезнымъ Гораціо, въ которомъ видѣлъ
преемника себя; зараженный, онъ слегъ въ ту же постель. Онъ
имѣлъ скорбь видѣть кончину Гораціо; самъ готовился испустить
дыханіе, когда Помпоніо, самый плохой священникъ шестнадца-
того вѣка, столь изобильнаго плохими священниками, прискакавъ

но почти изъ Милана, приближалъ во дворецъ Барбарига, гдѣ съ давнихъ поръ жилъ его отецъ. Онъ не подумалъ закрыть глаза отцу, обобралъ цѣнныя мебели и дорогія шитыя, чтобы распродать ихъ съ полетомъ.

Тицианъ, знаменитый художникъ, умеръ одинокоъ безъ друга, безъ слуги, съ кѣмъ бы могъ проститься. Помпозно оказался хуже всякаго слуги. Онъ опрометью ускакалъ въ Венецію, бросивъ отца безъ погребенія. Тотъ, съ кѣмъ Францискъ-Первый и Карлъ-Пятый обходился какъ съ своимъ равнымъ, не имѣлъ надгробнаго камня. Теперь ему ставятъ монументъ, напротивъ монумента Кановы, но праху его не отыскали. Венеціанцы едва еще начали догадываться, что ихъ живописцы достойны почтенія не меньше ихъ дождей.

Для Тициана тешуть мраморъ, а Павла Веронеза оставляютъ подъ смиреннымъ камнемъ, во мракѣ юкнутой церкви, которая разваливается, въ церкви Святаго Себастіана, — гробница безъ величія.

Однако жъ, если бъ Джорджоне не умеръ въ цвѣтѣ молодости, какъ колосъ уже озолотившійся но еще съ незрѣлымъ зерномъ. Былъ ли бы Тицианъ царемъ колористовъ, которому полагается потомство? Тицианъ былъ просто талантливимъ человѣкомъ при жизни Джорджоне; когда Джорджоне не стало, онъ осмѣлился быть гениальнымъ человѣкомъ. Тщательно изучая произведенія Венеціанцевъ, вскорѣ видишь, что Тицианъ просто-на-просто воспользовался наслѣдіемъ трехъ художниковъ, Цукати, Беллини и Джорджоне. Достигъ ли же онъ всей прелести Беллини, всей романтической поэзіи Джорджоне, этого Аріоста кисти? Магдаліна Тициана сравнится ли съ мадонною Беллини? Знаменитое «Успеніе» стоитъ ли «Моисей младенца» Джорджоне? Страсть къ панитрѣ не владѣла Джорджоне до такой степени, чтобы сужала у него горизонтъ, какъ случилось съ Тицианомъ. Его символика не такъ громка, за то болѣе возвышенна. Въ «Моисей младенца» и въ большей части своихъ картинъ, онъ ставилъ въ противоположность только немногія краски, всегда чудесно прерываемыя тѣнями; оттого его гармонія величава при всемъ блескѣ.

Въ Венеціи сохранилось мало произведеній Джорджоне. Известно, что онъ писалъ фрески на фасадахъ дворцовъ, по обычаю пятнадцатаго вѣка. Нынче едва видны кой какіе слѣды ихъ, благоговѣнно сберегаемые. Джорджоне можно узнать съ перваго взгляду по твердости штриха, по свѣжести тѣлесныхъ цвѣтовъ, по накидкѣ и расположенію драпировки, особенно же по благо-

родному и гордому выраженію. Онъ вельможа въ живописи, съ хребтою шнуромъ въ золотныхъ шнуркахъ.

Однажды, рано утромъ; я вѣдалъ во большому нападѣ, собралъ всмотрѣти втѣченіе для большую часть дворцовъ, которые фасады прельщаютъ глаза, начиная отъ церкви Святаго Марка до места Риальто. Мой гондольеръ вдругъ остановился передъ однимъ палатце новѣйшаго стила и сказалъ мнѣ съ видомъ челоуѣка себя на умъ:

— Прекрасная галерея, прекрасная женщина, прекрасная дѣвушка.

Это стоило труда приостановиться. Гондольеръ позвонилъ. Минуты черезъ три-четыре, старуха отворила дверь, давъ мнѣ знакъ идти за нею. Приступъ къ дѣлу былъ не блестящій. Двери и гѣставница отсюда не напоминали стариннаго венеціанскаго палатце, переполненнаго золотомъ и ираморомъ. Старуха ввела меня въ родъ приѣмной, увѣшанной недавно писанными картинами въ сладкомъ вкусѣ, дюжинными картинами. Я подумалъ, что гондольеръ, шутитъ, говоря о прекрасной галереѣ, прекрасной женщинѣ и прекрасной дѣвушкѣ. Я хотѣлъ было вернуться подъ предлогомъ будто ошибся дверью, но въ то время какъ я собирался ретироваться, передо мною отворилась настоящая галерея, наполненная плохими статуями эпохи возрожденія, бюстами безъ носовъ, и безъ ушей, въ званіи освѣщенныхъ антиковъ.

Я входилъ въ галерею все больше и больше недовѣрчивой попустью, когда на горизонтѣ показалась другая фигура. То былъ хозяинъ дома, челоуѣкъ лѣтъ сорока, венеціанскій типъ, умѣренный новыиъ костюмомъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и наконецъ отворилъ для меня очень любопытный кабинетъ. При первомъ взглядѣ я былъ ослѣпленъ, словно вошелъ къ самому солнцу лично. Я очутился посреди сыновъ солнца: Джорджоне, Беллини, Тицианъ, Веронезъ, Тинторето разливали тутъ все свое сіяніе, никогда не собиралось миража блистательнѣе. Тутъ была Ева, нагая впервые, потому что прятала свою наготу; была кающааяся Магдалина, во всемъ блескѣ грѣшницы Магдалины; Венера съ бѣлоснѣжной грудью, Діана съ серебряной вожкой; были всѣ любовные символы поэтовъ.

Однакожъ, среди всѣхъ этихъ свѣжихъ и смѣющихся явленій я замѣтилъ оригинальное твореніе, которое ничуть не представляло какую-нибудь священную фигуру. То было произведеніе стараго Скиавоне, задушевное произведеніе, гдѣ живописецъ отдается на волю генія. Вособразите молоденькую дѣвушку волшебной свѣ-

жести, за столомъ, усыновивши розанн. Она за обѣдомъ ожидаетъ цѣтани. Мудрено ли, что, по взаимному одиному драматическому, въ щекъ унитаны розанн. Вотъ несчастная идея, написанная мечтатели.

— Нравится вамъ эта картина? спросилъ меня хозяинъ дома.

— Очень, отвѣчалъ я: въ этой головкѣ есть какое-то идеальное сладострастіе, которое проникаетъ мнѣ до сердца. Я уже видалъ это прелестьное созданіе въ моихъ двадцати-лѣтнихъ мечтахъ. Она витаетъ въ позолоченныхъ областяхъ какого-нибудь Магометова рая.

— Знайте же! эта красавица, питающаяся цѣтани, писанная почти три вѣка назадъ моимъ прапращуромъ,—я Скиавоне,—имѣетъ поразительную копию которую можете видѣть, если угодно.

Я поклонился потомку Скиавоне.

— Вы сами живописецъ?

— Какъ же; копія о которой я вамъ говорю, одно изъ моихъ изрядныхъ произведеній; сейчасъ увидите сами.

Скиавоне клякнулъ уходившую старуху и сказалъ ей что-то на венеціанскомъ нарѣчій. Я не понималъ ни слова. Я разсматривалъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ этого потомка стараго живописца, который черезъ три вѣка сохраняетъ заветный геній колорита.

— Смотрите, сказалъ онъ вдругъ.

Онъ указалъ пальцемъ на прекрасную дѣвушку лѣтъ двадцати, которая смѣючись появилась въ дверяхъ кабинета.

Она была одѣта неизысканно, небрежно, съ полной увѣренностью въ своемъ лицѣ, въ своей величавой и томной шеѣ, въ своихъ мраморныхъ плечахъ, которыя позволяли ей пренебрегать средствами костюма. Гребенка едва сдерживала ея темные волосы съ золотистымъ отливомъ. Эти волосы были такъ изобильны, что грѣшница Магдалина могла бы завертываться въ нихъ, во время своихъ мірскихъ воспоминаній, чтобы скрыть отъ вѣтровъ пустыни жгущій пламень прошедшаго.

— Ну что, сказалъ отецъ, не правда ли копія стоитъ оригинала?

Я былъ озадаченъ сходствомъ: тотъ же рисунокъ, тоже выраженіе, тотъ же блескъ.

— Сибьоръ Скиавоне, по-моему вы превзошли вашего знаменитаго пращура: я не промѣнялъ бы вашего произведенія на его произведеніе или, лучше сказать, я отдалъ бы оригиналъ за копію. Есть ли же объясненіе этому чуду?

— Все что я могу вамъ сказать—эта фигура, писанная по преданію, портретъ моей прабабушки (шестнадцатаго вѣка). Извольте, я сейчасъ разскажу вамъ эту исторію.

Я промолвилъ нѣсколько словъ дѣвушкѣ, какую-то пошлость въ родѣ слѣдующей: вы также питаетесь цѣттами; вашъ умъ застрѣнаетъ мечтою, а душа оболещеніемъ. Она отвѣчала восклицательнымъ движеніемъ шеи и губокъ, поклонилась съ отмигнутой граціей и пошла къ лѣстницѣ. Мы съ хозяиномъ воротились къ картикѣ и Скіавоне началъ свой разсказъ.

« Вотъ исторія этого бѣднаго живописца, какъ я ее знаю, исторія гениальнаго человѣка, который умеръ не оставивъ по себѣ, на что его похоронить.

« Сначала онъ писалъ вывѣски. Родился онъ въ Себеньго, въ Далмаціи. Онъ пріѣхалъ очень молодъ въ Венецію, гдѣ ни одинъ тогдашній славный живописецъ не удостоилъ его чести взять къ себѣ въ ученики.

« Однакожъ разъ встрѣтилъ его Тиціанъ, когда онъ съ картинами въ рукѣ шелъ къ кунцу. Великій художникъ былъ пораженъ оригинальнымъ штрихомъ Скіавоне. Кто тебя научилъ такимъ прозрачнымъ тонамъ и такимъ прелестнымъ положеніямъ? Не знаю. — Отчего ты такой бѣдный? — Голодень.

« Тиціанъ взялъ Скіавоне за руку и отвелъ его въ бібліотеку Святаго Марка: — Вотъ тебѣ работа.

« Скіавоне написалъ три кольца подъ куполомъ; всадниковъ побѣждающихъ непріятелей; епископа помогающаго бѣднымъ; государя раздающаго награды воннамъ.

« Но послѣ нѣсколькихъ дней отдыха, онъ очутился нищимъ по-прежнему; онъ работалъ только затѣмъ чтобы заплатить долги да повеселиться на карнавалѣ. Тиціана онъ больше не встрѣчалъ, а идти къ нему не смѣлъ.

« Онъ утѣшался любовью одной хорошенькой дѣвушки, которую разъ вечеромъ увидѣлъ въ слезахъ на мосту Ріальто. — О чемъ ты плачешь? — Батюшка уѣхалъ, а матушка умерла: я одна одиноконья въ Венеціи. — Пойдемъ со мною; я тоже плачу и тоже одинъ.

« Она пошла за нимъ. Она отдала ему свою красоту, а онъ ей сердце. Но видно Богъ не благословилъ этого союза.

« Впрочемъ она не отчаявалась. Великій живописецъ слѣлалъ себя изъ искусства ремесло; писалъ вывѣски копій. Они жили въ маленькомъ домишкѣ, неподалеку отъ дворцовъ Барба-

риго и Фоскари. По ночамъ до нихъ долетали пѣсни веселья; имъ не спалось, потому что на желудкѣ было пусто.

« Джачинта голодала не за себя, а за дѣтей. Каждый годъ у нея прибавлялся ребенокъ, а со встрѣчи на Ріальто прошло уже восемь лѣтъ.

« Отцы Святаго Креста однажды пришли заказать Скіавоне Благовѣщеніе: онъ принялся за работу, думая что злые дни наконецъ минуютъ для его дорогой Джачинты. Когда картина была окончена, для церкви насталъ праздникъ. Вся Венеція стекалась приносить цвѣты мадонны.

« Живописецъ пробылъ до ночи въ церкви. Когда всѣ молебщики разошлись, онъ подошелъ къ отцамъ и попросилъ у нихъ деньжонокъ. — У насъ пѣтъ ихъ, возьми себѣ цвѣты, дань тво-ему гению.

« Скіавоне съ отчаяніемъ схватилъ два розовыхъ букета и кинулся вонъ какъ безумный. Джачинта на порогѣ двери встрѣтила его съ восьмерыми малюткамъ. — Розовые букеты! сказала она своей небесной улыбкою. — Да, вотъ чѣмъ платятъ Отцы Святаго Креста! отвѣчалъ Скіавоне, кинувъ съ бѣшенствомъ букеты къ ногамъ любовницы.

« Она поблѣднѣла и подняла розы. — Я пойду приготовлю ужинъ, сказала она; займи покуда дѣтей.

« Скіавоне позвалъ дѣтей въ мастерскую. Когда онъ воротился оттуда, столъ былъ накрытъ; всѣ дѣти усѣлись по привычнымъ мѣстамъ.

« Когда сѣлъ и Скіавоне, Джачинта подала на двухъ оловянныхъ блюдахъ ощипаппые розовые букеты.

« Это былъ послѣдній ужинъ Джачинты. Она не пережила безпрестанныхъ огорченій; умерла, оставивъ бѣдному Скіавоне осьмерыхъ дѣтей, которые будили его по утрамъ жалобнымъ крикомъ. Бѣдные штенцы, которыхъ matka улетѣла на-вѣкъ!

« Скіавоне пробовалъ одолѣть свою злую судьбину трудомъ, молитвою, гениемъ. Онъ умеръ отъ напряженія.

« Прекрасная дѣвушка, питающаяся розами, портретъ Джачинты. Вѣроятно, Скіавоне писалъ ее съ памяти, изливая всѣ слезы своего сердца. Не правда ли, грустно глядѣтъ на эти розы, когда вспомнишь про ужинъ, за которымъ не было крохи хлѣба?

« Увы! прибавилъ Скіавоне помолчавъ пѣсколько, я не имѣю генія, а живу во дворцѣ! Который изъ двухъ Скіавоне бѣднѣе?

Онъ отеръ слезу.

Я печально поклонился Джачинтѣ. Постепенно я открывалъ

подъ ея небесной улыбкой все мученія, которыя свели ее въ могилу.

Послышавшаяся чья-то походка, я обернулся, переполненный чувствомъ, овладѣвшимъ моею душою. То опять была Джанчита или лучше, снѣбора Скиавоне. Она пришла сказать отцу о прѣздѣ русскаго консула.

КОРСИКА. *Бандиты. Вендетта. Лукезцы. Земледѣліе и промышленность. Вечеры.* Въ 1845 году, — рассказываетъ одинъ французскій путешественникъ, который, кажется, лучше другихъ осмотрѣлъ эту страну, — я отплылъ изъ Марсели въ Корсику, по приказу военнаго министра. Перѣздъ нашъ продоллся не болѣе двадцати-двухъ часовъ. На разсвѣтѣ мы объѣхали Кровавые Острова и передъ нами открылся заливъ Ляччіо. Издали Корсика имѣетъ важный и суровый видъ. Пейзажемъ повелѣваетъ гора Ротондо, покрытая блестящими снѣгами. Длинныя цѣпи горъ отдѣляются отъ главной группы и со всѣхъ сторонъ сходятся, понижаясь къ морю; такимъ образомъ онѣ составляютъ величественный амфитеатръ, котораго пространство глазъ едва обнимаетъ. Берегъ повсюду расходится образуя выемки, могущія помѣщать въ себѣ снѣжные флоты. Мысы и косы ограничиваютъ ихъ окружность, и громады странно группированныхъ утесовъ, которые будто скатились съ горъ на средину ихъ, показываютъ мореходцу опасныя скалы.

Мы высадились въ девять часовъ утра. Насъ пріютили въ гостиницѣ Востокъ на бульварѣ Наполеона, обсаженномъ апельсиновыми, деревьями, рѣдкими даже въ Корсикѣ... Мы за обѣдомъ. Общество состоитъ изъ королевскаго прокурора, сборщика податей, капитана корсиканскихъ вольтижеровъ и изъ двухъ ротныхъ офицеровъ десятаго линейнаго полка. Бандиты, «изгнанники», а не разбойники, по принятому здѣсь различію, служили исключительно предметомъ разговору. Очень желалъ бы припомнить все, что намъ рассказывали любопытнаго про этихъ людей, совращенныхъ съ честнаго пути по большей части предрасудкомъ, которому воспитаніе и примѣръ придаютъ неодолимую силу. Нѣкоторые изъ нихъ оказываютъ мужество, хладнокровіе и рѣшимость, какія стоили бы примѣненія къ великимъ и похвальнымъ дѣламъ. Многіе родились съ миролюбивымъ нравомъ, а въ исполненіи своихъ плановъ мщенія превзошли съ непріятелями свирѣпость дикарей. Они никогда не наносятъ насмѣй лицамъ и уважаютъ собственность до такой сте-

вѣнъ, что скорѣе терпѣть голодь чѣмъ дотронутся до чужаго добра.

Чѣско Антоне, славный своими жестокостями, мучимый нуждою, заходитъ въ какой-нибудь уединенный домъ и требуетъ пищи, которая поддержала бы его силы. Не имѣя денегъ на расплату, онъ оставляетъ въ залогъ пистолеть, важную часть своего вооруженія. Залога не хотѣть брать, онъ гордо наставляетъ и удаляется въ свои мѣки. Другой бандитъ; также измученный голодомъ, требуетъ себѣ обѣда въ одномъ домѣ, котораго хозяйка дрожать при видѣ его. Пообѣдавъ, онъ спѣшиво кидаетъ на столъ пятифранковую монету въ уплату за убытокъ и когда хозяйка не рѣшается принять плату, онъ спрашиваетъ, развѣ его считаютъ за бездѣльника. Какой-то мелкій воръ вздумалъ воспользоваться ужасомъ, который распространялъ по околотку одинъ славный бандитъ; подписался этимъ громкимъ именемъ подъ письмомъ къ одному богатому человѣку, грозя ему смертию, если тотъ не положитъ значительную сумму денегъ въ назначенное мѣсто. Бандитъ какими-то судьбами провѣдалъ о злоупотребленіи его имени. Онъ спрятался въ засаду близъ мѣста, гдѣ было назначено положить деньги, и когда разбойникъ, принявъ всѣ возможныя предосторожности, явился удостовѣриться, имѣла ли угроза дѣйствіе, бандитъ положилъ его за мертво ружейнымъ выстрѣломъ, совершивъ это убійство прехладнокровно чтобы показать всѣмъ и каждому свою неспособность къ воровству. Записка оставленная на трупѣ извѣщала о причинѣ смертоубійства. Точно также всегда поступалъ Санта-Лючія. Умертвивъ кого-нибудь изъ своихъ враговъ, онъ всегда извѣщала что это его дѣло, чтобы подозрѣніе не падало ни на кого, кромѣ его.

Санта-Лючія, прозванный такъ отъ деревни гдѣ родился, можетъ считаться самымъ совершеннымъ образцомъ людей этого быта. Его имя повторяется всѣми. При иныхъ обстоятельствахъ, изъ него можетъ-быть вышелъ бы герой. Онъ еще молодой человѣкъ, съ порядочными манерами; хорошо одѣвается и говорить съ большой легкостью. Онъ долго жилъ скромно и ничто не заставляло думать, что онъ современемъ сдѣлается такъ страшенъ. Старшій братъ, котораго онъ весьма любилъ, былъ отданъ подъ уголовный судъ и приговоренъ къ безчестному наказанію, въ силу показаній вѣсколькихъ свидѣтелей, которые будто бы неказали обстоятельства дѣла или даже вовсе выдумали. Санта-Лючія поклялся погубить ихъ и немедленно при-

студить къ исполненію клятвы. Первой жертвою, павшей отъ его руки, былъ одинъ старикъ, котораго показаніе имѣло большое вліяніе на приговоръ присяжныхъ. Старикъ утверждалъ въ судѣ, что собственными глазами видѣлъ одно важное обстоятельство во-вредъ подсудимому, и клялся Мадонною, что показаніе его вѣрно.

Застѣвши въ мѣки на дорогѣ, по которой несчастный долженъ былъ возвращаться домой, Санта-Лючія подстергъ его на пути, схватилъ, раздѣлъ до нага, привязалъ къ дереву и, выколовъ ему глаза книжаломъ, надрѣзалъ на-спинѣ крупными буквами надпись, въ которой объявилъ, что именно онъ покаралъ ложнаго свидѣтеля. Впередъ, писалъ онъ, его глаза не будутъ видѣть небывалыхъ преступленій, и его лживый языкъ не будетъ уже обманывать людское правосудіе.

Спусти двое-трое сутокъ, онъ среди бѣлаго дня является въ Аяччіо и закалываетъ на бульварѣ другаго свидѣтеля, уважаемаго врача. Попытаны поимать его, но не успѣли. Одинъ вооруженный таможенный схватилъ его за воротъ, Санта-Лючія проткнулъ противника книжаломъ и убѣжалъ изъ города. Въ бѣгствѣ онъ потерялъ шляпу, за которую дерзко прислалъ къ коменданту города, возвращая ему на обмѣнъ ружье, которое отпалъ у несчастнаго таможеннаго. Ничто столько не характеризуетъ отвагу этого человѣка, какъ слѣдующій случай. Послѣ убійства врача въ Аяччіо, онъ тѣмъ же вечеромъ воротился ночевать въ городъ, разсудивъ очень здраво, что поиски полиціи будутъ направлены въ окрестности. Однако жъ вскорѣ онъ счелъ за лучшее для своей безопасности перебраться въ Сардинію. Едва прибылъ онъ на островъ, какъ нашелъ средство избавить островъ отъ одного злодѣя, которому преступленія придали несчастную знаменитость. Сардинское правительство, въ признательность за эту услугу, дало ему право убѣжища. Но онъ не могъ удержаться отъ искушенія посѣщать по временамъ Корсику, гдѣ одно имя его навело блѣдность на самыхъ безстрашныхъ. Онъ явился въ Бонифачіо, запертомъ городѣ, въ то время когда ревизионный совѣтъ находился въ дѣйствиіи. Его узнали, но ни кто не посмѣлъ донести на него.

Благодаря такой безнаказанности, вендетта не прекращается въ Корсику. Доносомъ всякій гнушается, боясь сверхъ-того быть застрѣленнымъ. Доносчика ожидаетъ вѣрная смерть, если обвиненный не попалъ немедленно въ руки правосудія.

Днемъ, бандиты скрываются среди скалъ либо въ чащѣ маки

Они вооружены съ ногу до головы; но, отнюдь не вѣща борьбы съ солдатами преслѣдующими ихъ, они тщательно избѣгаютъ встрѣчи съ ними, и стрѣляютъ только въ случаѣ послѣдней крайности. По большой части они скорѣе убиваютъ себя сами, нежели сдаются жавдармамъ. Если они бывають ранены, за помощію имъ дѣло не стоитъ. Тотчасъ посылають за врачомъ ближайшаго мѣстечка или города, и мой знакомый, москѣ Пьетро, часто бывалъ приглашаемъ въ горы для пособія этимъ несчастнымъ. Когда перевязка сдѣлана, остальное довершить время, и за тѣмъ снова начипается жизнь приключеній. Такимъ образомъ, эти люди проживають вѣвъ закона по цѣлымъ годамъ, чуждые домашнихъ удовольствій и всякаго общества. Прежде, бывало, они удалялись въ Сардинію и увеличивали собою населеніе кой-какихъ бѣдныхъ прибрежныхъ мѣстечекъ. Издали они глядѣли на горы родимаго острова, до-тѣхъ поръ пока, увлекшись желаніемъ навѣстить его, сѣлились въ лодку и плыли къ берегу, чтобы подвергаться тамъ новымъ опасностямъ.

Рѣдко бываеть, чтобы корсиканскимъ вольтижерамъ удавалось ловить ихъ. Съ мѣста, выбраннаго въ убѣжище, они помощію подзорной трубки, не будучи сами видны, слѣдятъ за движеніями преслѣдователей; когда тѣ слишкомъ приблизились, они остаются неподвижными, пока солдаты или жавдармы удалятся. Они никогда не вочують въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Пастушій шалашъ, развалины покнутаго дома, пещеры, дула толстыхъ деревьевъ — обыкновенныя мѣста ихъ ночлега. Нерѣдко они выкапывають себѣ землянки, прикрытыя листьями либо дерномъ, и забиваються туда на ночь. Днемъ они скитаются въ маки, посѣщаютъ кой-какіе уединенныя дома, гдѣ имѣють пріятелей, выходятъ на дороги если запаслись вѣрными свѣдѣніями, и не боются подходить къ путешественникамъ и вступать съ ними въ разговоры. Они скрываютъ свое настоящее состояніе, но ихъ легко узнать по рѣзкости тѣлодвиженій, по небрежности одежды, особенно же по блуждающимъ глазамъ, то и дѣло поглядывающимъ вокругъ.

По мѣрѣ возможности, они не совершають преступленій вѣвъ круга очерченнаго ихъ мщеніемъ. Капитавъ корсиканскихъ вольтижеровъ, москѣ Сартенъ, два раза былъ подъ дуломъ ружья Санта-Лючія, который могъ безнаказанно застрѣлить его, но не тронулъ. Королевскій прокуроръ развѣзжаеть, составляетъ протоколы, подписываеть приказы объ арестѣ и почти всегда бываеть

цѣль и непредѣлнъ: отъ исполняетъ свою должность, и ему не мешаютъ.

Прежде *вендетты* простирались на всѣхъ членовъ фамиліи, которыя вели войну между собою. А какъ въ Корскіе родство растаивается въ безконечность, потому что почти всѣ зовутъ другъ друга братьями, то ищевію всегда было на кого обращаться. Нынче мѣсть останавливается на двоюродномъ братѣ, а всѣ прочіе родственники уволены отъ нея. Когда началась *вендетта*, человѣкъ слѣдитъ человѣка, какъ на охотѣ, и опасность бываетъ гораздо больше, нежели когда дѣло идетъ объ избѣжаніи отъ жандармовъ. Случалось, что Корскашцы покидали домъ, отступались отъ своихъ занятій и иѣсколько мѣтъ скитались по маки, подстерегая непріятелей. Ничтò не останавливаетъ и не замедляетъ этихъ преслѣдованій, ни знойная, ни дождливая пора года. Преслѣдователи проходятъ самыя отдаленныя разстоянія, высиживаютъ самыя долгія засады; побораютъ голодь, жажду и бессонницы. Какъ-скоро выстрѣлъ сдѣлаетъ съ пользою, нападеніе прекращается, начинается защита. Родственникъ убитаго бандита въ свой чередъ пускается на *вендетту*, а преслѣдователь векорѣ превращается въ преслѣдуемаго. Это игра въ запуски, съ перинетіями, которыхъ развязкою служатъ ружейные выстрѣлы. Такія войны, которыя часто ведутся человѣкомъ на человѣка, производятся иногда также семействомъ на семейство. Это уже *вендетты* большаго размѣра и число совершаемыхъ убійствъ соразмѣрно съ числомъ лицъ участвующихъ въ этихъ кровавыхъ раздѣлкахъ. Рѣшительно тоже, что *баранта* у Киргизовъ.

Намъ совѣтовали протѣзжать какъ-можно скорѣе омолотокъ, орошаемый рѣчкою Фіуморбо. Эти мѣста очень нездоровы, особенно по утрамъ, и мосьѣ Руджіери хотѣлъ задержать нашъ отъѣздъ до-тѣхъ поръ пока солнце разгонитъ вредныя испаренія, которыя образуются ночью и разстилаются по землѣ. Мы подумали, что предосторожность была излишня, и на разсвѣтѣ очутились уже на самой серединѣ Фіуморбо. Русло рѣчки катитъ удивительное множество камешковъ, которые дѣлаютъ переѣздъ черезъ нее затруднительнымъ и почти опаснымъ. Здѣшняя часть дороги однообразна, и мосьѣ Маріани, единственный спутникъ еще оставшійся у насъ, развлекалъ скуку пути разсказами кой какихъ исторій изъ своей молодости: онѣ были для насъ любопытны, какъ образчики корскашскихъ нравовъ.

Одинъ тамошній молодой человѣкъ усердно ухаживалъ за его сестрою, которая не была не чувствительна къ его вниманію.

Какъ счастливый любовникъ обыкновенно долженъ жениться, либо, въ случаѣ отказа, быть готовымъ встрѣтить пулю въ голову или остріе кинжала въ грудь, то онъ знаетъ впередъ свою судьбу. Въ подобныхъ случаяхъ даже надзоръ не считался нужнымъ. Дѣло зашло очень далеко, а молодой человѣкъ не сватался; онъ былъ богатъ и любилъ удовольствія. Маріани, которому тогда было едва семнадцать лѣтъ, примѣтилъ полную короткость любовниковъ; ему не трудно было подстеречь ихъ, и онъ явился передъ ними неожиданно. Увидѣвъ, что они встревожились отъ его появленія, онъ улыбнулся и спокойно сказалъ: «Что жъ! скоро ли свадьба?» Нареченный зять оказался вовсе не расположеннымъ отвѣчать точно и опредѣленно. Маріани началъ наставлять, но также безъ успѣху; тогда онъ перемѣнилъ тонъ. «Я охранитель чести нашего дома, потому что отецъ умеръ, а старшій братъ въ отсутствіи. Берегитесь, прольется кровь; не смотрите, что я молодъ; вы можете убить меня, но я взялъ свои мѣры; въ двухъ шагахъ отсюда, въ сосѣдней комнатѣ, черезъ которую одну вамъ можно уйти, находится одинъ изъ моихъ родныхъ вооруженный какъ слѣдуетъ, и убьетъ васъ безъ пощады. Всѣ эти убійства ничего не поправятъ; потому рѣшайтесь и выходите изъ дѣла порядочнымъ человѣкомъ, какъ *galantuomo*.» Любовникъ попросилъ сроку для формальнаго сватовства; ему дали срокъ. Между-тѣмъ фамилія Маріани взялась за оружіе, и какъ молодой человѣкъ еще увертывался, то ему погрозили пулею. Его родные, которые метли бы за него за мертвого, не стали поддерживать увертокъ и откладываній живаго. Оставшись одинъ противъ всѣхъ, онъ добровольно покорился участи и сдѣлался отличнымъ мужемъ и прекраснымъ зятемъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, тотъ же Маріани, уже будучи женатымъ и отцемъ семейства, оказался припужденъ войти въ вендетту. Одинъ изъ его родныхъ былъ умерщвленъ землякомъ. Убійца немедленно бѣжалъ и убрался въ маки. Маріани, въ сопровожденіи другаго родственника, тотчасъ пустился въ погоню за нимъ. Эта маленькая война длилась у нихъ годъ и осемь мѣсяцевъ. Въ ней бывали встрѣчи издали, обмѣны ружейныхъ выстрѣловъ, ночныя и дневныя засады, изъ которыхъ были продолжались по нѣскольку недѣль. Обѣ партіи имѣли своихъ шпионовъ, развѣдывавшихъ ихъ мѣры, такъ, что и нападеніе и защита были затруднительны. Наконецъ преслѣдователи узнали, что ихъ врагъ долженъ былъ почевать въ одной хижинѣ, которой положеніе они знали въ подробности. Они подобрались туда

на разсвѣтъ и застѣгли преслѣдуемаго; къ-несчастью, говорилъ Маріани, къ нимъ пристали жандармы, которые также были предупреждены, такъ, что походъ производился съобща. Бандитъ, схваченный и связанный, сносилъ голову: жандармы не дали его убить, обстоятельство благополучное, потому что вендетта немедленно продолжалась бы родственниками убитаго, и Богъ вѣсть, что еще случилось бы съ преслѣдователями! Уголовный судъ приговорилъ убійцу къ каторжной работѣ на десять лѣтъ. Наказанію истекаетъ срокъ, и Маріани увѣренъ, что освобожденный каторжаникъ постарается убить его тотчасъ, какъ покинетъ галеры. Со времени ареста его непріятеля, Маріани лишился всякой безопасности. Касательно местъ, нельзя сослаться ни на какое правило, и часто бывали примѣры хладнокровныхъ смертоубійствъ, въ удовлетвореніе за обиду, понесенную лѣтъ за пятнадцать, шестнадцать и больше. Когда Маріани отъѣзжаетъ изъ Порто-Веккіо, онъ никому заранѣе не говоритъ о своей повѣздкѣ, и пускаясь въ дорогу, ни зачѣмъ не сказывается, куда ѣдетъ. Многіе разсудительные люди, порицающіе вендетты, принуждены вопреки себѣ уступать мнѣнію: могущество предрасудка въ Корсики таково, что всякій, оставившій безнаказанною смерть одного изъ своихъ ближнихъ или ограничившійся жалобою въ судъ, считается обезчещеннымъ. Слѣдовательно, люди берутся за оружіе, но единственно по необходимости, точно также какъ во многихъ случаяхъ принимаютъ дуэльный вызовъ, чтобы угодить требованіямъ условной чести.

Пріѣзжаетъ въ Алерію. Древняя колонія Силлы никогда не была большой важности, даже во времена Римлянъ. Плиній упоминаетъ объ ней, равно какъ о Маріани, основанной на берегахъ Голо.

Римляне считали Корсику за безлюдную страну, пригодную развѣ только служить мѣстою ссылки. Оттого-то былъ сосланъ туда философъ Сенека. Онъ провелъ на островѣ долгія семь лѣтъ и разсыпаетъ на него ругательства, которыя показываютъ много досады и мало справедливости. Онъ говоритъ, что это страна варварская, гдѣ на каждомъ шагу только широкія и ужасныя пустыни, гдѣ осень не приноситъ плодовъ, а лѣто жатвы, земля не раститъ оливныхъ деревьевъ; гдѣ едва растетъ трава; нѣтъ даже воды; зной каннакулъ пожигаетъ поля и не оставляетъ ни малѣйшей тѣни путешественнику. Между тѣмъ, страна отнюдь не такъ дурна, какъ описываетъ ее Сенека. Но таково умъ дѣй-

стве ссылки: воспоминаніе о покинутой родинѣ провожаетъ изгнанника на чужую землю.

Единственные римскіе остатки, еще уцѣлѣвшіе въ Алеріи, развалины амфитеатра; онѣ ничуть не любопытны, а изъ осмотра мѣста нельзя заключить, каковы были размѣры зданія.

Мы услышали, что Франческетти завелъ большую ферму на берегахъ Голо. Послѣ краткаго отдыха, мы пустились въ путь и началъ спускаться на равнину.

Франческетти расчистилъ нѣсколько сотъ десятинъ маки и храбро поселился среди этой мѣстности, которой вся плоскость открыта солнечнымъ лучамъ. Земля песчаная, а все, чтѣ ей въбрюютъ, удастся какъ-нельзя лучше. Десятина земли, до расчистки, на всемъ берегу стоитъ около трехъ-сотъ франковъ. Нужно бываетъ потратить такую же сумму, чтобъ сдѣлать землю годною для посѣву. Землю взвращиваютъ, вырываемыя растенія сожгаются и служатъ тукомъ. Отъ этого получаютъ средственные земли, которыхъ нельзя улучшить навозомъ, очень рѣдкимъ въ Корсику. Франческетти полагаетъ самыя богатыя свои надежды на разведеніе шелковыхъ деревьевъ, и онъ правъ: его плантацин, несмотря на ихъ юность, уже изобильны и сулятъ прибыльные результаты. Онъ одинъ управляетъ ими и для обработки земли употребляетъ только Лукезцевъ. Пора сказать кое что объ этихъ истинно необыкновенныхъ людяхъ.

Корсикавцы зовутъ Лукезцами всѣхъ Итальянцевъ, которые, за жалованье, ежедневно являются къ нимъ услугамъ для работъ, требующихъ употребленія значительной силы мышцъ. По большей части эти рабочіе приходятъ изъ великаго герцогства Лукки, но также изъ Піомбино и нѣкоторыхъ другихъ сосѣднихъ мѣстъ. Въ походѣ зимы, они соединяются въ компаніи человекъ отъ десяти до пятнадцати и добровольно поступаютъ подъ начальство одного изъ своихъ земляковъ, который уже бывалъ на островѣ и знаетъ тамъ мѣста и людей. Этотъ человекъ является къ мѣстному начальству и объявляетъ о своемъ намѣреніи отправиться на Корсику. Если онъ пользуется добрымъ именемъ, его утверждаютъ старшиною; запинываютъ имена его людей, которые немедля пускаются въ море, съ легкою поклажею и съ денежнымъ запасомъ, необходимымъ только на дорогу. Каждого изъ нихъ принимаютъ на пароходы, за плату по пяти франковъ съ человека. Тамъ они мѣстятся какъ Богъ привелъ, жмутся одинъ къ другому, и во время маневровъ даютъ ходитъ на себя погами, не шелохнувшись. Какъ скоро пристали къ берегу, карогае

забавляется помѣщеніемъ своихъ людей. Онъ ихъ вожатый и, въ случаѣ надобности, защитникъ. Онъ управляетъ хозяйствомъ и рассчитывается съ хозяевами.

Лукезецъ работаетъ съ восхода солнца до заката, значить лѣтомъ его рабочій день бываетъ часовъ пятнадцать или шестнадцать. Если на дворѣ дождь, рабочій долженъ оставаться до тѣхъ-поръ, пока на немъ не останется сухой нитки. Тогда ему позволяется развести огонь изъ хвороста и просушиться. Часть съ четвертью дается ему на отдыхъ среди дня и на обѣдъ, неизмѣнно состоящій изъ каштанной поленты. Одиная изъ товарищей обязанъ приготовить обѣдъ. Минуть за двадцать до обѣда онъ отходитъ отъ прочихъ работниковъ, разводитъ огонь изъ валежника, котораго въ Корсиакѣ изобиліе; наливаетъ горшокъ воды, кладетъ туда, когда потребуется, каштанной муки; варено производится: онъ выливаетъ тѣсто на доску, даетъ ему отвердѣть, потомъ съ большой ловкостью и справедливостью раздѣляетъ его помощью сурка. Ковчивъ это, онъ кличетъ товарищей, и тѣ молча сѣдаютъ свои порціи; за тѣмъ кружка воды обходитъ кругомъ. Рабочіе на-минуту прилягутъ въ тѣни, если есть поблизости какое-нибудь дерево, и идутъ опять на работу, не думая о палящемъ солнцѣ. Наступаетъ вечеръ, рабочіе ужинаютъ, точно такъ же какъ обѣдали, и каждый удаляется подъ соломенный навѣсъ. Голая земля, доска, иногда кусокъ грубо сплетенной цыновки, служатъ постелью, и сонъ не замедливаетъ. Въ воскресенье послѣ обѣда, къ полентѣ прибавляется праздничное блюдо, треска, а по торжественнымъ днямъ, напримеръ въ Пасху или въ Духовъ день, лакомятся и виномъ. Эта роскошь влечетъ за собою повышеніе издержекъ отъ пятнадцати до двадцати сантимовъ съ человѣка.

Такимъ образомъ дни проходятъ въ работахъ, которыхъ однообразіе не нарушается ничѣмъ. Но осень позднеетъ; пора домой. Домашнія воспоминанія становятся живѣе и тревожнѣе, сердце бьется при мысли о дѣтяхъ, давно не видавшихъ отцовской ласки; о женѣ; о друзьяхъ, которымъ хочется скорѣе пожать руку. Просыпаются и волнуются честолюбивые помыслы; купятъ ли тотъ клочекъ земли, на который зарылись? Дешево ли его купятъ? Можно ли будетъ порасширить жилище семьи и сѣдлать ей корову при отправленіи? Такіе важные вопросы, рѣшаемые на сто различныхъ ладовъ, остаются всегда нерѣшенными; чаще пересчитываютъ маленькую казну, которая больше

да больше полнѣтъ. Наконецъ день отплытія назначенъ, вѣдутъ, вѣтеръ попутный, море тихо, прїѣзжаютъ, то-то радость!

Лукезецъ можетъ зарабатывать круглымъ счетомъ по одному франку семидесяти пяти сантимовъ въ день. Какъ суточный расходъ, при всей видимой невѣроятности дѣла, не превышаетъ двадцати или двадцати пяти сантимовъ, то чистаго заработка остается одинъ франкъ пятьдесятъ сантимовъ. Почти на сто шестьдесятъ рабочихъ дней, съ 15 октября по 1 июня, за вычетомъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, остается двѣсти сорокъ франковъ экономіи. Какъ въ Корсику ежегодно являются слишкомъ шесть тысячъ лукезскихъ рабочихъ, то выходитъ, что въ ущербъ острову, съ него вывозится деньгами около одного миліона пяти сотъ тысячъ франковъ.

Лукезцы народъ испытанной вѣрности: нѣтъ ничего рѣже какъ появленіе ихъ въ судахъ для выслушанія приговоровъ наказанія. Выбравши себѣ хозяина, они привязываются къ нему каждагодно, какъ ласточки къ своимъ гнѣздамъ. Ни какіе тяжкіе труды не пугаютъ ихъ. Они дѣлаютъ дороги, мосты, осушки, расчистки, строятъ дома, выдѣлываютъ уголь, известку, и прочее. Корсиканцы боятся уронить свое достоинство, унизясь до такихъ суровыхъ работъ. Иногда они рѣшаются работать на своихъ наслѣдственныхъ участкахъ, но всегда какъ можно меньше и только въ случаѣ неминуемой нужды. Несчастные Лукезцы въ пренебреженіи на островѣ, который орошаютъ своимъ потомъ. Когда Корсиканецъ хочетъ выбрать своего земляка, то называетъ его Лукезцомъ: это значитъ уважать себя и поражать презрѣніемъ добродѣтели, которымъ подражать не можемъ. Лукезцы народъ отличный, и безъ сомнѣнія отъ ихъ разума немудрено было бы добиться такихъ же выгодъ, какія получаются отъ ихъ тѣлесной крѣпости. «Сколько Лукезцовъ пойдетъ въ одного Корсиканца?» презрительно говорилъ одинъ житель Бастіи при Итальянцѣ твердой земли. «Справедливѣе было бы спросить, отвѣчалъ ему Итальянецъ, сколько пойдетъ Корсиканцевъ въ одного Лукезца?» Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ долженъ бы принять такой оборотъ, если бы моральная сила не превышала физическую силу и если бы благородство характера вольнаго человѣка не стояло выше смиренной покорности поденщика.

Пища Лукезцевъ, чисто растительная и безъ всякой примѣси азота, замѣчательна своимъ крайнимъ однообразіемъ, однакожь при немъ здоровье не страдаетъ и сила поддерживается наравнѣ съ тучностью. Нѣсколько лѣтъ тому, на кантаны былъ

неурожай; поочередно пробовали замѣнить ихъ мясомъ, картофелемъ и хлѣбомъ. Эта пища, стоя дороже, казалась хуже и силы убывали примѣтнымъ образомъ. Въ дѣтетики дознано и принято за фактъ науки, что разнообразная пища необходима для сохраненія здоровья. Сказанное нами, по-видимому, ослабляетъ этотъ законъ, основанный единственно на теоріи.

Сотрудничество Лукезцевъ въ земледѣльческихъ работахъ, — большое зло: оно питаетъ тунеядство Корсиканцевъ, которые довольствуются малымъ не столько изъ философіи, сколько изъ лѣнности. Чтобы извлечь ихъ изъ этой апатіи, надо неможко потрясти въ нихъ страсти. Извѣстно сколько дѣятельности и мужества они выказали при сверженіи генуэзскаго яга. Степень ихъ, между народами, почетная; чтобы заслужить всеобщее уваженіе, имъ остается выгладить свои нравы трудомъ, торговлею и промышленностью.

Положеніе ихъ никогда не было такъ хорошо; полная независимость была бы для нихъ меньше выгода. Франція обходится съ Корсикою, какъ съ воспитанницею, которая стоить ей дорого и которой она спускаетъ разныя маленькія вольности. Законы послабляютъ свою строгость въ пользу острова; сборъ налоговъ производится съ чрезвычайной снисходительностью. Непрямыя пошлины вовсе нѣтъ; позволено даже разведеніе табаку, чего нѣтъ ни въ одной изъ французскихъ областей. Казна даетъ Корсикѣ ежегодно около трехъ милліоновъ франковъ. Дороги, могучее средство благоденствія, скоро перекрестятъ островъ по всѣмъ направленіямъ, не смотря на природныя препятствія, по которымъ это кажется невозможностью. Роятся гавани; учреждены общепользныя заведенія; всѣми возможными способами правительство старается распространить до самыхъ отдаленныхъ частей острова благо просвѣщенія. Казалось бы, Корсиканцевъ должно одушевлять благородное соревнованіе, желаніе содѣйствовать общему процвѣтанію ихъ страны. Они должны бы стараться усовершенствовать земледѣліе, помогать усиліямъ, какія правительство дѣлаетъ въ ихъ пользу. Ничего не бывало: они только смотрятъ поджавши руки на исполненіе плановъ, которыхъ окончаніе связано съ ихъ благополучіемъ. Въ началѣ весны вышшняго года, отъ четырехъ до пяти-сотъ рабочихъ трудились надъ дорогою изъ Бонифачіо въ Бастію; между ними было шестеро Корсиканцевъ, да и тѣ подмастерья либо надзиратели. Всѣ матеріальныя улучшенія, сопряженныя съ пользою страны, производятся лицами чуждыми острову, и верѣдко даже Франціи.

Въ результатѣ оказывается, что расходуемые капиталы, вмѣсто того чтобъ оставаться въ Корсики, выходятъ изъ нея, и ничто великое и полезное не можетъ предприниматься туземцами.

До посѣщенія Корсики, такого любопытнаго острова, полагаюсь на рассказы и описанія, я считалъ его опредѣленнымъ на благоденствіе, къ которому теперь считаю его неспособнымъ.

Геологическія условія острова противятся тому, чтобъ онъ сдѣлался земледѣльческою страной. Онъ гористъ во всѣхъ своихъ частяхъ, кромѣ восточной, гдѣ нѣсколько равнинъ отдѣляютъ отъ моря послѣдніе скаты горъ. Эти равнины болотисты, нездоровы либо покрыты камнями, которые дожди и потоки натакали въ нихъ съ горъ. Хотя возвышеніе общей массы произвело въ центральномъ пунктѣ Монте-Ротондо, однако второстепенные хребты, значительной вышины соединяются между собою поперечными, составляющими неразрывную сѣть. Долины большихъ рѣкъ. Потоки воды, довольно многочисленныя, пролагаютъ себѣ пути сквозь тѣсныя разсѣлины, или протекаютъ по дикимъ ущельямъ, безъ всякой пользы для земледѣлія. Рѣки ручьи, Тавиньяно, Голо, Лямоне, Фіуморбо, питаемые почти всѣ тающими снѣгами, даже лѣтомъ изобильны водою. Слѣдовательно въ водѣ Корсика не терпитъ недостатку, но на ней нѣтъ пахатныхъ земель. Многія горы рѣшительно обнажены. Существованіе макъ, которыя покрываютъ пять шестыхъ долей острова не доказываетъ чтобы земля, находящаяся подъ ними, могли быть удобно расчищены; слой растительной земли тонкъ, и плугъ долженъ изломаться объ туфъ. Земля неспособна ни къ какому роду воздѣлыванья чрезвычайное количество и, поглядѣвъ на вещи поближе, найдемъ, что очень немногія земли; способныя къ обработкѣ остаются необработанными, и обрабатываются быть-можетъ лѣнливо, но упорно

Дальше Корсиканцы не пойдутъ. Они владѣютъ малостью, но для нихъ эта малость достаточна. Принужденные нескончаемыми войнами искать убѣжища на высотахъ, они покпили равнину и окружили свои селенія рощами каштановъ, которые безъ труда даютъ имъ здоровую и изобильную пищу. Долгое время они помышляли быть только солдатами и переходили отъ чрезмѣрной дѣятельности къ совершенному бездѣйствію. Находя плохое локровительство въ законахъ, они долгое время должны были надѣяться на самихъ себя, чтобы добиться правосудія. Гордясь по большей части фамильными преданіями, отпавшими къ ихъ подвигамъ во время войнъ съ Пизавцами и Генуэзцами, они не-

таютъ глубокое уваженіе сами къ себѣ и считаютъ себя въ правѣ пренебрегать сельскими работами и людьми, которые занимаются этими работами. Не имѣя, подобно Гимлянамъ, работъ для обработки земель, они имѣютъ Лукезцовъ, которые замѣняютъ имъ рабовъ и которыми они гнушаются, какъ низшими.

Для дополненія очерка острова, скажемъ вѣскольکو словъ еще объ одной особенноти мѣстныхъ нравовъ, о «вочерахъ». Восеги, пѣсни по мертвыхъ, если не исключительно свойственны Корсикѣ, то получаютъ въ ней важное значеніе по тому вліянію, какое большаѧ часть ихъ должна производить. Многіе народы имѣютъ народныя пѣсни, но ихъ пѣсни не связаны, подобно здѣшнимъ, съ гоопредствующей страстью народа, и не имѣютъ въ виду возбуждать ярость живыхъ, оплакивая мертвыхъ. «Вочеры» произносятся въ честь покойника, или въ присутствіи трупа, или и тогда, когда трупъ удаленъ, въ видѣ поминокъ. Обыкновенно женщины произносятъ «вочеры», импровизируя ихъ съ изумительной легкостью и энергією. Пѣкоторыя женщины приобрѣли родъ славы этимъ талантомъ. Онѣ идутъ впереди похоронной процессіи и импровизируютъ медленно, но одушевленно. Лучшіе «вочеры» обращаются въ народѣ и потомъ поступаютъ въ сборники народныхъ пѣсень. Они не имѣютъ характеру надгробныхъ рѣчей; не говорятъ о доблестяхъ покойника: воѣ-равно, былъ онъ добродѣтельный или злодѣй, невинный или преступникъ, его жалѣютъ; его не стало, и довольно, давай же плакать о немъ. Вочеры, произносимыя въ обыкновенныхъ случаяхъ, почти всѣ слагаются на одинъ ладъ. Во всѣхъ въ нихъ растечаются похвальные эпитеты, показывающіе пѣжность и сожалѣніе; вѣкоторыя прелестны своей наивностью. Простыя вочеры конечно не могутъ оказывать вреднаго вліянія на нравы, заключая въ себѣ одни вѣжныя чувства; но не такъ бываетъ съ вочерами въ память людей, убитыхъ на вендеттѣ. Поэтисса никогда не занимается моральностью дѣйствія: бандитъ, убитый жандармомъ послѣ того какъ самъ надѣлалъ множество жертвъ, прославляется столько же какъ безобидный человекъ, умерщвленный врагомъ. Да впрочемъ, жандармъ въ Корсикѣ не иное что, какъ противникъ: онъ ни Корсиканецъ, ни Французъ, а Turchino, поганый Турокъ.

Среди образованной Европы, Корсика единственная земля, гдѣ дикіе нравы устояли противъ цивилизаціи. Въ другихъ мѣстахъ совершается не меньше преступленій, но тамъ каждая страсть платитъ свою дань; въ Корсикѣ месть господствуетъ надъ всѣ-

ми прочими и одна задесть вдовою работы судамъ. Вечеры опасны по ихъ связи съ вендеттами, и съ нихъ-то надо бы начать реформу нравовъ: Для образчика вотъ вочера сестры бандита Канино, на смерть брата.

«Я хотѣла бы чтобъ мой голосъ былъ могучъ какъ громъ и чтобъ онъ могъ перелетѣть за ущелье Виццавоне, возвѣстить всѣмъ геройскій подвигъ Галлоно.

«Всѣ деревенскіе пазъ Раццы, всѣ соединились съ этимъ проклятымъ племенемъ, съ солдатами и бандитами (въ смыслѣ переметчиковъ) и поутру рано они вдругъ пустились въ путь.

«Вдругъ пустились въ путь подъ звукъ гимбарды, всѣ собравшійся выѣтъ, волки противъ ягвенка. И пришедши въ горы, они зарѣзали тебя.

«Когда разнеслась вѣсть объ этомъ, я подошла къ окну и вскричала: чтò слышно новаго? Твой братъ погибъ; они убилъ его въ горахъ, зарѣзали его.

«Не помогло тебѣ ружье, не помогъ кинжалъ, не помогъ пистолетъ, не помогъ заговоръ, не помогла благословенная молитва.

«Глядя на твои раны, печаль моя возрастаетъ. Чтò ты не отвѣтишь мнѣ? Или силы не стало у тебя? О Канино, сердце твоей сестры, какъ ты перемѣнился въ лицѣ!

«Ты, мой широкоплечій съ гибкимъ станомъ, никто не могъ равняться съ тобою; ты подобился цвѣтущей вѣтви. О Канино, сердце твоей сестры, такъ они лишили тебя жизни!

«Въ краю Раццы, я посажу сливу, чтобъ изъ нашего рода никто отнынѣ не прошелъ тамъ; вѣдь ихъ было не одинъ, не трое, не четверо, а семеро на одного.

«У подошвы этого молодого каштана я устрою свою постель, вѣдь здѣсь-то, братецъ! они выстрѣлили тебѣ въ самую грудь.

«Я покину юбку, возьму ружье и кинжалъ, опояшу каркеру и заткву пистолетъ за поясъ. О Канино, сердце твоей сестры! я начну по тебѣ вендетту.»

Многія женщины сказываютъ такимъ образомъ свой вочеро; бывають такія, которыя ограничиваются словами, но бывають и такія, которыя къ угрозѣ присоединяють дѣйствіе.

ВЫСТАВКА НЕВѢСТЪ ВЪ ШВЕЦІИ. Изъ отчета о путешествіи барона Проспера Сибюе на Скандинавскій Полуостровъ и Сѣверный Мысъ. По пріѣздѣ моемъ въ Стокгольмъ, вѣсколько дней спустя, я вышелъ разъ вечеромъ, одинъ, безъ проводника, погу-

лать по городу. Небо было чистое, звѣздное; полная луна плавала надъ холмами, окружающими Стокгольмъ, и бросала блѣдный и таинственный свѣтъ на этотъ страшный городъ. Долго и безъ цѣли шелъ я по длинной Улицѣ Королевы, въ которой мы жили, и которой на этотъ разъ, казалось, конца не было. Наконецъ я добрался до площади, повидимому обширной и правильной и на которой возвышалась какая-то конная статуя. По ту сторону простирался каменный мостъ, замѣчательный по своимъ формамъ и размѣрамъ; далѣе надъ его террасами высился королевскій дворецъ, отдѣлявшійся силуэтомъ среди свѣтлой ночи; корабли, правильно размѣщенные въ гавани, стояли на якорѣ, между-тѣмъ какъ легкія барки безпрестанно бороздили всю свѣтлую поверхность озера Мелара, которое раскидывалось вдали среди острововъ и утесовъ, обремененныхъ лѣсомъ и домами.

Стокгольмъ — городъ очень обширный; различные кварталы его разбросаны на почвѣ неровной, изрѣзанной по всѣмъ направленіямъ водами Мелара и волнами Балтики, во въ цѣломъ составляющей пейзажъ, исполненный величія, граціи и вмѣстѣ съ тѣмъ строгости. Этотъ городъ, единственный въ своемъ родѣ, имѣетъ видъ совершенно особенный и возбуждающій въ высшей степени любопытство путешественника. Улицы, за исключеніемъ развѣ предмѣстій, вообще правильны и очень широки, изъ предосторожности противъ пожаровъ, которые такъ часты и такъ ужасны на Сѣверѣ. Къ несчастію высокая цѣна земли не позволяетъ здѣсь уединять дома и окружать ихъ садами, какъ это дѣлается почти во всѣхъ другихъ городахъ въ Швеціи. Набережныя и гавани по великолѣпію и грандіозности поражаютъ воображеніе; дѣятельность и движеніе, которыя въ нихъ видишь, свидѣтельствуютъ о торговой важности этого богатаго города; много площадей, изъ которыхъ большая часть снабжена монументами, украшаютъ различные кварталы; эти монументы, изображающіе великихъ шведскихъ королей, вылиты изъ бронзы и покоятся на пьедесталахъ изъ порфиру съ превосходныхъ ельфедальскихъ и далекарлійскихъ каменоломень; почти всѣ они моделированы въ Швеціи, но отлиты за границею. Дома кирпичные, или деревянные, смазаны слоємъ гипсу, который сообщаетъ имъ видъ нѣсколько монументальный; крыты они или выгнутою черепицею, или мѣдью, а чаще всего листовымъ желѣзомъ. Каменные постройки вообще довольно рѣдки и дома не высоки; впрочемъ нѣкоторые въ два и даже въ три этажа. Въ Стокгольмѣ не знаютъ тротуаровъ: только и есть одинъ на Сѣверномъ Мосту. Мостовая вся изъ кремня или булыжника

и чрезвычайно неприятна для пѣшиходовъ. Потому страшно уставши отъ своей прогулки, я было уже собрался домой, какъ вдругъ замѣтилъ значительное сборище передъ однимъ довольно красивымъ домомъ. Народъ, граждане и даже лица, повидному принадлежащіе къ высшему классу общества, толпились у крыльца. Не будь такъ поздно, я бы могъ подумать, что нахожусь у входа въ театръ, но я зналъ, что въ Швеціи, какъ и вообще на Сѣверѣ, театры открываются и закрываются рано, а такъ-какъ тогда было часовъ около десяти, то стокгольмскіе спектакли уже не начинались, а скорѣй оканчивались. Однакожъ я вмѣшался на всякій случай въ толпу и началъ оглядываться чтобы найти кого-нибудь, съ кѣмъ-бы поговорить.

Послѣ многихъ бесполезныхъ попытокъ, и не смотря на то, что меня увѣрили, будто въ Стокгольмѣ говорятъ по французски на улицахъ, я начиналъ уже отчаиваться, что никогда не получу отвѣту на слѣдующій вопросъ, который уже по-крайней-мѣрѣ въ десятый разъ обращалъ я къ своимъ сосѣдямъ: «Куда идемъ мы? въ спектакль что-ли?» какъ одинъ человекъ въ матроскомъ платьѣ наконецъ отвѣчалъ мнѣ:

— Да, сударь, въ спектакль, да еще въ даровой спектакль, прибавилъ онъ, смѣясь: вы увидите выставку невѣсты.

— Выставку невѣсты, возразилъ я, что вы хотите этимъ сказать? Я васъ не понимаю.

— Да, сударь, выставку невѣсты, и еще хорошенькой невѣсты, дочери графа ***. Но развѣ во Франціи вы не выставляете невѣсты, какъ у насъ, въ Швеціи?... Такъ пойдемте, пойдемте, сударь.... вы увидите.

Сказавъ это, мой новый знакомецъ взялъ меня за руку, и, увлекая за собою, заставилъ меня перешагнуть черезъ порогъ. У подножія двойной лѣстницы, покрытой коврами, уставленной горшками цвѣтовъ и роскошно освѣщенной, стояло много ливрейныхъ лакеевъ, которые смотрѣли за порядкомъ и выпускали и выпускали любопытныхъ. Наконецъ дошла и до меня очередь: я перешагнулъ нѣсколько ступеней и пошелъ за толпою. Миновавъ нѣсколько комнатъ, украшенныхъ и мебелированныхъ съ замѣчательнымъ вкусомъ и изысканностію и въ которыхъ царствовалъ какой-то праздничный тонъ, я очутился посреди салона, поразившаго меня освѣщеніемъ и искусно разставленными цвѣтами. Тамъ на эстрадѣ, окруженной зеркалами, занавѣсами, коврами и цвѣтами, стояла восхитительная дѣвушка въ подвѣнчномъ нарядѣ; на ней было изящно-простое бѣлое атласное платье; вѣнокъ

изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, букетъ на груди, брильянты, нѣсколько дорогихъ бездѣлушекъ дополняли туалетъ ея. Дѣвушка стояла между двухъ шаферовъ и возлѣ нея, нѣсколько шаговъ назадъ, сгруппировалось все ея семейство; каждый проходилъ мимо новобрачной, которая съ дѣвственнымъ и граціознымъ видомъ, отвѣчала на слова и на поклоны. Когда я приблизился, миѣ показалося, что я слышу слѣдующія слова, выраженные на нѣмомъ языкѣ глазъ и физиономіи, который иногда выразительнѣе языка словъ: «Можете смотрѣть на меня.... лицу моему печего краснѣть.... мой брачный вѣнокъ не запятнанъ».

По окончаніи выставки, женихъ, который никогда не присутствуетъ при этой церемоніи, пріѣзжаетъ за невѣстою чтобы проводить ее въ церковь; тамъ пасторъ составляетъ религіозный актъ, служащій вмѣстѣ и гражданскимъ, потомъ уже онъ приступаетъ къ брачнымъ обрядамъ.

Въ Швеціи, ни одна молодая дѣвушка не идетъ къ алтарю, не будучи предварительно такимъ образомъ выставленною на показъ публики; дочь знатнѣйшаго дворянина на равнѣ съ дочерью послѣдняго ремесленника подвержены этому странному обычаю. Наканунѣ или въ самый день свадьбы двери дома новобрачной открываются; молодая дѣвушка должна явиться и вывести взглядъ всѣхъ и каждаго.

Обычай этотъ, порицаемый многими путешественниками и который съ перваго взгляда точно кажется страннымъ, по моему мнѣнію, долженъ имѣть большое вліяніе на нравы. Въ Швеціи невозможно тайно выйти за мужъ, какъ это дѣлается во многихъ другихъ государствахъ; дѣвушка, заранѣе знающая, что будетъ публично выставлена въ день своего брака, не затрепещетъ ли при одной мысли имѣть что-нибудь на душѣ, отчего-бы можно было покраснѣть въ этотъ торжественный день? Осмѣлится ли вповняная падѣть на голову бѣлый вѣнокъ, который въ Швеціи не въ состояніи прикрыть, какъ въ другихъ мѣстахъ, проступки дѣвушки? Выставка невѣсты — обычай весьма древній; можно даже сказать, что онъ во всякое время существовалъ въ Швеціи и по всей вѣроятности былъ въ нравахъ древнихъ Скандинавовъ.

ВОЗВЕДЕНІЕ ВЪ СТЕПЕНЬ УЧЕНАГО МАНДАРИНА. Нѣтъ страны, въ которой бы ученость уважалась столько, какъ въ Китаѣ. Вопреки обыкновенію прочихъ націй, ученая слава у Китайцевъ

ставится гораздо выше военной славы. Ученый мандаринъ больше въ чести, нежели военный мандаринъ.

Чтобы достигнуть степени ученаго мандарина, надо пройти множество степеней и выдержать кучу экзаменовъ.

Первый экзаменъ тотъ, который выдерживается при выходѣ изъ школы и соответствуетъ нашему студенческому экзамену. Онъ происходитъ въ округѣ и называется *суикао*; кандидатъ, который удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ, получаетъ званіе *сью-цай*. Экзаменъ состоитъ изъ вопросовъ по предметамъ первоначальнаго образованія, то есть морали, стараго и новаго китайскаго языка, чтенія, письма, толкованія четырехъ классическихкихъ книгъ, сочиненія, обрядовъ и пѣнія.

Второй экзаменъ, соответствующій нашему кандидатскому, носитъ названіе *хянчи*; онъ даетъ степень *кинжунъ*, и производится въ области.

Третій экзаменъ, *хойши*, доставляетъ степень *цинсе* или доктора; онъ бываетъ въ столицѣ имперіи.

Кромѣ этихъ экзаменовъ, которыхъ достаточно для обыкновеннаго Китайца и даже для ученаго мандарина, есть еще конкурсы, которые ведутъ въ высшія степени.

Напримѣръ, чтобы сдѣлаться членомъ императорской коллегии хаулиновъ, надо выдержать конкурсъ *цзини*, состоящій въ трехъ амплификаціяхъ на темы, задаваемые президентомъ конкурса. Хаулины имѣютъ обязанность сочинять національную исторію. Содержаніе первой темы берется изъ четырехъ классическихкихъ книгъ; содержаніе второй, изъ пяти каноническихкихъ книгъ; а третья тема состоитъ изъ вопросовъ объ исторіи и политической экономіи. Конкурсъ происходитъ въ императорскомъ дворцѣ, въ присутствіи императора.

Наконецъ, послѣдній конкурсъ происходитъ также на глазахъ императора и бываетъ между десятью докторами: первый получаетъ прозвище *чоанъ-юкень*, то есть чья голова украшена цвѣтами; другой, *панъ-иень*, а третій *танхоа*, то есть искатель цвѣтовъ, потому, что онъ обязанъ просить цвѣтовъ у двухъ вервыхъ докторовъ. Всѣмъ тремъ дается чашка чаю, которою подчуетъ ихъ сынъ всба; потомъ, на концѣ знамени, вѣшаютъ императорскій указъ, который жалуетъ имъ милость торжественнаго вожденія по городу, съ цвѣтами на головахъ. Втеченіе трехъ дней, кандидатъ побѣдитель бываетъ окруженъ почестями, и всѣ жители столицы толпами стекаются поздравлять его и участвовать въ его поѣздѣ.

Но въ Китаѣ также какъ у насъ нашлись злые писатели, которые подняли на-смѣхъ мудрыя учрежденія.

Занимаемъ изъ Пи-па-ки, славной китайской драмы, переведенной по французски ученымъ Базеномъ, слѣдующую картину, которая, если вѣрять китайскому комментатору, заключаетъ въ себѣ остроумную и злую пародію на конкурсы.

Президентъ конкурса. Господа кандидаты, рѣшеніемъ полномочнаго суда Липу, я назначенъ главнымъ экзаменаторомъ, но не безпокойтесь, господа, я изъ числа тѣхъ начальниковъ, которые любятъ позабавить-ся и повеселиться; я не похожъ на экзаменаторовъ прошлыхъ годовъ. Напримѣръ, на послѣднемъ конкурсѣ, первое сочиненіе имѣло предметомъ литературный вопросъ, второе моральный, третье политической; а я предложу вамъ вмѣсто перваго сочиненія, сложить второй стихъ какого-нибудь двустишія; вмѣсто втораго, отгадать какую-нибудь загадку; а вмѣсто третьяго, положить пѣсню на-голосъ. Кто докончитъ двустишіе, отгадаетъ загадку и пропоетъ пѣсню, тотъ будетъ возведенъ въ званіе чоанъ-юэвъ; а кто не выдержитъ экзамена какъ должно, тому выпачкають лицо и выгонять палками изъ залы.»

Кандидаты отступаются отъ конкурса и выходятъ изъ залы. Конкурсъ приняли только двое, Цай-Юнь и Чанъ-пе-Тіанъ.

Президентъ задаетъ Цай-Юну докончить двустишіе, начинающееся такъ:

«Когда падаютъ звѣзды, небо мечетъ ядра.»

Цай-Юнь тотчасъ отвѣчаетъ:

«Когда солнце всходитъ, море спускаетъ шаръ.»

Президентъ остается доволенъ. . . . Чанъ-пе-Тіанъ отвѣчалъ дурно.

Цай-Юнь хорошо разгадалъ географическую загадку, съ которою не совладалъ Чанъ-пе-Тіанъ.

Президентъ говоритъ Цай-Юну:

«Докончите пѣсню: Чанъ-Нянъ прелестное мѣсто.»

Цай-Юнь немедленно подхватываетъ:

«Въ немъ плясуютъ съ экзаменаторами.»

Президентъ хохочетъ, потомъ велитъ выгнать Чанъ-пе-Тіана, который опять плохо отвѣчалъ, обращается къ Цай-Юну и говоритъ ему:

«Признаю ваши высокія дарованія, вашу глубокую ученость; вы превзошли другихъ и ваши достоинства поистинѣ изрядны.»

Результатъ экзамена, принятіе Цай-Юна въ степень чоанъ-юэна.

ТОРГОВЛЯ ИДОЛАМИ ВЪ ПАРИЖѢ. Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что въ Лондонѣ существуетъ большая фабрика идоловъ разнаго званія и размѣру для ость-индскихъ браминновъ и буддистовъ. Спекуляцію эту Французы пашли достойною своего вниманія и соперничества, и въ Парижѣ скоро будетъ красоваться вывѣска: *Главное депо африканскихъ идоловъ.* Фабрика уже есть; вывѣска пишется. Торговый домъ Режй, который ведетъ важные обороты съ Сенегаломъ, получаетъ очень любопытные заказы, и въ конторѣ его стоятъ чудесные образчики идоловъ парижской фабрики. Въ Сенегалѣ столько царьковъ! Эти царьки скучаютъ и воюютъ другъ съ другомъ для препровожденія времени. Скука мать войнъ; скука создада Аттилу, Гензерика, Александра и десятка два другихъ великихъ завоевателей. Когда африканскій царекъ проиграетъ сраженіе, онъ отставляетъ прежнихъ идоловъ и заказываетъ новыхъ дому Режй и компаніи. Парижскіе мастера выдѣлываютъ чудесныхъ еловыхъ уродовъ, со змѣиными головами, львиными гривами и тигровыми когтями; ихъ отсылаютъ къ африканскому владѣтелю, который немедленно даетъ сраженіе, чтобы попробовать идоловъ мосьё Режй. До сихъ-поръ фабриканту очень счастливилось; онъ имѣлъ монополию сенегальскаго Пантеона, и помогъ выиграть съ дюжину сраженій. Фабрика его въ славѣ; но непременно явится соперничество, и если боги мосьё Режй понесутъ неудачи, лондонская фабрика навѣрно воспользуется случаемъ поставлять въ Сенегалъ англійскихъ боговъ, которые конечно съ перваго разу стяжаютъ громкій успѣхъ, а для удостовѣренія въ достоинствѣ идоловъ англійскій фабрикантъ на каждую штуку будетъ наклеивать ярлыкъ: *Genuine patent warranted superfine English idols* (подлинные привилегированные отличнѣйшаго достоинства англійскіе идолы, съ отвѣтомъ). Новая отрасль промышленности произвела было беспорядокъ въ тарифѣ французскихъ таможенъ, который не предвидѣлъ статьи заграничнаго отпуску идоловъ. На вопросъ обратили вниманіе и нынче въ тарифѣ внесена особая статья: «идолы, болваны, амulette» — тридцать франковъ съ центнера.

ЖИВОТНО-МАГНЕТИЧЕСКІЙ СЕАНСЪ У ГОСПОДИНА АЛЕКСАНДРА ДЮМА. Авторъ «Записокъ Врача» пишетъ въ газетѣ *Presso* слѣдующее любопытное письмо о томъ, какъ самъ онъ прежде не совсѣмъ былъ убѣжденъ въ дѣйствительности магнетическихъ чудесъ, и какъ теперь люди искусные въ этомъ дѣлѣ доско-

наивно его убѣдили,—вѣкоторыя пожалуй скажутъ — какъ славно они его надули.

Вотъ это письмо.

«Позвольте, милостивые государи, написать вамъ длинное письмо о томъ что происходило у меня нынче. Оно будетъ не со-всѣмъ лишено современнаго интересу.

Однако же не заключайте изъ этихъ послѣднихъ словъ, что-бы дѣло шло здѣсь о процессѣ Теста, объ убійствѣ Праледъ, или волненіяхъ улицы Сентъ-Опорѣ: нѣтъ, дѣло идетъ здѣсь про-сто о магнитизмѣ.

Вы уже три или четыре дня какъ начали снова печатать въ своемъ журналѣ «Юсифа Бальзама», и въ первой части этого ро-мана магнитизмъ игралъ важную роль. Роль эта должна быть не менѣе важна и во второй части. Введеніе этого новаго драмати-ческаго элемента въ мое произведеніе, занимаетъ многихъ, могу сказать это безъ хвастовства, потому что я получилъ уже око-ло двадцати безъимянныхъ писемъ, изъ которыхъ одни гово-рятъ мнѣ, что если я не вѣрю въ то, что описываю, то я шарла-танъ; а другіе, что если я вѣрю, то я дуракъ. Я долженъ одна-кожъ признаться вамъ, съ искренностью меня характеризующей, что до нынѣшняго дня, то есть до 5 сентября 1847 года, я никогда не видалъ магнитическихъ опытовъ. Но справедлив-ность требуетъ также замѣтить, что я зато перечелъ также все писанное о магнитизмѣ. Послѣ этого чтенія я убѣдился, что мой Бальзама не дѣлалъ ничего такого, что бы не было сдѣлано, или чего бы нельзя было сдѣлать.

Но я думалъ, что въ нашу скептическую эпоху одного убѣж-денія не достаточно, нужно два: убѣжденіе въ теоріи и убѣ-жденіе на фактахъ. Теоретическое убѣжденіе я уже умѣлъ, оста-валось приобрести фактическое.

Я просилъ господина Марсимье провести день въ моемъ Монте-Крието, съ ясно-впядшимъ Алексисомъ.

Приглашеніе было послано, кажется, въ прошлый четвергъ. Съ четверга случилось въ домѣ происшествіе, въ слѣдствіе котораго я желалъ было отложить сеансъ до другаго дня. Бѣдный негръ мой, Павелъ, занемогъ въ четвергъ вечеромъ и болѣзнь сдѣлала такіе быстрые шаги, что нынче онъ уже безъ памяти. И такъ, я сказалъ вамъ, что мнѣ хотѣлось отложить сеансъ. Къ несчастію вѣ некоторыя пріятели мои были предупреждены, и какъ я не успѣлъ дать имъ знать объ отмісненіи, то они по напрасну собрались въ Сентъ-Жерменъ. Для друзей, которые ѣхали двадцать верстъ, въ

дождь, нужно какое-нибудь вознагражденіе, и я обѣщалъ имъ не пзмѣнять сдѣланныхъ распоряженій, не смотря на безпокойство, въ которое повергало меня печальное состояніе больного.

Въ два часа всѣ собрались. Дѣйствіе происходило въ залѣ. Приготовили столъ. На столѣ разостлали скатерть. На скатерть положили колоду картъ, еще запечатанную въ клейменной оболочкѣ, бумагу, карандашъ, книги и прочее. Господинъ Марселье усыпнулъ Алексиса, не сдѣлавъ ни какаго жесту,—одною силой воли. Сонъ пришелъ минутъ въ пять или шесть. Ему предшествовали первическое потрясеніе, тягость. Такъ былъ слишкомъ обленѣнъ. Господинъ Марселье скоро убавилъ это обленіе нѣсколькими движеніями рукъ. Сонъ сдѣлался спокойнѣе, и черезъ минуту насталъ совершенно. Тогда на глаза Алексиса положили два клочка ваты; платокъ прижалъ ихъ къ глазамъ. Другіе два платка, которыми была повязана голова, уничтожали всякое предположеніе чтобы соннамбулъ могъ что-нибудь видѣть естественнымъ органомъ. Кресло, въ которомъ спалъ онъ, было придвинуто къ столу. Противъ него, съ другой стороны стола, сѣлъ господинъ Бернаръ: началась партія экартѣ.

Дотронувшись до картъ, Алексисъ объявилъ, что онъ чувствуетъ себя въ сновидѣніи и что отъ него могутъ требовать всего чего хотять. Онъ въ самомъ дѣлѣ казался въ сильномъ первическомъ раздраженіи.

Три партіи въ экартѣ были сыграны, и Алексисъ ни разу не открылъ своихъ картъ. Онъ видѣлъ, съ чего ходили, и всегда говорилъ заранѣе съ какой карты самъ пойдетъ. Въ продолженіи всѣхъ трехъ партій онъ видѣлъ также, открывалъ ли свои карты его партнеръ, или оставлялъ ихъ на столѣ.

Многіе пожелали занять мѣсто господина Бернара.

Господинъ Бернаръ удался. Шарль Ледрю, въ свой чередъ, сѣлъ противъ Алексиса. Ясновидѣніе все усиливалось. Алексисъ угадывалъ карты помѣръ того какъ Ледрю ихъ сдавалъ. Наконецъ онъ бросилъ игру, сказавъ: это слишкомъ легко; что-нибудь другое. Взяли книгу, первую, какая попалась подъ руку, изъ лежавшихъ на столѣ, и совершенно неизвѣстную ясновидящему. Это былъ томъ Валтера Скотта, въ переводѣ Луи Биллена, «Сень Ронавскія Воды». Ясновидящій открылъ на 229 страницѣ.

— На какой страницѣ хотите вы, чтобы я прочелъ, спросилъ онъ.

— На двѣсти-сорокъ-девятой, отвѣчалъ Макѣ.

— Это будетъ вѣроятно трудно. Печать слѣшкомъ малая. Впрочемъ, попробую. Потому онъ взялъ карандашъ и отиѣтилъ черточкой двѣ трети страницы.

— Я буду читать на этомъ мѣстѣ.

— Читайте, отиѣчалъ господинъ Марсель.

И онъ не замедляя прочелъ и нависалъ съ завязанными глазами слѣдующія двѣ строки:

«Мы не будемъ останавливаться на затрудненіяхъ неразлучныхъ съ отпривленіемъ....»

Нетерпѣніе общества не дало ему читать дальше. Мы взяли у него изъ рукъ книгу, и отыскали двѣсти-сорокъ-девятую страницу. На второй трети страницы, въ тридцать-пятой строкѣ мы нашли именно тѣ слова, которые нависалъ Алексисъ. Онъ прочелъ сквозь одиннадцать страницъ.

Макѣ предложили написать карандашомъ на бумажкѣ какое-нибудь слово и свернуть ее.

Онъ отошелъ въ сторону, одинъ, не сказавъ никому, что онъ хочетъ написать. Когда слово было написано, онъ поднесъ свернутую бумажку Алексису. Тутъ дотронулся до нея.

— Прочтешь легко, потому что почеркъ прекрасный, произнесъ онъ.

И взявъ карандашъ, онъ написалъ точно такимъ же почеркомъ какъ Макѣ, слово органъ. Слово оказалось дѣйствительно тоже самое.

Тогда мнѣ пришло на мысль поговорить съ Алексисомъ о бѣдномъ больномъ, и я спросилъ его, можетъ ли онъ различать предметъ на разстояніи. Онъ отиѣчалъ мнѣ, что чувствуетъ себя въ расположеніи ясновидѣнія и готовъ сдѣлать все, что я прикажу ему. Я взялъ его за руку и просилъ посмотрѣть въ комнату Павла. Онъ обернулся къ одному пункту залы и поднявъ глаза, какъ бы стараясь увидать сквозь стѣну.

— Нѣтъ, онъ уже не тамъ: его перенесли въ другое мѣсто.

— Это было справедливо: больного накануне перенесли въ другую комнату.

— А! онъ здѣсь, сказалъ онъ остановившись передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ дѣйствительно находился Павелъ.

— Вы видите? спросилъ я.

— Да, вижу.

— Скажите, что вы видите.

— Человѣка, уже стараго; нѣтъ, я ошибся, я думалъ что онъ старъ, потому что онъ черный; однакоже не негръ, а мулатъ.

«Волосы окупа и концы страть волоси большаи».

— Ах! сиваль авнобадшии. Ему отругать на сивальи чабсы. Волосы коротки, черны и курчавы.

Ему принесла волосы.

— О! сказал он; онъ очень боленъ, азва пришлое у него въ легкннъ. Онъ задыхается. О! какъ страшно. Что это у него на головѣ? Это похоже на ишомъ.

— Правда, это шумыр наномешный акдонъ.

— Нѣтъ, ледъ растаялъ, тамъ одна вода, у большого твоеидальнаа горичка.

— Душаете ли вы, что господиъ Викторъ Дамид, докторъ соншамбулестъ, можетъ помочь ему?

— Горадо больше меня. Я не докторъ.

— Вы думаете, что не поздно будетъ завтра призвать его?

— Ужъ поздно, потому что боленой въ большой опасности. Но завтра онъ еще будетъ живъ. Если съ нимъ случится что-нибудь, то не раньше вторника. Но если онъ проживетъ еще семь дней, то онъ спасенъ.

Три женщины присутствовали при этомъ сеансѣ. Я увелъ одну изъ нихъ въ комнату, отдѣленную отъ залы перегородою, и въ этой комнатѣ, затворивъ всѣ двери, она написала на клочкѣ бумаги нѣсколько словъ; потомъ сложила бумагу и закрыла ее рукой.

Мы возвратились.

— Можете ли вы прочесть что написала госпожа *** спросить я Алексиса.

— Я думаю, что да.

— Знаете ли вы гдѣ лежатъ листокъ, на которомъ она писала?

— На каминѣ. Я очень хорошо вижу.

— Такъ прочтите.

Спусти нѣсколько минутъ:

— Три слова, сказалъ онъ.

— Такъ. Но какія же эти слова?

Онъ удвоилъ усилія.

— О! я вижу, вижу, воскликнулъ онъ.

Онъ взялъ карандашъ и написалъ:

«Никакъ нельзя прочесть».

Пошли за бумажкой. Три слова были именно эти. Алексисъ прочелъ не только на разстоянн, но сквозь дверь и стѣну.

— Можете ли вы прочесть одно изъ писемъ, находящихся въ карманахъ этихъ господъ? спросилъ господиъ Марсельс.

— Я теперь всё могу. Я все вижу.

— Господа, письмо?

Господинъ Делажъ вынулъ изъ кармана письмо и отдалъ его Алексису. Онъ прижалъ его къ своему желудку.

— Это отъ священника.

— Правда.

— Отъ аббата Лакордера. Нѣтъ. Погодите. Нѣтъ. Но отъ кого-то, имѣющаго много сходства съ нимъ въ талантѣ. А! это отъ аббата Ламне.

— Да.

— Хотите ли я прочту изъ него чтонибудь?

— Да. Прочтите намъ первую строку.

Ня мало не колеблясь, Алексисъ прочелъ:

«Я получилъ, мой милый другъ....

Письмо раскрыл. Оно было действительно отъ господина Ламне, и начиналось тѣми словами, которыя сказалъ ясновидящій.

— Другое, произнесъ онъ.

Эскирось вынулъ изъ кармана письмо, сложенное вчетверо.

— Это тотъ же почеркъ. А! вотъ странность; тутъ есть одно слово написанное другой рукою. Это ваша подпись.

— Нѣтъ, сказалъ Эскирось, вы ошибаетесь.

— Ну вотъ! Я читаю: «Эскирось», посмотрите, посмотрите, (и онъ показывалъ мнѣ бумагу) развѣ тутъ не стоять: «Эскирось».

— Я не могу прочесть, письмо было закрыто.

— Откройте, сказалъ я ему, и посмотримъ.

Онъ развернулъ бумагу. Она содержала въ себѣ пропускъ господина Ламне, и подпись Эскироса въ самомъ дѣлѣ находилась на одномъ изъ угловъ бумаги. Алексисъ прочелъ ее. Ясновидѣнне достигло высшей степени. Макё подошелъ къ нему съ сжатой рукою.

— Можете ли вы видѣть что у меня въ рукѣ.

— Снимите кольца; видъ золота мнѣ тагостенъ.

Макё отвернулся и не снимая колець, взялъ вещь въ другую руку.

— А! очень хорошо, сказалъ Алексисъ... теперь вижу.... это роза.... очень поблекшая.

Макё только что поднялъ цвѣтокъ съ полу, и по нему ходилъ.

— Вы устали? спросилъ я.

— Да, отвѣчалъ Алексисъ. Но если хотите сдѣлать еще овытъ, то я вижу какъ нельзя лучше.

— Хотите ли, чтобы я взял въ сосѣдней комнатѣ вещь, положилъ ее въ ящикъ и принесъ ее къ вамъ?

— Хорошо.

— Вы можете видѣть сквозь ящикъ?

— Я думаю.

Я вошелъ въ комнату одинъ; положилъ вещь въ наръманъ и принесъ ее Алексису.

— А! страшное дѣло! сказалъ онъ; я вижу письма и не могу читать. Вещь привезена изъ за моря. Она имѣетъ форму медальона, однако же это крестъ. Я не могу назвать предметъ я не знаю его, но я могъ бы отгадать.

Это былъ орденъ Низана. Письма, которыхъ не могъ прочесть Алексисъ, были отъ тунисскаго бей.

Вещь дѣйствительно имѣла форму медальона, однакоже это былъ крестъ, или орденъ, что почти всё равно.

Послѣ этого опыта Алексисъ утомился. Его разбудили.

Вотъ что происходило нынче у меня.

Александръ Дюма.

P. S. Со мной подписался, какъ присутствовавшіе при мнѣ и подтверждающіе истину всего, что я рассказывалъ, господа Огюсть Макэ, Альфонсъ Экиросъ, Барри и другіе.

Ральфъ вальдо эммерсонъ, американскій поэтъ и философъ.
Несмотря на болѣе и болѣе частыя сношенія съ Америкю, Европа еще имѣетъ довольно ложное понятіе объ этомъ отдаленномъ мѣрѣ. Европейцы видятъ его сквозь призму романовъ Купера, поэмъ Шатобриана, иногда также сквозь рассказы экономистовъ. Америка представляется намъ то страню великихъ рѣкъ, водопадовъ, непроходимыхъ лѣсовъ, безпредѣльныхъ горизонтовъ, то землю только торговли да желѣзныхъ дорогъ. Между-тѣмъ, рядомъ съ неизмѣримыми степями, съ лабиринтомъ желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, цѣлый мѣръ ждетъ еще изслѣдователя, мѣръ еще неизвѣстный, въ которомъ движется и растетъ американская мысль. Равно далеко отъ безмѣрныхъ пустынь и отъ шумныхъ городовъ, въ Америкѣ есть области, гдѣ человѣкъ можетъ избѣгать какъ оцѣпенѣнія одиночества, такъ и горячии матеріальныхъ интересовъ? Да, есть такіа мѣста, и тамъ вы не найдете ни Америки поэтовъ, ни Америки экономистовъ; нѣтъ въ нихъ пустынь, а есть воздѣланныя земли; нѣтъ дикой жизни, но есть простодушіе; нѣтъ романтическихъ нравовъ, но есть религиозный бытъ и семейство. Взглянемъ, напримѣръ, на штатъ Мас-

свѣтлость: тама есть оддо нхъ тѣхъ свѣтлыхъхъ мѣстечекъ, о которыхъ мы говоримъ: это мѣстечко — прелестный *коттеджъ*, а обитатель его — философъ Ральфъ Вальдо Эмеренсъ.

Этотъ коттеджъ лежитъ напротивъ холма, такъ указываетъ самъ хозяинъ. Вокругъ этого жилища природа является не грандіозною, страшною и дикою, а прелестною, веселою и любезною. «Человѣкъ мое созданіе, говоритъ природа, и несмотря на всѣ его докучныя горести; ему будетъ весело со мною.... Въ глубинѣ лѣсовъ я не одинъ и не чужой: растенія склоняютъ свои головы передо мною и я имъ на нхъ привѣтъ.» Для владѣльца коттеджа пейзажъ въ самомъ дѣлѣ оживляется, дышетъ чѣмъ-то *общественнымъ*. «Правда, прелестный пейзажъ, который у меня передъ глазами, состоитъ изъ какихъ-нибудь двадцати или тридцати фермъ, однако никто не можетъ сказать, что пейзажъ ему принадлежитъ.» Уже изъ этихъ нѣсколькихъ строкъ видна манера Эмеренса. Во всѣхъ его описаніяхъ природы слышится точно легкой шопотъ, тихій шумъ, подобный жужжанію мухъ въ лѣтнюю ночь, сказалъ бы озерный поэтъ Вордсвортъ. Цѣлая природа заключается для него въ пейзажъ, окружающемъ его жилище. Всѣ качества, всѣ отличительныя черты писателя и философа, философія, мудрость, человѣчность, — скорѣе симпатія съ природою чѣмъ любовь къ природѣ, — находятся въ описаніи прелестной пустыньки и кажется, что на порогѣ дома уже знаешь жильца.

Ральфъ Вальдо Эмеренсъ родился въ штатѣ Массачусетъ, въ Конкордѣ. Онъ былъ унитарнымъ проповѣданкомъ, — фактъ, заслуживающій вниманія. Изъ всѣхъ протестантскихъ сектантовъ, унитаріи самые смѣлые и самые вольные. Безспорно, они по преимуществу демократы, также какъ квакеры по преимуществу филантропы. Ихъ экзегеза роится ересями. Газиттъ, желая обозначить однимъ словомъ драматическія ереси Джоаны Бельи, говоритъ, что «она унитарка въ поэзіи.» Эмеренсъ, который отпалъ отъ своей церкви по поводу толкованія Тайной Вечери, сохранилъ вольное направленіе секты и независимость отъ всякаго авторитета. Въ Бостонѣ, центрѣ и метрополіи унитаріевъ, Эмеренсъ произнесъ нѣсколько краснорѣчивыхъ словъ о современныхъ стремленіяхъ. Въ 1844 году онъ написалъ брошюру объ «Освобожденіи негровъ въ англійскихъ вестъ-индскихъ колоніяхъ.» Онъ издаетъ періодическіе листки, подъ заглавіемъ the Dial. Сочиненія Эмеренса могутъ служить дополненіемъ къ этимъ біографическимъ извѣстіямъ. Мы знаемъ, что онъ живетъ въ уединеніи; вид-

Но также изъ его словъ, что онъ желать или былъ жонфр. Англійскій издатель американскаго философа, Карлейля, скажетъ, что Эмерсонъ богатъ или по крайней мѣрѣ не знаетъ ни какой нужды. Но единенію и по зажиточности онъ пуританскій Мобетъ. Что до характера, то судя по нѣсколькимъ мѣстамъ его «Опытъ», Эмерсонъ больше любить человечество нежели людское общество и, подобно всемъ мыслителямъ, живущимъ слишкомъ одиноко, не охотникъ до противорѣчій. Если онъ страдалъ, то, вѣроятно, страдалъ спокойно, но больше сосредоточивалъ страданіе внутри себя, нежели давалъ ему распускаться на тихомъ пламени покорности. Вѣроятно, разговоръ его застѣчивъ, рѣдокъ и отрывистъ. Едва ли онъ владѣеть даромъ нескончаемой импровизаціи. Такимъ надо воображать этого примѣчательнаго человѣка (особенно насчетъ дара импровизаціи), значить совершенно не похожимъ на его издателя, Карлейля, пламенную голову, которая изливается съ свиллинскимъ краснорѣчіемъ и въ своихъ юмористическихъ изверженіяхъ мечетъ драгоценную лаву и пепель, тучи дыму, снопы искръ, смрадвый пламень и чистѣйшій свѣтъ.

Есть, однако, тайное сродство между этими столь различными умами. Англійскій юмористъ и массачусетскій философъ чувствуютъ влеченіе одинъ къ другому. Карлейль знакомитъ Англию съ Эмерсономъ, Эмерсонъ издавалъ сочиненія Карлейля въ Соединенныхъ Штатахъ. Карлейлю слѣдовало бы рассказать намъ больше, чѣмъ онъ до-сихъ поръ рассказалъ о жизни, занятіяхъ, характерѣ американскаго философа, особенно о вліяніи какое Эмерсонъ имѣетъ на своихъ соотечественниковъ. Любопытно бы знать, какой приѣмъ оказали этой философін граждане Соединенныхъ Штатовъ и могутъ ли эти задумевныя мечты встрѣчать учениковъ и поклонниковъ въ землѣ промышленности и матеріальной дѣятельности? За рѣшеніемъ этого вопросу надо опять прибѣгнуть къ сочиненіямъ Эмерсона. Эмерсонъ даетъ угадывать, что онъ вытерпѣлъ много нападокъ критики. Въ своемъ «Опытѣ о любви» онъ говоритъ: «Мою философію обвиняли въ томъ, что она не общежительна; говорили, что въ моихъ публичныхъ рѣчахъ уваженіе мое къ разуму придаетъ мнѣ предосудительную холодность къ личнымъ связямъ.» Упрекъ не лишень основанія, но не изъ Соединенныхъ Штатовъ слѣдовало ему вѣзаться. Общественныя сношенія Сѣверной Америки до-сихъ-поръ очень грубы, странно невѣжливы и матеріальны; вѣтъ ничего удивительнаго, что умъ, подобный Эмерсонову, хотѣлъ противодѣйствовать отечествен-

наше просвещение. Какъ бы то ни было, эта критика неослабнѣла, что, конечно, Эмерсона возбудило толки. Поддерживая критику, значить увеличилъ вліяніе. Осталось узнать, каково же это вліяніе. Отвѣтъ на такой вопросъ находимъ въ одной американской книгѣ, подъ заглавіемъ «Записки о литературѣ и поведении», сочиненіе Маргариты Фоллеръ. «Вліяніе Эмерсона, пока не расходится на большое пространство; онъ столько выше своей родины и своего времени, что не можетъ быть понятъ тотчасъ и вполне, но его философія роетъ глубокий фундаментъ и крушея расширяется съ каждымъ годомъ. Эмерсонъ провозвѣщаетъ лучшихъ временъ. Когда-нибудь онъ непремѣнно будетъ имѣть вліяніе.» Когда въ Соединенныхъ Штатахъ превосходство Эмерсона будетъ признано безъ возраженій, когда его учевіе пріобрѣтетъ горячихъ послѣдователей, когда большинство умовъ приметъ его сторону, тогда произойдетъ великая перемѣна въ нравахъ, обычаяхъ и стремленіяхъ Америки. Господа, спрашивающіе, какое вліяніе писатели имѣютъ на отечество, воспользуйтесь зрѣющимъ, которое представляютъ вамъ юный народъ и нація еще не установившаяся. Посмотрите, какъ она совершаетъ свое воспитаніе и, узрѣйтесь, какой слѣдъ оставляютъ за собою поэты и мыслители, какъ они измѣняютъ человѣческую натуру и какъ безъ нихъ она была бы еще хуже нежели есть. Постепенное воспитаніе Соединенныхъ Штатовъ есть едва ли не любопытнѣйшее событіе нашего времени. Оно живо представляетъ глазамъ европейскихъ націй законы развитія цивилизаціи, которые они покуда съ трудомъ изучали въ темныхъ преданіяхъ своей исторіи.

До Эмерсона въ Соединенныхъ Штатахъ наиболѣе послѣдователей имѣла философія Томаса Брауна, преемника Дюгальда Стюарта на эдинбургской кафедрѣ. Эта философія, очень умѣренный спиритуализмъ, родилась отъ любезной и малоплодной шотландской школы. Двѣ книги отрывковъ изъ Бенжамена Константа, Рейе-Коллара, Жоэроа и Кузена, въ англійскомъ переводѣ, имѣли большой успѣхъ. Допустимъ, что шотландская школа, чисто полемическая школа, которая не существовала бы, если бъ не было на свѣтѣ сочиненій Юма; допустимъ, что она могла гдѣ-нибудь заревить сѣмена философіи: эти сѣмена въ Америкѣ меньше тѣмъ гдѣ-нибудь могли произрасти. Чему шотландская философія станетъ учить Американцевъ? Тому ли, чтобъ люди не умовавъ вѣрвали въ существованіе матеріи? Слава Богу, она и безъ того довольно умѣрена въ такой истинѣ. Съ другою старо-

на, замѣнить ученіе по свойственному методу ирраціона. Замѣтныя различія результатъ, къ которому приходятъ философы у народовъ, мыслящихъ много: Замѣтныя различія въ рѣшѣ философскихъ преданій, а у Американцевъ нѣтъ еще ни одного преданія. Эмерсонъ первый американскій житель, который сталъ рыться въ родной землѣ, отыскивая въ ней новыя философскія ключи.

Въ Эмерсонѣ есть философъ и есть поэтъ. Какое нѣсто отъ него ему между философами и между поэтами? Какое ученіе можно извлечь изъ его сочиненій? Вотъ два вопроса, ожидающіе рѣшенія: они послужатъ предметомъ двухъ половинъ нашей статьи.

Эмерсонъ мудрецъ, какъ Монтень, какъ Шарронтъ, какъ Шекспиръ. Вотъ его настоящіе учителя. Онъ рассказываетъ, что нѣсколько времени онъ былъ влюбленъ въ Монтеня и увѣренъ, что ему никогда не понадобится другая книга; потомъ этотъ энтузіазмъ у него перешелъ на Шекспира. Подобно нѣтъ, онъ больше безвѣчный искатель, нежели догматическій философъ. Не нѣшаетъ замѣтить себѣ разницу между мудрецомъ древнихъ и мудрецомъ новыхъ временъ. Въ древности мудрецъ былъ больше догматикомъ. У Сократа, Зенона и Сенеки гораздо болѣе систематическаго духу, гораздо болѣе строгой логики, чѣмъ у большей части новѣйшихъ мудрецовъ. Среди чувственной жизни, управляемой всѣми прихотями, догматизировать, то есть, сосредоточивать мысль на одномъ пунктѣ и устроять жизнь по одной мысли, вотъ что значило быть мудрецомъ въ древности. Въ новое время, мысль получила больше горизонтовъ, точки зрѣнія размножились и званія увеличались, но зато человѣчeskій умъ и человѣчeskя жизнь увидѣли передъ собою больше пронастей, больше препоновъ, заадачей всякаго рода. Гевій мудреца одѣлался осторожностью и благородуміемъ; мудрецъ сталъ меньше древняго отваженъ, но больше древняго хитръ. Ступая осмотрительно, онъ часто превращался въ скептика и довольствовался тѣмъ, что поддерживалъ равновѣсіе челоуѣка среди столькихъ опасностей. Такую точно роль играли Монтень, Шарронтъ и великій наблюдатель Шекспиръ. Эмерсонъ исполняетъ ту же самую роль наблюдателя и безвѣчнаго искателя, съ отвагой и сосредоточенностью мысли, которыя придаютъ ему сходство и съ древними мудрецами.

Мудреца новѣйшихъ временъ составляютъ двѣ вещи: отсутствіе догматическаго духа и критика началъ. Философы, которыхъ можно отнести къ этой породѣ мудрецовъ, не имѣютъ

опредѣляющаго системы. Въ нихъ гонимъ болѣе чуждую истину, нежели итальянцы ее. У нихъ нѣтъ методовъ, нѣтъ искусствъ, даже подъ этими названіями разуютъ талантъ изощреній въ устройствѣ торжественности частей, также мало тонкихъ метафизическихъ утонченностей. Въ нихъ сужденійхъ часто попадаются противорѣчія; кто же это опровергнетъ? Отъ этого они еще не теряютъ своей цѣны. Когда догматическій философъ дойдетъ до противорѣчія съ самимъ собою, тогда для него все погибло, труды цѣлой его жизни превращаются въ прахъ. Единственное же дѣло мудреца—насласть, не выходящая вонъ изъ одной мысли, которая не можетъ противорѣчить уже принятой системѣ или нѣкимъ прежде высказаннымъ. Такимъ образомъ, онъ излагаетъ чувства, мысли, нѣвія, даже противорѣчащія другъ другу, выдавая ихъ за сомнѣнія возникшія въ его умѣ. Когда догматическій философъ уловилъ мысль, онъ оплодотворяетъ ее; нашедши истину, онъ приводитъ ее въ формулу и составляетъ закономъ. Мудрецъ вонзаетъ, напротивъ, соединяетъ всѣ мысли какъ предметы думы и труда. Какой-нибудь Декартъ, Лейбницъ—точно законодатели истины, люди ищущіе начала и составляющіе законъ; а Монтеня, Шаррѣны, Эмерсоны могутъ называться юристами и критиками истины: они примѣняютъ непреложную и неподвижную истину къ людскимъ дѣламъ и часто попадаютъ въ затрудненіе. Оттого-то истолкованія началъ, моральные комментаріи, антитезы; оттого и скептицизмъ, какъ у Монтеня или Эмерсона, рѣчи и доклады оппозицій, приглашенія искать новыхъ истинъ, за недостаточностью старыхъ. Такова полезная роль мудрецовъ искателей: они критикуютъ началъ.

Мудрецъ не приводитъ истину въ формулу закона, но умѣетъ примѣнять ее къ дѣламъ повседневной жизни. Онъ совершаетъ воспитаніе челоѣка, исправляя каждый недостатокъ по мѣрѣ его появленія. Онъ подаетъ свое мнѣніе о частныхъ случаяхъ, объ отдѣльных фактахъ. Такая манера мыслить и судить отражается въ его манерѣ писать. Онъ пишетъ не для того, чтобы оставить по себѣ зданіе, а для того, чтобы подѣлать свое мнѣніе о томъ или другомъ предметѣ, который представился его мысли. Онъ предоставляетъ другимъ славу воздвигнуть философскій памятникъ, потому что часто считаетъ челоѣческую славу за суету, но онъ не считаетъ за суету и за пустяки челоѣческія заблужденія и недостатки: онъ знаетъ, что долженъ бороться съ ними и что первая истина есть уничтоженіе заблужденія. Онъ доводитъ, когда высказалъ мысль, открылъ чувство, бросилъ хотя

красоты, ясности. Онъ пишетъ урывками, безъ плана и безъ системы, но дивное цѣлостно, а затѣмъ подробно пишетъ. Шеллингъ утверждалъ, что у него нѣтъ единства, но онъ не да единство: писалъ, чтобы всѣ его наблюденія помѣстились въ сочиненіи, и для нѣтъ онъ создаетъ въ своихъ трагедіяхъ эпизоды, не дѣлюще правдой: сваливъ въ единство; создаетъ второстепенныя лица, только затѣмъ, чтобы подтвердить какое-нибудь свое замѣчаніе, высказать на свѣтъ какое-нибудь правило. Метода мудреца проста: она вѣдъ въ томъ, чтобы полагаться на свою малость и на свою натуру. Прямодолье у него идетъ впередъ размышленія. Подобный произволъ зачатія происходитъ не отъ недостатка воображенія и образованія. Онъ объясняется привычкою мыслить постоянно и непрерывно. Тогда мысли предстаютъ толпою и безъ условій: онъ опираются одна на другую безъ какой логической послѣдовательности, но въ сущности имѣютъ связь тѣмъ болѣе естественную, что она бываетъ плодомъ дивнаго ряда размышленій. Растеніе безъ перемежки пускаетъ свои листья, почки и цвѣты, потому что почерпнуло свою силу и сокъ въ почвенныхъ, какиа оказали ей скрытые труды духа. Такъ мы разумеваемъ мудреца. Эмерсонъ принадлежитъ къ этому разряду философовъ.

У Эмерсона есть всѣ свойства мудреца: оригинальность, самонпроизвольность, чуткая наблюдательность, тонкій анализъ, критика, отсутствіе догматизма. Онъ совмѣщаетъ всѣ матеріалы философіи, но успѣвая привести ихъ въ систему; мыслить нѣсколько наудачу и часто мечтаетъ, не находя опредѣленныхъ границъ этому мечтанію. Главная принадлежность мудреца, критика, превосходна у Эмерсона. Въ одномъ изъ своихъ опытовъ онъ говоритъ: «Гомеопатія ничтожна какъ врачебное искусство, но очень важна какъ критика гигиены и современной медицинской практики. То же должно сказать о магнетизмѣ, swedenборгизмѣ и «урьеризмѣ. Они довольно бѣдныя претензіи, но хорошия критики науки философіи нашего времени.» Книги Эмерсона также очень замѣчательны, не только по философіи, которая въ нихъ заключается, но и по критикѣ современности. Задумаютъ ли европейскія социальныя системы. лицо среди массъ, Эмерсонъ встаетъ и слыло протестуетъ за права человѣческой личности. Намъ завладѣлъ эгоизмъ, насъ одолѣли богатство и челоѣколюбіе: Эмерсонъ беретъ лицо и говоритъ ему: «Вѣрь въ свою мысль.» Промышленность убиваетъ идеалъ, разгуливаетъ по свѣту, хвалится, что покоряла его: Эмерсонъ, вслѣдъ за Жанъ-Полемъ, который такъ энергически за-

клейнить ее именемъ «ремеслооклонства», вслѣдъ за Карлей-
лемъ, который прозвалъ ее «безглазымъ героизмомъ.» Эммерсъ
упрекаетъ ее въ отсутствіи любви, объявляетъ ей, что она бу-
детъ жива только тогда, когда изгонитъ эгоизмъ изъ своего кѣ-
дра. Людей тѣшитъ страсть къ путешествіямъ, между ними на
каждомъ шагу попадаются смѣшные туристы: Эммерсъ кле-
нитъ путешествія названіемъ «рая глупцовъ». Мы влечлись по
когѣ искусства, не смѣя мыслить оригинальнымъ образомъ, пи-
шемъ біографіи и критики: Эммерсъ горько обличаетъ насъ.
«Почему намъ не имѣть оригинальнаго искусства, философіи вдох-
новенія, а не преданія? Отцы наши созерцали Бога лицомъ къ
лицу, а мы глядимъ на Него ихъ глазами. Солнце еще и нынѣ
свѣтитъ по-прежнему.» Онъ повсюду указываетъ наши невощи,
и, какъ благовѣстникъ прогресса, встаетъ и словно повторяетъ
чуждую рѣчь Фауста: «Мірѣ духовъ не заперть. Ободрись! уче-
никъ, неумолимо окунай твою плодовитую грудь въ пурпуръ ав-
роры.» Онъ мудрецъ; его ничто не изумляетъ и не устрашаетъ;
онъ только посмѣивается надъ нашимъ мнимымъ благоденствіемъ
и полагаетъ, что наша жизнь могла бы быть проще и удобнѣе,
тѣмъ мы ее дѣлаемъ. Онъ смотритъ на нашъ міръ съ ясныхъ
высотъ, на которыхъ находитъ спокойствіе; видитъ, что мы
превращаемъ его въ адъ, смѣется надъ нашимъ великимъ от-
чаяніемъ, надъ нашими добровольными несчастіями; находитъ,
что вовсе бы не нужно столько «скрежета зубовъ и неистоваго
грызенія рукъ.» Впрочемъ онъ совершенно справедливъ къ уче-
ніямъ и къ обществу, которыя критикуетъ; находитъ, что охра-
нители держатся правыхъ началъ; думаетъ, что и «трансценден-
талисты» не совсѣмъ не правы; онъ не пренебрегаетъ ни чьими
ученіями. Онъ ищетъ своихъ авторитетовъ по всей исторіи фило-
софіи, какъ Монтень приписывалъ свои примѣры въ обыча-
яхъ всѣхъ народовъ. Выслушавъ всѣ новѣйшія ученія снисхо-
дительно и терпѣливо, какъ старинный философъ выслушивалъ
своихъ слугъ и сосѣдей, онъ прерываетъ молчаніе и преподаетъ
намъ правила, которыя то какъ-будто вышли изъ школы Пор-
тика, въ родѣ правила: «Дѣлай всегда то, что ты боишься дѣ-
лать,» то какъ-будто родился въ садахъ Академіи, какъ напрямѣръ
слѣдующее: «Другъ—человѣкъ, съ которымъ я могу всегда быть
откровененъ.» Самъ же онъ, знаетъ свой долгъ философа и твер-
дитъ себѣ слова Сиднея: «Углубись въ свое сердце и пиши.»

Мы сказали, что Эммерсъ въ некоторыя стороны принадле-
житъ также къ породѣ древнихъ мудрецовъ: онъ сходенъ съ ви-

ни оттого или лучше сказать силой сосредоточенія, характеромъ. Объяснимся точнѣе. Форма «опыта» (essay) особенно способна для изложенія всѣхъ случайныхъ порожденій воображенія, всѣхъ мечтаний, всѣхъ отрывочныхъ мыслей, которыя бываютъ удѣломъ моралиста и юмориста. Всѣмъ извѣстно, чѣмъ сдѣлался «опытъ» въ рукахъ наиримѣрь Монтеня. Эмерсонъ также накидывалъ свои мысли въ эту форму, столь распространенную въ англійской литературѣ, гдѣ она можетъ указать образцовыя произведенія; но, употребляя, онъ переиначилъ ее по-своему. Говоря объ англійскомъ «опытѣ» отъ Аддисона до Газзита и Лема, разумѣютъ «юморъ» съ его безчисленными выходками, съ его безконечными изворотами, печальными мыслями, съ недостаткомъ единства, который вознаграждается богатствомъ и безпредѣльнымъ разнообразіемъ подробностей. У Эмерсона есть искусство сочиненія, отличающее его отъ прочихъ моралистовъ. Каждый его опытъ изобилуетъ подробностями и замѣчаніями, но, дочитавъ главу до конца, видишь ясно гармонію подъ покровомъ этого наружнаго безпорядка. Единство тутъ истекаетъ отъ характера писателя. «Эти опыты, говоритъ Карлейль, разговоры правдивой души съ самой собою.» Въ самомъ дѣлѣ, Эмерсонъ очевидно пишетъ не для того чтобы пошеголять наблюдательностью и знаицимъ; онъ передаетъ намъ не только свои мечты и мысли, но и свой характеръ. Проницательность критика, тонкость моралиста и твердость провозвѣстника истины соединяются у него съ смѣлостью пуританскаго проповѣдника. Этими то чертами онъ схожъ съ мудрецами древности: у него ихъ сила и ихъ характеръ, а съ новыми мудрецами у него общее свойство, благоразуміе и размышленіе.

Вслѣдствіе такого двойкаго сродства, Эмерсонъ—вмѣстѣ моралистъ и творецъ моральной философіи. По свойству своему съ той породой умовъ, которой родоначальникъ Монтень, онъ моралистъ; по сходству съ древними мудрецами, онъ стремится возвести свои размышленія въ ученія, извлечь изъ нихъ родъ моральной философіи. Опредѣлимъ вѣрнѣе эти два термина, чтобы различить два свойства таланта Эмерсона. Моральная философія старается найти постоянное въ пзмѣчивомъ, вѣчное въ проходящемъ, правило среди безначалія человѣческихъ страстей; возводитъ человѣческую жизнь на высоту безусловнаго, превращаетъ мудрость въ науку жизни. Моралистъ, напротивъ, тотъ, кто существенно занимается феноменальнымъ и преходящимъ, кого привлекаетъ это безкопечное разнообразіе слабостей и пожеланій,

кто всматривается, толкуетъ и изслѣдуетъ самыя тайныя побужденія сердца, самыя тонкія терзанія ума, нестычныя дурноты души; таковы Ларошфуко, Лабрюйеръ, Адамсъ. Въ Эмерсонѣ много характеру моралиста и, еслибъ можно было пророчить о вещахъ столько подверженныхъ случайностямъ, какъ видоизмѣненія таланта, мы сказали бы, что придетъ пора, когда моралистъ въ Эмерсонѣ затмитъ философа. Въ послѣднихъ «опытахъ» автора это преобразование уже почти совершилось.

Моральная философія наводитъ насъ на одну мысль, которой мы не можемъ устранить и которая имѣетъ много точекъ связи съ нашими предметомъ. Чисто-моральная философія злобѣйшій признакъ для того времени, когда она является; она показываетъ смутную, перѣшительную, тревожную эпоху. Мыслитель отвращаетъ взоръ отъ общества, которое окружаетъ его, потому что самъ не знаетъ, куда идетъ общество; заключается въ самомъ себѣ, надѣясь по-крайней-мѣрѣ легче найти цѣль, къ которой долженъ стремиться человѣкъ отдѣленный отъ толпы, личный человѣкъ. Напротивъ, въ прочныхъ и твердыхъ обществахъ царствуютъ метафизическія ученія, изъ которыхъ самымъ натуральнымъ образомъ вытекаютъ моральные выводы. Прежде мысли о нашей землѣ мыслятъ о вселенной; прежде мысли о человѣчествѣ, мыслятъ о томъ, что есть вѣдь человечества. Тогда метафизическія начала предшествуютъ моральнымъ началамъ, порождаютъ ихъ и управляютъ ими. Когда человѣкъ не находитъ предметовъ критики ни въ своемъ положеніи ни въ своей жизни, только тогда онъ ищетъ рѣшеній вѣчныхъ задачъ, о началѣ вещей, о твореніи, о безконечномъ. Мыслитель и общество, которые оба живутъ въ правдѣ и порядкѣ, занимаются вопросами, основанными на порядкѣ и правдѣ; знаніе и человѣкъ стоятъ въ непосредственной связи. Напротивъ, моральная философія никогда не бываетъ порожденіемъ эпохи, довольной собою: она родъ упрека совѣсти и походитъ на угрызеніе. Она какъ бы оправданіе или осужденіе; какъ бы судъ за или противъ. Когда является чисто моральная философія, видно, человѣкъ и общество въ чемъ-нибудь неправы; видно, человѣкъ потерялъ или по-крайней-мѣрѣ забылъ настоящей смыслъ своихъ обязанностей, если нуждается въ напоминаніи объ нихъ; видно, онъ преувеличилъ какое-нибудь начало либо затемнилъ. Такую мысль внушаетъ чтеніе каждой страницы Эмерсона.

Какое мѣсто принадлежитъ «Опытамъ» Эмерсона между философскими сочиненіями? «Опыты» Монтеня прозваны требни-

домъ честныхъ людей, то есть такой дядюшкѣ, къ которой каждый честный человекъ долженъ ежедневно протыгивать по нескольку страницъ. «Опыты» Эмерсона можно читать не такъ часто; они прекрасны для чтенія вечерами, когда разговоръ строится на серьезный и высокий ладъ. Газинтъ, остроумный критикъ, блестящій юмористъ, написалъ книгу подъ заглавіемъ «Table Talk» (Застольные разговоры). Это блестяшіе и одушевленные опыты о самыхъ различныхъ предметахъ, о содѣлахъ Милтона, о пейзажѣ Пуссена, о живописи, о явленіи старинныхъ книгъ, и прочее. Намъ кажется, что «Опыты» Эмерсона можно назвать «Застольными разговорами» философовъ. Нѣтъ книги пригоднѣе для чтенія мыслителямъ, способнѣе подавать имъ многозначительные предметы спора, возвышать и оживлять ихъ бесѣду. Эмерсонъ написалъ «Table talk» мудрецовъ; Газинтъ сочинилъ «Table talk» артистовъ и поэтовъ.

Если Эмерсонъ, какъ философъ, принадлежитъ къ роду новыхъ моралистовъ и древнихъ мудрецовъ, то, какъ писатель, онъ по преимуществу одинъ изъ тѣхъ *рѣдкихъ умовъ*, которые являютъся въ литературахъ иногда вмѣсто творческихъ гениевъ, иногда для пособія имъ и для проложенія новыхъ путей. Два имени, Томасъ Карлейль и Генрихъ Гейне, достаточно объясняютъ, о какомъ разрядѣ умовъ мы говоримъ. Эти два человека, безспорно, стоятъ гораздо выше умственного уровня ихъ отечества, также какъ Эмерсонъ стоитъ выше американской литературы. Конечно, нельзя приписать гениальности ни которому изъ этихъ двухъ писателей, однако жъ нельзя не согласиться, что это два рѣдкіе ума, которыхъ не легко замѣнить. Главное ихъ достоинство способность творить и мыслить оригинальнымъ образомъ среди гениальныхъ людей и послѣ нихъ. Вообще подобные люди недолюбливаютъ недостатокъ силы оригинальностью: они не составляютъ славы литературы, но продолжаютъ ее; не ведутъ широкиими шагами общество, но поддерживаютъ въ немъ бодрость разума. Они сохраняютъ умственную жизнь, — вотъ ихъ истинная заслуга.

Эти *рѣдкіе умы*, къ числу которыхъ мы относимъ Эмерсона, не имѣютъ того краснорѣчія, которое рождается отъ сильной и непрерывной мысли, но они имѣютъ краснорѣчіе востанка, такъ сказать, краснорѣчіе чисто причудливое. Это только молніи, но безпрерывныя молніи, которыя рождаются одна отъ другой, составляются отъ жара воображенія. Если бъ можно было употребить ученые выраженія, мы сказали бы, что у нихъ электри-

человека: преобладает идея предвизначенности жизни. Случайность мысли превосходит нас; она предвостекает тому, что должно совершиться, чтобы идея и образцы, действительные или идеальные, преобладают тому безличному красноречию, тому утонченному душещипанию, которое одним гением уметь обдумывать. Такие случайности мысли унаследовал Эмерсон, но у него галочение не совершенно ни с какой опасностью. Американский моралист не может отбрасывать потому своих мечтаний, не опасаясь отклониться из виду на предположенную цель ни пройденный путь. Воля его размышления вздымается медленно, но никогда не сбавляется и не опадает. Читая поэта, оратора, философа, мы обыкновенно видим минуту, когда он собирается размахнуться, чтобы стать красноречивым. У него бывает печальный порывъ, какъ бы усиліе, слышимое надъ воображеніемъ, чтобы оно возпріало, усиліе иногда естественное. У Эмерсона не бываетъ ничего недоблагого. Его мысль возвышается безъ усилийъ и безъ шуму, постепенно, не торопясь; онъ достигаетъ красноречія, не думая и приходить, что онъ шелъ къ красноречію. Вспомни на извѣстную высоту, онъ останавливается и помышляетъ въ среднюю область между землею и небомъ: оттого его философія избѣгаетъ невыгодъ мистицизма и общихъ мѣстъ обыкновенной морали. Энтузіазмъ, который не есть восторгъ; рѣдъ порыву, который не есть желаніе; созерцаніе, но не жажда; совершенно задумчивое воображеніе, расцвѣченное чистѣйшими отблесками натуры, поддерживаютъ его въ этой средней сферѣ между видимымъ міромъ и безконечностью. Оттуда, съ высоты, онъ видитъ человечество, слышитъ послѣдніе звуки земли, становящіеся чище по мѣрѣ восхожденія ихъ къверху, и смотритъ не осмѣливаясь на свѣтъ небесъ. Есть одно слово, которое часто повторяется въ его «Опытахъ»: «Я вѣрю въ вѣчность». Действительно, на его сочиненіяхъ какъ-будто лежитъ печать этого вѣрованія; свѣтъ, падающій сверху, озаряетъ всѣ части ихъ равнымъ блескомъ. Нѣтъ освѣщеній какъ у мистиковъ, нѣтъ отблесковъ зари, свѣтотѣни, сумерекъ и прочихъ эффектовъ повѣшняго огня; есть благотворный и священный свѣтъ, способный прояснить и возорить мысль, потому что онъ лучъ нравственнаго свѣту. Приведемъ мѣсто о моральной красотѣ, которое заимствуемъ изъ сочиненія подъ заглавіемъ «Природа»: оно лучше покажетъ, сколько степенной и величавой возвышенности въ этой мысли, равно далекой отъ пошлости и отъ напыщенности.

«Присутствіе духовнаго элемента необходимо для совершенства

простоты природы. Величина и безсоставная красота, которую можно любить без интимности, та, которая бываетъ въ соединеніи съ человеческой волею и не можетъ отдѣлиться отъ нея. Красота есть печаль, налагаемая Творцомъ на доблесть. Великое натуральное дѣйствіе прелестно. Всякое героическое дѣйствіе сверхъ того ярлично: отъ него просвѣтляется мѣсто, гдѣ оно совершается, просвѣтляются и его зрители. Великіе подвиги показываютъ намъ, что вселенная въ этомъ отношеніи собственностъ каждаго лица. У всякаго разумнаго созданія вся природа послѣдственное владѣніе. Природа принадлежитъ человѣку, если онъ того хочетъ. Онъ можетъ отдѣлиться отъ нея; можетъ укрыться въ какой-нибудь уголокъ и отречься отъ своего престола, какъ и дѣлаетъ большая часть людей, но по устройству своему человѣкъ прикованъ къ міру. Онъ привлекаетъ къ себѣ міръ, по мѣрѣ силы своей воли и своей мысли. «Всѣ вещи, посредствомъ которыхъ люди водоходствуютъ, строятъ и земледѣльствуютъ, повинуются доблести,» говоритъ одинъ древній историкъ. «Вѣтры и волны всегда на сторонѣ искуснѣйшаго пловца,» говоритъ Гиббонъ. Тоже надо повторить о солнцѣ, о лунѣ и о всѣхъ небесныхъ свѣтилахъ. Когда благородный подвигъ случайно совершается на сценѣ великой природной красоты; когда Леонидъ съ своими тремястами мучениками умираетъ въ продолженіи цѣлаго дня и солнце и луна другъ послѣ друга озаряютъ узкій проходъ Термопиль; когда Арнольдъ Вилкельрадъ собираетъ въ свой бокъ цѣлый снопъ австрійскихъ копьевъ, чтобы открыть линію своимъ товарищамъ, среди высокихъ Альпъ, подъ тѣнью лавины: развѣ эти герои не совмѣщаютъ красоту сцены съ красотой подвига? Когда судно Колумба приплываетъ къ американскому берегу; когда побережье моря наполняется дикарями, вышедшими изъ своихъ тростниковыхъ шалашей; вездѣ разстилается море, а вокругъ опурцуренныя горы индѣйскаго архипелага, можно ли тутъ отдѣлить человѣка отъ живой картины? Новый Свѣтъ, съ своими пальмовыми рощами и саваннами, не облагаетъ ли его словно прекрасной драпировкой? Всегда одна и та же красота природы бываетъ готова затмить и служить рамкою великихъ подвиговъ. Когда сиръ Герри Венъ былъ везенъ въ лондонскую башню, на простой телѣгѣ, готовясь умереть поборанкомъ англійскихъ законовъ, кто-то изъ народа вскричалъ: «Ты никогда не сживалъ на такомъ знаменитомъ мѣстѣ!» Карлъ-Второй, чтобы напугать лондонскихъ гражданъ, велѣлъ везти на эшафотъ патриота лорда Росселя въ открытомъ экипа-

жѣ по главнымъ городскимъ улицамъ. Говоря простыми словами его биографа, «толпѣ казалось, что рядомъ съ нимъ сидѣли истина и добродѣтель.» Среди самыхъ гнусныхъ предметовъ, придушной или геройской подвигъ кажется превращаетъ небо въ свой храмъ, а солнце въ свой свѣтильникъ. Природа простираетъ объятія человѣку, лишь бы наши мысли равнялись въ возвышенности съ нею. Она съ радостью раститъ розы и фиалки подъ его ногами, сгибаетъ лянн своего величія и прелести для украшенія своего возлюбленнаго чада. Добродѣтельный человѣкъ гармонизируетъ съ нравами природы и становится центральной фигурой видимаго міра. Гомеръ, Пандаръ, Сократъ, Фокіонъ въ нашей памяти сливаются съ мѣстностью и небомъ Греціи. Въ обыкновенной жизни, кто видѣлъ человѣка сльваго характера и счастливаго генія, тотъ вѣрно замѣтилъ, съ какой легкостью онъ привлекаетъ къ себѣ все его окружающее, — лица, мѣнія, день, природа, становятся слугами человѣка.»

Такъ же выооко испаряетъ Эммерсъ, когда говоритъ объ исторіи.

«Человѣческій духъ пишетъ свою исторію и долженъ читать ее. Сопикъ долженъ рѣшить свою собственную загадку. Если вся исторія въ человѣкѣ, она вся можетъ объясняться личнымъ опытомъ. Есть сходство между часами нашей жизни, и вѣками временъ. Какъ воздухъ, которымъ я дышу, берется изъ великихъ резервуаровъ природы; какъ свѣтъ падающій ко мнѣ на книгу идетъ отъ звѣзды, отстоящей на сто миллионновъ миль; какъ тяжесть моего тѣла зависитъ отъ равновѣсія центробѣжной и центростремительной силъ, такъ часы должны бы поучаться у вѣковъ, и вѣка изъясняться часами. Всякое лицо есть воплощеніе всемірнаго духа. Всѣ свойства этого духа совмѣщаются въ немъ. Каждый шагъ въ частной жизни бросаетъ лучъ свѣту на то, что совершили огромныя массы людей, и кризисы жизни состоятъ въ связи съ національными кризисами. Каждая революція была сначала частной мыслью, и когда таже мысль представляется другому человѣку, тогда онъ находитъ ключъ событія. Каждая реформа первоначально была частнымъ мнѣніемъ и, когда она снова сдѣлается пастынымъ мнѣніемъ, тогда рѣшеніе вопроса отыскано. Повѣствуемый фактъ долженъ соответствовать чему-то во мнѣ самомъ, чтобы быть ясновѣрнымъ или хотя только понятнымъ. Когда мы читаемъ, мы должны становиться Греками, Римлянами, Турками, священниками, царями, мучениками и палачами; должны

Т. LXXXV. — Отд. VII.

связывать эти образы съ какой-то дѣйствительностью, скрытой въ нашемъ тайномъ опытѣ; если не будемъ ничего видѣть, ничего не узнаемъ, ничего не удержимъ въ памяти. То, что случилось съ Аздрубаломъ и съ Цезаремъ Борджіа есть «иллюстрація» могущества и распутства духа, точно также какъ то что съ нами случилось. Каждый новый законъ, каждая политическая перемена имѣетъ свой смыслъ въ насъ. Взгляните на любой изъ этихъ законовъ и говорите: «Тутъ одна изъ моихъ мыслей. Подъ этой фантастической, безобразной или прелестной маской скрывается моя натура Протея». Это помогаетъ невыгодъ излишней близости нашихъ собственныхъ дѣйствій и отодвигаетъ ихъ въ перспективу. Точно также какъ ракъ, скорпионъ, вѣсы перестаютъ быть мелочами, когда висятъ надъ моею головою въ видѣ знаковъ зодіака, такъ я могу безпристрастно видѣть мои собственные пороки въ отдаленныхъ лицахъ Соломона, Аלקивиада и Катилины.

У Эммерсона есть сочувствіе къ природѣ больше отборное и провидательное, нежели обширное. Не ищите въ его опытахъ великихъ чувствованій въ родѣ Жанъ-Жака и восторговъ въ родѣ Дидро. Его чувство къ природѣ больше похоже на симпатію чѣмъ на любовь. Входя подъ сѣнь ея, онъ ищетъ освѣжить свое чело и развлечь мысли. Эти прогулки, созерцанія, кажутся ему благодѣтельными ваннами для тѣла и души, которыя дуются въ наружномъ воздухѣ и глядя на небо возвращаютъ свою энергію, теряемую въ каждодневной борьбѣ. Его привлекаетъ религіозная сторона природы, которая представляетъ ему въ смягченномъ видѣ библейскіе образы. «Если человѣкъ живетъ съ Богомъ, голосъ его сдѣлается нѣженъ какъ ропотъ ручья и колыханіе пивы». Все, что въ природѣ есть нематеріальнаго, грація, свѣжесть, благовопіе, гармонія, все это живо чувствуется Эммерсону и развито въ его страницахъ. Въ нихъ слышенъ и шелестъ пивы клонящейся подъ вѣтромъ, и запахъ смолистой сосны, и жужжанье насѣкомыхъ. Тутъ есть истинно оригинальное чувство; созерцаніе для американскаго моралиста есть *гигіена души*. По поводу Эммерсона, нѣкоторые вспоминали объ Оберманѣ. Едва ли между ними есть какое-нибудь сходство. Эммерсонъ, сильный своимъ моральнымъ убѣжденіемъ, видитъ все въ добромъ свѣтѣ и говоритъ, что природа *всегда утверждаетъ оптимизмъ, никогда пессимизмъ*. Оберманъ, обращая повсюду скучающіе взоры, вездѣ видитъ только утомленіе и отвращеніе, какъ большой, который, видя все въ желтомъ цвѣтѣ, сталъ бы увѣрять, что только ему

кажутся предметы въ ихъ истинномъ цвѣтѣ. Одинъ, исполненный здоровья, отшельникъ по силѣ характера; другой, взнуренный, чахоточный, отшельникъ по слабости сердца и моральной трусости.

Религіозное сочувствіе Эммерсона съ природою видно особенно въ его поэзіи. Изъ нея дышетъ какъ-будто благовопіе дикихъ цвѣтовъ. Всѣ тихіе звуки, всѣ смѣшанные ноты, какіе можно разслушать въ тиши лѣса, отзываются въ мелодическихъ словахъ, которыя Эммерсонъ обращаетъ къ зеленому безмолвію пустыни. Иногда, но очень рѣдко, мысль его рѣзвится съ вѣтромъ, блуждаетъ въ пространствѣ, ищетъ въ отдаленныхъ областяхъ рѣзкихъ благовопіи Гафиза и Саади, или суроваго запаха сѣверныхъ кустарничковъ. Обыкновенно его стихи передаютъ одно только чувство, одну страсть, уединеніе. Дѣйствующія лица и собесѣдники американскаго поэта—деревья, скалы, облака, которыя какъ-будто рассказываютъ ему повѣсти времянь, пролетѣвшихъ надъ ними. Въ этой сѣни мудрецъ нашелъ свой Элизій, пуританинъ свой библейскій эдемъ. Въ его стихахъ есть свѣтъ и краски, но тотъ свѣтъ, который свойственъ только сумрачнымъ пустынямъ и густымъ лѣсамъ, свѣтъ, который Англичане превосходно выражаютъ словами: Sunny woods, sunny groves (лѣса блистающіе солнцемъ). Это выраженіе прекрасно обозначаетъ свѣтъ, который, проникая въ лѣса не смотря на листья и тѣнь, сосредоточивается тамъ и остается золотистымъ, кажется осязаемымъ и уловимымъ, и не имѣетъ ни мало бѣлизны верхняго свѣта. Sunny solitudes, говорятъ Эммерсонъ, обращаясь къ своимъ возлюбленнымъ лѣсамъ. Sunny soliloquies могли бы мы также сказать о вдохновеніяхъ философа и мечтахъ поэта. Самъ онъ, въ одномъ изъ своихъ лучшихъ стихотвореній, изображаетъ портретъ человѣка, живущаго въ некоторомъ образомъ въ свойствѣ съ природою, и тѣмъ сообщаетъ намъ олицетвореніе своей музы.

«Наука, которую этотъ человѣкъ считаетъ за лучшую, кажется фантастическою другимъ людямъ. Любя всѣ живые предметы, онъ удивляется всему, что встрѣчаетъ, пуще всего удивляется самъ себѣ. Кто объяснитъ ему, что онъ такое и какъ въ человѣческомъ карликѣ совмѣщаются прошедшія и будущія вѣчности?»

«Я зналъ такогo человѣка, лѣснаго ясновидящаго, пѣвца натуральнаго года, гадателя весеннихъ нѣтъ, мудраго прорицателя сферъ и морскихъ приливовъ, правдиваго любовника, который зналъ наизусть всѣ радости, находимыя въ ущельяхъ горъ. Казалось, что

да не могла произвести растенія ни въ какомъ потаенномъ мѣстѣ, въ обвалившейся рывинѣ, на снѣжномъ холмѣ, подъ дер- осѣпляющимъ ручей, подъ снѣжнымъ покрываломъ, про- у скалъ, среди влажныхъ полей, знакомыхъ ливцамъ и пер- нь, безъ того чтобъ онъ не поспѣвалъ туда именно въ ту , когда она разверзала свое дѣвственное лоно. Словно сол- дй лучъ указывалъ ему это мѣсто и повѣствовалъ длинное ловіе растенія. Словно вѣтерки привосили его, словно птицы аучали, словно тайнымъ наитіемъ зналъ онъ, гдѣ въ отда- лхъ поляхъ росъ ятрышникъ. Въ деревьяхъ есть много ве- которыхъ не видитъ обыкновенный глазъ, но всѣ свои зрѣ- раскрывала природа въ угодность этому гулявшему муд- мая его къ себѣ. Онъ видалъ, какъ куропатки рѣзвятся ссахъ, слышалъ утренній гимнъ бекаса, пахнулъ темные кп дроздовъ; дикій ястребъ не боялся приближаться къ . Что прочіе люди слышатъ издали, что они подсматриваютъ мнотѣ дебри, то само обнажалось философу и точно при- о къ нему по его велѣнію....»

изья лучше подстеречь всѣхъ тайнъ пустыни, лучше выра- чувство свободы, которое она порождаетъ. И однако при- я ли? этимъ красотаѣ природы какъ-будто недостаетъ го существеннаго; мы какъ будто встревожены слишкомъ жнительнымъ какимъ то отсутствіемъ. Это отсутствіе чело- кой жизни и дѣйствительности. Конечно, чувство уедине- ть вытекаетъ изъ сердца, проникнутаго любовью къ чело- гву; природа тутъ исполнена дѣйствительности, но чувство ить изъ сердца длтого чтобъ отречься отъ самаго се- природа идеализуется, сливается въ мистическія облака, ается до такой степени что отъ нея не остается ничего, кро- агоуханія и гармоніи. И мы видимъ, почему природа при- ть Эммерсона: потому что онъ среди ея можетъ при-) мыслить и мечтать, потому что онъ любитъ проник- ть тайные законы, доискиваться причинъ, которыя под- ваютъ и духотворяетъ ее. Характеръ поэзіи Эммерсона ме- ческій или, точнѣе, символическій. Пока въ своихъ про- ть онъ одушевляется страстью къ уединенію, онъ поэтъ; къ скоро нашелъ достаточную глушь и удобное мѣстечко дохновенія, въ немъ тотчасъ является философъ, и мѣ- мна заступаетъ размышленіе.

слыхали сравненіе символической поэзіи съ аллегориче- сравненіе ложно. Аллегорическая поэзія облакаетъ въ тѣло

отвлеченную мысль и производитъ только автоматъ. Символь напротивъ есть тѣло, форма, наружность неизвѣстной мысли. Эти формы мелькаютъ передъ нашими глазами блестящія и радужныя какъ грезы, и духъ, летая вмѣстѣ съ ними, терается въ догадкахъ объ ихъ идеѣ, объ ихъ таинственной и скрытой дѣйствительности. Оттого символическая поэзія имѣетъ какъ-будто тайный, кабалистическій характеръ. Двѣ прелестныя строфы Эмерсона показываютъ, какой онъ мастеръ символизировать метафизическую идею. Онъ хочетъ растолковать, что каждый предметъ неразрывно соединенъ съ цѣлой природою, что каждое человеческое лицо связано со всѣмъ человечествомъ.

«Мнѣ казался слетавшимъ съ неба пахъ воробья, пѣвшаго на зарѣ подъ вѣтвями ольхи; вечеромъ я унесъ птичку съ гнѣздомъ въ мое жилище. Птичка еще поетъ свою пѣсню, но нынче ея пѣсня не нравится мнѣ, потому что я не могъ увести съ собою рѣку и небеса. Птичка пѣла моему слуху, а рѣка и небеса пѣли моему зрѣнію. Нѣжныя раковники усѣвали берегъ; брызги послѣдней волны покрывали свѣжими перлами ихъ эмаль и звонкіе плески дикаго моря поздравляли ихъ, что они прибѣгли ко мнѣ. Я подбиралъ морскія травы, отыралъ пѣну и унесъ домой эти морскія сокровища, но теперь они только грязные предметы, неспріятныя на видъ. Красота ихъ осталась тамъ на берегу, вмѣстѣ съ солнцемъ, пескомъ и дикимъ ропотомъ волнъ.

«Любовникъ высматривалъ свою прелестную невѣсту, когда она укрывалась среди дѣвственныхъ подругъ; онъ не зналъ, что главное очарованіе красоты было соединено съ этимъ бѣлоснѣжнымъ хоромъ. Вотъ наконецъ, какъ лѣсная птичка попадаетъ въ кѣтку, дѣвушка поселилась въ его обителѣ, но свѣтлое очарованіе мишло: она прекрасная женщина, но не фея.»

Эта поэзія, какъ видимъ изъ приведенныхъ мѣстъ, есть въ некоторомъ образѣ только прелюдія къ философіи Эмерсона. Какъ ни мила прелюдія, но она, надо правду сказать, не главная часть его творенія. Посмотрѣвъ на эти общія черты фізіономіи философа и поэта, любопытно познакомиться съ ученіемъ, которое у него выражается то въ лирической формѣ, то въ вольной прозѣ.

Европейскій читатель, раскрывающій книги Эмерсона, невольно чувствуетъ удивленіе съ перваго взгляду. Всѣ имена древнихъ и новыхъ философовъ кучею приводятся у американскаго моралиста, какъ будто всѣ они выражали одно мнѣніе. Скептики и мистики, рационалисты и пантеисты стоятъ рядомъ. Шеллингъ, Окенъ, Спиноза, Платонъ, Кантъ, Сведенборгъ, Кольриджъ по-

падаютъ на одной и той же страницѣ. Тутъ всё мыслители кажутся братьями, совершенно по-демократически. Такой сбродъ придаетъ европейскимъ ученіямъ обманчивую наружность единства. Для глазъ Эммерсона, отдаленіе изглаживаетъ разницы и всёхъ обливаетъ одинакимъ свѣтомъ. Чтò жь удивительнаго? Древность нынѣ кажется намъ прекрасною и спокойною, но неужели мы нисколько не заблуждаемся на этотъ счетъ? неужели въ древности не бывало своихъ колкостей полемики, ропоту и шуму въ школахъ, споровъ сопряженныхъ съ враждами (посмотрите только на сужденіе Аристотеля о Платонѣ, въ первой книгѣ *Метафизики*), бѣшеныхъ энтузіазмовъ, разногласій? Но время прошло и уничтожило полемики, шумъ современниковъ, энтузіазмы минуты, оставивъ только нетлѣнное основаніе этихъ древнихъ системъ, истину и красоту. Мудрено ли, что отдаленность мѣста производить на массачусетскаго отшельника то же дѣйствіе, какое на насъ оказываетъ отдаленность времени? Эммерсону видятся на твореніяхъ нашихъ философовъ только печать истины и человѣческаго гениа; онъ не видитъ на нихъ клейма *нашего прихода*.

Въ сочиненіяхъ Эммерсона задается все одинъ вопросъ: каково должно быть достоинствѣ человѣческой личности? Развитіе, воспитаніе, права лица, его законное вліяніе на общество,—вотъ въ чемъ вся философія Эммерсона. Онъ все относитъ къ лицу; для лица поэзія вѣетъ гирлянды; для его здоровья и на радость его глазъ природа раскидываетъ свои пестрыя богатства; для его славы и спокойствія люди пишутъ, сражаются и издаютъ законы. Эммерсъ довелъ это начало до крайности, такъ, что, прочитавъ книгу, спрашиваешь себя, къ какой же системѣ наконецъ примкнетъ она. По сторонамъ тутъ двѣ скалы: мистицизмъ и пантеизмъ. Всегда ли ему удастся избѣгать ихъ? Онъ можетъ попасть въ мистицизмъ черезъ ту обширность, присвоенную развитію лица, которая, уничтожая природу и человечество, оставляетъ челоуѣка одного съ верховной душою (*over soule*) среди мороковъ міра. Какъ угадать, будетъ ли онъ постоянно пуританиномъ, или, подобно Фаусту Гёте, станетъ вызывать минувшіе вѣка и углубляться въ тайны природы, ища зрѣлища всемірной жизни?

Какъ бы то ни было, начало это Эммерсъ долженъ былъ избрать по тремъ причинамъ: по своимъ личнымъ мнѣніямъ, по религіозному положенію Соединенныхъ Штатовъ, и по роду американскаго правленія. Мы сказали: по личнымъ мнѣніямъ.

Каковы же политическія и религіозныя мнѣнія Эммерсона? къ какой партіи онъ принадлежитъ? Послушаемъ его самаго.

«Изъ двухъ великихъ политическихъ партій, раздѣляющихъ Америку въ настоящее время, по моему мнѣнію, одна стоитъ за лучшее дѣло, а другая имѣетъ лучшихъ людей. Философъ, поэтъ, религіозный человѣкъ примутъ сторону народа, станутъ за свободную торговлю, за всеобщее право голоса, за устраненія незаконныхъ жестокостей, за всевозможное облегченіе молодости и бѣдности доступа къ источникамъ власти и богатства. Но едва ли они возьмутъ въ представители этихъ льготъ большую часть лицъ, какихъ находятъ въ народной партіи. У нихъ не лежатъ на сердцѣ цѣли, которыя сообщаются слову народная партія надеждою и добродѣтелью заключенною въ немъ. Духъ нашего американскаго радикализма разрушительнъ и беспорывевъ, чуждъ любви, чуждъ божественныхъ и дальнѣйшихъ цѣлей; только просто разрушительнъ, безъ вражды и безъ эгоизма. Съ другой стороны, охранительная партія, состоящая изъ людей самыхъ умѣренныхъ, самыхъ образованныхъ, самыхъ даровитыхъ въ націи, робка и довольствуется только защитою собственности; не ратуетъ ни за какое право, не ищетъ ни какого вещественнаго блага, не обличаетъ ни какого преступленія, не предлагаетъ ни какой великодушной полиціи, не строитъ, не пишетъ, не любитъ искусство, не хлопочетъ о религіи, не заводитъ школы, не ободряетъ науки, не освобождаетъ невольниковъ, не братается съ бѣдными, Индѣйцами или эмигрантами. Ни отъ которой изъ двухъ партій, въ случаѣ перевѣсу, нельзя ожидать благодѣянія, соразмѣрнаго съ средствами націи, для науки, искусства или человѣчества.»

Таково откровенное, безъобидное объясненіе, отдѣляющее Эммерсона отъ обѣихъ партій вдругъ. Вѣрить ли онъ преимущественно въ филантропію? Онъ говоритъ, что часто падаетъ въ искушеніе и даетъ свой долларъ, «но это только бѣдный долларъ». Вѣрить ли онъ въ религіозныя общества? Онъ отпалъ отъ своей церкви. Чтò до «мертвыхъ библейскихъ обществъ», какъ онъ называетъ ихъ: онъ не обращаетъ на нихъ ни какого вниманія. Онъ не придерживается ни какой партіи, ни какой церкви, ни какого мнѣнія, господствующаго въ Америкѣ. Его мнѣнія чисто личныя, индивидуальныя. Во чтò и въ кого онъ вѣритъ? Въ самаго себя. Изъ положенія Эммерсона среди американскихъ партій и системъ очень натурально вытекаетъ его философія. Онъ

не принадлежить ни къ какой партіи, изъ этого, однакожъ слѣдствіе выйдетъ въ пользу лица противъ множества.

Вторая причина, побуждающая Эммерсона поставять лицо выше общества, — религіозное положеніе Америки. Есть ли въ Америкѣ религія, которая бы соединяла массы? Нѣтъ. Протестантизмъ, распавшійся на многое множество сектъ, стремится еще порождать религіи, принадлежащія нѣсколькимъ лицамъ. Впрочемъ, у этихъ сектъ есть общая связь, пуританскій духъ. Странно, что доселѣ никто не сдѣлалъ этого замѣчанія.

Принимая развитіе и воспитаніе лица за основаніе своей философіи, говоря лицу: «вѣрь въ самого себя», Эммерсонъ такимъ образомъ, зная то самъ или не зная, возвращается къ Декартову началу, авторитету индивидуальнаго чувства. Когда Декартъ основывалъ свою философію, онъ отстранилъ всѣ книги, отбросилъ всѣ преданія: онъ также вѣривъ въ самого себя. Онъ имѣлъ дѣло съ схоластикою; ему надобно ея физическія толкованія и логическіе обломки. Эммерсонъ также имѣетъ дѣло съ схоластикою своего рода. Въ его отечествѣ не перечесть всѣхъ сектъ, каждая съ своимъ особымъ толкованіемъ, съ смѣшными комментаріями, съ забавной экзегезою, нерѣдко съ очень двусмысленнымъ богослуженіемъ.

Третья причина, могшая руководить Эммерсона въ выборѣ его учовія, самый родъ правленія Соединенныхъ Штатовъ. Понятія Эммерсона о правленіи очень демократическія. При такихъ понятіяхъ можетъ показаться странною его философія, созданная въ пользу личнаго человѣка. Однако взглянемъ на дѣло поближе. На чемъ намъ остановитъ взоръ среди этого множества интересовъ, страстей и разногласій? Гдѣ найти спокойное сердце въ этомъ вихрѣ? На какомъ прочномъ основаніи построить философію? Массы прекрасны, когда онѣ единодушны, потому что тогда онѣ дѣйствуютъ какъ одинъ человѣкъ; но можно ли прямо съ начала обратиться къ толпѣ? Эммерсонъ имѣлъ у себя передъ глазами колебанія и волненія толпы, и писалъ для лица.

Эммерсонъ беретъ лицо и говоритъ ему: «вѣрь въ себя». Вѣрь въ себя съ твердостью мужа и съ довѣрчивостью младенца. Брось неуваженіе къ самому себѣ, брось робость, брось бесплодные поиски въ чужихъ произведеніяхъ. Старайся имѣть убѣжденіе не съ чужаго голоса. Или ты боишься отобщиться отъ другихъ людей? Но вѣдь въ томъ и гений, чтобы вѣрить, что истинное для насъ истинно и для всѣхъ другихъ. Не ставемъ же никогда подражать, потому что нѣтъ ничего священнаго прямо-

ты нашего собственнаго ума: она стяжаетъ намъ уваженіе свѣта. Поддани такого довѣрія къ самому себѣ бываютъ оригинальностью и честностью, и въ самомъ дѣлѣ тѣмъ человѣкъ оригинальнѣе и прямодушнѣе, тѣмъ онъ меньше подражаетъ и тѣмъ отъ больше человѣкъ. Сохраняя прямоту ума, человѣкъ бываетъ врагомъ лжи, и человечество чувствуетъ его именно зато что онъ не льстился ни на чье частное почтеніе. Говорить такъ, чтобы не быть оспориваему, писать такъ, чтобы избѣжать критики, грустная вещь. Это жалкій контрактъ, заключенный съ людьми, по которому уступается одна половина убѣжденія, для того чтобы безвозвратно владѣть другою половиною. Мысль дарована человѣку не за тѣмъ, чтобы угождать чужимъ мыслямъ и льстить своимъ привычкамъ. Но, однако, слова порожденныя въжливостью и утонченностью, выдуманныя для избѣжанія противорѣчій и обхода трудностей. Въ словарѣ воли есть только два слова: *да* и *нѣтъ*. *Да* не должно колебаться, *нѣтъ* не должно пятиться назадъ.

И такъ начало Эммерсповой морали — увѣренность въ себѣ. Чтобы дойти до этой увѣренности, потребны два качества, *безугодливость* и *безупорность*: безугодливость, то есть не надо бояться наткнуться на предрассудки свѣта и на его притязанія учить насъ нашей обязанности. Подобно приятелю Жанъ-Жака, который въ дѣлѣ морали всегда твердилъ: «я обязанъ думать только о самомъ себѣ», Эммерсъ безпрестанно повторяетъ: «вѣрь своей мысли, не заботясь о томъ, что думаютъ другіе. Не бойся также прослыть не твердымъ въ своемъ мнѣніи. Хотѣть быть всегда вѣрнымъ самому себѣ, значить хотѣть выкупать софизмами то, что есть и то что было. Если не вѣришь въ свое вчерашнее мнѣніе, кинь его; если тебѣ пришла новая мысль, прими ее. «Ай! закричатъ старухи, этакъ васъ непременно не поймутъ». Что за дѣло! Развѣ бѣда быть не попятымъ? Пифагоръ былъ непонятъ, и Сократъ, и Лютеръ, и Коперникъ, и Галилей, и Ньютопъ, и всякій чистый и мудрый духъ, какой когда лишь бывалъ во плоти. Быть великимъ, значить быть не попятымъ.» Эммерсъ готовъ вмѣстѣ съ Паскалемъ сказать, что обычай глупая вещь, «мать заблужденія, называемаго фантазіей и мнѣніемъ», но онъ идетъ далѣе Паскаля. Обычаю надо слѣдовать, говоритъ Паскаль, пока онъ не нарушаетъ естественнаго и божественнаго права. Обычаю не надо слѣдовать, говоритъ Эммерсъ, когда онъ противорѣчитъ нашему личному и натуральному мнѣнію. «Дорожатъ ли обычаемъ великіе гевія, *продыя*

души? восклицаетъ онъ. Нѣтъ, они попраютъ его, и оттого-то исторія есть только биографія нѣсколькихъ людей, великихъ потому что они вѣрили въ самихъ себя. Потомство процессіей идетъ за ихъ стопами.

Какая способность придаетъ намъ эту вѣру въ самихъ себя? Воля, или разумъ? Нѣтъ. По мнѣнію Эмерсона, эта способность — инстинктъ, или произволь инстинкта. Вѣра въ себя не есть направляющая сила, а только увлекающая волна. Вѣра въ могущество инстинкта служитъ ключемъ ко всѣмъ теоріямъ Эмерсона.

Во всякомъ случаѣ, нельзя одобрить того, что въ силу своей системы Эмерсонъ отвергаетъ воспитаніе, общественное, домашнее, школьное. «Лучшее воспитаніе, говоритъ онъ, самопроизвольно, и природа наша часто бываетъ повреждена волею.» Ревнуя о правахъ лица, Эмерсонъ не соглашается ничего подпускать къ нему; хочетъ предоставить ему самому не только обрабатывать свое достоинство и грацію, но и развивать свой разумъ. Для этого онъ совѣтуетъ ему вѣряться инстинкту, но инстинктъ всегда останется способностью столько жъ склонною ко злу какъ и къ добру: способностью, которая, приходя въ дѣйствіе, проводитъ поочередно въ сердце Человѣческаго всѣ чувства, самыя кроткія и самыя свирѣпыя. Когда воспитаніе умягчило нравы и озарило разумъ, тогда прекрасно вѣряться инстинкту, и тогда перѣдко потребно столько же силы повиноваться ему среди общества и людей, сколько было нужно управлять имъ въ дѣтствѣ и юности. Давно замѣчено, что мистики часто впадаютъ въ самыя постыдныя безпорядки матеріализма. Тоже самое бываетъ съ инстинктомъ. Онъ граничитъ со всѣми крайностями; первоначально онъ есть само основаніе Человѣческой природы, истинный хаосъ, гдѣ грудой накиданы страсти, пороки, добродѣтели и уместныя способности. Впослѣдствіи, инстинктъ становится только побужденіемъ, особеннымъ вдохновеніемъ характера и геція лица; тогда-то онъ превращается въ верховнаго руководителя, котораго такъ краснорѣчиво выхваляетъ Эмерсонъ. Между тѣмъ, надо разобрать и упорядочить хаосъ первоначальнаго инстинкта, а это можетъ сдѣлать только воспитаніе, воспитаніе совершаемое другимъ лицомъ. Жанъ-Жакъ очень хорошо понималъ все это. Онъ также хочетъ предоставить Человѣка природѣ и инстинкту, и сквозь длинный рядъ уловокъ и сваровокъ доведетъ ребенка до развитія надлежащимъ образомъ. «Оставимъ ему все угадывать», говоритъ онъ, и даетъ ему средства угадывать, ставитъ его въ благоприятныя обстоятельства, чертятъ ему до-

рогу, и ребенку, при пособіи собственнаго чувства, стѣять только опознать дорогу и идти по ней самому.

Каково же божество Эммерсона? Оно называется Over Soul, верховной душою. Въ этомъ ученіи есть александризмъ, мистицизмъ, сведенборгизмъ и пантеизмъ. Человѣкъ всегда чувствуетъ въ себѣ теченіе мыслей, онъ какъ удивленный зритель, не знаетъ гдѣ источникъ этихъ мыслей. Источникъ ихъ, душа. Душа мыслящее начало, находится въѣтѣ человѣка. Есть одна только душа, Богъ. «Когда эта душа вѣетъ сквозь нашъ разумъ, то называется гениемъ, когда сквозь волю — добродѣтелью, сквозь наши страсти — любовью. Все какъ-будто показываетъ намъ, что душа не органъ, а причина одушевляющая органы; что она не способность, а только употребляетъ способности, какъ руки и ноги.» Значить, божество дѣйствуетъ въ нашемъ духѣ, и въ немъ заключается вся воля и вся мысль человѣка. Далѣе, Эммерсонъ прибавляетъ: «въ душѣ пѣтъ стѣны, на которой бы прекращался человѣкъ — слѣдствіе и начинался Богъ — причина. «Когда Богъ или верховная душа посѣщаетъ насъ, мы видимъ всѣ его атрибуты: правоту, любовь, могущество, свободу. Въ немъ мы познаемъ всѣ вещи. Каждое новое посѣщеніе верховной души возноситъ насъ выше въ безконечность и сокрушаетъ конечное вокругъ насъ. Когда лицо достигаетъ этого служенія верховной душѣ, тогда ему отверзается свѣтъ, времена исчезаютъ и вмѣсто прошедшаго и будущаго есть только настоящее вѣчности. Чтѣ такое восторгъ, вдохновеніе? Поклоненіе, содроганіе духа отъ приближенія божества. «Трепетъ Сократа, восторгъ Плотина, видѣніе Порфирія, аврора Бѣма, конвульсія Джоржа Фокса съ его квакерами, плюмнизмъ Сведенборга, принадлежать сюда.» И такъ мы впадаемъ въ мистицизмъ. Эммерсонъ останавливается на краю. По его словамъ, эти пантія Божества суть только награда, которую Богъ даруетъ человѣку мудрому; это личное открытіе есть благодать, которую Онъ нпспосылаетъ простой и правдивой душѣ, которая блюдетъ свой долгъ не смущалась свѣтскими обычаями, «которая не знаетъ розовыхъ цвѣтовъ, прекрасныхъ друзей, рыцарства и походовъ;» другими словами, это религиозное освященіе такой философіи. Лицо перенесенное присутствіемъ Бога въ безконечность, не есть ни поэтъ, ни философъ, ни религиозный человѣкъ, а выше всего этого: его поступки, мысли, вся жизнь ознаменованы характеромъ вѣчности, *sub specie aeterni*, по выраженію Спинозы.

Настоящій смыслъ такого личнаго вдохновенія — награда ю-

ральной жизни, но оно также имѣетъ свое историческое происхожденіе. — Какое основаніе христіанства? Первобытное вдохновеніе, откровеніе, дарованное отъ Бога людямъ. Эти откровенія были собраны и составили догматы и вѣрованія, изъ которыхъ слагается религія; они сохранялись преданіемъ и утверждались авторитетомъ. Протестантизмъ, сокрушивъ преданіе и отвергнувъ авторитетъ, подкопалъ основу христіанства, первобытное откровеніе. На мѣсто этого откровенія онъ поставилъ другое чисто личное, которое постоянно говоритъ человѣку и руководитъ не только его религіозную, но и общественную жизнь. Отсюда различіе католическаго мистицизма съ протестантскимъ, особенно съ пуританскимъ. Католическій мистицизмъ ищетъ любви, пуританскій прежде всего домогается истины. Его стремленія не только философскія, но и политическія. Этотъ-то пуританскій мистицизмъ вдохновляетъ Эмерсона.

Явно, что пантеизмъ волнами патекаетъ въ ученіе о верховной душѣ, какъ плагатъ его Эмерсонъ, можетъ быть, потому что авторъ никогда не опредѣляетъ вполне свою мысль. Въ опытѣ Эмерсона объ его *Over Soul* есть много мыслей, сходныхъ съ мыслями Новалиса. Эмерсонъ, напримѣръ, говоритъ: «Человѣкъ — фасадъ храма, въ которомъ обитаетъ всякая добродѣтель и всякое благо; мы чтимъ не человѣка, а душу, которой онъ служитъ органомъ, душу, передъ которой склонились бы наши колѣни, если бы она являлась сквозь дѣйствія человѣка». Тутъ онъ встрѣчается съ Новалисомъ, умомъ, который подобно ему колеблется между христіанствомъ и пантеизмомъ. Германскій мечтатель говоритъ: «Прикасаюсь къ рукѣ человѣка, я прикасаюсь къ небу». Эмерсонъ очевидно колеблется между пантеизмомъ и мистическимъ пуританствомъ. Даже намъ кажется, что пантеизмъ Эмерсона похожъ на пантеизмъ Мальбраншъ. У ораторіаннина также какъ у унитарнаго проповѣдника пантеизмъ закрадывается скорѣе черезъ порывы сердца нежели черезъ логику. Эмерсонъ, подобно Мальбраншу, видитъ всѣ вещи въ Богѣ; въ Немъ онъ познаетъ идеи. «Верховная Душа, говоритъ Эмерсонъ, есть общій міръ всѣхъ нашихъ мыслей.» — «Богъ, говоритъ Мальбраншъ, есть вмѣститель духовъ, какъ пространство — вмѣститель тѣлъ.» Даже таинственныя содроганія, которыми, по Эмерсону, Богъ возвѣщаетъ намъ свое присутствіе, напоминаютъ собою систему случайныхъ причинъ.

Между, тѣмъ, въ одно отверзтіе этого ученія закрадывается пантеизмъ уже не Мальбранша, а Спинозы. Когда Эмерсонъ то-

ворить: «Все показываетъ намъ, что душа не способность, а только употребляетъ способности какъ руки и ноги; что она не есть разумъ и воля, а владычица разума и воли,» — онъ забываетъ, что не опредѣлилъ способности, которая составляетъ человеческое я, и что чрезъ то уничтожаетъ личность недѣлимаго, которому такъ много присвоилъ. Размышляя о самихъ себѣ, мы видимъ дѣйствія разныхъ способностей, но какая способность управляетъ прочими? Этого не видать ясно. Говоря философскимъ языкомъ, какая способность составляетъ наше я? Воля, или разумъ? У Эмерсона, причинная способность вѣдъ чловѣка; наши способности только ея руки и ноги. Въ другомъ мѣстѣ, въ главѣ о *разумѣ*, онъ говоритъ: «Чловѣкъ столько же заключается въ разумѣнiяхъ, сколько въ пожеланiяхъ.» Спиноза очень знаетъ все это, потому что замѣчаетъ, что есть мысли и дѣла, которыя можно приписывать то разуму, то волѣ, но нельзя въ точности опредѣлить способности, которой они принадлежатъ. Отсюда выводъ очень простой. Если вѣдъ способности, которая существенно составляетъ я, то чловѣкъ не имѣетъ настоящей личности; если причина всѣхъ нашихъ дѣйствiй, способность родителейъ всѣхъ нашихъ мыслей, находится вѣдъ насъ, то все наше существованiе есть только цѣпь явленiй и фактовъ, о которыхъ мы имѣемъ сознанiе, но надъ которыми не имѣемъ никакой власти. Чловѣкъ не иное что, какъ театръ, гдѣ говорятъ эти вдохновенiя, дѣйствуютъ эти перипетiи, проходятъ эти эмерсонiя лица. Авторъ находится вѣдъ, неизвѣстный и таинственный, безымянный авторъ, который сочинилъ пьесу и распредѣлилъ роли. Если чловѣкъ не имѣетъ истинной личности, существо его неопредѣленно, жизнь его непрерывное видоизмѣненiе. Чловѣкъ, который не знаетъ самаго себя, не знаетъ откуда берутся его мысли, поглощается всеобщимъ и слѣпымъ существомъ, которое точно также не знаетъ себя и въ которомъ заключены всѣ частныя существа.

Странно, что Эмерсонъ забылъ опредѣлить личность лица. Значитъ, что распространенiе и отрицанiе начала приводятъ иногда къ одному и тому же результату. Лицо, у Эмерсона, принадлежитъ къ себѣ вселенную, какъ въ другихъ системахъ поглощается вселенною. Послѣдуемъ только за натуральными и необходимыми выводами Эмерсоновой философи, мы увидимъ, какъ можно дойти до полного пантеизма. Мораль Эмерсона одирается не на разумъ, а на инстинктивное чувство. Эта увѣренность въ себѣ ведетъ къ забвенiю себя. Увѣренность и забвенiе два пре-

дѣла, которые сходятся одинъ съ другимъ. Кто, не заботясь о чужихъ мнѣніяхъ, полагается самъ на себя, тотъ наконецъ начинаетъ считать себя за единственную существующую дѣйствительность, — такъ сказать, обобщаетъ себя и сливается съ безконечнымъ. Фактъ вѣры въ себя и только въ одного себя приводитъ къ тому, что мы считаемъ за ложь всѣ препятствія, встающія предъ нами. Все, что насъ окружаетъ, лишается дѣйствительности, потому что вещь только тогда дѣйствительна для насъ, когда мы бываемъ прпвуждены признать ее, если не выше насъ, по крайней мѣрѣ равною намъ. Тогда наступаетъ пора, что лицо, которое поставляетъ свое сердце или свою мысль за единственную вселенную себя, теряетъ сознание дѣйствительности жизни въ окружающихъ его вещахъ. Какъ въ одиночествѣ сердце изливаетъ свою нѣжность на всѣ предметы вообще, какъ желанія духа призываютъ существа отдаленныя и не имѣющія определенной фязіономіи, какъ упражненія мысли расширяются безъ точныхъ предѣловъ и безъ определенныхъ предметовъ, точно также лицо уединенное среди толпы глядитъ на людей и вещи, мелькающія передъ нимъ, какъ на собраніе призраковъ. Углубляясь въ самого себя, смотря на свои прежнія мысли и теперешнія сужденія, человекъ не узнаетъ самъ себя. Его прошедшія мнѣнія дѣлали его особымъ существомъ, которое нынѣшнія мнѣнія разрушили. Цѣлая жизнь его, по теоріи безупорности, есть рядъ видоизмѣненій и превращеній. Инстинктъ, таинственная волна, увлекаетъ насъ своей порывистой, безпрестанной качкой, и тогда то, оглушенные и обезсиленные поминутной бурей, мы теряемъ сознание самихъ себя; тогда-то наше существо поглощается безмѣрнымъ океаномъ всеобщаго существа, откуда волнами выходятъ жизнь и мысль.

Метафизическіи и моральныя слѣдствія философіи Эммерсона суть уничтоженіе пространства и времени. Времени принадлежитъ исторія, пространству природа. Лицо, которое, по прекрасному выраженію Фихте, притягиваетъ къ себѣ вѣчность, сосредоточиваетъ въ самомъ себѣ человекство и природу. Въ немъ они должны найти свою дѣйствительность; безъ него, природа и человекство были бы только цѣпью образовъ и рядомъ постепенныхъ явленій. Исторія и природа становятся субъективными.

Верховная душа, какъ мы видѣли, есть общій міръ мыслей всѣхъ людей. И такъ, для всѣхъ лицъ, составляющихъ человекство, есть только одинъ духъ. Я — интегральная часть этого ду-

ха, значить могу понимать все, что бывало в мірѣ. Исторія сохрываетъ память дѣяній и дѣль этого духа. Я могу найдти законы исторіи, потому что нынѣшними моими дѣйствіями управляеть тотъ же духъ, который производилъ явленія прошедшаго. Всѣ эти факты соотвѣтствуютъ чему-либо, находящемуся во мнѣ. Развѣ всякая реформа первоначально не была частнымъ мнѣніемъ? «Созданіе тысячи лѣсовъ заключено въ желудѣ; Египеть, Греція, Римъ, Галлія, Великобританія, Америка, заключаются въ духѣ перваго человѣка.» Выводъ изъ всего этого, — возможность философіи исторіи. Лицо есть сокращеніе человѣчества. Изучая самаго себя, оно можетъ познавать моральные законы, управляющіе человѣчествомъ. Что такое исторія? Біографія нѣсколькихъ лицъ. Значитъ, снѣвкъ можетъ рѣшить свою собственную загадку.

По этой теоріи, лицо, какъ говоритъ Эммерсъ, есть цѣлая энциклопедія фактовъ. По мѣрѣ того какъ оно читаетъ лѣтописи прошедшихъ временъ, оно включаетъ ихъ въ себя, говоря само себѣ: это моя собственность; такъ я дѣйствовалъ, мыслялъ, мечталъ, чувствовалъ. Сосредоточивая въ своей душѣ всѣ факты исторіи, оно въ то же время одарено силою обобщать свои частныя мысли и личныя дѣйствованія. Вѣрованіе, истина, учрежденіе, родившіяся въ его головѣ, становятся достояніемъ человѣчества. Черезъ это Эммерсъ хочетъ установить связь между лицомъ и человѣчествомъ; онъ ошибается: его теорія, доведенная до послѣднихъ выводовъ, наконецъ уничтожаетъ исторію, а съ нею и опытность, которую она даетъ намъ, и мудрость, которой она поучаетъ насъ. По Эммерсену, вся дѣйствительность, опытность и мудрость заключены только въ умѣ лица. «Нычѣ тамъ ночь, гдѣ нѣкогда была душа,» говоритъ онъ. Такимъ образомъ вся исторія превращается въ ничто.

Можно согласиться съ философомъ, что лицо, вопрошая самаго себя, способно открыть разумъ, смыслъ факта; также, что оно въ силахъ сообщить новую жизнь тѣмъ фактамъ, которыхъ все существованіе теперь состоитъ въ одномъ легкомъ воспоминаніи. Но уничтожать исторію, изглаживать въ нашихъ сердцахъ память славнаго прошедшаго людей, — на это не всѣ согласятся. Да и самъ Эммерсъ непослѣдователенъ: не трудно доказать ему, что уничтожая исторію, онъ идетъ вопреки собственной теоріи, по которой исторія должна управлять нашимъ умственнымъ развитіемъ. Чтобы истолковать связь, существующую между періодами исторіи и періодами личной жизни, Эммерсъ прибѣ-

гаетъ къ самымъ замысловатымъ, къ самымъ утонченнымъ умствованіямъ. Онъ очень опредѣленно полагаетъ начало философіи исторіи, сбываясь только тогда, когда уничтожаетъ всякое преданіе. И тутъ еще онъ имѣетъ извиненіе: онъ уничтожаетъ прошедшее, за тѣмъ, чтобы сокрушить тиранію фактовъ, избавиться отъ рутинны, дать современному человѣку высокое повятіе о самомъ себѣ, превратить всѣ историческіе факты въ моральныя. Но, кажется, тутъ человѣчество должно предъявить свои права противъ лица.

По такой исторической теоріи, уничтожено время; теперь посмотримъ, какъ Эммерсизъ уничтожаетъ пространство. Что такое природа? Куча образовъ и видовъ. Эти образы физическаго міра соотвѣтствуютъ образамъ нравственнаго. Природа, подобно исторіи, существуетъ для воспитанія человѣка. Образы природы символическіе, но эти символы имѣютъ связь съ нашимъ существомъ. Лицо должно стараться найти смыслъ символовъ, помощью той способности, которую Эммерсизъ называетъ благоразуміемъ. Благоразуміе есть добродѣтель чувствъ, наука образовъ, наружности. «Оно ищетъ здравія тѣла, сообразуясь съ физическими условіями и съ умственными законами.» Назовемъ же его настоящимъ именемъ: благоразуміе, по описанію его у Эммерсона, есть наука жизни, составляющая мудреца.

Полное обладаніе самимъ собою среди ряда образовъ и символовъ, кружащихся вихремъ около насъ, составляетъ благоразуміе. Природа окружаетъ насъ мороками, но благоразумный человѣкъ умѣетъ набѣгать ихъ. Сильный увѣренностью въ себя, онъ опредѣляетъ характеръ природы своимъ характеромъ. Фихте говорилъ: «Я творить міръ;» Эммерсизъ говоритъ: «Міръ таковъ, какимъ человѣкъ желаетъ видѣть его.» Истинный мудрецъ, благоразумный человѣкъ пренебрегаетъ наружностью и беретъ прямо существенное. Такая существенность, дѣйствительность, есть законъ, котораго символомъ бываетъ каждый образъ природы. Символовъ три степени: польза, красота, истина. Также есть три степени благоразумія: то благоразуміе, которое дорожитъ символомъ за его пользу, то которое дорожитъ красотой символа, и наконецъ то которое дорожитъ красотой дѣйствительности, изображаемой символомъ. Эммерсизъ дѣлитъ людей на три категоріи, судя по тому, ищутъ ли они въ символахъ пользы, красоты или истины. Настоящее благоразуміе то, которое требуетъ отъ символовъ истины, заключающейся въ нихъ, и закона, общаго имъ всѣмъ.

Здѣсь естественно помѣщаются понятія Эммерсона объ искусствѣ. Чтѣ мудрецъ дѣлаетъ для истины, то художникъ дѣлаетъ для красоты. Онъ дѣлаетъ неподвижную ту наружность природы, которая кажется ему наиболѣе прекрасною. Въ пейзажѣ, живописецъ долженъ пренебрегать подробностями и передавать идею, которую пейзажъ внушаетъ ему. Въ портретѣ онъ долженъ писать характеръ, а не черты. Художникъ тотъ, кто умѣетъ наилучше обобщить частную вещь, упрочить, оковать навсегда мгновенный предметъ, среди эфемерной наружности открыть господствующую черту, существенный характеръ, вѣчную дѣятельность.

Политическія вѣсы Эммерсона немногочисленны. Всѣ онѣ обясняются однимъ началомъ. Американскій философъ не признаетъ границъ личному вліянію. Государство существуетъ только для воспитанія гражданина и должно слѣдовать за успѣхами его.

Въ чемъ же состоитъ утвержденіе философіи Эммерсона? Мы уже знаемъ что оно состоитъ въ довѣрїи къ лицу. Уголовная статья называется возмездіемъ. Душа лица, сосредоточивающаго въ себѣ природу и человечество, должна быть изображеніемъ совершеннаго порядка, единства. И такъ, главный долгъ лица воцарить въ душѣ гармонию способностей и мыслей. Человѣкъ долженъ установить въ своемъ умѣ полное равновѣсіе, правильную симметрію. Если жизнь его не управляется такимъ равновѣсіемъ, склоняется на одну сторону больше чѣмъ на другую, онъ зато карается *возмездіемъ*. Если мы разовьемъ одну способность въ ущербъ другой, то видимъ вещи отрывками, а уже въ цѣлости. Если мы льстимъ чувствамъ насчетъ характера, то видимъ голову сирены, но не видимъ хвоста дракона. Законъ возмездія очевиденъ въ природѣ и въ духѣ. Мы замѣчаемъ и ясно разбираемъ наказаніе въ самую минуту вины, потому что вина и наказаніе провозрастаютъ отъ одного корня. Люди насъ накажутъ и мы себя накажемъ. Не то ли же говорятъ Боркъ: «Всякая крайность гордости человѣка оскорбительна для него же самаго.» Такимъ образомъ мы страдаемъ отъ нашихъ собственныхъ недостатковъ; если же будемъ больше и больше стремиться къ равновѣсію способностей, противясь честолюбію и порокамъ, могущимъ нарушать равновѣсіе, то законъ возмездія немедленно наградитъ насъ. Мы приобретаемъ силу того искушенія, которое одолѣемъ, подобно какъ житель Сандвичевыхъ Острововъ, по его вѣрованію, приобретаетъ силу убиваемаго непріятеля. Такимъ образомъ, освѣщеніе Эм-

персиковой философіи чисто внутреннее. Душа рабаждаетъ, душа крадетъ лицо.

Таковы главные черты философіи Эмерсона. Чтобы дать о ней понятіе, надлежало сгруппировать въ одно тѣло доктрины и начала, которыя Эмерсонъ оставилъ разсѣянными, надлежало, такъ сказать, систематизировать блудачія мысли. Въ числѣ этихъ мыслей должно было устранять тѣ, которыя представлялись только въ видѣ догадокъ или разрозненныхъ афоризмовъ, какъ напримеръ теорія усовершенствованія. Эта теорія не иное что какъ теорія Викко, которую Мишлэ преобразовалъ словами: «Викко понималъ, что человѣчество идетъ кругами, но не замѣтилъ, что круги постепенно расширяются.» Какъ мы сказали, самые различные предметы привлекаютъ вниманіе причудливаго эссеиста. Въ главѣ, подъ названіемъ Manners (Манеры), онъ сообщаетъ цѣлый прелестный, остроумный кодексъ, разсужденіе о хорошихъ манерахъ и о вѣжливости. Въ опытѣ о дружбѣ, Эмерсонъ съ удивительной тонкостью и поразительнымъ краснорѣчіемъ указываетъ и опредѣляетъ всѣ степени этого чувства, начиная съ симпатіи, которую мы чувствуемъ къ незнакомымъ людямъ, до симпатіи къ человечеству. По этому опыту «скрытно проходитъ политическая жила, и подъ чувствомъ дружбы тайно бьется чувство братства. Изъ ряда опытовъ, въ которыхъ видѣнъ больше моралистъ, тонкій наблюдатель, нежели философъ, приведемъ въ особенности опытъ» о любви. Въ этихъ прелестныхъ страницахъ больше свѣжести, чѣмъ страсти, больше шѣжности, чѣмъ пламени. Эмерсонъ указываетъ всѣ постепенности чувства любви, также, какъ показывалъ всѣ постепенности чувства дружбы. Онъ беретъ влюбленнаго на школьной скамьѣ; наблюдаетъ ходъ дѣтской привязанности между Эдгаромъ, Джонасомъ и Альмирою. Вскорѣ дитя становится юношею; Эмерсонъ слѣдитъ за нимъ во всѣхъ сладкихъ безумствахъ любви, и для изображенія ихъ беретъ тѣ же краски какія Шекспиръ употребилъ въ своемъ какъ вамъ угодно. Любовь не палящая и ужасная страсть, а радуга выходящая надъ бурями жизни. Любимый предметъ не царитъ прекраснымъ истуканомъ, а витаетъ въ волшебныхъ краяхъ облаковъ озаренныхъ солнечнымъ закатомъ. Потомъ мало-по-малу мечты разлетаются, неопредѣленная и безличная любовь исчезаетъ, чувство восходитъ на платоническую высоту, и любовникъ сдѣлавшійся супругомъ сравниваетъ любимую жену съ тѣмъ образомъ совершенства, какой грезился ему. Сличеніе идеальнаго образа съ плотскимъ существомъ ведетъ къ открытію новыхъ слабостей и неизвѣстныхъ

недостатковъ. Тогда мужъ привязывается къ женѣ, и на сценѣ дѣлятся только два человѣческихъ существа другъ противъ друга, любовь минула. Картина Эммерсона становится унылою. Мы проникаемъ съ нимъ въ жилище супруговъ и садимся у печальнаго пуританскаго очага. Монотонныя удовольствія привычки замяли вдохновеніе и мечту; любовники подали руку одинъ другому, глядя на небо, а мало-по-малу взоры ихъ склонились къ землѣ. Но когда исчезла любовь, остается обязанность: правила безъ очарованія. Прочитавъ это угрюмое заключеніе, горячѣе хватаешься за первую половинну опыта; особенно спѣшить перечестъ съизнова ту прелестную страницу, которую внушилъ Эммерсону первый періодъ любви.

Никогда человѣкъ не забудетъ навѣтъ той силы, которая творила въ его сердцахъ и головахъ столько новаго; была въ немъ зареш музыки, поэзіи и искусства, заставляла природу сіять пурпуровымъ свѣтомъ, и наполняла ночь и день разными обаяніями. Не забудетъ онъ той поры, когда единственный звукъ голоса приводитъ въ бѣненіе сердце, когда самое пошлое обстоятельство, относившееся до извѣстной особы, укладывалось въ памяти; когда мы всё превращались въ зрѣніе во-время присутствія этой особы, и въ воспоминаніе, во-время ея отсутствія. То пора, когда юноша становится стражемъ оконъ, смотрителемъ перчатки, вуала, ленты, колесъ экипажа, когда не находитъ онъ себѣ довольно удивительнаго довольно тихаго мѣста, и въ своихъ новыхъ думкахъ обрѣтаетъ общество пріятелье и бесѣду слаще, нежели у прежнихъ друзей, даже самыхъ лучшихъ и самыхъ чистыхъ. Черты, движенія, рѣчи возлюбленнаго предмета не написаны водою, какъ другіе образы, а изображены огнемъ, по словамъ Плутарха, и становятся цѣлю полуночныхъ бдѣній.

Въ полдневные и закатные часы жизни, мы еще вздрагиваемъ при воспоминаніи о тѣхъ дняхъ, когда счастье было не вполне счастьемъ, а должно было усиливаться страстью къ боязни и тоскѣ (тотъ угадалъ тайну любви, кто сказалъ, что радости не стоятъ ея огорченій); когда день казался кратокъ и почти пролетали въ жгучихъ воспоминаніяхъ; когда голова на подушкѣ пылала благороднымъ дѣломъ, о которомъ помышляла; когда лунный свѣтъ бывалъ упительной лхорадкой; когда звѣзды были буквами, а цвѣты цифрами; когда воздухъ звучалъ пѣснями, всё дѣла людскія казались доукою, а мужчины и женщины, блуждающія тамъ и сямъ, простыми картинками. Страсть претворяетъ міръ для юноши; каждой вещи даетъ жизнь и значеніе. Природа

становится ощутимой; всякая птичка, поющая на древесныхъ вѣтвяхъ, говорить его сердцу и душѣ; ея напѣвы бываютъ чуть—не рѣчами. Облака принимаютъ «визіонію», когда онъ глядитъ на нихъ; лѣсные деревья, волнистый лугъ, распускающіеся цвѣты, получаютъ разумъ; онъ почти боится ввѣрить имъ тайну, о которой они какъ-будто вопрошаютъ его. Природа разнѣживается и становится симпатичною. Въ зеленой пустынѣ юношѣ мнится обитель привольнѣе, нежели среди людей.

«Вотъ прекрасный безумецъ въ лѣсу! онъ заросся, онъ дважды человекъ. Онъ расхаживаетъ съ простертыми руками; произносить монологи; привѣтствуетъ лугъ и деревья; слышитъ въ своихъ жилахъ кровь фіалки, лилии и травы луговъ; лепечетъ вмѣстѣ съ ручьемъ, струящимся у его ногъ.»

Прослѣдивши Эмерсона въ тысячѣ отступленіяхъ, которыми одна мысль служить связью, спрашиваешь самъ себя, какую роль можетъ играть его «философія» въ нынѣшнемъ движеніи европейскихъ идей. Кажется, она подастъ драгоценныя возраженія на нѣкоторыя ученія, возникшія въ послѣдніе годы. Эти ученія страннымъ образомъ стараются отривнуть лицо или по крайней-мѣрѣ поглотить его въ нѣдрѣ массы и тамъ покиннуть въ забвеніи. Характера его какъ-будто боялся, а его генію словно завидуютъ. Послѣ разрушенія политической аристократіи, кажется, хотятъ разрушить аристократію характера и генія, которая еще справедливѣе первой. Стараются уравнивать людей равенствомъ существованія каждаго порознь со всѣми. Всѣ эти ученія придаютъ столько обширности вопросу о правѣ, что вопросъ о долгѣ въ нихъ почти вовсе исчезаетъ. Между тѣмъ долгъ единственная вещь, которая отличаетъ лицо и отдѣляетъ его отъ массы; права всѣмъ общи, а долгъ почти у каждаго разный, смотря по его положенію. Не будетъ долга, кончатся и борьбы, успія, всѣ порывы, которые знаменуютъ лицо славной печатью; не будетъ и добродѣтелей, отъ которыхъ впрочемъ люди увольняются въ большей части новѣйшихъ теорій. Какъ-скоро долгъ уничтоженъ, исчезаютъ всѣ эти вещи, которыя составляютъ характеръ и бываютъ дѣломъ личной воли. Всѣмъ назначаютъ равную жизнь, то есть организуютъ общество такъ, что личность каждаго изглаживается и остаются только группы способностей, ассоціаціи, а въ самыхъ послѣднихъ системахъ массы, которыя предписываютъ лицу свои чувства и насильно поглощаютъ его въ лоно не очень-то терпящаго братства. Если человекъ хочетъ думать по-своему, если онъ хочетъ трудиться согласно своимъ природнымъ наклоно-

стиамъ; если даже оцъ требуетъ награды за свой трудъ, желаетъ отличія и особенно славы: его клеймятъ названіемъ индивидуалиста. Мы не намѣрены брать вещи съ поэтической точки зрѣнія, и не скажемъ, что общество, которому бы удалось пограть гений и характеръ, высокіе удѣлы лица, было бы пошлѣе и скучнѣе другаго; но скажемъ, что съ моральной точки зрѣнія общество, уничтожившее характеръ и гений, разрушить прекраснѣйшее произведеніе искусства, какое только есть, личный характеръ, человѣческую душу, такую, какою всякій изъ насъ можетъ ее сдѣлать, повинувшись своему долгу. Эммерсъ знаетъ это и протестуетъ въ пользу лица. Отъ лица онъ требуетъ характера и гения; отъ общества требуетъ, чтобъ не запирало всѣхъ выходовъ для удержанія всѣхъ и cadaго на одномъ и томъ же пути, а чтобы, напротивъ, предоставило каждому лицу самому пролагать себѣ дорогу.

Желательно, чтобы философія Эммерсона, какъ протестъ въ пользу лица, распространилась въ Европѣ. Но, и помимо этой важности благовременья, опыты американскаго мыслителя имѣютъ большое значеніе и цѣну. «Пиши для вѣчной публликки», говоритъ Эммерсъ поэту и философу. «Живи въ настоящемъ, какъ будто оно вѣчность», говоритъ онъ мудрецу. Уничтожать смѣны продолженія и всѣ разницы пространства, затворять слухъ отъ мнѣнія общества, избѣгать его похвалъ и осужденій, голосовъ сирены и насмѣшекъ Терпста, значить идти среди людей, среди ихъ льстиваго или грозящаго ропота, какъ первые христіане шли среди природы, не видя ея оболещеніямъ. Существованіе, — эта смѣсь преходящихъ явленій, дѣлъ, которыя память показываетъ намъ страшилцами, какъ скоро они отделились отъ насъ, — существованіе не развлекаясь ни людьми ни природой, возвышается до-уровня съ безусловнымъ; подходит на петлю, которая, родясь во времени, бывъ открыта и опредѣлена въ мимолетную минуту, становится съ той поры вѣчной для всѣхъ людей. Жить посреди природы, не оболещаясь ею подобно древнимъ, жить среди общества не отлучаясь отъ него какъ Монтѣнь, такъва кажется нынѣшняя задача мудреца. Эммерсъ постигъ эту задачу, и указываетъ ее намъ въ своихъ сочиненіяхъ. Благородное выполненіе такой роли достаточно для славы автора. Потомство не забудетъ, что онъ далъ нашему вѣку тоже что Монтѣнь далъ своему, новый идеалъ мудрости.

ГРАНДЮСКИЙ ТЕАТРЪ въ ДАРНИЖѢ. 1. Isabella de Castille. Изабелла Кастильская, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, господина Баже.

Трагедія господина Баже хоть куда. Она написана хорошими стихами, и нѣкоторые характеры очерчены въ ней весьма удачно. Жаль только, что авторъ не можетъ освободиться отъ академическихъ условій, и заключилъ себя добровольно въ единства, когда у него передъ глазами образцовое созданіе Кальдерона. Кдѣтка, разбитая орлами, не годится даже для попугая. Представьте себѣ, переложенною въ драму слѣдующую, исторію взятую изъ гренадскихъ хроникъ.

Въ царствованіе Карла-Пятаго Испанія, какъ извѣстно, была совершенно освобождена отъ ига Мавровъ. Многіе изъ этихъ послѣднихъ остались въ альпухарраскихъ горахъ, какъ принявшіе католическую вѣру. Они то произвели знаменитое возмущеніе 1568 года, приготовившее эфемерное царствованіе Абенъ-Гумея. Донъ-Жуану Австрійскому было поручено усмиреніе Альпухарраса и онъ осадилъ три города, которыхъ жители были истреблены. При осадѣ Галеры, одного изъ трехъ, только пятнадцать Мавровъ успѣли спастись и соединиться съ арміей возмущенныхъ. Въ этой арміи былъ Мавръ, по имени Тузани, котораго любовница жила въ опустошенномъ городѣ. Онъ съ ужасомъ узналъ, что тамъ не осталось живой души, и самъ хотѣлъ убѣдиться въ этомъ. Онъ отправился одинъ, и достигнувъ города слѣзъ съ лошади и пошелъ бродить по пустыннымъ улицамъ, заваленнымъ трупами. Это было въ полночь, въ дождливое, темное время. Онъ едва отыскалъ жилище Малобы, (такъ называлась женщина) и вошелъ въ него не прежде какъ съ зарею.

Проходя по двору, устланному мертвыми тѣлами, онъ узналъ въ числѣ зарѣзанныхъ женщинъ свою любовницу. Она была прекрасна какъ живая, только слишкомъ блѣла, говоритъ хроника, отъ потери крови. Ея богатая одежда, ея драгоценныя украшенія исчезли, но по какому-то чувству чести, ея рубашка вышитая зеленымъ шелкомъ была ей оставлена.

Мавръ взялъ на руки трупъ своей любовницы и горько зарыдалъ надъ нимъ, проклиная жестокость враговъ, рѣшившихся убить такую прекрасную женщину. Уже къ вечеру онъ вырылъ ей могилу, на которой напечаталъ по арабски клятву мщеника.

Какъ найти убійцу, можетъ быть простаго, невзвѣтнаго солдата многочисленной арміи? Мавръ подумалъ и рѣшился вступить въ войско Донъ-Жуана Австрійскаго, гдѣ онъ и служилъ

досто, и отличался многими блестящими подвигами. Но его настрѣніе не выходило у него изъ головы. Любовь къ умершей безпрестанно возрождалась въ немъ при видѣ портрета ея, который онъ сохранилъ. Онъ часто посѣщалъ солдатскія сходки и нарочно вводилъ рѣчь на славу Галеры. Онъ даже хвалился, что участвовалъ самъ въ этой осадѣ, и что убилъ нѣсколькихъ женщинъ. Наконецъ нашелся одинъ солдатъ, который устыдился его въ подобномъ хвастовствѣ и сказалъ ему, что онъ самъ нигдѣ на совѣсти умерщвленіе одной женщины, но что онъ убилъ ее по приказанію начальниковъ, запретившихъ оставлять жителей въ живыхъ. По описанію этой женщины и мѣста, гдѣ она была убита, Тузани узналъ виновнаго и заставилъ его рассказать тысячу подробностей, поражающихъ его въ самое сердце какъ удары ножа. Солдатъ даже показалъ ему нѣсколько колецъ отнятыхъ у несчастной жертвы. Мавръ вызвался купить ихъ и попросилъ солдата послѣдовать за нимъ въ его палатку. Когда они пришли въ пустынное мѣсто, Мавръ показалъ ему портретъ Малебы и спросилъ: узнаешь ли ты ее? Солдатъ отвѣчалъ утвердительно. Тогда Мавръ бросился на него и они боролись до-тѣхъ-поръ пока христіанинъ не палъ пораженный смертельнымъ ударомъ. Увидя его на землѣ, Тузани нанесъ ему второй ударъ, сказавъ: ты поразилъ мою жену двумя ударами; справедливость требуетъ, чтобы ты умеръ отъ двухъ ранъ!

Послѣ этого убійства, Тузани былъ схваченъ и осужденъ на казнь. Но Донъ-Жуанъ, узнавъ о причинѣ поединка, помиловалъ его. Вотъ сюжетъ, который внушилъ Кальдерону его энергическую драму «Любовь по смерти.» У французскаго поэта поступокъ Мавра и его сожалѣнія объ умершей любовницѣ являются на второмъ планѣ: онъ пожертвовалъ ими для испанской интриги весьма сложной, но не представляющей сильнаго интересу. Кальдеронъ же сдѣлалъ противное. Любовная интрига связанная съ серьезной и исторической частью его драмы исчезаетъ и изглаживается мало-по-малу передъ интересомъ, возбуждаемымъ ужаснымъ ищеніемъ Мавра.

2) *Le Reveil d'un lion, Пробужденіе льва*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ господъ Бадра и Жема.

Прелестная пьеска, полная ума и веселости. Она имѣла блестящій и заслуженный успѣхъ на театрѣ Gymnase. Французскіе фельетонисты пророчатъ ей сто представленій. Вотъ о чемъ идетъ дѣло:

Эрнестъ Фонбланшъ, добрый и прекрасный малый, задаетъ сво-

нить пріятелямъ великолѣпный праздникъ,—обѣдъ и балъ. Пробки летятъ въ потолокъ, шампанское льется, музыка гремитъ самыя отчаянныя польки; оболѣстательныя лоретки кокетничаютъ съ мушкетерами; всѣ молоды, веселы и довольны; какъ вдругъ прѣзжаетъ къ Эрнесту, изъ провинціи, старый родственникъ милліонеръ, который считается о немъ какъ Провидѣніе и никогда не отказывается ему въ деньгахъ. Старикъ попадаетъ въ руки письма, гдѣ надъ нимъ жестоко издѣваются пріятели Эрнеста, и въ особенности вѣкто Гекторъ Молеонъ, дворянинъ, раззорившійся на ланскнѣ, учредитель Клуба Двѣнадцати, котораго члены должны имѣть не менѣе двѣнадцати тысячъ долгу. Молеонъ называетъ стараго графа брюзгой, колпакомъ, совѣтуетъ своему другу хорошенько укутать его, уложить спать, и самому явиться на праздникъ. Старикъ сначала бѣсится, потомъ разсуждаетъ, что и онъ былъ молодъ, и что притомъ Эрнестъ, можетъ быть, и не одинаковаго мнѣнія съ своими пріятелями, и наконецъ рѣшается прочесть повѣсть, показать имъ себя въ полномъ блескѣ, тряхнуть старинной. И дѣйствительно онъ, къ изумленію молодежи, является на балѣ совершеннымъ львомъ. Одѣтый по послѣдней модѣ, въ шегольскомъ фракѣ, онъ танцуетъ польку, очаровываетъ дамъ, отбивается у Молеона его любовницу, разрѣзываетъ ему рапирой платье и къ довершенію всего женитъ своего крестника на бѣдной молодой дувушкѣ, которой отца онъ когда-то убилъ на дуэли и которой теперь даетъ въ приданое милліонъ.

3) *Le cheveu blond*, *Блѣокурый волосъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господина Леона Гозмана.

Молодой герцогъ Рокфоль долженъ жениться на мамзель де Тианжъ, къ величайшей радости ея опекуна, который до этого союза долженъ жить въ деревнѣ. Опекунъ этотъ нисколько не поэтъ; деревня, поля, цвѣты возбуждаютъ въ немъ отвращеніе; онъ только и бредитъ Парижемъ, гдѣ имѣетъ репутацію кутилы. Молодые люди тоже обожаютъ другъ друга, чему доказательствомъ служатъ разныя пожертвованія, которыя они приносятъ другъ другу. Герцогъ отрекся отъ табакерки, мамзель Тианжъ простилась съ своими мушками. Герцогъ перестаетъ охотиться, мамзель Тианжъ не будетъ румяниться. О, могущество страсти! Вдругъ невѣста находитъ на перчаткѣ своего жениха блѣокурый волосъ. Какъ онъ попалъ сюда, спрашиваетъ она себя? И чей это волосъ? Подозрѣнія ея увеличиваются, когда опекунъ рассказываетъ ей, что онъ видѣлъ поутру какую-то пару, выходящую изъ парка. Слѣдуетъ ссора и всеобщее отчаяніе, но волосъ оказывается принадлежащимъ сестрѣ герцога, ко-

тому онъ похитилъ изъ монастыря, куда отдала ее мать. Все устроивается какъ нельзя лучше. Жаль, что такой уминый человекъ какъ господинъ Леонъ-Гозманъ, не придумалъ чего-нибудь болѣе оригинальнаго, болѣе достойнаго его таланта.

4) Une femme a deux maris, *Двумужница*, водевилъ господинна Поль-де-Кока.

Мосьё Балло женатъ на вдовѣ капитана Бризерока, погибшаго съ своимъ кораблемъ, «въ бурныхъ волнахъ океана», и очень доволенъ своей участью, какъ вдругъ слѣдующее обстоятельство нарушаетъ его спокойствіе. Къ женѣ его приходитъ ея кузина, Гортензія, и проситъ убѣжища отъ гоненій мужа, который осмѣлился ввести въ нѣдра семейства любовницу. Едва мадамъ Балло спрятала въ свою спальню эту угнетенную невинность, какъ съ мосьё Балло является незнакомецъ, называющій себя капитаномъ Бризерокомъ и требуетъ назадъ свою жену. Капитанъ Бризерокъ не погибъ! О ужасъ! восклицаетъ мосьё Балло и подчуетъ своего предшественника пуншемъ. Напившись пуншу, предшественникъ ломаетъ и бьетъ все, что ни попадается ему подъ руку, не исключая даже самаго Балло, который долженъ дезертировать изъ своего дому. Капитанъ ломится въ спальню мадамъ Балло; оттуда выходитъ Гортензія. Ее-то и нужно грозному Бризероку, потому что его жена не мадамъ Балло, а ея кузина, и потому что онъ не тотъ капитанъ Бризерокъ, а «другой», кузень погибшаго. Супруги заключаютъ мировую, и любовница введенная въ нѣдра семейства оказала, какъ водится, не любовницей. Водевилъ долженъ быть на сценѣ весьма забавенъ, хотя и глупъ какъ водится.

5.) Le premier malade, *Первый больной*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господъ Вандербурка и Экара.

Молодой человекъ влюбленъ въ молодую дѣвушку; опекунъ ея не соглашается на этотъ бракъ. Любовникъ дерется съ опекуномъ на дуэли и, раненый, уѣзжаетъ въ Италію лечиться. Тамъ онъ узнаетъ, что предметъ его любви вышелъ замужъ, за опекуна ранившаго его. Онъ въ ярости, ѣдетъ во Францію, наказатъ измѣнницу, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ друзей, докторомъ, отыскивающимъ себя «первую практику». Онъ вываливается изъ экипажа невдалекѣ отъ одного замка. Они просятъ гостеприимства. Имъ оказываютъ его тѣмъ охотнѣе, что въ замкѣ есть умпрающій, который сильно нуждается въ пособіи медика. Докторъ въ восхищеніи. Но уввы! больной этотъ оказывается четвероногимъ, отвѣчающимъ на ния

МЕЛОРА. Но это **КОМАНКА** зима не кто **Иван-ка** **Минусъ** **Литва**,
который **во**се не **замужемъ**. Вы отгадаете **остальное**.

Водень **Водурень**.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Хотя въ нашей сѣверной столицѣ музыка не умѣкаетъ совершенно ни въ какое время года, однакожъ, какъ извѣстно, настоящее время ея жизни — зима, то есть съ октября мѣсяца, когда открывается италіянская опера, до первыхъ вѣдѣль постѣ Пасхи, когда пріѣзжіе артисты дають свои прощальныя концерты, и съ первымъ парходомъ разѣзжаются по домамъ съ нашими вѣнками и рублями. Нынѣшній годъ музыкальный сезонъ открывается самымъ блистательнымъ образомъ; опера обѣщаетъ намъ обильную жатву наслажденій, а Вѣтанъ началъ рядъ концертовъ своимъ прекрасными квартетами.

Италіянская опера открыла на этотъ разъ свои представленія Нормою Беллинни. Госпожа де Джули Борси, которая уже въ прошломъ году все болѣе и болѣе пріобрѣтала любовь публики, снова явилась намъ въ роли Нормы, безопорно принадлежащей къ числу прекраснѣйшихъ ея ролей. Высокій, звучный, сильный голосъ, способный выдержать всевозможное напряженіе, необыкновенное искусство, страстное, драматическое пѣніе и прекрасная игра, ставятъ госпожу де Джули-Борси въ рядъ превосходнѣйшихъ пѣвицъ, какія требуются для новой италіянской музыки.

Осьмага октября дебютировала, въ «Ломбардцахъ» Верди, госпожа Фреңцоллини, которой громкая слава, задолго еще до прибытія ея, раздавалась въ Петербургѣ. Трудно, почти даже невозможно, вполнѣ оцѣнить великую пѣвицу по одной роли. Гений тѣмъ именно и удивителенъ, что самыя разнообразныя чувства находятъ себѣ въ немъ выраженіе, какъ въ чистомъ кристаллѣ представляются самыя различныя цвѣта; часто, когда думаешь, что вполнѣ постигъ его съ одной стороны, онъ вдругъ, неожиданно, является въ такомъ же блескѣ съ противоположной стороны. Но если мы не смѣемъ положительно характеризовать госпожу Фреңцоллини по одной роли, въ которой она явилась до-сихъ-поръ, то намъ позволятъ, по крайней мѣрѣ, сказать нѣсколько словъ о средствахъ, которыми она обладаетъ, и о томъ, какъ она пользуется этими средствами. Голосъ госпожи Фреңцоллини высокій сопрано необыкновеннаго объема; онъ простирается съ одинаковою звучностью и одинаковою силою отъ низкаго d вверхъ на двѣ октавы, и по силѣ, съ какою она беретъ эту ноту, должно полагать, что она имѣетъ еще нѣсколько нотъ внизу. И не смотря на эту обширность, голосъ ея не только необык-

поведно звучеть, но и (что мы считаемъ главнымъ ея достоинствомъ) совершенно ровень во всѣхъ регистрахъ. До какой степени госпожа Фреңцоллини замѣчательна, какъ колоратурная пѣвица, нельзя опредѣлить рѣшительно по дебюту ея въ «Ломбардахъ», потому что музыка Верди преимущественно выставляетъ пѣііе, выраженіе страсти. Само собою разумѣется, что наша публика, получившая, чрезъ долгодѣтнюю привычку слушать лучшихъ артистовъ, способность и право судить, приняла госножу Фреңцоллини, какъ заслуживали ея громкая слава и прекрасное исполненіе. Господинъ Вѣтанъ, играя скрипичное соло въ третьемъ дѣйствіи, вставилъ длинную фермату, которая въ самомъ яркомъ свѣтѣ показала необыкновенное искусство великаго виртуоза, но въ то же время сдѣлала еще болѣе ощутительною несообразность мысли композитора, ввести и сопровождать крещеніе умирающаго Сарацина скрипичнымъ концертомъ, писаннымъ въ новѣйшемъ стилѣ.

— Первое квартетное утро Вѣтана было 19 октября, въ загѣ Петропавловской церкви. Публика была не такъ многочисленна, какъ бываетъ въ италіанской оперѣ; на концертахъ Гунгля и Гильмана, лѣтомъ, также собиралось болѣе народу. Это, впрочемъ, весьма естественно: опера и садовые концерты посѣщаются не для одной музыки; тутъ находятъ себѣ удовольствованіе нѣкоторыя другія побужденія, самаго различнаго роду. Люди рядятся въ богатыя, щегольскіе наряды и когда верховный судья, зеркало, ихъ одобрилъ, ѣдутъ въ оперу. Тутъ прекрасная картинка вставляется въ рамы ложи и насмѣшливымъ взоромъ осматриваетъ прочія картинки этой огромной живой выставки. При этомъ съ удовольствіемъ вкушается глотокъ беллиніевскаго оржату, или доппидзетіевскаго шипучаго лимонаду и всѣ, довольные самими собою, довольны и всѣмъ остальнымъ. То есть, не остальнымъ картинкамъ, какъ бы не не такъ! Ихъ раздражаютъ по ниточкѣ, а всѣмъ остальнымъ; остальное же — музыка. Слушатели съ восторгомъ восклицаютъ: «c'est délicieux, c'est admirable!» думая при этомъ гораздо болѣе о собственныхъ своихъ особахъ, нежели о пѣііи и музыкѣ. Лѣтніе садовые концерты собственно не что иное, какъ та же опера подъ открытымъ небомъ, и въ которой слушатели занимаютъ двѣ роли, публики и актеровъ. Музыка тутъ опять одно приложеніе, одинъ аккомпаниментъ.

Зала же Петропавловской церкви не роскошный театръ, и не тѣшныи садъ: тутъ нѣтъ ни ложъ, въ которыхъ можно бы красоваться, ни яркой люстры, или фантастическихъ китайскихъ фонарей, которые бы возвышали богатство нарядовъ. Блѣдный дневной свѣтъ

слупо пробивается сквозь мелкія, тусклыя стекла; съ высокими стѣнъ строго смотрятъ старые портреты; по угламъ стоятъ будто исполнскія сторожевыя будки, печки въ видѣ башенъ; на верху оргайтъ напоминаетъ первоначальное назначеніе залы. И не далеко она отпала отъ этого назначенія, когда въ ней играютъ квартеты. Тутъ собирается публика серіозная, послушать серіозной музыки; не той, которая легко проскользаетъ по поверхности ума и души и позволяетъ въ то же время подуматъ объ удовлетвореніи разныхъ другихъ потребностей, а музыки, глубоко проникающей въ душу, покрояющей и возвышающей сердца, музыки, которую должно слушать съ благоговѣніемъ, какъ божественную службу, отбросивъ всякія другія мысли, въ особенности же всякое мелкое тщеславіе. По этому радостно уже и то, что въ первое утро было по-крайней-мѣрѣ столько же слушателей, какъ въ послѣднее утро прошлаго года; это уже ругается за будущій успѣхъ квартетовъ господина Вьѣтана.

Для открытія своихъ квартетовъ господинъ Вьѣтанъ далъ намъ классическое произведеніе золотой старины, того блаженнаго времени, когда Гайднъ открылъ широкій путь инструментальной музыка, по которому скоро такими смѣлыми шагами послѣдовали за нимъ его ученики, Моцартъ и Бетговецъ. Вотъ былъ учитель, старикъ Гайднъ! Такихъ учениковъ, какъ Моцартъ и Бетговецъ, не образуетъ въ наше время ни одинъ учитель, даже ни одинъ изъ нашихъ хваленыхъ италіянскихъ профессоровъ, которые за одинъ урокъ получаютъ болѣе нежели получалъ Гайднъ за пять или за шесть! Но не въ томъ дѣло. Первою пьесою на утрѣ господина Вьѣтана былъ квартетъ Гайдна, и притомъ одинъ изъ извѣстѣйшихъ и лучшихъ его квартетовъ, — g dur, N 55, чудный квартетъ, полный жизни и юмора. Господинъ Вьѣтанъ, братья Альбрехтъ и Гроссъ съ необычайною ясностью и отчетливостью умѣли передать самыя подробныя его оттѣнки. Вообще выполненіе доказало, что прошлый сезонъ былъ не безплоденъ для нихъ. Главное условіе для хорошаго выполненія квартетовъ, совершенное единство исполнителей. Всѣ четверо должны слиться въ одну душу; первая скрипка должна быть проникнута тѣмъ же духомъ, постигать произведеніе точно такъ же, какъ альтъ; виолончель, какъ вторая скрипка, — словомъ, четыре музыканта должны играть будто одинъ человѣкъ, съ тѣмъ же чувствомъ, тѣмъ же смычкомъ. Наши артисты сдѣлали въ этомъ отношеніи большіе успѣхи съ прошлой зимы. Немаловажно и то, чтобы къ единству играющихъ присоединялось и единство инструментовъ; чтобы различные регистры единствомъ звуковъ, одинакою степенью силы, составляли будто одно цѣлое, по этому

условію артисты не всегда въ состояніи удовлетворить. Инструменты нашихъ артистовъ, хотя и не представляютъ такого совершеннаго единства, однакоже очень удовлетворительны въ этомъ отношеніи; не мало также содѣйствовало полнотѣ эффекта то, что играющіе пахотятся теперь не въ томъ уже концѣ залы, гдѣ были въ прошломъ году; припявъ во вниманіе замѣчаніе нѣкоторыхъ проницательныхъ критиковъ, что многіе звуки терялись въ растворенныхъ дверяхъ, они перешли въ противоположный конецъ залы, который кажется несравненно выгоднѣе въ акустическомъ отношеніи.

За квартетомъ Гайдна слѣдовало фортепианное тріо Франца Шуберта. Это былъ рѣзкій скачекъ, — отъ добродушнаго, веселаго старика Гайдна, къ фантастическому Шуберту, въ инструментальныхъ сочиненіяхъ котораго уже владычествуетъ новѣйшая романтическая школа со всѣми ея причудами. Концертамъ господина Вьѣтана много бы придало занимательности, если бы въ выборѣ исполняемыхъ произведеній соблюдался историческій порядокъ, такъ, что весь рядъ составлялъ бы хронологическій обзоръ всего развитія камерной музыки съ Гайдна до новѣйшихъ временъ. Но если не такова цѣль господъ артистовъ, то во всякомъ случаѣ выбирать только такія произведенія, которыя своимъ классическимъ превосходствомъ достойны стать между Гайдномъ и Бетговеномъ. Недостаточно соблюдать эту строгость только въ выборѣ скрипичныхъ квартетовъ; также должно выбирать и фортепианныя пьесы, если не хотять, чтобы онѣ казались лишними, и даже неприятнымъ элементомъ въ квартетныхъ концертахъ; мы считаемъ это предпріятіе школою для образованія истиннаго художественнаго вкуса, и въ этомъ качествѣ оно требуетъ самаго строгаго вниманія въ выборѣ; только при этомъ условіи можетъ оно принести истинную и продолжительную пользу. Въ тріо Шуберта много истинно поэтическихъ, гениальныхъ мѣстъ, но въ цѣломъ онъ слишкомъ растянутъ. Уже одно то, что его можно было, безъ бодршій потери, сократить и играть съ произвольными измѣненіями въ фортепианной партіи, доказываетъ, что оно не достойно занимать мѣсто въ этихъ концертахъ. Исполненіе его впрочемъ было превосходно. Господинъ Левинъ, игравшій фортепианную партію, слишкомъ часто прибѣгаетъ къ крайнимъ предѣламъ форте и піано; впрочемъ его можно безусловно признать мыслящимъ художникомъ, такъ же какъ и искуснымъ виртуозомъ. Онъ игралъ на роялѣ Беккера, отличавшемся, какъ и всѣ инструменты этого мастера, нѣжностью и полнотою тона. Что

и Вьстанъ и Гроссъ превосходно исполнили трудный акампони-
ментъ — разумеется само собою.

Квартетъ Бетговена, f dur, Op. 18 Al, которымъ заключилось
первое утро, снова перенесъ насъ въ сферу истинно классической
музыки. Превосходство исполненія тутъ шло объ руку съ превос-
ходствомъ сочиненія. Въ особености адажио, лучшая часть квар-
тета, было передано въ совершенствѣ и произвело неистовыя руко-
плесканія, немнѣющія ничего общаго съ рукоплесканіями оперы,
потому что происходитъ изъ искренняго восторгу слушателей.

Такимъ образомъ этотъ рядъ любопытныхъ концертовъ откры-
ся самымъ блистательнымъ образомъ и общааетъ еще много на-
слажденій всѣмъ истиннымъ любителямъ музыки.

— Еще рѣдкое наслажденіе, говорятъ, готовить намъ будущую
зиму Филармоническое общество: оно собирается дать въ одномъ
изъ своихъ концертовъ новую ораторію Мендельсона Бартольди,
«Пророка Ілью». Въ ожиданіи этого счастливаго времени, про-
симъ читателей позволить намъ сказать имъ нѣсколько словъ какъ
о новомъ произведеніи гениальнаго композитора, такъ и о его музы-
кальной дѣятельности вообще.

Со время Гайднова «Сотворенія міра» ни одна ораторія не про-
изводила такого сильнаго и повсемѣстнаго впечатлѣнія, какъ «Пав-
ель» Мендельсона. Я живо помню энтузіазмъ, произведенный этимъ
сочиненіемъ, когда оно было исполнено въ первый разъ, если не ошиба-
юсь, въ 1836 году, на рейскомъ музыкальномъ праздествѣ въ Дюс-
сельдорфѣ, подъ управленіемъ самого композитора, бывшаго въ то
время капельмейстеромъ при тамошнемъ театрѣ. Возвращавшіеся
съ праздника музыканты и простые посѣтители разносили по
всѣмъ рейнскимъ провинціямъ, а потомъ и гораздо далѣе, вѣсть о
дивныхъ красотахъ поваго, величайшаго творенія Мендельсона, ко-
торый былъ уже извѣстенъ образованной публикѣ по первымъ те-
традямъ своихъ «Гѣсепъ безъ словъ» и имѣлъ уже множество го-
рячихъ почитателей и друзей. Такимъ образомъ, когда ораторія его
была напечатана, скоро не было ни одного музыкальнаго общества,
которое бы не исполнило у себя его «Павла», всего, или отрывка-
ми, съ оркестромъ или съ фортепіано, смотря по тому какъ позво-
ляли средства и силы. Нынче «Павель» извѣстенъ не только во всей
Германіи, но и почти во всѣхъ европейскихъ столицахъ, и даже въ
Америкѣ, и вездѣ онъ производилъ такое же сильное впечатлѣніе.
Этотъ огромный успѣхъ серьезнаго творенія въ эпоху, вовсе не
склонную къ серьезнымъ произведеніямъ, внушаетъ почти сомнѣніе
въ дѣйствительномъ его достоинствѣ; однако же сомнѣніе это не-

Мендельсон разсѣвается при внимательномъ разсмотрѣніи. Мендельсонъ въ своемъ «Павлѣ» слѣдуетъ образцу Генделя, и въ особенностн Себастьяна Баха, но изъ этого не должно заключать, будто онъ слѣдой ихъ подражатель. Правда, онъ усвоилъ себѣ формы этихъ двухъ безсмертныхъ творцовъ нѣмецкой ораторіи и церковной музыки, но выражаетъ въ нихъ вполне оригинальное и въ высшей степени поэтическое чувство. Тайна необыкновеннаго впечатлѣнія, которое эта ораторія произвела даже на неартистовъ по званію, заключается, по моему, именно въ этомъ глубокомъ поэтическомъ чувствѣ, которымъ онъ проникаетъ свой текстъ и которое распространяется у него даже на строгія формы контрапункта и фуги, почти совершенно чуждыя чувства у старинныхъ композиторовъ. Такимъ образомъ произведеніе его сдѣлалось доступнымъ и внушило сочувствіе большей части тѣхъ слушателей, которые могли судить его только по чувству, какое оно въ нихъ порождало, или много съ обще эстетической точки зрѣнія. Но между тѣмъ какъ они восхваляются прекрасными, полными души мелодіями, лирическимъ вдохновеніемъ, одушевляющимъ самыя даже хоры, или дивятся смѣлымъ, замысловатымъ речитативамъ, болѣе глубокой и проницательный критикъ долженъ безусловно признать твердость и увѣренность, съ которою композиторъ владѣетъ всеми формами, его чистый и неукоризненный вкусъ въ употребленіи эсктовъ, творческую свѣжесть, съ которою онъ возсоздалъ внѣшнія формы, замѣстивающія нѣтъ у Генделя и Баха. Раздалось, правда, нѣсколько голосовъ, протестовавшихъ противъ обновленія фуги, которую они хотятъ неспрыкосновенно хранить въ ея холодной строгости и чопорности, и доказывавшихъ, основываясь на частыхъ удаленіяхъ отъ темы, которыя Мендельсонъ допускаетъ въ своихъ фугахъ, и въ некоторомъ однообразіи въ ихъ модуляціи, что авторъ «Павла» не въ состояніи написать настоящей, правильной фуги. Но эти возгласы недовольной, консервативной партіи, нигдѣ не нашли сочувствія. Успѣхъ «Павла» давно упроченъ, и какой успѣхъ! одинъ изъ самыхъ блестящихъ въ исторіи музыки.

Послѣ этой первой ораторіи, вмѣсто того, чтобы воспользоваться ея успѣхомъ, и вслѣдъ за нею пустить другую, какъ бы поступили многіе другіе композиторы, Мендельсонъ долгое время молчалъ, покрайней мѣрѣ на поприщѣ церковной музыки. Это безкорыстное самоотверженіе принесло большую пользу композитору. Не говоря уже о томъ, что онъ второю ораторією въ нѣкоторой степени вторично отдалъ бы на судъ успѣхъ первой, онъ далъ этимъ время «Павлу» вполне такъ утвердиться во мнѣніи публики и рас-

пространиться, какъ было бы невозможно, если бы другое твореніе того же роду отвлекло отъ него, или даже только раздѣлило съ нимъ вниманіе публики. Наконецъ, когда уже публика стала съ нетерпѣніемъ требовать новаго, явились нѣсколько его большихъ «Псалмовъ», его «Lobgesang» «Шабашъ» (Walpurgisnacht), его дивные хоры къ «Антиговѣ», и наконецъ его свѣжая, романтическая музыка къ Шекспирову «Сну въ Ивановскую ночь», но все такъ еще не ораторія. Между тѣмъ стиль Мендельсона вполне установился; юношеская запальчивость, увлекавшая его иногда въ первыхъ его сочиненіяхъ за предѣлы истинной красоты, укротилась; словомъ, стиль его достигъ истинно классическаго совершенства. Правда, что зато, въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, нѣтъ уже той свѣжести мелодіи, которую такъ очаровали его прежнія произведенія, и въ классической плавности стиля скрываются иногда, будто сѣдые волосы на прелестной головкѣ, ничтожные и даже пошловатые мотивы.

Наконецъ въ прошломъ году, то есть ровно черезъ десять лѣтъ послѣ «Павла», Мендельсонъ явился съ новою ораторіею. Его «Пророкъ Ілья» исполненъ въ первый разъ на большомъ музыкальномъ празднествѣ, въ Бирмингамѣ, и принятъ съ невыразимымъ энтузіазмомъ. Въ Германіи онъ еще нигдѣ не былъ даваемъ, но ставится въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Какъ наше Филармоническое общество, какъ мы уже сказали, собирается дать его въ теченіе наступающей зимы, то мы увѣрены, что читатели наши пожелаютъ нѣсколько познакомиться съ нимъ впередъ. Мы постараемся сообщить имъ содержаніе этого произведенія, сколько оно возможно изъ просмотра одной фортепианной партитуры: большая партитура къ сожалѣнію еще не издана.

Текстъ составленъ со словъ Ветхаго Заветъа и, вѣроятно, какъ и текстъ «Павла», самимъ композиторомъ.

Ораторія начинается безъ дальнѣйшаго введенія, прямо коротенькимъ речитативомъ, въ которомъ Ілья налагаетъ проклятіе на народъ Израильскій: «Воистину, какъ живъ Господь, Богъ Израилевъ, передъ которымъ стою я, не будетъ въ эти годы ни росы, ни дождя, предсказываю вамъ!»

За этимъ краткимъ изложениемъ слѣдуетъ увертюра, мрачная fuga въ строгомъ Баховскомъ родѣ, въ которой представляется исполненіе наложеннаго проклятія, — разоренный, бесплодный край, изнуренный, упылый народъ; сначала тихіе стоны, потомъ все возрастающія жалобы и рыданія, пока наконецъ весь оркестръ и хоръ соединяются въ одинъ оглушительный крикъ отчаянія: «Помоги,

Господи! или ты хочешь въ конецъ извести насъ»? Мотивъ слѣдующаго за этимъ колѣна, въ видѣ фуги, на слова: «прошло время жатвы, прошло лѣто, а нѣтъ намъ помощи!» представляетъ трогательную хроматическую мелодію и ведетъ такъ поразительно, такъ величественно, что слушатель съ самаго начала невольно увлекается восторгомъ. Послѣ нѣсколькихъ жалобныхъ фразъ речитатива, испущенныхъ разными голосамъ, слѣдуетъ элегическій дуэтъ на два дисканта, «Сіонъ возводитъ руки», къ которому хоръ присоединяетъ отъ времени до времени въ одинъ голосъ, въ удивительно простой мелодической формѣ, горестный стонъ: «Господи, услыши нашу молитву!» Вся эта сцена производитъ поразительное впечатлѣніе. Потомъ Обадія, тепоръ, въ речитативѣ, и простой, мелодической аріи, старается успокоить народъ, обращая его къ Богу. Народъ отвѣчаетъ ему тревожнымъ отчаяннымъ хоромъ: «Господь не смотритъ на насъ, онъ презираетъ наши мольбы! Проклятiе низшло на насъ, (тутъ повторяется мотивъ проклятiя, предреченнаго въ началѣ Ильею) и будетъ терзать насъ, пока не погубитъ насъ всѣхъ», и такъ далѣе. Тутъ самымъ рѣзкимъ, самымъ потрясающимъ образомъ представляется идея Ветхаго Завета, страхъ Иеговы, карающаго грѣхъ отцевъ на дѣтяхъ до третьяго и до четвертаго поколѣнія. Вступленіе въ концѣ, при словахъ: «Смались надъ тысячами любящихъ меня и соблюдающихъ мою заповѣдь», дирижаго тона, успокоиваетъ нѣсколько душу, несмотря на то что въ акомпаниментѣ продолжается прежнее тревожное движеніе. Ангелъ (альтъ) въ короткомъ речитативѣ приказываетъ Ильѣ скрыться близъ потока Херноа. Слѣдующій за тѣмъ двойной кuartетъ ангеловъ «Ибо Онъ повелѣлъ своимъ ангеламъ хранить тебя» образецъ искусства, главнаго веденія голосовъ, и притомъ проникнутъ такимъ благозвучіемъ, такимъ поэтическимъ вдохновеніемъ, что долженъ необходимо производить чудный эффектъ. Ангелъ посылаетъ Илью въ Царсатъ, гдѣ Богъ повелѣлъ одной вдовѣ пещись о немъ. Драматическая форма, обозначенная уже явленіемъ ангела, какъ самостоятельнаго лица, развивается тутъ въ большихъ размѣрахъ. Вдова въ трогательной аріи умоляетъ пророка спасти ея сына, страдающаго такимъ тяжелымъ недугомъ, что «въ немъ нѣтъ уже дыханія». Илья беретъ ребенка, молится Богу и наконецъ оживаетъ. Эта сцена, представлявшая композитору объемный предметъ для развитія, самая слабая часть во всей оперѣ. Онъ можетъ быть съ намѣреніемъ оставилъ ее въ тѣни, чтобы постепенно уславивать эффектъ, а не истощить его съ самаго начала, но въ

такомъ случаѣ лучше было бы совсѣмъ выпустить этотъ эпизодъ, который необходимо требуетъ большаго развитія. Слѣдующій за нимъ хоръ, «Блаженны боящіеся Господа» щедро вознаграждаетъ за недостаточность предъидущаго нумера: тутъ опять въ самомъ яркомъ свѣтѣ является оригинальный талантъ Мендельсона. Какъ очарователенъ этотъ мелодическій мотивъ, какъ увлекающъ одушевленный акомпаниментъ, какъ искусно и плавно развиваются голоса, какъ все понятно и дышетъ высокою поэзіею! Этотъ нумеръ истинно мастерское произведеніе. Отсюда интересъ усиливается: нумеръ слѣдуетъ за нумеромъ, одинъ другаго лучше и выше. Отсюда до самаго конца первой части Мендельсонъ является во всемъ величій своей художественной опытности и гевія. Речитативомъ, совершенно подобнымъ речитативу проклятія, съ тѣмъ различіемъ, что тамъ онъ былъ въ moll-номъ, а здѣсь въ dur-номъ тонѣ, Илья объявляетъ, что хочетъ явиться къ царю, и что Богъ снова пошлетъ землѣ дождь. Царь Ахавъ, теноръ, и народъ принимаютъ Илью съ укоризнами; которыя онъ, въ энергическомъ речитативѣ съ акомпаниментомъ, обращаетъ на богоотступнаго царя. Потомъ онъ требуетъ, чтобы царь созвалъ жрецовъ Ваала на Кармельскую гору. «Тамъ мы увидимъ, истинный ли Богъ мой Богъ!» Затѣмъ Илья обращается къ жрецамъ Ваала и говоритъ: «Возстаньте же, пророки Ваала, изберите тельца и не зажигайте подъ нимъ огня, а зовите къ своему Богу; и я взову къ своему Господу!» Предложеніе принято и Илья насмѣшливо приглашаетъ жрецовъ Вааловыхъ воззвать къ своимъ полевымъ и горнымъ богамъ; жрецы дѣйствительно взываютъ къ нимъ, сначала тихимъ, торжественнымъ хоромъ; но мало по малу онъ становится живѣе и тревожнѣе. Когда умолкаетъ послѣднее «Услыши насъ», а огня все еще не видать, пророкъ ободряетъ своихъ противниковъ съ ѣдкой провіею (это совершенно новый элементъ въ ораторіи, но который здѣсь введенъ чрезвычайно удачно): «Зовите громче: вѣдь онъ богъ же! онъ задумался, или можетъ быть ему недосугъ, или онъ на полѣ, или можетъ быть спитъ, будите его; зовите громче!» Громче взываютъ жрецы къ Ваалу, но онъ молчитъ. А между тѣмъ громче, и ѣдче, и грознѣе раздаются насмѣшки Ильи и побуждаютъ жрецовъ къ послѣднему, отчаянному усилю. Въ престо, *ris-mol*, они изо всѣхъ силъ взываютъ къ своему Богу: «Дай намъ отвѣтъ, Ваалъ! Смотри, врагъ издѣвается надъ нами!» Отъ времени до времени всѣ умолкаютъ и ждутъ отвѣта, — напрасно! Наконецъ Илья прерываетъ ихъ, призываетъ къ себѣ народъ и въ прекрасной, пламенной молитвѣ проситъ Бога явить

нынѣ свое божество. Въ концѣ молитвы, пока слушатели въ благо-
вѣннѣ ждуть послѣдствія, раздаются pianissimo четыре голоса, и
въ тихомъ хоралѣ выражаютъ надежду праведнаго на Господа.
Этотъ чудный хоралъ поется безъ акомпанимента, только съ ферма-
тою каждаго колѣна тихо раздается простой, арпеджированный ак-
кордъ духовыхъ инструментовъ, въ который въ концѣ влетается
нѣжно и таинственно мотивъ предыдущей молитвы. Послѣ этого
непродолжительнаго, но чрезвычайно благодѣтельнаго отдохновенія,
дѣйствіе продолжается во всей своей драматической силѣ. Илья про-
износитъ еще коротенькій рецитативъ, огонь исходитъ съ неба и
пожираетъ жертву. Народъ изображаетъ все происходящее въ оду-
шевленномъ, богато оркестрованномъ хорѣ, и наконецъ познаетъ
истиннаго Бога и поклоняется ему. Илья! приказываетъ схва-
тить пророковъ Ваала и умертвить ихъ. Слѣдующая за тѣмъ арія
его: «Не подобно ли огню слово Господне?» отличается энергіею и
проникнута духомъ вѣтхозавѣтнаго закона. Слѣдуетъ превосход-
ная, эгегическая альтовая арія, содержащая въ себѣ размышленія о
судьбѣ богоотступниковъ. Потомъ Обадія умоляетъ Илью даровать
краю дождь. Илья опять молится Богу, но недолго, и хоръ повто-
ряетъ послѣдвія его слова: «Отверзи небо и сойди, подай помощь
рабу твоему, Боже!» Илья посылаетъ мальчика на гору и велитъ
ему смотрѣть на море. Свѣтлый голубъ мальчика отвѣчаетъ ему на
одномъ аккордѣ с dur: »Не вижу ничего, небо будто свинцовое надъ
моею головою. «Илья продолжаетъ свою молитву въ as-dur. Во
второй и въ третій разъ вопрошаетъ онъ мальчика, стоящаго на
горѣ; отвѣтъ все тотъ же: «Не вижу ничего». Наконецъ начи-
нается легкое тремоло, и постепенно усиливается. Мальчикъ го-
воритъ: «Идетъ облачко съ моря, величиною съ человѣческую
руку; небо черпѣтъ тучами; поднимается вѣтеръ, дуетъ сильнѣе и
сильнѣе». Тутъ выступаетъ хоръ, все громче и громче поетъ нѣсья
хвалы и благодарности; къ нему присоединяется оркестръ, и по-
токомъ гармоніи раздается послѣдній хоръ первой части, торже-
ственная вдохновенная пѣснь, въ которой бурный ревъ дождя со-
единяется съ благодарственнымъ гимномъ Всевышнему на не-
бесахъ. Невозможно выразить словами дивной энергіи и вели-
чія этого хора; это гимнъ, излившійся прямо изъ вдохновенія ге-
нія; онъ долженъ необходимо потрясти и вознести души всѣхъ
самыхъ невесторженныхъ слушателей.

Первая часть представляла намъ дѣянія и чудеса Пророка Ильи,
вторая изображаетъ его страданія. Вступленіемъ ей служить про-

роческая, ободрительная арія (дискантъ), которой адажіо отличается элегическою нѣжностью, а аллегро лирическимъ увлеченіемъ, Къ послѣднимъ словамъ аллегро «Я твой утѣшитель; не унывай, Богъ твой съ тобою», присоединяется энергическій хоръ: «Не бойся, вѣщаетъ нашъ Богъ, не бойся, я съ тобою!» и такъ дагѣе. Въ среднемъ колѣвѣ, писанномъ въ формѣ фуги, «Хотя бы тысячи гибли по твою лѣвую руку, и десятки тысячъ по правую,» оркестръ повторяетъ въ равныхъ промежуткахъ, будто ободряющій голосъ, мотивъ «Не бойся», который потомъ снова подхватываетъ весь хоръ и энергически заключаетъ имъ нумерь. За тѣмъ Илья въ смѣломъ речитативѣ упрекаетъ Царя въ идолопоклонствѣ и предрекаетъ ему гибѣвъ Божій. Но царица возмущаетъ народъ противъ пророка, который дерзнулъ предсказать гибель Царю и народу, умертвилъ пророковъ Вааловыхъ, закрылъ небо и накликалъ на край дороговизну. «Идите, схватите Илью» говоритъ она въ заключеніе этой драматической сцены: умертвите его! Поступимъ съ нимъ, какъ онъ самъ поступалъ.» Народъ въ дикомъ, бурномъ хорѣ проклинаетъ Илью и обрекаетъ его на смерть. Но вѣрный Обадія извѣщаетъ пророка объ угрожающей опасности и совѣтуетъ ему удалиться въ пустыню. Илья исполняетъ совѣтъ. Слѣдующая за тѣмъ большая арія—капитальный нумерь партіи Ильи. Въ ней много истинно поэтическихъ мѣстъ; аллегро полно жизни и огня; по этому она должна произвести сильный эффектъ, въ особенности при хорошемъ исполненіи. Однакоже нельзя не замѣтить нѣкоторой слабости въ изобрѣтеніи мелодіи.

За нею слѣдуетъ коротенькій речитативъ, которому особую прелесть даетъ гармоническій переходъ отъ *fis-moll* къ *d-dur*: «Онъ спитъ среди пустыни», но ангелы Господни охраняютъ того, кто боится Бога.» Потомъ непосредственно слѣдуетъ очаровательный терцетъ ангеловъ (на два дискапта и альтъ) безъ акомпанимента. Слѣдующій хоръ «Защитникъ Израіля не спитъ и не дремлетъ», принадлежитъ къ числу тѣхъ нумеровъ, въ которыхъ нельзя не узнать съ перваго разу Мендельсона. Прекрасная пѣвучая мелодія переходитъ фугою отъ одного голоса къ другому и поддерживается свѣтлымъ одушевленнымъ акомпаниментомъ съ самыми разнообразными модуляціями. Подъ конецъ акомпаниментъ умолкаетъ, а хоръ продолжаетъ еще нѣсколько тактовъ въ тихихъ, благозвучныхъ контрапунктическихъ сплетеніяхъ, и терается наконецъ въ півиссимо. Употребленіе мѣстами хора безъ акомпанимента, въ особенности для заключенія, принадлежитъ къ любимымъ эффектамъ

Мендельсона. И дѣйствительно, шаниссимо многочисленнаго хора производить оригинальное, обворожительное дѣйствіе, и вполнѣ показываетъ могущество человѣческаго голоса. Далѣе ангелъ приказываетъ пророку идти сорокъ сутокъ, пока дойдетъ до горы Хорива. Илья тоскуетъ, и желаетъ, «чтобы душа его умерла!» Ангелъ (альтъ) утѣшаетъ его въ простой, но прекрасной аріи, къ которой приступаетъ превосходный, ободрительный хоръ. Ангелъ приводитъ пророка на гору Хоривъ и приказываетъ ему закрыть голову «потому что приближается Господь». Большой, чрезвычайно оригинальный хоръ, описываетъ, какъ сначала проходитъ вихрь, потомъ потрясается земля, возгарается пламень; но Господь не является среди бури и пламени. Наконецъ раздается тихій шелестъ, «и среди шелеста приближается Господь.» Этотъ хоръ, къ которому щедрою рукою присоединены всевозможныя оркестровыя эффекты, принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ и къ самымъ величественнымъ произведеніямъ Мендельсона. За нимъ слѣдуетъ достойный его торжественный хоръ ангеловъ, перемежающійся около четырехъ женскихъ голосовъ. Илья получаетъ приказаніе; «Иди назадъ, еще осталось семь тысячъ человѣкъ въ Израилѣ, преклонившихся передъ Вааломъ. Иди назадъ, исполни слово Господне.» И пророкъ отправляется, полный утѣшительной надежды на Бога.

Далѣе большой, могучій хоръ рассказываетъ, какъ пророкъ Илья заговорилъ и слово его загорѣлось пламенникомъ, какъ онъ низвергъ гордыхъ царей, и какъ онъ наконецъ среди бури вознесся на огненной колесницѣ на небо. Пѣжная теноровая арія успокаиваетъ напряженное вниманіе. За нею слѣдуетъ пророческій хоръ указывающій на болѣе великаго пророка, который долженъ явиться чтобы возвѣщать слово Божіе. За тѣмъ слѣдуетъ пѣжный квартетъ «Прийдите всѣ жаждущіе», и наконецъ финальный хоръ, который достойнымъ образомъ заключаетъ ораторію болѣе свѣтлою и плавною, нежели ученою и сложною фугою.

Если мы станемъ сравнивать «Пророка Илью» съ первою ораторіей Мендельсона, «Павломъ», то немедленно найдемъ между обоими сочиненіями рѣзкое различіе въ духѣ и во внутреннемъ направленіи. «Павелъ» есть чисто христіанское твореніе, Илья же во всемъ представляетъ духъ ветхозавѣтнаго закона. Павелъ проповѣдникъ христіанской любви и терпѣнія, и потому христіанская община, представляемая хоромъ или отдѣльными его голосами, вездѣ сопровождаетъ его благочестивыми размышленіями. Илья, напротивъ, гнѣвный пророкъ мстительнаго Іеговы, умерщвляетъ

жрецовъ Ваала и возвѣщаетъ гнѣвъ Господень. Поэтому христіанскій элементъ хоромъ, такъ прекрасно украшающій «Павла», не могъ быть допущенъ въ «Ильѣ». Но для противоположности то жалобнымъ, то бурнымъ хорамъ народа, композиторъ чрезвычайно удачно придумалъ хоры ангеловъ, и такимъ образомъ возстановилъ необходимое въ каждомъ произведеніи искусства равновѣсіе контрастовъ.

Въ отношеніи къ внѣшней музыкальной формѣ объ ораторіи представляютъ также огромное различіе. «Павелъ», подобно «Страстямъ Господнимъ» Баха, писанъ весь въ строгой эпической формѣ, между тѣмъ какъ въ «Ильѣ» безпрестанно и рѣшительно является элементъ драматическій. Для слушателя, конечно, удобнѣе, когда, какъ въ «Павлѣ», одинъ повѣствователь объясняетъ весь ходъ дѣйствія, и впередъ знакомитъ съ являющимися лицами. Явленіе самихъ драматическихъ лицъ въ ораторіи, лишенной внѣшняго пособія костюмовъ и обстановки, легко можетъ запутать слушателя, не имѣющаго въ рукахъ либретто. Какъ, на примѣръ, въ томъ же хорѣ, который за мигъ передъ тѣмъ изображалъ жрецовъ Ваала, кричащихъ вокругъ алтаря своего идола, узнать потомъ небесные лики, или въ томъ же дискантѣ, который представлялъ ангела, узнать кровожадную царницу возбуждающую народъ къ возстанію и убійству. Вѣроятно, Мендельсонъ откинулъ повѣствователя въ «Ильѣ», затѣмъ чтобы еще болѣе отличить его отъ новозавѣтнаго «Павла», а можетъ быть и потому, что онъ писалъ «Илью» собственно для Англіи, гдѣ въ особенной чести находится Гендель, и хотѣлъ даже и въ этомъ слѣдовать его примѣру; потому что вообще эта ораторія гораздо ближе подходитъ къ Генделю, нежели «Павелъ», въ которой сильнѣе проявляется вліяніе Бога.

Одно важное преимущество имѣетъ «Пророкъ Илья» передъ «Павломъ»: въ немъ гораздо болѣе единства. «Павелъ былъ» первоначально кантатою и оканчивался первою частью. Но впоследствии, желая болѣе приспособить свое сочиненіе къ исполненію на музыкальномъ торжествѣ, композиторъ прибавилъ къ нему вторую часть. Такимъ образомъ первая часть поглощаетъ все вниманіе слушателя, а ко второй части оно уже утомлено. Въ «Ильѣ», напротивъ, всѣ сцены слѣдуютъ одна къ другой, каждый номеръ логически продтекаетъ изъ предыдущаго, всѣ части сливаются въ одно стройное цѣлое, такъ, что эффектъ ихъ постепенно возрастаетъ съ начала до конца и дѣйствіе ихъ должно необходимо дѣлаться съ каждымъ номеромъ сильнѣе и непреодолимѣе.

Наконецъ, что касается до чисто музыкальнаго содержанія, то въ «Ильѣ» не вездѣ найдется та свѣжесть мелодіи, которою прикнупуть «Павель». Такихъ соло какъ дискантовая арія «Іерусалимъ», или басовая арія «Gott sei mir gnädig» или теноровая каватина «Sei treu bis an den Tod,» въ Ильѣ не найдется. За то хоры всѣ безъ исключенія, гораздо выше; въ нихъ гораздо болѣе истинно классической красоты; нѣкоторые могутъ даже безусловно быть поставлены рядомъ съ лучшими произведеніями Баха и Генделя.

Такимъ образомъ и наше время родило наконецъ произведеніе, которое будетъ возвѣщать позднему потомству славу серьезной музыки! Спасибо за то Менделсону!

Вѣна и Берлинъ ставятъ эту ораторію къ наступающей зимѣ. Мы ее также услышимъ въ одномъ изъ первыхъ концертовъ филармоническаго общества. Будемъ надѣяться, что исполненіе будетъ достойно сочиненія, и позволить намъ вполне насладиться всѣми его красотами!

Помышляя о настоящихъ и будущихъ наслажденіяхъ, нельзя не вспоминать иногда и о прошедшихъ, и интересоваться тѣми, которые доставляли намъ ихъ. Такъ мы убѣждены, что читатели наши не безъ удовольствія узнаютъ о новыхъ успѣхахъ гениальной Альбины, дивившей насъ три года назадъ своимъ дивнымъ контральтомъ. Разставшись съ Петербургомъ, она являлась въ разныхъ городахъ Германіи, нынче лѣтомъ была главною опорой несчастной Ковентгардской Италіанской оперы въ Лондонѣ и возбуждала почти такой же восторгъ въ публикѣ, какъ знаменитая Кенни Линдъ. Теперь она въ Парижѣ, и производитъ фуроръ въ концертахъ Большой Оперы. Вотъ какъ отзывается о ней и ея дебютахъ самый строгий и замысловатый парижскій музыкальный критикъ Берлиозъ.

«Давно, говоритъ онъ, не оглашался театръ Большой Оперы такимъ энтузіазмомъ. И эти рукоплесканія, эти восторги, эти вызовы, эти букеты изъ дамскихъ рукъ, все это было плодомъ искренняго восторгу, въ которомъ не участвовали ни пріятели, ни поставщики успѣховъ. И дѣйствительно душѣ, отрадно, когда слышишь такое пѣніе! Оно нынче такая рѣдкость! и такая рѣдкость хороше отъ природы голоса, выразительные, вѣрные и гибкіе! Голосъ-госпожи Альбины въ высшей степени одаренъ этими драгоценными качествами. У нея чудный контральто, рѣдкаго объема (двѣ октавы и шесть нотъ; почти три октавы, отъ густаго е до рѣзкаго с), и удивительной звучности во всѣхъ частяхъ, даже въ послѣднихъ нотахъ нижняго регистра, которые такъ несчастны у большей ча-

сти пѣвицы, воображающихъ, что у нихъ контральто, и такъ похожи на крикъ, такъ ужасно дерутъ не желѣзныя уши. Вокализція у госпожи Альбони чрезвычайно легка и свободна; немногимъ сопрано дается такая бѣглость и гибкость. Различныя регистры ея голоса такъ слиты между собою, что въ гаммѣ ея никогда неслыхать перехода отъ одного къ другому; *timbre* его полонъ, мягокъ, бархатенъ, задумчивъ, какъ обыкновенно бываетъ контральто, однакоже не такъ прачонъ какъ голосъ Пизарони, и гораздо чище и свѣтлѣе его. Какъ звуки его рождаются безъ всякаго усилія, то голосъ этотъ способенъ передавать всѣ оттѣнки; такъ что госпожа Альбони можетъ пѣть отъ самаго таинственнаго піано, до самаго блистательнаго форте. Вотъ именно, что я называю пѣть по-человѣчески, то есть пѣть такъ чтобы слышно было, что поетъ существо съ человѣческимъ сердцемъ, съ человѣческою душою и умомъ. Пѣвицы, не одаренныя этимъ необходимымъ свойствомъ, не что иное какъ инструменты-машинны; пѣвицы, всегда холодныя и опокойныя, умѣющія только издавать мягкіе, пріятныя, округленныя, болѣе или менѣе искусно грунированныя звуки, но безъ всякой энергіи и даже безъ желанія энергіи, просте сероватки; тѣ же, у которыхъ твердый и крикливый голосъ, только съ усиліемъ вырывается изъ горла и, слѣдовательно, не можетъ выразить ни грусти, ни пѣжности, ни робости, не могутъ передавать всѣхъ оттѣнковъ, отдѣляющихъ подозрѣніе отъ ужасной несомнѣнности, зарождающуюся надежду отъ восторженной радости, угрозу отъ навалия; у нихъ гнѣвъ и ненависть является только въ порывахъ, а не сосредоточивается; страсть кричать, а не можетъ пѣжно лонетать; навная веселость, всѣ обворожительныя прихоти молодаго женскаго сердца имъ недоступны. Имъ идетъ только плавная музыка, онѣ должны пѣть только религіозныя гимны; эти пѣвицы настоящіе органы, а иногда и... ширманки. Для музыки выразительной, страстной, драматической, словомъ, человѣческой, не найдешь худшихъ исполнителей, чѣмъ такія пѣвицы: всё равно, будетъ ли она совершенно безчувственна, и издастъ ли просто звуки, которыми обладаетъ, не давая подозрѣвать, что у нея въ груди есть сердце, или же какъ безкрылая душа, красота покрытая непропцаемою завѣсою, Ариель заточенный въ стволъ дуба, тщетно сядетъ покорить непокорный органъ, и привести его въ гармонию съ чувствомъ истиннымъ, но неспособнымъ проявиться. Такія организаціи, правда, не встрѣчаются; слишкомъ было бы жестоко отъ природы соединить въ

артистка гонимъ ея искусства съ органомъ, который сковалъ бы всѣ его порывы. Такому существу самый взыскательный композиторъ все проститъ, потому что если ему и больно, то онъ по крайней мѣрѣ видитъ, что и ей больно; она хочетъ, но не можетъ, между-тѣмъ какъ другія, которыя и не хотятъ и не могутъ, родятся только на пытку композиторамъ и на погубель ихъ твореній. Великій Гендель, взбѣшенный такимъ образомъ одною англійскою пѣвицею, схватилъ ее среди репетиціи и выбросилъ въ окно.

Госпожа Альбони никогда не подвергнется этой опасности, во-первыхъ и преимущественно потому, что у нея есть душа, что въ пѣніи ея есть истинное выраженіе, а во-вторыхъ потому что она довольно массивна, и слѣдовательно, чтобы поступить съ нею, какъ Гендель поступилъ съ своею мучительницею, надо быть Геркулесомъ. Но шутка въ сторону! Госпожа Альбони, хотя ей не болѣе двадцати-двухъ лѣтъ, довольно высока и плотна; фізіономія ея, умная, живая; одушевленная, дѣлается обворожительною, когда озаряется вдохновеніемъ и наивною радостью тому, что хорошо пропѣла. Это артистка вполне преданная своему искусству, но не вступившая еще въ торгашничество, не помышляющая о томъ, какой доходъ могутъ давать ей ежегодно ея очаровательные звуки, безцѣнные перлы, которые она расточаетъ съ такою щедростію. Наоборотъ всѣмъ почти пѣвцамъ нашего вѣка, денежные вопросы для нея всегда послѣдніе. До сихъ поръ требованія ея были чрезвычайно скромны. Ко всему этому надо присоединить, что она отличается оригинальнымъ примодушіемъ. Напримѣръ она почти никогда не заключаетъ контракта, за то можно безусловно довѣрять ея слову; она никогда не нарушаетъ его, но всегда выговариваетъ себѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ году свободы; это время она посвящаетъ на то чтобы въ полномъ смыслѣ наслаждаться жизнью, путешествовать, мечтать, если не прійдетъ охота пѣть. Тогда она скрывается въ какую нибудь италіанскую или нѣмецкую деревушку, купается въ Гибрѣ или въ Рейнѣ, играетъ въ городки съ Транстевринцами, или куритъ трубку въ какомъ нибудь боннскомъ или кельнскомъ погребкѣ, какъ истый студентъ; съ тѣмъ только различіемъ, что германскіе студенты отпускаютъ длинные волосы, она же волосы стрижетъ, что придаетъ ея огромной головѣ какое-то странное выраженіе веселости и добродушія. Когда успѣхи ея явно бѣсятъ нѣкоторыхъ изъ ея сверстницъ, она не чванится ими, какъ часто случается между ея братьею, а напротивъ такъ простодушно шу-

титъ ими, что обезоружить самыхъ завистливыхъ соперницъ своимъ оригинальными остроуми.

«Госпожа Альбони, говорятъ, владѣть нѣсколькими языками, и вообще получила отъ отца очень тщательное воспитаніе. Она родилась въ Чезенѣ, въ Романьѣ. Какой-то тамошній музыкантъ былъ первымъ ея учителемъ пѣнія. На двѣнадцатомъ году она свободно разбирала все, чтò можно было пѣть. Но должно волагать, что учитель далъ ей ложное направленіе, потому что, когда родители отвезли ее въ Болонью и представили Россини, знаменитый маэстро, прослушавъ ее, сказалъ, что ей должно начать свое ученіе съизнова; и далъ ей на этотъ счетъ много полезныхъ совѣтовъ. Ей было только пятнадцать лѣтъ, когда она дебютировала въ Болоньѣ на Городскомъ театрѣ; отсюда она перешла въ Миланскій театръ La Scala; потомъ молва объ успѣхахъ ея въ Италіи повела ее въ Германію, въ Россію, и наконецъ въ Англію, гдѣ она была почти соперницею Женни Линдъ.»

Не смотря однако же на ея блистательные успѣхи и на желаніе публики, чтобъ дирекція Большой Оперы удержала ее въ Парижѣ, она не ангажирована. Это приписываютъ отчасти тому, что она ангажирована въ настоящее время въ Пешть, и могла-бы явиться въ оперѣ только по возвращеніи изъ Венгріи, и то на очень непродолжительное время, потому что весною должна быть въ Англіи; отчасти же и тому, что въ настоящемъ репертуарѣ Большой Оперы не найдется собственннй ея голосу и таланту и достойной ея роли.

— Другая диковинка, занимающая въ настоящее время Парижъ, это — концертная зала, которую строятъ, какой-то Бартеlemi. Работы идутъ чрезвычайно быстро, она должна быть открыта въ декабрѣ. Въ Парижѣ до-сихъ-поръ пѣтъ большой залы, назначенной собственно для концертовъ; одна только зала Консерваторіи можетъ вмѣстить оркестръ и хоръ, но эта зала нужна для консерваторіи, и не можетъ быть часто отдаваема постороннимъ концертнстамъ. Это побудило господина Бартеlemi построить залу, которая вмѣстала бы три тысячи слушателей и тысячу четыреста музыкантовъ, и въ которой были бы соблюдены все правила акустики. Въ этой же залѣ будутъ даваться и балы, для которыхъ она будетъ также очень удобна; чтобы не загромождать большой залы оркестромъ, и притомъ дать возможность музыкѣ равномерно распространяться во все концы ея, архитекторъ придумалъ преоригинальную уловку: онъ посадилъ оркестръ на время баловъ на люстру, на которую музыканты будутъ сходить по лѣстницѣ съ потолка. Для концертна-

го оркестра построены въ одномъ концѣ залы обширный амфи-театръ. Увѣряютъ, что зала будетъ отдѣлана съ необыкновеннымъ великолѣпиемъ; она будетъ стоять до пяти-сотъ-тысячъ франковъ.

— Когда подумаешь: три оперные театра, къ которымъ черезъ нѣсколько дней присоединится еще четвертый, концертная зала со всевозможными причудами; виртуозовъ концертовъ, такая бездна, что не знаешь, куда отъ нихъ дѣваться; нѣсколько музыкальных журналовъ, которыя навязываютъ подписчикамъ дюжины плохихъ альбомовъ и несмѣтное количество кадрили, полекъ, романсовъ; когда еще въ добавокъ считаешь парижскихъ газетъ и журналовъ—вообразишь пожалуй, что Парижъ не вѣсть какой музыкальный городъ, а Парижане увѣждены въ томъ, что ихъ городъ дѣйствительно по преимуществу музыкальный городъ. Это, впрочемъ, въ наше время общая слабость всѣхъ большихъ городовъ, а иногда даже и не большихъ: каждый считаетъ себя самымъ музыкальнымъ городомъ въ мѣрѣ. Есть однако же скептики, сомнѣвающіеся (нынче сомнѣніе также въ довольно большомъ ходу) въ музыкальности Парижа, и даже довольно невѣжливо говорятъ ему это въ глаза. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ Берліозъ, по случаю открытія Большой Оперы. «Она теперь въ милости; публика тѣснится у входовъ; каждый хочетъ взглянуть на отдѣлку залы, послушать дебютантовъ, самъ посудить объ улучшеніяхъ сдѣланныхъ въ общемъ исполненіи, и о свѣжихъ силахъ, приобретенныхъ нѣкоторыми артистами послѣ трехмѣсячнаго покоя. Все идутъ сравнивать, разсуждать, спорить, или покрайней-мѣрѣ поболтать объ искусствѣ. Извѣстно, что это любимое занятіе Парижанъ. Въ этомъ можно убѣдиться на первыхъ представленіяхъ или на замѣчательныхъ дебютахъ. Послѣ втораго дѣйствія, публика обыкновенно выходитъ изъ залы и разсыпается по корридорамъ и фойѣ. Тутъ начинается настоящій бѣглый огонь колкихъ или презрительныхъ замѣчаній, грубыхъ или насмѣшливыхъ отзывовъ, нелѣпныхъ сужденій, къ которымъ изрѣдка примѣшиваютъ здравыя и скромныя замѣчанія. Надо сознаться, что кромѣ Дюпрѣ, который съ перваго разу былъ вознесенъ до облаковъ большею частію слушателей, почти всѣ дебютанты, и рѣшительно всѣ новыя произведенія были до-сихъ-поръ осуждаемы въ фойѣ. И обычные посѣтители Оперы такъ дорожатъ этимъ удовольствіемъ сравнивать, бранить, разрушать, играть въ мячъ именами артистовъ и техническими выраженіями, которыхъ они по большей части вовсе не понимаютъ, что они съ

трудомъ рѣшаются отложить его на время, когда колокольчикъ возбуждаетъ имъ начало третьяго дѣйствія. Они кажется охотнѣе желали бы проболтать весь вечеръ объ артистѣ и о твореніи, которыя едва знаютъ, чѣмъ итти слушать ихъ и познакомиться съ ними по-ближе; потому что для Французовъ ужасная тягость, слушать музыку, а между-тѣмъ, по какому-то противорѣчію, Французы первые придумали строить тѣ громадныя оперы въ пяти и шести дѣйствіяхъ (Робертъ-Дьяволъ по настоящему въ шести дѣйствіяхъ), которыя продолжаются пять часовъ съ половиною, отъ которыхъ у добросовѣстнаго слушателя, прослушавшаго ихъ съ начала до конца, становится темно въ головѣ, словно его хватили-обухомъ по лбу, и въ которыхъ заключаются иногда чудеса вдохновенія и искусства, незамѣчаемыя даже самыми ревностными искателями подобныхъ богатствъ. Сколько разъ, напримѣръ, слышали мы, въ концертахъ, какъ сосѣдъ говорилъ сосѣду: «Какое чудесное сочиненіе! чье оно?—Это дуэтъ изъ «Гугенотовъ» Мейербера или, арія изъ «Вильгельма Телля», Россини.—Странно; я видѣлъ Гугенотовъ или Вильгельма Телля разъ пять-шесть, а не замѣтилъ достоинства этого мѣста; я никогда не обращалъ на него вниманія.»

«Не пропуская, уже двадцать лѣтъ, ни одного перваго представленія въ Оперѣ, ни разу я не видалъ, чтобы первое мнѣніе фойе о какомъ-нибудь новомъ произведеніи выходило изъ обычной своей формы двухъ словъ: Смертельно скучно! Черезъ нѣсколько дней журналы указывали на главнѣйшія части партитуры. Читатели ихъ, прослушавая оперу въ другой разъ, говорили. «Правда, есть прекрасныя вещи, но дорого надо за нихъ платиться!» Между-тѣмъ другія, печатныя или словесныя критики, обращали вниманіе на достоинство подробностей, которыя наконецъ были признаваемы всею публикою.

«Тогда публика говорила: Въ самомъ-дѣлѣ, въ этой оперѣ есть много очаровательныхъ вещей, но она страшно длинна. Года дватри спустя; опера рѣшительно становилась въ число мастерскихъ произведеній, но.... безъ этого чортова *но*, никакъ ужъ не обидешься. Скука такъ необходимо сопровождала всегда представленія большихъ оперъ, даже признанныхъ мастерскими, что публика, столько разъ убѣждавшаяся въ неосновательности перваго своего неблагоприятнаго мнѣнія, готова темеръ признать мастерскимъ самое плохое произведеніе, потому только, что оно скучно.

«Между-тѣмъ извѣстно, что громадныя оперы одиѣ привлекаютъ

публику въ театрѣ, и долго привлекаютъ ее, такъ, по крайней-мѣрѣ, во-Франціи; въ другихъ мѣстахъ имъ даютъ болѣе благоразумныя размѣры. Я думаю, это происходитъ отъ того, что мы не знаемъ собственно настоящаго, глубокаго, задушевнаго наслажденія доставляемаго музыкаю; мы спѣшимъ на громадную оперу, не потому, что въ ней должно быть много хорошей музыки, а потому, что исполненіе ея размѣра позволяетъ вклеивать въ нее множество постороннихъ прикрасъ, развивать болѣе или менѣе занимательную драму, не говоря уже о множествѣ людей, требующихъ, чтобы имъ подавали музыки по деньгамъ; чтобы, когда они пришли въ театрѣ, ихъ бы отпускали сытыхъ по-горло, полумертвыхъ отъ усталости; людей, которые тѣмъ благодарятъ и довольны, чѣмъ болѣе старались уходить ихъ.

«Въ этомъ случаѣ можно сказать о публикѣ Большой Оперы то, что говорилъ о Парижанахъ Огюстъ Барбье въ такихъ выразительныхъ стихахъ, что ихъ не посмѣешь привести. Ей любо, въ самомъ дѣлѣ, чтобы ее колотили съ ночи до утра. И ей даже нѣтъ горя, что ее бьютъ не въ тактъ; не надо только бить ее до того, что переломашь ребра, нѣтъ она, пожалуй, разсердится или, что еще хуже, убѣжитъ.

«Такъ было при послѣднемъ директорѣ. Гнѣвалась она, правда, довольно смирно; ей давали серенады, которыя похожи были на *chagrini*, а она слушала ихъ съ смиреніемъ и самоотреченіемъ департамента, принимающаго поздравленія своего города. Но когда она убѣдилась, что дирекція питаетъ благое намѣреніе всегда уважать ее такимъ образомъ, она бѣжала изъ театра, и вѣроятно была бы до сихъ-поръ въ бѣгахъ, если бы новые директора не успѣли успокоить ее. Она возвратилась съ нѣкоторымъ еще страхомъ, помня все, что она вытерпѣла въ послѣднихъ встрѣчахъ. Теперь стоитъ только заманить ее, поколачивать умѣренно, не ломая реберъ и не причиняя воспаления въ мозгу, и она снова станетъ поклоняться своему кумиру. Есть надежда, что за директорами дѣло не станетъ.»

— Любопытный споръ двухъ театровъ занимаетъ въ настоящее время Парижъ: спорящіе театры,—Комическая Опера и будущая Национальная Опера, а предметъ спора—опера Бертона «Алиа, Царица Голконсахъ». Дирекція послѣдней завязала споръ, объявивъ Комической Оперѣ, что она запрещаетъ ей возобновлять эту оперу, потому что она заключила условіе съ наследниками автора либретто. Комическая Опера отвѣчала такимъ-же запре-

щеніемъ на томъ основаніи, что у нея заключено условіе со вдовою Бертона, автора музыки. Изъ этого заводится тѣжба; съ нетерпѣніемъ ждутъ рѣшенія этого страннаго вопроса.

— Парижская Италіянская Опера ангажировала госпожу Ка-стелланъ.

— Въ Лондонѣ недавно умерла госпожа Альбертація, бывшая нѣсколько лѣтъ назадъ однимъ изъ свѣтилъ Италіянской оперы. Хотя ей было только тридцать-пять лѣтъ, однако она уже нѣсколько лѣтъ не могла являться на сценѣ, потому-что спала съ голосу.

— Оберъ написалъ комическую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ: «Айда, или Тайна»; она уже ставится на Парижской Комической Оперѣ; либретто, работы великаго поставщика этого товару, Скриба.

— Одна французская газета положительно увѣряетъ, что знаменитый скрипачъ Гисъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Признаемся, мы этого не слышали.

— Одианъ лондонскій любитель-скульпторъ, графъ Дорсей, вылѣпилъ статуэтку Женни-Линдъ. Она изображена въ роли «Дочери Полка». Говорятъ, ту же мысль возымѣли крестьяне въ какомъ-то уголку Германіи: они продаютъ рѣзанную изъ дерева статуэтку великой пѣвицы по самой дешевой цѣнѣ.

— Дондзетти наконецъ возвратился въ Италію, въ свой родной городъ, Бергамо. Его сопровождали его братъ Франческо, племянникъ, врачъ и слуга. Надѣются, что воздухъ родной стороны и попеченія родныхъ и друзей, если не изцѣлятъ его, то по-крайней-мѣрѣ облегчатъ его страданія.

— Недавно умеръ нѣкто Филиппъ Брюло, бывший когда-то директоромъ театра въ Монпелье. Ему было 84 года. Этотъ Брюло памятенъ по весьма оригинальному анекдоту. Онъ давалъ чрезвычайное представленіе въ какомъ-то маленькомъ городишкѣ въ Лангдокѣ. Спектакль состоялъ изъ двухъ оперъ «Ложнаго Лорда» и «Деревенскаго знахаря», и двухъ балетовъ: «Любовной клятвы» и «Мельниковъ». Поднимается занавѣсъ, театръ пустъ. Бьютъ осемь часовъ, девять, кой-гдѣ только въ партеррѣ блуждаютъ, какъ тѣни, нѣсколько посѣтителей: Брюло въ негодованіи. «Такъ они не хотятъ приходить, думаетъ онъ; такъ постоя же, у насъ есть неотразимое средство, отворимъ настежь двери театра, и объявимъ съ трубами и барабанами, по всему городу, что сегодня представленіе дается даромъ.» Сказано, сдѣлано. Откуда только взяли ноги даже у безногихъ, все повеслось въ театрѣ, у

входа драка за тѣ же билеты, на которые за два часа никто смотрѣть не хотѣлъ. Актеры, возбужденные примѣромъ директора, играли на славу; къ объявленному спектаклю прибавлена лишняя пьеса, и зрители разошлись не прежде четырехъ часовъ. Зато, когда онъ опять прѣхалъ черезъ недѣлю въ тотъ же городъ, билеты брали на расхватъ и театръ былъ полонъ сверху до-низу.

— Новая симфонія Фелъсъена Давида, «Христофоръ Колумбъ», перешла за границы Франціи: она была исполнена въ Баденъ-Баденъ и имѣла довольно хорошій успѣхъ. Между прочими артистами участвовала въ ней Женни-Лутцеръ-Дингельштедтъ.

— Въ Вѣнѣ въ скоромъ времени будетъ даваться послѣдняя опера Лорцинга, въ-трехъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ; «Zum Grossadmiral».

— Въ Мангеймѣ, въ концѣ сентября, была представлена въ первый разъ опера Густава Шмидта «Принцъ Евгений, благородный рыцарь». Успѣхъ ея здѣсь былъ еще блистательнѣе, чѣмъ во-Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ, какъ извѣстно, она съ нѣкоторыхъ поръ, лучшее украшеніе репертуара. Композиторъ и актеръ были нѣсколько разъ вызваны. Эта опера ставится также въ Вюрцбургѣ, Висбаденѣ, Веймарѣ и Касселѣ.

— Въ-продолженіи нынѣшней зимы обѣщаютъ Германскимъ театрамъ много новыхъ оперъ: «Конрадинъ», Фердинанда Гиллера, на текстъ Рейника, уже ставится въ Дрезденѣ; Робертъ Шуманнъ доканчиваетъ «Геновеву», на текстъ Рейника, заимствованный изъ сказки Геббеля; Юліи Беккеръ написалъ «Принца Евгенія», который долженъ быть представленъ въ первый разъ въ Прагѣ; въ Прагѣ же будетъ поставлена въ первый разъ «Бланда» Калливоды на текстъ покойнаго Фридриха Кинда.

— Нѣкоторые французскіе журналы печатаютъ въ своихъ столбцахъ: «Музыкальное Путешествіе Берліоза по-Австріи, Россіи и Пруссіи». Это рядъ писемъ великаго композитора къ нѣкоторымъ его друзьямъ, не уступающихъ въ занимательности прежнимъ его письмамъ, изданнымъ года два или три назадъ, подъ названіемъ: «Музыкальнаго путешествія по-Италіи и Австріи». Мы увѣрены, что читатели будутъ благодарить насъ за сообщеніе этихъ занимательныхъ писемъ.

Письмо первое. Къ Гемберу Феррану. Вѣна. — Я только-что воротился изъ Россіи, любезный Гемберъ, и едва успѣлъ прѣхать, какъ уже чувствую потребность рассказать вамъ музыкальныя странствія, которыя я совершилъ въ-послѣдніе пятнадцать

мѣсяцевъ. Вы столько разъ поддерживали меня въ пылу борьбы, ободряли меня въ часы унынія, усноковали на счетъ будущаго, сравнивая его съ прошедшимъ; вы такъ живо, такъ хорошо сочувствуете прекрасному, такъ релігіозно почитаете истинное, такъ непоколебимо вѣруете въ величіе и могущество искусства, что описаніе моихъ походовъ, розысканій, открытій и наблюденій по Европѣ, я надѣюсь, займетъ васъ, и не можетъ-быть посвящено человѣку, болѣе васъ способному, понять его и сочувствовать ему. Не смотря на высокіе помыслы вашего сердца, не смотря на труды, которые вы совершаете въ углу міра, гдѣ мѣлость короля даровала вамъ такое уютное убѣжище, я увѣренъ, что вы ни на одинъ день не забывали поэзи и музыки. Любовь ваша къ этимъ двумъ небеснымъ сестрамъ была слишкомъ глубока и чиста, чтобы можно было усомниться въ ея неизмѣнности, и я увѣренъ, что вы часто, съ нагорныхъ вершинъ своего острова, прислушиваетесь къ музыкальнымъ и литературнымъ слухамъ, которые съверный вѣтеръ заноситъ къ вамъ изъ Парижа. А между-тѣмъ, какъ Парижъ мнѣ кажется скученъ и унылъ, въ особенности съ послѣдняго моего путешествія! И какъ я завидую, среди томительнаго нашего лѣтняго зноя, вашимъ очарованнымъ думамъ среди густыхъ померанцовыхъ лѣсовъ Сардинскаго Острова, ночнымъ концертамъ Средиземнаго Моря, и даже наивнымъ пѣснямъ вашихъ сардинскихъ пахарей, этихъ европейскихъ Африканцевъ, этихъ людей древности въ настоящемъ времени!

Возвратясь изъ Россіи, точно такъ же, какъ и по возвращеніи своемъ въ прошломъ году изъ Австріи, Богеміи и Венгріи, я нашелъ нашу столицу занятою почти исключительно матеріальными интересами, невнимательною, равнодушною ко всему, что занимаетъ артистовъ и поэтовъ; по прежнему влюбленною въ сплетни и насмѣшки; нашелъ въ ней ту же адскую вонь отъ котловъ кипящаго асфальта, разнообразимую бѣднымъ запахомъ скверныхъ сигаръ; тѣ же скучающія лица, такое же уныніе на лицахъ артистовъ, такое же изнуреніе въ ученыхъ; такіе же рои дураковъ; тѣ же истощенныя, умирающіе или уже умершіе театры; таже шарманка въ тотъ же часъ пропичала тотъ же напѣвъ подъ моими окномъ; такіе же дикари предлагали и защищали такіа же дикія мнѣнія, хвалили тѣ же дикія произведенія, поклонялись тѣмъ же дикарямъ.

Словомъ, все это составляетъ довольно жалкое цѣлое; и же изъ тому рѣдко бываю въ такомъ состояніи духа, чтобы видѣть вещи въ радужныхъ цвѣтахъ. Помните ли вы невыносимую тоску, ко-

торая томил насъ въ юности, на слѣдующій день послѣ какого нинудь бала или праздника? Какое-то томленіе души, какая-то неопредѣленная боль сердца, грусть безъ предмета, сожалѣніе безъ причины, пламенное желаніе чего-то невѣдомаго, невыразимое безпокойство всего существа, вотъ, что терзало насъ въ тѣ часы. Совѣсто мнѣ сознаться, но то же самое я ощущаю теперь! Я дожидъ до слѣдующаго дня, послѣ великаго, трехмѣсячнаго праздника, которымъ потѣшили меня Русскіе. Мнѣ становится грустно безъ огромныхъ оркестровъ, безъ огромныхъ хоровъ, покорныхъ, усердныхъ, пламенныхъ, которыми я каждый день съ такимъ удовольствіемъ дирижировалъ; мнѣ грустно даже безъ изнуренія долгихъ репетицій; мнѣ грустно безъ этой вѣжливой, блестящей, внимательной, восторженной публики; безъ сильныхъ ощущеній большихъ концертовъ, въ которыхъ дирижирующей самъ говорить толпѣ тысячею голосовъ оркестра и хоровъ, безъ возможности наблюдать различныя впечатлѣнія, которыя новѣйшія попытки искусства производятъ на непредубѣжденную публику; словомъ, эта неподвижность послѣ такого движенія, это бездѣйствіе послѣ такой дѣятельности, это безмолвіе послѣ такихъ потоковъ гармоніи такъ томить меня, что съ возвращенія моего меня преслѣдуетъ и днемъ и ночью одна мысль, которую я тщетно свуюсь разногнать, мысль сѣсть на корабль, снаряженный въ долгій путь, и пуститься вокругъ свѣта. И надо же мнѣ, — точно будто судьба за одно съ безразсудными желаніями сердца рѣшилась искушать мое благоразуміе примѣромъ, — встрѣтиться третьяго дня съ однимъ изъ нашихъ старыхъ пріятелей, съ виртуозомъ Гальмою, который прямо изъ Кантона! Можете себѣ представить, какъ я его разспрашивалъ о видѣнныхъ имъ странахъ, о Китаѣ, о Малайскихъ Островахъ, о мысѣ Горнѣ, о Бразиліи, о Чили, о Перу; съ какою жадностью я разсматривалъ собранныя имъ рѣдкости и диковины. Я трепеталъ отъ восхищенія, и еслибы у меня было царство, я навѣрное пародировалъ бы слова Ричарда III, и воскликнулъ бы: «Все царство за корабль!» Но не имѣя ни корабля, ни царства, я сажу въ мелкомъ городишкѣ, простирающемся, по словамъ нашего милаго поэта Мери, отъ улицы Монблана до Монмартскаго предмѣстья и именуемомъ Парижемъ; таскаюсь каждый вечеръ по его улицамъ, повторяя на тысячи ладовъ и ритмовъ стихи изъ Рюблаза:

Ah ca! mais on s'ennuie horriblement ici!

Къ счастью, права новая пословица — *l'ennui porte conseil*: ску-

Т. LXXXV. — Отд. VII.

ка дѣйствительно внушила мнѣ средство забыть Парижъ не вызывая изъ него: это средство—перенестись мысленно въ пройденныя мною далекія страны; посѣтить еще разъ иностранныхъ художниковъ, съ которыми я бесѣдовалъ; памятники, которыми я любовался; учрежденія, которыя я изучалъ, — другими словами, писать къ вамъ, выбирая однако же на то дни и часы, когда хандра моя оставляетъ меня въ покоѣ, чтобы какъ можно менѣе надобдаться вамъ. Но почему знать, будете ли вы даже читать мои посланія? Мнѣ кажется, я вижу, какъ вы дремлете подъ тѣнью лимонной роши, подобно счастливому старцу римскаго поэта, подъ тихое жужжаніе трудолюбивыхъ пчель, собирающихъ вокругъ васъ медовую дань съ цвѣтовъ. Въ рукахъ у васъ открытый Виргилій или Горацій; ихъ безсмертная поэзія баюкаетъ васъ; на что же вамъ моя проза? Къ счастью, я знаю средство разбудить васъ, не возбуждая вашего гнѣва; слушайте: я хочу поговорить о . . . Глукъ, слышите? о его родниѣ, которую я недавно посѣтилъ, о Моцартѣ, о Гайдѣ, которые всѣ, подобно Глуку, долго жили въ Вѣнѣ . . . Я зналъ, что ради этихъ волшебныхъ именъ вы простите мое несвоевременное вторженіе. Я начинаю.

О проѣздѣ моемъ изъ Парижа въ Вѣну я сохранилъ только два замѣчательныя воспоминанія, во-первыхъ, о жестокой боли (рѣчь идетъ не о нравственной боли, не ищите тутъ никакой романтической метафоры; я говорю просто о весьма прозаической боли въ боку), которая принудила меня остановиться въ Навои, гдѣ я уже собирался умереть, что было бы самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, потому-что на то вѣдь только люди и рождаются; во-вторыхъ, о кумдрѣ, котораго я видѣлъ изъ окна аугсбургской гостиницы. Этотъ человекъ, основатель какого-то повохристианскаго ученія, которое уже въ довольно большомъ ходу въ Баваріи и въ Саксоніи, садился въ карету, когда трактирщикъ съ благоговѣніемъ показалъ мнѣ его; я не помню его имени, но сколько я могъ замѣтить, у него живое, умное лицо, и вообще онъ кажется очень добрымъ малымъ. Проѣздъ этотъ, совершенный по большей части на долгихъ, какъ въ Итали, былъ довольно продолжителенъ, тѣмъ болѣе, что когда я пріѣхалъ въ Регенсбургъ, послѣдній пароходъ уже отошелъ, и я имѣлъ удовольствіе, продавъ два дня въ этомъ большомъ городишкѣ, тащась на траской телѣгѣ по берегу Дуная до Линца, вместо того, чтобы быстро спуститься по рѣкѣ, будто на обла-

кѣ. Сколько вѣковъ между этими двумя способами путешествія! Выѣзжая изъ Регенсбурга, я могъ воображать себя современникомъ Барбароссы; въ Линцѣ, всходя на палубу быстраго и шегольскаго парохода, я снова былъ въ 1845 году. Названія этихъ двухъ городовъ напоминаютъ мнѣ не разъ сдѣланное мною наблюденіе насчетъ водлащейся въ Европѣ неглиной замашки искажать или измѣнять названія нѣкоторыхъ городовъ, при переносѣ ихъ изъ одного языка въ другой. Что за охота, напримѣръ, намъ, Французамъ, Лондонъ называть Londres, или Итальянцамъ вмѣсто Paris говорить Parigi? Когда я путешествовалъ по Германіи, я завелся картою, и довольно часто совѣтовался съ нею; Линцъ, я нашелъ на ней, потому что намъ во Франціи благоугодно выговаривать и произносить это имя такъ же, какъ выговариваютъ и пишутъ его Нѣмцы; но никакъ не могъ отыскать Ратисбоны, по той весьма простой причинѣ, что это имя французскаго изобрѣтенія, и нисколько не похоже на Регенсбургъ, настоящее имя города, который я отыскивалъ. Нѣкоторые названія, и даже изъ самыхъ мудреныхъ для выговору, мы удостоиваемъ чести сохранять а другія, Богъ знаетъ, зачѣмъ измѣняемъ. Мы называемъ, напримѣръ, Штутгартъ, Карлсруэ, Дармштадтъ, Виртембергское королевство, точно такъ же какъ ихъ назвали Нѣмцы, а вслѣдъ за тѣмъ, вмѣсто Baiern у насъ будетъ Bavière, вмѣсто Donau, Danube! Но тутъ еще есть, по крайней-мѣрѣ, какое-нибудь, хотя и далекое сходство между длиннымъ названіемъ и французскимъ переводомъ, а прошу покорно, какое сходство между Регенсбургомъ и Ратисбовою? Что бы мы сказали Нѣмцамъ, если бы имъ вздумалось Лионъ назвать какимъ-нибудь Миттенбергомъ, а Парижъ Треффенштейномъ?

Сходя съ парохода въ Вѣнѣ, я могъ при самомъ пріѣздѣ составить себѣ понятіе о любви Австрійцевъ къ музыкѣ: одинъ изъ таможенныхъ, разсматривая тюки и чемоданы, выгрузавшіеся изъ парохода, увидѣлъ на одномъ изъ нихъ мое имя и вскричалъ тотчасъ (разумеется, по-французски): «Гдѣ онъ? гдѣ онъ?... Здѣсь. О, Боже, господинъ Берлиозъ, что такое съ вами случилось? мы васъ ждемъ уже цѣлую недѣлю; всѣ наши газеты возвѣстили вашъ выѣздъ изъ Парижа и ваши будущіе концерты въ Вѣнѣ, мы уже начинали беспокоиться о васъ.» Я поблагодарилъ, какъ умѣлъ, добраго таможеннаго, думая про себя, что никогда не будутъ такъ беспокоиться обо мнѣ таможенные приставы у парижскихъ заставъ. *(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ)*

— Въ заключеніе своей статьи, обратимъ вниманіе читателей на нѣкоторыя новыя музыкальныя произведенія, прибавляя съ прискорбіемъ, что число ихъ очень ограничено.

Romance sans paroles et nocturne pour le piano, par A. Hesse-ор. 79. — Nocturne pour le piano, par A. Hesse, ор. 80. Обѣ тетрадки будутъ пріятнымъ явленіемъ для пианистовъ, умѣющихъ цѣнить мелодію полную мысли и энергіи, и умную, обильную гармонію. Потрясающей вервы хандры, отчаянной лирики, и прочаго въ нихъ нѣтъ и слѣда. Кто зараженъ болѣзнями вѣка, тотъ лучше пусть и не беретъ за эти пьесы. Господи въ Гессе является въ нихъ, какъ и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, музыкантомъ съ истиннымъ, серьезнымъ талантомъ, прекраснымъ образованіемъ и здравымъ направлениемъ. Сочиненія такого композитора всегда насъ радуютъ, даже когда онѣ довольно ограничены въ объемѣ, что вовсе не значитъ, что они должны быть ничтожны. Въ настоящихъ тетрадкахъ по-крайней-мѣрѣ найдется гораздо болѣе, чѣмъ бы можно ожидать при такомъ объемѣ. Ор. 79 доступенъ только очень развитому пианисту; ор. 80 гораздо легче, но и то и другое требуютъ отчетливой, пѣвучей игры.

Souvenir de l'Elbe. 1er divertissement pour le pianoforte, composé par Charles Mayer, ор. 95. Почему авторъ этой пьесы называлъ ее «Souvenir de l'Elbe», а не другой рѣки, или чего угодно, мы не знаемъ, да и не желаемъ ломать надъ тѣмъ головы. Но мы увѣрены, что она понравится на берегахъ и Эльбы и Невы, и всякой другой рѣки; пожалуй даже перенесетъ на седьмое небо, потому что она написана въ такомъ нѣжномъ, живомъ, игривомъ, а подъ конецъ такомъ восторженномъ ритмѣ вальса, что никакая чувствительная душа не устоитъ противъ нея. По-крайней-мѣрѣ она, подъ искусными руками,—а она требуетъ искусныхъ рукъ,—сгладитъ критическія морщины съ нашего лба. Болѣе требовать отъ дивертиссента мы не можемъ.

Grande sonate symphonique, No 2, pour le piano à quatre mains, composée par J. Moscheles, ор. 112. Если это довольно большое сочиненіе знаменитаго композитора и не можетъ назваться, подобно нѣкоторымъ прежнимъ его произведеніямъ, напимѣръ концертамъ, плодомъ богатой творческой силы; если избранныя мысли не всегда проникнуты тою силою гениа, которая несколько овладѣваетъ воображеніемъ слушателя, и увлекаетъ въ безконечную сферу чувства; наконецъ, если въ самой отдѣлкѣ ихъ есть кой-гдѣ какая-то растянутасть, то тѣмъ не менѣе она содер-

жить много истинно-занимательныхъ частей, въ которыхъ трудолюбивое перо автора то являетъ намъ прежнюю свою творческую силу, то свое обычное искусство. А какъ пьеса притомъ отличается призванными свойствами автора, знаніемъ инструмента и основательнымъ образованіемъ, хотя и въ нѣсколько устарѣлыхъ формахъ, то мы рекомендуемъ ее хорошо сыгравшимся пианистамъ, какъ пьесу, заслуживающую ближайшаго знакомства, и могущую, въ показанныхъ предѣлахъ, вознаградить употребленный на нее трудъ. Во всякомъ случаѣ, отрадно уже и то, что такія пьесы начинаютъ снова являться въ наше время и могутъ рассчитывать на достаточное число любителей.

В. ДАМКЕ.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммиссіонера Императорской Библіотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петилья, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

ALMANACH de GOTHA pour 1848. 1 vol. in-18, cartonné	1 r.
— rélié en maroquin plein, avec tranches dorées et étui	2 r.
AMBERT. Duplessis Mornay, 1349—1623. Paris 1847. 1 vol. gr. in-8.	2 r. 30 c.
BONACOSI (Cte). La Chine et les Chinois; ouvrage dédié à l'Empereur de Chine. Paris 1848. 1 vol. in-8.	1 r. 70 c.
CHAMPAGNY (Cte). Traité de la police municipale. Paris 1844—47. Tomes 1 et 2, in-8.	5 r. 15 c.
CLEMENCIN. Précis historique sur la reine catholique Donna Isabelle; traduit de l'espagnol par Amanton. Paris 1847. 1 vol. in-8.	1 r. 70 c.
EMMERICH. Douleoureuse passion de N. S. Jésus-Christ; traduite de l'allemand par Cazalès. Paris 1847. 1 vol. in-12.	1 r.
MENSCHEL. Dictionnaire français-allemand et allemand-français. Paris 1844.	4 r. 55 c.
2 vol in-8.	

- MOLIERE.** Oeuvres, avec des notes de tous les commentateurs. Paris 1846.
2 vol. in-12. 1 r. 70 c.
- PHAN.** Glossaire des mots français tirés de l'arabe, du persan et du turc.
Paris 1847. 1 vol. in-8. 2 r. 15 c.
- RACINE.** Théâtre complet; précédé d'une notice par Auger. Paris 1847.
2 vol. in-12. 1 r. 70 c.
- BILLING.** Premier principes de médecine, traduit de l'anglais par Chereau.
Paris 1847. 1 vol. in-8. 1 r. 45 c.
- DISRAELI.** La jeune Angleterre; traduit de l'anglais par Mlle Sobry. Paris
1846. 2 vol. in-8. 4 r. 30 c.
- FEUILLIDE.** Histoire des révolutions de Paris. Paris 1847. 2 vol. in-8.
4 r. 30 c.
- HOUSSAYE.** Histoire de la peinture flamande et hollandaise 2e éd. Paris
1847. 2 vol. in-8. 2 r. 85 c.
- MANUEL** complet du teltarier, nouvelle édition. Paris 1847. 1 vol. in-18.
85 fr.
- MEISSAS et MICHELOT.** Dictionnaire de géographie ancienne et moderne,
contenant les notions indispensables pour l'étude de l'histoire. Paris
1847. 1 vol. gr. in-8. 2 r. 15 c.
- MÉLANGES** d'économie politique. Tome 1er contenant: Home, Forbonnais,
Condillac, Condorcet, Lavoisier, Lagrange et Franklin. Paris 1847.
1 vol. gr. in-8. 2 r. 85 c.
- MOLINANI.** Histoire du tarif. Tome 1: Les fers et les houilles. Tome 2:
Le céréales. Paris 1847. 2 vol. in-8. 1 r. 25 c.
- OLIVIER.** Applications de la géométrie descriptive aux ombres, à la per-
spective, à la gnomonique et aux engrenages. Paris 1847. 1 vol.
in-4. et atlas. 7 r. 15 c.
- BEQUEREL.** Éléments de physique terrestre et de météorologie. Paris
1847. 1 vol. in-8. 3 r. 60 c.
- BODIN (Mme).** Alice de Lostange. Paris 1847. 2 vol. in-8. 4 r.
- BRUYÈRES.** La phrénologie, le geste et la physionomie démontrés en 120
portraits, sujets et compositions, gravés sur acier. Paris 1847. 1 vol.
gr. in-8. 8 r. 55 c.
- ESQUIROS.** Paris; ou les sciences, les institutions et les mœurs au XIXe
siècle. Paris 1847. 2 vol. in-8. 4 r. 30 c.
- ESSARTS (des).** Chants de la jeunesse, suivis du livre des pleurs. Paris
1846. 1 vol. in-12. 1 r. 15 c.
- GABOURD.** Histoire de la révolution et de l'Empire. Paris 1846—47. Tomes
1 à 3. Chaque vol. à 1 r. 45 c.
- GUERRE** d'ORIENT. Campagnes d'Égypte et de Syrie; mémoires dictés par

- Napoléon et publiés par le général Bertrand. Paris 1847. 2 vol. in-8.
 et atlas in-folio. 10 r. 30 c.
- MALLERAIK** (Csse). Léon de Mérange, épisode du temps de la révolution.
 Paris 1847. 2 vol. in-8. 4 r.
- MERY**. La guerre de Nizam. Paris 1847. 3 vol. in-8. 6 r. 25 c.
- PONROY**. Le vieux poète. Paris 1847. 2 vol. in-8. 4 r.
- SERINGE**. Flore des jardins et des grandes cultures. Paris 1845. 2 vol.
 in-8. 5 r. 15 c.
- SOUVENIRS** d'Angleterre et d'Écosse et observation relatives à l'état reli-
 gieux de ces contrées. Genève 1847. 1 vol. gr. in-8. 1 r.
- Suites à Buffon**, formant avec les œuvres de cet auteur un cours complet
 d'histoire naturelle :
- CÉTACÉS**, par Cuvier. Paris 1836. 1 volume in-8 avec figures coloriées
 5 r. 30 c.
- CRUSTACÉS**, anatomie, physiologie et classification de ces animaux, par
 Milne-Edwards. Paris 1834—1840. 3 vol. in-8 avec figures coloriées.
 12 r. 50 c.
- ESSAIS** de Zoologie générale, par Geoffroy Saint-Hilaire. Paris 1841. 1
 vol. in-8 avec figures coloriées. 3 r. 45 c.
- INSECTES** aptères, par Walkenær. Paris 1837 à 1844. 4 vol. in-8 avec figu-
 res coloriées. 16 r.
- INTRODUCTION** à l'entomologie par Lacordaire. Paris 1834. 2 vol. in-8
 avec figures coloriées. 6 r. 30 c.
- INTRODUCTION** à l'étude de la botanique, par de Candolle. Paris 1835. 2
 vol. in-8 avec figures coloriées. 4 r. 55 c.
- LÉPIDOPTÈRES**, par Boisduval. Paris 1836. Tome I, in-8 avec figures colo-
 riées. 5 r. 30 c.
- REPTILES**, par Duméril et Bibron. Paris 1834 à 1841. Tomes 1 à 6 et 8
 (les tomes 7 et 9 n'ont pas encore paru) pour l'ouvrage complet
 avec figures coloriées. 32 r. 15 c.
- ZOOPHYTES** acalèphes, par Lesson. Paris 1843. 1 vol. in-8 avec figures co-
 loriées. 3 r. 55 c.
- ZOOPHYTES** infusoires, par DeJardin. Paris 1841. 1 vol. in-8 avec figures
 coloriées. 5 r. 30 c.

1848.

НУВЕЛЛИСТЪ.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Бернардо.иъ.

Восемь лѣтъ существованія Нувеллиста, при возрастающемъ числѣ подписчиковъ и одобреніяхъ, которыми онъ постоянно пользуется со стороны публики, обезпечиваютъ прочный успѣхъ этого журнала и на будущее время.

Напрасно было бы входить въ подробности объ обширной пользѣ этого изданія. Сѣмь надѣяться, что не много найдется любителей музыки, незнакомыхъ съ Нувеллистомъ, и потому скажемъ только нѣсколько словъ о его содержаніи.

Каждая тетрадь Нувеллиста, выходящаго ежемѣсячно, непременно въ первомъ числѣ, заключаетъ въ себѣ:

- 1) ТРИ или ЧЕТЫРЕ ПЬЕСЫ, бѣльшей или мевьшей трудности, для фортепіано;
- 2) ДВѢ ПЬЕСЫ для модныхъ танцевъ;
- 3) ДВА РОМАНСА для пѣнья, одинъ русской, другой французской;
- 4) ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ;
- 5) Тетрадь, отдѣльную отъ Нувеллиста, подъ названіемъ:

АЛЬБОМЪ. МОЛОДЫХЪ ПИАНИСТОВЪ,

содержащій ежемѣсячно ДВѢ ЛЕГКІЯ ПЬЕСЫ для дѣтей, съ аппликатурою, обозначенною редакторомъ.

6) Отъ времени до времени, прилагаются къ журналу ПОРТРЕТЫ, ГИСУНКІИ, и проч.

и 7) КАТАЛОГЪ новѣйшихъ музыкальныхъ сочиненій для всѣхъ инструментовъ.

Обнимающія всѣ части фортепіанной музыки, Нувеллисть есть изданіе необходимое для каждаго любителя музыки, доступное для всѣхъ возрастовъ способностей и удовлетворяющее разнообразіемъ содержанія вкусу каждаго.

Нувеллистъ заключаетъ въ себя собраніе новѣйшихъ нѣсъ для фортепіано, избранныхъ, съ строжайшею отчетливостію, изъ множества нумеро-каменныхъ новостей, выходящихъ во Франціи и Германіи. Образцовыя нѣсы помѣщаются въ Нувеллиствѣ только заслуживъ одобреніе извѣстнѣйшихъ нашихъ артистовъ. Такимъ образомъ, въ концѣ года подписчикамъ нѣтъ собраніе превосходныхъ произведеній для фортепіано: вѣттурно, варіацій, мелодій, танцевъ, романсовъ, и проч., вышедшихъ въ теченіе года въ Европѣ.

Редакція заключила условія не только съ русскими, но и со многими иностранными композиторами, которые обѣщались доставлять произведенія, написанныя собственно для Нувеллиста.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ,

раздаваемое при Нувеллиствѣ, содержитъ въ себя извѣстія объ операхъ русскихъ, италіанскихъ и нѣмецкихъ, и концертахъ, даваемыхъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ; извѣстія о событіяхъ въ области музыки; критическіе разборы новыхъ оперъ и балетовъ, даваемыхъ въ главныхъ городахъ Европы; біографіи знаменитыхъ музыкантовъ; объявленія о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, выходящихъ въ Россіи и за границу; описанія новозобрѣтенныхъ инструментовъ; корреспонденціи, и проч.

Въ нѣстахъ отдаленныхъ отъ столицъ, любители музыки находятъ въ большомъ затрудненіи относительно выбора нѣсъ. Часто, вѣря одному громкому имени автора или нѣсы, они выписываютъ сочиненія—и обманываются въ своихъ ожиданіяхъ. Журналъ нашъ устранилъ эти неудобства, доставляя нѣсы, которыя прошли сквозь критику знатоковъ музыки. При томъ и самая цѣна Нувеллиста, по своей умѣренности, соответствуетъ выгодамъ подписчика: онъ получаетъ *больше ста нѣсъ* (до 500 страницъ нотъ) *за 10 рублей серебромъ*, тогда какъ; по общепринятой цѣнѣ, тоже число нотъ обошлось бы по-крайней-мѣрѣ *въ шесть разъ дороже*.

Въ продолженіе *всего мѣсяца*, каждый Но, Нувеллиста выходитъ *въ срокъ*, то-есть *въ первое число* каждаго мѣсяца: съ такою же точностію онъ будетъ выходить въ 1848-мъ году. Изящество изданія будетъ вполне сообразоваться съ внутреннимъ достоинствомъ журнала.

Цѣна годовому изданію Нувеллиста, состоящему изъ двѣнадцати тетрадей, 10 руб. сер., съ пересылкою или доставкою въ домъ 11 руб. 50 коп. сер.

Подписка принимается исключительно:

въ С. ПЕТЕРБУРГѢ, въ конторѣ Нувеллиста, состоящей *въ Магазины М. Бернгарда*, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой-Морской, въ домѣ Паскаля No. 11,

въ МОСКВѢ: у *И. Ленюльда*.

Т. LXXXV. — Отд. VII.

Извѣщаемъ благодарить адресованнаго къ Главному Редактору С. Петербургскаго Монитора.

Редакция благодаритъ за вѣрную доставку тѣмъ только экземпляровъ, на которые подана была заявка въ редакционныхъ мѣстахъ.

На полгода подписка не принимается.

Редакторъ М. Бернадъ.

МОДЫ.

Говорятъ, будто нѣкоторые изъ нашихъ щеголихъ посылаютъ мѣрки въ Парижъ къ мадамъ Попелёнъ-Дюкаръ, чтобы она имъ сшила и выслала плащъ, салонъ или шубу. Вотъ ужъ это излишній парижоманія, потому что наша Соловьева сошьетъ вамъ не хуже той мадамы, и вкусу у нея премного. Особенно можно рекомендовать имъ мадамъ Мелё, которая, зная пристрастіе нашихъ дамъ къ парижскимъ модамъ, ѣздитъ каждую осень въ этотъ волшебный городъ, вывозитъ оттуда много вкусу, много новаго, чтобъ удовлетворить нашимъ читательницамъ, и шьетъ хорошо и дешево, да вѣдь этого у насъ не любятъ, кто дѣлаетъ дешево, въ томъ не признаютъ искусства. Мадамъ Мелё живетъ на Невскомъ, у Анничкина Мосту, въ домѣ Лопатина; совѣтуемъ и иногороднымъ относиться къ ней.

Мадамъ Попелёнъ-Дюкаръ, какъ говорятъ, приготовляетъ къ зимѣ восхитительныя шубы и салоны; они невелики и убираются аграмантомъ или кружевомъ; приготовляютъ тоже и вышитые, но вышивка идетъ болѣе къ тѣмъ салонамъ, которые надѣваютъ на балъ или въ театръ, тѣмъ къ тѣмъ, которые носятъ во время прогулокъ или въ экипажѣ, и которые должны болѣе отличаться изящнымъ и спокойнымъ фасономъ тѣмъ украшеніями.

Шубы для гулянья дѣлаются съ маленькими, широкими рукавами, на обшивкѣ стягивающей руку. На салопахъ есть тоже разрѣзы образующіе широкіе открытые рукава.

Для утреннихъ визитовъ, дѣлаютъ мантильи обхватывающія плечи и застѣгнутыя на груди; полы довольно короткія суживаются на концахъ; между тѣмъ какъ сзади довольно длинны и

спиралью. Ихъ обвиваютъ въ обѣру себя широкими кружевами.

Но если манжета бархатомъ, то нѣтъ лучше укрѣпленія, какъ кружево, наложенное гладко между двухъ агрантовъ.

Тулья шляпъ вообще круглая, поля же открытыя и убираются цвѣтнымъ тюлемъ.

Нынѣшнюю зиму будетъ въ большой модѣ голубой цвѣтъ подъ названіемъ bleu-Joinville.

Много носить полосатыхъ павлиновыхъ платьевъ.

Изъ рукъ мадамъ Пусъ выходятъ восхитительныя платья, называемыя robes-princesses, про которыя мы уже говорили, и которыя надѣлаютъ много шуму нынѣшнюю зиму (въ будущемъ мѣсяцѣ будетъ описаніе этой выкройки). Она дѣлаетъ тоже корсеты, которые называетъ corset Diane. Корсетъ этотъ необходимъ для каждой женщины, которая хочетъ сохранить талию и здоровье; особенно онъ хорошъ для верховой ѣзды; дѣлая талию тонкою и длинною, онъ не лишаетъ свободы слѣдовать за движеніями лошади. Новое это улучшеніе соединяетъ въ себѣ все достоинства: талия сохраняетъ всю свою тонкость и гибкость, а между-тѣмъ покрой его такъ ловокъ, что тѣло нисколько не устаетъ.

Что же касается до косметическихъ произведеній, то изъ нихъ есть два, безъ которыхъ свѣтская женщина не можетъ обойтись: это вода красоты (eau de beauté par Pinaud), и мыло, составленное изъ молока персиковыхъ зеренъ.

Иногородныя дамы жалуются, что въ провинціи нѣтъ хорошихъ модистокъ, которымъ можно бы было вѣриться, давая на фасонъ журнальную картинку; ктому же тамъ бываетъ часто такой недостатокъ въ матеріалахъ, что не имѣя знакомыхъ въ Петербургѣ, которые могли бы исправить ихъ комиссію, онѣ часто находятся въ большомъ затрудненіи. Чтобы избавить ихъ отъ такого неудобства, мы выставлемъ имена и адреса известнѣйшихъ петербургскихъ и парижскихъ модистокъ, къ которымъ онѣ могутъ обратиться въ случаѣ пужды. Отъ нихъ самихъ зависитъ теперь выборъ.

Въ Петербургѣ.

Платья:

Милѣ. Адресъ ея мы уже сообщили.

Соболевъ. Въ Малой Миллионной, подлѣ Англійскаго консула.

Гюнгеръ. На углу Большой Кошквской и Невского Проспекта.

Корсетъ:

Генрихъ. На Екатерининскомъ Каналѣ, подлѣ Казанскаго Моста, въ домѣ Блумберга.

Башмаки:

Соболевъ. На Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Котомна.

Эймерманъ. На Невскомъ Проспектѣ и углу Малой Морской, въ домѣ Кошквскаго.

Шаллы и головные уборы:

Буавенъ (Boivin). На углу Невского Проспекта и Большой Морской, въ домѣ Кошквскаго.

Въ Парижѣ.

Robes. Papelin Ducarre, No 41, rue Vivienne.

Modes. Madame Bayret, No 17, boulevard de la Madeleine.

Cornets. Madame Pousse, No 164, rue Monmartre, au coin de la galerie des Panoramas.

=

НОВАЯ ПЛАНЕТА, ФЛОРА. Это названіе дано сэръ Джономъ Гершелемъ новой планетѣ, которую господинъ Hind открылъ въ октябрѣ мѣсяцѣ съ обсерваторіи господина Бишова, находящейся въ Риджентъ-Паркѣ, въ Лондонѣ. Она принадлежитъ къ группѣ маленькихъ планетъ, текущихъ между Марсомъ и Юпитеромъ. Послѣ открытія четырехъ первыхъ телескопическихъ планетъ въ этой полюсѣ солнечной системы, прошло болѣе тридцати лѣтъ безъ новыхъ открытій, какъ вдругъ, въ послѣднее время, число это удвоилось. Теперь въ планетной группѣ, между Марсомъ и Юпитеромъ, знаемъ мы уже восемь шариковъ, текущихъ весьма близко другъ отъ друга. Но, вѣроятно, такихъ шариковъ находится цѣлая туча, и господинъ Valz предлагаетъ произвести, соединенными астрономическими силами всей Европы, генеральный обыскъ этой части небеснаго пространства, чтобы привести ихъ въ извѣстность всѣмъ вдругъ. Новая планета величиною нѣсколько менѣе нашей луны. Она совершаетъ путь свой около солнца съ небольшоимъ въ четыре года. Наблюденія надъ нею до сихъ поръ недовольно многочисленны, чтобы можно было съ достовѣрностью опредѣлить ея элементы.

ПЛАНЕТА ИРИДА. Она, какъ извѣстно, принадлежитъ къ той же группѣ, и, хотя нѣсколько старше планеты Флоры по времени открытія, однако жъ теченіе ея доселѣ не опредѣлено съ надлежащей точностью. Послѣ господина Graham'a, господа Cooper и Villarseau представляютъ новые очерки ея элементовъ: по вычислениямъ перваго, Ирида обходитъ путь свой около Солнца въ три

Т. LXXXV. — Отд. VII.

года, девять мѣсяцевъ и двадцать дней; по вычисленіямъ втораго, она употребляетъ только три года и осемь мѣсяцевъ.

СПУТНИКИ И КОЛЬЦО ПЛАНЕТЫ НЕПТУНА. Вслѣдъ за открытіемъ этой знаменитой планеты, господинъ Lassell, въ Ливерпултѣ, объявилъ, что у нея есть кольцо и спутники, изъ которыхъ одного онъ положительно примѣтилъ. Другіе астрономы сначала не подтверждали этого извѣстія. Но нынче существованіе спутниковъ Нептуна не подлежитъ сомнѣнію. Многіе имѣли случай наблюдать спутника, о которомъ писалъ господинъ Lassell; нѣкоторые даже находятъ двухъ спутниковъ. Ласселлевъ спутникъ, по точнымъ наблюденіямъ перваго открывателя и другихъ астрономовъ, обтекаетъ свою планету *въ шесть дней* (безъ трехъ часовъ), скорость ужасная, если сообразить, что онъ отстоитъ отъ своей огромной планеты ровно столько же какъ Луна отъ Земли, около 360,000 верстъ. Онъ течетъ, слѣдовательно, почти въ шесть разъ быстрее нашей Луны.

Кольцо Нептуна остается еще подъ сомнѣніемъ: доньятъ не удавалось увидѣть планету въ положеніи, благоприятномъ для такого наблюденія, впродолженіи двухъ или трехъ часовъ сряду. Господинъ Lassell, однако жъ, пишетъ къ господину Levertier, что онъ совершенно **убѣжденъ** въ основательности своего прошлагодьяго наблюденія, котораго никакъ нельзя приписать обману телескопа: инструментъ его удивительно вѣренъ, огромной силы и самой совершенной постройки. Увеличительность употреблена была самая умѣренная и не могла подать поводу къ ошибкѣ.

ИСТОЧНИКИ НИЛА ВЪДАГО И СИЯГО. Источники Нила извѣстны и описаны уже болѣе пяти лѣтъ. Французскіе журналы однако жъ провозглашаютъ вновь открытіе ихъ господиномъ Abbadie. Но, читая со вниманіемъ донесеніе этого путешественника, мы усматриваемъ, что онъ открылъ только *главные источники Нила, les sources principales*. Чтò такое, въ большихъ рѣкахъ, возникающихъ отъ сліянія множества притоковъ, можно назвать *главнымъ источникомъ*, это весьма сомнительно. Со всѣмъ тѣмъ для занимающихся географіей мы считаемъ нужнымъ извлечь изъ донесенія господина Аббади самую положительную часть его изслѣдованій: источники Нила, которые называетъ онъ главными, находятся въ лѣсу Бабіа, между двумя абиссинскими царствами или независимыми областями, Имаріей и Джиммою. Источникъ Сияго Нила лежитъ, въ отношеніи къ уровню мо-

ра, выше чѣмъ источникъ Бѣлаго Нила, и между-тѣмъ ось двумя градусами теплѣе его. Широта этого источника $10^{\circ} 58'$, долгота отъ парижскаго меридіана $34^{\circ} 53'$, высота надъ моремъ 2,806 метровъ, температура 15° , по сто-градусному термометру. Широта главнаго источника Бѣлаго Нила $7^{\circ} 49'$, долгота $34^{\circ} 38'$, высота 2,324 метровъ, температура 13° .

ДВИЖЕНІЕ МОРСКАГО УРОВНЯ. Прекрасныя и многочисленныя наблюденія господина Никколини, обнародованныя въ «Bibliothèque universelle», показываютъ, что уровень моря далеко не такъ постояненъ какъ обыкновенно полагаютъ. Геологи съ нѣкотораго времени допускаютъ, что въ высотѣ морской воды происходятъ измѣненія, независимыя отъ землетрясеній, что берега поднимаются и опускаются въ разныхъ мѣстахъ, но чрезвычайно тихо, невпримѣтно, тысячелѣтіями. Изъ наблюденій и розыскавій господина Никколини по берегамъ неаполитанскимъ отъ Гаэты до залива Бан, Кумъ и Мизенскаго Мыса, гдѣ древнія приморскія зданія представляютъ столько удобства для точныхъ опредѣленій высоты воды въ различныя времена, видно, напротивъ, что въ послѣднія столѣтія уровень моря неоднократно измѣнялся на нѣсколько аршинъ. Открытіе это необыкновенно важно для физики Земнаго Шара. Нужно было бы, при содѣйствіи правительствъ, учредить на разныхъ берегахъ морскихъ на долгіе годы постоянныя наблюденія надъ движеніями уровня океана и его отраслей. Можетъ-быть оказалось бы, что они состоятъ въ тѣсной связи съ движеніями магнитическаго меридіана и что ихъ возвышеніе или пониженіе имѣетъ вліяніе на уклоненія магнитной стрѣлки.

ВНУТРЕННИЙ ОГОНЬ ЗЕМНАГО ШАРА, И ВОЗДУШНЫЕ КАМНИ. Не ожидайте ни какого любопытнаго открытія. Мы и не думаемъ говорить о внутреннемъ огнѣ или камняхъ, летающихъ съ неба. Намъ желательно только извѣстить объ отчаяніи, о стонахъ и вопляхъ ученыхъ мужей, вѣрившихъ всю жизнь свою въ то, что земля внутри накалена до-бѣла, расплавлена до жидкости, подъ этой застывшей и отвердѣвшей коркой, на которой мы вѣтаемъ, и принужденныхъ теперь отказаться отъ своихъ убѣжденій, отъ прекрасныхъ книгъ, написанныхъ ими на основаніи *снупренняго жару*, отъ славы мудрецовъ, приобретенной посредствомъ этихъ книгъ, — или по-крайней-мѣрѣ понизить свой магистральный товъ, — потому что теорія внутренняго жару, такъ

хорошо доказанная, такая истинная, такая несомнѣнная, рѣшительно *выходитъ изъ моды*. Забудьте всего — отъставшія господина Д'Омаліуса въ Брюссель. Этотъ почтительный геологъ совершенно неутѣшимъ. Сердце у него разрывается. *Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ*, говоритъ онъ, *теорія внутренняго жару была господствующей; все объяснялось ею превосходно; тотъ, кто не подчинялся ей, былъ почитаемъ невѣждою и осмѣянъ; было единство; наука процвѣтала и пользовалась уваженіемъ. А теперь что?.... Геологи бросились, кто къ земной оси, кто къ современнымъ причинамъ. Тѣ провозглашаютъ, что положеніе земной оси многократно измѣнялось, и что оно-то произвело на Земномъ Шарѣ тѣ перевороты, которыхъ слѣды и доказательства представляетъ намъ вся поверхность Земли. Другіе говорятъ: не правда! въ порядкѣ вселенной все правильно, прочно, и неизмѣнно; переворотовъ ни какихъ не бывало и быть не могло; все, чтò ни сдѣлалось, сдѣлалось тихо и аккуратно, и теперь еще, при насъ, продолжаетъ дѣлаться; мы этого не примѣчаемъ, по томки наши, черезъ многія тысячелѣтія, примѣтятъ, и убѣдятся; море вѣ теперь движется, тихо пожирая материкъ въ одной сторонѣ, и обнаруживая дно свое въ другой: оно можетъ такъ обойти весь шаръ земной; отъ положенія морей зависятъ климаты: они вѣ теперь нестойкины; воды дождевыя вѣ теперь подмываютъ и разрушаютъ скалы: однѣ горы отъ этого понижаются и современемъ исчезнутъ, другія возвышаются, и будутъ еще выше; однѣ пласты непримѣтно наклоняются сюда, другіе туда; и эти слабыя, медленно дѣйствующія *современныя намъ причины* производятъ, безъ великихъ переворотовъ, тотъ видъ хаоса, безпорядку, взрывовъ и изломовъ въ наслоеніи земной коры, который насъ поражаетъ; гипотеза внутренняго жару не нужна, когда все объясняется одною продолжительностью того, что при глазахъ нашихъ происходитъ; наши вулканы и вулканизмы — пустяки: это — слѣдствія химическихъ дѣйствій, совершающихся въ верхней части земной коры, воспаленія кожи шара, ничтожныя прыщики, о которыхъ и говорить не стоитъ. Я прощаю, продолжаетъ господинъ Д'Омаліусъ, осистовъ, тѣхъ, которые по-пропозволу шевелятъ земной осью для объясненія пзмѣненій, замѣчаемыхъ въ наружности планеты; они по-крайней-мѣрѣ допускаютъ *перевороты*, и притомъ же они — добрые люди: сознаются, что прибѣгаютъ къ гипотезѣ. Но *деспотизмъ господъ, вооруженныхъ современными причинами невыносимъ — рта раскрыть не позволяютъ! — перевороты уничтожатъ!* — обращаются въ поспѣшище всякаго,*

кто заикнется о внутреннемъ жарѣ или излѣдитъ удобными опереться на правдоподобную шотезу. — Послѣ чего, господишъ Д'Омалузъ начинаетъ торжественную похвалу внутреннему жару, вчисляя всѣ его преимущества и заслуги.

Господишъ Шафгейтль, съ своей стороны, не можетъ сладить въ Мюнхенѣ съ воздушными камнями. Лапласъ утверждалъ, что они падаютъ въ жерль волкановъ Луны, и вычисленіями показывалъ возможность этого. Бергманъ и Хладни принимали ихъ за капельныя планеты, текущія въ пространствѣ вселенной самостоятельно, подобно нашей Землѣ, и опрокидывающіяся отъ времени до времени на ея поверхность. Аристотель, Глауберъ, Лавоазіе, Вольта, Морре, Ренольдсъ, Дальтовъ, Деви, Фишеръ, Эгенъ, Иделеръ, доказываютъ, что воздушные камни образуются въ нашемъ же воздухѣ, преимущественно изъ желѣза, въ немъ раствореннаго, и весьма справедливо названы воздушными. Господишъ Шафгейтль разбираетъ эти три способа объясненія ихъ загадочнаго начала и, находя всѣ три рѣшительно невозможными, предоставляетъ воздушные камни суду Божию.

ТЕОРІЯ ОБРАЗОВАНІЯ РОСЫ. Роса съ неба не падаетъ: это давно извѣстно. Капли воды образуются на листьяхъ растеній изъ влаги паровъ, растворенной въ воздухѣ, ближайшемъ къ листьямъ, которые, будучи ночью холоднѣе этого ближайшаго воздуху, заставляютъ его отказываться отъ своей влаги и осаждаютъ ее на холодную поверхность растеній. Такъ точно влажность внутренняго воздуху въ комнатѣ осаждается на стекло окопъ, лишь только температура на дворѣ понизится и стекло сдѣлается холоднѣе ближайшаго къ нему комнатнаго воздуху. Такова теорія образованія росы, предложенная господиномъ Велльсомъ, въ 1816 году, вслѣдствіе тщательныхъ и многочисленныхъ опытовъ, принятая съ восторгомъ всѣмъ ученымъ міромъ, и начатавшая во всѣхъ руководствахъ къ познанію физики и метеорологіи. А почему поверхность листьевъ становится ночью холоднѣе того какъ была днемъ, это господишъ Велльсъ объясняетъ лучистымъ теплотворомъ: накопленная въ листьяхъ втеченіи дня солнечная теплота испаряется подѣ кровомъ темноты, всходитъ изъ нихъ лучами, лучится, и охлаждаетъ такимъ образомъ ихъ поверхность. Дѣло было ясное; мы постигли росу, считали себя мудрецами и прославляли Велльса. Но нынче господишъ Меллонъ, въ письмахъ къ разнымъ ученымъ, объявляетъ, что все это вздоръ, вранье, величье, что мы росы не понимаемъ, что опыты Велль-

са ложны и теорія его никуда не годится. Велльсъ ставилъ термометры въ траву и, прии́твивъ, что ртуть въ нихъ понижалась, увѣрилъ всѣхъ въ охлажденіи листьесъ, котораго никогда не бывало. Поставьте во время осажденія росы два термометра рядомъ, но такъ, чтобы шарикъ одного касался листьесъ, а другой ничего не касался: вы увидите, что оба они будутъ показывать одинъ и тотъ же градусъ теплоты. Слѣдовательно, поверхность растеній ночью ни чуть не холоднѣе ближайшаго къ нимъ воздуху, и влаги не можетъ она притягивать къ себѣ изъ него. Но поставьте эти два термометра одинъ на нѣсколько футовъ выше другаго: верхній тотчасъ поднимется на одинъ или на полтора градуса. Поставьте его еще выше: онъ покажетъ еще болѣе теплоты. Ясно, что ночью слой воздуху тѣмъ холоднѣе, тѣмъ онъ ближе къ землѣ. Объ этомъ давно уже можно было заключить изъ всѣмъ извѣстнаго обстоятельства, что на верхушкѣ высокихъ деревьевъ росы всегда бываетъ менѣе тѣмъ на нижнихъ вѣтвяхъ тѣхъ же деревьевъ: листья однако жъ должны бы въ темнотѣ ночной одинаково утрачивать теплоту, всосанную днемъ, одинаково *лучить* теплотворъ, какъ вверху, такъ и внизу! Словомъ, росы мы опять не понимаемъ; мы опять невѣжды — и еще хуже прежняго; тридцать лѣтъ считали мы себя мудрецами, а между тѣмъ мы только носили дурачій колпакъ, надѣтый на насъ Велльсомъ и его пустой теоріей. О! истинны нашей *точной* науки, что вы такое?....

КАФЕИНЪ, или КОФЕИНА. Одна изъ самыхъ интересныхъ истинъ новѣйшей химіи, впрочемъ уже давно извѣстная нашимъ читателямъ, заключается въ томъ, что между чаемъ, кофе, мясомъ, какао, яйцомъ, сыромъ, горохомъ, рѣдкой и кровью нѣтъ ни какой существенной разницы: всѣ эти снадобья состоятъ изъ одной и той же пропорціи четырехъ летучихъ газовъ:

8	чаевъ углероду (чистаго угл.),
8	— водороду,
2	— азоту,
2	— кислороду.

Различія въ наружномъ видѣ происходятъ только отъ случайной примѣси, къ этому основному составу, кое-какихъ солей и маселъ, которыя играютъ роль приправы, но не измѣняютъ его

сущности. Это — все одно и то же блюдо, только приготовленное природою различно, для разнообразія и вкусу; и мудрый, когда у него нѣтъ чаю, можетъ грызть кусокъ рѣдки, приговаривая съ убѣжденіемъ: «Я пью чай!.... потому что чай и рѣдка въ основномъ составѣ своемъ тождественны.... а притѣсь, «приправы, я, какъ мудрый, презираю. Кофеина была впервые анализирована въ 1832 году, Либихомъ и Пфафомъ; послѣ Велеромъ и Мульдеромъ: все они нашли составъ ея согласнымъ съ рецептомъ, который мы только что прописали. Тенинъ, или чаина, была разложена Мульдеромъ и Марціусомъ и найдена тождественной съ кофеиной. Теобромиятъ, основаніе шоколаду (шоколадное дерево въ ботаникѣ называется *theodromum cacao*) извлеченъ профессоромъ Воскресенскимъ: составъ тотъ же. Недавно, господи́нь Рауен подвергъ новому анализу кофеину и чаину, и нашелъ въ нихъ нѣсколько различную пропорцію четырехъ газовъ: многіе изъ читателей этого отдѣленія вѣроятно помнятъ, что господи́нь Рауен усматривалъ, въ отношеніи къ питательности, удивительное сходство между чаемъ, кофе и ростбифомъ; чай и кофе, по его изслѣдованіямъ, питательнѣе капусты и дичи. Пынѣ господи́нь Nicholson повторилъ опыты господина Рауенъа со всею возможною тщательностію; но различія, замѣченнаго французскимъ химикомъ, изслѣдованія эти не подтвердили: прежній рецептъ остается въ своей силѣ.

РАЗМНОЖЕНІЕ КОРНЕПЛОДНЫХЪ РАСТЕНІЙ, посредствомъ кожицы плода. Втеченіи нынѣшняго лѣта, объявлено было въ нѣкоторыхъ газетахъ, что одинъ искусный садовникъ въ Англіи нашелъ средство разводить яцинты сажая въ землю одну только кожицу луковки. Впослѣдствіи писали, что и картофель удобно разводится по тому же способу. Господи́нь Gaudichaud, желая повѣрить опытомъ эти слухи и вспомнивъ, что однажды нѣчто подобное случилось у него въ саду, гдѣ множество бѣлыхъ лилій выросли, казалось, просто изъ кожицы, отвалившихся отъ лилейныхъ луковокъ во время ихъ уборки и разсыпавшихся по садовой почвѣ, отдѣлилъ нѣсколько такихъ кожицъ отъ одной луковки *lilium candidum* и положилъ ихъ, на лоскуткѣ сырой влажной бумаги, на мраморную доску своего каминна. Осемнадцатаго августа онъ причѣтилъ на кончикахъ этой шелухи явственные начала ростковъ. Черезъ нѣсколько дней они достигли полваго

образованія и начали пускать питчатыя корни. Ростки образуются всегда на нижнемъ или на верхнемъ краю шелухи, попарно или по одиночкѣ, а корни выходятъ изъ поверхности, обращенной къ влажной подстилкѣ. Виѣшность или внутренность поверхности относительно къ луковицѣ не составляетъ, въ этомъ случаѣ, какъ кажется, ни какой важности для корней.

Философія цвѣтовъ. *Речь господина Ламартина.* «Къ стыду моему,—говорилъ нынче знаменитый поэтъ, историкъ и полувикъ въ собраніи агрономовъ и огородниковъ департамента Сены и Луары,—я долженъ признаться, что садоводство знакомо мнѣ только по его наслажденіямъ, по его цвѣтамъ, сладостямъ, благовоціямъ и по вкусу плодовъ. Я знаю въ немъ только то безотчетное, естественное, инстинктивное влеченіе, которое всегда побуждало людей, особливо людей мыслящихъ и сильно чувствующихихъ,—поэтовъ, писателей, философовъ, и даже отшельниковъ,—искать уединенія садовъ, убѣгать въ нихъ отъ суеты толпы, отъ глазъ народу, отъ волненій форума; уединяться подъ тѣнью кустарниковъ, на берегу ручья; изучать явленія, такъ сказать прислушиваться къ тихимъ бѣшеніямъ почвы, къ лепету растительной жизни, къ круговращенію соковъ въ вѣтвяхъ; ощущать въ самихъ себѣ прозябаніе тѣхъ мыслей то благоговѣйныхъ, то любовныхъ, то философскихъ, то геройскихъ вдохновеній, которыя называются «геніемъ уединенія» или отдыхать въ нихъ на полу-днѣ или на закатѣ жизни; обновлять силы отъ моральнаго утомленія, какое въ извѣстную пору овладѣваетъ дѣятельными людьми, подобно тому какъ тѣлесная усталость иногда овладѣваетъ вами въ полеснѣ или на исходѣ вашихъ дневныхъ трудовъ и принуждаетъ васъ садиться подъ деревомъ, которое вы остригли или на краю цвѣтника, который вы окопали.

Этотъ-то природный вкусъ, это тайное средство чловѣка съ клочкомъ земли, преимущественно усвоеннымъ, огражденнымъ, воздѣланнымъ, насаженнымъ, застѣваннымъ, орошеннымъ, вскопаннымъ руками садовника, во все время и во всехъ странахъ дѣлалъ исторію садовъ частью исторіи самихъ народовъ, а также и частью мечтаній о будущей жизни, или божествъ народовъ. Переберите все божества, все религіи, все исторіи, все баснословія: не найдете ни одной, которая бы не полагала начала чловѣческаго существованія въ какомъ-нибудь эдемѣ, въ саду; не найдете также ни одной, которая бы не поселяла его по смерти въ поля подобныя Елисейскимъ; ни одной, которая бы къ обра-

земь первобытнаго блаженства, или будущаго блаженства на небесахъ, не принимала образа сада, избытка воды и плодовъ. Чтò жь это доказываетъ? Тò, что воображеніе человѣческое во всѣхъ райскихъ обитателяхъ, какія создавало себѣ, не умѣло вообразить ничего лучше сада, съ водою, съ тѣнью, съ цвѣтами и плодами, съ деревьями, съ благоараствореннымъ воздухомъ и яснымъ небомъ, съ плодотивою землею. Это до такой степени справедливо, что въ самыхъ золотыхъ своихъ мечтахъ человѣкъ не могъ изобрѣсти ничего лучше природы, — мѣстечка озареннаго солнцемъ, укрытаго отъ злыхъ, украшеннаго растеніями, оживленнаго птицами небесными и звѣрами дружественными человѣку, — мѣстечка освященнаго трудомъ его рукъ, оживленнаго явнымъ присутствіемъ Творца, населеннаго смѣєю, любовью, дружбою, нескончаемой цѣпью поколѣній. Въ этомъ челоувѣчество полагало свое блаженство, и не въ этомъ-ли же вы, господа садоводы и агрономы, продолжаете искать его?

«И вы правы, ища его тамъ. Если вы и не всегда находите то въ вашихъ садахъ, чтò находить мечтатель въ своемъ воображеніи, зато ваше ремесло пріятнѣйшее изъ ремесль, ваша наука въ существѣ наименѣе мечтательная, наименѣе загадочная, наименѣе обманчивая, самая достовѣрная изъ всѣхъ челоувѣческихъ наукъ.

«Да, помимо прочихъ причинъ, необходимо привязывающихъ садовода къ его искусству, есть еще причина, которая часто представлялась мнѣ, и, вѣроятно, также самимъ вамъ: именно то, что изъ всѣхъ искусствъ, изъ всѣхъ наукъ ваша наука всего справедливѣе заслуживаетъ названіе науки, всѣхъ менѣе обманываетъ предающагося ей, всѣхъ менѣе заблуждаетъ умъ въ химерахъ системъ, всего прямѣе и всего сильнѣе наводитъ на истинну путемъ приженія. Почему это такъ? Вы все это знаете, — потому что ваша наука состоитъ чисто изъ опыта и наблюденія; не даетъ ни малѣйшаго мѣста умозрѣнію, гипотезѣ, догадкамъ, случайностямъ воображенія! потому что нѣтъ метафизики земли; нѣтъ химеръ растительности: есть только прпстальное, строгое, ежедневное наблюденіе. Къ счастью, вы не вращаетесь подобно намъ въ области философіи, политики, исторіи и всѣхъ прочихъ челоувѣческихъ познаній; къ счастью, вы не имѣете дѣла съ недоумѣніями челоувѣческаго ума, съ духомъ партій, съ буйствомъ системъ, со страстями, грезами, предрасудками, иногда безумствами школъ, сектъ, которыя все затемняютъ, заставляютъ цѣлыя столѣтія проводить въ заблужденіи или сомнѣніи, до тѣхъ позднихъ

пробужденій, иногда до тѣхъ пропастей, куда падасть челоѣчество по слѣдамъ лживыхъ знаній, вставая отъ своего паденія только за тѣмъ, чтобы погнаться за какимъ-нибудь новымъ обольщеніемъ! Нѣтъ, ваше занятіе не доуокасть у васъ ни такихъ заблужденій, ни такихъ огорченій. А почему такъ? Потому что вы въ своей наукѣ безпрестанно прямо осязаете природу и ея законы, видныя, ощутимыя, таинственныя, но ливныя; вы такъ сказать трудитесь на-ряду съ природой! Вы только сотрудики божественнаго закона произрастанія! А божественный законъ произрастанія не измѣняется по волѣ нашихъ прихотей. Природа, въ своихъ непреложныхъ твореніяхъ, не раболѣиствуетъ передъ нашими мечтами, не угождаетъ нашимъ ложнымъ системамъ. Она самодержавная владычица. Она противится нашимъ безумнымъ покушеніямъ; разсѣиваетъ, и иногда безжалостно разсѣиваетъ наши обольщенія. Она помогаетъ намъ, награждаетъ насъ, только тогда когда мы попадаемъ на ея настоящій слѣдъ, когда трудимся въ ея истинномъ смыслѣ: когда же мы ошибаемся, когда хотимъ насиловать ее, покорить, исказить, она въ тотъ же мигъ дѣлаетъ намъ поразительныя опроверженія въ-очью бесплодіемъ, изсыханіемъ, смертью того, что мы хотѣли создать вопреки ей, въ противность ея законамъ. Мы, люди нашего ремесла, можемъ безнаказанно ошибаться нѣсколько вѣковъ сряду, въ исторіи, въ философіи, въ религіозныхъ и соціальныхъ системахъ, даже въ астрономіи. Мы можемъ выдумывать самыя нелѣпыя бредни обо всѣхъ этихъ предметахъ и долгое время выдавать ихъ міру за истинны. Вы, агрономы и садоводы, не можете сдѣлать этого! Самыя продолжительныя ваши заблужденія не могутъ длиться больше одной сибны годовыхъ временъ! Они длятся только одну пору произрастанія! одну весну! много что одинъ годъ!... Тутъ вредѣлъ вашихъ заблужденій, потому что тутъ предѣлъ вашихъ оытовъ. За этимъ предѣломъ природа сама поправляетъ васъ, открываетъ вамъ свою волю, чтобы по ней вы располагали свои труды. Такимъ образомъ, вы безпрестанно вопрошаете ее, вопрошаете почтительно, внимательно, и она отвѣчаетъ вамъ всегда вѣрно и скоро. Вы вносите ея отвѣты въ ваши записки, въ ваши книги, въ ваши руководства, и изъ такой непрестанной бесѣды вопрошающаго челоѣка съ отвѣчающей природой составляются катихизисы агронома или садовника, наука о растеніяхъ.

• Такимъ-то способомъ, въ такихъ учебныхъ книгахъ, на земледѣльческихъ собраніяхъ подобнымъ вашему теперешнему, рас-

роетрадилась эта наука, усовершеншилась, расширилась. Отъ Пливія остающаго переченьъ вѣсѣхъ растений римской имперіи въ его ремя; отъ Карла-Великаго, обозначающаго собственной рукою въ Капитуляріяхъ,—его личной хартии,—названія и число овощей, которыя должны разводиться въ его огородахъ; отъ Катона, строжайшаго изъ государственныхъ людей, предписывающаго каждому римскому гражданину, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ, азводить цвѣты на своей землѣ, для того чтобъ это воздѣлываніе и это изящество придавали также нѣкоторую обработку и нѣкоторое изящество правамъ народнымъ (онъ хотѣлъ ограничить непомятнующую роскошь республики, но не простиралъ своего онепчанія на роскошь растительности), до морскихъ и садоводныхъ спедцій крестопосцевъ, Голландцевъ, Англичанъ, для собиранія а всей землѣ тѣхъ девяноста-осми овощей или цвѣтовъ, которыми теперь пестрѣютъ наши нынѣшніе огороды и цвѣтники,—адоводство начатое Римлянами, обобщенное и усовершенствованное до чудесной степени въ Китаѣ; распространенное въ Анліи до размѣровъ аристократической пышности; измельченное и скрошенное въ Голландіи до боготворенія тюльпана; возведенное въ Италіи на степень великолѣпнаго искусства; сопряженное съ племіемъ, ваяніемъ, зодчествомъ; обращенное въ пользу во Франціи своимъ соединеніемъ съ высшимъ земледѣліемъ, которому служить передовымъ,—садоводство, благодаря вашимъ усиліямъ, въ извѣстныхъ частяхъ Европы восходитъ наконецъ на степень промышленности, занимающей милліоны рукъ, ввозящей и вывозящей на милліоны плодовъ и цвѣтовъ.

«Садоводство, которое доселѣ было просто развлеченіемъ, домашней роскошью, убранствомъ почвы, теперь становится новымъ и обширнымъ предметомъ торговли! Во времена, когда чело-вѣкъ больше нуждается въ трудѣ нежели трудъ въ чело-вѣкѣ, во времена, когда открыть новую промышленность значитъ открыть югатство, занятіе, содержаніе, жизнь тысячамъ работниковъ, эта отрасль агрономіи должна обратить на себя вниманіе государственныхъ людей, привлечь заботы умнаго министра земледѣлія и торговли. Не считите этого за преувеличеніе, милостивые государи. Я недавно съ Юга: я самъ видѣлъ по берегу Средиземнаго Моря значительное судоходство цвѣточной торговли. Гоксана и Генуя разводятъ и вывозятъ на многіе милліоны произведеній своихъ цвѣтниковъ. Но одно искусство породило другое. За искусствомъ разводить цвѣты явилось искусство срывать, юдбирать цвѣты, ихъ краски, тѣни, запахи. Новое искусство

оказало, въ Генуѣ напричѣтъ, большіе устѣхи въ этомъ родѣ: люди тамъ такъ изучили, сочетали, переплели, свили, соткали розы, гвоздики, георгины, тюльпаны, раункулы, что букеты для убранства праздничныхъ столовъ, часто бывающіе болѣе трехъ футовъ въ объемѣ, похожи на смирнскіе ковры, на мозаики, на растительныя ткани, на благовонныя бархаты. Тамъ есть настоящіе ткачи, выдѣлывающіе эти благоуханныя матеріи. Букетчицы, какъ напричѣтъ въ Афинахъ, составляютъ еще новое ремесло. Букеты, которыми вы любуетесь, упиваетесь на праздникахъ Тулона, Марсели, Бордо, самаго Парижа, вытканы въ Генуѣ или во Флоренціи. Такимъ образомъ садоводство для роскоши больше и больше превращается въ промышленность. Продолжайте совершенствовать его и оно сдѣлается новымъ художествомъ, живописью, которой палитрою будетъ служить садъ.

«Но какова бы ни была важность промышленнаго садоводства въ глазахъ экономиста, будемъ откровенны и сознаемся, что не въ томъ заключается главная и вѣчная прелесть садовъ. Нѣтъ, людей во все времена къ этому прекрасному искусству привлекало близкое сожителство съ природою, очарованіе, соединенное съ изученіемъ ея явленій, благоговѣйное созерцаніе растительности, безкопечные восторги при видѣ этой всемірной жизни, этого безмолвнаго разума, разлитыхъ и видимыхъ въ растеніяхъ; привлекали неопредѣленные границы между растительнымъ и животнымъ царствомъ, которыя какъ будто совмѣщаютъ все органическія стихіи въ таинственное единство, несмотря на ихъ разности и паружныя раздѣленія; привлекало сознаніе божества въ природѣ, сознаніе, за которое меня часто даже обвиняли въ пантеизмѣ. Я не пантеистъ. Нѣтъ, я не похожъ на ребенка, который, видя фигуру, отраженную въ зеркалѣ, думаетъ, что фигура и зеркало одно и тоже, и протягиваетъ руку, чтобы схватить изображеніе! Природа въ моихъ глазахъ есть только огромное, безконечное, свѣтозарное зеркало, въ которомъ отражается ея Создатель. Но она чуется мнѣ столько живою, столько разумною, столько божественною, что я понимаю и легко извиняю тѣхъ, кто винитъ меня въ смѣшеніи природы съ Божествомъ.

«Да, таковы прелести, которыя во все вѣка привязывали душу мыслящихъ людей къ зрѣлищу прозябанія, цвѣтенія и снѣженія въ садахъ. Напоминать ли вамъ Птоагора, который предписывалъ, какъ путь къ мудрости своимъ ученикамъ поклоненіе эху въ сельскихъ мѣстахъ? Ссылаться ли на Циціона въ Ли-

терракъ? На Дюклетіана, отрекшагося отъ владычества міра, чтобы воздѣлывать латуки въ своихъ салоническихъ садахъ? Приводить ли въ примѣръ Горація въ Тибурѣ? Цицерона въ Тускулумѣ или подъ его гаетскими апельсинниками? Пливія, описывающаго потомству планъ своихъ аллей, обрамленныхъ буксами и составляющаго перечень своихъ деревьевъ, обстриженныхъ въ видѣ растительныхъ статуй? Старога Гомера, припоминающаго, вѣроятно, собственный отеческій садъ въ описаніи Лазартова садика, осѣненнаго и обогащаемого его тринадцатю грушевыми? Петrarку въ Воклюзѣ или на его аркавскомъ холмѣ? Теокрита подъ тѣнью его сицилійскихъ каштановъ? Геснера подъ цюрихскими елями? Госпожу Севинье въ ея саду Ромѣ или въ паркѣ Ливри? Монтеस्कѣ въ широкихъ аллеяхъ его замка Лабредъ, вызывающаго тѣни державъ и духъ законодательства, подобно какъ до него и выше его Макавіеля въ его сельской пустынкѣ Савь-Мидлато, на холмахъ Тосканы? Вольтѣра, по-очередно, то въ Делезѣ то въ Феррѣ, вставляющаго озеро Леманъ и италійскіе Альпы въ раму горизонта своихъ садовъ? Бюффона въ Монбарѣ, умиющаго, подобно Плинію въ Римѣ, наслаждаться въ великолѣпныхъ, живыхъ музеяхъ своего парка роскошью природы, которую описывалъ? Наконецъ Руссѣ, котораго я едва не забылъ, Руссѣ, желавшаго, чтобы прахъ его покоился подъ тополю, на островкѣ, посреди сада! Ахъ! этотъ человѣкъ, родившійся въ трудовомъ быту, почти выросшій въ рабскомъ состояніи, вѣрно живѣе другаго чувствовалъ успокоеніе и отраду уединенія! Въ первыя лѣта моей молодости, во времена первыхъ порывовъ воображенія и души къ великимъ мѣстамъ и гениямъ, сколько разъ хаживалъ я то одинъ то въ обществѣ друга, посѣщать его милыя Шарметты, маленькій домикъ, тѣсный садикъ, притаенныя скорѣе въ оврагѣ чѣмъ въ долинѣ холмовъ Шамбері, подъ тѣнью прекрасныхъ каштановъ Савоин! Сколько часовъ, сколько цѣлыхъ дней провелъ я подъ тѣнью его любимаго дикаго виноградника, мечтая о немъ, проживая въ воображеніи его жизнь, глядя на вечерніе лучи, лившіеся сквозь листья, и какъ бы отъскывая еще въ нихъ чувствительнѣйшаго и краснорѣчивѣйшаго созерцателя природы! Я не кончилъ бы, если бы сталъ считать вамъ всѣхъ знаменитыхъ людей, которые оставили по себѣ память въ садахъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно составить исторію всѣхъ великихъ умовъ по исторіи сельскихъ уединеній, гдѣ они обитали, которыя они любили и прославили своими слѣдами!... до такой степени человѣкъ связанъ съ землею, въ Google

бели и въ жизни и на могилѣ ея владѣтеля! до такой степени природа пользуется своими правами даже въ лицахъ, которыя кажутся наиболѣе удаленными отъ нея, наиболѣе чуждыми простиыхъ и чистыхъ наслажденій, которыя она доставляетъ человѣку.

«Не подумайте, чтобъ эти наслажденія принадлежали только самымъ земли, богатымъ владѣльцамъ парковъ, или славныхъ садовъ, подобныхъ Версалю или Тюйлери; нѣтъ, не нужно богатства, пышности, широкаго пространства, чтобы наслаждаться всѣмъ счастьемъ, какое Богъ заключилъ въ растительномъ царствѣ. Есть удовольствія, которыхъ богатству не дано присвоивать исключительно себѣ. Какова бы ни была великость или малость пространства, назначаемого человѣкомъ на эти наслажденія, въ душу его чрезъ чувства проходитъ одно и тоже количество ощущеній и удовольствій. Такъ создана душа человѣческая, потому что она безконечна; да, душа человѣческая одарена такой силой сжатія или расширенія, такой упругостью, такой способностью суживаться и растягиваться, что она можетъ находить всесласкую слишкомъ тѣсную и подобно Александру восклицать: «Дайте мнѣ другихъ вселенныхъ, а эта тѣсна для меня!» и можетъ сосредоточиваться, сжиматься, заключаться вся въ непримѣтную точку пространства и съ Гораціемъ восклицать на своей полудесятинѣ, орошенной струйкою воды: «Этотъ уголокъ земли стоитъ по мнѣ всѣхъ мировъ!» Повѣрьте, въ душѣ Руссо, глядѣвшаго на закатъ солнца изъ-за виноградной лозы шарметскаго сада, было столько жъ удовольствій, живости, наслажденія, чувствительности, созерцанія, умиленія, сколько въ душѣ Бюффона, смотрѣвшаго на восхожденіе дня надъ кедрами своего монбарскаго парка! Повѣрьте, что владѣлецъ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ, насаженныхъ, размежеванныхъ, распецированныхъ садами на холмахъ Англіи, Шотландіи или въ окрестностяхъ Парижа, не питаетъ чувства къ природѣ сладостяѣе, полнѣе, благоговѣннѣе чѣмъ вы, когда, въ воскресный день, вы отдыхаете у себя въ садикѣ насаженномъ болышникомъ, у подножіи нѣсколькихъ деревьевъ въ цвѣту, которыя вы сами окопали; подлѣ двухъ-трехъ вашихъ ульевъ, жужжащихъ на солнцѣ, на краю цвѣтника, гдѣ вы покинули свой заступъ, за который снова приметесь по утру.

«И кто можетъ это чувствовать лучше меня? Если бъ вы знали по-латинѣ такъ же твердо, какъ знаете всемірный языкъ растительности, я воскликнулъ бы среди васъ, подобно пастуху Виргиліи: «et in Arcadia ego!» то есть, «и я былъ садов-

никонъ! Да, у меня также, первой моей помыбелю былъ маленький деревенскій садъ, обнесенный оградой изъ несмазанныхъ камней, на псачаюмъ и угрюмомъ холмѣ; въ немъ не было ни широкаго простору, ни величавыхъ тѣней; ни рѣдкихъ цвѣтовъ, ни дорогихъ плодовъ, ни пышныхъ растеній: было нѣсколько узкихъ дорожекъ, усыпанныхъ краснымъ пескомъ, окаймленныхъ дикими гвоздиками, фалками и скороспѣлками, и нѣсколько грядъ овощей пропитывавшихъ наше семейство. И что жъ! не въ садахъ Италіи, не въ помѣстяхъ владѣльцевъ обширныхъ парковъ Франціи, Германіи, Англій, а тамъ въ родномъ садикѣ испыталъ я первыя и пламеннѣйшія наслажденія, какими дапо природѣ восхитять душу и воображеніе ребенка и юноши! Нынче у меня есть сады довольно обширные, разсаженные художественно, но я сохранилъ пристрастіе къ старому садику! Сохраняю его неприкосновеннымъ въ прежней его бѣдности тѣни, воды, цвѣтовъ и плодовъ. И когда мнѣ выдаются рѣдкіе часы досуга и уединенія, похищенные у общественныхъ дѣлъ или умственныхъ трудовъ, часы которые я могу тратить на такіа мечтательныя бесѣды съ самимъ собою, я провожу ихъ въ этомъ-садикѣ!.... Простите мнѣ эти задушевные подробности, эти воспоминанія моей домашней жизни. Они не могутъ быть неумѣстны здѣсь: все мы сограждане, друзья одной крови и одной плоти! Соъемся на мигъ въ одну душу, также какъ мы дѣти одной отчизны! Да, въ этой бѣдной оградѣ, давно поклянутой, давно опорожненной смертыю; въ этихъ аллеяхъ заросшихъ травой, мохомъ и крайними гвоздиками; подъ этими ветхими стволами, оскудѣвшими сокомъ, но не воспоминаніями; на этомъ нерасчищенномъ пескѣ, я доселѣ пишу взорами слѣдовъ моей матери, сестеръ, старинныхъ друзей, старыхъ слугъ нашего семейства; тамъ сажусь я у калитки, напротивъ дома, который годъ отъ году больше зарастаетъ плющомъ, гляжу на лучи заходящаго солнца, слушаю жужжанье насѣкомыхъ, шерохъ ящерицъ, которыя кажутся мнѣ старинными хозяевами сада, и съ которыми, мнитса, я могу еще бесѣдовать о быломъ.

«Да, именно эти первыя радости человѣка вступающаго въ жизнь, эти первыя привычки, первые восторги созерцанія, первые умщевія жизни въ уединенномъ сельскомъ уголкѣ, у семейнаго очага, нынѣ угасшаго и остывшаго, съ дѣтства внушили мнѣ пристрастіе къ садамъ и къ простымъ искуснымъ людямъ, ухаживающимъ за ними, — пристрастіе, которое такъ естественно и такъ отрадпо приводитъ меня на ежегодныя бесѣды въ кру-

гу вощенныхъ садоводовъ и агрономовъ. Заступъ, серпъ, грабли, лейка, простой горшокъ цвѣтовъ на окнѣ бѣднаго рабочаго, неразлучны въ моемъ сердцѣ съ воспоминаніями о моей юной жизни въ деревнѣ, среди трудовъ и занятій въ сельскомъ домикѣ и въ скромномъ саду. Извиняте же меня, невѣжду, говорившаго съ вами о садахъ. Вы садоводы по упражненію, по наукѣ, по ученію, по опыту. Я садоводъ только по чувствамъ, по умилению и восхищенію.

«Теперь, милостивые государи, обратися каждый къ своему ремеслу. Вы, ободренные братскимъ стеченіемъ вашихъ согражданъ, трогательнымъ, единодушнымъ участіемъ, изъясляемымъ публичною, которая наполняетъ этотъ театръ больше чѣмъ при какомъ нибудь представленіи вздорнаго искусства; сердечнымъ интересомъ, какой даже женщины своимъ присутствіемъ принимаютъ въ вашихъ занятіяхъ; вы обратитесь къ воздѣлыванію цвѣтовъ, плодовъ; овощей, диковинокъ ученаго земледѣлія; къ вашимъ грядамъ, къ вашимъ теплицамъ, къ вашимъ лабораторіямъ вонъ открытымъ небомъ. А я возвращусь въ тотъ старый и запущенный садъ моего отца, о которомъ сейчасъ говорилъ вамъ; пойду воздѣлывать то, что воздѣлываемъ мы, бѣдные труженики ума, устающіе часто не мѣтѣ вашего.... науку, литературу, философію, исторію, политику, искусство управлять людьми, улучшать общества, облегчать состояніе, добывать отъ просвѣщенія и уснѣховъ мысли сколько возможно болѣе зрѣлыхъ и совершенныхъ плодовъ.»

Рѣчь эта была нѣсколько разъ прервана шумными рукоплесканіями собранія и, какъ намъ кажется, мѣстами очень заслуживала того.

Юліанъ отступникъ. Господинъ Амедѣ Тьерри недавно издалъ третій томъ своего замѣчательнаго сочиненія *Histoire de la Gaule sous l'administration romaine*, «Исторія Галліи подъ управленіемъ Римлянъ». Его книга, плодъ долгаго и добросовѣтнаго изученія, наполняетъ собою очень ощутительный пробѣлъ въ исторической литературѣ. Вышедшій томъ изобилуетъ чрезвычайно интересными фактами и проливаетъ свѣтъ на вопросы, доселѣ не вполне изслѣдованные. Между прочимъ тутъ есть любопытный и пріятный рассказъ о Юліанѣ Отступникѣ, его жизни, дѣлахъ и безуспѣшной попыткѣ возстановить язычество. Сообщаемъ читателямъ этотъ отрывокъ: онъ коротко познакомитъ ихъ съ лицомъ, котораго

нмя очень извѣстно, но біографіи, характеръ и правила знагомы немногимъ.

Дѣтство Юліана протекло среди обстоятельствъ, которыя имѣли вліяніе на всю его жизнь и заклеили ее роковой печатью. Почти при самомъ рожденіи, онъ лишился матери. По седьмому году, онъ видѣлъ смерть отца и старшаго брата подъ ударами неистовыхъ солдатъ; видѣлъ надъ своей головою остріе убійцы. Упесенный тайкомъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ, Галломъ, больнымъ при смерти, онъ бѣжалъ сиротанъ въ алтарь одной арианской церкви. Когда ярость войскъ утихла, Констанцій уже не отважился на хладокровное умерщвленіе двухъ мальчиковъ, своихъ двоюродныхъ братьевъ и удержалъ ихъ только въ заточеніи, въ одномъ каппадокійскомъ замкѣ. Всякія сношенія за стѣнами замка были имъ воспрещены, а между-тѣмъ, подъ надзоромъ одного придворнаго, старались задушить въ нихъ пробуждающуюся дѣятельность. Въ этомъ совершенномъ уединеніи имъ не давали священныхъ книгъ, ни учителей. Ихъ причли даже къ сословію церковнослужителей въ качествѣ чтецовъ. При такомъ воспитаніи Галлъ вышелъ человекъ набожный, но совершенно невѣжественный и свирѣпый мужикъ. Разумъ Юліана спасли попеченія одного внука, по имени Мардонія, бывшаго раба его матери. Мардовій, ученый грамматикъ, человекъ честный и вѣрный, сдѣлался наставникомъ сына своей госпожи, «или точнѣе, говоритъ Юліанъ, онъ заступилъ мнѣ мѣсто матери, потому что я походилъ на трагическихъ дѣвъ, похищенныхъ силою изъ-подъ родительской кровли и вскормленныхъ сострадательными людьми.»

Подъ руководствомъ этого домашняго наставника, Юліанъ выучился покоряться правиламъ чисто стоической морали. Онъ читалъ также поэтовъ и философовъ. Мардовій, бывшій самъ добрымъ христіяниномъ, желалъ сдѣлать такого же и изъ своего воспитанника, но, восхищаясь съ нимъ греческими образцовыми твореніями, заронилъ въ его пылкую и строптивую душу сѣмя язычества, которое и укоренилось. Этому содѣйствовали разныя причины: скука принужденія, негодованіе на предписанныя насильно понятія, а болѣе всего картины убійства, неизглажившіяся изъ памяти Юліана. По невольной логической связи, онъ распространялъ свою ненависть къ Константину на весь постановленія этого государя и на его сына, и такимъ образомъ привыкалъ видѣть христіяство въ преступленіяхъ пер-

выхъ христіанскихъ императоровъ. Но переворотъ этотъ совершался въ немъ только постепенно, съ теченіемъ времени и размышленія, когда онъ уже побывалъ со многихъ сторонъ въ прикосновеніи съ христіанствомъ: переворотъ сдѣлалъ изъ него уже не язычника, а отступника.

Пятнадцать лѣтъ отъ роду, его привезли въ Константинополь, слушать лекціи въ публичныхъ школахъ. Но онъ такъ отличился успѣхами, что его поспѣшили отправить назадъ въ Никомедію, запретивъ посѣщать тамъ уроки Либанія, главы риторовъ того вѣка и одного изъ самыхъ отъявленныхъ защитниковъ эллинизма. Юліанъ точно не посѣщалъ Либанія, однако читалъ его сочиненія, принялъ за образецъ и до такой степени напился его мыслями и даже слогомъ, что педальовидная критика легко можетъ смѣшать сочиненія того и другаго. Въ Никомедіи онъ завелъ знакомство опаснаго Либаніева: платонической философа Максимъ посвятилъ его въ таинства теургій, астрологіи и всѣхъ тайныхъ наукъ. Съ-тѣхъ-поръ онъ могъ считаться адептомъ той языческой партіи, которая смѣшивала религію съ политикой; имя его потихоньку произносилось на сборищахъ, гдѣ замыслили возстановленіе язычества. Вѣроятно, какая-нибудь нескромность вывела это наружу, потому что Юліанъ, для обезпеченія своего спокойствія, нашелся принужденнымъ снова принять званіе чтеца въ никомедійской церкви. Между-тѣмъ, прихоть Констанція возвела Галла на степень кесаря, и Юліану возвратила свободу; вторая прихоть Констанція предала Галла палачу, а Юліанъ подвергся опасности больше чѣмъ когда-нибудь: пренебреженный, изгнанный, наконецъ онъ получилъ какъ милость позволеніе проводить время своего изгнанія на скамьяхъ аѳинской школы. Герофантъ элевзинскихъ таинствъ легко овладѣлъ умомъ изгнанника, ожесточеннаго столькими притѣсненіями. Тогда Юліанъ дошелъ до самаго послѣдняго предѣлу релігіозныхъ посвященій и политическихъ интригъ язычества, сохраняя однако наружность христіанина. Дальновидные христіане не даромъ страшились и говорили, вмѣстѣ съ Василиемъ и Григоріемъ Нисіанскимъ, его товарищами по аѳинской школѣ: «Какую зѣмлетографию ваетъ имперія на своей груди!»

Этому тревожному воспитанію, этой учености, приобритенной украдкою, изъ книгъ для пристрастнаго ученія партій, Юліанъ обязанъ своею слабостью и своею смелю, своею изощренностью и своимъ величіемъ. Совершеніе дредниха доблестей заманило его душу въ источникахъ, пресѣкшихся въ его время: онъ сдѣлался

прость какъ Фабрицій, воздержень какъ Сципіонъ, честепъ какъ Аристидъ, или, лучше сказать, выработалъ себя по образцу своего идеала, Марка Аврелія. Но онъ вступилъ въ управленіе людьми съ ложнымъ понятіемъ своихъ современниковъ, и, еще того хуже, съ ослабленіемъ партій, которое усилилось подъ вліяніемъ вражды. Религіозные вопросы особенно пробуждали въ немъ самыя прискорбныя воспомнанія и поднимали всю его желчь. Какъ скоро дѣло доходило до нихъ, онъ утрачивалъ свою природную добросовѣстность, даже разумъ его затмѣвался. Дѣйствительно, въ Юліанѣ были два человѣка: одинъ приготовленный природою и истиною философіей въ совѣстники величайшимъ государямъ, другой озлобленный несчастіемъ и испорченный софистами. Его наружность, не заключая въ себѣ ничего величаваго, была однакожъ привлекательна. Онъ былъ небольшого росту и плетевъ, немножко сутуловатъ; имѣлъ тонкіе кудрявые волосы, правильныя черты лица и глаза, въ которыхъ пламенемъ переливался всѣ впечатлѣнія души. Въ походкѣ его замѣчалось безпрестанное пошатыванье, которое какъ-будто изобличало какое-то внутреннее безпокойство; рѣчь его была коротка; тонъ вопросительный и часто презрительный. Придворные вдоволь посмѣялись, когда онъ прибылъ въ Миланъ въ нарядѣ философа, съ заостренною, стриженной бородкой, въ греческой махитѣ. Его обрили, одѣли въ военное платье и императрица Евсевія взялась представить его императору.

Констанцій провозгласилъ его кесаремъ, 6 полбря 355 года, въ Миланѣ, въ присутствіи войска и народа. Говорятъ, что въ первомъ ощущеніи своей публичной жизни юный кесарь съ высоты трибуны окинулъ взоромъ собраніе и въ этомъ взорѣ сверкнула молвія, отъ которой толпа содрогнулась. Предвѣстіе бурь однакожъ не обратило на себя вниманія Констанція. Обходясь съ Юліаномъ какъ со школьникомъ, котораго посылають въ училище, онъ составилъ въ руководство ему инструкцію, гдѣ все было распредѣлено, даже подробности его обѣда и ужина. Сама прекрасная и ученая Евсевія продолжала видѣть въ немъ только философа, пристроеннаго не на свое мѣсто, и, отпуская въ дорогу, подарила ему маленькую библіотеку греческихъ книгъ. Передъ отъѣздомъ, его женили на сестрѣ Констанція, Юліи Флавіи Еленѣ; потомъ отпустили въ дорогу подъ скромнымъ конвоемъ изъ трехъ сотъ шестидесяти человѣкъ. Взбирался на Альпы, онъ узналъ вещь, которую отъ него тщательно скрывали, именно, что Галлія потеряна Римлянами, что рейнскіе легіоны отступ-

шли до Сены, и что въ восточныхъ провинціяхъ набѣги Алемановъ простираются даже за Отѣнь.

Зато жители восточной Галліи встрѣтили его какъ пзбавителя или, выражаясь словами одного современника, какъ генія-хранителя, который явился положить предѣлъ общественнымъ напастямъ. Обыватели деревень и городовъ выбѣгали на встрѣчу, чтобы взглянуть на него и пожелать ему благополучія. Разнаго роду инстинктивные предсказанія сопровождали его первое вступленіе въ публичную жизнь. Во время вѣзду въ Віеннѣ, одна слѣпая старуха, услышавъ его имя, вскричала: «Вотъ кто возстановитъ храмы боговъ!» Пріемъ этотъ былъ вовсе не похожъ на тотъ, какой оказали ему главныя лица гражданскаго и военнаго управленія, которыя звали его отношенія ко двору и считали себя скорѣе опекунами и надзирателями чѣмъ подчиненными его. Нельзя сказать, чтобы Констанцій желалъ ему неудачи въ предпріятіи столь важномъ для имперіи, хотя впоследствии толковали, будто такъ было. Императоръ имѣлъ мнжество средствъ погубить его менѣе опаснымъ способомъ. Констанцій не полагался на дарованія Юліана, не довѣрялъ и его характеру, а придворные поддерживали эти опасенія лицемернымъ безпокойствомъ и клеветою. Юліанъ встрѣтилъ только надменную непокорность или скрытую вражду въ лицахъ, которыя должны были помогать ему. Онъ не могъ ничего сдѣлать безъ своего совѣта; не имѣлъ права ничѣмъ располагать, ни общимъ движеніемъ войскъ, ни продовольствіемъ крѣпостей и легионовъ; даже не раздавалъ жалованья солдатамъ: ему надлежало овладѣть всѣми этими правами мало-по-малу, при помощи своей твердости. «Констанцій далъ Галламъ не кесаря, а свою куклу,» говорилъ онъ съ огорченіемъ. Два сановника, находившіеся преимущественно передъ всѣми прочими при его особѣ, казалось, для того чтобы унижать и мучить его, были преторіанскій префектъ Флоренцій и главный начальникъ конницы, Марцеллъ. Кесарь скорбѣлъ отъ всѣхъ этихъ препятствій, но не упывалъ. Преобразясь внезапно изъ студента въ солдата, онъ учился военному дѣлу какъ чловѣкъ, который хочетъ и можетъ то, чего хочетъ. Онъ самъ первый смѣлся, когда ему слѣдовало командовать воинскими экзерциціями, выступать подъ звукъ инструментовъ, владѣть оружіемъ, разсуждать о планахъ кампаній, и тутъ принималъ къ себѣ пословицу: «сѣдо на вола плохой выюкъ.» Старые солдаты, сначала смѣялись вмѣстѣ съ нимъ, потомъ увидѣли, что онъ ихъ перешеголялъ.

Затѣмъ авторъ описываетъ искусные походы Юліана, который въ нѣсколько лѣтъ, начальствуя весьма немногочисленнымъ войскомъ, но умѣвъ пробудить храбрость въ этомъ войскѣ и спискать его привязанность, освободилъ Галлію отъ присутствія и набѣговъ германскихъ народовъ, опустошавшихъ страну. Дивный рядъ успѣховъ заключился страбургскимъ сраженіемъ, въ которомъ германскія орды были разбиты на-голову. Послѣ этой рѣшительной побѣды, Юліанъ окончательно очистилъ Галлію и расположился зимовать въ городѣ Лютеціи, нынѣшнемъ Парижѣ.

Парижъ, мелкій городокъ, не имѣвшій ни какого значенія до конца третьяго вѣка, приобрѣлъ въ это время печальную знаменитость: подъ его стѣнами, при слияніи рѣкъ Марвы и Сены, Багавды расположили свой главный станъ и долго сопротивлялись вѣтамъ силамъ Галліи. Впослѣдствіи, когда успѣхи Германцевъ на Рейнѣ принудили императорскую администрацію искать мѣстопробыванія не столь подверженнаго набѣгамъ какъ Триръ, вниманіе естественно обратилось на Парижъ, повелѣвавшій тремя долинами рѣкъ Сены, Марвы и Оазы. Императоры построили въ немъ дворецъ и все, что требовалось для зимняго помѣщенія войскъ и ихъ самихъ: укрѣпленный станъ, плацъ-парадъ, водопроводы и циркъ для ристаній и публичныхъ игръ. Римскій кварталъ, занятый этими заведеніями съ ихъ принадлежностями, простирался отъ лѣваго берега Сены до площадки высокаго холма, называвшагося въ то время Леутиціемъ, а нынче горою Святой Женевьевы: онъ составлялъ южное предмѣстіе города, на большомъ островѣ Сены, и сообщался съ городомъ посредствомъ деревяннаго мосту, къ которому сходились всѣ военныя дороги на югъ. По прошествіи пятнадцати вѣковъ, теперь еще можно видѣть одну изъ залъ обширнаго дворца, котораго зданія примыкали къ рѣкѣ съ сѣверной стороны, между-тѣмъ какъ сады его тянулись внизъ по теченію рѣки. Плацъ-парадъ, или Марсово Поле, находился на южномъ рубежѣ дворцовыхъ зданій. Нѣсколько подалеже, вправо,—укрѣпленный станъ; а влѣво, на восточномъ скатѣ площадки,—арены, у подножія которыхъ простиралось поле, покрытое виноградниками и гробищами.

Надо полагать, что Лютеція, временная резиденція двора, уже послала названіе муниципальнаго города, несмотря на свою незначительную величину. Замокъ, построенный на западной оконечности острова, служилъ куріей для собраній и крѣпостью для обороны рѣки. Населеніе состояло преимущественно изъ купцовъ и судовщиковъ, которые занимались торговлею по Сенѣ и, подъ

названіемъ «парижскихъ плавателей», составляли снѣвую корпорацію еще со времени царствованія Тиберія. На округлости, завершающей островъ съ восточной стороны, долгое время находился обѣтный жертвенникъ, воздвигнутый этою корпораціей въ честь Юпитеру и главнымъ божествамъ римской и галльской религіи, Вулкану, Венерѣ, Кастору и Поллуксу, къ которымъ были приобщены Гезъ, срубающій дубъ; Сивіерь, закливающій змѣю; Церунъ, съ олепными рогами на головѣ, на которыхъ висѣли два ряда колець; волъ съ тремя шеями, извѣстный подъ кельтскимъ названіемъ «Тарва Тригарана» (Taru Trigaran). Вѣроятно, этотъ памятникъ благочестія парижскихъ плавателей уже не существовалъ при Юліанѣ; вѣроятно также, его обломанные и затоптанные барельефы уже лежали въ землѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ найдены сто лѣтъ тому назадъ. На развалинахъ памятника въ то время стояла христіанская базилика, и поклоненіе Святому Стефану заступило мѣсто служенія Юпитеру и Гезу.

Таковъ былъ скромный театръ, избранный судьбою для одного изъ величайшихъ переворотовъ римскаго міра. Юліанъ любилъ страну, любилъ рѣку, лѣса, ограничивавшіе долину съ сѣвера, городокъ, который звалъ своей милой Лютеціей. Тамъ онъ находилъ спокойствіе, потребное для трудовъ управленія, для занятій науками, для тѣхъ бесѣдъ о религіи и политикѣ, которыхъ заблудшіе отголоски чудятся посѣтителю подъ сводами Дворца Термъ. Здѣсь то, рассказывая своему врачу и другу пророческія грезы своего будущаго величія, онъ разсуждалъ о свойствѣхъ совнѣдній и приказывалъ сочинять тѣ ученые книги, которыя поставили имя Орибазы наряду съ именемъ Галліена. Здѣсь же, углубляясь въ бездны восточнаго мистичизма, съ другомъ своимъ, Саллюстіемъ, восхищался онъ доблестями «Царя-Солнца, чиностроителя міровъ, разумнаго и вещественнаго, первообраза идей и формъ, открытаго истеченія всесовершеннаго божества и подобнаго ему».

Саллюстіи, занимавшій довольно значительную должность при его особѣ, былъ ученый Галлъ, честный человекъ и многобожникъ, слѣдовательно, трижды дорогъ Юліану. Уже пожилой и опытный въ дѣлахъ міра, онъ пекся о юномъ кесарѣ какъ о родномъ сынѣ, служилъ ему совѣтникомъ, руководителемъ; иногда дѣлывалъ ему выговоры съ кроткой и нѣжной вольностью, которой воспоминавіе исторгало слезы у Юліана. Исторія позволяетъ намъ предполагать, что будущій Августъ избѣжалъ бы многихъ ошибокъ, если бы всегда пилъ при себѣ этого безцѣн-

наго друга. Философія была главнымъ занятіемъ Саллюстія, платоническаго философа и въ тоже время поклонника Митры. Юліанъ съ наввною вѣжностью говаривалъ ему: «Я, Грекъ, сдѣлался Галломъ для тебя, который принадлежать къ избраннѣйшимъ Грекамъ по учености и добродѣтели.» Бесѣды свои съ нимъ, всегда степенныя, иногда строгія, онъ уподоблялъ горькимъ травамъ, изъ которыхъ пчела умѣетъ добыть медъ. Констанцій отпалъ у него этого товарища и наставника: обвиненный, гонимый Саллюстіей принужденъ былъ покинуть Галлію и переѣхать въ Иллирію. Ударъ былъ направленъ въ Юліана: онъ живо почувствовалъ его, однако смолчалъ. Въмѣсто всякихъ сѣтованій, въ минуту разлуки, онъ написалъ длинное прощальное письмо, дошедшее до насъ, и отчасти посвящающее въ обычныя бесѣды этихъ двухъ людей. Въ немъ Юліанъ съ грустью напоминаетъ ихъ чтенія, ихъ мыслы, чувства, испытанныя притѣсненія. «Ахъ! восклицаетъ онъ, когда я переносусь умомъ ко всему этому, къ нашему братскому союзу на пользу добра, къ нашей общей ненависти къ злымъ, къ совершенному сходству нашихъ душъ, къ утѣшеніямъ, какія почерпалъ въ тебѣ, — тогда я примѣняю къ себѣ слова поэта: Улисъ оспротѣлъ!»

Съ такой вѣжностью сердца, прелестной и чисто юношеской, Юліанъ соединялъ самый строгій образъ жизни, былъ воздержно, свалъ просто, на шкурѣ и на коврѣ. Просыпался онъ всегда въ полночь и до разсвѣта дѣлалъ время между учеными и дѣловыми занятіями: день принадлежалъ правительственнымъ трудамъ, особенно заботамъ о правосудіи. О Юліанѣ говорилъ: «Лѣтомъ онъ въ ставѣ, зимою въ судѣ.» Въ самую суровую стужу, онъ не позволялъ разводять огня, даже въ спальнѣ у себя, поставляя себѣ огрубленіе тѣла въ родъ заслуги. Впрочемъ, однажды, во время пребыванія въ Парижѣ, ноужденный суровостью зимняго холоду, онъ согласился поставить себѣ въ комнату жаровню съ горячими угольями, я то угорѣлъ. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ этотъ случай. «Я былъ, говоритъ онъ, на зимнихъ квартирахъ въ моей милой Лютеціи.... Рѣка, окружающая городокъ со всѣхъ сторонъ, не измѣняется въ объемѣ, однако жъ изобильно прибываетъ и потому опять убываетъ, но какую была лѣтомъ, такую же бываетъ и зимой. Вода ея, пріятная на видъ, представляетъ жаждущему прозрачное и чистое питье. Тѣплыя вѣтры, дующіе съ Океана, который отстоитъ только на дваносто стадій, дѣлають зиму очень умѣренною: въ странѣ растутъ добрый виноградъ и даже множество олиговыхъ деревь-

евъ, которые гальская промышленность сберегаетъ отъ стужи, обертывая соломкою и другими веществами. Словомъ сказать, зима какъ-будто шадить тамошнихъ жителей. Но въ этотъ годъ она была суровѣе обыкновеннаго, и Сена несла на себѣ глыбы льда, твердыя и бѣлыя какъ фригійскій ираморъ, которыя то плали вереницею одна за другой, то прилагая одна на другую, составляли мостъ на водѣ. Желая привыкнуть ко всякимъ лишениямъ, я не позволялъ нагревать моей спальни посредствомъ камня, какъ обыкновенно дѣлаютъ мѣстные обыватели. Какъ ни усиливалась зима, какъ ни суровѣлъ холодъ, я не позволялъ топить и велѣлъ принести только жаровню. Угольевъ было немного, но все-таки они выгнали изъ стѣнъ столько сырости, что голова у меня отяжелѣла и я почувствовалъ дремоту. Я подумалъ, что совсѣмъ задохнусь. Меня вынесли изъ комнаты: врачи дали мнѣ рвотнаго и послѣ того я почувствовалъ себя легче, такъ, что провелъ ночь спокойно. Поутру я былъ въ силахъ приступить за работу. »

Освободясь отъ военныхъ тревогъ стѣсненнымъ положеніемъ, до какого довелъ Алеманновъ, Юліанъ устремилъ все вниманіе на гражданское управленіе. Налоги были отяготительны; Галлія роптала и въ своемъ ропотѣ упоминала имя преторіанскаго префекта Флоренція, обязаннаго по своему званію назначать подати съ провинцій и распределять ихъ на служебныя жалованья. Въ тотъ самый годъ, не смотря на огромность главнаго налога, уже съ трудомъ платимаго Галліей, Флоренцій вздумалъ, что нельзя покрыть расходовъ, не прибѣгая къ добавочной пошлинѣ. Юліанъ объявилъ, что не согласится ни подъ какимъ видомъ, хотя бы то стоило ему жизни, и замѣтилъ, что подобные насильственные доходы въ сущности ведутъ только къ разоренію провинцій. Флоренцій разразился потокомъ негодованія; удивлялся, что недовѣряютъ человѣку, поставленному самимъ императоромъ. Юліанъ хладнокровно, исчисленіями, доказалъ ему, что доходъ главныхъ податей не только удовлетворяетъ, но еще и превышаетъ расходы на содержаніе гражданскихъ чиновъ и войска. Префектъ однако не убѣдился и не унялся. Черезъ нѣсколько времени онъ послалъ на подписание кесарю указъ, облагавшій Галлію добавочной податью. Не слушая объясненій, кесарь отказался подписать указъ, и съ негодованіемъ кинулъ бумагу на полъ. Префектъ принесъ императору горькую жалобу на такой рѣзкій поступокъ. Констанцій выговаривалъ молодому правителю, что онъ подобными поступками накликаетъ подозрѣніе на самов-

ника, почтвеннаго довѣренностью императора. Юліанъ съ твердостью отвѣчалъ, что прежде всего надлежитъ радоваться, что провинція, такъ долго терпѣвшая разоренія, еще доставляетъ необходимое, и что требовать съ нея излишняго было бы напрасно, потому что излишняго она не имѣетъ. Его твердость взяла верхъ. Начиная съ этого перваго успѣху, онъ старался годъ отъ году сокращать главную сумму податей. Вторая Бельгія запоздала уплакою своихъ податей; кесарь взялся самъ произвести сборъ, безъ участія сборщиковъ. Онъ не любилъ недоимокъ и отерочки податей, и никогда охотно не соглашался на нихъ, будучи увѣренъ, что онъ служить въ пользу только богатому, а съ бѣднаго всегда взимаются. Между-тѣмъ Флоренцій, гордясь заступничествомъ двора, забылъ всякую мѣру въ сношеніяхъ съ кесаремъ; осуждалъ его по всякому поводу, выказывалъ ему презрительную смѣсь. Юліанъ все переносилъ, но не ослабѣвалъ. Онъ писалъ объ этомъ Орибазу, рассказывая ему тутъ про свою войну съ преторіанскимъ префектомъ: «Осудишь ты меня? Не правда ли, я поступилъ какъ слѣдуетъ ученику Аристотеля и Платона? Что это! проклятая лавка провинціальныхъ грабителей оставила бѣднымъ людямъ только пѣнье лебеда, а я отдамъ ихъ, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, во власть разбойника! Мы клеймимъ позоромъ солдата, покидающаго свой постъ, сколько бы ни былъ онъ опасенъ, такъ мнѣ ли безъ зазрѣнія совѣсти покинуть народы, которыхъ грабятъ, нарушить обязанности званія, въ которое Богъ меня поставилъ и въ которомъ Онъ властенъ поддерживать меня, доколѣ Ему будетъ угодно!»

По своей непреклонной честности, Юліанъ былъ пугаломъ продажной администраціи, за которую онъ не щадилъ ни реформъ, ни наказаній, ни брани. Одинъ повѣренный, членъ административнаго сословія, обезчещеннаго срамнымъ лихоимствомъ, явился получать жалованье и протянулъ за нимъ руку, вмѣсто того чтобы подставить полу платья, какъ водилось. Юліанъ вскричалъ: «Такъ! тотчасъ видѣнъ повѣренный! Ваша братья привыкла брать, а не получать!» Одинъ губернаторъ, обвиненный въ похищеніи казенной суммы, былъ оправданъ на судѣ Флоренціи, и его оправданіе произвело рожень. Флоренцій, чтобы очистить себя, первый предложилъ подать дѣло на апелляцію къ Юліану, ни какъ не ожидая, чтобъ Юліанъ рѣшился перемѣнить его приговоръ. Юліанъ медлилъ взяться за дѣло, наконецъ разобралъ его съ строжайшей добросовѣстностью и уничтожилъ рѣшеніе проекта. Будучи безжалостенъ къ проступкамъ своихъ чиновниковъ, онъ

умѣлъ и защищать ихъ отъ несправедливыхъ или пристрастныхъ нападокъ. Нумерій, губернаторъ Нарбонской Галліи, обвиненный знаменитымъ бордосскимъ адвокатомъ, по имени Дельвидіемъ, опровергалъ взводимыя на него обвиненія въ злоупотребленіяхъ. На это обвинитель въ запальчивости вскричалъ: «Какой же преступникъ не сочтется у тебя, кесарь, за невиннаго, если ему стоить только запереться въ своемъ преступленіи?» — «А какой невинный, возразилъ Юліанъ, не сочтется за преступника, если ему стоить только быть обвинену?»

Такимъ образомъ, послѣ успѣховъ вадъ испрїателями государства, Юліанъ восторжествовалъ надъ своими личными врагами и утвердилъ въ Галліи честное и благотворное управленіе. Слава, которую онъ приобрѣлъ, добро, которое сдѣлалъ, скрытныя гоненія, тайные проски, которыхъ онъ былъ предметомъ со стороны императорскихъ повѣренныхъ, покорныхъ орудій слабой и вѣроломной власти, возмутили въ его пользу войско и часть народа. Не взирая на отказы и искреннее сопротивленіе, Юліанъ былъ провозглашенъ императоромъ. Напрасно Констанцій употреблялъ усилія; раздраженный Юліанъ перенесъ оружіе въ Италію, покорилъ ее и принудилъ Констанція просить миру. Вслѣдствіе этихъ событій, подробно описанныхъ у Тьерри, Юліанъ возвратился въ Галлію и устремилъ всѣ свои заботы на исполненіе плана, задуманнаго съ давнихъ поръ, — на возстановленіе служенія языческимъ богамъ.

Тутъ оканчивается нравственное величіе Юліана, и начинается вторая эпоха его жизни, затмѣвающая первую. Историкъ невольно вспоминается явленіе генія имперіи, который съ горестію говорилъ Юліану, въ ночь наканунѣ востества его на престолъ: «Я не долго пробуду съ тобою.» Если то былъ геній правленія людьми, духъ умѣренности и человѣчности, духъ разумнѣйшаго правъ, совѣсти и уваженія закономъ, то онъ сдержалъ слово: Юліанъ не долго видѣлъ его при себѣ.

Удалвшись изъ Галліи, гдѣ втеченіи семи лѣтъ постоянно былъ спокоенъ, справедливъ, умѣренъ передъ самыми досадными препятствіями, Юліанъ какъ-будто лишился того господства вадъ собою, которое бываетъ признакомъ истиннаго величія. Въ немъ какъ-будто возникали безпрестанно новыя ожесточенія, при каждомъ шагѣ, что онъ ступалъ къ театру первыхъ гоненій и бѣдствій своей фамиліи. Ненависть, наполнявшая его душу, теперь переливалась черезъ край съ радостнымъ свирѣпствомъ. Быть-можетъ также, онъ чувствовалъ потребность призвать на по-

мощь страсть, чтобы укрѣпиться противъ волненій послѣдней борьбы, въ которой рисковалъ всѣмъ,—счастьемъ, жизнью, честью своего имевп. Но страсти благородныя возвышаютъ сердце, восторгая умъ, а ненависть пожираетъ тѣхъ, кого уполяетъ собою. Ей обязанъ Юліанъ, въ свое двадцатимѣсячное царствованіе, плачевной грудю ошибокъ и преступленій.

Онъ достигъ верховной власти, распаленный мщеніемъ: онъ былъ озлобленъ на Констанція, еще больше, можетъ быть, на Константина, на нововведенія его политики, особенно на христіянство, которое всего тѣснѣе было связано съ устраненіемъ отъ престола законныхъ дѣтей Констанція Хлора. Личная вражда проявилась въ немъ съ самаго начала. Считая себя въ необходимости объясниться во всеуслышаніе, оправдать свое поведеніе, онъ изъ Панноніи разослалъ по всѣмъ значительнымъ городамъ Запада, письма или особые манифесты. Письмо, присланное Римскому сенату, было просто длинное осмѣяніе слабостей и пороковъ Констанція. Оно написано такъ язвительно, что одишь сенаторъ прервалъ чтеніе, вскричавъ: «По крайней мѣрѣ пощади виновника твоего счастья!» и сенатъ отвѣтилъ на восклицаніе рукоплесканіями, не сматривая что въ рядахъ собранія отнюдь не было горячей привязанности къ роду Константина. Письмо не щадило также и памяти покойнаго Константина, называя его нововводителемъ, губителемъ національныхъ законовъ и обычаевъ, и горько упрекая за униженіе консульскаго сана, въ который онъ возводилъ варваровъ. Спустя нѣсколько дней, Юліанъ самъ назначилъ въ число новыхъ консуловъ Невиту, грубаго и свирѣпаго Германца, самаго недостойнаго изъ всѣхъ варваровъ, которымъ могла достаться подобная почестъ. Даже друзья за такое противорѣчіе обвиняли императора въ легкомысліи и въ безумствѣ. Письма его къ городамъ Лакедемону и Коринѳу не дошли до насъ: уцѣлѣло только письмо къ аѳинскому народу и еврату. Въ немъ Юліанъ съ полной свободой излагаетъ свою привязанность къ Греціи: Аѳины его избранное отечество; аѳинскія божества—его покровители и судьи; имъ онъ обязанъ жизнью и величіемъ. О Юпитерѣ Капитолійскомъ и о Римѣ, объ этомъ общемъ отцѣ римскаго міра, Юліанъ не говоритъ ни слова.

Христіянство онъ покинулъ тотчасъ, какъ скоро вступилъ въ предѣлы Иллиріи: даже увѣряютъ, будто онъ тогда подвергся кровавымъ омовеніямъ тавробола, чтобы смыть съ себя слѣды крещенія. Несомнѣнно, что онъ открыто исповѣдовалъ язычество, окруживъ себя авгурами, и самъ гадал о своемъ будущемъ

по внутренностямъ животныхъ. Одинъ Галлъ, большой знатокъ гадательнаго дѣла, ораторъ Апрункулъ, котораго Юліанъ пожаловалъ въ парбонскіе губернаторы, помогалъ ему совѣтами и указаніями въ его пророчательскихъ запятіяхъ. Юліанъ замышлялъ уже обширный планъ возстановленія язычества и поспѣшалъ исполненіемъ, когда скоропостижная смерть Констанція безъ кровопролитія отворила ему ворота Константинополя и передала въ его власть Востокъ. Это событіе послѣдовало 3 ноября 361 года. Оно было послѣднимъ лучемъ Юліанова счастья.

Въ планѣ Юліана должно различать двѣ вещи: средства, имъ придуманныя, для обновленія язычества, и способы, которыми онъ хотѣлъ подорвать христіанство. Возстановитель языческаго богослуженія былъ платонической философомъ, выросшій между христіанами и знавшій язычество только изъ твореній философовъ. Его вѣрованія, плодъ науки, не заключали въ себѣ ничего роднаго и сердечнаго: они были чужды того сочувствія, которое приводитъ самыя высшія умы въ соприсношеніе съ простонародными понятіями и придаетъ великимъ людямъ фанатизмъ. Будучи философомъ въ родѣ Ямвлиха и своего учителя Максіма, Юліанъ имѣлъ свою систему пантеизма, которую онъ практически думалъ осуществить служеніемъ языческимъ божествамъ. У него религіозная идея почерпалась изъ философіи, а религія служила символомъ. Система эта принадлежала собственно ему и во многомъ разнилась съ прочими системами. Даже можно сказать, что въ понятіяхъ Юліана не было ничего связнаго, прочнаго, на чемъ бы могло основаться новое язычество. Римское язычество, съ гражданской точки зрѣнія, связанное съ исторіей и со всѣми славными воспоминаніями отечества, было такой религіей, которая могла поддерживать политику. Такъ и понималъ его римскій сенатъ. Юліану подобная религіозная формула казалась черезчуръ грубою. Когда Галерій, испытывая тягость десницы Христовой, говорилъ: «За чтѣ ты поражаешь меня? сражаясь съ тобою, я защищаю учрежденія нашихъ предковъ», онъ говорилъ языкомъ достойнымъ императора. Юліанъ, напротивъ, говорилъ языкомъ раскольника. Онъ ничуть не дорожилъ народными божествами всравненіи съ своимъ собственнымъ богословіемъ. Онъ допускаетъ ихъ только потому что его система все обвиняетъ; онъ хлопочетъ преимущественно о возстановленіи не политической религіи, а богословскаго ученія, *правой вѣры*, какъ онъ самъ выражается, и богословски ставитъ гораздо выше всѣхъ національных боговъ нвоземное божество, Митру. Его можно считать за

христiянскаго еретика, когда онъ развиваетъ полу-платоническую, полу-персидскую идею своего верховнаго божества, котораго пестеченiе или слово — солнце, единое рожденное отъ единаго, первообразъ добра, красоты и жизни, владыка духовъ и матерiи. Юлианъ, по настоящему, былъ не возобновителемъ языческаго богослуженiя, а преобразователемъ его и почти основателемъ новой религiи. Желая обратитъ многобожiе въ дѣйствительное ученiе, въ полную религiю, на подобiе христiянства, онъ хотѣлъ придать ему двѣ вещи, вовсе не согласныя съ его началомъ, — мораль и iерархiю.

Мудрено ввести мораль въ символическiе обряды, которые будучи худо поняты, послужили къ освященiю самыхъ безпутныхъ человѣческихъ наклонностей. Приготовляя нововведенiе, Юлианъ велѣлъ совершать чтенiя и пѣть гимны въ храмахъ. Самъ онъ назначилъ каноническiя книги, по большей части философскiя сочиненiя, впрочемъ съ строгимъ исключенiемъ пирронiанъ и эпикурейцевъ. Также исключилъ онъ басни, слишкомъ сильно распалаявшiя воображенiе; воспретилъ жрецамъ участвовать въ пирахъ и играхъ; запретилъ имъ и семействамъ ихъ посѣщать театры, а между тѣмъ и пиры и игры и театры входили въ число главныхъ принадлежностей древняго богослуженiя и служили къ скрѣпленiю его съ гражданственностью. Порция язычниковъ за незнакомiе человѣколюбiя, исповѣдуемаго Галилеянами, онъ желалъ, чтобы каждый городъ имѣлъ свои больницы и благотворительныя общества. Но примѣненiе подобныхъ заведенiй къ язычеству было безразсудно, потому что язычество отнюдь не проповѣдывало братства всѣхъ людей предъ Богомъ, а человѣколюбiе можетъ-быть плодомъ только такого ученiя.

Онъ хотѣлъ завести iерархiю жрецовъ, архижрецовъ и верховныхъ первосвященниковъ, по образцу христiянскаго духовенства, со властiю отрѣшать, низлагать, отлучать отъ общества вѣрующихъ. Это значило именно вводить въ язычество то, что въ христiянствѣ представляло наиболѣе затрудненiй гражданской власти, и причинило уже столько разрывовъ со времени Константина: это значило вводить священнослужительское сословiе, независимое отъ мирскихъ властей; вводить различiе между духовенствомъ и мирянами, различiе чуждое римскому язычеству. Онъ даже началъ созывать соборы жрецовъ и философовъ, въ распоряженiе которыхъ отдалъ коней публичныхъ ристалищъ, — великая пародiя епископскихъ путешествiй, столько порицаемыхъ въ царствованiе Констанция.

Тогда народъ увидѣлъ придворныхъ философовъ, съ котомками и въ мантияхъ, которые, забирая себѣ архижречества и первосвященничества, кидались на приманку религіозныхъ должностей и званій съ жадностью, вовсе не согласною съ ихъ притязаніями на мудрость. Благоденствіе дѣлало ихъ столько же наглыми, сколько алчными. Между-тѣмъ какъ подъ дворцовыми портиками они упивались вѣтромъ такого новаго счастья, Юліанъ терзалъ себя, стараясь угодить имъ и заслужить ихъ лесть. Дворецъ и сады Константинополя превратились въ пантеонъ, котораго безчисленнымъ кумпрамъ по-очередно поклонялся императоръ. Каждый день, каждый часъ дня имѣлъ своего особаго бога, которому Юліанъ приносилъ жертвы; онъ самъ клалъ дрова, раздувалъ огонь, окровавлялъ руки во внутренностяхъ жертвъ. Наконецъ, онъ, такой скромный и степенный, плясалъ съ прелестницами на праздникахъ Адониса. Умные язычники краснѣли за него; христіяне смѣялись надъ нимъ и прозвали его «жертвопривосителемъ», *victimarius*.

Требовались деньги этому языческому духовенству, которое должно было раскинуть свою сѣть на всѣ провинціи имперіи: жертвы животныхъ, которыхъ издержки падали на города, напримѣръ, гекатомбы, обходились дорого; сверхъ того, общественныя нравы, смягченныя вліяніемъ христіанства, отвергали кровавыя жертвоприношенія: таковы были затрудненія. Но Юліанъ ни какъ не рѣшился на преобразование огромныхъ боевъ, освященныхъ эллискою поэзіею; притомъ же гадательная пауза сопряжена была съ употребленіемъ жертвъ. Самъ онъ также связывалъ съ жертвованіемъ живыхъ существъ мысль объ очищеніи и возрожденіи: захотѣлъ же онъ подвергнуться кровавому крещенію Тавробола. Бремя налоговъ, дурно принятое городами, повредило дѣлу многобожія. Впрочемъ, Греція возобновляла свои храмы; таинственныя посвященія стали продолжаться на Востокѣ, но Западъ оставался равнодушенъ: онъ не слышалъ голоса Рима, своего руководителя и отца.

Таковы были труды Юліана для возстановленія язычества. На христіанство онъ сначала не смѣлъ открыто нападать, подчинялся закону о свободѣ совѣсти, позволявшему ему быть язычникомъ, если хочетъ, на условіи оставить въ покоѣ тѣхъ, которыхъ онъ называлъ Галилейцами. Но не вооружаясь явно, онъ сталъ притѣснять христіанство окольными путями. Онъ посылалъ раздоръ между сектами, показывая къ христіанству насмѣшливое сожалѣніе, извѣстельнѣе всякаго преслѣдованія. Говорятъ, разъ

онъ, подъ предлогомъ соглашенія, собралъ въ своемъ дворцѣ предводителей различныхъ исповѣданій и забавлялся богословскимъ споромъ, на которомъ предсѣдалъ какъ-будто на бою гладиаторовъ. Когда споръ становился шумнымъ, онъ упиралъ состязавшихся словами: «Послушайте меня: Франки и Алеманны меня выслушивали!» Отступникамъ онъ расточалъ все возможные мщности для побужденія къ отсутствию не щадилъ ни угрозы, ни хитростей.

Вскорѣ, помощію узаконеній и правительственныхъ мѣръ, онъ образовалъ обширную систему гоненія, и похвалялся тѣмъ, что не проливалъ человѣческой крови, а только подавлялъ разумъ. Императоръ философъ запретилъ христіянамъ учить кого бы то ни было свободнымъ искусствамъ, объявивъ указомъ, что ихъ вѣра несовмѣстна съ занятіями ритора, философа, грамматика и медика. Это устраненіе основывалось на игръ словъ, едва ли достойной послѣдняго изъ софистовъ. Языческое богослуженіе называлось по гречески «эллинизмомъ»; Юліанъ объявилъ, что эллинская литература составляетъ исключительную собственность язычниковъ. Онъ также утверждалъ, что какъ греческіе поэты и философы писали по вдохновенію боговъ, то христіяне не могли ни восхищаться ими искренно, ни жить честно тѣмъ, чѣмъ не восхищались. «Выбирайте сами, говорилъ онъ имъ въ дошедшемъ до насъ указѣ: объясняйте Гомера, Гезіода и Платона, если думаете что они справедливо мыслили, а не то, продолжайте беречь вашъ языкъ и слухъ отъ всякаго языческаго оскверненія.» Множество преподавателей закрыли свои школы. За этимъ указомъ послѣдовалъ другой, который запрещалъ христіянамъ не только учить, но и учиться литературѣ въ гимназіяхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что чтеніе языческихъ книгъ повредитъ чистотѣ ихъ вѣры. Такимъ-то насмѣшливымъ и язвительнымъ слогомъ писалъ онъ свои законы, а между-тѣмъ, подобныя мѣры поражали больше чѣмъ половину имперіи, и христіанство шло тогда въ своихъ кругахъ великихъ писателей, краснорѣчивыхъ ораторовъ, которыхъ Юліанъ завидовалъ, потому что сживалъ съ ними на однихъ школьныхъ скамьяхъ. Окружавшій его небольшой дворъ завистливыхъ и посредственныхъ риторовъ рукоприкладъ этимъ злонамѣреннымъ изобрѣтеніямъ, — но добросовѣстные язычники ни мало не скрываютъ своего негодованія. «Это поступки жестокіе и варварскіе, говоритъ Амміанъ Марцеллинъ; они заслуживаютъ погребенія въ вѣчное молчаніе.»

Оскорбительная пропія, сарказмъ употребленный на гоненіе, какъ-будто затѣмъ, чтобы дать жертвамъ яснѣе чувствовать его

несправедливости, наконецъ, насмѣшливые доводы, почерпнутые изъ Священнаго Писанія, безпрестанно изобличаютъ въ дѣлахъ Юліана неумолимую и вѣроломную неавасть отступника. Кон-
 фискуя нѣмѣе какой-нибудь христіанской общины, онъ говоритъ, что дѣласть это съ намѣреніемъ облегчить Галилеянамъ путь въ царствіе небесное, доступное только бѣднымъ; устраняя тѣхъ же Галилеявъ отъ важныхъ мѣстъ гражданскаго управленія, онъ ссылается на то, что гражданскіе сановники судятъ уголовныя дѣла, а законъ Галилеявъ воспрещаетъ своимъ послѣдователямъ проливать кровь. Онъ покушался также очистить войско отъ христіанъ, но вскорѣ почувствовалъ, что надлежало умѣрить себя, и ограничился простымъ приказомъ войскамъ участвовать въ официальныхъ церемоніяхъ языческаго богослуженія. Кромѣ-того, древніе національные знаки замѣнили на Лабурумъ монограмму Христа. Солдаты привыкали глядѣть на общественное богослуженіе какъ на предметъ службы, который, не нарушая част-
 ныхъ вѣрованій, могъ законно измѣняться смотря по указу императора, верховнаго и всевластнаго распорядителя.

Управленіе Юліана, прежде столь правосудное, теперь носило на себѣ печать его страстей. Христіанскій и языческій городъ не были равны въ его глазахъ: онъ давалъ имъ чувствовать это неравенство въ вещахъ самыхъ постороннихъ для религіи. Городъ Пессинувать былъ постигнутъ природными бѣдствіями: императоръ объявилъ, что готовъ немедленно подать ему помощь, только съ условіемъ, чтобы жители единодушно возстановили поклоненіе матери боговъ, что иначе, вмѣсто состраданія, они заслужатъ отъ него наказаніе. Два палестинскіе города, очень близкіе сосѣди, но соперники по интересамъ, были также соперниками по религіи; оба носили титулъ муниципальныхъ городовъ. Юліанъ отнялъ этотъ титулъ у христіанскаго города и подчинилъ городъ вѣдомству соперника въ качествѣ простаго посада. Въ царствованія Константина и Констанція, многіе храмы были опустошены или разрушены христіанами, часто даже по побужденію правительства. Юліанъ нарядилъ судебныя слѣдствія надъ всѣми такими дѣлами, чтобы преслѣдовать ихъ виновниковъ, то какъ преступниковъ общественныхъ, то какъ повинныхъ вознаградить убытки. Это подало поводъ къ налогамъ, постигшимъ мірянъ, священниковъ, церкви, даже цѣлые города, потому что отвѣтственность возлагалась на всѣхъ, кого хотѣли разорить или наказать. Конфисковали имущества, заключали въ тюрьмы, подвергали пыткамъ; многіе священники умерли въ исти-

запирхъ. Кесарія, главный городъ Каппадокіи, обратившись почти вся въ христіанство, уничтожила у себя три храма. Юліанъ лишилъ ее званія столицы, подвергъ контрибуціи, которая надала только на христіанъ и записалъ все городское духовенство въ полицейскую стражу. Язычники, ободренные такими примѣрами, считали себя все дозволеннымъ; по многимъ мѣстамъ Востока произошли разграбленія церквей, паслія надъ лицами, убійства: александрійскій епископъ, Георгій, погибъ въ мятежѣ. Въ то время молва приписала Юліану безчеловѣчныя слова: «Что за важность, если одинъ Грекъ убьетъ десятерыхъ Галлелеевъ?» Вѣроятно, это просто клевета его враговъ, но онъ самъ, казалось, оправдывалъ клевету своей небрежностью въ прекращеніи беззаконствъ.

Всѣ эти мѣры вели ли умы къ той цѣли, какую предполагалъ себя императоръ? Современная исторія отвѣчаетъ: нѣтъ. Ихъ безразличность возмущала всѣ честныя души въ языческихъ рядахъ, а исполненіе, производимое съ слѣпымъ легкомысліемъ, обращалось во вредъ многобожію. Напримѣръ, Юліанъ вздумалъ принести собственными руками торжественную жертву въ стѣнахъ Антиохіи, которую звалъ за самый христіанскій городъ на всемъ Востокѣ. Городской сенатъ, курія должна была на свой счетъ поставить жертвы; она отказалась повиноваться; язычники, находившіеся тамъ въ маломъ числѣ, испугались и попрятались. Дворъ пребылъ въ ожиданіи гекатомбы, и Юліанъ въ опустѣломъ храмѣ нашелъ одного только бѣднаго жреца, жестоко пристыженнаго, что могъ принести богамъ только гуся. Императоръ самъ съ негодованиемъ рассказываетъ этотъ забавный случай. Онъ хотѣлъ отмстить христіанамъ, и вслѣдъ выкопать изъ земли тѣло мученика Вавилы, погребеннаго въ дубравѣ Дафны, подъ тѣмъ предлогомъ, будто присутствіе мученика мѣшало Аполлонову оракулу. Весь городъ, подъ предводительствомъ своихъ начальниковъ, собрался на перенесеніе мошей, распѣвая неслы, пророчившіе идолослужителямъ близкое паденіе. Въ Египтѣ, императоръ возвысилъ Леонасія до уровня съ собою, объявивъ его своимъ личнымъ врагомъ. Всѣ языческія празднества, покинутыя втеченіи пятидесяти лѣтъ, получили смѣшной видъ. Не столько трезвые, сколько храбрые Юліановы Галлы стекались на гекатомбы пресыщаться мясами и виномъ: ихъ поднимали мертвецки пьяныхъ, между тѣмъ какъ побѣдитель при Страсбургѣ плясалъ въ хоровахъ прелестницъ, и на утро по-

слѣ ермной оргіи писалъ къ Максиму съ ослѣпленіемъ фанатика: «Благочестіе оказываетъ большіе успѣхи между моими войсками: римское войско возвращается къ поклоненію богамъ.»

Но не въ этомъ еще заключались его важнѣйшія ошибки. Плантагенъ желаніемъ подкопать основу христіанства, овъ вступилъ въ союзъ съ Евреями, забывъ, что этотъ народъ, ненавидѣвшій христіанъ, гнушался язычниками. Юліанъ переписывался съ ихъ первосвященникомъ; осыпалъ ихъ ласками; наконецъ задумалъ возобновить ихъ храмъ, въ опроверженіе славнаго евангельскаго пророчества, что отъ храма не останется и камня на камнѣ. Оба берега Эгейскаго Моря, вплоть до Италіи и Сициліи, были въ то время жертвою подземныхъ колебаній, потрясавшихъ большую часть важныхъ городовъ. Потоки подземнаго огня стремились отъ Этны до Босфора; города Македоніи, Азіи, Понта, Сиріи, всѣ больше или меньше пострадали; Никомедія превратилась въ груду развалинъ; Никея стояла полуразрушенная; Константинополь былъ опустошенъ; многія мѣста въ Палестинѣ и въ Египтѣ свидѣтельствовали о ярости природы. Настала очередь Іерусалима. Между тѣмъ какъ рабочіе копали фундаментъ новаго храма, послышалось землетрясеніе и треснувшая земля изрыгнула пламя. Великое бѣдствіе Никомедіи, заключающаеся въ размѣрахъ естественнаго событія, не взволновало воображенія, но случай въ Іерусалимѣ произвелъ сильное впечатлѣніе. Юліанъ преслѣдовалъ свое намѣреніе съ упорствомъ, которое обратилось во вредъ ему. Значеніе, какое христіане приписали іерусалимскому событію и съ которымъ принуждены были согласиться многіе язычники, было законно, потому что соотвѣтствовало мысли гонителей: Юліанъ, стараясь разрушить истину пророчества, подтвердилъ ее.

Подавая такимъ образомъ свѣту печальный примѣръ униженія великихъ характеровъ мелкими страстями, Юліанъ, внѣ подстреканій фанатической ненависти, иногда еще попадалъ на стезю своего прежняго нравственнаго величія. Онъ возстановилъ во дворцѣ старинную простоту, изгналъ свиховъ, постановилъ наказанія доносчикамъ, распустилъ сонмъ наемныхъ льстецовъ, столько повредившихъ Ковстанцію и ему самому. Упростилъ администрацію, напримѣръ сократилъ до семнадцати число повѣренныхъ, которыхъ прежде было нѣсколько тысячъ. Разъ онъ потребовалъ къ себѣ цирюльника. Къ нему явился человекъ пышно разодѣтый. «Что это! сказалъ Юліанъ, притворяясь удивленнымъ, я звалъ цирюльника, а не управляющаго финансами;» и немедленно отмѣнилъ такую нелѣпую расточительность. Его пре-

образованія по части гражданскихъ законовъ заслужилъ ему похвалы исторіи: но, при своей страсти прилѣпляясь ко египетскому и осведомляясь въ вѣщахъ, христіане они или язычники, онъ заставлялъ усомниться въ томъ духѣ правосудія, который въ Галліи составлялъ самую блестящую его славу. Другиіи принуждены были защищать его. Не смотря на свою простоту, беремливость, желаніе быть полезнымъ извѣстнымъ, онъ не приобрѣлъ любви народной, и самъ признавался, что его не любяць. Все въ немъ отазывалось личностью и философскою гордостью; онъ не возбуждалъ въ народѣ увлеченія, потому что самъ его не чувствовалъ; онъ заслуживалъ удивленіе, благоговѣніе, уваженіе, но никогда не заслуживалъ любви. Смерть вскорѣ изгладила пятна его жизни. Павъ подобно Эпаміонду на полѣ битвы, пронзенный въ бокъ непріятельскою стрѣлою, онъ безъ страха видѣлъ приближеніе смерти и скончался, среди друзей, разсуждая объ участи душъ языкомъ Сократа и съ сократовскимъ спокойствіемъ.

Что сказать въ заключеніе? что Юліанъ былъ недовершенный великій человѣкъ, не столько по природнымъ недостаткамъ, сколько по своей участи. Его языческіе угодники до излишества развили въ немъ порокъ его воспитанія, прибавивъ свою ненависть къ его ненависти, свои мелкія страсти къ слабостямъ его характера. Если бъ онъ царствовалъ долго, руководимый такими ослѣпленными и пристрастными совѣтниками, нельзя вообразить какихъ бѣдъ надѣлалъ бы онъ имперіи, потому что путь на который онъ вступилъ, одинъ изъ тѣхъ путей, откуда уже не бываетъ возврата. Вся вѣнчанная слава не залечила бы внутреннихъ язвъ. И для него самого и для міра преждевременная смерть его была счастіемъ. Грустно подумать, но оно такъ: римское отечество для своей чести и спокойствія не могло сожалѣть о юномъ герцѣ, которымъ оно гордилось, который можетъ быть отсрочилъ бы его наденіе еще на столѣтіе, и который по крайней мѣрѣ благородно палъ за него.

Эйрикъ, вестготскій священникъ. *Романъ португальскаго писателя Александра Эркулано.* Въ одной изъ предъидущихъ книжекъ этого журнала читатели видѣли современное движеніе западской мысли, какъ оно высказывается въ комедіи; теперь мы познкомимъ ихъ съ образчикомъ современной португальской литературы, которая для всей Европы настоящая terra incognita. Этотъ образчикъ — цѣлый историческій романъ одного изъ са-

вѣхъ видныхъ писателей новой Португалліи. Авторъ старается представить въ поэмѣ Ирианию въ началѣ осьмаго столѣтія, ставъ-быть упадокъ и погибель вестготской монархіи, которая поелѣ трехсотъ-лѣтняго существованія, обезсиленная процессомъ общественнаго гніенія, пала подѣ ударами юшаго народа, поклоуника Ислама. Само собою разумѣется, что романъ Эркулаво, произведеніе очень второстепенной литературы, примѣчательнѣе больше не отношенію къ мѣсту, чѣмъ самъ-по-себѣ, но тѣмъ не менѣе онъ не чуждъ интересу. Минуютъ всѣ вымысленности, длинноты и общія мѣста, которыя только можно миновать, когда надо рассказывать дѣло собственными словами автора, чтобы показать примѣры его мастерства и слога, получаемъ слѣдующее.

Въ глубинѣ залива, къ востоку отъ Кальве, финикійская колонія Картея глядится въ морывистыя волны пролива, отдѣляющаго Европу отъ Африки. Нѣкогда Картея была богатымъ городомъ; до римскаго завоеванія ея гавань славилась, но теперь едва остаются слѣды прежней славы; велики и тверды были ея стѣны, теперь онѣ лежатъ въ развалинахъ; пышны были ея дома и зданія, теперь они разрушены; населеніе было огромно и дѣятельно, теперь оно малочисленно и лѣнливо. Надъ Картеей промчалось перевороты, завоеванія, всѣ перемѣны, какія пошла Испанія втеченіи двѣнадцати вѣковъ, и всѣ эти превратности судьбы оставляли по себѣ каждая свою печать упадка. Краткіе цвѣтущіе годы готской монархіи были для города какъ-бы яснымъ зимнимъ днемъ, когда солнечные лучи падаютъ на поверхность земли, не согрѣвая ея, а потомъ наступаетъ ночь, сырая и холодная, подобно прежнимъ ночамъ. Подѣ державою Витицы и Родерика, Картея — бѣдное, развалившееся мѣстечко, вокругъ котораго лежатъ разбросанные обломки былаго великолѣпія; только въ воспоминаніи, какое пробуждаютъ въ ней эти слѣды юношеской славы, можетъ-быть еще находятъ она утѣшеніе въ скорби своей несчастной старости. Цѣтъ! сохранилось у нея и другое утѣшеніе: вѣра Христова.

Посреди мѣстечка стоитъ жилище священника, скромное зданіе, подобно всѣмъ тѣмъ, которыя уцѣлѣли еще на испанской землѣ отъ готскихъ временъ. Оно складено изъ круглыхъ камней и покрыто плоской кровлею изъ твердыхъ дубовыхъ и каштановыхъ бревенъ; его глубокій, узкій порталъ уже обозначаетъ таинственный входъ въ соборъ среднихъ вѣковъ; его окна, гдѣ свѣтъ дневной, дошедъ до внутренности, превращается въ сумерки, уже показываютъ грубый образецъ тѣхъ оконъ, которыя

ми освѣщались позднѣйшіе храмы, строгіе въ четырнадцатомъ вѣкѣ: тамъ свѣтъ, вронущенный сквозь разноцвѣтныя стекла, уныло падаетъ на бѣлую поверхность громадныхъ стѣлъ и рисуетъ на нихъ тѣни дугъ и колоннъ церковнаго корпуса. Но если этимъ недостаткомъ освѣщенія жилище вестготскаго священника приближается къ христіанскому типу архитектуры, то во всемъ прочемъ оно еще свидѣтельствуетъ, что дикое служеніе Одину не совсѣмъ истребилось въ дѣлахъ и внукахъ тѣхъ варваровъ, которые три или четыре вѣка назадъ обратились къ вѣрѣ въ Распятаго.

Пастыремъ бѣдной картейской общины былъ священникъ Эйрикъ.

Часто, подъ-вечеръ, когда солнце садилось за картейскій заливъ и въ красномъ заревѣ скатывалось по боку Меларін, золотя верхи Кальпе своими догорающими лучами,—видали прихожане Эйрика, какъ онъ въ своемъ широкомъ священничьемъ платьѣ шелъ вдоль берега, къ горѣ. Пастухи, встрѣчавшіе его на возвратѣ домой, рассказывали, что, когда проходили мимо его и кланялись, онъ ихъ вовсе не замѣчалъ и что изъ полураскрытыхъ, дрожащихъ его губъ вылетали какіе-то несвязные звуки, подобные шипѣнію бури, когда она несетъ по кустарнику. Если подсматривали за нимъ во-время этихъ долгихъ вечернихъ прогулокъ, то видали, что онъ подходилъ къ подножію Кальпе, взбирался на утесы и исчезалъ между ними, потомъ снова появлялся вдали, стоя неподвижно на какомъ-нибудь утесѣ, изнеушенномъ отъ зноя и очертившемъ отъ зимнихъ непогодъ. Широкія складки Эйрикова платья, колыхаемыя вѣтромъ и видѣвшіяся въ сумракѣ, служили признакомъ, что священникъ тамъ; и когда всходила на небо луна, платье все по-прежнему развѣвалось, пока свѣтило грусти не угасало въ водахъ пролива. Спусти еще нѣсколько часовъ, картейскіе обыватели, если рано вставали на свои сельскія работы и до разсвѣту взглядывали на домъ священника, видѣли въ окнахъ его мерцаніе ночной лампы, тускнѣющей передъ дневнымъ свѣтомъ. И каждый создавалъ себѣ какую-нибудь сказку, по народному суевѣрію, воображалъ чернокнижіе, союзъ съ нечистымъ духомъ, покаяніе въ грѣховной жизни, даже помѣшательство, чтобы объяснить загадочное поведеніе священника.

Между тѣмъ Эйрикъ былъ гениемъ храпителемъ всѣхъ несчастныхъ. Никогда не уставала его благотворительная рука, если несчастіе вступало въ его жилище; никогда глаза его не отпазывались смѣшивать свои слезы со слезами чужаго горя.

Евѣя и вольный человекъ, все равно были дѣти ему. Все славянъ были равны тамъ, гдѣ онъ появлялся; равно будучи отцомъ всѣхъ, кого встрѣтилъ ему Промыслъ, онъ во всѣхъ видѣлъ братьевъ.... Мало-по-малу строгость нравовъ швейцарскаго священника, его кроткая благотворительность, столь далекая отъ тщеславія, большей частію сопровождающаго надменное, лицемерное состраданіе земныхъ несчастливцевъ, благотворительность, которую христіанская вѣра назвала любовью, мало-по-малу изгладивъ низкое подозрѣніе, сначала возбужденное въ прихожанахъ необыкновеннымъ поведеніемъ ихъ священника. Кромя того, разъ, въ воскресный день, церковный сторожъ отворилъ двери храма и псалмистъ уже началъ утреннюю пѣснь, а священникъ, казался, позабылъ о времени, когда ему надлежало привести безкровную жертву и благословить народъ. Сторожъ пошелъ напомнить и засталъ его уснувшаго за лампой и облокотившагося на пергамень, покрытый неровными линиями. Прежде чѣмъ разбудилъ Эйрика, сторожъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на пергамень, сколько опертая на него рука священника позволяла рассмотреть писанье. То былъ новый гимнъ въ родѣ тѣхъ, которые олавный епископъ Гиспалиса ввелъ въ богослуженіе готской церкви. Тутъ церковнослужитель повидѣлъ загадку одинокихъ прогулокъ и бдѣній священника. Вскорѣ въ мѣстечкѣ и въ окрестностяхъ разнесся слухъ, что Эйрикъ сочиняетъ церковныя пѣсни, изъ которыхъ многія были недавно приняты даже въ гиспалисскомъ соборѣ. Это доставило священнику еще больше уваженія, потому-что поэзія, которая у Готовъ была исключительно посвящена церковнымъ торжествамъ, казалась священнымъ искусствомъ и могла только возвысить общественное почтеніе къ тому, кто занимался ею. Имя священника начало повторяться по всей Испаніи, какъ имя преемника Дракоціа, Меробауда и Орендіа. Съ-тѣхъ-поръ уже никто не подсматривалъ за его прогулками. Сидѣлъ ли онъ на обрывахъ Кальпе, бродилъ ли по окрестнымъ полямъ, или уходилъ въ чашу лѣсовъ, ему давали спокойно углубляться въ свои думы. Народъ считалъ его боговдохновеннымъ, почти пророкомъ. Несмотря на его молодость, многочисленное духовенство сосѣднихъ приходоу видѣло въ немъ почтеннѣйшаго изъ братій по-священству и старѣйшіе находили тайну вдохновенія и признакъ мудрости на его челѣ, почти всегда серьезномъ и грустномъ, и въ его отрывистыхъ, но краснорѣчивыхъ словахъ.

Если бъ люди, считавшіе Эйрика такимъ избранныкомъ, знали, какъ мрачна была его участь, то почтеніе, какимъ онъ окружали

его, превратилось бы, можетъ-быть, въ состраданіе или даже въ ужасъ. Его короткіе, благоговѣйныя гимны, одушевленно повторенныя неслышавши въ испанскихъ соборахъ, были какъ бы тихимъ дыханіемъ утренняго сна, который наступаетъ послѣ тяжелой борябы и болѣзненной тоски. Но были у священника и печальныя, мрачныя пѣсни, въ которыхъ трепетали гнѣвъ и ныя страсти благородной души. Однако ихъ не видалъ ни церковный сторожъ, ни другой человѣческій глазъ. Среди развращеннаго общества гимны были бы для однихъ страшны, для другихъ служили бы предметомъ насмѣшки, и никто бы не понималъ бы ихъ, тогда, никто не сталъ бы слушать ихъ.

Общество тогда дѣйствительно было развращено и представляло зрѣлище разрушенія. Взаимныя вражды гражданъ, ихъ честолюбивыя домогательства, дерзость партій и испорченность нравовъ сдѣлали въ короткое время невѣроятныя успѣхи. Даже въ пустыню Кальпе проникла вѣсть о злополучной ковчигѣ Вятцы, о бурномъ возшествіи на престолъ Родерика и о заговорахъ, которые угрожали отовсюду, такъ, что новый монархъ едва успѣвалъ потушать ихъ въ крови. Эббасъ и Зисебуть, сыновья Вятцы, Оппасъ, дядя ихъ, преемникъ Зисеберта въ гиспанскомъ соборѣ, и Юлианъ, графъ испанской марші на африканскомъ берегу, по ту сторону пролива, были главами заговорщиковъ. Добродѣтель сохранялась развѣ еще въ народѣ, а въ высшихъ сословіяхъ совершенно исчезла, по и народъ притѣсненный насиліемъ всякаго рода, попираемый ногами вольножъ въ ихъ раздорахъ, потерялъ наконецъ вѣру въ отечество и сдѣлался холодеиъ и робокъ, пересталъ дорожить своею національностью; каждый порознь заботился только о своемъ спокойствіи и о своей личвой выгодѣ. Моральная сила націи пропала, да и матеріальная была только призракомъ; потому что подъ шлемами рыцарей и подъ панцирями солдатъ застылъ духъ и уже не отогрѣвался на огнѣ священной любви къ родинѣ.... Съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣлъ священникъ на страшное зрѣлище націи, превратившейся въ труиъ, и вдали отъ заразы низкихъ страстей, сивернившихъ современное ему выродившееся поколѣніе, онъ изливалъ на пергаментъ потокъ гнѣву, насмѣшки и желчи, — всю горечь, вершопавшую его сердце. Но помнилъсь ему и другія времена, когда онъ былъ счастливъ, потому что *надѣлся*; тогда тоска и любовь увлажали его пѣсни слезами.

Теодмиръ, герцогъ Кордовскій, разъ получилъ такое письмо отъ бѣднаго картейскаго священника:

«Когда царствовалъ Витица, при блгстательномъ толодскомъ дворѣ было двое вождей, которые слыли образамъ истинной и сердечной дружбы. Старшаго звали Теодомиромъ, младшаго Эйрикомъ. Въ юношескихъ надеждахъ нмъ Испанія часто казалась тѣснымъ попрштемъ для ихъ честолюбивыхъ плановъ, ихъ помысламъ постоянно стремились къ славѣ и память геройскихъ дѣлъ старинныхъ Готовъ упоела ихъ сердца, когда они думали о томъ, какъ знаменито было оружіе предковъ ихъ въ Германіи, какъ громки были ихъ побѣды надъ разорванными членами великой римской державы. Когда вопль мятежа раздался въ Кантабрін, полки двухъ вождей, болѣе братьевъ чѣмъ друзей, послѣдовали за Витицею въ его походѣ на мятежныхъ горцевъ и ихъ союзниковъ, Франковъ. Въ разрушительной войнѣ насытилась страсть юношей къ славѣ. Они походили на снѣжныя лавины, скатывающіяся съ крутыхъ горъ Васконіи; часто полки Теодомира и Эйрика являлись внезапно на высяхъ горъ и, едва первые лучи солнца озаряли оружіе, подобное залу чистой нивѣ, полки скатывались съ утесовъ, и вскорѣ ставъ Кантабровъ и Франковъ исчезалъ подъ неодолимымъ напоромъ побѣдителей. Чужеземцы были прогнаны, мятежники покорены и королевское войско со славою вступило въ Тарракону. Герцогъ Фавила съ торжествомъ встрѣтилъ смирителей Кантабрін, Теодомира и Эйрика.

«Тутъ-то судьба разлучила двухъ вонновъ, которыхъ, казалось, одна смерть могла разлучить. У Фавилы было двое дѣтей, Герменгарда и Пелагій. Пелагій едва вышелъ изъ отроческихъ лѣтъ, но для Герменгарды уже начались радостные дни юности. Красота ея была богоподобна; Эйрикъ увидѣлъ ее и любилъ. Когда полки были отозваны въ Толсо, Эйрикъ печально возвратился въ страну своего дѣтства; онъ подумалъ, что спокойствіе отечества промѣнялъ на скуку изгнанія. Напрасно Теодомиръ старался смирить пламенную страсть въ сердцѣ друга и кидался съ нимъ въ шумные праздники изнѣженнаго двора: упоенія пировъ наскучили Эйрику, обманчивыя ласки женщннъ, за которыми онъ прежде безумно гонялся, сдѣлались ему противныши. Любовь въ душѣ Эйрика поглощала все прочія чувствованія, какъ раскаленная лава поглощаетъ все встрѣчное; когда вулканъ изрыгаетъ ее и она растекается по поверхности земли.

«Фавила пріѣхалъ ко двору и Герменгарда съ нимъ. Теодомиръ, вѣрно, помнитъ, что стало съ любовью Эйрика, когда онъ осмѣлился сказать старому князю: «Дай мнѣ дочь твою въ супружество». Дружба Теодомира въ то время спасла сокрушен-

наго юности отъ тлѣсной смерти, но не могла предохранить его отъ смерти сердца. На свѣтъ нѣтъ словъ, которыя бы могли ободрить духъ, упавшій долу; ни накапъ рука не выловитъ звука изъ порванныхъ струвъ. Эйрикъ или, точнѣе, тѣнь его бѣжала отъ Теодомира и у воротъ святилища сказала ему и всему свѣту вѣчное прости.... Несчастный не зналъ, что его совѣсть сама себя обманывала этия вѣчными прости! Теодомиръ, ты нынче герцогъ Кордовскій; въ числѣ людей, покорныхъ твоей власти, въ уголкѣ обширной провинціи Бетики, въ Картеѣ, живетъ одинъ бѣдный священнослужитель, и онъ-то пишетъ къ тебѣ. Его только на вѣскольکو лѣтъ связало вѣчное прости, которое онъ сказалъ тебѣ; его звали Эйрикомъ въ мѣрѣ, и онъ былъ твоимъ другомъ, твоимъ соперникомъ въ славѣ....

«Теодомиръ! Теодомиръ! настаетъ страшная пора, когда Изнавія обратится въ могилу готскаго народа. Я видалъ въ грезахъ этотъ день, теперь страшная дѣйствительность у меня передъ глазами. Картея стоитъ покинутая, подобно прочимъ соседнимъ мѣстамъ. Я самъ едва отваживаюсь еще оставаться близъ Кальпе, гдѣ наизусть знаю всѣ тропинки, ведущія на высоты ущелий: столько разъ я смачивалъ ихъ моими слезами, ввѣрялъ имъ повѣсть моей борьбы! Опустѣлыя, на равнѣ съ мѣстечками, улыбаются поля, съ поднявшимися нивами, съ цвѣтомъ овощей, съ журчаніемъ ручьевъ, но отъ ихъ улыбки проникаетъ трепеть, потому что среди этой прекрасной сцены нѣтъ человѣка и шумъ жизни превратился въ смертное безмолвіе. Со всѣхъ сторонъ раздается крикъ «Арабы!» и проклятое слово—язва для мѣсть, гдѣ оно послышится: страхъ и ужасъ слѣдуютъ за нимъ. Низость человѣческаго сердца выказывается тутъ во всей своей гнусности. Страхъ притупилъ самыя священныя чувства, даже родительскую и дѣтскую любовь; каждый помышляетъ только о советвенномъ спасеніи. Внуки безстрашныхъ Готовъ превратились въ презрѣнное стадо своскорыстныхъ трусовъ.... Три дня тому назадъ, на разсвѣтѣ показалося множество бѣлыхъ парусовъ на водахъ пролива; они плыли къ намъ отъ Септума. Мы вбѣжали на берегъ. Черезъ вѣскольکو часовъ они вошли въ картейскаго залива. Нѣкоторые суда пристали къ Зеленому Острову. Можно было разглядѣть блескъ оружія и нѣкоторые солдаты, участвовавшіе въ отраженіяхъ прежнихъ нашествій Африканцевъ на испанскіе берега, тотчасъ распознали одежду и оружіе Арабовъ. Между ними видѣли также много Готовъ, замѣтныхъ по тяжелому вооруженію; но длинному желѣзу ихъ бердышей

ц не шло, которое на ливъ не такъ широко, какъ на дѣлѣ Востона. Векоръ и весь флотъ двинулся къ Кальпе, и когда наступила ночь, ущелья и овраги горы озарились свѣтомъ безчисленныхъ огней. Арабы сдѣлали высадку въ Испанію.

«Ужась былъ неописанный. Съ поблѣднѣвшими лицами глядѣли одинъ на другія. Они треметали за себя, а — за участь Испаніи. Но почему въ числѣ непріятелей такъ много Готовъ? На этомъ вопросѣ остановилась наша послѣдняя надежда.... Когда стемнѣло, нѣсколько рыбаковъ пустились въ море и, тихо гребя, старались высмотрѣть флотъ. Самъ я выбралъ кратчайшій путь и одиень отправился на Кальпе. Черною казалась исполинская фигура горы, снизу, у подошвы, освѣщенная огнями, вверху упираясь въ свѣтлую синеву безоблачнаго неба, по которой между мерцающими звѣздами спокойно скользилъ блѣдный мѣсяцъ. Было около полуночи, когда я взобрался на гору и на утесъ, подъ которымъ стелется равнина, на востокъ до морскаго берега. На этой равнинѣ Арабы разбили свой станъ. Я пританлъ дыханіе и подкрался къ самому большому шатру, поставленному подлѣ утеса. Сквозь отверстіе въ плохо связанныхъ полотнахъ я увидѣлъ, что происходило внутри шатра, при свѣтѣ факеловъ въ рукахъ у двохъ Эіоплянъ, которыхъ черныя лица рѣзко отдѣлялись отъ ихъ бѣлоснѣжныхъ одеждъ. На полу сидѣлъ, поджавъ ноги, молодой Арабъ, внимательно слушавшій какого-то готскаго воина, который стоялъ передъ нимъ между двумя другими, но ко мнѣ былъ обращенъ спиною. Съ трепетомъ и вмѣстѣ съ радостью разобралъ я, что они говорили на нашемъ языкѣ, на которомъ и молодой Арабъ выражался очень свободно. Скоро рѣчи Араба объяснили мнѣ, кто былъ готскій воинъ. Юліанъ, подобно намъ, предводилъ полкомъ въ кантабрской войнѣ и былъ храбрымъ солдатомъ. Я зналъ, что его возвели въ санъ графа Севтумскаго и что онъ покрылся тамъ славою, отразивъ враговъ государства, когда они покусились завоевать эту провинцію. Какими же судьбами теперь онъ взмѣнилъ отечеству? Изъ рѣчей я понялъ, что личная вражда довела его до такого позору. Отцеубійца и братоубійца, онъ хочетъ отмстить только нѣкоторымъ братьямъ, а погребаетъ всѣхъ подъ развалинами родины.... Молодой Арабъ назывался Тарикомъ.... «Родерикъ, говорилъ Юліанъ, занимается весельями и праздниками, и не думаетъ, что для Испаніи взошелъ день ищенія. Но какъ скоро несомнѣнная вѣсть о нашей высадкѣ раздастся подъ позолоченными нотолками толедскихъ дворцовъ, онъ соберетъ своихъ войновъ и поведетъ на насъ; Ре-

дерзкъ злы и разпутенъ, но никогда не бывалъ трусомъ. Осторожный. Опасалъ одѣлкѣ со мною мыслей и совѣтуеть намъ укрѣпиться здѣсь на горѣ. Пусть ослы Кальпе будутъ гнѣздомъ орловъ, которые селятъ на престолѣ Родерика, чтобъ растерзать его своими кровожадными клювами.....» Я побоялся быть открытымъ и посѣщамъ солдаты съ горы.... Теодомиръ, не забудь, что намѣна, подобно недавно выпитому яду, который уже тотетъ по жиламъ и только еще не обнаружился, намѣна такимъ образомъ повсюду распространилась и проникла даже въ святянице. Сила и бдительность потребны, всё-равно, падутъ ли вслѣдствіе нашихъ раздоровъ удары готовой сѣкиры на голову Готовъ, сражающихся въ рядахъ невѣрныхъ, или предательство отворитъ имъ ворота нашихъ городовъ, которыми они овладѣютъ, не ступая черезъ трупы братьевъ. Дай знать Родерикку объ всемъ. Опасъ въ Гиспалнѣ, окруженный многочисленными друзьями; можетъ-быть, они предадутъ неприятелю богатѣйшій и прекраснѣйшій изъ городовъ Бетнки. Арабы не замедлятъ сойти съ Кальпе и потокомъ наводнятъ испанскія области. Двое сутокъ я почти одинъ брожу въ окрестностяхъ Картеп, и не проходитъ часу чтобы не приплывали новые корабли изъ Африки, не высаживали въ заливѣ новыя толпы воиновъ. Черезъ недѣлю будетъ трудно устоять противъ Тарика, даже со всѣми силами королевства, а въ особенности когда Готы раздѣлены на двѣ партіи, изъ которыхъ одна будетъ сражаться на неприятельской сторонѣ.... Признаюсь тебѣ, герцогъ Кордовскій, я тоже не люблю Родерика; воспоминаніе о Витицѣ никогда не умретъ въ памяти его бывшего вождя. Знаю, какииъ средствомъ Родерикъ достигъ престола, котораго не получилъ бы по избранію Готовъ. Но теперь сыны Испаніи должны защищать не его корову, а свободу отечества и вѣру, кладбище, гдѣ покоятся кости нашихъ отцовъ; храмъ и крестъ, домашній очагъ, дѣтей и женъ, поля, которыя насъ питають, деревья, которыя насадила наша рука.... Въ день боя, Эйрикъ скинетъ непорочную одежду настыря и одѣнется въ оружіе, на защиту двухъ послѣднихъ предметовъ его любви, родины и евангельской вѣры.

Спустя нѣсколько времени, священникъ опять писалъ къ герцогу:

«....Да, я искалъ мира и поюя въ святяницѣ Божиємъ. День за днемъ проводилъ я въ молитвѣ, и чело мое лобызало надгробныя плиты, устилающія полъ святяница, когда я надѣялся, что изъ обители мертвыхъ возникнетъ для меня миръ и забвеніе, но

могилы оставались жесткими и холодными. Ночь за ночью бродил я по пустынямъ и, садясь тамъ, гдѣ луна освѣтила снами нити, устремлялъ глаза къ небу, или опускалъ ихъ на зеркало водъ. Тамъ, гдѣ все находятъ слезы утѣшенія и надежды, я не нашелъ ни слезинки. Глаза мои высохли. Господь не внималъ моимъ молитвамъ, не принималъ моего самоотроченія.... Если само небо не подаетъ мнѣ надежды, гдѣ жъ я найду ее на землѣ? Чтѣ теперь можетъ утѣшить меня, какъ не кровавый праздникъ? Теодомиръ! скоро прійдетъ, быть-можетъ, день, когда ты увидишь, что моя рука не ослабѣла подъ священнической одеждою; когда она докажетъ тебѣ, что погребальный цѣвъ черныхъ доспѣховъ на солнцѣ бить такъ же прекрасенъ, какъ панцири и блестящіе шлемы благородныхъ воиновъ; что бердышъ безвѣстнаго солдата столько жъ можетъ содѣйствовать побѣдѣ, какъ и военная опытность знаменитаго полководца....»

Черезъ вѣсколько дней по полученіи этого послѣдняго письма отъ несчастнаго Эйрика, герцогъ Кордовскій выступилъ со своими полками къ Гиспалису, вдоль береговъ Бетиса. Когда онъ пришелъ въ древнюю Ромулу, епископъ Опасъ принялъ его съ такимъ радостнымъ видомъ, что подозрѣніе Теодомира, внушенное письмомъ картейскаго священника, почти совершенно разсѣялось. Въ рѣчахъ духовнаго сановника, казалось, дышала глубокая и непритворная гнѣвъ на графа Септумскаго и прочихъ землѣнниковъ. Епископъ, по обычаю того времени, оставилъ свой пастырскій жезлъ и опоясался мечемъ воина. Родные Опаса, а слѣдовательно и родные его брата, Витицы, ежедневно пріѣзжали въ епископскій дворецъ Гиспалиса. Та часть дворянъ, которая слѣдовала за знаменами Зизебута и Эббаса и жила по большей части въ удаленіи отъ двора, собрала своихъ слугъ и вассаловъ и соединилась съ арміею воинственнаго епископа. Опасъ обѣщалъ привести готскому королю войско еще блестящее войско его племянниковъ, которымъ довѣрчивый Родерикъ поручилъ начальство надъ одною частью арміи, собранной въ Толедо.... Вскорѣ по вступленіи Теодомира въ Гиспалисъ, однажды, на разсвѣтѣ, вдоль горъ на сѣверъ отъ Бетиса заблестала нагорная равнина, будто громадный пожаръ истреблялъ ея поля и лѣса. То было войско готскаго короля, которое выступило изъ Оретума и шло на Иллипу и Италику, вдоль по теченію рѣки, къ древней столицѣ Бетики. Войско должно было соединиться съ полками Теодомира и съ тѣми, которые шли подъ знаменемъ Опаса, и потомъ двинуться на Арабскіе

чтобы австритъ судьбу Испаніи жребію битвъ. И цора была. Потокъ испрїятелей наконецъ сошелъ съ Кальпе, котораго въкое лавзаніе уничтожилъ арабскій восмачальникъ, давъ собственное свое имя стѣнамъ, которыми онъ оковалъ Кальпе; онъ назвалъ его горою Тарика, Гебъ-аль-Тарикъ, Гибралтаромъ. Хоругвь мекскаго пророка уже вѣяла на поляхъ Бетикн, и ея шестіе обозначалось пагубою, кровью и пожаромъ. Гдѣ побывали мусульмане, тамъ за ними оставалась могильная тишина и пустыня уничтоженія. Тарикъ былъ ангеломъ-истребителемъ, котораго Богъ наслалъ на Испанію, а мечъ его молвіей, ринутой съ небесъ для сокрушенія державы Готовъ. Изъ ординаго гнѣзда, которое завоеватели свѣли себѣ на мысѣ пролива, они проникли въ сердце Бетикн. Они перешли горы, которыя тянутся отъ сѣверной стороны Белона до Ластичи, гдѣ эта цѣпь соединяется съ высотами Несканіи; безъ сопротивленія овладѣли епископскимъ городомъ Азидо и тутъ, спустившись въ долины, лежащія между Гадессомъ и Сегопціей, разбили шатры ислама на берегахъ Хрисса. Здѣсь Тарикъ ожидалъ Готовъ. Съ тѣхъ-поръ какъ они сошли съ Кальпе, почти каждый день, почти ежечасно, начальники Альмогавровъ, арабскихъ застрѣльщиковъ, приводили въ мусульманскій станъ христіанъ, приходившихъ со стороны Гиспалиса. Какъ скоро эти незнакомые люди были приводимы къ арабскому полководцу, онъ тотчасъ посылалъ одного изъ ихъ проводниковъ къ мѣсту, гдѣ развѣвалось знамя Юліана, и графъ Септумскій немедленно являлся къ Тарикку. Часто оба они подолгу проводили время съ этими людьми, въ наружности которыхъ можно было прочесть измѣну и низость. Потомъ пришлецы удалялись, и когда Юліанъ возвращался въ свой шатеръ, лицо его сіяло удовольствіемъ, злою радостью.

Уже два дня никто не переходилъ Хрисса для уединеннаго разговору съ Юліаномъ и Тарикомъ. Полководцы по цѣлымъ часамъ скитались на высотахъ, примыкавшихъ къ стану съ полуденной и восточной стороны; оттуда они глядѣли на гору, на верху которой лежалъ древній городъ Аста, потомъ возвращались въ станъ либо осматривали форпосты. Затѣмъ все погружалось въ безмолвіе и мракъ, потому что сторожевыхъ огней уже не зажигали съ того дня какъ шатры раскинулись на берегу рѣки....

Около полуночи на третьи сутки, глубокая тьма покрывала землю; только мерцающіе лучи звѣздъ скудно озаряли чернѣйшій покровъ атмосферы. Этотъ слабый свѣтъ дрожа мелькалъ на

острѣихъ коней передовой стражи, разсталающейся по хребтамъ и наблюдавшей зубчатая вершины, которая чертѣла на свѣторѣ, будто вырѣзанныя въ глубь небесъ. Подъ ногами шумѣлъ Хриссъ и зеркало рѣки искрилось отраженіемъ свѣта заводовъ, между-тѣмъ какъ вѣтеръ колыхалъ вѣтви одиночныхъ деревьевъ и на ропотъ рѣки отвѣчалъ глухими вздохами шелестящихъ листьевъ. Вдругъ, подзорные и передовые, стоявшіе за рѣкою на правой березу, какъ будто послали въдалекъ шумъ, котораго не столь привычное ухо никакъ не отличало бы отъ отдаленнаго и едва слышнаго реву рѣки. Они припали къ землѣ и нѣсколько минутъ вслушивались. Потомъ вдругъ всѣ разомъ вскочили. Одинъ что-то тихо произнесъ: «Римляне!» и вся толпа повторила: «Римляне!»..

Уже высоко взошло солнце, когда кликъ *Аллахъ-еуакбаръ!* раздался изъ среды мусульманскихъ эскадроновъ: то былъ звонкій голосъ Тарика. И тысячи людей повторили этотъ кликъ, и воздухъ завылъ, какъ-будто, когда отдаленная буря раскатана гремитъ по скатамъ горъ и наконецъ замираетъ въ долинахъ и ущельяхъ. Арабская конница съ поднятыми копьями понеслась черезъ равнину; облако пыли тотчасъ закрыло ее. «Христосъ и впередъ!» откликнулись Готы, и эскадроны Родерика ринулись на встрѣчу мусульманамъ. Правый крыломъ нагонетамъ предводитель эмпръ африканской конницы, Мугейсъ, который за свое христіанское происхожденіе носилъ прозвище Эль-Руми, Римлянина. Эмиръ былъ храбрѣйшимъ и искуснѣйшимъ изъ вождей Тарика; оттого то арабскій полководецъ вѣрилъ ренегату начальство надъ этимъ крыломъ, на которомъ развѣвалось также знамя Юліана. Оба война любили другъ друга; ихъ братало одно слово, написанное на ихъ совѣсти, — величайшее посрамленіе для человѣка, — слово *отступникъ*.... Теодомиръ сражался въ главѣ своихъ полковъ, не забывая между-тѣмъ обязанности предводителя. Юліанъ скакалъ впередъ Арабовъ. Два старинныхъ товарища наскочили прямо одинъ на другаго и конья, переломившись, вылетѣли у нихъ изъ рукъ. Молніей мелькнули они другъ мимо друга, чтобы обнажить мечи и обратить коней для новой встрѣчи.... Остріе Теодомира не коснулось даже шлему графа. Другое остріе, направленное твердой рукою, отразило его. То былъ мечъ Мугейса, который увидѣлъ опасность своего друга и поспѣшилъ на выручку. Теодомиръ обратился на дикаго ренегата и жестокой бой завязался.

«Въ это время на одномъ изъ покинутыхъ уже мостовъ, введенныхъ въ прошлую ночь черезъ Хриссъ, раздавался конскій

топотъ. Прискакалъ какой-то рыцарь страшнаго виду, весь чернѣй, даже на вороной лошади. Копья при немъ не было; сирака у сѣдла висѣла большая дубина, утыканная гвоздями, а слѣва любимое оружіе Готовъ, смертоносный бердышъ. Быстро повернулъ рыцарь къ тому мѣсту, откуда Родерикъ наблюдалъ за ходомъ битвы. Тутъ онъ приостановился, оглянулся во все стороны и поскакалъ туда, гдѣ вѣяли знамена Беткии и гдѣ герцогъ Кордовскій, уже раненый, всену защищался отъ ударовъ Юліана и Мугейса. Графъ Септумскій вторично направилъ ударъ и разсѣкъ племъ благородному Готу. Теодомиръ зашатался. Казалось, что въ книгѣ судьбы дописывалась послѣдняя страница его жизни. Но чернѣй рыцарь протѣснился сквозь готскіе ряды и очутился посреди Арабовъ. Онъ держалъ дубину обѣими руками, и разбивалъ крѣпчайшія латы въ прахъ. Гдѣ онъ проѣзжалъ, тамъ не смыкались ряды и Готы не находили противниковъ. Въ испугѣ сами Готы спрашивали другъ друга, кто этотъ страшный воинъ, и никто не умѣлъ отвѣчать. Но какъ онъ сражался за крестъ, то его сочли ангеломъ битвы, котораго Богъ послалъ для спасенія Теодомира и полковъ Беткии. Занесенный на герцога Кордовскаго мечъ разлетѣлся въ дребезги о дубину чернаго рыцаря, а Мугейсъ получилъ глубокую рану бердышемъ въ плечо. Оба скрылись въ толпу Арабовъ. Тогда незнакомецъ шепнулъ нѣсколько словъ Теодомиру и, не дожидаясь отвѣту, снова ринулся на Сарациновъ.

Съ этой минуты правое крыло мусульманъ начало приходить въ смятеніе. Признаки побѣды все были уже на сторонѣ Готовъ. Родерикъ видѣлъ это и радовался. Только центръ арабскаго войска, гдѣ начальствовалъ Тарикъ, еще держался; но побѣдный кликъ, раздавшійся на лѣвомъ крылѣ христіанъ, началъ посѣвать ужасъ между воинами пророка. Готскій король велѣлъ своему правому крылу напасть на ряды Тарика, которые стояли твердо, будто приросли къ полю битвы. Одинъ изъ его адъютантовъ понесся съ повелѣніемъ къ сыновьямъ Витицы. Оба брата находились впереди своихъ воиновъ въ тайномъ совѣщаніи съ Оппасомъ. Едва выслушали они повелѣніе, какъ обратились къ своимъ полкамъ съ возгласомъ: «Теперь — мсть!» Оппасъ и бывшіе съ нимъ дворяне повторили кликъ. И среди густаго лѣса копій раздался крикъ воиновъ, отвѣчавшій клику вождей: «Да здравствуетъ король Зизебуть! Смерть измѣннику Родерикъ!» Сыновья Витицы и коварный епископъ съ опущенными копьями и съ мечами въ ножнахъ, поскакали

но долины и большая часть полковъ послѣдовала за ними. Пелагій, герцога Кантабрскій, почти одинъ остался неподвиженъ съ дикими Басками и нѣсколькими полками Галлиціи и Нарбоннѣи, которые были не причастны къ глухой измѣнѣ..... Адъютантъ воротился къ Родерику и издали закричалъ: «Измѣна!» Родерикъ поблѣднѣлъ. Надежда побѣды исчезла для него.

Побѣда при Хрисѣ обезпечила Арабамъ покореніе всей Испаніи, потому что уныніе объяло всѣ души и страхъ разорвалъ всѣ узы. Только въ душѣ Пелагія, герцога Кантабрскаго, уцѣлѣла искра надежды. Онъ скитался въ неприступныхъ горахъ Галлиціи и глушался склониться подъ жестокое иго, таготившес надъ его братьями. Немногіе послѣдовали за нимъ въ эту дикую жизнь, но эти немногіе были люди, которымъ воздухъ свободы казался единственной атмосферою, въ какой могли дышать ихъ могучія легкія; люди, которые не перенесли бы несрамленія креста, когда онъ срывался съ соборовъ. Пещера служила молодому королю дворцомъ, а распятію храмомъ. Державою Пелагія были нагорныя равнины и глубокія долины, гдѣ можеть-быть никогда не звучалъ человѣческой голось. Дикій медвѣдь, неукротимый вервь и быстрая коза служили роскошной пищею Готамъ, которыхъ несчастіе и суровая жизнь въ пустынѣ сдѣлали еще свирѣпѣе, еще неукротимѣе и быстрѣе всѣхъ этихъ животныхъ. Часто Пелагій съ своими войнами спускался съ горъ для дальнихъ набѣговъ, подобно почной бурѣ, потому что бурею проносились они по шатрамъ Арабовъ или по селамъ покинутымъ христіянами, когда невѣрные начинали въ нихъ поселиться. Тогда среди ночи слышались стоны умирающихъ и видѣлось зарево пожара. На утро все было спокойно, потому что Пелагій былъ быстръ и разрушительнъ какъ буря и только кровавыми буквами развалинъ и смерти писалъ онъ на землѣ извѣстіе о своихъ почти невидимыхъ пролетахъ. Не такъ было съ Теодомиромъ. Послѣ сраженія, остатки разбитыхъ полковъ провозгласили его преемникомъ Родерика. Предложенный ему вѣнецъ былъ свитъ изъ желѣза и терній. Но Теодомиръ принялъ его, потому что дѣло шло не о гордости, а о самоотверженіи. Между тѣмъ какъ Тарикъ покорялъ часть области Картаго, африканскій эмиръ, Муса, высадился на испанскій берегъ и взялъ Гиспальесъ, потомъ перешелъ Аву и завоевалъ халифу весь западъ иберійскаго полуострова. Теодомиръ собралъ своихъ разбѣянныхъ солдатъ и удалился съ ними на равнину Иллулы, на крайній востокъ Бетики. Муса послалъ противъ него своего сына Абделасиса, одного

изъ славянскихъ воиновъ ислама. Несмотря на превосходное число арабскаго войска, борьба была продолжительна и жестока. Наконецъ Теодомиръ былъ побѣжденъ, но и тутъ Мусульмане принуждены были заключить съ нимъ миръ на выгодныхъ для него условіяхъ. Обширныя владѣнія, еще не покоренныя Арабами, были уступлены ему, въ качества подданнаго эмира. Теодомиръ долго господствовалъ въ этой восточной части Бетяки, но многіе войны покинули его, потому что миръ съ невѣрными казался имъ несноснымъ позоромъ. Астурійскія горы сдѣлались единственнымъ убѣжищемъ готской независимости. Около Пелагія собиравались всѣ твердые люди, которые еще не отчаивались въ Провидѣніи и въ собственномъ мечѣ.

Прошелъ годъ со времени битвы при Хрисѣ. Число товарищей Пелагія ежедневно увеличивалось и поддерживало бодрость молодаго воина. Въѣстѣ съ тѣмъ развивался и возрасталъ также потокъ неприятелей вокругъ его горъ. Пелагій умѣлъ подъ серьезной но привѣтливой наружностью скрывать печаль, которая терзала его сердце. Въѣстѣ съ общими горестями имѣлъ онъ свои особенныя, которыя тяготили его, быть-можетъ, еще больше. Большая часть его сподвижниковъ перевезла въ Астурію своихъ престарѣлыхъ родителей, дѣтей, супругъ, все, что любила. А онъ не могъ спасти сестры, которую обожалъ и которую Фаула, при кончинѣ, вѣрилъ его попеченію. Когда выступилъ изъ Тарраконы, чтобы соединиться съ войскомъ Родерика, Пелагій оставилъ Герменгарду въ родительскомъ дворцѣ, поручица ее заботамъ нѣсколькихъ старшихъ слугъ. Бѣжавъ въ горы послѣ сраженія при Хрисѣ, онъ далъ сестрѣ извѣстіе о мѣстѣ своего пребыванія и всѣ средства пробраться къ нему въ сто почти непреступное пристанище. Отвѣтъ Герменгарды былъ достоинъ отрасли Готвъ: она говорила, что скоро будетъ у него, что предпочитаетъ пещеру дикихъ звѣрей, гдѣ жилъ Пелагій, весельямъ Тарраконы, куда скоро должно проникнуть желанное имъ мусульманъ. Она выѣхала съ слугами, которыхъ онъ ей оставилъ, и намѣревалась прибыть къ брату черезъ нѣскольکو дней. Письмо Герменгарды наполнило душу Пелагія страхомъ. Онъ зналъ, что Арабы, уже наводняшіе Галліцію, не замедлятъ забивать на древній римскій городъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣскольکو рыцарей, которыхъ онъ однажды разослалъ по разнымъ дорогамъ, но какимъ могла ѣхать Герменгарда, возвратились съ страшною вѣстью, что Арабы, подъ начальствомъ Абделасиса, подсту-

шли подъ твердыя стѣны города и черезъ нѣсколько часовъ на башняхъ уже вѣло знамя Магомета. Завоеватель оставилъ тамъ одно изъ берберскихъ племенъ, а самъ съ побѣдоноснымъ войскомъ поспѣшно двинулся на тѣрраконскую область. О сестрѣ Пелагія развѣдчики не привезли ни какихъ извѣстій. Пелагій, выѣхавшій далеко на встрѣчу имъ, печально воротился въ свой пріютъ, въ логовище, на которое давно прѣмѣнялъ пышный отцовскій дворецъ.

На уступахъ скалъ, громоздящихся у подножія огромной крутой горной стѣны, стоитъ нѣсколько грубыхъ шалашей изъ утесапныхъ бревенъ, крытыхъ вѣтвями и соломой. Вверху, за крайними утесами—глубокая пещера; въ ней, налѣво, на очагѣ горитъ огонь, отражающійся на висящихъ сталактитовыхъ столбахъ и огромныхъ кристаллахъ неровнаго свода; на-право, на стѣнѣ висятъ разныя оружія и доспѣхи; самодѣльные стулья, дубовые столы и, вмѣсто постелей, шкуры лѣсныхъ звѣрей на полу устланномъ древесной корою, служатъ убранствомъ жилищу. Это пріютъ герцога Кантабрійскаго. Полночь. Сподвижники Пелагія всѣ спятъ крѣпкимъ сномъ. Одинъ юный вождь не знаетъ покоя. На стулѣ, подлѣ пылающаго на очагѣ огня, онъ неподвижно глядитъ на рукоятъ меча и даетъ бушевать въ душѣ бурѣ горькихъ думъ; онъ помышляетъ о Герменгардѣ. Долго просидѣлъ бы Пелагій въ такомъ положеніи, если бѣ, обернувшись, не замѣтилъ, что не онъ одинъ бодрствуетъ; позади стула стоялъ воинъ, который отличался отъ другихъ тѣмъ, что знамя очага не отражалось на черныхъ его доспѣхахъ. Сложивъ на крестъ руки, онъ глядѣлъ на огонь и казался погруженнымъ въ глубокія думы. Во взорѣ его свѣтилось что-то мрачное и непривѣтное.

— Это чтѣ! вскричалъ герцогъ: ты еще не ложишься? Я не сплю, потому что горькая печаль не даетъ мнѣ сомкнуть рѣсницъ. Но ты, развѣ и ты имѣешь любимую сестру или обожаемую супругу, за которую долженъ трепетать и которая въ этотъ мигъ, можетъ-быть, служить жертвою звѣрскимъ страстямъ невѣрныхъ?

— Я не имѣю ничего въ мірѣ! отвѣчалъ угрюмый рыцарь, нахмурясь еще больше. Но развѣ тотъ, чье сердце чуждо этихъ чувствованій, не можетъ быть несчастенъ?

— Несчастны всѣ живущіе въ Ковадонгѣ, прервалъ его Пелагій: но кто сверхъ общаго бѣдствія долженъ еще трепетать за

честь или жизнь любимыхъ существъ, тотъ въ тысячу кратъ несчастливѣе.

— Герцогъ Кордовскій! если бѣ у тебя была мѣрка, чтобы измѣрить мое и твое сердце, тогда бы ты могъ такъ говорить.

— Можетъ быть, я имѣлъ бы эту мѣрку, если бѣ зналъ исторію твоей жизни, но ты покрываешь ее непроницаемой тайною, а тайны я не разгадываю. Письмо, которое ты привезъ мнѣ отъ Теодомира, удостовѣряетъ меня, что ты благороднаго племени. Этого было достаточно, чтобы я принялъ тебя въ нашу пещеру бѣглецовъ. Я даже не спросилъ еще тебя, почему ты покинулъ челоуѣка, съ которыми вы жили какъ родные братья, судя по его словамъ.

— О! это я готовъ сказать! возразилъ рыцарь, опершись рукою на ефесъ меча. Я думалъ, что онъ ангелъ по мужеству и твердости, а онъ оказался едва-едва челоуѣкомъ; миръ, который онъ заключилъ съ мусульманами, почетный въ глазахъ народа, въ моихъ глазахъ былъ позоромъ.... И душа Теодомира, послѣдняя которая еще питала какое-нибудь чувство, согласное съ юннмъ, была послѣднимъ храмомъ, въ которомъ улыбалась мнѣ надежда.

Слезы потекли по щекамъ воина при этихъ словахъ. Едва онъ промолвилъ ихъ, какъ у входа въ пещеру показалась исполненна фигура герцога стремлянаго, озаренная красноватымъ свѣтомъ очага. Слуга какъ-будто не рѣшался прервать разговоръ двухъ рыцарей.

— Подойди, Гутисло, старый герминійскій волкъ! вскричалъ Пелагій шутивымъ тономъ челоуѣка, желающаго насильно прогнать съ души печальныя мысли. Чтѣ тебѣ надо? Не вѣла ли тебя воснѣ тоска по ледникамъ твоихъ снѣжныхъ горъ, или тебѣ показалось, что Ковадонга — берлога твоего брата, вепря?

— Горный охотникъ, отвѣчалъ Лузитанецъ на своемъ диалектѣ и живописномъ языкѣ, не стоялъ бы здѣсь, если бы въ его сердцѣ скрывалась еще тоска по мѣстамъ, гдѣ онъ родился. Загорскіе люди поблнли или увели въ плѣнъ его жену и дѣтей. Затѣмъ я присталъ къ тебѣ, Готъ. Ты проливаешь кровь заморскихъ людей, я также хочу проливать ее.

— Чтѣ же тебѣ надо? повторилъ Пелагій.

— Пришелъ сказать тебѣ, что въ долину прибылъ какой-то незнакомецъ. Онъ толкуетъ про какое-то готское имя, кажется, про твою Герменгарду. Ему хочется видѣть тебя.

— Гдѣ онъ! вскричалъ Пелагій: зови скорѣе!

И рыцарь самъ кинулся къ порогу пещеры.

Въ пещеру вошелъ старикъ, котораго безпорядочное, изорванное и забрызганное грязью платье показывало, что онъ долго сидѣлъ по горамъ. Упавъ къ ногамъ герцога, онъ залился слезами и не могъ выговорить ни слова.

— Альдефонзо! вскричалъ Пелагій: гдѣ Герменгарда? гдѣ дитвоего господина?

Старикъ покушался отвѣчать, но только рыдалъ.

— Она умерла! мнѣ ужъ никогда не видать бѣдной сестры! вскричалъ герцогъ, закрывъ лицо руками.

У незнакомаго рыцаря, стоявшаго неподвижно во время этой сцены, вырвался подавленный вздохъ. Послѣдовало долгое, мучительное молчаніе; наконецъ старикъ прервалъ его.

— Нѣтъ, она жива! но можетъ-быть участь ея еще жесточе. Она плѣнница въ рукахъ невѣрныхъ. Мнѣ не суждено было спасти ее, а я не хотѣлъ умереть, не давъ тебѣ этой вѣсти...

— Оружіе и коня! мой бердышъ! вскричалъ Пелагій. Малодушный старикъ, ты не умѣлъ дать себя растерзать въ куки подѣи! Скажи, по-крайней мѣрѣ, гдѣ я найду злодѣевъ, которые осмѣлялись взять въ плѣнъ Герменгарду?

Старикъ, заливаясь слезами, вкратцѣ разсказалъ, какъ они съ госпожею пріѣхали для ночлега въ лежавшій на дорогѣ монастырь Скорбящей Богоматери. Въ монастырѣ заперся было храбрый Атанагильдъ съ небольшимъ отрядомъ, рѣшась погребстиись подъ его стѣнами, но не сдатьея невѣрнымъ, если они нападуть на святую обитель. Слухъ о монастырскихъ сокровищахъ и красавицахъ въ самомъ дѣлѣ привлекъ къ нему Абделасиса. Защита отъ безчисленнаго войска Сарациновъ была невозможна; настоятельница монастыря, Хрмигильда, запретила безнелезное кровопролитіе и рѣшилась спасти сестеръ отъ бесчестія, исказивъ ихъ лица ударами книжала, съ общаго согласія сеестеръ. Туже участь захотѣла раздѣлить и сестра Пелагія, гостя святой обители. Гарнизонъ Атанагильда и всѣ бѣглецы, искавшіе пріюта въ монастырѣ, получили вольный пропускъ, и за тѣмъ подъемный мостъ опущенъ Арабамъ, которые ринулись въ монастырь искать богатствъ и дѣвъ. Хрмигильда съ сестрами затворилась въ погребальномъ подземельѣ обители, и тамъ собственной тисрдою рукою приводила въ исполненіе свое геройское намѣреніе. Доходила очередь до Герменгарды, когда Арабы открыли убижище сестеръ. Въ бѣшенствѣ они перебили обезобра-

женныхъ монахинь, а уцѣлѣвшая Герменгарда сдѣлалась добычею ихъ полководца.

— Богу угодно было, говорилъ старшій слуга, чтобъ она, вмѣсто пріятія мученическаго вѣнца, досталась въ руки Сарациновъ. Изъ всѣхъ, допѣрившихся ихъ пропуску, я одинъ быть-можетъ уцѣлѣлъ, для того чтобы попросить смерти у господина и поклясться ему, что я неопытенъ.

— За мной, рыцари! ъдемъ противъ враговъ имени Христова! вскричалъ Пелагій голосомъ, раздавшимся по всѣмъ закоулкамъ пещеры.

Привычные къ такимъ ночнымъ позывамъ, товарищи герцога проснулись и схватились за оружіе. Но въ тревогѣ сборовъ, одинъ оставался безмолвенъ и казался неподвижнымъ. То былъ незнакомый рыцарь.

— Њдемъ! вскричали въ одинъ голосъ всѣ благородные изгнанники. Твоя сестра, герцогъ, будетъ спасена, либо ни одинъ изъ насъ не воротится въ пещеру Ковадонги!

Трепетный, но звучный голосъ покрылъ всѣ голоса:

— Вы не поѣдете отсюда!

Всѣ оглянулись: то говорилъ незнакомый рыцарь.

— Мои устами, продолжалъ рыцарь, проговорили тыеячи Готовъ, которые томятся въ плѣну и безпрестанно устремляютъ взоры къ горамъ Астуріи, гдѣ еще мерцаетъ слабый свѣтъ священнаго огня свободы. Мои устами проговорили алтари Господни, поправные ногами язычниковъ. Все взываетъ къ вамъ: не ѡздите отсюда! Хотите ли знать, кто я? Извольте: я тотъ послѣдній человекъ, который бѣжалъ съ Арабами при Хрисѣ, когда всѣ храбрые обратились въ бѣгство; человекъ, который искалъ смерти за рѣднну и котораго рука Господня сохранила, чтобы сказать вамъ въ эту минуту: не ѡздите! Читай, Пелагій, вотъ тебѣ письмо Теодомира! Потомъ скажи всѣмъ мое имя!

Онъ выпулъ сложенный пергамень, развернулъ и подалъ герцогу. Тотъ пробѣжалъ его глазами, выронилъ изъ рукъ и прошепталъ:

— Боже, это черныи рыцарь!

Готы, столпившіеся вокругъ, отступили на нѣсколько шаговъ.

— Ангелъ или демонъ, ты объяснешь намъ одну загадку другою! вскричалъ наконецъ Пелагій, видимо смущенный. Христіане и Арабы еще помнятъ твои невѣроятные подвиги на берегахъ Хрисса. Я самъ тыеячу разъ говорилъ, что десятеро такихъ, какъ ты, спасли бы державу Теодорика! Мы должны повиновать-

ся тебѣ, потому что если ты и человекъ, ты могучѣ насъ. Но что тебѣ сдѣлала моя бѣдная сестра...

— Что сдѣлала? Ничего! прервалъ его съ жаромъ рыцарь. Кто жъ тебѣ сказалъ, что я не хочу спасти ее? Кто изъ васъ, продолжалъ онъ, обратясь къ рыцарямъ, кто изъ васъ одинокъ въ здѣшномъ мѣрѣ и не имѣетъ никого, кто пролилъ бы слезы на его могилѣ? Кто изъ васъ изгнанникъ изъ среды человѣческаго рода? Пусть тотъ подыметъ правую руку!

Дѣвнадцать рыцарей, въ томъ числѣ дикій Савсіонъ, подняли правую руку.

— На коней! вскричалъ рыцарь, опоясавъ мечъ и прицѣпивъ на руку бердышъ. Пелагій! если мы не воротимся черезъ медвѣдю, помолись за насъ: тогда, значитъ, мы уснули послѣднимъ словомъ, и плачь о своей сестрѣ, которой пѣвна не искупитъ тогда никто кромѣ смертнаго ангела.»

Сегисамонъ представлялъ зрѣлище, какія уже виданы были во многихъ испанскихъ городахъ, взятыхъ приступомъ мусульманами. Игры, пиры и распутства всякаго рода служили наградою разрушителямъ. Пламя пожара озаряло бѣлые шатры Арабовъ, раскинутыхъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ городскихъ стѣнъ. Солдаты отступника Юліана стерегли станъ въ эту ночь. Вокругъ шатра Абделасиса, храбраго сына Мусы, спали на землѣ нѣсколько солдатъ его стражи: эта стража была составлена изъ самыхъ грозныхъ ратниковъ войска, — изъ негровъ отдаленной земли Эль-Судана. Готскіе военачальники и арабскіе вожди выходили изъ шатра предводителя, послѣ веселаго пира. Проходя черезъ лагерь, Юліанъ и епископъ гиспанскій, два заблудшіе сына Испаніи, замѣтили, что на сторожевой высотѣ, гдѣ долженъ былъ пылать костеръ, тьма была такъ же густа, какъ и въ прочемъ станѣ. Но все было спокойно. Только въ нѣкоторомъ отдаленіи разглядѣли они что-то похожее на тѣнь воина, спѣшившаго къ шатру Абделасиса. Вѣрно, то былъ какой-нибудь солдатъ Эль-Судана, который послѣ пиру возвращался на свой постъ.

Сынъ Мусы, оставшись одинъ, началъ ходить большими шагами и въ волненіи по комнатамъ, отдѣленной богатыми свирійскими шалами отъ той, гдѣ находились невольницы. Онъ видимо боролся съ собою; наконецъ страсть взяла верхъ, онъ захопалъ въ ладоши и крикнулъ: Эль-Ферв! Одна изъ завѣсокъ, раздѣлявшихъ шатеръ на нѣсколько комнатъ, приподнялась съ боку и оттуда вышла къ Эмиру безобразная черная фигура, которая,

казалось едва передвигала ноги. «Эвнухъ! сказалъ Абделасисъ тревожнымъ голосомъ, приведи мнѣ послѣднюю изъ моихъ плѣнницъ, которую я поручилъ твоему особому надзору!» Черный уродъ изчезъ за занавѣсомъ. Черезъ нѣсколько мгновений онъ воротился съ женщиною, которой лица нельзя было разглядѣть ясно подъ дорогимъ покрываломъ, опущеннымъ до погъ. «Дочь христіанъ! заговорилъ эмиръ на латинскомъ языкѣ: прошли тѣ два дня, которыхъ ты просила, чтобъ оплакать твой плѣвъ. Рѣшилась ли ты наконецъ быть любимѣйшею изъ женъ Абделасиса или сдѣлаться предметомъ зависти дѣвъ востока и королевы Испаніи? *Вице* Абделасиса только два человѣка на землѣ, отецъ мой, эмиръ Альмагреба, и потомокъ пророка, который повелѣваетъ всей державой правовѣрныхъ....»

У полотна, отдѣлявшаго покой отъ того мѣста, откуда недавно выходилъ евнухъ, у главнаго входу въ шатеръ, на блестящей ковровой стѣнѣ появилась чья-то тѣнь. Эмиръ увидѣлъ ее, случайно обративъ туда глаза. Фигура быстро вырастала. Онъ послушалъ. Легкая походка раздалась въ просторномъ покоѣ. Онъ обернулся, но не успѣлъ приподнять руки, какъ въ воздухѣ уже блеснуло желѣзо, эмиръ увидѣлъ вооруженнаго человѣка, подобнаго всадникамъ эль-суданскимъ, и въ тотъ же мигъ почувствовалъ ударъ, который попалъ ему по поднятой рукѣ и скользнулъ по черепу, такъ, что у него помутлось въ глазахъ. Онъ испустилъ крикъ, сомкнулъ глаза и повалился къ ногамъ Герменгарды, взрыгая кровь ртомъ. Уродъ, приведшій сестру Пелагія, выглянулъ изъ-за занавѣса въ шатеръ и увидѣлъ своего господина на полу и подлѣ него чужаго человѣка. Евнухъ сдѣлалъ страшную гримасу, какъ бы успливаясь заговорить, но издалъ только мычаніе, сопровождаемое грозными знаками. По жестокому восточному обычаю, Эль-Фери, назначавшійся съдѣтства для таинственной службы гарема, былъ осужденъ никогда не имѣть человѣческаго голоса. Лишенный языка, онъ выражался только знаками или печальнымъ, невнятнымъ мычаніемъ. Рыцарь взглянулъ на него и разсмѣялся дикой и грозящей мнѣ евнуха. Онъ обдумалъ напередъ всѣ трудности своего опаснаго предпріятія, и полагаясь на свою силу и хладнокровіе, зналъ, что побѣдить всѣ препятствія. Проворно схватилъ онъ одинъ изъ свѣтильниковъ, горѣвшихъ на столѣ пиршества, и поднесъ къ богатымъ тканямъ, которыми былъ увѣшанъ шатеръ. Пламя тотчасъ обхватило матерію; густой дымъ взвился кругами. Скоро занялось дерево шатра, огонь устремился подъ потолокъ, вырвался наружу

въ видѣ пламенныхъ языковъ и вольно ринулся подъ небеса. Пожаръ далеко распространилъ свой мрачный свѣтъ, подобно громадному факелу среди стана. Только тутъ въ испугѣ проснулись отъ крѣпкого сна эль-судавскіе воины, спавшіе вокругъ экирова шатра. Но рыцарь уже удалился съ мѣста этой страшной сцены. Слова: *Свобода и Пелагій!* которыя онъ произнесъ Герменгардѣ, проникли животворнымъ бальзамомъ въ ея сердце. Незнакомецъ поднялъ ее на руки и быстро понесъ въ ту сторону стана, гдѣ Готы стояли на стражѣ. Другой рыцарь держалъ тамъ шару попей подѣ-узды. Опасность и надежда возвратили Герменгардѣ всю ея природную рѣшимость и она не мѣшала осмѣлѣвать за своимъ отважнымъ и таинственнымъ избавителемъ. По извилистымъ тропамъ между шатрами большого стана, руководимые мѣсяцомъ, трое бѣглецовъ направлялись въ тотъ край стана, за которымъ уже видѣлись дальнія горы съ своими свѣжыми вершинами.

Шумъ въ станѣ долетѣлъ до сторожевыхъ. Тревога перелетала съ одного холма на другой, и вскорѣ снова всѣ сторожевые холмы освѣтились кострами. Только съ сѣвернаго ни одинъ голосъ не отозвался на окликъ и не засвѣтился огонь. Съ соседнихъ пригорковъ нѣкоторые солдаты пошли туда, увидѣли на холмѣ изломанныя оружія, а подлѣ нихъ трупы хозяевъ. Нападеніе, вѣроятно, было быстро и стремительно, а число непріятелей велико, потому что ни одинъ изъ сторожевыхъ на холмѣ не спасся, всѣ легли до-едваго. Крѣпка была рука людей, которые такимъ образомъ отважились проникнуть въ станъ Абделаспса: о томъ свидѣтельствовали глубокія рапы на трупахъ. Казалось несомнѣннымъ, что Пелагій сдѣлалъ набѣгъ на станъ. Такія мысли бѣгло промелькнули въ умѣ воиновъ, въ изумленіи глядѣвшихъ на сцену смерти. Топотъ коней, всесихся на холмъ со стороны лагеря, привлекъ вниманіе солдатъ. Они взглянули туда. Дѣвѣ черныя фигуры на спящихъ коняхъ скакали подлѣ третьей, которой одежда казалась бѣлою при лунномъ сіяніи. Скоро солдаты разсмотрѣли, что бѣлая фигура женщина, а двѣ другія въ панцыряхъ и шлемахъ. Они проскакали мимо холма на довольно большомъ разстояніи и скрылись въ темнотѣ. Вслѣдъ за тѣмъ раздался крикъ: «Ковадонга и Пелагій!» и при свѣтѣ луны заблестали латы и оружіе еще нѣсколькихъ воиновъ. Гулъ отъ конскаго топоту на минуту усилился и наконецъ все смолкло. Арабскіе солдаты, съ недоумѣніемъ смотрѣвшіе на бѣглецовъ, тутъ только

догадаться, что нужно поднять тревогу. Но тревога уже была поднята во всеу стану.

Пособіе, послѣдшю поданное Абделаснеу, скоро возвратило его къ жизни и памяти. «Догнать, догнать невѣрнаго! Его доспѣхи черные и похожи на доспѣхи эль-суданскихъ воиновъ. Лучшій городъ Алгарайи и прекраснѣйшую изъ моихъ невольницъ тому, кто приведетъ мнѣ его живаго. Шейхи, вали, алькайды, рыцари пророка! въ погоню за моихъ убійцею!... Пелатій и сѣверныя горы. Туда, туда! Онь, или демонъ, равнялъ меня. Они похитили у меня невольницу! Дорого заплатятъ христіане Аль-Джуа за такую дерзость. На коней, наѣздники пустыни! Я съ вами!» Вскорѣ посланки, устланныя драгоценными тканями, привели Абделаснеа съ его окровавленной постелью, на которой еврейскіе врачи перевязали ему раны. Черные рыцари Эль-Судана окружили и послали носилки къ высотамъ Астуріи. Слѣдомъ двинулось все войско.

Приближался разсвѣтъ, заря освѣщала уже берега мрачной рѣки, которая катилась мутно отъ горныхъ потоковъ. Издали слышенъ былъ ревъ ея промежъ каменистыми и крутыми скалами. То была Саллиа, стремившаяся въ Кантабрійское Море. На правомъ берегу рѣки, въ началѣ осьмаго вѣка еще видѣлись развалины древняго римскаго лагеря. Онь находились на скалистомъ мысѣ, одиноко выдвинутомъ надъ ложемъ рѣки. Кругомъ лежали обломки большихъ стѣнъ, вытесанныхъ изъ твердаго камня, а на верху крутаго склона, замѣтны были слѣды воротъ; внизу на значительной глубинѣ, шумѣла рѣка. На скалахъ, торчавшихъ изъ воды, еще видѣлись высокіе столбы, на которыхъ вѣкогда лежали перекладины моста черезъ рѣку. Положеніе развалинъ, почти кругообразное очертаніе стѣнъ и внутреннее ихъ устройство ясно показывали, что тутъ вѣкогда было зимнее становище, какія римскіе легіоны въ своихъ частыхъ и почти всегда безуспѣшныхъ походахъ обыкновенно устраивали для покоренія неукротимыхъ Кельтиберовъ кантабрійскихъ и астурійскихъ горъ. Съ теченіемъ времени римскій мостъ исчезъ. Вмѣсто его, жителямъ этого края служилъ исполнскій дубъ, перевалившійся поперекъ Саллиа, одинъ изъ тѣхъ первобытныхъ сыновъ земли, которые за многія столѣтія пробили свои корни сквозь камень, пока они углубились столько, что могли наполняться изъ ложа рѣки. Громаднее дерево, подрытое силою потока, упало на сосѣднюю скалу, и продолжало расти, хотя полумертвое, потому что корень его былъ почти вывороченъ изъ почвы. На голѣ, поросшемъ мхомъ стволѣ изрѣдка какой-нибудь слабый

прутьякъ, пробивался весело изъ его морщинистаго тѣла, и засыхалъ лѣтомъ, но давалъ знать, что царь лѣсовъ еще не совсемъ обратился въ трупъ. Къ этой страшной переправѣ прскакала Германгарда съ двумя провожатыми, данными ей таинственнымъ чернымъ рыцаремъ, который между-тѣмъ самъ съ остальными товарищами на нѣкоторомъ разстояніи прикрывалъ бѣгущихъ. Онъ намѣревался и надѣялся хоть на нѣсколько времени задержать преслѣдователей. Немного недоставало, чтобы прекрасная сестра Пелагія, послѣ столькихъ опасностей и ужасовъ, очутилась въ дикомъ и мрачномъ дворцѣ своего храбраго брата. Непомѣрная, продолжительная ѣзда по гористымъ и дикимъ тропамъ истощила силы ея тѣла точно такъ же какъ страшныя событія, какія она пережила со времени отъѣзду изъ Тарраконы, потрясли и почти уничтожили силы духа. Добравшись до остатковъ римскаго лагеря, Герменгарда едва не упала отъ изнуренія, между-тѣмъ какъ жаръ и жажда палили ея внутренность. Двое рыцарей при свѣтѣ утренней зари увидѣли смертную блѣдность на ея лицѣ. Безпокоясь сверхъ того объ участи товарищей, оставшихся позади ихъ, они рѣшились минутку отдохнуть у разваливъ. Тутъ, если бь Арабы и напали, рыцарямъ, перебравшись, легко было бы уничтожить естественный мостъ и глубокое крутое ложе Саллиа стало бы преградой между ними и непріятелями. Одинъ изъ рыцарей Астримиръ, взлѣзъ на стѣну, откуда могъ яснѣе разглядѣть лѣсистую крутую дорогу, которую они проѣхали, а Гудестей собралъ кой-какого хворосту и сухихъ листьевъ, и вскорѣ легкая тень отъ огня помогла дѣвушкамъ прійти въ себя. Рыцарь подаль ей освѣжительной воды изъ своей фляжки; потомъ кликнулъ товарища. — «Конямъ здѣсь не перейти. Ступай, сведи ихъ на восточную сторону горы; тамъ ужъ они найдутъ переправу черезъ истоки Саллиа и одни прибѣгутъ въ Ковадонгу.» Астримиръ свелъ коней внизъ по скату, подвизалъ кверху узды, свиснулъ особеннымъ образомъ. Кони наострили уши, легко заржали и помчались въ лѣсъ. Гудестей обратился къ Герменгардѣ. «Соберите все силы вашей души, всю бодрость вашу на одолѣніе послѣдняго препятствія, и черезъ нѣсколько часовъ мы увидимъ верхи утесовъ Ковадонги. Нужно только переправиться черезъ этотъ мостъ, а тамъ мы понесемъ васъ на носилкахъ. Астримиръ, покажи, что опасность только тамъ, гдѣ страхъ!» Астримиръ, глядя прямо впередъ себя, твердой и легкой поступью пошелъ по суковатому стволу и въ минуту очутился на другой сторонѣ. Герменгарда встала и тоже пошла къ страшному мосту Гудестей шелъ

слѣдомъ, невольно распростерши руки, какъ бы поддерживая дѣвушку, между-тѣмъ какъ Астримиръ, стоя на переплетенныхъ корняхъ дерева также машинально нагнулся впередъ и протянулъ сильную руку. Герменгарда уже ступила ногою на стволъ и вдругъ бѣлое мелькавше пѣны, шпѣвшей во тѣмъ глубокой пропасти, и ревъ рѣки, стремившейся между камнями и плотъ, привлекли взоръ дѣвушки какъ бы дьявольскимъ очарованіемъ: страшное зрѣлище приковало ее: она не могла оторвать глазъ отъ адской пропасти. Она чувствовала тоску дурноты, и неописанное, магнитическое, неодолимое обаяніе влекло ее мысль, ея душу, ея голову и грудь въ пропасть, между-тѣмъ какъ ужасъ смерти приковалъ ноги къ мѣсту. Гудестей замѣтилъ, что одно мгновение могло уничтожить плодъ всѣхъ дотоле понесенныхъ опасностей. Онъ самъ, прежде чѣмъ привыкъ къ жизни изгнанника, пробираясь по обрывамъ овраговъ и по краямъ пропастей, не разъ испыталъ на себѣ подобное обаяніе. Онъ быстро схватилъ дѣвушку за руку и оттащилъ ее назадъ на нѣсколько шаговъ. Герменгарда, какъ бы опомнясь отъ сна, только прошептала: «Не могу!» и зарыдала. Колѣни ея подогнулись съ судорожнымъ трепетомъ и она упала бы на-земь, если бъ Гудестей не поддержалъ ее. Астримиръ, увидѣвъ движеніе товарища, снова перебѣжалъ опасную дорогу. Страшная мысль мелькнула у нихъ обоихъ: что, если лягутся Арабы! Они переглянулись и каждый примѣтилъ, что другой поблѣднѣлъ. Гудестей обернулся, посмотрѣть на мѣсто откуда прѣехали: ему послышался отдаленный шумъ; Астримиръ тоже услышалъ и снова взлѣзъ на стѣну. Шумъ въ самомъ дѣлѣ приближался. Рыцари едва смѣли дышать. То раздавался топъ коней, скачущихъ во весь опоръ.

Десятеро всадниковъ выскакали изъ бора, въ безпорядкѣ вѣсья къ развалинамъ, и впереди ихъ таинственный черный рыцарь. «Это гости! это наши! Ну, вскричалъ Астримиръ съ порывомъ радости. Они спасены!» — «Спасены?» угрюмо подхватилъ Гудестей и взглянулъ на Астримира, потомъ на Герменгарду, которую еще держалъ на рукахъ. Девять рыцарей мигомъ перескакали долину и подыались на покатость, которая вела въ развалины римскаго стана. Черный рыцарь первый соскочилъ съ коня, прочіе послѣдовали его примѣру. «Скорѣе! скорѣе! кричалъ онъ, пустите лошадей въ дѣло; мы перейдемъ черезъ Саллію! Нельзя терять ни мгновения, если хотимъ спастись!» Черный рыцарь оглянулся и увидѣлъ Гудестей съ Герменгардою. «Вы здѣсь? еще здѣсь?» вскричалъ онъ съ ужасомъ и уныніемъ, и утратилъ тор-

жественную, гордую осанку, которую до-тѣхъ-поръ умѣлъ сохра-
нять въ самыхъ опасныхъ положеніяхъ и самыхъ горестныхъ слу-
чаяхъ. «Кто изъ васъ, продолжалъ онъ обратившись къ своимъ слу-
шателямъ, кто изъ васъ отважится взять на руки сестру герцога
Кантабрскаго и перенести ее черезъ бездну на тотъ берегъ? Кто
не бонтея поклясться на мечѣ, что нога его не пошатнется на
этомъ переходѣ?» Всѣ поблѣднѣли, всѣ оставались вѣмы. Воилъ,
сложенный изъ множества воплей, прервалъ тишину: то были
невѣрные, завидѣвшіе бѣглецовъ. — «Никто!» вскричалъ ры-
царь, задыхаясь отъ скорби и ярости. Онъ подвѣлъ безпаметную
дѣвушку на руки и взошелъ на узкій мостъ Саллиа. Поступь
его была легка, воздушна и торжественна какъ поступь духа:
казалось, шаги его не издавали звука, сердце его перестало биться
и легкія уже не дышали. Рыцари поспѣшили, одинъ за другимъ,
перелѣзая черезъ суковатый дубъ. Санціонъ шелъ послѣдній;
находясь на половинѣ дерева, онъ услышалъ позади шумъ Ара-
бовъ, которые уже нахлынули въ окрестность римскаго ста-
на. Добравшись до другаго берега, онъ оглянулся: нѣсколько
непріятелей уже спѣшились и яростно кидались на мостъ. «Сю-
да Готы!» крикнулъ онъ и первый ударъ его бердыша, съ
глухимъ звукомъ впился въ незасохшіе еще корни ветхаго де-
рева.... Арабы все близялись, удары тяжелыхъ готскихъ берды-
шей все стремительнѣе и отчаяннѣе падали на корни дуба.... На-
конецъ пересѣчены послѣдніе корни; исполняское дерево сорва-
лось съ своего каменнаго фундамента и пало на мшистый край
скалы, разбило его и съ нимъ рухнуло въ пропасть. Шумъ этого
паденія не могъ заглушить собою вопля невѣрныхъ, которые пали
туда же, разбиваясь объ острія скалъ. Оставленіе на берегу Ара-
бы содрогнулись отъ ужаснаго зрѣнища; Готы послали нѣ-
дкій, насмѣшливый хохотъ и исчезли въ чащѣ лѣсовъ, которые
тянутся вплоть до подножія Аусебскихъ Горъ, цѣль ихъ побѣгу.

Бѣглецы достигли своей цѣли. Прошли сутки. Ночь. Въ пещерѣ
Ковадонга, по угламъ нѣсколько человекъ спятъ глубокимъ
сномъ на звѣринныхъ шкурахъ: этотъ отдыхъ походить скорѣе
на смертный покой труповъ, чѣмъ на сонъ живыхъ. Въ одномъ
углу пещеры, служившемъ спальнею вождю изгнанниковъ, лежитъ
кто-то на болѣе мягкой постелѣ. Опять Пеллагіи не спитъ, ходитъ
взадъ и впередъ по пещерѣ медленными и осторожными шагами,
то прислушивается къ безпокойнымъ движеніямъ и неровному
дыханію спящей на его ложѣ, то останавливается у входу въ пе-
щеру и слушаетъ со всѣми признаками нетерпѣнія, будто поджи-

для кого-нибудь. Пришелъ великакъ Гутисло. «Воротались они?» тихо спросилъ герцогъ у герминійскаго джаря. — Сейчасъ сошли съ лошадей, отвѣчалъ Гутисло: Веллдо велѣлъ мнѣ сходить, по-смотреть, спишь ли ты. — «Зови, зови его!» отвѣчалъ Пелагій. Гутисло скрылся. Вскорѣ вошелъ съдой воинъ, котораго осторожные приемы и пронизательный взглядъ показывали смѣлливость и умъ. — «Какія вѣсти, Воллдо? Какой путь взяли Арабы?» — Такой путь, какой, дажь бы Богъ, чтобы они никогда не нашли. Еще засвѣтло, рассказывали намъ пастухи, черезъ Саллю наведенъ былъ просторный мостъ и неприятели начали переходить по немъ. Въ числѣ первыхъ, замѣчены Готы, судя по ихъ шлемамъ и панцырямъ, также какъ по цѣпамъ на бердышахъ. — «Это Господь ведетъ презрѣнныхъ солдатъ Септумскаго графа въ пустыни Астуріи, чтобы горнымъ коршунамъ и волкамъ была обильная добыча труповъ!» сказалъ чей-то голосъ позади разговаривавшихъ. Они обернулись. Одинъ рыцарь проснулся при первыхъ же словахъ развѣдчика, облокотился на колѣна, закрывъ лицо руками, и слушалъ разговоръ. — «Что это! сказалъ герцогъ: ты едва сомкнулъ рѣсницы, Эйрикъ, и ужъ проснулся?» — Давно уже сонъ коротокъ для меня, отвѣчалъ черный рыцарь: давно онъ не вливаетъ въ мои жилы утѣшенія и бодрости. Во снѣ и на яву мой духъ видитъ передъ собою всегда неизмѣнную дѣйствительность, а она страшна! — «Знаю, отвѣчалъ сынъ Фавалы. Священный, печальный образъ окровавленной родины, притѣшавается къ видѣніямъ твоего сна. Пара словъ, какія ты вымолвилъ въ бреду....» — Какъ! подхватилъ рыцарь, вскочивъ въ испугъ: я говорилъ во снѣ? Мои грезы были столько живы? Какія же слова ты слышалъ? Бредъ, чуждый бредъ, не правда ли? — «Твои слова были почти невняты, отвѣчалъ Пелагій. Потеряна! на вѣкъ потеряна! твердилъ ты много разъ: нѣтъ надежды! Низкій человекъ, ты поставилъ золото выше мужества и славы, будь ты проклятъ!.. Ты вѣрно разумѣлъ Испанію и Опаса съ тѣми, которые продали Арабамъ алтари Христовы и вольность братьевъ. Но грезы обманывали тебя, рыцарь! Надежда есть еще, и Испанія не на вѣкъ потеряна. Ты самъ сейчасъ сказалъ. Коршуны и воины астурійскихъ горъ вдоволь напугаютъ вражескими трупами!» — Правда! отвѣчалъ воинъ: мои уста говорили не то, что думаетъ сердце, сказавъ, что для Испаніи нѣтъ уже ни какой надежды. Но они не повторятъ своей лжи, потому что мои глаза уже смѣются только тѣмъ глубокимъ сномъ, въ которомъ не бываетъ грѣшъ!

Послѣ боя—спитса сладко и спокойно! Тогда и я усну.—Мрачны и угрюмы были его черты при этихъ словахъ. Но Пелагій былъ такъ озабоченъ полученными вѣстями, что не обратилъ вниманія на печальную усмѣшку Эйрика.—«О! продолжалъ онъ обращаясь къ Веллидо: такъ Абделасисъ нападетъ на послѣднее убѣжище христіанъ, на послѣдніе утесы вольныхъ сыновъ Испаніи, преслѣдуетъ насъ какъ дикихъ звѣрей? Хорошо же! Ступай, скажи нашимъ рыцарямъ, чтобы до разсвѣта сдѣлалъ на коняхъ, готовые выступить ко входу долины. Пращники и пѣхотницы пусть изготовятся взобраться на утесы, которые висятъ съ обѣихъ сторонъ надъ лагеремъ. Я тотчасъ самъ буду къ нимъ.—Вонъ ушелъ. Пелагій обратился къ отдохавшимъ, разбудилъ ихъ одного за другимъ и подвелъ ко входу пещеры: — «Арабы пришли по вашимъ слѣдамъ. Абделасисъ и Юліанъ осмѣлились приблизиться къ вертепу львовъ Испаніи; львы растерзаютъ ихъ.» Слова Пелагія звучали одушевленіемъ и увѣренностью въ себя. Онъ въ короткихъ словахъ разсказалъ, какъ думалъ побѣдить Арабовъ. Путь, по которому шли непріатели, неизбежно долженъ былъ завести ихъ въ тѣнины горъ. Часть рыцарей должна была расположиться у входу въ долину и оказывать непріателю слабое сопротивленіе, постепенно отступая и заманивая его въ котловину, которую тутъ образовали горы. Прибывъ туда, она должны были пустить коней по волѣ, а сами поспѣшить къ пещерѣ, куда между-тѣмъ уберутся женщины, дѣти и старики, разбѣянные по шаламамъ лагеря. Тутъ при узкомъ и крутомъ входѣ было достаточно нѣсколькихъ вонновъ для отраженія непріателей. Въ то же время, весь остальной отрядъ рыцарей, скрытый въ засадѣ въ лѣсу, долженъ былъ напасть на непріателей съ боку, между-тѣмъ какъ пращники метать будутъ на невѣрныхъ камни съ неприступныхъ высотъ окружающихъ котловину. Рыцари пошли исполнять распоряженія. Эйрикъ сдѣлалъ хладнокровно на скамейкѣ, вперивъ взоры въ пылавшій на очагѣ огонь и не принимая участія въ томъ, что вокругъ его происходило. Пелагій сказалъ ему: — «Ты, Эйрикъ, останешься здѣсь; ты былъ избавителемъ моей сестры, ты будешь и защитникомъ ея. Если при оборонѣ нашего печальнаго убѣжища, куда мы хотимъ заманить непріателей, намъ понадобится помощь побѣдителя Басковъ, славнѣйшаго изъ вождей Витицы,—если гнѣвъ Божій еще не смирился и сегодня должны пасть послѣдніе свободные люди Испаніи, тогда приходи умереть вѣстѣ съ нами. Между-тѣмъ, наблюдай, чтобы здѣсь была глубокая тѣнина.»

Наконецъ Эйрикъ остался одинъ.

Несчастный собралъ въ одну грызущую мысль свое долгое, печальное прошедшее и мрачное, неотвратимое будущее. Углубленный въ думы, онъ нѣсколько времени стоялъ неподвижно у входу пещеры, глядя на звѣзды, которыя будто улыбались и манили его въ неизмѣримое лоно Господне. Какъ-будто желая еще больше упитаться своей скорбью, онъ направилъ шаги къ тому мѣсту, гдѣ лежала Герменгарда. При слабомъ свѣтѣ факела, рыцарь смотрѣлъ на тревожный сонъ дѣвушки. Она была прекрасна, еще прекраснѣе чѣмъ въ первой порѣ юности. Лицо ея было блѣдно и исхудало отъ горя и ужасовъ, но сдѣлалось выразительнѣе; на немъ уже не было оттѣнка свѣжей жизненной силы и простодушія, зато свѣтились глубокія задумчивыя думы. Душа ея одиноко прошла по землѣ, въ неполномъ существованіи, и возвращалась въ бездну творенія, не увидавъ самой глубокой и самой живой изъ человѣческихъ страстей, — любви, соединяющей двѣ души, какъ двѣ половины одного цѣлаго, которыя Промыслъ раздѣлилъ, пославъ на землю, и которыя должны искать другъ друга, соединиться и пополнить себя взаимно, чтобы по смерти опять составить одно существо, — ангела въ лонѣ Божіемъ. Эйрикъ не помнилъ, гдѣ былъ, зачѣмъ туда пошелъ; мысли смутно толпились въ его умѣ, какъ волны въ пучинѣ моря бурно и нестройно хлещутъ одна другую. Вдругъ послышался глухой стонъ. Эйрикъ вздрогнулъ. То былъ голосъ Герменгарды. Она сидѣла выпрямивъ на постелѣ съ искаженнымъ лицомъ и въ глазахъ ея изображался ужасъ; она протягивала руки, какъ-бы отгоняя отъ себя страшное видѣніе. «Вотъ онъ! вѣчно этотъ мучительный призракъ! шептала Герменгарда. Батюшка! батюшка! Отпусти тебѣ Господь гордость, съ какою ты отвергъ жениха твоей дочери! Отпусти тебѣ, Господь, что ты принудилъ меня у ногъ твоей гордости пожертвовать чувствомъ, которое возникло въ моемъ сердцѣ! Мы съ тобой погубили несчастнаго, но все наказаніе пало на меня!... Прочь, прочь! продолжала она. Чѣмъ я могу помочь тебѣ, несчастный? Долга и жестока была моя мука; я не нашла еще на свѣтѣ сердца, съ которымъ бы мнѣ суждено было раздѣлить кубокъ бѣдствія; сердца, которому бы я могла повѣдать страданіе, давно согнавшее улыбку съ моихъ губъ. Если бы ты былъ живъ, я сдѣлалась бы твоею супругою, рабою! Фавила! родитель! у престола Господня, гдѣ герцогъ и вождь равны, поклонись ему, что твоя дочь отвергла его любовь изъ послушанія тебѣ; скажи ему, что слезы текли изъ этихъ

глазъ, когда пришло извѣстiе объ его печальной смерти. О, скажи, скажи ему, что не я погубила его!....» Какъ-бы вѣтъ себя она вскочила и стояла начала кликать Пелагiя. Но, едва ступивъ нѣсколько шаговъ, она вскрикнула и остановилась безъ движенiя. Передъ нею, — на дву или въ видѣнiи, — стоялъ иновникъ съ тайнаго страху, рыцарь, котораго она любила, котораго считала умершимъ и котораго мстительный образъ не однажды являлся мучить ее. Онъ всталъ ее за руку; она хотѣла отнять, но не могла. Рука, прикоснувшаяся къ ея рукѣ, была холодна какъ у мертвеца. Вся жизнь рыцаря собралась въ его сердцѣ, гдѣ боролись двѣ мысли: «любовь», очастливленная взаимностью и тяжкое, нанноанное огненными буквами заклатiе этой любви, — «отреченiе отъ мiра!»

Счастiе мусульманскаго оружiя достигло своей вершины и начало убывать. Казалось, гдѣвъ небесный на Готовъ былъ примиренъ. Битва кангасская при Оливѣ была первымъ звѣномъ цѣпи ораженiй, которая тянулась почти восемь вѣковъ, пока наконецъ коранъ изгналъ обратно въ стени Африки.... Хитрость, придуманная Пелагiемъ для удобнаго отпору мусульманамъ, но сто кратъ сильнѣйшимъ, увѣщчалась желаннымъ успѣхомъ. Къ мелудню отъ многочисленнаго и блестящаго войска Арабовъ оставалось лишь нѣсколько тысячъ всадниковъ, которые стремились бѣжали отъ астурийскихъ воиновъ за Кангасъ.... Въ ту самую минуту, когда Пелагiй, въ притворномъ бѣгствѣ, достигъ входу пещеры, черныи рыцарь вышелъ оттуда. Арабы, атакованные съ боку, начали отступать и Пелагiй могъ сражаться съ ними на равнинѣ. Черныи рыцарь бордышемъ проложилъ себѣ дорогу и исчезъ среди неприятелей. Съ той поры герцогъ Камтебрiйскiй тщетно искалъ его: ни онъ, никто изъ его людей, уже не видалъ Эрика.

Солнце клонилось къ закату. Густой дубовый лѣсъ въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ сiата Аусебы тянулся вдоль по теченiю Давы. Посередѣ лѣсу была прогалина, гдѣ на двухъ каменихъ глыбахъ лежала третья: то былъ кельтскiй алтарь. Напротивъ грубаго мосту, составленнаго изъ камней, наскладанныхъ въ рѣку, вилась по лѣсу узкая тропинка, мимо алтара, черезъ сосѣднiй холмъ и въ тысячахъ изверотовъ проходила къ галлiйскому берегу. Четверо рыцарей итнкомъ, одинъ за другимъ, шли по тропинкѣ. По ихъ одеждѣ и оружiю видно было что трое христiане, а четвертый Сарацинъ. Последний вдругъ остановился на прогалинѣ, съ пегедующимъ взоромъ обратился къ

одному изъ спутниковъ и сказалъ: — Христiаннитъ, ты вызвался спасти насъ: мы повѣрили тебѣ, потому что ты не имѣлъ нужды измѣнять намъ. Мы были уже въ рукахъ солдатъ Пелагiя, а по твоему знаку они перестали преслѣдовать насъ. Но твое упорное молчанiе подозрительно. Кто ты? Будь откровененъ, подобно намъ. Знй, кто съ тобою: Мугейсъ, эмиръ арабской конницы, Юлианъ, графъ Септумскiй и Оппасъ, епископъ Гиспалса. — Я зналъ это, возразилъ рыцарь, и оттого завелъ васъ сюда. Тебѣ хочется знать, кто я? я воинъ и служитель Хрпстовъ! — «Сюда?... вскричалъ эмиръ, хватаясь за мечъ и озираясь кругомъ: съ какой же цѣлью?» — Тебѣ, который по рожденiю не братъ нашъ и который въ честномъ бою сражался съ нами, врагами твоей вѣры, тебѣ — указать дорогу, которая доведетъ тебя благополучно до шатровъ твоихъ воиновъ. Вотъ, эта дорога!... А ихъ, которые продавали родину, во тмѣ одержали проклятую побѣду своего вѣроломства, ихъ я завелъ сюда, чтобъ указать имъ дорогу въ адъ.... Ступайте же туда окаянныя!» И въ тотъ же мигъ два тяжкихъ удара бердышомъ упали на шлемы Оппаса и Юлиана.... Одинъ сражался противъ трохъ. Рыцарь креста казался не смотрѣлъ на Мугейса; удары его звучали только по доспѣхамъ двухъ Готовъ. Сперва палъ престарѣлый Оппасъ, потомъ Юлианъ. Затѣмъ, рыцарь отступилъ и воскликнулъ: «Боже мой, Боже мой! да искупитъ кровь мученической кончины преступленiе отшельника!» Онъ кинулъ бердышъ, поднялъ руку къ бронзовому шлему и снялъ его также долой. Мугейсъ, вѣв себя отъ гнѣву, взмахнулъ мечемъ, раскроивъ противнику черепъ. Кровь брызнула въ лицо Сарацыну. Какъ одинокая сосна съ гордой крутизны падаетъ, сломавшая бурею, такъ упалъ таинственный воинъ береговъ Хрпсса, упалъ чтобы никогда уже не вставать.

Въ ту ночь, Пелагiй возвратясь въ пещеру, нашелъ сестру на постелѣ, повидному во снѣ. На разсвѣтѣ, герцога разбудило тихое пѣнiе. То Герменгарда пѣла духовные гимны, которые часто слыхала въ тарраковской соборной церкви. Гимны были сочиненiя одного священника гиспалсской епархiи, по имени Эрика.... Несчастная лишилась разсудка.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. Le vicomte de Brage-louppe. — Послѣ злополучнаго процесса, въ которомъ господи́нъ Дюма́ долженъ былъ объявить свое воображеніе несостоятельнымъ и въ которомъ было также доказано, что «Мартынь-Наденъшъ» не окупился, принесть значительный убытокъ издателямъ, господи́нъ Евгений Сю замолкъ; но господи́нъ Александръ Дюма́ мало-по-малу, путешествіемъ и отдыхомъ, поправилъ разстроенныя силы и возстановилъ плодovitость своего пера. Между-тѣмъ какъ La Presse печатаетъ «Записки врача», въ газетѣ le Siècle началъ онъ весьма занимательный разсказъ о временахъ Великаго Короля, подъ заглавіемъ «Виконтъ де-Бражлонъ».

Въ половинѣ мая, 1660 года, въ девять часовъ утра, когда яркое солнце подсушивало росу въ оврагахъ стараго замка Блю́, небольшая кавалькада, составленная изъ тронхъ мужицъ и двохъ пажей, возвращалась домой черезъ городской мостъ. Все впечатлѣніе, какое она производила на встрѣчныхъ и прохожихъ, ограничивалось однимъ движеніемъ руки къ головѣ, — для поклоу, — и однимъ движеніемъ языка, для довольно равнодушнаго выраженія слѣдующаго глубокомысленнаго замѣчанія:

— Вотъ его высочество уже возвращается съ охоты.

И только.

Однакожъ, когда кавалькада стала взбираться по крутому склону, который ведетъ отъ рѣки къ замку, нѣкоторые слѣдльцы изъ ближайшихъ лавокъ подошли ближе къ послѣдней лошади, у которой къ сѣдельной лукѣ было прицѣплено, клювами вверхъ, нѣсколько убитыхъ птицъ и совершенно безпристрастно выразили свое пренебреженіе къ бѣдной толнѣ добычи. Потолковавъ по этому случаю ничтожныхъ выгодахъ птичьей охоты вообще, и стрѣлбы на лету въ особенности, любопытные разошлись, каждый къ своему дѣлу. Только одинъ толстый, одуговатый и веселый паренъ спросилъ еще, отчего его высочество, который, по своему состоянію, могъ бы, кажется, найти порядочное развлеченіе, довольствуется такимъ жалкимъ препровожденіемъ времени. Ему отвѣчали:

— Развѣ ты не знаешь, что главное развлеченіе принца состоитъ въ скукѣ. На это паренъ пожалъ плечами съ выраженіемъ, которое значило:—Въ такомъ случаѣ мнѣ лучше нравится быть Ванюхой-Толстякомъ, чѣмъ принцемъ.

Между-тѣмъ принцъ продолжалъ свой путь съ такимъ груст-

вымъ и вмѣстѣ величественнымъ видомъ, что конечно возбуждѣ бы восхищеніе въ зрителяхъ, если бы имѣлъ зрителей. Но блюэскіе граждане не могли простить его высочеству, что онъ выбралъ этотъ веселый городъ для приволья своей скуки, и вслѣдствіе этого, при встрѣчѣ съ нимъ, зѣвая, прятался, какъ-будто хотѣлъ укрыться отъ снотворнаго вліянія его длиннаго лица, мутныхъ глазъ и лѣнивыхъ движеній, такъ, что достойный принцъ, выѣзжая, почти всегда могъ быть увѣренъ, что не встрѣтитъ на улицахъ ни души.

Это со стороны жителей веселаго города Блюэ была большая неучтивость: его высочество, послѣ короля, а можетъ-быть даже и прежде короля, почитался знатнѣйшимъ лицомъ въ королевствѣ, потому что Гастонъ Орлеанскій, Божіею милостию, назывался сыномъ Гевриха-Четвертаго, слѣдовательно городъ Блюэ не мало могъ гордиться отданнымъ ему предпочтеніемъ передъ другими городами.

Но Гастону Орлеанскому уже на роду было написано не привлекать особеннаго вниманія и не возбуждать большого восхищенія въ обществѣ. Онъ привыкъ къ своей участи и терпѣливо сносилъ свою скуку. Нельзя однако жъ сказать, чтобы Гастонъ Орлеанскій всю жизнь свою провелъ въ бездѣйствіи и оставался совершенно незамѣтнымъ: человекъ, который снѣлъ головы дюжины лучшихъ своихъ друзей, не могъ не надѣлать немаложко шума. Только съ-тѣхъ-поръ какъ кардиналъ Мазаринъ сталъ первымъ министромъ и прекратилъ сніманіе головъ, Моссь оставался безъ занятія и поддавался тоскѣ.

Бѣдный принцъ велъ очень унылую жизнь. Послѣ утренней охоты на берегахъ Бѣврона, или въ лѣсахъ Шивернъ, онъ возвращался въ замокъ, къ завтраку, и городъ Блюэ уже ничего не слышалъ объ немъ до слѣдующей охоты. Это—скука внѣ дома. Что же касается до скуки въ домѣ, то мы готовы дать объ ней понятіе, если читателю угодно послѣдовать съ нами за кавалькадой, которая медленно пробирается въ замокъ.

Гастонъ сѣдѣлъ на небольшой рыжей лошади, на покойномъ сѣдлѣ съ чапракомъ изъ краснаго фландрскаго бархату и съ туфлеобразными стремянами; на немъ былъ алыи бархатный камзолъ и такой же алыи короткій плащъ, такъ что одежда всадника и сѣдло и самый конь—все сливалось въ одинъ красный цвѣтъ, по которому только и отличался принцъ отъ двоихъ своихъ провожатыхъ, одного фіолетоваго, другаго зеленаго. Фіоле-

товый, колющій, ѣхалъ по лѣвую руку; зеленый, сгермейстеръ, по правую.

Одинъ изъ пажей держалъ двухъ кречетовъ на наѣсти; другой держалъ рожокъ, въ который небрежно и лѣниво затрубили, когда стали подъѣзжать къ замку. По этому сигналу осемь челевѣкъ караульных, которые расхаживали по двору и грѣлись на солнцѣ, встали за алебарды. Мосѣе торжественно въѣхалъ въ ворота и улица опустѣла. Его высочество молча слѣзъ съ лошади, молча вошелъ въ свои покои, гдѣ камердинеръ пересѣлъ его. Принцесса еще не присылала спросить о порядкѣ завтрака и приницъ, растянувшись на кушеткѣ, отрадно уснулъ, не хуже чѣмъ въ двѣнадцатомъ часу вечера.

Стража развѣлплась по каменнымъ скамьямъ на дворѣ, на олицѣ, и также опочила; конюхи съ лошадьми скрылись въ конюшню и, за исключеніемъ нѣсколькихъ воробьевъ, которые щоботали на крышѣ, всѣ живые въ замкѣ, казалось, уснули по примѣру своего господина.

Вдругъ, посреди этой мирной тишины, раздался звонкій смѣхъ, такой звонкій, что нѣкоторые алебардщики открыли сонливые глаза.

Смѣхъ этотъ вырвался изъ открытаго окна въ верхнемъ этажѣ замка. Небольшой желѣзный балконъ передъ окномъ былъ уставленъ цвѣтами въ горшкахъ,—бѣлой буквицей и левкоями; въ комнатѣ стоялъ столъ, покрытый старою гарлемскою скатертью; на столѣ, въ красивой кружкѣ,—полевые цвѣты, — косатикъ и ландыши; за столомъ сидѣли двѣ дѣвушки.

Одна дѣвушка, опершись обоими локтями на столъ, что-то чертила перомъ на листѣ тонкой голландской бумаги; другая, стоя на стулѣ на колѣняхъ и навалившись на столъ, смотрѣла, какъ подруга пишетъ или, лучше сказать, колеблется, писать или нѣтъ. Это-то колебаніе и было причиною смѣху, который нарушилъ покой алебардщиковъ.

Мы дошли до портретовъ, слабо-быть можемъ надѣяться, что читатель сейчасъ перевернетъ слѣдующія двѣ страницы, а намъ свобода, что хочешь пиши.

Хохотунья,—то есть та, которая стояла на стулѣ на колѣняхъ,—была хорошенъкая дѣвушка лѣтъ девятнадцати или двадцати, смуглая, темноволосая, чернобровая, съ быстрыми блестящими глазами и бѣлыми жемчужными зубами, вставленными въ ярко-алый кораллъ. Каждое ея движеніе, казалось, было слѣдствіемъ взрыву; она не жила, она кипѣла.

Другая, — та, которая писала, — устала на свою рѣзвую подругу голубые глаза, прозрачныя и чистые, такіе, какъ было небо въ тотъ день. Пепельно-бѣлокурые волосы, съ удивительнымъ вкусомъ причесанные, шелковистыми гроздами упали на вѣжныя розовыя щеки; по худобѣ и прозрачности бѣленькой ручки, которая лежала на бумагѣ, можно уже было видѣть, что она еще очень молода. При каждомъ взрывѣ смѣху своей подруги, она какъ будто съ сожалѣніемъ вздергивала плечи, прекрасныя, поэтическія, но еще лишеныя той округлости, пластичности формъ, какія отличаютъ созрѣвшую красоту.

— Монталё! Монталё! говорила она вѣчнымъ, ласкающимъ голосомъ, вы слишкомъ громко смѣетесь.... Точно мужчина! вы не только можете обратитъ на себя вниманіе стражи, вы не слышите звонка ея высочества, когда она позвонитъ.

Мадмоазель Монталё не переставала смѣяться и шумѣть.

— Вы не то говорите, что думаете, милая Луиза, отвѣчала она: вы знаете, что господа алебарщики теперъ отдыхаютъ и что, слѣдовательно, ихъ и пушкой не разбудить; вы знаете также, что звонокъ ея высочества можно слышать на городскомъ мосту и что, слѣдовательно, я не могу не услышать, когда меня позвонитъ на службу. Вы совѣтъ не то хотѣли сказать: вамъ досадно, что я смѣюсь, когда вы пишете; потомъ вы боптаетесь, чтобы ваша матушка, мадамъ де-Сенъ-Ремі, не зашла сюда, услыхавъ нашъ смѣхъ, — мой, то есть; вы боптаетесь, чтобы она не застала васъ за этимъ листомъ, на которомъ вы продолженіи четверти часа успѣли написать только два слова. «Мосьё Рауль». Страхъ вашъ не пустой, милая Луиза: послѣ этихъ двухъ словъ можно написать тьму другихъ, такихъ многозначущихъ, такихъ зажигательныхъ, что мадамъ де-Сенъ-Ремі запрыщетъ огнемъ и польнетъ. Не такъ ли?

И Монталё захохотала громче прежняго.

Бѣлокурая дѣвушка совѣтъ разсердилась, схватила листъ, на которомъ были написаны слова «Мосьё Рауль», разорвала, смяла и выкинула за окно.

— Ну, вотъ такъ, такъ! вскричала Монталё; вотъ нашъ барашекъ, нашъ цыпленочекъ, наша голубка разсердилась.... Не бойтесь, Луиза, мадамъ де-Сенъ-Ремі не прійдетъ, а если бы она и вздумала прійти, такъ, вы знаете, у меня чуткое ухо. Впрочемъ, что жъ въ томъ предосудительнаго, если мы пишемъ письмо къ старинному другу, котораго знаемъ уже двѣнадцать лѣтъ, и въ особенности, если начинаемъ письмо словами «Мосьё Рауль»?

— Я не ставу, я не хочу писать, сказала Луиза.

— О! вотъ наказала меня! вскричала съ новымъ смѣхомъ Монталё: полно, полно! возьми другой листъ бумаги и скорѣй напиши, такъ и дѣло съ концомъ.... Ну, вотъ! и звонокъ!... Да пусть себѣ, коли такъ не кстаети звонить! Пусть ея высочество обойдется сегодня безъ первой фрейлины.

Звонокъ означалъ, что принцесса окончила туалетъ и ожидаетъ принца, чтобы ятти въ столовую.

Обычай этотъ совершился, какъ слѣдуетъ, очень торжественно; позавтракавъ, супруги обыкновенно расставались до обѣда, то есть до двухъ часовъ по полудни.

По звонку, въ службахъ, на лѣвой сторонѣ двора, отворилась дверь; вышли два метръ-д'отеля и осемь поваренковъ, которые несли блюда, накрытыя серебряными крышками.

Старшій метръ д'отель молча толкнулъ своей палочкой одного храпащаго алебарщика и даже снизошелъ до того что вручилъ ему алебарду, которая была прислонена къ стѣнѣ. Солдатъ протеръ глаза и, не говоря ни слова, пошелъ проводить завтракъ ихъ высочествъ.

Вездѣ, гдѣ завтракъ проходилъ, часовые дѣлали на караулъ.

Мадмоазель Монталё и ея подруга смотрѣли изъ окна на всю эту церемонію, но не потому чтобы она ихъ занимала, а для того чтобы не подвергнуться опасности подъ шумокъ быть захваченными въ распλοхъ. Когда шествіе миновало и на дворѣ все стихло, онѣ опять усѣлись за столъ.

— И безъ меня позавтракають! сказала Монталё.

— Ну, смотрите, чтобы вамъ не досталось за это, тихо замѣтила Луиза.

— Досталось? о! то есть меня лишать прогулки? Ну, пусть такъ достанется: мнѣ только этого и нужно! Удивительное удовольствіе выѣхать въ большомъ рыдванѣ, прилѣпившись къ дверцамъ, колесить то направо, то налево по ухабистымъ дорогамъ, по которымъ подвигаешься по милѣ въ два часа, потомъ воротиться къ правому флигелю замка, гдѣ находится окно Маріи Медичи, и выслушать, какъ ея высочество, по обыкновенію, скажетъ: «Кто бы подумалъ, что королева Марія ушла черезъ это окно! Сорокъ семь футовъ вышины! Мать двоихъ принцевъ и троихъ принцессъ!» Очень интересно! Я желала бы, чтобы меня каждый день наказывали лишеніемъ такого удовольствія, особенно, если къ этому лишенію прибавить, что я должна сидѣть здѣсь съ тобою и писать такія письма, какія мы намерены писать.

— Нельзя же, однако жъ, не исполнять своихъ обязанностей, **Монталё.**

— Да, хорошо вамъ говорить, душа моя, когда вы совершенно свободны и не имѣете ни какихъ обязанностей. Вы пользуетесь всѣми выгодами придворной жизни и не несете ни какой тягости. Вы гораздо болѣе фрейлшна ея высочества нежели я, потому что милости ея высочества отражаются отъ вашего отца на васъ; вы входите въ этотъ скучный домъ, какъ птица залетаетъ на дворъ, — подышите воздухомъ, попорхаєте по цвѣтамъ, подклеиваете зернышки и не несете ни какой службы, не переносите ни какой скуки. И вы мнѣ толкуете объ обязанностяхъ! Скажите, милая дѣтяйка, въ чемъ же заключаются ваши обязанности? Вы, вотъ, обязаны только написать къ милому Раулю, да и то не пишете. Стало-быть, и вы пренебрегали своимъ долгомъ!

Луиза приняла степенный видъ и, опершись локтемъ на столъ, а подбородкомъ на руку, съ кротостью сказала:

— Вы попрекаете меня моимъ спокойнымъ состояніемъ. Неужели вы можете сдѣлать это не шутя? У васъ есть будущность; вы принадлежите къ штату; король, когда женится, призоветъ его высочество ко двору; вы будете на блестящихъ праздникахъ; вы увидите короля, который, говорятъ, такъ любезенъ, такъ очарователенъ....

— И, сверхъ-того, я увижу Рауля, который находится при принцѣ Кондѣ, коварно прибавила Монталё.

— Бѣдный Рауль! сказала Луиза со вздохомъ.

— Ну, вотъ пора написать къ нему, милая Луиза. Давайте, начнемъ снова, напишемъ къ «Мосью Раулю».

Она подала Луизѣ перо и та, подстрекаемая улыбкой подруги, проворно написала эти слова.

— Ну, вотъ; а теперь?

— Теперь и пишите то, что вы думаете, отвѣчала Монталё.

— А вы увѣрены, что я думаю что-нибудь?

— Вы думаете о комъ-нибудь: это всё-равно, или это еще хуже.

— Вы полагаете?

— Луиза, ваши голубые глаза глубоки какъ море, которое я, въ прошломъ году, видѣла въ Булони.... или нѣтъ, я ошибаюсь: море коварно. Ваши глаза глубоки какъ лазурь, которая распространена тамъ, надъ нашими головами.

— Ну, если вы умѣете читать въ моихъ глубокихъ глазахъ, такъ скажите же, что я думаю.

— Во-первыхъ, вы думаете не «мосьё Рауль», а «мишль Рауль».

— О!

— Не краснѣйте, пожалуйста, изъ-за такой бездѣлицы. Вы думаете — «Любезный Рауль, вы умоляете меня написать къ вамъ въ Парижъ, гдѣ васъ удерживаетъ служба. Вѣроятно, вы тамъ скучаете, когда ищете развлеченія въ воспоминаніи о провинціалкѣ...»

Лупза вдругъ выпрямилась.

— Нѣтъ, Монталё, сказала она: я ничего такого не думаю. Я думаю вотъ что.

Она схватила перо и бойкою рукой написала:

«Я была бы очень несчастна, если бы ваше желаніе получить отъ меня знакъ памяти было менѣе сильно. Все здѣсь говорить мнѣ «о нашихъ первыхъ годахъ, протекшихъ такъ скоро, такъ незамѣтно, что иногда другіе не замѣняютъ ихъ моему сердцу.»

Монталё смотрѣла черезъ плечо подруги, читала слова по мѣрѣ того какъ онѣ выходили изъ-подъ пера и прервала подругу, захлопавъ въ ладоши.

— Вотъ прекрасно! вскричала она: вотъ откровенность! вотъ сердце! вотъ слогъ! Покажите Парижанину, что городъ Блоа умѣетъ говорить не хуже Парижа.

— Онъ знаетъ, что для меня городъ Блоа былъ раемъ, отвѣчала Лупза.

— Я такъ и хотѣла сказать. А вы говорите какъ ангель.

— Я оканчиваю, Монталё.

И она продолжала писать:

«Вы помните обо мнѣ, говорите вы, мосьё Рауль. Благодарю васъ. Но это не удивляетъ меня: я знаю счетомъ, сколько разъ «наши сердца трепетали одно подлѣ другаго.»

— О! о! вскричала Монталё: берегитесь, овечка моя! Вы роняете вашу шерсть, а тамъ есть волки!

Лупза хотѣла отвѣчать, когда подъ воротами замка послышался топотъ лошади.

— Это что? вскричала Монталё, подбѣгая къ окну: всадникъ!... да какой молодець!

— Ахъ! Рауль! вскричала Лупза, которая также бросилась къ окну и, поблѣдивъ, упала на ступь.

— Вотъ ловкій обожатель, право! продолжала Монталё: какъ кстати прискакалъ.

— Отойдите, отойдите отъ окна! умоляю васъ! говорила Луиза.

— Вотъ еще! Развѣ онъ знаетъ меня? Дайте мнѣ посмотрѣть, зачѣмъ онъ прѣхалъ.

Мадмоазель де-Монталѣ правду сказала: всадникъ былъ молодецъ пзъ себя.

Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати-четырехъ или двадцати-пяти, рослый, стройный, со вкусомъ одѣтый въ живописный военный костюмъ того времени. Сапоги съ большими ратрубами заключали въ себѣ ногу, отъ которой и мадмоазель де-Монталѣ не отказалась бы, если бы вздумала нарядиться мужичиной. Одною тонкою, но сильною рукою онъ остановилъ своего коня посередѣ двора, а другою приподнялъ шляпу съ длинными перьями, которая отбѣяла его важное и вмѣстѣ открытое лицо.

Лошадиный топотъ разбудилъ алебардщиковъ. Они вскочили.

Всадникъ наклонился къ одному изъ нихъ и звучнымъ, отчетливымъ голосомъ, который очень хорошо можно было слышать въ окнѣ третьяго этажа, сказалъ:

— Посланіе къ его королевскому высочеству.

— А! вскричалъ солдатъ: господинъ поручикъ! посланецъ къ его высочеству.

Но бравый солдатъ очень хорошо зналъ, что поручикъ не можетъ явиться на этотъ зовъ, потому что живетъ на другомъ дворѣ, въ маленькой комнаткѣ окномъ въ садъ. Зато онъ поспѣшилъ прибавить:

— Ахъ, я и забылъ.... пашъ поручикъ обходитъ рундомъ. Но за его отсутствіемъ мы доложимъ метръ-д'отелю, мосьѣ де-Сенъ-Ремі.

— Де-Сенъ-Ремі! повторилъ всадникъ, покраснѣвъ нѣсколько.

— А вы знаете его?

— Да, конечно.... Потрудитесь увѣдомить его, чтобы какъ можно скорѣе было доложено его высочеству.

— Никакъ дѣло то спѣшное! замѣтилъ алебардщикъ, какъ будто про себя, однако жъ въ надеждѣ получить отвѣтъ.

Всадникъ утвердительно кивнулъ головою.

— Въ такомъ случаѣ я самъ пойду, скажу метръ-д'отелю, прибавилъ солдатъ.

Молодой человекъ слѣзъ съ лошади и, между-тѣмъ какъ другіе алебардщики съ любопытствомъ слѣдили за каждымъ движеніемъ лихаго коня, первый, ступивъ нѣсколько шаговъ, воротился и сказалъ:

— Извините, сударь, я забылъ спроситься.... какъ привязоте доложить?

— Виконтъ де-Бражлонъ, посланный отъ его высочества прина на Кондэ.

Солдаты отдавъ честь и скорымъ шагомъ отправились на крыльцо.

Виконтъ де-Бражлонъ едва успѣлъ привязать своего коня къ желѣзному кольцу у крыльца, какъ Сенъ-Ремі уже явился бѣгомъ, одною рукою поддерживая толстое брюхо, а другою разсѣкая воздухъ какъ весломъ воду.

— Ахъ, виконтъ! вы въ Блоа? кричалъ онъ: какими судьбами? Здравствуйте, любезный Рауль! здравствуйте!

— Честь мнѣю кланяться, мосьё де-Сенъ-Ремі.

— Какъ мадамъ де-Лаваль.... то есть, я хочу сказать, какъ мадамъ де-Сенъ-Ремі будетъ рада вамъ, виконтъ!... Но пожалуйста.... Только его высочество изволить завтракать. Докладывали ли? Важное дѣло?

— Важное и пѣтъ, мосьё де-Сенъ-Ремі. Во всякомъ случаѣ, однако жъ, даже минута промедленія можетъ причинить неудовольствіе его высочеству.

— А! коли такъ, то ужъ лучше нарушимъ порядокъ. Пожалуйста, виконтъ. Впрочемъ, его высочество сегодня въ удивительно милостивомъ расположеніи духа. Къ тому жъ, вы къ намъ съ новостями?

— Съ значительными.

— И хорошими?

— Съ отличными.

— Такъ пойдете же поскорѣй! вскричалъ старикъ и побѣжалъ впередъ, управляя дорогою свой камзолъ.

Рауль пошелъ слѣдомъ.

Только онъ скрылся въ корридоръ, въ окнѣ третьяго этажа опять показались двѣ дѣвичьи головки. Красавицы очень жарко о чемъ-то шептались и скоро, вѣроятно, приняли какое-нибудь рѣшеніе, потому что одна изъ нихъ, смуглянка, вдругъ исчезла; другая встала позади цвѣтовъ и промежду вѣтвей устала глаза на крыльцо, по которому вѣстникъ ушелъ въ дворцовые покои.

Между-тѣмъ предметъ всего этого любопытства продолжалъ свой путь въ сопровожденіи метръ-д'отеля. Скоро звукъ тарелокъ и ножей и запахъ кушавьевъ и вниъ дали ему знать, что онъ приближается къ цѣли.

Пажи, лакѣи и придворные встрѣтили пріѣзжаго съ гнѣвомъ, которую не даромъ слышныя города Блѣв. Нѣкоторые знали Рауля и почти всѣмъ уже было извѣстно, что онъ посланецъ изъ Парижа. Можно было сказать, что прибытіе его на минуту останавливало службу.

Въ самую дѣль, одинъ пажъ, услышавъ звонокъ шпоръ въ передней, вмѣсто того чтобы налить его высочеству вина въ рюмку, налилъ на снаторть.

— Это чтò такое? спросила принцесса, замѣтивъ разбѣлиность пажа.

— Чтò случилось спросилъ тогда и самъ принцъ.

Сень-Ремі, который въ это время просунулъ голову въ протворенную дверь, воспользовался случаемъ и вошелъ совсѣмъ.

— Позвольте побеспокоить, ваше высочество? спросилъ онъ.

— Чтò случилось? повторилъ Гастонъ, укладывая себѣ на тарелку большой кусокъ лососины.

— Прибылъ посланецъ изъ Парижа. Прикажете подождать окончанія завтрака?

— Изъ Парижа? вскричалъ принцъ, уронивъ вилку: посланецъ изъ Парижа? Отъ кого?

— Отъ принца, ваше высочество.

Такъ всегда называли принца Кондѣ.

— Отъ принца! сказалъ Гастонъ съ безпокойствомъ, которое не укрылось ни отъ кого изъ присутствовавшихъ и, слѣдовательно, удвоило общее любопытство.

Гастонъ, быть-можетъ, вообразилъ, что еще не прошла та счастливая пора заговоровъ, когда всякій стукъ въ дверь производилъ у него волненіе, когда всякое письмо могло заключать въ себѣ государственную тайну, когда всякій вѣстникъ служилъ запутанной и мрачной интригѣ. Быть-можетъ также, великое имя принца Кондѣ развернулось подъ мрачными сводами блѣвскаго замка въ размѣрахъ привидѣнія.

Гастонъ оттолкнулъ свою тарелку.

— Я скажу посланному, чтобы ждалъ, замѣтилъ Сень-Ремі.

Гастонъ взглянулъ на супругу, которая бодрила его взглядомъ, и сказалъ:

— Нѣтъ, введите его сейчасъ. А кто присланъ?

— Здѣшній дворянинъ, виконтъ де Бражлонъ.

— А! хорошо. Введите его, Сень-Ремі, введите.

Сказавъ это съ обычною важностью, Гастонъ извѣстнымъ

образомъ посмотрѣлъ на своихъ придворныхъ, и всѣ пажы, ое-
цианты, кавалеры и дамы поспѣшно ушли въ сосѣдній покой.

Аррьергардъ этой арміи еще не совсѣмъ сарылся, когда Сепъ-
Ремі ввелъ виконта де-Бражлона.

Гастонъ между-тѣмъ успѣлъ принять дипломатическое выра-
женіе. Онъ не оглядываясь ждалъ, чтобы метръ-д'отель поста-
вилъ передъ нимъ посланнаго.

Рауль остановился у нижняго конца стола, такъ, чтобы сто-
ять вмѣстѣ и передъ принцемъ и передъ принцессой, и отдалъ
два низкихъ поклона, потомъ выпрямился и ждалъ вопросу.

Принцъ, съ своей стороны, ждалъ, чтобы двери плотнѣе за-
творились. Онъ не хотѣлъ оглядываться для удостовѣренія, —
это значило бы уронить свое достоинство, — однако жъ внима-
тельно велушался въ шелканье замковъ, которые обѣщали ему
по-крайней-мѣрѣ кажущуюся безопасность.

Наконецъ принцъ обратилъ глаза на Бражлона и сказалъ:

— Кажется, вы изъ Парижа, виконтъ?

— Сейчасъ оттуда, ваше высочество.

— Каково здоровье короля?

— Слава Богу, ваше высочество, король совершенно здоровъ.

— А моей сестрицы?

— Ея величество вдовствующая королева все страдаетъ гру-
дью. Однако жъ, съ мѣсяць уже какъ ей стало лучше.

— Миѣ сказали, что вы посланы отъ принца? Вѣроятно, это
ошпбка.

— Нѣтъ, ваше высочество. Принцъ поручилъ миѣ отдать ва-
шему высочеству это письмо и ждать отвѣту.

— Рауль нѣсколько смутился отъ холоднаго и боязливаго при-
му и голосъ его нечувствительно спалъ до безпокойнаго тону
самого принца, такъ, что они стали говорить почти шепотомъ.
Принцъ забылъ, что самъ былъ причиною этой таинственности
и не на шутку испугался.

Онъ съ блуждающимъ взглядомъ принялъ письмо принца Кон-
дѣ, распечаталъ его какъ нѣчто подозрительное и отвернулся,
чтобы не увидѣли на лицѣ впечатлѣнія, какое произведетъ чте-
ніе.

Принцесса почти съ такимъ же безпокойствомъ слѣдила за
каждымъ движеніемъ своего супруга.

Рауль, избавленный отъ вниманія хозяевъ, ободрился и сталъ
спокойно смотрѣть въ открытое окно, откуда видѣлся садъ и
разставленныя по аллеямъ статуи.

— А! вскричал вдруг принц съ лучезарной улыбкой: вотъ пріятный сюрпризъ! Какое милое письмо принцъ пишетъ, посмотрите ваше высочество! прибавилъ онъ обращаясь къ жемъ. Но столъ былъ такъ широкъ, что Гастонъ не могъ достигнуть ея руки. Рауль поспѣшилъ передать письмо и исполнилъ это съ такою изящною ловкостью, что заслужилъ очаровательную улыбку и благодарность.

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно содержаніе этого письма, виконтъ? спросилъ Гастонъ.

— Извѣстно, ваше высочество. Принцъ прежде далъ-было мнѣ это порученіе словесно, но потомъ передумалъ и написалъ письмо.

— Это очень хорошій почеркъ, сказала принцесса, однако жъ я не могу разобрать.

— Не угодно ли вамъ прочесть ея высочеству, виконтъ? сказалъ Гастонъ.

— Да, прочтите, пожалуйста, прибавила принцесса.

Рауль сталъ читать и Гастонъ снова посвятилъ нисьму все свое вниманіе. Письмо было такого содержанія:

«Ваше высочество,

«Король отправляется за границу. Вы, конечно, слышали о намѣреніи его величества вступить въ бракъ. Я имѣю честь «быть квартирмейстеромъ въ этомъ путешествіи и, зная какъ «пріятно будетъ его величеству провести день или два въ Блоа, «осмѣливаюсь попросить у вашего высочества позволенія отнѣ- «тить мнѣ мѣломъ вашъ замокъ. Если однако жъ эта неча- «янная просьба можетъ причинить вашему высочеству какое- «нибудь затрудненіе, то я впокорнѣйше прошу увѣдомить меня «съ мнѣ же посланнымъ, виконтомъ де-Бражлономъ. Мой мар- «шрутъ будетъ завистъ отъ рѣшенія вашего высочества: вмѣ- «сто-того чтобы ѣхать черезъ Блоа, я могу назначить путь че- «резъ Вандомъ или Роморантенъ. Смѣю надѣяться, что ваше вы- «сочество во всякомъ случаѣ примете мою просьбу какъ выра- «женіе безграничной моей преданности и желанія быть вамъ «пріятнымъ.»

— Ничего не можетъ быть намъ пріятнѣе этого! сказала принцесса, которая нѣсколько разъ справилась съ выраженіемъ лица своего супруга. Король пріѣдетъ къ намъ! вскричала она такъ громко, что тайна едва ли могла сохраниться.

— Поблагодарите принца Кондэ, виконтъ, сказалъ Гастонъ, и

выразите ему всю мою признательность за удовольствіе, которое онъ мнѣ доставляетъ.

Рауль поклонился.

— Когда его величество прійдетъ? продолжалъ принцъ.

— Вѣроятно, сегодня вечеромъ, ваше высочество.

— Не вѣдь же въ такомъ случаѣ узнали бы о моемъ отвѣтѣ, если бы онъ былъ отрицательный?

— Миѣ приказано въ такомъ случаѣ немедленно скакать въ Божансі и сказать объ этомъ передовому, а тотъ воротился бы къ принцу.

— Теперь король въ Орлеанѣ?

— Ближе, ваше высочество: онъ теперь уже долженъ быть въ Мёнги.

— И дворъ съ нимъ?

— Точно такъ, ваше высочество.

— Кстати, я забылъ осведомиться о кардиналѣ.

— Его эминенція, кажется, наслаждается вожделѣннымъ здоровьемъ, ваше высочество.

— Племянницы, разумѣется, съ нимъ ѣдутъ?

— Нѣтъ, ваше высочество; кардиналъ отпранилъ дѣвицъ Манчини въ Бруажъ. Онѣ ѣдутъ по лѣвому берегу Лоары, между тѣмъ какъ дворъ ѣдетъ по правому.

— Какъ! Марія Манчини тоже оставила дворъ? спросилъ Гастонъ, котораго осторожность начинала уже ослабѣвать.

— Она въ особенности, скромно подтвердилъ Рауль.

На блѣдыхъ губахъ принца промелькнула едва замѣтная улыбка.

— Благодарю васъ, виконтъ, сказалъ онъ потомъ. Вы, можетъ быть, не захотите исполнить комиссію, которую я поручилъ бы вамъ: я самъ скажу принцу Кондѣ, что посолъ его былъ мнѣ очень пріятель.

Рауль почтительно поклонился.

Гастонъ сдѣлалъ своей супругѣ знакъ; та повзвонила.

Вошелъ Сень-Ремі и за нимъ весь штабъ.

— Господа, сказалъ принцъ, его величество король на проѣздѣ располагаетъ почтить меня своимъ посѣщеніемъ и пробыть около сутокъ въ Блоа. Я надѣюсь, что царственный племянникъ мой не помахнетъ о милости, которую оказываетъ моему дому.

— Да здравствуетъ король! вскричали съ восторгомъ всѣ придворные и громче всѣхъ Сень-Ремі.

Гастонъ мрачно потупилъ глаза и склонилъ голову: всю жизнь ему приходилось слышать или, лучше сказать, слышать этотъ

крикъ. Но въ послѣднее время онъ довольно долго уже не слышалъ его и отдохнулъ, отвыкъ, и вдругъ передъ нимъ явился новый король, живой, молодой, блестящій, въ сопровожденіи новаго крику; онъ испыталъ новое оскорбленіе, новое страданіе.

Принцесса поняла это страданіе и встала изъ-за стола. Гастонъ машинально послѣдовалъ и всѣ придворные мужья какъ пчелы, окружили Бразелона, и закидали разспросами.

Принцесса приняла это движеніе и подозвала Сенъ-Ремі.

— Теперь пора не болтать, а дѣйствовать, сказала она съ выраженіемъ досадующей хозяйки.

Сенъ-Ремі поспѣшилъ разрушить кружекъ, составившійся около Рауля, такъ, что тотъ могъ выйти въ прихожую.

— Надѣюсь, вы позаботитесь объ удобствахъ этого кавалера, сказала принцесса метръ-д'отелю.

Чтобы оправдать эту надежду, Сенъ-Ремі тотчасъ же побѣжалъ вслѣдъ за Раулемъ.

— Позвольте, виконтъ, отвести вамъ квартиру и не прикажете ли подать чего-нибудь закусить или освѣжиться?

— Благодарю васъ, мосьё де-Сенъ Ремі, отвѣчалъ Бразелонъ: мнѣ хочется поскорѣ увидѣться съ отцомъ.

— Да, правда, правда, мосьё Рауль. Засвидѣтельствуйте ему, пожалуйста, и мое низжайшее почтеніе.

Рауль продолжалъ свой путь.

Когда онъ проходилъ подъ воротами, ведя свою лошадь подъ уздцы, изъ глубины темнаго боковаго корридора кликалъ loudly:

— Мосьё Рауль.

Молодой человекъ съ удивленіемъ оглянулся и увидѣлъ смуглую дѣвушку, которая приложила палецъ къ губамъ и помахала рукой.

Дѣвушка была незнакома,

Рауль подошелъ.

— Но куда же мнѣ дѣвать лошадь, сударыня? сказалъ онъ.

— Тамъ, за воротами, на первомъ дворѣ, есть навѣсъ; привяжите тамъ вашу лошадь и воротитесь сюда поскорѣе.

— Слушаю, сударыня.

Рауль исполнилъ приказанное и минуты черезъ три воротился въ темный корридоръ, гдѣ незнакомка дождалась его на первыхъ ступеняхъ круглой лѣстницы.

— Достанетъ ли у васъ отважности идти за мною, господинъ

странствующій рыцарь? спросила дѣвушка, снѣсъ надъ минутною верѣшностью Рауля.

Рыцарь, вмѣсто отвѣту, бросился за нею на темную лѣстницу. Они взобрались въ третій этажъ. Рауль все шелъ слѣдомъ и ощущалъ перила лѣстницы, безпрестанно попадая на руку своей проводницы или на шелковое платье, которое съ шероховатостью терлось о стѣны. Когда онъ оступался на косыхъ ступеняхъ, дѣвушка произносила строгое «Ст!» и подавала ему мягкую душевную руку.

— Такимъ образомъ можно взойти на самую верхушку башни звонка и не ощутить ни какой усталости! сказалъ Рауль.

— То есть, вы хотите сказать, что вы уже устали и что вамъ тревожитъ смертельное любопытство, отвѣчала дѣвушка: но успокойтесь, вотъ мы уже пришли.

Дѣвушка отворила дверь и на лѣстницу хлынулъ потокъ свѣту, который ослѣпилъ Рауля, такъ, что онъ остановился, держась за перила лѣстницы.

Дѣвушка вошла въ комнату и сдѣлала Раулю знакъ. Онъ вошелъ нерѣшительно, какъ-будто въ западню.

Когда онъ ступилъ на порогъ, кто-то вскрикнулъ. Молодой человекъ осмотрѣлся и увидѣлъ передъ собою другую дѣвушку блѣворую, голубоглазую. Она всплеснула руками, вскрикнула «Рауль!» и закрыла глаза. Во всемъ этомъ было столько выраженія любви и счастья, что Рауль невольно упалъ на колѣно и тихо прошепталъ:

— Луиза!

— Ахъ, Монталѣ! проговорила дѣвушка, не грѣхъ ли вамъ такъ обманывать меня?

— Чѣмъ же я васъ обманула?

— Вы мнѣ сказали, что пойдете только посмотреть, узнать, а вмѣсто того привели москѣ Рауля сюда!

— Развѣ это не хорошо? Какъ же бы онъ безъ этого получилъ письмо, которое вы къ нему написали.

И она пальцемъ указала на письмо, которое еще лежало на столѣ. Рауль ступилъ шагъ, чтобы взять его. Луиза быстро, однакожъ, впрочемъ, съ нѣкоторою верѣшностью, протянула руку чтобы предупредить его. Рауль встрѣтивъ эту теплую трепещущую руку, взялъ, почтительно поднесъ къ губамъ и напечаталъ на ней поцѣлуй или, лучше сказать, нѣжно дохнулъ на нее.

Между-тѣмъ Монталѣ взяла письмо, сложила и спрятала къ себѣ за корсажъ.

— Не бойтесь, Луиза, сказала она: мосьё Рауль не возьмётъ его здѣсь, точно такъ же какъ покойный король Людовикъ-Тринадцатый не трогалъ писемъ на груди надмоазель де-Готторъ.

Рауль покраснѣлъ и, глядя на улыбки дѣвушекъ, не прии́чалъ, что Луизина рука осталась у него въ рукѣ.

— Ну, я надѣюсь, Луиза, вы простили мнѣ, что я привела къ вамъ виконта, сказала Монталё, а вы, виконтъ, конечно, не рассказываете, что пошли за мною. Слѣдовательно, миръ заключенъ. Потолкуемте жъ, какъ слѣдуетъ стариннымъ друзьямъ. Луиза, познакомьте меня съ мосьё де-Бражлономъ.

— Виконтъ, сказала Луиза съ милымъ достоинствомъ и прелестною улыбкой, имѣю честь представить надмоазель Аврелию де-Монталё, — фрейлина ея высочества и моя подруга, истинный мой другъ.

Рауль почтительно поклонился.

— А меня представите тоже, Луиза? спросилъ онъ.

— О! она васъ очень хорошо знаетъ!... она все знаетъ!

Монталё разсмѣялась, а Рауль вздохнулъ отъ полноты счастья, потому что «знаетъ все» значило «знаетъ всю нашу любовь».

— Ну, церемонія и привѣтствія кончены, виконтъ, сказала Монталё. Вотъ кресло, садитесь и рассказывайте скорѣе, съ какими вѣстями вы прискакали?

— Вѣсти эти — не тайна, сударыня. Король, на пути въ Поатъё, располагаетъ захватить къ его высочеству въ Блоа.

— Король прѣдетъ сюда! вскричала Монталё, захлопавъ въ ладоши: мы увидимъ большой дворъ! Слышите, Луиза, мы увидимъ настоящій парижскій дворъ!... Ахъ, Боже мой! но когда же это будетъ?

— Можетъ-быть, сегодня же, вечеромъ, — завтра навѣрное.

Движеніе Аврелии выразило досаду.

— Такъ мы не успѣемъ и принарядится! не успѣемъ и платья приготовить! Вѣдь мы здѣсь отеталыя, какъ какіе-нибудь антиподы! Мы всё будемъ походить на портреты времени Генриха-Четвертаго!... Ахъ, Боже мой, виконтъ, какое досадное извѣстіе вы намъ привезли!

— Помилуйте, сударыня, вы всегда будете хороши.

— Извините, это пошлость.... Мы всегда будемъ хороши, это правда, потому что природа создала насъ довольно изрядными. Это однакожъ не помѣшаетъ намъ быть смѣшными, потому что мода забыла насъ.... Я буду казаться смѣшною.... Гѣсподи! я, и буду казаться смѣшною!

— Кому же? простоудушно спросила Луиза.

— Кому? адтъ забавный вопросъ! Разумѣется, всѣмъ. А всѣмъ — знадуть придворными, камераламъ, королю.

— Однако жъ, милая, Аврелія, развѣ часть, не видать здѣсь ежедневно....

— Здѣсь! кто же здѣсь видать насъ? А завтра даже весь Блоа будетъ находить насъ смѣшными, потому что подлѣ насъ увидать настоящія парижскія моды и весь парижскій дворъ. Тогда всѣ побѣдутъ, что мы-щеголемъ провинціальными модами. Развѣ вы не понимаете, до какого отчаянiя можетъ довести подобная мысль?

— Утѣшиться, сударыня.

— Поневолѣ утѣшишься, когда помочь нечѣмъ! отвѣчала Мон-талѣ съ философскою рѣшимостью: да впрочемъ, пусть себя! Тѣмъ хуже для нихъ, если я имъ не понравлюсь.

— Это можетъ случиться развѣ только съ безвкусаками, за-вѣтилъ Рауль, вѣрный своей ослетѣ любвиности.

— Вы очень милы, виконтъ. Такъ вы говорите, что король прѣдетъ въ Блоа?

— Со всѣмъ дворомъ.

— И дванцы Манчиа прѣдутъ?

— Нѣтъ, только ихъ не будетъ.

— Отчего жѣ? Вѣдь, говорятъ, король не можетъ разстаться съ мадноазель Маріей?

— Приходится разстаться. Кардиналъ такъ кочетъ. Кардиналъ вывелъ своихъ племянницъ въ Бруажъ.

— Ахъ, олъ лицезѣръ!

— Ст! произнесла Луиза, приложивъ пальчикъ къ алымъ губамъ.

— Ба! кто насъ слышитъ! Я говорю, что старый Мазарини лицезѣръ и что ему страхъ хочется адѣмъ свою племянницу королевои Франціи.

— Видно, что нѣтъ, сударыня, когда кардиналъ, напротивъ жечитъ короля на каписной плечикъ Маріи-Терезѣ.

Моншалѣ посмотрѣла на Рауля и сказала:

— И вы вѣрите этимъ баснямъ? Вы доѣ, въ Парижѣ, вѣрите этому? Если такъ, значить мы здѣсь, въ Блоа, не хитримъ васъ.

— Однако жъ, если король ѣдетъ въ Поатье, а оттуда въ Неваню; если статьи свадебнаго контракта уже утверждены дель Луисомъ де-Гаро и его эмменціей, то это, конечно, уже не шутка.

— Можеть быть. Но я полагаю, что король — всё-таки ко-
роль.

— Безъ сомнѣнія. Но вѣдь и кардиналъ — кардиналъ.

— Что жъ, развѣ король Лрдовикъ Четырнадцатый не муж-
чина? и развѣ онъ не любитъ Марин Манчини?

— Онъ обожаетъ ее.

— Ну, слѣдовательно, и женится на ней. У насъ будетъ вой-
на съ Испавіей; Мазаринъ истратитъ вѣсколко милліоновъ изъ
тѣхъ, которые припряталъ; наши кавалеры помѣряются съ гор-
дыми Кастильцами и многіе воротятся къ намъ увѣчаные лав-
рами; а мы ихъ увѣчаемъ миртами. Вотъ, какъ я разумѣю по-
литку.

— Вы шалуныя, Монталё, замѣтила Луиза: всякая крайность
принадлежитъ вамъ, какъ огонь принадлежитъ бабочку.

— А вы, Луиза, вы такъ разсудительны, что никогда не мо-
жете даже любить.

— О! Монталё, поймите же меня! возразила Луиза съ вѣж-
дымъ упрекомъ: вдовствующая королева жаеетъ женить своего
сына на вифантѣ. Неужели же вы хотите, чтобы король не по-
слушался своей матери? Развѣ королю, съ такимъ сердцемъ,
какъ у него, прилично подавать такой дурной примѣръ? Когда
дама дѣлаетъ се нравится роднымъ, мы должны изгнать ее.

И Луиза вздохнула; Рауль съ смущеніемъ потупилъ глаза; Мон-
талё захохотала.

— Хорошо же, что у меня нѣтъ родныхъ, сказала она.

— Вы, вродящо, уже осведомились о графѣ де-ла-Феръ? спро-
сила Луиза у виконта послѣ вздоху надъ собственнымъ своимъ
краснорѣчіемъ.

— Нѣтъ, я еще не видался съ отцомъ, отвѣчалъ Браздонъ: я
отправился къ нему, когда мадамозель де-Монталё остановила
меня. Я надѣюсь, что онъ здоровъ. Вы ничего дурнаго не слы-
хали?

— Нѣтъ, слава Богу, ничего.

Наступило молчаніе, впродолженіи котораго двѣ любящія души
преслѣдовали одну и ту же мысль и въ совершенствѣ понимали
другъ друга безъ посредства взглядовъ.

— Ахъ, Боже мой! вскричала вдругъ Монталё: кто-то идетъ!

— Кто бы это могъ быть? сказала Луиза, съ безпокойствомъ
вскочивъ.

— Я васъ привелъ въ затрудненіе, говорилъ Рауль, которому
стало ужасно неловко.

— Шаги довольно грузные, замѣтила Луиза, прислушавшись.

— Ахъ, если это Маликорнъ, такъ не стоитъ беспокоиться! сказала Монталё.

Луиза и Рауль переглянулись, чтобы узнать, что такое Маликорнъ.

— Не беспокойтесь, продолжала Монталё: Маликорнъ не ревнивъ.

— Но... возразилъ Рауль.

— А! понимаю.... Будьте спокойны: онъ также скромнѣе, какъ я.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Луиза, приложивъ ухо къ двери: это шаги моей матери!

— Мадамъ де-Сенъ-Ремі! вскричалъ Рауль: куда же нѣтъ скрыться?

Онъ съ умоляющимъ выраженіемъ посмотрѣлъ на Монталё, но и та, казалось, немножко потеряла голову.

— Да! сказала она: это ея походка.... Жаль, что окно такъ высоко, вѣконтъ: пятьдесятъ футовъ надъ мостовой.

Рауль съ содроганіемъ выглянулъ за балконъ; Луиза схватила его за руку.

— Ахъ, да что же я съума сошла, что ли? вскричала вдругъ Монталё: а платяной-то шкафъ на что!

Пора была спрятать лишняго гостя: мадамъ де-Сенъ-Ремі уже вошла на верхъ и отворила дверь въ ту самую минуту, когда дверцы шкафа захлопнулись за Раулемъ.

— Ты здѣсь, Луиза? сказала мадамъ де-Сенъ-Ремі.

Луиза была блѣдна, какъ будто совершила величайшее преступленіе.

— Да, маменька, отвѣчала она.

— Хорошо, хорошо.

— Присядьте, сударыня, сказала Монталё подавая стулъ, который поставила такъ, чтобы новой гостьѣ пришлось сидѣть спиною къ шкафу.

— Благодарю, мадамозель Аврелія, благодарю. Пойдемъ, Луиза, пойдемъ скорѣе.

— Куда, маменька?

— Домой. Надобно же тебѣ приготовить нарядъ!

— Что такое? спросила Монталё, стараясь поддѣлать удивленіе и боясь, чтобы Луиза не успѣла сдѣлать какую-нибудь глупость.

— Развѣ вы не слышали? отвѣчала мадамъ де-Сенъ-Ремі.

— Что же мы могли слышать здѣсь, на этой голубатѣ?

— И вы никого не видали?

— Вы говорите загадками, отъ которыхъ мы горимъ на медленномъ огнѣ, мадамъ де-Сенъ-Ремі: скажите скорѣй, въ чемъ дѣло! вскричала Монталё.

Она видѣла, что Луиза все больше и больше блѣднѣетъ, и не знала какъ выпутаться. Наконецъ она поймала у своей подружки взглядъ такой краснорѣчивый, что даже стѣна поняла бы его. Взглядъ этотъ указалъ ей Раулеву шляпу, которая красовалась на столѣ.

Монталё, продолжая разговаривать, подошла задомъ къ столу, сняла шляпу и переложила изъ правой руки въ лѣвую.

— Пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи короля, продолжала мадамъ де-Сенъ-Ремі. Надобно показать себя, дѣвицы. Примите къ свѣдѣнію.

— О! такъ подите же, Луиза, подите поскорѣе, съ вашею матушкой! Мнѣ тоже нужно перебрать мои платья.

Луиза встала; мадамъ де-Сенъ-Ремі взяла ее за руку и повела на лѣстницу.

Тамъ она шепнула:

— Вѣдь я запретила тебѣ ходить къ Монталё, зачѣмъ же ты ходишь?

— Но вѣдь она такъ меня любитъ, маменька! Притомъ, я только-что пришла.

— А ты не примѣтила кого отъ тебя спрятали?

— Спрятали?

— Я видѣла на столѣ мужскую шляпу того повѣсы, негодяя....

— Что вы, маменька!...

— Я тебѣ говорю, что я видѣла шляпу Маликорпа!

И голоса утонули въ глубинѣ узкой, круглой лѣстницы.

Монталё не проронила ни одного слова, потому что всѣ звуки долетѣли до нея какъ черезъ воронку, громче нежели были произнесены.

— Бѣдняжка, мадамозель де-Монталё, сказалъ выходя изъ шкафа Бражлонъ, который также почти все слышалъ: вы жертва дружбы!

— Бѣдный Маликорпъ, жертва любви! отвѣчала Монталё съ трагическою позой, вставъ передъ Бражлономъ, которому досадно стало на себя, зачѣмъ провѣкъ въ чужую тайну.

— Какъ мнѣ отблагодарить васъ за вашу доброту? сказалъ онъ съ смущеніемъ.

— Сосчитаемся когда-нибудь, отвѣчала дѣвушка: а теперь из-

вольте поскорѣе убираться, потому что мадамъ де-Сенъ-Ремъ не слишкомъ снисходительна. Какая-нибудь нескромность съ ея стороны можетъ довести дѣло до повального обыска, а это всѣмъ намъ будетъ неприятно. Прощайте.

— Но Лупза... какъ узнать?...

— Ступайте, ступайте! Король Людовикъ-Одиннадцатый очень хорошо понималъ, что дѣлалъ, когда изобрѣлъ почту.

— Ахъ! произнесъ Рауль.

— А я-то начто? продолжала Монталё, угадавъ его мысли: развѣ я не стою всѣхъ почтъ королевства? Поскорѣе! садитесь на вашего коня и маршъ! Нето мадамъ де-Сенъ-Ремъ воротится и тогда ужъ не уйдете безъ наставленія.

— Она еще скажетъ отцу!...

— И отецъ замылитъ вамъ голову. Ну, виконтъ! видно, что вы придворный: вы трусливы какъ вашъ король. У насъ, въ Блоа, такъ не очень трусятъ, только остерегаются. Спросите хоть у Маллкорна.

И съ этими словами дѣвушка вытолкала молодаго человѣка за дверь. Рауль прокрался за ворота, нашель свою лошадь, сѣлъ и поскакалъ, какъ-будто всѣ осемь алебардчиковъ его высочества гнали за нимъ по пятамъ.

Рауль ѣхалъ по коротко знакомой дорогѣ въ домъ графа де-ла-Фѣра. Онъ издали узналъ островерхую кровлю, двѣ башенки и голубятню, около которой носились стаи голубей, какъ сладостныя воспоминавія около растроганной души путешественника.

Подѣхавъ ближе, онъ услышалъ скрипъ блоковъ, на которыхъ поднимались тяжелыя ведра, и глухой плескъ воды въ глубокомъ колодецѣ. Эти простые звуки также многое напомнили ему.

Слишкомъ годъ уже Рауль невидалъ своего отца. Все это время онъ провелъ на службѣ у принца Кондэ, который послѣ волненій Фронды торжественно и чистосердечно помирился съ дворомъ. Покуда продолжалось несогласіе, принцъ, издавна полюбившій Бражлонэ, напрасно предлагалъ ему всѣ выгоды, какія только могутъ ослѣпить молодаго человѣка. Графъ де-ла-Феръ, всегда вѣрный королю и своимъ правиламъ честности, всегда отказывался за своего сына и молодой виконтъ, вмѣсто того чтобы слѣдовать за Кондэ и возмутителями, слѣдовалъ за Тюрённомъ и сражался за короля. А какъ Тюрённый и Кондэ побѣждали одинъ другаго только тогда, когда сражались подъ знаменами короля, то и Рауль въ десяти сраженіяхъ всегда былъ на побѣждавшей сто-

рошъ, не пошесть ни одного перашия и ни одного унору сръбети.

Вошедши снова въ милость у короля, Кондэ снова сталъ звать къ себѣ Рауля и графъ де-ла-Ферь уже не нашелъ поводу отказать. Прошелъ годъ со времени разлуки отца съ сыномъ. Нѣсколько писемъ приносили отраду, но не уничтожили тягости этой разлуки: мы уже видѣли, что Рауля кромѣ сыновней, еще другая любовь влекла въ Блюа. Однакожъ отдадимъ ему справедливость. Не будь случая и Авреана Монталэ, — этихъ двухъ демоновъ искустелей, — Рауль прямо поскакалъ бы къ отцу, — можетъ-быть не безъ оглядки, но, навѣрное, не остановился бы даже тогда, когда бы Луиза протянула къ нему руки.

Теперь первая половина пути была посвящена сожалѣнью о прошедшемъ, то есть о милей, которую такъ скоро должно было оставить, а вторая — нетерпѣливому желанію скорѣе свидѣться съ отцомъ и другомъ.

Садовые ворота были отворены. Рауль поскакалъ въ аллею не обращая вниманія на длинныя руки, которыми съ гнѣвомъ размахивалъ старикъ въ шерстяномъ фиолетовомъ камзолѣ и въ вытертой бархатной шапкѣ.

Старикъ руками разгребалъ гряду, усаженную розами и маргаритками, и разсердился на всадника, зачѣмъ прокладываетъ лошадиный слѣдъ на песокъ только что подметенной дорожки.

Онъ даже довольно громко крикнулъ, такъ, что всадникъ оглянулся, и въ ту же минуту сцена перемѣнилась. Увидѣвъ лицо Рауля, старикъ выпрямился и вдругъ бросился бѣжать къ дому съ какимъ-то ворчаньемъ, которое, какъ казалося, было у него выраженіемъ удивленія и радости.

Рауль прискакалъ къ конюшнямъ, отдалъ свою лошадь конюху и побѣжалъ на крыльцо съ успѣшностью, которая очень могла бы порадовать отеческое сердце.

Онъ прошелъ прихожую, столовую, гостиную и никого не встрѣтилъ. Наконецъ онъ нетерпѣливо постучался въ дверь кабинета и вошелъ, не дождавшись даже слова «войдите», которое произнесъ пріятный и почтенный голосъ.

Графъ сидѣлъ за столомъ, заваленнымъ бумагами и книгами. Въ немъ съ перваго взгляду можно было узнать знаменитаго барина и бывшаго щеголя. Лѣта только придали его красотѣ еще болѣе достойное и благородное выраженіе. Бѣлый лобъ безъ морщинъ подъ сѣдьющими волосами, пронзательные и выстьѣ кроткіе глаза подъ рѣсницами молодого человѣка, прекрасный

применительно къ ротъ подъ изящными усами съ легкой просѣдой, станъ прямой и гибкій, рука безукоризненная, только немножко похуdivшая, — вотъ графъ де-ла-Феръ, много прославившійся подъ именемъ Атоса.

Онъ занимался поправкою тетради, которая велъ была исписана его рукой.

Рауль хваталъ отца за плечи, за шею, за что попало, и цѣловалъ такъ вѣжно, такъ быстро, что графъ не находилъ времени ни освободиться ни преодолѣть отеческое свое волненіе

— Рауль! это ты? Рауль! возможно ли? Какимъ образомъ?

— Батюшка! какъ я радъ, что вижу васъ!

— Ты не отвѣчаешь мнѣ, Рауль? Ты взялъ отпускъ, или случилось какое-нибудь несчастіе въ Парижѣ?

— Слава Богу, несчастія ни какого не случилось, батюшка. Король женится, какъ я уже извѣщалъ васъ въ послѣднемъ письмѣ. Теперь его величество отправляется въ Испанію и на пути заѣдетъ въ Блоа.

— Чтобы навѣстить принца Гастона?

— Да. А чтобы не наѣхать въ-расплохъ и чтобы сдѣлать особенное удовольствіе его высочеству, принцъ Кондэ послалъ меня передовымъ.

— Такъ ты былъ у его высочества? спросилъ графъ съ живостью.

— Имѣлъ честь.

— Въ замкѣ?

— Да, отвѣчалъ Рауль, потупивъ взоръ, вѣроятно потому что чувствовалъ въ вопросѣ графа не одно любопытство.

— Въ самомъ дѣлѣ?... Ну, поздравляю.

Рауль поклонился.

— Но ты еще съ кѣмъ-нибудь видѣлся въ Блоа?

— Я имѣлъ честь говорить также съ ея высочествомъ.

— Это ужъ предполагается. Я не объ ея высочествѣ спрашиваю.

Рауль покраснѣлъ и не отвѣчалъ.

— Ты, кажется, не понимаешь меня, Рауль? продолжалъ графъ не дѣлая однакожъ ни какого особеннаго ударенія на словахъ, а только усиливая строгое выраженіе глазъ.

— Я очень хорошо понимаю васъ, батюшка, отвѣчалъ Рауль, и если приготавливаю отвѣтъ, то это не значитъ, что я иду лжи, вы это знаете.

— Я знаю, что ты никогда не лжешь. Поэтому-то я и удив-

ляюсь, что тебѣ такъ много времени нужно, да то чтобы скazać мнѣ да или нѣтъ.

— Я могу отвѣтить только тогда, когда хорошо пойму васъ. Если же я хорошо понялъ, вы не хорошо примете мой отвѣтъ. Вы безъ сомнѣнія вѣдывольны, что я видѣлся съ....

— Съ мадмоазель де-Лавальеръ?

— Я догадывался, что вы объ ней говорите, отвѣчалъ Рауль съ чрезвычайною кротостью.

— Да, я васъ спрашиваю, видѣлись вы съ нею?

Я вовсе не зналъ, что мадмоазель де-Лавальеръ въ замкѣ, когда я туда прѣхалъ. Только когда я окончилъ возложенное на меня порученіе и выѣзжалъ изъ воротъ, случай свелъ меня съ нею..... Я засвидѣтельствовалъ ей мое почтеніе.

— А какъ называется случай, который доставилъ вамъ эту честь?

— Мадмоазель де-Монталё.

— Кто это — мадмоазель де-Монталё?

— Молодая особа, которую я въ первый разъ видѣлъ, — фрей-липа ея высочества.

— Ну, далѣе я не стану спрашивать, виконтъ. Я и то уже сожалѣю, что такъ продлилъ разспросы. Я вамъ совѣтовалъ избѣгать встрѣчи съ мадмоазель де-Лавальеръ, видѣться съ нею не иначе какъ съ моего позволенія.... О! я знаю, что вы сказали мнѣ правду, что вы не искали этой встрѣчи. Мнѣ досадила случай; я не могу обвинить васъ. Поэтому я ограничусь тѣмъ, что уже сказалъ насчетъ этой дѣвицы. Я не имѣю противъ нея ни какихъ предубѣжденій; я только не желаю, чтобы вы бывали въ ея домѣ. Еще разъ прошу тебя, Рауль, помни это.

Свѣтлые глаза Рауля отуманились отъ этой рѣчи.

— Теперь, другъ мой, поговоримъ о другомъ, прибавилъ графъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ и съ нѣжною улыбкой: ты сейчасъ же возвращаешься на службу?

— Нѣтъ, батюшка, я располагаю остаться у васъ на весь день. По службѣ я исполнилъ порученія.

— Какъ здоровье его величества?

— Слава Богу.

— А принца?

— Тоже, какъ всегда.

Графъ забылъ Мазарина: это у него была старая привычка.

— Ну, Рауль, если у тебя нѣтъ ни какихъ другихъ обязанно-

стей, если ты хочешь провести день у меня, такъ и я поспѣю весь этотъ день тебѣ. Обини же меня еще разъ.... еще.... еще. Ну, теперь я твоѣ... А! вотъ нашъ старшій Гриммъ!.... Поди сюда, Гриммъ! Виконтъ хочетъ обнять тебя.

Старикъ не заставилъ повторить зовъ, приближалъ съ распростертыми объятіями. Рауль поспѣшилъ встрѣтить.

— Теперь не хочешь ли пойти со мною въ садъ, Рауль? Я покажу тебѣ новую квартиру, которую я приготовилъ для тебя къ отпуску; покажу, что выросло въ теплицѣ въ нынѣшнюю зиму, и пару лошадей, которыхъ я выѣзжалъ, а ты мнѣ между-тѣмъ сообщишь, что знаешь о нашихъ парижскихъ друзьяхъ.

Графъ закрылъ свою тетрадь, взялъ молодаго человека подъ руку и пошелъ съ нимъ въ садъ.

Гриммъ уныло посмотрѣлъ вслѣдъ уходящему Раулю, который головой чуть не касался двернаго косяка, и, поглядивъ съдую бородку, прошепталъ:

— Какъ онъ выросъ!

Между-тѣмъ какъ графъ де-ла Ферь показывалъ Раулю новую квартиру и новыхъ лошадей, мы перенесемъ читателя назадъ въ Блоа, который, въ ожиданіи праздника, въ необыкновенномъ волненіи.

Привезенное Раулемъ извѣстіе особенно отразилось въ гостиницахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, король и дворъ пріѣдутъ въ Блоа, это значитъ подсотни господъ да сотни двѣ слугъ съ лошадьми и каретами потребуютъ помѣщенія, не считая дворянъ, которые съѣдутся изъ окрестностей, лишь-только вѣсть распространится круговыми волнами, какъ отъ камня брошеннаго въ средину спокойнаго пруда.

Городъ Блоа, утромъ еще совершенно спокойный, спокойнѣе всякаго пруда, вдругъ заволновался ужасно.

Всѣ придворные служители, по приказу метръ-д'отелей, побѣжали по городу закупать провизіи; человекъ десять верховыхъ поскакали въ Шамборъ за дичью, на бѣвровскія токи за рыбой, въ шавернскія теплицы за цвѣтами и фруктами.

Изъ дворцовыхъ кладовыхъ вытащили дорогіе ковры и большія люстры; цѣлая армія полотеровъ ложила позы и подметала лѣстницы; всѣ дворники мели улицы; всѣ метлы, всѣ щетки и гребни въ городѣ работали съ примѣрнымъ усердіемъ: городъ чистился, умывался, причесывался и наряжался, чтобы встрѣтить дорогаго гостя.

Въ тотъ день у торговцевъ былъ большой расходъ на свѣчи, на ленты, на кружева, на галуны и темляки.

Многіе почтеннѣе граждане, совсѣмъ прибравшись дома, на-дѣвали кто мундиръ, кто подновленный кафтанъ и отправлялись къ городскимъ воротамъ посмотрѣть, не ѣдетъ ли. Король могъ пріѣхать поздно вечеромъ, ночью и даже на другой день, но что такое ожиданіе, если не родъ помѣшательства, что такое помѣшательство, если не крайность надежды?

На подолѣ города, во-ста шагахъ отъ замка, въ довольно опрятной улицѣ, которая называлась Старою и дѣйствительно была довольно стара, стояло очень почтенное зданіе съ островерхою кровлей, въ три окна на улицу въ первомъ этажѣ, въ два во второмъ и въ одно круглое подъ угломъ кровли. Къ этому треугольнику впослѣдствіи пристроенъ параллелограммъ, который своимъ фасадомъ безъ церемоніи выдвигался въ улицу и слузилъ ее на цѣлую четверть, но за то домъ сталъ вмѣстительнѣе.

Преданіе гласило, что въ этомъ островерхомъ домѣ, во времена Генриха Третьяго, жилъ государственный совѣтникъ, у котораго Катерина Медичи была въ гостяхъ,—кто говоритъ, просто въ гостяхъ, а кто— затѣмъ чтобъ задушить хозяина. Какъ бы то ни было, нога доброй дамы ступала на этотъ порогъ.

По смерти совѣтника домъ продали, потомъ покинули и наконецъ совсѣмъ отдѣлили отъ другихъ домовъ: никто не хотѣлъ стоять съ нимъ о стѣну. Уже около половины царствованія Людовика Тринадцатаго, вѣкторый Италіанецъ, по имени Крополи, бѣжавшій съ кухни маршала д'Авкра, поселился въ этомъ домѣ. Онъ основалъ тутъ небольшую гостиницу, и сталъ готовить такія макароны, что за ними присылали и пріѣзжали изъ-за нѣсколькихъ миль, изъ всей окрестности. Особенно прославилась эта гостиница съ-тѣхъ-поръ, какъ за макаронами однажды прислала Марія Медичи, которая, какъ извѣстно, сидѣла въ блоаскомъ замкѣ, въ заточеніи.

Это случилось въ тотъ самый день, когда Марія Медичи бѣжала черезъ знаменное окно. Блюдо съ макаронами, едва тропутое, осталось на столѣ.

Это двойное вниманіе, оказанное треугольному дому фамиліею Медичи, внушило трактирщику Крополи блестящую мысль придать свосму заведенію знаменную фамилію въ видѣ титула. Но ему, какъ Италіянцу, въ то время подобное изобрѣтеніе не послужило бы большою рекомендаціей, а незначительное и то бере-

живо скрытое состояніе не позволяло ему слишкомъ выдвигаться на видъ.

Видя приближеніе своей кончины, — что случилось въ 1643 году, по смерти Людовика-Тринадцатаго, — Крополи призвалъ своего сына, молодого поваренка, подававшего блестящія надежды, и, со слезами на глазахъ, просилъ сохранить тайну приготовленія макаронновъ, офранцузить свое имя, жениться на Француженкѣ и, наконецъ, когда политическій горизонтъ очистится отъ заслоняющихъ его тучъ, заказать большую вывѣску, на которой знакомый ему знаменитый живописецъ напишетъ портреты двухъ королей съ подписью: «Къ Медичамъ.»

Послѣ этого у Крополи стало силъ едва только на то, чтобы указать своему наследнику кирпичъ въ каминѣ, подъ которымъ у него была спрятана тысяча лупдоровъ. Онъ умеръ.

Молодой Крополи, человекъ съ душою, перенесъ потерю съ покорностью судьбѣ и находку безъ гордости. Онъ началъ приучать свою публичку такъ глухо произносить и въ окончаніи его фамиліи, что мало-по-малу, благодаря угодливости друзей, снѣвра Крополи стали звать мосьё Крополь, что, разумѣется, и вышло совершенно по-французски.

Потомъ мосьё Крополь женился, само собою разумѣется, на Француженкѣ, у родителей которой успѣлъ вынудить значительное приданое, показавъ, что было подъ кирпичемъ, въ каминѣ.

Исполнивъ эти двѣ статьи отцовскаго завѣщанія, Крополь принялся искать знаменитаго живописца, который долженъ былъ написать вывѣску.

Живописецъ скоро отыскался.

Это былъ старикъ Італіянецъ, собратъ Рафаэля и Карраччи, но только собратъ несчастный. Онъ называлъ себя принадлежащимъ къ венеціанской школѣ, вѣроятно, потому что любилъ колоритъ. Его произведенія, изъ которыхъ ни одно еще не было продано, бросались въ глаза на сто шаговъ, однако жъ на нихъ никто не бросался, такъ, что наконецъ знаменитый мастеръ со всѣмъ бросилъ писать.

Онъ, однако жъ, при всякомъ удобномъ случаѣ хвалился, что расписалъ купальню для маршалши д'Анкръ, и сожалѣлъ, что эта купальня вмѣстѣ съ живописью сгорѣла.

Крополи, въ качествѣ соотечественника, былъ очень снисходителенъ къ мастеру Питрино, — такъ звали художника. Быть-можетъ, Крополи видѣлъ знаменитую живопись въ купальнѣ маршалши д'Анкръ. Какъ бы то ни было, онъ такъ уважалъ и такъ

любилъ мастера Питрино, что всегда кормилъ его даромъ, то есть почти даромъ, — не за деньги, а за славу.

Привзательный и питаемый макаронами Питрино неутомимымъ языкомъ своимъ распространялъ извѣстность своего національнаго блюда и славу искусства своего друга и тѣмъ оказывалъ заведенію Крополи весьма важныя услуги.

Подъ старость онъ привязался къ молодому хозяину столько же, сколько былъ привязанъ къ старику, и мало-по-малу сдѣлался домашнимъ человѣкомъ, въ родѣ управителя. Его испытанная честность, его безукоризненная умѣренность, его примѣрное цѣломудріе и тысячи другихъ добродѣтелей, которыхъ мы не считаемъ нужнымъ перечислять, доставили ему въ домѣ Крополи вѣчное мѣсто у очага и стола съ правомъ надзору за услугами. На него была возложена обязанность пробовать наследственные макаронны и сохранять вкусъ въ первобытной чистотѣ. Онъ исполнялъ эту обязанность такъ добросовѣстно, что не допускалъ ни одной лишней поршинки перцу, и не прощалъ недостатка пармезану ни на одинъ атомъ. Не мало онъ возрадовался въ тотъ день, когда былъ призванъ раздѣлить тайну молодого Крополи и написать завѣщательную вывѣску.

Онъ съ жаромъ принялся рыться въ старомъ сундукѣ, гдѣ хранились кисти, — невозможно, правда, объѣденныя крысами, но еще пригодныя, — краски въ высохшихъ пузырькахъ, вареное масло въ бутылкѣ и палитра, вѣкогда принадлежавшая славному Бродзидіо, чародѣю, Аполлоу живописи, какъ въ восторгѣ гваривалъ Питрино.

Питрино выросъ отъ надежды возстановить и подновить свою славу декоратора купальни маршалши д'Анкрѣ.

Онъ поступилъ какъ Рафаэль, — перемѣнилъ манеру и въ стилѣ Альбона написалъ двухъ богинь вмѣсто королевъ. Знаменитыя дамы на вывѣскѣ вышли такія граціозныя, представляли изумленному взору такое сочетаніе розъ и лилій, — слѣдствіе перемѣны маперы у мастера, — изображали собою такія анакреонтическія позы сиренъ, что городничій, будучи приглашенъ на художественный судъ, запретилъ выставлять эту вывѣску: онъ нашелъ, что красавицы слишкомъ хороши для такого употребленія и могутъ смутить спокойствіе добродѣтельныхъ гражданъ.

Сверхъ того городничій далъ замѣтить наследнику изобрѣтательнаго трактирщика, что это изобрѣтеніе можетъ очень не понравиться принципу Гастову Орлеанскому, такъ, что, увидѣвъ портретъ своей знаменитой матери на вывѣскѣ, онъ, подлѣ благо-

слепой застѣ, можетъ спрятать и ходяща и творя, вывѣсилъ въ погреба блоаскаго замка, далъ и подальше.

— Или сотрите портреты, или сотрите подписи, прибавилъ онъ.

Нужно отдать почтенному городничему справедливость, что, говоря это, онъ вовсе не думалъ колануть знаменитаго живописца венеціанской школы.

Художникъ съ мрачнымъ уныніемъ повѣсилъ голову.

Когда городничій ушелъ, Кропаль сиресталъ руки на груди и сказалъ:

— Ну, что, мастеръ Питрино, что мы станемъ дѣлать?

— Смажемъ подписи, печально отвѣчалъ Питрино, и поднимемъ «Къ цимфамъ» или «Къ сиредамъ», какъ вамъ угодно.

— Какъ же можно, поивлуйте! Развѣ вы не слышали, что городничій велѣлъ или одѣть ихъ пристойнѣе или совсѣмъ стерѣть. Да сверхъ-того, вы знаете, завѣщаніе моего отца для меня священно. Онъ требовалъ чтобы на вывѣскѣ...

— Были портреты, перебилъ Питрино.

— Нѣтъ, чтобъ была подпись.

— Доказательство, что онъ требовалъ портретовъ — онъ хотѣлъ, чтобъ они были похожи, и никто не можетъ сказать, что эти портреты не похожи.

— Да, но кто жъ ихъ узнастъ безъ подписи? возразилъ Кропаль также совершенно невинно: кто изъ блоаскихъ гражданъ теперь упомянуть черты этихъ знаменитыхъ особъ? кто узнастъ въ этихъ портретахъ Катерину и Марію безъ подписи «Медичи»?

— Но моя работа, моя работа! сказалъ Питрино съ отчаяніемъ, чувствуя что молодой Кропаль правъ: я не хочу, чтобы моя работа пропала даромъ. Я пожалуй, слова напишу.... я двадцать разъ напишу.... Но я хочу, чтобы видѣли мою работу.... Дѣло идетъ о моемъ имени. Я не хочу, чтобы оно было предано совершенному забвенію.

— А я не хочу отправдѣться съ вами въ темницу.

— Пустяки! Сотремъ подписи! просилъ Питрино.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Кропаль съ твердостью. Но мнѣ пришла мысль.... чудесная мысль.... На вывѣскѣ будетъ ваша живопись и моя подпись сохранится. Медичи, по итадіански, гдѣ значить медикъ, врачъ?

— Да, во множественномъ числѣ.

— Ну, вотъ видите!... Медичи, Медичи! Такъ слушайте же,

что мы сдѣлаемъ. Заважень у королевичка новый листъ и вы напишете шестерыхъ модниковъ, да и подпишете, виллу «Къ Медичамъ». Это будетъ очень пріятная игра словъ.

— Шестерыхъ модниковъ!... Да какъ это возможно! Какъ же такую картину скомпоуеши? вскричалъ Питрино.

— Это ужъ ваше дѣло, но такъ надобно; я непремѣнно хочу, чтобы такъ было сдѣлано.... ахъ, Боже мой! макароны мои подгорѣли!

Противъ послѣдняго доказательства ничего нельзя было сказать. Питрино повиновался. Онъ написалъ на выѣскѣ шестерыхъ модниковъ съ подписью «къ Медичамъ»; городничій одобрилъ и позволилъ выѣснить.

Выѣска нѣла въ городѣ блистательный успѣхъ, произвела *фуроръ*.

Чтобы вполнѣ возмездить труды своего штатнаго живописца, Крополь повѣсилъ портреты первой выѣски въ своей спальнѣ, что заставляло мадамъ Крополь красить всякій разъ, когда она, раздѣваясь къ ночи, взглядывала на нихъ.

Вотъ какимъ образомъ треугольный домъ украсился выѣской, которая, вѣроятно, столько же, сколько знаменитые макароны, была причиною распространенія заведенія и пристройки ангела, съузвншаго Старую улицу.

Состояніе гостиницы Медией процвѣтало и упрочивалось. Крополь нѣмъ въ виду не огромное богатство: онъ надѣлся однако жъ удвоить тысячу дукаторовъ, которые ему оставилъ отецъ; помочь выручить еще тысячу съ продажи дома и заведенія и, освободившись отъ трудовъ, жить себѣ спокойно капитаномъ.

Съ такими надеждами Крополь, естественно, былъ падохъ на прибыль. Онъ едва не помѣшался отъ радости при извѣстїи, что король прїѣдетъ въ Блоа со свитою.

Крополь, его жена, Питрино и два поваренка тотчасъ же прокатили шашкетію на курятникъ и на чуланы чернаго двора и началось такое проволочаніе, что весь домъ огласился отчаянными криками.

На ту пору у Крополя жилъ только одинъ прїѣзжій.

Это былъ красивый, рѣзкій мужчина лѣтъ тридцати, съ строгимъ или, лучше сказать, печальнымъ выраженіемъ въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ.

Носилъ онъ всегда черныи бархатный кафтанъ обшитый гагатовъ. Простой бѣлый воротникъ, какъ у самаго строгаго пур-

танина, обнималъ изящную форму пѣшной молодой жѣн; маленькіе бѣлокурые усы едва прикрывали гордую, красную губу.

Говоря съ человѣкомъ, онъ смотрѣлъ прямо въ глаза безъ усилія, но и безъ всякой осторожности, такъ, что многимъ случалось находить блескъ его глазъ невыносимымъ и опускать свои въ землю. Вообще, по всему виду и обращенію, его нельзя было не призвать человѣкомъ очень знатнымъ.

Одинъ онъ жилъ у Крополя. Онъ, не разсуждая, даже не задумавшись, занялъ въ домѣ главную квартиру, которую Крополь показалъ ему съ цѣлію очень небезкорыстною и предосудительною, — скажутъ одни, — похвальною, — скажутъ другіе, потому что Крополь былъ знатокъ въ физиономіяхъ и судилъ о людяхъ по первому взгляду.

Квартиру пріѣзжаго составляла вся передняя часть стараго треугольнаго дома: большая гостиная въ два окна, въ первомъ этажѣ; одна небольшая комната сбоку и одна вверху.

Съ тѣхъ поръ какъ прибылъ, пріѣзжіи едва прикасались къ блюдамъ, которыя ему подавали. Съ содержателемъ гостиницы онъ говорилъ всего одинъ разъ, — предупредилъ, что пріѣдетъ нѣкто по имени Парри, котораго немедленно слѣдуетъ ввустать.

Послѣ этого незнакомецъ хранилъ молчаніе такое упорное, что оно почти оскорбляло Крополя, записнаго любителя пріятной бесѣды.

Въ тотъ день, съ котораго начинается наша повѣсть, незнакомецъ съ самаго утра сидѣлъ у отвореннаго окна и задумчиво по-сматривалъ въ оба конца улицы, вѣроятно, ожидая новаго пріѣзжаго, о которомъ говорилъ Крополю.

Такимъ образомъ онъ видѣлъ возвращеніе принца съ охоты, а потомъ снова могъ насладиться глубокимъ спокойствіемъ города и предаваться своимъ думамъ.

Вдругъ поднимавшаяся шумная суетня, хлопоты дворниковъ, лакеевъ, парикмахеровъ, гонцовъ, пажей, покушателей и торговцевъ, людской говоръ, лошадиный топотъ и стукъ телегъ, вся эта внезапная тревога удивила его, однако жъ онъ нисколько не утратилъ того спокойнаго величія, которое орлу и льву придаетъ ясный и надменный взглядъ посреди криковъ и гаму ловчихъ или любопытныхъ.

Потомъ крики жертвъ на черномъ дворѣ, торопливые шаги мадамъ Крополь по узкой и звонкой деревянной лѣстницѣ, необыкновенно хлопотливыя движенія Питрино, который утромъ

еще сидѣлъ на крыльцѣ и курилъ трубку съ легкою настояшаго Голландца, — все это возбудило у незнакомца любопытство.

Онъ всталъ и хотѣлъ идти, освѣдомиться, когда дѣверь отворилась. Незнакомецъ думалъ, вѣроятно, что къ нему ведутъ ожидаемаго прѣзжлага: онъ поспѣшно ступилъ шага три навстрѣчу.

Но вошелъ только Крополь, а за нимъ, въ тѣни, на лѣстницѣ, показалось педурное, но немножко пошлое отъ выраженія любопытства лицо мадамъ Крополь, которая бѣгло заглянула на красиваго господина и скрылась.

Крополь приближался согнувшись въ дугу, съ улыбкой на губахъ, съ колпакомъ въ рукѣ.

Незнакомецъ сдѣлалъ движеніе, вопросъ безъ слова.

— Я, сударь, сказалъ трактирщикъ, я пришелъ.... позвольте спросить, какъ прикажете звать вашу милость.... ваше графское сѣятельство, или ваша свѣтлость....

— Все равно, говорите въ чемъ дѣло, возразилъ незнакомецъ такимъ тономъ, который доказывалъ, что онъ не любитъ долгихъ разсужденій.

— Я пришелъ узнать, спокойно ли изволили провести ночь и угодно ли будетъ вашей милости оставить за собою этотъ номеръ? сказалъ Крополь скороговоркой.

— Да, я еще пробуду.

— Такъ-съ; по вотъ изволите видѣть, сударь, случилось обстоятельство, на которое мы не разсчитывали.

— Какое обстоятельство?

— Его величество король сегодня прибудетъ въ нашъ городъ, на день или на два.

На лицѣ незнакомца выразилось живое изумленіе.

— Людовикъ-Четырнадцатый прѣдетъ въ Блоа? спросилъ онъ.

— Точно такъ-съ.

— Ну, тѣмъ болѣе мнѣ поводу остаться.

— Такъ, сударь; но угодно ли вамъ будетъ удержать за собою всю эту квартиру?

— Я не понимаю васъ. Почему же мнѣ сегодня занимать меньше вчерашняго?

— Потому что.... вотъ видите ли, сударь.... позвольте вамъ сказать.... вчера мнѣ не слѣдовало назначать какой бы то ни было цѣны, чтобы не подавать виду, будто я не довѣряю ерествамъ вашей милости.... тогда какъ сегодня....

Незнакомецъ покраснѣлъ. Ему пришла мысль, что его считаютъ бѣдными и оскорбляютъ.

— Тогда какъ сегодня, повторилъ онъ рѣзко, вы не доверяете?

— Нѣтъ, сударь, я, слава Богу, хоть и трактирщикъ, однакожь знаю приличіе: въ моихъ жилахъ есть благородная кровь—отецъ мой служилъ при маршалѣ д'Анкрѣ....

— Я не спорю съ вами объ этомъ. Я только желаю знать и знать тотчасъ, къ чему ведутъ ваши вопросы.

— Сейчасъ, сударь.... Вы сами изволите разсудить, что нашъ городъ не великъ; что дворъ наѣдетъ, такъ переполнитъ его; что всѣ квартиры будутъ заняты и слѣдовательно значительно подымутся въ цѣнѣ....

Незнакомецъ опять покраснѣлъ.

— Сказывайте ваши условія, отвѣчалъ онъ.

— Я предложу условія по совѣсти, сударь, потому что ищу честной прибыли, безъ излишества и грубости въ притязаніяхъ.... Какъ квартира эта довольно велика, вы одиноки....

— Это мое дѣло.

— Безъ-сомнѣній, сударь; я вѣдь и не отказываю....

Кровь хлынула къ вискамъ незнакомца; онъ бросилъ на Крополя такой взглядъ, что тотъ ушелъ бы подъ знаменитый кирпичъ, въ каминѣ, если бы не былъ привинченъ къ мѣсту вопросомъ о выгодѣ.

— Вы хотите, чтобы я выѣхалъ? спросилъ незнакомецъ: объяснитесь, только коротко.

— Помилуйте, сударь; вы не поняли меня. Я поступаю деликатно.... я только плохо выражаюсь, или, быть-можетъ, ваша милость, будучи иностранцемъ, — что замѣтно нѣсколько по выговору....

Въ самомъ дѣлѣ незнакомецъ говорилъ съ картавленьемъ, которое составляетъ отличительную черту англійскаго выговору въ другихъ языкахъ.

— Вы, сударь, продолжалъ трактирщикъ, не совѣтъ принимаете смыслъ моихъ рѣчей. Я хочу сказать, что вы могли бы отдать одну или двѣ изъ трехъ комнатъ, которыя занимаете. Это значительно убавило бы цѣны и успокоило бы мою совѣсть, потому что мнѣ не лѣзко и непріятно вдругъ черезъ мѣру повышать цѣну на предметъ уже отданный.

— Чтѣ же стѣитъ эта квартира со вчерашняго дня?

— Одинъ лундоръ, сударь, со столомъ и съ уходомъ за лошадыю.

— Хорошо. А сегодня?

— Да, вотъ тутъ-то и задача! Сегодня прѣдетъ король; если дворъ будетъ ночевать, за постои будутъ давать хорошія деньги, такъ, что три комнаты по два лундора это составитъ шесть лундоровъ. Два лундора, известное дѣло, ничего, а шесть...

У незнакомца вся краска пропала: мѣсто ея заступила блѣдность.

Онъ съ геройскою твердостью вынулъ изъ кармана кошелекъ съ вышитымъ гербомъ, который тщательно скрылъ въ рукѣ. Крополь примѣтилъ, только, что кошелекъ очень тощъ, очень плоскъ, очень пустъ.

Незнакомецъ высыпалъ все содержаніе кошелька на руку. Оказалось ровно шесть лундоровъ, а трактирщику слѣдовало, по его расчету, семь.

— Тутъ недостаетъ еще одного лундора, не правда ли? спросилъ незнакомецъ.

— Точно такъ, сударь, но....

Незнакомецъ пошарилъ въ карманахъ, вынулъ бумажникъ, золотой ключъ и нѣсколько серебряныхъ монетъ.

Изъ этой монеты составилъ еще лундоръ.

— Покорно благодарю, сударь, сказалъ Крополь. Теперь мнѣ остается только узнать, угодно ли будетъ вашей милости и завтра удержать за собою эту квартиру, или я могу обѣщать ее господамъ, которые сегодня прѣдутъ съ его величествомъ?

— Справедливо, сказалъ незнакомецъ послѣ довольно долгаго молчанія: но у меня нѣтъ больше денегъ, какъ вы могли замѣтить, а я хочу удержать квартиру за собою, поэтому вы должны будете или продать вотъ этотъ брилліантъ, или взять его въ залогъ.

Крополь такъ долго всматривался въ брилліантъ, что незнакомецъ успѣвши прибавить:

— Я лучше хочу, чтобы вы продали его. Онъ стѣитъ триста пистолей. Жидъ.... есть у васъ жиды въ городѣ?... жидъ дастъ двѣсти; отдайте хоть за полтораста.... возьмите, что дадутъ, хотя бы дали не больше того, что стѣитъ ваша квартира на день. Ступайте!

— Помилуйте, сударь! вскричалъ Крополь пристыженный необычайнымъ безкорыстіемъ, пренебреженіемъ и непоколебимымъ терпѣніемъ, съ какимъ незнакомецъ перенесъ его грабительскія прищипки и алчное подозрѣніе: я надѣюсь, что и жиды въ городѣ Блюа не воры, какими вы ихъ, кажется, считаете. Если брилліантъ, какъ вы изволили сказать, стѣитъ....

Незнакомецъ еще разъ поразилъ Крополя своимъ свѣтлымъ взглядомъ.

— Я не знаю толку въ брилліантахъ, повѣрьте мнѣ, сударь! вскричалъ оторопѣвшій трактирщикъ.

— Такъ жиды знаютъ. Спросите ихъ. Теперь, я полагаю, ваши счеты кончены?

— Кончены, сударь.... къ моему крайнему сожалѣнію, потому что я боюсь, не оскорбилъ ли вашу милость.

— Совсе нѣтъ, отвѣчалъ незнакомецъ какъ человѣкъ, котораго трактирщикъ не можетъ оскорбить.

— Или, быть-можетъ, показался грабящимъ благороднаго путешественника.... Но извольте сообразить обстоятельства.... необходимость....

— Довольно объ этомъ, сказалъ я. Прошу теперь оставить меня въ покоѣ.

Крополь низко поклонился и вышелъ съ такимъ смущеннымъ видомъ, который доказывалъ въ немъ чувствительное сердце и обнаруживалъ истинное раскаяніе.

Незнакомецъ самъ заперъ дверь и, оставшись одинъ, посмотрѣлъ на кошелекъ, откуда высыпалъ отданныя деньги и вынулъ брилліантъ, послѣднее свое имущество.

Онъ обшарилъ также карманы, пересмотрѣлъ бумагу въ бумажникѣ и убѣдился, что онъ совершенно обобранъ.

Тогда онъ возвелъ глаза къ небу съ дивнымъ спокойствіемъ и отчаяніемъ, отеръ дрожащею рукою нѣсколько капель поту, выступившихъ на благородномъ лбѣ, и потупилъ недавно еще гордый и величественный взоръ въ землю.

Буря миновала его: быть-можетъ, въ глубинѣ души онъ молился.

Онъ подошелъ къ окну, запылъ прежнее мѣсто и остался тамъ неподвижный, безчувственный, безжизненный, до вечера, когда небо начало темнѣть, первые огни мелькнули на улицѣ и подали знакъ къ освѣщенію всѣхъ оконъ въ городѣ.

Тутъ вошелъ Крополь съ двумя слугами, которые стали накрывать на столъ.

Пріѣзжій не обратилъ на нихъ ни какого вниманія.

Крополь осторожно подошелъ и съ глубокимъ почтениемъ шепнулъ:

— Ваше сіятельство..... брилліантъ оцѣненъ.

— Ну, такъ что жъ?

— Бриллианщикъ его высочества даетъ двѣсти-осемьдесятъ пистолей.

— Вы получили?

— Вы приказали взять, ваше сіятельство, однако жъ я взялъ съ условіемъ, что, если вамъ угодно будетъ, по полученіи, конечно, ожидаемыхъ денегъ, воротить бриллиантъ, вамъ возвратятъ.

— Не нужно. Я сказалъ, продать.

— Какъ вамъ угодно, ваше сіятельство. Хотя я еще не окончательно продалъ вещь, однако жъ деньги уже получены.

— Такъ возьмите, что вамъ слѣдуетъ.

— Слушаю-съ, если вамъ непремѣнно угодно.

На губахъ незнакомца мелькнула грустная улыбка.

— Положите деньги на тотъ столикъ, сказалъ онъ отворачиваясь въ то же время, когда указалъ мѣсто.

Крополь положилъ довольно грузный кошель и взялъ изъ него, что приходилось.

— Теперь неужели ваше сіятельство огорчаете меня, не поужинаете? сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ: вы и то уже не изволили обѣдать сегодня. Это немножко обидно для гостиницы Медичей. Извольте посмотреть, кушанье подано и, смѣю прибавить, оно приготовлено съ усерднымъ желаніемъ угодить вашей милости.

Незнакомецъ приказалъ налить стаканъ вина, отломилъ кусокъ хлѣба и, не отходя отъ окна, сталъ прихлебывать и заѣдать.

Тутъ послышался звукъ роговъ и трубъ, отдаленный гулъ смѣшанныхъ голосовъ и топотъ лошадей, шумъ, который сталъ постепенно приближаться и заливать весь городъ.

— Король! король! повторяла шумная и тѣснящаяся толпа.

— Король! повторилъ трактирщикъ, покинулъ своего гордого постояльца и забылъ о деликатности, чтобы удовлетворить любопытству.

Крополь, его жена, Питриво, слуги и поваренки, всѣ сломя голову побѣжали за ворота.

Поѣздъ медленно приближался при свѣтѣ факеловъ и блестящей иллюминаціи въ окнахъ и на улицѣ.

За отрядомъ и толпою придворныхъ ѣхалъ паланкинъ кардинала Мазарина, запряженный четвернею вороныхъ лошадей.

За нимъ шли пажы и слуги кардинала.

Потомъ ѣхала карета вдовствующей королевы, съ фрейлинами у дверей и съ камеръ-юнкерами на коняхъ, по сторонамъ.

Потомъ король верхомъ на саксонской широкогривой лошади. Отдавая поклоны вверхъ, въ нѣкоторыя окна, откуда раздавались самыя громкія привѣтствія, молодой король какъ будто нарочно показывалъ свое благородное и пріятное лицо, освѣщенное факелами пажей.

Около короля, отступя шага на два, ѣхали принцъ Кондэ, Давждъ и человекъ двадцать придворныхъ и разныхъ савонниковъ.

Потомъ багажъ и слуги заключали это истинно триумфальное шествіе. По наряду, оно носило военный характеръ: только на нѣкоторыхъ старикахъ изъ придворныхъ было дорожное платье; остальные все были вооружены, какъ въ походъ, — въ буйволовыхъ кирасахъ и металлическихъ нагрудникахъ, какъ во времена Генриха-Чвертаго и Людовика-Тринадцатаго.

Когда король проѣзжалъ мимо гостиницы, незнакомецъ, чтобы лучше видѣть, высунулся изъ окна, а чтобы не быть узнаваемымъ загородилъ рукою лобъ, и при взглядѣ на этотъ поѣздъ, сердце у него завывало отъ горькой зависти.

Звукъ трубъ наводилъ на него обаяніе; крики толпы оглушили его; онъ на минуту уронилъ свой разсудокъ въ волновавшееся передъ нимъ море свѣту и блестящихъ мундировъ.

— Да! онъ король! онъ король! шепталъ онъ съ выраженіемъ отчаянія и глубокаго страданія.

Шумный и пышный поѣздъ далеко ушелъ и скрылся прежде чѣмъ незнакомецъ очнулся отъ своей мрачной думы. На углу улицы оставалась только темная толпа народу, изъ которой по временамъ раздавались дикіе сильные голоса, кричавшіе еще «да здравствуетъ король!» да на окнахъ гостиницы осталось шесть свѣтъ зажженныхъ въ честь пріѣзда.

Крополь не переставалъ повторять:

— Какой молодецъ нашъ король! совершенно покойный отецъ его!

— Да, красавецъ, прибавлялъ Питриво.

— И какой у него провицательный взглядъ! говорила мадамъ Крополь, вступившая уже въ критическія разсужденія съ сосѣдками.

Крополь поддерживалъ эти разсужденія своими изрѣченіями и не примѣчалъ старика, который, ведя подъ-узды небольшую ирландскую лошадуку пытался пробраться сквозь толпу, у воротъ гостиницы Медпчей.

Но вдругъ изъ окна раздался кличъ незнакомца.

— Хозяинъ! распорядитесь, чтобы можно было пройти въ вашъ домъ.

Крошоль расторопно оглянулся и провелъ новаго прїѣзжаго. Окно затворилось.

Прїѣзжій старикъ вошелъ, не сказавъ ни слова.

Молодой незнакомецъ ожидалъ его на порогѣ, встрѣтилъ съ распростертыми объятіями и повелъ къ стулу, но старикъ не сѣлъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; милордъ! Какъ можно! сяду ли я передъ вами!

— Парри! вскричалъ молодой человѣкъ: прошу тебя... вѣдь ты съ дороги... изъ Англїи... Ахъ! не въ твои бы лѣта такую службу нести, какую ты несешь у меня, мой бѣдный Парри! Отдохни.

— Прежде всего, милордъ, я долженъ дать вамъ отвѣтъ.

— Парри, умоляю тебя... не говори мнѣ ничего, потому что... если бы вѣсть твоя была хороша, ты не такъ началъ бы рѣчь. Ты изворачиваешься: значить, вѣсть дурна.

— Не торопитесь тревожиться, милордъ, возразилъ старикъ не все еще пропало, я надѣюсь. Правда, вамъ нужна твердость, настойчивость и въ особенности нужно терпѣніе.

— Парри! вскричалъ молодой человѣкъ: я прїѣхалъ сюда одинъ сквозь тысячи опасностей и кововъ: вѣришь ли ты въ мою твердость? Я десять лѣтъ обдумывалъ это путешествіе, несмотря на всѣ совѣты и препятствія: вѣришь ли ты въ мою настойчивость? Я сегодня продалъ послѣдній алмазъ моего отца, потому что мнѣ уже нечѣмъ было платить за ночлегъ и трактирщикъ сталъ гнать меня.

Парри возмущенъ отъ негодованія; молодой человѣкъ укротилъ его улыбкой и пожатіемъ руки.

— У меня остается еще двѣсти-семьдесятъ-четыре пистоля и я считаю себя богачемъ, я не отчаиваюсь: вѣришь ли ты въ мое терпѣніе, Парри?

Старикъ поднималъ къ небу дрожащія руки.

— Говори же, продолжалъ молодой человѣкъ: не скрывай отъ меня ничего. Чтò случилось?

— Отчетъ мой коротокъ, милордъ... по, ради Бога, не дрожите такъ!

— Это отъ нетерпѣнія, Парри. Говори, чтò тебѣ сказалъ генералъ?

— Сначала онъ не хотѣлъ принять меня.

— Онъ счелъ тебя за лазутчика?

— Вѣроятно. Но я написалъ къ нему письмо.

— И что же?

— Онъ получилъ и прочиталъ.

— Ты хорошо объяснилъ ему мое положеніе, мои желанія?

— Разумѣется, отвѣчалъ Парри съ печальною улыбкой: я вѣрно передалъ ваши мысли.

— И что же?

— Генералъ прислалъ мнѣ мое письмо обратно, черезъ адъютанта, съ словеснымъ объясненіемъ, что, если я до другаго дня останусь въ области, состоящей подъ его вѣденіемъ, онъ прикажетъ схватить меня.

— Схватить! вскричалъ молодой человѣкъ: схватить тебя, моего вѣрнаго слугу!

— Да, милордъ.

— Однако жъ ты вѣдъ подипись свое имя, Парри?

— Разумѣется, и очень четко подипись. Сверхъ-того, адъютантъ зналъ меня лично въ Сентъ-Джемзъ, прибавилъ старикъ со вздохомъ: въ Унтгеллѣ!

Молодой человѣкъ задумчиво и мрачно повѣсилъ голову.

— Это генералъ сдѣлалъ въ присутствіи своихъ приближенныхъ, сказалъ онъ вдругъ, стараясь ободриться: но подъ рукою... наединѣ съ тобой, что онъ сказалъ?

— Увы! милордъ, я не видалъ его наединѣ. Онъ прислалъ ко мнѣ четверыхъ конвойныхъ, которые дали мнѣ лошадь.... вы видѣли ее. Конвойные проводили меня вскачь до гавани Темби, посадили на барку, которая отправлялась въ Бретань, и вотъ я здѣсь.

— О! вздохнулъ молодой человѣкъ, судорожно схвативъ себя за горло, изъ котораго порывалось рыданіе: Парри! неужели это все?... все?

— Все, милордъ.

За этимъ короткимъ отвѣтомъ наступило продолжительное молчаніе: слышались только неровные, тяжелые шаги молодого человѣка по комнатѣ.

Старикъ пытался перемѣнить разговоръ, который шелъ къ слишкомъ мрачнымъ мыслямъ.

— Милордъ, сказалъ онъ, что значитъ весь этотъ шумъ, который я слышалъ впереди, подѣзжая сюда?... Улицы освѣщены.... народъ кричалъ да здравствуетъ король!

— А! ты не знаешь, Парри! отвѣчалъ молодой человѣкъ съ

горькою усмѣшкой: это король Франціи посѣтилъ свой городъ Блоа. Всѣ эти трубы принадлежать ему; всѣ эти золотомъ шитые чапраны принадлежать ему; всѣ эти дворяне вооружены шпагами, которые принадлежать ему. Мать ѣдетъ впереди его въ великолѣпной золоченой каретѣ. Счастливая мать! Министръ собираетъ для него милліоны и везетъ его къ богатой невѣстѣ. Оттого весь народъ веселъ и любитъ своего короля, и ласкаетъ его привѣтными криками — да здравствуетъ король! да здравствуетъ король!

— Да, да, милордъ; конечно, конечно, говорилъ Парри еще болѣе встревоженный этимъ оборотамъ разговора чѣмъ прежнимъ.

— Ты знаешь, продолжалъ молодой человекъ, ты знаешь, что между тѣмъ какъ все это дѣлается въ честь Людовика-Четырнадцатаго, у моей матери и у моей сестры нѣтъ ни денегъ, ни хлѣба; ты знаешь, что я буду опозоренъ и осмѣянъ черезъ двѣ недѣли, когда вся Европа узнаетъ о томъ, что ты сейчасъ сказалъ мнѣ!... Парри.... бывали ли примѣры, чтобы человекъ моего званія....

— Ради Бога, милордъ! не договаривайте!

— Ты правъ, Парри; я малодушный: если я не стану стараться о себѣ и Богъ совѣмъ оставитъ меня. Нѣтъ, нѣтъ, Парри.... У меня есть здоровыя руки, у меня есть шпага....

Онъ сильно ударилъ себя правой рукой по лѣвому плечу и снялъ со стѣны свою шпагу.

— Что вы хотите дѣлать, милордъ? спросилъ Парри.

— Я?... То что всѣ дѣлаютъ въ нашей семьѣ: мать моя живетъ широкимъ подавничемъ, сестра проситъ милостыни для матери, гдѣ-то у меня есть братья, которые живутъ тѣмъ же. Я старшій, я такъ же какъ и всѣ они пойду просить милостыни!

Съ этимъ словомъ, которое онъ внезапно оборвалъ страшнымъ нервическимъ хохотомъ, молодой человекъ пристегнулъ шпагу, взялъ шляпу, далъ себѣ накинуть черную плащъ, который носилъ въ дорогѣ, и пожалъ испуганному старику объ руки.

— Добрый мой Парри, сказалъ онъ: вели себѣ развести огонь, пей, ѣшь, спи, будь спокоенъ; будемъ спокойны, будемъ счастливы, вѣрный, единственный другъ мой: мы богаты какъ цари!

Онъ кулакомъшибъ тяжелый кошель съ золотомъ на полъ и снова захохоталъ съ чѣмъ страшнымъ выраженіемъ, которое однажды уже напугало старика. Потомъ, между тѣмъ какъ въ исому дому раздавался пѣніи и веселый говоръ и дѣлался

приготовленія къ приему новыхъ прїѣзжихъ, молодой незнакомецъ вышелъ на улицу, гдѣ Парри, смотрѣвшій изъ окна, скоро потерялъ его изъ виду.

Въѣздъ короля Людовика-Четырнадцатаго въ городъ Блоа былъ шуменъ и блестящъ, какъ мы видѣли, и король остался доволенъ прївѣтливою встрѣчей.

Передъ воротами замка его ожидалъ Гастопъ Орлеанскій, окруженный своимъ дворомъ и тѣлохранителями. Физиономія принца, всегда очень важная, заимствовала у торжественнаго случая еще новое выраженіе, новое величіе.

Принцесса со всѣми дамами ожидала прибытія племянника на балковѣ. Всѣ окна стараго замка, обыкновенно глухія и запустѣлыя, были ярко освѣщены и наполнены дамами.

Молодой король при барабанномъ боѣ, при звукѣ трубъ и при громкихъ кликахъ радости вступалъ на порогъ того самаго замка, въ которомъ, за семьдесятъ-два года до того, Генрихъ-Третій призывалъ въ помощь тайное убійство и предательство, чтобы удержать на своей головѣ корону, готовую упасть въ другой домъ.

Всѣ глаза, полюбовавшись на молодого красавца короля, стали искать другаго короля Франціи стараго, блѣднаго, худаго, котораго звали кардиналомъ Мазаринномъ.

Людовикъ обладалъ тогда всѣми природными дарами, которые составляютъ истинно знатнаго барина: голубые глаза у него были блестящіе, свѣтлые и прїятные; однако самыя искусныя наблюдатели, *душелазы*, никогда не нашли бы дна въ этой свѣтлой безднѣ кротости. Глаза эти походили на безпредѣльную глубину небесной лазури или на болѣе ужасную, но столько же дивную глубь Средиземнаго моря въ ясный лѣтній день, на это гигантское зеркало, въ которомъ небо любитъ отражать попеременно то свои звѣзды, то свои грозы.

Король былъ небольшого роста, — едва пяти футовъ съ двумя вершками, — но молодость еще називала этотъ недостатокъ, выкупленный, впрочемъ, чрезвычайнымъ благородствомъ во всѣхъ движеніяхъ и нѣкоторою ловкостью въ рыцарскихъ искусствахъ.

Въ Людовикѣ уже видѣнъ былъ король, но какъ до того времени его очень мало показывали народу, а тѣ кому случалось видѣть, видѣли его всегда подлѣ матери, женщины высокаго роста, и подлѣ кардинала, осанистаго мужичины, такъ, что прїнцпалъ развѣ только то, что кардиналъ выше короля.

Однако жъ, не смотря на всѣ эти физическія замѣчанія, со-

ставлявшіяся преимущественно въ столицѣ, жители города Блоа приняли Людовика-Четырнадцатаго какъ божество, а дядя и тетка, принцъ и принцесса Орлеанскіе — почти какъ короля.

Между тѣмъ, увидѣвъ въ приемной залѣ равныя кресла для него, для матери, для кардинала и для хозяевъ, — распоряженіе искусно прикрытое постановкою въ полукругъ, — Людовикъ вспыхнулъ и осмотрѣлся, чтобы прочитать на лицахъ, не нарочно ли ему приготовлено было это оскорбленіе. Но не найдя въ лицахъ матери и кардинала, ни въ хозяевахъ, ни въ присутствовавшихъ, онъ успокоился и только поспѣшилъ прежде всѣхъ сѣсть.

Кавалеровъ и дамъ представили королю, королевѣ и кардиналу.

Король примѣтилъ, что онъ и мать его рѣдко которое имя звалъ изъ тѣхъ, кого имъ представляли, тогда какъ кардиналъ, напротивъ, каждому умѣлъ сказать что-нибудь или о предкахъ или объ имѣніяхъ, что очень очаровывало провинціаловъ и утверждало ихъ въ мнѣніи, что тотъ и настоящій король, который знаетъ своихъ подданныхъ, точно такъ какъ солнце не имѣетъ соперника, потому что оно одно все грѣетъ и освѣщаетъ.

Подали ужинъ, котораго король ожидалъ съ нетерпѣніемъ, хотя и не рѣшался спросить. На этотъ разъ за Людовикомъ неоспоримо осталось первенство: онъ ѣлъ за четверыхъ.

Кардиналъ едва смачивалъ поблеклыя губы въ бульонѣ, подаваемомъ въ золотой чашкѣ. Могучій министръ завладѣвшій у королевы матери регентствомъ, у короля королевствомъ, не могъ у природы завладѣть хорошимъ желудкомъ.

Анна Австрійская, уже страдавшая ракомъ, отъ котораго должна была умереть лѣтъ черезъ шесть потомъ, кушала не больше кардинала.

Гастонъ, совершенно наполненный чрезвычайнымъ произшествіемъ въ его провинціальной жизни, вовсе ничего не ѣлъ.

Только принцесса Орлеанская составляла Людовику компанію: иначе ему пришлось бы ѣсть совершенно одному. Зато король и былъ очень благодаренъ, во-первыхъ, хозяйкѣ за содѣйствіе; во-вторыхъ, ея метръ-д'отелю Сель-Ремі, который истинно отличился.

По окончаніи ужина, король, взглянувъ на Мазарина, всталъ и, по приглашенію тетки, пошелъ съ нею по рядамъ собранія.

Тогда дамы замѣтили, — есть вещи, на которыя дамы въ провинціи

точно такія же хорошія наблюдательницы какъ и въ столицѣ, — дамы замѣтили, что у Людовика-Четырнадцатаго взглядъ быстрый и смѣлый, — что благонадежнымъ престолемъ сулило хорошаго цѣвителя. Мужчины, съ своей стороны замѣтили, что онъ гордъ, надмененъ и любить заставить потупить глаза, которые слишкомъ долго или слишкомъ пристально на него засматривались, — что предвѣщало строгаго господина.

Людовикъ-Четырнадцатый сдѣлалъ около трети смотру, когда слухъ его поразило одно слово кардинала, разговаривавшаго въ это время съ привѣемъ Гастономъ.

Слово это было имя женщины.

Услышавъ его, Людовикъ уже не слышалъ или не слушалъ ничего, что говорила тетка, и торопился только поскорѣе кончить обходъ.

Гастонъ, какъ человекъ учтивый, освѣдомлялся о здоровьѣ всѣхъ трехъ племянницъ кардинала и жалѣлъ, что не имѣлъ счастья видѣть и ихъ у себя.

Прежде всего въ этомъ разговорѣ, короля поразила противоположность голосовъ: Гастонъ говорилъ обыкновеннымъ своимъ тономъ, но Мазаринъ цѣлымъ тономъ противъ обыкновеннаго повышалъ голосъ, какъ будто хотѣлъ, чтобы его слышали ясно въ другомъ концѣ залы.

— Моиѣ племянницамъ еще нужно кончить воспитаніе, ваше высочество, отвѣчалъ онъ: имъ нужно будетъ исполнить своего роду обязанности, приготовитья занять положеніе въ свѣтѣ, а жизни при молодомъ блестящемъ дворѣ немножко разлѣзаетъ.

При послѣдней фразѣ Людовикъ печально улыбулся. Дворъ былъ молодъ, правда, но скупость кардинала немножко мѣшала ему сдѣлаться блестящимъ.

— Однако жъ, продолжалъ Гастонъ, вы не намѣрены же заключить ихъ въ монастырь или сдѣлать мѣщанками.

— Вообще нѣтъ, отвѣчалъ кардиналъ усиливая свое италіянское пронашешіе, такъ, что оно изъ мягкаго, пѣвучаго становилось рѣзкимъ, звонкимъ: я намѣренъ выдать ихъ за-мужъ и, разумѣется, какъ можно по-лучше.

— Ну, въ партіяхъ недостатку не будетъ, кардиналъ! просто-душно отвѣчалъ Гастонъ.

— Надѣюсь, ваше высочество, продолжалъ Мазаринъ, тѣмъ болѣе, что Богъ надѣлалъ моихъ племянницъ и умомъ и красотой.

Во время этого разговору, какъ мы сказали, король совершалъ путешествіе по рядамъ мѣстной знати.

— Мадмоазель Аршю, говорила принцесса, представляя ему толстую блондинку, которую на деревенскомъ праздникѣ можно было принять за разряженную поселанку: дочь моей музыкальной учительницы.

Король улыбнулся. Его тетка никогда не могла четырехъ нотъ взять правильно на клавеснѣ.

— Мадмоазель Аврелія де-Монталё, продолжала принцесса: моя фрейлина, хорошей фамиліи и хорошая служанка.

На этотъ разъ уже не король, а фрейлина улыбнулась, потому что взыскательная принцесса, не любившая баловать своихъ людей, сдѣлала объ ней такой благопріятный отзывъ.

Наша старая знакомка Монталё сдѣлала глубокой реверансъ, столько же изъ почтенія къ королю, сколько по необходимости: ей нужно было скрыть нѣкоторую часть своей улыбки.

Въ ту самую минуту король услышалъ слово, которое заставило его вздрогнуть.

— А третью зовутъ?... спросилъ Гастонъ.

— Маріей, ваше высочество, отвѣчалъ кардиналъ.

Въ этомъ словѣ, безъ сомнѣнія, заключалось волшебное могущество, потому что король вдругъ отступилъ отъ рядовъ въ средину круга, какъ-будто хотѣлъ что-то сказать теткѣ по секрету. Между-тѣмъ это было сдѣлано только для того чтобы нѣсколько приблизиться къ кардиналу.

— Тетушка, сказалъ Людовикъ, сѣясь, мой учитель географіи забылъ сказать мнѣ, что городъ Блоа отстоитъ такъ далеко отъ Паржа.

— Какъ такъ? спросила принцесса.

— Да модамъ, кажется, потребно нѣсколько лѣтъ, нато чтобы переѣхать это разстояніе. Посмотрите, пожалуйста, на этихъ дамъ!

— Чтò же? Я знаю ихъ.

— Нѣкоторыя недурны.

— Не говорите этого слишкомъ громко, любезный племянникъ: вы сведете ихъ съ ума.

— Погодите, погодите, тетушка! продолжалъ король сѣясь: вторая половинна фразы поправить первую. Нѣкоторыя даже недурны, говорю я, а между-тѣмъ многія изъ нихъ кажутся старыми и дурными, благодаря ихъ нарядамъ, устарѣвшимъ десятию годами.

— Однако жъ Блоа отстоитъ отъ Парижа только на пять дней ѣзды, ваше величество.

— Такъ, такъ и есть, по два года отсталаго на день.

— О! въ самомъ дѣлѣ, вы находите.... Я этого не примѣчала

— А вотъ.... посмотрите, тетушка, продолжалъ Людовикъ, все приближаясь къ Мазарину, чтобы лучше слышать: посмотрите, подлѣ этихъ пестрыхъ выставокъ и затѣйливыхъ куколъ простенькое бѣлое платье. Это, вѣроятно, одна изъ вашихъ фрейлинь, хотя я не знаю ея. Посмотрите, какая граціозная турнюра! Вотъ, это женщина! А тѣ просто куклы.

— Любезный племянникъ, возразила Орлеанская, позвольте замѣтить вамъ, что на этотъ разъ провинительность ваша ошиблась. Дѣвица, на которую вы указываете, не Парижанка, а здѣшная.

— О! неужели? вскричалъ король съ сомнѣніемъ.

— Подойдите, Луиза, сказала Орлеанская.

Дѣвушка, — также ваша знакомка, — робко подошла, краснѣя, и почти согнувшись подъ могуществомъ королевскаго взгляду.

— Мадмоазель Луиза-Франциска де-ла-Бомъ-Лебланъ, дочь маркиза де-Лавальера, церемонно сказала Орлеанская королю.

Дѣвушка, несмотря на смущеніе передъ королемъ, поклонилась такъ мило, что тотъ проронилъ нѣсколько словъ изъ разговору Гастона съ кардиналомъ.

— Падчерница, продолжала принцесса, моего метръ-д'отеля де-Сенъ-Ремі, который наблюдалъ за приготовленіемъ индѣйки съ трюфлями, что такъ поправилась вашему величеству.

Ни какая прелесть, ни какая красота, ни какая молодость, конечно, не устояла бы при такомъ представленіи. Король улыбулся. Была ли фраза эта сказана для шутки или просто, во всякомъ случаѣ, она сразу неумолимо убила все, что Людовикъ нашелъ въ дѣвучкѣ привлекательнаго и поэтическаго.

Мадмоазель де-Лавальеръ для принцессы Орлеанской, а отъ нея и для короля, была въ ту минуту только падчерница отличнаго знатока по части приготовленія индѣйки съ трюфлями.

Но точно такъ же поступали и боги на Олимпѣ. Діана и Венера, конечно, не менѣе жестоко трунили надъ прекрасною Алькимоной и бѣдною Ю, когда за столомъ у Юпитера, между нектаромъ и амбросіей, низъ случалось печально заговорить о смертныхъ красавицахъ.

Къ счастью своему, Луиза въ это время кланялась такъ низко, что не слыхала словъ принцессы и не видала улыбки короля.

Если бы бѣдная дѣвушка, у которой достало столько вкуса, что она одна догадалась одѣться просто въ бѣлое платье, — елибѣ эта горлица, такъ легко доступная всякому поражению, услышала безжалостную шутку прищессы и небрежную, почти презрительную улыбку короля, она умерла бы на мѣстѣ.

И даже Монталѣ, изобрѣтательная Монталѣ, не взялась бы оживить ее, потому что насмѣшка убиваетъ все, даже красоту.

Но Луиза ничего не видала и не слыхала: въ ухахъ у нея звенѣло, глаза застилали туманъ. Король между-тѣмъ обращалъ все свое вниманіе, весь свой слухъ къ разговаривавшимъ позади его и поспѣшилъ подойти къ нимъ советѣмъ.

Онъ подошелъ въ ту самую минуту, когда Мазаринъ оканчивалъ такъ:

— Марія съ сестрами въ эту минуту ѣдетъ въ Бруажъ, отъ насъ по другому берегу Лоары и, по расчету времени, я полагаю, онѣ завтра должны проѣзжать мимо Блоа.

Эти слова были произнесены со всеѣмъ тѣмъ тактомъ и увѣренностью, которыя дѣлали снѣора Джуліо Мазарина первымъ актеромъ въ мірѣ.

Вышло изъ этого то, что слова попали прямо въ сердце Людовику Четырнадцатому. Оборотившись на шерохъ короля, кардиналъ тотчасъ же увидѣлъ и слѣдствіе впечатлѣнія: оно отразилось легкою краской на лицѣ его воспитанника. Впрочемъ, что значило разгадать такую тайну человѣку, котораго хитрость уже двадцать лѣтъ проводила всеѣхъ европейскіхъ дипломатовъ!

Слова кардинала какъ-будто всадили отравленную занозу въ сердце Людовика: онъ не могъ уже усидѣть на мѣстѣ, поводитъ мутными, блуждающими глазами по всему собранію и больше двадцати разъ взглядомъ обращалъ вопросы къ матери, которая, въ разговорѣ съ хозяйкою, не примѣчала мольбы сына.

Съ этой минуты цвѣты, музыка, свѣтъ, красавицы, все стало Людовику противно и ненавистно. Сто разъ прикусивъ себѣ губу, сто разъ скрестивъ и опять протянувъ ноги, какъ ребенокъ не снѣющій зѣвнуть, и истощивъ все приличные способы выраженія своей скуки, онъ снова устремилъ взоръ къ двери, то есть къ свободѣ.

У этой двери стоялъ осанистый офицеръ, съ смуглымъ мужественнымъ лицомъ, съ суровыми, но блестящими глазами, съ сѣдоватыми волосами и черными усами, — истинный типъ военской красоты. Блестящій металлическій нагрудникъ, посылавшій обратно все лучи свѣта, какіе на него падали, свѣрая

шляпа съ краснымъ перомъ на головѣ, а не въ рукахъ, доказывали, что офицеръ стоялъ тутъ не гостемъ, а на службѣ.

Но лучше всего этого служебную обязанность и привычку къ этой обязанности доказывала поза: онъ стоялъ прислонясь къ косяку, скрестивъ руки на груди, и съ совершеннымъ равнодушіемъ, съ совершенною безчувственностью, какъ истинный наблюдатель, смотрѣлъ на веселье и на скуку праздника. Въ особенности онъ, казалось, понималъ гораздо лучше скуку нежели веселье.

Случайно взоръ его встрѣтился съ тоскливымъ взоромъ короля.

По-видимому, офицеръ уже не въ первый разъ смотрѣлъ въ эти глаза: онъ зналъ до основанія все, что они выражали, и прочитавъ въ нихъ, что происходило въ душѣ Людовика, то есть всю скуку, которая тяготила его, все желаніе, которое робко волновалось въ его сердцѣ, офицеръ понялъ, что нужно оказать королю услугу, не дожидаясь требованія, даже почти противъ его воли, и, смѣлый какъ передъ отрядомъ конницы, которой командовалъ въ атаку, онъ громко провозгласилъ:

— Конвой его величества!

Слова эти произвели впечатлѣніе громоваго раскату, который покрываетъ оркестръ, пѣсни, говоръ и шерохъ гуляющихъ: кардиналъ и королева съ удивленіемъ посмотрѣли на короля.

Людовикъ, поддержанный внезапнымъ выраженіемъ своей мысли, рѣшительно всталъ.

— Вы намѣрены удалиться, сынъ мой? спросила королева, между-тѣмъ какъ кардиналъ продолжалъ всматриваться въ него взоромъ, который бы можно было назвать нѣжнымъ, если бы онъ былъ менѣе провинцаленъ.

— Да, я утомленъ, отвѣчалъ король, и притомъ еще намѣренъ писать сегодня.

На губахъ министра мелькнула улыбка. Онъ, слегка кивнулъ головой, какъ-будто отпуская воспитанника.

Орлеанскіе посѣщали отдать приказанія явившимся придворнымъ.

Король поклонился и пошелъ къ двери.

Тамъ его ожидали, выстроившись, двадцать мушкетеровъ и смѣлый офицеръ, который такъ хорошо читалъ мысли въ глазахъ короля.

Когда король проходилъ, вся толпа придворныхъ и провинци-

дальныхъ гостей поднялась на носки, чтобы еще разъ взглянуть на него.

Десять мушкетеровъ пошли впередъ, расчищать королю дорогу сквозь толпу любопытныхъ въ передней: остальные десять шли за королемъ и принцемъ Орлеанскимъ, который провожалъ его какъ хозяинъ. Потомъ, позади пошли дежурные придворные. Такъ короля проводили до назначенныхъ ему покоевъ, тѣхъ самыхъ, которые занималъ Генрихъ-Третій во время своего прибыванія въ Блоа.

Тутъ дядя простился съ племянникомъ и десять мушкетеровъ проводили принца обратно въ залу, которая была все такъ же полна, несмотря на удаленіе короля.

Остальныхъ десятихъ мушкетеровъ офицеръ разставилъ по подстамъ въ караулъ, вѣрнымъ и быстрымъ взглядомъ осмотрѣвъ предварительно всю мѣстность, а самъ избралъ себѣ главную квартиру въ передней, гдѣ нашелъ кресло, на столѣ лампу, бутылку вина, графинъ воды и хлѣбъ.

Онъ обравилъ лампу, выпилъ полъ-стакава вина, усялся въ кресло и приготовился дремать.

Несмотря однако жъ на равнодушный и беззаботный видъ этого офицера, на немъ лежала важная отвѣтственность.

Будучи поручикомъ королевскихъ мушкетеровъ, онъ командовалъ всею ротой, а она состояла изъ ста-двадцати человекъ; двадцать человекъ находились при королѣ, а сто при вдовствующей королевѣ и въ особенности при кардиналѣ.

Мазаринъ, изъ экономическихъ видовъ, оставилъ свой конной домъ и въ дорогѣ пользовался королевскимъ, да такъ, что бралъ себѣ пятьдесятъ человекъ, а королю оставлялъ только двадцать, и это никому при дворѣ не казалось даже страннымъ.

При королевѣ находились тоже двадцать человекъ, а остальные тридцать отдыхали для смѣны товарищей.

Не-придворному, или иностранцу, могло бы еще показаться, если не страннымъ, то по-крайней-мѣрѣ примѣчательнымъ, что часть замка назначенная кардиналу была полна свѣту и движенія; мушкетеры стояли на часахъ у каждой двери и не выпускали никого посторонняго кромѣ курьеровъ, которые даже въ путешествіи слѣдовали за министромъ съ его корреспонденціей.

На половинѣ у короля, напротивъ, все было пусто и темно. Какъ двери заперлись, такъ и всякій слѣдъ величія пропалъ. Дежурные одинъ по одному разошлись. Принцъ Кондэ приехалъ, но

обыкновенію, спросить, не нужна ли его величеству какая услуга; поручникъ мушкетеровъ, привыкшій уже и къ вопросу и къ отвѣту, также по обыкновенію, отвѣчалъ — нѣтъ, и все начало засыпать, какъ у добраго купца или мѣщанина.

Между тѣмъ изъ покоевъ, отведенныхъ молодому королю, очевидно можно было слышать музыку праздника и видѣть ярко освѣщенные окна большой залы.

Черезъ десять минутъ по водвореніи своемъ на постелѣ, король могъ замѣтить удаленіе кардинала, которое произвело въ залѣ нѣсколько болѣе движенія. Королева также ушла и послѣ шуму, который надѣлами проводы, огни начали постепенно потухать въ парадныхъ покояхъ, воцарилась тишина.

Тогда никто уже не думалъ о королѣ, который сидѣлъ облокотясь на окно и грустно глядѣлъ на исчезающій свѣтъ и прислушивался къ замолкшему говору, никто! кромѣ развѣ незнакомаго въ гостиницѣ Медичей, который, какъ мы видѣли, завернулся въ свой черный плащъ и вышелъ на улицу.

Онъ пошелъ прямо къ замку, около котораго еще бродилъ любопытный народъ, и, видя, что въ воротахъ ни какой стражи нѣтъ, вошелъ на дворъ и на крыльцо. Прищепы тѣлохранители бесѣдовали съ свободными отъ службы гостями мушкетерскаго полка и поплавали молодую дружбу старымъ винограднымъ сокомъ, чтобы лучше росла.

Незнакомецъ разсудивъ, что, гдѣ побольше свѣту, гдѣ сустились пажы и камерлакен, туда ему и нужно, пошелъ по этому направленію. Но скоро передъ нимъ зазвенѣлъ опущенный мушкетъ и часовой закричалъ:

— Кто идетъ? Не приказано пускать!

— Я иду къ королю, спокойно и гордо отвѣчалъ незнакомецъ.

— На ту лѣстницу извольте идти, сказалъ часовой, указывая глазами въ противоположную сторону.

Незнакомецъ молча повернулся и пошелъ.

Въ той сторонѣ все было тихо и корридоры едва освѣщены. Только кое гдѣ мѣрно звенѣли шпоры и глухо отдавались шаги. Часовые какъ тѣни прохаживались въ полуиракѣ.

Когда незнакомецъ подошелъ близко, одинъ изъ нихъ, какъ водится, закричалъ:

— Кто идетъ?

— Другъ, отвѣчалъ незнакомецъ.

— Что нужно?

— Видѣть короля.

— Ого! вѣтъ, это невозможно.

— Отчего?

— Оттого что король уже почиваетъ.

— Уже?

— Да.

— Всё равно, мнѣ непремѣнно нужно видѣть короля.

— Да говорить вамъ, нельзя! Отойдите.

И часовой грозно ударилъ по ружью. Но незнакомецъ не тронулся съ мѣста.

— Послушайте, господниъ мушкетеръ, сказалъ онъ: вы дворянинъ?

— Имѣю честь быть.

— Ну, и я тоже дворянинъ, а между порядочными людьми услужливость — первая обязанность.

Часовой, побѣжденный достоинствомъ, съ какими были связаны эти слова, опустилъ мушкетъ къ ногѣ и сказалъ:

— Говорите, милостивый государь; во всемъ что не касается моего караульнаго поста, я готовъ служить.

— Благодарю васъ. У васъ здѣсь есть командиръ?

— Есть, нашъ поручикъ.

— Такъ укажите мнѣ, какъ пройти къ вашему поручику: я съ нимъ желаю переговорить.

— А! это иное дѣло! Извольте пройти вотъ сюда, на верхъ.

Незнакомецъ важно поклонился часовому и пошелъ на лѣстницу, между тѣмъ какъ отъ поста къ посту передавался докладъ:—Къ поручику! И послѣдній часовой наконецъ сказалъ:—Господниъ поручикъ! васъ спрашиваютъ.

Поручикъ, пробужденный отъ перваго забытья, протирая глаза и застегиваясь, тяжелою поступью пошелъ навстрѣчу къ посетителю.

— Что вамъ угодно?

— Вы поручикъ мушкетеровъ? спросилъ незнакомецъ.

— Имѣю честь быть.

— Очень радъ. Мнѣ непремѣнно нужно видѣть короля.

Поручикъ пристально посмотрѣлъ на незнакомца и съ одного этого взгляду увидѣлъ, что передъ нимъ въ простой одеждѣ стоитъ не простой человекъ.

— Мнѣ не хотѣлось бы предположить, что вы съума сошли, отъчалъ онъ, однако жъ мнѣ кажется, вы должны знать, что къ королю не входятъ такъ, безъ особеннаго его позволенія.

— Король позволитъ, господниъ поручикъ.

— Позвольте мнѣ усомниться въ этомъ. Король, четверть часа тому, удалился въ спальню и теперь, вѣроятно, раздѣвается. Впрочемъ, приказъ уже отданъ.

— Когда король узнаетъ, кто я, возразилъ незнакомецъ, выпривившись, онъ отиѣнитъ приказъ.

Удивленіе поручика возрастало, между-тѣмъ онъ какъ-будто начиналъ вѣрить.

— Если я соглашусь доложить о васъ, мнѣ по-крайней-мѣрѣ нужно знать, какъ доложить? спросилъ онъ.

— Вы доложите — его величество Карлъ-Второй, король англійскій, шотландскій и ирландскій.

Офицеръ вскрикнулъ отъ изумленія и отступилъ на два шага. На поблѣднѣвшемъ лицѣ его мгновенно отразился цѣлый рядъ сильныхъ терзающихъ чувствованій, которыя онъ старался скрыть въ глубинѣ души.

— О! да, ваше величество.... дѣйствительно! Мнѣ бы слѣдовало узнать....

— Вы видывали мой портретъ?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Или меня самого, при дворѣ, когда я еще не былъ изгнанъ изъ Франціи?

— И не то, ваше величество.

— Такъ почему же вы могли узнать меня?

— Я видѣлъ короля Карла-Перваго, вашего родителя, въ страшную минуту....

— Въ день....

— Да.

По лицу Карла прошло темное облако. Онъ какъ-будто стеръ его рукою и сказалъ:

— Вы еще затрудняетесь доложить обо мнѣ?

— Извините меня, ваше величество, отвѣчалъ офицеръ: но я не могъ предполагать, что вижу короля въ такой простой одеждѣ.... Извините, я бѣгу доложить.

Онъ поспѣшно ступилъ нѣсколько шаговъ и воротился.

— Вашему величеству, вѣроятно, угодно, чтобы свиданіе это осталось тайною? спросилъ онъ.

— Я не требую этого, но если возможно....

— Возможно, возможно! Я могу не предупредить дежурнаго камергера. Но тогда я долженъ попросить ваше величество отдать мнѣ шагу.

— Правда; возьмите.

Офицеръ почтительно принявъ шагу, положилъ на столъ и поспѣшно пошелъ во внутреннюю покою, не затворяя дверей.

На стукъ его, камердинеръ отворилъ дверь спальни.

— Его величество король англійскій! сказалъ офицеръ.

— Его величество король англійскій! повторилъ камердинеръ и отворилъ обѣ половинки.

Людвигъ-Четырнадцатый, также безъ шаги и безъ шляпы, въ разстегнутомъ камзолѣ, съ знаками живѣйшаго изумленія пошелъ навстрѣчу къ гостю.

— Вы, братъ мой! вы въ Блоа! вскричалъ онъ, сдѣлавъ камердинеру и караульному офицеру знакъ, чтобы вышли.

— Я ѣхалъ въ Парижъ въ надеждѣ увидѣться съ вашимъ величествомъ, отвѣчалъ Карлъ Второй: но узнавъ, что вы сами будете сюда, я обождалъ. Мнѣ нужно поговорить съ вами объ очень важномъ дѣлѣ.

— Говорите, братъ мой; я слушаю васъ.

— Сжальтесь надъ бѣдствиями нашего дому, ваше величество! Людвигъ покраснѣлъ и, садясь, придвинулъ ближе къ себѣ кресло, которое указалъ гостю.

— Я полагаю, продолжалъ Карлъ, мнѣ не нужно спрашивать, знаете ли вы подробности моей ужасной исторіи.

Людвигъ покраснѣлъ больше прежняго и положивъ руку на руку королю англійскому, отвѣчалъ:

— Стыдно признаться, братъ мой, но кардиналъ рѣдко говоритъ со мною о политикѣ. Мало этого, прежде мой камердинеръ Лапортъ читалъ мнѣ историческія книги, но и это прекратилось; Лапорта у меня отняли.... такъ, что я попрошу брата Карла разсказывать мнѣ все какъ человѣку, который ничего не знаетъ.

— Ну, тѣмъ лучше для меня, ваше величество: начавъ изъ далека я скорѣе могу надѣяться, что трону ваше сердце.

— Говорите, говорите, братъ мой.

— Вы знаете, ваше величество, что будучи, во время экспедиціи Кромвеля въ Ирландію, призванъ въ Эдинбургъ, въ 1650 году, я короновался въ Стоунъ. Черезъ годъ потомъ, Кромвель снова обратился на насъ. Я желалъ этой встрѣчи, я желалъ выйти изъ Шотландіи.

— Однако жъ, замѣтилъ Людвигъ, Шотландія почти ваша родина, братъ мой.

— Правда, но Шотландцы были до меня жестокіе соотечественники. Они принудили меня отрѣчься отъ вѣры моихъ от-

новъ; они повѣдали моего вѣрнѣйшаго слугу Мэстроза, зато что онъ не хотѣлъ быть повѣстантеромъ, и какъ бѣдный мученикъ, на предложеніе повѣданной милости, потребовалъ, чтобы тѣло его изрубили на столько кусковъ, сколько въ Шотландіи городовъ, то я не могъ ни выйти изъ города, ни войти въ другой безъ того чтобы не наступить на который-нибудь окровавленный членъ человѣка, который дѣйствовалъ, сражался и погибъ за меня. Я смѣло прошелъ почти окрестъ ряды Кромвелевой арміи и вступилъ въ Англію. Протекторъ испугался слѣдомъ; мы гнались какъ на бѣгу и призомъ этой страшной гонѣбы была корона. Если бы мнѣ удалось прежде его прибыть къ Лондону, корона, безъ сомнѣнія, досталась бы мнѣ, но онъ догналъ меня у Уорчестера. Пятаго сентября 1651 года, въ самую годовщину злощастной дѣмбарской битвы, я былъ побѣжденъ. Двѣ тысячи человѣкъ пали вокругъ меня прежде нежели я отступилъ на шагъ. Наконецъ должно было бѣжать. Отсюда исторія моя становится романомъ. Преслѣдуемый съ ошесточеніемъ, я остригъ волосы и нарядился угольщикомъ. Есть дубъ, который зовутъ королевскимъ, потому что я провелъ цѣлыя сутки на его вѣтвяхъ. Мои приключенія въ графствѣ страфордскомъ, отсюда я выѣхалъ, увозя съ собою на сѣдлѣ дочь моего хозяина, долго будутъ составлять предметъ разсказовъ на посвѣдѣлахъ. Современемъ я напишу все это, для поученія королямъ, моимъ братьямъ. Я разскажу, какъ, прибывъ къ Нортону, я встрѣтилъ одного придворнаго капеллана, смотрѣвшаго на игру въ городки, и одного стараго слугу, который, увидѣвъ меня, задвинулся слезами, такъ, что своею преданностью чуть не погубилъ меня хуже чѣмъ измѣной. Я опишу мой ужасъ.... да, ужасъ, ваше величество, когда, у полковника Уиндема, кузнецъ, осматривавшій нашихъ лошадей, объявилъ, что онъ козакъ на сѣверѣ.

— Страшно! прошепталъ Людовикъ Четырнадцатый: я ничего этого не зналъ. Я зналъ только о нашемъ переездѣ изъ Бригемстедъ въ Нормандію. Но скажите мнѣ, братъ мой, какииъ образомъ, будучи такъ дурно встрѣченъ въ Англіи, вы еще идѣтесъ на успѣхъ въ этой несчастной странѣ?

— О! ваше величество, послѣ уорчестерскаго сраженія тамъ очень много переѣнилось! Кромвель умеръ, послѣ того нашъ заключилъ съ Франціею трактатъ, на актѣ котораго поднялся выше васъ. Онъ умеръ пятого сентября 1658 года, — опять въ годовщину дѣмбарской и уорчестерской битвы.

— Но ему наследовалъ сынъ.

— Шкогорыя люди, ваше величество, имѣютъ семью, но не имѣютъ наследниковъ. Наслѣдіе Оливье было единомъ тяжелое бремя для Ричарда. Онъ отрекся отъ протекторства, — съ годъ тому назадъ. Съ тѣхъ-поръ Англія стала игорнымъ домомъ, въ которомъ всякій, кто вздумаетъ, играетъ въ кости на корону моего отца. Я тоже хочу принять участіе въ этой игрѣ. Ваше величество! дайте мнѣ одинъ милліонъ, чтобы подкупить одного изъ тѣхъ игроковъ, или двѣсти вооруженныхъ дворянъ, чтобы я могъ выгнать его изъ моего двorca.

— Такъ вы пришли просить...

— Вашей помощи. Я прошу ее какъ христіанинъ у христіанина, какъ братъ у брата. Помогите мнѣ, или деньгами, или людьми, и въ теченіи мѣсяца, — поставивъ или Ламберта противъ Монка, или Монка противъ Ламберта, — я завоюю наслѣдіе моего отца и не буду стоять моей землѣ ни одной гиней, ни одной капли крови. Мои подданные теперь утомлены возмущеніями, протекторствомъ и междоусобіями, такъ, что рады будутъ отдохнуть подъ щитомъ законной власти. Помогите мнѣ, ваше величество, и я буду обязанъ вамъ болѣе нежели отцу.... Бѣднѣйшій отецъ! онъ дорого заплатился за свои ошибки!... Вы видите, ваше величество, до какой степени я несчастенъ, до чего доходить мое отчаяніе: я обвиняю моего отца!

И блѣдное лицо Карла всхлипуло. Онъ на минуту закрылъ глаза обѣими руками, какъ будто ослѣпленный кровью, которая возмущалась отъ сыновней непочтительности.

Людвикъ чувствовалъ себя не менѣе несчастнымъ: онъ спокойно поворачивался на креслѣ и не находилъ слова для отвѣту.

Наконецъ Карлъ, которому десяти-лѣтнее старшинство давало больше силъ совладѣть съ собою, первый прервалъ молчаніе.

— Ваше величество, сказалъ онъ, я жду вашего отвѣту, какъ подсудимый ждетъ приговору. Жить мнѣ или умереть?

— Братъ мой! отвѣчалъ Людвикъ: вы просите милліона.... у меня! Но вѣдь я никогда не имѣлъ въ своемъ распоряженіи и четверти такой суммы! У меня ничего нѣтъ! Я стою же король французскій, сколько вы — король англійскій. Я — ния, цвѣра, одѣтая въ бархатъ, и только! Я сажусь на тронъ для виду, вотъ все мое преимущество передъ вами, братъ мой. Я ничего не могу дать, я ничего не могу сдѣлать.

— Возможно ли! вскричалъ Карлъ.

— Братъ мой, продолжалъ Людвикъ, повизгивъ голосъ: я пе-

принесъ такіа терзанія, какихъ не испыталъ послѣдній изъ моихъ оенцеровъ. Если бы Лапортъ былъ при мнѣ теперь, онъ разсказалъ бы вамъ, что я спалъ подъ изодранными одеялами, сквозь которые проскользали мои ноги; онъ разсказалъ бы вамъ, какъ, когда я требовалъ экипажа, мнѣ подвозили вытасенные изъ старыхъ кладовыхъ кареты, до половины съѣденныя крысасаня; онъ разсказалъ бы вамъ, какъ, когда я требовалъ объѣда, люди ходили на кухню къ кардиналу, справиться, есть ли что поѣсть королю. И до-сихъ поръ, до сегодня, когда мнѣ уже двадцать-два года, когда мнѣ слѣдовало бы имѣть ключи отъ казначейства, управление политикою и власть надъ войною и миромъ въ моихъ рукахъ, — посмотрите, что мнѣ оставляютъ! Посмотрите на это забвеніе, на это безмолвіе и запустѣніе, тогда какъ тамъ, посмотрите.... тамъ и свѣтъ, и движеніе и почтеніе! Тамъ братъ мой, тамъ настоящій король Франціи!

— Вы говорите о кардиналѣ?

— Да, о кардиналѣ.

— Такъ, значитъ, я осужденъ, ваше величество?

Людовикъ не отвѣчалъ.

— Осужденъ — настоящее слово, продолжалъ Карлъ, потому что я никогда не стану просить помощи у человѣка, который готовъ былъ голодомъ и холодомъ уморить мою мать и мою сестру, то есть дочь и внуку Генриха-Четвертаго, и уморилъ бы, если бы кардиналъ Рецъ и парламентъ не послали имъ дровъ и хлѣба!... Я лучше готовъ умереть.

— Умереть! вскричалъ въ испугъ Людовикъ.

— Да, продолжалъ король англійскій, бѣдный Карлъ Второй, внукъ Генриха-Четвертаго такъ же какъ и вы, ваше величество, Карлъ-Второй, не находя уже ни кардинала Реца ни парламента, умереть съ голоду, какъ едва не умерли его мать и сестра.

Людовикъ нахмурилъ брови и судорожно смая свои кружевные маншеты.

Эта неподвижность, это оцѣпенѣніе, служившее лично сильному волненію, поразило Карла. Онъ взялъ молодого короля за руку и сказалъ:

— Благодарю васъ, братъ мой, благодарю. Вы пожалѣли обо мнѣ. Больше я не могу требовать отъ васъ въ нашемъ положеніи.

— Пойдите, братъ мой! сказалъ вдругъ Людовикъ, поднимая голову: вамъ нужны или милліонъ или двѣсти человѣкъ вооруженныхъ дворянъ, сказали вы?

— Да, одного милліона мнѣ будетъ достаточно.

— Это не много!

— Довольно для того чтобы предложить одному человѣку. За убѣжденія нѣрѣдко плачивали дешево; а у меня дѣло просто съ корыстью.

— Двѣсти человѣкъ.... это одна рота, подумайте!

— Ваше величество, я знаю, четверо дворянъ, четверо французскихъ дворянъ, преданныхъ моему отцу, чуть-чуть не спасли моего отца, осужденнаго парламентомъ и охраненнаго цѣлою арміей.

— Стало бытъ, если я вамъ достану милліонъ или двѣсти человѣкъ, вы будете довольны и сочтете меня за добраго брата?

— Я сочту васъ за моего избавителя и, если взойду на отцовскій престолъ, Англія, по-крайней-мѣрѣ доколѣ я поцарствую, будетъ сестрою Франціи, какъ вы братомъ мнѣ.

— Хорошо, сказалъ Людовикъ: вы не хотите, такъ я пойду просить за васъ! Для васъ я сдѣлаю то, чего никогда не хотѣлъ сдѣлать для себя. Я пойду просить вамъ помощи у кардинала.

— О! вы благородный другъ, ваше величество! вскричалъ Карлъ: вы спасаете меня, братъ мой!... Если я когда буду нуженъ вамъ, располагайте мною.

— Тихе, братъ мой, тихе! чтобы не услышали васъ! возразилъ Людовикъ понижая голосъ: мы еще не до конца дошли. Выпросить денегъ у Мазарина, это хуже чѣмъ пройти заколдованный лѣсъ, въ которомъ каждое дерево заключаетъ въ себѣ демона, — это хуже чѣмъ идти завоевать весь свѣтъ!

— Однако жъ, ваше величество, если вы попросите....

— Я уже сказалъ вамъ, что я никогда не просилъ, отвѣчалъ Людовикъ съ такою гордостью, что Карлъ поблѣднѣлъ и отступилъ какъ раненный.

Людовикъ примѣтилъ это движеніе и поспѣшилъ прибавить:

— Извините, братъ мой: у меня нѣтъ матери и сестры, которыя страдаютъ. Мой престолъ обнаженъ и жестокъ, но я крѣпко сижу на немъ. Извините, не взыщите съ меня за это эгонистическое слово; я постараюсь загладить его дѣломъ. Я иду къ кардиналу; подождите меня здѣсь.

Когда Людовикъ-Четырнадцатый собрался идти къ своему министру, поручикъ мушкетеровъ, отдуваясь какъ человѣкъ, долгое время задерживавшій дыханіе, вышелъ изъ небольшой комнаты, которая находилась позади королевской спальни и соединялась съ передиею. Комнатка эта отдѣлялась отъ спальни только

тонкою дощатою перегородкой, скрытою обоями, следовательно отделялась только для глаз и мушкетеръ могъ слышать каждое слово разговора королей.

Услыхавъ послѣднiя слова Людовика, онъ почувшилъ замѣть свое мѣсто въ передней и проводилъ уходящаго глазами до ширidora.

Потомъ мушкетеръ особеннымъ, ему одному принадлежавшимъ образомъ тряхнулъ головой и сказалъ на гаекопшемъ нарѣчiи:

— Жалкая служба!.. жалнiй новелителъ!..

Потомъ онъ по прежнему усѣлся въ кресла, протянулъ ноги и закрылъ глаза.

Между тѣмъ у кардинала Мазарина происходила другая сцена.

Кардинала немножко безмоконла подагра. Онъ легъ въ постель. Не трудолюбивый кардиналъ употреблялъ въ дѣло даже свою болѣзнь и принуждалъ безсонницу быть покорнѣйшею рабою его работы. Онъ приказалъ своему камердинеру, Бернуэну, подать маленькiй дорожный пюитръ и приготовился нестать.

— Бриѣнъ здѣсь? спросилъ кардиналъ.

— Нѣтъ, ваша эмпаевнiя, отвѣчалъ камердинеръ: вы изволили отнустить москѣ де-Бриѣнна и онъ легъ спать. Но если вашей эмпаевнiи угодно, можно разбудить.

— Нѣтъ, не стѣнть.. Проклятыя цыры!

И кардиналъ про себя заботливо сталъ считать по пальцамъ.

— О! цыры! сказалъ Бернуэпъ: знаемъ мы ихъ! Если вы ударитесь въ выкладки, ваша эмпаевнiя, я поручусь вамъ, что у васъ завтра будетъ отличнѣйшая мигрень, а при этомъ еще съ нами вѣтъ Гено.

— Правда, правда, Бернуэпъ. Такъ замѣни же ты мнѣ Бриѣна, любезный. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ бы слѣдовало взять съ собою Кольберта. Этотъ молодой человекъ хорошо работаетъ, Бернуэпъ, очень хорошо. Мальчикъ порядочный.

— Не знаю, отвѣчалъ камердинеръ, можетъ-быть, онъ и хорошо работаетъ, только мнѣ его физиономiя не нравится.

— Хорошо, хорошо, Бернуэпъ, тебя вовсе не спрашиваютъ, нравится ли онъ тебѣ. Сядь здѣсь, возьми перо и пиши.

— Слушаю-съ.

— Вотъ тутъ, послѣ этихъ двухъ строкъ, которыя я напишусь.

— Здѣсь?... Чтѣ прикажете нестать.

— Пиши семь-сотъ-шестьдесятъ-тысячъ ливровъ.

— Семь сотъ-шестьдесятъ-тысячъ ливровъ.

— Съ Лиона....

Кардиналъ какъ-будто затруднился.

— Съ Лиона, контора въ Бернуаъ.

— Три милліона-девятсотъ-тысячъ ливровъ.

— Девятсотъ-тысячъ ливровъ.

— Съ Бордо семь-милліоновъ.

— Семь-милліоновъ.

— Ну, да, сень! оказалъ кардиналъ съ досадою, кота временный секретарь повторилъ слова только для того чтобы показать, что они написаны:

Снохотанувшись, кардиналъ прибавилъ:

— Ты понимаешь, Бернуаъ, что всё эти деньги придется отдать, промотать.

— Промотать ли ихъ придется или получить, маъ воо-равно, потому что она не мен, разсудительно замѣтилъ Бернуаъ.

— Они принадлежать королю, а королевскія деньги считаю. Чтѣ же мы сказали?... Ты вѣчно прерываешь меня!

— Семь-милліоновъ съ Бордо.

— Да, да!... Съ Мадрита пиши четыре милліона.... Я тебѣ объ-деваю, чѣи эти деньги, Бернуаъ, потому что всё слуду толку-ють, будто у меня есть свои милліоны, будто я богатъ. Это не-лѣзная выдумка. Впрочемъ, у министра своего ничего не быва-етъ.... Ну, продолжай. Общихъ доходовъ — семь-милліоновъ, Иквнй на девять-милліоновъ. Написалъ?

— Написалъ, ваша эмпиенція.

— Съ биржи шесть-сотъ-тысячъ ливровъ; разныхъ цѣнностей на два-милліона.... Ахъ! я и забылъ.... вещей въ разныхъ двор-цахъ....

— Писать въ королевскихъ? спросилъ Бернуаъ.

— Нѣтъ, не нужно: это подразумевается само собою. Напи-салъ?

— Написалъ, ваша эмпиенція.

— А цѣеры?

— Единицы подъ единицами.

— Хорошо, слава.

— Тридцать-девять-милліоновъ-двѣсти-шестьдесятъ-тысячъ лив-ровъ, ваша эмпиенція.

— О! вскричалъ кардиналъ съ досадою: еще нѣтъ и сорока милліоновъ!

Бернуаъ снова сдѣлалъ сложение.

— Точно такъ, ваша эминенція: недостаетъ еще семи-сотъ-сорока-тысячъ ливровъ.

Мазаринъ взялъ счетъ и внимательно просмотрѣлъ.

— Все-таки тридцать-девять-милліоновъ-двѣсти-шестьдесятъ-тысячъ ливровъ. Хорошая денюга; зачѣтвалъ Бернуэнь.

— Да, хорошая; я желалъ бы, чтобъ король имѣлъ ее.

— Вѣдь вы изволили сказать, что это деньги его-величества!

— Безъ сомнѣнія, но я желалъ бы видѣть ихъ ясными, чистыми, звонкими, а на этихъ тридцати-девяти-милліонахъ разве столько же, если не больше, долгу!

Бернуэнь улыбнулся и сталъ поправлять кардиналу изголовье и наливать пятя къ ночи.

— О! сказалъ Мазаринъ, когда камердинеръ вышелъ: имѣть даже сорока-милліоновъ! А мнѣ непременно нужно собрать сорокъ-пять. Хватитъ ли у меня времени?... Я склоняюсь, иду подъ гору.... я не достигну. Однако жъ, кто знаетъ? можетъ-быть, я найду еще два-три-милліона въ карманахъ нашихъ добрыхъ друзей Испанцевъ. Вѣдь они открыли Перу, чортъ возьми! У нихъ должно же что-нибудь оставаться!

Кардиналъ опять принялся за выкладки и совершенно забылъ даже свою подагру. Вдругъ Бернуэнь вбѣжалъ встревоженный.

— Что случилось? спросилъ кардиналъ.

— Король! ваша эминенція, король!

— Какъ король? возразилъ Мазаринъ, косѣннво убирая бумагу. Король идетъ сюда? въ такую пору! Я полагалъ, онъ давно спитъ. Что же у него такое?

Людовикъ могъ слышать послѣднія слова и примѣтить встревоженный видъ кардинала, потому что въ это время уже входилъ въ спальню.

— Ничего, кардиналъ, или по-крайней-мѣрѣ ничего такого, что могло бы тревожить васъ. Мнѣ только нужно поговорить съ вами о дѣлѣ, которое не терпитъ отлагательства, оттого я и пришелъ сегодня же.

Мазаринъ подумалъ, что потерявшее отлагательства дѣло состоитъ въ непосредственной связи съ разговоромъ, который король подслушалъ въ залѣ у Орлеанскихъ. Лицо его прояснло прелюбезною улыбкой, которая очень облегчила сердце Людовику.

Король смѣлъ.

— Ваше величество, сказалъ кардиналъ, мнѣ, конечно, слѣдовало слушать васъ не на постелѣ, но сильная подагра...

— Пожалуйста, безъ этикету между нами, кардиналъ, убѣди-

тѣльно сказалъ Людовикъ: я вашъ воспитанникъ, а не король, вы это очень хорошо знаете. Сегодня же я въ особенности пришелъ къ вамъ какъ проситель, который желаетъ и надѣется на хорошій приѣмъ.

Мазаринъ увидѣлъ, что король краснѣетъ, и утвердился въ первой своей мысли, то есть, что дѣло должно быть сердечное. На этотъ разъ, однако жъ, хитрый полѣтникъ, несмотря на всю свою тонкость, ошибся: краска происходила не отъ стыдливости юношеской страсти, а отъ болѣзненныхъ корчъ королевской гордости.

Мазаринъ, какъ добрый дядюшка, расположился помочь молодому человѣку объясниться.

— Говорите, ваше величество, сказалъ онъ: если вамъ угодно на минуту забыть, что я вашъ подданный, и называть меня вашимъ учителемъ, вашимъ воспитателемъ, я васъ, съ моей стороны, попрошу вѣрить въ мою всегдашнюю, неизмѣнную, вѣжную преданность.

— Благодарю, кардиналъ, отвѣчалъ король: впрочемъ, то, о чемъ я хочу просить васъ, вещь сама по себѣ не важная.

— Тѣмъ хуже! возразилъ кардиналъ: тѣмъ хуже, ваше величество! Я желалъ бы, чтобы вы потребовали у меня чего-нибудь важнаго, даже пожертвованія... Но чего бы вы ни потребовали, ваше величество, я готовъ успокоить ваше сердце, исполнить ваше желаніе.

— Очень радъ. Вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ король съ такимъ трепетомъ сердца, который равнялся только трепету сердца у кардинала: сейчасъ ко мнѣ пришелъ мой братъ, король англійскій.

Мазаринъ привскочилъ въ постель, какъ-будто его привели въ сообщеніе съ лейденскою банкой или вольтовымъ столбомъ, и въ то же время на лицѣ его отразились удивленіе и гнѣвъ. Людовикъ-Четырнадцатый, какъ ни мало былъ дипломатъ, тотчасъ догадался, что его министръ ожидалъ услышать совсѣмъ другое.

— Карлъ-Второй! вскричалъ Мазаринъ хриплымъ голосомъ и съ презрительнымъ движеніемъ губъ: вы приняли у себя Карла-Второго, ваше величество!

— Да, король Карлъ-Второй и теперь у меня, подтвердилъ Людовикъ нарочно придавая звуку Генриха-Четвертаго титулъ, о которомъ Мазаринъ забывалъ. Да, кардиналъ, этотъ король тронулъ мнѣ сердце, рассказывая о своихъ бѣдствіяхъ, великихъ бѣдствіяхъ, и мнѣ прискорбно казалось оставить брата безъ по-

ищи, — мнѣ, который самъ знакомъ съ несчастіемъ, мнѣ, который самъ выходилъ ужь почти въ такомъ же положеніи, когда во время смуты принужденъ былъ покинуть свою столицу.

— Кто же виновать! возразилъ кардиналъ: зачѣмъ у него вѣтъ Мазарина, который умѣлъ бы сохранить ему корону.

— Я знаю все, чѣмъ мой домъ обязанъ вашей эминенціи, гордо отвѣчалъ Людовикъ, и повѣрьте, что я никогда не забуду этого. Именно потому что мой братъ, король англійскій, не имѣетъ при себѣ такого могучаго генія, какой спасъ меня, я желалъ доставить ему помощь того самаго генія, — я желалъ просить, чтобы вы простерли свою руку и надъ нимъ. Я увѣренъ, кардиналъ, что вашей рукѣ стонитъ только коснуться Карловой головы, чтобы утвердить на ней корону, упавшую съ знамена его отца.

— Благодарю васъ за высокое мнѣніе обо мнѣ, ваше величество, сказалъ Мазаринъ, но такъ намъ нечего дѣлать: это народъ сумасбродный, опасный и глупый, ваше величество. Намъ не слѣдуетъ дотрогиваться до этого народу. Въ особенности вынѣшняя ихъ политика мнѣ совсѣмъ не нравится, да и вамъ тоже, я думаю,

— Вы можете помочь намъ завести у нихъ другую.

— Какую же?

— Напримѣръ, возстановить Карла-Втораго.

— Ахъ, Боже мой! неужели бѣдный Карлъ еще льститъ себѣ такою надеждою?

— Разуниверся, отвѣчалъ Людовикъ, смущенный затрудненіями, которыя, казалось, провидѣлъ свѣтлый и быстрый глазъ его министра: и для этого ему нужна только одинъ милліонъ.

— Только! милліончикъ, если позволите! насмѣшливо сказалъ кардиналъ: милліончикъ, если позволите попросить, братецъ!... Видишь какая нищая сенья!

— Кардиналъ! сказалъ Людовикъ, поднимая голову: эта нищая сенья — вѣтъ моей сени.

— А вы столько богаты, ваше величество, что можете раздавать милліоны? Есть у васъ милліоны?

— О! отвѣчалъ Людовикъ съ глубокимъ огорченіемъ, которому однакожъ не позволилъ выразиться на лицѣ: ъ! да, правда, кардиналъ, я знаю, что я бѣденъ, но, наконецъ, корона Франціи стонитъ же чего нибудь, а я готовъ заложить мою корону, чтобы достать этотъ милліонъ.

— Одинъ милліонъ вамъ нужно, ваше величество?

— Одинъ милліонъ.

— Итъ вы ошибаетесь, ваше величество: вамъ нужно гораздо больше. Бернуэвъ!... Вы увидите, ваше величество, сколько вамъ нужно... Бернуэвъ!

— Что вы, кардиналъ! вы приглашаете лакея на совѣщаніе о моихъ дѣлахъ?

— Бернуэвъ! кликнулъ еще разъ кардиналъ, какъ-будто не привычал досады короля: води сюда, скажи мнѣ сумму, которую я давеча просилъ тебя сосчитать.

— Кардиналъ! вы не слышали, что я вамъ сказалъ? вскричалъ король, блѣднѣя отъ негодованія.

— Не гнѣвайтесь, ваше величество, что я дѣлаю ваши дѣла открыто. Вся Франція знаетъ, что я дѣлаю: мои книги всѣ открыты. Что я тебя сейчасъ заставляю дѣлать, Бернуэвъ?

— Сложеніе, ваша эмипенція.

— Ты сдѣлалъ это сложеніе?

— Сдѣлалъ, ваша эмипенція.

— Чтобы повѣрить, сколько нужно его величеству денегъ? Такъ ли я тебѣ говорилъ.

— Точно такъ, ваша эмипенція.

— Ну, что же, какая сумма, я говорилъ, нужна?

— Сорокъ пять милліоновъ, кажется.

— А какую сумму мы нашли, собравъ всѣ наши средства?

— Тридцать-девять-милліоновъ-двѣсти-шестьдесятъ-тысячь.

— Хорошо, Бернуэвъ; только я и хотѣлъ знать. Ступай, скажы кардиналь и устремляй на озадаченнаго короля свой свѣтлый взглядъ.

— Но.... однакожъ.... проговорилъ король въ замѣшательствѣ.

— А! вы еще сомнѣваетесь, ваше величество! сказалъ кардиналъ. Хорошо, я представлю вамъ доказательство.

И Мазаринъ вытащилъ изъ пюпитра листъ бумаги, исписанный цифрами, но король отворотился, такъ глубоко было его огорченіе.

— Вы требуете милліона, ваше величество, продолжалъ кардиналъ, а какъ этого милліона здѣсь на счету итъ, то и выходитъ что вамъ ихъ нужно не сорокъ-пять, а сорокъ-шесть! Такой суммы ни одинъ жидъ не дастъ даже подъ залогъ французской короны.

Людовикъ смахъ кулаки подъ маншетами и отодвинулся съ креслами.

— Стало-быть, мой братъ, король англійскій, долженъ умереть съ голоду! казалъ онъ.

— Ваше величество, сказалъ Мазаринъ въ томъ же тонѣ, вспомните пословицу, на которую я совѣтую вамъ смотрѣть, какъ на выраженіе самой здравой политики: «Веселюсь своему бѣднѣю, когда твой сосѣдъ такой же бѣднѣю.»

Людовикъ подумалъ нѣсколько времени, потомъ бросилъ любопытный взглядъ на исписанный цыфрами листъ, который торчалъ однимъ угломъ изъ подъ крышки писитра, и сказалъ:

— Такъ нѣтъ возможности дать денегъ, кардиналъ?

— Рѣшительно ни какой, ваше величество.

— Но вспомните, что отказомъ я впоследствии могу нажать себѣ врага, если онъ взойдетъ на престолъ безъ моей помощи.

— Если вы только этого боитесь, ваше величество, такъ успокойтесь, отвѣчалъ кардиналъ съ живостью.

— Хорошо, хорошо; я не настаиваю.

— Убѣдилъ ли я васъ по-крайней-мѣрѣ, ваше величество? сказалъ кардиналъ, положивъ руку на руку короля.

— Совершенно.

— Другаго требуйте, чего хотите, ваше величество, я потчу за счастье исполнить ваше желаніе.

— Все другое вы исполните, кардиналъ?

— Разумѣется! Развѣ я не принадлежу душой и тѣломъ вашему величеству? Эй! Бернуэнь! свѣчь и конвой его величеству! Его величество возвращается на свою половину!

— Нѣтъ еще, погодите, кардиналъ. Вы предлагаете мнѣ ваши услуги, и я хочу воспользоваться предложеніемъ.

— Для себя, ваше величество? спросилъ кардиналъ, въ надеждѣ, что наконецъ пойдетъ рѣчь о его племянницѣ.

— Нѣтъ, не для себя, кардиналъ, отвѣчалъ Людовикъ, а все еще для моего брата Карла.

Лицо Мазарина снова отуманилось и онъ пробормоталъ нѣсколько словъ, которыхъ король однако жъ не слышалъ.

Вмѣсто нерѣшимости, съ какою Людовикъ, за четверть часа назадъ, приступалъ къ кардиналу, тутъ уже въ глазахъ молодого короля отразилась воля, съ которою можно бороться, можно и сломать даже, но которая, по-крайней-мѣрѣ въ глубинѣ сердца, сохранить память о своемъ пораженіи, какъ неизцѣлимую рану.

— На этотъ разъ, кардиналъ, дѣло идетъ о вещи, которую не такъ трудно найти какъ миллионъ, сказалъ онъ.

— Вы думаете, ваше величество? спросилъ Мазаринъ устремивъ на короля хитрый взоръ, которымъ умѣлъ читать да дѣй души.

— Да, я думаю, и когда вы узнаете, чего я желаю....

— А вы полагаете, что я еще не знаю, ваше величество?

— Вы знаете, что я хочу сказать?

— Выслушайте, ваше величество: я вамъ перескажу слова

Карла....

— О! вотъ еще!

— Выслушайте. «А если этотъ скрага, этотъ негодный Италіанецъ», говорилъ онъ...

— Кардиналъ!... что вы....

— Таковъ смыслъ, хотя бы слова и другія были. Боже мой! я вѣдь за это не сержусь на него! Всякій смотритъ посредствомъ своихъ страстей. Онъ сказалъ: «А если этотъ негодный Италіанецъ не дастъ милліона, котораго мы просимъ; если мы, по недостатку денегъ, принуждены будемъ отказаться отъ дипломатіи, ну! тогда выпросимъ людей, человѣкъ пять-сотъ вооруженныхъ дворянъ....»

Король вздрогнулъ, потому что кардиналъ ошибся только въ цифрѣ.

— Не правда ли, что такъ, ваше величество? вскричалъ министръ съ выраженіемъ триумфатора: потомъ Карлъ прибавилъ, разумѣется, много красныхъ словъ. Онъ сказалъ: «У меня по ту сторону пролива есть много друзей; этимъ друзьямъ недостааетъ только предводителя и знамени. Когда увидятъ меня, когда увидятъ французское знамя, они приставутъ ко мнѣ, потому что поймутъ, что вы помогаете мнѣ. Цѣтъ французскаго мундира подлѣ меня будетъ стоять не меньше милліона, котораго вамъ не далъ Мазаринъ, если онъ не дастъ....» Онъ очень хорошо зналъ, что я не дамъ.... «Съ этими пятью-стами дворянами я завоюю Англію, ваше величество, а вся честь будетъ принадлежать вамъ.» Вотъ что онъ сказалъ, или по-крайней-мѣрѣ около этого, не правда ли? И эти рѣчи онъ завернулъ въ блестящія метафоры, въ пышныя картины, потому что они всѣ говорили въ этомъ семействѣ. Отецъ тоже мастеръ былъ говорить.

Потъ стыда ручьями струился со лба у Людовика. Онъ чувствовалъ, что не согласно съ его достоинствомъ было слушать, какъ унижаютъ его брата, однако жъ не зналъ, какъ хотѣть передъ человѣкомъ, передъ которымъ все преклонялось, даже воля его матери.

Наковонецъ онъ сдѣлалъ усиліе и сказалъ:

— Не пять-сотъ человѣкъ нужно, кардиналъ, а только двѣсти.

— Ну, видите, что я угадалъ, чего онъ просить?

— Я никогда не отвергалъ, что вы дальновидны, кардиналъ, и потому именно думалъ, что вы не откажете моему брату Карлу въ дѣлѣ, которое такъ легко исполнить и о которомъ я прошу васъ за него или, лучше сказать, для меня самого.

— Ваше величество, отвѣчалъ кардиналъ, вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я занимаюсь политикой. Я занимался ею сперва съ кардиналомъ Ришельё, потомъ одинъ. Политика эта, надобно признаться, не всегда была очень честна, но она никогда не бывала недовкою. А та, которую въ эту минуту предлагаютъ вашему величеству, была бы вмѣстѣ и нечестна и недовка.

— Нечестна, кардиналъ?

— Вы заключили съ Кромвелемъ договоръ, ваше величество.

— Да, и въ этомъ самомъ договорѣ Кромвель подписался выше меня.

— Зачѣмъ же вы подписались такъ низко! Кромвель нашелъ хорошее мѣсто и занялъ его: такова у него была привычка. Такъ, я говорю, вы заключили договоръ съ Кромвелемъ, то есть съ Англією, потому что, когда вы заключали этотъ договоръ, Англія заключалась въ Кромвелѣ.

— Да, по Кромвель умеръ.

— Вы такъ думаете?

— Безъ-сомнѣнія, когда Ричардъ наследовалъ ему и даже отрекся.

— А! вотъ въ томъ-то и дѣло! Кромвелю наследовалъ Ричардъ, а Ричарду — Англія. Слѣдовательно, трактатъ остается въ своей силѣ больше чѣмъ когда-нибудь. Зачѣмъ вы нарушите его? Что измѣнилось? Карлу-Второму теперь хочется того, чего мы, десять лѣтъ тому назадъ, не хотѣли. Но это вѣдь предвидѣнный случай. Вы союзникъ Англіи, а не Карла-Второго, ваше величество. Я согласенъ, что съ семейной, съ родственной точки зрѣнія, заключить такой трактатъ значило поступить не совсѣмъ чисто, но съ политической стороны это было по-крайней-мѣрѣ не недовко, потому что, благодаря этому трактату, я спасъ ваше величество отъ возни съ вѣщиною войной въ то время, когда Фронда... Вы помните Фронду, ваше величество? (Король склонилъ голову)... когда Фронда могла сдѣлать эту войну довольно опасною. Вотъ какимъ образомъ я доказываю вашему величеству, что своротить теперь съ пути, не предупредивъ нашихъ союзниковъ, значило бы вмѣстѣ поступить и нечестно и недовко. Мы завязали бы войну, взявъ неправду на свою сторону; мы повели

бы ее, заслуживая того, чтобы на насъ пошла войной, и начавшая ее, мы же подали бы видъ, что боимся ея, потому что позволено, даюше пяти-стамъ, двумъ-стамъ, или пятидесяти, или хоть десяти человѣкамъ, всё-таки — позволено: Одинъ Французъ — французская нація; одинъ мундиръ — цѣлая армія! Предположимъ, напримѣръ, ваше величество, что рано или поздно вы будете имѣть войну съ Голландіей, — что, рано или поздно, непременно случится, — или съ Испаніей, что также можетъ быть, если вашъ бракъ не состоится (Мазаринъ пристально вѣсмотрѣлся въ короля), а на это могутъ найтись сотни причинъ... ну! въ такомъ случаѣ, одобрите вы, если Англія пошлетъ Соединеннымъ Штатамъ или пѣннъ полкъ, роту или даже полъ-взвода англійскихъ дворянъ? Найдете вы тогда, что она честно ограничивается предѣлами трактата о союзѣ съ вами?

Людовикъ слушалъ: ему казалось страннымъ, что Мазаринъ ссылается на честность, онъ, творецъ столькихъ политическихъ проделокъ, прозванныхъ мазаринадами.

— Но, наконецъ, сказалъ король, я могу не дать явнаго позволенія, но не могу также запретить моимъ дворянамъ служить въ Англіи, если имъ будетъ угодно.

— Вы должны будете запретить имъ воротиться, ваше величество, или по крайней-мѣрѣ вы должны будете протестовать противъ ихъ присутствія въ союзной землѣ въ качествѣ непріятелей.

— По послушайте же, наконецъ, кардиналъ... вы, гениальный, пронырливый и изобрѣтательный политикъ, подумайте сами средства помочь этому бѣдному королю такъ, чтобы намъ не повредить.

— Вотъ этого-то я и не хочу, ваше величество. Если бы Англія дѣйствовала по моему внушенію, она не могла быгъ мнѣ угодить лучше чѣмъ теперь. Управляемая такъ, какъ теперь, Англія будетъ для Европы вѣчнымъ гнѣздомъ процессовъ. Голландія покровительствуетъ Карлу-Второму: пусть покровительствуетъ. Они поссорятся, они подерутся; это двѣ единственныя морскія державы: пусть они взаимно уничтожатъ свои флоты, мы построимъ свой изъ обломковъ ихъ кораблей, — когда найдемъ денегъ на гвозди.

— О! какъ все это бѣдно и жалко, что вы тутъ насадили мнѣ, кардиналъ!

— Да, но какъ это вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо, признайтесь, ваше величество! Мало этого: я допущу на минуту возможность

нарушило ваше слово и трактатъ, — случается и такое, но это дѣлается тогда, когда ожидаешь или большихъ выгодъ или терпѣнья отъ трактата большое стѣсненіе. Положимъ такъ — вы позволите вербовку, которой у васъ просить; Франція, или ея знамя, — все равно, — переправится черезъ проливъ, станетъ сражаться и будетъ побѣждена.

— Это отчего?

— Да оттого, разумѣется, что Карлъ-Второй удивительно искусный полководецъ: это доказывается и Уорчестеромъ.

— Онъ не съ Кромвелемъ будетъ имѣть дѣло.

— Не съ Кромвелемъ, а съ Монкомъ, который немножко опасайся. Почтенный пивоваръ, о которомъ мы говорили, былъ плюминивать; на него находили минуты восторженности, раздѣтвенія, разбуханія, и тогда онъ трескался какъ слишкомъ переполненная бочка, и сквозь трещины всегда вытекало нѣсколько капель его мысли, а по нѣсколькимъ каплямъ уже можно было отвѣдать вкусъ дѣлаго. Кромвелъ такимъ образомъ больше десяти разъ давалъ намъ провинуть въ его душу, которую между тѣмъ всѣ почитали закованною въ тройную бронзу, какъ говорить Гораций. Но Монкъ.... о! ваше величество, сохрани васъ Богъ отъ всякой политики съ Монкомъ! Это онъ втеченіи одного году надѣлалъ меня всѣми монми сѣдинами! Монкъ не плюминивать, къ несчастію, Монкъ политикъ. Онъ не трескается, а сжимается. Онъ уже десять лѣтъ держитъ глаза устремленными на одну цѣль, и никто еще не знаетъ, на какую. Онъ исполняетъ совѣтъ Людовика-Одиннадцатаго и каждое утро сожигаетъ свой ночной колпакъ. Зато, когда этотъ тайно изрѣло обдуманый планъ обнаружится, онъ обнаружится со всѣми условіями успѣха, какія всегда сопровождаютъ непредвидѣнное. Вотъ Монкъ, ваше величество, о которомъ вы, можетъ быть, еще ничего не слыхали, котораго вы не знали даже по имени, пока онъ не заговорилъ съ вами Карлъ-Второй, который хорошо знаетъ, только не говорилъ вамъ, что такое Монкъ, то есть чудо скрытности и упорства, единственныя двѣ вещи, противъ которыхъ умъ и одушевленіе ничего не могутъ сдѣлать. Ваше величество, у меня было много одушевленія, когда я былъ молодъ; у меня всегда было много ума. Миѣ позволительно похвалиться тѣмъ, въ чемъ меня укоряютъ. Я съ этими двумя свойствами прошелъ хорошей путь, когда изъ сына пшенискаго рыбака сдѣлался первымъ министромъ короля Франціи и, какъ вашему величеству угодно признавать, оказалъ много услугъ вашему престолу. Те-

перь я вамъ скажу, если бы я на пути моемъ встрѣтилъ не Бофора, не Реца и не принца Кондэ, а Монка, мы погибли бы. Взяжитесь въ это дѣло, не подумавши, и вы попадетесь въ когти къ этому солдату-политику. Вѣрьте мнѣ, ваше величество, его каска—желѣзный сундукъ, въ которомъ онъ хранитъ всѣ свои мысли и отъ котораго ни кому не довѣряетъ ключа. Предъ нимъ я кланяюсь, ваше величество, и снимаю мою кардинальскую шляпу.

— Что же вы думаете, чего хочетъ Монкъ?

— О! если бы я зналъ это, я не сталъ бы говорить вамъ, чтобы вы остерегались: я былъ бы сильнѣе Монка. Но съ нимъ я боюсь угадывать.... Угадывать! Вы понимаете мое слово?... Потому что, когда я полагаю, что угадалъ, я останавливаюсь на какой-нибудь идеѣ и, противъ воли, преслѣдую эту идею. Слѣдъ поръ какъ тамъ власть въ рукахъ у этого человѣка, я похожъ на тѣхъ грѣшниковъ, у Данта, которымъ Сатана свернулъ шею и которые идутъ впередъ, а смотрятъ назадъ: я иду къ Мадриту, а между тѣмъ не свожу глазъ съ Лондона. Угадывать съ этимъ чортомъ Монкомъ значить обманываться, а обмануться значитъ погубить себя. Сохрани меня Богъ отъ покушенія угадать, чего ему хочется. Я ограничиваюсь развѣдываніемъ того что онъ дѣлаетъ, и этого съ меня довольно. Я думаю.... вы понимаете мое слово, «я думаю»? Это слово, относительно къ Монку; ни къ чему не обязываетъ.... Я думаю, Монку, просто хочется быть наследникомъ Кромвеля. Вашъ Карлъ-Второй уже дѣлалъ ему предложенія, черезъ повѣренныхъ, разъ десять. Монкъ всегда ограничивался тѣмъ, что прогонялъ повѣренныхъ и говорилъ имъ только одно: «Убирайтесь, или я васъ повѣшу.» Этотъ человѣкъ—Могилка. Въ настоящую минуту онъ разыгрываетъ преданность парламенту. Меня онъ эту преданностью не проведетъ: Монку не хочется, чтобы къ нему подослали убійцу, который можетъ остановить его работу: ему нужно кончить свое. Я думаю.... однако не вѣрьте томъ у, что я думаю, ваше величество: я только по-привычкѣ говорю—я думаю.... Я думаю, что Монкъ ухаживаетъ за парламентомъ до той поры, когда найдетъ удобный случай словить его. У васъ просятъ шпана, для схватки съ Монкомъ. Сохрани васъ Богъ отъ такой схватки, ваше величество: Монкъ побьетъ васъ, и если это еще случится испробовать, я во всю жизнь не утѣшусь! Я бы сказалъ себѣ, что Монкъ уже за десять лѣтъ предвидѣлъ эту побѣду. Радн Бога, ваше величество, уговорите Карла-Второго, чтобы онъ, если не для своей пользы, такъ изъ

дружбы къ вамъ, сидѣлъ смиренно. Вы можете дать ему небольшое содержаніе и подарить какой-нибудь замокъ.... Ахъ, да! постоите, я вспомнилъ о трактатѣ, о знаменитомъ трактатѣ, о которомъ мы сейчасъ говорили! Вы даже не имѣете права подарить ему замокъ!

— Какъ такъ?

— Такъ, ваше величество: вы обязались не оказывать гостеприимства Карлу-Второму, даже выслать его изъ Франціи. Затѣмъ-то мы и выслали его, а вотъ онъ опять воротился! Ваше величество, я надѣюсь, вы дадите вашему братцу уразумѣть, что ему нельзя оставаться у насъ, что это невозможно, что онъ насъ ставитъ въ непріятное положеніе, или я самъ ...

— Довольно, кардиналъ! сказалъ Людовикъ, вставая: вы можете отказать мнѣ въ деньгахъ, — вы имѣете право на это; вы можете отказать въ людяхъ, — вы также правы, потому что вы первый министръ и, слѣдовательно, въ глазахъ Франціи, отвѣчаете за миръ и за войну. Но если вы захотите помѣшать мнѣ, королю Франціи, оказать гостеприимство внуку Генриха-Четвертаго, моему двоюродному брату, товарищу моего дѣтства!... тутъ оканчивается ваша власть и начинается моя.

— Ваше величество, отвѣчалъ Мазаринъ, восхищенный, что такъ дешево отдѣлался: ваше величество, я всегда склонюсь передъ волею моего государя. Удержите короля англійскаго при себѣ, въ одномъ изъ вашихъ замковъ, и пусть Мазаринъ знаетъ объ этомъ, только чтобы министръ ничего не зналъ.

— Спокойной ночи, кардиналъ, сказалъ Людовикъ: я ухожу въ отчаяніи.

— Однако убѣжденные. Только мнѣ и нужно, ваше величество, отвѣчалъ Мазаринъ.

Людовикъ не отвѣчалъ. Онъ ушелъ въ раздумьѣ, убѣжденный, не во всемъ, что говорилъ ему кардиналъ, а напротивъ въ вещи, о которой тотъ тщательно молчалъ, то есть, въ томъ что ему необходимо самому заняться изученіемъ своихъ дѣлъ и дѣлъ Европы, которыя показались ему очень запутанными и темными.

Людовикъ нашелъ короля англійскаго сидящимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ его.

Карлъ всталъ и пошелъ было навстрѣчу, но остановился: на лицѣ Людовика мрачными знаками было написано удивленіе.

Чтобы облегчить брату тягостное призваніе, Карлъ-Второй самъ началъ рѣчь.

— Чтѣ бы со мной ни было, сказалъ онъ, я никогда не забуду

той доброты и той дружбы, какія вы мнѣ доказали, братъ мой.
— Увы! глухо возразилъ Людовикъ: дружба и доброта моя
Безплодны!

Карлъ поблѣднѣлъ, провелъ холодною рукою по лбу и бо-
ролся нѣсколько секундъ съ ударомъ, отъ котораго зашатался.

— Понимаю! сказалъ онъ наконецъ: ни какой нѣтъ надежды!
Людовикъ схватилъ Карла за руку.

— Погодите, братъ мой, сказалъ онъ: не отчаявайтесь; все еще
можетъ измѣниться. Рѣшимость на крайности подрываетъ са-
мыя вѣрныя дѣла. Прибавьте, умоляю васъ, прибавьте еще одинъ
годъ къ испытаніямъ, которыя вы уже перенесли. У васъ нѣтъ
ни какого повода ни благопріятнаго случая начать дѣйствовать
именно теперь. Погодите еще немножко. Оставайтесь у меня,
я дамъ вамъ дворецъ, который вамъ угодно; мы будемъ наблю-
дать за событіями и вмѣстѣ приготовимъ будущія. Успокойтесь,
братъ мой, ободритесь!

Карлъ-Второй высвободилъ свою руку и отступилъ, чтобы
приличіе поклониться королю Франціи.

— Отъ всего сердца благодарю васъ, ваше величество, ска-
залъ онъ: но я напрасно просилъ помощи у сильнѣйшаго короля
на землѣ; теперь у Бога буду просить чуда.

И, вичего болѣе не слушая, Карлъ вышелъ. Голову онъ дер-
жалъ высоко, руки и мускулы благороднаго лица судорожно тре-
петали, а глубокій мрачный взоръ, не паходя уже надежды въ
міръ человѣческомъ, какъ-будто уходилъ вдаль, отыскивать ее
въ нѣмыхъ невѣдомыхъ мірахъ.

Мушкетерскій поручикъ, видя его проходящаго такимъ обра-
зомъ, не поклонился, а какъ-будто преклонилъ колѣни передъ нимъ;
потомъ взялъ канделябръ, кликнулъ мушкетеровъ и проводилъ
несчастнаго короля черезъ пустынные корридоры, волоча по
плитамъ и ступенямъ перо своей шляпы, которую держалъ въ
лѣвой рукѣ.

За воротами офицеръ спросилъ, въ которую сторону королю
удобно будетъ идти, чтобы мушкетеры могли проводить его.

— Вы знали моего отца, поручикъ, говорите вы, сказалъ Карлъ
въ полголоса: можетъ-быть, вы молились за него? Если такъ,
помолитесь и за меня. Я пойду одинъ; мнѣ не нужно провожа-
тыхъ.

Поручикъ поклонился и приказалъ своимъ мушкетерамъ воро-
титься.

Но самъ онъ простоялъ нѣсколько времени и смотрѣлъ, какъ Карлъ-Второй скрылся въ темнотѣ за угломъ улицы.

— И ему, прошептавъ мушкетръ, какъ нѣкогда отцу его, Атось, если бы былъ теперь здѣсь, могъ бы по справедливости сказать:—Почтёвіе падшему величеству!

Потомъ мушкетеръ воротился и всходя на лѣстницу ворчалъ:

— Чортъ бы побралъ такую службу!.... Чтò за служба у безхарактернаго господина!.... Такая жизнь рѣшительно нестерпима и я не хочу долѣе такъ жить.... Чтò это такое?.... ни великодушія, ни стойкости!.... Ну, удалось же учителю! Ученикъ изуродованъ отлично.... Завтра же брошу этотъ колетъ въ уголь, прибавилъ онъ войдя въ переднюю и сядя въ кресло.

— Или, нѣтъ, сказалъ онъ отдумавъ: еще одну попытку можно сдѣлать.... сдѣлаю, но ужъ послѣднюю, *мордю*!

Онъ еще не кончилъ, когда король въ спальнѣ кликнулъ:

— Поручикъ!

— Здѣсь, ваше величество.... Ужъ не одумался ли онъ? прошептавъ поручикъ и скорымъ шагомъ вошелъ въ спальню.

Король отпустилъ камердинера и спросилъ у мушкетера:

— Кто закра дежурный?

— Я, ваше величество.

— Какъ! опять ты?

— Всегда я, ваше величество.

— Это какимъ же образомъ?

— Въ дорогѣ мушкетеры занимаютъ весь караулъ при дворѣ вашего величества, то есть при вашей особѣ, при ея величествѣ и при кардиналѣ, который пользуется самою большею частью вашихъ тѣлохранителей.

— А смѣны?

— Смѣны нѣтъ, ваше величество. Изъ ста-двадцати человекъ отдыхаютъ только тридцать. Въ Луврѣ другое дѣло, ваше величество: въ Луврѣ я могу сдавать команду взводному, а въ дорогѣ, почему знаешь, чтò можетъ случиться. Я не отдаю службы никому.

— Стало-быть, ты всякій день на службѣ?

— И всякую ночь, ваше величество.

— Этого я не потерплю, поручикъ; я хочу, чтобы ты отдыхалъ.

— Слушаю, ваше величество, только я не хочу.

— Чтò? спросилъ король, не понявъ смысла отвѣта.

— Я говорю, ваше величество, что я не хочу подвергаться провинности. Если бѣсу вздумается пошутить надо мною, онъ, разумѣется, выберетъ время, когда я буду въ отлучкѣ. Нѣтъ, ваше величество, у меня первое дѣло — служба и сподвижничество совѣсти.

— Но такимъ образомъ вѣдь ты совѣсть изпуришь!

— Нѣтъ, ваше величество, я уже тридцать-пять лѣтъ служу, а между-тѣмъ едвали во Франціи найдется человѣкъ здоровѣе меня. Не безпокойтесь обо мнѣ, ваше величество: это могло бы показаться мнѣ страннымъ; я къ этому не привыкъ.

— Такъ ты будешь здѣсь завтра утромъ? спросилъ король, переминая разговоръ.

— Точно такъ, ваше величество.

Король прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ. Видно было, что онъ горѣлъ желаніемъ заговорить, но какое-то опасеніе удерживало.

Поручикъ, стоя неподвижно, со шляпою въ рукѣ и положивъ другую руку на ефесъ, смотрѣлъ на эти эволюціи и кусалъ усы.

— Ни на полпистоли нѣтъ рѣшимости! думалъ онъ: я готовъ биться о закладъ, что онъ не заговоритъ!

Король продолжалъ ходить, по временамъ поглядывая искоса на поручика.

— Совершенный отецъ! продолжалъ разсуждать про себя мущекеръ: вылитый!.... Такъ же скупъ, такъ же самолюбивъ и такъ же робокъ.

Людовикъ остановился.

— Поручикъ! сказалъ онъ.

— Слушаю, ваше величество.

— Почему ты сегодня, тамъ, въ залѣ, закричалъ: — Конвой его величества!

— Потому что вы такъ приказали, ваше величество.

— Я?

— Вы сами.

— Я ни слова не сказалъ.

— Ваше величество, приказанія даютъ знакомъ, движеніемъ, взглядомъ точно такъ же ясно, какъ и словомъ. Слуга, имѣющій только уши, не полный слуга.

— Стало быть, твои глаза очень проникательны.

— Почему такъ, ваше величество?

— Потому что видать даже то, чего нѣтъ.

— Глаза у меня хорошіе, правда, ваше величество, хотя они

уже давно служатъ, и какъ только имъ представляется случай видѣть что-нибудь, они тотчасъ пользуются этимъ случаемъ. Сегодня вечеромъ они видѣли, что король краснѣетъ отъ напряженія удивлять зѣвоту, убѣдительно смотритъ то на кардинала то на ея величество и наконецъ на дверь; все это они такъ хорошо видѣли, что видѣли даже, какъ на губахъ вашего величества составлялись слова: — Кто меня избавитъ отъ этого неспоснаго положенія!

— Поручикъ!

— Или по-крайней-мѣрѣ видѣли слова «Мушкетеры, сюда!» Я исполнилъ приказаніе, повторилъ команду. И это такъ вѣрно, что ваше величество не только не сдѣлалъ мнѣ выговору, но тотчасъ же отправилъсь.

Король отвернулся, чтобы улыбнуться. Потомъ, черезъ минуту, опять снова обратилъ ясный взоръ на умное, выразительное и мужественное лицо, которое смотрѣло какъ смѣлый и гордый профиль орла на солнце.

— Хорошо, сказалъ онъ еще черезъ минуту, впродолженіи которой напрасно пытался заставить своего офицера потупять глаза.

Видя, что король ничего не говоритъ, поручикъ сдѣлалъ на лѣво-кругомъ и пошелъ къ двери ворча про себя:

— Онъ не заговоритъ, *морды!* онъ ничего не скажетъ!

— Благодарю, поручикъ, сказалъ тогда король.

— Да! только и недоставало, продолжалъ тотъ про себя, что получить выговоръ за догадливость.

Онъ шелъ, какъ будто только для того чтобъ прозвѣсть шпорами, и на порогѣ, чувствуя, что желаніе короля влечь его назадъ, обернулся.

— Ваше величество все изволили сказать? спросилъ онъ тонкомъ, котораго ничѣмъ невозможно передать и который, не вызывая на откровенность, заключалъ въ себѣ однако жъ столько убѣдительнаго чистосердечія, что король тотчасъ же отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не все; поди сюда.

— А! наконецъ! прошепталъ поручикъ.

— Послушай, поручикъ.

— Ни слова не пророку, ваше величество.

— Завтра, въ половинѣ пятаго, утромъ, ты велишь осѣдлатъ себѣ лошадей и мнѣ тоже.

— Вамъ пзъ копышенъ вашего величества?

— Нѣтъ возьми у мушкетеровъ.

— Слушаю, ваше величество.

— Ты поѣдешь со мною.

— Одинъ?

— Одинъ.

— Мнѣ прикажете љвиться, или подождать?

— Подождешь у маленькой калитки парка.

Король импостство сдѣлалъ знакъ, что отпускаетъ; поручикъ вышелъ въ переднюю и погрузился въ свое кресла. Но онъ не спалъ, какъ можно было бы предположить по поздней порѣ: онъ думалъ думу глубже чѣмъ когда-нибудь.

Слѣдствіе этихъ размышленій было не такъ безотрадно какъ слѣдствія предшествовавшихъ.

— Начинается! говоримъ онъ: начинается! Любовь толкаетъ; онъ идетъ, идетъ! Короля въ немъ нѣтъ, по человѣкъ, можетъ-быть, еще на что-нибудь годится! Впрочемъ, завтра утромъ увидимъ.... О! о! вскричалъ онъ вдругъ, выпрямляясь: вотъ гигантская мысль! *мордю!* Можетъ-быть, мое счастье наконецъ отыщется въ этой мысли!

Послѣ этого восклицанія мушкетерскій поручикъ всталъ и принялся шагами мѣрять огромную переднюю.

Пламя свѣчи рвалось подъ тягою сквознаго вѣтру, который отъ окна въ дверь сквозъ щели діагонально перерѣзывалъ комнату, и разливало красноватый, неровный, мелькающій свѣтъ. Большая тѣнь поручика двигалась по стѣнамъ какъ вырѣзанный сляуэтъ въ родѣ фантастическихъ фигуръ Калло, — съ торчащею шапкой и откинутымъ назадъ перомъ на шляпѣ.

— Право, ворчалъ онъ, или я очень ошибаюсь, или Мазаринъ поставилъ тамъ ловушку влюбленному молодцу. Мазаринъ сегодня назначилъ свиданіе и обязательно далъ адресъ не хуже самого Давжд. «Завтра, на зарѣ, я полагаю, сказалъ онъ, мои племянницы будутъ проѣзжать мимо Блоа.» *Мордю!* это, кажется, ясно, особенно для влюбленнаго. Вотъ отчего смущеніе, вотъ отчего колебаніе, вотъ отчего приказъ приготовить лошадей. Значить, мы поѣдемъ прогуляться, за рѣку, черезъ мостъ города Блоа, на большую дорогу. Значить, у меня, у поручика мушкетеровъ его величества, въ рукахъ ни больше ни меньше какъ государственная тайна. Отчего же у меня въ рукахъ эта тайна? Оттого что глаза хорошо видятъ, какъ я сейчасъ имѣлъ честь докладывать его величеству.... А вѣдь говорятъ, онъ до безумія любить эту италіянскую куклу! Говорятъ, онъ на колѣняхъ вымаливалъ у матери позволенія жениться на надмазель Маріи

Манчини! Говорить даже, королева споспѣлась съ Римомъ, чтобы узнать, будетъ ли дѣйствителенъ такой бракъ противъ ея согласія!.... О! если бы мнѣ было двадцать-пять лѣтъ! если бы здѣсь, со мною, были мои товарищи! если бы я не презиралъ еще, какъ теперь все презираю.... я поссорилъ бы Мазарина съ королевой, Францію съ Испаніей, и сдѣлалъ бы королеву по своему, но.... баста!

И поручикъ въ знакъ пренебреженія шелкнулъ, тряхнувъ пальцами.

— Этотъ гадкій Италіянецъ, эта подагра, этотъ скряга, не давший милліона королю англійскому, мнѣ, разумѣется, не дастъ и тысячи пистолей за вѣсть, которую я могъ бы принести ему.... О! мордю! что я, оребячился, оглупѣлъ! Мазаринъ дастъ что-нибудь!.... хо хо!

И мушкетерскій поручикъ дико захохоталъ.

— Маршъ, спать! сказалъ онъ потомъ самъ себѣ, да нигомъ уснуть! Сегодня я намаялся порядкомъ. Утро вечера мудренѣе.

Убѣдивъ себя такимъ образомъ, онъ завернулся въ плащъ и усѣлся въ кресло.

Черезъ пять минутъ потомъ, онъ спалъ съ крѣпко стиснутыми кулаками, съ открытымъ ртомъ, и звучный храпъ его вольно и широко разносился подъ пространнимъ потолкомъ королевской передней.

Едва солнце первыми лучами освѣтило верхушки деревьевъ въ паркѣ и флюгера на высокой кровлѣ замка, молодой король, проснувшійся уже за два часа до того, самъ отворилъ форточку и бросилъ любопытный взглядъ на дворъ, на которомъ отовсюду еще вѣяло сномъ.

Стрѣлка на большихъ башенныхъ часахъ показывала четверть пятого.

Людовикъ не разбудилъ своего камердинера, одѣлся одинъ, и когда тотъ въ испугѣ прибѣжалъ, полагая, что проспалъ службу, онъ выслалъ его, строго приказавъ молчать.

Потомъ онъ сошелъ внизъ по задней лѣстницѣ и увидѣлъ у стѣны парка всадника, держащаго вторую лошадь подъ уздцы.

Всадника нельзя было узнать подъ плащомъ и шляпою горожанина; лошади также были осѣдланы по партикулярному.

Людовикъ подошелъ; всадникъ, не сходя съ лошади, придержалъ ему стремя; король сѣлъ и малой рысью поѣхалъ впередъ.

Поручикъ въ двухъ шагахъ поѣхалъ слѣдомъ и они отправились черезъ мостъ на другой берегъ Лоары.

— Поручикъ, сказалъ тутъ король, прѣстѣвлявшая лошадь: поѣзжай впередъ по дорогѣ и когда увидишь карету какую-нибудь, дай мнѣ знать: я подожду здѣсь.

— Угодно будетъ вашему величеству означить мнѣ дѣтально подробностей насчетъ кареты, которую нужно узнать? спросилъ мушкетеръ.

— Карета, въ которой увидишь двухъ дамъ и, вѣроятно, также прислугу женскую.

— Ваше величество.... я не желалъ бы ошибиться.... нѣтъ ли еще какого-нибудь признака?

— Я полагаю, и вѣроятно, что на каретѣ увидишь гербъ кардинала.

— Слушаю, ваше величество.

Мушкетеръ повернулъ коня въ ту сторону, куда указывалъ король, и поскакалъ во всю прыть.

Но не успѣлъ онъ проѣхать пятисотъ шаговъ, какъ увидѣлъ выѣзжавшую изъ за холма карету, запряженную четверною мулою.

За этой каретой катилась другая.

Больше одного взгляду не нужно было, чтобы узнать экипажи кардинала Мазарина.

Мушкетеръ воротился къ королю.

— Ёдутъ, ваше величество, сказалъ онъ: въ первой каретѣ сидятъ двѣ дамы со своими горничными; во второй лакеи и кладь.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Людовикъ неровнымъ голосомъ: поди же, доложи этимъ дамамъ, что одинъ придворный кавалеръ желаетъ засвидѣтельствовать имъ свое почтеніе.... имъ однимъ.

Поручикъ поскакалъ.

— *Мордю!* ворчалъ онъ про себя на скаку: вотъ новая должность! и почетная, какъ кажется. Я жаловался, что ничего не значу: вотъ я повѣренный короля! Мушкетеръ! да тутъ треснуть можно отъ гордости!

Онъ подѣхалъ къ первой каретѣ и исполнилъ порученіе какъ посланецъ умный и ловкій.

Въ каретѣ дѣйствительно сидѣли двѣ дамы, — одна пріятельная красавица, хотя немножко худощавая; другая не столько облагодѣтельствованная природой, но зато живая, милая; въ легкихъ платьяхъ ея лба видѣлись всѣ знаки твердой воли.

Въ особенности ея быстрые, провицательные глаза говорили краснорѣчивѣе всѣхъ дѣльныхъ фразъ, бывшихъ въ ходу въ тотъ любезный вѣкъ.

! Въ сей-то поруникъ: д'Артаньянъ обратился и не отибея, хоти друган, какъ мы описали, былъ гораздо красивѣе.

— Сударыня, сказалъ онъ, я поруникъ мушкетеровъ, его величества. Тамъ, на дорогѣ, дожидается одинъ придворный камерьеръ; который желаетъ имѣть честь засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

При этихъ словахъ, которыхъ дѣйствіе мушкетеръ наблюдалъ съ любопытствомъ, черноглазая дама вскрикнула отъ радости и выскочила изъ кареты.

Увидѣвъ подѣзжающаго всадника, она дотронула руки и вскричала:

— Ахъ, ваше величество!

И на глазахъ у нея навернулись слезы.

Кучеръ остановилъ муловъ; горничныя съ смущеніемъ приподнялись съ мѣсто, сколько могли, а вторая дама отдала кѣ-знамъ поклонъ, заманувши самую насмѣшливою улыбкою, ка-кую когда-либо рисовала равность на губахъ хорошецкой же-щны.

— Марія! милая Марія! вскричалъ король, схвативъ черногла-зую даму за обѣ руки.

Онъ соскочилъ съ лошади, самъ отворилъ тяжелыя дверцы кареты и высадилъ даму такъ поспѣшно, что она скорѣе упала къ нему на руки чѣмъ ступила на землю.

Поруникъ взялъ королевскую лошадь подъ уздцы и удалился на нѣсколько шаговъ.

Король предложилъ Маріи: Мачина руку и далъ экипаажамъ знакъ, чтобы продолжали свой путь.

Было около шести часовъ. Вѣялъ свѣжій, легкій воздухъ; со-лице, вынужая рѣдѣющіе пары тумановъ, играло на умытой, со-чной зелени; деревья съ трепещущихъ листочевъ сводихъ ровали блестящіе жидкіе алмазы утренней росы на траву и на просы-рѣвшую, чистую дорогу; надъ рѣкой ласточки вырѣзывали въ воздухъ свои красныя круги и прикатылвыя извѣдны; наду-шенный въ лѣсу вѣтерокъ проносился черезъ дорогу и слегка рябилъ гладкую поверхность воды; всѣ прелести утра, всѣ бла-гоуханія растеній, всѣ вздохи земли къ небу, подиди любодвииковъ восторгомъ. Они шли, рука-объ-руку, глазъ-на-глазъ, и не смѣ-ли говорить, такъ много имъ нужно было сказать другъ другу.

Наконецъ Марія первая заговорила.

Мушкетеръ также слѣзъ и вода обѣихъ лошадей, подѣ уздцы, пошелъ слѣдомъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Слухомъ онъ могъ

также похвалиться какъ и глазами: онъ не проронилъ ни одного слова.

— Ахъ, ваше величество! сказала дѣвушка: хоть бы вы крайнейш-мѣрѣ не покидали меня!

— Вы видите, что я не покидаю васъ, Марія, отвѣчалъ король.

— Мнѣ однако жъ такъ много натвердили, что намъ стѣнитъ только разстаться и вы забудете думать обо мнѣ!

— Марія! развѣ вы сегодня только припѣтили, что мы окружены людьми, которые пахотятъ свою выгоду въ томъ, чтобы обманывать васъ?

— Однако жъ, ваше величество, это путешествіе.... этотъ союзъ съ Испаніей.... васъ женить!

Людовикъ склонилъ голову.

Въ то же время мушкетеръ видѣлъ какъ взоръ Маріи сверкнулъ, точно кинжалъ, выхваченный изъ ноженъ.

— Вы ничего не сдѣлали для нашей любви? спросила дѣвушка, помолчавъ.

— Неужели вы можете такъ думать? отвѣчалъ король: я на колѣняхъ стоялъ передъ матерью; я просилъ, я умолялъ! Я говорилъ, что все мое счастье заключается въ васъ; я даже грозилъ!

— И что же? спросила съ живостью Марія.

— Мать моя написала въ Римъ и ей отвѣчали, что бракъ между нами не будетъ имѣть ни какого значенія, что папа расторгнетъ его. Наконецъ, видя, что уже нѣтъ надежды, я выпросилъ, чтобы по-крайней-мѣрѣ промедлили моей женитьбой на нѣмнѣ.

— Что однакожъ не мѣшаетъ вамъ ѣхать къ ней?

— Что жъ дѣлать! На мои просьбы, на мольбы мнѣ отвѣчаютъ государственною потребностью.

— И?

— И что же мнѣ дѣлать, Марія, когда всѣ доказываютъ мнѣ, что нельзя иначе.

Марія, въ свою очередь, повѣсила голову.

— Стало-быть, я должна проститься съ вами навсегда, ваше величество, сказала она: вы знаете, что меня посылаютъ въ изгнаніе, меня хоронятъ.... меня выдаютъ замужъ!

Людовикъ поблѣднѣлъ и приложилъ руку къ сердцу.

— Если бы дѣло шло только о моей жизни, я тоже уступила бы преслѣдованіямъ и убѣжденіямъ безъ ропоту, но я полагаю,

что оно касается и вашего счастья, — оттого я близась до послѣдней крайности. Я хотѣла сохранить ваше добро.

— О! да! мое добро, мое сокровище! прошейтежь король, быть-можетъ, болѣе любезно чѣмъ страшно.

— Кардиналь уступилъ бы, если бъ вы обратились къ нему, продолжала Марія: кардиналу называть короля Франціи своимъ племянникомъ, понимаете ли вы, ваше величество! Для этого онъ былъ бы готовъ на все, даже на войну. Кардиналь, увѣренный, что будетъ властвовать одинъ, — подъ двойнымъ предлогомъ, что воспиталъ короля и далъ ему свою племянницу, — кардиналь побѣдилъ бы всѣ противорѣчія, опрокинулъ бы всѣ преграды. О! ваше величество, я ручаюсь вамъ за это. Я женщина и вижу ясно все, что касается до любви.

Эти слова произвели на короля странное впечатлѣніе: вмѣсто того чтобъ возбудить его страсть, они остудили ее. Онъ пошелъ тише и торопливо сказалъ:

— Что жъ дѣлать! Этого ничѣмъ не перемѣнишь.

— Кромѣ вашей воли, не правда ли, ваше величество.

— Увы! отвѣчалъ король: моя воля! Развѣ у меня есть воля?

— О! произясада болѣзненно Марія, пораженная этимъ словомъ.

— Королю воля предписывается политикою и государственной потребностью: другой воли у короля быть не можетъ.

— Это оттого что въ васъ нѣтъ любви! вскричала Марія: если бы вы любили, у васъ была бы и воля.

Говоря это, Марія пристально посмотрѣла на своего возлюбленнаго, который былъ блѣденъ и унылъ какъ изгнанникъ, навсегда покидающій родную землю.

— Обвиняйте меня, тихо говорилъ король, но не говорите, что я не люблю васъ.

За этими словами, сказанными съ истиннымъ и глубокимъ чувствомъ, наступило продолжительное молчаніе.

— Я не могу подумать, ваше величество, продолжала Марія, рѣшившись на послѣднюю попытку: я не могу подумать, что завтра, послѣ-завтра уже не увижу васъ! Я не могу подумать, что окончу дни мои вдали отъ Париза, — что губы старика, Богъ знаетъ, какого человѣка будутъ прикасаться къ рукѣ, которую вы теперь держите въ своей рукѣ.... Нѣтъ, право, я не могу представить себѣ всего этого, безъ того чтобъ бѣдное сердце мое не разрывалось отъ отчаянія.

И Марія зашлась слезами.

Тронутый король поднесъ платокъ къ губамъ и заглушилъ вздохъ.

— Видите, сказала она, карета остановилась; сестра ждетъ меня; эта минута рѣшительная: что вы теперь скажете, будетъ сказано на всю жизнь. О, Людовикъ! неужели я должна лишиться васъ? Неужели та, которой вы сказали: «Я люблю тебя!» будетъ принадлежать другому, а не вамъ, своему королю, своему господину, своему милому? О! ободритесь, Людовикъ! Одно слово, одно только слово! Скажите «я хочу!» и вся моя жизнь, все мое сердце, вся моя будущность будутъ прикованы къ вамъ!

Король не отвѣчалъ.

Тогда Марія посмотрѣла на него какъ Дидона на Энея, на Елисейскихъ Поляхъ, — дико и съ пренебреженіемъ.

— Такъ прощайте же, сказала она: прощай, жизнь; прощай, любовь; прощай, небо!

Она пошла, но король удержалъ ее, схвативъ за руку, которую прижалъ къ губамъ, и отчаяніе, казалось, взяло верхъ надъ прежде утвержденною рѣшимостью: онъ уронилъ на прекрасную ручку жгучую слезу, которая заставила Марію вздрогнуть какъ отъ настоящаго обжогу.

Она увидѣла увлажненныя глаза короля, его блѣдный лобъ, его судорожно сведенныя губы, и съ неизобразимымъ выраженіемъ вскричала:

— О! ваше величество! вы король, вы плачете, а я ѣду!

Вмѣсто отвѣту, Людовикъ закрылъ лицо платкомъ.

У мушкетерскаго поручика вырвалось что-то въ родѣ реву, который испугалъ обѣихъ его лошадей.

Марія Манчини съ гнѣвомъ ушла отъ короля, поспѣшно сѣла въ карету и крикнула кучеру:

— Пошелъ скорѣй!

Кучеръ повиновался, ударилъ по муламъ и грузная карета закаталась на скрипящихъ рессорахъ, между-тѣмъ какъ король Франціи, смущенный, унылый, уничтоженный, не смѣлъ уже взглянуть ни взадъ ни впередъ.

Досмотрѣвъ подобно вѣтви влюбленнымъ, какъ на горизонтѣ постепенно исчезала карета, которая уносила его милою, — оглянувшись снова и снова нѣсколько разъ въ ту же сторону и услывъ нѣсколько успокоить волненіе своего сердца, король вспомнилъ наконецъ, что онъ не одинъ.

Мушкетеръ по прежнему держалъ лошадей подъ уздцы и еще не терялъ надежды, что король передумаешь.

Но воображеніе мушкетера было слишкомъ богато, слишкомъ блестяще: оно далеко опередило воображеніе короля.

— Ну, конечно, сказалъ Людовикъ томнымъ голосомъ: поѣдемъ.

Мушкетеръ подлазилъ подъ тотъ же унылый, грустный тонъ, и медленно, печально взлѣзъ на коня. Король поѣхалъ, поручикъ слѣдомъ.

На мосту Людовикъ еще разъ оборотился. Поручикъ, терпѣливый какъ духъ, у котораго вѣчность впереди и вѣчность назадъ, все еще надѣялся на возвратъ рѣшимости. Но напрасно: ничего не оказалось. Людовикъ поворотилъ въ улицу, которая вела въ замокъ, и вошелъ въ свою комнату, когда пробило семь часовъ.

Мушкетеръ, одаренный превосходными глазами, которые все видятъ, видѣлъ, какъ во время этого возвращенія шевелилась драпировка въ окнѣ кардинала.

Оставшись одинъ въ передней, онъ глубоко вздохнулъ какъ человѣкъ, который разстегивалъ очень тѣсную одежду, и сказалъ:

— Ну, господинъ поручикъ, теперь, надѣюсь, въ самомъ дѣлѣ все кончено!

Король позвалъ своего камердинера и сказалъ, что до двухъ часовъ никого не принимаетъ.

— А меня сейчасъ просили доложить, ваше величество, отвѣчалъ камердинеръ.

— Кто?

— Поручикъ мушкетеровъ вашего величества.

— Который со мной ѣздилъ?

— Точно такъ, ваше величество.

— А! ну, пусть войдетъ.

Поручикъ вошелъ.

Король сдѣлалъ знакъ и камердинеръ вышелъ.

Когда дверь заперлась и драпировка упала, король сказалъ поручику:

— Ты своимъ приходомъ напоминаешь мнѣ, что я забылъ тебѣ сказать, чтобы прогулка моя осталась въ тайнѣ.

— О! ваше величество, къ чему такой лишній трудъ, — напоминать подобныя вещи! Видно, что вы не изволите знать меня!

— Я знаю, что ты скромнѣе, но какъ я ничего не приказалъ...

Мушкетеръ поклонился.

— Ваше величество ничего больше не имѣете сказать мнѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, можешь идти.

— Не позволите ли папередъ сказать два слова, ваше величество?

— Чтò такое? Говори.

— Дѣлю для васъ совершенно ничтожное, ваше величество, но для меня чрезвычайно важное. Извините, что беспокою. Безъ нужды, безъ необходимости, я никогда не посмѣлъ бы, хотя бы пришлось незамѣтно исчезнуть пѣмому и темному, какимъ я всегда былъ.

— Какъ исчезнуть? Я не понимаю тебя.

— Однимъ словомъ, ваше величество, я осмѣливаюсь просить отставки.

Король встрепенулся отъ удивленія, но мушкетеръ стоялъ неподвижно какъ статуя.

— Отпуску, то есть? На сколько же времени? спросилъ король.

— Нѣтъ, отставки, ваше величество; навсегда.

— Какъ! ты не хочешь служить у меня? вскричалъ Людовикъ съ движеніемъ, въ которомъ проявилось вѣчто больше удивленія.

— Къ сожалѣнію моему, не могу, ваше величество.

— Не можетъ быть!

— Истинно такъ, ваше величество. Я старѣю; вотъ уже тридцать-пять лѣтъ, какъ я ношу колетъ; бѣдныя плечи мои устали; я чувствую притомъ, что нужно молодымъ очистить мѣсто. Я не новаго вѣку человѣкъ, ваше величество; у меня одна нога еще стоитъ въ прошломъ: изъ этого слѣдуетъ, что очень многое кажется мнѣ страшнымъ, все удивляетъ, все оглушаетъ меня.... Коротко сказать, я имѣю честь просить отставки, ваше величество.

— Ты старѣешь? спросилъ король глядя на поручика, который носилъ свой мундиръ съ ловкостью, завидною хоть какому молодому человѣку: да ты крѣпче и сильнѣй меня!

— О! ваше величество! отвѣчалъ мушкетеръ съ улыбкой поддѣльной скромности: вы говорите мнѣ это, потому что у меня глазъ еще довольно вѣренъ, ноги надежны, на лошади я сижу не дурно и усы мои еще черны. Но все это суета суетъ, ваше величество! На взглядъ я еще не старъ, но въ основаніи.... я увѣренъ, что не пройдетъ шести мѣсяцевъ, я буду разбитъ, дряхлъ, безсилъ, разслабленъ. По этому, ваше величество....

— Да вспомни же по-крайней-мѣрѣ вчерашнія свои слова, прервалъ король: ты на этомъ самомъ мѣстѣ говорилъ мнѣ, что здо-

ройте тебя нѣтъ во всей Франціи, что утомленіе тебѣ неизвѣстно, что тебѣ ничего не значитъ проводить дни и ночи въ караулъ. Сказалъ ты это или нѣтъ?

Мушкетеръ вздохнулъ.

— Ваше величество, отвѣчалъ онъ, старость хвастлива; нужно пзвннять стариковъ, когда они тѣшатся собственными похвалами за пенябіемъ другихъ. Я, можетъ-быть, и говорилъ это, но дѣло въ томъ, ваше величество, что я очень утомленъ и прошу отставки.

— Ты не всю правду говоришь мнѣ, поручикъ, сказалъ король, подходя къ мушкетеру съ чрезвычайно тонкимъ и вмѣстѣ величественнымъ движеніемъ: ты просишь отставки, это я вижу, но ты скрываешь настоящую причину этой просьбы.

— Повѣрьте, ваше величество....

— Я вѣрю тому, что вижу. Я вижу, что человекъ твердый, сильный, ловкій, лучшій солдатъ во Франціи, быть-можетъ, — я вижу, что такой человекъ никогда не убѣдитъ меня въ томъ, что ему необходимъ покой.

Ахъ, ваше величество, сколько похвалъ! сказалъ поручикъ съ горечью. Вы смущаете меня, ваше величество! Твердый, сильный, ловкій, храбрый, лучшій солдатъ во Франціи! Вы до того преувеличиваете мои достоинства, что, несмотря на мое выгодное мнѣніе о себѣ, я самъ не узнаю себя! Еслибъ я былъ столько тщеславенъ, чтобъ повѣрить только половинѣ словъ вашего величества, я долженъ былъ бы смотрѣть на себя какъ на человека драгоцѣннаго, необходимаго; я сказалъ бы себѣ, что слуга, обладающій столькими блестящими качествами, — неоцѣненное сокровище. Но я долженъ сказать, что во всю мою жизнь, включая сегодня, я былъ оцѣнваемъ гораздо ниже того, чего стою. По этому повторяю, ваше величество, не извольте преувеличивать.

Король нахмурилъ брови, потому что полагалъ видѣть въ словахъ мушкетера горькую улыбку прощанья.

— Будемъ говорить откровенно, поручикъ, сказалъ онъ. Моя служба не правится тебѣ? Прошу безъ изворотовъ. Отвѣчай свободно, откровенно. Я такъ хочу.

Поручикъ уже нѣсколько времени вертелъ шляпу въ рукахъ съ видомъ довольно смущеннымъ. При этихъ словахъ онъ выпрямился.

— О! ваше величество, сказалъ онъ, вотъ это дастъ мнѣ вздохнуть свободнѣе. На вопросъ, предложенный такъ откровенно,

я самъ отвѣчу откровенно. Говорить правду — хорошая вещь, какъ потому что сердце облегчишь, такъ и по рѣдкости случая. Я скажу моему королю всю правду и попрошу только простить старому солдату смѣлую откровенность.

Людовикъ посмотрѣлъ на поручика съ безпокойствомъ, которое обпаруживалось въ быстрыхъ движеніи рукъ.

— Говори, говори, сказалъ онъ: я нетерпѣливо желаю знать, какую правду ты можешь сказать мнѣ.

Мушкетеръ бросилъ шляпу на столъ и лицо его всегда умное и вомнствнное, вдругъ приняло необыкновенное выраженіе величія и торжественности.

— Ваше величество, сказалъ онъ: я оставляю королевскую службу, потому что я недоволенъ. Слуга почтительно подходитъ къ своему господину, сдаетъ орудія и отчетъ во всемъ, что было ему ввѣрено, и говоритъ: — Господинъ мой, работа моя кончена, разсчитаемся, сдѣлай милость, и разстанемся.

— Поручикъ! закричалъ король, покраснѣвъ отъ гнѣву.

— Ахъ, государь! отвѣчалъ мушкетеръ, на минуту преклонивъ колѣно передъ королемъ никогда ни одинъ слуга не бывалъ почтительнѣе меня передъ вашими величествомъ. Вы приказали мнѣ говорить правду. Теперь, когда я началъ говорить, нужно кончить, хотя бы вы даже приказывали молчать, скрыть правду.

Въ натянувшихся мускулахъ лица у мушкетера явилось столько рѣшимости, что не нужно было заставлять его продолжать: онъ самъ продолжалъ и король смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и удивленіемъ.

— Ваше величество, я имѣлъ честь докладывать, что вотъ уже скоро тридцать-пять лѣтъ, какъ я служу дому Франціи. Не многимъ удалось износить столько шпагъ, сколько я износилъ на этой службѣ, а шпаги у меня были хорошия. Я былъ ребенкомъ, я ничего въ мѣрѣ не зналъ, кромѣ храбрости, когда вашъ покойный отецъ угадалъ во мнѣ человѣка. Я былъ человѣкомъ, когда кардиналъ Ришелье, звавшій толкъ, угадалъ во мнѣ врага. Историю этой вражды комара со львомъ, вы могли прочесть отъ первой до послѣдней строки въ тайномъ фамильномъ архивѣ вашего величества. Прочтите ее, она стоитъ того. Вы тамъ увидите, что левъ, наконецъ утомленный, измученный, задышающійся, сталъ просить пощады, и, надобно отдать ему справедливость, онъ самъ тоже пощадилъ. О! это знатное было время, ваше величество! время наполненное сраженіями какъ Тассова или Ариостова эпоея. Чудеса того времени, невѣроятныя для нынѣшнихъ лю-

дей, были для насъ вещами совершенно обыкновенными. Впродолженіи пяти лѣтъ, я каждый день былъ героемъ,—такъ по-крайней-мѣрѣ мнѣ говорили люди достойные довѣрія, а это много, ваше величество, повѣрьте мнѣ, — пятилѣтній героизмъ! Я, съ своей стороны, вѣрю, что говорили эти люди, — то были знатокъ, — Ришельё, Буккингамъ, Бофоръ, Рець и король Людовикъ-Тринадцатый и, наконецъ, королева, ваша матушка, которая однажды, не помню, за какую-то услугу, сказала мнѣ: «Благодарю васъ!» Извините, ваше величество, мою смѣлость, но все это, какъ я ужъ имѣлъ честь докладывать, все это исторія.

Людовикъ прикусилъ губу и съ порывомъ сѣлъ въ кресло.

— Я наскучаю вашему величеству, сказалъ мушкетеръ: да! вотъ чтò значитъ правда! Жестокая, колючая вещь, усаженная стальными иглами. Она всегда ранитъ того, кому ее предполагають, и почти всегда того, кто предлагаетъ.

— Нѣтъ, поручикъ, я приказалъ тебѣ говорить, такъ и говори.

— За службою королю и кардиналу слѣдуетъ служба регенту, ваше величество. Я хорошо дрался съ Фрондой, хотя не такъ хорошо какъ въ первый разъ. Люди начали мельчать. Тѣмъ неменѣе однако жъ я водилъ мушкетеровъ вашего величества въ нѣкоторыя довольно опасныя дѣла, которыя сохранились въ приказахъ по командѣ. Участь моя была завидная. Я былъ любимцемъ кардинала Мазарина.... Поручикъ, сюда! поручикъ туда! поручикъ, направо! поручикъ, налево:.... Во Франціи не давали ни одного туза, который бы не былъ на комиссіи у поручика мушкетеровъ его величества. Зато меня и наградили щедро: меня произвели наконецъ въ капитаны мушкетеровъ, въ чинъ завидный для всего двора, потому что онъ даетъ преимущество даже передъ маршалами Франціи, и по справедливости: сказать — капитанъ мушкетеровъ значитъ сказать — цвѣтъ солдата, царь между храбрыми!

— Капитанъ? возразилъ король: ты ошибся, ты хотѣлъ сказать поручикъ.

— Нѣтъ, ваше величество, я никогда не ошибаюсь: кардиналъ Мазаринъ далъ мнѣ дипломъ капитана.

— Такъ какъ же....

— Но кардиналъ, вы знаете, перѣдко, опять отнимаетъ то, что далъ. Онъ отнялъ у меня дипломъ, когда мнѣ возстановился и когда я уже сталъ не нуженъ ему. Конечно, я не достоинъ былъ

замѣнить славнаго Тревля, но мнѣ было обѣщано, мнѣ было дано, слѣдовало оставить.

— Такъ вотъ чѣмъ ты недоволенъ! Ну, хорошо, я справлюсь. Я люблю справедливость и твоя жалоба, хотя поднесенная немножко по солдатски, не не нравятся мнѣ.

— О! вы не хорошо поняли меня, ваше величество: я теперь уже ничего не требую.

— Крайность деликатности, господинъ мушкетеръ. Но я хочу позаботиться о твоихъ дѣлахъ. Погоди только....

— О! погоди! вскричалъ мушкетеръ: погоди! Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ я питаюсь этимъ благодѣтельнымъ словомъ, которое произносили мнѣ очень многіе знатные языки, прежде нежели оно удостоилось вашего. Погоди!.... Вотъ какимъ образомъ я прожилъ пятьдесятъ-четыре года и нажилъ двадцать ранъ, не выдавъ въ своемъ карманѣ ни одного лудора и не нашедши на пути своемъ ни одного покровителя,—я, который столькою другимъ оказывалъ помощь и покровительство. Зато теперь, ваше величество, я на это слово «погоди» отвѣчаю «нѣтъ, позвольте сейчасъ», то есть, позвольте мнѣ отправиться на покой. Это легко дать, это ничего не стоитъ.

— Я не ожидалъ такихъ рѣчей, поручикъ, въ особенности отъ человѣка, который всегда жилъ подлѣ знатныхъ. Ты забываешь, что говоришь съ королемъ. Если я сказалъ погоди, значитъ я не долго заставлю ждать.

— Я не сомнѣваюсь, ваше величество, но вотъ конецъ страшной правды, которую я началъ говорить вамъ: если бы я на этомъ столѣ видѣлъ маршальскій жезлъ, конетабльскую шпагу или герцогскую корону, вмѣстѣ «погоди», клянусь вамъ, ваше величество, я всё-таки сказалъ бы, «нѣтъ, позвольте сейчасъ». О! простите меня, ваше величество! я соотечественникъ вашего дѣда, Генриха-Четвертаго: я не часто говорю, но если заговорю, такъ ужъ все выскажу.

— Будущее мое царствованіе, по-видимому, мало привлекаетъ васъ, господинъ поручикъ! сказалъ Людовикъ надменно.

— Забвеніе! всюду забвеніе! вскричалъ офицеръ съ достоинствомъ: господинъ забылъ слугу и слуга привужденъ забыть своего господина. Я живу въ несчастное время, ваше величество; я вижу молодость унылую и пугливую, бѣдную и робкую, когда ей слѣдовало бы быть богатою и могучею. Вчера, вечеромъ, на-примѣръ, я отворилъ дверь короля французскаго королю англійскому, — которому я, бѣднякъ, чуть-чуть не спасъ отца, если

бы сама судьба не воспротивилась мнѣ, — я отворяю дверь брата брату и вижу.... сердце сжимается.... вижу, какъ министръ, слуга этого короля гонитъ изгнанника изъ гостеприимнаго дому и унижаетъ своего господина, осуждая на пытку другаго короля, ему равнаго и роднаго. Наконецъ, я вижу моего короля.... онъ молодъ, онъ красавецъ, онъ храбръ; у него есть мужество въ сердцѣ и молнія въ глазахъ.... а я вижу, какъ онъ тренещетъ передъ семинаристомъ, который посмѣивается надъ нимъ за завѣсомъ своей постели, подъ которую прячетъ золото со всей Франціи.... О! я понимаю вашу взглядъ, ваше величество. Я смѣлъ до дерзости, но что жъ дѣлать! Я старикъ и говорю вамъ, моему государю, вещи, которыя ворочилъ бы въ глотку всякому другому, кто осмѣлился бы сказать ихъ при мнѣ. Наконецъ, вы же, ваше величество, приказали мнѣ отворить передъ вами мое сердце: я изливаю у ногъ вашего величества всю желчь, которой набрался втеченіи тридцати лѣтъ, точно такъ же какъ пролью всю мою кровь, когда мой государь прикажетъ.

Король, ни слова не говоря, отеръ обильный холодный потъ, который ручьями побѣжалъ у него съ висковъ.

Въ минуту безмолвія, которая послѣдовала за этою пылкою выходкою, и для того, кто слушалъ, и для того, кто говорилъ, заключалась цѣлая вѣчность страданій.

— Поручикъ, сказалъ наконецъ король, ты произнесъ передо мною, слово «забвеніе». Я слышалъ только одно это слово и только на него буду отвѣчать. Другіе, можетъ быть, были забывчивы; я не забывчивъ. Доказательство тому — я помню, однажды, въ день смуты, когда свирѣпыя толпы злодѣевъ врывались въ Пале-Ройяль, я лежалъ въ постелѣ и притворялся спящимъ, а подлѣ меня, скрываясь за пологомъ у изголовья, стоялъ одинъ человекъ съ обнаженною шпагой въ рукѣ и охранялъ мою жизнь съ готовностью умереть за меня, какъ уже двадцать разъ прежде готовъ былъ умереть за близкихъ монахъ. Этого дворянина, котораго я тогда спрашивалъ объ его имени, кажется, звали д'Артаньяномъ?

— У вашего величества хорошая память, холодно отвѣчалъ мушкетеръ.

— Такъ видишь, продолжалъ король, если я съ дѣтства сохраняю такія воспоминанія, сколько же я могу запомнить впродолженіи зрѣлыхъ лѣтъ.

— Богъ щедро надѣлилъ ваше величество, сказалъ мушкетеръ тѣмъ же тономъ.

— Ну, что же, д'Артаньянъ, продолжалъ Людовикъ съ лихорадочнымъ волненіемъ: всужели у тебя не станетъ столько терпѣнія, сколько у меня? ты не хочешь сдѣлать того, что я дѣлаю? горю.

— Что же вы дѣлаете, ваше величество?

— Жду.

— Вамъ можно ждать, ваше величество, а мнѣ нѣкогда! Старость ужъ ждетъ меня на моемъ порогѣ, а за старостью и смерть идетъ и заглядываетъ въ глубь моего дома. Вы начинаете жить, ваше величество, вы полны надеждъ на будущее, а я уже стою на другомъ краю горизонта и разстояніе между нами такъ велико, что мнѣ не обождаютъ, когда ваше величество подойдете ко мнѣ.

Людовикъ прошелся по комнатамъ, все отирая потъ, который порядочно напугалъ бы докторовъ, если бы доктора увидѣли короля въ такомъ состояніи.

— Хорошо, поручикъ, сказалъ потомъ Людовикъ отрывисто: ты просишь отставки? Получишь. Ты отказываешься отъ должности капитава мушкетеровъ?

— Я почтительно слагаю ее къ ногамъ вашего величества.

— Довольно. Я прикажу сдѣлать распоряженіе о пенсіи.

— Много благодаренъ, ваше величество.

— Одно слово еще, поручикъ, сказалъ король, сдѣлавъ большое усиліе: мнѣ кажется, ты лишаешься хорошаго господина.

— А я увѣренъ въ этомъ, ваше величество.

— Найдешь ли ты себѣ другаго, такого же?

— Я не ставу искать, ваше величество; я знаю, что не пайду.

— Правда?

— Клянусь вамъ, ваше величество.

— Хорошо, я буду помнить это слово.

Д'Артаньянъ поклонился.

— И ты знаешь, что у меня хорошая память, продолжалъ король.

— Знаю, ваше величество, и желаю, чтобы на этотъ разъ она взмѣнила вамъ, — чтобы вы забыли все, чѣмъ я сейчасъ паскучилъ вамъ. Король, я надѣюсь, стоитъ выше всего мелкаго и недостойнаго.

— Король будетъ поступать, какъ солнце, которое видитъ все, и мелкое и крупное, и бѣдное и богатое, и даетъ однимъ блескъ, другимъ тепло, всѣмъ жизнь. Прощай, д'Артаньянъ; прощай, ты свободенъ.

Людовикъ задушилъ рыданіе, уже заклокотавшее у него въ горлѣ, и поспѣшно ушелъ въ другую комнату.

Д'Артаньянъ взялъ на столѣ свою шляпу и вышелъ.

В. ДЕРИКЕРЪ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. I. *Cléopâtre, Клеопатра*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, госпожи Эмиль де-Жирарденъ.

Клеопатра — одинъ изъ прекраснѣйшихъ и интереснѣйшихъ женскихъ типовъ, какіе встрѣчаются въ исторіи. Красота, слава, могущество, все соединяется въ ней. Сколько поэтовъ пытались изобразить ее въ своихъ произведеніяхъ! Великій Шекспиръ написалъ полную страсти и движенія драму, гдѣ героини являются Маркъ Антоній и Клеопатра. Другихъ менѣе извѣстныхъ этотъ сюжетъ влекъ къ себѣ какъ бездна, обольщалъ какъ невозможное. Для женщины поэта Клеопатра должна въ особенности имѣть неотразимую прелесть. Въ этомъ странномъ и ложномъ характерѣ заключаются всѣ элементы драмы. Госпожа Эмиль де Жирарденъ умѣла придать, введеніемъ эпизодическаго лица и изображеніемъ контраста между Клеопатрой и Октавіей, независимо отъ изученія характеровъ и взгляда на событія, такой сильный интересъ своей пьесѣ, что она заставляетъ забыть невыгоду, общую всѣмъ историческимъ драмамъ, — извѣстность развязки. Успѣхъ самый блестящій увѣчалъ это произведеніе, гдѣ лиризмъ оды соединяется съ занимательностью драмы, и которое равно удовлетворитъ и мыслителя, требующаго идеи, и женщину плещущую слезу, и толпу жаждущую дѣйствія. Расскажемъ содержаніе новой пьесы автора «Школы журналистовъ» и «Юдифи». На маленькой постелѣ, у дверей чертога Клеопатры, граціозно раскинувшись, поконтила Ира, молодѣйшая Гречанка, раба, которой свы довольно небрежно охраняютъ царницу. Но зато бѣдняжка Ира не смыкала глазъ всю прошедшую ночь и дремота ее очень извинительна. Увѣрившись во снѣ ребенка, Венгидій и Диомедъ, одинъ старый римскій воицъ, другой Грекъ, на службѣ у Клеопатры, заводятъ рѣчь о политическихъ вопросахъ, волновавшихся

тогда весь міръ. Положеніе римскихъ дѣлъ; опасенія и надежды республики, пнѣющей еще нѣкоторыхъ партизановъ, хотя и разсѣянныхъ, потому что Кесарь палъ пораженный двадцатью тремя ударами княжаловъ; ничтожность Лепида; холодное самолюбіе и расчетливость Октавія, стремящагося къ тираніи, и которому нужна власть, для того чтобы быть чѣмъ-нибудь; бездѣйствіе Антонія, котораго мечъ, погруженный въ ножны, могъ бы перевѣситься на любую сторону судьбы человѣчества, и который, занявъ Римъ войною, могъ бы спасти его отъ безчестья, — все это выражено въ чертахъ рѣзкихъ и широкихъ. Какъ разлучить Антонія съ Клеопатрой? Нельзя ли развѣдать какую-нибудь постыдную тайну въ жизни царицы, какую-нибудь низкую страсть къ недостойному предмету, чтобы возбудить ревность триумвира, открыть ему глаза, и изъ празднаго любовника снова сдѣлать героя. Понши, говоритъ Вентидій Диомеду, который отвѣчаетъ ему, улыбаясь: «Искать нечего, я выбираю. — Рабъ, пльниевый претестями царицы, бросился смѣло къ ногамъ ея и сказалъ: «Царица, я люблю тебя, и хочу умереть». Царица улыбулась, и рабъ долженъ былъ утромъ принять египтійскаго или фракійскаго яду. Нилъ докончить таинственное приключеніе. Но мы спасемъ этого человѣка, и Антоній, который жаждетъ наследовать Кесарю, едва ли будетъ доволенъ такимъ соперникомъ».

Вентидій и Диомедъ удаляются услышавъ шагъ Харміоны, черной невольницы, которая входитъ въ комнату съ чашей и ставитъ ее на геридонъ. Харміона будитъ Пру и бранитъ ее. Что это за кубокъ, спрашиваетъ Пра. — Сильный ядъ. — Для кого? для осужденнаго? — Нѣтъ, для раба, который шелъ за колесницей царицы и бросалъ намъ голубые и розовые лотусы. — Царица жестока, говоритъ Пра, вздыхая. — Что намъ за дѣло, отвѣчаетъ Харміона: она приказываетъ, я повинуюсь. — Является рабъ роскошно убранный, съ пылающими очами, съ томнымъ и блѣднымъ лицомъ. Онъ, кажется, ходитъ не помня себя въ восторженныхъ мечтаніяхъ. Клеопатра была великодушна. Она хорошо заплатила за жизнь, которую хочетъ отнять. Жертва не раскаявается въ торгѣ и твердой рукой беретъ чашу. — И ни одного сожалѣнія, говоритъ Харміона: и ни одной молитвы къ богамъ твоей родины? Не оставляя чашу, невольникъ произносить въ честь смерти, которой всѣ болтаютъ, но которая для него желанная гостя — гимнъ, полный величія, страсти и поэзіи, гдѣ онъ радуется, что уноситъ съ собой въ царство мрака осу-

щественіе мечты своей, и изъ всѣхъ адскихъ мукъ для него страшно одно забвѣніе. Окончивъ свою оду, онъ подноситъ напитокъ къ губамъ и падаетъ какъ убитый громомъ. Царица зоветъ Иру и Харміону во внутренніе покои. Вентидій и Діомедъ прибѣгаютъ съ греческими врачамъ, который обѣщаетъ посредствомъ зелья спасти несчастную жертву. Тѣло уносятъ, и когда невольницы возвращаются, упрекая скучающую Клеопатру въ капризахъ, — онѣ не подозрѣваютъ, что вмѣсто трупа унесли существо, которое можетъ жить и говорить.

Во второмъ актѣ, передъ вами Клеопатра, окруженная дворомъ, дающая аудіенцію жрецамъ, магамъ, философамъ, поэтамъ. Съ высоты царской террасы представляется взору александрійскій портъ, бѣлопарусныя трюмпы качаются у береговъ и знойное сухое небо отражается въ морѣ. Какое дѣло до этого неба и моря, до этихъ людей — разпростертымъ передъ нею, тѣмъ, чьи головы поднимаетъ одно благосклонное слово ея? Много заботится она о вашихъ планахъ, архитекторы! — Много слушаетъ она вашу гармонию, музыканты! — Она ждетъ Марка Антонія, а Маркъ Антоній не является. Но вотъ отъ толпы отдѣляется вдругъ переодѣтый триумвиръ.... Безразсудный! восклицаетъ она, развѣ ты не подумалъ, что такъ можно умереть отъ радости! Антоній остался бы, еслибы Вентидій не дернулъ его за платье и не шепнулъ ему имени невольника. Едва онъ ушелъ, сопровождаемый соглядатаями Клеопатры, которые должны наблюдать за нимъ, какъ къ ногамъ царицы падаетъ стрѣла съ письмомъ. Письмо, прочтенное Харміоной, говоритъ что Антоній измѣняетъ Клеопатрѣ и ѣдетъ въ Тарентъ, жепиться на Октавіи. — О! я бы хотѣла узнать эту женщину! И не имѣть образа, который бы можно предать своей ненависти! какая мука! восклицаетъ царица съ судорожными движеніями, въ порывѣ отчаянія и ревности. Она распрашиваетъ своихъ рабовъ, бывшихъ въ Римѣ, и узнаетъ изъ ихъ робкихъ отвѣтовъ, что соперница ея молода, прекрасна и добродѣтельна. — Она непременно должна узнать своего врага! Переодѣтая, сопутствуемая Ирой и нѣсколькими вѣрными служителями, она поѣдетъ въ Тарентъ. А! Клеопатра, ты, непобѣдимая, ты не можешь заставить человѣка, котораго ты любишь, полюбить тебя! Тебя покидаютъ! Такъ значитъ есть прелесть, превосходящая твою!

Въ Тарентѣ, Клеопатра, сиротанная, присутствуетъ при разговорѣ Октавіи съ ея братомъ. Святая, чистая, предавшая любовь Октавіи къ Антонию выказывается въ этомъ разговорѣ, гдѣ оскорбленная сестра старается усмирить холодный гнѣвъ брата,

и извинить каждый проступокъ супруга. Клеопатра, сама великая, способна поппмать величіе. Она поражена этимъ достоинствомъ, этой кротостію, этой добродѣтелью. И бурная горестъ любовницы краснѣетъ передъ такой горестью жены. Она взволнована. Колѣни ея подгибаются, и когда Октавія оказываетъ ей помощь, принимая ее за греческую невольницу, царица египетская со всѣми своими прелестями чувствуетъ себя побѣжденною этою холодною римскою матроной, которой одежда кажется упадаетъ мраморными складками.

Ты забыла, Клеопатра, между безчисленными обольщеніями своими—одно—сильнѣйшее изъ всѣхъ—добродѣтель; и Брутъ не правъ,—она существуетъ! Ты игрушка, забава, собесѣдница на оргіяхъ, Вакхапка, въ которой возбуждаютъ страсти,—Октавія женщина, которую уважаютъ, признаютъ, съ которой соединяются. Это тихое божество очага, которое можетъ при всѣхъ прижать дѣтей своихъ къ сердцу. Если я захочу я буду также добродѣтельна, восклицаетъ Клеопатра, полная зависти и обшенства. Въ чемъ могутъ упрекнуть меня? Я была женой Птолемея, любовницей Кесаря? Но кто же не уступилъ бы Кесарю? Въ ту минуту когда царица возстановляетъ свою сомнительную добродѣтель, рабъ, спасенный Диомедомъ и Вентидіемъ, является передъ ней и Клеопатра, въ ужасѣ, думаетъ видѣть тѣнь вышедшую изъ могилы: онъ согласился подсматривать за царицей, но для того чтобы спасти ее. Онъ говоритъ ей, что Антоній не любитъ Октавію, потому что кто обладалъ Клеопатрой хоть часъ (невольникъ хорошо знаетъ это самъ), для того не существуетъ другихъ женщинъ въ мірѣ. Антоній находитъ Клеопатру и не думая объ Октавію, возвращается съ прекрасной царицей въ Египетъ. Въ этомъ актѣ находится превосходное, лирическое мѣсто, гдѣ Клеопатра обращается къ египетскому солнцу и обвиняетъ его, зачѣмъ оно зажгло кровь въ ея жилахъ и не дала ей ледяной холодности супруга. Хотя этотъ эпизодъ, также какъ и гимнъ раба въ первомъ актѣ, замедляетъ нѣсколько ходъ пьесы, однако это должно простить автору за искры неподдѣльной поэзіи, которыя она такъ щедро разсыпала въ обихъ тирадахъ.

Въ четвертомъ актѣ, проиграна битва при Акціумѣ. Антоній бѣжалъ съ битвы и последовалъ за Клеопатрой. Онъ предается горести, удивляется своему поведенію, и то ссорится, то мирится съ Клеопатрой, онъ обожаетъ и ненавидитъ ее въ одно и то же время. Эти сцены героическаго отчаянія приводятъ къ самоубійству, на которое Антоній рѣшается, услышавъ ложную вѣсть

о смерти царицы. Автошій приказываетъ Фетусу убить его, но тотъ отказывается и, чтобы не пощиповаться, воззаетъ мечъ до половины себѣ въ грудь. Ободриный этимъ примѣромъ, Автошій подымаетъ мечъ и лишаетъ себя жизни. Перенесенный во дворецъ, онъ по-крайней-мѣрѣ умираетъ на рукахъ царицы; обожасмая рука закрываетъ ему глаза. Но на похоровахъ его, когда, по древнему обычаю, призываютъ смерть, голосъ, не принадлежащій ни Клеопатрѣ ни Хармионѣ, произноситъ третье званіе. Изъ толпы медленно выходитъ блѣдная и холодная фигура, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ, съ черными, неподвижными глазами, глядящими изъ подъ мраморной маски, въ длинномъ траурномъ покрывалѣ... Она приближается къ телу Автошія... Это Октавія, которая пришла требовать праху своего супруга, и которая, если не могла обладать имъ живымъ, хочетъ имѣть его по крайней-мѣрѣ мертвого.

Тогда между любовницею и женою, между любовью и законностью — начинается борьба за бренные остатки героя. Негодованіе Октавіи, такъ долго сдерживаемое, наконецъ вырвалось наружу, и презрительное негодованіе Клеопатры еще болѣе увеличиваетъ его. Истинная жена та, которая не переживетъ супруга. Твоя горестъ слишкомъ шумна, для того чтобы долго длиться — отвѣчаетъ царица, пытаюсь вопзтъ себѣ въ грудь кинжалъ. Двадцать рукъ удерживаютъ ее, и еслибы не невольникъ, всегда вѣрный, всегда преданный, и который подъ одеждой жреца Ашмана приносятъ той, кого онъ любилъ, единственный подарокъ, какой она можетъ получить отъ него, зимою въ корзипѣ цвѣтовъ, — еслибы не онъ, гордая царица должна была бы слѣдовать за колесницей триумфатора: Октавію, прпшедшій схватить свою добычу, находить Клеопатру мертвою, на своемъ тронѣ все царицей, все женщиной, все обольстительной, даже по смерти, которая тоже уважаетъ красоту....

Такова эта трагедія, которой бы мы не рѣшились посвятить столь длиннаго разбору, еслибы она своими достоинствами не выдавалась рѣзко изъ ряду ничтожныхъ сценическихъ произведеній, ежедневно появляющихся на парижскихъ театрахъ.

2. *Les Aristocrates, Аристократіи*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, господина Этьена Араго.

Вотъ еще пьеса, заслуживающая большой похвалы. Искусство не прииснено здѣсь въ жертву вкусу толпы, требующей первическихъ потрясеній, судорожнаго интересу, балаганныхъ эск-

товъ. Дѣйствіе развивается широко и плавно, характеры взяты изъ дѣйствительнаго міра, а не созданы по произволу необузданной, лихорадочной фантазіи.

Авторъ вывелъ на сцену три аристократіи, аристократію рода, аристократію денежную и аристократію труда и таланта.

Представителемъ первой, является графъ де-Тарле, разорившійся повѣса, который, не имѣя денегъ для подновленія герба своихъ, хочетъ жениться на Лорансѣ, дочери денежнаго аристократа Вердье. Но Лоранса, аристократка красоты, любитъ простаго работника Валентина. Отецъ никогда не согласится отдать ее тому, кто избралъ ее вѣжное, любящее сердце, чуждое всякаго аристократическаго чванства. Какъ? Дочь человѣка, имѣющаго въ своемъ распоряженіи тридцать три милліона, сдѣлается женою плебей, неимѣющаго ровно ничего. Однако жъ этотъ плебей обладаетъ сокровищемъ, которое въ тридцать-три милліона разъ больше и прочнѣе. У него есть небесный огонь, который мы, смертные, называемъ гевіемъ.... И въ самомъ дѣлѣ, Валентинъ изобрѣтаетъ паровую машину, и блестящая перспектива открывается передъ бѣднымъ блузиномъ, тогда какъ богатство Вердье дѣлается въ это время добычею пожара. Аристократъ герба, конечно, отказывается отъ руки Лорансы, внезапно обѣдѣвшей, но человѣкъ любящій ее истинно, не въ разчетовъ, останется вѣренъ ей и въ несчастіи. Теперь нѣтъ болѣе препятствія къ ихъ соединенію и Лоранса дѣлается женою Валентина. Кромѣ всѣхъ этихъ лицъ, очерченныхъ съ большимъ искусствомъ и выдержанныхъ до конца, есть еще вводный характеръ придающій пьесѣ много живости. Это Дюпрэ, человѣкъ на всѣ руки. Онъ все знаетъ, готовъ все дѣлать; онъ музыкантъ, архитекторъ, рисовальщикъ. Онъ распоряжается праздниками, передаетъ любовныя записочки, является за кулисами оперы и за кулисами биржи, и этотъ проиодахъ далеко не возбуждаетъ презрѣнія, напротивъ, онъ нравится, веселитъ, какъ и въ дѣйствительности; и это уже служитъ доказательствомъ искусства господина Араго.

Нужно сознаться, что дружины пьесы его не новы, но тѣмъ болѣе чести автору, который умѣлъ такъ хорошо скрыть эту обветшалость и старому сюжету придать новостъ и оригинальность. Комедию господина Этьена Араго выслушали отъ первой сцены до послѣдней съ большимъ участіемъ. Аплодисменты не умолкали въ продолженіе всей пьесы, и полный успѣхъ ея засвидѣтельствованъ единогласно всѣми французскими журналами.

3. *La Couronne de France*, Французская корона, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, господина Луи Монрога (актера театра Одеона).

Не пугайтесь этого важнаго, торжественнаго названія: пѣска очель живая, забавная, остроумная, и если сюда входятъ государственныя дѣла, то это по-крайней-мѣрѣ не мрачная политика.

Принцесса Марія пріѣхала изъ Англіи, чтобъ вступить въ бракъ съ Людовикомъ-Двѣнадцатымъ, королемъ весьма добрымъ, отцемъ своего народа.... Династіи онъ оставить не можетъ. За бѣдной королевою ухаживаетъ англійскій посланникъ Сьюлфордъ, и такъ сильно, что возбуждаетъ безпокойство президента Дюпра, вѣрнаго слугу герцога Франциска, вмѣющаго право на французскую корону, въ случаѣ бездѣтности Людовика-Двѣнадцатаго.

Бѣдный Дюпръ не изобрѣтатель; чтобы помѣшать посланнику, онъ не нашелъ ничего лучшаго какъ представить своей государынѣ герцога Франциска, который такимъ образомъ ужасно рискуетъ помѣшать самъ себѣ, сдѣлаться когда-нибудь Францискомъ-Первымъ!

Въ эту интригу вмѣшивается поэтъ Клеманъ Морри, подсмѣивающійся довольно ѣдко падъ выдумкой президента. Королева назначаетъ Франциску свиданіе, но президентъ удерживаетъ ее, увѣряя, что принцъ ее обманываетъ. Эта ложъ дѣлаетъ Франциска королемъ Франціи и впоследствии вѣроятно была прощена президенту Дюпру.

Комедія господина Моррица была принята публикой Одеона съ энтузіазмомъ. Самъ авторъ исполнялъ роль Клемана Морра. Онъ принадлежитъ къ числу искуснѣйшихъ и образованнѣйшихъ парижскихъ актеровъ.

4. *Regardez, mais ne touchez pas*, Смотрите, только не дотрогивайтесь, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, господъ Теофила Готье и Бернара Лапеца.

Испанскій законодатель, выдумавшій параграфъ этикета о неприкосновенности (физической) короля и королевы, вѣроятно, никакъ не думалъ, что это изобрѣтеніе послужитъ сюжетомъ для столькихъ романовъ, драмъ и водевилей. Человѣкъ, дотронувшійся до августѣйшихъ особъ, даже для излеченія ихъ изъ какой-нибудь опасности, былъ человѣкъ погнѣбшій передъ испанскими законамъ. Въ такомъ именно положеніи находится вѣкто донъ Гаснаръ, который долженъ быть повѣшенъ за свое преступленіе.

Къ счастью, вину его принимаетъ на себя Мельхиоръ, питающій надежду, что его простятъ и что онъ даже попадетъ ко двору. Но великодушіе Мельхиора остается безъ ожидаемой награды, и его рѣшительно собираются вѣшать. Но Гаспаръ, въ свой чередъ, не допускаетъ до этого Мельхиора. Наконецъ Гаспаръ променяетъ и женится на хорошенькой «рейлинѣ».

Избитое до крайности содержаніе этой пьесы, не помѣшало ей однако жъ имѣть полный успѣхъ, которымъ она, конечно, обязана остроумію господина Теофиля Готье.

5. Une jeune vieillesse, *Молодая старость*. Этюдъ въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ, сочиненіе господина ***.

Вотъ авторъ, пишущій едва ли не съ сотворенія міра. Сколько стиховъ, комедій, драмъ, мемуаровъ, водевилей, написалъ господивъ три звѣздочки! Сколько разъ эти звѣздочки были падающими звѣздами! На этотъ разъ, увы! ихъ постигла та же горькая участь. Этюдъ господина *** единодушно осмистали, и стало быть онъ очень хорошо сдѣлалъ, что скрылъ свое имя. Впрочемъ, онъ можетъ быть и не имѣлъ права выставить своего имени. Какъ же такъ? спросите вы. А вотъ какъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ нѣкто Теоланъ, плодовитый и остроумный писатель, оставившій нѣсколько неоконченныхъ рукописей, нѣсколько едва набросанныхъ плановъ. Все это продали, — мысль рѣдкій товаръ въ наше время, — нѣкоторые изъ этихъ эскизовъ были обработаны и окончены талантливыми литераторами, другіе перешли въ неизвѣстныя руки и не явились. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и этюдъ господина *** , который такъ плохо воспользовался чужимъ сюжетомъ. Завязка молодой старости состоитъ въ слѣдующемъ: человекъ, прожившій до тридцати лѣтъ, въ развратѣ, женится по приказанію докторовъ, для поддержанія своей потухающей жизни. Однако же доктора ошиблись. Женитьба не помогаетъ больному. Жена его люблена въ его крестника. Мужъ узнаетъ это; обручаетъ любовниковъ и посылаетъ молодаго чиновника въ Индію, приказывая ему возвратиться черезъ годъ, то есть, когда, по его расчету, жена его должна сдѣлаться вдовой. Молодой человекъ исполняетъ приказаніе крестнаго напеньки, но возвратясь изъ Индіи пахотать его въ совершенномъ здравіи. Взбѣшенный такой упрямой привязанностію старика къ жизни, крестникъ рѣшается обольстить жену его. Вслѣдствіе этого происходитъ между мужемъ и любовникомъ дуэль во время которой жена приготовляетъ себѣ

ядъ. Мужъ возвращается, прогоняетъ жену, и почувствовавъ жажду, выпиваетъ ядъ приготовленный не для него. Изъ этого вы уже видите, что свиставшіе были совершенно правы.

6. *Martin et Bamboche*, *Мартинъ и Кукла*, мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ, господина Евгенія Сю.

7. *Les paysans*, *Крестьяне*, мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ, господъ Деннері, Кармона и Гранжѣ.

Эти двѣ пьесы отличаются одна отъ другой діаметрально противоположнымъ направлениемъ, но имѣютъ то общее, что обѣ онѣ, сценическаго эффекта ради, щедро приправлены убійствами, отравленіями, обольщеніями, мошенничествомъ, подлогами и всевозможными ужасами. Мы не станемъ излагать содержанія этихъ пьесъ. Первая взята цѣликомъ изъ романа, который извѣстенъ читателямъ нашего журнала; а вторую рассказывать рѣшительно не стоить. Замѣтимъ только, что пьеса Евгенія Сю какъ и романъ облачаетъ по-крайней-мѣрѣ въ авторѣ теплое, благородное сердце, возмущающееся при видѣ несправедливостей и страданій, которыя онъ встрѣчаетъ въ мірѣ, окружающемъ его. Онъ на сторонѣ слабого и угнетеннаго, и яркія картины, изображаемыя имъ, хотя и преувеличены иногда, однако имѣютъ благородную цѣль. Что же касается до «Крестьянъ», заимствованныхъ изъ романа Бальзака, то это произведеніе крайне недобросовѣстное, написанное съ цѣлью унижить одно сословіе въ пользу другаго, что всегда возмутительно. Впрочемъ, нужно прибавить, что какъ въ той такъ и въ этой пьесѣ попадаются сцены мастерскія, характеры очерченные рѣзко и вѣрно.

Теперь обратимся къ самымъ легкимъ произведеніямъ французской сцены, — къ тому, что составляетъ насущную пищу театровъ, — къ водевилю:

8. *Une deesse*, *Богиня*, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, господъ Скриба и Ксавьѣ.

9. *Didier, l'honnête homme*, *Дидьѣ*, *честный человекъ*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, господъ Скриба и Массона.

10. *Jérôme le maçon*, *Каменщикъ Жеромъ*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, господъ Байра и Бьевилля.

Мы съ намѣреніемъ выставили вмѣстѣ вторую пьесу господина Скриба и пьесу господина Байра, потому что сюжеты ихъ одинаковы; однако жъ, Скрибъ не обокралъ Байра, также какъ и

Баяръ не обокралъ своего дядюшку, Скриба, а оба они обокрали человека, который вовсе имъ не родня, — Пизара. Это его комедія (*Les caritulations de la conscience*), передѣланная на новый ладъ. Обѣ пьесы удержались на сценѣ, пьеса Скриба, потому что она пьеса Скриба, пьеса Баяра, потому что въ ней игралъ Буссе.

Дяде честнѣйшій негодянтъ въ мірѣ, что не мѣшаетъ ему быть банкротомъ. (Пьеса господина Скриба).

Жеромъ честнѣйшій работникъ въ мірѣ, что не мѣшаетъ ему утащить въ одномъ домѣ, гдѣ онъ чинилъ печь, шкатулку съ золотомъ, найденную случайно въ стѣнѣ, и о существованіи которой хозяинъ дома не подозрѣвалъ. (Пьеса господина Баяра).

Дяде уже готовъ былъ раздробить себя пулей черепъ, какъ вспомнилъ, что у него есть дочь. Благодѣтельными слѣдствіями рѣшимости Дяде остаться въ живыхъ, оказались скоро. У него умираетъ другъ, который оставилъ ему огромное наследство. Убивать себя не зачѣмъ: онъ снова богатъ. (Пьеса господина Скриба).

Жеромъ, утащивъ къ себѣ шкатулку, помнилъ очень хорошо, что у него есть дочь безъ приданого и сынъ, котораго настоящий хозяинъ штатулки, выгналъ изъ своего дому, зато что онъ волочился за его дочью. Теперь Жеромъ пристроитъ дѣтей, — онъ спокоенъ. (Пьеса господина Баяра).

Дяде узнаетъ вдругъ, что наследство оставлено не ему; что онъ только душеприказчикъ друга своего, у котораго есть сынъ. Дяде въ отчаяніи. (Пьеса господина Скриба).

Жеромъ былъ недолго спокоенъ. Совѣсть начала угрызать его. Не возвратитъ ли шкатулку по принадлежности? Онъ колеблется. Въ душѣ его сильная борьба. (Пьеса господина Баяра).

Дяде задаетъ себѣ, подобно Гамлету, вопросъ: «Отдать ли наследство, или нѣтъ?» Онъ колеблется. Въ душѣ его сильная борьба. (Пьеса господина Скриба).

Жеромъ рѣшается остаться честнымъ человекомъ; онъ отдаетъ шкатулку ея владѣльцу, который въ благодарность женится его сына на своей дочери. (Пьеса господина Баяра).

Дяде рѣшается остаться честнымъ человекомъ и возвращаетъ наследство его владѣтелю, который въ благодарность женится на его дочери. (Пьеса господина Скриба).

Вотъ и конецъ дѣлу. Но мы забыли еще водевилъ того же господина Скриба, «Богиня». Господинъ Скрибъ, къ величайше-

ну удивленіе публики, вздумалъ пуститься въ поэзію, въ фантастическій міръ, въ идеалы. Конечно, поэзія также пристала господину Скрибу, какъ ученость хороненькой, розовенькой парижской гризеткѣ. Пока господинъ Скрибъ изображаетъ толстыхъ, воуключилъ bourgeois, съ ихъ страстишками и помышленьями, съ ихъ пошлой, эгоистической страстью, съ ихъ мелкими подражаніемъ аристократіи, — онъ превосходитъ; ему нѣтъ равнаго на сценѣ... Но поэзія!... когда господинъ Скрибъ возьмется за поэзію, то выйдетъ вотъ что:

Молоденькую Наджу, завесенную бурей на пустынный островъ, дикіе дѣлають богиней. Но главный жрецъ, Тринколо, которому не удалось возбудить къ себѣ любви къ хороненькой богинѣ, велитъ бросить ее въ море. Когда же случилось, чтобы дѣвушку, брошенную въ море, не вытащилъ храбрый и красивый рыцарь? На этотъ разъ тоже Наджа спасена молодымъ человѣкомъ, Селлио, который и увозитъ ее во Францію, на своемъ кораблѣ, выстѣ съ отцомъ ея. Это дѣйствіе сильно напоминаетъ романъ Пюгдъ Лебрюна «L'homme à projets». Во второмъ дѣйствіи мы уже переносимся въ міръ дѣйствительный, въ міръ кухни, передней, дюковъ и перовъ, но перемѣна случилась такъ быстро, что публика не можетъ опомниться и спрашиваетъ: «Что это, богиня, или кухарка? дикій, или маркизъ?» Нужно же рѣшить окончательно! И господинъ Скрибъ рѣшаетъ слѣдующимъ образомъ:

Селлио оказывается маркизомъ Монтеронимъ; Богиня — дочерью повара. Селлио кутитъ и теряетъ изъ виду свою богиню, забываетъ о ней, не заботится узнать, кто она. Ихъ сводитъ случай.

Мы переносимся въ маленькій домикъ, который занимала одна актриса, находившаяся подъ покровительствомъ какого-то богача. Узкая, она продала свой домикъ, со всѣми мебелями, отцу богини, повару, который вывезъ изъ дикаго острова бочку бриллитовъ. Монтеронимъ, не зная, что актриса уѣхала, является въ ея домикъ. Встрѣтивъ тамъ богиню, онъ принимаетъ ее за актрису и обращается съ ней нѣсколько вольно. Богиня сердится и объявляетъ, что она не танцовщица, а богиня. Наконецъ, міръ заключенъ и счастливый смертный соединяется съ богиней. Это триста-одиннадцатая вѣса господина Скриба.

11. L'ordonnance de medecin, Докторское приказаніе, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господина Жюля де-Премарі.

Милонскій водевилъ, хотя сюжетъ его также не новъ. Маркизу Тианжъ семнадцать лѣтъ. Онъ женатъ съ семи лѣтъ, но ни-

когда не выдалъ жены своей и не хочетъ знать ее. Докторъ Гриссонъ, другъ обоихъ семействъ, берется помочь дѣлу. Онъ велитъ графинѣ Модъ одѣться нажемъ и волочиться за маркизою Тіанжъ, ея кузиной. Маленькій маркизь начинаетъ тотчасъ же ревновать, влюбляется въ жену свою и остается жить съ ней.

12. Elle, ou la mort, *Она, или смерть*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господина Блума.

Герой этого водевиля, Перси, страстно влюбленный въ дочь трактирщика Михеля, хочетъ динить себя жизни. Но у него не хватаетъ духу и онъ проситъ, по примѣру Марка Автонія, чтобы соперникъ его взялся за это дѣло. Тотъ готовъ исполнить съ удовольствіемъ такую пріятную обязанность; но въ свой чередъ бонсея правосудія. Отеюда происходятъ нѣсколько комическихъ сценъ, въ которыхъ публику смѣшитъ извѣстный Арналь.

Музыкальныя новости. Въ прошломъ вумерѣ мы говорили объ открытіи квартетовъ господина Вьетана, и радовались успѣху перваго его утра. Послѣдующіе два оправдали наши ожиданія: успѣхъ ихъ безпрестанно возрастаетъ, такъ, что на третье утро зала была почти тѣсна для собравшейся публики, въ числѣ которой находились первые наши художники и любители.

Программа втораго квартетнаго утра состояла изъ квартета Моцарта, фортепіаннаго квартета Мендельсона и квартета Бетговена.

Квартетъ Моцарта, d-dur, принадлежитъ къ менѣе извѣстнымъ произведеніямъ великаго композитора, но заслуживаетъ не меньшаго уваженія, чѣмъ столько разъ слышанные здѣсь квартеты d-moll и a-dur. Первое аллегро, съ своею свѣжею и одушевленною мелодіею, самая замѣчательная часть квартета; впрочемъ и менуэтъ, богато испещренный каноническими фигурами, съ своимъ трио, — въ быстрыхъ триоляхъ котораго господинъ Вьетавъ имѣлъ случай во всемъ блескѣ выказать свое удивительное стакато, — произвелъ также сильное впечатлѣніе.

Фортепіанный квартетъ Мендельсона, h-moll, былъ исполненъ господиномъ Герке съ необыкновеннымъ совершенствомъ. Это сочиненіе принадлежитъ къ самому раннему періоду дѣятельности Мендельсона и отличается ясностью изобрѣтенія, силою и плавностью стѣля. Мѣстами, впрочемъ, замѣтна въ немъ молодость композитора, непозволявшая ему положить себѣ опредѣленной мѣры, и тѣмъ дать сочиненію классическую круглоту формы, которая составляетъ главное достоинство этого рода сочиненій.

Въ одинъ, напримѣръ, много пестрыхъ, довольно необычныхъ по содержанию пассажей, которые не имѣютъ рѣшительно ни какой логической связи съ мотивами и съ основнымъ характеромъ цѣлаго, и, исполняемые искусною рукою господина Герке, даютъ сочлененію видъ концертной пьесы. По нашему мнѣнію, эти утра должны бы были быть посвящены благородной камерной музыкѣ, и по этому, пьесы, слишкомъ напоминающія концертный стиль, должны бы были быть исключены изъ программы. Чистый скрипичный квартетъ самый высшій и самый удобопонятный родъ камерной музыки. Какъ скоро къ нему присоединяется фортепиано, требующее особенныхъ пріемовъ и особеннаго стиля, пропадаетъ не только единство колорита звуковъ, но и единство стиля. Пѣтъ спору, что мы имѣемъ нѣсколько превосходныхъ, и въ своемъ родѣ классическихъ фортепианныхъ трио и квартетовъ, но чтобы ихъ вполне оцѣнить, должно ихъ слушать самихъ по себѣ, а не рядомъ съ скрипичными квартетами, подлѣ которыхъ не можетъ устоять ни одна фортепианная пьеса. Мы думаемъ, что наши квартетныя утра много бы выиграли, если бы фортепианные пьесы были исключены, а вмѣсто ихъ игрался бы каждый разъ лишній квартетъ.

Второе утро заключилось юмористическимъ квартетомъ Бетговепа, g-dur, № 2. Въ выборѣ квартетовъ, кажется, дѣйствительно принять хронологическій порядокъ. Въ первое утро исполненъ квартетъ Гайдна и первый квартетъ Бетговепа; во второе, квартетъ Моцарта и второй квартетъ Бетговепа; въ третье опять квартетъ Гайдна и третій квартетъ Бетговепа. И въ этомъ отношеніи было бы чрезвычайно полезно устраненіе фортепианныхъ пьесъ. Многіе съ нетерпѣніемъ ждутъ болѣе оригинальныхъ, послѣднихъ квартетовъ Бетговепа; многіе также желали бы послушать между прочимъ Шпора, Овлова и Мендельсона, что, при соблюденіи хронологическаго порядка, было бы возможно въ шесть разъ только въ такомъ случаѣ, если бы каждый разъ давали по три квартета. Если на настоящій сезонъ положены неизмѣнныя правила, то мы надѣемся, что по крайней мѣрѣ къ будущему сезону не оставятъ безъ вниманія высказанныхъ нами мыслей.

Третье квартетное утро началось знаменитымъ квартетомъ Гайдна, с dur, № 21, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ императорскаго. Самая любопытная и эффектная часть его — варіаціи, замѣняющія адажіо, на прекрасный австрійскій народный гимнъ «Gott erhalte Franz den Kaiser.» Прекрасная мелодія, являю-

щались поочередно во всѣхъ четырехъ инструментахъ, и окружающія и поддерживающія ее гармоническія и контрапунктическія фигуры, которыя, не смотря на затѣливую отдѣлку, никогда не удаляются отъ основныхъ условій красоты, благозвучія и ясности, придаютъ этимъ варіаціямъ оригинальный, торжественный, почти религіозный характеръ, который открываетъ имъ непосредственный путь въ сердца слушателей. Исполненіе этого квартета было превосходно. Артисты точно состязались въ красотѣ и полнотѣ цѣнія; альтъ и виолончель являли свой особый колоритъ, точно такъ же какъ скрипки. Это было состязаніе, въ которомъ всѣ остались побѣдителями и въ которомъ въ особенности выиграла публика. Последняя часть квартета выиграла бы, если бы была играна не въ такомъ скоромъ темпѣ. Многіе быстрые пассажи, при быстромъ движеніи, — въ особенности въ нижнихъ голосахъ, — не могли выходить совершенно чисто и ясно. Достоинство исполненія квартетовъ нисколько не заключается въ скорости.

За кваретомъ Гайдна слѣдовалъ фортепіанный квинтетъ Роберта Шуманна, въ которомъ нижеподписавшійся держалъ фортепіанную партію, почему мы и не можемъ много сказать о немъ, не смѣя, подобно Цезарю, судить собственныя свои дѣла. Однако же мы не должны, пзъ за своего участія, вовсе умолчать о заслугахъ прочихъ исполнителей. Господа Вьѣтанъ, братья Альбрехтъ и Гроссъ исполнили свои непомѣрно трудныя партіи съ примѣрною точностью и согласіемъ, то скромно подчиняясь фортепіано, то выступая совершенно самостоятельно; словомъ, исполнили все, чего могли желать композиторъ и піанистъ, въ высшей степени совершенства.

Впрочемъ, мы могли бы тутъ повторить то, что уже говорили выше о неумѣстности фортепіанныхъ цѣсей между квартетами.

Въ заключеніе былъ исполненъ третій квартетъ Бетгоvena, *à 4*, котораго замѣчательнѣйшая часть — одушевленный, юмористическій финаль. Въ прочихъ частяхъ, рядомъ со многими красотами встрѣчаются мѣста, не удовлетворяющія нынѣшнимъ требованіямъ отъ перваго великаго произведенія. Немудрено, впрочемъ, что въ то время, какъ явились первыя произведенія Бетгоvena, казавшіяся публикѣ столь темными и запутанными, эти именно мѣста служили точками, сроднявшими умъ публики съ непонятнымъ для него гениемъ композитора.

— Между-тѣмъ какъ мы писали предъидущія строки, 16 ноября было дано четвертое квартетное утро господина Вьѣтана. Въ

первыхъ трехъ мы слушали одну свѣтлую, классическую музыку: Гайдна и Моцарта. Даже Бетговеискіе квартеты принадлежали къ тому періоду его дѣятельности, когда геній великаго композитора еще слѣдовалъ по гладкимъ, цвѣтистымъ слѣдамъ Гайдна и только изрѣдка, въ робкихъ порывахъ, изобличалъ могучій духъ, который впослѣдствіи долженъ былъ съ такою смѣлостью вознестись на вершины романтизма. Четвертое же утро однимъ скачкомъ перенесло насъ въ середину новѣйшаго романтизма. Оно началось квинтетомъ Онслова, а-moll, для двухъ скрипокъ, альты и двухъ виолончелей. Въ немъ участвовалъ господинъ Роже. Онсловъ—единственный французскій композиторъ, написавшій что либо замѣчательное въ камерной музыкѣ. Наиболѣе онъ извѣстенъ своими квинтетами, о которыхъ мы здѣсь и поговоримъ. Богатствомъ изобрѣтенія этотъ композиторъ никогда не отличался; его мотивы по большей части неважны и чужды оригинальности. Но зато онъ мастерски умѣетъ чрезвычайно тонкою и тщательною отдѣлкою подробностей придать своимъ сочиненіямъ занимательность, по-крайней-мѣрѣ для таинихъ слушателей, которые могутъ слѣдить за нимъ во всѣхъ его изворотахъ, въ особенности же для играющихъ, которымъ онъ даетъ случай выказать въ полномъ блескѣ искусство свокоупной игры. Къ сожалѣнію, въ сочиненіяхъ Онслова недостаетъ той цѣлости, того единства, которое у Гайдна и Бетговена даетъ самымъ мелкимъ подробностямъ отдѣлку характеръ внутренней необходимости. Сколько Онсловъ ни отдѣливаетъ и ни разукрашаетъ каждый камень своего зданія, у него ничего не выходитъ кромѣ хорошенькой виллы или павильона, которыя нравятся только вблизи, изяществомъ подробностей, между-тѣмъ какъ Бетговеиновы колоссальные храмы также громадны и прекрасны издали, и въ то же время, подобно готическимъ соборамъ, изобличаютъ руку мастера въ арабескахъ каждаго отдѣльнаго камня. Онслову лучше удаются короткія піески, напимѣръ, скерци, тріо, варіаціи и тому подобныя. Въ замысловатомъ скерцо квинтета а-moll, господину Гроссу предстояла вдвойнѣ трудная задача, перенять на виолончели стаккато господина Вьѣтана, и эту задачу онъ исполнилъ весьма счастливо. Адажіо квинтета, благодаря искусному употребленію виолончели, весьма благозвучно, другихъ же достоинствъ не имѣетъ. Что внезапное, тихое возвращеніе главнаго тона, послѣ длиннаго ряда чуждыхъ гармоній, пріятно поражаетъ слухъ, извѣстно каждому ученику въ генералбассѣ. Употребленіе такихъ эффектовъ безъ всякой внутренней причины, только

ради матеріальнаго благозвучія конце, изобличаетъ крайній недостатокъ изобрѣтенія. Одушевленный фивалъ плаветъ, во не можетъ произвести сильнаго дѣйствія своею слишкомъ знакомою ничтожною темою. Такимъ образомъ многое можно осудить въ этомъ сочиненіи, но какъ оно служитъ представителемъ новѣйшаго французскаго направленія, то выборъ его для квартетнаго утра очень основателенъ и заслуживаетъ полной благодарности. Притомъ оно доставило удовольствіе всей публикѣ, — знатокамъ своими любопытными подробностями, профанамъ своимъ благозвучіемъ, и всѣмъ — мастерскимъ выполненіемъ.

Чрезвычайно любопытно было, вслѣдъ за сочиненіемъ Онслова слышать одно изъ позднѣйшихъ сочиненій Бетговена, его большой квартетъ, b-dur. Хотя Бетговенъ въ этомъ сочиненіи мѣстами, особенно въ первой части, уже приближается къ той фортепьянскій манерѣ, которою онъ въ послѣднихъ своихъ квартетахъ началъ совершенное преобразование и перерожденіе отдѣльныхъ частей, въ чемъ никто, впрочемъ, не посмѣлъ идти за нимъ, однако же все въ этомъ квартетѣ понятно и прекрасно. Тутъ также романтизмъ, но не изъисканный и искусственный романтизмъ Онслова, а истинный, прекрасный, который, рождаясь изъ поэзіи, провинуть и живетъ поэзіею. Это твореніе очевидно произвело глубокое, поразительное впечатлѣніе, въ особенности энергическое, смѣлое скерцо, которое, по настоящему требованію публики, было повторено, и дивное адажіо.

Въ промежуткѣ между квинтетомъ Онслова и квартетомъ Бетговена, господина Вьѣтанъ сыгралъ «чаконну» Себастіана Баха, написанную первоначально для одной скрипки, безъ акомпанимента, но къ которой Мендельсонъ придѣлалъ простой акомпаниментъ фортепьяно, подкрѣпляющій преимущественно слишкомъ слабыя на скрипкѣ басовыя ноты. Это небольшое сочиненіе носитъ на себѣ съ начала до конца печать Бахова мощнаго генія и его дикой энергіи. Рѣдкій скрипачъ можетъ одолѣть ужасныя трудности, которыя представляетъ это сочиненіе; когда же онъ присоединяетъ къ тому желѣзную твердость и терпѣніе Вьѣтана, то эта пьеса производитъ, вѣскольکو дикое, правда, но тѣмъ не менѣе, величественное, поразительное впечатлѣніе.

— Изъ Лейпцига, отъ пятаго ноября, пишутъ: «Вчера вечеромъ, въ двадцать четыре минуты девятаго скончался докторъ Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди. О томъ, какое было его значеніе въ образованномъ мірѣ, будетъ одинъ отзывъ на берегахъ Шпрѣ и Дуная, Темзы и Сены. Всегда поймутъ, какая го-

ростъ наполнила сердца всѣхъ жителей нашего города, когда распространилась вѣсть о кончинѣ этого замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ современныхъ нѣмецкихъ композиторовъ. Съ 1835 года, жилъ онъ почти постоянно въ Лейпцигѣ, посвящая все свое время и силы искусству и его распространенію въ народъ. Въ горести, возбужденной кончиною человѣка, въ которому мы питали глубокое уваженіе и какъ къ художнику и какъ къ человѣку, мы не можемъ дать въ настоящее время подробнаго очерка его жизни и дѣятельности; скажемъ только нѣсколько словъ о послѣднемъ времени его жизни. По возвращеніи изъ Англіи, гдѣ «Пророкъ Илья» стяжалъ ему новые лавры, Мендельсонъ рѣшился покатъ облегченія своей болѣзни среди Альпъ. Но и тамъ безпокойный геній не далъ ему покою, побуждая его къ новому творчеству. Когда онъ возвратился въ Лейпцигъ, начались приготовленія къ исполненію послѣдней его ораторіи, но вскорѣ они были остановлены его болѣзнию, которая кончилась смертію. Уже носился слухъ о его опасномъ положеніи, но пока онъ былъ живъ, всё еще обманывали себя надеждою, которой опредѣлено было не осуществиться! Въ тотъ самый день, какъ послѣдняя ораторія Мендельсона, «Пророкъ Илья», исполнялась въ Берлинѣ въ первый разъ, и слушатели сожалѣли о томъ, что болѣзнь не позволила автору самому дирижировать ее, какъ онъ предпологалъ, третій ударъ свелъ его въ могилу, надъ которою плачутъ жена, дѣти и многочисленные друзья покойнаго. Сколько намъ извѣстно, онъ оставилъ слѣдующія сочиненія: шесть вѣсень для соправо и три мотетта для хора, которые уже въ печати; совершенно оконченное первое дѣйствіе оперы «Русалка» (Lorelei), на слова Гейбеля, и значительные отрывки задуманной имъ второй ораторіи «Христосъ».

Вѣсть о смерти Мендельсона возбудила вездѣ всеобщую горестъ, какъ въ Лейпцигѣ, такъ и въ Берлинѣ, его родицѣ, и другихъ городахъ. Въ Лейпцигѣ, четвертаго ноября, то есть въ день его смерти, должны были открыться концерты Гевандгауза, которыхъ онъ долго былъ директоромъ, но когда распространилось извѣстіе о безнадежномъ состояніи его здоровья, концертъ отмігъ. Пока тѣло его было выставлено, безпрестанно толпились около него друзья и ученики, чтобъ взглянуть въ послѣдній разъ на украшеннаго лавровымъ вѣнкомъ любимца своего; театры были закрыты на нѣсколько дней.

Лейпцигцы надѣялись, что прахъ великаго композитора, избраннаго городъ ихъ своимъ постояннымъ мѣстопробываніемъ, бу-

дети положены у нихъ, но родственники рѣшились перевезти тѣло въ Берлинъ, чтобъ положить его въ фамильной гробницѣ, рядомъ съ дѣдомъ его, знаменитымъ философомъ Менделсономъ, и съ сестрою, Фанни Гензель, умершею съ повода тому назадъ. Лейпцигцы не хотѣли отпустить его отъ себя не простившись съ нимъ торжественнымъ образомъ.

Въ три часа по полудни, друзья и почитатели покойника собралось въ церкви Святого Юанна, и все вмѣстѣ отправилось къ дому умершаго. Отсюда потянулось печальное шествіе. Впереди шли два хора музыки, которые поочередно играли погребальные марши. За ними слѣдовали члены оркестра Гезандгауза, и преподаватели консерваторіи съ своими учениками. Одинъ изъ старшихъ учениковъ несъ на бархатной подушкѣ серебряный лавровый вѣнокъ, поднесенный Менделсону его учениками, и орденъ *rouge le mérite*. Потомъ на четырехъ лошадяхъ, въ черныхъ покрывахъ, везли гробъ, украшенный вальмами и цвѣтами; по сторонамъ его шли сверстники и короткіе друзья умершаго. За гробомъ шли его ближніе, пасторы реформатской общины, университетской и всѣхъ приходковыхъ церквей, начальники и члены всѣхъ гражданскихъ и военныхъ вѣдомствъ, ректоръ и члены университета, члены городского совѣта, городскіе депутаты, студенты, и безчисленное множество народу всѣхъ сословій. Процессія тянулась медленно, между двухъ стѣнъ народу по разнымъ улицамъ, къ новому зданію университета. Тутъ гробъ подняли и внесли въ церковь Святой Паулины, ярко освѣщенную и отчасти обитую чернымъ сукномъ. Органъ заигралъ печальную прелюдію, а гробъ между-тѣмъ поставили на катафалкъ и окружили свѣчами. За тѣмъ хоръ пропѣлъ нѣсколько стиховъ хорака «O! Haupt voll Blut und Wunden»; потомъ хоръ составленный изъ всѣхъ лейпцигскихъ хоровъ, запѣлъ изъ *Павла* «Dir, Herr, dir will ich mich ergeben». Потомъ пасторъ Говардъ произнесъ въ память умершаго слово, за которымъ слѣдовалъ опять хоръ изъ *Павла*: «Siehe, wir preisen seelig, die erduldet haben; denn ob der Leib gleich stirbt, doch wird die Seele leben». Слезы блеснули почти на всѣхъ глазахъ когда эта грустная мелодія раздавалась надъ умолкшимъ поэтомъ, бывшимъ нѣкогда ея творцомъ! Когда священникъ произнесъ послѣднее благословеніе надъ умершимъ, печальное торжество заключилось послѣднимъ хоромъ изъ Страсти Господней Себастьяна Баха.

«Wir setzen uns mit Thränen nieder

Und ruhen dir im Grabe zu:
Ruhe sanfte, sanfte Ruh!

Музыку дирижировали капельмейстеры Гаде и Ритцъ.

Въ десять часовъ вечера гробъ повезли съ чрезвычайнымъ поѣздомъ по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ. Дорогою многочисленныя почитатели умершаго не хотѣли упустить случая отдать ему послѣднюю почесть. Въ Кётенѣ встрѣтили покойника хоромъ, подъ управленіемъ капельмейстера Тиле; въ Дессау старикъ капельмейстеръ Шнейдеръ ждалъ его на станціи, со многими другими его почитателями, чтобы среди ночной тишины проститься съ нимъ въ послѣдній разъ трогательнымъ хоромъ сочиненнымъ нарочно на этотъ случай.

Въ семь часовъ утра поѣздъ прибылъ въ Берлинъ и былъ встрѣченъ на станціи хоромъ музыки, подъ управленіемъ капельмейстера Брауна. Гробъ поставили на богатыхъ дрогахъ съ пальмами и коронами и повезли къ старому кладбищу Святой Троицы, въ сопровожденіи хора. Дорогою пристала къ семейству умершаго и его многочисленнымъ друзьямъ безчисленная толпа народу. Множество важныхъ сановниковъ, художниковъ и ученыхъ, доказывали своимъ присутствіемъ, какое участіе принимали всѣ сословія въ горестной утратѣ. На площади Бель-Альянсъ ждали поѣзда воспитанники Фридрихова воспитательнаго заведенія, мальчики и дѣвушки, которымъ Мендельсонъ не разъ доказывалъ свою привязанность разнаго рода благодѣяніями; тутъ же встрѣтили его члены Королевской Капеллы и Пѣвческой Академіи. На кладбищѣ встрѣтилъ его хоръ соборной церкви, и пропѣлъ хоралъ, подъ управленіемъ капельмейстера Нейтгарта. За тѣмъ гробъ опустили въ могилу. Пасторъ Бердушекъ произнесъ надгробное слово, въ которомъ напомнилъ еще разъ, въ краткихъ, но трогательныхъ словахъ, прекрасное дарованіе умершаго, творческую полноту и силу и глубокое чувство, проявляющіяся въ его произведеніяхъ и, наконецъ, безпримѣрную ревность, съ которою онъ служилъ своему искусству, и ввухалъ другимъ любовь и стремленіе къ нему.

Потомъ члены Пѣвческой Академіи пропѣли хоралъ Мендельсона «*Wie sie so sanft ruhen*», и хоръ соборной церкви заключилъ трогательное торжество погребальнымъ хоромъ.

Причиною смерти Мендельсона были два паралича, послѣдовавшіе впродолженіи двухъ недѣль. За двѣ недѣли передъ смертію съ нимъ сдѣлался первый ударъ, въ то самое время, какъ извѣстная лейпцигская пѣвица, Фреге, пѣла ему одну изъ его груст-

ныхъ пѣсенъ, въ которой выражается предчувствіе близкой разлуки. Онъ скоро оправился отъ этого удара, и продолжалъ писать. Последнимъ его сочиненіемъ была музыка къ «Nachtlied» Эйхендорфа; замѣтимъ кстати, что послѣднимъ сочиненіемъ его сестры, Фанни Гензель, было также стихотвореніе Эйхендорфа, конченное ею въ самый день смерти. Вторичный приливъ крови къ мозгу прекратилъ жизнь великаго композитора.

Почести Мендельсону не кончились его погребеніемъ: нѣсколько дней спустя, въ Берлинской Пѣвческой Академіи данъ былъ въ память его концертъ, въ которомъ, кромѣ погребальнаго марша изъ героической симфоніи Бетговева, были исполнены оды его сочиненія. Въ особенности любопытенъ былъ исполненный хоромъ соборной церкви Кургіе, принадлежащій къ юности Мендельсона. Вотъ его исторія. Это было въ 1825 году; шестнадцати-лѣтній Мендельсонъ только что кончилъ свой второй квартетъ, о которомъ Цельтеръ писалъ къ Гёте, что онъ еще лучше перваго играннаго въ Веймарѣ. Отецъ Мендельсона не хотѣлъ однако же довольствоваться хвалами друзей, и рѣшился ѣхать съ сыномъ въ Парижъ, чтобы узнать отъ безпристрастныхъ и знающихъ судей, хорошо ли онъ сдѣлаетъ, согласившись на желаніе сына и позволивъ ему посвятить себя исключительно музыкѣ. Это рѣшеніе онъ предоставлялъ Керубини. Послѣ перваго представленія ему юнаго Мендельсона, старый маэстро потребовалъ, чтобы онъ написалъ ему Кургіе. Мендельсонъ сначала отговаривался, но когда Керубини сказалъ ему съ обыкновенною своею важностью, что онъ этого требуетъ по желанію его отца, Мендельсонъ немедленно согласился, и черезъ два дня работа была кончена. Это Кургіе такъ понравилось Керубини, что онъ не только совѣтовалъ отцу позволить сыну посвятить себя музыкѣ, но даже предложилъ ему оставить его въ Парижѣ, вызываясь взять молодаго человѣка подъ свое руководство. Последнее, однако же, не состоялось. Мендельсонъ вскорѣ возвратился въ Берлинъ, гдѣ продолжалъ свое образованіе подъ руководствомъ прежнихъ учителей, Цельтера и Бергера, и съ какииъ успѣхомъ — всѣмъ извѣстно. Чрезвычайно раннее развитіе его гения является дѣйствительно чѣмъ-то изумительнымъ, когда подумаемъ, что въ юности создалъ онъ это Кургіе, увертюру къ «Сну въ Ивановскую ночь», и нѣкоторыя другія произведенія, носящія на себѣ печать зрѣлаго таланта.

Такое же сильное ощущеніе какъ въ Германіи, произвела преждевременная кончина Мендельсона и въ Англіи. Англичане всегда

любилъ и уважалъ его. Еще съ юности онъ съ нами, и съ увертюры къ «Сну въ Изаакову юную ночь» до «Пророка Ильи», всѣ значительныя его сочиненія являлись сначала въ Англии. Последнимъ его торжествомъ передъ публикою была слазная его поездка въ Лондонъ въ апрѣль мѣсяцъ. Лондонское Церковно-Музыкальное Общество (Sacred-Music-Society) собиралось исполнить въ вышннемъ мѣсяцѣ его «Пророка Ильи»; но вслѣдствіе смерти композитора положило дать сначала въ память его концертъ, составленный изъ избранныхъ сочиненій Менделя. Сдѣлано также предложеніе, поставить бюстъ Менделя въ музыкальной библіотекѣ Британскаго Музея.

— Знаменитая пѣвица госпожа Шрёдеръ-Девриентъ прибыла тридцать перваго октября въ Ригу. Ея уже болѣе не надѣялись видѣть тамъ, потому что въ одной гамбургской газетѣ писали, что ее ждали въ Гамбургъ, откуда она будто бы собиралась ѣхать въ Америку. Она явится въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ своихъ ролей.

До сихъ поръ одна Европа, преимущественно нѣкоторыя части ея континента, производили всякаго роду художниковъ, въ особенности пѣвцовъ; они толпами отправлялись за море, къ новому свѣту, добывать славы и долларовъ. Теперь же и Америка вздумала платить Европѣ тѣмъ же; пять Американцевъ, называющихъ себя, неизвѣстно на какомъ основаніи негрскими пѣвцами, пріѣхали тѣшить Европейцевъ своимъ искусствомъ. Эти пѣвцы, господъ Драйсъ, Лоренъ, Адвинъ, Марли и Стейнеръ, пробывъ довольно долго въ негрскихъ областяхъ сѣверной Америки, хорошо познакомились съ ихъ пѣснями, плясками, танцами и обычаями. Они уже два года разъѣзжали по всѣмъ большимъ городамъ Англии, вездѣ, въ особенности же въ Лондонѣ, производили шумъ, и три раза бѣли въ присутствіи королевы. Изъ Англии они перѣѣхали сначала въ Голландію, гдѣ въ пять мѣсяцевъ дали сто-двадцать представленій, съ необыкновеннымъ успехомъ и два раза бѣли при дворѣ. Теперь они въ Германіи, посетили уже Эберфельдъ, и собираются скоро въ Кельнъ.

— Броссельскія газеты сообщаютъ слѣдующій несчастный случай: Нѣмецкій скрипачъ Фабриціусъ, изъ канцеляріи ландграфа Гессенъ-Гомбургскаго, объявилъ концертъ въ театрѣ; на пробѣ замѣтили, что онъ слишкомъ посредственный скрипачъ и что онъ долженъ осрамиться въ отечествѣ Вѣтана и Берію, а потому и намекнули ему, что онъ можетъ подвергнуться очень неприятнымъ послѣдствіямъ. Это предупрежденіе привело бѣднаго ар.

твота въ такое отчаяніе, что онъ бродилъ въ канаву, откуда его вытащилъ уже мертвого. Къ этому отчаянному поступку побудило его несчастное финансовое положеніе, которое онъ думалъ поправить концертомъ.

— Изъ Вѣны пишутъ: «Двое изъ знаменитѣйшихъ пианистовъ нашего времени, которыхъ слава родилась въ Вѣнѣ и отсюда распространилась по всему свѣту, Тальбергъ и Леопольдъ Мейеръ, недавно, послѣ многолѣтняго отсутствія, были опять въ нашемъ городѣ, которому они столькожъ обязаны. Но успѣха и слава сдѣлали ихъ гордыми и надменными, и та же публика, которой вниманія они нѣкогда добивались какъ величайшаго счастья, показалась имъ недостойною подивиться ихъ таланту: они уѣхали, не давъ концерта. Вѣнцы, впрочемъ, всколько не горюютъ о неблагодарныхъ, потому что ждутъ скорого возвращенія Листа, любезнаго, вѣрнаго, признательнаго Листа. А какое разстояніе между Листомъ и всѣми остальными пианистами!—Листъ не только величайшій пианистъ нашего времени, онъ единственный пианистъ; съ нимъ нельзя никого сравнить, никого нельзя поставить ему въ параллель; даже изъ самыхъ знаменитыхъ виртуозовъ, потому что онъ единственный образецъ своей школы, оригиналь, съ котораго копія невозможна, текстъ, которому толкованіе можно найти только въ немъ самомъ. — Листа называли Паганини фортепьянъ. Вадоръ! Паганини былъ демономъ скрипки, Листъ гений фортепьянъ! Паганини обратилъ свой инструментъ въ метлу вѣдьмы, на которой онъ выѣзжалъ чрезъ всѣвозможныя трудности въ ту сферу, гдѣ духи мрака справляютъ своей шабашъ, и тамъ скрипка его издавала звуки, не исходящіе до чего ни изъ какой скрипки; звуки тоски и радости, отчаянія и восторгу, дикій ревъ и нѣжный шепотъ; но эти звуки, страшные, волшебные, околдовывающіе, вырывались только изъ волшебнаго ящика, изъ деревянной рунической доски, съ четырьмя струнами, на которой бѣшеный смычокъ совершалъ свои загадочные, глубоко потрясающіе скачки и прыжки, а не изъ восторгу души, не изъ вдохновенія артиста, не изъ его внутренней художественной жизни. Этимъ Листъ стоитъ гораздо выше Паганини; у него искусство дышетъ жизнью и истекаетъ изъ сердца; не только цвѣтъ его игры, но даже всѣ разнообразныя, странныя, пестрыя, экзотическія причуды его игры взлѣтѣяны и вызваны на бѣлый свѣтъ вѣчнымъ солнцемъ внутреннего огня: въ его игрѣ всегда преобладаетъ чисто человѣческое вдохновеніе. Игра Паганини отзывается нашей душѣ словами Фауста о

Маргаритъ: «Она погибла!» Игра Листа; напротивъ, говорить: «Спасена!» Листъ не нѣтъ, но настоящему, учителю, и точно также не нѣтъ учениковъ; есть у него послѣдователи, то есть вѣрующіе въ него, но нѣтъ учениковъ, которые бы распространяли его игру, потому что можно распространять только школу, подражать манерѣ, перенимать и развивать форму; гений же рождается въ самомъ себѣ и заключается въ самомъ себѣ.»

— Говорятъ, будто Листъ долженъ провести зиму въ Веймарѣ, гдѣ будетъ исправлять свою должность придворнаго капельмейстера. Другіе утверждаютъ, будто онъ приметъ должность придворнаго капельмейстера въ Вѣнѣ, вмѣсто Довидзетти, котораго здоровье видимо поправляется, съ-тѣхъ-поръ какъ онъ пріѣхалъ въ Бергамо, но который едва ли когда совершенно вылечится.

— Изъ Лукки пишутъ, что знаменитый пианистъ Делеръ она-сно боленъ.

— Эрнста ждутъ въ скоромъ времени въ Вѣну.

— Какой-то журналъ, «Богемія», рассказываетъ предлинную повесть о какой-то таинственной пѣвицѣ, которая будто бы съ нѣкотораго времени производитъ страшный фуроръ на сѣверѣ (гдѣ ужъ этотъ сѣверъ, про то знаетъ журналъ!); она будто бы не называется иначе какъ въ маскѣ, и известна подъ именемъ «la Mascherata», то есть замаскированной. Авторъ статьи утверждаетъ, что она съ равною легкостью поетъ по-французски, по-нѣмецки, по-итальянски, по-англійски, по-шведски, и даже по-русски.

— Госпожа Альбони, объ успѣхахъ которой въ Парижѣ мы уже говорили въ прошломъ номерѣ, уѣхала въ Пештъ, куда она ангажирована на два мѣсяца. Въ февралѣ ждутъ ея опять въ Парижъ; она тогда явится уже на театрѣ.

— Въ тотъ самый вечеръ, какъ Альбони явилась въ первый разъ въ Большой Оперѣ, въ Итальянской Оперѣ дебютировала молодая Француженка, также наша петербургская знакомка, Кастеллави. Дебютъ ея былъ тѣмъ пріятнѣе Парижанамъ, что она ихъ соотечественница, воспитанница Парижской Консерваторіи, ученица Пансерона и госпожи Даморѣ. Она оставила Парижъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ скромною деютанткою, а возвращается вполне развитою, всѣми признанною артисткою. Она дебютировала въ Лучинѣ, съ необыкновеннымъ успѣхомъ; въ особенности возбуждала она всеобщій восторгъ въ третьемъ дѣйствіи, въ сценѣ сумасшествія.

— Кромѣ госпожи Кастелланъ и другой молодой пѣвицы, госпожи Корбаря, дебютировавшей также съ большимъ успѣхомъ, прочіе члены парижской Итальянской Оперы все шрежнѣе. Вообще она открыла свои представленія не совсѣмъ успѣшно, что должно приписать преимущественно вліянію пораженія, претерпѣннаго главными членами ея въ состязаніи коветтгарденскаго театра съ господиномъ Лумлеемъ.

— Комическая Опера готовитъ новое произведеніе Скриба и Обера, подъ названіемъ «Анде».

— Одинъ музыкальный критикъ, пользующійся общимъ уваженіемъ въ Парижѣ, господинъ Гекѣ, написалъ недавно комическую оперу въ одномъ дѣйствіи, подъ названіемъ «Le Vrasopnieg», играемую съ успѣхомъ на театрѣ Комической Оперы. Либретто господъ Лёвена и Вандербурга чрезвычайно изящно и чувствительно. Дѣло идетъ объ одномъ молодцѣ, который влюбился въ дочь лѣвничаго. Это бы еще грѣхъ не такъ большой, потому что и Лиза любить Герберта и самъ лѣвничій не прочь отдать за всю дочь, и того только и ждетъ, чтобы онъ сватался; не хорошо то, что Гербертъ вмѣсто папки носитъ секретное ружье, вмѣсто богословской книги яктантъ, и безъ зазрѣнія совѣсти бьетъ герцогскую дичь, для пропитанія своего стараго учителя, что подвергаетъ будущаго его тестя опасности лишиться мѣста и возможности дать приданое дочери. Соперникъ Герберта доноситъ на него; несчастнаго уже ведутъ на висѣлицу, но герцогъ, въ порывѣ великодушія не только прощаетъ его, но даже назначаетъ главнымъ зрителемъ всѣхъ своихъ лѣсовъ. Музыка господина Гекѣ, по словамъ критиковъ, изящна, легка и живописна. Въ особенности хвалятъ начальное анданте увертюры, первую арію Лизы, комическіе куплеты стараго лѣвничаго, квартетъ съ балладою о черномъ охотникѣ, напоминающею нѣсколько Фрейшюца, и дуэтъ Герберта съ Лизою. Однимъ словомъ, партитура доказываетъ, что господинъ Гекѣ не только провинциальный и добросовѣтный критикъ, тѣмъ его считали до-сихъ поръ, но и человекъ съ истиннымъ творческимъ талантомъ.

— Берлиозъ получилъ недавно отъ парижской музыкальной Консерваторіи чрезвычайно лестное письмо, извѣщающее объ избраніи его въ почетные члены Консерваторіи.

— Новый оперный театръ въ Парижѣ, «Национальная Опера» наконецъ открылся. Въ первое представленіе давали прологъ «Два гевія», сочиненіе господъ Рофе и Ваэса, съ музыкою Обера.

ра, Галеви, Караччы и Адама, и комическую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ, «Гастибельза», сочиненіе молодого французскаго композитора, Малье. Въ будущемъ номерѣ надѣемся поговорить по-дробнѣе объ открытіи театра и объ этихъ пьесахъ.

— Знаменитый артистъ Вивьѣ, побѣжалъ въ Гагу, гдѣ онъ думаетъ дать нѣсколько концертовъ.

— Новая опера, учреждаемая въ Лондонѣ Жюльеномъ, на Драйленскомъ театрѣ, должна открыться перваго декабря. Господинъ Жюльенъ находится уже нѣсколько недѣль въ Парижѣ и дѣлательно заботится объ устройствѣ театра. Въ труппу его уже ангажированы Штаудигль, Пинекъ, госпожа Дорюсъ-Гра и госпожа Мессенъ. Госпожа Бёрчъ, которая должна въ непродолжительномъ времени дебютировать въ Парижѣ, въ новой, или скорѣе обновленной оперѣ Верди «Иерусалимъ», присоединится къ труппѣ Жюльена въ февралѣ. Берлиозъ уже побѣжалъ въ Лондонъ, вступить въ свою должность капельмейстера Драйленскаго театра. Въ первой половинѣ декабря онъ долженъ дать большой концертъ, въ которомъ будутъ участвовать сто-пятьдесятъ музыкантовъ и двѣсти хористовъ.

— Предположеніе Жюльена ангажировать въ свою труппу госпожу Виардо-Гарсию не исполнилось. Знаменитая пѣвица ѣдетъ въ скоромъ времени въ Германію, гдѣ ея вѣроятнѣе ждуть такіе же успѣхи, какіе сопровождали всюду въ прошломъ году. Она намѣрена дать по нѣскольку представленій въ Дрезденѣ, Гамбургѣ и Берлинѣ. На льто она, говорятъ, заключила контрактъ съ директоромъ вновь образующейся ковентгарденской италинской оперы, Билемъ. Она должна явиться въ Лондонѣ въ «Робертъ дьяволъ», въ «Гугенотахъ», въ «Жидовкѣ», въ «Фиделия», въ «Фрейшюцѣ», въ «Донъ-Жуанѣ» и въ «Исагенія въ Тавридѣ». Господинъ Билъ, какъ видно, бодро готовится на новую борьбу съ Лумлеемъ и обѣщаетъ поставить всѣ эти оперы достойнымъ образомъ, а не въ томъ жалкомъ видѣ, какъ являлась первая изъ нихъ у его соперника, прошлымъ лѣтомъ.

— На ковентгарденскомъ театрѣ устраивается представленіе въ пользу дѣтей недавно умершей пѣвицы, госпожи Альбертани; вдовствующая королева прислала для нихъ директору десять фунтовъ стерлинговъ.

— Въ Гагѣ ставятъ оперу молодого берлинскаго композитора Экерта, «Вильгельмъ Оранскій», имѣвшую такой блестящій успѣхъ въ Берлинѣ. Композиторъ, находящійся теперь въ Парижѣ, поѣдетъ самъ ставить ее.

— Представленія Женни Линдъ въ Берлинѣ также блистательны, какъ были въ прошломъ году. Она являлась въ «Дочери шюльа», «Фрейшюцъ» и «Соннамбулъ» и была каждый разъ осиянана рукоплесканіями, цвѣтами и вызовами. Въ первое дѣйствіе «Соннамбулы» былъ вставленъ балетъ, въ которомъ отличалась молодая танцовщица Полейъ. Знаменитый лондонскій импресарио, Лумлей, присутствовавшій при представленіи, ангажировалъ ее на свой театръ. «Фрейшюцъ» данъ былъ въ день рожденія короля. Женни Линдъ съ глубокимъ чувствомъ исполнила свою любимую роль *Agaty*. Публика требовала повторенія каватинны «Und ob die Wolke», но пѣвица была слишкомъ утомлена, чтобы удовлетворить ея желанію.

Сверхъ-того, Женни Линдъ участвовала въ нѣсколькихъ концертахъ, между прочимъ въ концертѣ въ пользу театральнаго хора, который былъ чрезвычайно блистателенъ, какъ въ художественномъ, такъ и въ финансовомъ отношеніи. Въ немъ торжество великой пѣвицы раздѣлялъ молодой сириначъ Августъ Мезеръ.

— Кстати о Женни Линдъ. Одна шведская газета напечатала о ней слѣдующую біографическую статейку: «Иностранные журналы каждый день заваливаютъ насъ невѣрными, а иной разъ и нелѣпыми біографіями Женни Линдъ. Наша знаменитая соотечественница родилась въ 1820 году, и еще ребенкомъ была принята въ число воспитанницъ, которыхъ содержитъ нашъ королевскій театръ. Директоромъ училища пѣвца былъ тогда Бергъ, заслуженный преподаватель италіанской школы. Онъ скоро замѣтилъ рѣдкія способности Женни, и сталъ заниматься съ нею съ особымъ стараніемъ. Въ 1838 году, она уже была честью нашей оперы и кумиромъ публики. Въ 1841 году вышелъ срокъ ея условію; желая усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ, молодая артистка отправилась въ Парижъ, гдѣ пользовалась единственно уроками Мануэля Гарсін; ни отъ кого другаго она собитовъ не просила и не получала. Пробывъ годъ въ Парижѣ, то есть, въ 1842 году, она согласилась на настоятельныя просьбы стокагольмской театральной дирекціи и заключила контрактъ на слѣдующую зиму. Между-тѣмъ прибылъ въ Парижъ Мейерберъ и пожелалъ слышать ее. Знаменитый маэстро былъ приведенъ въ восторгъ юною пѣвицею; но контрактъ ея съ стокагольмскимъ театромъ не позволялъ ей немедленно ангажироваться въ Парижскую Оперу. Тогда Мейерберъ рѣшился ангажировать ее на берлинскій театръ, и въ 1843 году, дѣйствительно похитилъ ее у

насъ. Тутъ кончается ея біографія. Если мы не упомянемъ ни о «прекрасномъ шведскомъ мастерѣ» ни о ея парижской «модѣ Милль», то это потому что и тотъ и другая существовали только въ воображеніи досужихъ журналовъ.

— Процессъ Жюли Ландъ съ бывшимъ директоромъ Дюрриленскаго театра, Бейкомъ, еще продолжается; говорятъ, что Книпфъ-Бенчъ собирается послать депутацію къ Мейерберу, въ Берлинъ, отобрать его свидѣтельство, на которое ссылалась вѣнница.

— Въ Стокгольмѣ недавно спущенъ корабль, подъ названіемъ «Жюли Ландъ». Сколько мы упомянемъ, ни одна пѣвица не удостоивалась до сихъ поръ подобной чести.

— Тальбергъ окончилъ свое путешествіе по Швеціи и Даніи, которое, кромѣ новыхъ упѣховъ и большихъ денегъ, доставило ему шведскій орденъ Густава Вазы. Его ждутъ въ скоромъ времени въ Берлинъ, гдѣ онъ дастъ нѣсколько концертовъ, а потомъ отправится на зиму въ Парижъ.

— Сестры Неруда, имѣвшія лѣтомъ такой огромный успѣхъ въ Берлинѣ, давали недавно такіе же блестящіе концерты въ Бреславлѣ. Онѣ отправились теперь въ Парижъ.

— Итальянская опера въ Берлинѣ открыла свои представленія самымъ блестящимъ образомъ. Давали «Донъ-Жуана». Въ немъ особенно отличались синьора Фодоръ (донна Анна), Лабочетта (Донъ-Жуанъ) и синьора Дудлотта, въ первый разъ замѣнявшая синьору Бальдрини въ роли Церлины.

— Недавно былъ въ Берлинѣ великолѣпный духовный концертъ въ церкви Святаго Николая. Давали «Stabat mater», Россини; исполняли его артисты итальянской труппы, господя Лабочетта, Каталано, Луизи и госпожи Фодоръ и Оливьери, подъ управленіемъ капельмейстера Барбіери. Кромѣ этого произведенія, были исполнены различныя сочиненія Бетговена, Баха, Генделя, Вагнера и Наумана.

Не менѣе замѣчательнъ былъ первый квартетный вечеръ, состоявшій изъ квартета Гайдна и большаго трио Бетговена (op. 97); въ послѣднемъ явился передъ публикою въ первый разъ молодой пианистъ Штейнзандъ, отличающійся бѣглою и изяществомъ, и въ то же время однообразіемъ игры.

— Въ Крольскомъ саду, привлекалъ недавно безчисленную толпу народу знаменитый творецъ вальса, старикъ Штраусъ, пріѣхавшій съ своимъ оркестромъ изъ Вѣны; онъ далъ въ Берлинѣ восемь концертовъ, и отправился въ Гамбургъ.

— Подобно Штраусу и другіе оркестры вздумали разъѣзжать по разнымъ городамъ и давать концерты. Едва Штраусъ выѣхалъ изъ Берлина, явился туда съ своимъ оркестромъ Вильзе, изъ Лигница; берлинскій же оркестръ Гюбнера Гуйля отправился въ Гамбургъ, а гамбургскій оркестръ Веренса, въ Мекленбургъ.

— Въ Мюнхенѣ, въ числѣ прочихъ рѣдкостей, показываютъ пріѣзжимъ великолѣпный дворецъ графини фонъ Ландсфельдъ, бывшей Лолы Монтесъ. Въ особенноти отличается въ ей дворецъ спальня, отдѣланная съ удивительнымъ богатствомъ. Вниманіе посѣтителей обращаютъ также на множество пѣмецкихъ стихотвореній, разбросанныхъ на столѣ, и воспѣвающихся прелестн стасливой артистки. Рядомъ съ вадушенными листками лежитъ изваянная изъ бѣлаго мрамора, рука, писавшая ихъ.

— Карлъ Майеръ, нашъ любимый петербургскій піанистъ, поселившійся съ лѣта въ Дрезденъ, давалъ тамъ недавно музыкальный вечеръ, въ которомъ игралъ новый свой концертъ. Кромѣ его самого, въ этомъ вечерѣ участвовала его ученица, дѣвица *Марія фонъ Гардеръ*, молодая піанистка, общающаяся необыкновенный талантъ. Она играла его симфоническій концертъ.

— Опера Вагнера «Ріензи», недавно представленная въ Берлинѣ въ первый разъ, имѣла огромный успѣхъ; авторъ былъ нѣсколько разъ вызванъ.

— Въ Брауншвейгѣ ставится новая опера, «Карлъ-Пятый», Штѣплера. Успѣхъ «Книжестской невѣсты» Литольфа подтверждается съ каждымъ представленіемъ.

— Новая опера Фердинанда Гиллера, «Конрадъ, послѣдній изъ Гогенштауфеновъ», представлена въ Дрезденѣ съ блистательнымъ успѣхомъ. Композиторъ и пѣвицы были вызываемы по окончаніи каждаго дѣйствія. Либретто, заимствованное изъ драмы Раупаха, умно и одушевленно; въ музыкѣ преобладаетъ элементъ элегическій.

— Въ Гамбургѣ недавно былъ два раза исполненъ «Пророкъ Илья» Мендельсона-Бартольди, подъ управленіемъ капельмейстера Кребса. Гамбургъ — первый пѣмецкій городъ, услышавшій эту ораторію. Второе ея исполненіе было, точно такъ же какъ первое въ Берлинѣ, вечеромъ 4 ноября, въ то самое время, какъ авторъ ея переселялся въ другой міръ. Партіи «Ильи» въ Гамбургѣ исполнялъ Ферингеръ; кромѣ его участвовали госпожи Бабнигъ, Корнетъ, Ферингеръ, Жакъ, Микалези, Тричъ; и господа Бостъ, Диттъ, Канпсъ и Кюммель.

— Рассказываютъ, что экзъ примадонна Парижской Оперы,

госпожа Штольцъ, ангажирована на театръ Санъ-Карло, въ Неаполь, на одинъ годъ, за сто-тысячъ франковъ.

— Недавно образовавшееся въ Миланѣ общество (Unione per esercizi musicali), исполнило между прочимъ на филлодраматическомъ театрѣ Мейерберову увертюру «Струэнзе»; она имѣла необыкновенный успѣхъ.

— Миланскіе поклонники знаменитой Малибранъ составили, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, подписку для сооруженія ей памятника. Не смотря на то, что собранная сумма не покрывала расходовъ, скульпторъ Помпео Маркесци взялся изваять весьма сходный бюстъ пѣвицы, который уже конченъ и поставленъ подлѣ бюста Беллини. На пьедесталѣ изображенъ геній музыки, прислушивающійся къ пѣнію великой артистки.

— Въ Темесворѣ играли недавно иллирскую оперу тамошняго капельмейстера Заврала, подъ названіемъ «Горныя пастухи»; либретто Петра Прадица. Она произвела неистовый восторгъ. Послѣ втораго представленія, восхищенные Иллирцы подарили композитору серебряный кубокъ и капельмейстерскій жезлъ серебрянный, съ драгоценными камнями.

— Одинъ журналъ напечаталъ очень любопытное письмо, о концертахъ при дворѣ Наполеона; мы сообщаемъ его читателямъ, въ увѣренности, что оно займетъ ихъ столько же, какъ насъ самихъ.

«Вы не разъ говорили мнѣ, говоритъ авторъ письма, какъ бы вы желали получить подробныя свѣдѣнія о концертахъ, бывшихъ при дворѣ Наполеона. Исполнить ваше желаніе было дѣло не легкое, потому что участники этихъ давно забытыхъ концертовъ, частью умерли, частью разсѣялись по всѣмъ концамъ Европы. Однакоже въ послѣднее мое прѣбываніе въ Парижѣ удалось мнѣ получить нѣкоторыя довольно подробныя свѣдѣнія. Мои пріатели, музыканты, которыхъ я спрашивалъ, нельзя ли гдѣ-нибудь отыскать живой, такъ сказать; программы какого-нибудь Наполеоновскаго концерта, обратили меня къ довольно пожилому человѣку, который нѣкогда имѣлъ огромное фортепіанное заведеніе, и строилъ фортепіано въ Тюильрійскомъ дворцѣ. Я пригласилъ его съ собою позавтракать, — въ Парижѣ всѣ дѣла обыкновенно дѣлаются за столомъ, — и пока мы лакомились прихотливыми вкусными блюдами, какими кормить своихъ посѣтителей Тортони, старый настройщикъ, который, замѣчу мимоходомъ, былъ кавалеръ Почетнаго Легіона, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

«Концерты при дворѣ Наполеона бывали по большей части въ

небольшой четверугольной залѣ, въ которой стояло фортепіано Эрара и нѣсколько ломберныхъ столовъ. Императоръ, во время концерта; сидѣлъ за однимъ изъ нихъ, нѣтъ по правую руку императрицу, по лѣвую кого-нибудь изъ придворныхъ дамъ, иногда королеву Гортензію, или сестру, или прекрасную няньку Боргезе; противъ него обыкновенно сидѣлъ оберъ-камергеръ Монтескью. За спиною послѣдняго, то есть, прямо противъ Наполеона, шагахъ въ осьми или десяти отъ стола, у средняго окна стояло фортепіано, передъ которымъ сидѣлъ авторъ «Гризельды», «Сарджина», и прочихъ. По правую его руку, подлѣ фортепіано, стояли госпожа Грассини, бывшая любовница императора, и госпожа Барилли, женщина весьма почтенная; по лѣвую руку кастратъ Крешентини, украшенный орденомъ Желѣзнаго Вѣнца, тенористы Кривелли и Таккипарди, басисты Порто и Барилли; за спиною стояли молодой Друэ, толстый Дуссекъ, богатырь Надерманнъ и, наконецъ, моя ничтожная особа, прижавшаяся въ углубленіе средняго окна, гдѣ меня почти совершенно скрывали занавѣсы изъ тяжелой ливонской шелковой матеріи. Всѣ артисты были въ нарядномъ придворномъ платьѣ, при шпагѣ, въ воротничкахъ и манжетахъ изъ тонкаго брюссельскаго кружева. Придворныя дамы блистали брилліантами, мужчины золотымъ шитьемъ; одинъ Наполеонъ былъ одѣтъ чрезвычайно просто: его нарядъ составляли обыкновенно: свій, наглухо застегнутый сюртукъ; бѣлые, гладкіе панталоны, совершенно обрисовывавшіе его бедра, худыя и сухія во время консульства, но изящно округлившіяся съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ императоромъ; треугольная шляпа, сапоги доходившіе до половины икръ, и золотая табакерка въ рукѣ, которую онъ въ концертахъ очень часто, а за обѣдомъ непременно все время вертѣлъ между пальцами.

«Я самъ, продолжалъ старый настройщикъ, находился тутъ на случай, еслибы что либо испортилось въ фортепіано, чего впрочемъ ни разу не случилось. Концертъ, о которомъ я рассказываю, былъ за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ Наполеона въ русскій походъ. Не задолго передъ началомъ концерта Паэръ, который обыкновенно аккомпанировалъ на фортепіано, сказалъ молодому Друэ: — Будьте такъ добры, возьмите на себя перевертывать листы! Крешентини всегда обертываетъ или рано или поздно, *questi cantanti sono asini! fammi questo piacere, Drouettino carissimo, di voltare!* (Эти пѣвцы ослы! сдѣлай мнѣ удовольствіе любезный Друэ, перевертывай листы!) Когда церемоніймейстеръ далъ знакъ, начать концертъ, Крешентини подошелъ по обык-

поклоню къ фортепiano, потому что дорожилъ своею обязанностию перевертывать листы. Паэръ сказалъ ему вполголоса: «Valene, che sei una bestia! (убирайся, скотина!)» но какъ Крешентини не убирался, то Друэ довольно грубо наступилъ ему на ногу, послѣ чего настрата сдѣлалъ прекрасную рожу и отомель. Друэ занялъ его мѣсто, и концертъ начался знаменитымъ дуэтомъ Чимарозы на два баса: «*Si fiato in согро avete*», и прочее, который исполняли Порто и Паэръ. Какъ скоро началась музыка, Наполеонъ положилъ карты, и всѣ гости немедленно послѣдовали его примѣру. У Порто былъ превосходный голосъ, у Паэра прескверный; однако же послѣдній произвелъ гораздо сильѣйшее дѣйствіе выраженіемъ и комизмомъ, которыми онъ оживлялъ все, что пѣлъ, или скорѣе говорилъ. Послѣ дуэта, госпожа Грассина спѣла прекраснымъ, плавнымъ голосомъ, не помню, какую арію Цигарелли; затѣмъ слѣдовалъ дуэтъ Кривелли и Таккинарди, и наконецъ варіаціи для арфы и фортепiano на мелодіи изъ «Ричарда Львиное сердце» Гретри, сочиненія Надермана и Дуссека, и ими же исполненныя. Дуссекъ былъ такъ толстъ, что занималъ своею ширною всю длину клавира, а достойный его соперникъ въ этомъ отношеніи, Надерманъ, долженъ былъ свою арфу совать между ногъ и въ отвислое брюхо, будто въ вязкое тѣсто. Пьеса шла превосходно до мѣста: «*O Richard, o mon roi, l'univers t'abandonne!*» Тутъ, къ несчастью порвалась струна, и такъ ловко шелкнула бѣднаго Надермана по носу, что онъ отшатнулся назадъ отъ страха и боли. Императоръ не могъ удержаться отъ улыбки и оба музыканта кончили пьесу импровизированною на скорую руку кодою; начали они пьесу въ *Es dur*, кончили въ *C*. За тѣмъ слѣдовала арія «*Quelle pupille tenere*», прекрасно пропѣтая Крешентини, потомъ фантазія Друэ на тему «*Nel cor più non mi sente*» изъ «Мельничихи» Павзіелло, и наконецъ большая сцена Керубини, исполненная всѣми артистами. Этимъ кончилась первая часть концерта.

«Императоръ всталъ, всунулъ въ карманъ батистовый платокъ (въ то время Парижъ не зналъ еще большихъ шелковыхъ носовыхъ платковъ), взялъ лежавшую подлѣ него шляпу и табакерку, подошелъ къ Паэру, и сказалъ ему чрезвычайно ласково; «Здравствуйте, господинъ Паэръ, какъ поживаете? Вы насъ угостили прелестными пьесами. Дуэтъ вашъ «*Se fiato in согро avete*» шелъ превосходно; вы его поете такъ натурально, что можно забыть, что сидишь въ концертѣ». — Паэръ: *Maestà, troppa bontà!* у меня голосъ смѣшкомъ свѣрвый. — Императоръ: «По моему лучше, когда кто съ

скверный голосомъ поеть хорошо, тѣмъ когда голосъ хорошъ, да поють скверно!» Потомъ, обращаясь къ Порто, онъ сказалъ: «Господиъ Порто, у васъ чудесный голосъ.» Порто проревѣлъ своимъ громовымъ голосомъ одно слово «Altezza!» и кланаясь подобострастно, подыалъ вверхъ конецъ своей шаженки, и нырнулъ ею въ бокъ стоявшаго за нимъ Крешентини.— «Вы удивительно хорошо спѣли свою арію, продолжалъ Наполеонъ, переходя къ госпожѣ Грассини; у васъ изумительная чистота стили; надо быть Италянкою, чтобы умѣть такъ пѣть.»—Пѣвица отвѣчала съ итальянскимъ выговоромъ, еще болѣе невыносимымъ, тѣмъ у маэстро Паэра: «Ваше величество, я не совсѣмъ хорошо пѣла, потому именно что хотѣла пѣть слишкомъ хорошо!»—Пойте всегда, какъ пѣли сегодня, и каждый сочтетъ за счастье слушать васъ. Впрочемъ вы совершенно правы: когда захочешь сдѣлать чтонибудь слишкомъ хорошо, всегда выходитъ не такъ хорошо, какъ бы было безъ того. Но вы этого бояться не можете, потому что вы всегда и все поете въ совершенствѣ.»—Потомъ Наполеонъ обратился къ Кривелли и Такиннади: «Вашъ дуэтъ былъ исполненъ съ огнемъ, — онъ былъ превосходенъ; такъ долженъ быть исполняемъ этотъ дуэтъ!» — Кривелли и Такиннади успѣли только вымолвить съ глубокимъ поклономъ, первый: «Maestà», а другой: «Altezza!» Наполеонъ уже продолжалъ: «Нельзя выбрать ничего обворожительнѣе піесы, которую вы пѣли, господиъ Крешентини; вы сегодня въ голосъ; въ прошедшемъ концертѣ голосъ вашъ былъ не совсѣмъ чистъ.»—Затѣмъ пришла очередь Дуссека и Надермана. «Мелодіи Гретри, сказалъ имъ Наполеонъ, прелестны. Я очень люблю его музыку, она такъ естественна; у него нѣтъ ничего изысканнаго, все приходитъ само собою. Не правда ли, господиъ Паэръ, никогда не найдешь новой мелодіи, когда ее ищешь?»—«Совершенная правда, ваше величество, отвѣчалъ композиторъ. Когда собрался писать Гризельду, я цѣлый мѣсяцъ придумывалъ и принскивалъ, и ничего не могъ придумать; я уже хотѣлъ было лишиться себя жизни — а потомъ, все пришло само собою въ одну недѣлю, безъ всякаго труда. Мысли коплялись какъ долги.»—«Это доказываетъ, замѣтилъ императоръ, что вы хорошо сдѣлали, и для себя и для другихъ, не лишивъ себя жизни. Не забывайте этого, на случай, если бы вамъ когда-нибудь пришлось опять воскликнуть: Быть или не быть!»—«Ваша фантазія, господиъ Друэ, мила, изящна, увлекательна, и въ игрѣ вашей не видать ни малѣйшаго усилія. Многіе виртуозы на духовыхъ инструментахъ дѣлають ужасныя грима-

сы, когда играютъ; не правда ли, господинъ Пазръ?—Точно такъ, ваше величество! ломаются, какъ-будто проглотили яду; господинъ Друэ, напротивъ, исполняетъ самыя трудныя вещи, какъ-будто пустяки!»—«Вы правы, возразилъ императоръ: посмотрѣть на него, подумаешь, что и самъ все это сдѣлаешь не хуже его. Минерва не бросила бы своей флейты, если бы видѣла, какъ на ней играетъ господинъ Друэ. Вы должны чрезвычайно много упражняться, чтобы быть всегда такимъ увѣреннымъ въ себя.»—«Ваше величество, отвѣчалъ молодой художникъ, время не позволяетъ мнѣ очень много упражняться; большая часть дня уходитъ у меня въ репетиціяхъ, урокахъ и играхъ въ обществахъ.»—«Это такъ! но вы упражняетесь по ночамъ, иногда цѣлыя ночи на пролетъ. Однако же, берегите себя; у васъ здоровье не такъ крѣпко; правда, что природа дала вамъ рѣдкую способность, но природа продаетъ дорогою цѣною то, чѣмъ она насъ, по-видимому, даритъ. Не правда ли, господа, продолжалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ пѣвцамъ, какъ бы ни хорошъ былъ голосъ, а надо просидѣть пять-шесть лѣтъ надъ вокализмами, чтобы порядочно спѣть арію.»

«Потомъ императоръ поговорилъ съ королевою Гортензією, съ герцогинею Курляндскою, съ княземъ Таллейраномъ, и наконецъ снова сѣлъ за карты. Этотъ антрактъ продолжался не болѣе десяти минутъ.»

Мой рассказчикъ, старый настройщикъ, воспользовался кратковременнымъ отдыхомъ артистовъ, чтобы и самому отдохнуть, и подкрѣпить свои силы и освѣжить память шампанскимъ. Потомъ онъ продолжалъ слѣдующимъ образомъ:

«На фортепiano лежала хрустальная флейта; разговаривая съ музыкантами въ антрактѣ, Наполеонъ взялъ ее въ руки, внимательно осмотрѣлъ, и положилъ назадъ. Друэ, казалось, было очень досадно, что его не приглашали попробовать инструментъ; императоръ, какъ я полагаю, замѣтилъ его досаду, и хотѣлъ продать ее изъ удовольствія помучить.»

«Вторая часть концерта началась терцетомъ: «Se faccio un inclino», который спѣли госпожи Барилли, Грассини и Перрини. Мѣсто «Vergogna, vergogna» было исполнено превосходно, какъ уже я слышалъ его въ другой разъ только двадцать лѣтъ спустя, когда его пѣла знаменитая Пизарони. Второй номеръ второй части составляла арія Порто; затѣмъ слѣдовалъ дуэтъ «Che bella vita», Барилли и Такинарди; потомъ Крементини спѣлъ арію Майра, которую госпожа Барилли всегда вставляла въ роль

графини въ «Свадѣбѣ Фигаро». Затѣмъ должно было слѣдовать потурно (въ то время только-что вошло въ моду это слово) Надермана и Дуссека, на мотивы изъ «Аллы, царицы Голкондской», Бертона, одной изъ любимыхъ оперъ того времени. Но едва они начали играть, какъ на арфѣ порвалось нѣсколько струвъ; императоръ замѣтилъ довольно громко, что арфа осѣкается, и что арфисты въ самомъ дѣлѣ пренесчастный народъ, потому что должны проводить половину своей жизни въ настраиваніи своего инструмента и навязываніи струвъ. Потурно было замѣнено первою частью сонаты Дуссека, которую онъ сыгралъ съ удивительною отчетливостью. Таллейранъ замѣтилъ по случаю ея: «Превосходно! Когда господинъ Дуссекъ играетъ сонату, никто не скажетъ: *Sonate, que me veux tu?*» Затѣмъ слѣдовалъ отрывокъ изъ мессы, которую Паэръ сочинилъ въ Амстердамѣ, когда онъ, по отъѣздѣ короля Людовика, оставался тамъ съ императоромъ. Наконецъ послѣдовало адажіо и рондо изъ третьяго концерта Друз, который онъ впоследствии посвятилъ Каталани.

«За тѣмъ императоръ всталъ, подошелъ опять къ фортепіано, и сказалъ: «Превосходно, превосходно! удивительно, какъ можно такъ играть на флейтѣ! Какая бѣглость! А вы, господинъ Дуссекъ, поете на фортепіано; инструментъ подъ вашими пальцами получаетъ совершенно другой звукъ. И вы всё, господа, продолжалъ онъ, обращаясь къ пѣвцамъ, мнѣ кажется, что вы съ каждымъ разомъ поете лучше. Дѣлаете ли вы еще успѣхи, господинъ Крешентини?» — «Не думаю, ваше величество.» — «А вы, господинъ Дуссекъ, думаете ли вы, что будете когда-нибудь играть лучше, чѣмъ играли сегодня?» — «Надѣюсь, ваше величество.» — «А вы, господинъ Друз, учитесь вы еще?» — «Учусь, ваше величество, и каждый день узнаю, что еще ничему не выучился.» — «Да, дѣйствительно! предѣлы съ каждымъ шагомъ раздвигаются; художникъ воображаетъ, что достигъ предѣловъ своего міра, когда достигъ пѣли, которую себѣ предложилъ. А ни тутъ то было! Поле стало передъ нимъ обширнѣе прежняго. Не унываете ли вы иногда при этой мысли?» — «Никогда, ваше величество! Я сжегъ бы флейту, если бы прожилъ одинъ день, не подвинувшись на шагъ впередъ.» — «А, вы точно господинъ Паэръ, который готовъ лишиться себя жизни, когда не находитъ хорошенькой мелодіи. Вамъ бы надо въ такомъ случаѣ имѣть несгораемую флейту, напримѣръ вотъ эту; не желаете ли вы попробовать?» — «Ваше величество, сказалъ Друз, я горю нетерпѣніемъ познакомиться съ нею.» — «Если бѣ флейта могла говорить, отвѣ-

чалъ императоръ, она вѣроятно сказала бы тоже самое въ отношеніи къ вамъ.»—Друзи приложили хрустальную флейту къ губамъ, повторили нѣкоторыя изъ прелестныхъ мелодій, которыя мы слышали въ продолженіи всего вечера, съ нѣсколькими варіаціями и заключилъ кодою, которой онъ потомъ, по моей просьбѣ, написалъ мнѣ первыя такты. «Вы дѣлаете изъ этого инструмента что вамъ угодно, сказалъ императоръ: хорошо что вы не родились столѣтіемъ ранѣе; васъ сочли бы колудомъ, и сожгли бы на кострѣ. Вы превосходно умѣете пользоваться этимъ инструментомъ; онъ не можетъ попасть въ лучшія руки, оставьте его у себя!» — «Ваше величество, я не знаю, какъ благодарить за это свидѣтельство вашей ко мнѣ благосклонности; этотъ вечеръ всегда будетъ занимать въ моей памяти первое мѣсто среди самыхъ пріятныхъ мнѣ воспоминаній.» Императоръ продолжалъ: «Въ будущемъ концертѣ сыграйте мнѣ что-нибудь на этой флейтѣ, выберите мотивъ «*Voi che sapete*»; вы, умѣющие такъ хорошо сочинять варіаціи, вѣроятно создадите что-нибудь прелестное изъ этой мелодіи. А! господинъ Паэръ, вы вытаращили глаза, какъ скоро услышали, что идетъ рѣчь о Моцартѣ. Вы правы, Моцартова музыка — прекрасная, дивная музыка, но надо быть отличнымъ музыкантомъ, чтобы вполне пѣвнть ее. У насъ во Франціи пишутъ теперь очень хорошую музыку, и если бы Руссеъ былъ живъ, онъ уже не сталъ бы говорить: молодой композиторъ, если у тебя есть гений, бѣги, лети въ Неаполь, возьми въ руки Метастазія, и пиши; если же нѣтъ у тебя гения, то пиши французскую музыку!» Въ вашей музыкѣ, господинъ Паэръ, итаіянская мелодія и отчасти нѣмецкая гармонія. Иногда вы напоминаете Жомелли, Лео, Дуранте, Перголезе (а! теперь двятся мнѣ господа пѣвцы!), иной разъ напоминаете немного Гайдна, или въ другой разъ Моцарта. Въ мессѣ, которую вы написали въ Амстердамѣ, вы часто вдаетесь въ ученость. Модуляція, раздражанія; слышишь тему въ басу, потомъ ту же тему въ другомъ тонѣ, въ среднихъ голосахъ, потомъ въ верхнихъ голосахъ; потомъ опять эпизодъ изъ той же темы съ модуляціями. Піеса, о которой я говорю, кажется фуга; не такъ ли, господинъ Паэръ?» — «Такъ точно, ваше величество, это финальная фуга.» — Въ ней было припорядочное количество аминей, продолжалъ императоръ; одна дама, сидѣвшая недалеко отъ меня при исполненіи этой фуги, не могла при послѣднемъ аминѣ, удержаться отъ восклицанія: «А, и точно аминь!» — Мнѣ кажется, будто эта месса немножко пахнетъ зюдерзейскими туманами. — «О, ваше величество совер-

именно правы, отвѣчалъ композиторъ, эта месса ни куда не годится! прескверная месса!» — «Нисколько, нисколько, возразилъ Наполеонъ; вы не можете написать ничего сквернаго. Я терпѣть не могу, когда церковная музыка похожа на оперную, и на оборотъ; развѣ когда того требуетъ предметъ, какъ, напримѣръ, въ Иосифѣ. Мегюль очень умно поступилъ, внесши въ него религіозныя пѣсни. Доказательствомъ достоинства этого произведенія служить то, что въ немъ нѣтъ того, на чемъ выѣзжаютъ всѣ эти господа, — любви и женщины. Кстати объ Иосифѣ: сочините что-нибудь на его романсъ, господинъ Друэ. Вы извлекаете изъ своего инструмента такіе чудные, такіе обворожительные звуки; этотъ романсъ на флейтѣ, въ среднихъ нотахъ, будетъ удивителенъ, то есть, когда вы сами будете играть его. Совѣтую вамъ, господинъ Паэръ, когда вы вздумаете писать оперу, не ѣздить въ Амстердамъ, если желаете создать счастливыя мелодіи.» — Ваше величество совершенно правы: въ Амстердамѣ, гдѣ ни живи, весь Божій день слышишь только колокола, шарманки, пѣсни слѣпыхъ нищихъ, а ночью сторожа, клаппермана.» — «А, подхватилъ императоръ, господинъ Паэръ выучился по-голландски; дѣйствительно, тамъ называютъ ихъ клапперманами.» — «Ваше величество, я въ жизнь не забуду этого проклятаго названія, потому что клапперманъ той улицы, гдѣ я жилъ, совершенно истерзалъ меня. По ночамъ онъ чрезъ каждые полчаса пѣлъ пѣсню, чтобы дать знать спящимъ, который часъ. Я послалъ-было ему денегъ, чтобы онъ молчалъ: онъ прислалъ мнѣ деньги назадъ, и въ придачу велѣлъ мнѣ сказать, что я дуракъ.» — «Голландцы, господинъ Паэръ, горды, и любятъ музыку, даже когда спать. Они прелюбопытный народъ; эти Голландцы; въ самомъ ничтожномъ городишкѣ есть концертъ дворянскій, концертъ купеческій, мѣщанскій, ремесленный; нерѣдко всѣ эти классы соединяются въ одинъ концертъ, и ладятъ между собою, какъ ноты различной мѣры въ партитурѣ; нота болѣе долгая состоитъ въ известномъ отношеніи къ болѣе краткимъ нотамъ, но всѣ онѣ такъ слажены, что идетъ согласно. Таковы точно и Батавцы; въ концертѣ, гдѣ сходятся всѣ классы, какая-нибудь графиня сыграть фортепьянный концертъ; потомъ какой-нибудь булочникъ споетъ арію, потомъ богатый банкиръ сыграть варіаціи на кларнетѣ; потомъ какая-нибудь баронесса споетъ дуэтъ съ какимъ-нибудь мельникомъ; наконецъ матросъ скрипачъ сыграть концертъ Виотти, и такъ далѣе. Голландцы народъ разсудительный, степенный, но ихъ климатъ! Бѣдный Крешентини! когда онъ во-

ротился оттуда, онъ такъ охрипъ, что едва оправился въ полго-да. Да вотъ теперь, въ это самое время, господишъ Паэръ, въ Амстердамъ поетъ клапермашь!»—«О ваше величество, я будто слышу его!»

Послѣ вторичнаго непродолжительнаго отдыха, добрый настройщикъ заключилъ свой рассказъ слѣдующимъ образомъ:

«Госпожа Грассини, сказалъ Наполеонъ, должна бы знать снѣтъ еще ту венеціанскую пѣсенку, которую она поетъ такъ восхитительно?» — Чтобы хорошо пѣть, ваше величество, возражала бывшая возлюбленная императора, надо дышать итальянскимъ воздухомъ. Сырой парижскій воздухъ убиваетъ голосъ. Когда я посмотрю на парижское солнце, оно мнѣ кажется блѣднѣе непольской луны.—Послѣ венеціанской пѣсни, которую она спѣла съ удивительнымъ искусствомъ и выраженіемъ, императоръ сказалъ еще нѣсколько ласковыхъ словъ артистамъ, поговорилъ съ Талейраномъ, съ княгинею Боргезе, съ королевою Гортензіею, съ герцогинею Курляндскою, съ графомъ де Перигоромъ и вышелъ съ императрицею изъ залы, послѣ чего гости стали поздравлять артистовъ, хвалить ихъ дарованія, приглашать къ себѣ и, наконецъ, всѣ разошлись.»

Этимъ кончился рассказъ стараго настройщика о концертѣ при дворѣ Наполеона.

— Въ прошломъ номерѣ этого журнала, мы сообщили читателямъ начало перваго письма изъ «Музыкальнаго путешествія» Берліоза. Мы увѣрены, что они съ любопытствомъ прочтутъ его продолженіе.

Первое письмо. (Продолженіе). Едва я устроился въ счастливомъ городѣ Вѣнѣ, какъ получилъ приглашеніе на первый ежегодный концертъ манежа. Этотъ концертъ дается въ пользу Консерваторіи, и исполнители, которыхъ число простирается за тысячу человекъ, почти все любители. Какъ правительство почти вовсе не заботится о поддержаніи консерваторіи, то весьма благоразумно было истиннымъ любителямъ музыки принять это попеченіе на себя, но оно тѣмъ болѣе изумило меня, что оно разумно и справедливо. Каждый годъ, около этого времени, императоръ даетъ въ распоряженіе Общества Любителей обширную залу манежа. Во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ открывается подписка желающимъ участвовать въ концертѣ и число болѣе или менѣе искусныхъ дилетантовъ, какъ инструментистовъ, такъ и пѣвцовъ, въ Вѣнѣ такъ велико, что каждый годъ приходится отказывать до полуторы тысячи человекамъ и стоять

только выбирать, чтобы нигомъ составилъ оркестръ изъ четырехъ ста и хоръ въ шестьсотъ человекъ. Сборъ отъ этихъ двухъ концертовъ (ихъ каждый годъ бывасть два), очень значителенъ, потому что зала манежа можетъ вмѣстити около четырехъ тысячъ человекъ, несмотря на огромное пространство, занимаемое амфитеатромъ, на которомъ стоятъ исполнители. Впрочемъ, только на первый концертъ обыкновенно разбираютъ всѣ билеты; второй посѣщается гораздо менѣе, потому что программа этого втораго концерта не что иное, какъ повтореніе перваго. Неужели большая часть Вѣнцевъ не въ состояніи безъ скуки выслушать одиъ и тѣже произведенія два раза втеченіи одной недѣли?...

Видно, всѣ публики въ мірѣ сходны между собою въ этомъ отношеніи. Надо, правда, сознаться, что пьесы, составляющія программу этихъ концертовъ почти всегда извлечены изъ самыхъ извѣстныхъ партитуръ старыхъ композиторовъ, что публика, вѣроятно, также усердно являлась бы на второй концертъ, какъ и на первый, если бы надѣялась услышать какое-нибудь новое произведеніе, написанное нарочно для этихъ концертовъ, и на собираемую въ нихъ массу исполнителей. Это была бы задача достойная вниманія композиторовъ. Нѣтъ спору, что произведенія, написанныя въ широкихъ формахъ, какъ напримѣръ, ораторіи Генделя, Баха, Гайдна, Бетговена, много выигрываютъ, когда исполняются большими оркестрами и хорами, но тутъ всё-таки только болѣе или менѣе усиливаются партіи, между-тѣмъ какъ композиторъ, имѣющій въ виду подобный исполнителскій оркестръ и хоры, и понимаящій какую огромную пользу можно извлечь изъ такого соединенія средствъ, непременно создаетъ нѣчто столько же возгѣ въ подробностяхъ, сколько величественное въ цѣломъ. Но объ этомъ еще никто не подумалъ. Во всѣхъ такъ-называемыхъ монументальныхъ произведеніяхъ, форма и отдѣлка остаются до-сихъ-поръ по-прежнему. Ихъ торжественно исполняютъ въ огромныхъ залахъ, а можно бы ихъ играть въ гораздо меньшихъ покояхъ, съ меньшимъ числомъ исполнителей, безъ большаго ущерба ихъ эффекту. Они не требуютъ необходимо чрезвычайнаго стеченія голосовъ и инструментовъ, и когда оно бываетъ, эти творенія получаютъ оттого только болѣе энергіи, впрочемъ же не производятъ ни какого чрезвычайнаго, нежданнаго эффекта. Но какъ-бы то ни было, а признаюсь, этотъ концертъ сильно поразилъ меня, въ-особенности дѣйствіемъ хоровъ. Я удивился красотѣ дискантовъ и стройности цѣлаго. Видя въ про-

граммъ увертюру изъ Моцартовой «Волшебной флейты», и побоялся, что это чудное произведение, столь быстрое, столь нежно и нѣжно отдѣланное, не хорошо будетъ передано таинств. огромнымъ оркестромъ, но безпокойство мое было не продолжительно; оркестръ (и еще оркестръ составленный изъ диалектовъ) исполнилъ ее съ точностью и одушевленіемъ, рѣдкимъ даже между артистамъ.

Программа концерта состояла изъ одного мотета Моцарта, другаго мотета Гайдна, аріи изъ «Сотвореніи міра», увертюры «Волшебной флейты» и Бетгоуеновой ораторіи «Христосъ на горѣ Эліонской.» Соло пѣли Штаудигль и госпожа Бартъ-Гассельтъ. У Штаудигля басъ мягкій, полный, нѣжный, и въ то же время сильный и обширный,—онъ простирается на двѣ октавы съ двумя нотами (отъ низкаго *c*, до высокаго *g*), которыя у него льются сами собою, безъ малѣйшаго усилія и свободно наполняютъ даже такую необъятную залу, какова зала манежа. Въ самомъ голосѣ его есть что-то само по себѣ чрезвычайно трогательное, хотя самъ пѣвецъ по большей части вовсе не чувствуетъ волненія; голосъ проникаетъ въ душу слушателя и очаровываетъ его. Штаудигль, впрочемъ, хотя поетъ съ тою благородною простотою, которая свойственна виртуозамъ, вполнѣ обладающимъ широкимъ стилемъ, свободно выдѣлываетъ довольно быстрые вокализаци и пассажи. Ктому, онъ основательно знаетъ музыку и съ перваго разу разбираетъ все, что ему ни подашь, съ такою смѣлостью и увѣренностью, что эта чрезвычайная легкость имѣетъ иногда не совсемъ хорошія послѣдствія. Штаудигль любитъ пощеголять этою способностью и потому, если не обязанъ пѣть на память, никогда не просматриваетъ пьесы прежде чѣмъ придетъ пробовать ее съ оркестромъ. Когда назначена общая проба, онъ приходитъ, беретъ тетрадку, которой еще не видалъ, и бѣгло читаетъ слова и музыку, не ошибаясь ни въ одномъ словѣ, ни въ одной нитонаціи. Онъ читаетъ пьесу, какъ-бы читалъ книгу, которую бы ему дали въ первый разъ въ руки, но читать не лучше, какъ бы слѣдовало на общей репетиціи, гдѣ должно уже заботиться не объ одной буквальной точности, но и объ отчетливой, одушевленной передачѣ мысли композитора. А какъ дать чтенію это одушевленіе, жизнь, огонь, когда исполняющій не приготовился, когда онъ не знаетъ ни общаго духа, ни оттѣнковъ, ни даже движенія пьесы? Это осужденіе, не таланта этого великаго пѣвца, а его замашекъ, было высказываемо въ Вѣнѣ еще до меня нѣсколькими композиторами, которыхъ онъ

не разъ безножили въ важныхъ случаяхъ. *Aria d'air* изъ «Сотворенія міра», которую онъ пѣлъ въ концертѣ манежа, привела всѣхъ слушателей въ восторгъ, и Штаудигль, кончившій уже свое дѣло въ концертѣ и собиравшійся домой, принужденъ былъ возвратиться и спѣть ее въ другой разъ. Штаудигль занимаетъ мѣсто перваго пѣвца и режиссера Театра на Вѣнѣ (an der Wien), которымъ управляетъ умный и честный директоръ Покорный. Голосъ Штаудигля, несмотря на его дивную вѣжность и красоту, не изъ тѣхъ извѣженныхъ голосовъ, которые требуютъ отъ одаренныхъ ими артистовъ гигиеническихъ предосторожностей и безпрестаннаго попеченія; напротивъ, Штаудигль въ самую морозную зимнюю пору ходитъ на охоту, шатается по цѣлымъ днямъ въ сѣтгу, съ открытою шеєю, по его обычаю, а вечеромъ поетъ Бертрама, Марсея или Каспара какъ ни въ чемъ не бывалъ. Театръ на Вѣнѣ, получившій названіе свое отъ рѣчки на берегу которой построенъ, существуетъ не болѣе трехъ лѣтъ, и уже находится въ такомъ блестящемъ состояніи, что не на шутку беспокоитъ своего соперника, Кертнерторскій Театръ; къ нему обращаются почти всѣ знаменитые артисты, пріѣзжающіе въ Вѣну; на немъ дебютировали, зимою 1846 года, Пинскъ и векоръ за нимъ Женни Ландъ. Всѣмъ извѣстно, какой они произвели неистовый восторгъ и какіе баснословные сборы доставили театру.

Хоръ не многочисленъ, но очень силенъ. Онъ почти весь составленъ изъ молодыхъ людей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, съ свѣжими и пріятными голосами. Не всѣ они, къ сожалѣнію, мастера разбирать. Оркестръ, котораго недостатки мнѣ при самомъ моемъ прибытіи, представили въ преувеличенномъ видѣ, не можетъ, конечно, сравниться съ оркестромъ Кертнерторскаго театра, однако же онъ играетъ согласно, и молодые артисты, составляющіе его, полны того огня и доброй воли, которые при случаѣ дѣлаютъ чудеса. Въ труппѣ его я замѣтилъ одну вѣвцу съ огромнымъ талантомъ на вѣжныя и страстныя роли; къ сожалѣнію, я ни какъ не припомню ея имени. Она въ особенности отличалась въ «Фрейшюцѣ», въ роли Агаты.

Я долженъ еще упомянуть о госпожѣ Трепцъ, очень милой пѣвицѣ, и госпожѣ Маррѣ, талантливой примадоннѣ, соединяющей въ голосѣ блескъ и манявость, легкость и бравурность; ей только не даются нѣкоторые вокализы, и къ довершенію бѣды, она плохо знаетъ музыку и иногда такъ сбивается въ тактѣ,

что можетъ разстроить всѣхъ музыкантовъ, несмотря на снѣливость и ловкость канельштейера. Госпожа Марра отличается въ Дюпдзеттёвой «Лучи»; она прошлую зиму съ успѣхомъ являлась въ разныхъ городахъ сѣверной Германіи.

Но тенора, тенора! вотъ слабая сторона театра на Вѣнѣ какъ и всѣхъ почти театровъ въ мірѣ въ настоящее время; я сомнѣваюсь, чтобы господинъ Покорный, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, скоро успѣлъ пополнить этотъ недостатокъ въ своей оперной труппѣ.

Кертнерторскій Театръ счастливѣе въ этомъ отношеніи; онъ имѣетъ Эркаля. Это высокій теноръ, съ хорошимъ голосомъ, довольно холодный, которому лучше идутъ спокойныя пьесы, чѣмъ страстныя сцены, лучше чисто-музыкальное пѣніе, чѣмъ драматическое. Директоръ этого театра—Италіянецъ, Балоккино; городъ и дворъ, артисты и любители, очень строго отзываются о его управленіи. Я не могу судить о причинахъ этого всеобщаго неудовольствія знаю только, что оно имѣетъ послѣдствіемъ удаленіе публики отъ Кертнерторскаго театра, несмотря на всѣ старанія Николая, заслуживающаго артиста, управляющаго всею музыкальною частью, въ которую Балоккино, какъ директоръ лирическаго театра, разумѣется, не вступается. Спасибо уже и зато, что Балоккино не набралъ портныхъ въ контробасисты, и что скрипки у него держатъ скрипачи. У насъ во Франціи директора также должны до-сихъ-поръ подчиняться тяжелой необходимости возлагать исполненіе музыки на музыкантовъ, но они дѣятельно занимаютъ изысканіемъ средствъ освободиться отъ этой необходимости.

Кромѣ превосходнаго баса, въ труппѣ Балоккино находится пѣвица, о которой я упоминалъ выше, госпожа Бартъ-Гассельтъ. Это первоклассный талантъ и въ музыкальномъ и драматическомъ отношеніи. Голосъ госпожи Бартъ Гассельтъ не совсѣмъ свѣжъ, но чрезвычайно обширенъ, силенъ, вѣрепъ и проникаетъ въ душу, можетъ-быть потому именно, что нѣсколько туманенъ. Я слышалъ, какъ госпожа Гассельтъ пѣла дивную и претрудную сопранную сцену изъ «Оберона». Она ее исполнила мастерски. Не думаю, чтобы изъ двухъ сотъ примадоннъ нашлась одна, способная передать съ такою точностью, съ такимъ огнемъ, такимъ величіемъ и такою смѣлостью это великое созданіе Вебера. Въ концѣ послѣдняго аллегро, послѣ неистоваго порыва восторгу полковой невѣсты, пѣвица вступаетъ въ состязаніе съ оркестромъ. Госпожа Гассельтъ съ честью вышла изъ этой борьбы: ея могучій голосъ покрывалъ бурю инструментовъ, не давъ ни

одного переслелнаго или сомнительнаго звука. Впечатлѣніе, которое произвела на меня эта сцена изъ «Оберона», слышанная мною въ одномъ концертѣ, принадлежитъ къ самымъ сильнымъ впечатлѣніямъ, сохранившимся въ моей памяти. Нѣсколько времени спустя, я имѣлъ случай познакомиться съ госпожею Гассельтъ, какъ съ актрисою: это было въ оперѣ Николаи «Изгнанникъ», которой послѣднее дѣйствіе, превосходное во всѣхъ отношеніяхъ, ставитъ Николаи, по моему мнѣнію, на ряду съ первыми композиторами.

Въ этой оперѣ, которой сюжетъ заимствованъ изъ одной драмы Фредерика Сулье, жена, считая мужа своего умершимъ въ изгнаніи, выходитъ за другаго, любимаго человѣка; но первый мужъ, котораго она уважала, а не любила, возвращается, и она должна покинуть для него втораго. Силъ ея не стаетъ на исполненіе этого страшнаго долга. Рѣшившись освободиться отъ него, несчастная отравляется, примиривъ сначала обонхъ соперниковъ, и умираетъ, прижимая къ сердцу руки того и другаго. Госпожа Гассельтъ сыграла и епѣла эту роль какъ истинная драматическая пѣвица; она напомнила мнѣ тѣ же чудные порывы души, тѣ же глубокія соображенія, соединенныя съ мгновеннымъ вдохновеніемъ, которые, лѣтъ сорокъ назадъ, составляли во Франціи заслуженную славу госпожи Браншю.

Увы, любезный Гемберъ, эти пѣвицы-актрисы, безъ которыхъ не можетъ существовать лирическая драма, исчезаютъ точно такъ же какъ и тенора. Когда посмотришь, какъ съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже становятся артисты, способные передавать посредствомъ нашего искусства великія и благородныя страсти человѣческаго сердца, подумаешь иной разъ, что эти страсти суть вымыселъ поэтовъ и музыкантовъ, и что природа, создавъ въ видѣ исключеній, нѣсколько существъ, умѣвшихъ ихъ постигать и изображать, не хочетъ уже создавать новыхъ, считая ихъ предметомъ роскоши, вовсе не принадлежащимъ къ человѣческому роду.

Письмо второе. Вѣна. Я вамъ говорилъ напередъ, что драматическія пѣвицы становятся такъ же рѣдки, какъ тенора; это не потому, чтобы природа, по-видимому, ихъ болѣе не производила, чтобы сильныя и обширныя дисканты были такіе же безцѣнные плоды, какъ настоящіе тенора. Ни чуть; хорошихъ женскихъ голосовъ еще много, и даже голосовъ очень хорошо обработанныхъ; но что прикажете дѣлать съ этимъ *инструментомъ*, когда его не оживляютъ умъ, чувство и вдохновеніе? Я говорилъ о настоя-

щихъ, о полныхъ драматическихъ талантахъ. Много найдется у насъ пѣвицъ, которыхъ публика любитъ за то, что онѣ блестящимъ образомъ поютъ блестящую чепуху, и которыхъ ненавидятъ композиторы, потому что онѣ не способны достойно передать лучшихъ ихъ произведеній. У нихъ есть голосъ, знаніе музыки, проворное горло, но въ нихъ не достаетъ души, ума и сердца; такія женщины настоящія чудовища, и тѣмъ ужаснѣйшія для композиторовъ, что эти чудовища иногда бываютъ обворожительны. Вотъ почему многіе композиторы имѣли слабость писать ложныя роли, прельщающія публику своимъ наружнымъ блескомъ; этимъ объясняется появленіе столькихъ незаконныхъ твореній, постепенное паденіе стilia, уничтоженіе смысла въ выраженіи, забвеніе драматическихъ приличій, презрѣніе къ истинному, великому, прекрасному, цинизмъ и омертвѣлость искусства въ нѣкоторыхъ странахъ.

Я еще не говорилъ вамъ объ оркестрѣ и о хорахъ Кертверторскаго Театра; ихъ смѣло можно назвать первоклассными: въ особенности оркестръ, набранный, выправленный и управляемый капельмейстеромъ Николаемъ, можетъ найти себѣ равныхъ, но никакъ не высшихъ. Кромѣ увѣренности, одушевленія и чрезвычайнаго искусства въ механизмѣ, оркестръ этотъ отличается удивительною звучностью; то должно безъ сомнѣнія приписать строгой вѣрности строя разныхъ инструментовъ между собою и отсутствію всякой фальшивой интонаціи въ отдѣльныхъ голосахъ, составляющихъ цѣлое. Не всѣмъ извѣстно, какъ рѣдко это качество, и какое разстройство самая рѣдкая и незначительная невѣрность, производитъ въ инструментальныхъ массахъ, какъ бы онѣ хороши ни были во всякомъ другомъ отношеніи. Кертверторскій оркестръ умѣетъ акомпанировать пѣнію во всѣхъ стиляхъ; умѣетъ преобладать, когда ему принадлежитъ главная роль; его форте никогда не бываетъ однимъ шумомъ, если только не придется ему играть какой нибудь жалкій наборъ нотъ, который принуждаетъ его по неволѣ быть такимъ же плохимъ, какъ авторъ. Онъ превосходитъ въ оперѣ, торжествуетъ въ симфоніи; наконецъ, въ довершеніе его хвалы, хотя онъ вполне сознаетъ свое достоинство, въ немъ нѣтъ надутыхъ тщеславіемъ артистовъ, отвергающихъ самыя справедливыя замѣчанія, считающихъ всякое сравненіе съ артистами другихъ странъ оскорбленіемъ и воображающихъ, что они дѣлаютъ не вѣсть какую честь Бетговену, когда благоволятъ играть его произведенія. У Николая есть враги въ Вѣнѣ: жаль мнѣ Вѣнцевъ, потому что Николая

одинъ изъ лучшихъ капельмейстеровъ, какихъ я видѣлъ; одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ вліяніе должно доставить несомнѣнное первенство городу, гдѣ они живутъ, если только они будутъ окружены элементами, необходимыми для проявленія ихъ могущества и ума. Николай, по моему мнѣнію, обладаетъ тремя условіями совершенства въ капельмейстерѣ. Онъ композиторъ, ученый, опытный, и способный къ энтузіазму; онъ понимаетъ всѣ потребности ритма и обладаетъ чрезвычайно простымъ и яснымъ механизмомъ движеній; наконецъ онъ умный и неутомимый устроитель; не жалѣетъ ни времени, ни труда на репетицію, и знаетъ все что дѣлаетъ, потому что дѣлаетъ только то, что знаетъ. Отсюда выгодное нравственное и матеріальное состояніе, довѣріе, покорность, терпѣніе, и наконецъ удивительная увѣренность въ своихъ силахъ и единство дѣйствія, отличающія кертнерторскій оркестръ.

Духовныя концерты, которые Николай ежегодно устраиваетъ и дирижируетъ въ залѣ редутовъ, могутъ стать рядомъ съ концертами парижской консерваторіи. Тутъ-то я слышалъ сцену изъ «Оберона», о которой говорилъ въ прошломъ письмѣ, арію изъ «Ифгеніи въ Тавридѣ», довольно плохо пропѣтую Эрклеми, прекрасную симфонію Николай, и симфонію b-dur Бетговена. Обѣ симфоніи были исполнены съ тою одушевленною точностью, съ тою оконченностью въ подробностяхъ и энергіею въ цѣломъ, которыя, для меня по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ подобный оркестръ прекраснѣйшимъ орудіемъ новѣйшаго искусства, истиннымъ представителемъ того, что мы называемъ нынче музыкою.

Въ этой то обширной и великолѣпной залѣ редутовъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, Бетговенъ дирижировалъ свои дивныя произведенія, которымъ вся Европа теперь поклоняется, и которыя Вѣнцы тогда принимали съ убійственнымъ пренебреженіемъ. Графъ Михаилъ Юрьевичъ Вельгорскій рассказывалъ мнѣ, прошлую зимою, въ Петербургѣ, что онъ присутствовалъ, въ 1820 году, съ какими нибудь пятьюдесятью слушателями, при исполненіи симфоніи a dur! Вѣнцы толпились тогда на оперы Салери!... Бѣдные, мелкіе люди; между ними былъ исполниль!... а они предпочитали карликовъ.

Можете себѣ представить, любезный Гемберъ, какъ дрожали подо мною ноги, когда я въ первый разъ взомель на эту эстраду на которой нѣкогда покоилась его могучая нога. Ничто здѣсь не измѣнилось послѣ Бетговена: пюльпетъ, который мнѣ подали, служилъ и ему; здѣсь стоялъ флагель, на которомъ онъ improvisъ

ровалъ; вотъ лѣстница въ комнату артистовъ, по которой онъ сходилъ, когда, по исполненіи его безсмертныхъ поэмі, нѣсколько провинциальныхъ энтузіастовъ вызывали его и съ восторгомъ аплодировали ему, къ крайнему удивленію прочихъ слушателей, привлеченныхъ однимъ празднымъ любопытствомъ, и видѣвшихъ въ великихъ полетахъ его генія одни судорожныя движенія и грубыя причуды разстроеннаго воображенія. Нѣкоторые вѣхомолку одобряли энтузіастовъ, но не смѣли присоединиться къ нимъ. Они не хотѣли открыто идти на перекоръ общему мнѣнію. Они совѣтовали повременить. А между-тѣмъ Бетговенъ страдалъ. И сколько такихъ пытокъ вынесъ его геній!

Только за нѣсколько лѣтъ до его смерти, Вѣнцы стали гордиться имъ; его окружило, если не восторженное поклоненіе, то по крайней мѣрѣ уваженіе. И трудно было бы рѣшить, чего было болѣе, простодушія или горькой ироніи въ отвѣтъ его Гёте, въ одну потѣзку великаго поэта въ Вѣну. Гёте, какъ извѣстно, былъ тогда пасмуренъ, и довольно занять своею великою особою. Но онъ былъ слишкомъ провинциаленъ, чтобы не повалять высокаго генія Бетговена, и потому обращался съ нимъ какъ равный съ равнымъ. Однажды, когда онъ сдѣлалъ ему честь, пригласилъ его съ собою прогуляться въ каретѣ по окрестностямъ Вѣны, и какъ прохожіе на каждомъ шагу кланялись имъ, Гёте, одинъ отвѣчавшій на поклоны, наконецъ соскучился этою безконечною вѣжливостью, и сказалъ съ нетерпѣніемъ: «Какая тоска быть извѣстнымъ человѣкомъ! какъ несносны эти добрые люди съ своими поклонами!» — Извините ихъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Бетговенъ смиренно: они можетъ-быть кланяются мнѣ.»

Огромная зала редутовъ очень удобна для музыки. Она имѣетъ видъ параллелограмма, но углы ея не производятъ отголосковъ. Въ ней только одинъ паркетъ и одна галерея. Въ одномъ изъ концертовъ, которые я далъ въ этой залѣ, Пинскъ пожелалъ явиться въ первый разъ передъ Вѣнскую публику. Я былъ очень радъ его предложенію; я зналъ его и любовался имъ еще за три года во Франкфуртѣ. Онъ выбралъ на этотъ случай балладу Уландъ «Des Sängers Fluch», положенную на музыку Эссеромъ, и которая ему совершенно по голосу. Какъ эта баллада написана съ аккомпаниментомъ фортепіано, то я просилъ Сеймура-Шича, талантливаго вѣмецкаго піаниста, взять на себя это дѣло; Сеймуръ-Шичъ, какъ истинный художникъ тотчасъ согласился. Мы отправились вмѣстѣ къ Пинску, попробовать его балладу. Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что эта баллада не изъ тѣхъ

музыкальныхъ игрушекъ, которыя величаются балладами у насъ въ Парижѣ; баллада Уланда цѣлая поэма, довольно длинная, и положенная на музыку въ широкомъ стилѣ, подобно Шуберт-вымъ балладамъ, и сочиненіе Эссера, разнообразное, эвергическое, полное драматизма, не имѣетъ ничего общаго съ вашими куплет-цами, болѣе или менѣе удачно прикрытыми готическимъ лакомъ. Не могу вамъ выразить, любезный Гембертъ, впечатлѣвія, произведеннаго на меня неподобнымъ голосомъ и одушевленнымъ пѣніемъ Пишека; какіе усѣихи онъ сдѣлалъ въ три года! Это было нѣчто въ родѣ того упоенія, какое произвелъ Дюпрѣ на публику парижской Оперы въ день дебюта своего въ «Вильгельмъ Телль». Нельзя представить себѣ красоты этого баритона, его силы, его полноты въ грудныхъ нотахъ, его обворожительной пѣжности въ головныхъ нотахъ, его гибкости и могущества. Онъ притомъ очень обширенъ; обнимаетъ въ чисто грудныхъ звукахъ двѣ октавы, отъ низкаго до верхняго ас. И какое пылкое чувство одушевляетъ этотъ рѣдкій инструментъ! какая страсть, то благо-разумно сдерживаемая, то льющаяся безъ всякаго стѣсненія! Слушая Пишека, тотчасъ узнаешь въ немъ истиннаго художника, истиннаго музыканта! Онъ по произволу потрясаетъ или успокаиваетъ слушателя, очаровываетъ, увлекаетъ его. Энтузіазмъ, съ которымъ онъ пѣлъ свою балладу, съ первыхъ тактовъ, овладѣлъ мною; я почувствоваѣ, какъ кровь разлилась во мнѣ до самыхъ глазъ; артеріи бились, какъ будто хотѣли выскочить, и я вскричалъ въ безумномъ восторгѣ: «Вотъ донъ-Жуанъ, Ромео, Кортесъ!» Пишекъ притомъ одаренъ очень выгодною наружностью; онъ высокъ ростомъ и строенъ; фizioномія его жива и одушевлена. Онъ веустрашимый чтець, искусный піанистъ, и довольно силенъ въ контрапунктѣ, чтобы свободно импровизировать фугу на заданную тему. Жаль для нашей парижской оперы, что Пишекъ не знаетъ ни слова по французски. Онъ родился въ Прагѣ, если не ошибаюсь, въ 1810 году, и первымъ его языкомъ былъ чешскій; потомъ онъ выучился по нѣмецки, впоследствии по италіянски, а въ настоящее время учится по англійски, потому что онъ долженъ пѣть по англійски будущей зимою, на дрюриленскомъ театрѣ.

Баллада [Эссера, спѣтая нинъ въ моемъ концертѣ, произвела единодушный, мгновенный восторгъ. А романсъ который онъ спѣлъ потомъ, по требованію публики, самъ аккомпанируя себя на фортепіано, довела восторгъ до неистовства. И дѣйствительно, ничего нельзя было слышать очаровательнѣе его пѣнія. Черезъ пѣ-

сколько дней, онъ явился на Театръ на Вѣнѣ, сначала въ «Царѣ и Плотникѣ» Лорцинга, а потомъ въ «Пуританахъ», въ которыхъ знаменитый Дуэръ далъ ему случай явиться вмѣстѣ съ Штаудиглемъ. Онъ долженъ былъ играть «Донъ Жуана», когда я отправился въ Прагу; я очень сожалѣлъ, что не могъ слышать его въ роли этого героя обольщенія и дерзости, котораго, я увѣренъ, онъ долженъ быть олимпейскимъ идеаломъ. Въ Вѣнѣ нашлись однако же, и между очень умными людьми, строгіе критики, которые упрекали Пишека въ жеманствѣ и манерности. Признаюсь, я не замѣтилъ въ немъ ничего, что бы могло заслуживать этого важнаго упрека, который впрочемъ не разъ дѣлали и самому Рубини. Я повторяю, что еслибы Пишекъ могъ порядочно выучиться по-французски (что теперь едва ли возможно), и еслибы для него написали вмѣстѣ блестящую и страстную роль, онъ бы могъ по произволу бунтовать публику парижской оперы, и Парижане стали бы его рабами.

Зала редутовъ такъ названа вслѣдствіе большихъ баловъ, которые въ ней часто даются въ зимнее время. Тутъ вѣнская молодежь удовлетворяетъ свою страсть къ танцованію; потому что это здѣсь истинная страсть, и премилая страсть, благодаря которой Австрійцы сдѣлали изъ танцевъ нѣчто истинно художественное, нѣчто стоящее столько же выше рутинны нашихъ баловъ, сколько вальсы и оркестръ Штрауса выше полекъ и музыкантовъ парижскихъ загородныхъ вечеровъ. Я часто по цѣлымъ ночамъ смотрѣлъ какъ вихремъ носились эти тысячъ локтей вальсеровъ; любовался хореграфическимъ, порядкомъ этихъ кадрили въ осемь-сотъ человекъ, разставленныхъ только въ два ряда; замысловатую фізіономію характерныхъ па, которые превзойдетъ въ оригинальности и отчетливости одна только Венгрія. Притомъ же тутъ Штраусъ съ своимъ прекраснымъ оркестромъ; и когда новые вальсы, которые онъ пишетъ нарочно къ каждому блестящему балу, имѣютъ успѣхъ, танцоры не рѣдко останавливаются, чтобъ аплодировать ему; дамы подходятъ къ его эстрадѣ, бросаютъ ему свои цвѣты, заставляютъ повторять, и по окончаніи кадрили вызываютъ его. Танцы здѣсь не исключительно первенствуютъ: часть удовольствія и успѣха охотно удѣляютъ музыкѣ. И оно справедливо, потому что Штраусъ художникъ. Вообще не довольно обращаютъ вниманія на вліяніе, которое онъ имѣлъ уже на музыкальное чувство всей Европы, внесши въ вальсы игру противоположныхъ ритмовъ, которой дѣйствіе такъ оригинально, что сами танцоры пытались уже перепясть ее, создать вальсъ

въ два темпа, хотя музыка къ этому вальсу сохранила свой трюч-ный ритмъ. Если когда-либо въ Германіи масса публики дой-детъ до того, что пойметъ особую прелесть, которая рождается, въ извѣстныхъ случаяхъ, отъ противоположенія и соединенія противоположныхъ ритмовъ, за это надо будетъ благодарить Штрауса. Чудеса Бетгоvena въ этомъ родѣ слишкомъ высоки и далеки, и дѣйствовали, до-сихъ-поръ, только на небольшой кру-жокъ слушателей; Штраусъ же обратился къ толпѣ, и безчи-сленные его слушатели, подражая ему, принуждены были ему содѣйствовать.

Одновременное употребленіе различныхъ дѣлецій такты и синкопической акцентуаціи мелодіи, даже въ одной постоянной формѣ, тоже въ отношеніи къ простому ритму, что гармонія въ нѣсколько частей, различно написанныхъ, къ гладкимъ аккор-дамъ, — скажу даже, — что гармонія къ унисону или октавъ. Но здѣсь не мѣсто изслѣдовать этотъ вопросъ; я дерзнулъ уже за-няться имъ, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, въ разсужденіи о рит-мѣ, которое навлекло на меня гоненіе отъ множества людей, изъ которыхъ большая часть и не гадали, о чемъ я говорилъ. Вы знаете, любезный другъ, что хотя Франція и не такъ ужасно отстала въ этомъ предметѣ, какъ Италия, она тѣмъ не менѣе до-сихъ-поръ центръ сопротивленія освобожденію ритма.

Только небольшое число людей, разсѣянныхъ въ Парижѣ, на-слушавшись въ консерваторіи Вебера и Бетгоvena, начинаютъ подозрѣвать, что постоянное употребленіе одного ритма ведетъ къ однообразію, а иногда и къ ужаснымъ пошлостямъ. Не хочу уже впрочемъ тревожить отсталыхъ на этотъ счетъ. Наши фран-цузскіе крестьяне поютъ только въ одинъ голосъ. Я теперь убѣж-девъ, что если отчаянные приверженцы простаго ритма, осьми тактивныхъ фразъ съ ударомъ турецкаго барабана исключительно на сильномъ темпѣ, когда-нибудь поймутъ и полюбятъ гармонію ритма, то это будетъ не ранѣе того дня, когда крестьяне наши станутъ пѣть на шесть голосовъ. Ясно, что имъ до этого не дойти. Предоставимъ же имъ ихъ первобытныя наслажденія.

На одномъ изъ такихъ ночныхъ праздниковъ, я впалъ въ грустную думу (надо знать, что Штраусовы вальсы, съ своими пламенными мелодіями, похожими на крики любви, имѣютъ даръ заводить на меня глубокую грусть); и такъ я задумался среди одного изъ этихъ баловъ, озаренныхъ радостными улыбками, какъ вдругъ небольшой человекъ, съ умнымъ лицомъ, прорѣ-залъ толпу и подошелъ ко мнѣ. «Милостивый государь, сказалъ онъ

мнѣ съ живостью, вы Французъ, а я Ирландецъ, слѣдовательно въ моей хвалѣ не можетъ быть народнаго самолюбія! Потомъ схвати мою лѣвую руку, продолжай: «позвольте мнѣ пожалъ руку, писавшую симфонію Ромео. Вы понимаете Шекспира!»— Въ такомъ случаѣ, сударь, отвѣчалъ я, вы ошиблись въ рукѣ: я всегда пишу этою рукою;» и подаль ему правую руку. Мой Ирландецъ взялъ ее, улыбаясь, дружески пожалъ, и удалился, говоря: «О эти Французы! всегда имъ надо посмѣяться, надо всѣмъ и надо всѣмъ, даже надъ своими почитателями!» Я никогда не узналъ, кто былъ этотъ любезный остраивающій, полагавшій что мои симфоніи родня мнѣ съ лѣвой руки.

Я вамъ еще ничего не говорилъ объ Эрнстѣ, который производилъ такое волненіе въ Вѣнѣ во время моего пребыванія; я думаю поговорить о немъ въ письмахъ своихъ о Россіи, потому что я опять встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ давалъ пять концертовъ съ безпрестанно возрастающимъ успѣхомъ. Въ настоящее время онъ отдыхаетъ на берегахъ Балтики, и подслушиваетъ у моря гравіозность и величіе звуковъ. Надѣюсь еще столкнуться съ нимъ въ какомъ нибудь концѣ свѣта, потому что кажется, изъ всѣхъ музыкантовъ, Эрнстъ, Листъ и я, самые неутомимые бродяги, какихъ когда либо безпокойный нравъ, и желаніе людей повидать, себя показать, увлекали изъ отечества.

Надо имѣть такой огромный талантъ, какъ у Эрнста, чтобы даже обратитъ на себя только вниманіе въ такомъ городѣ, какъ Вѣна, которая переслышала столько первоклассныхъ скрипачей, и имѣть еще усебя столько замѣчательныхъ виртуозовъ. Я назову изъ нихъ во-первыхъ Майзедера, который давно уже пользуется прочною и вполне заслуженною славой; потомъ молодого Іоакима, котораго имя только что начинаетъ распространяться, и сына Гельмесбергера (концертмейстера Кертнерторскаго Театра). Майзедеръ скрипачъ блестящій, правильнѣйшій, изящнѣйшій, непогрѣшающій, увѣренный въ себѣ; другіе двое, въ особенности Іоакимъ, безпокойны, отважны, какъ обыкновенно бываютъ люди въ ихъ лѣтахъ; стремятся всегда за новыми эфектами, полны неодолимою энергіи, не вѣрятъ въ невозможное. Майзедеръ глава превосходнаго квартета князя Чарторижскаго; вторую скрипку держитъ Штребингеръ, альтъ — Дурстъ, виолончель — Борзага. Всѣ трое, такъ же какъ и Майзедеръ, члены придворной капеллы. Этотъ квартетъ одна изъ превосходнѣйшихъ вещей, какія можно слышать въ Вѣнѣ, и вполне достоинъ религіознаго вниманія, съ

которымъ князь и небольшое число избранныхъ гостей слушаютъ его каждую недѣлю, когда онъ исполняетъ великія творенія Бетговена, Гайдна и Моцарта. Княгиня Чарторижская, превосходная музыкантша, по званію и по вкусу, и притомъ хорошая піанистка, иногда сама принимаетъ дѣятельное участіе въ этихъ домашнихъ концертахъ. Однажды послѣ квинтета Гуммеля, который она исполнила съ мастерскимъ совершенствомъ, кто-то изъ гостей сказалъ мнѣ: «Рѣшительно, нынче аматёровъ уже нѣтъ?—О, отвѣчалъ я, пойдите хорошенько... можетъ-быть и найдете... даже между артистами. Впрочемъ, княгиня во всякомъ случаѣ—исключеніе.»

Императорская капелла составлена изъ инструментистовъ и пѣвцовъ, избранныхъ изъ лучшихъ вѣнскихъ артистовъ; само собою разумѣется, что она превосходна. Въ хорѣ есть нѣсколько дѣтей, съ очень хорошими голосами. Оркестръ не многочисленъ, но превосходенъ; соло по большей части отдаются Штаудиглю. Словомъ, эта капелла напомнила мнѣ Тюльрийскую, въ 1828 и 1829 годахъ; то есть въ самое славное ея время. Я слышалъ въ императорской капеллѣ литургію, составленную изъ отрывковъ изъ разныхъ композиторовъ, —Асмайера, Иосифа Гайдна, брата его Михаила. Въ Парижѣ тоже составляли подобныя попури для службы въ придворной церкви, но только изрѣдка; я полагаю что точно такъ же и здѣсь, и что только случай мнѣ плохо услужилъ (не смотря на красоту слышанныхъ мною отрывковъ). При капеллѣ въ то время, если не ошибаюсь, было три капельмейстера; ученые контрапунктисты Эйблеръ, Асмайеръ и Вейгль, умершій за нѣсколько дней передъ моимъ выѣздомъ изъ Вѣны. Вейгль извѣстенъ у насъ во Франціи только своею оперою «Швейцарское семейство», игранною на театрѣ Одеона, въ 1828 году. Эта опера не имѣла большаго успѣху; она показалась музыкантамъ вялою и безцвѣтною; остряки называли ее пасторальною, писанною на молоко.

Одно меня прискорбно поразило въ Вѣнѣ, что Вѣнцы вообще не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о твореніяхъ Глука. Сколькихъ музыкантовъ и любителей я спрашивалъ, знаютъ ли они «Альцесту», или «Армиду», или «Ифигенію?» всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Этихъ пьесъ въ Вѣнѣ не играютъ; мы ихъ не знаемъ.» Да играютъ ли ихъ или нѣтъ, не должны ли бы вы, несчастные, знать ихъ на память! Очень ясно, что антрепренёры, какъ Бабкино или Покорный, менѣе чувствительные къ великимъ партитурамъ, чѣмъ къ большимъ сборамъ, не ставятъ подражать прус-

скому королю, не позволять себѣ мотать деньги на постановку старыхъ великихъ твореній, когда могутъ угощать публику новыми произведеніями, въ родѣ «Александра Страдела» или «Дочери полка!»

При мнѣ рассказывали даже, какъ о самомъ важномъ событіи сезона, объ открытіи могилы Глука! Объ открытіи! слышите? Могила Глука была совершенно неизвѣстна. О, мои дорогіе Вѣнды, вы достойны жить въ Парижѣ! Впрочемъ что тутъ мудренаго, въ этомъ открытіи, когда подумаешь, что до сихъ поръ никто не знаетъ, гдѣ похороненъ Моцартъ!

Въ первомъ письмѣ своемъ я сказалъ нѣсколько словъ, которыя должны были дать вамъ не слишкомъ выгодное понятіе о вѣнской консерваторіи. Дѣйствительно, не смотря на заслуги директора ея Прейера, и на признанные таланты Иосифа Бишопа, Бёма и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ, консерваторія вообще не соответствуетъ числу и важностью классовъ, тому, чего бы должно ожидать въ такой музыкальной столицѣ, какова Вѣна. Кажется даже, нѣсколько лѣтъ назадъ, она была въ такомъ разстройствѣ, что если бы не чрезвычайная энергія, умъ и ревность доктора Бахера, который принялъ ея защиту и успѣлъ поставить ее опять на ноги, она бы уже не существовала. Докторъ Бахеръ не артистъ; онъ одинъ изъ тѣхъ пламенныхъ любителей музыки, какихъ найдется въ Европѣ двое или трое, которые изъ одной любви къ искусству предпринимаютъ, и иногда совершаютъ самыя трудныя дѣла; которые своимъ строгимъ вкусомъ пріобрѣтаютъ вліяніе на общее мнѣніе, и нерѣдко однимъ своимъ силами совершаютъ то, что должны бы дѣлать, но чего не дѣлаютъ владѣтельные особы. Докторъ Бахеръ человекъ съ сильною волею, дѣятельный, стойкій, щедрый выше всякаго выраженія; онъ въ Вѣнѣ самая твердая опора музыки и покровитель всѣхъ музыкантовъ.

Въ залѣ консерваторіи, не большой, но превосходной, даются филармоническіе концерты, подъ управленіемъ барона де-Ланноа; тутъ же бываютъ собранія мужской пѣвческой академіи, драгоценнаго учрежденія, которымъ съ рѣдкою ревностью и умомъ управляетъ господинъ Бартъ. Я слышалъ въ этой залѣ, разъ пять или шесть, и каждый разъ съ новымъ удовольствіемъ, удивительнаго пианиста Дрейшока; это талантъ юный, свѣжій, блестящій, энергическій, съ необыкновеннымъ техническимъ искусствомъ, съ высокимъ музыкальнымъ чувствомъ; онъ ввелъ въ свою фор-

тепѣнную музыку множество новыхъ сочетаній, производящихъ прекрасный эффектъ.

Прошу прошенія у всѣхъ этихъ заслуженныхъ артистовъ, въ томъ что я принужденъ отозваться объ нихъ такъ коротко. Мнѣ недостаетъ мѣста; чтобы отдать каждому должную справедливость и подробно исчислить съ музыкальныя богатства Вѣвы, пришлось бы написать цѣлую книгу.

А я еще не сказалъ ни слова о нѣкоторыхъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей; о тѣхъ, которыхъ свойства таланта клонятъ преимуществу къ камерной музыкѣ, квартетамъ и пѣснямъ съ фортепиано. Къ числу ихъ принадлежитъ Бекеръ, человекъ съ душою мечтательною и сосредоточенною въ себѣ, котораго отвѣтъ въ гармоніи превосходитъ все, что было замышляемо до сего, который стремится расширить предѣлы квартета, и дать ему совершенно новыя формы. Бекеръ сверхъ того хорошій литераторъ, и критики его пользуются большимъ уваженіемъ между лучшими вѣнскими журналами. Много пріятныхъ часовъ доставилъ мнѣ совѣтникъ Веске фонъ-Путлигевъ, печатающій свои творенія подъ псевдонимомъ Ховена, когда пѣлъ мнѣ свои пѣсни, отличающіяся такими удачными мелодическими оборотами, такимъ юморомъ, такими замысловатыми гармоніями. Тѣ же достоинства замѣтилъ я въ отрывкахъ изъ двухъ его оперъ, которыхъ, къ сожалѣнію, я могъ слышать только съ фортепиано.

Дессауреръ у насъ болѣе извѣстенъ, благодаря своему двухлѣтнему пребыванію въ Парижѣ, помнитъ мнѣ, съ 1840 по 1842 годъ. Онъ положилъ тамъ на музыку множество стихотвореній лучшихъ нашихъ поэтовъ. Онъ продолжаетъ безпрестанно увеличивать свое собраніе пѣсень, изъ которыхъ большая часть пользуются несомнѣннымъ успѣхомъ въ образованныхъ кругахъ. Дессауреръ посвятилъ себя исключительно элегіи; онъ на своемъ мѣстѣ только въ душевной тоскѣ; страданія сердца, лучшее для него наслажденіе, слезы единственная его радость. Дессауреръ, въ Вѣнѣ точно такъ же какъ въ Парижѣ, со мною въ безпрестанной войнѣ. Онъ помѣшался на томъ, чтобы обратить меня къ какому то музыкальному ученію, котораго я не знаю, потому что онъ досихъ поръ не могъ еще рѣшиться открыть его мнѣ. Каждый разъ, какъ представлялся намъ случай потолковать серьезно, какъ онъ говорилъ, только что онъ собирается начать свою проповѣдь, я посмотрю на него съ самымъ серьезнымъ видомъ, и онъ тотчасъ заключитъ изъ того, что я хочу надъ нимъ помыслиться,

и замолчать, отложить мое обращеніе до болѣе удобнаго времени. Если бъ всѣ проповѣдники дѣйствовали такимъ же образомъ, мы до-сихъ-поръ еще коснѣли бы во мракѣ злычества.

Вы поймите, любезный Гёмберъ, мессу, которую мы съ вами ходили слушать въ церкви Святаго Роха, въ послѣдній вашъ прїѣздъ въ Парижъ, мессу, которую очень хвалили нѣкоторые наши журналы, и которая понравилась вамъ своимъ яснымъ и непринужденнымъ стилемъ. Авторъ ея, Гейгеръ, живетъ въ Вѣнѣ; онъ преподаетъ музыку молодымъ эрцъ-герцогамъ; онъ написалъ большую оперу, которой партитуру позволилъ мнѣ просмотрѣть; я въ ней нашелъ тѣ же свойства, которыя мы замѣтили въ его мессѣ: простоту, прїятную гармонію, мелодію безъ изысканности, умѣренную инструментовку и стремленіе къ истинѣ выраженія.

Не могу я не упомянуть о дружеслюбіи, съ которыми пріяли меня въ Вѣнѣ большая часть писателей, которые, подобно мнѣ, воздѣлываютъ твердое, каменное поле критики и въ награду получаютъ часто одинъ репейникъ и крапиву. Они пріяли меня какъ собрата, за что я имъ очень благодаренъ. Одинъ изъ нихъ, Сафиръ, даетъ каждый годъ литературно-музыкальный вечеръ, на которомъ, на смѣхъ цесурѣ, его блестящее остроуміе всегда находитъ средство постегать людей и вещи, къ великой потѣхѣ публики, которая, подобно всѣмъ публикамъ въ свѣтѣ, любитъ посмотрѣть какъ бичуютъ ея брата.

Прощайте, любезный Гёмберъ, я не стану говорить вамъ о капелмейстерскомъ жезлѣ, который съ такою любезностію поднесли мнѣ за ужиномъ, послѣ третьяго моего концерта, мои вѣнскіе пріатели, ни о великолѣпномъ подаркѣ, который я получилъ отъ императора, ни о многомъ другомъ, чѣмъ журналы того времени, вѣроятно, довольно протрубили вамъ уши. Вы знаете все, что случилось со мною счастливаго въ моемъ путешествіи, такъ затѣмъ же возвращаться къ старому?

Письмо третье.—Пешть. Путешествуя по Австріи, надо непременно посѣтить ея три столицы: Вѣну, Пешть и Прагу. Правда, говорятъ нѣкоторые несговорчивые люди, что Пешть въ Венгріи, а Прага въ Богеміи; но эти два государства — нераздѣльными частями австрійской имперіи, которой онѣ преданы душой и тѣломъ, и имуществомъ, точно такъ же, какъ Ирландія предана Англіи, а Алжирія Франціи. И такъ поѣдемъ въ Пешть, большой австрійскій городъ въ Богеміи. Я очень несчастливъ въ сношеніяхъ своихъ съ Дунаемъ. Я уже рассказывалъ вамъ, какъ онъ унесъ но-

сладнй свой пароходъ, когда я хотѣлъ отправиться на этомъ пароходѣ изъ Регенсбурга въ Вѣну; тутъ ему опять вздумалось одѣться въ туманъ, чтобы не позволить мнѣ плыть по немъ въ Пештъ; далѣе увидите, что этия еще не кончили невѣжливости ко мнѣ старика. Онъ будто былъ недоволенъ тѣмъ, что я забрался въ его владѣнiя, и не только не хотѣлъ облегчить мнѣ доступъ туда, но даже старался совсѣмъ выпроводить. А сколько я дивился ему, сколько расхваливалъ его, могучаго старика Дуная! Онъ бы долженъ быть мнѣ благодаренъ за мое уваженiе. Но чѣмъ болѣе благоговѣлъ передъ его величiемъ, тѣмъ оаъ становился ко мнѣ недружелюбнѣе.

Передъ выѣздомъ моимъ изъ Вѣны, я пожелалъ представиться князю Меттерниху, но какъ даже тѣ изъ моихъ знакомыхъ, которые всего скорѣе могли бы доставить мнѣ эту честь, очевидно, затруднялись моею прозьбою, то я уже готовъ былъ отъ нея отказаться. Надо было поговорить съ однимъ офицеромъ, который попросилъ бы одного совѣтника, а совѣтникъ поговорилъ бы съ членомъ придворной канцелярiи, довольно важнымъ, чтобы посмѣть представить меня какому-нибудь секретарю посольства, который бы уговорилъ своего посланника, убѣдить одного изъ министровъ представить меня князю. Мнѣ этотъ обходъ не казался слишкомъ нетерпимо-длиннымъ и я вздумалъ замѣнить одною своею особою офицера, совѣтника, члена придворной канцелярiи, секретаря, посланника и министра, представившись князю самъ, безъ всякой восторонней помощи. Мои знакомые, видя, что я твердо рѣшился на оный, вѣроятно, назвали меня, про себя, сумасбродомъ, или, по-крайней-мѣрѣ, настоящимъ Французомъ. Какъ бы то ни было, презрѣвъ австрiйскiй этикетъ, или мнѣнiе Вѣнцевъ о его строгости, я отправился во дворецъ къ князю. Взбираюсь на лѣстницу, вхожу въ комнату дежурнаго офицера и подаю ему визитную карточку, объясняю ему, зачѣмъ я пришелъ. Онъ немедленно пошелъ къ князю и, возвратясь, сказалъ мнѣ, что его свѣтлость проситъ меня подождать нѣсколько минутъ и приметъ меня какъ-скоро будетъ свободенъ. И въ самомъ дѣлѣ, князь принялъ меня безъ всякихъ околичностей. Князь былъ ко мнѣ чрезвычайно любезенъ, много спрашивалъ меня о музыкѣ и, въ-особенности, о моей музыкѣ, о которой, какъ я могъ замѣтить, его свѣтлость, по-видимому, еще не слышавши ея, имѣлъ пристрастныя понятiя. Я старался внушить ему другiя понятiя. Словомъ, я вышелъ отъ него въ восхищенiи отъ сдѣланнаго мнѣ приѣма, удивляясь, какъ легко и безопасно можно

нарушать законы вѣмецкаго этикета, и гордась тѣмъ, что я одинъ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, исполнилъ дѣло оцера, совѣтника, члена придворной канцеляріи, секретаря посольства, посланника и министра. Тутъ я еще разъ убѣдился въ истинѣ словъ Священнаго Писанія: «Толцыте, и отверзется вамъ», и въ ловкости, съ которою великіе міра сего умѣютъ подчасъ говорить: «*Sinite parvulos venire ad me.*» Съ тѣмъ условіемъ, разумѣется, чтобы эти parvuli были иностранцы, люди сколько-нибудь грамотные и принадлежали къ любопытному классу бесполезныхъ людей, называемыхъ пытке поэтами, живописцами, музыкантами, однимъ словомъ, артистами, а въ средніе вѣка величали непристойными названіями гудочниковъ, сказочниковъ, свомороховъ и цыганъ.

Вы можете быть удивитесь, любезный Гемберъ, тому, что я не воспользовался своимъ огромнымъ вліяніемъ, для того, чтобы удостоиться чести представиться императоркею фамилиі, и будете правы. Но на это была важная государственная причина, которую я сообщу вамъ подъ строгимъ секретомъ. Въ самомъ началѣ пребыванія моего въ Вѣнѣ, до меня дошли слухи, что императрица, этотъ ангелъ благочестія, кротости и самоотверженія, имѣла обо мнѣ нѣвѣе еще страннѣе нѣвѣе князя Меттерниха о моей музыкѣ. Нѣкоторыя слишкомъ дикія по слогу мѣста моего «Путешествія по Италіи», ловко истолкованныя ея величеству новыми добрыми пріятелями (вы знаете, что добрыхъ пріятелей можно имѣть вездѣ, даже при австрійскомъ дворѣ), доставили мнѣ у нея славу — просто разбойника. Признаюсь, мнѣ не то, что было жество, это бы слишкомъ много, а некто-то мое самолюбіе такая эксцентрическая слава, свалпвшаяся на меня съ неба; я подумалъ то же, что и вы подумали бы на моемъ мѣстѣ; именно, что легонькій вѣнецъ преступленій вещь очень почетная, съ-тѣхъ-поръ какъ Байронъ пустилъ его въ ходъ, и когда имѣешь счастье приобрести его, то надобно беречь какъ сокровище; хоть бы онъ даже осѣнялъ недостойное чело. Я рассуждалъ такимъ образомъ: если я представляюсь ко двору, очень вѣроятно, что императрица благоволитъ поговорить со мною; я разумѣется принужденъ буду отвѣчать, какъ только умѣю; а когда разъ завяжется разговоръ, Богъ вѣсть къ чему онъ приведетъ. Ея величество можетъ въ одно мгновеніе переимѣнить оригинальное нѣвѣе, которое ей угодно было вознмѣть о моей особѣ; она уже увидитъ во мнѣ такого же поклонника ея доброты и милосердія, какъ многіе другіе; не найдетъ въ глазахъ мо-

ничего кровавого, ничего зѣрскаго; не услышите въ головахъ ничего тигроваго; носъ, правда, будетъ у меня всё таки орлинымъ клювомъ, но вообще наружность моя не будетъ соответствовать никому *дмануа*, и я покажусь простымъ, честнымъ человекомъ, не способнымъ кого-нибудь обидѣть, а еще менѣе ограбить дѣлаться; тогда, прощай моя слава! Чортъ возьми! нѣтъ, лучше оставаться мнѣ разбойникомъ и скорѣе уѣзжать; отсутствіе мое будетъ всего благоприятѣе моей славы; она еще болѣе разрастется и развѣтеть.

Вотъ почему я упорно отказывался отъ чести представиться къ австрійскому двору, и почему я въ одно прекрасное утро такъ поспѣшно отправился въ Венгрію. Здѣсь-то я долженъ поразказать вамъ о своихъ расправахъ съ Дунаемъ. Каждый день онъ закутывался въ туманъ, какъ Гомеровы боги, когда они затѣвали какое-нибудь не доброе дѣло; отъ этого пароходство прекратилось, и путешественники принуждены были ѣхать въ Пешть сухимъ путемъ. Впрочемъ я называю его сухимъ только изъ вѣжливости. Знайте, любезный другъ, что на всей поверхности обширной равнины, тянущейся отъ Вены до Пешта, простые голѣши такъ же рѣдки, какъ изумрудъ; что почва состоитъ изъ мелкой пыли, будто просѣянной сквозь частое сито; когда дождь ее промочить, пыль эта превращается въ грязь, по которой надо тащиться, припрягая множество лошадей, и безпреставно въ ней вязнуть, такъ, что едва выберешься. Слѣдовательно по настоящему я бы долженъ сказать грязнымъ путемъ, а не сухимъ. Можете себѣ представить всю прелесть такой ѣзды. Но это все еще ничего. Вздумалось старику Дунаю разыгратъ, выступить изъ береговъ и залить своими буйными волнами весь грязный ровъ, въ которомъ мы барахтались уже патнадцать часовъ, и который здѣсь величаютъ большою дорогою. Въ полночь я былъ пробужденъ изъ своей смиренной дремоты, внезапною неподвижностью экипажа, и шумомъ воды, которая съ ревомъ бушевала вокругъ насъ. Извозчикъ, ѣхавшій на удачу, завезъ насъ въ рѣку, и не смѣлъ уже тронуться съ мѣста.

Между-тѣмъ вода прибывала. Венгерскій офицеръ, сидѣвшій въ купѣ, уже раза два или три заводилъ со мною разговоръ въ окно, находившееся во внутренней стѣнкѣ кареты. «Капитанъ! скажи я ему въ свою очередь.—Что вамъ угодно?—Вѣдь мы кажемся тонемъ? какъ вы думаете?»—Пожалуй, что тонемъ; не прикажете ли сигарки?—Его дьявольское хладнокровіе взбѣсило ме-

ня; я готовъ былъ отвѣсить ему добраго кулака; съ досады я взялъ у него сигарку, и сталъ курить во всю ночь.

А вода все прибывала.

Тутъ извозчикъ, сдѣлавъ отчаянное усиліе, круто повернулся, такъ, что едва не опрокинулъ насъ въ воду, взобрался кое-какъ на правый берегъ, отъ котораго мы къ счастью были еще не такъ далеко, пустился по полю, куда глаза глядятъ, и завелъ насъ..... прямо въ озеро! На этотъ разъ, я былъ убѣжденъ, что все кончено, и закричалъ офицеру: «Капитанъ, нѣтъ ли у васъ еще сигарки?»—Есть.—«Такъ давайте поскорѣе! теперь уже мы тонемъ въ самомъ дѣлѣ!»

Къ счастью въ это время проходилъ одинъ добрый мужичекъ (куда-то его чортъ несъ въ такое время и по такимъ дорогамъ!); онъ помогъ намъ выбраться изъ озера и, благодаря его указаніямъ, несчастный нашъ возница какъ-то выбрался опять на дорогу. Наконецъ, на слѣдующій день, во кочкамъ и ухабамъ, во рвамъ и буграмъ, изъ воды въ грязь и изъ грязи въ воду, мы дотащились до Пешта; то есть, насупротивъ Пешта, на правомъ берегу Дуная, который позволялъ намъ за недостаткомъ места переправиться на лодкѣ. На правомъ берегу стоитъ довольно большой городъ; я спросилъ капитана, что это за городъ. «Буды», отвѣчалъ онъ. — Какъ, Буды; на моей картѣ Германія, городъ, стоящій противъ Пешта, называется совсѣмъ иначе. Да вотъ, смотрите, Офенъ.—«Да это онъ и есть; Офенъ довольно вольный нѣмецкій переводъ венгерскаго имени».—А, понимаю; нѣмецкія карты, видно, такъ же хитро составлены, какъ и французскія. На однихъ слѣдовало бы поставить: Ратисбона — читай Регенсбургъ; а на другихъ: Офенъ — читай Буды.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Пештъ, я насладился удовольствіемъ, которое обѣщалъ себѣ еще наканунѣ, въ случаѣ, если не утону въ Дунаѣ или въ грязи: взялъ ванну, выпилъ двѣ рюмки токайскаго вина, и проспалъ двадцать часовъ; во снѣ, впрочемъ, разъ двадцать тошулъ въ рѣкахъ и грязныхъ озерахъ. Послѣ того надо было заняться приготовленіями къ первому концерту, сговориться съ директорами, прискать скрипачей, повидѣться съ капельмейстеромъ, съ пѣвцами и прочая, и прочая. Благодаря благосклонному вліянію графа Радая, главнаго директора національнаго театра, въ которомъ мнѣ совѣтовали давать свои концерты, предпочтительно передъ нѣмецкимъ театромъ, важнѣйшія затрудненія были скоро устранены. Я только беспокоился нѣкоторое время насчетъ состава оркестра, потому что оркестръ національна-

го театра такъ малочисленъ, что нечего было и думать поставить мои симфоніи съ одѣями его скрипками. Съ другой стороны, невозможно было прибѣгнуть къ артистамъ нѣмецкаго театра, волютавіе устава, который дастъ вамъ понятіе о трогательной привязанности Венгерцевъ ко всему нѣмецкому: въ національный театръ не допускаются артисты нѣмецкаго театра, ни пѣвцы, ни хористы, ни инструментисты, какъ бы ни необходимо было ихъ содѣйствіе. Мало того: на національномъ театрѣ дозволяется пѣть на всѣхъ языкахъ, древнихъ и новыхъ, за исключеніемъ одного нѣмецкаго языка, который настрого запрещенъ. Это странное и дерзкое исключеніе, въ странѣ подвластной австрійской имперіи, происходитъ отъ того, что Венгерцы подражаютъ въ отношеніи къ Германіи вообще и къ Австріи въ особенности, континентальной системѣ Наполеона. Такъ напримѣръ, всѣ вообще произведенія нѣмецкой промышленности изговяются, и во всѣхъ сословіяхъ считается обязанностью употреблять только издѣлія, приготовляемыя въ Венгріи и Венгерцами. Поэтому на большей части пештскихъ магазинновъ, даже на модныхъ лавкахъ, надписано крупными буквами слово «honu», которое очень озадачивало меня сначала, и которое значитъ: «національный».

Одинъ музыкальный издатель въ Вѣнѣ, Генрихъ Мюллеръ, (человѣкъ чрезвычайно обязательный, осыпавшій меня дружескими услугами, во время пребыванія моего въ Австріи), далъ мнѣ письмо къ своему собрату въ Пештѣ, Трейхлингеру, одному изъ величайшихъ скрипачей старой школы. Трейхлингеръ свелъ меня съ главными членами пештскаго филармоническаго общества, и доставилъ немедленно въ подкрѣпленіе оркестра дюжину отличныхъ скрипачей, въ первомъ ряду которыхъ просилъ меня считать его самого. Всѣ они превосходно исполнили дѣло, которое такъ благосклонно приняли на себя, и концертъ мой, по исполненію, былъ я думаю однимъ изъ лучшихъ концертовъ, слышанныхъ въ Пештѣ за много лѣтъ. Въ числѣ пьесъ, входившихъ въ программу моего концерта, былъ маршъ, составляющій теперь финалъ первой части моей легенды «Фаустъ». Я написалъ его въ ночь передъ отъѣздомъ моимъ изъ Вѣны. Одинъ вѣнскій дилеттантъ, хорошо знакомый съ нравами страны, которую я собирался посѣтить, зашелъ ко мнѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, съ томожъ старыхъ пѣсень. «Если вы хотите полюбовиться Венграмъ, сказалъ онъ мнѣ, напишите пьесу на какой-нибудь народный ихъ напѣвъ; они будутъ въ восхищеніи, и вы, возвратившись изъ Пешта, скажете мнѣ спѣ-

собою за нхъ «эліепъ» (ура) и нхъ рукоплесканія. Вотъ вамъ цѣлое собраніе народныхъ пѣснень, выбирайте любой. «Я послушался совѣта и выбралъ тему Ракоци, на которую и написалъ извѣстный вамъ большой маршъ. Едва разнесся въ Пештѣ слухъ объ этой національной пѣснѣ, всѣ умы пришли въ національное броженіе. Всѣ думали и гадали, какъ я обработаю эту знаменитую, священную тему, отъ которой столько уже лѣтъ бьются сердца Венгерцевъ и разгораются энтузіазмомъ славы и свободы. Многіе даже безпокоились, боялись святотатства.... Само собою разумѣется, что я не только не оскорблялся этимъ сомнѣніемъ, но даже радовался ему. Притомъ оно слишкомъ оправдывалось бездною жалкихъ пошурри и разныхъ переложеній, въ которыхъ изуродованы многія мелодіи, достойныя глубокаго уваженія. Многіе венгерскіе дипломаты были, можетъ быть, свидѣтелями въ Парижѣ, какъ мы, въ свои праздники, волочили въ грязи свою Marscellaise! Наконецъ одинъ изъ нихъ, господинъ Хорватъ, главный редакторъ какого-то венгерскаго журнала, не вытерпѣвъ и пошелъ къ музыкальному издателю, съ которымъ я былъ въ сношеніяхъ по устройству концерта, узнавъ адресъ переписчика, которому поручено было выписать голоса разныхъ инструментовъ изъ моей партитуры, побѣжалъ къ нему, спросилъ рукопись, и внимательно разсмотрѣлъ ее. На другой день, Хорватъ, недовольный этимъ разсмотрѣніемъ, не могъ скрыть отъ меня своего безпокойства. «Я видѣлъ вашу партитуру марша Ракоци, сказалъ онъ» — Чтѣ же? — «Боясь» — Ба! — «Вы изложили нашу тему піано, а мы, напротивъ, привыкли слышать ее фортиссимо». — Да, когда ее играютъ цыганы. Впрочемъ, если только въ томъ дѣлѣ, будьте спокойны, будетъ вамъ форте такое, какого вы отъ роду не слыхивали. Вы плохо смотрѣли партитуру. Во всякомъ дѣлѣ надо видѣть конецъ.»

Въ день концерта, однако же, безпокойство защемило мнѣ сердце, когда пришла очередь этого дьявольскаго марша. Послѣ трубнаго звону, нарисованнаго на ритмѣ первыхъ тактъ этой мелодіи, тема, въ яростно, помните, начивается піано, флейтами и кларнетами, съ аккомпаниментомъ струнныхъ инструментовъ пиццикато. При этомъ неожиданномъ изложеніи, публика оставалась безмолвна и спокойна; но когда, въ продолжительномъ кресцено стали являться фугированныя отрывки темы, прерываемые глухими ударами турецкаго барабана, будто отдаленными пушечными выстрѣлами, зала заволновалась невыразимымъ шумомъ; когда же оркестръ, рванувшись въ бѣшеной схваткѣ, гря-

нуль такъ долго сдерживаннымъ фортиссимо зала была потрясена неистовыми криками и стукомъ; заглушаемая ярость этихъ кипучихъ душъ разразилась въ такихъ звукахъ, что у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ; мнѣ казалось, что волосы становились дыбомъ на моей головѣ, и съ этой роковой такты, я принужденъ былъ отказаться отъ конца своего марша; буря, гремѣвшая въ оркестрѣ не въ состоянн была бороться съ грохотомъ этого ничѣмъ, неупержимаго волкана. Само собою разумѣется, что надо было повторить маршъ; но и во второй разъ публика съ трудомъ успѣла удержаться двѣ или три секунды долѣе прежняго, чтобы выслушать нѣсколько тактъ коды. Хорватъ бѣсновался въ ложѣ какъ сумасшедшій; я не могъ удержаться отъ улыбки, и взглянулъ на него, какъ-будто хотѣлъ сказать: «Что жъ? еще боитесь? довольны мопмъ форте?» Хорошо я сдѣлалъ, что помѣстилъ Ракоци-индуло (такъ называется этотъ маршъ по венгерски) въ концѣ концерта; послѣ него никто бы ничего не слушалъ, и все бы пропало.

Вы можете вообразить, какъ я былъ взволнованъ послѣ подобнаго урагана. Я отиралъ себѣ лицо въ небольшой залѣ за театромъ, какъ увидѣлъ страпный образчикъ чувствъ, волновавшихъ всю залу. Вотъ какъ это было: вдругъ вбѣгаетъ въ мое убѣжище человекъ бѣдно одѣтый, съ лицомъ совершенно разстроеннымъ: увидѣвъ меня, онъ бросился ко мнѣ, принялся душить меня въ своихъ объятіяхъ, и съ трудомъ могъ пробормотать безсвязныя слова: «Ah! monsieur, monsieur! я Венгерець... бѣдный человекъ.... не говорить по-французски,.... un poco Italiano... Извините.... восхищеніе.... Ахъ!.... понимать ваша пушка... да, да.... большое сраженіе.... Въ сердцѣ.... (тутъ онъ принялся колотить себя кулакомъ въ грудь).... васъ носить... А, Французы!.... умный человекъ.... умѣть писать національная музыка!» Я не въ состоянн изобразить страпной восторженности этого человека; это было нѣчто высокое, нѣчто такое заразительное, что я самъ, хотя сначала готовъ былъ смѣяться его странной наружности, тѣлодвиженіямъ и выраженіямъ, увидѣвъ его слезы, сталъ плакать съ нимъ отъ всей души.

Вы сами догадываетесь, любезный Гембергъ, что съ-тѣхъ-поръ «Ракоци-индуло» повторялось въ каждомъ концертѣ и каждый разъ съ тѣмъ же успѣхомъ. Я даже принужденъ былъ, уѣзжая, подарить городу Пешту свою рукопись, которую тамъ желали сохранить и съ которой мнѣ мѣсяць спустя, прислали копію въ

Бреславль. Этотъ маршъ теперь играютъ въ Венгріи во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Но я долженъ предупредить капельмейстера Эркля, что я съ тѣхъ поръ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ инструментовкѣ этой пьесы и прибавилъ къ кодѣ тактъ тридцать, которыя, мнѣ кажется, усиливаютъ эффектъ. Я пошлю ему эту пересмотрѣнную, исправленную и пополненную партитуру, какъ скоро мнѣ позволитъ мой издатель. Эркль прекрасный и почтенный человѣкъ, съ замѣчательнымъ талантомъ: я слышалъ въ Пештѣ, подѣ собственнымъ его управленіемъ, его оперу «Гуниадо», которой сюжетъ заимствованъ изъ героическихъ лѣтописей Венгріи. Въ этой оперѣ множество вещей замѣчательныхъ по оригинальности и въ особенности по глубинѣ чувства. Притомъ она написана очень чисто и инструментована умно и замысловато, но изъ этого нисколько не должно заключать, чтобы въ инструментовкѣ недоставало силы. Госпожа Шодель, истинная лирическая актриса школы госпожи Браншю (школы пропавшей и которой я никакъ не ожидалъ въ Венгріи), сыѣла и сыѣграла главную роль превосходно. Я долженъ еще упомянуть о хорошемъ тенорѣ венгерской труппы, по имени Фереди. Онъ особенно хорошо поетъ, съ самою странною, но обворожительною акцентуаціею, любимыя народныя пѣсни и романсы Венгерцевъ. Надо сознаться, что при такомъ пѣвціи, онѣ полюбятся не однимъ Венгерцамъ, а каждому нареду. Концертнестъ этого театра,—скрипачъ съ большимъ талантомъ,—господинъ Коне, жилъ довольно долго въ Парижѣ и былъ даже, если не ошибаюсь, воспитанникомъ нашей Консерваторіи. Хоръ пештскаго національнаго театра очень слабъ и по числу, и по свойству, и по обработанности голосовъ. Венгерскій языкъ не неблагопріятенъ для пѣнія; онъ даже, по моему мнѣнію, далеко не такъ грубъ какъ нѣмецкій. Вотъ такъ настоящій языкъ! его никто не пойметъ, кто ему не учился. Не ищите въ немъ сходства ни съ какимъ пзвѣстнымъ языкомъ, не найдете. Даже нѣкоторыя музыкальныя выраженія, заимствованныя изъ итальянскаго языка и почти цѣликомъ перешедшія во всѣ европейскіе языки, въ венгерскомъ языкѣ замѣнены своими выраженіями, простыми или составными, по совершенно отличнымъ. Такъ, наприимѣръ, слово *концертъ*, которое почти одинаково на всѣхъ языкахъ: по-итальянски, по-испански, по-французски, по-нѣмецки, по-англійски, по-русски, на венгерскихъ афишкахъ называется... какъ бы вы думали? — Hangverseny. Это мудрое слово значить въ буквальномъ смыслѣ: *скопленіе звуковъ*.

Мои музыкальныя заботы не побижали мнѣ, въ мое непро-должительное пребываніе въ Пештѣ, быть на двухъ балахъ и на политическомъ обѣдѣ, данныхъ венгерскимъ дворянствомъ. Я ничего не видалъ великолѣпнѣе и оригинальнѣе этихъ баловъ, какъ во ихъ удивительной роскоши, такъ и по живописной странности народныхъ костюмовъ и по красотѣ гордаго мадыарскаго пле-мени. Танцы нисколько не похожи на танцы, пзвѣстные въ осталь-ной Европѣ. Наша холодная французская кадрили (franczia pégyes) играетъ самую ничтожную роль. Мазурка, тарсальго, керинго, чардашъ властвуютъ веселыми царицами. Особенною привязан-ностью аристократическихъ танцоровъ пользуется, кажется, чар-дашъ, эта усовершенствованная сельская пляска, которую вен-герскіе крестьяне пляшутъ на своихъ праздникахъ съ такимъ заду-шевнымъ весельемъ, съ такою восхитительною живостью. Одинъ брюзгливый критикъ вздумалъ-было увѣрять, что фигуры чарда-ша слишкомъ вальсы, и сравнивалъ ихъ, по моему совершенно напрасно, съ выходками безъимяннаго тавца, который запре-щенъ парижскою полиціей. Зато одному Богу извѣстно, съ какими упреками его приняли и какими взглядами его громилъ прекрасные глаза, когда онъ, въ первый разъ послѣ своей статьи, явился на балъ. На политическомъ обѣдѣ, на который я былъ приглашенъ, я имѣлъ случай видѣть и слышать ора-тора Деака, О'Коннела Венгрин, котораго имя на всѣхъ устахъ и портреть во всѣхъ домахъ. Подобно знаменитому защитнику Ирландіи, Деакъ хочетъ только постепенно добиться необходи-мыхъ его отечеству преобразованій и притомъ законными путя-ми; онъ съ трудомъ сдерживаетъ кипучую нетерпѣливость своей партіи. Онъ въ этотъ день говорилъ мало и спокойно: содержа-ніе его рѣчи я повялъ по восклицанію, которое вырвалось востро-ру у одного изъ моихъ сосѣдей, человѣка съ мрачнымъ и не-довольнымъ лицомъ: «Fabius cunctator!»

Мнѣ показали между гостями одного молодаго человѣка весь-ма выразительной наружности. — «Это Атласъ», сказалъ мнѣ гос-подинъ Хорватъ. — Атласъ? это отчего? — «Онъ поэтъ и назы-вается Гуго.»

Во время обѣда, небольшой хоръ цыганскихъ музыкантовъ, исполнялъ по своему, то есть, самымъ наивнымъ и длиннымъ обра-зомъ народныя мелодіи, которыя, перемежаясь съ рѣчами и тоста-ми, при могущественномъ содѣйствіи жгучихъ венгерскихъ винъ, воспламеняли политическую лихорадку пьюющихъ.

На слѣдующій день, я вѣстился съ своими венгерскими хозяевами. Я убѣдился еще не отдохнуть отъ столькихъ различныхъ впечатлѣній, еще полный сочувствія къ этому пылкому, разнузданному, великодушному народу. Во время пребыванія моего въ Пештѣ, Дунай усмирился, выраженіе гнѣву совершенно изгладилось съ его почтеннаго лица и онъ позволилъ мнѣ на этотъ разъ спокойно добраться по водамъ его до Вѣны. Едва я туда прѣхалъ, ко мнѣ прѣбѣжалъ дилетантъ, по совѣту котораго я нанялъ маршъ Ракоци.

Онъ былъ въ самоѣ забавномъ безпокойствѣ. «Дѣйствіе вашего венгерскаго марша, сказалъ онъ, отозвалось здѣсь, и я пришелъ къ вамъ съ просьбою: ради Бога, ни слова обо мнѣ по этому случаю. Бѣда, если узнаютъ въ Вѣнѣ, что я какимъ-нибудь образомъ повнѣсь въ сочиненіи его, мнѣ тогда не сдобровать.» Я обѣщалъ ему хранить тайну. Если я теперь открываю вамъ его имя, то потому, что полагаю, что важное дѣло давнымъ давно забыто. Его зовутъ.... Но, сказать его имя будетъ въ самоѣ дѣлѣ нескромно, пѣтъ, я хотѣлъ только напугать его.

Прощайте любезный Гёмбергъ; отпустите мнѣ скуку, которую я вамъ причинилъ тремя предлинными письмами, если вы ихъ читали; пожимаю вамъ руку, и оставляю васъ въ покоѣ мечтать подъ тѣнью вашихъ померанцовыхъ рощъ.

— Мы предполагали въ этомъ номерѣ представить читателямъ обзорѣніе новыхъ музыкальныхъ пьесъ, но, не нашедши въ нихъ ничего, заслуживающаго вниманія, поговоримъ лучше о предметѣ, къ которому всегда возвращаемся съ удовольствіемъ.

Хотя мы впродолженіи этого года такъ часто имѣли случай говорить объ издаваемомъ господиномъ Берпаромъ музыкальномъ журналѣ «Le Nouvelliste» и о прекрасныхъ пьесахъ, помѣщаемыхъ въ немъ, что могло бы даже показаться излишнимъ, опять возвращаться къ нему и напоминать о приближеніи времени подписки на слѣдующій его годъ, — однако же считаемъ это обязанностью, преимущественно для пользы тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые его еще не получаютъ. Изъ различныхъ музыкальныхъ сборниковъ и журналовъ, издаваемыхъ въ Россіи, «Нувеллестъ» отличенъ съ наружнымъ изяществомъ изданія соединяетъ и несомнѣнное внутреннее достоинство, вполне удовлетворяетъ всякому вкусу, какъ строгому, классическому, такъ и новѣйшему, блестящему, и приравненъ ко всѣмъ степенямъ музыкальнаго образованія, отъ музыки средней силы до виртуо-

за (хотя преимущественно назначается для *вѣнскихъ средней силы*). Редакторъ и издатель «Нувелиста», господинъ Бернаръ, основательный музыкантъ и, что очень важно въ настоящемъ случаѣ, музыкантъ со вкусомъ; притомъ, многолѣтній опытъ въ своемъ музыкальномъ магазинѣ, одномъ изъ богатѣйшихъ въ Европѣ, такъ познакомилъ его съ требованіями музыкальнаго міра, что подъ его редакціею можно было ожидать только превосходнаго журнала. И журналъ его дѣйствительно, въ продолженіи своего шести-лѣтняго существованія подъ его редакціею, вполне оправдалъ всѣ ожиданія. Съ каждымъ годомъ «Нувелистъ» улучшался по наружности и по внутреннему достоинству. Сначала каждый его выпускъ заключалъ три или четыре фортепіанныя пьесы; потомъ его объемъ безпрестанно расширялся. Къ прежнимъ пьесамъ присоединились русскіе и французскіе романсы, новѣйшіе танцы, особыя тетрадки легкихъ пьесъ для начинающихъ, литографія и, наконецъ, разнообразное, занимательное литературное прибавленіе, знакомящее читателей со всѣми замѣчательными явленіями музыкальнаго міра.

Наше выгодное мнѣніе о «Нувелистѣ» раздѣляютъ Листъ, Гензельтъ, Делеръ, Карлъ Майеръ, и другіе первоклассные музыканты: это видно изъ того, что, получая безпрестанно предложенія отъ другихъ издателей, они однакожъ постоянно снабжали «Нувелиста» своими новыми, неизданными сочиненіями. По этому мы смѣло можемъ, тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые пожелаютъ получать ежемѣсячно со вкусомъ и съ умомъ составленный выборъ фортепіанныхъ пьесъ, въ правильномъ и красивомъ изданіи, рекомендовать «Нувелиста», который за умеренную плату (двѣнадцать рублей серебромъ за двѣнадцать тетрадей въ годъ) даетъ имъ нотъ по-крайней-мѣрѣ въ шестеро болѣе этой суммы. Подписка приписывается въ музыкальномъ магазинѣ М. Бернара, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Паскаля.

— Какъ въ большомъ музыкальномъ магазинѣ господинна Бернара не даются ноты въ абонементъ, то господинъ Бютнеръ, долго бывшій главнымъ приказчикомъ господинна Бернара, открылъ на углу Невскаго Проспекта и Малой Ковюшенной улицы, въ домѣ Петропавловской Церкви, новое заведеніе, имѣющее цѣлью удовлетворить этой, съ каждымъ днемъ возрастающей потребности. Господинъ Бютнеръ предлагаетъ своимъ абонентамъ, при весьма умеренной цѣнѣ, очень выгодныя условія; а какъ его музыкальная бібліотека чрезвычайно богата и разнообразна, то

нѣтъ сомнѣнія, что публика съ своей стороны будетъ ревностно поддерживать это предпріятіе, — чего мы отъ души желаемъ дѣятельному и добросовѣстному учредителю.

В. ДАНКЕ.

НОВЫЯ КНИГН.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммисіонера Императорской Библиотекн на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петилья, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

- ALMANACH de GOTHA pour 1848. 1 vol. in-18, cartonné 1 r.
- BENAZET. Règne de Louis XI. Paris 1847. 1 vol. in-8. 2 r. 15 c.
- CHAMPAGNY. L'homme à l'école de Bossuet. Paris 1845. 2 vol. in-12. 1 r. 50 c.
- CHAVANNES de la GIRAUDIÈRE. La ferme-modèle, ou l'agriculture mise à la portée de tous le monde. Tours 1847. 1 vol. in-8. 1 r.
- COURNAND. Cours de littérature française à l'usage des écoles spéciales. St.-Pétersbourg 1847. 1 vol. in-8. 1 r. 50 c.
- DUPIN. Du travail des enfants qu'emploient les ateliers, les usines et les manufactures. Paris 1840. 2 vol. in-8. 1 r. 70 c.
- GOURNERIE (de la). Histoire de François I et de la Renaissance. Tours 1847. 1 vol. in-8. 1 r.
- LHERITIER et ROUSSEL. Elements populaires de chimie agricole. Paris 1847. 1 vol. in-12. 1 r.
- MERY. Le château vert. Bruxelles 1847. 2 vol. 1 r. 20 c.
- NOIRON. Des banques en France. Paris 1847. 1 vol. in-8. 85 c.
- VAN-TERNAC. Album des jeux de hasard et de combinaisons en usage dans les salons et dans les cercles. Paris 1847. 1 vol. in-12. 65 c.
- MUSÉE DE FAMILLES. Lectures du soir, 2e série, tome 4 complet. Paris 1846—1847. 1 vol. gr. in-8. 2 r. 25 c.
- NYSTEN. Dictionnaire de médecine, de chirurgie et de pharmacie. Bruxelles 1844. 1 vol. gr. in-8. 3 r.
- ORFILA. Traité de médecine légale, 4e édition. Paris 1847. 4 vol. in-8. 7 r. 15 c.
- RÉCLET. Traité de la chaleur, considérée dans ses applications, 3e édition. Bruxelles 1845. 1 vol. gr. in-8. et atlas in-fol. 10 r. 50 c.
- PONCELET. Mémoire sur la stabilité des revêtements. Liège 1845. 1 vol. in-8. 1 r. 70 c.

- *Traité de la construction des ponts-levis.* Liège 1845. 1 vol. in-8. 85 c.
- FOUILLET. *Elements de physique expérimentale et de météorologie*, 5e édition. Bruxelles 1845. 1 vol. gr. in-8. 3 r. 50 c.
- FOUJOLAT. *Histoire de Jérusalem.* Bruxelles 1847. 1 vol. in-8. 1 r. 50 c.
- SAY. *Cours complet d'économie politique.* Bruxelles 1843. 1 vol. gr. in-8. 3 r. 25 c.
- TERNAY. *Traité de tactique*, nouvelle édition, revue par Koch. Bruxelles 1840. 1 vol. gr. in-8. et atlas in-fol. 7 r.
- VIE POLITIQUE et militaire de Napoléon, racontée par lui-même au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric. Bruxelles 1841. 2 vol. gr. in-8. et atlas in-folio. 12 r.
- CHARLES (S. A. I. et R. l'archiduc.) *Principes de la stratégie*, traduit de l'allemand par Jomini. Nouvelle édition. Bruxelles 1841. 1 vol. in-8. et atlas in-fol. 6 r.
- DARU (Cte). *Histoire de Venise.* Bruxelles 1838. 2 vol. in-18. 5 r. 15 c.
- HUGO. *Histoire du droit romain*, traduite de l'allemand par Jourdan. Bruxelles 1840. 1 vol. gr. in-8. 2 r.
- ROMINI. *Histoire critique et militaire des guerres de Frédéric II*, comparées au système moderne. Nouvelle édition. Bruxelles 1841. 2 vol. gr. in-8. et atlas in-fol. 11 r.
- *Histoire critique et militaire des guerres de la révolution.* Nouvelle édition. Bruxelles 1842. 4 vol. gr. in-8. et atlas in-fol. 28 r.
- KOCH. *Histoire abrégée des traités de paix entre les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie*, ouvrage refondu et continué par Schœll. Bruxelles 1837. 4 vol. in-8. 15 r.
- LEROY. *Traité de géométrie descriptive.* 3e édition. Bruxelles 1843. 1 vol. gr. in-8 et atlas in-4. 3 r. 15 c.
- MACKELDEY. *Manuel du droit romain*, traduit de l'allemand par Beviug. 3e édition. Bruxelles 1846. 1 vol. gr. in-8. 2 r.
- MORIN. *Aide-Mémoire de mécanique pratique.* 4e édition. Liège 1845. 1 vol. in-8. 1 r. 70 c.
- ARLINCOURT (Vte d'). *La tache de sang.* Bruxelles 1847. Tome 1 et 2 in-18. 1 r. 20 c.
- BALZAC. *Le cousin Pons ou les deux musiciens.* Bruxelles 1847. 2 vol. in-18. 1 r. 20 c.
- *Le même ouvrage*, édition omnibus. 3 vol. in-18. 45 c.
- BEAUVOIR (R. de). *L'abbé de Choisy.* Bruxelles 1847. 2 vol. in-18. 1 r. 20 c.
- BODIN (Mme). *Alice de Lostange.* Bruxelles 1847. 2 vol. in-18. 1 r. 90 c.

- BONACOSMI (Cte).** La Chine et les Chinois; dédié à l'Empereur de la Chine. Paris 1847. 1 vol. in-8. 1 r. 70 c.
- CATEL.** La prison de Dartmoor, ou récit historique des infortunes et évènements des prisonniers français en Angleterre. Paris 1847. 2 vol. in-8. 4 r.
- ESSARTS.** Les chants de la jeunesse suivi du livre des pleurs. Paris 1847. 1 vol. in-12. 1 r. 15 c.
- GONDRECOURT.** Les péchés mignons. Bruxelles 1847. 3 volume in-18. 1 r. 80 c.
- LESTIBOUDOIS.** Economie pratique des nations. Paris 1847. 1 volume in-8. 1 r. 70 c.
- MALLERAIK (Cse).** Léon de Mérange; épisodes du temps de la révolution. Paris 1846. 2 vol. in-8. 4 r.
- STUCKLE.** Voies de communication aux Etats-Unis. Paris 1817. 1 vol. in-8. 2 r. 30 c.
- TEISSERENC.** Etudes sur les voies de communication perfectionnées. Paris 1847. 3 vol. in-8. 4 r 30 c.
- MÉTHODE ROBERTSON.** Nouveau cours de langue anglaise. Paris 1845 — 1847. 3 vol. in-8., 3 r. 45 c.
- Le même ouvrage, le 1er volume séparément. 85 c.
- Leçons pratiques de langue anglaise, extraites du nouveau cours. Paris 1845. 1 vol. in-8. 85 c.

PARTIES SÉPARÉMENT.

- Leçons pratiques de langue anglaise; contenant le texte avec la prononciation notée, les questions sans les réponses en regard, et les phrases sans leur traduction. Paris 1845. 2 vol. in-8. 1 r.
- Le même ouvrage; la 1er partie séparément 50 c.
- Cahier analytique de grammaire anglaise. Paris 1844. 1 vol. in-8. 60 c.
- Clef des exercices de composition du nouveau cours de langue anglaise. Paris 1846. 3 vol. in-8. 85 c.
- Dictionnaire des racines anglaises, et traité de la formation des mots. Paris 1839. 1 vol. in-8. 60 c.
- HAMILTON.** Un voyage à Londres, ou manuel de conversation, avec la prononciation notée, d'après la méthode Robertson. Paris 1843. 1 vol. in-8. 45 c.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро).

Оперы для фортепiano и пльня.

(Полныя изданія въ маломъ форматѣ).

ADAM. Le chalet (Швейцарская хижина), opéra comique, paroles françaises (4 r.).

AUBER. La muette de Portici (Fenella). Opéra, paroles françaises et allemandes (4 r. 29 c.).

BELLINI. Beatrice di Tenda (4 r. 29 c.). I Capuleti ed i Montecchi (4 r. 29 c.). Norma (4 r. 29 c.). Il Pirata (4 r. 29 c.). I Parigiani (4 r. 29 c.). La Sonnambula (4 r. 29 c.). La Straniera (4 r. 29 c.). (Tous ces opéras sont avec texte italien).

DONIZETTI. Anna Bolena (4 r. 29 c.). Don Pasquale, opéra buffa (5 r.). L'élisire d'amore, opéra (4 r. 29 c.). La figlia del reggimento (4 r. 29 c.). Il furioso (4 r. 29 c.). Gemma di Vergy (4 r. 29 c.). Linda di Chamounix (4 r. 29 c.). Lucia di Lammermoor (4 r. 29 c.). Lucrezia Borgia (4 r. 29 c.). Maria di Rohan (4 r. 29 c.). I Martiri (4 r.). (Tous ces opéras sont avec texte italien).

— La favorite. Opéra, paroles françaises (5 r. 72 c.).

HALEVY. Les mousquetaires de la reine. Opéra, paroles françaises (7 r.).

MERCADANTE. La vestale, opéra italien (4 r. 29 c.).

NICOLAI. Il templario, opéra italien (5 r. 72 c.).

PACINI. La fidanzata corsa, opéra italien (5 r.).

ROSSINI. Il barbiere di Siviglia (4 r. 29 c.). La Cenerentola (4 r. 29 c.). La gazza ladra (6 r.). L'italiana in Algeri (4 r. 29 c.). Mosé in Egitto (4 r. 29 c.). Otello (4 r. 29 c.). Roberto Bruce (5 r.). Semiramida (6 r.). Tancredi (4 r. 29 c.). Il Turco in Italia (4 r. 29 c.). (Tous ces opéras sont avec texte italien).

VERDI. Attila, opéra italien (5 r.). Ernani (6 r.). I due Foscari (6 r.). I Lombardi alla prima crociata (6 r.). Nabucodonosor (5 r.).

Оперы для одного фортепiano.

(Полныя изданія въ маломъ форматѣ).

AUBER. Fra Diavolo (2 r. 85 c.). La muette de Portici (Fenella) (2 r. 85 c.).

BALFE. Les quatre fils d'Hammon (3 r.).

- BELLINI.** *Beatrice di Tenda* (2 r. 85 c.), *I Montecchi ed i Capuleti* (3 r.). *Norma* (3 r.). *Il Pirata* (3 r.). *La Sonnambula* (3 r.). *La straniera* (2 r. 85 c.).
- BOIELDIEU.** *La dame blanche* (2 r. 85 c.).
- CIMAROSA.** *Il matrimonio segreto* (3 r.).
- DONIZETTI.** *Anna Bolena* (4 r.). *L'elisire d'amore* (3 r.). *Lucia di Lammermoor* (3 r.).
- HEROLD.** *Zampa* (2 r. c.). **MEHUL.** *Joseph* (2 r. 29 c.).
- MOZART.** *Così fan tutte* (2 r. 85 c.). *Don Juan* (2 r. 85 c.). *L'enlèvement au Sérail* (2 r.). *Figaro* (2 r. 85 c.). *La jardinière* (2 r. 85 c.). *Idomeneo* (2 r. 29 c.). *Titus* (2 r.). *La flûte magique* (2 r. 29 c.).
- Всѣ семь оперъ въ переплетѣ, съ портретомъ Моцарта, прелестнымъ заглавнымъ листомъ и либретто (11 r. 50 c.).
- ROSSINI.** *Il barbiere di Siviglia* (2 r.). *Cenerentola* (3 r.). *La donna del lago* (2 r. 85 c.). *La gazza ladra* (2 r. 85 c.). *Mosé in Egitto* (2 r. 85 c.). *Otello* (2 r. 85 c.). *Le siège de Corinthe* (3 r.). *Tancred* (2 r. 85 c.).
- SPONTINI.** *La Vestale* (2 r. 85 c.).
- WEIGL.** *La famille suisse* (2 r.).
- WINTER.** *Le sacrifice interrompu* (2 r. 85 c.).

(Выписывающіе нотъ на суммъ не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромя того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были издавы или объявлены.)

Въ магазинѣ господина Бернарда получены на дняхъ превосходныя итальянскія струны, которыя продаются по слѣдующимъ цѣнамъ: Бунтъ (30 штукъ) лучшихъ четырехъ-жильныхъ, четырехъ-навязныхъ *violin* (6 р.). Одна струна изъ такого бунта (25 к.). Бунтъ лучшихъ *violoncelle* (5 р.). Одна струна изъ такого бунта (20 к.). Бунтъ лучшихъ *tenors* (7 р.). Одна струна изъ такого бунта (30 к.). Одинъ скрипичный *basso* (25 к.). Одинъ скрипичный *basso*, серебряный, шифованный (60 к.). Одинъ аккордъ *violoncelльныхъ* струнъ (1 р. 75 к.). Одна струна А для виолончеля (30 к.). Одна струна D для виолончеля (30 к.). Одна струна G для виолончеля (50 к.). Одна струна C для виолончеля (75 к.). Одинъ аккордъ *альмовыхъ* струнъ (1 р.). Одна струна G для *альта* (25 к.). Одна струна C для *альта* (30 к.). Одинъ аккордъ для *шестиструнной гитары* (1 р. 50 к.). Одинъ аккордъ для *семиструнной гитары* (1 р. 70 с.). Одинъ *basso* (вѣнскій) для гитары (25 к.). Одинъ *фунтъ* американскаго *violin*

му (2 р. 20 к.). Одна въздухъ парижской моды, отличной доброты (50 к.). Парижскій метрономъ (15 р.). Метрономъ съ колокольчикомъ (20 р.). Одна въздухъ англійскихъ стадныхъ струнъ (2 р.).

Въ томъ же магазинѣ вышла двѣнадцатая тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: Osborne. La pluie de perles, grande valse. — Weissiger. Les balancoises. — Chopin. Valse nouvelle. — Holmшии. Le camp des gardes russes. Divertissement. — Magazzari. Нумие populaire. — Guerffert. Séraphine, mélodie. — Ferrero. Quadrille. — Czerny. Rondau sur l'opéra Belisario. — Häuten. Bolero sur l'opéra «Ne touchez pas à la reine.» — Гензельтъ. Стовъ Пакаты, романсъ. — David. Dornes, Marie, Veresuse.

МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сереб.).

=

МОДЫ.

— Для концертовъ и театра, нѣтъ лучше, нарядѣе бархатнаго платья. Бархатъ въ большемъ употребленіи вышвиную зиму.

— Для дома или гуляній ничего не можетъ-быть приличнѣе шерстяныхъ матерій, каковы китайскій атласъ, damas Cerito, drap Montpensier, —которыя, по прочности и теплотѣ, предпочтительнѣе другихъ тканей.

— Мантілин, пальто, мушкетерки, —surtoits pousquetaires, —дѣлаются теперь гораздо короче прежняго и обшиваются кружевомъ или аграмантомъ. Они такъ милы, такъ кокетливы, что заставляютъ обожать холодъ, который даетъ право закутаться въ такія хорошенькія вещицы. Вотъ какъ дѣлается одно изъ красивѣйшихъ зимнихъ одѣяній, называемое *мушкетеркой*: задъ скругленный, шорокій, передъ какъ въ пальто, только концы острые, рукава широкіе, разрѣзанные до локтей. Дѣвицы носятъ ихъ изъ drap Montpensier, а дамы изъ бархату.

— Вышивки въ большой модѣ, но ихъ охотно замѣняютъ аграмантами, которые нынче доведены до такого совершенства, что ихъ можно принять за вышивку.

— Что же касается до бальныхъ платьевъ, то прошлогодняя простота совершенно вывелась. Прежде боялись нашить какое-нибудь украшеніе на дорогую матерію, теперь, напротивъ, дама-

созвья, бархатныя, атласныя платья убираются разнообразными кружевами и лентами. Нарядныя платья дѣлаются очень открытыя, почти до конца шивва, и пустоту наполняютъ крепомъ, бархатомъ, тюлемъ, смотря по матеріи. Нѣтъ ничего лучше, легче и наряднѣе для баловъ, какъ тюлевые платья, украшенныя кружевами: эти кружева разнообразны. Лясы обшиваются двумя или тремя рядами кружевъ, послѣдній рядъ, изображая берту, доходить до самаго шивва.

— Рукава гораздо длиннѣе прежнихъ и убираются въ большомъ количествѣ лентами и кружевами. Юбки все также широки и пышны, особенно когда сдѣланы изъ крепу, газу или тюлю. Напротивъ, бархатныя или атласныя дѣлаются узкія.

Женщина со вкусомъ иначе не поѣдетъ въ Итальянскую Оперу, какъ въ бѣломъ платьѣ, но не кисейномъ или другой легкой ткани, а моарѣ, атласномъ или бархатномъ, украшенномъ рюшемъ или кружевомъ. Блонды опять въ большомъ ходу; рисунки ихъ разнообразны и не напоминаютъ болѣе тѣхъ тяжеловѣсныхъ цвѣтовъ и фестоновъ, которые мы видали въ дѣтствѣ. Вообще блонды и кружева принадлежатъ теперь къ первымъ потребностямъ жизни.

— Шляпы тѣ же, только мулиски, вмѣсто того чтобъ быть одинаковой ширины, дѣлаются различно, смотря по вкусу, и накрываются кружевными воллетками.

— *Fanchon esragnois* очень милая и нужная вещьца. Она дѣлается изъ черныхъ кружевъ и убирается бархатными розетками; ее надѣваютъ сверхъ цвѣтовъ, перьевъ, вообще сверхъ прически когда ѣдутъ въ оперу или на балъ; даже входятъ въ ней въ залу, что при хорошенькомъ лицѣ производитъ удивительный эффектъ.

— Бриллианты снова въ модѣ.

MAY 29 1940

